ЛЕГЕНДЫ

ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ™

ТРИЛОГИЯ О ХАНЕ СОЛО

• ЗАПАДНЯ В РАЮ • ГАМБИТ ХАТТОВ • ЗАРЯ ВОССТАНИЯ •

Э. К. КРИСПИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Трилогия-блокбастер впервые под одной обложкой! Захватывающие хроники приключений молодого Хана Соло, самого лихого контрабандиста и авантюриста во вселенной Звёздных Войн. Трилогия Энн Кэрол Криспин о Хане Соло включает в себя три романа — «Западня в раю», «Гамбит хаттов» и «Заря восстания», — повествующих о юности и приключениях парня, мечтавшего стать имперским пилотом. Его мечта исполнилась лишь наполовину — он стал пилотом. Пилотом «самого шустрого ведра с гайками» в Галактике — гиперпространственного корабля по имени «Сокол Тысячелетия». Эти книги раскроют читателю долгий и полный приключений путь Хана Соло от подростка, вынужденного бежать из дома, до капитана контрабандистского судна, проворачивающего самые рискованные аферы по всей Галактике; от бесшабашного джентльмена удачи до героя повстанческого Альянса, известного нам по знаменитой «Оригинальной трилогии» Джорджа Лукаса.

- ЭНН КЭРОЛ КРИСПИН
  - ○
  - ○ Давным-давно в далекой Галактике….
  - ○ КНИГА 1
    - ■ ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - ■ ГЛАВА ВТОРАЯ
    - ■ ГЛАВА ТРЕТЬЯ
    - ■ ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
    - ■ ГЛАВА ПЯТАЯ
    - ■ ГЛАВА ШЕСТАЯ
    - ■ ГЛАВА СЕДЬМАЯ
    - ■ ГЛАВА ВОСЬМАЯ
    - ■ ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
    - ■ ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
    - ■ ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
    - ■ ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
    - ■ ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
    - ■ ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
    - ■ ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
    - ■ ЭПИЛОГ
  - ○ КНИГА 2
    - ■ ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - ■ ГЛАВА ВТОРАЯ
    - ■ ГЛАВА ТРЕТЬЯ

- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- ГЛАВА ПЯТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
- ЭПИЛОГ

○ КНИГА 3
- ГЛАВА ПЕРВАЯ
- ГЛАВА ВТОРАЯ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- ГЛАВА ПЯТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
- ЭПИЛОГ

ЭНН КЭРОЛ КРИСПИН
ТРИЛОГИЯ О ХАНЕ СОЛО

© Книга 1. ЗАПАДНЯ В РАЮ Перевод Яна Кельтского (гл. 1-11), Анастасии Бугреевой (гл. 12)

© Книга 2. ГАМБИТ ХАТТОВ Перевод Яна Кельтского, Евгении Чеховской

© Книга 3. ЗАРЯ ВОССТАНИЯ Перевод Марины Чубаровой

© ООО «Азбука», 2016

Давным-давно в далекой Галактике….

КНИГА 1
ЗАПАДНЯ В РАЮ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
«УДАЧА ТОРГОВЦА»

Древняя боевая телега еще времен Войн клонов висела на орбите Кореллии, тихая и на первый взгляд брошенная экипажем. Хотя внешность бывает обманчивой. Корыто типа «Освободитель» некогда звалось «Стражем Республики», а ныне обрело новую жизнь под именем «Удача Торговца». Его выпотрошили и начинили опять — собранным с мира по винтику оборудованием, — населили сотней разумных существ, в основном гуманоидов. Хотя на данный момент бодрствовали лишь немногие из обитателей корабля, поскольку по бортовому времени здесь была ночь.

Разумеется, на мостике бдила вахта. «Удача Торговца» много времени проводила на орбите той или иной планеты, но все еще могла тряхнуть стариной и прыгнуть через гиперпространство, пусть по современным меркам это был бы весьма затяжной прыжок. Возглавлявший «семью», которая обитала на борту «Удачи», Гаррис Шрайк был строгим надсмотрщиком и следовал формальностям и протоколам. Поэтому на мостике всегда кто-нибудь нес дежурство.

Шрайка на «Удаче» слушались, капитан — не тот человек, которому перечат без веской на то причины и заряженного бластера под рукой. Шрайк царил словно деспот. Среднего роста, худощавый, он был по-своему привлекателен. Серебристо-белые виски контрастировали с черными волосами, льдисто-голубые глаза и тонкие губы редко посещала улыбка, и никогда она не была веселой. Гаррис Шрайк был умелым стрелком, а в юности промышлял охотой за головами. Хотя потом он бросил это дело; ему не хватало терпения, а в результате он постоянно терял деньги. Жирная награда, как правило, причитается лишь за живую добычу, мертвецы стоят дешевле.

Чувство юмора у Шрайка все же имелось, и ярче всего оно проявлялось, когда нужно было причинить кому-нибудь боль. Когда же он играл и выигрывал, то превращался в фонтан маниакального веселья, особенно если был в доску пьян.

Как сейчас, например. Сидя за столом в бывшей офицерской кают-компании, Гаррис Шрайк играл в сабакк и кружку за кружкой вливал в себя алдераанский эль, свой любимый напиток.

Капитан Шрайк уставился в карты, подсчитывая в уме очки. То ли не менять карг и надеяться на чистый сабакк, то ли взять еще две, а лишние сбросить в поле интерференции в центре

стола? В любое мгновение сдающий мог нажать кнопку и сменить значение карт. Коли так, он — в прогаре.

Другой игрок, косматый громила-эломин, вдруг повернул свою голову с рожками: на панели мигал огонек.

— Что-то странное на сенсорах в арсенале, капитан, — хмыкнув, гнусаво сообщил он.

Шрайк требовал соблюдения протокола, особенно по отношению к собственной персоне; находясь на борту, он даже облачался в военный мундир. Фасон кителя он сдул у кого-то из губернаторов и украсил медалями и орденами, которые подыскивал в ломбардах по всей Галактике.

Сейчас капитан поморгал, протер затуманенные элем глаза и швырнул карты на стол.

— Что такое, Брафид?

Рослый нечеловек наморщил рыльце с рожками:

— Не уверен, капитан. Сейчас показания в норме, но сигнал мигнул, как будто замок вскрыли и тут же закрыли опять. Должно быть, скачок напряжения.

С грацией и точностью движений, которых не стесняла неудобная униформа, капитан выбрался из-за стола, чтобы лично взглянуть на экран.

— Не в напряжении дело, — постановил Шрайк спустя какое-то время. — Тут что-то другое.

Он повернул голову к высокому, крепко сбитому мужчине:

— Ларрад, ну-ка глянь. Кто-то взломал замок и запустил программу-симулятор, чтобы сбить нас с толку. У нас на борту вор. Оружие у всех с собой?

Человек, с которым он разговаривал, приходился капитану родным братом. Ларрад Шрайк кивнул и похлопал по кобуре на бедре. Эломин Брафид продемонстрировал «щипач»; из всего доступного на борту арсенала лохматый инородец предпочитал именно электрошоковую дубинку, хотя мог справиться с большинством гуманоидов и голыми руками, просто сломав о колено.

Салластанка, навигатор «Удачи», вскочила, взявшись за бластер.

— Готовы действовать, капитан! — с готовностью чирикнула она.

Несмотря на скромный рост, обвислые щеки и огромные невинные глаза, Ноони Дальво была столь же опасна, как ее сердечный друг Брафид.

— Хорошо, — сказал Шрайк. — Ноони, охраняй арсенал, вдруг нашему воришке вздумается вернуться. Ларрад, активируй биосканеры, посмотрим, сумеешь ли ты опознать нашего

полуночника. Я хочу видеть, куда он направляется.

Его брат кивнул и склонился над вспомогательным пультом.

— Кореллианин, — объявил он спустя недолгое время. — Молодой, рост метр восемьдесят. Темные волосы, темные глаза, худощавый. Приборы утверждают, что опознали его. Парнишка пробирается на корму, скорее всего на камбуз.

Глаза Шрайка по холоду и голубизне не уступали ледникам Хота.

— Малыш Соло, — произнес капитан. — У кого еще хватит наглости выкинуть подобный трюк?

Шрайк разжал пальцы, опять сжал в кулак. Тускло блеснуло кольцо с камнем из деваронского кровояда.

— До сих пор я с ним цацкался, слишком он хороший гонщик. Никогда не проигрываю, когда ставлю на него. Но и у моего терпения есть пределы. Сегодня я научу сопляка уважать старших. Он пожалеет, что вообще родился на свет.

Зубы его сверкнули куда ярче перстня.

— Или о том, что я отыскал его семнадцать лет назад и привел этого плаксу в мокрых штанишках домой на «Удачу». Я терпеливый человек, великодушный и добрый... — Шрайк театрально вздохнул. — Но, Галактика свидетель, даже меня можно вывести из себя.

Он оглянулся на брата, тому что-то было не по себе.

Гаррис подумал, что Ларрад, должно быть, вспомнил последнюю взбучку, которую малыш Соло получил год назад. Парень два дня ходить не мог.

Шрайк плотно сжал губы. Мягкотелости среди подчиненных он не потерпит.

— Верно, Ларрад? — вкрадчиво поинтересовался капитан.

Брат кивнул.

Сжимая в потной ладони украденный бластер, Хан на цыпочках пробирался по узкому коридору. Когда он закончил возиться с замками на ящике с оружием, у него оставалась секунда-другая, чтобы сунуть руку внутрь и схватить первое, что попадется. А времени осмотреться и выбрать подходящее оружие не было совсем.

Он сообразил, что вспотел, когда смахнул со лба влажные пряди темных волос. Бластер оттягивал руку, да и лежал в ладони неудобно. Хану не часто приходилось держать в руках оружие, из книг он узнал лишь, как проверить заряд. А стрелять вообще никогда не стрелял. Гаррис Шрайк никому, кроме ближайших и доверенных помощников, не позволял носить оружие. Мальчик

прищурился и в тусклом свете «ночных» ламп прочитал показания на небольшой панели, откинув крышечку в самой массивной части ствола. Заряжено. Может, Шрайк дурак и громила, но со снаряжением на корабле у него все хорошо.

Даже самому себе он боялся признаться, что боится и ненавидит капитана. Хан давно усвоил, что демонстрация страха — гарантия взбучки... или чего похуже, вот и держал все при себе. Громилы и дураки уважают одно — храбрость. По меньшей мере браваду. А посему Хан Соло научился загонять страх в самую глубь ума и сердца и никогда не выпускал его на поверхность. Порой он сознавал, что страх никуда не исчез, прячется под слоями уличной наглости, и всякий раз запихивал его еще глубже.

Ради эксперимента он вскинул бластер и, прикрыв один глаз, как это делалось в фильмах, глянул вдоль ствола. Мушка легонько гуляла. Хан выругался вполголоса, сообразив, что у него дрожат руки. «Прекрати дурить, Соло. Убраться подальше с этого корыта, от Шрайка... Разве это счастье не стоит небольшого риска?»

Он машинально оглянулся через плечо, повернулся и очень вовремя нырнул под провисший кабель. Он выбрал этот маршрут, потому что тот вел в обход жилых отсеков, но коридор был до того узкий, а потолок — до того низкий, что Хана начинала терзать клаустрофобия. И не отпускало желание постоянно озираться по сторонам.

Впереди проход расширялся; значит, до цели рукой подать. Еще совсем чуть-чуть, несколько минут... Юный беглец передвигался бесшумно, словно в тапочках из меха воната. За модулем гиперпривода коридор разветвлялся, Хан свернул налево, радуясь, что можно больше не идти согнувшись в три погибели.

Дело застопорилось возле дверей на просторный камбуз, ноги словно приклеились к палубе, уши и нос заработали с двойной нагрузкой. Звуки... Да-да, именно те, которые Хан надеялся услышать! Негромкое позвякивание сковородок, чмоканье теста, перестук скалки. Ноздри щекотали ароматы — это же его любимый хлеб, вастрильская буханка. Хан крепко стиснул зубы. Если ему повезет, никогда в жизни он больше не попробует любимой выпечки.

— Дьюланна!.. Эй, Дьюланна! — негромко позвал парнишка. — Это я. Пришел попрощаться.

Рослое косматое существо, которое, вооружившись скалкой, вело с тестом неравный бой, с вопросительным рычанием повернуло голову.

По-настоящему Дьюланну звали Дьюланнамапия, и она была Хану лучшим другом с тех пор, как попала на борт «Удачи Торговца». Случилось это лет десять назад, когда мальчику было примерно девять. Юный кореллианин не имел ни малей-шего понятия о годе своего рождения, как и о родителях. Если бы не Дьюланна, он не узнал бы даже собственной фамилии.

Хан не умел говорить на языке вуки, хотя не раз пытался воспроизвести лай, рычание, ворчание и поскуливание, после чего горло саднило, а сам он чувствовал себя дурак дураком. Но понимал он его прекрасно. Со своей стороны, Дьюланна так и не осилила общегалактического, хотя понимала его не хуже родного. Поэтому общение между мальчиком и пожилой вуки, как правило, было оживленным, беглым, беспроблемным, но — занимательным.

Хан давно привык и не задумывался, как их беседы выглядят со стороны. Они с Дьюланной просто... разговаривали. И превосходно понимали друг друга. А сейчас он демонстрировал повариху украденное оружие — осторожно, чтобы даже случайно не направить бластер в сторону Дьюланны.

— Во-во! Именно сегодня ночью. Все, сваливаю с «Удачи Торговца» и назад ни за что не вернусь.

Вуки озабоченно рыкнула, продолжая рассеянно и привычно раскатывать тесто. Хан кривовато ухмыльнулся:

— Ты без толку волнуешься, Дьюланна. Конечно же, я все продумал. Скафандр я спрятал в шкафчике рядом с ангаром для грузовика-автомата, а там сейчас грузят корабль. Грузовик, как только его заправят, уйдет как раз туда, куда мне и надо.

Не прекращая возиться с тестом, повариха вопросительно гавкнула.

— На Илизию, — пояснил Хан. — Я же тебе рассказывал, забыла? Колония-монастырь близ космоса хаттов, там дают убежище паломникам со всей Галактики. Там Шрайк меня не достанет. И еще, вот смотри...

Он протянул вуки небольшой диск с голографической записью.

— Им нужен пилот! Я уже кинул им сообщение, что еду для собеседования. Все оставшиеся кредиты потратил.

Дьюланна негромко заурчала.

— Э нет, прекрати-ка, — запротестовал Хан, наблюдая, как повариха выкладывает тесто на противень и ставит в печь. — Все со мной будет в порядке. Разживусь деньгами... где-нибудь тут, на корабле. Не тревожься, Дьюланна!

Не обращая на его вопли никакого внимания, вуки зашаркала в угол камбуза; несмотря на почтенный возраст, двигалась

волосатая сутулая повариха с удивительной ловкостью и проворством. Дьюланне было почти шесть сотен лет, насколько знал Хан. Много даже для долгожителей-вуки.

Повариха исчезла за дверью в свою конурку, а через минуту появилась вновь, сжимая в когтях мешочек, связанный из шелковистой нити, очень возможно, что из собственной шерсти, если судить по виду.

Настойчиво поскуливая, Дьюланна протянула мешочек мальчику.

Хан опять замотал головой, по-детски спрятав руки за спину.

— Нет! Твоих сбережений мне не нужно! На что ты купишь билет на Илизию?

Повариха склонила голову к плечу и фыркнула.

— А ты что думала? Ты что, не приедешь ко мне, что ли? Ты что, думаешь, я оставлю тебя гнить в этом гробу, да? Шрайка с каждым годом все больше сносит с курса. На борту небезопасно. Вот доберусь до Илизии, устроюсь и сразу же пошлю за тобой. В монастыре Шрайк не посмеет нас тронуть.

Дьюланна запустила когти в вязаный кошель и пересчитала кредиты. Поделила деньги и часть вручила своему малолетнему другу. Хан сдался.

— Ну-у... ладно. Но это в долг, ясно? Я верну. Илизианские жрецы предлагают большие деньги.

Вуки заворчала, соглашаясь, протянула тяжелую лапу и взъерошила пареньку шевелюру, приведя ее в восхитительный беспорядок.

— Эй! — возмущенно завопил Хан; пусть повариха старалась как лучше, но не всегда рассчитывала силу. — Я только что причесался!

Дьюланна выдала восторженный рокот, и Хан негодующе выпрямился.

— Это кому здесь хорошо всклокоченным? Кто тебе сказал, что мне так лучше? Сколько раз повторять, что у людей «неряшливый» — не похвала?

Возмущение испарилось само собой, как не бывало, стоило Хану взглянуть на повариху. Он же еще так долго не увидит ее пушистую любимую мордочку и ласковые синие глаза! Дьюланна была самым близким и зачастую единственным другом. У Хана защемило сердце.

Не сдержавшись, юный кореллианин неистово обнял вуки, зарылся в теплую мягкую шерсть; головой Хан едва доставал поварихе до груди, а ведь когда-то он не дотягивался взъерошенной макушкой до талии.

— Я буду скучать, — приглушенно сказал Хан в шелковистую

шубу Дьюланны; глаза у него щипало. — Береги себя, пожалуйста...

Вуки негромко ворчала, гладя мальчика по спине.

— Как трогательно, — произнес с порога холодный и слишком знакомый голос.

Хан и Дьюланна повернулись к человеку, который вошел на камбуз. Гаррис Шрайк небрежно привалился к комингсу, от улыбки на его красивом холеном лице кровь стыла в жилах. Хан почувствовал, как дрожит Дьюланна — то ли от ярости, то ли от страха.

За спиной капитана топтались его брат и Брафид. Хан зло сжал кулаки. Будь капитан один, у них с вуки еще оставался шанс прорваться, но присутствие Ларрада и эломина сводило на нет любые попытки.

Вспомнился бластер, по-прежнему засунутый за пояс.

Был момент, когда Хан подумал, что неплохо бы достать оружие, но быстро передумал. Гаррис Шрайк заслуженно пользовался славой человека, которому нет равных в скорости выхватывания бластера из кобуры. Тут юнцу вообще ничего не светило, он добьется только того, что убьют и Дьюланну, и его самого. Шрайка тем временем раздувало от бешенства.

Хан облизал пересохшие губы.

— Капитан, я могу объяснить... — начал он.

Шрайк прищурился:

Что ты можешь мне объяснить, ты, жалкий трус и предатель? Кражу у семьи? Предательство тех, кто тебе доверял? Удар в спину ножом своего благодетеля, ты, сопливый воришка?

— С меня довольно. До сих пор я был с тобой терпелив, потому что ты хороший пилот и выигрывал деньги, которые всегда были кстати, но мое терпение лопнуло.

Шрайк неторопливо закатал рукава самопального кителя и сжал кулаки. Кольцо с камнем на его пальце тускло блестело в искусственном освещении.

— Давай-ка выясним, как на твое настроение повлияет несколько дней сражения с деваронским кровоядом... Думаю, ты даже не заметишь, что у тебя еще сломана пара-тройка костей. И запомни, мальчик, все это ради твоей же пользы. Когда-нибудь ты еще поблагодаришь меня.

Всем хочется быть героями, но, если на тебя не спеша движется, разминая пальцы, Гаррис Шрайк, не возникает желания ложиться грудью на амбразуры. Года два назад Хан уже попробовал врезать капитану, парень как раз тогда выиграл гладиаторский бой на Джубиларе, вот и возомнил себя всемогущим. И немедленно в том раскаялся. Быстрые и сильные

удары, которыми Шрайк угостил его в ответ на дерзость, превратили рот Хана в месиво, так что Дьюланне целую неделю пришлось кормить своего подопечного пюре с ложечки.

Вуки с рычанием шагнула вперед. Ладонь капитана легла на рукоять бластера.

— Не лезь, старуха! — не хуже поварихи рыкнул Шрайк. — Ты не настолько хорошо готовишь!

Хан повис на Дьюланне:

— Не надо!

Вуки стряхнула парня с той же легкостью, с какой отмахнулась бы от мошки, и угрожающе заревела. Капитан вытащил бластер, и начался хаос.

Хан с воплем прыгнул вперед, на ходу вспоминая приемы уличной драки. Он ухитрился ударить ногой Шрайку в грудь. Капитан громко и сипло выдохнул и свалился навзничь. Хан метнулся в сторону, мимо его уха свистнул разряд, защипало кожу.

— Ларрад! — взвизгнул капитан, как только Дьюланна двинулась на него.

Брат Шрайка вытащил бластер и направил на вуки.

— Дьюланна, остановись!

Его слова имели не больше эффекта, чем предыдущий крик Хана. В поварихе, впавшей в боевое безумие вуки, кипела кровь. С ревом, оглушившим бойцов, Дьюланна схватила Ларрада за руку, дернула, разрывая связки и ломая суставы. Хан услышал хруст и щелчки. Ларрад Шрайк вскрикнул от боли; у Хана даже собственная рука заныла, что, впрочем, не помешало юному кореллианину все-таки выхватить из-за пояса бластер и навскидку выстрелить в эломина, который с «щипачом» наготове тоже бросился в бой. Брафид завыл и повалился на пол. Хан изумился, что вообще в кого-то попал, но времени восхищаться собственной ловкостью особенно не было.

Шрайк с трудом встал. Но в руке у него был бластер, и целился капитан в голову кореллианина.

— Ларрад? — позвал Гаррис корчащееся в агонии тело на полу, принадлежащее его брату.

Ответа он не получил.

Шрайк взвел бластер и сделал шаг к Хану.

— В последний раз говорю, Дьюланна: остановись! — заорал капитан. — Или твой дружок Соло отправится к праотцам!

Хан бросил оружие и, сдаваясь, поднял руки. Дьюланна тоже остановилась, только негромко порыкивала.

Шрайк ласкал пальцем спусковой крючок. С капитана можно было писать портрет чистой, ничем не замутненной ненависти.

Он улыбался, и блекло-голубые глаза его лучились безжалостным весельем.

— За неподчинение и нападение на своего капитана, — возвестил Гаррис Шрайк, — я приговариваю тебя к смерти. Будешь гнить во всех преисподних, какие найдутся.

Хан застыл, ожидая выстрела в любую секунду, но Дьюланна не стала мешкать. Повариха взревела, оттолкнула остолбеневшего парня в сторону и бросилась на Шрайка. Разряд пришелся вуки прямо в грудь, и Дьюланна осела на палубу горой опаленной шерсти и обожженной плоти.

— Дьюланна!

Хан не ожидал от себя такой прыти, — пригнувшись, он подсек Шрайку колени. Изрыгая проклятия, капитан вторично грохнулся на спину и на этот раз с громким стуком ударился затылком о палубу. Шрайк потерял сознание.

Хан осторожно перевернул вуки. С первого же взгляда становилось понятно, что рана смертельная. Еще не сконструирован медицинский дроид, способный исцелить Дьюланну. Повариха застонала, негромко всхлипнула, вкладывая в дыхание остаток всех своих недюжинных сил. Хан приподнял ее, чтобы хоть как-то помочь. Дьюланна открыла глаза — взгляд ее был осмысленным — и негромко заурчала.

— Ну вот уж нет, я тебя не брошу! — запротестовал Хан, крепче прижимая к себе Дьюланну; из глаз катились слезы, и вуки расплывалась в озеро бурой шерсти. — Плевать я хотел на побег!

Повариха с усилием приподняла огромную волосатую лапу и осторожно сжала Хану плечо. Кореллианин с трудом разбирал поскуливание Дьюланны.

— Я знаю... знаю, ты волнуешься из-за меня.

Он специально говорил вслух, чтобы вуки знала, что он ее понимает. Повариха опять забубнила.

— ...да-да, как о своих собственных детях.

Горло болезненно сжималось.

— Я... я тоже люблю тебя. Ты мне почти как мама...

Дьюланна мучительно застонала, ее речь стала почти неразборчивой.

— Нет, — настаивал Хан. — Я тебя не оставлю, сказал же. Буду с тобой, пока... пока...

Он не смог договорить.

С намеком на прежнюю силу Дьюланна тряхнула его руку.

— Если я... — с трудом переводил бормотание поварихи Хан. — Если я умру... ничего? А, ты хочешь сказать, что, если я не уйду, ты умрешь впустую?

Вуки кивнула, укоризненно глядя на него. Юный корел-

лианин упрямо замотал головой. Как он бросит Дьюланну умирать в одиночестве? Ну нет...

Повариха слабо заворчала.

— Да, я тоже уверен, что ты окажешься в безопасном месте... сольешься с жизненной силой...

Хан пытался говорить искренне, потому что знал, что некоторые вуки истово верят в некую объединяющую все и вся силу, которая связывает воедино живые существа. Сам кореллианин полагал, что эта «сила» — по-другому ему не удавалось перевести слово с языка вуки, означающее «мощь» или «энергия», — полная чушь и белиберда.

Но Дьюланна верила в нее свято и безоговорочно, и, если вуки сейчас так будет спокойнее, Хан дискутировать не собирался. Наоборот, даже припомнил пожелание, которым повариха часто провожала его:

— Да пребудет с тобой сила жизни...

На миг он пожелал, что сам мог в это поверить.

Дьюланна застонала от боли. Она быстро теряла силы. Она еле слышно заворчала, Хан машинально перевел:

— Последнее желание...

В горле опять запершило.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас ушел... жил... и был счастлив.

Он держался из последних сил.

— Ладно, — согласился парень. — Я уйду. У меня есть еще время.

Дьюланна заскулила.

— Обещаю, — хрипло сказал Хан. — Сейчас уйду. Я никогда тебя не забуду, клянусь! Я всегда буду тебя помнить.

Повариха уже не могла говорить, но Хан был уверен, что она его слышит. Он опустил повариху на палубу, встал и подобрал бластер. Оглянувшись в последний раз на Дьюланну, Хан выбежал в коридор.

Его дробный топот гулко отдавался от переборок старого корабля; время таиться и скрываться миновало. Хан понятия не имел, каково расписание грузовика-автомата, но если судить по графику погрузки, то грузовику осталось лишь заправиться — и фьють! Когда Хан предпринял вылазку за скафандром, процесс только-только начался.

«Илизианская Мечта» могла стартовать в любую секунду.

Юный беглец, отдуваясь, мчался к шлюзу, громко топая по палубе, которая была его детской площадкой, сколько он себя помнил. Вдалеке слышались сонные голоса, крики и распоряжения.

Попадаться нельзя, капитан его разорвет голыми руками.

Уверенность в этом добавила прыти и без того быстрым ногам.

Хан заложил последний вираж и выхватил из тайника за шлангами легкий скафандр. Шлем выскользнул у него из рук и дал ему под дых, но кореллианин все равно сумел торопливо набрать код на панели замка.

Убегали секунды. Погоню уже было хорошо слышно.

Но ребята определенно думали, что беглец направляется к транспортной палубе или к спасательным капсулам. Никому и в голову не пришло, что Хан настолько безумен, чтобы лезть на грузовик-автомат... по крайней мере, он очень на то рассчитывал.

Зашипел сжатый воздух. Хан скользнул внутрь, закрыл за собой люк и принялся напяливать скафандр. Затем проверил запас воздуха. Полный баллон. Хорошо... Вообще-то, он планировал прихватить с собой парочку запасных баллонов на всякий случай, но сейчас не осмелился высунуться наружу. Воздуха в скафандре хватит на двое суток. Вот и хорошо... наверное. Все зависит от того, с какой скоростью бегает эта автоматическая таратайка. Кстати, выяснить ее курс не представляется никакой возможности. У робота не спросишь...

Хан скривился. На такой побег решаются лишь с отчаяния... А вот этого товара в его трюме навалом. В избытке. Остается лишь надеяться, что он не прибудет на Илизию молодым и красивым трупом.

Ну-ка, что у нас есть?.. Пищевые таблетки, полный комплект. Контейнер с водой... полон. Отлично. Опять-таки спасибо, капитан Гаррис Шрайк, за настоятельное требование, чтобы все корабельное оборудование находилось в превосходном рабочем состоянии.

Хан натянул скафандр поверх своего серого комбинезона, застегнул его спереди. Неуклюже, из-за перчаток, взял шлем и опасливо сунул внутрь голову. Шлем был почти целиком прозрачный, в нем было все видно, куда ни посмотри. По краю «воротника» бежала цепочка голографических символов: жизненные показатели, сколько осталось воздуха и прочая, не менее полезная информация. А если прижать подбородок к специальному рычажку, то можно «поговорить» со скафандром и выдать ему инструкции, какую температуру внутри предпочитаешь и какой воздушной смесью дышишь в это время года. И так далее.

Ну вот и все! Беглец тяжело перешагнул через высокий порог шлюза и ввел последнюю команду, чтобы выровнять давление в переходнике. Он еле слышал шипение откачиваемого воздуха. «Илизианская Мечта» — робот, ей не нужна атмосфера. Корабль «наполнен» лишь вакуумом.

Наконец-то открылся внутренний люк, и Хан взошел на борт «Мечты».

Из-за многочисленных контейнеров с грузами коридоры были очень узкие, не развернешься. «Илизианскую Мечту» проектировали без учета живого экипажа, если не считать за таковой обслуживающих ее на стоянках механиков. Кое-где Хану приходилось протискиваться бочком, благодаря судьбу, что вся корабельная машинерия нуждается в гравитации, иначе порхал бы сейчас по отсеку обезумевшей бабочкой.

Несколько раз ему доводилось бывать вместе с ремонтниками за бортом «Удачи Торговца», когда его сочли достаточно взрослым для работ по кораблю. Хан висел в космосе, привязанный к «Удаче» на первый взгляд непрочной пуповиной троса. Первые два раза кореллианин не мог опомниться от избытка впечатлений, но сама невесомость ему не понравилась, и Хан научился не смотреть «вниз». Когда видишь под ногами бескрайнее пустое пространство глубиной на многие световые годы, с головой начинают твориться странные вещи.

Хан предположил, что чем ближе к мостику, тем больше свободного места, и побрел туда. Долго идти не пришлось, «Мечта» — кораблик не слишком большой. Если ее грузовой манифест составлен верно, без ошибок, то сюда она привезла глиттерстим высокой очистки, а с Кореллии забирает местного производства запасные части для фабричного оборудования.

Хан без особого интереса полюбопытствовал, кому это заплатил Гаррис Шрайк, чтобы заполучить груз хорошего спайса, перевозками которого ведали планетарные власти и имперская Торговая комиссия.

Беглец завернул за угол — и замер на пороге ходовой рубки.

Во имя сынов Бараба, что здесь делает астродроид?

Всем известно: дроиды не умеют управлять космическими кораблями, они ведь не пилоты. Хан наморщил нос за прозрачным шлемом. Должно быть, дроид — своеобразный сторож, призванный отпугивать портовых воришек или космических пиратов. Корсары частенько зарились на автоматические гру-зовозы; и поэтому илизианским жрецам так не терпелось нанять живого пилота... и желательно с Кореллии, как говорилось в их объявлении.

Хан замер, чтобы не всполошить астродроида, и вдруг почувствовал дрожь палубы и переборок. Отстыковка! Надо бы взяться за что-нибудь, сейчас запустятся двигатели!

Беглец попятился, а затем, плюнув на осторожность, развернулся и побежал обратно в трюм. Он успел выискать наиболее подходящий закуток и — очень вовремя! — свернулся

клубком между контейнерами.

«Мечту» сотряс еще один спазм и еще один. Хан мысленно представлял, как один за другим отходят причальные захваты. Вот еще один, последний, и...

Грузовик накренился. Экипажа ему не полагалось, вот он и ускорялся грубее и небрежнее. Мысленная картина дополнилась изображением грузовоза, отваливающего от «Удачи Торговца», выходящего за пределы гравитационного поля Кореллии, активирующего маршевые... Закрыв глаза, Хан воображал, как лениво вращается рядом с ними его родная планета. Кореллия была красивым миром с небольшими синими морями, буро-зелеными лесами, золотисто-рыжими заплатками пустынь. И большими городами. На ночной стороне мерцали россыпи огней, как на боевом дроиде-шаре.

Заработали на полную мощность маршевые двигатели, перегрузка пришпилила Хана к контейнеру. Переходим на скорость света, понял он.

Через несколько секунд корабль выровнялся, и его единственный пассажир вновь обрел свободу действий. Хан расслабился, морщась и кряхтя от неожиданной боли во всем теле. Сначала он удивился, а потом сообразил, где заработал синяки и шишки, и с грустью вспомнил о Дьюланне. Глаза опять защипало, Хан прикусил губу, чтобы не расплакаться по-настоящему. Не слишком разумно распускать нюни в герметичном скафандре, лица-то не вытрешь.

Хан шмыгнул носом. Дьюланна обменяла свою жизнь на его свободу.

«Ну-ка соберись и приди в себя, Соло!» — приказал себе юный кореллианин. Горло саднило, Хан сглотнул и принялся остервенело терзать зубами нижнюю губу, пока не ослабло желание пустить слезу. Он не помнил, когда плакал в последний раз, да и какой в слезах прок? Дьюланну ими не вернешь...

Она верила в жизнь после смерти, и, если вуки права, может быть, она сейчас его слышит?

— Эй, Дьюланна, — прошептал Хан. — У меня все путем. Я лечу на Илизию и стану лучшим пилотом в этом секторе. Выучусь, заработаю кучу денег и поступлю в академию, как мы с тобой и мечтали. Я свободен, Дьюланна... — Голос сорвался. — Мы с тобой в безопасности, Дьюланна. Шрайк теперь нас и пальцем не тронет...

Забившись в угол, мальчик решительно улыбнулся сквозь слезы. «Я свободен и обязан тебе жизнью, — думал он. — И никогда не забуду о долге. Если выпадет шанс помочь кому-нибудь из твоего народа, то, клянусь любым богом, силой жизни,

чем угодно, я ни на миг не задумаюсь».

Хан вдохнул «консервированный» воздух из баллона.

— Спасибо тебе, Дьюланна...

Где бы она ни была, она его слышала. Хан не сомневался.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ИЛИЗИАНСКИЕ МЕЧТЫ

Очнувшись от изнурительного сна, Хан поначалу ничего не понял. «Где это я?» — зашевелилась в нем недоуменная мысль. Потом вернулась память, и сцены торопливо начали сменять друг друга: бластер, зажатый в дрожащей неуверенной руке... перекошенное от злобы и ненависти лицо Шрайка... хрипящая в агонии Дьюланна умирает в одиночестве...

Горло царапал комок. Дьюланна была рядом с тех пор, как Хан был совсем маленьким, лет восьми или девяти. Он вспомнил день, когда вуки появилась на их корабле вместе со своим мужем Исшаддиком, которого изгнали с планеты за какие-то проступки. Хан не знал за какие, потому что Дьюланна не любила разговоров на эту тему, хотя и последовала за мужем, бросив все, что любила, — свой дом и взрослых отпрысков.

Через год или около того Исшаддика убили во время перевозки контрабанды на Нар-Хекку, и Шрайк заявил Дьюланне, что она может остаться на борту «Удачи Торговца» в качестве поварихи. Капитану нравилась ее стряпня. Вуки могла бы вернуться на Кашиик — она ведь не совершала преступлений, — но не уехала.

«Это все из-за меня», — подумал Хан, отыскал патрубок водяного контейнера и сделал осторожный пробный глоток. Затем он сжевал пару питательных таблеток и запил их вторым глотком воды. Не еда, конечно, но протянуть можно... «Дьюланна осталась из-за меня. Хотела защитить от Шрайка...»

И это правда. Всей Галактике известно, что преданнее и упрямее товарищей, чем вуки, нет никого. Их верность и дружбу заслужить нелегко, но если ты их удостоишься, то уж навсегда.

Хан прислонился к переборке, проверил запас воздуха. Осталось три четверти баллона. Интересно, куда залетела «Мечта», пока он спал? Скоро он сходит в рубку, надо узнать, не сумеет ли он поладить с автопилотом.

Но пока Хан невесело вспоминал Дьюланну, потом забрался в воспоминаниях в более ранние дни. Самые первые, «настоящие» воспоминания (все до того — бессмысленные фрагменты, обрывочные образы, слишком давние и разрозненные, чтобы иметь значение) начинались в тот день, когда Гаррис Шрайк привел на «Удачу Торговца» очередного найденыша...

Ребенок скрючился у входа в грязный вонючий проулок и пытался сдержать слезы. Он слишком большой, чтобы плакать, нет? Ну да, он замерз, он голоден и одинок. Мальчишка вдруг подумал, а почему же рядом нет никого, но при этой мысли как будто захлопнулась огромная металлическая дверь, отрезав все, что скрывалось за ней. За дверью пряталась опасность, там таилось... зло. Боль и... и...

Парнишка мотнул головой, длинные сальные волосы упали ему на лицо. Он смел челку рукой, такой грязной, что невозможно определить, каким цветом кожи наградила мальчишку природа. Одет беспризорник был в пару драных штанов и ветхую безрукавку, которая была ему мала. Ноги его были босы. Ходил ли он когда-нибудь обутым?

Кажется, он помнил какие-то ботинки. Хорошие ботинки, красивые, прочные, ботинки, которые кто-то надевал ему на ноги и помогал зашнуровывать. Этот кто-то был ласков, он улыбался, а не скалился, он был чистый и хорошо пах, носил красивую одежду...

Бум!

Опять хлопнула дверь, и малыш Хан (свое имя он знал, но и все, с именем ничего не вязалось) сморщился от горя. Лучше следить за мыслями, не давать им воли. Эти мысли и воспоминания — плохие, они делают больно... нет, лучше вообще не думать.

Он шмыгнул и без особого результата вытер сопливый нос. Только сейчас мальчик сообразил, что стоит в грязной луже, просто ноги так замерзли, что он их почти не чувствует. Темнело, и ночь обещала быть зябкой.

Больно кусался поселившийся в желудке голод. Мальчишка не помнил, когда в последний раз ел. Может быть, этим утром, когда отыскал в куче мусора кавасу, сочную, зрелую, целую половинку. Или это было вчера?

Парнишка решил, что нельзя понапрасну стоять на углу. Надо двигаться. Хан выбрался из проулка. Попрошайничать он умел... кто научил его?

Бум!

Да и какая разница кто, главное, что он оказался способным. Скорчив жалобную гримасу, мальчик зашаркал к первому же прохожему.

— Умоляю вас, госпожа... — захныкал беспризорник. — Я есть хочу, я очень хочу есть...

Он протянул руку. Женщина, к которой он обращался, сбавила шаг, глянула на чумазую ладонь и в ужасе отшатнулась, подобрав юбки, чтобы не коснуться побирушки даже краем

подола.

— Госпожа... — выдохнул мальчик ей вслед, разглядывая женщину не только с профессиональным интересом.

На ней было красивое платье, мягкое и переливающееся, даже вроде бы как светящееся в бьющем в глаза свете фонарей кореллианского портового городка.

Женщина напоминала кого-то — гладкой кожей, большими темными глазами, волосами...

Бум!

Мальчик всхлипнул от безнадежности и горя.

— Эй ты! — пробился сквозь высокую стену его несчастий резкий, но дружелюбный голос. — Эй, Хан!

Шмыгая и захлебываясь слезами, паренек поднял голову и увидел перед собой высокого мужчину. От черноволосого голубоглазого незнакомца пахло алдераанским элем и дымом от доброй полудюжины запрещенных наркотиков, но, в отличие от многих прохожих, он уверенно и твердо держался на ногах.

Мужчина понял, что завладел вниманием маленького попрошайки, и опустился на корточки; теперь они смотрели друг другу в глаза.

— А ты не великоват, чтобы плакать на улице, а? Ты уже большой парень.

Мальчик кивнул, он все еще хлюпал носом, но старался взять себя в руки.

— Д-да... да. Большой.

Он сначала шепелявил; насколько он помнил, так было, когда он только научился говорить. А научился он давно, очень давно, тогда еще было очень холодно. И скоро опять будет холодно, то есть говорить он умеет уже...

Бум!

Мальчишка опять задрожал, когда память наотрез отказалась вытаскивать из своих глубин давнишние события. На поверхность всплыло что-то другое, то, что он сначала упустил, занятый собственными бедами и переживаниями. Его же окликнули по имени! Откуда этот человек знает, как его зовут?

— К-кто... ты кто? — прошептал мальчишка, стуча зубами от холода. — Мое имя... как?

Мужчина весело ухмыльнулся, блеснули зубы. Должно быть, он считал свою улыбку дружелюбной, но бродяжку опять затрясло. Оскал напомнил ему о стае каноидов, которые охотятся по ночам в темных портовых закоулках.

— Я многое знаю, малыш, — сказал незнакомец. — А ты называй меня капитаном Шрайком. Выговорить-то сумеешь?

— Д-да... Капитан Шрайк, — неуверенно повторил

окоченевший мальчишка и икнул. — Но... мое имя? Откуда ты знаешь?

Мужчина протянул руку, как будто собирался взъерошить новому знакомцу волосы, заметил, похоже, грязь и обитателей юной головы и передумал.

— Ты удивишься, мой мальчик. Я знаю практически все, что творится на нашей Кореллии. Я знаю, кто потерялся и кто нашелся, кто продается, а кто покупается и кто где похоронен. Собственно, я давно положил на тебя глаз. Ты вроде бы смышленый парнишка. Скажи мне, ты умный?

Маленький попрошайка выпрямился, задумчиво разглядывая капитана.

— Да, — подтвердил он, сдержав дрожь. — Смышленый.

Вот уж в этом он не сомневался! Глупые на улице и месяца не протянут...

— Да это же просто здорово, парень! Что за молодец! Что ж, для умных ребят я найду работенку. Хочешь пойти со мной? Я дам тебе много еды и теплое место для сна. — Капитан опять ухмыльнулся. — И держу пари, тебе не терпится посмотреть на мой корабль.

Он указал в потемневшее небо.

Мальчик с жаром кивнул. Еда? Постель? И особенно...

— Настоящий корабль? Космический? Хочу! Я пилотом буду, когда вырасту.

Капитан рассмеялся и опять протянул руку:

— Тогда добро пожаловать в семью.

Грязные пальцы утонули в широкой ладони капитана, и мальчик вместе с мужчиной направились в космопорт...

Хан поерзал, тряхнул головой. «Не надо было идти с ним. Если бы я тогда не согласился, Дьюланна была бы жива...»

Но если бы он не пошел со Шрайком в ту ночь, то одним прекрасным утром проснулся бы на задворках и выяснил, что врельты отгрызли ему нос и уши, как случилось с одной из девчонок из «спасенных» Шрайком сирот.

Хан невесело усмехнулся. В Гаррисе Шрайке нет ни капли жалости и сострадания. Капитан собирал детей, чтобы богатеть с их помощью. Почти на каждой планете, которую посещала «Удача», Шрайк выгружал группу таких вот найденышей и выпускал их слоняться по улицам под присмотром дроида, которого лично же запрограммировал. F8GN распределял «рабочие» участки и отслеживал дела у ребят, которые просили милостыню или «инспектировали» карманы прохожих.

Попрошайничать посылали самых маленьких, тощих и уродливых. Лучше всех справлялась Даналис, та самая девчонка, пострадавшая от врельтов. Шрайк заставлял ее работать за троих, несколько лет подряд обещая, что, как только она заработает много денег, ее отправят в специальную клинику, где исправят лицо, чтобы Даналис снова походила на человека.

Но слова капитан не сдержал. Когда Даналис стукнуло четырнадцать, она, видимо, сообразила, что Шрайк и не собирался выполнять обещание. Как-то ночью по корабельному времени она забралась во внешний воздушный шлюз «Удачи Торговца» и разгерметизировала его. Вот только скафандр не надела...

Хан входил в команду, посланную чистить шлюз. До сих пор его передергивало от воспоминаний.

Бедняга Даналис... Хан легко мог представить, как она вручает дроиду дневной улов. Их механический надсмотрщик был высокий, похожий на веретено, с корпусом из красноватого с оранжевым отливом металла. Его столько раз ремонтировали, что заплатки накладывались на заплатки: золотистые, темно-красные, серовато-белые. На макушке красовалась серебристая.

Хан вспомнил голос дроида. У робота были вечные неполадки с вокодером, и его тембр гулял от густых басов до металлического визга. Но каким бы голосом ни разговаривал дроид, его подопечные слушали его во все уши.

— А теперь, милые крошки, все запомнили границы участков?

Пестрый дроид ворочал головой на тронутой ржавчиной шарнирной шее, разглядывая восьмерых ребят с «Удачи Торговца», которые выстроились перед ним в шеренгу.

Все дети, в том числе и пятилетний Хан, подтвердили, что да, запомнили.

— Что ж, милые крошки, — продолжил дроид, перескакивая с басов на дискант. — А теперь разбираем задания. Падра...

Робот смерил взглядом мальчишку годом старше Хана.

— Сегодня тебе дается возможность продемонстрировать нам, какую помощь ты можешь оказать несчастным жителям этого города, отягощенным драгоценностями, кошельками и дорогостоящими комлинками.

Фоторецепторы дроида жутко блестели. Они были разного цвета; один давно перегорел, и Шрайк заменил его линзой, вывинченной из выброшенного на свалку робота. Поэтому один глаз был красный, второй — зеленый.

— Хочешь ли ты помочь добрым горожанам, Падра? — поинтересовался дроид, вопросительно воздевая металлический цилиндр головы; голос его сочился искусственным дружелюбием.

— Уж точно! — воскликнул мальчик, победно оглядывая других ребятишек, а затем прошептал сам себе, едва слышно, но восторженно: — Все, с милостыней покончено! Она — для молокососов.

Хан, который только начал осваивать тонкое искусство обшаривания чужих карманов, испытал укол зависти. Если поднатореть, карманничество — плевое дело. И так гораздо легче выполнить дневную норму, устанавливаемую дроидом, чем выклянчивая у прохожих деньги. Если ты попрошайка, то тебе нужно удачно переговорить с тремя — как минимум — жертвами, чтобы получить с одного.

А вот карманник быстро набирает крупную сумму!

Если выбрал верную цель, то за один прием берешь столько, что еще до полудня сдаешь роботу выручку и бежишь играть. Интересно, если Хан быстро справится с сегодняшним заданием, может, дроид позволит ему потренироваться?

Практиковаться на пегом, веретенообразном дроиде было весело, потому что он уморительно выглядел в одежде. Робот натягивал на себя типичное для какой-нибудь местности верхнее платье и принимался расхаживать мимо ученика. Хан научился избавлять учителя от спрятанных кошельков, хронометров и даже порой драгоценностей так, что дроид не замечал прикосновения его стремительных пальцев.

Но пока еще не на сто процентов. Отправляясь на «рабочее место», Хан недовольно бурчал. Робот требовал от своей малолетней шайки превосходства во всем, а в воровстве — особенно. Дроид никого не переведет в другую категорию, если не все попытки будут удачны.

Без долгих раздумий Хан набрал пригоршни грязи, втер ее в ладони и размазал по потной физиономии. Ну и на какой он планете? Вроде бы при нем ее никак не называли. Местные жители отличались зеленой пупырчатой кожей, маленькими подвижными ушами и крупными темно-фиолетовыми глазами. Хан знал на их языке всего несколько слов, но на память не жаловался и учился быстро, а потому был уверен, что к тому времени, как «Удача Торговца» вновь тронется в путь, будет и понимать, и вполне бегло говорить на здешнем наречии — по крайней мере, на жаргоне трущоб.

Ну, где бы он ни был, а погоды здесь жаркие. И влажные. На блеклом зеленовато-голубом небе тлело оранжевое солнце. Перспектива провести на улице несколько часов, хныча и клянча

монеты у прохожих, не радовала. «Ненавижу попрошайничать. Вот вырасту, пусть шлют воровать, — размышлял мальчишка. — Какой из меня попрошайка... А вор получится очень даже приличный».

Так, внешность в норме, только волосы разлохматить. За последнюю пару лет Хан вытянулся, хотя ребра все так же выпирали из-под кожи, хозяина их разве что ветром не сдувало. Еще за это время он безуспешно пытался научиться говорить подобострастно, так, будто отчаяние довело его до края. Без толку.

Наверное, все дело во взгляде, не иначе. Наверное, по его глазам сразу видно, как ему противно и стыдно унижаться. Никто не уважает попрошаек, а Хан жаждал уважения к себе едва ли не больше всего на свете.

Не простого уважения — положения в обществе. Он ничего не помнил о жизни до мгновения, когда Гаррис Шрайк отыскал его на портовых задворках, но все равно жил в уверенности, что раньше у него все было иначе.

Когда-то ему говорили, что попрошайничать стыдно, а красть... ну а красть — еще хуже. Хан сердито закусил губу. Кто-то — наверное, родители, которых он не помнил, — обо всем с ним беседовал. Когда-то очень давно его учили другому... и по-другому.

А сейчас... Что он мог поделать? На борту «Удачи Торговца» существовало одно главное правило. Если не работаешь, то попрошайничаешь или воруешь. Если отказываешься работать, попрошайничать и воровать, то не ешь. Хан ничего не умел делать. Он был слишком мал, чтобы летать, слишком слаб, чтобы грузить контейнеры и мешки с контрабандой.

«Но не вечно же я таким буду, — напомнил он сам себе. — Я вырасту, скоро я стану большим, лет через пять. Тогда мне будет целых десять лет. Может, тогда я буду достаточно взрослый?»

Он уже выяснил: если настроиться на какое-то дело, все обязательно получится. И полеты не исключение.

«И тогда я улечу отсюда». Мысли автоматически переключились на старую мечту, о которой Хан никому не рассказывал. Как-то раз он исповедался одному из мальчишек, а тот, паршивый врельт, разболтал всему кораблю. Шрайк и остальные ребята несколько недель успокоиться не могли, а Хану больше всего хотелось забиться под койку и зажать уши ладонями, чтобы не слышать их хохота и издевок. Потребовалось немало сил, чтобы равнодушно пожимать плечами в ответ и делать вид, будто ему все равно.

«А когда лучше меня пилота не станет, я заработаю кучу

денег и поступлю в имперскую академию. Стану флотским офицером, вернусь, отыщу Шрайка, арестую его, и он прямиком загремит в рудники на Кесселе. И там сдохнет...» От последней мысли губы мальчишки кривились в хищной ухмылке.

Богатая кореллианская фантазия рисовала успешного во всех делах, уважаемого пилота, лучшего пилота в Галактике, владельца собственного корабля, с кучей верных друзей и кучей денег. И семьей. Во-во, настоящей семьей. Красивой женой, которая обожает его и разделяет с ним приключения. Дети, наверное, тоже будут. Этот пункт мальчик еще не обдумывал детально, но в одном был уверен наверняка: он станет хорошим отцом. Не из тех, кто бросает детей на улице... Он их не оставит, как оставили его.

По крайней мере, Хан полагал, что его бросили, хотя так и не сумел ничего вспомнить. Он даже фамилии своей не знал и поэтому не сумел разыскать родственников. А может, его родители вовсе не отказывались от него?

Вдруг их убили? Или его похитили, отняли у них? Хан решил, что, пожалуй, этот вариант предпочтительнее. Если считать, что маму с папой убили, то на них и рассердиться нельзя, ведь они же не виноваты, что умерли. Они не хотели.

Сказано — сделано. Хан стал думать, что родители погибли. Так действительно было легче.

Правды он наверняка не узнает. В курсе прошлого один Гаррис Шрайк. Капитан постоянно твердит: если Хан будет вести себя хорошо, будет слушаться, хорошо попрошайничать, заработает много денег, то однажды Шрайк поделится с ним секретом, расскажет, как маленький мальчик очутился один на портовых задворках.

Хан плотно сжал губы. «Во-во! Жди, как же! Даналис ты гоже наобещал с три короба».

Он посмотрел на таблички с названиями улиц. Читать на местном языке он не умел, но внизу был написан перевод на общегалактический. Да, это его участок, полный ажур.

Мальчик сделал глубокий вдох, скроил жалобную мину.

К нему приближалась зеленокожая аборигенка в коротком модном плащике.

— Госпожа... — заныл Хан, семеня к ней и протягивая перепачканную ладонь. — Прошу вас, прекрасная добрая госпожа, помогите... всего один кредит, я так хочу есть...

Зеленые ракушки небольших ушек дернулись, потом женщина отвернулась и ускорила шаг.

Мальчик отпустил ей вслед парочку нелестных эпитетов из репертуара контрабандистов и стал ждать следующего клиента.

Хан заставил себя подняться. Время пойти и проверить, как идут дела в рубке «Илизианской Мечты».

Выкарабкавшись из убежища, юный кореллианин прошел через скромный, но запутанный лабиринт коридоров на мостик, где по-прежнему бдел астродроид, пусть и приглушив фоторецептор, словно о чем-то задумался. Дроид был типа R2, относительно новый, зеленые и серебристые полосы сияли свежей краской, а купол «головы» не украшали царапины и вмятины. К бортовому компьютеру от астродроида тянулся кабель.

Должно быть, страж был оборудован датчиком движения, потому что повернул «голову», когда Хан, собравшись с духом, отважно вошел в рубку.

Дроид ошалело заморгал фоторецептором, и юный беглец сообразил, что неплохо бы включить динамик скафандра, так как звук через вакуум не распространяется, а посему заполошные пронзительные «би-ип», «уип-ир-руип» и «блип-блип» все равно не слышно.

— Уи-и блюи-уип-ип уип-уип-уир-уип! — удивленно заявил астродроид и продолжал в том же духе.

Хан огляделся по сторонам. Где-то здесь должен быть дополнительный коммуникационный модуль, но ничего не было. Кореллианин вздохнул. Ну ладно, передатчик скафандра позволит ему сказать пару слов своему механическому спутнику, но что толку? Как, хотелось бы знать, он должен общаться с озабоченным R2 без переводчика? И как, интересно, это делал тот, кто программировал дроида?

— Эй ты!

Блур-ри уип, би-ип уирр! — с готовностью отозвался R2.

Юный кореллианин нахмурился и для разминки обругал астродроида на родианском, на жаргоне вольных торговцев и, в конце концов, на общегалактическом.

— И что мне теперь делать? — проворчал он, успокоившись. — Если бы ты умел говорить!

— Но-я-умею-говорить, — лишенным интонации голосом пробубнил астродроид.

Некоторое время Хан растерянно хватал ртом воздух.

— Ну ты даешь! Как это у тебя получается?

— На-борту-корабля-нет-места-для-астродроида-и-модуля. Мои-хозяева-встроили-модуль-в-меня.

— Здорово! — с облегчением выдохнул беглец.

Хан недолюбливал дроидов, но по крайней мере теперь у него появился собеседник, а это уже кое-что. Космические

перелеты скучны и до неприличия безопасны… но ведь бывают исключения, правда.

— Мне-очень-жаль, — добавил по собственному почину R2. — Вы-виновны-в-незаконном-вторжении. Вам-запрещено-здесь-находиться.

— Сам знаю, — не стал отпираться Хан. — Я вроде как автостопом путешествую.

— Прошу-меня-извинить-данный-модуль-не-понимает-этого-термина.

Хан обозвал дроида консервной банкой с пережаренными контактами.

— Прошу-меня-извинить-данный-модуль-не-понимает…

— Сопло заткни! — взревел кореллианин.

R2 послушно умолк. Хан сделал глубокий вдох.

— Ладно, R2. Я — безбилетный пассажир, доволен? Такое слово в твоем банке данных имеется?

— Да-оно-там-есть.

— Вот и славно. Я нахожусь без билета на этом корабле, потому что мне необходимо добраться до Илизии. Я собираюсь наняться пилотом к тамошним жрецам, ясно?

— Да. Тем-не-менее-должен-проинформировать-что-в-мои-обязанности-входит-охрана-данного-корабля-и-его-груза. Когда-мы-прибудем-на-Илизию-я-должен-запечатать-все-люки-и-проинформировать-своих-хозяев-что-вы-находитесь-на-борту-и-ждете-ареста-службой-безопасности-колонии.

— Да сколько влезет! — беспечно отмахнулся беглец. — Как только жрецы убедятся, что я подхожу им по всем параметрам, они и полхвоста врельта не дадут за то, как я здесь очутился.

— Прошу-меня-извинить-данный-модуль-не…

— Заткнись.

Хан посмотрел, что у него с кислородом.

— Знаешь, R2, мне хотелось бы взглянуть на полетный план, а заодно узнать нашу скорость и подлетное время к Илизии. Выдай информацию на экран, пожалуйста.

— Сожалею-но-я-не-уполномочен-предоставлять-вам-эти-сведения.

Хан медленно закипал внутри скафандра, он с трудом сдерживал желание пнуть непокорного дроида тяжелым магнитным башмаком.

— Мне нужно узнать курс, скорость и подлетное время, потому что мне необходимо высчитать, через сколько часов я сыграю в последний прыжок от нехватки кислорода.

— Прошу-меня-извинить-данный-модуль…

— Заткнись! — Он вспотел, охлаждающий контур скафандра

заработал на больших оборотах. Хан с не меньшими усилиями пытался сохранить хладнокровие.

— Слушай меня внимательно, R2. В тебе имеется программа, которая требует сохранять жизнь разумных существ?

—Да-подобная-программа-обязательна-для-всех-астродроидов. Причинение-преднамеренного-вреда-или-отказ-в-помощи-разумному-существу-означает-что-оперативные-системы-должны-быть-изменены.

— Очень мило с твоей стороны. А теперь заруби себе на... то есть уясни, что если ты не покажешь мне курс, скорость и подлетное время, то будешь виноват в смерти разумного существа, то есть меня. Я задохнусь и умру. Все ясно?

— Уточните-пожалуйста.

С безраздельным терпением, сам себе удивляясь, Хан объяснил ситуацию. Когда он закончил, дроид немного помолчал, очевидно предаваясь размышлениям. В конце концов R2 озабоченно чирикнул и сказал:

— Повинуюсь-вашему-требованию. Сведения-будут-выведены-на-экран-диагностики.

Хан вздохнул с облегчением. Раньше ему как-то не приходило в голову, что если корабль по сути гигантский робот, то пульт управления ему не положен. Но для механиков, которые обслуживают грузовик в портах и на космических станциях, предусмотрели один экран. Хан уставился на него.

Цифры бежали по дисплею наперегонки. Кореллианин сердито оглянулся.

— Верни к началу и на этот раз держи на экране данные до тех пор, пока я их не прочитаю! Понял меня?

— Так-точно, — с подозрительным смирением отозвался астродроид.

Несколько минут Хан изучал цифры и графики, а легкое беспокойство тем временем перерастало в панический ужас. Писать было нечем и не на чем, разве что пальцем на переборке, к навигационному компьютеру доступа не было, но у кореллианина все равно появилось очень нехорошее предчувствие. Покусывая губу, он взялся считать в уме, еще раз и еще.

Курс «Илизианской Мечты» был проложен в обход секторов, кишмя кишевших пиратами, а плелся небольшой грузовик так, что хотелось покраснеть от стыда за его механиков. Даже престарелая «Удача Торговца» и та ходила быстрее.

Плохо. Никуда не годится. Если не изменить скорость и курс, воздух в баллоне закончится за пять часов до того, как посадочные лапы «Мечты» зароются в почву Илизии. А на борту грузовика будет весьма симпатичный свежий труп.

— Ты обязан мне помочь, R2. Если мы не сменим параметры, мне не хватит кислорода. А если мне не хватит воздуха, я умру. Угадай, кто будет виноват?

Астродроид замигал фоторецептором, обдумывая вопрос. Потом сказал:

— Но-меня-не-известили-о-вашем-присутствии-на-борту. Я-не-могу-отвечать-за-вашу-смерть.

— Э нет! — Хан замотал головой внутри шлема. — Не пойдет, R2. Хочешь логики, будет тебе логика. Если тебе стало известно о ситуации, а ты все равно ничего не делаешь, значит ты и есть причина моей смерти. Гибели, между прочим, разумного существа. Тебе это надо?

— Нет, — быстро сказал астродроид.

Механический монотонный голос зазвучал напряженно, огоньки на корпусе заморгали быстрее и истеричнее.

— А следовательно, — продолжал неумолимый кореллианин, — ты должен всеми своими шестеренками и реле ратовать за то, чтобы я остался жив. Верно говорю?

— Я... Я... — Дроид задрожал всем корпусом от возбуждения, он перетаптывался и моргал. — Я-не-могу. Программа-конфликтует-с-системой.

— Это как?

Вот тут Хан всполошился не на шутку. Если эта малорослая консервная банка перегорит от напряжения, можно сразу же вешаться. Сам он ни за что не отыщет панели ручного управления. Она же крошечная и нужна-то лишь для того, чтобы техники смогли проверить автопилота.

— Мои-программы-запрещают-мне-сообщить-вам...

Хан одним прыжком оказался возле маленького астродроида и опустился перед ним на колени.

— Чтоб ты сдох! — Он с силой опустил кулак на макушку R2. — Я умру, понимаешь ты или нет?! Говори!

Малыш так раскачивался, что Хан испугался, не рассыплется ли он на части от эмоциональной перегрузки.

— В-меня-вставлен-блок-ограничитель, — скороговоркой проверещал дроид. — Он-мешает-выполнить-вашу-просьбу!

Блок-ограничитель, э? Хан ухватился за информацию как за соломинку. Ну и где же он, давай посмотрим?

Искомое обнаружилось быстро, в нижней части корпуса. Хан ухватился за блок, дернул.

Ничего. Даже с места не сдвинул.

А если повернуть? Кореллианин закряхтел от натуги и покрылся холодным потом, вообразив, сколько молекул ценного кислорода израсходовал зря. Ему говорили, что умирать от

удушья не так уж и больно (если сравнивать с взрывной декомпрессией или поджаренными бластером внутренностями), но он не испытывал ни малейшего желания выяснять на собственной шкуре, так ли это на самом деле.

Блок продемонстрировал твердость и упорство характера. Хан трудился, проклиная врага на десятке чужих языков, но упрямая деталь не спешила сдаваться.

«Ах ты так, да? Ничего, я все равно тебя выковыряю!»

Хан обшарил рубку, но ничего подходящего под руку не попалось, даже элементарного гаечного или разводного ключа.

Тут он вспомнил про бластер, который остался лежать на полу в его тесном убежище.

— Жди здесь, — велел Хан астродроиду и отправился протискиваться по узким коридорам.

Стрелять внутри космического корабля, даже внутри космического корабля с нулевым внутренним давлением, — не лучшая из идей, но делать нечего.

Вернувшись, Хан подверг бластер детальному изучению. Мощность — на минимум, луч узкий. Непослушными руками в толстых перчатках пусть даже легкого скафандра сложно настраивать оружие, и кореллианин это только что осознал.

R2 неистово переливался огнями, наблюдая за подготовкой.

— Разрешите-спросить-что-вы-намерены-предпринять?

— Избавиться от ограничителя, чего же еще? — сумрачно оповестил малыша Хан, прицелился и осторожно нажал на крючок.

Маленький дроид заверещал так, будто его четвертовали. Узкий направленный луч клюнул его в бок, блокиратор выпал на палубу, а на отполированном металлическом корпусе остался безобразный черный ожог.

— Готово! — сообщил донельзя довольный Хан. — А теперь, R2, будь хорошим мальчиком и скажи, где на этом корыте прячут ручное управление.

Дроид послушно выдвинул шасси и покатил к приборным панелям, волоча за собой кабель. Хан пошел следом и вскоре уже сидел на корточках перед небольшим пультом. В скафандре он чувствовал себя увальнем.

Следуя указаниям астродроида, он снял кожух и принялся изучать игрушечный набор клавиш и рычагов.

Никто не пробовал вдевать нитку в иголку, нарядившись и скафандр? Хан неистово ругался, но сумел вернуть грузовик п обычное пространство, поскольку только там можно было менять скорость и курс...

Который, между прочим, еще надо высчитать. Проклятия,

отпускаемые беглецом, перешли на новый уровень экспрессивности и виртуозности. Самые сложные вычисления Хан свалил на R2.

На прокладку нового курса ушла куча времени, но в конце концов Хан опять дернул рычажок, пробуждающий гипериривод. В следующее мгновение его сбило с ног. Корабль вломился в гиперпространство по новому вектору и значительно увеличил скорость.

Когда илизианский грузовоз утихомирился и пошел ровнее, Хан отлепился от пульта и перевел дух. Ноги подкашивались, и он сел прямо на палубу. Уф-ф...

— Вы-отдаете-себе-отчет, — вредным голосом полюбопытствовал астродроид, — что-теперь-вам-придется-вручную-сажать-корабль? Смена-курса-и-скорости-отменили-программу-автоматической-посадки.

— Да знаю я, знаю, — устало откликнулся Хан, глотнул еще воды и сжевал еще две таблетки. — А что было делать? Будем надеяться, что сумею быстро щелкать рычагами.

Он осмотрел ничем не примечательную рубку.

— Почему это ведро с гайками не оборудовано обзорным экраном, хотелось бы знать?

— Автоматы-не-видят-визуальные-данные-нам-ни-к-чему, — охотно подсказал R2.

— Да ну? — ядовито хмыкнул кореллианин. — А мне почему-то казалось, что дроиды видят не хуже нас.

— Мы-не-видим, — возразил астродроид. — Мы-распознаем-окружающую-действительность-посредством-преобразования-сигнала-в-электронный.

— Умолкни, — буркнул Хан, слишком усталый, чтобы радоваться пикировке с астродроидом.

Привалившись спиной к миниатюрному пульту, беглец закрыл глаза. Для спасения он сделал все, что мог. Грузовик шел прямиком на Илизию, оставалось лишь ждать.

Хан задремал и во сне увидел Дьюланну такой, какой вуки была, когда они подружились.

Он уже наполовину протиснулся, когда позади раздался громкий крик: «Нас ограбили!»

Сжимая небольшой мешочек с добычей, мальчишка брыкался, вертелся, ввинчивался штопором в узкий оконный проем, за которым его ждала спасительная темнота. Завопила женщина: «Мои драгоценности!»

Хан негодующе фыркал: он застрял. Нахлынула паника. Он

должен выбраться! Когда в полицию звонят из богатого дома, та прибегает на зов не мешкая.

Про себя парнишка неистово проклинал новомодные тенденции в кореллианской архитектуре, которые требовали делать вместо окон узкие щели от пола до потолка. Считалось, что тем уберегаешь дом от воров. Что ж, кое-кто только что доказал справедливость данного утверждения. В дом мальчик проник через дверь в сад, спрятался и подождал, когда обитатели крепко уснут. Затем неторопливо, со знанием дела пошарил по ящикам и отобрал самые ценные вещи. Ему было девять лет, кожа да кости, и он не сомневался, что пролезет в щель без помех.

Хан сопел от усердия. Кажется, он здорово промахнулся в расчетах.

Голос за спиной. Женский. «Вон он! Держи вора!»

Хан извернулся и вывалился из окна в сад. Добычу он не выпустил, даже когда вломился в ароматную ухоженную клумбу цветущих лиан дорва. Воздух из легких вышибло, и некоторое время мальчишка лежал, разевая рот, словно вытащенный из воды дрел. Сильно болела ушибленная нога, затылок ломило.

— Вызови патруль! — раздался из дома мужской крик. Для побега оставалось совсем мало времени, Хан перекатился и заставил себя подняться на дрожащие непослушные ноги.

Лунный свет так красиво стекал по верхушкам деревьев... больших деревьев, высоких... в чьих ветвях так легко затеряться.

Полубегом-полухромая мальчишка устремился в тень. Он решил, что не будет сообщать дроиду о накладке. Чего доброго, робот обвинит его в медлительности, раз ему уже почти десять.

Хан скривился. Вовсе он не увалень и сноровки не потерял, просто что-то ему сегодня нехорошо... Голова у него побаливала с самого утра, он даже собирался сказаться больным п отлежаться.

Раньше он никогда не болел и ни на что не жаловался, и ему наверняка поверили бы, но Хану совершенно не улыбалось демонстрировать слабость перед другими. А особенно — перед капитаном Шрайком. Тот никогда не упускал возможности поизмываться.

Деревья закрыли от него дом. Что дальше? Мальчик слышал топот бегущих людей, так что раздумывать было некогда. За него все решил инстинкт. В следующее мгновение мешочек с добычей был зажат в зубах, под ладонями шуршала кора, ноги упирались в развилки ветвей. Хан лез вверх, останавливался, прислушиваясь, и возобновлял подъем.

Только на самой вершине, там, где даже случайный взгляд не обнаружил бы беглеца, юный воришка, запыхавшись, уселся верхом на ветку у ствола; голова у него шла кругом. Хана

подташнивало, он даже испугался, что его вывернет наизнанку. Но мальчик закусил губу и приказал себе не шевелиться. Странное дело, ему даже полегчало, пусть и ненадолго.

Судя по звездам, до рассвета оставалось несколько часов, и поэтому могут возникнуть кое-какие трудности. Интересно, Шрайк задержит челнок или махнет рукой и бросит одного из своих подопечных на чужой планете?

Внизу, у него под ногами, погоня обыскивала лес, лучи фонарей кромсали ночную тьму; мальчишка прижался к дереву, закрыл глаза и, борясь с головокружением, из последних сил вцепился в шероховатую кору. Если бы только перестала болеть голова...

Интересно, догадаются ли эти недотепы принести биосканеры? Парнишка задрожал. Ночь выдалась холодная и ветреная, а его словно обдавало жаром.

Наступили серые предрассветные сумерки. Интересно, чем занята сейчас Дьюланна? Будет ли она скучать по нему, если «Удача» уйдет с орбиты?

Наконец фонари погасли и звуки шагов затихли вдали. Мальчишка подождал еще минут двадцать, хотел удостовериться, что преследователи на самом деле ушли и не вернутся, а потом, вновь зажав мешочек в зубах, осторожно спустился на землю. Голова разболелась еще сильнее. Каждый толчок, любое движение, даже самый обычный шаг — и перед глазами все расплывалось от боли, и ему приходилось стискивать зубы.

Он шагал... и шагал.

Несколько раз засыпал на ходу, пару раз падал и испытывал большое искушение остаться лежать неподвижно. Но что-то заставляло его подниматься, идти дальше, а рассвет тем временем разгонял тени и заливал оранжевым заревом улицы и дома. Рассветы на Кореллии удивительно красивы. Хан отметил это даже сквозь дымку, затянувшую мысли. Раньше он почему-то не обращал внимания, как занятно перемешиваются краски на небесной палитре. Жаль, что свет так режет глаза.

Утро медленно перетекало в день, прохлада уступала место теплу, затем ее сменила жара. Хан обливался потом, он видел все словно в тумане. Но все же вот он, космопорт. К этому времени мальчишка двигался как автомат: одну ногу вперед, перенести на нее вес, теперь подтянуть и выдвинуть вторую ногу. И все сначала. У него осталось единственное желание: лечь на обочину и заснуть.

А впереди... челнок с «Удачи Торговца»! Со всхлипом втянув глоток воздуха, Хан заковылял быстрее. Он почти добрался до трапа, когда в проеме шлюза появился рослый чернобородый

мужчина. Вот повезло...

— Где тебя носило?

Ничего дружеского не было в его жесте, когда капитан схватил Хана за руку. Мальчишка протянул мешочек, Шрайк жадно выхватил добычу.

— Хоть вернулся не с пустыми руками, — проворчал капитан.

Он торопливо проверил содержимое мешочка, удовлетворенно крякнул и, похоже, только сейчас обратил внимание, что мальчик едва держится на ногах.

— А с тобой-то что стряслось?

Не в силах произнести хотя бы слово, Хан молча качнул головой. Реальность то уплывала, то возвращалась, как заглушаемая слабая радиоволна.

Шрайк встряхнул мальчика, положил ладонь на горячий, словно раскаленная сковорода, лоб. Выругался.

— Горячка... бросить тебя здесь, что ли? Еще заразишь мне весь корабль.

Шрайк хмурился, явно борясь с желанием. Взвесил на ладони кошель,

— Думаю, малыш, ты заработал больничный, — буркнул капитан. — Шагай на борт.

Хан сделал пару-тройку неуверенных шагов вверх по трапу, споткнулся, и все вокруг погрузилось во тьму...

Прошло много времени, прежде чем он пришел в сознание и услышал яростный диспут. Один спорщик орал на общегалактическом, второй грозно рычал на ширивуке.

— Я и сам вижу, что мальчишка болен, — слегка успокоившись, согласился Шрайк. — Но моих ребятишек так просто не прикончишь, даже если выставишь бластер на полную мощность. Отдохнет денька два и будет как новенький. Ему медицинский дроид без надобности, и раскошеливаться на него я не намерен!

Дьюланна зарычала, и Хан удивился, насколько упорными бывают порой вуки. Потом мохнатые когтистые лапы с величайшей осторожностью положили мальчишке на лоб влажную холодную тряпку. Это было просто здорово.

— Я сказал: нет, Дьюланна, — и повторять не буду! — буркнул Шрайк и ушел, проклиная вуки на всех известных ему языках.

Хан открыл глаза и увидел повариху; Дьюланна нежно ворковала над ним.

— Пить... — с трудом ворочая языком, признался мальчишка в ответ на вопрос, — очень хочется...

Дьюланна приподняла ему голову и каплю за каплей влила в

пересохший рот воду. Потом сообщила, что у Хана высокая температура, такая высокая, что она, Дьюланна, боится за него.

Отставив чашку, повариха наклонилась и легко, словно пушинку, взяла парнишку в лапы.

— Куда... куда мы...

Вуки велела ему замолчать и сказала, что повезет его обратно на планету, к меддроиду.

— Не надо... капитан... здорово разозлится...

Ответ Хан получил короткий и по существу. До сегодняшнего дня мальчишка не слышал, чтобы Дьюланна так выражалась.

Хан то терял сознание, то снова приходил в себя, пока вуки несла его по коридорам в ангар. Следующее отчетливое воспоминание касалось кресла второго пилота, к которому его привязали ремнями безопасности. А Хан даже не знал, что Дьюланна умеет водить челнок, но вуки управляла им с уверенностью бывалого пилота. Легкий кораблик соскользнул с причальной решетки и, набирая скорость, направился к Кореллии.

От лихорадки кружилась голова, и Хану все казалось, будто он слышит голос капитана Шрайка, сыплющего ругательствами. Мальчишка попытался рассказать о видении Дьюланне, но губы не слушались, а язык прилип к гортани от жажды.

В следующий раз Хан очнулся в приемном покое.

Дьюланна чинно восседала на стуле, держа на коленях тощего воспитанника, и обнимала его, будто хотела уберечь от всей Галактики разом.

Дверь внезапно распахнулась, появился дроид — высокий, оборудованный антигравитационным модулем, так что мог парить над пациентом. Дьюланна уложила Хана на кушетку. Мальчишку не больно укололи в руку: дроид взял кровь на анализ.

— Вы понимаете общегалактический язык, госпожа? — поинтересовался дроид.

Хан собрался ответить, что, разумеется, понимает общегалактический... эй, кто это здесь госпожа? Ах да, медицинский дроид обращался к Дьюланне.

— Юный пациент болен кореллианской лихорадкой — танамен, — сообщил дроид. — Случай крайне тяжелый. Большая удача, что вы не стали медлить и сразу же привезли его ко мне. Но придется оставить его до завтра в стационаре для обследования. Хотите остаться вместе с мальчиком?

Вуки рыкнула в том смысле, что да.

— Как пожелаете, госпожа. Я собираюсь применить интенсивную бактотерапию, чтобы восстановить метаболическое

равновесие. Заодно понизим температуру.

Хан как глянул на ожидающую его бакта-камеру, так сразу же совершил вялую попытку побега, которую Дьюланна с помощью меддроида с легкостью пресекла. Руку кольнуло вторично, а затем Вселенная перекосилась и отключила свет.

Хан открыл глаза, сообразив, что его воспоминания перешли в сон. Кореллианин помотал головой, вспомнив, как дрожал от слабости, когда его выудили из бакты. Потом вуки расплатилась с дроидом из своих денег (не очень, между прочим, больших накоплений) и увезла своего питомца обратно па «Удачу Торговца».

Беглец сморщился. Ох как взбесился Шрайк! Хан тогда даже забеспокоился, что капитан распорядится выбросить обоих ослушников в космос без скафандров. А вот Дьюланна не испугалась, бесстрашно встала между Шрайком и мальчиком и рыкнула, что все сделала правильно, потому что иначе Хан умер бы.

В конце концов Шрайк сдался, потому что среди украденных Ханом драгоценностей оказалось украшение с настоящей жемчужиной крайт-дракона. Как только капитан выяснил, сколько она стоит, — сразу же подобрел.

Хотя денег за лечение не возместил.

Хан вздохнул и снова закрыл глаза. Когда Дьюланна умерла, его словно ножом полоснули, и рана все не затягивалась. Как он ни старался, не мог отделаться от боли и воспоминаний. Тогда Хан перестал сопротивляться и вдруг понял, что думает о Дьюланне как о живой, представляет, будто разговаривает с ней, будто он рассказывает вуки о неприятностях с неуступчивым астродроидом. Что угодно, лишь бы смягчить боль, которая со вчерашнего дня так и не унялась.

Хан выпил еще воды, чтобы избавиться от комка в горле. Он задолжал Дьюланне… он столько ей задолжал! Жизнью, даже именем своим он обязан был поварихе… До одиннадцати лет его звали просто по имени, и мальчишка беспокоился, что так никогда и не узнает своей фамилии. Как-то раз он пожаловался Дьюланне, а заодно поделился с ней убеждением, что если кому все известно, так это Гаррису Шрайку.

Вскоре после того разговора повариха выучилась играть в сабакк…

Хан сквозь дрему услышал, как кто-то скребется в дверь его

каютки, и мгновенно проснулся. Прислушавшись, он сообразил, что нет, не пригрезилось и кто-то на самом деле царапает дверь и негромко скулит.

— Дьюланна? — прошептал мальчик, соскальзывая с узкой койки и засовывая босые ноги в штанины комбинезона. — Это ты?

За дверью невнятно забубнили.

— Что значит, у тебя для меня хорошие новости?

Вуки протиснулась в маленькую каюту; огромное, покрытое шерстью тело повариха колыхалось от радостного возбуждения. Хан махнул рукой рядом с собой, и Дьюланна примостилась на койке. Поскольку места больше не оставалось, мальчишка устроился на полу. Вуки приказала ему не орать на весь корабль, Хан сонно посмотрел на хронометр и понял, что сейчас глухая ночь.

— Почему ты не спишь? — озадаченно спросил он. — Только не говори мне, что засиделась допоздна за картами.

Повариха кивнула, ее синие глаза блестели из-под челки спутанных бурых с проседью волос.

— Дьюланна, не томи! О чем ты хочешь рассказать?

Вуки негромко заворчала. Сон как ветром сдуло.

— Ты выяснила, как меня зовут? Но... как?

Дьюланна коротко буркнула сквозь зубы.

— Шрайк... — повторил мальчик. — Так я и думал. Что... как получилось? Как меня зовут?

Звали его, по словам Дьюланны, Соло. Хан Соло.

Шрайк в тот вечер серьезно перепил и начал похваляться, какую выгодную сделку заключил при перепродаже крайт-жемчуга, который стащил из богатого дома малыш Хан. Дьюланна с самым невинным видом поинтересовалась, не происходит ли парнишка из древнего почтенного воровского рода. Шрайк смеялся до слез.

— Может, кто в его роду и был преступником, но не этот Соло! — капитан долго брызгал слюной, останавливаясь, чтобы глотнуть алдераанского эля. — Боюсь, Дьюланна, ты здорово ошиблась. Родители этого парня были...

Тут он вдруг замолчал и с подозрением уставился на вуки:

— А тебе-то что за дело?

Его хорошее настроение испарилось. Дьюланна ответила повышением ставки.

— Соло, — прошептал мальчик, примеряясь к новому имени, — Хан Соло. Меня зовут Хан Соло. — Он расплылся в широчайшей улыбке. — Мне нравится мое имя! Оно здорово звучит, правда?

Негромко заскулив, повариха осторожно прижала к себе

воспитанника...

Хан и сейчас улыбался при воспоминании, но то была грустная улыбка. Дьюланна желала ему только добра, но ее открытие имело самые дурные последствия. В следующий раз, когда «Удача Торговца» оказалась на орбите Кореллии, Хан выкроил немного времени и отправился в госархив, вместо того чтобы шарить по чужим карманам.

Шрайку не нравилось, когда его «сиротки» тратят время на образование. Все дети на борту «Удачи» умели читать, писать и считать. По мнению капитана, большего им и не требовалось.

Отчасти из желания во всем перечить Шрайку, отчасти по подсказке Дьюланны, Хан держал свои попытки учиться дальше в тайне. Предметы, которые пришлись ему не по вкусу, юный кореллианин имел склонность игнорировать, ту же историю, например. Зато читал запоем приключенческие романы и решал задачи по математике. Над математикой он особенно корпел — Хану очень хотелось стать пилотом.

Дьюланна как-то пронюхала про эти уроки, проверила знания и заставила читать материалы и по тем предметам, которые Хан пропускал. Воспитанник неохотно принялся заполнять пробелы в образовании, взявшись за естественные науки и историю.

И с изумлением выяснил, что военная история ничуть не уступает по занимательности вымышленным приключениям.

И вот в один прекрасный день, сидя в кореллианском госархиве, Хан применил обретенные навыки на практике, чтобы разузнать что-нибудь о своих предках. Результат получился ошеломительный. Заглянув в исторические хроники, мальчик остолбенел, выяснив, что его фамилия на Кореллии широко известна. Три столетия назад некий Беретрон Соло установил демократию на родной планете, отказавшись от трона. А до этого он был правителем, королем!

Нашелся еще один Соло, посвежее, который пользовался не меньшей славой, хотя и дурной. Около полувека назад у потомка Беретрона, Корола Соло, родился сын — Далла Соло, который, взяв прозвище Далла Суул, принялся вести бурную жизнь пирата, убийцы и вымогателя. Даллой Черным пугали непослушных детей на затерянных внешних колониях и кораблях вольных торговцев.

Мальчик сразу же заинтересовался, не родственник ли он этим двоим. Приятно думать, что в тебе течет королевская кровь... а вдруг это кровь разбойника и убийцы? Если каким-то чудом не задобрить Шрайка, есть шанс никогда не узнать. Прочитав о подвигах Даллы на ниве воровства, парнишка сумрачно хмыкнул. Семейная традиция, стало быть.

Тщательному исследованию подверглись также последние

кореллианские светские новости — и поиск по той же фамилии выдал имя Тийон Сал-Соло. Богатая вдова, живущая в затворничестве с единственным сыном. Тракан Сал-Соло был на шесть-семь лет старше Хана, почти взрослый.

А что, если они все-таки родственники? Или эта вдовушка знает его родителей? Лучше шанса вырваться на свободу не будет.

Вернувшись на «Удачу Торговца», Хан обсудил свое открытие с Дьюланной, и повариха согласилась: дело опасное, но придется пойти на риск и встретиться с этой семьей.

— Ну да. — Хан подпер кулаком подбородок и удрученно уставился в стол. — А с тобой я, значит, больше не увижусь, да?

Вуки ласково заурчала, уверяя, что они, конечно же, встретятся. Просто не здесь, не на борту «Удачи Торговца».

— Когда я сбежал в прошлый раз, Шрайк мне так всыпал, что я несколько дней сидеть не мог, — Надулся мальчишка. — Если бы Ларрад не вмешался, он меня насмерть забил бы, вот что.

Вуки заворчала.

— Это точно. Если эта семья меня примет, у них влияния и денег — тьма, они смогут защитить меня от капитана.

Общения с высокородными родственничками Хан не опасался, он достаточно поднаторел в этикете и правилах поведения в высшем обществе на Кореллии. Шрайк то и дело организовывал крупные операции по изъятию денег у населения, и порой Хан принимал в них участие.

Схема действия была, как правило, одна и та же. Гаррис Шрайк арендовал дорогой особняк и селил в нем многочисленное «семейство», чтобы обеспечить достоверное прикрытие. Вместе с другими Хану приходилось ходить в школу для богатых детей, заводить друзей среди однокашников и ходить к ним в гости. Поиграть, так сказать. Приятели наносили ответные визиты, в результате налаживались контакты, а родители вкладывали крупные суммы в «предприятия» Шрайка.

Всего лишь несколько недель тому назад Хан посещал как раз такую школу — настолько известную, что она удостоилась визита знаменитого кореллианского политика Гарма Бела Иблиса. Хан попросил слова и с ходу задал сенатору два вопроса. Бел Иблис пришел в дикий восторг. После занятий сенатор подозвал к себе юное дарование, пожал ему руку и полюбопытствовал, как его зовут. Хан огляделся по сторонам, увидел, что никто не подслушивает, и гордо сообщил именитому соотечественнику свое настоящее имя. Было здорово.

Шрайк частенько задействовал Хана, отчасти из-за беззлобного и беспечного очарования мальчишки и подкупающей

солнечной улыбки, отчасти потому, что тайная учеба подняла Хана на уровень выше остальных ребят. К тому же Хан начал приобретать поначалу скромную, но постоянно растущую славу хорошего пилота и гонщика. Если и существует спорт богатых, так это гонки на свупах и спидерах, а там всегда существует возможность свести знакомство с ребятами из весьма обеспеченных семей. Кое-кто из родителей вследствие такой дружбы уже расстался с деньгами.

Через год Хану будет достаточно лет для участия в первенстве Кореллии среди юниоров. А это крупные деньги — если он сумеет выиграть.

Хану и нравились дела Шрайка, и не нравились. Любил он их потому, что участие в аферах позволяло ему порой неделями, а то и месяцами есть досыта и купаться в роскоши. Да и без гонок он не мог жить, как без воздуха. А не любил потому, что Хан со многими из тех, с кем дружил по приказу, становился близок на самом деле.

Он знал, что из-за этой дружбы пострадают и ребята, и их родители, но научился глушить голос совести. Хан неплохо поднаторел в эгоизме. Всем остальным (за исключением Дьюланны, конечно) приходилось отступать на второй план или уходить вообще. Самосохранение — вот что это было, и все, и Хан добился на этом поприще высокого мастерства.

И до сих пор не растерял сноровки, думал юный кореллианин, поднимаясь с палубы «Илизианской Мечты» и отправляясь проверить скорость и курс. Читая показания приборов, он улыбался. Как по маслу. Все получится.

Следующей проверке подлежал запас воздуха; баллон опустел более чем наполовину.

Желание исследовать грузовик было велико, но Хан его переборол. Чем больше двигаешься, тем больше расходуешь кислород, а Хан и так подвергается немалому риску.

Поэтому он сел обратно и вновь погрузился в воспоминания. Тетушка Тийон, несчастная женщина. И милый братец Тракан, при одной мысли о котором чешутся кулаки...

Он скользнул вниз по высокой ограде и бесшумно приземлился на мыски ног. За деревьями прятался большой дом, выстроенный из местного камня, как и окружающая усадьбу стена. Нарушитель спокойствия направился туда, держась по возможности в тени деревьев.

Возле дома он остановился, озираясь по сторонам. Богатые особняки были ему не в новинку, в некоторых он даже жил, но в жизни не видел ничего подобного.

На каждом углу квадратного здания поднимались увитые

плющом башни. Вдоль дома, поскрипывая сочленениями, брел древний робот-садовник. На ходу он подравнивал кусты, которыми заросли берега глубокого, заполненного водой рва. Хан тоже прогулялся по бережку и, к своему немалому удивлению, выяснил, что дом стоит на островке; войти можно было лишь по узкому деревянному мостику, висящему над темной водой.

Военным делом Хан интересовался с детства и сразу же сообразил, что строили особняк по принципу древней крепости. Пока что все соответствовало тому, что он читал про семейство Сал-Соло. В обществе они не появлялись, в театр и на концерты не ходили.

Когда Хану приходилось играть роль богатого мальчика, он ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал их фамилию. А уж он бы ее не упустил, учитывая привычку этого общества вечно сплетничать друг о друге.

Хан осторожно подошел к дому. Еще раньше он сменил серый корабельный комбинезон на «одолженную» по случаю пару черных штанов и светлую рубаху. Не хотел, чтобы сразу становилось ясно, откуда он тут взялся.

У моста он остановился, постоял за высокими декоративными кустами, с опаской разглядывая сумрачный темный дом. Ну и что ему теперь делать? Подойти и позвонить в дверь? Мальчик нерешительно покусал себя за губу. А что, если хозяева вызовут полицию, заявят его беглецом? Шрайк не заставит себя упрашивать, явится по первому же слову...

— Попался!

Кто-то ухватил его за руку и больно дернул, разворачивая к себе. Парень, поймавший его, был на голову выше, темнее волосами и крепче сложением. Но лицо у него было такое, что Хан застыл на месте и только глазами хлопал.

Если раньше и грызли его сомнения, состоит ли он в родстве с Сал-Соло, то они только что скоропостижно скончались. Парень, который стоял перед Ханом, был практически точной копией отражения, что юный кореллианин привык видеть в зеркале. Просто чуть взрослее.

Не то чтобы близнецы, но для обычного совпадения многовато. Одинаковый разрез темных глаз, одинаково очерченный рот, манера быстро вздергивать бровь... о скулах и носе даже говорить нечего.

В остолбенелом состоянии пребывал не только гость, но и хозяин молча разевал от удивления рот.

— Эй! — Парень опять грубо дернул Хана за руку. — Ты еще кто такой?

— Меня зовут Соло. Хан Соло. А ты, должно быть, Тракан

Сал-Соло.

— И что с того? — мрачно буркнул парень.

Под его тяжелым взглядом Хан чувствовал себя неуютно. Ему приходилось видеть врельтов, у которых в глазах было больше тепла и дружелюбия, чем у нового знакомого.

— Хан Соло, э? Никогда о тебе не слышал. Откуда ты? Кто твои родители?

— Я думал, ты мне скажешь, — сдерживаясь, произнес Хан. — Я сбежал от... оттуда, где был, потому что хочу найти свою семью. О себе я ничего не знаю, только имя.

— М-да... — Тракан продолжал придирчиво разглядывать гостя. — Что ж, полагаю, ты один из нас...

— Похоже на то, — согласился Хан, не заметив каламбура.

Правда, и Тракан не обратил на нечаянную шутку внимания. Он никак не мог оторвать взгляда от нежданного гостя, даже обошел Хана кругом, чтобы рассмотреть со всех сторон.

— Так откуда ты убежал? — спросил Тракан. — Тебя будут искать?

— Нет, — быстро ответил Хан, который еще не решил, можно ли доверять новообретенному родственничку. — Послушай, мы так похожи... может... может, мы братья, а?

Забавно: он так давно мечтал отыскать семью, которая поможет уйти с «Удачи Торговца», спасет от Гарриса Шрайка, а теперь надеется, что вышла ошибка.

— Еще чего! — Тракан скривил губы. — Мой отец умер через год после моего рождения, а мама с тех пор живет в уединении. Она вроде как... любит одиночество.

Хан читал и об этом. Тийон Соло вышла замуж за Рандила Сала лет двадцать назад, в архиве был и некролог.

— Может, твоя мама знает что-нибудь обо мне? Можно ее увидеть? — Хан собрался с духом. — Пожалуйста...

Тракан что-то обдумал.

— Ладно, — наконец сдался он. — Но если мама... расстроится, ты сразу же уйдешь, понял? Маме люди не нравятся. Она на своего деда похожа, тот не переносил живой прислуги, держал только дроидов. Мама говорит, что люди предают и убивают друг друга, а дроиды — никогда.

Следом за Траканом Хан вошел в сумрачный дом, прошагал по анфиладе комнат, набитых закрытой чехлами, словно саваном, мебелью и запыленными картинами. По дороге ему объяснили, что семья пользуется не всеми помещениями, лишь несколькими, чтобы сэкономить дроидам-уборщикам время и силы.

В конце концов они добрались до небольшой гостиной. Тийон Сал-Соло оказалась бледной темноволосой женщиной, полной и

нездоровой на вид. Привлекательной ее никто не назвал бы, но, разглядывая ее оплывшее лицо, Хан подумал, что когда-то, очень-очень давно, Тийон могла быть красавицей. В глубинах его памяти что-то зашевелилось...

Он видел похожее лицо. Давным-давно. «Воспоминание», если оно таковым было, напоминало струйку дыма, такое же мимолетное и обманчивое.

— Мама, — громко произнес Тракан, — это Хан Соло. Он наш родственник, правда?

Взгляд женщины отрешенно и медленно скользнул по лицу гостя. Тийон вздрогнула, в ужасе уставилась на пришельца округлившимися глазами, а затем открыла рот и испустила пронзительный крик.

В карих глазах собрались крупные слезы, покатились по трясущимся пухлым щекам.

— Невозможно! Он умер! Они оба умерли!

Спрятав лицо в ладонях, Тийон истерично разрыдалась. Тракан выволок Хана из дому.

— Смотри, что ты натворил, придурок! — Юноша оглянулся на окна гостиной. — Теперь мама несколько дней будет не в себе. Она всегда такая, когда на нее находит.

— Я-то при чем? — пожал плечами Хан. — Она просто поглядела на меня. Что с ней стряслось?

Процедив грязное ругательство, Тракан ударил Хана кулаком по лицу так, что разбил парню губу.

— Заткнись! — прорычал он. — Как ты смеешь судить ее? Она нормальная, слышишь меня? Абсолютно нормальная!

Удар был сильный, но Хана часто избивали — и такие эксперты, которым Тракан не чета, — поэтому он знал, как получить по физиономии и устоять на ногах. Чего скрывать, имелось горячее желание вцепиться обидчику в горло, но Хан удержался. Тракан всего лишь защищал свою мать, и в глазах его была настоящая боль. Наверное, на его месте Хан поступил бы точно так же. «Мне необходимо остаться здесь, — напомнил себе парень. — Все лучше, чем у Шрайка».

— Прости... — выдавил он. Тракан, кажется, даже смутился.

— Просто думай, прежде чем говорить о моей маме, ладно?

Следующие полтора месяца оказались самыми необычными в жизни Хана. Тракан разрешил ему поселиться в одной из пустующих комнат на своей половине дома, куда Тийон практически никогда не заглядывала, и первое время мальчики вволю болтали, чтобы получше узнать друг друга.

Как скоро выяснилось, Тракан был требовательным хозяином. С ним нужно было во всем соглашаться, не перечить, бегать по

его поручениям, иначе он выходил из себя и принимался отвешивать тумаки и оплеухи. Еще он заставлял возить себя за город в разваливающемся, старом лендспидере, а несколько раз кузены предпринимали исследовательские экспедиции в пустые особняки, чьи хозяева уехали отдыхать. Тракан требовал, чтобы Хан вскрывал замки и отключал сигнализацию, а затем старший мальчик без помех забирал все, что ему нравилось.

Он уже задавался вопросом, стоило ли в таком случае бежать с «Удачи Торговца»? В усадьбе Сал-Соло его удерживали всего две вещи: опасение рассердить Тракана (тот со спокойной душой мог сдать родственника властям, а значит, и Шрайку) и надежда на то, что кузен проговорится. Тракан постоянно намекал, что ему-то известно, кто такой Хан на самом деле.

— Всему свое время, — повторял кузен, когда из него пытались вытащить информацию. — Всему свое время. Пойдем-ка лучше покатаемся. Хочу, чтобы ты научил меня водить спидер.

Хан так и поступил; не его вина, что у Тракана для полетов не имелось ни малейшего таланта. Пару раз от них чуть было мокрое место не осталось, прежде чем старший мальчик вызубрил элементарные вещи...

«Пора спасаться отсюда, — твердил себе Хан. — Надо бежать на другую планету, там меня не найдут. Может, усыновит кто, или работу себе подыщу, или еще что-нибудь. Должен быть выход...»

Но как избавиться от навязчивого юнца, придумать не мог. Тракан был мстителен, имел склонность к садизму, да и вообще отличался крайней зловредностью. Хан был свидетелем, как он мучил животных или от нечего делать обрывал крылышки насекомым. Как только Тракан выяснил, что подобные выходки беспокоят младшего мальчика, то начал заниматься этим чаще. У Хана никогда не было ручной зверушки, но, видимо, из-за Дьюланны ему априори нравились все создания, покрытые мехом.

По вуки он скучал, вспоминал ее каждый день.

Отношения кузенов становились все напряженнее, и вот однажды Тракан разозлился всерьез. Он схватил Хана за волосы, потащил на кухню, взял там нож и сунул его младшему прямо в лицо.

— Видишь? Видишь, да? Если не извинишься, если не будешь мне подчиняться, я тебе уши отрежу! Ну давай, извиняйся! — Тракан крепко встряхнул Хана. — И постарайся как следует. А то я не поверю!

Хан как зачарованный разглядывал сверкающее наточенное лезвие и облизывал сухие губы. Он и хотел бы выдавить из себя нечто пусть отдаленно, но напоминающее «прости», нов горле

стоял комок, а глаза понемногу затмевала алая пелена. Одновременно вспомнились все когда-либо полученные оскорбления, все побои и подзатыльники — и от Шрайка, и от Тракана.

Взревев, точно разъяренный вуки, Хан кулаком ударил родича по руке (нож улетел в сторону), а потом с наслаждением двинул Тракана локтем в живот. Прежде чем старший успел опомниться, Хан подмял его под себя.

Он кусался, лягался, царапался, он воспользовался всеми грязными трюками, которым обучился на улице. Ошеломленный неистовством Хана, Тракан и не пытался сопротивляться. Драка закончилась, когда младший уселся на противника верхом, держа нож у его горла.

— Эй...

Взгляд Тракана метался по кухне, как у загнанного в угол врельта.

— Эй, парень... Да ты что? Прекрати дурачиться. Совсем не смешно.

— А отрезать уши смешно? — полюбопытствовал Хан. — Все, с меня хватит. Или выкладывай все, что знаешь, и немедленно, или я располосую тебе горло. И оставлю тебя валяться здесь на полу. Ты меня достал.

Темные глаза Тракана сделались круглыми, точно плошки. На лице у Хана было написано такое, что до хозяйского сына дошло, что сейчас возражать не стоит.

— Ладно... да ладно же!

— Давай, — приказал Хан. — Говори.

И, запинаясь от страха, Тракан начал рассказ.

Много лет назад дед Тракана Денн Соло вместе со своей женой Тирой Гама-Соло жил на Тралусе, пятой обитаемой планете в Кореллианской системе. Времена тогда были неспокойные, удаленным от центра мирам угрожали пираты и бандиты. До самой Кореллии их рейды не докатывались, зато Тралус получил сполна. Там высадилась целая армия и разорила все колонии.

— Бабушка Соло тогда была беременна, — просипел Тракан; ему было трудно дышать, потому что Хан и не думал слезать с него. — В ночь, когда разграбили город, она родила близнецов. Девочку потом назвали Тийон. Бабушка Соло убежала с ней от бандитов и спряталась в пещере под холмом...

— Тийон, — повторил Хан, — твоя мать.

— Вот-вот... бабушка Соло говорила, что вторым был мальчик. Его забрал дедушка. У них даже не было времени дать близнецам имена. Бабушка рассказывала, как им было страшно.

Пожары, огонь, народ бегает с криками. Во время паники они с дедушкой Денном потеряли друг друга.

— И?

Лезвие ножа гуляло в миллиметре от горла Тракана.

— Ну, бабушка Соло и Тийон спаслись, я же сказал! А дедушка Соло и мальчик исчезли. И о них больше ничего не известно.

— Ну а мне-то с того какая радость?

Хан запутался окончательно.

— Понятия не имею, — выпалил Тракан. — Что до меня, мне кажется, что мы с тобой двоюродные братья. Ведь дедушка Соло мог и уцелеть, а ты, скорее всего, его внук.

— Еще что известно? Хоть что-нибудь! Тем же слугам! — Хан цеплялся от отчаяния за соломинку.

Все, тупик. Он был готов расплакаться.

— Дедушка Соло недолюбливал живых слуг, у него были только дроиды. А когда бабушка Соло вернулась к семье на Кореллию, прадедушка Гама стер у них всю память. Думал, что так будет лучше. Он хотел, чтобы его дочь опять вышла замуж, начала новую жизнь...

Тракан попытался перевести дух.

— Только она не согласилась.

— А что стряслось с твоей матерью?

— Не знаю. Она всегда боялась доверять людям, а толпу так и вовсе ненавидит. После смерти моего отца она вообще из дома не желает выходить.

Хан опустил руку с ножом.

— Ладно, — произнес он. — Я...

Извернувшись, Тракан сбросил его; Хан и опомниться не успел, как они поменялись местами, и ему оставалось лишь беспомощно хлопать глазами и надеяться, что он переживет предстоящий кошмар. Темные глаза кузена горели ненавистью, злобой и садистским предвкушением.

— Ты здорово, очень здорово пожалеешь, — негромко пообещал Тракан.

И Хан действительно пожалел.

Его заперли в кладовке, выдавая лишь хлеб и воду, а на третий день, когда Хан безучастно сидел в углу, дверь открылась.

— Боюсь, нам с тобой придется распрощаться, братец, — весело объявил Тракан. — Тут за тобой пришли, хотят отвести домой.

Хан озирался по сторонам, безуспешно разыскивая способ побега, а следом за Траканом в кладовку входили братья Шрайк, и становилось понятно, что бежать некуда...

Что происходило дальше, Хан вспоминать отказывался. Гаррис Шрайк не дал себе воли лишь потому, что, как он выразился, не хотел калечить того, кто приносит ему большие деньги на гонках. Но капитан знал множество способов причинить боль и без необратимых последствий, и он воспользовался своей бурной фантазией, ничем себя не ограничивая…

Сильнее Хана избили лишь раз, после выходки на Джубиларе, когда ему стукнуло семнадцать. Тогда он и без того был покрыт синяками и ссадинами после гладиаторских боев без правил, в которых юный кореллианин вынужденно принимал участие: его поймали на жульничестве в карты. И в тот раз капитан даже не озаботился взять ремень, он воспользовался кулаками и обрабатывал своего подопечного, пока Ларрад не без помощи остальных не оттащил брата от потерявшего сознание Хана.

«А теперь Шрайк убил Дьюланну», — горько добавил Хан. Если кто и заслуживает смерти, так это капитан.

Странно, почему ему раньше даже в голову не приходило, что Шрайка можно убить? Ведь шанс был, пока капитан валялся без сознания на палубе. Оказал бы несчастным обитателям «Удачи Торговца» неоценимую услугу. Так что же это он? И ведь бластер держал в руке…

Беглец мотнул головой. До вчерашнего дня он ни в кого не стрелял, а убийство беспомощного человека вообще было не по нем.

Но вот что не обсуждается: если Гаррис Шрайк в будущем наткнется на своего бедового «воспитанника», Хану крышка. Капитан никогда и ничего не забывает и никогда ничего не прощает. Он настоящий специалист в деле отращивания длинного зуба на того, кто выставил его дураком.

Хан еще раз проверил курс, скорость и запас кислорода. Воздуха оставалось всего на несколько часов. Глядя на дисплей, кореллианин сделал в уме быстрый подсчет. Хватит, но едва-едва. Надо бы подготовиться и вышибить крышку этого гроба, как только они шлепнутся на поверхность… Едва-едва. Впритирку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
АВАРИЙНАЯ ПОСАДКА

На свупах и мотоспидерах Хан налетал немало часов, но общение с космическими кораблями ограничивалось несколькими короткими полетами на челноке, к которому его в порыве хорошего настроения иногда подпускал Гаррис Шрайк. В принципе, Хан был знаком с такими понятиями, как «взлет» и «посадка», но вот большие корабли, как этот грузовик-автомат, ему еще не приходилось сажать. Ни разу. В себе и своих талантах Хан не сомневался... В конце концов, кто тут трехкратный чемпион Кореллии по гонкам на спидере среди юниоров? И кто в прошлом году выиграл чемпионат всей системы по гонкам на свупах?

По сравнению с ботиком «Удачи» грузовик был огромен.

Хан опять ненадолго задремал, а проснувшись, принялся беспокойно бродить по рубке. Лучше было бы посидеть, поберечь силы и кислород, но оставаться на одном месте он просто не мог.

Астродроид, хранивший молчание уже много часов, вдруг ожил.

— Должен-предупредить-что-мы-достигли-орбиты-плапеты-Илизия-и-вам-необходимо-подготовиться-к-снижению-и-посадке.

— Спасибо, что предупредил.

Скрючившись за игрушечным пультом, кореллианин в который раз просмотрел показания, высчитывая спуск к поверхности. Легкой жизни не ожидалось. С навигационным компьютером Хан мог общаться лишь при помощи астродроида. Загвоздка была в том, что решения надо будет принимать очень быстро и ему будет некогда ждать, когда R2 соизволит ответить.

Грузовик задрожал и слегка накренился. Вошли в атмосферу, стало быть.

Хан сделал глубокий вдох, поинтересовался, хватит ли ему воздуха до посадки, выяснил, что едва-едва... очень мало.

Ну что, взялись, что ли?.. Хан перевел «Илизианскую Мечту» на ручное управление.

— Эй ты, — бросил он астродроиду, одновременно поправляя курс.

— Да?

— Пожелай мне удачи.

— Прошу-меня-извинить-данный-модуль-не-понимает-этого-термина.

Хан выругался. «Илизианская Мечта» направлялась к

поверхности планеты, которую Соло даже не видел. А судя по абстракции на радаре и взбесившимся инфракрасным датчикам, Илизия могла гордиться воздушными потоками, которые даже в верхних разреженных слоях атмосферы достигали ураганной мощи. Сканеры рисовали портрет планеты: неглубокие моря с россыпями островов, три скромных материка: один — вблизи северного полюса, два, западный и восточный, — почти на экваторе, в умеренном поясе.

— Здорово, — ворчал кореллианин, отлавливая в шквале помех сигнал маяка. — Просто здорово.

Посадочная площадка располагалась на восточном континенте; должно быть, колония находилась именно там.

Ветра мотали грузовоз, и больше всего тот сейчас напоминал ребенка на веревочных самодельных качелях. Пальцы, неловкие и как будто чужие в перчатках, соскальзывали с рычагов. Чтобы вернуть ощущение машины, Хан на пробу завалил «Илизианскую Мечту» сначала на левый борт, затем на правый.

На инфракрасном экране расплылась безобразная клякса.

Да это же ураган... Хан выровнял грузовик, позволил «Мечте» сместиться на несколько градусов к северу, обогнул бурю снизу и опять свернул на юг.

Ионизированные хвосты, которые волокли за собой молнии, привели приборы корабля в состояние паники. Хан жадно глотнул воздуха, почувствовал, что задыхается, и задавил страх. Хорошие пилоты не дают волю эмоциям или же отправляются в последний свой полет раньше времени, разве не так?

— R2, можешь составить мне карту штормов? Надоело мне с ними встречаться. Мне нужен участок между нами и посадочной площадкой на восточном материке.

— Будет-сделано.

Астродроид справился на удивление быстро и вывел на экран схему расположения электрических бурь.

— Выведи эту карту в углу экрана и не убирай, — распорядился Хан.

Обычно наложением схемы штормов на рельеф местности должен был заниматься навигационный компьютер, и в его же обязанности входило прокладывать наилучший курс, который пилот затем переделывает по своему усмотрению. Как же не хватало сейчас этой умной машины!

Хан потихоньку сдерживал безудержный бег корабля, но потом был вынужден опять врубить маршевые двигатели на полную мощность, чтобы убраться с дороги очередной бури.

Он сражался с игрушечными неудобными рычагами, со лба капал пот, а «Илизианская Мечта» тем временем вытворяла такое,

что разумно было бы ожидать от истребителя или свупа, но никак не от почтенной старой баржи. Кореллианин сообразил, что все еще хватает ртом воздух, и долю секунды сосредоточенно размышлял, стресс ли тому виной или нехватка воздуха.

Но на проверку кислорода времени уже не было.

До поверхности оставалось не больше километра, и расстояние сокращалось, по мнению Хана, как-то уж слишком быстро. Он включил маневровые двигатели, тормозя разогнавшуюся баржу. Перегрузка зажала ребра и легкие в невидимые тиски. Хан все-таки осмелился скосить глаза на индикатор.

Пусто! Показатель запаса кислорода зашкаливал далеко в красную зону.

«Не паникуй, дыши ровно, — посоветовал себе Хан. — В скафандре есть воздух, его хватит, минуты две продержишься... как минимум».

Голова кружилась, а в груди пекло при каждом торопливом вдохе.

Но грузовик уже достаточно сбросил скорость, можно было садиться. Хан еще притормозил — немного, на всякий случай. Баржа зарыскала. Сдох носовой стабилизатор!

Надо чем-то компенсировать; скорость все еще высока, но тут уж ничего не поделаешь. Хан перевел грузовик на репульсоры и начал снижение, ощущая коленями, как содрогается корабль.

«Держись, „Мечта", милая», — молил он. И тут с оглушительным стоном умер один репульсор. Корабль накренился и пропахал землю левым боком, и тут взорвался правый репульсор, и «Мечта» со всей дури, чуть не перевернувшись, впечаталась в поверхность правым бортом. А затем с грохотом, который юноша не столько услышал, сколько ощутил на собственной шкуре, рухнула на поверхность, содрогнулась, как раненый зверь, и затихла.

Хана швырнуло в переборку, приложив о нее головой, и он в полуобмороке остался лежать на полу. Если он потеряет сознание, то уже не очнется. С сиплым хрюканьем кореллианин сделал попытку сесть. В глазах угрожающе темнело. Хан включил передатчик скафандра.

— R2... R2, где ты там?

— Я-здесь. Если-не-возражаете-то-была-самая-нешаблонная-посадка. Я-уверенно-заявляю-что...

— Заткнись и открой грузовой люк! — прохрипел Соло.

Ему даже удалось приподняться, но Хан опасался, что встать он едва ли сумеет. Его мотало, как пьяницу в ураган.

— Но-я-предупреждал-что-в-интересах-безопасности-все-

люки-будут-запечатаны...

Хан отыскал во внешнем кармане скафандра бластер и прицелился в астродроида.

— Или сейчас же откроешь люк, или я разнесу тебе башку.

R2 замигал фоторецептором как сумасшедший.

Палец Хана лежал на спусковом крючке, а кореллианин пытался сообразить, хватит ли ему сил доползти до шлюза. Перед глазами плавали черно-багровые пятна.

— Уговорили, — сказал астродроид. — Уступаю-грубой-силе.

Через несколько секунд внутрь разбитого корабля с силой, почти равной хорошему взрыву, ворвался свежий воздух. Задыхаясь, Хан сосчитал до двадцати и, собрав последние силы, решительно сдернул с головы шлем и снова осел на палубу.

С удовольствием обнаружив возможность дышать, он хватал ртом воздух, набирая его полные легкие, — теплый, влажный, наполненный неизвестными ароматами. Но зато тут было полно кислорода, а большего Хану и не надо было.

Закрыв глаза, юный пилот сосредоточился на простейших движениях: вдох и выдох, а усталость тем временем начинала брать свое. Заныли виски, но это пустяки, надо чуть-чуть полежать с закрытыми глазами, и все пройдет. Всего одну минуту...

Когда он не слишком уверенно выплыл из забытья и открыл глаза, то обнаружил, что видит ночной кошмар. Ну и рожа... такова была первая мысль. Лишь годы общения с инородцами всех мастей помогли сдержать первоначальную реакцию.

Перед Ханом висела покрытая серовато-бурой кожей ширикая морда с круглыми глазами навыкате. Ушей у твари не было, а был большой, с человеческую руку длиной, тупой рог, выпирающий над узкими прорезями ноздрей. Безгубая пасть тянулась щелью вдоль всей морды.

Хан предпринял героическую попытку сесть, из обстановки заключив, что находится в госпитале. Вокруг порхал, ободряюще помаргивая, медицинский дроид.

Хозяин (если это был он) впечатлял размерами. Много больше вуки. Он немного напоминал беррите — тем, что передвигался на четырех ногах, похожих на древесные стволы. Но был намного крупнее. Голова твари сидела на короткой толстой шее, дальше шло массивное тело. Хан прикинул, что, если он встанет рядом, холка незнакомца окажется как раз на уровне его плеча. Морщинистая, отливающая маслянистым кожа на туше обвисала некрасивыми складками, особенно много их было

вокруг почти отсутствующей шеи.

Довершал картину хвост — длинный, гибкий, похожий па хлыст. Соло как раз вяло размышлял над тем, имеются ли у незнакомого существа хватательные конечности, когда заметил две крошечные ручонки, сложенные на груди и почти утонувшие в складках кожи. Кисти были на удивление нежные, почти детские, с четырьмя длинными цепкими пальцами.

Существо открыло рот и заговорило на не очень правильном, но вполне узнаваемом общегалактическом языке:

— О, приветствую тебя, мистер Драйго! Добро пожаловать на Илизию. Ты паломник?

— Но я не...

Хан поспешно захлопнул рот. Кажется, по голове он получил серьезнее, чем ожидал. Внутри черепа царил сумбур, из которого не без труда и не с первого раза удалось выудить воспоминание, что документы, которые лежали в кармане, принадлежали некоему Викку Драйго.

Хан своевременно обзавелся несколькими вторыми «я», каждое из которых могло предъявить удостоверение личности. Ирония заключалась в том, что единственный, кто не имел ИД-карты, был он сам, Хан Соло.

— Извините... — пробормотал юный пилот, берясь за голову, в надежде, что его оплошность спишут на травму. — У меня пока еще кружится голова... Нет, я не паломник. Я увидел объявление о работе, вам нужен был пилот-кореллианин...

— О, я понимаю. Но как ты очутился на борту нашего грузовика?

— Хотел добраться до Илизии побыстрее, вот и пробрался на борт. Коммерческого рейса надо было ждать целую неделю, а в объявлении говорилось, что пилот требуется срочно. Вы получили мое письмо?

— О да, мы его получили, — ответило существо.

Хан сверлил его взглядом, но понять выражение на его морде не удавалось.

— О, мы ждали вас, но не на «Илизианской Мечте».

— Вот, я привез с собой объявление. — Хан полез за пазуху комбинезона, висевшего на стуле возле кровати, и достал голографический кубик. — Тут написано, что пилот вам требуется позарез.

Он сунул куб существу.

— Ну вот... Меня зовут Викк Драйго, я кореллианин и соответствую всем вашим требованиям. Только... в общем, я хотел сказать, мне очень жаль, что «Мечта» разбилась. Раньше мне не приходилось иметь дело с такими моделями, но пара часов на

тренажере — и полный ажур. Боюсь, здешняя атмосфера кого угодно удивит.

Существо положило кубик на стол. Уголки безгубого рта чуть приподнялись.

— О, понимаю. Мистер Драйго, я — наивозвышеннейший верховный жрец Тероенза. Добро пожаловать в наш монастырь. Меня восхищает ваша инициативность, молодой человек. Путешествие на борту грузовика-автомата говорит в вашу пользу.

Приятно, когда тебя хвалят, но Хану больше всего хотелось, чтобы прекратила болеть голова.

— Э-э... спасибо.

— О, вы произвели на меня впечатление, немногие справились бы с посадкой робота-грузовика. И уж тем более мало кто обладает необходимой реакцией, чтобы выстоять перед ураганами нашей планеты. Корабль поврежден, но несерьезно, и ремонт уже начался. К счастью, вы посадили его на мягкий грунт.

— Так вы меня берете? — с живостью поинтересовался Хан.

«Класс! А я-то думал, они будут в бешенстве!»

— О, не хотите ли подписать годовой контракт? — вопросом на вопрос откликнулся Тероенза.

— Все может быть... — Хан откинулся на подушку и заложил руки за голову. — Сколько?

Верховный жрец назвал сумму, от которой кореллианин, несмотря на контузию, чуть не запрыгал по комнате от радости. О таком он и не мечтал. Тут же согласиться не позволили воспитание и коммерческая жилка.

— Не знаю, не знаю... — задумчиво протянул кореллианин, потирая ладонью подбородок. — На прежнем месте мне платили лучше.

Соврал, да, а кто докажет? Викк Драйго на самом деле получал кучу денег; пришлось хорошенько раскошелиться, чтобы заполучить в его досье соответствующую запись. Если честно, туда ухнули все сбережения плюс доходы от двух крупных краж, о которых Гаррис Шрайк и понятия не имел, но Хану требовалась надежная легенда. Викк Драйго должен был иметь возможность торговаться по максимуму.

Тероенза обдумал сказанное.

— Могу предложить тридцать тысяч в год и десять тысяч премиальных после шести месяцев, если вы не пропустите ни одного рейса.

— Пятнадцать тысяч, — машинально ответил Соло. — И вы даете мне возможность летать на тренажере.

— Двенадцать, — возразил Тероенза. — И вы платите за учебные полеты.

— Тринадцать, — уступил Хан. — И тренажер с вас.

— Двенадцать с половиной, — отрезал верховный жрец. — И тренажер с нас. Больше не дам.

— Согласен. Пилот у вас есть.

— О, я радуюсь нашему согласию. — Тероенза басовито, но мелодично хохотнул.

Контракт был составлен и подписан с похвальной скоростью, Хан согласился на требуемое в таком деле сканирование радужки, чтобы подтвердить свою личность. Надеюсь, они не лучше других и просто зададут общий системный поиск. Если местные жрецы прикажут провести более тщательный и более дорогостоящий поиск, чтобы выяснить, кому именно принадлежат отпечатки, то узнают много любопытного. Викк Драйго, Дженос Иданиан, Таллус Брин, Джанил Андрус и Кейл д'Тана — все имели одну и ту же сетчатку. Поскольку, в сущности, были одним и тем же человеком.

Перед побегом с «Удачи Торговца» Хан предусмотрительно оставил небольшую сумму кредитов и полный набор идентификационных карт в двух банковских ячейках на Кореллии: вдруг понадобится заметать следы. Отправляя ребят на промысел, капитан Шрайк снабжал их документами, а Хан копил их и по мере необходимости обновлял.

Империю такими подделками, конечно же, не обманешь, перед экзаменами в академию придется нехило раскошелиться на новое удостоверение, причем высшего качества, чтобы никто ничего не заподозрил.

Когда с формальностями было покончено, Тероенза вызвал младшего жреца, или, как их здесь называли, сакредота, и распорядился сводить нового работника на экскурсию по комплексу. Ему выдали форму с эмблемой илизианской колонии: огромный широко распахнутый глаз и рот.

Натягивая комбинезон и ботинки, Хан сообразил, что успел обильно вспотеть. Жара и влажность... Чудный климат. Но за деньги, которые платили жрецы, годик можно и потерпеть. Он основательно потренируется в пилотировании, у него будет доступ к тренажерам, а значит, вступительные экзамены в академию пройдут легче.

И накопятся деньги на достойную взятку, которая обеспечит прием документов и встречу с экзаменаторами. Можно, конечно, и честным путем, но тогда на все про все уйдет больше месяца.

Сакредот поведал, что его зовут Вератиль, и повел Хана по коридору мимо просторного амфитеатра и помещения с регистрационной стойкой.

— Наш странноприимный центр, — пояснил жрец, выводя

кореллианина на улицу.

Едва вдохнув, Хан немедленно облился горячим потом.

Душная влажная жара била по лицу не хуже кастета.

Воздух был перенасыщен ароматами: в тяжелую смесь тропических цветов и гниющей зелени вплетался один и тот же назойливый запах. Хан не смог его распознать, хотя определенно уже где-то встречал, и не один раз.

Хан постоял на невысоком пандусе, разглядывая ослепительно-яркое голубовато-серое небо. Раньше ему не доводилось видеть настолько крупного красно-оранжевого солнца; должно быть, планета располагалась к своей звезде ближе, чем Кореллия — к Корелу. Судя по теням, день давно перевалил за середину. Юный пилот посмотрел на наручный хронометр.

— Сколько здесь длятся сутки?

— Десять стандартных часов, господин.

Тогда пора прекратить удивляться здешней погоде. На планете жарко и влажно, и вращается она как волчок...

Хан осмотрелся. Пермакритовое покрытие внезапно обрывалось, уступая местной почве. Лужи свидетельствовали о недавнем дожде. Бурая грязь резко контрастировала с буйной сине-зеленой растительностью. С ветвей и лиан свисали гирляндами огромные цветы джунглей — алые, темно-фиолетовые, едко-желтые.

— Здесь у нас колония номер один, — пояснил сакредот. — Но мы обустроили еще две: пару лет назад мы основали вторую, а прошлой зимой — третью колонию. Но она еще маленькая. Вторая находится в ста пятидесяти километрах к северу отсюда, а третья — примерно в семидесяти к югу.

— А сколько лет первой колонии? — полюбопытствовал кореллианин, чтобы поддержать беседу.

— Почти пять.

Напротив странноприимного центра раскинулось летное поле, где одиноко скучал небольшой грузовичок, косо висящий на репульсорной подушке. «Мечта», наверное... Хан только сейчас сообразил, что никогда не видел корабля снаружи.

«Илизианская Мечта» оказалась не очень большой, но широкой каплеобразной телегой. Выпуклость на брюхе, где когда-то была орудийная башня, намекала, что этот кораблик далеко не всегда вел скучную жизнь автомеханического извозчика. Вторая полусфера, побольше, вздувалась на месте трюма. Несмотря ни на что, «Илизианская Мечта» отличалась своеобразным изяществом и была достаточно невелика, чтобы считаться проворной. Наверняка кореллианской постройки.

К грузовику тем временем подкатили тяжеловесные роботы-докеры и принялись трудиться над покореженными репульсорами. И корабль, и докеры, и все вокруг было заляпано рыжей грязью — несомненный результат эффектной посадки.

Хан ткнул пальцем в покрытые снегом вершины, поднимающиеся над высокими деревьями к северо-востоку от колонии:

— А это что?

— Горы возвышенного духа, — ответил Вератиль. — У их подножия стоит Алтарь обещаний, вокруг которого верующие ежевечерне собираются на Возрадование. Ты увидишь его, когда сегодня пойдешь на службу.

На службу, ошеломленно подумал Хан, но вспомнил размер оклада и согласился возносить молитвы без возражений.

— Занятное получится зрелище, — пробормотал он. — Это как пить дать.

По левую руку простиралась самая обширная грязевая лужа на памяти кореллианина, и в красноватой жиже беспечно нежились сородичи Вератиля и Тероензы; за ними ухаживала прислуга — как дроиды, так и живая. Хан разглядел парочку родианцев, нескольких гаморреанцев и как минимум одного человека.

— Наши грязевые отмели. — Вератиль обвел широким жестом обитателей рыжей лужи. — Мой народ наслаждается ваннами.

— А что вы за народ? — полюбопытствовал Соло. — Вы отсюда родом?

— Нет, мы, как и наша дальняя родня, хатты, происходим с Нал-Хатты. В какой-то мере. А зовемся мы т'ланда-тиль.

Хан взял себе на заметку как можно быстрее выучить язык этих самых т'ланда-тиль. Очень полезно знать чей-то язык, когда все вокруг думают, что ты ни слова не понимаешь из того, о чем говорят наниматели...

Сакредот продолжил экскурсию. Они обогнули здание странноприимного центра, и кореллианин выпучил глаза, увидев открывшееся перед ним пространство. Вот это да! Сколько ж деревьев пошло под топор? Из джунглей был выхвачен грубый квадрат километр на километр. Горы теперь были позади слева, а справа у горизонта виднелась сизая водная гладь.

— Озеро? — с надеждой спросил Хан, указывая туда.

— Нет, то Зома Гаванга, Западный океан, — проинформировал его Вератиль.

Хан пересчитал здания у грязевых отмелей. Получилось девять: пять трехэтажных, четыре — всего в один этаж, зато

каждое — размером с квартал любого кореллианского города.

— Там живут паломники?

— Нет, дормиторий вон там.

Жрец махнул лапкой на приземистое двухэтажное здание далеко в стороне.

— В многоэтажных строениях мы перерабатываем рилл, андрис и карсунум. Одноэтажные здания уходят глубоко под землю. На несколько уровней. Как ты понимаешь, глиттерстим любит кромешный мрак.

Андрис, рилл, карсунум... а в придачу еще и глиттерстим! Хан потянул носом воздух. Ну конечно же! Вот чем тут пахнет. Ребятки производят спайс! А ведь «Илизианская Мечта» везла груз глиттерстима высокой очистки, самой дорогостоящей и редкой разновидности спайса. Остальные препараты стоили гораздо дешевле, хотя любой контрабандист охотно ухватился бы за такой фрахт.

— Несколько раз в месяц мы получаем с Кесселя, Рилота и Нал-Хатты сырье, — продолжал Верати́ль. — Поначалу корабли-автоматы приземлялись в колонии номер один, но вскоре пришлось прекратить эту практику.

— Что так? — спросил Хан прежде, чем подумал, а хочет ли он знать ответ.

— Два корабля не справились со сложными погодными условиями и разбились, к нашему глубочайшему сожалению. Посему мы выстроили орбитальную станцию и решили пользоваться услугами живых пилотов, чтобы перевозить сырье вниз, в колонии. Поначалу у нас их было трое, но сейчас остался всего один, но этот несчастный салластанин, который на данный момент нас обслуживает... в своем роде болен. Вот почему ты нужен нам, пилот Драйго.

Приятно, когда ты кому-то нужен, ядовито отметил про себя Хан.

— Э-э... Верати́ль, а что стряслось с другими парнями?

— Один разбился, второй просто исчез. А еще мы потеряли много грузовиков-автоматов, что прискорбно сократило наши прибыли, — загрустил сакредот. — Спайс — доходное предприятие, но космические корабли нынче дороги.

— Это верно, — без энтузиазма согласился кореллианин. — Аварии никому не идут впрок.

Теперь ясно, почему пилоты не спешат обивать им пороги, добавил он про себя. Уцелевшие наверняка распустили слух, насколько здесь опасно...

Все познания Соло в различных видах спайса были почерпнуты из разговоров Шрайка с коллегами-

контрабандистами.

Добываемый на Кесселе глиттерстим — самый ценный. Если выставить его на свет, а затем быстро проглотить, он на время подарит почти телепатические способности. Им пользуются шпионы, им пользуются любовники, им пользуется Империя, допрашивая заключенных. Собственно, глиттерстим потому и был столь редок и столь привлекателен для контрабандистов, что Империя объявила его своей собственностью.

Рилл везли с Рилота, планеты тви'леков, где его добыча была разрешена и где он использовался в медицине как обезболивающее. Хотя из него можно было производить яды и галлюциногены, и это уже каралось законом.

Карсунум — черный спайс, тоже редкий и весьма дорогой, добывали на Севаркосе. Он вызывал состояние эйфории и благотворно влиял на тех, кто его принимал, улучшая их физические и умственные способности. Идиллию нарушал побочный эффект. После того как действие препарата заканчивалось, наркоман терял интерес к жизни, становился вялым п безучастным. Некоторые даже умирали, так как карсунум ухудшал обмен веществ.

Тот лее Севаркос снабжал Галактику андрисом, порошком белого цвета, который добавляли в пищу, чтобы улучшить ее вкус и увеличить срок хранения. Многие утверждали, что наркотик вызывает легкое возбуждение и усиливает ощущения.

На Илизии залежей спайса не имелось. Здесь его только перерабатывали.

— Фабрики... — вслух произнес Соло. — Какие большие...

— О да. На Илизии примечательно развитое производство, мы способны конкурировать с ценами на спайс, который продают непосредственно с Кесселя или Рилота, — с гордостью заявил сакредот. — И мы единственные предлагаем такой широкий ассортимент. Оптовые покупатели часто высказывают пожелание приобрести для своих клиентов разные виды спайса. И мы удовлетворяем их нужды.

На фабрику заходили и выходили существа разных рас. Людей было много, но попадались и инородцы: тви'леки, родианцы, гаморреанцы, деваронцы, салластане... Некоторые расы Хан не опознал. И все они были одеты в балахоны ниже колен, головные уборы полностью закрывали волосы. Вся одежда была бурого цвета.

Кореллианин указал на толпу:

— Рабочие?

Сакредот помедлил с ответом.

— Паломники, которые решили служить Единому и Всем,

трудясь на наших фабриках.

— А-а... — протянул Хан. — Ясно.

Чем больше он видел, тем отчетливее становилась картинка. И непригляднее. И вообще Соло мучили дурные предчувствия. Паломники съезжались на Илизию в надежде прикоснуться к святыне, а попадали на производство наркотиков. Хан чуял здесь врельта, притом дохлого.

Местное солнце успело опуститься к самому горизонту.

Фигуры в балахонах потянулись к горам на северо-востоке. Верати́ль поманил гостя за собой.

— Пришло время благословенным паломникам вознести молитвы и возрадоваться в Единстве, открыв сердца Всем. Проследуем же Тропой единения к Алтарю обещаний. Идем же, пилот Драйго.

Хан не стал упрямиться и зашагал по хорошо утоптанной множеством ног дорожке. Мимо них текла река паломников, но ни один не осмелился приблизиться, хотя все отвешивали сакредоту глубокие поклоны, прижимая ладони к груди.

— Они благодарят за Возрадование, которое ждет их вскорости, — объяснил ошалевшему кореллианину Верати́ль.

Чем дальше от цивилизации, тем гуще джунгли; вскоре ветви деревьев сомкнулись над узкой тропинкой. Хану начало мерещиться, будто он идет по диковинному туннелю.

Дорожка вынырнула из леса и обогнула еще одно открытое пространство; судя по всему, гигантское болото, покрытое толстым цветочным ковром. Таких красивых и необычных соцветий Хан в жизни не видел.

Цветочные равнины, — тоном экскурсовода сообщил младший жрец. — А мы только что миновали Лес Верности.

Соло кивал как заведенный и думал, насколько еще его хватит. Если местные заправилы ждут, что его проймет всеобщая набожность, то они обратились не по адресу.

После двадцатиминутной прогулки процессия добралась до просторной вымощенной площадки перед своеобразной беседкой на трех толстенных колоннах. Сакредот попросил кореллианина остаться с паломниками, а сам направился к алтарю, вокруг которого собрались другие т'ланда-тиль. Хан подумал, что вроде бы узнал в одном из них Тероензу. Сам алтарь был вырезан из полупрозрачного белого камня и будто светился изнутри.

Высокие горы с белоснежными шапками обеспечивали внушительный и впечатляющий задник. Хан запрокинул голову: самые высокие пики стыдливо прятались в окрашенных закатом облаках. Ледники пылали розовым и алым огнем.

Хан вынужденно признал, что потрясен. Естественный

амфитеатр в сочетании с брусчаткой площади и алтарем выглядел словно собор.

Верующие построились рядами и замерли в нетерпеливом ожидании.

Хан пристроился на задах, переминаясь с ноги на ногу в отчаянной надежде, что служба не затянется надолго. Он проголодался, у него болела голова, а от духоты тянуло в сон.

Верховный жрец поднял крошечные лапки и возгласил что-то на своем родном языке. Сакредоты вторили ему, и собравшийся на площади разношерстный народ тоже ответил дружным эхом. Хан насчитал четыре или даже пять сотен паломников, потом наклонился к соседу:

— О чем это они?

— Единый есть Все, — перевел паломник-тви'лек; говорил он на безупречном общегалактическом. — Желаешь ли, чтобы я пояснил тебе всю церемонию?

Поскольку Соло решительно настроился на изучение языков, он кивнул:

— Если не трудно.

Верховный жрец снова завел речитатив. Хан слушал ритуальные фразы, которые следом за Тероензой повторяли сакредоты, а затем монотонно бубнила толпа.

«Все есть Единый.

Мы — Единый. Мы принадлежим Всем.

В служении Всем да возрадуется каждый Единый. Мы приносим жертву Всем. Мы служим Единому.

В труде и жертве достигаются Все. Если каждый Единый без устали трудится, то возрадуются Все...»

И так далее.

Хан с трудом подавил зевок. Нудный урок получается. Через четверть часа Тероенза и другие жрецы вышли вперед и выстроились в одну линию.

— Вы хорошо поработали, — возвестил верховный жрец. — Благословляю вас! Примите же Возрадование!

Толпа выдала такой жадный вопль, что Хан вздрогнул от неожиданности и попятился. Подобно волне, словно они были и вправду едины, паломники попадали на колени, почти не дыша в порыве надежды и отчаянного желания.

Жрецы подняли руки. Сморщенные, провисшие складки кожи у них на шеях раздулись и начали пульсировать. Воздух над площадью завибрировал от низкого ритмичного гула.

У Хана чуть глаза не вылезли из орбит, когда он почувствовал, как нечто вселяется в его разум и тело. Вибрация? Звук? Не определить... Была ли то эмпатия, телепатия, или этот

ритм затронул его мозг? Соло не понимал, знал только, что сопротивляться невозможно…

Его словно накрыло высокой волной — душевное тепло, физическое удовольствие, все это, и даже больше. Хан сделал еще шаг назад, прочь, подальше от алтаря. Он пятился и пятился, пока не столкнулся с одним из лесных великанов, и тогда обнял дерево, почти обвис на нем; ногти глубоко впились в кору. И только эта шершавая кора под ладонями удерживала его на плаву, мешала волне экстаза смыть его, утащить в глубину.

Если накроет с головой, он уже не выплывет. Хан понятия не имел, где брать силы, но сражался не на жизнь, а на смерть — как учили. Всю свою сознательную жизнь он был хозяином своего разума и тела, и ничто ни в этой Галактике, ни в какой другой этого положения не изменит. Он — Хан Соло, и всякие посторонние ему в мозгах не требуются. Если ему захочется почувствовать себя хорошо, он как-нибудь сам управится.

«Я — свободный человек, я вам не паломник какой-то, не ваша марионетка! Свободный, слышите вы?»

Он боролся с ментальным вторжением, как дрался бы с реальным врагом из плоти и крови, и вдруг так же внезапно и быстро, как появилось, ощущение исчезло. Хан действительно освободился.

В отличие от паломников. Те корчились, распростершись на брусчатке, стонали от наслаждения и счастья.

Хана затошнило, и он перевел взгляд на жрецов, которых полна безумия не затронула. Так вот почему несчастные простофили остаются здесь, даже получая вместо обещанной благодати рабский труд! Горбатятся целый день, а потом, едва переставляя ноги, ползут за очередной порцией ощущений, по сравнению с которыми блекнет самый качественный спайс.

Интересно, а ему-то самому так ли уж обязательно подсаживаться на эти вечерние церемонии? Хан понадеялся, что нет. Очень трудно было сопротивляться манящему теплу. Кореллианин опасался, что если каждый вечер ему придется являться к алтарю, то в один прекрасный момент не хватит сил и решимости отказаться от «пилюль счастья», которые щедро рассыпали илизианские жрецы.

Паломники все-таки начали подниматься с земли. Стояли они не очень уверенно, зато у всех светились глаза, хоть читай без фонаря. И почти все ничем не отличались от наркоманов, которых Хан видел в притонах Кореллии и прочих планет, где в ходу спайс и убалах.

— И так каждый вечер? — поинтересовался он у тви’лека.

Красные глаза инородца сияли потусторонней радостью.

— О да! Разве не замечательно?

— Безумно, — искренне согласился кореллианин. — А было так, чтобы церемонию отменяли?

— Бывало, но лишь когда на фабриках случаются беспорядки. Однажды какой-то работник сошел с ума, взял в заложники мастера и потребовал вывезти себя с планеты. Жрецы отказались проводить службу и не дали нам возрадоваться... это было ужасно, просто ужасно.

С точки зрения Хана, «сумасшедший» вел себя абсолютно нормально, но Соло счел за лучшее воздержаться от критики.

— А что дальше было?

— Еще до утра мы скрутили нарушителя и отдали в руки стражников, благодарение Единому, — с готовностью ответил тви'лек.

Кто бы сомневался... Лиши наркомана дозы — он и не то еще вытворит.

Церемония, похоже, закончилась.

На обратном пути Хана догнал Вератиль, но кореллианин, не расположенный к светской беседе, совершенно правдиво сослался на усталость. Сакредот ответил, что все понимает, и проводил Соло назад в лазарет.

— Сегодня можешь есть и спать здесь, — сказал Вератиль. А завтра тебе выделят постоянное жилье в административном строении.

— Где это? — устало спросил кореллианин между ложками невразумительного, но сытного рагу из редикса.

— Отсюда не видно, но между деревьев есть дорожка. — Сакредот указал куда-то на северо-восток. — Я вернусь за тобой через, скажем, шесть часов. Хватит их тебе на хороший сон?

Хан кивнул, решив, что, если и не хватит, он свое обязательно наверстает.

Оставшись наконец-то в одиночестве, он разделся и скинул ботинки. Завтра нужно будет где-то разжиться свежими шмотками или постирать эти, иначе в приличное общество ему путь закрыт. В голову робко прокралась мысль о душе перед сном, но Хан клевал носом и не услышал ее тихого голоса.

С пробуждением в нужное время у него никогда не возникало проблем, и юный пилот «запрограммировал» себя на пять с половиной часов крепкого сна. Голова его кружилась от впечатлений. Хан улегся на больничную койку и моментально провалился в сон.

На следующее утро ему понадобилось несколько минут,

чтобы вспомнить, кто он такой (Викк Драйго, и попробуй только забыть!) и что он делает в душной комнате. Затем Хан все-таки предпринял вылазку в душевую и порадовался, обнаружив, что та оборудована всем необходимым для людей.

Намыливаясь, он фальшиво жужжал под нос песенку, но когда поднял ногу, чтобы помыть ее, то замер от удивления и отвращения: между пальцами завелась какая-то пакость! Дрянь была сине-зеленая и напоминала мох.

Встревоженный пилот продолжил исследование и обнаружил сине-зеленые следы под мышками, на шее и еще в одном, более интимном месте.

Сообщив грибку все, что он о нем думает, Хан скреб кожу, пока та не стала красная, зудящая, зато чистая. Он бы еще долго чтим занимался, но сообразил, что опаздывает, и стремглав выетел из душа. «Да что же это за место такое, а? Куда я попал?»

В спальне его ждал сюрприз, принявший облик медицинского дроида с новой униформой в одном манипуляторе и склянкой, полной вязкой серой мази, в другом.

— Прошу меня извинить за вторжение, — изрек дроид. — Но могу ли я поинтересоваться, не испытываете ли вы некоторые затруднения от... э-э... проявления грибка в различных местах?

— О да! — рявкнул Хан. — Дыра какая-то, а не планета! Врагу не пожелаешь тут жить!

— Совершенно с вами согласен. Могу ли я предложить нам содержимое этой склянки? При регулярном применении наружно оно предохранит вашу кожу от грибка.

Программируют их так, что ли? Вот пусть Хану доходчиво объяснят, каким образом эта жестянка ему сочувствует, а?

— Спасибо, — буркнул он без энтузиазма и удалился, чтобы намазать пораженные участки.

Воняла мазь прегадостно, зато вмиг сняла раздражение. Хан оделся и очень себе понравился в первой своей летной форме. Цветные нашивки выглядели стильно.

Об увиденном накануне и паломниках он решил не думать. Этих слабоумных никто не гнал сюда пинками, так почему он должен тратить свое драгоценное время на думы о несчастных сих? Он уже постановил, что заботиться будет л ишь о Хане Соло — то есть прямо сейчас о Викке Драйго.

«Я хочу летать. И буду летать. У меня будет корабль. И как только мне здесь что-то не понравится, заберу свои денежки — и ищи меня! Как они, интересно, меня удержат?»

В самом радужном настроении юный кореллианин ухмыльнулся своему отражению в зеркале и отдал себе военный салют.

— Кадет Соло для прохождения службы прибыл, сэр! — проговорил он, пробуя слова на вкус.

Мечта об академии обещала вот-вот сбыться.

Первым попавшимся на улице существом оказался Тероенза. К счастью, Хан вовремя вспомнил о хороших манерах.

— Доброе утро!

Верховный жрец в ответ склонил тяжелую голову:

— О, и тебе доброе утро, пилот Драйго. Разреши мне познакомить тебя кое с кем. Работая на нас, ты будешь проводить с ним довольно много времени.

Тероенза сделал приглашающий жест, и Хан услышал за спиной шорох. Кореллианин стремительно повернулся и, не удержавшись, сделал шаг назад.

Первое впечатление было неутешительное: нечто высокое. Второе было не лучше: острые зубы и кинжалы клыков. Их владелец был под три метра ростом, он даже на вуки мог взглянуть сверху вниз, а его клыки, похоже, были способны разорвать дюрасталь, как фольгу. С макушки до пяток существо покрывал густой мех, но тем не менее штанами оно не брезговало. А еще оно носило пояс с ножнами, в которые был вложен кривой нож, и кобуру с бластером на бедре. Шкуру рябило от игры мускулов.

Существо плотоядно ухмыльнулось, продемонстрировав, что до того показало еще не все зубы.

— Приветшшвую... — шепеляво мяукнуло оно на басах.

— Это Мууургх, — представил его Тероенза. — Он тогорианин, представитель народа, который считается одним из самых честных в Галактике. Никто не сравнится с тогорианином в вопросах чести и преданности, тебе это известно, пилот Драйго?

Соло обвел гиганта взглядом и сглотнул.

— Э-э... как-то не доводилось... — кое-как выдавил юный пилот.

Мы приписываем Мууургха к тебе в качестве... телохранителя, пилот Драйго. На поверхности Илизии или вне ее Мууургх повсюду будет следовать за тобой. Верно, Мууургх?

— Мууургх давать шлово чести, — проинформировал тогорианин.

Верховный жрец сложил на широкой груди крохотные ручонки и скривил рот в подобии насмешливой улыбки.

— Мууургх обязан следить за тем, пилот Драйго, чтобы, куда бы ты ни пошел и чем бы ни занимался, ты оставался в безопасности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
МУУУРГХ

Хан глазел на великана, покрытого черным мехом, и думал, что дело швах. Тероенза выразился недвусмысленно: переступишь черту, и тебя разорвут пополам. Тогорианин вполне на такое способен.

Соло мужественно улыбнулся:

— Рад знакомству, Мууургх! Хоть скучать не придется в рейсе.

— Да-а... — выдохнул телохранитель и подошел ближе. Хан грустно отметил, что едва достает макушкой тогорианину до белого пятна на груди. Инородец так напоминал представителя семейства кошачьих, что Хан изумился до глубины души, когда не обнаружил хвоста.

— Мууургх насслашдаться коссмический дорога, — не слишком уверенно произнес телохранитель, нещадно коверкая общегалактический.

На черной морде ярко белели усы, а глаза были пронзительно-голубые, с ярко-зелеными узкими зрачками.

— Мууургх ходить во многий коссмопорты. Чем больше, тем лучше.

Хан с трудом продирался сквозь манеру тогорианина излагать мысли, но в общем-то улавливал суть. Гораздо больше его волновал вопрос, сколько мозгов вмещается в черепушке нового знакомого и умеет ли Мууургх ими пользоваться. То, что парень не умеет складно болтать на общегалактическом, не значит, что он тупица. Хан понадеялся на последнее...

Соло лучезарно улыбнулся.

— О, мы решили дать тебе отдохнуть денек, устроиться на месте, пилот Драйго, — заявил Тероенза. — Перебирайся в свою комнату в административном корпусе. Мууургх покажет дорогу. А завтра мы хотели бы, чтобы ты начал грузовые и пассажирские перевозки между колониями. К тому времени как на орбитальную станцию прибудет новый груз спайса, ты уже будешь готов доставить его на планету. Завтра я отправлю второго нашего пилота Джейлуса Небла отдыхать. Он усердно потрудился.

Хорошо бы познакомиться с бедолагой. Сравнить впечатления, так сказать...

— Нормально. А можно я... немного поосмотрюсь тут? Разведаю рельеф местности.

Тероенза вновь склонил голову:

— О, разумеется, пока Мууургх сопровождает тебя, а ты не нарушаешь правила безопасности, установленные на фабрике.

— Да без проблем, — заверил его Хан.

Тероенза неуклюже изобразил поклон.

— О, прошу меня извинить, мы ждем этим утром новых паломников с орбитальной станции. Мне нужно подготовиться к встрече.

Хана безумно заинтересовала дальнейшая судьба паломников. Добывать спайс — занятие крайне малоприятное, невеселое и к тому же опасное. Иначе преступников не посылали бы на Кессель. А еще Хан терялся в догадках, что же происходит с добытым спайсом?

Что ж, он выяснит. Может быть, даже обратит ситуацию в свою пользу. Никогда же не знаешь, где найдешь, где потеряешь. В учебнике жизни под авторством Хана Соло было записано, что знание, как правило, ведет к власти... или как минимум к быстрому и удачному побегу.

Мууургх проводил кореллианина по мощеной дорожке через джунгли к большому и очень современному зданию.

— Администратывный корпусс, — сообщил тогорианин, тыча в него лапой.

Затем он показал боковой вход и малоприметную в ряду прочих дверь в коридоре.

— Твоя, — сказал телохранитель, отпирая замок. — Мууургх сспать вот тут.

За дверью обнаружилась небольшая квартирка со спальней, душевой комнатой и скромных размеров гостиной. Хан порадовался: Тероенза выполнил условие договора и распорядился, чтобы в углу спальни установили полностью укомплектованный тренажер. Стоя на пороге, Мууургх широко взмахнул лапой:

— Пилот сспать ссдессь.

— А ты где будешь ночевать? — закинул пробный шар Хан.

Как и ожидалось, тогорианин вознамерился обосноваться в гостиной.

— Мууургх ссдессь.

«Здорово... жрецы доверяют мне не больше, чем я им. Этот громила разляжется между мной и выходом, а как мне незаметно выйти, хотелось бы знать? Просто здорово».

— По-моему, тут не слишком удобно, не находишь? — состроив невинную мину, заметил кореллианин, а про себя понадеялся на крепкий сон неожиданного сожителя. — Может, отыщем тебе отдельную комнатку? Устроишься с комфортом.

— Мууургху удобно, где ему держжать шлово чесссть, —

заявили ему в ответ.

Хан так и не понял, почудился ему в сине-зеленых глазах веселый блеск или нет.

— Мууургх давает шлово чесств завссегда наблюдать за пилот. Вот Мууургху удобно ссдесь.

— Тебе решать.

Хан задумчиво посмотрел на бластер, который покоился в кобуре тогорианина, и сменил тему.

— Когда я сюда прилетел, у меня тоже было оружие. А теперь я и не знаю, где оно. Надо бы попросить, чтобы вернули.

— Пилот бласстер без нушшды. — Мууургх выпустил когти. — Верховное шшрец говорить: пилоту бласстер ни-ни.

— А если мной хищник захочет перекусить? — возмутился Хан, тыча в стену и имея в виду джунгли снаружи.

Он с легкостью вообразил, с каким удовольствием неведомый зверь поохотится на залетного кореллианина, пусть даже не слишком упитанного.

Рослый нечеловек замотал усатой мордой:

— Нет сса что. Пилот иметь Мууургх, Мууургх иметь бласстер.

— А... ну да.

Хан все равно решил выклянчить у Тероензы хоть какое-нибудь оружие; с бластером кореллианин ходил всего пару дней, но уже чувствовал себя без него как без штанов.

— Ну что, пойдем оглядимся? — вслух предложил юный пилот. — Багажа у меня нет, сам видишь.

— Оссмотреть где? — пожелал знать дотошный телохранитель.

— Начнем с фабрики, ну и административный корпус тоже.

— Хорошо. Иди, пилот.

— После вас...

Они прошлись по коридорам, ознакомились со столовой, наведались в пристройку, где жила охрана, и глянули одним глазком на хоромы жрецов. Обнаружив арсенал, Хан пришел к выводу, что жрецы все же опасаются восстания, потому что количество стражников превышало все нормы. Нашлось даже тяжелое вооружение для подавления возможного бунта — силовые пики и парализующий газ. Встреченные по дороге охранники слетелись на Илизию с разных планет — люди, гаморреанцы, тви'леки, родианцы, салластане.

— Давай-ка кое-что проясним, — сказал Хан, добравшись до таблички, которая на разных языках гласила: «Запретная зона». — Охрана спит здесь, так? Паломники — в дормитории. Почему так далеко, если их нужно держать под контролем?

— Время ссна — проблемов нет, — сообщил тогорианин на своем экзотическом варианте общегалактического языка. — Паломник вошрадовался, едва-едва ходить, сспят сразу. Единсственные времена паломников шлитсся на хозяева — перед Вошрадование.

Согласен. Дай наркоману дозу — и он, счастливо пуская пузыри, продрыхнет до утра.

— То есть охранники...

Хан замолчал, увидев, как в конце коридора проплывает серый мешок килограммов на пятьсот.

— Эй, а это еще что такое? Да это ведь...

И опять он не договорил. Объект его интереса миновал табличку с запретом и исчез за углом. Кореллианин взял с места в карьер.

Мууургх попытался цапнуть его за куртку, но Хан оказался проворнее и убежал по запретному коридору, прислушиваясь, нет ли топота за спиной. Ни звука.

Добравшись до перекрестка, Соло заглянул за угол, чтобы удостовериться, что глаза его не обманули.

Эй, да это же хатт! Что здесь делает хатт? Невозможно ошибиться и принять этих жирных слизней на репульсорных санях за кого-то другого.

Пока он там переминался, Мууургх закогтил его, точно врельта, и легко оторвал от пола. Хан чуть было не заорал от возмущения, когда его сунули под мышку и побежали в обратном направлении. Остановился телохранитель лишь в разрешенном для посещения секторе.

Где поставил ношу на пол и пихнул под самый нос пушистый кулак.

— Моя народ учить: один ошибка можно каждый, — рыкнул Мууургх. — Пилот ссовершает ссвоя. Больше ошибков ни-ни, или Мууургх поучает как неумный кутенок. Мууургх давать сслово честь, помнить, нет? Яссно?

Острые словно бритвы когти отливали металлом.

— Э-э... ага, — выдавил Хан. — Я все понял. Ты вообще слышал о такой штуке, как любознательность? Людей она по-рой одолевает.

— Любопытному кубазу носе оторвать, — отрезал неступчивый телохранитель. — Людям тож.

— Нехилая остро*т*а, — сухо откликнулся Хан. — Вернее, острот*а*.

Тогорианин уставился на сияющие кончики когтей, а потом поднял голову и басовито мяукнул... Хан на всякий случай похолодел, но потом сообразил, что Мууургх смеется. Кажется,

чувство юмора у тогорианина имелось.

Соло тоже сумел неубедительно хихикнуть.

— Ну что, добудем чего пожевать, а фабрики оставим на потом, что скажешь, приятель?

— Мууургх голодать вссегда, — согласился инородец и бодрой рысцой отправился в столовую. — Что оссначать сслово «приятель»?

— Ну, хороший знакомый, друг. Тот, с кем весело проводишь время, — пояснил Хан.

— То ессть... пилот хочетс-ся говорить «товарищ по сстае»?

— Нуда.

— Хорошо, да! — обрадовался телохранитель. — Мууургх сскучать по товарищ по сстае.

За едой Хан вспомнил, как Тероенза говорил, что его народ прилетел сюда с Нал-Хатты, но ему как-то не приходило в голову, что хатты тоже живут на Илизии. Спрошенный на эту тему Мууургх подтвердил, что видел нескольких «сслиссняков-хоссяев, кто ходить по воссдух».

И есть тому единственное разумное объяснение. Хатты, вот кто настоящие хозяева Илизии. В конце концов, они номер один в торговле наркотиками.

Завтрак был неплох, хотя безыскусен и, по мнению кореллианина, несколько пресен. И все же повара было за что похвалить. Хлеб он пек великолепный. Хан набил рот алдераанскими лепешками, неожиданно сообразил, что вот уже целый день ни разу не вспомнил Дьюланну, и почувствовал себя подлецом. Помогли только лепешки. Дьюланне не хотелось, чтобы он горевал и хандрил из-за нее. Она всегда радовалась жизни и не ожидала бы от своего непутевого воспитанника иного лишь потому, что ее самой не стало...

Хан очнулся от воспоминаний и обнаружил, что Мууургх с любопытством его разглядывает.

— Пилот думать о кто-то где-то вдали, — выдал заключение тогорианин, размахивая костью, которую только что обгладывал.

С нее все еще свисали клочья сырого мяса, но Мууургх уже серьезно над ней потрудился. Интересно, сколько мяса требуется, чтобы поддерживать это могучее тело в рабочем состоянии?

— Точно, — со вздохом согласился кореллианин. — Так далеко, что не дотянешься.

— Пилот иметь милую ссердсу?

Хан покачал головой.

— Были порой девчонки, — не стал скрывать он. — Ничего

особенного. Нет, я думал о той, которая меня вырастила.

Мууургх надолго приложился к высокой кружке, глотая пенистую жидкость.

— Человеки вссращивать молодые пороссль ссовссем другой сспоссоб, чем моя народ, — сообщил он, облизав усы.

— Да? Расскажи о своей планете.

Телохранителя не пришлось упрашивать, он с готовностью пустился в описание Тогории, где мужчины и женщины, равные в правах, живут раздельно. Мужчины ведут кочевую жизнь, охотятся стаями, летают над прериями на огромных крылатых рептилиях — мосготах. Женщины разводят животных на мясо, им нет нужды охотиться. Живут они в городах и деревнях, и именно женщины занимаются всей промышленностью на планете.

— А как же вы... — Хан замешкался, подыскивая слово поделикатнее. — Ну там... это... сходитесь, понимаешь? В том смысле, чтобы размножаться...

— Расс в год мы приходить в города, осставатьсся с подруга. Когда нет, много-много думать о них. Тогориане эмоциональные, сспоссобны на великая любовь. Оссобо ссамцы. Великая любовь, вот почему Мууургх находитьсся быть ссдессь. Мушшчины моя народ редко покидать наш планета, пилот сснать?

— Теперь — да. А что ты имел в виду, когда говорил, будто прилетел на Илизию из-за большой любви? Или я что-то не понял, или у тебя есть подруга.

Тогорианин печально кивнул:

— Обещанная подруг. Как-нибудь ссоединяться на шизнь, коли Мууургх отысскать ее ссмочь.

Гигант душераздирающе вздохнул и понурился. Он был гак несчастен, что Хану стало его жаль.

— Как ее зовут?

— Мрров. Прекрассная, прекрассная Мрров. Тогорианссские шенщины делать порой непонятное, она так ше решить глянуть, как ессть Галактика там. Мууургх умолять, говорить: ходить нет; но шенщины есть упрямый ссущесство.

Инородец нерешительно глянул на Хана, кореллианин согласно кивнул.

— Это точно, я с такими тоже сталкивался...

— Мрров уйти далеко-далеко. Не приходить домой, не ссоединяться ссо мной. Мууургх быть горько печален и не ссмочь осставаться домой. Долшшен был сснать, есть с Мрров что.

— Ну... и как? — Хан отхлебнул полианского эля.

— Мууургх высслешивать ее с планета на планет, и еще планета.

— Ну и? — подбодрил тогорианина Хан, когда тот опять

замолчал.

— И потерять сслед. Кто-то на Орд-Мантелл говорить: видеть Мрров, видеть она всходищь по трап. Мууургх проверять рассписание, находить корабль, много-много паломники. Несколько портов заходить. Мууургх видеть шанс, приходишь ссюда, много паломников приходишь ссюда, вот почему.

Могучий фелиноид опять испустил тяжкий вздох и горестно пожевал кость.

— Гадать хорошо нет. Мууургх спрашивает, жрецы говорить, нет ссдесь тогориан. Мууургх не сснать, куда ходить. Мууургх нужно деньги на поисск...

Усы его поникли.

— И ты решил наняться в охранники, чтобы заработать. — Хан сам догадался, как заканчивается история.

— Да-а...

Соло качнул головой:

— Грустно это, приятель. Надеюсь, ты отыщешь свою подругу, правда очень надеюсь. Нелегко потерять того, кого любишь.

Телохранитель понуро кивнул.

После завтрака состоялась экскурсия на фабрику. Хан понюхал воздух, в котором перемешались запахи разных видов спайса; нос слегка защипало. Интересно, можно ли заторчать, нанюхавшись спайса? Хан указал на глиттерстимовый цех.

— Давай-ка заглянем. Я столько слышал о том, как готовят спайс, но видеть не приходилось. Очень хочется взглянуть.

На входе их остановил строгий охранник, пожелавший знать, кто такой Хан. После переговоров с Мууургхом родианец вручил им обоим бирки с надписью «Гость» и защитные инфракрасные очки. И махнул рукой: идите, мол.

— Очки-то зачем? — спросил Хан на родианском; понимал он этот язык неплохо, но вот с произношением всегда возникали трудности. — Надо их надеть?

Фиолетовые глаза охранника увлажнились.

— Да, пилот Драйго, — шумно высморкавшись, сказал он. — На подземных этажах запрещено пользоваться светом. Спуститесь на турболифте. На каждом этаже делают спайс разного качества. Самые отборные и длинные нити — в самом низу, чтобы исключить любую возможность порчи их светом.

— Ладно-ладно, понял.

Хан потянул Мууургха за собой на площадку турболифта между рядами контейнеров.

— Давай посмотрим качественный товар, — предложил кореллианин.

Вообще-то, Хан надеялся, что сумеет незаметно прихватить с

собой один-два, а то и больше, симпатичных черных пузырьков. Если продать немного глиттерстима на стороне, можно значительно улучшить свое благосостояние. Хан нажал кнопку самого нижнего этажа, и платформа, слегка покачиваясь, начала спуск. Откуда-то снизу повеяло прохладой, особенно приятной после илизианской жары. Через этаж свет отключился. Хан нашарил очки, нацепил их, и зрение тут же вернулось, хотя теперь все стало черно-белым. «Освещение» тут все же было: от крошечных, утопленных в стенах ламп. Турболифт полз вниз, Хан разглядывал рабочих, сгорбившихся над столами, где были разложены кучки нитей, усеянных миниатюрными кристаллами.

В конце концов шестью этажами ниже лифт причалил; Хан и Мууургх вышли.

— Ты что, раньше здесь не был? — негромко спросил кореллианин у телохранителя.

Шерсть на загривке Мууургха стояла дыбом, белые усы были встопорщены.

— Нет... — пробормотал тогорианин в ответ. — Моя народ прошшивать равнина. Пещеры не возлюбить. Тьму не возлюбить. Муургх будет радостно, когда пилот шелать уйти это мессто. Мууургх давать сслово чессти, иначе мерсская тьма ходить нет.

— Держись, — посоветовал ему Соло. — Мы быстро. Я лишь одним глазком гляну — и обратно.

В зал, похожий на пещеру, он вошел первым. Темноту заполнял легкий шорох, но в остальном все было тихо. Рядами стояли длинные столы, за которыми сидели или склонялись, в зависимости от анатомии, которой обладали, паломники. Много было людей. Некоторые при появлении чужаков подняли головы. Хан вместе с Мууургхом подошли к надсмотрщице, мохнатой деваронке, и назвали себя.

— Мои работники самые умелые, — с гордостью сообщила она, обводя красной когтистой лапой зал. — Требуется настоящее искусство, чтобы взвесить и отделить нужное количество нитей и получить необходимую дозу спайса. Важнее вес, хотя и чрезвычайно трудно выровнять нить, чтобы она активировалась целиком.

— Разве спайс не минерал? — удивился Хан. — Я думал, его в шахтах добывают.

— Да, но как он формируется, нам неизвестно. Мы считаем, что спайс биологического происхождения, но не уверены в этом. Его находят в подземных туннелях на Кесселе, и добыча идет в абсолютной тьме, как и здесь.

— То есть спайс надо сразу же запихать в футляр, так, что ли?

— Вот именно. Неправильно уложенные нити спутаются, их кристаллы сцепятся друг с другом и сотрутся в менее действенную, а следовательно, менее ценную пыль. Опытному работнику требуется час, чтобы должным образом наполнить один-два флакона.

— Ясно, — впечатлился кореллианин. — Не возражаешь, если мы тут погуляем? Обещаю, что ничего не будем трогать.

— Отнюдь. Только попусту не отвлекать работников. Одно небрежное движение, как я сказала, может испортить множество нитей.

— Я все понял, — сказал Хан.

Нити необработанного глиттерстима были черные, но Хан умел слушать, а из услышанного делать выводы, а потому знал, что на свету они засияют синим. Кореллианин остановился возле одного из рабочих и стал восхищенно наблюдать, как тот отделяет нити спайса друг от друга и с величайшей осторожностью выравнивает их. Нити обвивали пальцы работника, некоторые были мягче шелка, но грани крошечных кристаллов резали не хуже бритв. Рабочий поместил несколько спутавшихся нитей в крохотные тисочки и продолжил кропотливо отделять их, пока все цепочки кристаллов не выровнялись должным образом. Пальцы рабочего двигались так про-порно, что и не уследишь. Хан отметил, что выбрал для наблюдения умелого работника… нет, работницу. Все-таки здорово эти паломники управляются с делом, которое требует точности и проворства. Хан видел их вчера после Возрадования и всем скопом записал в тупоумных кретинов. Во всяком случае, именно так они выглядели…

Работница занялась особо путаным клубком: погрузила и переплетения нитей узконосые плоскогубцы, пристально вглядываясь в сочленение, где острые маленькие кристаллики сцепились друг с другом. Глиттерстим змейками извивался в ее ладонях, словно крошечные живые щупальца, поблескивая гранями. Одно быстрое, короткое движение — и клубок вдруг развернулся, и все нити сложились в нужном порядке.

Кроме одной.

Кристаллы разрезали кожу между указательным и большим пальцем, из глубокого пореза полилась кровь. Хан судорожно вздохнул. Еще немного — и работница лишилась бы пальца. Работница зашипела от боли, затем что-то пробормотала на общегалактическом и зажала рану другой рукой, чтобы остановить кровотечение. Хан, который собирался было уйти, замер на месте. Акцент! Паломница прилетела сюда с Кореллии. Разглядеть подробности под просторным бесформенным

одеянием и надвинутой на самый нос шапкой не удалось; глаза прятались за защитными очками. Но Хан мог держать пари на что угодно, что это девушка, а не старуха. Паломница морщилась, изучая порез, развернулась на стуле, отведя руку подальше от рабочего стола, чтобы кровь капала на пол.

Вообще-то, разговаривать с работниками не полагалось, но паломница сейчас не работала, так что фактически Хан ничего не нарушал. Кровь все не унималась.

— Ты порезалась, — сказал пилот. — Хочешь, я позову надсмотрщицу, она тебе поможет?

Девушка — паломница была одного возраста с Ханом, может быть, даже моложе — вздрогнула и подняла голову. В инфракрасном освещении ее зеленовато-белое лицо казалось смертельно бледным. Да она света солнечного не видит, весь день в темноте.

— Нет, прошу вас, не надо, — быстро произнесла паломница, мягко сглатывая звуки (так-так, она с южного континента). Если меня отошлют в лазарет, я пропущу Возрадование.

Она содрогнулась при этой мысли — или, может быть, просто замерзла. Хан успел продрогнуть, а ведь он здесь и часа не провел. Как это паломники выдерживают целый день в промозглой тьме?

— Но рана глубокая! — запротестовал Соло.

Работница пожала равнодушно плечами:

— Кровь уже не идет.

И она была права.

— Но как же...

Паломница решительно покачала головой, оборвав кореллианина на полуслове:

— Благодарю за заботу, но все в порядке. Не в первый раз.

Криво улыбнувшись, она вытянула перед собой руки, и

Хан чуть не поперхнулся. Пальцы, запястья и предплечья были исполосованы тонкими шрамами. Некоторые царапины давно зажили, остались только белые следы, но многие еще сочились кровью, свежие и болезненные. А между пальцами цвели светящиеся россыпи точек; должно быть, тот самый грибок, который Хан обнаружил у себя в душе нынче утром. На его глазах от общего пятна к ране протянулся тонкий усик. Девушка негромко вскрикнула и оторвала «побег».

— Грибок любит свежую кровь, — пояснила работница, заметив отвращение на лице кореллианина. — Можно заразиться и серьезно заболеть.

— Ну и гадость, — согласился Хан. — Ты уверена, что тебе не надо к врачу?

Она вновь покачала головой:

— Со мной все время так, сам видишь. Прости, пожалуйста... ты ведь с Кореллии, да?

— Как и ты. Меня зовут Викк Драйго, я новый пилот. А ты кто?

Девушка едва заметно поджала губы:

— Я... вообще-то, разговаривать запрещается. Мне лучше вернуться к работе.

— Рабочая есть прав, — внезапно подал голос Мууургх, который до того молча наблюдал за происходящим. — Пилот обяссан позволять рабочему делать свой дело.

— Лады, приятель, я все понял, — заверил Хан тогорианина, но уйти и не попрощаться с соотечественницей и не подумал. — Ну, может, в другой раз. После ужина, что скажешь?

Девушка отрицательно покачала головой. Мууургх указал Соло на выход: шагай, мол. Хан сделал ровно один шаг.

— Да ты не загадывай. Колония маленькая, еще встретимся. Как тебя зовут?

Паломница только качала в ответ головой, приклеивая к ране пластырь. Мууургх угрожающе зарычал, но Хан заупрямился. Гораздо больше недовольство косматого гиганта обеспокоило девушку.

— Оставляя все мирское и суетное за порогом священного убежища Илизии, мы отказываемся от имен.

Хан начал злиться. Ну вот, он наконец-то встретил того, кто хорошо знаком с этим местом, да еще со своей родной планеты, и что?

— Пожалуйста, — сказал он, пока Мууургх легонько подталкивал его к лифту. — Должны же к тебе как-то обращаться.

Хан расплылся в самой очаровательной улыбке, Мууургх продемонстрировал клыки. Неизвестно, что больше подействовало на работницу.

— Я — паломница 921, — торопливо пробормотала девушка.

И у Хана появилось ощущение, что сдалась она только для того, чтобы уберечь соотечественника от праведного гнева Мууургха. Терпение у телохранителя лопнуло, и он зашагал прочь, волоча упирающегося кореллианина за руку.

— Спасибо тебе, 921-я! — крикнул Хан, с небрежным изяществом посылая девушке прощальный привет, как будто его чуть ли не ежедневно носит под мышкой какой-нибудь тогорианин. — Удачи тебе с этим прядением! Еще увидимся!

Паломница не удостоила его ответом. Когда же Мууургх в конце концов отпустил подопечного, Хан без возражений последовал за телохранителем в ожидании лекции от

рассерженного гиганта. Но тогорианина, кажется, удовлетворила покорность кореллианина, и он погрузился в обычное для себя настороженное молчание. Соло оглянулся на новую знакомую и увидел, что та вновь погрузилась в работу и, похоже, начисто забыла о соотечественнике.

Паломница 921… интересно, узнает ли он ее в другой раз? За инфракрасными очками лица Хан не разглядел и понятия не имел, как выглядит девушка, знал только, что она молода.

Хан исходил цех вдоль и поперек, понаблюдал за другими рабочими, но ни с кем больше не заговаривал и в конце концов вернулся к надсмотрщице-деваронке.

— А когда работа окончена, кто укладывает кристаллы в пробирки?

— Это на пятом уровне.

— Пойду гляну, — сказал ей пилот. — Интересно у вас тут.

— Это точно, — согласилась деваронка.

Так, значит, здесь заканчивают работать с самым высококлассным спайсом, размышлял кореллианин, следуя в темноте за Мууургхом. А тот, выяснив, что Хан не собирается наверх, принялся жалобно мяукать.

— Не парься, — посоветовал Хан. — Я одним глазком.

Соло прогулялся по следующему этажу, выясняя, где именно складируют черные пузырьки; в других глиттерстим не хранят. А отыскав, немедленно пал духом. Конвейер, куда рабочие ставили полные корзины, охраняли четверо головорезов. Хан почувствовал поток теплого воздуха; должно быть, где-то рядом установлен обогреватель. Стражники предпочитали комфорт.

Четверо? Хан вгляделся. Нет, погодите-ка… одну секундочку, а это у нас кто? Ему почудилось смазанное движение, но потребовалось еще несколько мгновений, и только потом на фоне черной каменной стены Хан разглядел маслянистую тень. Причем у тени имелись глаза — крошечные красно-оранжевые бусины. Четыре штуки. Хан прищурился и увидел по бокам черноты два бластера.

Аар’аа! Хамелеоны!

Каким ветром его занесло в этот сектор Галактики?

Обитатели планеты Аар обладали способностью изменять цвет кожи и сливаться с окружающей обстановкой; их было очень сложно заметить. Особенно в темноте. Хану довелось слышать об аар’аа, но лично не встречал ни одного. Теперь ясно, почему здесь обогреватели; рептилии любят тепло, на холоде они становятся заторможенными и неуклюжими.

Соло не прекращал наблюдения, решив не останавливаться на достигнутом, и вскоре обнаружил еще парочку аар’аа.

Поверхность их шкуры напоминала гальку, а по спине сбегала длинная складка кожи. Глаза прятались под могучими надбровными дугами и казались вдвое меньше размером. Одна из рептилий сморщила короткое тупое рыло и распахнула пасть, сверкнув клыками и высунув липкий красный язык. По середине морды бежала еще одна кожаная складка, переваливалась через макушку и сливалась с той, что была на спине.

Аар'аа лишь казались глупыми и медлительными, а острые когти отбивали всякую охоту связываться с их обладателями. Рептилии были ниже ростом, зато гораздо шире в плечах, крепче и явно тяжелее.

Хан вздохнул. План номер один отменяется.

Как будто ему аар'аа было недостаточно... Остальная стража — два родианца, деваронец и тви'лек — выглядела достаточно злобно и свое дело, без сомнения, знала. И гаморреанцев среди них, к сожалению, не было. Так что никакого шанса поставить в тупик, смутить, заговорить зубы, отвлечь. Хан плюнул с досады и, к несказанной радости Мууургха, направился к турболифту. А плана номер два в природе пока не существует, напомнил себе кореллианин. Кажется, все идет к тому, что придется зарабатывать кредиты честным путем.

В юную бедовую голову так и не сумела закрасться мысль, что перевозка спайса, по сути, абсолютно противозаконное занятие...

Паломница 921 с отсутствующим видом грызла черствый кусок хлеба и старалась забыть молодого пилота. В конце концов, она же часть Всех, единое целое с Единым, а мирские заботы (симпатичных ребят, например) она оставила в прошлом. Она прилетела сюда трудиться в поте лица своего, чтобы возрадоваться и помолиться Единому как части Всех... И в эту благочестивую жизнь не вписываются беседы с парнем по имени Викк. Интересно было бы посмотреть на него без защитных очков. Какого цвета у него волосы? А глаза? От его улыбки становилось как будто теплее...

921-я («Я скучаю по имени!») решительно тряхнула головой, чтобы изгнать из памяти кривоватую ухмылку, от которой замирало ее сердце. Нужно молиться, нужно соблюдать обеты, да еще не забыть бы наложить на себя наказание за то, что отделяет себя от Единого, иначе ее изгонят от Всех.

Еретические мысли отступать не собирались. А еще воспоминания. Они с Викком оба родом с Кореллии.

Паломница 921 подумала о родной планете, рискнув на

минуту вспомнить ее, вспомнить семью. Как там родители? Чем занят брат? Живы ли они? Здоровы? Сколько времени она провела здесь? Один день на Илизии был так похож на другой: работа, маленькая плошка невкусной еды, Возрадование и, наконец, сон без задних ног. Она почти не замечала, как летит время: здесь почти не было смены времен года.

Действительно, сколько? Месяцы или годы? Сколько ей лет? Может, она уже состарилась и покрылась морщинами? Вдруг она вся седая?

921-я провела израненными пальцами по лбу и щекам. Кожа туго обтягивала скулы; раньше ее лицо было круглее.

Нет, морщин нет. Она не старая. Наверное, она все-таки пробыла здесь несколько месяцев, а не лет. Сколько же ей было, когда она впервые услышала об Илизии, продала все свои драгоценности и купила билет? Семнадцать… ну да, она только что окончила среднюю школу и собиралась на Корусант, поступать там в университет. Хотела изучать… что? Археологию. Специализироваться на древнем искусстве. Да, именно так. Она даже провела несколько летних каникул на раскопках, где училась обращаться с раритетами. Она собиралась работать в музее. В детстве она всегда любила историю, любила читать о рыцарях-джедаях, восхищалась их приключениями. Ее отрочество пришлось на Войны клонов, и она интересовалась этим периодом, а еще — давним, очень давним рождением Республики…

Паломница 921 вздохнула, поперхнулась крошками, а откашлявшись, принялась жевать сухой хлеб. Порой полустертые воспоминания продолжали беспокоить ее, и тогда 921-я боялась, что окончательно утратит способность думать и воспринимать окружающий мир. Но она полагала, что паломникам следует воздерживаться от мирских тревог, отринуть плотские утехи.

Тогда она не знала горя, предавалась забавам и удовольствиям жизни. Если сравнить ту жизнь с сегодняшней, в прежней не было смысла. Она порхала с вечеринки на вечеринку, от веселья к веселью, с пикника на пикник.

Да, все было на редкость бессмысленно.

А теперь ее жизнь наполнена смыслом. Теперь она знает Возрадование. Каждый вечер Единый через жрецов дарует ей благословение. На Возрадовании Все осеняли паломников. Весьма глубокие духовные переживания, а как при этом становится хорошо!

921-я решила, что успешно стерла воспоминание о Викке Драйго и его очаровательной улыбке, поэтому вернулась к холмику глиттерстима на столе, а через несколько минут уже мечтательно думала о том, заговорит ли с ней пилот еще раз.

Интересно все-таки, как он выглядит?

Паломница задрожала от вечной стылой влажности и изо всех сил постаралась забыть Викка Драйго и все, что с ним было связано...

Тем же вечером Хан не пошел на службу, решив, что не вредно лишний раз позаниматься на тренажере. Впервые в жизни судьба предоставила шанс честно заработать кусок хлеба, и юный кореллианин не собирался его упускать. Он не раз слышал жалобы, что вот, мол, приходится трудиться в поте лица, и Хан пришел к выводу: вот она, основа успеха. Конечно, воровство, попрошайничество, грабеж и жульничество тоже требуют значительного времени и сил, но, кажется, честная работа — это что-то другое.

Устроившись перед тренажером, Хан просмотрел список доступных программ. И опять Тероенза выполнил обещание. Соло скомпоновал упражнения по вкусу, добавил атмосферную турбулентность. Затем посмотрел на Мууургха; телохранитель стоял рядом и не сводил с подопечного глаз.

— Я немного поработаю, не возражаешь?

Тогорианин не возражал.

— Почему бы тебе не погулять?

Мууургх солидно покачал головой:

— Мууургх ос-ставлять пилота один нет. Против приказ.

Хан пожал плечами:

— Как знаешь.

Нервно дергая ухом, тогорианин наблюдал, как Хан напяливает видеошлем, отрезая себя от реальности, и запускает программу тренировочного полета, который для всех чувств кореллианина будет абсолютно настоящим. Мууургх не ладил с высокими технологиями и чувствовал себя неуютно. Хан расслабился, погружаясь в созданную тренажером жизнь, и вскоре тот выполнил одну из своих первоначальных задач: пилот напрочь забыл, что сидит в кресле. Сейчас Хан был убежден, что летит по-настоящему: действительно лавирует в астероидном поле, сражается с илизианскими ветрами, сажает корабль в различных обстоятельствах.

Кореллианин очнулся после двух часов успешных посадок и взлетов, всевозможных маневров, доступных челноку, на котором завтра он отправится из первой колонии во вторую и в третью. В качестве дополнительного задания Хан изучил пульт на транспортнике: «Илизианскую Мечту» переделали под ручное управление, а также ознакомился с управлением личной яхты

Тероензы.

Короткий илизианский день подошел к концу. Телохранитель мирно посапывал в кресле, но открыл глаза в то же мгновение, как Хан потянулся, разминая затекшие плечи. Соло тут же отметил, что его негаданный товарищ не соня, и ощутил досаду. Бдительность тогориаиина крайне затруднит задуманные Ханом ночные прогулки.

Мууургх шел за пилотом, радуясь, что задание не мешает ходить в столовую на поздний ужин. Тогорианин хотел есть, он всегда был голоден. Его народ привык охотиться и убивать, а затем съедать добычу, так что свежее мясо неизменно входило в их рацион. Здесь же его потчевали сырыми, но только что размороженными бифштексами.

Прежде чем в его жизни появился кореллианин, у Мууургха имелась масса свободного времени; тогорианин мог уходить в джунгли и охотиться вволю, чтобы не тупились клыки и инстинкты.

Он скучал по своему мосготу, скучал по полетам на его спине, по восторгу, который охватывает, когда мощные крылья возносят тебя в небеса То горни.

Мууургх украдкой вздохнул. Небеса Тогории были яркого бирюзового цвета, они совсем не похожи на голубовато-серый выцветший купол Илизии. По ним Мууургх тоже скучал. Увидит ли он их когда-нибудь, взлетит ли верхом на мосготе навстречу заре?

Жрецы вынудили его подписать шестимесячный контракт, он дал слово чести. Пройдет еще много десятидневок, прежде чем Мууургх вновь отправится на поиски Мрров.

Тогорианин представил себе ее кремовый мех с оранжевыми полосками, ярко-желтые глаза. Прекрасная Мрров. Они так долго были частью друг друга, что Мууургху словно нанесли глубокую незаживающую рану, когда она исчезла. Вдруг Мрров вернулась на Тогорию? Вернулась и ждет его?

Как ему хотелось послать домой сообщение, узнать, не вернулась ли Мрров, но межзвездная связь — удовольствие дорогое. Чтобы оплатить подобную роскошь, Мууургху придется еще на два месяца задержаться на Илизии.

Но... Мууургх пораскинул мозгами. А что, если во время какого-нибудь полета на Нал-Хатту кореллианин не станет возражать, если Мууургх отправит послание? Не настолько он доверял илизианским жрецам, чтобы послать письмо с их планеты.

А пилот кажется достойным и честным, насколько это возможно для человека, размышлял Мууургх. Он хитер, быстр, вечно пытается идти кружным путем, но все люди таковы. По крайней мере, пилот не стал выяснять, кто в стае вожак, а сразу признал за Мууургхом главенство. Очень умный ход. При таком раскладе кореллианин проживет гораздо дольше...

Мууургх на самом деле надеялся, что пилот и впредь не будет дурить. Он нравился тогорианину, Мууургх не хотел причинять ему боль.

Но если пилот решит нарушить правила, Мууургх не станет колебаться и покалечит — даже убьет — кореллианина. Тероенза отдал Мууургху недвусмысленный приказ, и тогорианин выполнит его, не уклоняясь. Он дал слово чести, а во всей Галактике для его народа превыше чести нет ничего.

Тогорианин с отсутствующим видом приводил в порядок усы и шерсть, размышляя о том, что, пока пилот не переступит черту, все будет хорошо.

ГЛАВА ПЯТАЯ
СПАЙСОВЫЕ ВОЙНЫ

На следующий день Хан смотался на илизианском челноке в другие колонии и обнаружил, что ему нравится водить большие корабли, да и летал он, как выяснилось, очень даже ничего.

На обратном пути он немного попрактиковался в бреющем полете; кроны деревьев едва не щекотали челноку брюхо. В кресле второго пилота происходила внутренняя борьба: Мууургх разрывался между весельем и ужасом, когда дело дошло до петель, «бочек» и на закуску — полета вверх тормашками на высокой скорости. Хан буйствовал, гоняя машинку через все фигуры пилотажа, которые ранее пробовал только на тренажере, и восторженно орал не затыкаясь. Собрав последние крохи умения, кореллианин послал челнок по образованному рекой извилистому каньону, едва не сдирая краску о каменные выступы; места для маневра было так мало, что Мууургх душераздирающе мяукнул, зажмурился и наотрез отказался открывать глаза. Когда челнок снова вырвался на открытое пространство, Хан принялся трясти здоровяка-тогорианина за лапу и уверять, что самое страшное позади, тренировка окончена.

Мууургх понимать всссе: пилот безумец, ума нет, — сообщил инородец, опасливо приоткрывая один глаз и отцепляя от подлокотников когти. — Дома Мууургх летать на моссгот, но не так. У моссгот больше мозга, чем у пилот, хватает благоразумий не летать так. У Мууургха тошше. Пилот...

Тогорианин заискивающе посмотрел на соседа:

Пилот обещать Мууургх не летать безумец как.

— Но... — Соло аккуратно опустил челнок на летное поле колонии номер один. — Мне необходимо практиковаться при любой возможности! Видишь ли...

Он смешался, но все-таки решил немного поделиться с телохранителем правдой.

— Я вроде как... Ну, приврал Тероензе о своем опыте. Чемпионом я, правда, был, честное слово, но вот с тяжелыми машинами управляюсь плохо. Да и с корытами большого формата не все гладко. На тренажерах — полный ажур, но это же не по-настоящему.

Мууургх долго — очень долго — разглядывал кореллианина, затем кивнул:

— Мууургх понимать. Пилот верует Мууургх, думать: тот не ссказать Тероенза?

Ага, что-то вроде того, — согласился кореллианин. — А можно? Верова... тьфу, доверять тебе можно?

Телохранитель с серьезным видом расчесывал когтями белые усы.

— Пока пилот не разбить себя, Мууургх не заговаривай.

— Честная сделка, дружище! — Соло ухмыльнулся. — По рукам.

Возле трапа под проливным дождем их ждал Вератиль. Хан уже начал привыкать к стремительным изобильным дневным ливням, хотя влажную духоту продолжал считать большим злом.

— Тебя хочет видеть верховный жрец. Иди к нему немедля, пилот Драйго, — возвестил сакредот.

Он повел Хана и его телохранителя к личным покоям Тероензы, который занимал обширную часть подземного этажа в административном строении. Когда сакредот набрал шифр на панели кодового замка и гости миновали высокие двустворчатые двери, Хан не удержался и восхищенно присвистнул:

— Вот это да! Хорошо устроился!

— Вы видите коллекцию нашего уважаемого Тероензы, — пояснил сакредот. — Он увлеченно собирает редкие вещи и весьма гордится своей экспозицией.

— Имеет право, — не стал спорить Хан.

Комната была раз в десять больше той, что выделили им с Мууургхом. Куда ни посмотри — витрины, полки и стойки с антиквариатом и сокровищами из различных уголков Галактики. Повсюду скульптуры, картины вперемешку с древним оружием. Стены увешаны гобеленами. Пол укрыт дорогими коврами исключительной красоты, под ногами негромко хлюпает защитное поле.

Хан приметил украшенную полудрагоценными камнями коллекцию флейт и других музыкальных инструментов. В инкрустированном золотом шкафчике пылились бутылки с дорогими напитками.

У кореллианина в буквальном смысле чесались пальцы от желания пошарить по полкам. «Оставьте меня здесь минут на пять без присмотра, и я обеспечу себя до конца жизни!» Хан уставился на дрриелба, вырезанного из живого льда. Крошечную статуэтку покрывал толстый слой пыли, взлетевшей облачком под дыханием кореллианина. Пилот чихнул.

Пыль не пыль, а тут есть чем поживиться. Вот бы только...

Хан строго напомнил себе, что отныне ведет новую жизнь честного и трудолюбивого гражданина. Так что нечего тут...

Вератиль проводил молодого человека через еще одну бронированную дверь в жилые покои верховного жреца. Там их

встретил дворецкий, престарелый зисианец, к которому Вера-тиль обратился по имени Ганар Тос. Зисианец почти не отличался от человека, если бы не зеленая морщинистая кожа, которая свисала со скошенного подбородка дряблыми складками. Оранжевые глаза слезились, к тому же дворецкий непрестанно шмыгал носом, как будто страдал хроническим насморком. Наверное, аллергия на пыль, посочувствовал Соло.

Хозяин покоев радушным жестом предложил гостям сесть и обратился к ним с небольшой речью:

— О, как хорошо, что ты столь быстро откликнулся на мой зов, пилот Драйго. Я слышал из второй и третьей колоний высокие похвалы твоим способностям. Сегодня наш медицинский дроид отправил другого нашего пилота Джейлуса Небла в длительную увольнительную по состоянию здоровья, и тебе предстоит занять его место на межзвездных рейсах.

Хан поклонился. Чтобы скрыть прущий во все стороны восторг.

— Здорово! Обещаю придерживаться графика. Когда лететь?

— О, послезавтра. Мууургх, разумеется, отправится вместе с тобой.

— Груз и место назначения?

— О, ты встретишься с кораблем с Нал-Хатты, координаты получишь перед вылетом в последнюю минуту. Сам понимаешь, безопасность превыше всего. Тебе известно, как нам в прошлом досаждали пираты.

Дворецкий принес поднос с закусками, Тероенза подхватил чье-то безвольное тельце и проглотил.

— О да! Ты обучил Мууургха стрельбе из пушки, пилот Драйго?

— Э-э... нет, не успел.

— О, не затягивай с этим делом. Хороший пилот должен быть готов к любым неприятностям, верно ли я говорю?

— Так точно, — кивнул Соло. — Всенепременно. Э... господин... а груз-то какой?

— Переработанный карсунум, а заберешь рилл-сырец, транзит с Рилота.

— А корабль, с которым я встречаюсь, с Нал-Хатты?

— Да.

Тероенза не стал вдаваться в подробности, и Хан не настаивал, решив, что острый кореллианский слух сослужит хорошую службу. Молодой человек мог держать пари, что верховный жрец чего-то недоговаривает, но едва ли имел право требовать, чтобы ему показали все ходы-выходы.

Тероенза откинулся на массивные задние ноги, махнул

ручонкой в сторону выставочного зала:

— О, я понимаю так, что тебе нравится моя коллекция...

— Нравится? Не то слово! — Вот тут Хан мог говорить абсолютно искренне. — Да это же просто здорово! В жизни не видел столько сокровищ даже в музее!

— О, мой народ из долгожителей, как и наши сородичи-хатты, — благодушно сказал Тероенза. — Я собираю красивые безделушки уже сотни лет, дольше, чем ты по своей юности можешь себе вообразить, молодой человек.

— Очень хочется рассмотреть всю коллекцию, — с чувством произнес Соло. — Повнимательнее и без спешки.

— О, а мне как хочется, чтобы на нее воистину можно было любоваться! — Верховный жрец с сожалением причмокнул. — Ганар Тос — великолепный повар, за домом присматривает выше всяких похвал, но совершенно не способен ухаживать за коллекцией. Я уже не говорю о составлении каталога и содержании экспозиции. А сам я чересчур занят, у меня столько хлопот, столько хлопот...

Т'ланда-тиль развел лапками в стороны.

— О, на сегодня все, — произнес жрец. — Увидимся по твоем возвращении из полета, пилот Драйго.

— Как прикажете. — Хан поднялся и махнул телохранителю.

Вератиль проводил их до выхода.

На улице сакредот с топотом помчался по своим делам, предоставив парочку самой себе. Хан глянул на хронометр, а затем на солнце, которое стремилось на запад.

— Вечером буду гонять тебя на тренажере. Слышал, что говорит начальство? И чтобы научился обращаться с пушками!

Тогорианин насупился.

— Но до того мы немножко передохнем, — смягчился Хан. — А точнее, пойдем разыщем трапезную, где едят паломники. Пошли.

— Ссачем? — удивился Мууургх. — Пилот не хотеть еда паломник. Пилот и Мууургх ессть в сстоловый, ессть хоросшая пища, не отбросе.

Не внявший жалобе кореллианин зашагал по лесной тропинке.

— Дружище, я вовсе не собираюсь там питаться, — говорил он по дороге. — Я хочу немного кое с кем поболтать. Я так понимаю, обедают они все вместе, а значит, найти... их... будет легче.

— Их? — подозрительным эхом откликнулся телохранитель. — Сколь много ессть их?

— Мм... ну... видишь ли...

Хан скривился и замолчал. М-да, хорошенькое начало.

— Одна, — сознался он. — Паломница 921. Та, с которой мы познакомились на фабрике. Любопытно посмотреть, как она выглядит на самом деле, при свете.

Тогорианин понятливо кивнул:

— Аххх да-а... Мууургх хорошо понимать шелание пилот.

Щеки стали такими горячими, что Хан боялся к ним прикоснуться — не обжечься бы. Хорошо еще, что телохранителю, кажется, неизвестны признаки человеческого смущения.

Дружище Мууургх, знаешь что? — Соло торопливо сменил тему. — Еще и года не прошло, как ты выучил общегалактический, а и не подумаешь. Говоришь ты прилично. Но вот с местоимениями и падежами — просто беда. Мне как-то не приходило в голову изображать школьного учителя, но...

Они неторопливо шли по дорожке, а Хан добросовестно вспоминал правила грамматики, касающиеся хотя бы местоимений.

В трапезной толкался народ. Хан в сопровождении телохранителя бродил по просторному залу и мучился вопросом, сумеет ли он узнать свою новую знакомую без инфракрасных очков. Волосы девушки скрывал бесформенный колпак, и пилот понятия не имел, какого они цвета.

Обед заканчивался, а он все еще не отыскал 921-ю. Может, ее тут и вовсе нет? Может, она ест в другую смену? Но вроде бы все гуманоиды обедали вместе.

Да вот она... точно она! Хан не мог объяснить, откуда взялась уверенность, — но девушка как будто повесила на шею табличку «Паломница 921».

А она выше ростом, чем он думал, и стройнее. Хотя обычно такое состояние называется истощением. Скулы девушки чересчур выпирали, глаза на болезненно бледном лице казались огромными.

Но, тощая или нет, она все равно была прекрасна. Не красива в классическом смысле: подбородок слишком тяжелый и квадратный, нос слишком длинный. Но прекрасна... о да.

Глаза 921-й были сине-зеленые, опушенные длинными темными ресницами. Из-под колпака выбивались короткие прядки золотисто-рыжих кудрей цвета кореллианского заката.

В трапезной стояла тишина: уставшие после долгого рабочего дня паломники говорили мало в предвкушении Возрадования. Но сидели все вместе, толпой.

И только 921 -я ела в одиночестве.

Хан видел, как она возит ложкой по миске, но не стал порицать девушку; он лишь взглянул на неаппетитную кашу-размазню, вялую зелень и кусок черствой лепешки, как взбунтовался желудок. Еда даже пахла отвратительно. Если без обиняков, она воняла так, будто испортилась еще вчера. Морща нос, Хан отодвинул стул и уселся напротив паломницы, походя отметив, что Мууургх подпер стенку неподалеку, не спуская внимательных глаз со своего подопечного.

921-я — («Нет, я добьюсь, она скажет мне свое имя!») — подняла голову; бирюзовые глаза девушки расширились, когда паломница узнала пилота. Хану это понравилось сверх всякой меры. Он расплылся в ухмылке:

— Привет! Видишь, я опять тебя нашел.

Пару секунд его рассматривали круглыми удивленными глазами, потом взгляд их вновь уперся в тарелку. Хан наклонился к девушке:

— И что у нас на обед? М-да, экстаза не вызывает. Но даже с невкусной едой можно сделать еще кое-что, кроме как размазать по миске.

Паломница покачала головой.

— Прошу тебя, уходи, — едва слышно прошептала 921-я. — Мне не разрешается с тобой говорить. Ты не из Единых.

— О, еще из каких единых! Самый что ни на есть единый и неповторимый.

У 921-й дернулись уголки рта, совсем чуть-чуть. Соло очень хотелось заставить девушку улыбнуться по-настоящему.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, пилот Драйго, — негромко сказала 921-я. — Это же очевидно.

— Так обрати меня в свою веру, — предложил кореллианин. — Я человек восприимчивый. Вдруг получится?

Он был счастлив уже оттого, что отыскал 921-ю и она с ним беседует, все остальное — не в счет.

— Боюсь, что вера не для тебя, пилот Драйго.

Хан взял девушку за руку, за ту, которую она порезала.

— Меня зовут Викк, — сказал он, чуть было не ляпнув в каком-то безумии свое настоящее имя. — Как твоя ладонь? Все еще болит?

От его прикосновения девушка окаменела, но опять расслабилась, услышав вопрос.

— Заживает, — подтвердила она то, что Хан и сам уже видел. — Просто потребуется немного времени.

— Тяжело, наверное, целый день сидеть в темноте и холоде? Не хочешь заняться работой... ну, полегче, что ли?

— Например?

— Я не знаю. — Соло был сама честность. — А что ты умеешь? Училась чему-нибудь?

— Когда-то я хотела заведовать музеем, — медленно выговорила 921-я. — Собиралась изучать археологию. Я довольно много о ней знаю.

— А вместо поступления сбежала сюда?

— Да. Здесь моя жизнь наполнена. А прежнее существование было пустым и бездумным.

Хан не сразу нашелся что ответить. Но дух противоречия не дремал и секунды.

— А с чего ты взяла, что здесь учат правильно? В Галактике до дури всяких религий.

Девушка тщательно обдумала вопрос.

— Потому что, когда мы возрадуемся, я чувствую себя близкой к Единому. Это таинство. Я ощущаю себя Единой со Всеми. По-моему, жрецы обладают божественным даром, иначе они не могли бы дать паломникам возможность возрадоваться.

— Ты так говоришь, что самому хочется попробовать.

«Только через мой труп», — добавил Хан про себя.

— Может, так и следует поступить, — ответила 921-я. — Уже настало время идти к Алтарю обещаний. Может, и на тебя снизойдет благодать и ты тоже возрадуешься.

— Как знать, — вздохнул кореллианин, — как знать. Можно мне проводить тебя?

Паломница неуверенно улыбнулась и потупилась.

— Хорошо.

Рука об руку они шли по лесной тропе среди паломников, Муургх тенью следовал сзади. Хан пытался завести разговор, но 921-я молчала и не желала отвечать. Возле алтаря кореллианин на этот раз не ушел в задние ряды, а встал рядом с девушкой.

— Тебе нельзя здесь находиться, — шепнула 921-я. — Ты не паломник.

— Будут жалобы — отвечай, что я новичок, — поддразнил ее Соло, но 921-я осталась глуха к шутке.

Служба ничем не отличалась от предыдущей, если не считать того, что Хан без труда сохранил ясную голову. Он даже не слишком обращал внимание на жрецов, вместо этого кореллианин смотрел на восторженное лицо новой знакомой и размышлял. Она же умная девчонка, как же она попалась на такую откровенную дешевку? Почему не видит, что тут и не пахнет никаким божественным даром, а просто-таки разит жульничеством?

Он в тревоге следил, как паломница 921 опускается на колени, чтобы получить причитающуюся ей дозу Возрадования, и

корчится на земле, будто припадочная. Единственное здешнее чудо в том, что никто из всех этих дурней не слег с сердечным приступом, вот что. Хан присел возле девушки на корточки и, когда ритуал окончился, а жрецы удалились, помог 921-й подняться на ноги. Девушка улыбалась, хотя едва не падала от слабости.

— Идти-то сможешь? — озабоченно спросил кореллианин.

Паломники, хотя и светились от радости, казались измотанными до предела.

— На тебе лица нет.

— Все нормально.

921-я дрожала. Она попыталась встать и чуть не упала, Хан едва успел подхватить ее под руку.

— Спасибо... — прошептала девушка; она прерывисто дышала. — Сейчас я приду в себя.

— Провожу-ка я тебя в дормиторий. А то еще свалишься где-нибудь.

Она не стала пререкаться; видимо, не осталось сил. В темноте тропы почти не было видно — у Илизии нет луны, — но 921-я вынула из кармана инфракрасные очки, нацепила их на нос и уверенно, хоть и пошатываясь, каждый раз находила дорогу. Хан не отпускал ее руки, помогая девушке идти.

— По Кореллии не скучаешь? — вдруг спросил он.

— Нет, — неумело соврала паломница. — А ты?

— По населению не особенно, а вот по планете — так очень, — честно признался Хан. — Там так красиво. Мне всегда хотелось посмотреть на океан, да случай не подворачивался. А ты была на море?

— Да... — Она ответила не сразу, как будто вопрос разбудил воспоминания, о которых она предпочитала не думать.

— Семья твоя там живет?

— Да... — Она снова помедлила и добавила: — По крайней мере, я так думаю. Я с ними почти год не общалась.

— Ты здесь уже целый год?

— Да.

Некоторое время они молча шли в душной влажной тьме. Хан сжимал руку девушки; кожа туго обтягивала ее кости, но ладонь на ощупь была теплой, мягкой и очень нежной.

— Ты навсегда решила тут поселиться? — Хан переждал, пока мимо, шаркая и спотыкаясь, пройдет группа паломников и растворится во тьме. — Или временно?

— Временно?..

Лицо девушки казалось белесым размытым пятном, только по черной полосе инфракрасных очков можно было понять, куда 921-

я поворачивает голову.

— Как это... временно? Разве так бывает? Я хочу служить Единому, вечно быть частью Всех.

— А-а... ну да. — Хан растерялся. — Н-ну, это... а как же? Влюбиться там, путешествовать, может быть, где-нибудь поселиться и завести детей, со временем конечно, не сразу.

— Становясь частью Всех, мы отказываемся от мирских удовольствий, — не без сожаления возвестила паломница.

— Плохо, — искренне огорчился кореллианин.

Безо всякого предупреждения хлынул дождь. 921-ю опять затрясло. Хан вытащил из подсумка дождевик и растянул у них над головами. Теперь ребята жались друг к другу, соприкасаясь телами. Хан вспомнил о Мууургхе, который плелся сзади. Бедолага, он же не любит, когда шкура мокрая...

— Знаешь, не получается у меня называть тебя по номеру. — Соло заговорил громче, перекрикивая шум водяных струй. — Если мы собираемся подружиться, я хотел бы знать твое имя.

— А кто тебе сказал, что мы подружимся? — удивилась 921-я.

— Мне так кажется, — ухмыльнулся пилот, зная, что благодаря инфракрасным очкам его спутница видит в темноте. — К тому же, когда мне того хочется, я просто неотразим.

— Ты просто самонадеян, — парировала девушка. — Самовлюбленный, заносчивый, безалаберный, невыносимый...

Она замолчала и хихикнула. Кореллианин сообразил, что впервые слышит ее смех.

— Нет-нет, продолжай! — запротестовал Хан, обрадовавшись, что 921-я развеселилась. — Обожаю, когда женщины осыпают меня комплиментами! Звучит точно музыка.

— Я устала, — призналась паломница, минутное оживление развеялось будто туман. — Мы пришли. Спасибо, что проводил меня... пилот Драйго.

Из окна дормитория тек ручеек рахитичного тусклого света, Хан остановился на его берегу; так он видел 921-ю, а его не заметит никто.

— Не «пилот», — напомнил он. — Меня зовут Викк.

Девушка сделала попытку отодвинуться, Хан сильнее сжал ее пальцы, не причиняя боли, но и не давая убежать.

— Викк, — повторил он. — Договорились?

— Викк... да, хорошо, — послушно сказала девушка. — А теперь, пожалуйста, отпусти меня. И... и не приходи больше. Прошу тебя.

— Почему? — обиделся Хан.

— Потому что... ты дурно влияешь на мою духовную сущность.

Кореллианин улыбнулся в сумрачной духоте.

— Я тебе нравлюсь.

— Нет, ни капельки.

— А вот и нравлюсь. Признайся же.

Он шагнул вперед, заглянул девушке в лицо. 921-я была высока ростом, всего на полголовы ниже Хана. Соло протянул руку и снял с паломницы инфракрасные очки, за которыми она прятала глаза, и погладил 921-ю по щеке.

— Ну вот, — негромко произнес он. — Так лучше. Неправильно... совсем неправильно скрывать такое лицо и такие глаза.

— Ты... богохульник! — выпалила паломница, но не отодвинулась.

— А вот и нет. Скажи, как тебя зовут?

921-я затравленно помотала головой:

— Викк... я не могу.

— Ладно. Но мы увидимся снова?

«Я подожду».

Паломница мялась так долго, что Хан начал волноваться, но потом девушка быстро кивнула и пробормотала:

— Да.

Она вновь отстранилась, и на этот раз Соло отпустил ее. Не оглядываясь, 921-я убежала в дормиторий.

Хан наклонился вперед, всматриваясь в цифры, бегущие по экрану навигационного компьютера.

— Готовы выйти в обычное пространство по указанным координатам, — произнес кореллианин. — Три... два... один...

Он потянул на себя рычаг гиперпривода, и длинные тонкие полосы белого света съежились в яркие россыпи звезд. Двигатели взрыкнули напоследок и смолкли, а вокруг корабля с неожиданностью, к которой еще привыкать и привыкать, развернулось во всей красе обычное пространство.

— Точнехонько на курсе, — триумфально возвестил Соло. — Я все-таки обуздал эту птичку, чо скажешь, Мууургх?

— «Что», — невозмутимо поправил его тогорианин. — Я читать книга, которую пилот выдавать Муу... — Он помолчал. — М-мя... мне. Выдавать мне. «Чо» — неверное ссслово. На общегалактичесссском так не выражатьссся.

— Не забудь потом напомнить, что спряжение у тебя тоже хромает, — буркнул Хан. — Что, скажешь, я не заслужил премию за доставку корабля тютелька в тютельку?

— Много лучше прошлый раз, — согласился тогорианин,

который еще не забыл их первого межзвездного перелета трехнедельной давности.

Тогда Соло совершил малюсенькую ошибочку, когда вводил данные в навигационный компьютер, а в результате «Мечта» вышла из гиперпространства в трех парсеках от нужной точки. Пришлось делать дополнительный прыжок, чтобы попасть куда следует.

— Эй! — запротестовал кореллианин. — Я ж в первый раз! И не моя вина, что тут экран ископаемый! Восьмерку от шестерки не отличить!

— Ссс той пора пилот ссстановиться быть лучше, признал тогорианин. — Второй и третий путешесссствий прошли лады.

— Еще бы, — проворчал Соло. — Я хороший пилот, Мууургх, правда-правда! Держу пари, что уже сейчас могу сдавать экзамены. Еще полгода такой практики, и можно поступать в академию.

— Мууургх бывать ссскучать... — Телохранитель опять помолчал. — Поправка. Я быть ссскучать по пилот, когда тот уходить.

— Да и мне тебя будет не хватать, — искренне заверил тогорианина Соло. — Е1о ты не бери в голову, мы...

«Илизианская Мечта» подскочила, по коридорам и отсекам разнеслось эхо громкого удара.

— Что за... — Хан нашарил переключатели обзорных экранов. — Мууургх, мы в кого-то врезались!

— Ассстероид? — предположил тогорианин.

Бум!

— Не-а...

Соло не поверил глазам.

— Два корабля! Похоже, мы нарвались на пиратов! Вали в орудийную башню!

Посторонний корабль, что шел правее, снова выстрелил.

— Держись!

Мууургх, который только что отстегнул ремни и поднялся, обиженно взвыл: от нового толчка инородца опять вдавило в кресло.

Ругаясь на чем свет стоит, Хан завалил транспортник на левый борт. Да кто же это такие, а? Обычно пираты давали предупредительный выстрел и требовали, чтобы экипаж сдался в плен. Их цель — груз, они захватывали корабль, а экипаж продавали в рабство. Зачем уничтожать или повреждать грузовик и убивать народ? Какие-то расточительные пираты, честное слово...

— Ты еще здесь? Нас сейчас на атомы разнесут! Мы только

что потеряли щит!

Тогорианин выбрался из кресла и помчался по коридору. Раздались еще два удара. Парни метят в гиперпривод, вознамерились лишить их хода...

Убегая из-под следующего залпа, Хан послал грузовик и отчаянную «бочку», выстрелы лишь чуть-чуть подпалили им брюхо, хотя могли пробить броню и взорвать их замечательный реактор от «Квадекса», не уберись они с траектории.

Соло счел за лучшее выиграть расстояние, чтобы без помех развернуться и расстрелять врага. В способности Мууургха попасть хоть во что-нибудь меньше звезды из лазерной пушки Хан не верил. Тогорианин отличался и проворством, и сообразительностью, но по живой (во всяком случае, движущейся мишени) стрелять ему не приходилось.

Одной рукой управляя рыскающим на полной скорости кораблем, Хан открыл канал связи. Если их подобьют и им с Мууургхом повезет добраться до спасательной капсулы, хозяевам лучше узнать о происшествии заранее.

— «Илизианская Мечта» вызывает колонию номер один, «Илизианская Мечта» — колонии номер один. На нас напали, повторяю: на нас напали. Два корабля. Напали, как только мы вышли из гиперпространства! — Голос Хана сорвался от напряжения. — Честное слово, я не виноват! Нас преследуют, я стараюсь оторваться, конец связи!

Он кинул взгляд на радары, порадовался, что расстояние между ними и пиратами увеличивается, и послал «Илизианскую Мечту» по спирали вниз. Как только противник мелькнул над их головами, Соло круто развернул грузовоз.

— Давай, Мууургх! — заорал он в интерком.

Ответом ему был вой тогорианина и выплеск энергии из пушечного дула. Все хорошо, вот только Мууургх впустую потратил заряд. Один из пиратов вильнул, развернулся и выстрелил.

Получив попадание точно в лоб, грузовик вздрогнул.

У Хана неприятно засосало под ложечкой, а из башни донеслось жалобное мяуканье.

— Мууургх? Эй, Мууургх, ты что, ранен?

Ответа Хан не дождался.

Быстрый осмотр приборов подтвердил, что обшивку им все-таки пробили, но течь уже ликвидирована автоматическими системами безопасности.

— Ну вот что, ублюдки, вот теперь вы меня рассердили... — Хан остановил свой выбор на «аракидовских» ударных ракетах и взял в прицел того пирата, что летел справа. — Получите!

Ракета ушла, «Илизианская Мечта» накренилась, Хан скривился: пират увернулся от гостинца. «Ладно, попробуем еще, мы упорные... если, конечно, уговорим противника переместиться левее».

— Ну-ка, — свирепо прошептал юный кореллианин; очередной снаряд наконец-то повстречался с адресатом. — Так тебе и надо!

Хан был доволен собой и горд: все-таки он сумел предугадать маневр неприятеля.

Секундой позже во все стороны вспучилось яркое бело-желтое пламя, вздулся и рассыпался искрами шар раскаленного газа. Хан отвернулся, прикрывая глаза, а когда вновь посмотрел в иллюминатор, приятель безвременно усопшего пирата удирал прочь на максимальной скорости.

— Э, ты куда это? Не спеши так...

Он неистово ткнул большим пальцем в гашетку, запуская ракету и отыскивая мишень.

А следовало бы поменять порядок действий. В результате снаряд ушел в цель, да вот только та набрала скорость и исчезла в гиперпространстве. Хан коротко выругался себе под нос, включил автопилот и сломя голову помчался в орудийную башню.

— Эй, Мууургх, как ты там? Цел еще?

Через мгновение он уже стоял у искалеченной пушки и уныло разглядывал заплату, которую системы безопасности автоматически поставили при резком падении давления в отсеке. Пахло как после грозы, черные пятна отмечали места попадания.

Тогорианин все еще был привязан к вращающемуся креслу, но пребывал в глубоком обмороке и даже не пошевелился, когда Хан расстегнул ремни. Кореллианин порядком надорвался, пока то ли нес, то ли волок обмякшего телохранителя в рубку.

Мууургх дышал, но за правым ухом его мех слипся от крови. Соло запустил пальцы в густую черную шерсть и нащупал нехилую шишку. Ясно: Мууургх ухитрился обо что-то стукнуться. Ну и что теперь делать? В принципе, Хан умел оказывать первую помощь человеку и даже некоторым инородцам, но соотечественники Мууургха редко встречались в Галактике.

Надо бы доставить горе-телохранителя в больницу. Хан накрыл все еще бесчувственного нечеловека одеялом и пошел общаться с навигационным компьютером. Где у нас ближайшая планетная система?

Он просмотрел звездные карты и решительно ткнул пальцем в одну из них.

— Ну ладно, — пробормотал кореллианин. — Сюда мы и

полетим.

Он оглянулся на спутника:

— Держись, парень.

Хан задал короткий прыжок, но, прежде чем подтвердить команду, сходил и лично проверил двигатели. В машинном отделении едко воняло сгоревшей изоляцией, кореллианин чихнул. Может, воспользоваться запасным гиперприводом?

Но на запасном он пойдет медленнее, а непонятно, насколько серьезно ранен его телохранитель. Хан решил довериться удаче. Запуская прыжок через гиперпространство, он невольно задержал дыхание, а при надсадном хрипе двигателей и задержке прыжка облился холодным потом.

«Мечта» дергалась, тряслась и кашляла, но звезды все-таки растянулись в сверкающие белизной полосы; грузовик прыгнул...

И вскоре опять вышел в обычное пространство, имея на борту находящегося без сознания пассажира и пилота, который не переставая благодарил все счастливые звезды в Галактике за то, что «Мечта» не рассыпалась на винтики. Гипердвигатели нуждались в серьезном ремонте.

В выбранной им системе имелась всего лишь одна обитаемая планета. До нее было еще довольно далеко, когда Хан, вновь доверив управление автоматике, глубоко задумался над контейнером с глиттерстимом. Насколько было известно, на планете имелась таможня, которая, как и все подобные службы, питает весьма повышенный интерес к спайсу и тем, кто его перевозит. Хан вытащил из тайника ящики с доринианской серой амброй, которую вез для прикрытия. Пыхтя и кляня все в Галактике, кореллианин уволок тяжеленные контейнеры в трюм, а на их место спрятал небольшую коробку с пробирками, после чего надежно запечатал отсек. Если не знать о тайнике, ничего не отыщешь, а люк, как его уверяли, был защищен от сканирования.

К тому времени как Хан вернулся за пульт, на обзорных экранах увеличивалась в размерах выбранная им планета и красиво переливалась синим, белым и охровым на черном фоне космоса.

Выводя покалеченный грузовик на орбиту, Хан вспомнил, что во время боя отключил передатчик. Лучше бы включить его обратно, связаться с диспетчерской и запросить разрешение на посадку. Кореллианин посмотрел на телохранителя: Мууургх не шевелился и не издавал ни звука, даже не стонал. И организовать им транспорт до ближайшей больницы...

На маленьком видеоэкране возник добродушный мужчина, у которого на коленях сидела темноволосая девочка. Хан вздрогнул от неожиданности, но потом сообразил, что видит записанное

заранее сообщение, которое проигрывается каждому прибывающему кораблю.

— Его величество Бейл Престор Органа, наместник и первый председатель правительства, — сообщил голос за кадром.

Мужчина на экране улыбнулся:

— Здравствуйте. От своего имени и имени нашего народа приветствую вас на Алдераане...

ГЛАВА ШЕСТАЯ
НА АЛДЕРААН И ОБРАТНО

Хан не слишком внимательно слушал этого... как его? Короля, в общем.

— Как уже известно многим нашим гостям, Алдераан — мирная планета, на которой воздерживаются от использования оружия. И пока вы у нас в гостях, просим вас уважать наши обычаи и законы. Пожалуйста, оставьте ваше оружие в управлении порта на время пребывания на Алдераане. У нас есть па что посмотреть. У нас искоренены почти все виды преступлений...

Ну да! Держи карман шире!

— Мы не загрязняем окружающую среду. Наши озера прозрачны, воздух чист, а народ счастлив. У нас прекрасные музеи, и мы приглашаем вас посетить их. Обратите внимание па уникальные картины из травы, когда будете над ними пролетать. Наши художники-флористы — величайшие в Галактике. Мы всегда рады гостям и просим приходить с миром. Пожалуйста, соблюдайте...

Пробормотав проклятие, Хан отключил звук и сделал непристойный жест в сторону экрана. Планета, битком набитая честными законопослушными гражданами. «Поверю, когда увижу собственными глазами...»

Через какое-то время записанное изображение Бейла Органы сменил вполне живой диспетчер космопорта. Хан спохватился и включил звук.

— Капитан Драйго с «Илизианской Мечты», — без лишних подробностей представился кореллианин. — Прошу разрешения на посадку. Я был атакован пиратами, мой корабль поврежден, ранен член экипажа. Можно организовать медиков, как только я сяду?

— Разумеется, капитан Драйго, я предоставлю вам приоритет. Мы расчистим для вас место в ангаре четыре-два-два. Следуйте сигналу маяка. Транспорт и меддроид будут ждать вас в ангаре.

— Спасибо.

Вектор сближения действительно позволил взглянуть — пусть одним глазком, слишком занят был, — на картины из травы. И они действительно поражали воображение. Огромную равнину шелковистой, волнуемой ветром и цветущей разными цветами травы украшал исполинский абстрактный узор. Ловко,

признал Хан. Интересно, как это они умудрились? И зачем вообще было трудиться? Такую картину не продать, денег на ней не заработать, глупость сплошная!

Планетарная столица, город Алдера, стояла на острове посреди озера, вернее, заполненного водой кратера, оставшегося от давнего столкновения с метеоритом. Внешние склоны относительно молодой по геологическим понятиям воронки поросли травой и деревьями. Озеро, которому было уже несколько тысячелетий, искрилось льдисто-голубой водой под лучами утреннего солнца.

Порт располагался на дальней оконечности острова, и, следуя указанному курсу, Хан прошел над всем городом и совершил посадку на отлично; после общения с яростными воздушными течениями, турбулентностью и обширными грозовыми фронтами на Илизии приземление на планете, которая не отличалась атмосферными изысками, казалось детской игрой.

Как и было обещано, их встречали медики. Спохватившись, Хан отстегнул от пояса тогорианина кобуру, спрятал ее подальше и только после этого впустил медицинского дроида. И даже помог уложить Мууургха на антигравитационные носилки.

— Он поправится?

— Предварительный осмотр позволяет утверждать, что ранение черепа не привело к несовместимой с жизнью травме, — авторитетно заявил 2-1В. — Тем не менее я бы рекомендовал провести дополнительные тесты и анализы. Могу предположить, что член вашего экипажа проведет в нашем стационаре одну ночь.

Хан сдался, наблюдая, как носилки с Мууургхом исчезают в брюхе спецтранспорта, а последний немедленно поднимается в воздух и берет курс на юг.

Заметив неподалеку женщину в рабочем комбинезоне, Соло махнул ей рукой:

— Слушайте, меня тут слегка помяли. Можно прислать ремонтников? Только без тягомотины.

— Если без нее, так я сама могу взглянуть, — предложила женщина.

Хан отвел ее к орудийной башне, затем устроил экскурсию по машинному отделению, где удрученно продемонстрировал раскуроченный гиперпривод.

— По шесть стандартных часов как минимум, — вынесла вердикт женщина. — Но можно начать сегодня.

— Валяйте.

В бытность гонщиком Хан чинил по мелочи свупы и спидеры, но со столь крупным ремонтом не встречался и предпочел переложить его на более опытных работников.

Дождавшись механиков и уступив им поле деятельности, кореллианин задался вопросом: а что ему делать дальше? Связаться с Илизией, видимо. Пусть жрецы побыстрее переведут деньги на ремонт и больницу.

Сказано — сделано. Хан отправился назад в рубку. Его ладонь уже лежала на тумблере, когда в голову юного пилота забрела шальная мысль. «Ми-и-инуточку! Что это я делаю, э? Я тут с грузом самого дорогого спайса и собираюсь везти его обратно?»

Окрыленный идеей, Хан проверил автоматически записывающийся бортжурнал, прослушал собственную передачу и ухмыльнулся, донельзя довольный собой. Раз плюнуть. Всего-то и надо сообщить жрецам, будто весь глиттерстим уплыл к пиратам. Мууургх отрубился напрочь, он и не знает, что было, а чего не было. Он загонит спайс на Алдераане, деньги положит здесь же в банк, а забрать их всегда успеет. Никто и не заподозрит...

Но чтобы не потерять доходное место, придется чуть-чуть расстараться. Он докладывал о точке выхода из гиперпространства, а илизианские жрецы на идиотов не тянут. Они проверят, сколько времени грузовичок хромал до Алдераана. Накидываем еще пару часов, отговариваемся повреждением гипердвигателей и необходимостью нянчиться с их драгоценным корытом.

«Лады. Но на все про все у меня часов пять, не больше. За это время надо дозвониться до начальства, сообщить, что я жив, а корабль — не очень, и договориться об оплате ремонта. Лишние полчаса — и не отмоюсь от подозрений...»

Выудив из шкафчика потрепанную куртку из кожи коричневой ящерицы, Хан по возможности расправил мятый комбинезон и расчесал волосы. «И очень я даже опрятный...» Вспомнилась Дьюланна, которая всегда утверждала, что Хану очень идет, когда его волосы стоят дыбом, словно он какой-нибудь вуки.

Натянув куртку поверх комбинезона, пилот с вожделением и жалостью уставился на бластер, оставшийся от Мууургха.

Глупая планета. Кто-нибудь слышал о мире, на котором запрещено оружие, а? С горестным вздохом Хан оставил «Илизианскую Мечту» на попечение ремонтников.

В повышенном темпе он ушел из космопорта и отыскал бесплатный общественный транспорт, который шел в центр города. Солнечные лучи заливали белые камни столичных зданий, Алдера была симпатичная, чистенькая и роскошная, словно сон. Хан глазел на современные башни, купола, многоуровневые строения, перемежающиеся зелеными террасами.

Местные архитекторы выстроили город, следуя естественному ландшафту, не выравнивая холмы и не перекраивая землю по своей прихоти. Город у них получился симпатичный и безыскусный.

По дороге машина бубнила обычный текст автоматических экскурсоводов: «Посмотрите налево, посмотрите направо, обратите внимание на...» Хан прилежно крутил головой и разглядывал музеи, крытые галереи, официальные и правительственные здания, а в конце путешествия — еще и высокие узкие шпили и приземистые купола королевского дворца. Соло криво усмехнулся. Интересно, бродит ли сейчас там, внизу, та принцессочка и живет ли своей богатой и безукоризненной скучной жизнью? Ничего, чуть-чуть везения — и не у нее одной будет всего вдоволь.

Машина продолжила облет столицы, не отклоняясь от заданного маршрута. Высокие здания остались позади, внизу замелькали жилые пригороды.

Хан скрепя сердце признал, что жить здесь приятно: площади с фонтанами, внутренние уютные дворики, роскошные особняки, чистые тротуары, прилично одетые прохожие. Все прелестненько, но ему не сюда. На разведку кореллианин отправился пешком, поскольку необходимые ему кварталы туристам, как правило, не показывают.

Выйдя из транспорта, Хан прогулялся назад до центральных районов, изучая расположение улиц и инстинктивно держа курс туда, где дома были пониже и погрязнее. В конце концов, когда улицы приобрели нужный вид, а количество таверн на квартал стало больше одной, как и закладных лавок, Хан нашел то, что искал.

И начал высматривать в толпе определенный тип прохожих. И Хан отыскал вездесущего уличного мальчишку в слишком тесной одежде с чужого плеча, рваной и грязной. Оборванец фланировал, якобы случайно бросая по сторонам взгляды. Кореллианин узнал ребенка, хотя не видел его ни разу в жизни.

Карманник. Десять лет назад он сам был таким.

Хан ускорил шаг и поравнялся с мальчишкой. Оправдав его ожидания и надежды, парнишка тоже сменил аллюр. Ожидались и проворные пальцы, с быстротой молнии нырнувшие в карман пилотской куртки. Вот только вынырнули они без добычи — деньги и ИД-карты Хан носил во внутреннем кармане летной спецовки.

Соло как ни в чем не бывало зашагал дальше, обогнал воришку и без предупреждения развернулся.

— Эй ты! — с приятной улыбкой окликнул он

обескураженного паренька. — Ничего не потерял?

Хан помахивал в воздухе несколькими кредитами и идентификационным диском.

Мальчишка разинул рот, потом злобно уставился на пилота.

Тот лениво прислонился к стене.

— Какой же ты растеряха все-таки.

Пацана раздуло, словно ядовитую ящерицу-мрелфу, затем мальчишка скороговоркой выпалил экспрессивное и детальное описание всех предков Хана и его личных качеств. Венчал тираду адрес, по которому пилоту следовало незамедлительно отправиться. Хан никуда не пошел, вместо этого он терпеливо и внимательно выслушал прочувствованную речь, а когда «бедный сиротка» стал повторяться, жестом велел заткнуть фонтан.

— Я верну, — искренне пообещал Соло. — В обмен на информацию. Сведения.

Мальчишка прожег его сумрачным взглядом, смел грязной ладонью слишком длинную челку, закрывающую ему глаза.

— Какие еще сведения, ты, сын извращенца?

Хан подбросил в воздух монетку, не глядя поймал.

— Следи за динамиком, малой. Я всего лишь хочу узнать, куда в этом дивном городе отправляются люди, если хотят сделать дело?

— Какое такое дело?

— Сам знаешь, не маленький. То, о котором властям знать не обязательно. Где берут препарат, который нельзя купить легально?

— Спайс, что ли? — Мальчишка почесал в затылке. — А какой?

— Глиттерстим.

Парнишка еще больше сдвинул брови:

— Это еще что такое?

Во повезло! Наткнуться на единственного недалекого карманника в Алдере. Здорово, просто здорово!

— Глиттерстим, — терпеливо повторил Хан. — Он... ну, это очень ценная штука. Дороже карсунума или того же андриса.

Мальчишка помотал головой:

— Впервые слышу.

«Не верю своим ушам».

— Что, даже об андрисе не знаешь? У вас даже его нет? Его же в пищу добавляют!

Воришка просветленно кивнул:

— Ага. Андрис. Этот у нас есть. Жутко дорогая штука.

— Какой умный мальчик. И к кому идешь, чтобы купить андрис?

— Я его не покупаю, урод. Отдай деньги и карту!

— Тебя не учили, что терпение — величайшая из добродетелей?

Хан благоразумно держал указанные предметы вне досягаемости владельца.

— Хорошо, согласен, лично тебе андрис и даром не сдался, но если бы вдруг понадобился, куда бы ты за ним пошел? В лавку? Или государственный комитет по распространению?

Карманник выразительно повертел пальцем у виска.

— Сдурел, да? Я бы его у Дарака Лилла купил.

Ну наконец-то!

— Значит, Дарак Дилл. Опиши его.

— Повыше тебя будет. Волосья длинные, борода. Толстый такой. Деньги отдай.

— Старый или молодой?

— Старый. Седой весь.

— Где он обитает?

— Я что, похож на справочное бюро? — озлобился воришка.

Хан тяжко вздохнул:

— Просто назови любую из забегаловок, где он бывает чаще всего. И не ври, или я заявлю властям, что ты пытался меня обокрасть.

Тут мальчишку словно прорвало, он выпалил шесть названий, а заодно сообщил, что до каждой таверны минут пять ходу, едва ли дольше. Хан отлепился от стены и кинул мальчишке его собственность.

— На будущее — храни деньги ближе к телу, малой, — посоветовал кореллианин, похлопывая ладонью по внутреннему карману своего комбинезона и самодовольно ухмыляясь.

Вместо благодарности его забористо обругали.

Алдераанские питейные заведения, как часом позже выяснил Хан, были слишком опрятны и слишком хорошо освещены. Соло посетил три из шести перечисленных таверн и обнаружил, что ни одна из них не отвечает необходимым требованиям. Они не были в должной степени грязны. Да и Дарака Лилла видно не было.

Зато в одном из заведений Хан заметил, как кто-то из посетителей тайком что-то передал соседу, а взамен так же получил кредитный диск. Кореллианин подождал, когда первый участник сделки направился в освежитель, и пошел следом. Пришлось немного поболтаться в полутемном коридорчике перед обшарпанной дверью.

— Хочу перекинуться словечком, приятель, — обронил Соло.

Невысокий дилер, острыми мелкими чертами лица напоминающий раната, подозрительно глянул на Хана и,

очевидно, решил, что тот не представляет угрозы.

— И о чем?

— Спайсом торгуешь?

Теперь пауза затянулась надолго.

— Сколько нужно? — наконец поинтересовался дилер.

— Ты не понял, дружище, я продаю, а не покупаю. Интересует?

— Что есть?

— Глиттерстим. Сотня флаконов.

— Глиттерстим! — не сдержавшись, воскликнул абориген, опомнился и опять понизил голос: — Сынок, где ты его раздобыл?

— Ты мне не папочка, а где взял, не твое дело. Ну что, инересует?

— На любой другой планете я бы взял не сходя с места всю партию, но... — Человечек горестно понурился. — Нет. Никакой возможности сбыть. Вывозить тоже рискованно. Меня сошлют на Кессель выкапывать эту же дрянь. Глиттерстим — штука опасная, знаешь ли. Переберешь — ослепнешь. А биты и вовсе с нарезки слетают.

— Я в курсе, — нетерпеливо оборвал излияния дилера Хан. — Спасибо и на том, дружище.

Дарак Лилл отыскался в пятой по счету таверне. Мальчишка-карманник довольно точно его описал. Лилл играл в сабакк, когда заметил Хана, который наблюдал за партией, и, сердечно улыбнувшись, сделал приглашающий жест:

— Не хочешь ли перекинуться в картишки?

Хану приходилось играть в сабакк, так что новичком он не был, но пришел он сюда не ради карт.

— Все зависит от того, что на кону, Лилл. — Он картинно задрал бровь, глядя на толстяка в упор.

Выражение на лице торговца не изменилось.

— А что, у тебя есть что-то стоящее, пилот?

— Возможно.

— Начальный взнос — двадцать кредитов.

Хан покачал головой:

— Я передумал. Пойду свежим воздухом подышу.

Он стоял, подпирая стену, минут пять, а услышав шаги, даже головы не повернул.

— Что-то ты подзадержался. Подфартило?

— Расклад идиота, — отозвался Лилл. — Ну что у тебя?

Хан повернулся:

— Глиттерстим. Сотня склянок.

Дарак Лилл изумленно присвистнул.

— Где ты его раздобыл?

— Не твое дело, — второй раз за сегодня ответил пилот. — Будешь брать? Уступлю по хорошей цене.

— Хотел бы, юноша, хотел бы. — Толстяк горько вздохнул. — Но не себе в убыток. На Алдераане нет сбыта.

Хан выругался сквозь зубы и опять отвернулся. И что теперь делать? Время работало против него. Может, прошвырнуться до другого города? Может, только столица противоестественно стерильна?

Он вздохнул. «Не успею. Или за час продам товар, или...»

На его плечо легла чья-то рука. Потребовалась вся сила духа до последней капли, чтобы не броситься с воплем наутек. Удивляясь собственному самообладанию, кореллианин повернулся и сердито воззрился на смуглого человека средних лет, который остановился рядом.

— Ты меня не за того принял, — ровным голосом проинформировал он незнакомца.

— А вот я так не думаю, Викк, — добродушно откликнулся незнакомец. — Пилот Викк Драйго с Илизии, если не ошибаюсь?

— И что с того? — привычно огрызнулся Хан. — Тебя я не знаю.

— Марсден Латам. — Собеседник помахал голоудостоверением перед носом кореллианина. — Министерство внутренних дел Алдераана.

«Только тебя мне и не хватало...»

Мы следим за вами, пилот Драйго, с тех пор, как вы доковыляли к нам нынче утром. Мы счастливы, что можем оказать вам помощь в ремонте корабля и лечении вашего помощника. Ознакомились ли вы с посланием, когда впервые вышли на связь на частоте нашей диспетчерской?

— А как же.

— Так воспринимайте его со всей серьезностью. Мы не любим неприятностей. — Мужчина ослепительно улыбнулся, продемонстрировав очень ровные, очень белые зубы. — Вы же не станете источником неприятностей, пилот?

Хан с усилием сохранил самообладание. «Что вы, что вы, я всего лишь хочу сбыть крупную партию наркотика, а в остальном я просто душка! Эти гады, наверное, с утра меня пасут...»

Он мысленно перечислил всю родословную уважаемого офицера. Вслух произнес:

— Разумеется, не стану. Я вроде как миролюбивый честный парень.

— Именно так я и сообщил своему начальству и рад, что мое первое впечатление оказалось верным. Приятно было побеседовать с вами, пилот Драйго. Желаю приятного пребывания

на Алдераане.

Смуглокожий ушел.

Хан заставил себя идти неторопливо, не озираясь по сторонам. Местные топтуны, без сомнения, тенью следовали за ним, затерявшись в толпе. Игра окончена, его вычислили. Кореллианин тряхнул головой, злясь и восхищаясь одновременно. Здешние оперативники — высший класс! Ведь он и понятия не имел, что за ним наблюдают.

Следовало принять слова местного опера за недвусмысленное предостережение и везти груз обратно.

Других планет вблизи не имеется, сбыть глиттерстим негде.

Что ж, зато появилось время проведать Мууургха до того, как придет черед связаться с Илизией. Хан торопливо зашагал к ближайшей остановке.

Тогорианина отвезли в университетский госпиталь. Хан вылез из общественного транспорта и постоял, глазея на высшее учебное заведение Алдераана. Ничего... симпатично. Интересно, похожа ли на местные школы заветная академия? Да нет, наверное. Там же военное училище, академия наверняка напоминает военную базу, но тут... тут классно.

Сине-зеленые лужайки занимали огромную площадь, разноцветные клумбы окружали фонтан, в центре которого возвышалась скульптура, вырезанная из живого льда. Она изображала мужчину и женщину, которые, взявшись за руки, тянулись к небесам. Разглядывая монументальное произведение местного искусства, Хан посчитал, что оно влетело в кредиточку.

Да, тут ничего. Миновав фонтан, Соло поднялся по белым каменным ступеням в здание больницы.

Информационный дроид за стойкой сообщил номер палаты. По дороге туда Хан остановился побеседовать с 2-1B.

— Ваш товарищ серьезно пострадал от удара, — изрек меддроид. — Гуманоид наверняка погиб бы на месте. К счастью, у тогориан весьма прочный череп, так что я могу утверждать, что пациент легко отделался. Мы его подлечили, завтра утром его можно будет выписывать.

— Спасибо.

Хан открыл дверь палаты.

Мууурпх спал, свернувшись клубком на большой круглой подстилке, весь в датчиках. Тогорианин насторожил уши, приоткрыл сонные глаза и чуть приподнялся.

— Пилот...

— Эй, дружище, как ты?

Хан удивился, что при виде живого и почти здорового тогорианина он испытал облегчение. Кореллианин даже не

подозревал, насколько он привязался к мохнатому фелиноиду.

— Как тут с тобой обращаются? Не обижают?

— Пилот… — изумленно повторил Мууургх.

— Что, не ожидал меня увидеть? — хмыкнул Соло.

Это было еще слабо сказано. Мууургх не просто удивился: он был потрясен до глубины своей тогорианской души.

— Мууургх… — Огромный инородец тряхнул лохматой головой. — Я… не думать видеть пилот два раза.

Хан оскорбленно расправил плечи:

— С чего бы? Решил, будто я выгружу тебя здесь и умчусь с товаром в неизвестном направлении?

— Да, — простодушно сказал Мууургх.

— Ошибочка вышла, я здесь, э? Да если бы я не вытащил нас в Алдераанский сектор, ты бы уже откинул когти. Мы едва-едва спаслись, и советую тебе этого не забывать, приятель. За тобой должок.

Тогорианин неуверенно кивнул:

— Да, пилот… я быть должен.

Хан ухмыльнулся и присел на край лежанки.

— Давай-ка завязывай с этим «пилотом», лады? Меня зовут Викк.

Втянув когти, Мууургх приподнял огромную лапу и осторожно накрыл ею ладонь кореллианина.

— Лады, Викк.

Оставив своего телохранителя под бдительным присмотром медицинского дроида, Хан вернулся на корабль и связался с Илизией. С Тероензой переговорить не удалось, поэтому кореллианин излил душу Вератилю. Как только на экране появилось изображение отъевшегося рогатого сакредота, Соло выдал полный отчет о своих злоключениях, пообещав завтра же вылететь обратно. Вератиль, в свою очередь, пообещал перевести деньги за ремонт грузовика и лечение Мууургха.

Покончив с делами, Хан решил, что проголодался и заслужил обед. Он пересчитал свой небольшой запас кредитов и отправился в студенческое кафе богемного вида во внутреннем дворике Алдераанского университета, где перед входом били окрашенные во все цвета радуги водяные струи.

Хан толкнул дверь и вошел.

Внутри толклись, беседовали, смеялись, пили и ели дорого одетые молодые люди. Хан вдруг почувствовал себя лишним; если бы не врожденная бравада, он наверняка ретировался бы. Он с вызовом твердил себе, что не хуже их всех, пока следовал за

роботом-официантом к небольшому столику. Кореллианин храбро улыбался, отлично сознавая, что пропитанный потом мятый комбинезон и старая куртка не отвечают требованиям здешней моды.

Для начала он заказал себе алдераанский эль и принялся изучать меню. Блюдом дня было заявлено «рагу из нерфа с клубнями под винным соусом». Дороговато, но Хан все равно сделал заказ. Он слышал, что мясо нерфа считается почти деликатесом. Вместе с рагу подали лепешки, которые вдруг напомнили о 921-й. Жаль, что ее нет здесь, было бы с кем перекинуться словечком. Обмакнув хлеб в густой соус, Хан прожевал кусок. А вкусно! Ему давно не доводилось вкусно поесть. Обитателей «Удачи Торговца» держали на стандартном корабельном пайке, набить живот удавалось лишь во время операций на планете. Один пикник на Кореллии Хан запомнил надолго, а точнее — ребрышки траладона под особым соусом...

Но даже жаренные на решетке траладонские ребрышки не шли ни в какое сравнение с мясом нерфа. Хан жадно набросился на еду; он смел почти половину содержимого тарелки, когда на небольшие подмостки вышла хорошенькая девушка с длинными локонами цвета лесного ореха и ярко-голубыми глазами. В руках миловидный фантом держал мандовиолу. Забравшись на высокий табурет, красавица принялась перебирать струны, а затем чистым высоким голосом запела то, что, очевидно, являлось старинной алдераанской народной песней.

Ничего выдающегося, традиционный набор: она, он, его поманила романтика космических трасс и просторов, она ждала, он так и не вернулся... Жуть. Но голос певицы был так безыскусен, что старые истертые слова приобрели достоинство и чувство.

Девушке устроили бурную овацию, которую Хан поддержал с энтузиазмом. Красотка спела еще одну балладу, а потом спустилась с подмостков и направилась прямо к кореллианину. На миг Хан понадеялся, что она собирается присесть за сто столик. Напрасные мечты, девушка выбрала соседний.

Похоже, этот кабачок пользовался успехом, все столы были заняты, и в общей тесноте темноволосая певица оказалась на расстоянии вытянутой руки от кореллианина. Вместе с ней сидел круглолицый парень годом-двумя старше Хана, очевидно ее приятель. Соло украдкой разглядывал соседа: светло-русые волосы, блеклые зеленовато-карие глаза. Но если девушка была одета в простенькое синее платье до колен и сандалии, то ее эскорт старался одеться по последнему писку моды.

Фиолетовую рубаху перепоясывал широкий оранжевый

кушак, что совершенно не вязалось с ярко-красными сапогами до колен. А уж желтые штаны в облипку совсем ни в какие ворота не лезли. Хан в своем изношенном сером комбинезоне ощущал себя неприметным сверчком рядом с райской птицей.

Хан перехватил взгляд соседки, которая с улыбкой поправляла волосы, и изобразил вежливые аплодисменты. Певица отвесила в ответ шутливый поклон.

— У тебя здорово получается, — сообщил ей Хан.

— Спасибо! Я впервые отважилась выступить перед такой толпой.

Разрумянившаяся, слегка запыхавшаяся девушка была очаровательна. Соло ей улыбнулся. Он был не прочь провести с ней вечер... да и ночь, если уж на то пошло.

Нам крупно повезло, — вслух произнес кореллианин. — На наших глазах родилась великая звезда.

— Спасибо, — повторила девушка и протянула ему руку. — Я — Эрин Дро, а вот его зовут Борнан Тал.

Хан взял ее ладонь, но не пожал, как ожидалось, а склонился в поклоне, как будто девушка принадлежала к кореллианской знати. Его губы не коснулись руки, хотя тепло дыхания певица должна была почувствовать.

— Большая честь для меня, Эрин, — произнес кореллианин. — Меня зовут Викк Драйго.

Отпустив руку девушки, Хан сообразил, что приятель певицы раздражен сверх меры и не думает того скрывать.

— Приветствую! — сказал ему Хан; он понятия не имел, как принято выражать свое почтение на Алдераане.

— Приветствую, — нелюбезно отозвался Тал. — Эрин, ты была великолепна. Не хочешь ли пойти еще куда-нибудь и отпраздновать успех?

«Не по вкусу тебе соперничество...» Хан с трудом удержал озорную ухмылку; он-то заметил, как у девушки разгорелись глаза.

— Слушайте, я не хотел никому мешать, — сказал он, одаряя певицу самой чарующей из репертуара улыбок. — Всего лишь хотел сказать, как мне понравилось выступление. Не буду отнимать ваше драгоценное время.

Ему показалось, что Тал собирался выпалить: «Вот и хорошо!» — только не осмелился.

— Но ты вовсе нам не мешаешь, Викк. — Эрин взяла кореллианина за руку. — Я хотела спросить, с какого ты факультета, но ведь ты здесь не учишься, да?

Заскочил на денек, — небрежно отмахнулся Соло. — Утром прилетел, понадобился мелкий ремонт. Я повстречался с

пиратами и повредил свою лоханку.

Огромные синие глаза распахнулись еще шире.

— Прилетел? Пиратами? Ты — звездный пилот?

Хан скромно потупился:

— Да вроде как...

Борнан Тал вспотел и пошел багровыми пятнами. «Что, не нравится, когда твоя подружка запросто беседует с ребятами вроде меня, задавала разноцветный?» Хан сиял от счастья.

— Ух ты! — выдохнула Эрин. — Как интересно! Настоящие пираты, да? А что дальше было?

Хан пренебрежительно дернул плечом:

— Вышел из гиперпространства, а они тут как тут, словно насекомые на запах скига. Одного я взорвал, но парни успели поджарить мне гиперпривод. Вот и пришлось хромать сюда для починки.

— Ты взорвал пирата? — скептически задрав брови, встрял братец Борнан. — Чем это, интересно?

— «Аракидовской» ракетой, приятель, ракетой, — не дрогнул Хан. — Разнес ему тыл на кусочки.

Эрин дрожала от возбуждения.

— Как страшно!

Соло залихватски глотнул эля.

— Да ладно, рутина все это, вот что!

К тому времени разноцветный Борнан решил, что с него хватит. Лицо его пылало не хуже его сапог. Парень схватил Эрин за руку.

— Пойдем, милая, я хочу сводить тебя в самый лучший ресторан в городе. Ты позволишь, пилот Драйго?

Девушка замешкалась. «А ведь я мог бы ее заполучить, — подумал Хан. — Знаю, мог бы. А этот расфуфыренный сопляк из высшего класса точно изошел бы на мыло, если бы я вышел отсюда с его девчонкой под руку...»

Искушение было велико, но кореллианин отказался от соревнования, хотя и не без сожаления. Эрин — хорошая девчонка, по-настоящему хорошая, она заслуживает большего, чем быть призом в игре с ее глупым приятелем. И она напоминает 921-ю — синими глазами и доброй улыбкой. Возможно, потому она и понравилась Хану.

Кроме того, его все еще пасли ребята из охранки. Старина Борнан запросто полезет в драку, и получится незадача...

Поэтому Хан встал и с уважением поклонился Эрин.

— Было приятно познакомиться, — произнес он. — Не смею мешать вам, наслаждайтесь успехом и заслуженной славой.

— Спасибо...

Прежде чем полыхающий всеми цветами зари Борнан Тал чуть ли не волоком потащил Эрин к выходу, девушка успела еще раз улыбнуться кореллианину, а Хан вернулся к остывшей еде и стал размышлять, насколько ему не нравится вечно задирающий нос богатый народ. Он насмотрелся на них еще на Кореллии — на таких даже заряд бластера было жалко тратить. И именно поэтому Хан со спокойной душой отыгрывал свои роли в аферах Гарриса Шрайка.

К тому времени как юный пилот вернулся на узкую койку, установленную для него в углу трюма, в голове его слегка шумело от алдераанского эля. А из мыслей не шла 921-я паломница. Старательно выговаривая слова, чтобы не сбиться, Соло произнес несколько определений в свой адрес. Он больше не хотел думать о той ненормальной. Раньше ему не попадалось девчонок, о которых бы он думал все время, пока их не было рядом... и это тревожило. «Она всего лишь девчонка, Соло. Ты даже не знаешь, как ее зовут! Прекрати. Распустил нюни, тоже мне! Ты что, парень, на голову ослаб или еще что?»

Хан бросился на койку. «Что за планета! — одурело бурчал про себя юный кореллианин. — Такая добропорядочная, что приличному человеку нельзя загнать добрый груз первосортного спайса».

Обратный полет прошел без особых происшествий.

Хан провел «Илизианскую Мечту» сквозь толстый слой грозовых облаков без единой ошибки, при посадке грузовоз даже не вздрогнул. Еще слабому Мууургху было не на что пожаловаться. Смотреть, анализировать, приноравливаться к могучим воздушным потокам стало для кореллианина привычным делом.

В момент касания поверхности ожил динамик внешней связи и проперхал требование незамедлительно явиться к верховному жрецу. Хан не удивился, он ждал чего-то подобного, поэтому отослал Мууургха в лазарет за таблетками от головной боли, а сам в одиночестве отправился в административный корпус.

На этот раз во внутреннее святилище верховного жреца его провожал Ганар Тос. Тероенза отдыхал в предмете меблировки, названия которого Хан не знал, а по виду оно напоминало помесь гамака и перевязи; оно позволяло т'ланда-тиль перенести вес с задних ног на массивные ляжки, передние же ноги возлежали на специальной подставке, высота которой регулировалась по вкусу жреца.

Соло уже разбирался немного в мимике этого народа и

уверенно мог сказать, что при виде пилота Тероенза изобразил благодушие.

— Пилот Драйго! — громыхнул верховный жрец. — О, я так понимаю, что тебя можно величать как героя! Твоя отвага и решимость поистине бесценны, и я уже распорядился, чтобы тебе выписали премию.

Хан растерянно моргнул.

— Да я... это...

— О, за полтора года мы потеряли два корабля, они не вернулись из полета, — продолжал Тероенза. — Ты — первый, кто взглянул на пиратов и вернулся, чтобы рассказать нам, кто они такие. Что ты видел?

Соло пожал плечами:

— Вообще-то, все случилось очень быстро, да и занят я был. Но держу пари, что тот корабль, который я подстрелил, строили на Дрелле. Рыло в форме долота, обрубленная корма, вполне узнаваемо.

— Они вышли на связь? — деловито уточнил Тероенза. — Предоставили возможность сдаться перед началом атаки?

— Никак нет, сразу открыли огонь и так и продолжили налить. Но взрывать «Мечту» они не собирались, иначе мы бы с вами не разговаривали. Ребятки свое дело знали. Но и грузовик им был без надобности, вот что странно. Обычно пираты стараются повредить корабль ровно настолько, чтобы его было легко захватить и не тратиться на ремонт, если потом они будут пользоваться им сами или захотят продать. Л эти ребята намеревались покалечить «Мечту» и прибить нас с Мууургхом.

— Как они атаковали?

— Сзади. Могли прихватить нас за дюзы, а мы и не увидел и бы. У них было как минимум два чистых выстрела, а защита на «Мечте» — хуже некуда.

При воспоминании о стычке с пиратами Хан даже вспотел слегка.

— Знаете что? «Мечте» не помешали бы щиты помощнее.

— Я распоряжусь об этом, пилот, — согласился Тероенза.

Упитанный жрец сложил на груди крохотные ручонки и собрал обширный лоб в толстые складки, погружаясь в размышления.

— Примечательно, что пираты начали первыми, не задействовав луч захвата, без предложения сдаться, — в конце концов изрек он.

— Вот и я о том же...

На борту «Удачи Торговца» попадались личности, которые не брезговали в свое время пиратством. Хан слушал их похвальбу и

рассказы о космических приключениях. Прямая атака у пиратов не в чести; для них типичнее произвести предупредительный выстрел, а когда экипаж закричит, что сдается, подняться на борт жертвы без особых помех и затруднений.

— Очень странно. Похоже, что они собирались обездвижить «Мечту», вероятно, убить нас, а уж затем брать на абордаж, пока грузовик дрейфует себе в пространстве.

— И ни вызова, ни предложения сдаться, — повторил Тероенза.

— Ни единого, — подтвердил Хан.

Верховный жрец поглаживал складки кожи на шее.

— То есть они предпочли бы взорвать грузовик вместе со спайсом, вместо того чтобы выйти в эфир.

— Я так и сказал.

— Сколько тебе оставалось до места встречи, когда произошло нападение?

— Мы вышли из прыжка меньше пяти минут до атаки. Нас ждали, тут без вопросов. Пираты отлично знали, где мы появимся и когда.

— Ты никому не обмолвился о полете, пилот Драйго? Не упоминал ли курс, координаты?

— Никак нет. Хранил молчание на всех частотах.

Тероенза вполголоса забормотал низким, горловым голосом, затем склонил рогатую голову.

— И вновь должен отметить твою храбрость, пилот. Как Мууургх?

— С ним порядок. Хотя в ушах, должно быть, все еще звенит от удара.

— Я переговорю с ним, когда ему станет лучше. Хорошо, пилот, можешь идти.

Хан не сдвинулся с места.

— Я бы хотел просить об одолжении.

— Да?

— Когда я прилетел сюда, у меня отобрали бластер. Мне было бы приятно, если бы его вернули. Вдруг пираты все-таки сумеют взять меня на абордаж? Я хочу защищаться, а не задирать руки вверх.

Тероенза опять задумался. Кивнул.

— О, я распоряжусь, чтобы тебе отдали оружие, пилот Драйго. Ты продемонстрировал истинную преданность и заслужил наше доверие. — Гигант патетически взмахнул крохотной рукой. — Скажи-ка мне, пилот Драйго, а тебе не приходило в голову, что можно тайком продать груз и сказать, будто его забрали пираты?

— Никак нет, — честно глядя в глаза Тероензе, соврал кореллианин. — Даже мысли такой не было.

— О, великолепно. Я... да, я восхищен. — Т'ланда-тиль растянул в улыбке безгубую пасть. — О да, восхищен.

Хан вышел из административного строения, благодаря судьбу за то, что лет с семи умел убедительно врать. Особенно он гордился способностью импровизировать.

Ноги сами вывели его на тропинку, ведущую к госпиталю. Самое время навестить Мууургха, узнать, как там у него дела, а еще настала пора познакомиться с Джейлусом Неблом, пилотом-салластанином, который сейчас пребывает в отпуске по болезни.

У Хана накопились к салластанину кое-какие вопросы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
БРИЯ

Мууургх спал, свернувшись клубком на подстилке, которую его народ использовал вместо кровати. Хан уселся рядом.

— Как ты?

— Голова болеть еще и еще, — пожаловался телохранитель, открывая глаза. — Медицинский дроид ссказать: я осставаться на весссь ночь целиком. Говорить ему: нет, не мочь, ибо Викку мочь быть полезен.

— Отдыхай, со мной все в порядке, — заверил фелиноида Хан. — Я забегу к коллеге, пообедаю, немного поупражняюсь в стрельбе и погоняю на тренажере. И пораньше лягу спать. Вчера выдался еще тот денек.

— Викк рассказать Тероензе о пират?

— Ага, и теперь он хочет перекинуться с тобой словечком, как только тебя отсюда выпустят. И хорошая новость — мне вернут бластер.

— Хорошо, — пробормотал Мууургх. — Викку надобно защищать сссебя от пират.

— Вот и я о том же. — Хан поднялся. — Ладно, пойду поговорю с салластанином, а завтра утром навещу тебя, лады?

Тогорианин с наслаждением потянулся и вновь свернулся в черный пушистый клубок, изнутри которого донеслось невнятное:

— Ладно...

В коридоре Хан отыскал дроида и справился, где найти нужную палату.

Добравшись до нужной двери, он нажал кнопку вызова и услышал из динамика разрешение войти на салластанском. Внутри его обдало потоком свежего прохладного воздуха, закрывавшего проем, словно завеса. Воздушный шлюз? Отфильтрованный воздух? Парня держат в искусственной атмосфере, так что илизианским воздухом он не дышит. Почему? Дверь с шипением закрылась у Хана за спиной.

Джейлус Небл сидел перед видеоэкраном и смотрел последние известия. Хан протянул ладонь большеглазому инородцу.

— Привет, я — Викк Драйго, новый пилот. Хотел вот познакомиться.

Говорил он на общегалактическом, понадеявшись, что салластанин его понимает. Щекастый нечеловек кивнул, хотя руку пожимать не стал и прочирикал вопрос, понимает ли гость

язык его народа, или для беседы им потребуется дроид-переводчик. Хан, спотыкаясь и перевирая слова, ответил, что понимает, вот только говорит очень плохо. Потом кореллианин поднапрягся и сконструировал под конец еще одну фразу, звучащую примерно так: «Общий понимать, да-нет?»

— Вполне, — ответил салластанин. — Я неплохо понимаю общегалактический и разговариваю на нем.

— Ты меня осчастливил. — Хан вытер лоб. — Можно я сяду?

— Прошу, устраивайся, — кивнул ему коллега. — Я давно хотел побеседовать с тобой, но был очень болен и, как видишь, заключен в этих комнатах, где специально фильтруют воздух.

Соло присел на низкую скамеечку и присмотрелся к собеседнику. Тот не был похож на больного, умирающего или раненого.

— Это плохо, дружище. А что стряслось? Переутомился?

Салластанин недовольно надул влажные губы.

— Слишком много вылетов, да. Слишком много ураганов. Слишком много аварийных посадок, мой друг. Однажды утром я проснулся, а руки... — салластанин продемонстрировал Хану небольшие, почти детские ладошки, — а руки дрожат и дрожат, и мне не справиться с управлением корабля.

И без того печальное лицо его стало совсем несчастным. Хан даже ожидал, что из влажных глаз вот-вот покатятся крупные слезы.

Кореллианин смутился и перевел взгляд на руки собеседника — пальцы с узкими овальными коготками действительно бесконтрольно дрожали. Ну и жизнь... Бедолага!

— Дело дрянь, приятель, — посочувствовал Хан. — Это... как его? От нервов, чо ли, или еще что?

— Постоянное давление, да, — согласился инородец. — Много вылетов, мало отдыха, все время, безостановочно. Слишком много ураганов. А еще — слишком много глиттерстима. Медики утверждают, что у меня на него плохая реакция. От него Джейлусу Неблу действительно становится нехорошо.

Соло поерзал на скамеечке.

— То есть у тебя аллергия на глиттерстим, что ли?

— Да. Выяснилось сразу, как только начал возить его. Постарался держаться от него подальше, но тут сам воздух пропитан спайсом. Пусть наркотик заперт во флаконах, пыль везде проникает. Джейлус Небл вдыхает ее дни, недели, больше местного года и получает дурной эффект. Мышцы дрожат. Рефлексы ухудшаются. Желудок расстроен, трудно дышать...

— Так вот почему здесь такие роскошества! — догадался Хан. — Тебе очищают организм.

— Верно. Я хочу снова летать, друг мой и коллега пилот Драйго. Ты один из немногих, кто меня понимает, не так ли?

Хан представил, каково ему было бы сидеть внизу и никогда не подниматься над поверхностью... и его затрясло без всякого переутомления и отравления спайсом.

— Сочувствую! Надеюсь, ты скоро поправишься, — произнес он и, понизив голос, перешел на жаргон вольных торговцев: — Друг, сечешь наши байки?

Салластанин кивнул.

— Не говорю, — столь же тихо откликнулся нечеловек. — Но хорошо понимаю.

Хан уставился в потолок. Интересно, следят ли за этой палатой? А кто его знает? Но на своем коротком веку кореллианин встречал не так уж много дроидов, которые умели переводить с этого жаргона. Язык вольных торговцев сложился на основе десятка наречий и диалектов и не имел фиксированного синтаксиса. Хан увеличил звук видео, а затем одними губами произнес:

— Друг-пилот, стабилизируешь грабли как, будь я — ты, не говори прощай, вали с дурного камешка быстро-быстро. Сечешь?

Инородец опять кивнул.

Хан вернул громкость видео на прежний уровень и продолжил, будто ничего не случилось:

— А на меня тут пираты напали.

Салластанин заинтересованно наклонился к нему:

— Что произошло?

— Подстрелили нашу птичку, разнесли ей весь гиперпривод, но одного я все-таки угостил ракетой, — жестами описывал рисунок схватки Хан; завершился бой звонким хлопком. — Пришлось ковылять до Алдераана, залатать пару дыр. Вывал там?

— Приятный мир, — без восторга прокомментировал салластанин. — Слишком приятный в некоторых отношениях.

— Это ты мне говоришь? — вздохнул Соло. — А когда я вернулся, Тероенза засыпал меня вопросами: что за корабли, какого типа, почему не было предупредительного выстрела? И знаешь, чем дальше я размышляю над всей этой бодягой, тем больше мне кажется, что это не случайный налет. Откуда пираты узнали мои координаты?

Джейлус Небл вздохнул:

— Ах, пилот, чует мое сердце, это не простое нападение.

— Слушай, что вы все заладили «пилот, пилот», у меня имя имеется. Мы, летуны, должны держаться вместе. Я — Викк.

— Тогда называй меня Небл. Гнездовое имя.

— Договорились. Так, по-твоему, что происходит?

— Думаю, т’ланда-тиль опасаются, что пираты явились с Нал-Хатты. Корабли принадлежат хаттам, а корсарами они лишь притворяются.

Хан негромко присвистнул.

Во имя приспешников Зендора… а ведь правда!

Выходит, хатты передрались друг с другом?

— Нетрудно поверить, что ты не имел с ними дела, — сухо заметил салластанин. — Хатты заключают союзы и разрушают их со скоростью света. Как только перед ними замаячит потеря влияния или прибыли, они забирают свои слова обратно.

— Начинаю догадываться.

Хан поерзал на жесткой скамеечке, чувствуя, что до превращения в космическую пыль — рукой подать.

— Значит, все дело в дрязгах на Нал-Хатте? — на всякий случай уточнил он.

— О да. Семья или клан находятся на вершине благополучия и власти только до того, как другая семья начинает умышлять против них. Неудивительно, что хатты — самые недоверчивые существа в Галактике. Знаешь, на какой работе никто не задерживается, Викк? На должности дегустатора в семьях хаттов. Отравить слизня очень трудно, но обычно убийц это не останавливает, и иногда им везет. А чтобы добиться своего, кланы не гнушаются пользоваться ракетами, наемными убийцами и войсками.

— Но ведь здешней богадельней заправляют хатты! — воскликнул кореллианин.

— А, так ты уже видел Заввала!

— Если так зовут здоровенного жирного ублюдка, который разъезжал тут повсюду на репульсорных салазках, то да, видел. Хотя не имел счастья познакомиться.

— Молись, чтобы тебе вовсе не выпало такого удовольствия, Викк. Заввала, как, впрочем, почти всех его сородичей, ублажить почти невозможно. Илизианские жрецы, может, и не самые лучшие хозяева, но по сравнению с хаттами они весьма приятная компания.

— Да что такое творится в этом мире, а? У вас тут в правителях хатты, которые сцепились с родственничками на Нал-Хатте… а почему?

Салластанин молчал; поэтому Хан немного поработал собственной головой и выдал ответ:

— А… ну да! Конечно же. Спайс.

— Разумеется. Хатты и т’ланда-тиль, их здешние представители, получают с Илизии двойную выгоду. Во-первых, тут перерабатывают спайс. Но сначала местным хаттам нужно

купить сырье у своих родичей с Нал-Хатты. Слышал когда-нибудь о Джилиаке или Джаббе?

— Джабба? — Хан озадаченно сдвинул брови. — Джабба Хатт? Который держит под контролем практически всю контрабанду на Нар-Шаддаа?

— Он самый. Живет он на Нал-Хатте, но время от времени наведывается в галактическое захолустье, на Татуин, там у него какие-то дела, касающиеся перевозки спайса.

— Татуин? Впервые слышу. Это еще что такое?

Небл усмехнулся:

— Помойка. Поверь мне, ничего интересного там нет.

— Постараюсь запомнить. Так, значит, этот самый Джабба вместе с Джилиаком гонят сырье сюда для переработки, правильно?

— Да. Но вот что мне пришло в голову. Если замаскировать несколько кораблей под пиратские и ограбить илизианские транспортники, можно неплохо подзаработать. В таком случае хатты получают переработанный спайс задаром, а это не может их не радовать.

Хан надул губы, словно намеревался присвистнуть.

— Что-то такое говорят о кусании руки, которая тебя кормит...

— Вот именно. Только я почему-то не удивляюсь.

Кореллианин запустил пальцы в растрепанную шевелюру.

Длинный выдался вчера денек, вот что. И насыщенный.

— Да, насколько я понимаю, хатты и родную бабушку продадут, если предложить им хорошую цену и если у них имеются бабушки.

— Вот почему ты должен быть весьма и весьма осмотрителен, молодой Викк. Скажи Тероензе, что тебе нужны более мощные щиты.

— Уже.

— Хорошо. И не лишним будет усилить огневую мощь.

— Да, ты прав. — Хан в упор взглянул на салластанина. — Небл, раз уж мы заговорили начистоту, скажи-ка мне вот что. Жрецы тут грузят паломникам трюмы религиозным маразмом, но ведь это все абсолютная чушь, так?

— Наверное, Викк. Я не понимаю сути Возрадования, но я не верующий, я никогда его не переживал. Но если судить по поведению здешних паломников, лучше принимать спайс, раз уж решил отравить себе жизнь. Не такая встряска для нервов.

— Да уж, такой удар по мозгам, что будь здоров, — согласился Хан. — Знаешь, что я думаю? Вся это возня на Илизии — одна большая дымовая завеса, за которой скрывается дешевый

спайс.

— Не единственный их резон, Викк. Помнишь, что я говорил? Жрецы и хатты снимают здесь сливки дважды.

— Ну да... а что это за второй урожай?

— Рабы, — без обиняков заявил Небл. — Вышколенные, покорные рабы. Когда обучение считают законченным, когда сопротивление сломлено, паломников продают на другие планеты. А их места занимают новые жертвы.

— Им что, так промывают мозги, что паломники не думают жаловаться? Или рассказать правду об Илизии? — поразился Соло.

— Точно подмечено. А если и нет, кто будет слушать раба? Ну а если тот докучает... — Небл сделал выразительный, легко узнаваемый жест рукой поперек горла. — Заткнуть рот рабу легче легкого.

Хан немедленно подумал о 921-й, которая упоминала, что провела на Илизии почти год.

— А сколько времени требуется на дрессировку? Сколько их тут держат до продажи? И куда отсылают?

— Год считается нормой. Тех, что посильнее, везут на Кессель работать на спайсовых шахтах. Оттуда никто не выбирается живым, сам знаешь. Тех, кто покрасивее... этим везет чуть больше. Из них делают танцовщиц и танцовщиков или продают в бордели. Неблагородно, да, но все же лучше, чем гнить под землей.

Небл не спускал с кореллианина влажных блестящих глаз.

— Почему ты спрашиваешь? Приглянулся кто-нибудь?

— Н-ну... вроде того, — сознался Хан. — Она работает на фабрике, на самом нижнем этаже. Она почти год здесь.

— Если она тебе дорога, забери ее оттуда, Викк, — посоветовал салластанин. — На фабрике очень высокая смертность. Рабочие ранят пальцы о кристаллы, грибок проникает в кровь сквозь порезы и...

Он взмахнул лапкой, словно выбрасывал ненужную вещь.

— Забери ее оттуда, Викк. Вывези с планеты, иначе улетит она отсюда лишь на невольничьем корабле. Единственная ее надежда.

— С планеты? — тупо повторил Соло.

При мысли, что они с 921-й больше никогда не увидятся, ему стало по-настоящему страшно.

— То есть мне нужно надеяться, что она попадет в публичный дом, чтобы стать игрушкой для заскучавших солдат?

— Лучше, чем медленная смерть от заражения крови, — кивнул салластанин.

Хан лихорадочно соображал, и мысли его были весьма

тревожными.

— Слушай, Небл, я рад, что мы поговорили. Я еще заскочу к тебе на днях, а сейчас... сейчас у меня неотложные дела.

Инородец добродушно покачал головой:

— Я все понимаю, Викк.

Короткий илизианский день клонился к закату. Паломники, должно быть, собрались на вечернюю службу. Если поднажать, можно отловить 921-ю и перекинуться с ней парочкой фраз. А еще нужно придумать какой-нибудь способ вытащить девчонку с фабрики (это — раз) и оставить на Илизии (это— два).

Влажность, духота и моросящий дождик не помешали ломануться через лес рысью по знакомой тропе. Легкие возмутились минут через пять, но пилот не сбрасывал темпа; ему необходимо было увидеть 921-ю, удостовериться, что девушка все еще здесь, на планете.

А что, если ее уже вывезли отсюда? И Хан никогда ее не отыщет... Чтобы справиться с паникой, кореллианин проклял себя на всех языках, какие только выучил за свою жизнь. «Да что на тебя нашло, Соло? Очнись! Возьми себя в руки. Тебе что, плохо на Илизии? Через год на Корусанте тебя будет ждать кругленькая сумма денег. Самое время потерять голову из-за полоумной религиозной девицы! Встряхнись! Да что с тобой стряслось, а?»

Ни сердце, ни тело к доводам разума не прислушались, и в конце концов Хан помчался со всех ног. Он обогнул Цветочные равнины и чуть было не врезался в толпу паломников, которые возвращались с «молитвы». Паства спотыкалась и едва волочила ноги, хотя глаза у всех горели восторгом.

Хан расчищал дорогу локтями, чувствуя себя рыбой, плывущей против течения. В сгущающихся торопливых сумерках все лица казались расплывшимися пятнами, но кореллианин все равно заглядывал в них и искал, искал, искал...

Да где же она?

Тревога росла, Хан принялся хватать паломников за руки и требовать ответа, не видел ли кто-нибудь 921-ю. Большинство вообще его не замечало, остальные смотрели на безумствующего пилота пустыми глазами. Наконец престарелая кореллианка, видимо сжалившись над соотечественником, ткнула большим пальцем куда-то себе за спину. Там в некотором удалении брела рыжеволосая девушка. Хан вздохнул с облегчением и поспешил, запыхавшийся и взъерошенный, навстречу 921-й.

— Привет! — выдохнул он, надеясь, что это не прозвучит избито.

921-я подняла голову в сгущающихся сумерках.

— Привет, — неуверенно произнесла девушка. — Тебя давно не было видно.

— Улетал с планеты. — Хан пристроился рядом и даже осмелился взять паломницу за руку. — Возил груз.

— А-а...

— А у тебя как дела?

— Нормально. Сегодняшнее Возрадование было просто замечательное.

— Угу, — мрачно согласился кореллианин. — Разумеется.

— А как твоя поездка, Викк? — после минутной запинки полюбопытствовала 921-я.

Сумрачное настроение Хана как ветром сдуло. 921-я впервые хоть немного заинтересовалась его жизнью.

— Да ничего. — Кореллианин осторожно пробирался по грязи, стараясь не угробить ботинки окончательно; по дороге он провалился в лужу. — Если бы не пираты, которые решили в меня пострелять...

— Какой страх! — воскликнула девушка. — Пираты! Тебя могли убить!

Хан крепче сжал ее руку.

— Тебе не все равно. — Он расплылся в самодовольной ухмылке. — Здорово!

Кажется, он хватил через край; ему показалось, что девушка отодвинулась, но руки она не отняла.

К тому времени как они подошли к дормиторию, почти совсем стемнело. Хан остановился на излюбленном месте — на границе света и тьмы — и снял с девушки инфракрасные очки.

— Что ты делаешь? — встревожилась 921-я.

— Я хочу тебя видеть, — объяснил пилот. — А за очками не видно глаз.

Он поднес ее руку к губам и поцеловал тыльную сторону ладони.

— Я скучал по тебе!

— Правда?

Хан не понял, обрадовалась девушка или, наоборот, рассердилась. Возможно, и то и другое одновременно.

— Ну да, — выпалил он. — Я думал о тебе.

А еще он думал о том, что впервые в жизни признавался девушке в своих чувствах и не врал, говорил от чистого сердца.

— Я не хотел, — искренне добавил он, — но думал. Тебе же не все равно, правда? Хоть чуточку...

— Я... мне... — 921-я вдруг начала заикаться. — Я не знаю...

Она сделала попытку вырваться, Хан не дал. Он принялся

целовать покрытые шрамами и порезами пальцы девушки. Прикосновение к ее коже опьяняло посильнее алдераанского эля. Теряя голову, Хан осыпал быстрыми поцелуями суставы и кончики пальцев 921-й.

— Прекрати, — шепнула девушка. — Прошу тебя...

— Чего ради? — Кореллианин перевернул ее ладонь, чтобы припасть губами к запястью.

Он возликовал, почувствовав под губами биение ее пульса; перейдя к ладони, он исследовал нити шрамов, старых и новых.

— Тебе не нравится?

— Да. Нет. Не знаю!

В ее голосе зазвенели слезы. 921-я выдернула ладонь, и на этот раз Хан не стал удерживать девушку, хотя поймал за рукав, чтобы не убежала.

— Пожалуйста... ну пожалуйста, не уходи! Разве ты не видишь, что ты мне небезразлична? Я волнуюсь за тебя, думаю о тебе, ты... ты очень мне нравишься. — Он сглотнул комок, и это было очень больно. — Очень.

921-я судорожно вздохнула.

— Я не хочу тебе нравиться, — хрипло заявила паломница. — Мне не полагается думать о ком-то...

— А ты даже имени сказать не хочешь, — не слушая, горько заявил Хан.

Девушка была готова сорваться с места, широко распахнутыми испуганными глазами похожая на пичугу.

— Ты тоже мне нравишься, — запинаясь, пролепетала она. — Но мне нельзя. Я должна думать о Едином и Всех! А ты требуешь, чтобы я нарушила обеты, Викк! Как я могу отказаться от всего, во что верю?

У Хана заныло сердце.

— Назови свое имя, — жалобно попросил кореллианин. — Прошу тебя.

В ее глазах блестели слезы.

— Брия. Брия Тарен.

Не промолвив больше ни слова, девушка подобрала подол балахона и убежала в дормиторий.

А Хан остался стоять в темноте, и по физиономии его расползалась широчайшая дурацкая ухмылка. Кореллианин и думать забыл про усталость, ноги его были как будто обуты в ботинки с репульсорами. По-прежнему улыбаясь, пилот шагал прочь от дормитория и не замечал, как небеса раскрылись и пролились дождем.

Он ей нравится... Хан месил жидкую вездесущую грязь. А у нее красивое имя. Нежное. Брия...

На следующее утро после долгих часов напряженных раздумий и планирования по большей части бессонной ночи Хан отправился искать Тероензу и нашел его в километре от неглубокого океана, где верховный жрец в обществе Вератиля наслаждался заслуженным отдыхом на грязевой отмели, погрузившись в жижу по самую шею. Время от времени т'ландатиль перекатывались с боку на бок, чтобы щедро полить теплой красноватой грязью те места, где она успела подсохнуть. Два гаморреанца не столько бдительно несли охрану, сколько откровенно завидовали хозяевам. А Хан чем ближе подходил к «ванне», тем больше морщился от запаха. Воняло так, будто тут кто-то сдох еще на прошлой неделе.

Кореллианин предусмотрительно остановился на берегу и помахал рукой, привлекая внимание Тероензы.

— Эй, я хотел бы переговорить с вами, если можно.

Нежась в грязи, верховный жрец пребывал в приподнятом настроении. Он махнул в ответ.

— О, наш геройский пилот! Присоединяйся к нам, друг мой, не стесняйся.

Лезть в грязь? По собственной воле? Хан вовремя удержался от соответствующей гримасы, сообразив, что ему оказали великую честь. Кореллианин вздохнул.

Когда Тероенза повторил приглашение, Соло отважно помахал в ответ, расстегнул перевязь и положил кобуру с новообретенным бластером на землю. Следом отправились стоптанные башмаки и комбинезон. Сверху Хан положил подсумок застежкой в сторону отмели и с перекошенным лицом, выражение которого он пытался выдать за экстаз и радостное предвкушение, шагнул в одних трусах в красноватую жижу. На первом же шагу он глубоко провалился и запаниковал, вообразив, что грязь поглотит его по макушку. Но внизу обнаружилась твердая почва. Улыбаясь жрецам, Хан брел вперед, пока не погрузился по бедра.

— Разве не восхитительно? — спросил Вератиль, зачерпывая добрую пригоршню грязи и щедро размазывая ее по спине кореллианина. — Ничто в Галактике не сравнится с грязевой ванной!

Пилот энергично кивнул:

— Здорово. Просто здорово!

— Предлагаю тебе поваляться, — громогласно изрек Тероенза. — Так освежает! Смой с себя усталость и дневные тревоги, попробуй!

— Ладно, — согласился кореллианин сквозь крепко стиснутые зубы. — Вот чего мне сейчас не хватало, так это с ног до головы изваляться в грязи. То, что доктор прописал.

Он боязливо опустился в вязкую жижу и последовал совету Тероензы. Обнаруженные длинные белые червяки не прибавили энтузиазма. Для сохранения самообладания Хан решил не считать их плотоядными, иначе жрецы не проводили бы здесь столько времени, правда?

«Брия, солнце мое, надеюсь, ты оценишь мой подвиг...»

Он сел, заляпанный грязью до шеи.

— Замечательно, — произнес Хан вслух. — Так... хлюпает!

— Итак, пилот Драйго, о чем ты хотел говорить со мной? — поинтересовался верховный жрец, погружаясь глубже.

— Да вот, знаете ли, подумал, что могу решить вашу проблему с коллекцией. Вот.

Тероенза качнул массивной тяжелой головой:

— Неужто? И как же?

Я тут познакомился с одной девушкой, она с моей планеты. До поездки на Илизию она училась на искусствоведа и умеет заботиться о редких вещах. Антиквариат, всякие редкости, все такое. Думаю, эта девчонка в два счета составит каталог, да и за коллекцией будет присматривать.

Тероенза внимательно выслушал предложение, затем присел на задние ноги. Грязь брызнула во все стороны.

— Не думал, что кто-то из паствы прошел столь специфическое обучение. Вероятно, следует переговорить с твоей протеже. Ее номер?

— 921.

— Где работает?

— На фабрике глиттерстима.

— Сколько времени провела на Илизии?

— Почти год.

Тероенза заговорил с Вератилем на родном языке.

Надо бы его выучить, напомнил себе кореллианин, который уже целый месяц зубрил язык хаттов, отыскав необходимую лингвистическую программу. Вообще-то, он искал словари или учебные программы по языку т'ланда-тиль, но так ничего не обнаружил. Хан вслушивался в незнакомые слова, но этот язык определенно отличался от хаттского. Соло ничего не разобрал.

Повернувшись к пилоту, Вератиль произнес на общегалактическом:

— Эта 921 -я... по меркам твоей расы она привлекательна? Находишь ли ты ее пригодной для спаривания?

Сунув руку поглубже в грязь, Хан скрестил пальцы.

— 921-я? Вот уж нет! — пренебрежительно фыркнул кореллианин. — Скажу честно, она такая уродливая, что, будь у меня домашняя зверушка с такой мордой, я научил бы ее ходить задом наперед!

Оба жреца расхохотались, хлопая ладонями по поверхности грязевой отмели, выражая таким образом восхищение остроумием и находчивостью пилота.

— Отлично, пилот Драйго! — трубно взревел Тероенза. — Ты и в самом деле смекалистый, и я переговорю с той молодой женщиной.

Жрец обдал себя грязью, размазал ее по тучным бокам и вздохнул с непередаваемым удовлетворением.

— Эй, Вератиль! — Хан барахтался в красноватой жиже, пока не сумел развернуться к сакредоту. — Я тут с ума схожу от любопытства. Не возражаешь, если задам вопрос?

— Вовсе нет, — благодушно отозвался молодой жрец.

— Все хотел узнать, как вы, ребята, проделываете свои фокусы на вечерней службе? То, что паломники называют Возрадованием. По мне, так тут сплошное надувательство.

— Возрадование? — Вератиль гулко хохотнул. — Момент экстаза, который паломники принимают за божественный дар?

— Точно. Я вот ни разу ничего не почувствовал, — откровенничал Хан, добавляя про себя: «Потому что сопротивлялся изо всех сил, потому что меньше всего на свете мне хочется, чтобы какой-то инопланетный урод манипулировал мной...»

— Все потому, что ты — сильная личность, пилот Драйго, — сказал Вератиль. — А паломники устремляются к нам, ибо слабы духом и нуждаются в поводыре. Ну а мы держим их впроголодь, чтобы были уступчивее.

Заговорил Тероенза:

— Возрадование есть способность мужских особей т'ландатиль приманивать во время брачного периода самок. Мы создаем в мозгу реципиента частотный резонанс, стимулируя центры наслаждения. А сопутствующее гудение создает поток воздуха, проходящий через реснички в наших горловых мешках. Наши женщины находят его неотразимым.

— А еще мы способны к слабой эмпатии, — весело добавил Вератиль. — Сосредотачиваясь на мыслях о приятном, мы проецируем свои эмоции на паломников. Два процесса, объединенные вместе, дают Возрадование.

— Ловко! — восхитился кореллианин. — А это трудно?

— Вовсе нет, — пренебрежительно отмахнулся Тероенза. — Что действительно трудно, по-моему, так это дотерпеть до

окончания бесконечных молитв. Порой я так устаю, что засыпаю на ходу.

— А помните, как в прошлом году заснул один из сакредотов? — подхватил младший жрец. — Палазидар свалился прямо у алтаря. Паломники очень расстроились.

Оба жреца вспоминали происшествие, смаковали детали. Хан смеялся вместе с ними, хотя внутренне кипел при мысли о паломниках, которые, едва переставляя ноги, шагали по тропе с верой в сияющих глазах. Да Гаррис Шрайк по сравнению с местными заправилами — сосунок и дилетант! Кто-то должен остановить этих паразитов. На мгновение Хан вообразил себя спасителем планеты, но в следующую секунду напомнил себе, что гнуть шею ради остальных — наивернейший способ навсегда отделить голову от плеч. «Так чего же стараешься и потеешь ради Брии?» — ехидно вопросил внутренний голос.

«А потому что жизнь Брии для меня важна, как моя собственная, — возразил кореллианин сам себе. — Ничего не поделаешь, так получилось».

Свою задачу он выполнил, теперь следовало придумать, как бы поизящнее, фигурально выражаясь, выкарабкаться из грязи и жреческой компании.

Спас его приход хатта-, который величественно проплыл над грязевой отмелью на репульсорных санях; по обе стороны, отдуваясь и обливаясь потом по влажной жаре, трусили стражники.

— Заввал! — воскликнул Тероенза при виде процессии и почтительно встал.

Чувствуя себя последним идиотом на свете, Хан последовал его примеру.

Вот так впервые в жизни юный кореллианин близко повстречался с хаттом. Он старался не пялиться на бурую морщинистую тушу, возлежащую на салазках: глаза навыкате, из огромной пасти сочится зеленая слизь. Ого! Да эти ребята уродливее, чем Тероенза и вся его братия, вместе взятые! Пришлось напомнить самому себе, что цивилизация хаттов, пожалуй, древнее, чем людская. Но избавиться от отвращения все равно не удалось.

А может быть, дело в том, что именно хатты придумали илизианскую религию как дешевый способ заполучить толпы рабов?

Заввал наклонился к Тероензе, свесившись с антигравитационных салазок.

— Я получил весточку из дома, — произнес он на родном языке. — Джабба и Джилиак, разумеется, все отрицают, а у нас

нет доказательств. Семейный совет отказал...

Дальше Хан не разобрал.

— ...поэтому нам ничего не остается, кроме как...

Последнюю фразу Хан перевести не сумел.

— Прискорбно! — возвестил верховный жрец по-хаттски. — Что с моим запросом о дополнительном вооружении и защите наших кораблей, ваше превосходительство?

— Одобрен, — ответил Заввал. — Груз прибудет со дня на день.

— Замечательно!

Тероенза перешел на общегалактический:

— Заввал, я хотел бы познакомить тебя с нашим отважным пилотом Викком Драйго. Это он спас груз глиттерстима.

Огромный слизень хмыкнул, его раскатистое «хе-хе-хе» прозвучало на таких басах, что Хан не только услышал, но и почувствовал звук.

— Приветствую тебя, пилот Драйго. Мы отблагодарим тебя достойно.

— Да не за что...

Тероенза взмахнул карикатурными ручонками:

— К нашему гостю следует обращаться «ваше превосходительство», пилот Драйго.

— Да как скажете. Не за что, ваше превосходительство. Большая честь служить вам.

Заввал опять хохотнул.

— Весьма понятливый и вежливый для человека, — заметил он на родном языке, обращаясь к верховному жрецу. Не хочешь ли дать юноше прибавку к жалованью? Мы хотим, чтобы мальчик был счастлив.

— Все уже организовано, ваше превосходительство, — откликнулся Тероенза.

— Хорошо, — проворчал хатт. — Хорошо.

Хан сделал вид, что не понял ни слова.

Заввал развернул салазки и заскользил прочь, предоставив своим дальним родственникам с пыхтением вылезать из грязевой ванны.

— Ты порадовал его превосходительство, — бросил Тероенза кореллианину на общегалактическом. — Сообщили ли тебе время, когда будет готова следующая отправка?

Очнувшись от ступора, Хан тоже зашлепал к берегу.

— Сказали, что в конце недели. У меня еще два рейса с паломниками, завтра и еще через день.

— Хорошо. Нам нужны рабочие руки.

Хан поднял ворох одежды и махнул рукой в сторону океана:

— Хочу сполоснуться, прежде чем одеваться.

— Ах да! — спохватился Вератиль. — Мы используем грязь для очистки, она не прилипает к нашей коже так, как к твоей, пилот Драйго. Высохнув, мы отряхиваемся, вот и все.

И он продемонстрировал, как это делается, подняв в воздух тучу сухой красноватой пыли.

— И вся грязь отпадает сама собой, как видишь.

— Но мне-то необходима вода!

— Будь настороже и не заплывай далеко, пилот Драйго, — предупредил, охорашиваясь, Тероенза. — Некоторые обитатели наших морей крупны и голодны.

Хан с готовностью пообещал не стать обедом и, держа ботинки и комбинезон подальше от вымазанного в красной грязи тела, побрел к океану, осторожно ступая босыми ногами. За грядой дюн воды не было видно, но оттуда доносился теплый солоноватый запах.

Оставив вещи на песке, кореллианин с опаской зашел по колено и присел на корточки, предоставив волнам смыть грязь. Вернувшись на берег, он отыскал ровный участок и улегся, подставив тусклому, затянутому дымкой солнцу голую спину. Покрывшиеся соленой корочкой волосы жесткой проволокой торчали во все стороны. Все лучше, чем грязь. Хан сонно зевнул.

Он уже засыпал, когда пришедшая на ум мысль заставила его вздрогнуть и открыть глаза. Совсем забыл, надо же! Хан поднялся на ноги, отыскал разбросанную одежду и запустил пальцы в подсумок. Настороженно поглядывая по сторонам, юный злоумышленник вытащил миниатюрный записывающий блок бортового журнала, позаимствованный с «Илизианской Мечты». Приборчик все еще работал. Хан отключил его; все отлично записалось.

А потом вернулся на прежнее место, растянулся на теплом песке и предался заслуженной дреме.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ОТКРОВЕНИЕ

За три стандартных месяца Хан налетал немало часов, несколько раз при попустительстве и соучастии Мууургха он ухитрился подработать на стороне, оттачивая мастерство, а па долю тогорианина оставляя упражнения по стрельбе. Соло успешно совершал посадки на лунах без атмосферы, лунах, покрытых льдом, даже на крохотных астероидах, диаметром едва крупнее его корабля. Он научился стыковке с космическими станциями, с первого же захода совместив модули воздушных шлюзов.

После памятной встречи с лжепиратами илизианцы оборудовали грузовик щитами-отражателями повышенной мощности и навесили артиллерию потяжелее. К тому же жрецы совсем ополоумели на почве секретности и отказались от встреч в космосе, так что теперь Хану приходилось спускаться с грузом на планеты и там обменивать товар на сырье. В населенных секторах значительно снижался риск попасть в засаду.

Еще Тероенза ясно дал Мууургху понять, что пилот Викк Драйго — достойный всяческого доверия работник, поэтому тогорианин больше не считал нужным проводить рядом с кореллианином каждое мгновение, хотя его все еще связывало обещание охранять пилота, и этого Мууургх никогда не забывал.

Верный данному слову, Тероенза переговорил с Брией и взял девушку на работу. Теперь Хан мог встречаться с ней каждый день, когда бывал на Илизии. Как только кореллианка начала питаться в столовой административного корпуса и чаще бывать на свежем воздухе и солнечном свете, ее глаза стали ярче, шаги — легче, а улыбка чаще появлялась на лице.

Брии нравилась ее новая работа: во-первых, она любила возиться с антиквариатом, а во-вторых, считала за величайшую честь службу верховному жрецу. Каждое утро Брия усердно продолжала ходить на молитву, а каждый вечер — на Возрадование. Когда Хан оставался на Илизии, он провожал девушку до Алтаря и домой после службы.

Брии предложили комнату в административном корпусе, но девушка предпочитала ночевать в дормитории. Она не столько наслаждалась общением с другими паломниками, сколько опасалась жить по соседству с Викком Драйго. Брию Тарен все еще пугало это новое знакомство, и она пока неохотно прислушивалась к чувствам, которые пробуждал в ней шумный

соотечественник. Девушка постоянно напоминала себе, что она паломница и что она телом, мыслями и душой принадлежит Единому и Всем.

И все-таки не оставалось сомнений, что Брии нравилось общество Викка; пилот был такой живой, такой неугомонный, такой очаровательный… Раньше она таких никогда не встречала.

За час до вечерней службы, когда с работой было покончено, Брия по сложившейся уже привычке разыскивала Викка и Мууургха (они почти всегда были вместе), а затем они втроем шли в столовую, чтобы выпить по чашке стим-чая.

Брия торопливо шла через джунгли. Дневная жара потихоньку спадала, с океана дул легкий ветерок, и девушка шла на соленый запах морской воды. Балахон цеплялся за кусты, что росли по обе стороны от дорожки. С лиан свисали яркие цветы — пурпурные, фиолетовые, желто-зеленые. Ноздри Брии трепетали от их резкого вяжущего аромата.

Верховный жрец Тероенза сказал, что, если Брия хочет, она может переодеться в мирскую одежду. Верховный жрец объяснил, что так ей будет легче работать с коллекцией, но девушка упрямо цеплялась за свой бесформенный балахон, как будто он помогал ей придерживаться обетов.

Брия добралась до грязевых отмелей и постояла возле них, чтобы отвесить поклон двум жрецам, которые нежились в «ванне». Оба т’ланда-тиль не обратили на паломницу никакого внимания, но девушка уже привыкла к подобному обращению. Жрецы вообще редко общались с паствой, разве что требовалось дать наставление по работе. Это же естественно, их умы занимают божественные материи, жрецы парят на духовных высотах, недоступных простым гуманоидам вроде Брии.

Когда девушка впервые увидела, как жрецы бултыхаются в вонючей жиже, то едва оправилась от потрясения. Это было так приземленно с их стороны. Но за три месяца, которые Брия работала на его возвышенность Тероензу, она ко многому привыкла.

Она была рада, что больше не нужно спускаться в темноту фабрики. В административном корпусе ей было гораздо лучше. Тут были и кондиционеры, и хорошее освещение, и еда… Еда здесь была намного качественнее. Но понадобился почти месяц, чтобы Брия начала есть нормально. До того ей было все равно, она просто ковырялась в тарелке, как обычно. Медицинский дроид лечил ее от истощения и вызванной мхом болезни крови. Но она уже шла на поправку.

Жизнь налаживалась, с тех пор как в нее вошел Викк. Если бы только... Брия вздохнула. Ах, если бы Викк тоже был паломником! Они бы вместе молились, вместе посещали бы службы, вместе получали бы благословенное Возрадование. Но Викк... Как забыть, что он неверующий? Да, он никогда не признавался, но это же видно с первого взгляда. Драйго верит лишь в себя.

Когда он брал ее за руку после окончания службы, чтобы отвести в дормиторий, само его прикосновение заставляло усомниться в Едином и Всех, и Брии это вовсе не нравилось. Ей не хотелось, чтобы что-то ставило под сомнение ее веру или принесенные обеты.

Добравшись до прибрежных дюн, Брия, как и ожидала, услышала визг и шипение выстрелов.

— Викк! — крикнула девушка; глупо незаметно подкрадываться к человеку, который тренируется в стрельбе по мишеням. — Викк, это я!

Она карабкалась по осыпающемуся песку, а ветер дергал ее за одежду, запутывал подол между ног. Шапку приходилось держать обеими руками, иначе бы ее унесло. На берегу девушка увидела Викка; пилот стоял, расставив ноги, чуть ссутулившись, бластер находился в кобуре, которая висела очень низко на бедре. В стороне с обломками черепицы в лапах высился Мууургх.

Тогорианин без предупреждения подкинул в воздух два черепка, один — высоко и налево от себя, второй — низко и направо.

Рука Викка метнулась к кобуре так быстро, что Брия не уследила за движением. Лазерный луч ударил сначала в левый обломок, затем разнес в крошево правый. Керамическая крошка посыпалась в илизианский прибой.

Мууургх одобрительно мяукнул. Викк повернулся, собираясь пострелять по неподвижным мишеням, расставленным на пляже, заметил Брию и, помахав ей рукой, вернул оружие в кобуру. Он зашагал ей навстречу, а Брия, как всегда, поражалась, насколько он все-таки симпатичный. Правильные черты лица, темно-русые волосы, карие глаза — сложи все вместе, и ничего сверхординарного или потрясающего не получишь. Но женщины, которым была адресована его улыбка, этого не замечали.

— Привет! — крикнул он, подбегая, и, пока Брия не успела отстраниться, поцеловал ее в лоб. Девушка оттолкнула пилота:

— Нет, Викк. Обеты не позволяют мне...

— Знаю, — без тени раскаяния заявил он. — Но когда-нибудь, солнышко, ты поцелуешь меня в ответ.

— До начала службы есть время. Хочешь стим-чая?

— Не сегодня. — Викк неожиданно стал очень серьезным. —

Нам нужно поговорить, Брия. Я ждал, когда тебе станет получше, боялся, что не справишься с потрясением. Но лучше поздно, чем никогда.

Брия подняла на него недоуменный взгляд:

— О чем ты, Викк?

— Давай присядем где-нибудь, — уклонился от ответа пилот. — Вон там, на берегу, хорошо?

Драйго отвел ее на ровный участок пляжа, а когда из-за ближайшей дюны показались уши Мууургха, желающего знать, не собирается ли парочка в поселок, покачал головой.

— Дай нам поговорить наедине, дружище.

Тогорианин скрылся за барханом. Брия наблюдала, как черный силуэт скользит вверх по склону следующей дюны и утекает за гребень. Как только Викк достал из кармана небольшой приборчик, у Брии зачастило сердце.

— Это записывающий блок автоматического бортового журнала, — пояснил Викк. — Вывинтил из «Мечты». Пару месяцев назад я сделал одну любопытную запись. До того как Тероенза поручил тебе заняться коллекцией. Наберись терпения и прослушай, ладно?

— Не знаю... Мне уже все это не нравится, — пробормотала девушка, — какое-то нехорошее у меня предчувствие...

— Пожалуйста, — умоляюще сказал кореллианин. — Ради меня. Просто прослушай запись.

Брия кивнула, судорожно переплетя пальцы. Океанский бриз, минуту назад такой приятный и освежающий, заставил девушку трястись от холода, несмотря на склоняющееся к западу солнце.

Викк включил приборчик. Брия услышала, как Викк приветствует жрецов и как те в ответ приглашают его принять грязевую ванну вместе с ними. Она узнала голоса возвышенного Тероензы и сакредота Вератиля. Грязевые ванны. Жрецы рассказывали, как прекрасно они расслабляют. Брия поерзала на песке, Викк предупреждающе поднял указательный палец и одними губами выговорил:

— Обожди.

Девушка заставила себя сидеть неподвижно, хотя ей хотелось бежать со всех ног. Жрецы явно не знали, что разговор записывается. Да это хуже, чем подслушивать, это все равно что шпионить!

А затем Брия задохнулась от отвращения: она услышала, как Вератиль и Тероенза, смеясь, рассуждали о Возрадовании. Они говорили, что это не божественный дар, что оно не имеет ни малейшего отношения к Единому и Всем! Брия вскочила на ноги. Ветер сорвал с ее головы шапку, золотисто-рыжие кудри

рассыпались по плечам, но девушка ничего не заметила. Ее трясло от злости. Викк посмотрел на нее, выключил записывающий блок и тоже поднялся с песка.

— Как ты мог? — глухим, подрагивающим голосом потребовала ответа Брия. — Я думала, ты мне друг.

Пилот шагнул к ней, миролюбиво подняв ладони:

— Брия, солнышко, я и есть твой друг. И сделал это ради тебя, тебе нужно знать правду. Мне жаль, что...

Ее рука размахнулась будто по собственной воле и залепила кореллианину звонкую пощечину. Викк пошатнулся, прижал ладонь к щеке.

— Ты лжешь! — крикнула Брия. — Это неправда! Ты подделал запись, чтобы я нарушила обеты! Не отрицай!

Пилот опустил руку, постоял, разглядывая девушку, и в глазах его были печаль и жалость. Потом Викк медленно покачал головой.

— Прости, малышка, — произнес он. — Мне жаль, и даже не выразить как. Но я ничего не подтасовывал. Ты слышала правду, можешь злиться на меня, но ничего не изменится. У Тероензы и его банды нет никаких божественных даров. Все это затеяно только для того, чтобы было кому работать на фабриках и было кого обращать в рабство.

Отпечаток ее ладони темнел на его щеке, темно-красное пятно — там, куда пришелся удар. Брия различила следы своих пальцев. Девушка подавила желание броситься к пилоту на грудь, бормоча извинения. Как она могла его ударить? Но ее гнев не утих. Подбородок ее задрожал, когда Брия постаралась взять себя в руки.

— Нет! — Она стиснула кулачки. — Нет, неправда! Ты все подделал. Ты что, телепат? Откуда ты знаешь про сакредота Палазидара? Тебя тогда не было на Илизии!

Викк покачал головой:

— Я не знал о нем, Брия. Не знал и не подделывал запись. Я могу доказать.

Порывшись в кармане, он достал небольшой черный пузырек.

— Глиттерстим? Откуда он у тебя?

— Подцепил во время доставки, — туманно пояснил Викк. — Тебе известно действие глиттерстима, да?

Брия нерешительно кивнула.

— Другого способа получить доказательство у меня нет. (Икрой пузырек, подержи содержимое на свету и проглоти, и ты обретешь способность читать чужие мысли. Загляни ко мне it голову и поймешь, что я не лгу. И что я ничего не подделывал. Вот... — Он вложил флакон в ладонь девушки. — Бери.

Брия взглянула на черную непрозрачную трубочку.

— Мне... мне нужно подумать, Викк. Мне нужно принять решение.

— Я не лгу тебе, милая, клянусь. — Пилот сделал шаг вперед, хотел взять Брию за руки. — Поверь мне.

Девушка попятилась.

— Нет, не трогай меня сейчас, Викк. Я... увидимся позже. После службы. Мне нужно идти.

Он не сводил с нее глаз.

— Пропусти хоть раз. Вас же никто не пересчитывает.

Не ходить на Возрадование? Брию чуть не стошнило от еретической мысли, и такая реакция удивила и напугала девушку. А что, если Викк прав? Что, если Возрадование действительно всего лишь сочетание физической и ментальной «вибрации» и если нет никакого божественного дара, а паломники — обычные наркоманы?

Брия посмотрела пилоту в глаза и без всякого глиттерстима чувствовала, что ей говорят правду. Она стиснула в ладони черный пузырек. Вот где заключены ответы. С его помощью она выяснит истину...

Девушка повернулась и зашагала прочь, оставив Викка на берегу. Она слышала, как пилот окликает ее, но отмахнулась, не останавливаясь. Если она не хочет опоздать на службу, ей нужно поторопиться.

Через полчаса Брия стояла в толпе паломников и смотрела, как вечернее солнце проливает кровавые лучи на Алтарь обещаний. Вот-вот должно было начаться Возрадование. Девушка украдкой огляделась по сторонам. Если действовать, то сейчас. Пальцы сами нащупали в кармане черный цилиндрик. Свет... ей нужен свет, чтобы активировать глиттерстим. Но как? Все увидят...

Наконец-то наступило мгновение, которого она ждала, — знак верующим, что сейчас начинается Возрадование. Брия заранее выбрала место, откуда ей хорошо было видно сакредотов и верховного жреца; саму же ее от Алтаря трудно было заметить. А если заслониться широким рукавом, тогда вспышку т'ландатиль не увидят. Паломники же так поглощены грядущим Возрадованием, что не обратят внимания и на бластерную перестрелку.

Паства опускалась на колени. Брия последовала их примеру и открыла флакон. Согнувшись в три погибели в глубоком поклоне, она вытряхнула на ладонь нить глиттерстима. Забавно, не сама ли она ее укладывала туда? Глотки жрецов начали раздуваться, а когда вибрирующий гул наполнил воздух, Брия подставила

ладонь под последние лучи заходящего солнца.

Наркотик активировался за несколько секунд, заискрился синим, но ни паломники, ни жрецы ничего не заметили. Раньше Брия никогда не принимала глиттерстим, но точное время знала не хуже опытного наркомана. Она проглотила снадобье в то же мгновение, когда началось Возрадование.

И вздрогнула, как будто ее подстрелили. Глиттерстим подействовал мгновенно. Кровь разогналась до скорости уходящего в гиперпространственный прыжок корабля. В висках грохотали барабаны.

Но физиологический эффект не шел ни в какое сравнение с воздействием на разум. Восприятие резко обострилось; как ни старалась потом Брия, но так и не сумела описать свои переживания. Подхваченная волнами божественного Возрадования, она ощутила экстаз всех паломников, собравшихся у Алтаря.

Ошеломленная, она чуть было не лишилась чувств, только злость на Викка помогла сохранить рассудок — и сосредоточиться.

«Нужно… открыть… глаза…»

Задыхаясь, хватая ртом воздух, Брия выполнила собственный приказ, вздрагивая под ударами наслаждения, такого сильного, что оно вызывало боль. Девушка отыскала взглядом Тероензу, заставила себя не отворачиваться, усилием воли проникая в чужие мысли. Голову наводнили чужеродные образы, неизгладимо впечатываясь в память. Разум Тероензы, как у любого другого, был захламлен пустяками и всяческими мелочами: «Интересно, что будет на ужин… как скучна церемония… ах да, новые меры безопасности, ох уж эти хатты, старые параноики… что-то со вчерашнего желудок не в порядке…»

Ни намека на божественность. Тероенза не верил ни в Единого, ни во Всех. Собственно, он гордился тем, что выдумал Всех и Единого, чтобы доверчивым паломникам было чем развлечь себя на досуге.

Брия поперхнулась, во рту скопилась горькая слюна — послевкусие от глиттерстима. Возрадование мешало думать, но девушка усилием воли сохранила настройку на мысли верховного жреца. Она перебрала их, чтобы убедиться на все сто процентов: то, чем занимается Тероенза, — просто фокус. Некий обычный для любой особи его вида и пола процесс.

Вдруг жрец дернулся, принялся крутить по сторонам головой на короткой, почти невидимой шее. У него появилось подозрение, а затем уверенность: кто-то телепатически вторгся к нему в разум. Возрадование дало сбой, а когда верховный перец

прекратил жужжать, и вовсе оборвалось. Сакредоты по инерции продолжали нестройно гудеть, но без руководителя процесс пошел насмарку. Паломники заголосили, кое-кто потерял сознание.

Брия торопливо «отсоединилась» от Тероензы и вновь очутилась в толпе сбитых с толку, горько стенавших паломников: кто-то скулил и дрожал, уставившись на жрецов умоляющими глазами.

Тероенза грузно спустился с возвышения у алтаря и стал протискиваться сквозь толпу. Верховный жрец всматривался в лица, по ходу дела бормоча слова благословения, чтобы скрыть, что разыскивает паломника, который осмелился покуситься на его мысли.

К счастью, Брия стояла в задних рядах, почти на границе амфитеатра. Она позволила остальным вытолкать себя с пермакрита, а затем одним быстрым решительным движением поддела ногой слой прелой листвы и бросила туда флакончик из-под глиттерстима. Повернувшись, девушка наступила на листья, впечатав их обратно во влажную лесную подстилку. Все действия заняли у нее не больше секунды. Брия начала проталкиваться к тропинке, отдавшись течению бессвязно лепечущей, раздраженной, смятенной и неудовлетворенной толпы.

Осмелившись робко оглянуться, девушка увидела, что Тероенза бросил попытки отыскать наглеца, очевидно сообразив, что его нетактичное поведение расстраивает паломников, или осознав тщетность поиска. Брия понадеялась, что верховный жрец спишет происшествие на случайность, на то, что какой-нибудь новичок решил поэкспериментировать с украденным глиттерстимом.

Она бесцельно брела по тропе нетвердым шагом. Воздействие наркотика ослабло, Брия едва разбирала мысли и чувства окружающих. Она не удивилась, когда рядом с ней возник пилот и, как обычно, взял ее за руку. Брия оперлась на него, благодарная за поддержку; Викк обнял ее за талию. Вокруг них быстро сгущались экваториальные сумерки. Брия едва различала Викка, который бережно вел ее по тропинке в обход особо глубоких грязных луж. Возле дормитория девушка остановилась.

— Я… не пойду туда, мне не хочется, — промямлила она. — Мне нужно… нужно поговорить с тобой, Викк.

Пилот кивнул; его лицо смутно белело в свете, падающем из открытой двери.

— Лады. Думаю, никто не будет возражать, если мы прогуляемся до столовой и выпьем по чашке стим-чая. У тебя такой вид, будто он тебе не помешает. Только на пользу пойдет.

Они вместе ушли в темноту. Брия опять прислонилась к Викку, никогда в жизни она не ощущала такой смертельной усталости. Дроид и тот двигался бы с большей живостью.

В столовой Викк усадил девушку и принес две чашки стимчая и засахаренное печенье.

— Держи. — Он подтолкнул тарелочку к Брии. — Съешь. Полегчает.

Она покорно раскрошила печенье, отхлебнула горячий напиток. Пообедать она не успела, и еда действительно пошла ей на пользу. По крайней мере, мир начал возвращаться в норму. Брия наклонилась к пилоту, готовая заговорить, но стоило ей открыть рот, как Викк покачал головой.

— Давай-ка я провожу тебя в дормиторий, — нарочито громко и отчетливо произнес он. — В следующий раз думай, прежде чем пропускать кормежку, 921-я. Я думал, ты грохнешься в обморок, вот и привел тебя сюда.

Уловив намек, Брия молча поднялась на ноги и следом за пилотом вышла на улицу.

Там Викк вытащил инфракрасные очки и нацепил на нос.

— Свои не потеряла?

Брия торопливо отыскала очки. Ночная тьма разделилась на призрачно-черные и зеленовато-белесые пятна. Зато теперь девушка видела лицо Викка. Пилот обнял ее за плечи, и они вместе зашагали по тропе.

— Ты приняла глиттерстим, — негромко произнес Викк.

— Да...

Тело онемело, словно Брию избили до потери сознания.

— Ты был прав. Прости, что сомневалась...

— Эй! — Викк старался говорить беспечно и весело и полностью провалил задуманное. — На твоем месте я бы тоже захотел все проверить. Ну как ты?.. Трудно было?

Девушка машинально кивнула, и тут чувства и ощущения снова обрушились на нее, словно морской прилив. Брия задрожала, хватая ртом воздух.

— О Викк... — лепетала она. — Я была у него в мыслях, внутри головы, а там ничего! Никакого божественного дара... Тероенза — обычный скучающий эгоист, который хочет стать еще богаче и пополнить коллекцию!

— Не горячись так! — Викк покрепче прижал к себе девушку. — Тебя всю трясет.

— Я... я чувствую... словно... меня предали, — выдавила Брия, стуча зубами. — Это было... ужасно...

— Не переживай так, солнышко...

Кореллианин сочувственно обнял девушку. Брия начала

всхлипывать — громко, взахлеб, так что в горле заболело. Викк снял с нее очки, а когда девушка уткнулась ему в плечо, принялся гладить ее по волосам, по спине, бормоча какие-то успокаивающие глупости. Брия вцепилась в его комбинезон обеими руками, перекручивая ткань, и заплакала так, что сама себя напугала. Раньше она никогда так не плакала. Одиночество было непереносимо.

— Больше... мне... ничего не осталось, — выдохнула девушка в промежутке между рыданиями. — Ничего... ничего...

— Ошибаешься, — шепнул ей Викк, нежно целуя ее в щеку. — У тебя остались мы.

— Как... мы?

— Ну вот так. Мы будем вместе, мы выберемся с этой проклятой планеты и будем счастливы.

Брия подняла голову, слепо уставившись в темноту. Ночное зрение не позволяло ей разобрать выражение его лица.

— Но паломникам не разрешают уезжать отсюда, — пробубнила девушка. — Я прочитала в мыслях Тероензы.

— А кто их будет спрашивать, милая? Мы просто уедем.

— Сбежим? — прошептала Брия.

— Точно! Как только я придумаю способ, так и свалим. Я уже начал думать. — Викк еще раз поцеловал ее. — Поверь мне. У меня есть опыт в этом деле. Я все сделаю.

— Но... но твои деньги... У тебя же контракт, тебе нельзя его нарушать. Если ты сбежишь, то потеряешь деньги. А как же академия? Как ты можешь все бросить?

Викк беззаботно отмахнулся.

— Деньги все одинаковы. Просто выдою их из Тероензы немножечко по-другому.

Мысли Брии блуждали в тумане, спотыкаясь от изнеможения и печали; девушке понадобилась целая минута, чтобы сообразить, о чем толкует пилот.

— Коллекция... — прошептала Брия. — Ты собираешься обворовать Тероензу и сбежать...

— На ходу схватываешь, — одобрительно хмыкнул Драйго. — Ты уверена, что глиттерстим уже выветрился?

— Конечно, — устало ответила Брия. — Ты же сам тысячу раз изводил меня вопросами, какие из предметов в коллекции самые ценные. Ты всерьез решил, будто сумеешь взломать коды доступа и унести коллекцию?

— Ну, не целиком, — пошел он на попятную. — На всей Илизии не сыщется корабля с таким огромным трюмом. Возьму мелочь какую-нибудь... по-настоящему стоящую мелочь.

Кореллианин вопросительно посмотрел на Брию:

— Ты ведь поможешь мне, да?

Девушка не спешила с ответом. Кража антиквариата не вписывалась ни в рамки религии и веры, ни в рамки воспитания. Но здесь не музей, где произведения искусства открыты для публики. Здесь склад жадного коллекционера, который не ценит собственной коллекции и даже не умеет ее толком содержать. Если Викк унесет какие-нибудь вещицы, они вернутся в мир. Существует неплохой шанс, что некоторые из них все-таки окажутся в художественной галерее или на какой-нибудь выставке.

— Хорошо, — сказала Брия, набрав полные легкие воздуха. — Я помогу тебе, Викк.

— Мы с тобой угоним космический корабль и улетим отсюда. Лично меня уже тошнит от жары, духоты и влажности, а жрецы с их дурацкой религией и вовсе надоели до смерти.

Улететь? Брия судорожно втянула воздух. И никогда больше не ходить на молитву, не получать Возрадоваиия? А как же без него дальше жить?

Она решительно выкинула из головы эти вопросы. Как-нибудь приспособится. Может быть, неделя-другая — и она вновь станет собой.

— Не все так просто, Викк, — неуверенно пробормотала девушка.

— Что такое, солнышко?

— Мууургх. Как быть с Мууургхом? Он дал слово охранять тебя, ты сам говорил. Как ты от него избавишься?

Пилот глубоко вздохнул. Несмотря на темноту, она увидела — а может быть, почувствовала, — как изменилось его лицо.

— Да, тут у нас врельт на кухне, — пробормотал Викк старое кореллианское выражение, которое означало неудачу или несчастье. — Не знаю я, что с ним делать. Мне нравится этот верзила, но он все твердит о кодексе чести своего народа. Боюсь, что он будет всеми конечностями цепляться за преданность Тероензе.

— То есть если он выяснит наши планы, он нас выдаст?

— Как пить дать.

— Ох, Викк... — Брия запнулась. — Что же нам делать?

— Не тревожься, солнышко, предоставь все мне. — Викк приосанился. — Если надо будет, я разберусь с Мууургхом. Я стреляю лучше него, да и бластер вытаскиваю быстрее.

— Ты будешь стрелять в него?

— Если выбор встанет между нами и ним, да, буду. Я хотел бы убедить его помочь нам. Если он скажет «да», я отвезу его, куда он пожелает. И дам ему денег, пусть ищет дальше.

— Ищет?

— Ага, у него пропала подружка, вот он и заявился сюда, решил, будто она на Илизии. Только он ошибается. Тогориан редко встретишь, я и не слышал о них, пока сюда не попал. Будь здесь тогорианка, ее было бы видно издалека, как белую банту в стаде.

Брия перевела дыхание:

— Но тут был другой тогорианин, я сама видела! Шесть или восемь месяцев назад. Правда, мельком, но уверена, что это был именно тогорианин.

— Правда? Мужчина или женщина? Как выглядел?

— Мужчина или женщина, я не знаю. Только тот был поменьше Мууургха. Белая шкура с полосами... кажется, оранжевыми. Я видела его после вечерней службы, уже стемнело.

— Надо рассказать Мууургху! — обрадовался Викк. — Эти жрецы врут почем зря. У меня такое чувство, что Мрров все время тут была, на Илизии, — может быть, во второй колонии или в третьей.

Он замолчал. Брия тоже не решилась заговорить, размышляя над его словами, но в конце концов не выдержала.

— Пожалуйста, Викк! — взмолилась девушка. — Скажи мне, что ты не всерьез говорил о том, чтобы застрелить Мууургха! Должен быть другой способ!

Рослый тогорианин нравился Брии. За последние месяцы они немного подружились, девушка восхищалась сильным, честным фелиноидом.

— Я позабочусь о нем, чего бы то ни стоило. Если придется, буду стрелять... — Викк помрачнел. — Ну, может быть... не на поражение. Оглушу его или тресну чем-нибудь тяжелым по черепу. И свяжу, чтобы жрецы не обвинили парня в нашем побеге.

Ох, Викк... — Глаза Брии вновь наполнились слезами. — Умоляю тебя, придумай что-нибудь, чтобы Мууургх не пострадал! Ты же умный.

— Придумаю, солнышко, — пообещал Драйго. — Обязательно придумаю...

Он быстро наклонился, чтобы запечатлеть на ее лбу поцелуй, и на этот раз ему никто не стал напоминать об обетах. «Нет у меня никаких обетов, — отрешенно подумала Брия, когда они возвращались к дормиторию. — Ни обетов, ни веры... ничего нет».

Она озиралась в кромешной тьме.

Ничего, кроме Викка...

Из джунглей на тропинку беззвучно выскользнула черная,

едва различимая во мраке тень. Ночью тогорианин видел намного лучше многих существ и легко разглядел вдали парочку. Они почти добрались до общежития.

Мууургх жалел, что сумел подслушать лишь конец разговора, а не все, как он собирался, осторожно подкравшись к своему поднадзорному. Но и этого хватило. Пилот и Брия спланировали побег. Они хотят совершить кражу у хозяев. Пилот собирается отделаться от Мууургха.

Тогорианин горестно помотал тяжелой ушастой башкой. Мууургх дал слово чести хозяевам. Намерения Мууургха должны быть ясны. Только не были.

Телохранитель отлично сознавал, что должен сделать. Он должен пойти к Тероензе завтра же утром и передать подслушанный разговор. Или он должен собственными лапами растерзать пилота, а жрецов посвятить, когда все будет кончено.

Но он стоял на тропе и ничего не делал. Пилот от отчаяния действительно может выстрелить. А Мууургх дал слово чести охранять пилота. И пилот — не просто какой-то там пилот, это же Викк. А Мууургх стал думать о Викке как о друге. Викк хочет защитить свою самку. Мууургх понимает. Он бы сам все на свете сделал, чтобы защитить Мрров... если бы только мог ее отыскать!

Тогорианин утробно заурчал. Наверное, и дальше следует притворяться другом, чтобы пилот ничего не заподозрил, чтобы подпустил ближе, а тогда уже можно будет пустить в дело зубы и когти. Мууургх — опытный и умелый охотник. Когда он хватает добычу, ей не вырваться.

Но сумеет ли он убить Викка, чтобы не нарушить слово чести?

Мууургх опять заворчал и ушел в джунгли. Сегодня ночью он отправится на охоту и убьет. Он разорвет добычу и пожрет ее плоть. Может, тогда в голове прояснится, и Мууургх придумает, как поступить. Тогорианин скользил между деревьями-великанами, сливаясь с ночной тьмой, невидимый и бесшумный, как призрак.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
УТРАЧЕННАЯ И ОБРЕТЕННАЯ

Хан весело насвистывал, принимая душ следующим утром, и даже необходимость натереться вонючей бактерицидной мазью не расстроила кореллианина. Они с Брией улетят отсюда подальше, продадут сокровища Тероензы и разбогатеют. Можно будет заплатить за новые документы, хватит и на еду, и на комнату, пока он сдает экзамены в академию. А когда он закончит учебу, то будет офицером, уважаемым человеком, и Брия будет ждать его...

Вытирая мокрые волосы полотенцем, Хан направился к одежде, сложенной у изножья кровати.

Вообще-то, Галактике следовало предупредить его, хотя бы намекнуть, но не случилось. Вот Хан делает шаг, а вот что-то хватает его и швыряет на пол, да так, что дыхание перехватило. Пилот задыхался, как выброшенный на берег китодон, а перед глазами плясали искры. И было еще что-то, что не давало шелохнуться, словно гигантская ладонь, прижатая к груди. Хан лежал неподвижно, осмеливаясь только хватать ртом воздух, сообразив, что эта ладонь, воображаемая или настоящая, способна раздавить его как орех-дильгу.

Перед глазами, кроме искр, плавало большое черное пятно... нет, обрывок ночи был вполне настоящим. Осязаемым и мохнатым с белым пятном на груди и белыми же усами.

— Мууургх? — придушенно выдохнул кореллианин. — Что... происходит?..

Ответом ему было басовитое рычание и блеск клыков перед самым носом.

— Пилот хотеть убегать, сссабирать Брия. Хотеть красть у хозяева Илессии. Хотеть позаботиться о Мууургх.

— Но...

Гигантская ладонь надавила сильнее, у Хана глаза полезли на лоб. Мууургх ослабил нажим, приподняв массивную лапу, выдвинул похожие на кривые сабли когти.

— Сейчас предатель умерщвлен быть, — объявил тогорианин.

— Подожди! — Хан, сдаваясь, поднял руки. — Пожалуйста, выслушай меня!

— Мууургх слушать вчера в ночь. Мууургх слышать много, — сумрачно рыкнул тогорианин.

— Эй, дружище... — промямлил Соло, очень живо вообразив, какое воздействие произведут острые когти на его горло. — Я

думал, мы друзья...

— Пилот нравится Мууургх. Мууургх жалеть убивать пилот. Но ссслово чести произнесссено. Нет выбора у Мууургх...

Лапа пошла вниз. Хан зажмурился и стал ждать смерти. Он почувствовал, как лапа тогорианина шаркнула его по скуле, по шее, но больше ничего не произошло. Через несколько затянувшихся на вечность секунд кореллианин решился приоткрыть глаза. Мууургх смотрел на него, на черной морде было написано страдание. В конце концов, прихватив Хана за волосы, телохранитель рывком поставил кореллианина на ноги и толчком направил в сторону одежды.

— Одевайся! Мууургх не хотеть кровь пилота на сссвои когти. Мы идем говорить Тероенза, что делать хотеть пилот и девушка. Жрец поручить другому убивать предателей.

Хан не заставил себя упрашивать и торопливо кое-как натянул комбинезон. По крайней мере, не придется умирать мокрым с головы до ног и голышом.

— Послушай, Мууургх! — затараторил он. — Ты обязан меня выслушать! Ну что тебе стоит, а? Пожалуйста...

— Пилот говорить неправда. Мууургх знать: пилот лгать. Мууургх... я слушать нет.

Успокаивается вроде бы, с облегчением подумал Хан. О местоимениях вспомнил, добрый знак.

Дергая молнию на комбинезоне, кореллианин сел на койку; мозги его дымились от перегрева. Хан поднял правый ботинок.

— Говорят, твой народ чтит кодекс чести, да? — спросил пилот.

— Да.

— Я вот что хотел знать. Если дать честное слово тому, на кого работаешь, его же надо держать, правильно?

— Да. Пилот мочь двигать руками быстро. Надевать тот башмак.

Хан нарочито медленно сунул правую ногу в обувку и принялся затягивать шнурки.

— Предположим, ты даешь кому-нибудь слово чести, а затем выясняешь, что все его россказни о своей части соглашения — неприкрытая ложь. Требуется ли держать обещание, данное тому, кто лжет тебе и держит тебя за дурака?

Мууургх покачал головой, злобно прижал уши.

— Ессли тогорианин делать ссслово чести лжецу, договор — пустота. Нет чессти говорить с лжец.

— Ясно, — удовлетворенно подытожил Соло и взял левый ботинок. — А теперь послушай меня, приятель. Мрров здесь, на Илизии. Тероенза соврал тебе.

Мууургх прищурился.

— Ты ссолгать, чтобы быть живой Викк.

— Да, солгал бы, — не стал отпираться Хан. — Но клянусь, сейчас я говорю чистую правду.

— Клянусь? Что такое «клянусь»?

— Ну... это вроде кодекса чести. Мой народ клянется самыми важными для них вещами. Это... священно, ты бы так назвал.

— Чем клянется Викк?

— Клянусь... — медленно, с расстановкой произнес он, — я клянусь жизнью Брии. Ты знаешь, что она для меня значит.

Мууургх тоже погрузился в размышления, кивнул.

— Ну вот, — приободрился Соло. — Я клянусь жизнью Брии, что вчера вечером мне сказали, будто видели здесь другого тогорианина. Брия видела. Шесть месяцев назад или около того. Совпадает со временем твоих поисков?

Тогорианин молча кивнул во второй раз.

— Брия видела твоего сородича, Мууургх. Спроси ее сам. Тероенза и его жулики соврали тебе, когда утверждали, что Мрров здесь никогда не была. Возможно, она все еще здесь, на Илизии. Вряд ли в первой колонии... Но может быть, во второй или в третьей. Шанс есть. Я бы поставил на вторую, она дольше существует, там больше паломников. Стоит разведать, э?

— Как она выглядеть? — подавленно спросил Мууургх.

Целую секунду Хан боролся с искушением соврать, сказать, что понятия не имеет. Если вдруг окажется, что это вовсе не Мрров, телохранитель взбесится и выпотрошит Хана на месте. Соло тяжко вздохнул:

— Брия говорит, мех белый. И еще там были полосы какого-то другого цвета. Брия думает, что полосы оранжевые, хотя было темно, она не разглядела как следует.

Что же ему делать, если Мрров пятнистая или вообще одноцветная?

Телохранитель зашипел, как подтекающий воздушный клапан, и яростно оскалился. Хан озирался в поисках чего-нибудь достаточно тяжелого, чтобы вышибить телохранителю мозги, но ничего подходящего под рукой не нашлось. Кореллианин геройски приготовился быть разорванным как минимум надвое. Злобное шипение превратилось в горестный вой. Огромный инородец осел на пол, схватился за голову и принялся жалобно мяукать.

— Ты описать ее! — в конце концов рыкнул тогорианин. — О все боги моих отцов, она быть здесь, пока я верить лжецам! Я уходить и рвать им глотка. Я пожрать их сердце! Сссейчас!

«Сработало... Как я рад».

Мууургх вскочил, явно решив немедленно воплотить намерения в жизнь.

— Погоди!

Хан в прыжке поймал телохранителя за лапу и, вцепившись в нее мертвой хваткой, проехался каблуками по полу до самой двери. Там он уперся изо всех сил и отказался двигаться дальше.

— Мууургх, если хочешь вернуть свою подругу, остановись!

Тогорианин сбавил темп.

— Умница! — отдуваясь, похвалил Соло. — А теперь давай все обсудим, как разумные существа, договорились? Сядь.

Мууургх послушно стек на свою подстилку. Хан включил наугад музыку, пододвинул побитое жизнью кресло. Они с тогорианином сидели так близко, что могли коснуться друг друга.

— Только не горлань на всю колонию, — предупредил Хан шепотом.

Мууургх понятливо кивнул.

— У меня есть план. Если твоя милая еще на Илизии, мы ее вытащим, — продолжал Соло, в душе надеясь, что Мрров еще не угодила на рудники. Впрочем, к этому времени тогорианин тоже знал, какая судьба уготована паломникам. — Но сначала нужно подготовиться, мне понадобится твоя помощь, и хотелось бы закончить до отлета.

— Отлета? Викк улететь?

— Да, но сейчас я говорю не о побеге. Через пару дней мне нужно отвезти послание с сувениром от Заввала на Нал-Хатту его родичу Джилиаку. Предполагается, что я там задержусь, буду ждать ответа. На Нал-Хатте я ни разу не был, порядков тамошних не знаю, а вот Джейлус Небл в курсе.

Мууургх рассеянно кивнул и принялся вылизывать усы, чтобы успокоить нервы.

— Ну так вот... Для троих «Мечта» несколько маловата. Я скажу об этом Тероензе, а еще упомяну, что Небл хочет опять летать в качестве моего второго пилота. Уверен, он согласится и разрешит мне лететь вместе с Неблом. А тебя мы оставим здесь, потому что ты не поместишься.

Хан вскочил и принялся расхаживать по комнате.

— Жрецы знают, что ты обожаешь охотиться, верно? Поэтому, когда я получу разрешение лететь с Неблом, отпросись на пару дней. Ты быстро бегаешь?

— Очень быстро, — согласился тогорианин. — Быстро выслеживать, убивать добыча тоже быстро.

— Доберешься пешком до второй колонии?

— Да, — решительно заявил Мууургх.

— А выбора все равно нет. Если Мрров еще на Илизии, высока вероятность, что она во второй колонии. Пойдешь и разведаешь, выяснишь, там ли она.

— И ссспасу! — Мууургх опять вскочил на ноги.

— Нет! — рявкнул Хан. — Сядь! Хуже ничего не придумал? Они же планету перетряхнут из-за вас двоих. Возьмут сенсоры, настроят на тогорианские параметры — долго вы продержитесь? Вас поймают и, скорее всего, убьют. Или отправят на Кессель, что то же самое.

— Ты хочешь Мууургх видеть Мрров, не давать ей увидеть он?

— Точно. Просто отыщи ее, разузнай, где она спит, ест, все такое. А потом, когда мы подготовимся, мы с тобой подскочим ко второй колонии и выдернем оттуда твою подружку. Я сам тут по ночам на разведку ходил, если ты не заметил.

Мууургх заметить, — сухо обронил тогорианин. — Повсюду Викк ходить, Мууургх ходить позади, смотреть. Почему, думать ты, я знать слушать, когда ты гулять Брия обратно в дормиторий?

— Ну, как бы то ни было, я придумал, чем занять охрану, пока мы сортируем вещички Тероензы. И я узнал, где расположен узел связи. Никто никому не сообщит, пока мы летим 1со второй колонии, и, прежде чем кто-нибудь сообразит, что творится, мы подхватываем Мрров и рвем когти с этой планеты. А потом я отвезу вас обоих на Тогорию.

От бури эмоций у телохранителя задрожали усы.

— Ты поступить так ради Мууургх и Мрров?

— Клянусь. Если поможешь нам с Брией обокрасть Тероензу, я клянусь тебе, что без Мрров мы не улетим.

Долговязый тогорианин очень долго все обдумывал и раскладывал по полочкам, затем взглянул Хану прямо в глаза.

— Я поступить так, — сказал он. — Ссслово чести.

— Тогда, дружище, по рукам, — кивнул Хан.

Тем же вечером кореллианин отправился в сокровищницу Тероензы повидать Брию. По дороге он ломал голову над вопросом, будет ли Брия принимать участие в вечерних службах теперь, когда их секрет Возрадования раскрыт. Кореллианин постучал в толстую, обитую металлом дверь.

— Это я, — сказал он в ответ на раздавшийся изнутри вопрос. Дверь открылась, в коридор выглянула Брия. Хан присвистнул. — Ух ты! Здорово выглядишь!

Впервые, с тех пор как они познакомились, девушка сбросила мешковатый бурый балахон и бесформенную дурацкую шапку.

Вместо них Брия надела простую голубую рубаху и штаны. Незамысловатая по крою одежда не скрывала немного еще костлявой, но определенно женской оформившейся фигуры.

— Возвышенный Тероенза сказал, что при работе над коллекцией балахон надевать совсем не обязательно.

Заметив восторг в глазах пилота, Брия покраснела, но все равно улыбнулась.

— По-моему, он боится, что смахну рукавом что-нибудь ценное и хрупкое, — пояснила она.

— Хоть какая-то от него польза, — хмыкнул Соло. — Хочешь пропустить по чашечке стим-чая?

— Не откажусь.

Когда они уселись в столовой с кружками дымящегося напитка, Брия опять застенчиво улыбнулась кореллианину.

— Ну так что? Я тебе действительно нравлюсь?

— Можешь на это поставить, — откликнулся Соло. — На этой планете ты самая хорошенькая девушка, без дураков.

Улыбку девушки стерло.

— Похоже, ты не единственный так думаешь, Викк...

— Что ты хочешь сказать?

— Этим утром у меня была странная беседа с Ганаром Тосом, управляющим Тероензы. Кажется, за балахоном он ничего разглядеть не способен, но стоило переодеться — и тут началось. Он битый час за мной таскался, пока я переставляла одну витрину, разговаривал... ну, пытался. А у меня от его оранжево-красных глаз мороз продирает по коже. Он старый, но в нем... э-э... много жизни, если ты понимаешь меня. Мужской жизни.

Хан был потрясен.

— Хочешь сказать, этот старый урод втюрился в тебя?

Брию передернуло.

— Боюсь, что да. Он захотел узнать, сколько мне лет, замужем ли я, есть ли дети. Расспрашивал, почему мне вдруг пришло в голову отправиться в паломничество на Илизию. Задавал личные вопросы! Он так осмелел.

Хан наклонился к девушке:

— А почему ты прилетела сюда? Или это тоже личный вопрос?

Брия бледно улыбнулась:

— Разумеется, нет, Викк. Почему я прилетела сюда? Кажется, это было так давно, что трудно даже вспомнить. Мне было тяжело. Я только что окончила среднюю школу, и мне было страшно поступать в университет. Раньше я никогда не жила самостоятельно. Мама не позволяла мне и шагу ступить без нее и давала понять, что я ничего не могу сделать как следует.

Усердная учеба и хорошее поведение для нее ничего не значили. — Девушка улыбнулась, но далеко не милой улыбкой. — Отец поощрял меня, говорил, что я должна сделать карьеру, но у мамы других мыслей, кроме как найти «блестящую пару», не нашлось. Я начала встречаться с Дейлом, и мама решила, что сбываются ее мечты.

Хан ощутил укол ревности, но напомнил себе, что и в его прошлом встречались другие девчонки. И если честно, не несколько, а гораздо больше...

— Мы уже почти обручились, когда я увидела его с другой. Вот я и сказала ему, что между нами все кончено. Мама закатила мне дикий скандал. Видишь ли, Дейл — из одной из самых богатых семей на Кореллии, и мама уже начала готовиться к свадьбе. — Брия вздохнула. — Мама приказала мне пойти к Дейлу и извиниться, восстановить с ним отношения. Впервые в жизни я сказала ей «нет».

— Похоже, она женщина... очень решительная, — осторожно заметил Хан.

— Не то слово. Мама подталкивала меня к Дейлу с самой школы, а мне не хватило смелости сказать ей, что он мне не так уж и нравится. Странно...

Зеленовато-голубые глаза ее затуманились.

— Я не слишком-то была привязана к Дейлу, но когда узнала, что он бегает за другой, то почувствовала, что мое сердце разбито, как будто Дейл предал меня. Люди — странные существа, правда?

Хан кивнул.

— Продолжай, — сказал он.

— Ну, в то время я как раз услышала о собрании, которое проводится илизианскими миссионерами. Чувства у меня были — в клочья, мне же вдолбили, что я ни на что не гожусь. Мне было страшно одиноко, понимаешь? Вот я и отправилась на собрание. Жрец прочитал короткую проповедь, а завершил ее небольшим Возрадованием... и мне стало так хорошо. Как будто я нашла свое место. Поэтому я продала свои драгоценности, сбежала из дома и купила билет на корабль до Илизии. — Девушка жалко улыбнулась. — Вот и вся история. А возвращаясь к насущным вопросам, по-твоему, что мне делать, чтобы держать бедолагу Ганара Тоса на отдалении?

— Ну, если он тебе надоедает, пожалуйся Тероензе. Уверен, ему не захочется, чтобы кто-нибудь вмешивался в твою работу. И если Ганар Тос станет помехой, Тероенза его остановит.

— Ладно. — Брия повеселела. — А хорошая мысль, знаешь!

— Пойдешь на молитву? — спросил Хан со значением.

Девушка покачала головой:

— Нет. Что-то не хочется.

— А заметят, если ты не появишься?

— Всегда можно сослаться на головную боль. Или сказать, что допоздна засиделась за работой. Паломники ждут не дождутся, лишь бы поскорее уйти, так что никто не считает их по головам.

— Что да, то да. Может, тогда прогуляемся?

— Почему бы нет?

Хан счел, что Цветочные равнины — неплохое место для прогулки, где можно без помех пересказать Брии об утренней стычке с Мууургхом. Сообразив, что тогорианин подслушивал их разговор прошлой ночью, девушка перепугалась, о чем тут же сказала.

— Да, мне тоже не по себе, — признался Хан. — Этот верзила, когда хочет, может ходить по-настоящему бесшумно. Он говорит, что на этой планете лучше его охотника не сыскать, и я ему верю. Наверняка выследил меня и наблюдал, как я разведываю местность.

— Впредь надо будет осторожнее обсуждать наши планы.

Брия нервно озиралась по сторонам.

— Как ты думаешь, почему мы гуляем по равнине? — хмыкнул пилот. — У здешних деревьев обнаружились уши. Нам, без шуток, стоит быть осторожнее. Вчера нас услышал только Мууургх, так что все в порядке, но в следующий раз можем нарваться на аар'аа с глиттерстимовой фабрики.

Девушка нервно вздрогнула.

— Так о чем ты хотел поговорить?

— Мууургх отпросится на охоту, пока мы с Джейлусом Неблом смотаемся на Нал-Хатту. Все уже организовано. Тероенза одобрил, сказал, хорошо, что Небл летит со мной. Нал-Хатта в двух системах отсюда, на все про все уйдет дня четыре, может пять. Я пообещал Мууургху, что если он за это время найдет Мрров, то мы заберем ее с собой.

— Было бы здорово, — кивнула Брия. — Мне не хотелось бы бросать Мууургха. Если Тероенза действительно разозлится, то наверняка прикажет его убить за то, что он позволил нам сбежать. Он даже разбираться не станет, виноват тогорианин или нет.

— Верно. — Хан вздохнул. — Хотелось бы мне знать, как вломиться в комнаты Тероензы и разыскать там коды доступа к яхте, а еще шифр от коллекции. Тут у меня затык. Чем занять стражу, я придумал, а вот с кодами просто беда. Придется менять все планы. Наверное, подожгу приемный центр или еще чего-нибудь.

— Коды доступа? — нахмурившись, Брия прикрыла глаза. — Коды доступа...

Девушка глубоко вздохнула и начала перечислять длинные цепочки букв и цифр.

— Похоже на то! — Хан схватил Брию за руку. — Где ты их раздобыла?

Девушка подарила пилоту робкую улыбку.

— В голове Героензы. Боюсь, они впечатались мне в память вместе со всем остальным ее содержимым. Я хотела бы забыть все-все-все, но не могу.

От восторга Хан даже встряхнул девушку.

— Не смей так даже думать, пока мы не выберемся с этой планеты! Брия, солнышко, это же великолепно! Ты избавила меня от кучи проблем!

— Я заплатила жестокую цену, но если это нам поможет, значит оно того стоит.

— Еще как поможет, — пообещал Хан. — Поверь мне, милая! Клянусь!

Девушка задумчиво кивнула.

— Теперь всего-то и надо — не возбуждать подозрений, пока как следует не подготовимся. Я-то справлюсь, нас с Неблом какое-то время не будет на планете. Сумеешь продержаться, пока я не вернусь, как думаешь?

— Наверное... — пробормотала Брия. — Но... не задерживайся!

— Буду спешить изо всех сил, солнышко.

— Когда мы будем свободны, Викк, можно мы сначала поедем на Кореллию? Хочу повидать родителей. Хочу дать им знать, что со мной все в порядке.

Хан обезоруживающе улыбнулся:

— Конечно, милая. На Кореллии и у меня осталась пара незавершенных дел, так что договорились, она станет одной из наших первых остановок. Лады?

Вот теперь ответная улыбка Брии порадовала его гораздо больше.

— Лады.

Расставшись с Викком у входа в дормиторий, Брия сказала себе, что поднимется сейчас наверх и подремлет до ужина. А если начнутся расспросы, то пожалуется на головную боль.

Но, добравшись до своей комнаты, взяла балахон и шапку и в задумчивости остановилась. «Завтра, — подумала Брия. — Я начну завтра. В конце концов, у меня в запасе несколько дней.

Никто не ждет, что я вот так вот возьму и пропущу Возрадование. Мне нужен хотя бы день на подготовку...»

И прежде чем сообразила, что делает, Брия обнаружила, что в балахоне и шапке со всех ног бежит по Тропе бессмертия к Алтарю обещаний.

Два дня спустя перенервничавший Хан Соло и невозмутимый Джейлус Небл ожидали у дверей в приемный зал Зимнего дворца, которым владел хатт Джилиак. У ног кореллианина стоял небольшой голографический проектор (эта штука должна была воспроизвести видеообращение), Небл придерживал на антигравитационной платформе искусно выделанный сундучок. В нем лежал подарок, который хатт Заввал послал своему деловому партнеру, а порой конкуренту, Джилиаку.

— Интересно, сколько нам еще ждать? — нервно пробормотал Хан, переминаясь с ноги на ногу. — Уже почти час маринуют!

— Ничего удивительного, мы же встречаемся с главой клана, — бесстрастно сказал Джейлус Небл. — Как-то раз я ждал два дня, чтобы просто попасть в приемную. И не забудь, нам нужно получить ответ. Однажды я ждал целую неделю.

Не трави душу! — буркнул Хан. — Не желаю слышать, что что-то пойдет не так. Я даже не уверен, что мы выйдем отсюда живыми. Хатты известны своей вспыльчивостью, знаешь ли.

— Я уже говорил тебе, мы в полной безопасности, — отозвался салластанин.

— Прости за грубость, но почему ты так спокоен, а?

— Давным-давно, в первые дни освоения этой планеты, хатты потеряли столько посланников и гонцов, что прекратились любые отношения между кланами и все потеряли из-за этого прибыль, — объяснил Небл. — Поэтому кланы дали общую клятву, что гонец одного хатта к другому неприкосновенен. Пока мы доставляем послание Заввала и везем ему ответ, пас нельзя тронуть ни пальцем, ни когтем, ни плавником. Вообще ничем и никак.

— Знаешь, как я надеюсь на твою правоту? — Хан посмотрел на большой сундук. — А я-то думал, Заввал в бешенство приходит от одного лишь упоминания о Джилиаке. Так чего же он подарки шлет?

Традиция, — охотно пояснил Джейлус Небл. — Чтобы привлечь внимание хатта, предложи ему дорогой подарок, да. Или начни ему угрожать. Порой хатты делают и то и другое одновременно.

Хан скривился:

— Жуть. А что в ящике, имеешь представление? Сундук немаленький, сюда влезет что угодно. Даже тело, если сложить его пополам. Я бы, честное слово, чувствовал себя лучше, если бы знал, что туда запихали.

— Сундук запечатан, — указал салластанин. — Если попытаешься открыть, его великолепие Джилиак сразу же все поймет. А нам не нужны неприятности.

— Да знаю я... — Хан опять сморщился и, чтобы уберечь себя от переживаний, решил больше не смотреть на ящик.

Приемная была отделана светлым камнем. Через световые люки в высоком потолке солнечные лучи падали на гобелены, украшающие стены. По слухам, ковры выткали недруги Джилиака, которые томились, ожидая милости или казни, в темницах дворца. На одном была изображена родная планета хаттов, опустошенный и покинутый Варл, перед ее гибелью. На втором — катастрофа, положившая ей конец. На третьем — поселения хаттов на Нал-Хатте в системе И'Тоуб. Хан вспомнил, что на родном языке слизней «Нал-Хатта» означает «сверкающая драгоценность».

Еще один гобелен представлял собой портрет хозяина дома в полный рост, возлежащего в красивой позе на роскошном помосте.

Собственно Нал-Хатты кореллианин так и не увидел, так как по прилете их с Неблом тут же погрузили в лендспидер с автопилотом и увезли на юг, в удаленный Зимний дворец Джилиака, выстроенный на маленьком острове вблизи экватора. Джейлус Небл флегматично проинформировал спутника, что Хану повезло: по сравнению со зловонной и сырой планетой островок этот — настоящий сад.

Хану же остров напомнил Илизию. Жара, влажность и много деревьев, задыхающихся в тесных объятиях лиан.

Кореллианин еще озирался по сторонам, когда сообразил, что дворецкий Джилиака, родианец Дорзо, делает приглашающие жесты.

— Его высокопоставленное великолепие Джилиак, глава клана и защитник справедливости, примет вас.

Хан торопливо подобрал голографический проектор и вместе с Неблом прошел в зал.

Тот был огромен. Под ногами пружинил толстый дорогой ковер, в центре возвышался знакомый помост, вокруг которого расположилась толпа подхалимов всех рас. Красиво одетые танцовщицы и танцовщики расступились перед гонцами; разговоры заглушал оркестр. Широкий стол ломился от разнообразной еды. У кореллианина ноздри затрепетали от

дразнящих запахов, Хан вдруг вспомнил, что забыл пообедать.

Джилиак развалился на своем возвышении и курил нечто, чего Хан не определил, но попробовать не согласился бы ни за какие сокровища. Он случайно вдохнул дым, и перед глазами все поплыло.

Джейлус Небл подтолкнул своего спутника, и Хан осторожно шагнул вперед.

— Всемогущий Джилиак, — произнес кореллианин на родном языке хатта, торопливо вспоминая речь, которую он несколько раз отрепетировал вместе с Заввалом, — мы явились с Илизии от нашего хозяина хатта Заввала с посланием и подарком для тебя. Для начала — подарок...

Соло поманил Небла, и салластанин, как договаривались, тоже вышел вперед.

Джилиак смерил гонцов пренебрежительным взглядом, затем приказал:

— Открой. Хочу видеть, что Заввал счел для меня ценным.

Говорил хатт тоже на родном языке.

— Слушаюсь, ваше великолепие, — чирикнул салластанин, уже снимая печати и вскрывая замки.

Хан с интересом наблюдал, как Небл поднимает крышку ларца и вынимает две хрустальные сферы на металлических ножках, устанавливает одну на другую, а всю композицию — на устойчивую гнутую подставку из бронзы. Металлические части конструкции украшала драгоценная чеканка, а к нижней сфере был подсоединен источник питания. Сбитый с толку, Хан с интересом разглядывал вещицу, он и понятия не имел, что это за устройство.

А вот Джилиак, несомненно, имел.

— Комбинация кальяна и закускариума! — воскликнул хатт. — И такая, что почти достойна нашего величия. Давно мечтал о подобном! Как он узнал?

Тут Джилиак вспомнил о присутствии гонцов и продолжил более официальным тоном:

— Посланники, дар Заввала меня порадовал. Будем надеяться, что и письмо не разочарует. Включи проектор, человек.

Хан не забыл низко поклониться, когда ставил проектор на низкий столик. Перед лежанкой хозяина дворца появилось изображение Заввала.

— Мой дорогой Джилиак, — произнес голографический хатт, протягивая слабую лапку к сородичу, как будто мог его видеть. — За последний год с перевозками товара с Илизии творится нечто неприятное и печальное. Исчезают корабли, один был атакован. Мой долг, как одного из глав нашего каджидика, — расследовать

эти презренные и досадные помехи.

С морды Джилиака сползло довольное выражение. Хан опасливо глянул на салластанина, тот хранил спокойствие. «Надеюсь, приятель, ты не заблуждался, когда утверждал, что мы в безопасности!»

— И мы выследили так называемых пиратов, мы шли за ними до Нар-Шаддаа, а недавно мои агенты схватили и допросили капитана одного из тех кораблей. Перед смертью — сердце у него оказалось, видишь ли, слабое — эта личность поведала нам прелюбопытнейшую информацию. Капитан рассказал, что его наняли и послали на злодейское дело ты и твой внучатый племянник Джабба. Твое враждебное отношение больно ранит нас и, что гораздо важнее, урезает наш достаток. Предупреждаю тебя, Джилиак! Оставь в покое наши корабли. Еще одно нападение — и ты вместе со всем твоим кланом получишь по заслугам, и очень скоро. Мы собрали внушительный сильный флот, который разметает твои жалкие отряды.

«Флот? — изумился Хан. — Какой еще флот? Да, кроме меня и Небла, у них и пилотов-то нет! Заввал блефует. Или он набрал где-то на стороне народ, а нам не сказал?»

Голограмма тем временем непреклонно продолжала отчитывать онемевшего от неожиданности хатта:

— Прими мой дар как предложение мира или на собственной шкуре почувствуешь малоприятные последствия, меньшей из которых станет твоя кончина. Джилиак, во имя всего нашего рода, призываю тебя: прекрати грабить и наводить страх на наши корабли. Мы заработаем больше денег, если будем сотрудничать, а не соперничать друг с другом.

Джилиак раздувался, словно нарыв. Хан попятился. Небл благоразумно сделал то же самое.

— Внемли предупреждению! Прекрати...

— Аи-и-и-и-е-е-е-а-а-а-а-р-р-р-г-г-г-х-х-х-х!

Гонцов звуковой волной сдуло под стол. Одним взмахом хвоста Джилиак превратил проектор в лепешку и энергично пополз вперед. Хан впервые видел, чтобы хатт двигался самостоятельно, да еще так проворно.

— Посланники! — взревел Джилиак. — Предстаньте передо мной!

Медленно и весьма неохотно Хан и Джейлус Небл выползли из укрытия и неуверенно поднялись на ноги. Колени обоих пилотов все время норовили подогнуться.

— Да, о всемогущий? — дрожащим голосом произнес Небл.

Хан — тот и вовсе не сумел выдавить и звука.

— Я отсылаю вас обратно к этому изъеденному червями

скопищу паразитов, который называет себя Заввалом!

Хатт все бесновался, и его хвост молотил по возвышению.

— Скажите ему, что он оклеветал меня и моего родственника Джаббу. Скажите, что его жалкая глупая попытка обвинить меня в так называемых нападениях бесславно провалилась. Я подожду благоприятного времени, а Заввал отныне — мертвый хатт и лишь моей милостью числится среди живых. Я один решу, когда он умрет, а это случится тогда, когда мне вздумается. Поняли меня, посланники?

У Хана вдруг прорезался голос.

— О да, всемогущий! Я ему слово в слово перескажу!

Ничего ему так не хотелось в жизни, как убраться подальше с Нал-Хатты. Хан как начал кланяться, так все не мог остановиться.

— Хорошо! Можете идти. Отвезите мой ответ Заввалу, и поторапливайтесь!

Кланяясь как заведенные, гонцы пятясь вышли из тронного зала, а очутившись снаружи, со всех ног бросились к машине и приказали роботу-водителю как можно скорее доставить их в космопорт.

Хан еще ни разу в жизни так не радовался при виде «Илизианской Мечты». Кореллианин и салластанин рысью промчались по летному полю, взлетели по трапу и вихрем ворвались в рубку. Только выйдя в открытый космос и врубив мотиватор гиперпривода, приятели вновь обрели чувство юмора. Хан выжал ухмылку:

— Что, Небл, получилось неплохо, что скажешь?

Салластанин закатил влажные огромные глаза:

— Ты не понимаешь, Викк. Иметь дело с хаттами весьма непросто. Вполне возможно, что Заввал послал свою посылку именно с нами, потому что мы действительно уязвимы. И тем удержал Джилиака от по-настоящему открытой атаки. Мы всего лишь подчиненные. Мы не знаем ситуации полностью. Молись всем богам, каких знаешь, и проси их, чтобы тебе никогда не пришлось рассердить хатта. Лучше умереть, и это не преувеличение, друг мой.

Хан кивнул:

— Я тебе верю. И все же на месте Заввала я бы начал страдать бессонницей. Он недолго протянет, вот что...

Мууургх скользил по джунглям в коротких илизианских сумерках. Сто сорок семь километров до второй колонии тогорианин преодолел за полтора дня. Мог бы и быстрее, но опасная переправа через реку Гачугай так измотала его, что

пришлось еще два часа потратить на охоту и еще один — на сон. Мууургх все еще не восстановил силы, но наконец-то был на месте.

Огибая колонию по периметру, тогорианин чутко прислушивался к голосам поющих. Насколько Мууургх знал, вторая колония придерживалась того же распорядка, что и первая, а значит паломники должны сейчас собраться на вечернюю молитву. Ноздри его трепетали, тогорианин пробовал на вкус ветер, отыскивая любые следы. Несколько раз Мууургх опускался на четвереньки и бежал вперед, вынюхивая запахи, оставленные паломниками.

И вдруг он дернулся, как будто напоролся на выстрел из парализатора. Мрров! Мрров проходила здесь меньше дня назад! Осторожно прогулявшись вокруг зданий, тогорианин для начала отыскал дормиторий, в котором спала его любимая, а затем и фабрику, на которой она работала.

В конце концов Мууургх отследил самый свежий след — до тропы, по которой Мрров ходила к Алтарю обещаний. Похоже, что в устройстве колоний илизианцы не стремились к разнообразию.

На этом этапе расследование пришлось бросить, и тогорианин, растворившись в джунглях, сломя голову помчался к месту отправления службы. Интересно, почует ли Мрров его след? Нет, едва ли. Мууургх очень тщательно выкупался в реке и следил за тем, чтобы не потереться, повинуясь инстинкту, об углы, оставив на них свои метки. Иначе Мрров последует за избранником и, скорее всего, заблудится в джунглях, потеряв след у реки.

Мууургх добрался до алтаря как раз вовремя. Привычно воспротивившись теплому приливу Возрадования, тогорианин разглядывал корчащихся паломников...

...и увидел Мрров. Она тоже извивалась на пермакрите, но как-то не по-настоящему, что-то неискреннее было в ее движениях, поэтому Мууургх и выделил ее из толпы.

Она притворяется! Он знал, знал, что Мрров слишком сильная, чтобы лжецы сумели ее обмануть!

Он до рези в глазах всматривался, пытаясь под бесформенной рясой выделить изгибы ее стройного тела, но видел только голову; оранжевые полосы ярко выделялись на белом. Мууургху очень хотелось заглянуть в прекрасные желтые глаза Мрров. Но он стоял сзади и правее толпы. Любимая его не видела.

Была секунда, когда тогорианин чуть было не плюнул на осторожность и не нарушил данное Викку слово; ему хотелось лишь одного: промчаться сквозь толпу, схватить нареченную и

уволочь в джунгли. Но хитроумный кореллианин взял с него слово чести. Мрров ничего не должна знать.

Но когда паломники, пошатываясь, начали вставать с земли, Мууургх чуть было вновь не забылся. Мрров была опоясана синим кушаком, как еще с полсотни или более посвященных.

Синий пояс! Знак избранных! О нет... Мууургх зашипел от страха и ярости. Он достаточно времени провел на Илизии, чтобы знать значение синих поясов.

Паломники, шаркая, потянулись к дормиториям, когда верховный жрец громогласно воззвал:

— Всех, на ком синие пояса, попрошу остаться. У нас есть для вас объявление!

Паломники в кушаках нужного цвета послушно замерли на месте. У Мрров был такой вид, как будто тогорианка была готова сорвать с себя пояс и удариться в бега. Но она спокойно стояла. Мууургх чуть не завыл. Знает ли она, что значит синий цвет?

— Те из вас, кто удостоился синего пояса, отныне считаются избранными и заработали эту честь благонравием и беззаветной преданностью Единому и Всем. Завтра вечером у этого алтаря вы последний раз побываете на службе, на рассвете же вы взойдете на корабль, где вас встретят наши миссионеры. Они возьмут вас в миссионерские отряды, и вместе вы понесете по Галактике слово о Едином и Всех.

Мууургх услышал восторженные и нетерпеливые восклицания; паломникам не терпелось получить Возрадование, не делясь им с сотнями менее удачливых собратьев.

Глупцы! Тогорианин плюнул. Не лучше бистов или этело, они годятся лишь на еду. На том корабле они доберутся разве что до шахт Кесселя или имперских военных борделей. Возрадования они не дождутся, а жить будут в позоре и нищете. Многие умрут в первый же год.

От второго соображения шерсть встала дыбом не только на загривке, но и по всему хребту. Полтора дня — и корабль увезет Мрров! В борделях предпочитают гуманоидов, а значит Мрров обречена на Кессель. Она же тогорианка, она сильная, ее посчитают годной для работы в шахте... Мууургх содрал когтями кору с ближайшего дерева. «Проклятье, у меня мало времени! Без сомнения, илизианские владыки поручат везти обреченных Викку или салластанину. Нужно быстрее вернуться в колонию номер один и помочь Викку. И мы убежим!»

Мууургх вскочил на ноги и помчался сквозь джунгли, подгоняемый страхом. Он бежал на юго-восток без отдыха и устали. Нельзя было терять ни секунды. Жизнь Мрров висела на тоненьком волоске.

Тогорианин перепрыгивал через ручьи и овражки, нырял в подлесок, ломился сквозь кусты. Пока что он не запыхался, но Мууургх знал: долго он не продержится. Он еще не восстановил силы с прошлого путешествия, но он не мог себе позволить остановиться.

Словно черная тень в черной непроницаемой ночи, бежал тогорианин.

Брия как раз закончила молиться и брела по тропинке обратно в дормиторий, когда к ней пристроился Ганар Тос. Девушка низко опустила голову, упорно глядя себе под ноги. Она словно одеревенела. Ну где же Викк? Его уже целых три дня нет. Будь он здесь, Ганар Тос не посмел бы к ней приставать...

Престарелый зисианец схватил было ее за руку, но Брия выдернула ее. Дворецкий лишь улыбнулся и преградил девушке путь.

— С тобой, паломница 921, желает поговорить возвышенный Тероенза, — сказал он.

О нет! У Брии чуть не остановилось сердце, а затем так заколотилось, что девушка испугалась, что Ганар Тос услышит его стук. Тероенза все узнал! Он выяснил, кто залез ему в голову...

— Ч-что ему надо? — выдавила Брия.

Губы не слушались, из желаний осталось одно: убежать куда-нибудь. Может быть, она сумеет спрятаться в джунглях? День она продержится, а там и Викк прилетит...

— Он хочет обсудить с тобой один вопрос. — Тос все еще улыбался.

И от этой ухмылки Брия съежилась, но решила, что бежать — глупо и бессмысленно. Охрана легко выследит ее и прикончит... Поэтому девушка покорно вернулась к Алтарю обещаний. Верховный жрец пристально следил, как Брия приближается и совершает должный ритуал приветствия. Сердце девушки громко стучало, от страха кружилась голова.

— Паломница 921, — обратился к девушке Тероенза, как всегда, оглушительно, — ты верно и преданно служишь нам и радуешь меня. Как радует меня мой доверенный слуга Ганар Тос. Я желаю вознаградить вас обоих.

Брия украдкой скосила глаза на зисианца, у того оранжевые глаза горели от счастья в буквальном смысле. «О нет... что-то у меня дурное предчувствие...»

Тероенза указал на гуманоида:

— Ганар Тос просил меня отдать ему твою руку, ибо желает сделать тебя законной женой, и я с радостью удовлетворил его

просьбу. Подойдите ко мне, дети мои, и я провозглашу вас мужем и женой.

Брия подумала: а что, если хлопнуться в обморок? Чувствовала она себя так, как будто и в самом деле могла потерять сознание. Перед глазами плавали черные точки, в ушах звенело. А затем сознание чуть не унесло волной удовольствия — такой интенсивной, теплой, полной любви, что Брия согласилась бы на что угодно, лишь бы ощущение не прерывалось.

Она собиралась кивнуть, словно покорный зомби, когда перед внутренним взором проявилось озабоченное лицо Викка. Брия выпрямилась и вздернула подбородок. Она не осмелилась упасть в обморок; в противном случае она имела неплохой шанс очнуться замужней женщиной в постели с Ганаром Тосом. При мысли о брачной ночи к горлу подкатила тошнота и удовольствие, излучаемое, наверное, Тероензой, потеряло силу. Брия даже испугалась, что вот-вот ее вырвет прямо перед верховным жрецом.

«Держи себя в руках! И шевели мозгами!»

— Но, возвышенный, — застенчиво пробормотала девушка, скромно опуская взгляд, — я же приняла обет целомудрия. Я не могу выйти замуж.

— Твое благочестие похвально, дитя мое, — громыхнул Тероенза, — но Единый и Все благословляют плодотворные союзы так же, как и обеты безбрачия. Я освобождаю тебя от данного слова, чтобы ты могла осчастливить Ганара Тоса и принести ему детей, посвятив их Единому и Всем.

Умный старый монстр! Брия ненавидела сейчас Тероензу, как никого в жизни. И ведь не придерешься! Любое возражение граничит с откровенной ересью.

Девушка сделала глубокий, неторопливый вдох, выигрывая драгоценное время.

— Хорошо, о возвышенный, — смиренно пролепетала она. — Раз вы говорите, что такова воля Единого и Всех, я склоняюсь перед ней. Я стану хорошей женой Ганару Тосу.

Стиснув зубы, Брия вложила ладонь в зеленую бородавчатую лапу.

— Вот и умница, — одобрительно кивнул Тероенза, поднимая руки, чтобы начать церемонию.

— Но, возвышенный! — воскликнула Брия. — Обычаев своего народа я нарушать не могу, иначе я не буду считаться законной супругой.

И прежде чем жрец успел возразить, торопливо заговорила:

— Обычаи наши просты, о возвышенный, и легко выполнимы. Я прошу день, чтобы очиститься и поразмышлять над

священными узами брака. К тому же на Кореллии женщина на свадьбе должна носить платье зеленого цвета. Я попрошу роботапортного сшить мне его к завтрашнему вечеру.

Тероенза замешкался. Брия затаила дыхание. В конце концов верховный жрец решил, что подобный пустяк ничего не испортит. Можно и потерпеть.

— Что ж, хорошо, паломница 921, — прогремел он.

У Ганара Тоса вытянулось лицо.

— Завтра вечером перед всеми ты и Ганар Тос соединитесь узами брака. Да благословят вас Единый и Все.

Тероенза торопливо нарисовал в воздухе знак и удалился, а зисианец направился с ухмылкой к невесте.

— Я провожу тебя в дормиторий, — сказал он.

— Ладно, — согласилась девушка, но, когда ее попытались обнять за плечи, ловко увернулась. — Жених не должен прикасаться к невесте в последний день перед церемонией, еще одна добрая кореллианская традиция, — соврала она. — Уверена, один короткий денек ты потерпишь, мой будущий муж.

Ганар Тос кивнул, пусть и без особой охоты.

— Пусть будет так, моя будущая жена. Клянусь, я стану тебе достойным супругом. Нет у меня иного желания, кроме того, чтобы наш брак был благословлен многочисленным потомством.

— И мне больше нечего желать, — ласково откликнулась Брия, внутри объемных рукавов скрещивая пальцы на обеих руках.

«Прошу тебя, Викк, поторопись! Умоляю!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ПРОЩАНИЕ С РАЕМ

Хан и Джейлус Небл довольно быстро добрались обратно, а затем кореллианин посадил «Илизианскую Мечту» сквозь толстый слой облаков на ночной стороне. Им повстречалось несколько грозовых фронтов, красиво подсвеченных молниями, но в колонии номер один через час после полуночи дождя не было. Хан дивился чуду, а Джейлус Небл заметил:

— Прекрасная посадка. Не стану утверждать, будто умею лучше.

Спускаясь по трапу, Хан мог бы разогнать ночную мглу ослепительной ухмылкой, но инфракрасные очки все-таки нацепил. Ночка выдалась — хоть глаз выколи, ни единой звезды над головой.

— Я намерен выспаться, друг мой, — заявил коротышка-салластанин, сворачивая на дорожку к лазарету, где по-прежнему проходил курс лечения, хотя из комнаты с фильтрованным воздухом его уже выпустили. — Покойной ночи.

— И тебе поспать спокойно, Небл, — отозвался Хан, зевая, и направился к административному строению.

Кореллианин стал мечтать об уютной, пусть и немного узковатой, койке... И тут за спиной Хана выросла огромная тень, заключила в жаркие меховые объятия, а когтистая лапа заткнула рот, упредив его возмущенный вопль. Задыхающегося пилота без усилий подняли в воздух и унесли в чащу, где знакомый голос зашипел прямо в ухо:

— Мууургх извинится за деяния сссвой, но Викк кричать хотеть. Мы должны быть тихий.

Как только кореллианина поставили на землю, он набрал полную грудь воздуха, приготовившись выдать горе-телохранителю добрую порцию брани на тему, что нехорошо пугать честный народ темной ночью. Но выражение на морде тогорианина (даже видимое сквозь инфракрасные очки) оборвало тираду на середине первого слова.

— Что стряслось? — негромко спросил пилот несчастного Мууургха.

— Я находить Мрров, — одним духом выпалил тогорианин. — Пилот быть ссспать нет на рассвет, лететь колония два и забрать ее и другой груз паломников на космическая станция на встреча приходящий корабль. Сс Кесселя приходящий должен быть, время нет совсем, не теряй. Бежать должно. Сссейчас. Или

Мрров пропадет сссовсем.

Хан сник. Он устал, за последние четыре ночи спать удавалось лишь урывками, и глаза сейчас закрывались сами собой.

— Бежать? Сегодня ночью?

— Да!

Тревога Мууургха оказалась заразительной, Хан почувствовал, как разгоняется от переизбытка адреналина кровь.

— Долшно бешшать! Скажи Мууургху, что он сотворить! До рассвета почти два чассса есть. К утру Мрров ждать на месте алтарь, Викк и Мууургх быть готовы с корабль!

— Тихо-тихо, приятель, да успокойся ты! — Хан тем временем пытался думать. — Нельзя же так кидаться на человека, дай мне пораскинуть мозгами. Значит, так. Нам нужно оружие. Пять-шесть бластеров подойдут как нельзя лучше. Ты когда-то жил в крыле охраны. Сумеешь забраться к ним и вынести оружие?

Мууургх кивнул:

— Да... я принессу пять бласстер. Или шесссть.

— На твоем месте я позаимствовал бы их у гаморреанцев. Они глупые точно пни, а спят как убитые.

Тогорианин восторженно встопорщил усы.

— О да-а... — мечтательно прошипел он.

— Вот и ладно. Встречаемся через полчаса возле административного корпуса.

Еще раз кивнув напоследок, Мууургх канул в подлесок.

А Хан отправился к административному корпусу. Первым пунктом его расписания стоял визит в центр связи, вторым — погром в нем. Ему вовсе не улыбалось объясняться с подкреплением из других колоний и не хотелось, чтобы кто-то предупредил их о здешних беспорядках.

Из кармана Хан извлек клочок флимси, на котором Брия записала все коды доступа, полученные «в наследство» после набега на мысли Тероензы. Еще там были шифры, открывающие шлюзы «Талисмана», личной яхты верховного жреца, на которой Хан и собрался улететь с Илизии. А еще — комбинации для замков квартиры Тероензы, где хранилась коллекция, и для дверей оперативного центра, где располагались генераторы, ремонтная мастерская, арсенал, пульт службы безопасности с экранами наблюдения и центр связи.

Кореллианин прокрался по пустым коридорам, ему было интересно, встретит ли он Мууургха, но ничего не заметил. Хан детально ознакомился со схемой расположения постов и сейчас даже не задумывался, автоматически обходя скучающих ночных охранников. Наверняка ребята беспардонно храпели — по

крайней мере, все прошлые разы они спали, — но рисковать не хотелось.

Прошла, кажется, вечность, пока Хан добирался до оперативного центра, но в конце концов он все-таки там оказался и ввел код. Дверь открылась с негромким гудением.

— Славная девочка, — пробормотал Соло, проскальзывая внутрь.

По идее центр должен был охраняться, и действительно, в кресле, задрав ноги на пульт, спал тви'лек, головные хвосты безвольно свисали вниз. Помещение наполнял могучий храп. Хан достал бластер, передвинул регулятор стрельбы на оглушение и нажал на спусковую скобу. Из дула вырвались голубоватые кольца энергии, тви'лек дернулся и обмяк в кресле тряпичной куклой. Со стороны он выглядел точно так же, разве что храп оборвался.

— Определенный плюс, — заключил кореллианин, возвращая бластер в кобуру.

Затем он вытащил из кармана небольшой многоцелевой инструмент, который большинство пилотов по привычке таскают с собой, и отвинтил верхнюю панель. Хан намеревался отсоединить какие-нибудь провода и вернуть панель на место, чтобы саботаж обнаружился не сразу.

Но, разглядывая круглыми от изумления глазами несметное число проводов, соединений, передатчиков, предохранителей, каких-то совершенно одинаковых с виду блоков, пилот громко застонал.

— И откуда, спрашивается, я должен знать, какой кабель идет к генераторам?

Он наудачу перерезал лазером один провод. Индикатор остался в положении «включено». Хан испортил другой провод. А потом еще один. С возрастающим раздражением кореллианин схватил целую связку и разом выдрал из клемм.

Без видимого результата.

Припомнив несколько подходящих случаю ругательств, Хан безжалостно кромсал, дергал и рвал провода; он запыхался, раскраснелся, а упрямый индикатор по-прежнему горел.

Прошло больше пяти минут.

— Хаттов пульт! — буркнул Соло, вытащил бластер, вывел заряд на полную мощность и выстрелил в нутро пульта.

Полыхнуло огнем, нос защипало от едкого запаха горелой изоляции, посыпались искры... и индикатор питания погас.

— Так-то лучше.

На всякий случай он угостил тви'лека еще одной порцией парализующего заряда и ушел.

За стенами административного строения он напялил очки и зарысил по лесной тропе. Шаги его становились все быстрее и быстрее, и вскоре кореллианин уже мчался во весь дух, и остановить его могло только падение в лужу грязи. И остановило. Хан полежал ничком, отплевываясь и проклиная весь свет, потом встал на ноги и продолжил путь. Впереди за деревьями показались строения, и среди них дормиторий. Во время ночных разведок Хан не обходил его стороной и выяснил, что, в отличие от административного корпуса и фабрики, спальни действительно не охраняются по ночам. Т'ланда-тиль не беспокоило, придет ли кому-нибудь в голову гениальная мысль причинить вред рабам, ведь их так легко заменить новыми.

Койка Брии находилась на втором этаже. Хан на цыпочках поднялся по еле-еле освещенной лестнице с бластером, переведенным в режим оглушения, наготове, но так никого и не встретил. Паломники так активно возрадовались каждый вечер, что спали точно убитые. Которая из коек принадлежала именно Брии, Хан, собственно, не знал, поэтому, стараясь как можно меньше шуметь, он прогулялся по центральному проходу, вглядываясь в лица спящих. К чести жрецов надо было заметить, что для разных существ они приготовили самые разнообразные лежанки, койки, гамаки и кушетки.

Под ногой заскрипела доска, Хан застыл на месте, затаив дыхание. На одной из кроватей сел кто-то, одетый в белую ночную сорочку.

— Викк? — прошептал полуночник.

Кореллианин поманил девушку к себе:

— Живо!

К его удивлению, Брия спала в штанах, ей осталось лишь надеть верхнюю рубаху и сандалии и на цыпочках пробраться к Хану, переступив через предательскую скрипучую половицу. Они молча спустились по лестнице, пересекли переднюю и растворились в ночной мгле. Брия, не останавливаясь, надела очки.

— Нужно поторапливаться! — Хан схватил подругу за руку, прежде чем начались возражения и расспросы.

Он побежал, Брия бесстрашно топала следом. Хотя довольно скоро она запыхалась, приотстала: в боку у нее закололо. Тогда Хан тоже перешел на бодрый шаг. Он был в лучшей форме и дыхание восстановил быстрее.

— Сегодня ночью, — сказал он. — Ты с Мууургхом принимайся за коллекцию Тероензы, а охрану я беру на себя. Сможешь?

Девушка молча кивнула.

— Ганар Тос... — выдохнула она.

— Забудь о нем, — приказал Хан. — Если нам повезет, ты его больше никогда не увидишь.

— Но он... и Тероенза...

Уступая настойчивым подергиваниям за рукав, Брия побежала следом за кореллианином.

— Они хотят... заставить меня... выйти за него... замуж...

У Хана глаза полезли на лоб.

— Ганар Тос хочет на тебе жениться? Приспешники Зендора! Хорошо, что мы сматываемся отсюда.

Брия могла только кивать.

К тому времени как они вернулись к административному корпусу, к Брии пришло второе дыхание. Теперь девушка гораздо бодрее следовала за Ханом по темным коридорам к дверям выставочного зала, где их уже ждал Мууургх. У нижних лап тогорианина была сложена пирамида из бластеров. У Брии округлились глаза.

— А это еще что такое?

— Готовимся к диверсии, — пояснил Хан. — Ну ладно... где там наши коды доступа?

Он поспешно ввел шифр, дверь открылась. Троица злоумышленников бесшумно (у Мууургха получалось лучше всего) проникла в огромное, слабо освещенное помещение. Хан сунулся в ящик стола, за которым обычно работала Брия, разжился световым стержнем и активировал его. Стало значительно светлее.

— Как думаешь, можно включить лампы?

Брия кивнула:

— Снаружи ничего не видно, я проверяла на прошлой неделе. Из покоев Тероензы тоже не заметно.

Хан включил верхний свет.

Разбирая коллекцию, Брия основательно потрудилась. Витрины сияли, на полках царил если не идеальный, то похвальный уже порядок, гобелены заиграли яркими красками. Даже три центральные колонны были не так давно покрашены заново.

— Начинайте паковать вещички, — шепотом распорядился Соло. — Я вернусь минут через пятнадцать.

— А во что собирать? — полюбопытствовала Брия.

— Я спрятал рюкзак за ягодицами тех фигур на фонтане. — Хан указал пальцем, хотя белое нефритовое сооружение сложно было не заметить. — С него и начни, а я постараюсь отыскать еще что-нибудь подходящее.

— Хорошо, — неуверенно пробормотала девушка.

Мууургх неподалеку изучал неплохую подборку украшенных драгоценными камнями кинжалов. Брия оглядывалась по сторонам, на ее лице были написаны боль и растерянность.

— В чем дело, милая?

— Викк... раньше я никогда ничем таким не занималась! — Она прикусила губу и указала на бластеры. — Оружие, да еще воровство! Может пострадать много народа, а вдруг их убьют? Тебя могут убить или меня!

Она дрожала. Хан обнял девушку за плечи, прижал к себе.

— Брия, нам нужно бежать отсюда, потому что завтра Мрров увезут на Кессель. В любую минуту на орбиту может выйти транспортный корабль. Вопрос, солнышко, стоит так: сейчас или никогда!

Ему стоило большого труда говорить спокойно и ласково и одновременно прятать нетерпение.

— И... и... — Брия вцепилась в его комбинезон обеими руками. — И я боюсь того, что будет со мной, если я улечу отсюда. Без Возрадования... как я буду жить без него?

— У тебя есть я, — напомнил пилот. — Мы будем вместе. Я буду рядом... каждую минуту. С тобой будет все хорошо.

Брия всхлипнула и кивнула, хотя по щекам все еще катились слезы.

— Эй! — Хан ухмыльнулся. — Я лучше Ганара Тоса, верно?

Брия прыснула сквозь рыдания.

Соло взял бластеры и направился к двери, проверил, закрылась ли она за ним, и пошел дальше по коридору.

И выяснил, что нести шесть бластеров в двух руках — невыполнимая задача. Кончилось все тем, что Хан запихал оружие за ремень, а то, что туда не поместилось, — за пазуху комбинезона. Двигаться стало трудно, но хоть руки освободились и не надо было опасаться, что один из бластеров с лязгом грохнется на пол.

Ночь была не светлее предыдущих, хотя до рассвета оставалось не больше часа. Хан, увязая в грязи, пробирался по тропе; бластеры колотили его по ногам, рукоятка одного ощутимо упиралась в ребра. На дорогу до фабрики ушло минут семь, а еще две — на то, чтобы незаметно подползти к охраннику, тучному гаморреанцу, достаточно близко и оглушить его. Прикинув на глазок более чем внушительные габариты стражника, Хан выстрелил два раза, чтобы парень хорошенько выспался.

На фабрике кореллианин не мешкая прошел прямиком к турболифту; задержал его только небольшой досадный эпизод, когда увешанный бластерами Хан чуть было не растянулся, протискиваясь в узкую дверь. Нажав кнопку нижнего этажа, он

пережил спуск вниз-вниз-вниз, в чернильный холод и тьму, которая была чернее любой тьмы. Его целью были контейнеры с необработанным глиттерстимом, ожидающие, когда ими займутся рабочие.

Пять бластеров пошли в дело, один Хан оставил про запас, так как не был уверен, хватит ли в его собственном заряда для ночной эскапады. Кореллианин красиво разложил оружие звездой поверх спайса, вскрыл каждый бластер и выставил на перезагрузку. Звук сначала был тонкий, как писк, но он становился все громче и громче, пока по влажной пещере цеха не пошло гулять эхо.

— Должно получиться, — прошептал Хан самому себе.

До того как тут произойдет большой «бум», оставалось минуты три, Соло помчался стрелой к турболифту.

Дуновение свежего воздуха на потном лице было приятно. Хан спрыгнул с платформы, добежал до дверей на улицу, перескочил через бесчувственного гаморреанца, который только-только делал первые неуверенные попытки хрюкнуть и пошевелиться, и скрылся в ночи.

Он был на полпути к административному корпусу, когда ощутил дрожь земли под ногами и повернулся, чтобы полюбоваться на столб желтого пламени, поднявшегося к небу. Голубые искры активированного глиттерстима придали пожару вид праздничного фейерверка. Хан даже близко не мог назвать сумму, которую он только что легкомысленно пустил на ветер. Грустное было зрелище.

В административном строении начался переполох. Кореллианину пришлось сойти с тропы и продолжать бег уже по джунглям. Мимо с воплями и криками промчалась толпа стражников. Увязая в перегное, Хан все-таки сохранил неплохую скорость. Его ботинки оставили грязные следы на ступенях административного корпуса и на полу коридора, ведущего к сокровищнице Тероензы.

Повсюду беспорядочно носилась охрана, но Хана никто не остановил, даже не поинтересовались, а что он, собственно, гут забыл. Поэтому он без помех добрался до сокровищницы, огляделся и проскользнул внутрь. Брия и Мууургх вздрогнули, подняли головы, увидели, кто пришел, и выдохнули.

— Как дела? — поинтересовался Хан, не повышая голоса.

— Порядок, — так же негромко откликнулась Брия. — Почти закончили с основным списком.

— Здорово!

— Что Викк делал? — спросил тогорианин.

— Викк только что взорвал фабрику, — похвастал довольный

собой Хан. — Куча паломников осталась без работы.

— Ох, если нас поймают... — Брия побледнела.

— Не поймают, — заверил ее Соло. — У меня все схвачено.

Он протянул руку к небольшой, с ладонь, скульптуре из лазурита, изображающей торска с Альцока-3. Фигура оказалась тяжелее, чем он думал; Хан дернул сильнее. Статуэтка накренилась, а под ней обнаружились провода и передатчик. А где-то за второй дверью, в личных покоях Тероензы пронзительно завизжал сигнал тревоги.

Хан посмотрел на лазуритовую фигурку, на своих подельников.

— Ой-ой...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ПОСПЕШНОЕ БЕГСТВО

Брия в ярости и испуге уставилась на Хана:

— Молодец! А теперь что нам делать?

Кореллианин быстро соображал.

— Бежать. Мы и так много набрали. Брия, ты возьмешь рюкзак, лады? И вот это не забудь.

Он выдернул из-за пояса лишний бластер, сунул девушке в руку, наскоро показал, как прицеливаться и где спусковой крючок.

— Великолепно, — горько бормотала Брия. — Значит, все под контролем, Викк? Все схвачено, да? Совершенно не о чем беспокоиться?

Хан беспомощно пожал плечами. Как ни крути, а на этот раз он действительно дал маху.

— Куда? — пожелал знать практичный Мууургх. — В главный дверь или к жрец?

Решать не пришлось. Обе двери одновременно распахнулись. На пороге одной, фыркая от бешенства, стоял Тероенза, вторые двери перекрывал Заввал и отряд стражников. Хан утащил Брию за чашу фонтана из белого нефрита, тогорианин выбрал укрытием центральную колонну.

— Взять их! — заверещал хатт, выдвигаясь вперед на репульсорных салазках.

Тероенза нагнул голову — рог на изготовку — и помчался на врага, словно обезумевший зверь.

Хан выстрелил, проклял весь свет, увидев синие кольца вместо лазерного луча, перебросил рычажок управления стрельбой. Парализующий заряд не остановил Тероензу, даже не заставил сбросить темп. Мууургх тщательно прицелился, выстрелил и уложил охранника-салластанина. Хан опять спустил курок, но вместо репульсорных саней поразил основание колонны. Столб пошатнулся, но устоял.

Тероенза атаковал Мууургха, но тогорианин прыгнул верховному жрецу на голову и вцепился когтями в складки шеи и рог, что было сил упираясь нижними лапами в ковер. Т'ландатиль мотнул головой, встал на дыбы, опрокинулся и со всей дури врезался в ту же самую колонну. На головы собравшихся посыпалась штукатурка. Тероенза поскользнулся и растянулся на ковре. Помещение опять вздрогнуло.

Хан снова выстрелил, один из гаморреанцев с визгом убежал

прочь. Брия опасливо выглянула из-за края нефритовой чаши, но выстрелить не успела, ее опередил кто-то из охраны. Заряд оставил на чаше выбоину, брызнуло нефритовой крошкой. Барахтающийся на полу Тероенза протестующе завыл.

Очередной лазерный луч просвистел так близко, что опалил кореллианину волосы. Хан бросился ничком на пол, откатился и дважды выстрелил в салазки Заввала, перерезав кабели антигравитационного модуля. Но вместо того чтобы грузно опуститься на пол, сани взбесились.

Из-за седока, который тщетно пытался взять ситуацию под контроль, они на полной мощности помчались вперед и через пару секунд впечатались в стену. Круша все на своем пути, грависани рикошетом метались по сокровищнице с Заввалом в качестве беспомощного пассажира. Охранник-родианец так был поглощен идеей подстрелить Хана, что не заметил опасности и полег в луже крови. Сани пролетели сквозь витрину, Тероенза завизжал, увидев, что драгоценная коллекция старинных ваз обратилась в пыль. Хатт добрался до противоположной стены, вызвав новое сотрясение и дождь пыльных обломков с потолка. Хан и Брия легли на пол, когда антигравитационные салазки сшибли с фонтана каменную фигуру и разбили ее.

Заввал верещал без передышки, а большинство охранников сочли за благо побыстрее унести ноги. В конце концов сани, усиленные немалым весом хатта, со снайперской точностью врезались в центральную колонну. Она застонала, покачнулась и раскололась надвое. Уже поврежденная Ханом и Тероензой, соседняя колонна последовала ее примеру. Издав предсмертный вздох, репульсорные салазки опустились на пол и заглохли.

Застывший от ужаса Хан смотрел, как медленно, будто в ночном кошмаре, потолок вздулся, пошел трещинами и обвалился. Соло очнулся как раз вовремя, чтобы выдернуть Брию из-под увесистого обломка. Швырнув девушку на пол позади фонтана, Хан упал сверху, прикрывая собой от камнепада. Заввал истошно взвизгнул, когда огромные балки пригвоздили его к остаткам саней. Кашляя и задыхаясь от поднятой пыли, Хан пополз к выходу, волоча за собой Брию и предварительно убедившись, что сверху больше ничего не падает. Кореллианин оглянулся, разыскивая хатта, но увидел только подергивающийся хвост, который торчал из-под обломков.

Тероенза бросился под защиту массивного антикварного стола и отделался легким испугом, почти не поцарапавшись. Когда камнепад прекратился, верховный жрец выполз из-под попорченной столешницы, отряхнулся и, пошатываясь и пуская слюну, направился к Хану, Брии и Мууургху, который пережидал

стихийное бедствие в дверном проеме. Пылая жаждой мести, т'ланда-тиль склонил голову, выставил рог и ринулся в атаку.

Хан выстрелил, жрец схватился за обожженный бок и с воплем рухнул на пол. Тошнотворно запахло паленым мясом. Кто-то из набежавших охранников в очередной раз насмерть поразил фонтан, острые кусочки нефрита чирикнули Хана по щеке. Один застрял под кожей, и, когда Соло выдернул его, пальцы окрасились кровью. Хан прицелился тщательнее, спустил курок плавнее, и последний охранник свалился мешком на пол.

— Пошли! — заорал кореллианин, хватая рюкзак и Брию. — Валим отсюда!

Поскальзываясь на каменном крошеве, спотыкаясь о тела, троица воров-неудачников поспешила к двойным дверям, возле которых Хан придержал разогнавшихся подельников и осторожно высунул нос в коридор. Наградой ему был бластерный заряд, который чуть было не лишил Хана уха.

— Мууургх, выводи Брию другим путем! — приказал он. — Идите через комнаты Тероензы, возьмем этих голубчиков с двух сторон. Считаю до пятидесяти!

Тогорианин кивнул и вместе с девушкой пробрался через разгромленную сокровищницу мимо стонущего Тероензы к дверям в личные покои верховного жреца.

Хан тем временем считал про себя. На счет пятнадцать он высунул за дверь руку и четыре раза выстрелил наугад. В коридоре завыли от боли.

Одним меньше...

Кореллианин подождал, тяжело дыша и стараясь не поперхнуться густой пылью. Сорок пять, сорок шесть, сорок семь, сорок восемь, сорок девять... пятьдесят! Хан прыгнул, перекатился и выстрелил. Ответные заряды ударили мимо его ног ч уда, где только что находилась его голова, зато Соло удалось вывести из игры еще одного охранника, вифида. Брия и Мууургх тоже присоединились к пальбе. Еще двое в минусе.

Уцелевшие — деваронец и гаморреанец — дружно ударились в бега, перепрыгнув через не успевшего даже привстать Хана. Кореллианин нетвердо поднялся на ноги и услышал боевой рык Мууургха. Тогорианин сцепился... с кем? Хан никого не видел.

Он что, свихнулся от перенапряжения? И тут Соло заметил красно-оранжевые, налитые кровью глаза, полную пасть зубов и услышал злобное шипение. В воздухе метался бластер.

Затем проявилось бледнокожее, пупырчатое и чешуйчатое существо. Мууургх рычал, шипел, плевался и яростно полосовал когтями врага. Тогорианин был гораздо крупнее аар'аа, так что согнуться ему пришлось чуть ли не вдвое. Переживая, Хан сам

скривился, как от боли, когда телохранитель упал на колени. Сейчас его противник был цвета стен в коридоре. Движением атакующей грал-гадюки тогорианин погрузил клыки в горло аар'аа и разорвал его. Брызнула оранжевая кровь.

Мууургх отпрыгнул, предоставив Хану зачарованно наблюдать, как с величественной неторопливостью кулем оседает на пол охранник. Необычное существо лежало на боку, а кожа его медленно изменяла цвет от белесого до серовато-бурого, естественного окраса аар'аа. Не нужно было проверять, чтобы убедиться: оно мертво.

Брия не могла отвести от охранника испуганных глаз.

— Он почти схватил меня... — прошептала девушка. — Если бы не ты, Мууургх...

— Как ты его разглядел, приятель? — Хан сунул бластер в кобуру. — Я ничего не заметил!

— Я не видеть тоже, я нюхать, — буднично отозвался тогорианин, вылизывая лапу. — Мой народ охотится с помощью глаза и нос. Мууургх — охотник, ты забываешь?

— Спасибо, дружище. — Хан обнял Брию за плечи. — За мной должок. А теперь нам лучше...

— Берегись! — воскликнула девушка, и Соло инстинктивно пригнулся.

В ушах зазвенело; это Брия поверх его головы выстрелила из бластера, переведенного в режим оглушения. Кореллианин выпрямился и успел заметить, как на пол мешком валится Ганар Тос, роняя из зеленых пальцев оружие. Хан подошел к престарелому дворецкому и подобрал бластер, заткнув его за пояс. Рядом остановилась Брия.

— У меня одна мысль в голове: если бы ты не вернулся сегодня, завтра я бы стала его женой, — пробормотала девушка.

Брию передернуло, и Хану опять пришлось ее обнять.

— Хорошо, что ты его только оглушила, — сказал кореллианин. — Конечно, он мерзкий похотливый старикашка, но он тобой восхищался. Как я могу винить его?

Он оглядел ее со значением.

Брия потупилась, щеки ее порозовели.

— Замуж за него я не хочу, но рада, что не убила его.

— Ну вот, — подытожил Хан, — теперь я и тебе должен.

— Нет, не должен, — заспорила девушка. — Мы сочлись. Бели бы не ты, меня похоронило бы там, как того хатта.

— М-да, боюсь, старина Заввал нас покинул, — протянул Соло. — Наверное, его родичи теперь на меня обидятся.

Хан тут же вспомнил о Тероензе, который все еще был жив, разве что ранен. Может, вернуться и довершить начатое? Мысль о

том, чтобы подойти к беспомощному существу и хладнокровно застрелить его, пришлась кореллианину не по вкусу.

— Пошли-ка отсюда, — сказал Хан, махнув рукой Мууургху, который брезгливо, с отвращением на морде, счищал кровь с лап. — Идем, Мууургх, усы потом причешешь. Нас ждет Мрров.

На улице их глазам предстало феерическое зрелище: фабрика все еще плевалась ярко-голубыми искрами, очень красивыми на фоне выцветшего до синевы неба.

— Скоро рассвет, — бросил Хан. — Пошли!

Они припустили по лесной тропе. На границе летного поля кореллианин велел остановиться и осмотрел окрестности. Стражников видно не было; очевидно, все они по-прежнему сражались с пожаром. И все-таки из-под деревьев беглецы вышли осторожно, с бластерами на изготовку, вздрагивая при каждом звуке.

Добравшись до яхты, Хан ввел коды доступа, и угонщики поднялись по трапу. «Талисман» оказался чуть больше «Илизианской Мечты», имел каплевидную форму и расширялся у киля. Но вместо грузового трюма здесь имелись роскошные пассажирские каюты и всевозможные удобства. Все было рассчитано на габариты немаленьких т'ланда-тиль, поэтому пригодные для человека сиденья отыскались лишь в рубке. В каюте, предназначенной для охранника, наличествовала небольшая койка, а все остальные помещения были оборудованы гамаками, в которых предпочитали отдыхать т'ланда-тиль.

Хан усадил Брию в кресло второго пилота, а Мууургху приказал привязаться к одной из пассажирских лежанок. На этом корабле кореллианину летать пока что не приходилось; Тероенза слишком опасался пиратов и не осмеливался предпринимать даже короткие путешествия, пока не завершат обновление орудийных систем и щитов. Хан поспешно ознакомился с пультом. В вооружении и защите «Талисман» уступал «Илизианской Мечте», но для прогулочной яхты был основательно и добросовестно оснащен.

— Предполетная подготовка завершена, к взлету готовы. Привяжитесь, ребята, поехали! — крикнул Соло, поднимая корабль.

«Талисман» неплохо отзывался на команды и показался Хану послушным, хоть и не скоростным кораблем.

— Теперь за Мрров! — возбужденно мяукнул тогорианин. — Да, Викк?

— Совершенно верно, приятель, — согласился Хан. — До рассвета успеем. Где они собирают паломников для отправки на Кессель?

— У Алтаря обещаний, — подсказал Мууургх.

— У Алтаря нарушенных обещаний, — с горечью поправила телохранителя Брия. — Интересно, выжил ли Тероенза?

— Не так уж сильно ему досталось, — пробурчал Хан. — Наверняка его сейчас с почестями волокут в лазарет в теплые объятия медицинских дроидов.

Он сверился с картой.

— Да, кстати, мне тут надо кое в чем признаться.

— В чем? — одновременно спросили Брия и Мууургх.

— Меня зовут не Викк Драйго. Мое настоящее имя Соло. Хан Соло. Зовите меня именно так.

— Хан? — повторила Брия. — А почему ты раньше мне не сказал?

— Боялся, что случайно проболтаешься и выдашь меня Тероензе и его банде, — буднично, без лишней патетики сказал кореллианин. — Но теперь уже можно, и я решил открыть правду.

— Викк... это прозвище? Псевдоним?

— Угу. В общем-то, один из многих.

— Мууургх приходится привыкать, — проурчал тогорианин. — Сколько лететь еще... Хан?

— Минут пять.

— А как мы будем действовать? — спросила Брия. — Там ведь тоже охрана.

— Понятия не имею! — весело откликнулся кореллианин. — Но чего-нибудь обязательно придумаю.

Он сосредоточился на управлении яхтой, а добравшись до второй колонии, повел «Талисман» над лагерем, едва не срезая верхушки деревьев.

— Ты говорил, что паломников соберут у Алтаря, так? — уточнил Хан у Мууургха.

— Конешшно.

— Ага, ну да... интересно, хватит ли там места... — забубнил Соло, уставившись на обзорный экран и на схематическое изображение местности. — Есть у меня одна задумка...

Колонию номер два от колонии номер один отделяли Горы веры, она была расположена на северо-восточном берегу Зомы Гаванги, мелкого океана, который омывал весь восточный континент.

— По-моему, все получится, — как заведенный бормотал Хан. — Будем надеяться, что репульсоры у нашей малышки в хорошем состоянии. Всех дел — зависнуть, спустить трос... по-моему, места, чтобы сесть, у меня не будет. Мне казалось, что яхты должны быть оборудованы аварийным комплектом, а трос с лебедкой в него входят...

Тогорианин испарился. «Мечта» описывала круг над колонией. Брия разглядывала экран.

— Я их вижу! — возбужденно закричала девушка. — У Алтаря собирается большая толпа.

— Вот и хорошо, — рассеянно откликнулся Хан.

Вернулся Мууургх.

— Трос есть. И некая вещь, походить на упряжь.

— Лады, приятель. Делаем вот что. Я на малой скорости пролечу над амфитеатром, а потом зависну на репульсорах. Мрров понятия не имеет, кто мы такие, вот мы и покажем ей тебя. Да после такого зрелища она стремглав помчится к яхте, верно?

— Да-а... — зашипел тогорианин.

— Поэтому ничего не поделаешь: придется тебе изобразить марионетку. Брия, на твоей совести трос. Будешь следить за ним.

— Хорошо... — девушка запнулась, — Хан.

— Оставайтесь начеку: по нам могут открыть огонь. Щиты выдержат, но, Мууургх, ты-то окажешься снаружи, ты не в счет.

— Я понимать.

— Если охрана перевозбудится, я угощу их из лазерной пушки, — продолжал Соло. — Целиться буду поверх голов, паломникам ничего не сделается, зато выглядеть будет убедительно.

— Мууургх быть готовым, Хан.

— Вот и славно. Начали.

Постепенно снижаясь, Хан аккуратно вел «Талисман» над амфитеатром, ничего так не желая, как еще немного времени, совсем чуть-чуть, чтобы привыкнуть, почувствовать корабль. Он шел по дуге, голографические камеры на брюхе яхты работали, давая пилоту хороший обзор, поэтому Хан был в курсе того, что паломники запрокинули головы и тычут пальцами вверх. Наконец высота позволила задействовать антигравитационные двигатели и зависнуть в двенадцати-тринадцати стандартных метрах над землей.

Позади взбудораженной толпы Хан заметил жрецов и ораву стражников. Очевидно, сакредоты заинтересовались, с чего это вдруг паломников на невольничий корабль с Кесселя будут переправлять на личной яхте верховного жреца.

— Ниже уже никак! — заорал Соло. — Шлепнемся! Опускай Мууургха!

Он не убрал большого пальца с гашетки, но первым начинать драку не хотел. До рубки доносилось приглушенное бормотание Брии и тогорианина, потом одна из камер продемонстрировала болтающегося на тросе Мууургха; бластер телохранителя по-прежнему оставался в кобуре. Звука камера не передавала, но

тогорианин разевал усатую пасть — должно быть, звал Мрров.

Стражники все еще топтались на месте, не понимая, что происходит, но уже заметно всполошились. Отправка паломников разыгрывалась явно не по сценарию, что возбуждало подозрение. Кто-то из охраны протолкнулся сквозь толпу, достал оружие и, похоже, потребовал, чтобы нарушитель сообщил свое имя и причину, по которой он тут вытворяет чудеса воздушной акробатики.

— Брия! — завопил Хан, который боялся оторваться от пульта дольше чем на миг, чтобы ненароком не уронить яхту. — Осторожно! Кажется, они...

Одновременно случилось две вещи: из толпы выскочила долговязая фигура в мешковатом балахоне и помчалась к свисающему с каната Мууургху — и прицелился стражник. Хан мельком отметил оранжевые полосы на кремовой шкуре, а потом ему стало не до ксенологии: бластер охранника выплюнул заряд. Брия и Мууургх не остались в долгу.

Еще два стражника присоединились к пальбе. Паломники в ужасе бросились наутек, топча друг друга и охрану. Хан мысленно помянул добром фальшивых пиратов, из-за которых Тероенза переоснастил корабль, и осторожно выстрелил поверх разбегающейся с визгом толпы. Охрана все-таки пристрелялась: Хан услышал жалобное мяуканье. Глянув на экран, кореллианин увидел, как обвис в упряжи Мууургх, прижимая подушечки лап к боку. Но оружия упрямый телохранитель не выпустил. Но тут Мрров ловко подпрыгнула, обхватила нареченного всеми четырьмя лапами и намертво вцепилась в него.

Брия подстрелила одного гаморреанца. Трос медленно наматывался на барабан, поднимая беглецов. Мрров выхватила из вялой лапы жениха бластер и выстрелила поверх плеча Мууургха. Большинство паломников уже спаслись бегством, вокруг Алтаря остались только жрецы и охранники. Правда, не все; многие убежали вместе с толпой, хотя кое-кто все еще изображал из себя защитника веры. Хан взял на прицел Алтарь обещаний, удостоверился, что все правильно, и нажал на гашетку.

Алтарь разлетелся на куски с таким звучным «бум!», что слышно было и внутри яхты. Жрецы галопом пустились наутек в клубах пыли и мелкой щебенки; Хан поразился, какую скорость могут, оказывается, развивать эти четвероногие, с виду неуклюжие гиганты. Маневренность тоже была выше всяческих похвал. Охрана испарилась, как по волшебству.

Внезапно воцарилась тишина. Утекали секунды, но снаружи никто не шевелился. На земле осталось лежать несколько тел — паломники и охранники, затоптанные во время столпотворения.

Из недр корабля донесся голос Брии:

— Есть! Летим отсюда!

Хан закрыл грузовой люк и запустил двигатели; камеры в брюхе «Талисмана» показывали изображение быстро уменьшающегося в размерах амфитеатра. Соло деактивировал их, чтобы не отсвечивали, и заложил вираж; сейчас его больше занимало состояние атмосферы, и в основном — на их курсе.

По иронии судьбы, чтобы выйти в расчистившееся «окно», ему пришлось отклониться в сторону первой колонии. Хан вел яхту на юг и вверх... вверх...

Почти уже, думал кореллианин возбужденно, почти на свободе...

Ударившись плечом о борт «Талисмана», Мууургх героически подавил стон. Тогорианин почувствовал, как его втаскивают в трюм, потом услышал голос Мрров:

— Лучше помоги залезть мне. Его я сама подниму.

Тогорианин цеплялся за «люльку» здоровой лапой; Мрров скользнула мимо, залезая внутрь парящего над амфитеатром «Талисмана». Бок Мууургха горел, словно его рвал когтями ночной демон. Тогорианин мог только осторожно дышать и молчать. Он охотник, а охотники умеют вести себя тихо. Обстрел давно прекратился. «Люлька» медленно пошла вверх; Мууургх открыл глаза и увидел, как Алтарь разлетелся на куски. Наверное, грохот этого взрыва он и услышал. А он-то думал, что почудилось...

Боль накатывала горячими волнами. Мууургх старался не потерять сознание, пока Брия и Мрров хватали его за лапы и втаскивали внутрь. Тогорианин едва заметил, как позади закрывается люк.

— Есть! — услышал Мууургх голос Брии. — Летим отсюда!

Тогорианин лежал на палубе, дышал неглубоко, урывками, но силы уже возвращались к нему, пусть малой толикой.

— На борту есть аптечка? — раздался голос, слышать который Мууургх был готов вечно.

— Я посмотрю!

Шорох быстрых шагов, человеческая девушка убежала, оставив влюбленных наедине. Мууургх с трудом приоткрыл глаза.

Мрров наклонилась и нежно потерлась щекой о его скулу, обмениваясь запахами.

— Мой охотник! — проворковала тогорианка, ласково вылизывая жениху ухо. — Ты выследил меня. Ты — величайший охотник, какого только знает наш народ!

— Мрров... — прошептал телохранитель.

— Молчи, — приказала она. — Не пытайся говорить. Ты серьезно ранен, хотя, я знаю, раны быстро затянутся. О Мууургх! Когда я увидела, как ты спускаешься на тросе, то глазам своим не поверила! Дни, недели, месяцы я думала, сумеешь ли ты отыскать меня... и ты меня нашел!

— Ты знала, что я был здесь? — Мууургх сконфузился. — Но раз так, то почему же...

Бело-оранжевая мордочка сморщилась, Мрров вновь потерлась о его щеку. Усы их переплелись, и Мууургх зажмурился от удовольствия, позабыв про боль.

— Я пробыла здесь какое-то время, а потом сообразила, что творится на планете. Я искала истину, а находила одну только ложь. Тогда я сказала жрецам, что хочу уйти. А они показали мне тебя, о Мууургх. И сказали, что убьют тебя, если я попытаюсь сбежать.

— И ты осталась? Почему не разорвала им глотки?

— Ценой твоей жизни? — Мрров качнула головой; глаза тогорианки сияли расплавленным золотом. — Нет, мой нареченный. Я не посмела. Я только надеялась, что в один прекрасный день ты отыщешь меня и что у тебя будет корабль. И этот день наконец-то пришел!

Мууургх с трудом кивнул:

— Благодари Викка... Хана.

Примчалась Брия.

— Нашла!

Вскоре девушки на пару бинтовали накормленного болеутоляющими таблетками героя.

— Останется жуткий шрам, — недовольно заметила Брия.

— На Тогории охотники с гордостью показывают свои шрамы, — откликнулась Мрров. — Мууургх исцелится, а его шраму все будут завидовать.

Корабль вдруг дернулся. Брия вскрикнула:

— Хан! Что это было?

— Кто-то перепутал нас с мишенью! — раздался ответный крик из рубки. — Мне нужен Мууургх! Кому-то надо пострелять!

Телохранитель предпринял неуклюжую попытку встать, лапы разъехались.

— Нет, — решительно отрезала Мрров. — Пойду я. В нашем мире женщины разбираются в технике лучше мужчин. Я инженер. Я справлюсь.

Мууургх открыл глаза, встретил полный сомнений взгляд Брии и прошептал:

— Это правда... Мууургх стрелять хуже некуда. Спроси

пилота...

И вновь опустил веки, отдаваясь мраку, который только и поджидал удобного случая. Больше тогорианин был не в силах сопротивляться... и с легким вздохом Мууургх позволил себе ускользнуть в темноту...

Хан оглянулся на инородца, усевшегося в соседнее кресло.

— Ты не Мууургх, — заявил кореллианин.

— Я — Мрров.

Тогорианка сбросила паломнический балахон, и ее роскошная бело-рыжая шкура переливалась живым пламенем.

— Я буду управлять орудиями. В нашем народе женщины — техники и инженеры.

Она с вызовом глянула на пилота; глаза у нее были ярко-желтые.

— Кроме того, — добавила Мрров, — Мууургх ранен. Он не в форме.

Хан почувствовал укол беспокойства.

— Он поправится?

— Наверняка. Мой народ сильный и крепкий. Брия... твою девушку ведь так зовут?

Хан кивнул.

— Твоя Брия ухаживает за ним. Он отдыхает.

— Ладно. У нашей красотки оружия маловато, но легкую лазерную пушку и ракетную установку предоставить могу. Вот смотри. Лазеры справа, ударные ракеты слева. Система наведения прямо перед тобой.

— Понятно.

Некоторое время тогорианка потратила на изучение пульта, затем удовлетворенно кивнула.

— Я справлюсь, — сказала она. — Кто в нас стрелял?

— Именно это я сейчас выясняю. — Хан тоже пялился на приборы. — Я был уверен, что жрецы не разорялись на противовоздушную оборону, но пусть меня повесят, если я хоть что-то понимаю...

Он расхохотался, не закончив фразу, как раз когда яхта опять содрогнулась. Мрров смотрела на пилота так, будто Соло вдруг сошел с ума. Кореллианин давился хохотом.

— Все в порядке, — выговорил он кое-как.

Тогорианка указала на дисплей, где разворачивались проекции нескольких ураганов, к счастью на безопасном расстоянии. А также там присутствовал небольшой, похожий на каплю кораблик, и он быстро нагонял «Талисман».

— Ты очень странно понимаешь порядок, человек. Нас преследуют, в нас стреляют и очень скоро догонят!

— Ну да... старина Джейлус Небл на «Илизианской Мечте», — отмахнулся Хан. — Должны же жрецы приказать кому-нибудь поджарить нам задницы.

Он опять захихикал. «Талисман» повело в сторону. Мрров явно пыталась определить степень его безумства. Кореллианин только ухмылялся.

— Ты не понимаешь! — весело заявил он.

Это уж точно, — согласилась Мрров. — Может, объяснишь?

Ага. Мы с Джейлусом друзья. Он возьмется стрелять в меня с той же охотой, что я в него. Вот он и мажет всякий раз, а со стороны не заметно — не придерешься. Мы набираем скорость, еще немного — и выйдем за пределы атмосферы, а минут через пять и вовсе выйдем из гравитационного колодца. Мы в полном порядке, Мрров. Верь мне.

Тогорианка фыркнула в пушистые усы:

— Кажется, я начинаю разбираться. Твой друг Джейлус Небл разыгрывает спектакль для тех, кто внизу? И нам не о чем беспокоиться, верно?

— Ну да! — Хан все никак не мог успокоиться. — И если у Небла имеется хоть капля здравого смысла, он угонит «Илизианскую Мечту» и унесет свои обвисшие щечки с этой планеты. Хотя, может, он решил еще немного поводить жрецов за нос и попросить о надбавке к жалованью. У них же остался всего один пилот, так что ребята в отчаянии.

Еще одно «почти попадание» заставило «Талисман» пуститься в пляс.

— Вот это уже было почти по-настоящему, — пробормотал кореллианин, запуская диагностику обшивки и систем корабля. — Наш малыш разбушевался.

«Илизианская Мечта» следом за яхтой вышла в стратосферу, а затем и в тонкий слой ионосферы. Оставался последний барьер — экзосфера. «Талисман» свечой рвался вверх; Хан считал прыжок на навигационном компьютере. Еще несколько минут гравитация Илизии будет им мешать, но лучше подготовиться заранее.

— Вижу на радаре корабль, — сообщила Мрров. — Прямо по курсу, над нами.

— Это космическая станция на стационарной орбите над первой колонией. — Хан, не заинтересовавшись, даже головы не поднял. — Паломников должны где-то пересаживать с кораблей. Ты тоже там побывала.

— Нет, Хан, — беспокойно возразила тогорианка. — Я хорошо помню станцию, но это не она. Это космический корабль! И очень большой!

Оторвавшись от расчетов, Соло все-таки поднял голову,

нехотя взглянул на радар — и выругался последовательно на шести языках.

— Кореллианский корвет! Что он тут забыл?

Его пальцы забегали по панели управления, яхта ушла в сторону, выполняя маневр расхождения и одновременно увеличивая скорость. Автоматически Хан заметил огонек на радаре: «Мечта» уходила в другую сторону. «Талисман» вдруг резко дернулся и загарцевал, двигатели жалобно взвизгнули.

— Что случилось? — пожелала знать тогорианка в то же мгновение, когда в рубку ворвалась Брия.

— Хан... что стряслось? — спросила Брия.

Кореллианин пустил в дело дополнительные генераторы — илизианская яхта задрожала от напряжения, но все равно не смогла вырваться.

— Ну уж нет! — сердито заорал Хан, чтобы придушить панику в зародыше. — Нет, назад я не хочу!

Он еще больше перепугал своих пассажирок, когда начал глушить двигатели, чтобы не пережечь их. В наступившей тишине голос из динамика прозвучал необычайно громко и отчетливо:

— Внимание, «Талисман», с вами говорит капитан Нгин Рисос с кореллианского корвета «Оковы Хелота», порт приписки — Кессель. Рекомендую вам заглушить двигатели. Вы находитесь в луче захвата...

— Сам знаю! — огрызнулся Хан, не позаботившись включить передатчик. — Спасибо, что напомнили! Что бы я без вас делал?

Капитан Рисос бесстрастно и неумолимо продолжал:

— Вы арестованы, поскольку местные планетарные власти дали мне знать, что вы без разрешения завладели яхтой. И те же самые власти попросили доставить вас обратно на Илизию, где вам будет предъявлено соответствующее обвинение. Приготовьтесь, пожалуйста, к досмотру. Любые попытки сопротивления будут жестоко подавлены.

Хан с ненавистью разглядывал длинный узкий корабль с одиннадцатью внушительными реакторами. Корвет был раз в двадцать крупнее яхты. Соло машинально отмечал модификации и среди прочих — ангар.

— Какой огромный... — зачарованно прошептала Брия. — Нас волочет прямо к нему, Хан.

— Ничем не могу помочь, девочка, — вяло отозвался вдруг обессилевший кореллианин. — Они крепко вцепились, нам не вырваться.

— Сколько там экипажа? — полюбопытствовала Мрров, гипнотизируя взглядом невольничий корабль, который явился сюда, чтобы забрать ее и других паломников навстречу горькой

участи в шахтах.

— В военном флоте положено сто шестьдесят пять. Но это же модифицированный корвет. Его перестроили, чтобы он мог брать груз в космосе... Я бы сказал, там человек сорок-пятьдесят, не больше.

— Многовато для драки, — севшим голосом сказала Брия.

— Я так просто не дамся, — отрезал кореллианин, вытащил бластер и оглянулся на девушек. — Кто со мной?

Брия покачала головой:

— Нас всего трое — против сорока. Хан, смелости в тебе хоть отбавляй, но вот здравого смысла в тебе ни на грош!

Соло, вдруг разозлившись, сунул оружие назад в кобуру.

— Ты права. Но мне все это не нравится.

Динамики без предупреждения зашипели, и в помехи вклинилась трескучая салластанская скороговорка:

— Полная мощность, через семь секунд левый разворот... пошел!

— Что за...

Пальцы кореллианина жили собственной жизнью; сам Хан терялся в догадках, а руки его толкнули рычаг вперед, вливая в основные и вспомогательные двигатели всю энергию, которую мог дать реактор. Слушать, как надрывается в луче захвата корабль, было невыносимо; у Хана сердце кровью обливалось от жалости. «Талисман» почти втянуло в разинутую пасть створа, корабли разделяло всего несколько сот метров. Хан ввел команду на разворот, оставалось лишь нажать клавишу и завершить процесс; рука пилота зависла над пультом. Двигатели визжали и всхлипывали. Они могли сгореть в любую секунду.

— Что этот маленький, съехавший по фазе...

Хан поперхнулся: мимо них на скорости, подтверждающей мнение Соло о коллеге, проскользнула «Илизианская Мечта». Троица в рубке «Талисмана» пригнулась, когда грузовик промелькнул у них над головами, круто заваливаясь на правый борт. Джейлус Небл вклинил грузовичок между яхтой и «Оковами Хелота». Места там было немного, и салластанину пришлось поставить грузовик набок, чтобы поместиться.

— Давай! — восторженно заорал Хан. — Жми, Небл!

Он развернул «Талисман». «Мечта» заслонила яхту, на несколько драгоценных секунд оборвав луч захвата. Освобожденный «Талисман» унесло прочь от корвета, Джейлус Небл тем временем удирал в противоположную сторону. Хан испустил ликующий вопль и, чтобы свести счеты, угостил «Оковы Хелота» в середку двумя ударными ракетами — по солнечному коллектору и лопасти стабилизатора.

И глупо разинул рот, увидев, как первый снаряд легко смел имеющийся в наличии щит, а второй — разнес кораблю почти весь стабилизатор.

— Эти парни опустили тяжелые щиты, вот идиоты! — радовался Хан. — Думали, будто прихватили нас за горло, и убрали щиты!

Но не стоило обольщаться, корвет еще мог ответить, и поэтому Хан не стал расслабляться. Как и Джейлус Небл. Коротышка-салластанин по-прежнему набирал скорость, а через несколько секунд приборы доложили о том, что «Илизианская Мечта» благополучно прыгнула в гиперпространство.

— Мы на очереди, — ухмыльнулся кореллианин. — Прощайся с раем, солнышко...

Хан разухабисто рванул рычаг мотиватора, и прилив энергии внезапно выбросил яхту в коридор из сияющих звездных нитей.

— Полный зачет, — прошептал Хан и обмяк в кресле, только сейчас осознав, насколько устал.

Брия улыбнулась ему и легонько сжала его руку. Мрров потерлась о плечо кореллианина скулой.

— Спасибо, — хором сказали девушки. Хан никогда не чувствовал себя так хорошо.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ТОГОРИЯ

Хана разбудили тихие, приглушенные всхлипывания. Спать он перед этим улегся на полу в каюте Тероензы, куда натащил кучу дорогих ковров. Единственную пригодную для использования человеком кровать по его настоянию заняла Брия. В предыдущую ночь отдохнуть удалось одной лишь

Мрров, поэтому на этот раз она вызвалась подежурить в рубке на случай внезапной тревоги... хотя они уже прыгнули в гиперпространство, а тут сбои случались редко.

Хан сел со стоном: все тело затекло. Денек вчера выдался напряженный, и кореллианин только сейчас вспомнил, что так и не поел.

Но еще сильнее хотелось пить. Кореллианин поднялся на ноги, доковылял до стоявшего в каюте кулера и выхлебал несколько стаканов подряд.

Во время питья рука его задела подбородок, и Хан нахмурился, ощутив, что тот покрыт густой щетиной. Он забросил бритье еще с тех пор, как они прилетели на Нал-Хатту.

Всхлипывания затихли. Хан взял свою одежду и направился в роскошную душевую, довольный, что там имелось оснащение почти для любой расы. Даже бритвенный прибор нашелся.

Через несколько минут, полностью одетый и взбодрившийся, юноша отправился к Брии.

Он нашел девушку в крошечной каморке охранника. Бывшая паломница сидела на койке, обхватив руками колени и уткнувшись в них лицом.

— Эй... — прошептал Хан. — Что с тобой? Что-то случилось?

Она не подняла головы, а лишь махнула рукой.

— Нет... пожалуйста, просто... уйди. Я... в порядке! Не хочу... чтобы ты видел... — Девушка хлюпнула носом. — Я ужасно... выгляжу.

Хан сел рядом, но не стал брать за руку.

— Так и я не лучше выгляжу, — заметил он. — Говорят, обновки творят чудеса. — Он попытался пошутить, лишь бы она взглянула на него. — Зато я избавился от бороды. Это большой шаг вперед.

Брия подняла голову и улыбнулась сквозь слезы. Нос и глаза у нее покраснели, но для Хана она по-прежнему выглядела красавицей.

— Вчера... ты и правда... был какой-то... неряшливый.

Кореллианин с притворной обидой выпрямил спину:

— Кто это неряшливый? Я? Еще чего!

Он нежно приобнял девушку.

— Брия, милая… что случилось? Поделись.

Она задрожала.

— Дело в Возрадовании, Хан. Я проснулась с мыслью, что в этот самый момент паломники собрались на службу. И помяла, что у меня этого больше никогда не будет… никогда я не почувствую ничего столь же прекрасного!

Хан не нашелся что сказать. Он понял, что без физического и эмоционального воздействия церемонии у Брии наступила ломка, как у наркомана, лишившегося дозы. Догадка напугала кореллианина. Сможет ли Брия побороть зависимость? Или так и будет доживать свой век, оплакивая утрату?

— Думаю, это нормально, — дипломатично произнес юноша, не желая пугать девушку своими опасениями. — Конечно, денек, а может, недельку тебя поломает. Но мы поможем тебе псе преодолеть, солнышко. Ты сильная, ты справишься. — Кореллианин обвел пространство широким жестом. — И потом, Галактика большая. Нам теперь все дороги открыты. Продадим коллекцию Тероензы, и корабль заодно.

— Мы продадим «Талисман»?

— Да, боюсь, он слишком приметный. Я доставлю Мууургха и Мрров домой, а после этого мы займемся кораблем. Я знаю одно место. Разборка подержанных кораблей в кореллианской системе, на Тралусе. До Кореллии там рукой подать па пассажирском лайнере. — Хан сжал плечи девушки. — И в этом есть хорошая сторона. Мне не придется безвылазно сидеть за приборами. Все внимание… — он нежно поцеловал ее и щеку, — я буду уделять только тебе.

Брия взволнованно сглотнула. Хан наклонился ближе, но девушка слегка отстранилась, и он не стал продолжать.

Брия прикусила губу и отвела взгляд зелено-голубых глаз.

— Хан… а если я не справлюсь… с этой… ломкой? Хан… — Она судорожно заломила руки. — Это даже не ломка! Это… опустошение! Все мое существо жаждет Возрадования! Мне кажется, будто во мне пробили гигантскую дыру и вытянули оттуда меня всю!

Ее стала сотрясать дрожь. Юноша притянул девушку к себе, крепко обнял и стал гладить по волосам, шепча слова утешения. Однако мысли его беспокойно метались, и он понял, что тоже боится.

Боится того, насколько глубоко его чувство к ней. У него уже имелось несколько весьма конкретных сценариев с участием

Брии, которые подразумевали долгое-долгое время наедине в объятиях друг друга.

Но тут он с разочарованием понял, что девушка не готова к такому развитию событий. Ей нужен друг, а не возлюбленный.

И как скоро она придет в себя?

Время покажет.

— Подходим к Тогории, — сказал Хан. — Где садимся?

— Самый крупный город у нас — Каросс, — ответила Мрров, указав место на карте планеты. — Оттуда мы сможем отправить гонца к маркграфу Тогории, который правит мужчинами-охотниками. Рядом с Кароссом сделано посадочное поле. У нас пока нет своего флота, но сюда прилетают торговые и пассажирские корабли с других планет.

— Что ж, Каросс так Каросс, — резюмировал Хан.

Кореллианин виртуозно посадил «Талисман» в самом центре поля. Других кораблей вокруг не наблюдалось.

— Мууургх, — спросил пилот, пока заполнял бортовой журнал. — Вы не боитесь мести т'ланда-тиль или хаттов?

— Нисколько, — ответил Мууургх, демонстративно поигрывая когтями. — Ммы с Мрров ссобрать наша клан и сррасу ссоединяться на шизнь. Поссле по обычай от мой народ парра проводить долго... как это нассывать? — Тогорианин произнес слово на родном языке, чтобы его подруга, чей общегалактический был получше, перевела.

— Медовый месяц, — подсказала она.

— Да, долго медовый месяц. Ты ше помнить, на наша планет мушшчина и шенщина больше чассть год жить рассдельно. Медовый месяц сакончить, с Мрров проводить вместе лишь месяц в год. Такой обрас шизнь. Но ссначала, — гигант потерся щекой о щеку своей невесты, — уединиться в горрах. Хатт и илисианец не добраться, клан не терпеть, чтобы нас исскать. Кто прибыть на Тогория и задавать вопрос... получить по саслуг.

Мрров хищно улыбнулась, обнажив ряды острых как клинки зубов.

— Немногие народы осмеливаются умышленно злить тогориан. Сдается мне, охотники за головами переключатся на более... доступную... добычу.

— Ничуть не сомневаюсь, — искренне сказал Хан. — Что ж, мы на месте. Что дальше? Вы просто возьметесь за лапки и уйдете в закат?

Кореллианин улыбнулся Брии, и та слабо улыбнулась в ответ. Подкрепившись и отдохнув, девушка немного воспрянула духом,

но Хан знал, что ее все еще одолевают терзания и тоска.

— Ессли Хан нушда уезжать, Мууургх и Мрров отнесстись понимание, — сказал тогорианин. — Но ессли Хан и Брия осстаться пара дней, то быть госсти, когда наша ссоединяться на шизнь. На ваш ясык это говорить «ссвадьба».

Хан оглянулся на Брию:

— Ну вот, солнышко, нас только что пригласили на свадьбу. Хочешь задержаться здесь на пару дней? Мне кажется, передышка нам обоим не помешает.

— Конечно, — ответила девушка и улыбнулась тогорианам. — С величайшим удовольствием.

К кораблю приближалась делегация тогорианок, слегка разбавленная присутствием приехавших навестить семьи мужей. Экипаж во главе с Ханом сошел с трапа.

Мрров и Мууургх тут же оказались в центре толпы, посреди всего этого рычания, урчания и счастливого мурлыкания.

Хан, остановившийся у подножия трапа, взял за руку Брию и огляделся вокруг.

— Славная планетка, — сказал кореллианин. — Настоящий рай — не то что Илизия.

— Здесь красиво, — согласилась девушка. — Ты прав.

Места и вправду были красивыми. Над головой простиралось небо глубокого синего цвета с пушистыми белыми облачками. Легкий зеленоватый оттенок насыщал эту синеву у горизонта почти до цвета индиго. Вдалеке отблескивали белым вершины высоких гор. За голубым озером, окруженным лугами, виднелся темный лес. На ветру раскачивались неведомые белые цветы с зеленой окаемкой на лепестках и алыми листьями.

Хан увидел парящее в небе существо и догадался, что это, должно быть, один из тех самых мосготов, которых так нахваливал Мууургх в качестве главного транспортного средства Тогории. Мосготы были весьма сообразительными летающими ящерами. Тогориане давным-давно одомашнили их, и оба вида сообща защищали друг друга от еще более крупных крылатых рептилий — смертоносных лифонов, которые охотились за детьми тогориан и за кладками мосготов.

Ящер облетел посадочное поле и начал снижаться. Кореллианин увидел, что на спине у мосгота сидит тогорианин и управляет им при помощи недоуздка. Соло поразился, с какой гармонией взаимодействуют ящер и его наездник.

Хану редко выпадало дышать столь чистым и свежим воздухом, как на Тогории. Мрров уже просветила его, что именно

поэтому все технологии на планете основаны на использовании солнечной энергии. Тогориане чтили свою планету и не собирались истощать ее или загрязнять во имя технического прогресса, как поступали многие расы в Галактике.

Хан сделал пару пробных шагов и качнулся на каблуках. Он чувствовал себя очень легким, чуть ли не парил в воздухе. Все правильно, на Тогории гравитация слабее, чем на той же Кореллии или Илизии.

Толпа внезапно расступилась, и показался Мууургх, все еще перевязанный, но вышагивающий бок о бок с Мрров почти с прежним апломбом.

— Мы ссобирать клан на ссвадьба и праздничный угощение потом, — сказал тогорианин. — Будьте наши дорогие шести. Прошу... идти са нас.

Хан с Брией пошли за ними.

Каросс оказался весьма уютным городком, расположившим на склонах холмов свои постройки из местного белого камня. Повсюду виднелись пышные сады и парки. Тогорианки трудились на благо города или присматривали за непоседливыми малышами. Мууургх объяснил, что и мальчики и девочки у них оставались с матерями, пока не достигали отрочества, а после этого тогорианские юноши уходили в клан своего отца, чтобы обучаться охотничьим премудростям.

Следующие два дня Хан с Брией отдыхали, пробовали вкуснейшие угощения (правда, настаивали, чтобы мясо не было сырым) и подолгу гуляли по паркам и садам. У молодого тогорианина, по имени Рроув Хан, перенял несколько летных секретов... по выездке и управлению мосготом. Благодаря быстрой реакции и нахальству уже вскорости кореллианин рассекал верхом на ящере высоко над кронами деревьев, сидя в маленьком седле на его шее и наслаждаясь размахом мощных перепончатых крыльев.

Мосготы оказались ласковыми питомцами, которые любят, чтобы их чесали за ушком и гладили животик.

Весь следующий день со всех уголков Тогории стекались мужчины верхом на ящерах. Слух о возвращении охотника Мууургха быстро разлетелся, и все члены его клана прибыли в столицу, чтобы поприветствовать пару и погулять на их свадьбе.

Мууургх и Мрров то и дело пересказывали родным свои нездешние приключения. Мрров без устали повторяла свою грустную повесть, чтобы ни одна тогорианка больше не клюнула на приманку илизианского «рая».

На третий день вечером состоялась свадебная церемония.

Хан с Брией торжественно предстали рядом с Мууургхом и

Мрров перед лицом их объединенных кланов. У тогорианской пары шерсть лоснилась после часов тщательной укладки. Только маленькая белая повязка на боку у Мууургха слегка портила это великолепие. На своей планете тогориане редко носили одежду — климат здесь был столь мягким, что в этом почти не было нужды.

Сначала жених с невестой предстали перед своими родственниками, медленно поворачиваясь, чтобы каждый мог взглянуть им в лицо. Потом по сигналу Мууургха Хан с Брией отошли назад и присоединились к остальным гостям.

Мрров и Мууургх повернулись друг к другу. Низкий, хриплый вой, рожденный в глубине их глоток, заставил Хана вздрогнуть от неожиданности. Жених с невестой обнажили клыки и зашипели. Выдвинули когти. И вдруг набросились друг на друга так молниеносно, что глаз едва успел уследить, упали на землю, вцепившись друг другу в глотки. Они перекатывались, рыча и воя, замахиваясь друг на друга передними лапами. Задним тоже нашлось применение — колотить другого по пушистому животу.

Хан покосился на Брию — она, казалось, слегка напряглась. Но никто из местных и усом не повел, как будто так и надо.

Чего только в Галактике не увидишь, подумал Хан.

Наконец парочка разъединилась, пыхтя и урча. Несмотря на очевидную свирепость ударов, не пролилось ни капли крови.

Жених и невеста медленно кружили в центре толпы, и вой постепенно перерос в нежное мурлыканье. Они остановились и начали тереться щеками. Это продолжалось довольно долго, и до Хана стало доноситься хриплое урчание.

Потом Мрров неожиданно зашипела, клацнула зубами и снова бросилась на Мууургха.

Тот прыгнул вперед, и они покатились по земле, царапаясь и кусаясь.

Хан сжал ладонь Брии.

— Романтично, правда? — с улыбкой прошептал он.

— Тсс, — прервала его девушка.

Через пару мгновений молодожены уже мурлыкали и ласкались, полузакрыв глаза от удовольствия.

Гости распалялись все сильнее. Хан слышал исходящее со всех сторон урчание. Мууургх с Мрров снова ударились в свою притворную борьбу.

Но на этот раз, когда пришла пора ласкаться, жених схватил невесту зубами за загривок. Помогая себе передними лапами, он поднял ее и понес по кругу. Толпа расступилась перед ними, освобождая проход.

Мууургх унес свою суженую в темноту. Спустя мгновение

тишину пронзил громкий, радостный вой на два голоса... и все стихло.

Гости оценили церемонию положительно. Хана чуть не прибили, похлопывая его по плечам и уверяя, что такую зачетную свадьбу мало где увидишь.

Праздник продолжался всю ночь. Хан с Брией ускользнули из-за стола, чтобы прогуляться в парке под двумя лунами Тогории. Звезды сияли очень ярко.

— Ну, — начал Хан, — как ты сегодня? Полегчало?

Девушка сдержанно кивнула:

— Немного. Иногда я по часу ни о чем не вспоминаю. Л иной раз мне кажется, что минуты тянутся бесконечно, и мне приходится когтями цепляться за ясность рассудка.

— Знаешь, у меня на завтра грандиозные планы, — сказал кореллианин с улыбкой. — Все будет просто чудесно. Я обо всем договорился.

— Планы? — переспросила она. — Что мы будем делать?

— Секрет! — подначил юноша. — Готовься — будем летать с птицами.

— Здесь нет птиц, — напомнила Брия. — Только мелкие летучие ящеры.

— Вот именно, — ответил кореллианин. — Так что встанешь пораньше, ладно?

— Ладно.

Следующим утром Брия не обнаружила Хана в их апартаментах. Зато она наткнулась на корзинку с фруктами, кувшинчик с соком и нарезку копченого мяса с ломтем хлеба на подносе. Также там лежал листочек флимси, и вот что там было написано: «Одевайся, завтракай и выходи. Жду тебя на улице. Хан».

Прочитав записку, Брия воздела брови, но сделала, как он просил.

Девушку одолело такое любопытство, что даже нескончаемая тоска по Возрадованию притупилась. Иногда она накатывала такими мощными волнами, что, казалось, можно сойти с ума. Но с каждым днем это случалось все реже. Брия молила всех истинных богов, чтобы когда-нибудь эти волны иссякли насовсем.

Выйдя во двор домика, в котором они квартировали, Брия наткнулась на поджидающего ее Хана. Кореллианин сидел верхом на мосготе, а к седлу были приторочены мешок и одеяло. Девушка остановилась в нерешительности, но тут он наклонился и протянул руку:

— Прошу! Забирайся!

Брия перевела взгляд с Хана на ящера, а затем — на сияющее синевой небо.

— Ты хочешь, чтобы я полетела с тобой на этой... зверюге? — спросила она.

Летать на корабле или лендспидере — это одно, а оседлать здоровенного ящера и взмыть в небо — совсем другое.

— А то! — Хан наклонился и похлопал зверюгу по шее. — Это Кэйдисс, она душка, правда же?

Мелькнул длинный раздвоенный язык, Кэйдисс выгнула изящную шею, явно наслаждаясь лаской.

Брия глубоко вдохнула.

— Ладно, — сказала девушка.

«Самое худшее, что с нами может случиться, — мы упадем и разобьемся, — подумала она. — Зато я перестану тосковать по Возрадованию».

При помощи Хана Брия поднялась на ногу Кэйдисс, которую та заученно выставила, как ступеньку. Немного подтягивания и барахтанья — и вот девушка уже сидит впереди Хана. Кореллианин обхватил подругу руками надежнее ремня безопасности. Брия охнула и зажмурилась, когда он прищелкнул языком и встряхнул поводьями.

В два длинных прыжка мосгот оказался в воздухе и взмахами мощных крыльев стал набирать высоту. Брия открыла глаза и увидела, что они уже летят высоко над крышами зданий. Ветер обдувал лицо, трепал волосы, до слез щипал глаза.

— Ах! — воскликнула девушка. — Хан, это потрясающе!

— Ага, — ответил он с ноткой вполне оправданного самодовольства в голосе. — Ты еще не видела, куда мы направляемся.

Брия вцепилась в переднюю луку седла (они так плотно втиснулись в него вдвоем, что вывалиться было затруднительно) и отдалась радостному чувству настоящего полета.

Под ними проплывали леса и реки. Счастливо улыбаясь, Брия во все глаза смотрела на поля, города и озера. Она не испытывала ничего подобного со времен... ах да, со времен последнего Возрадования.

Но теперь оно словно потеряло над ней всякую власть. Брия наклонилась и открыла рот, упиваясь встречным ветром. Ей хотелось раскинуть руки и завопить, и только опасение сбить мосгота с ровного полета сдерживало это желание.

— Она не устанет от двойной нагрузки? — выкрикнула девушка.

Ответ раздался чуть ли не над ухом. Брия почувствовала

теплое дыхание Хана.

— Она привыкла возить тогорианских охотников. Мы вдвоем не тянем на Мууургха... или даже на кого поменьше. Так что она выдюжит.

Через полчаса река, вдоль которой они летели, расширилась и распалась на множество проток. Хан развернул мосгота на север, и через несколько минут Брия увидела, как на бело-золотой песок набегают волны с пенными гребнями.

Девушка повернулась к своему спутнику с взволнованной улыбкой:

— Это пляж!

— Я поклялся, что когда-нибудь мы с тобой окажемся настоящем пляже, — ответил кореллианин, — где мы сможем плавать и не бояться быть съеденными.

Хан управлял снижением, пока наконец они не сели на песок. Потом он накинул на крылья Кэйдисс путы и отпустил поживиться солью на близлежащем мелководье. Сам же вернулся к Брии с одеялом и продуктами.

— Сначала плаваем, — спросил кореллианин, — или обедаем?

Брия взглянула на белый прибой и почувствовала зов моря. На Кореллии ее семья владела пляжным домиком, и девушка полюбила плескаться чуть ли не с тех пор, как научилась ходить.

— Плаваем, — решила она.

Поздравив себя, что надела под рубашку и брюки спортивный купальник, Брия стянула верхнюю одежду и бросилась в воду.

Хан разделся до трусов и последовал за ней.

К своему удивлению, она вскоре поняла, что он не умеет плавать.

— Негде было научиться, — со смущением признался кореллианин. — Я все время работал, а когда не работал, то гонял на свупах или еще что-нибудь. Я же говорил, что впервые увидел столько воды сразу только на Илизии.

— Что ж, — решительно сказала Брия, — сегодня ты научишься. Ты молодой и сильный, у тебя отличные чувство равновесия и реакция. Все получится.

Хан оказался способным учеником. Брия поразилась, как сосредоточенно, неукоснительно он следовал ее инструкциям — как двигать руками и ногами, как дышать. Она даже высказалась по этому поводу. Хан язвительно усмехнулся.

— Пилоты приучены следовать инструкциям, — сказал он. — Иначе быстро выйдут в расход.

Они еще не успели проголодаться, а Хан уже бесстрашно бороздил волны и начал соображать, как сочетать вдохи-выдохи

со взмахами рук и ног.

— Ты прекрасный ученик, — похвалила его Брия, когда они выбрались на сушу и уселись на одеяле лицом к морю.

— Премного благодарен, — отозвался Хан. — Ты прекрасный учитель.

Они разделили привезенный им обед, а после отправились гулять по пляжу, держась за руки. Над их головами пролетела мелкая ящерка, отблескивая зеленовато-золотистой чешуей. Брия замерла с вытянутой рукой, и крошечное существо опустилось ей на пальцы и стало карабкаться по руке, подрагивая крыльями на ветру. Хан улыбнулся спутнице.

— Ты такая... красивая... — сказал он.

— У меня такое чувство, будто весь мир принадлежит мне, — полушутя ответила она. — Этот день... я запомню навсегда.

— Тебе принадлежит весь этот пляж, — с улыбкой произнес кореллианин. — Я дарю его тебе. На один день ты его хозяйка.

Бесстрашная ящерка взмахнула крыльями и улетела с ладони.

Шагая с Брией по пенным бурунам, Хан поведал ей о своем намерении поступить в имперскую военную академию.

— Имперских офицеров все уважают, — сказал он. — Меня никто никогда ни во что не ставил, но если я пробьюсь туда, то все изменится. Я смогу круто повернуть свою жизнь. Мне не придется воровать, мошенничать или возить контрабанду.

Признание было таким искренним, что у Брии слезы навернулись на глаза. Девушка нежно погладила Хана по щеке.

— Иногда у меня сердце разрывается при взгляде на тебя, — прошептала она. — В твоей жизни было столько жестокости и предательств...

Хан тоже погладил ее по щеке, не отрывая карих глаз от ее ища. Ветер растрепал волосы кореллианина.

— Но меня однажды и любили, — сказал он. — Давай я расскажу тебе о Дьюланне...

Они взялись за руки и потихоньку пошли вперед под его рассказы о лучшей подруге детства, которые Брия буквально впитывала. Когда они вернулись к своему одеялу, слова уже иссякли.

— Гаррис Шрайк на Илизии пришелся бы ко двору, — наконец заметила Брия.

— Он бы там всех под себя подмял, — мрачно согласился Хан. Он сел на одеяло и обхватил колени, с тревогой уставившись на море. — Надо было убить его, Брия, когда была возможность. Но... я не смог.

Девушка опустилась на одеяло рядом с ним.

— Ты хороший человек, Хан, — с чувством произнесла она. — Ты считаешь себя закаленным, и вполне оправданно... но ты не потерял человечности. Ты не хладнокровный душегуб вроде Шрайка. Если бы ты его застрелили, был бы ничем по лучше его.

Хан повернулся к ней с серьезным, напряженным выражением на лице.

— Верно, — тихо сказал он. — Я, бывает, запутаюсь, а ты все раскладываешь по полочкам... несколькими словами. Ты очень... мудрая... женщина.

Брия не шелохнулась, когда он наклонился и нежно поцеловал ее в щеку. Губы его были теплыми. Он начал отстраняться, но девушка погладила его по лицу.

— Подожди.

Хан повернул голову, и их губы встретились. На вкус они были как морская соль.

Брия закрыла глаза, и время словно остановилось.

Спустя несколько долгих секунд Хан прервал поцелуй. Брия открыла глаза и увидела, что он разглядывает ее.

— Что скажешь? — тихо, с придыханием спросил он. — Все нормально?

Брия сама едва могла отдышаться.

— Даже лучше, — прошептала она, обнимая его за шею, поглаживая нагретые солнцем плечи. Хан тоже обнял ее и крепко прижал к себе. — Гораздо, гораздо лучше...

Теперь она сама поцеловала его, и прошло еще много, много времени, прежде чем они снова вернулись к разговору...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КОРЕЛЛИЮ

Весь следующий день Мрров и Мууургх планировали медовый месяц, а Брия с Ханом готовились к отлету. Прощаясь, Мууургх взял Соло за плечи и встряхнул юношу.

— Я быть... ссскучать по тебе, — сказал тогорианин, все еще запинаясь, но уже гораздо лучше обращаясь с общегалактическим языком. — Должно ли тебе уходить? Ты возлюбить Тогория, ты говорить так. Без тебя мне не находить Мрров никогда. Маркграф вссея Тогории прооссить меня произнести: оссставайссся с Брия тут навечно, мы приглашаем. Ты смочь охотиться ссс нами. Летать на моссгот. Мы быть сссчастливы.

Хан ухмыльнулся:

— И видеть Брию один раз в год? Боюсь, у нас, людей, так не получится. Но за приглашение все равно спасибо. Может, я еще вернусь когда-нибудь, проверю, как вы с Мрров поживаете.

— Хан ссотворить именно так и сскоро!

Как всегда, под давлением эмоций Мууургх напрочь забывал язык. Тогорианин сгреб пилота в охапку и в порыве чувств оторвал от земли. Хан тоже постарался обнять друга, надеясь, что останется в живых. Рядом менее экспансивно, но тоже тепло прощались девушки.

— Ты поборешь тягу к Возрадованию, — убеждала подругу бело-рыжая тогорианка. — Я же сумела. Я тоже долго горевала, я жаждала Возрадования, но прошло много дней, и желание сошло на нет, и теперь оно не властно надо мной. Знаешь, что я сделала? Я разозлилась на работорговцев. Злость стерла желание.

— Хотела бы я быть такой же сильной, как ты.

— Ты сильная, — заверила девушку Мрров. — Просто еще не знаешь об этом.

Хан увел илизианскую яхту в небо Тогории с искренним сожалением.

— Симпатичная планета, — заметил он, обращаясь к Брии, которая сидела рядом в кресле второго пилота. — И народ здесь хороший.

— Да, — согласилась девушка, — к нам они были добры. А вчерашнего дня я никогда не забуду, проживи я хоть сто лет.

Хан улыбнулся:

— Я тоже, солнышко. Всю сознательную жизнь мне хотелось пойти на пляж и вести себя как простой человек. Никаких там афер, и о службе безопасности не нужно думать, и контрабанда

не жжет карман. Спасибо тебе... теперь я знаю, что это такое.

Перед ответной улыбкой он не устоял, наклонился и торопливо чмокнул Брию в щеку.

— Я... это... — Тут Хан смутился, сильно покраснел и смущенно замолчал.

Геройски расправив плечи, он уставился на пульт управления, словно в жизни не видел ничего важнее. Брия молча сидела рядом и пристально наблюдала, как Хан делает вычисления для гиперпространственного прыжка, как вводит координаты в навигационный компьютер. А когда звезды растянулись в длинные белые нити — яхта благополучно ушла в прыжок, — девушка развернула кресло и поймала спутника за руку.

— Ну что же ты замолчал? Продолжай. Ты что-то хотел мне сказать?

Попытка сыграть в невинность с треском провалилась. Хан покраснел еще пуще прежнего.

— Э-э... это ты о чем?

— Ты собирался мне что-то сообщить, а потом вдруг безумно заинтересовался приборами. Видишь, мы уже в гиперпространстве, нечего увиливать, — улыбнулась девушка. — Я жду.

— Да я тут размышлял... вот... о том, что проголодался! Просто умираю от голода! Давай перекусим.

— Мы ели перед отлетом, меньше часа назад, — напомнила Брия, завладела второй его рукой и, сколько бы Хан ни вырывался, отпускать не собиралась. — Признавайся.

— Ну... вот я и говорю, я опять есть хочу!

— Неужели?

— Я... Брия, милая... ну не умею я!

— Ты очень многое умеешь.

— Что, например?

— Ты умеешь летать. Драться. Всех спасать.

— А... ну да. — Хан вновь скосил глаза на девушку, и внезапный прилив отваги мгновенно иссяк. — Брия, я вот тут пытаюсь сказать тебе... сказать, что... — Он откашлялся и уныло подытожил: — И ничего не получается.

— Я знаю.

Брия помолчала, поднесла его ладонь к губам.

— Я знаю, Хан. Я тоже тебя люблю.

Он удивился, перепугался и обрадовался одновременно.

— Правда?

— И давно. Я влюбилась в тебя в трапезной, когда ты не уходил, хотя я все время гнала тебя.

— Правда? А я и не знал, пока... не знаю я, когда понял. А когда выяснил, то струсил, как дурак. Со мной раньше никогда не случалось ничего подобного.

— Ты никого не любил? Или тебя не любили?

— Нет. Дьюланна не считается, она меня правда любила... но это же совсем другое дело!

— Да. — Глаза Брии сияли. — Совсем другое. Надеюсь, мы сможем быть вместе.

Наступила его очередь брать ее за руку.

— Эй! Конечно, мы будем вместе. Я никому не дам разлучить нас, солнышко! Не дождешься!

Хан проложил курс «Талисмана» с таким расчетом, чтобы побыстрее убраться из космоса хаттов, а через три дня, полных блаженного безделья, попасть в Кореллианскую систему. Он намеренно тянул время, не признаваясь, что страшится вернуться на Кореллию и познакомиться с родителями Брии. О «гражданской» жизни он ничего не знал, но пребывал в твердой уверенности, что хлопот и проблем с ней не оберешься.

А еще он знал, что, как только они окажутся на Тралусе, придется быстренько подсуетиться. Он-то давно планировал обзавестись новыми документами, но теперь и Брию разыскивали т'ланда-тиль и хатты, которые знали ее настоящее имя. Поэтому, разжившись кредитами, их следовало тут же потратить на качественные документы для девушки.

А еще Хан хотел дать Брии больше времени на выздоровление. Девушка больше не устраивала истерик, не страдала от панических атак, но все еще изнывала от желания возрадоваться. Несколько раз, проснувшись, Хан не обнаруживал Брии рядом с собой.

Тогда он отправлялся на поиски, которые обычно заканчивались в рубке, где Брия, забравшись в кресло второго пилота, глядела в иллюминатор с таким желанием, что Хан испытывал уколы ревности.

«Почему ей недостаточно меня? Почему нельзя просто взять и любить?» Ему хотелось, чтобы Брия была счастлива и уверена в себе, но он видел, что ничего не получается. Он злился и печалился одновременно.

— Уже десять дней прошло! — пристал Хан к девушке как-то раз. — В чем дело? Я хочу понять, что не так?

Зеленовато-голубые глаза Брии смотрели на него как на пустое место.

— Я не могу объяснить, Хан. Как будто отобрали часть меня.

Я скучаю не по Возрадованию, удовольствию, теплу. Это все в прошлом. Я... — Она замолчала и сникла.

Хан сел в соседнее кресло, взял Брию за руку; ладони у девушки были точно ледышки, и он принялся их отогревать.

— Я здесь, — негромко напомнил он. — И я слушаю.

— И Мрров, и Тероенза... они ошибались, когда утверждали, что только глупцы попадают в ловушку Илизии, — медленно, подбирая каждое слово, заговорила Брия. — О да, многие паломники действительно слабые, неуверенные в себе неудачники. Их единственное желание — сбежать от ответственности. Но далеко не все такие. Я знала многих паломников, Хан.

— Это точно, — поддакнул кореллианин.

— И назвала бы их скорее идеалистами. Наверное, так. Они верят во что-то хорошее, в то, что в их жизни есть смысл. Просто ищут не там, их обманули россказнями о Едином и Всех... Но ведь это не означает, что их стремление верить в высшую силу глупо.

Хан кивнул и тут заметил, что из ее глаз покатились крупные слезы.

— Брия, солнышко... да не терзайся ты так! Подумаешь, оказалась эта вера пустышкой, не жить из-за этого, что ли? У тебя есть я, у меня есть ты, а скоро у нас еще и деньги будут. Все хорошо!

— Хан... — Девушка ласково погладила его по щеке кончиками пальцев. — Ты прагматик до мозга костей. Если в тебя не стреляют и не цепляют лучом захвата, жизнь прекрасна и удивительна, так?

Соло обиделся.

— Может, мне возвышенности не хватает, я, знаешь ли, из простых ребят, но это еще не значит, что пень пнем и не понимаю, о чем ты. Может быть, было бы здорово, если бы существовала эта твоя высшая сила. Мне как-то не довелось в нее поверить. Мне просто больно, когда больно тебе.

Хан... как ты не понимаешь, что ты заботишься и защищаешь лишь одного человека. Себя.

— И тебя, — возразил кореллианин. — И не забывай об этом ни на секунду. Мы в одной связке, солнышко.

— Да, — сказала она, — мы в одной связке. Но мне в жизни нужно не только разжиться деньгами и не попасть под выстрел. Я хочу большего.

— Тебе на каждый чих нужна причина. Жить не можешь, если твои идеалы не воплощаются в жизнь.

— Вот именно, — сказала Брия. — Но я тебя понимаю. Тебя не мучают вопросы о смысле жизни. Возможно, ты очень мудрый

человек, Хан.

— Еще чего? — Соло нахмурился. — Не тупица, это уж точно, но, во всяком случае, и не философ.

— Ну да. Тебя не терзают мысли о несправедливости и разнообразных пороках. Ты принимаешь мир таким, каков он есть, и живешь в нем, не пытаясь его переделать. Верно?

Хан поразмыслил и неохотно кивнул.

— Наверное... может быть, давным-давно я тоже воображал себя этаким героем, который искореняет вселенское зло и драит крупнозернистой наждачкой дюзы плохим парням, по... — он криво усмехнулся, — но я еще толком говорить не научился, а подобные бредни уже выбили из моей головы. Когда живешь по законам Гарриса Шрайка, очень быстро усваиваешь простой и непреложный факт. Никто не будет за тобой присматривать, это — твоя единоличная забота. Высунешься ради кого-то другого, вот тут башку и снесут начисто.

— А как же Дьюланна?

— Так и знал, что ты ее вспомнишь. — Хан машинально взъерошил волосы на макушке и поморщился. — Дьюланна была другая. Ну да, да, она заботилась обо мне, но она — единственная, Брия. Единственная, кого вообще интересовало, жив я или умер. Поневоле заделаешься прагматиком.

— Разумеется, — согласилась девушка. — Это естественно.

— Не обо мне речь, между прочим! Ты говорила, что паломники все как на подбор идеалисты. Ты тоже?

Брия кивнула:

По-моему, да. Всю свою жизнь я хотела большего, лучшего... Например, мечтала сделать Галактику прекраснее, раз уж я в ней живу. Узнав об илизианской религии, я действительно решила, что их вера — именно то, что мне нужно. Что, поверив и сохранив веру, я сумею изменить Вселенную. — Она пожала плечами. — Очевидно, я не там искала.

— Во-во. Но ведь можно верить во что-нибудь другое. Настоящее. Может быть, всего-то и нужно, что отделить ложь от правды.

Брия встала и, наклонившись, поцеловала Хана во взъерошенную макушку.

— Одну правду я знаю, — сказала девушка вскочившему на ноги Соло. — Ты — настоящий. Ты — самый настоящий из всех моих знакомых. Самый живой.

Они поцеловались. Брия положила голову Хану на плечо; так они и стояли в молчании, не желая отодвигаться друг от друга. В конце концов Хан произнес:

— Дьюланна как-то рассказывала, во что она сама верит. Она

называла это жизненной силой и утверждала, будто эта штука распределяется между всеми живыми существами и неживыми тоже. Дьюланна в нее верила. Клялась, что эта самая сила существует на самом деле.

— Может быть, я все перепутала? — улыбнулась Брия. — Наверное, нужно было устроить паломничество на Кашиик.

— Точно! Как-нибудь смотаемся туда при случае. Я бы хотел увидеть эту планету. Дьюланна говорила, что там очень красиво. А живут они там на верхушках деревьев.

— Как здорово... — мечтательно пробормотала Брия. Мы с тобой в лесных кронах... Чем бы мы там занимались целый день?

— Уж придумали бы...

Последовавший поцелуй вышел таким страстным, что в ушах зазвенело, а звезды сами собой закружились в хороводе... Э нет, это не от поцелуя в ушах звенит, это сигнал заработал, сообщает, что яхта выходит из гиперпространства. Хан скривился:

— Вот те на, уже прилетели... Но... потом, солнышко, ладно?

Брия улыбнулась:

— Ловлю тебя на слове.

Хан уже вернулся за пульт и проверял координаты, но урвал секунду, чтобы подарить Брии улыбку, от которой у девушки сладко заныло в груди.

— Жду не дождусь.

«Талисман» совершил посадку на частное поле на Тралусе.

— Какое странное место... — Брия следом за Ханом спустилась по трапу и теперь в изумлении озиралась по сторонам.

Вокруг теснились корабли всех размеров и модификаций, многие лишь чуть-чуть отличались от проржавевшего хлама, другие выглядели совсем новенькими, только-только со стапелей. Правда, кое-что их все же объединяло — ни названий, ни номеров, ничего. Все тщательно стерто лазерными горелками.

— Похоже на кладбище.

— Старые корабли не умирают. Они попадают на стойбище подержанных космических таратаек Правдивого Ториля, — хмыкнул Соло. — Нужна тачка или, наоборот, хочешь от нее избавиться, но не желаешь... э-э... засветиться, то идешь прямиком сюда.

У Брии округлились глаза.

— Так они все краденые?

— По большей части, — беззаботно заметил кореллианин. — Ты, кажется, забыла, что свой мы тоже не покупали.

Девушка скорчила гримаску:

— Все время стараюсь об этом забыть.

Хан оглянулся на крошечную хибару в центре просторного летного поля.

— А вот и Правдивый Ториль собственной персоной.

Хозяином стойбища был дурос, долговязый, тощий, синекожий и абсолютно лысый гуманоид. Если не считать отсутствия носа, что придавало его лицу скорбное выражение, он был очень похож на человека. Хан шагнул вперед, приветственно поднимая ладонь.

— Доброго тебе дня, путешественник Ториль, — сказал он, помня, что дуросы настолько обожают странствовать, что именно так предпочитают себя величать. — Я Кейл д'Тана, очень рад нашей встрече. А это, — продолжал вдохновенно сочинять пилот, — моя спутница Килория м'Вал.

— И я вам рад, — отозвался дурос. — Доброго вам дня, путники. Есть ли у вас часок, чтобы освежиться и поделиться историями?

По всей Галактике не отыскать лучше рассказчиков, чем дуросы, чья идеальная память хранит все когда-либо услышанные ими истории. Большинство из них коллекционируют рассказы, и Ториль не был исключением.

— Мне жаль, — вздохнул Хан. — Мы ужасно спешим. Нам нужно успеть на пассажирский лайнер.

— О, я понимаю, — сокрушенно ответил дурос. — И поскольку вы намерены воспользоваться общественным транспортом, прихожу к выводу, что ко мне вы явились продавать, а не покупать.

— Ты прав, путешественник, — не стал возражать Хан. — И яхта в превосходном состоянии. Очень милая и небольшая. Пара маленьких переделок — и любая обеспеченная семья, которая хочет устроить детишкам незабываемые каникулы, с руками ее оторвет.

— Яхта?

Брии показалось, что Ториль произнес это слово иным, более резким голосом.

— Я взгляну и назову цену, путешественник д'Тана.

Хан проводил покупателя к «Талисману», при виде которого обычно скорбное лицо дуроса вытянулось еще больше.

— Позволь показать тебе корабль. — Хан сделал приглашающий жест в сторону трапа.

— Нет смысла. — Дурос покачал лысой синей головой. — Даю пять тысяч и ни кредитом больше.

Хан онемел, разинув рот и не в состоянии поверить, что ему

только что сделано просто непристойное предложение.

— С ума сошел? — с надеждой полюбопытствовал кореллианин. — Жалкие пять тысяч за такую птичку?! Это же грабеж!

Дурос вежливо поклонился.

— Воистину, путешественник Драйго. — Второй поклон был адресован Брии. — И путешественница Тарен. — Указав на «Талисман», Правдивый Ториль грустно продолжал: — Я согласен, что стыдно предлагать столь убогую цену за прекрасную яхту. Но больше дать я не в силах. Хатты разыскивают этот корабль... очень рьяно ищут. И в придачу к нему хотят видеть одного изобретательного пилота — Викка Драйго, который его угнал.

Хан отвернулся, и Брия заметила, как он одними губами беззвучно произнес едкое ругательство, но стоило пилоту вновь посмотреть на Правдивого Ториля, как хладнокровие вернулось.

— Ясно, — сказал кореллианин. — Пять тысяч? И не больше?

— Да. Но если ты или твоя подруга расскажете свою историю, то меня можно будет убедить немного приподнять цену.

— Прости, дружище, не выйдет. — Хан досадливо сплюнул. — Лады, пять так пять. По рукам. Наличными.

— Только наличными, — согласился дурос.

Тем же днем Джейнил Андрус и его молодая жена Дрея Андрус сели на внутрисистемный пассажирский челнок до Кореллии. Внезапное замужество Брию обеспокоило, пришлось заверять девушку, что в объявлении о розыске говорится о холостых и незамужних. Втайне от подруги Хан боялся не меньше нее, что хатты их выследят, ведь им была известна фамилия девушки. Хотя, скорее всего, хатты не захотят выставлять свои делишки на Илизии на всеобщее обозрение. Оставалось только надеяться, что в открытую их не арестуют. Все равно Хан не собирался задерживаться на Кореллии надолго.

На родную планету они прибыли ранним вечером и пересели на трансконтинентальный челнок до южного материка, где жила семья Таренов. От станции, по словам Брии, до дома можно было добраться пешком. Оба устали, были грязны с ног до головы и не имели никакой возможности переодеться. Единственный рюкзак был набит сокровищами Тероензы.

— Ну? — поинтересовался Хан, переминаясь с ноги на ногу и глядя в окно станции на туманные сумерки. — Что теперь? Найдем тихий уголок и забьемся в него до утра? Или позвоним твоим предкам и порадуем?

— Лучше, наверное, предупредить их, — неуверенно сказала Брия. — Подожди здесь.

Она попросила у станционного смотрителя комлинк и через несколько минут вернулась, окончательно вымотанная. Хан торопливо обнял ее.

— Ну как все прошло?

Брия с трудом улыбнулась.

— Мама чуть в обморок не упала. Потом устроила мне головомойку, — вздохнула девушка. — Она меня любит, знаю, просто она выбрала странный способ демонстрировать свою любовь. Она желает мне только добра... в своем понимании.

Хан согласно кивал и впервые в жизни думал, как ему повезло, что никогда не приходилось иметь дела с родителями.

— Ну что, пойдем?

Брия отрицательно покачала головой:

— Нет, отец заедет за нами. Он вот-вот будет здесь.

Снаружи донесся звук двигателя. Спидер вел приятной наружности солидный мужчина с седыми волосами.

Стоило ребятам подойти, как водитель выскочил из машины и, смеясь и плача одновременно, обнял дочь. Прошло много времени, прежде чем Хана удостоили рукопожатия.

— Рад знакомству, — с чувством сказал мужчина. — Я понял из рассказа Брии, что ты спас ее от... от жуткой участи. Позволь сказать спасибо. Спасибо... э-э?..

— Соло. Можно Хан.

Рука у Тарена была крепкая.

— Прошу, называй тогда и меня по имени. Меня зовут Ренн.

— Хорошо.

Поездка оказалась действительно короткой. Они миновали несколько укрепленных ворот с металлоискателями, спустились по дороге, на которой не было видно ни одного другого дома. С обеих сторон тянулись высокие заборы вроде тех, над которыми Хан привык издеваться в дни воровской юности.

— Не много народа здесь живет, — заметил он.

— О да, эта земля принадлежит нам, — небрежно пояснил Ренн Тарен. — Купил ее несколько лет назад, чтобы отгородиться от соседей. Люблю, знаешь ли, чтобы никто не лез в мою жизнь.

Он свернул на подъездную дорожку, которая привела к очередным укрепленным, но богато украшенным воротам, за которыми Хан увидел дом и, не удержавшись, пробормотал злое проклятие на хаттском. «Брия, детка... почему ты не предупредила, что у твоей семейки хватит денег купить половину Кореллии?»

Дом был огромен, пристройки и башенки, ландшафт им под

стать. По сравнению с особняком Таренов дом Тракана казался жалким шалашом. Брия робко улыбнулась:

Ну... вот мы и дома.

— Угу...

Хан тщательно следил за голосом. Брию и так трясло от волнения, к чему нагружать ее еще и своими проблемами? По крайней мере одно преимущество в богатстве имеется: хатты не осмелятся поднять руку на Брию, пока девчонка живет с родителями. Иначе получится крупный межзвездный скандал, а хатты предпочитают жить без лишнего шума.

Машина еще не остановилась у парадного подъезда, а из дома выбежала женщина в развевающихся одеждах, которые Хан определил одним словом: «богатые».

— Милая! — вскричала женщина и заключила Брию в объятия.

Хан отошел в сторону, чтобы не мешать.

Брат Брии явился домой, когда приветствия, взаимные обвинения, споры и расспросы были в самом разгаре. Хан ухитрился даже вспомнить имя этого парня. Павик, в отличие от сестры, пошел в мать: низкорослый, сухопарый, с темными полосами и зелеными глазами. И этот красавчик, вне всяких сомнений, обожал сестру.

В конце концов Брия сумела улучить момент и со сверкающими глазами подтащила упирающегося Хана знакомиться с семьей.

— Рад встрече, госпожа Тарен. — Соло поспешно вспоминал все, что когда-либо слышал о хороших манерах; очень уж хотелось произвести благоприятное впечатление. — И с тобой, Павик.

Рукопожатие Сэры Тарен было вялым. Женщина изучала нежданное явление, а Хан тем временем утверждался в мнении, что увиденное госпоже Тарен не понравилось. Юный кореллианин безрадостно вздохнул. У него зародилось дурное предчувствие.

— Ну что ж, добро пожаловать, юноша. — Сэра Тарен выжала кислую улыбку. — Давайте же сядем, наконец. Должна признаться, для меня все это настоящее потрясение. Я не думала увидеть свою девочку вновь, о да, не думала. Брия, милочка, как ты могла так жестоко поступить с нами?

Хозяйка дома повела всех в дом, не переставая упрекать дочь. А когда все расселись в гостиной, у кореллианина появилось неодолимое желание вскочить и броситься наутек. «Я здесь лишний. Я это знаю, и все знают».

Он рассердился, а потому с комфортом устроился на горе пуховых диванных подушек и огляделся по сторонам,

наметанным глазом привычно оценивая обстановку и мебель.

— Симпатичная комната, — как бы между прочим обронил пилот.

— Э-э... — протянула Сэра.

— Хан. Зовите меня Хан, госпожа Тарен.

— Всенепременно, — отчеканила женщина. — Я так понимаю, что мы вас обязаны благодарить за возвращение дочери.

Она не отводила взгляда от кобуры. Хан запоздало сообразил, что, как большинство зажиточных горожан, семья Тарен не имела дела с оружием. «Ничего, дамочка, бластера я не сниму ни ради тебя, ни ради кого другого. Так что терпи».

— Я всего лишь старался быть полезным, — вслух произнес пилот. — Но без вашей дочери я бы не справился. Когда хочет, Брия крепкая и сильная. В драке это хорошо.

Кажется, здесь его слова комплиментом не считали, если посмотреть, как хозяйка дома превращается в каменную скульптуру.

— Брия, милочка... — пробормотала женщина и пристально оглядела дочь. — Не хочешь ли ты переодеться? И где ты только раздобыла эти жуткие лохмотья?!

У робота-портного в илизианской колонии, — отрезала девушка, взглядом спрашивая у Хана, выдержит ли он без нее.

Пилот помахал ладонью в ответ. Мол, и не с такими справлялись, полет нормальный.

— Беги, солнышко.

Госпожа Тарен вновь окаменела. Брия лучезарно улыбнулась, окинула семейство полным сомнений взглядом и поспешно удалилась.

— Итак, Хан... — решил поддержать разговор Павик Тарен, — и чем же ты занимаешься?

Вот уж кто лучше бы молчал: при нем Соло чувствовал себя неуютно.

— Да чем придется, — беззаботно откликнулся он. — По большей части летаю.

Во флоте? — оживилась госпожа Тарен. — Так вы на военной службе!

— Не-а. Грузовозы, мэм. Хотя летать могу практически на всем, потому и на Илизию попал, возил там... — Хан заткнулся, впервые за долгое время задумавшись, а не является ли контрабанда спайса уголовно наказуемым деянием, и продолжил: — Груз всякий.

— О-о!.. — протянула госпожа Тарен, не совсем понимая, в чем дело, но ответом явно недовольная. — Как любопытно.

Да, скучать не приходилось, — светским тоном поддакнул Хан.

— Много лет назад я тоже начинал пилотом, — одобрительно сказал Ренн Тарен. — Мне было столько же лет, сколько тебе, Хан. Работал как проклятый, пока не приобрел собственную компанию по перевозкам. Так я заработал первый миллион.

Хан чуть было не поделился с Тареном своими намерениями поступить в военную академию, удержала лишь въевшаяся привычка скрывать любую личную информацию.

— И как было? — спросил он. — Пиратов видели? Тогда их вроде как много было, да?

Ренн Тарен улыбнулся в ответ:

— Случалось пару раз сталкиваться. Полагаю, тебе тоже.

Хан расплылся в широкой ухмылке:

— Было дело. Пару раз.

Сэра Тарен беспокойно переводила взгляд с мужа на гостя.

— О боги! Но это же опасно...

— Такая работа, госпожа Тарен.

— Ах, я забыла про хорошие манеры! Капитан Соло, могу ли я предложить вам выпить? Или вы не откажетесь перекусить?

— От алдераанского эля не откажусь, — ответил Хан. — И лепешек с мясом и сыром, если можно. Мы весь день добирались сюда.

— Я скажу кухарке, — отозвалась госпожа Тарен.

Хан чуть рот не разинул, узнав, что на кухне здесь распоряжался не дроид, а самая настоящая живая селонианка. Это свидетельство благосостояния поразило пилота больше всего.

К тому времени как Брия вернулась, Хан уже уминал за обе щеки лепешки в столовой. Он был так занят, что не сразу заметил подругу, а когда заметил, чуть было не поперхнулся.

Гладкое зеленовато-синее платье в цвет глаз обтягивало Брию во всех нужных местах. И в первый раз за все время их знакомства мягкие золотисто-рыжие локоны девушки были хитроумно уложены. Брия ничем не напоминала размахивающего бластером воришку-неумеху, она словно явилась сюда из какой-то другой галактики. Хорошо, что Танар Тос ее не видит...

— Прекрасно выглядишь, солнышко. Красивое платье.

В одежде — вернее, в ее стоимости — его тоже научили разбираться; по его прикидкам, платье тянуло на недельную зарплату среднего пилота. Хан приуныл. Ее баловали с детства, у нее всегда все было. Как же она собирается жить на офицерский оклад, не говоря о стипендии кадета?

Брия с улыбкой села на соседний стул.

— Мам, а можно я тоже поем? Умираю от голода!

Хан с Брией с чавканьем жевали лепешки, а собравшееся вокруг стола благородное семейство чинно прихлебывало мелкими глоточками кофеиновое вино из хрупких фарфоровых чашечек работы Левьера. Обслуживал их невозмутимый дворецкий-селонианин.

— Итак, капитан Соло... вы кореллианин? — полюбопытствовала госпожа Тарен, приподнимая тонко выщипанную бровь, чтобы подчеркнуть свою уверенность в том, что иначе и быть не могло.

Хан кивнул с набитым ртом, прожевал сыр.

— Да, мэм.

— А вы, случаем, не из Сал-Соло будете? — с надеждой продолжала расспросы Сэра Тарен. — Как я понимаю, у них премилый старый особнячок. Несколько раз я видела их сына, а вот его мать... она такая затворница! Говорят, у нее не все хорошо со здоровьем.

— Нет, госпожа Тарен. Мы не родственники.

— О-о... — разочарованно протянула женщина. — Тогда из какой же вы ветви?

Брия беспокойно заерзала на стуле, только Хан никак не мог взять в толк, что ее встревожило. То ли она чувствовала неудобство за него, то ли из-за него.

— Понятия не имею, госпожа Тарен, — честно сознался он. — Вообще-то, я сирота. Меня нашли торговцы, я болтался в порту. Я тогда был совсем маленьким. Они меня вырастили, а жили мы в основном в космосе.

Ему даже понравилось, как их всех перекосило.

— Странно, — обронил Павик, — у тебя лицо знакомое. Я точно где-то тебя раньше видел. Где-то на пикнике. Да, на вечеринке после гонки.

Не заговори Павик о том пикнике, Хан его и не вспомнил бы. Брат Брии года на два-три был старше и порой участвовал в гонках, но из-за разницы в возрасте они ни разу не попадали в один заезд. Но друг друга не могли не видеть.

Плохо было не это, а то, что во время гонок Хан разыгрывал роль члена «большой дружной семьи», под прикрытием которой Гаррис Шрайк избавлял зажиточных граждан от нажитого добра.

— Извини, я тебя не помню, — спокойно произнес Хан. — Меня несколько лет носило по свету, а пикников с детства не посещал.

— Но я отчетливо помню... — Молодой человек подозрительно сощурился. — Ты стоял, прислонившись к свупу, с тарелкой жареных ребрышек траладона. Я как сейчас это вижу.

— Действительно странно! — Хан с улыбкой откинулся на

спинку кресла. — Вечно попадаю в такую дурацкую ситуацию, всегда мне говорят одно и то же. Должно быть, лицо у меня такое, все время с кем-то путают.

— Тебя ни с кем не перепутаешь, — вмешалась Брия, не понимая, что происходит, но желая сохранить верность. — Как тебя можно забыть, не понимаю. Ты один на весь свет. — Она просияла. — И такой красивый!

Чтобы вежливо улыбнуться собранию, потребовалась парочка глубоких вдохов.

— Спасибо, солнышко, — сказал Хан. — Но ты ошибаешься — таких, как я, пруд пруди.

Брия наконец-то отловила намек и закрыла тему, но ее подозрительный братец продолжал придирчиво разглядывать гостя.

— Что же! — с преувеличенной радостью воскликнула Сэра Тарен. — Уверена, бедные дети притомились! Капитан Соло, я распоряжусь, чтобы Маронеа приготовила для вас гостевую комнату. Брия, дорогая моя, ты, несомненно, захочешь жить, где прежде, у себя. Милая, я там ничего не меняла, ни чуточки! Я верила, что когда-нибудь ты одумаешься и вернешься домой.

— От меня ничего не зависело, мама, — негромко возразила Брия. — На Илизии и шагу свободно нельзя ступить. Тебе не позволят уйти. Кораблей там нет, зато полно вооруженной охраны. Если бы не Хан... я ни за что не сумела бы сбежать.

— О нет!.. — трагически всхлипнула госпожа Тарен. Вид у нее был такой, будто она не знала, чему верить.

У Хана сложилось впечатление, что все понятия об изнанке жизни эта дамочка почерпнула из стереосериалов.

— Это я уже затвердил, — сказал Ренн Тарен. — И никогда не забуду. — Он смотрел Хану прямо в глаза. — Этот молодой человек — герой, и мы, Сэра, должны ему столько, сколько едва ли сумеем выплатить. Если бы не он, мы больше не увидели бы свою дочь. Вероятно, он спас ей жизнь.

— О нет... — повторила госпожа Тарен и принялась заламывать руки; очевидно, представила, что могло стрястись с ее драгоценной дочуркой.

Павик наблюдал за матерью с возрастающим скепсисом. Горничная Маронеа (опять же селонианка) проводила гостя в комнату в дальнем крыле дома. Хан весело подумал, что жилье ему отвели как можно дальше от спальни Брии, зато комнаты ее родителей — всего через две двери. Госпожа Тарен была твердо намерена искоренить в зародыше любую возможность встречи ее дочери с незваным гостем.

Скорей бы продать добро Тероензы и убраться отсюда, думал

юный кореллианин, сбрасывая одежду и растягиваясь на кровати. Папаша Тарен в норме; похоже, раньше был обычным парнем, а вот мамаша и братец...

Он вздохнул и закрыл глаза. По крайней мере, сегодняшней ночью госпоже Тарен нечего бояться, Хан так устал, что думать мог только об отдыхе. Забавно все-таки... пара часов общения с семейкой Брии измотали его больше, чем весь побег с Илизии.

Мама зашла к Брии пожелать доброй ночи и обнять перед сном. Они с дочерью немного поплакали друг у друга на плече.

— Я так рада, что моя малышка вернулась, — прошептала госпожа Тарен. — Девочка моя...

— Дома так хорошо, — совершенно искренне сказала Брия.

Конечно, вечер прошел с натяжками, она ждала другого приема. Но все наладится, обязательно наладится. Хана нельзя не любить. Мама не устоит перед его чарами, поймет, какой он замечательный...

— Этот молодой человек, которого ты привела... — Мама как будто читала ее мысли. — Сразу видно, что вы не просто... друзья, милая. И как далеко... зашло дело?

Брия не дрогнула.

— Я люблю Хана, мама, а он любит меня. Он хочет, чтобы я осталась с ним. О замужестве речи не шло, но я не удивлюсь, если со временем этот вопрос всплывет.

Сэра Тарен втянула воздух, как будто подтвердились ее худшие страхи. Она атаковала, словно голодный врельт: что-то в словах дочери насторожило ее.

— Ясно. Ну, он кажется мне симпатичным юношей, хотя... Какой-то он неотесанный, дорогая моя... Ты говоришь, он хочет, чтобы ты осталась с ним. А что хочешь ты?

Брию душили слезы.

— Мама, я не знаю. Я люблю его, правда люблю, но... мне было очень тяжело. Я выяснила, что все, во что я верила и чему посвятила всю свою жизнь, — обычная ложь. А это больно. У меня как будто забрали часть сердца, мама. А еще я думаю, что не могу ничего обещать Хану, пока я не... целая.

— А он знает о твоих сомнениях? — спросила мама, приглаживая Брии волосы.

А та не могла не заметить, как радостно вспыхнули глаза Сэры Тарен. «Мама не хочет, чтобы мы были вместе, — подумала девушка; сердце заныло. — Это нечестно! Я сомневаюсь не в своих чувствах, я сомневаюсь из-за своего состояния! Но она не понимает... не способна понять».

— Мы говорили об этом, — неохотно призналась Брия, хотя ей не хотелось поверять матери больше, чем уже было сказано. — Я не представляю себе жизни без Хана и намерена сделать все, что в моих силах, чтобы остаться с ним и помочь ему.

Сэра Тарен не успокоилась, но больше ничего не сказала. Брия улеглась в кровать и попыталась уснуть. После жестких коек в дормитории на Илизии и на яхте ее старая кровать казалась верхом роскоши. Хотя было бы много лучше, если бы рядом лежал Хан. Без него кровать была холодной. Брия ворочалась и металась.

Он заслуживает кого-нибудь лучше ее, с грустью размышляла девушка. Того, кто будет с ним на все сто процентов...

Опять почувствовав подступающие слезы, Брия раздраженно ударила кулаком по подушке. «Почему жизнь не может быть легкой? Я нашла парня, которого могу полюбить, который любит меня... почему этого недостаточно?» Но этого и в самом деле было недостаточно. Сидя в темноте своей детской комнаты, Брия призналась себе в этом. И тогда она негромко заплакала над своими невзгодами. Прошло много времени, прежде чем Брия заснула — со слезами на глазах.

На следующее утро сразу после завтрака Хан вышел из дома Таренов и направился на станцию, чтобы доехать до ближайшего крупного города. С собой он нес рюкзак, набитый украденными у Тероензы вещицами. После неудачной продажи «Талисмана» просто необходимо было взять за добычу хорошие деньги. Он сошел с челнока в портовом городе Тирена и заглянул в свою сейфовую ячейку, где хранились «чистые» документы на некоего Дженоса Иданиана и сотни две кредитов, с которыми он сходил в местное отделение Имперского банка и открыл счет, после чего отправился на поиски антикварной лавки, знакомой ему по прошлым визитам в Тирену. С того раза прошло много времени, лавчонка могла и закрыться.

Но нет, она оказалась на месте. Голографическая вывеска отливала молочным призрачным светом на фоне серого каменного фасада. Прижимая рюкзак локтем, Хан шагнул через порог. Где-то в глубине помещения негромко звякнул колокольчик.

За конторкой сидела приказчица-селонианка, но Хан к ней и головы не повернул, а прямиком, насколько это было возможно в захламленной лавчонке, прошел по лабиринту витрин с товарами к дальней стене, на которой висел побитый молью древний гобелен, изображающий основание Республики. Лишь немногие

покупатели знали, что за ним скрывается еще одна дверь. Хан огляделся, чтобы убедиться в отсутствии нежеланных свидетелей, и отстучал на двери определенный ритм. Подождал, когда в ответ раздастся негромкий щелчок электронного замка, и, приподняв пыльный гобелен, скользнул в потайную комнату.

Владелец лавки мог поспорить возрастом с гобеленом, но, несмотря на тщедушное скрюченное тело, сморщенное лицо и клочья грязно-желтых волос на плешивой голове, он был вполне бодр. За пять лет, прошедших с их первой встречи, Галидон, Оканор ничуть не изменился.

— Ах вот хто... — Он беззубо улыбнулся, подняв голову. — А хто шегодня, шынок?

— Дженос Иданиан, папаша, — криво ухмыльнулся кореллианин. — Как поживаешь?

Он любил старого коротышку, который в одно и то же время был уважаемым знатоком, ценителем искусства и оценщиком и скупщиком краденого.

— Ох, не шалуюсь, не шалуюсь, — прошамкал старичок. — Какой мне в том шмышл, пошуди?

Он визгливо захихикал.

— Разумно, — согласился Хан.

Оканор вскарабкался на высокий табурет перед столом, включил специальные лампы, установленные под таким углом, что в их свете становился заметен любой изъян в огранке драгоценного камня или трещинка в статуэтке. Затем указал посетителю на соседний стул:

— Шалишь, шалишь, Дженош Иданиан. Што ты шегодня мне принеш? Чем порадуешь штарика?

— Да уж кое-что отыщется, — сказал Хан. — Но мне нужны деньги сразу за все — и чтобы кредиты немедленно оказались в Имперском банке на Корусанте.

— Ишь какой прыткий! Шлавно, ой шлавно! — порадовался старик, потирая высохшие руки с выступающими венами. — Обышно вкуш тебе не ишменяет, Дженош. Ну давай-ка пошмотрим, што ты принеш мне!

Хан начал выгружать сокровища из рюкзака и выкладывать каждый предмет под свет ламп. Впрочем, одна вещица осталась лежать в рюкзаке — крошечная золотая статуэтка давно вымершего кореллианского паладора с глазами из керальских огнекристаллов. Хану она нравилась больше всего.

У Оканора алчно заблестели глаза, время от времени старик издавал еле слышные охи и ахи, но больше ничем не выдавал интереса. Когда Хан закончил, оценщик внимательно осмотрел каждый предмет, изучал, щурясь, сквозь лупу, ставил обратно на

стол, брал следующий.

— Шамечательно, ай как шамечательно! — в конце концов сообщил он. — Так шлавно, што я намерен нарушить шобштвенное правило и шпрошить, хде, во имя Халактики, ты нашел вше это добро? В мушее? Ты ше шнаешь, мой малыдик, я не одобряю краш иш мушеев.

Хан замотал головой:

— Никаких музеев.

— Шаштная коллекшия? — Оканор выпятил губу. — Шынок, ты меня порашаешь! Наш гипотетишешкий коллекшионер обладает вкушом и вешма рашборшив. А вот в шем он рашборшив, молодой шеловек, так это в шредштвах. Шудя по шпишкам, а у меня хорошая память, так вот, шудя по шпишкам, пошти вше это украли ишшо до тебя.

— Что-то я не удивляюсь, — хмыкнул юный кореллианин. — Ты ведь перепродашь барахло обратно в музей?

— Большую шашть, мой милый малыник, большую шашть, — согласился Оканор.

— Ну вот и лады, — сказал Хан, подумав, как обрадуется такому повороту дел Брия. — Туда им и дорога. Ну так... сколько?

Оканор назвал сумму.

Хан подарил старику взгляд оскорбленной в лучших чувствах невинности и потянулся, чтобы сгрести награбленное обратно в рюкзак.

— В Колене живет один парень, который душу продаст, лишь бы одним глазком полюбоваться на такое богатство. Пойду-ка я лучше к нему, чего я здесь время теряю? — Он взял со стола резной бивень банты с Татуина.

Оканор поспешно назвал другую сумму, повыше. Хан молча принялся складывать товар в рюкзак. Старик вздохнул так, будто этот глоток воздуха был последним в его жизни, и назвал сумму, значительно превышающую предыдущую.

— И больше не дам! — торопливо добавил он.

Хан покачал головой:

— Мне нужно на пять тысяч больше. Как минимум.

Скупщик взялся за сердце, с досадой наблюдая, как исчезают со стола сокровища. Когда Соло взял последнюю фигурку из живого льда, Оканор взвизгнул:

— Нет! Не надо! Ты меня убиваешь! Ты меня рашоришь!!! Дженош, мальшик мой, ты ше меня беш штанов по улише пушкаешь! Как ты мошешь так пошступать шо штариком?

Соло хищно оскалился:

— Легко! Я знаю, что мне нужно, отлично представляю, сколько стоит товар, и меньше не возьму. — Он взглянул старику

прямо в глаза. — Скажу честно, Оканор, я просто не могу взять меньше. Я потрачу эти кредиты на кое-что особенное. Н если все получится, ты меня больше никогда не увидишь. Навяжу напрочь.

Оканор кивнул:

— Ты рашрываешь мне шердше, Иданиан. Я шоглашен.

— Хорошо, — сказал Хан и вынул добычу обратно. Он вышел из лавки с довольной ухмылкой на физиономии, а в потайном кармане лежали документы и банковский аккредитив. Путешествовать юный кореллианин собирался под другим именем, а золотую фигурку паладора — спрятать в только ему известном месте. Никогда не вредно оставить что-нибудь про запас. На всякий случай...

Думая о кредитах Оканора, которые будут ждать его в столице Империи, Хан, посвистывая, шагал к станции.

У ворот особняка Таренов обнаружился небольшой спортивный лендспидер, повисший над вымощенным двором, а в гостиной — молодой человек, с которым беседовали госпожа Тарен и Павик. Увидев Хана, хозяйка дома скисла. Видимо, надеялась, что он уже убежал с фамильным серебром.

— Привет! — сказал Хан. — А где Брия?

Молодой человек оглянулся. Наверное, годом или около того старше Хана, приятный, одет для полуденной партии в мяч.

— Здравствуйте, — сказал он приветливо и протянул руку. — Я Дейл Леваре, а вы...

Он прищурился и, прежде чем Хан успел открыть рот, воскликнул:

— Минуточку! То-то думаю, я видел вас раньше! Таллус Брин, верно?

Пилот так и не придумал проклятия, достойного ситуации, поэтому лишь ухмыльнулся и пожал руку юноши.

— Привет, рад встрече.

— Таллус Брин? — отрывисто переспросил Павик Тарен.

— Но его же... — Сэра Тарен замолчала, когда сын без всяких церемоний и учтивости толкнул ее локтем.

Крепко сжимая ладонь Хана, Дейл Леваре остался единственным, кто пребывал в неведении.

— Такая честь! Я до сих пор помню тот день, когда вы побили рекорд, да еще пролетели сквозь туннель на Столовой горе, а не поверх него! Все считали, что вы человек конченый, но вы им всем нос утерли! — Он повернулся к Павику. — Ты что, не узнал его? И он — новый поклонник Брии? Чемпион всей Кореллии! Ваш рекорд до сих пор не побит, Брин. А можно называть вас по

имени?

— Можно и по имени...

Вот на этот раз врельты на кухне просто кишмя кишат...

Как нельзя кстати вошла Брия. Хан попытался перехватить ее взгляд и предупредить, но все внимание девушки было обращено к новому гостю.

— Дейл! А ты что здесь делаешь?

— Меня пригласила твоя мама. Неплохо выглядишь, Брия. Я так рад, что твои злоключения окончились благополучно, да у тебя еще такое сопровождение! Я хотел пожать атому человеку руку, с тех пор как он выиграл прошлогодний чемпионат по гонкам на свупах.

Брия оглянулась на мать:

— Ты его пригласила, мама? Как мило...

Хан не пропустил металл, зазвеневший в голосе Брии, и виноватое выражение на лице Сэры Тарен. «Ясно, — сердито подумал кореллианин. — Мамочке захотелось, чтобы доченька сравнила меня с богатым отставным женихом и постановила, что я низкопробный шут».

— Ну да, дорогая... Я подумала... а почему бы Дейлу не пересказать тебе последние новости о вашей компании? У него получилось бы лучше, чем у меня, — нервно защебетала Сэра Тарен.

Брия поджала губы и с улыбкой повернулась к бывшему приятелю.

— Очень мило с твоей стороны заскочить к нам. Может быть, как-нибудь пообедаем все вместе. С кем ты нынче встречаешься? — Девушка ненавязчиво подталкивала Дейла к выходу.

Хан улыбнулся про себя. Ловко, девочка, очень ловко.

— С Сулен Белое, — не стал запираться молодой человек. — Она придет в восторг от знакомства с Таллусом. Она с ума сходит по гонкам на свупах.

— Тал... — Брия осеклась и тут же рассмеялась. — О да, она всегда была сорвиголова!

Девушка бросила лукавый взгляд на Хана:

— Придется хорошенько присматривать за тобой, верно, Таллус? Сулен Белое потрясающая девчонка и никогда не могла устоять перед свуперами.

Хан продолжал добродушно улыбаться. Здорово, просто здорово. И чем дальше, тем хуже.

— За нами, гонщиками, нужен глаз да глаз. Мы живем ради риска.

Почти вытолканный за дверь Дейл Леваре расхохотался, будто Хан сказал нечто чрезвычайно умное.

— Я позвоню. Рад знакомству с тобой, Таллус!

— А уж я как рад.

Не забудь позвонить! — Брия захлопнула за бывшим поклонником дверь и прислонилась к ней.

В комнате повисло напряженное молчание.

Хану ни разу не доводилось слышать столь глубокого молчания, даже когда выходил в скафандре в вакуум. Он посмотрел на Брию, на Павика, на Сэру. Все трое мрачно разглядывали его. Хан откашлялся.

— Пойду-ка я пройдусь, — возвестил он. — Глотну свежего воздуха.

И, не встречаясь ни с кем взглядом, он вышел.

Сначала Брии хотелось кричать, затем плакать, но она сдержалась. Ситуация и так была хуже некуда, а истерикой делу не поможешь. Девушка расхаживала по гардеробной комнате своей матери. Павик сидел на кушетке, размахивая руками, и кричал. Мама устроилась в обтянутом розовой парчой кресле, чередуя задушенные восклицания «О нет!» и «Брия, твой брат прав: надо что-то делать».

— Ты же слышала собственными ушами! — вопил Павик. — Он отрицал, что когда-то был гонщиком, он назвался чужим именем! Хан Соло, как же! Кто знает, как его зовут на самом деле?

— Прекрати! — не выдержала Брия. — Это его настоящее имя!

— Тогда почему чемпионом записан Таллус Брин? — язвительно возразил брат. — Не может же он быть двумя разными людьми одновременно? Да пойми же, сестренка, если парень использует чужие имена, то ему есть что скрывать! А ты приводишь в дом этого проходимца, да еще хочешь, чтобы мы встретили его с распростертыми объятиями, потому что ты так сказала?

— О нет! — Сэра Тарен вновь заламывала руки.

Брия закусила губу, чтобы не заорать благим матом.

— И вот еще что, — продолжал Павик. — Я тут порылся в памяти. Таллус Брин — не единственный псевдоним твоего дружка. Тот случай, о котором я говорил, он произошел три года назад. Этот ловкач был тогда подростком, а называли его нее Кейлом Гаррисом. Сын Венадара Гарриса, помните такого? Он еще продавал тем летом акции богатого дюрасплавного рудника на астероиде, а потом выяснилось, что все это сплошное надувательство. Жульничество.

Брия помнила.

— Ну а Хан здесь при чем? Не он же торговал акциями...

Павик воздел руки к потолку.

— Сестричка, ты что, забыла, как родители кое-кого из наших знакомых чуть было не разорились дотла после покупки фальшивых акций? — фыркнул он. — Вся семейка этого Гарриса — шайка жуликов и аферистов. И твой новый дружок — один из них!

— Какой ужас! — вскричала Сэра Тарен. — Нужно что-то делать!

Брат с сестрой привычно не обратили на мать никакого внимания.

— Но Хан был тогда совсем мальчишкой, — с трудом сдерживая слезы, произнесла Брия. — Как он может быть в ответе за то, что делали его родители?

— Нет у него никаких родителей! Он сам говорил!

Брия обожгла брата яростным взглядом.

— А ты не подумал, что он сам мог отказаться от них после той аферы? Павик, Хан — хороший парень. Ему нелегко пришлось в жизни; чтобы выжить, он совершал поступки, которые ему не по вкусу. Но сейчас он переменился, я знаю! Он старается исправиться, а ты ему не даешь даже шанса!

Брат опять презрительно фыркнул.

— Если те люди вообще были ему родителями! — сказал он. — Сестренка, не обманывайся его очаровательной улыбкой! Ну спас он тебя, ну и что? Пойми, этот парень, возможно, закрутил с тобой романчик именно потому, что отлично знает, что у папы куча денег!

— О ужас! — трагическим голосом вставила реплику Сэра Тарен. — Павик, ты хочешь сказать, что этот мальчик — вор?

— Я это уже битый час говорю, мама.

— Я должна пойти проверить, не пропало ли что-нибудь, — выдохнула Сэра Тарен. — О ужас, ужас! Где же мне положить его спать сегодня?

— Мама, этой ночью его здесь не будет, — заявил Павик. — Я позвоню в КорБез. Уверен, Брииного ухажера разыскивают за многие преступления.

— Только попробуй! — взвилась Брия. — Вызовете полицию — я с вами разговаривать перестану! С обоими! Вы ошибаетесь! Он и понятия о вас не имел, когда мы с ним встретились. Я ему ничего не говорила, пока мы не прилетели сюда.

— Больно нужны ему твои рассказы! — засмеялся Павик. — У таких ребят есть свои источники информации. Да он за несколько дней знакомства все разузнал.

— Нет! Не делал он этого!

— Брия... я не пытаюсь его очернить, — сказал брат. — Я хочу, чтобы ты здраво взглянула на происходящее. И не хочу, чтобы тебе было больно. И не хочу, чтобы ты общалась с тем, кто живет по другую сторону закона.

— Хан не такой! — заорала Брия, сделала глубокий вдох и поправилась: — Хорошо, признаю, что в прошлом, возможно, был. Но сейчас он изменился. Он собирается поступать в имперскую академию, хочет стать военным. Почему ты не хочешь понять? Он старается стать другим человеком!

— Это он так говорит, но подобные ему врут почем зря. Все, с меня хватит, я вызываю полицию.

— О ужас!

— Не смей! — Брии захотелось где-нибудь раздобыть бластер.

Палец брата уже нажимал кнопку на комлинке, когда в комнате прозвучал твердый хладнокровный голос:

— Нет, Павик. Я запрещаю.

Трое спорщиков развернулись к дверям.

— Но, папа, ты понятия не имеешь... — начал Павик.

— Ошибаешься, — отрезал Ренн Тарен. — Я был у себя в кабинете и не закрыл дверь. И прослушал весь разговор, который не делает вам чести. И вот что я скажу тебе, сын. Ты не будешь звонить в КорБез.

— Но, Ренн... — подала голос Сэра Тарен.

Супруг заставил ее замолчать одним взглядом.

— Сэра, мне надоело, что ты пользуешься собственной дочерью, чтобы забраться повыше по общественной лестнице.

Брия из дома убежала по большей части из-за тебя. А посему — остановись. Ты меня поняла?

— Ренн! — возмущенно выдохнула хозяйка дома. — Как ты смеешь разговаривать со мной подобным тоном?

— Потому что я сердит, крайне сердит! — рявкнул отец. — Ты что, вдруг ослепла? Не понимаешь, какой опасности подвергалась твоя дочь на Илизии? Так смотри!

Отец за руку подтащил Брию к креслу и сунул ее ладони под нос своей жене.

— Хорошенько смотри! Видишь ее руки? Шрамы видишь? С нашей девочкой дурно обращались, ее сделали рабыней. Она могла погибнуть, Сэра, если бы не Хан. Я благодарен этому мальчику, даже если тебе не хватает порядочности это понять! Он хороший парень, и я говорю, что Брии мог попасться кто-нибудь гораздо хуже.

— Но... — Заламывая руки, госпожа Тарен ударилась в слезы.

— О Брия, милая, твои бедные ручки...

— Ни слова больше, Сэра! Я запрещаю.

Его супруга утонула в розовом кресле и слезах. Ренн Тарен повернулся к сыну, готовый к новой схватке.

— Павик, ты становишься таким же снобом, как твоя мать. От тебя я тоже устал. — Ренн смерил отпрыска взглядом. — Вы рассуждаете о человеке, который рискнул собственной жизнью, чтобы спасти нашу дочь. Хан Соло — честный и порядочный юноша. Он напоминает мне меня самого. И в моем прошлом случались вещи, которыми я не горжусь. Мальчик заслуживает шанса на новую жизнь, а не тюрьмы. Ему нужна паша благодарность, а не звонок в КорБез.

Воцарилась тишина, во время которой Брия, всхлипнув, обняла отца.

— Спасибо!

Хан обошел все имение Таренов и как раз возвращался, когда увидел, что кто-то идет к нему по аллее. Это была Брия, м она волокла внушительных размеров дорожную сумку. Хан посмотрел в лицо девушке и остановился.

— Это что?

— Пошли, — сказала Брия, — пока меня не хватились. Мы уходим. Я не верю Павику, он может позвонить корбезовцам у папы за спиной.

Хан без дальнейших расспросов повернул к станции.

— Ты сбежала тайком?

— Оставила записку. У меня большой опыт. Ты перевел деньги на Корусант?

— Да, без проблем.

Некоторое время они шагали молча.

— Когда-нибудь, — вдруг произнесла Брия, — я захочу узнать всю правду. Ненавижу подобные сюрпризы, Хан.

Он вздохнул:

— Надо было сразу все выложить... Я расскажу. Все. Даю слово. Ну не привык я доверять кому-то!

— Это точно, — сумрачно подтвердила Брия.

— Значит, твой отец заступился за меня? Здорово.

— Папа говорит, что ты напоминаешь его самого в молодости. — Брия слабо улыбнулась. — А я и не знала, что он вел бурную жизнь во Внешнем Кольце.

Хан рассеянно кивнул и протянул руку к сумке.

— Прости меня, а? Можно я понесу?

Ему без возражений уступили ношу.

— Не бери в голову. Все равно глупо было сюда приезжать. — Брия помедлила, но все-таки взяла Хана за руку. — Ну вот, мы опять только вдвоем, ты и я.

Пилот кивнул:

— А мне именно так и нравится, солнышко...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
НА МЕЛИ НА КОРУСАНТЕ

Полет до столицы прошел без неожиданностей. Верный слову, Хан терпеливо излагал подруге историю своей жизни, ничего не утаивая и без прикрас. Ему не хотелось оглашать многие подробности, как и признавать давние грехи, но он был честен. Сначала Хан опасался, что его прошлые художества отпугнут Брию, но та развеяла страхи, заявив, что теперь, когда она знает правду, любит Соло еще больше, чем прежде.

Пятидневный вояж показался им долгим. К тому времени как пассажиров выгрузили на орбитальной пересадочной станции, одной из немногих, которые обслуживали город-планету, Хан порядком заскучал.

На станции путешественникам сообщили, что здесь они пересядут в челноки, а уж те отвезут их в космопорт. Хан удивился, узнав, что на планете практически не найдется свободного клочка земли, на который еще не втиснули небоскреб.

— Незастроенное пространство есть только на площади Монументов, — объяснил им стюард лайнера «Сияние». — Там можно прикоснуться к вершине единственной сохранившейся на планете горы — она возвышается на двадцать метров над поверхностью. Все остальное скрыто зданиями.

Хан пришел к неутешительному выводу, что в столицу свезли дома, небоскребы, башни, площадки, мостики, надстройки, переходы, балконы и террасы со всего света. Одни здания стояли на крышах других, прохожие терялись в колоссальном лабиринте. Город-планета булькал и бурлил, как котел с овощным рагу.

Когда стюард с надеждой спросил, не закончились ли вопросы, Хан немедленно поднял руку.

— Вы говорили, что самые высокие крыши расположены выше километра над уровнем улицы. А что внизу?

Стюард «Сияния» лишь покачал головой:

— Поверьте мне на слово, молодой человек, вам туда точно не захочется. Там никогда не светит солнце. Свежего воздуха там тоже нет, там сложился влажный и весьма нездоровый микроклимат. По стенам течет вонючая жижа. Переулки кишат гранитными червями, дюракритовыми слизнями, теневыми кляпцами... но хуже всех — деградировавшие разумные существа, недостойные даже называться людьми. Эти троглодиты едят падаль и отбросы. Отвратительно!

— Во как! — шепнул Хан на ухо Брии. — Подходящая для

меня компания!

— Прекрати! — зашипела в ответ девушка, давясь смехом. — Вечно хохмишь...

— Что верно, то верно! — самодовольно ухмыльнулся Соло, откидываясь на спинку кресла. — Я просто невозможен. Понятия не имею, как ты со мной ладишь.

— Можно подумать, я знаю! — хмыкнула Брия.

В ожидании транспорта на «поверхность» они пробились к обзорному иллюминатору орбитальной станции и стали смотреть на планету.

— Она сияет, как драгоценный камень, — восторженно прошептала Брия. — Все эти огни внизу...

— Как камень коруска, — уточнил Хан. — Может быть, поэтому ее так и назвали?

Они стояли в очереди на челнок, когда один из служащих заинтересовался бластером Хана.

— Попрошу меня извинить, господин, вам придется сдать оружие. Оружие запрещено к ношению на Корусанте.

Хан долго топтался в нерешительности, затем сдался и со вздохом отстегнул от бедра кобуру, а затем поясной ремень. Обмотав кобуру ремнем, Соло протянул оружие чиновнику и получил в обмен жетон с номером.

— При отлете вручите жетон служащему при посадке на транспорт, — посоветовал чиновник, — и получите оружие назад.

Молодые люди вернулись в очередь. Хан недовольно морщился: правая нога без привычного отягощения ощущалась как-то неправильно.

— Я как будто голый, — жаловался кореллианин. — Знаешь, как в ночном кошмаре, когда являешься на важную встречу и выясняешь, что забыл дома штаны.

Брия захихикала:

— Не знала, что мужчинам снятся подобные сны.

— Бывает, — мрачно вздохнул Хан. — Но у меня не часто.

— Ну, если ни у кого нет оружия, так все на равных, — рассудительно заметила девушка.

Очередь как раз сдвинулась с места, но Хан все равно успел окинуть подругу уничижительным взглядом.

— Солнышко, какая же ты наивная! На этой планете о-го-го какая преступность, и можешь прозакладывать свои прекрасные глазки, что здешний народ вооружен до зубов.

На этот раз уже Брия расточала саркастические взгляды. Хан тем временем застегивал ремень безопасности.

— Тебе-то откуда знать?

— Служба безопасности вооружена же, сама смотри. Я видел

сотрудника безопасности на Алдераане, а вот оружия при нем не было. И можешь поставить на то, что те, за кем они там гоняются, тоже не вооружены. А тут ребята не только с бластерами, но еще и в доспехах. Значит, на то есть причина.

Брия пожала плечами:

— В твоих рассуждениях есть смысл, если подумать.

— Странно будет завтра выйти на улицу без оружия. — Хан с грустью разглядывал штанину.

— Перестань! — Брия дернула его за руку. — Ни на одной планете тебе не позволят войти в банк вооруженным!

Хан искренне удивился:

— Почему? Я же не собираюсь их грабить! Какой смысл? Все равно у них там нет ни кредитных дисков, ни монет, сплошь электронные записи.

Он поскреб подбородок.

— Хорошая система, — задумчиво добавил он. — Не надо тратиться на охрану.

— Уже не важно, бластер все равно у тебя отобрали, — отмахнулась девушка, разглядывая увеличивающуюся за иллюминатором планету-город.

Челнок вот-вот должен был войти в атмосферу.

— Ага... Солнышко, тебе не кажется, что самое время обсудить планы на непредвиденные обстоятельства?

— Зачем? Ждешь неприятностей?

— Не так громко, — шикнул Хан. — Да ничего я не жду. Дело плевое. Дженос Иданиан чист, я пользовался этим именем только для того, чтобы счета открывать. Его и лазером не прошибешь. Но, девочка... Видишь ли, я с детства вызубрил одно правило. Всегда будь готов к неприятностям.

— Ладно, — сдалась Брия. — Давай готовиться. Что ты предлагаешь?

— Мы в большом городе, на большой планете, — заметил кореллианин, как раз когда челнок, вздрогнув, поцеловал верхнюю границу атмосферы. — Если что-то случится, вдруг мы потеряем друг друга... Нам нужно договориться о месте встречи.

— Теперь ты говоришь дело. Где?

— Я знаю только один адрес, — признался Хан. — Да и то потому, что зазубрил его давным-давно. Бар под названием «Жаркий паук», там я встречаюсь с Ниси-спецом.

Говорил пилот негромко, очень... но не совсем. Шепот привлекает внимание, это он тоже выяснил очень давно. А до негромкой беседы никому нет дела.

— Это парень, который обеспечивает нуждающийся народ документами, к которым даже им перцы не могут придраться? —

блеснула познаниями Брия.

— Ну да. У него свои ребята в конторах, на самом деле занимающихся выдачей ИД. Высший сорт, поверь мне. А сам Ниси-спец ошивается в «Жарком пауке». Ясно?

— Ниси-спец. «Жаркий паук», — повторила девушка. — А где это?

— Уровень сто тридцать два, мегаквартал семнадцать, пятый квартал, подквартал двенадцать, — отбарабанил Хан. — Запомни хорошенько. Это не планета, а натуральный лабиринт.

Шевеля губами, Брия повторяла и повторяла адрес, пока с уверенностью не возвестила:

— Запомнила.

— Умница моя.

На «поверхности» — посадочной платформы на крыше одного из небоскребов — Хан оставил их скудный багаж под охраной Брии, а сам совершил вылазку в автоматизированный туристический центр, чтобы раздобыть карту и разузнать, где найти недорогую комнату. Им требовалось где-то жить, пока он готовится к экзаменам. Вернулся он вместе с небольшим — с ладонь — дешевым навигатором.

— И сколько он стоит? — сурово поинтересовалась Брия; деньги, оставшиеся после продажи илизианской яхты, таяли, как лед на солнце.

— Двадцатку, — беспечно отмахнулся Соло. — Я решил, что в этом кошмаре, называемом столицей, чересчур легко заблудиться. А тут смотри какая красота! Вводишь адрес и...

Прищурившись, он принялся нажимать кнопки.

— ...восемьдесят шестой уровень, мегаквартал четыре, второй квартал, подквартал тринадцать...

— Это еще что за зверь?

— Наше сегодняшнее пристанище, — пояснил Хан, не поднимая головы. — И... вот!

На крохотный экран выползли указания.

— Спуститься на турболифте на шестнадцатый уровень, — прочитал Хан и огляделся. — Где лифт? Ага, вот он.

Парочка направилась по указателю. Кабина пришла в движение, Брия охнула. Они падали... падали!..

— Почти как в космосе, — храбро успокоил подругу Соло, который сам чувствовал себя нехорошо. — Свободное падение называется.

— Мой желудок его не одобряет! — выдавила Брия. — Ни свободного, никакого!

К счастью, когда они выбрались на свободу, девушка была всего лишь бледно-зеленого оттенка.

— Теперь отыщем четвертый мегаквартал, — бубнил Хан, который вновь уткнулся в свою новую игрушку. — А потом опять вниз...

Брия затравленно озиралась по сторонам и думала о разыгрывающейся клаустрофобии. Повсюду нависали здания, такие высокие, что приходилось запрокидывать голову, чтобы увидеть верхние этажи. Их плоские крыши иногда соединялись, образуя платформу — такую же, где они сейчас оказались. Площадку, где их высадил челнок, заливал яркий, пусть и холодный, дневной свет, здесь же царил теплый влажный полумрак. В каньонах из дюракрита и транспаристали не чувствовалось ни ветерка. Брия слышала далекое ворчание грома, но вниз не долетело ни единой капли; девушка не знала даже, где проходит гроза — выше или ниже их уровня.

На равных промежутках в поверхности под ногами были пробиты не огороженные ничем дыры. В сотне метров от них по границе мостовой шла прерывистая отметка. Похоже, центральная улица находилась гораздо ниже. Брия заглянула в воздушную шахту и тут же отшатнулась, осела на пермакрит, цепляясь руками за поверхность. Никто не спешил ей на помощь, Хан смотрел в другую сторону, и Брия на четвереньках подползла к краю. Если не стоять, может, головокружение будет слабее?

Шахта уходила вниз... далеко вниз... вниз... Брия вообразила, как падает в бездонную пропасть, беспомощно кувыркаясь и переворачиваясь. Ей стало и страшно, и весело. Если перегнуться еще дальше, совсем чуть-чуть, то она упадет. Без всяких усилий. Даже прыгать не надо, надо просто наклониться... и больше никогда не думать о Возрадовании. Освободиться от боли, от ломки. Стать свободной.

Бездна притягивала и отталкивала одновременно, Брия нагнулась...

— Ты что это творишь, а?

За плечо ухватила рука, дернула назад, подальше от провала в никуда. Брия зачарованно подняла голову и встретилась взглядом с удивленным и рассерженным кореллианином.

— Брия, солнышко! Ты что, сдурела?

Девушка прижала ладонь ко лбу, потерла, прогоняя дурноту.

— Я... я не знаю, Хан. Я так странно себя чувствую...

Перед ее глазами плясали черные точки.

Хан заставил Брию нагнуть голову, почти зажать между колен, затем опустился рядом на колени. Он гладил девушку по волосам, обнимал, шептал разные глупости, пока Брия не перестала дрожать.

— Ну-ну, милая, что ты? Все хорошо...

Наконец тошнота и головокружение отступили.

— Я не знаю, что со мной было, Хан, — повторила девушка. — Такое странное ощущение... я чуть не упала!

— Ничего себе «чуть»! — возмутился Соло. — Это называется боязнь высоты, солнышко. Я уже видел такое раньше, в космосе. Народ смотрел «вниз» и срывался с нарезки. Пойдем. Я узнал, куда нам идти. Вон туда, к горизонтальному туннелю.

Но даже в туннеле Брия не рискнула оторваться от Хана; дрожь отпускала, но как-то неохотно и медленно.

— А тебя высота не беспокоит? Эта планета... она подавляет меня. Изумляет, но и подавляет тоже.

— Я вырос в космосе, забыла? — напомнил девушке Соло. — Там боязни высоты или клаустрофобии не место. Я давным-давно приспособился. Но ты выросла на Кореллии, там всегда небо над головой. Вот и чудишь.

— Я могу не смотреть под ноги, — предложила Брия.

— Умница.

Еще несколько спусков на турболифте, и путешествие окончилось в крохотном общежитии, где, расставшись с кредитами из стремительно уменьшающегося запаса, парочка заполучила комнату.

— Когда ты собираешься забрать деньги из банка? — поинтересовалась Брия, с усталым вздохом растягиваясь на кровати.

— Завтра утром. Солнышко, ты плохо выглядишь. Хочешь, я принесу еды и мы пораньше уляжемся спать?

— А ты разве не хочешь осмотреть достопримечательности? — полюбопытствовала Брия, а про себя подумала, что предложение Хана привлекает ее гораздо больше.

— Еще будет время. Сейчас я хочу поесть и выспаться. Ну, может, еще посмотреть местные имперские новости.

— Как скажешь. — Брия с трудом подавила зевок. — Мне нравится твой план.

На следующее утро Брия жевала печенье и пила стим-чай, а Хан собирался в банк.

— Вернусь через час или около того, — пообещал он. — Как только получу деньги, мы пойдем и отыщем бар, о котором я тебе рассказывал. Как он называется?

— «Жаркий паук», — послушно отчеканила его спутница.

— А где это?

Девушка процитировала адрес по памяти.

— Молодец, — одобрил Хан. — Если я потеряюсь, найдешь

меня там.

Она хихикнула:

— Где сложнее прокладывать курс — здесь или в космосе?

— Здесь. — Кореллианин чмокнул Брию в переносицу. — Скоро вернусь.

— Значит, скоро увидимся.

Весело помахав на прощание рукой, Хан испарился. Брия допила стим-чай и улеглась обратно в постель. Может, еще поспать? Девушка свернулась клубочком.

Центральный банк на Корусанте занимал три уровня чудовищного небоскреба в верхней части города. Хан опасливо заглянул внутрь. Огромный вестибюль, весь — дымчатый глассин, черный дюракрит, мрамор и отполированная транспаристаль.

Сделав глубокий вдох и отчаянно скучая по бластеру, кореллианин вошел в банк и промаршировал к высокой, надраенной до зеркального блеска стойке. В старом летном комбинезоне и не менее дряхлой кожанке со споротыми эмблемами Хан и выглядел, и чувствовал себя не в своей тарелке среди опрятных горожан.

Но чем неуклюже он себя чувствовал, тем больше наглел.

Несколько минут его как следует промариновали, но в конце концов подошла и его очередь. Клерк оказалась молода и красива, но вид имела профессионально-безразличный... до тех пор, пока Хан не выдал ей свою коронную кривоватую ухмылку. Девушка растаяла.

— Доброе утро, — сказал кореллианин. — Я тут открыл счет, когда собирался сюда лететь. Очень хотелось бы снять с него деньги.

— Вы хотите закрыть счет?

— Нуда.

— Могу я взглянуть на вашу ИД-карту? — поинтересовалась девушка. — Мы переведем деньги на нее, и тогда вы сможете получить их в любом банкомате на Корусанте или любой планете системы. Вам подходят наши условия, сэр...

Хан толкнул по гладкой поверхности стойки небольшой кусочек пластика.

— ...мистер Иданиан?

— Сойдет, — небрежно бросил кореллианин, в зародыше давя страстное желание потребовать наличку.

Выкинь он подобный фокус, мгновенно возбудил бы подозрения.

Девушка-клерк сунула карточку в щель сканера и едва

заметно шевельнула бровью. Должно быть, посмотрела на размер счета. Что, съела? Не ожидала, что у обычного парня может быть столько денег?

Я не могу выдать такую сумму без одобрения начальника. Если вы согласитесь еще немного подождать, я получу разрешение и переведу деньги на вашу карту.

Ну что оставалось делать, кроме как ответить:

— Ну ладно.

Пришлось подавить еще одно желание: переминаясь с ноги па ногу, осмотреться по сторонам, чтобы выяснить расположение охранников и камер наблюдения.

«Не пыли, — сказал он себе, — знал же, что с такими деньгами не шутят. По крайней мере, теперь ты наверняка знаешь, что Оканор перевел всю сумму, ничего не зажал».

Служащая тем временем переговорила с рослым грузным человеком в шикарном деловом костюме. Мужчина кивнул, взял ИД-карту и вместе с ней подошел к Хану.

— Дженос Иданиан? — вежливо осведомился он.

У него было розовое полнощекое личико, водянистые голубые глаза и обширная лысина в редеющем венчике белых волос.

— Меня зовут Парк Юген Планк, я менеджер банка. Я дам разрешение на операцию, но прежде я хотел бы провести дополнительную идентификацию. Чистая формальность, не более. — Толстяк вежливо улыбнулся. — Боюсь, финансовые учреждения связаны строгими правилами. Не пройдете ли в мой кабинет?

Он указывал на отгороженный дымчатыми глассиновыми стенами закуток. По спине Хана поползли ледяные мурашки, но внутри полупрозрачного куба никого не было, да и вокруг охранников не наблюдалось.

Без проблем, — согласился кореллианин. — Но я, вообще-то, спешу; надеюсь, проверка не затянется?

— Всего лишь на секундочку, — заверил его Планк, жестом предлагая Соло идти вперед.

Хан уверенно прошел в кабинет, хотя с большим удовольствием со всех ног ломанулся бы на выход. Гигантский стол со столешницей из черного мрамора подавил его воображение; на одном углу стояла ультрамодерновая икебана из черных лоркадей, в центре — планшет со стилусом. Еще из мебели наличествовали два кресла для посетителей и дорогое кресло хозяина кабинета, обшитое опять-таки черной клонированной кожей.

— Прошу садиться, мистер Иданиан.

Хан так и поступил.

— А теперь, если вы предоставите мне еще какой-нибудь документ, я его просканирую и все разрешится, к всеобщему удовлетворению.

Соло без колебаний достал вторую идентификационную карту, но ход управляющего оценил по достоинству.

«Даю два кредита, я влип, что-то у меня дурное предчувствие...»

Планк взял ИД-карту, сунул в сканер.

— О нет, — вздохнул управляющий без удивления и сожаления. — Боюсь, у нас возникла проблема. Мне приказано заморозить ваш счет. Я не могу выдать вам деньги.

Хан подскочил как ужаленный:

— Это еще почему? Я же... да что, во имя Галактики, происходит?

Планк равнодушно покачал головой:

— Молодой человек, мне известно лишь, что в наш банк обратился инспектор КорБеза Хэл Хорн. Существует подозрение, что на ваш счет зачислены деньги, полученные незаконным путем, поэтому он заморожен до окончания расследования кореллианскими и имперскими службами безопасности.

Хан не стал сотрясать воздух жалобами, он просто направился к выходу. Грудь сдавило, как будто он попал в перегрузку. Нет, не может быть, чтобы так...

До массивной двери из дымчатого глассина оставался метр, когда раздался отчетливый громкий щелчок.

Прошу прощения, мистер Иданиан. Мне искренне жаль, но мне посоветовали задержать вас до прибытия сотрудника имперской службы безопасности, — радостно сообщил Планк, словно ему выпал редкий шанс покрыть себя славой. — Сядьте.

Хан повернулся и смерил толстяка взглядом. Управляющий вкрадчиво улыбался, круглые розовые щеки делали его похожим на веселого духа из детской сказки.

— А еще я вызываю охранника. Он подойдет в любую минуту. Прошу вас... ждать ареста в кресле намного комфортнее.

Вот тут кореллианин разозлился, а уж злость разбудила в нем силы, о которых он и не подозревал.

— Только через мой труп! — рявкнул Хан, одним прыжком перемахивая через стол и прихватывая по дороге стилус.

Врезавшись в остолбеневшего от акробатических талантов посетителя управляющего, Соло уселся на него верхом и приставил острие стилуса за мочку пухленького розового уха Планка.

— Шевельнешься, — процедил молодой человек, — и эта штука пройдет между черепом и челюстью прямиком тебе в мозг.

Если таковой у тебя имеется. Ну так как, есть он у тебя или нет?

— Е-есть...

— Так воспользуйся им! Я уже злой, не усугубляй, понял?

Хан почувствовал под ладонью, как дернулся кадык толстяка. Управляющий сглотнул, голос его был сиплый и пронзительный от страха.

— Да...

— Вот и умница, — одобрительно сказал кореллианин. — Л теперь я намерен тебя отпустить, а ты собираешься сидеть тихо и смирно в этом симпатичном креслице. А еще ты собираешься впустить охранника, когда он сюда заявится, как будто все в порядке... понял?

— Да...

Опять-таки умница.

Планк выполнил все, что от него потребовали, и двигался при этом на редкость осторожно. Хан опустился на корточки позади кресла; теперь острое стило щекотало управляющему бок.

— Поверь мне, Планк, — доверительно сказал кореллианин, — один хороший удар по почке — и больно станет так, что ты сам себе не позавидуешь. Можно даже умереть. Хочешь попробовать?

— Н-нет...

— Вот и я не хочу. Так, охрана на подходе. Впускай его.

Замок щелкнул, вошел охранник. В ту же секунду Хан распрямился, приставив острие стилуса к горлу управляющего.

— Просвети-ка его!

— Не двигайтесь, пожалуйста, — отчаянно забормотал Планк. — Иначе он меня убьет!

— Вот именно. — Кореллианин хищно оскалился. — И мне это очень понравится. А теперь делай, что скажу, если хочешь пересчитать следующую получку. Клади бластер на стол. Медленно... понял?

— Слушаюсь, — отозвался охранник.

Лет ему было предостаточно, а при мысли о действиях по охране порядка более решительных, чем внушительно стоять у колонны с бластером на поясе, он был готов обмочить форменные брюки.

Медленно, стараясь не делать лишних телодвижений, бравый страж достал оружие из кобуры и положил на мраморную столешницу. Свободной рукой Хан дотянулся до бластера.

— А теперь — под стол. И не вылезай, пока не скажу.

— Слушаюсь.

Не выпуская толстяка из объятий, Хан приставил к его виску дуло бластера.

— А теперь мы пойдем погуляем, — сухо сказал он. — Мы,

неторопливо и приятно беседуя, выйдем отсюда и направимся к турболифту. А там, если ты, Планк, будешь хорошим банковским управляющим, я тебя отпущу. Понял меня?

— Д-да...

— Вот и славно.

Они успели отшагать половину зала, когда наконец-то кто-то заметил, что происходит что-то из ряда вон выходящее.

Один из посетителей порадовал слух диким воплем, второй протестующе заверещал, но первое место заслуженно досталось толстой даме за феноменальный по высоте визг.

Хан прицелился в потолок и спустил курок. Вниз посыпались горящие обломки.

— Всем лечь! — заорал пилот.

Мог и поберечь горло, все мирные граждане и без того разлеглись на дорогом ковре.

— Ну что скажешь, Планк? Неторопливо и мило, как договаривались, да?

У турболифта Хан приотпустил бедолагу-управляющего, готовый отпихнуть старика в сторону и нырнуть в кабину. Что он будет делать потом, кореллианин думать отказывался. Всему свое время, твердил он сам себе, всему свое время...

Бдительности он не терял, а потому заметил взвод штурмовиков раньше, чем солдаты увидели его. Хан крепче прижал к себе Планка, а чтобы тот не вздумал его покинуть, опять приставил к голове толстяка бластер.

— Не стреляйте! — залепетал Планк, как только штурмовики вскинули карабины. — Это я вас вызвал! Я — управляющий этого банка!

Хан пятился к турболифту, волоча за собой ополоумевшего толстяка. Быстрый взгляд на табло показал: кабинка уже в пути на этот уровень.

— Он уходит! — раздался возмущенный крик в стане штурмовиков.

Соло потел и был готов выскочить из кожи вон. Но он просто стоял и ждал, прячась за управляющим и благодаря судьбу, что Планк нашел себе крутые бока.

За спиной он услышал звук открывающихся дверей.

— Не дайте ему уйти! Огонь! — заорал командир взвода.

Шипение выстрелов и визг Планка слились в один звук.

Хан прыгнул назад, по-прежнему волоча за собой управляющего; от запаха горелой плоти кореллианина чуть не стошнило. Но он все-таки успел выстрелить, пока закрывалась дверца кабины, а затем ударил кулаком по самой нижней кнопке на панели.

Высокоскоростной турболифт валуном ухнул вниз.

Хватая ртом воздух, Хан ухитрился с трудом встать на ноги. Одного взгляда хватило, чтобы понять: Планк мертв. Плохо. А ведь он правда отпустил бы пухлого управляющего, если бы солдаты не устроили заварушку...

В ушах больно щекотало. Соло поспешно нашарил в кармане навигатор и ввел свои координаты. Если эта дешевая игрушка не сломалась, лифт унесет его вниз на сто пятьдесят этажей, а там нужно будет пересесть на другой.

Он выскочил из кабинки, как только открылись двери. Тело Планка он заранее уложил в самом темном углу, чтобы не было видно снаружи, а бластер спрятал во внутренний карман кожанки, хотя по-прежнему сжимал рукоять, готовый вынуть оружие в любую секунду.

Его взгляду предстала мирная, почти идиллическая сцена. По мосткам и переходам между зданиями прогуливались горожане, где-то неподалеку играла музыка.

Шагая прочь, Хан поглядывал на карту. Здесь направо...

А вот и турболифт. Проходим мимо, слишком уж очевидно. Лучше уехать через горизонтальный туннель в следующий мегаквартал. А вот там уже спуститься ниже, на этот раз на две сотни уровней.

Здесь улицы были грязнее. Хан искал следующий лифт, тщательно следя за тем, чтобы поворачивать самым случайным образом. Опять вниз. Пилот был уже на пять сотен этажей ниже. Горы мусора стали выше. Сзади пристроилась компания сопляков, вообразивших себя мужчинами.

— Не надо, — предупредил их кореллианин.

— Не надо? — передразнил его рослый темнокожий парень с гривой сальных черных волос. — О-о, папочка испугался? Папочка уделает все подштанники с перепугу, когда мы закончим.

В полумраке закоулка как-то очень уж знакомо блеснули шесть виброклинков. Хан горько вздохнул и вытащил из-за пазухи бластер. Банда испарилась в таком темпе, будто их расхватали и унесли нетопырки. Соло подождал, не убирая оружия, но никто из детишек не рискнул вернуться. Кое-кто из случайных прохожих украдкой покосился на него и заспешил по своим делам, храня на физиономии выражение: «Кто? Я? Я ничего не видел!»

Сунув бластер под куртку, Хан потрусил по полутемной улочке к очередному турболифту.

Еще сотня этажей. И еще одна. Портативная карта здесь — бесполезный хлам. Вот забрался... Хан зашел в кабину горизонтального туннеля, воняющую телами людей, гуманоидов

и инородцев.

Восемьсот... восемьсот пятьдесят.

Теперь улицы освещались лишь случайными бликами из воздушных шахт и тусклыми фонарями на обшарпанных стенах. Под ногами чавкала дурно пахнущая вязкая жидкость. Подножия зданий густо заросли грибами, капал ядовитый дождь.

Горожан видно не было, если не считать за таковых мелькающие тени, слишком неуловимые для опознания. Некоторых Хан принял за инородцев и не удивился, встретив их на такой глубине. Император то ли не умел, то ли не хотел скрывать нелюбовь и недоверие ко всем, кто не принадлежал к роду человеческому.

Тысяча уровней. Тысяча сто...

Хан отправился на поиски еще одного — и желательно работающего — лифта и ничего не нашел. Зато нашел лестницу, уходящую вниз... и вниз...

Теперь он спустился почти на тысячу двести этажей — наверное, километра на четыре ниже уровня, где располагался банк.

Хан запыхался, хотя и шел вниз. Воздух здесь был тяжелый, спертый и влажный, как в заброшенной шахте.

Погони не видно, не слышно. Оторвался. Кореллианин бесцельно побрел по улице. Краем глаза он заметил нечто, которое само горбилось, как животное, вынужденное, но не привыкшее ходить на задних лапах. Рваные лохмотья почти не скрывали белесой кожи, испещренной шрамами и язвами. Тварь ощерила пасть, среди грязных спутанных волос блеснули пеньки сгнивших зубов.

Хан так и не сумел решить, человек ли это и было ли оно когда-то таковым.

Существо попятилось, зашипев, точно разозленный врельт, и убежало. Порой оно опускалось на четвереньки.

Кореллианин вытащил бластер и демонстративно заткнул за пояс, чтобы все видели. Пилот решил положиться на только что родившуюся (пусть явно недоношенную) надежду, что вид оружия отпугнет друзей и родственников только что виденной твари.

Соло встретил их чуть позже, они что-то рвали на части, сидя на корточках в грязном проулке, и отправляли куски в испачканные красным рты. Хан выстрелил несколько раз поверх их голов. Твари бросились наутек.

Кореллианин не рискнул подойти и взглянуть на их добычу; его и так чуть было не стошнило, когда он увидел человеческие ребра, которые торчали из растерзанной груди трупа. Приспешники Зендора, да что же это за место такое?!

Ноги словно налились свинцом. Хронометра при Хане не было, поэтому, останавливаясь под шахтой воздуховода, пилот запрокинул голову и разглядел далеко-далеко квадратик бледного неба.

Сумерки. Когда доберется до места, совсем стемнеет... Впервые за много часов он вспомнил о Брии и обрадовался, что не потащил ее вместе с собой в банк. Она наверняка волнуется, совсем извелась. Хан обнаружил лестницу и с тяжелым вздохом начал взбираться по ступенькам.

К тому времени как он очутился на уровне, где обнаружились такие роскошества, как городские парки и, самое главное, парковые скамейки, на которые можно было сесть и отдохнуть, ноги кореллианина сводило судорогой, а сам он дрожал от изнеможения. Хан рухнул на первую попавшуюся лавочку и впервые задал себе вопрос, что же ему теперь делать.

Он так устал и пал духом, что мысли, вместо того чтобы течь своей чередой, крутились словно мячик внутри бочки, пущенной вниз по склону горы. «Думай, — приказал себе Хан. — В таком виде к Брии ты не вернешься».

Но, несмотря на все усилия, решение объявляться не спешило. Пилот встал и нога за ногу побрел к ближайшему турболифту, чувствуя себя одной из тех одичавших тварей, которых только что встретил... только человекообразной.

Проверив навигатор, он выяснил, что тот, к счастью, вновь наработал. Так, а какой адрес он оставлял Брии?

Сто тридцать второй уровень, семнадцатый мегаквартал, пятый квартал, двенадцатый подквартал... Хан поднимался все выше и выше, местность становилась все более приветливой, и желудок кореллианина громко бурчал, когда до пилота доносились соблазнительные запахи из кафе и ресторанов.

Вывеска в виде огромного, сочащегося ядом деваронского мохнатого паука освещала ночь в неряшливом районе на границе с анклавом инородцев. Зверь был зеленым, паутина, с которой он свисал, алой, цветовое сочетание — кошмарным. «Жаркий паук», ну наконец-то... Здесь было шумно и небезопасно, многие прохожие душу продали (или забрали чужую) за выпивку и наркотики. В темноте переулка тускло блеснула зажигалка, пыхнули голубоватые искры — кто-то активировал дозу глиттерстима.

Хан постоял напротив входа в бар; он понятия не имел, ждет ли его Брия внутри или снаружи, но надеялся, что у нее хватит ума не соваться в одиночку. А вдруг она решила самостоятельно договориться с Ниси-спецом? Хан вздохнул, обтер ладонью потное лицо; голова кружилась от усталости, жажды и голода.

Пока он там топтался, кто-то схватил его за руку. Хан крутанулся на месте, рука нырнула за пазуху, где был спрятан бластер...

— Солнышко! — выдохнул кореллианин, сгреб девушку в объятия и прижал к себе так крепко, что спустя мгновение Брия начала вырываться.

Она пахла так хорошо...

— Хан! Я дышать не могу!

Он слегка ослабил хватку, стоял, покачиваясь, на одном месте. Брия смела с его лба челку, озабоченно заглянула в глаза:

— Хан, что стряслось?

В горле стоял комок, пилот даже испугался, что опозорится и расплачется как малолетка. Потому он сделал глубокий вдох, качнул головой и сказал:

— Не здесь. Давай где-нибудь спокойно перекусим, а то у меня топливо на исходе.

Через полчаса они заперлись в отдельном номере сомнительной репутации ночлежки. Хану доводилось бывать в местах и похуже, а вот Брия изо всех сил делала вид, будто ее не шокируют грязь, вонь и насекомые. У кореллианина разрывалось сердце, он утешал себя тем, что заведение было дешевое и вроде бы безопасное.

Первым делом Соло тщательно помыл посуду и выпил несколько стаканов воды. В голове еще все плыло, но запах еды, которую они принесли с собой, оживил пилота. Хан уселся на расшатанную кровать, Брия пристроилась рядом, они ели по очереди, передавая друг другу пластиковый контейнер.

Еда придала сил измотанному кореллианину. Хан проглотил последний кусок и теперь сидел, пустыми глазами уставившись на подругу и не зная, с чего начать.

— Расскажи мне все-все, — сказала девушка. — Я по твоему лицу вижу, что дело плохо. Ты не получил денег, так?

Хан покачал головой, а потом медленно, запинаясь, рассказал все дневные приключения. Глаза Брии наполнились слезами. В конце концов Хан замолчал... а может, просто иссяк.

— И я вернулся, — скомканно завершил он повествование; в горле опять запершило. — Вот и все... Идти больше некуда. Ничего не могу придумать, разве что... Может, потратим оставшиеся деньги и улетим отсюда? Можно найти работу. Я всегда могу получить место пилота, я знаю, что могу.

Он закрыл лицо руками.

— Солнышко... это я во всем виноват. Надо было сообразить, что хатты провернут обширный поиск и наткнутся на отпечаток моей сетчатки. И выяснят все мои имена. Я-то считал себя шибко

умным, а на самом деле, Брия, я тупой как полено...

Обняв девушку, Хан положил голову ей на плечо.

— Сможешь меня простить?

Брия поцеловала его в лоб.

— Мне не за что тебя прощать, — шепнула она. — Ты ни в чем не виноват. Вспомни: если бы не ты, меня бы сейчас передавали от одного штурмовика другому в армейском борделе. Никогда об этом не забывай, Хан. Ты — мой герой. Ты — мой спаситель, я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. — Он заглянул ей в глаза. — Раньше не получалось сказать... но вот так уж вышло. Я тебя люблю.

По щеке девушки скатилась прозрачная слезинка. Хан стер каплю кончиком пальца.

— Не плачь, а то я тоже разревусь. Очень хочется, но я вот что придумал. Давай уберемся с этого вонючего камешка и начнем работать. Жизнь наладится... — Он замялся, а потом выпалил единым духом: — Можем даже пожениться, милая. Если хочешь.

Брию тронуло предложение, но соглашаться она не спешила.

— А как же твои мечты? Не отказывайся от них, мы же в двух шагах от цели. Что-нибудь придумаем! Эй, ты же собирался служить в имперском флоте, помнишь?

Наступила его очередь качать головой.

— Больше нет. Все, забыли про армию. Придумаю что-ни-будь еще, найдутся и другие занятия.

Брия все-таки расплакалась, и не на шутку.

— Хан, я не перенесу, я не могу, когда тебе больно!

Я в порядке, — соврал он.

Подождал немного, когда она выплачется у него на груди.

— Сегодня с нами ничего не случится, — пообещал Соло. — А завтра хорошенько поработаем головами.

Брия вдруг принялась целовать его в губы, подбородок, щеки — отчаянные торопливые поцелуи, больше напоминающие укусы. Хан запустил пальцы в густые волосы девушки, завладел ее устами, как будто одно лишь прикосновение к Брии было лекарством. Третьесортная конура растворилась.

В предрассветных сумерках на планете, где время суток не имело значения для тех, кто не вел обеспеченную солидную жизнь на верхних уровнях города, в неряшливой душеной комнатке с потрескавшимся кафелем сидела Брия Тарен. В руках она держала стилус и листок флимси, а на полу лежала куча денег.

Из спальни доносилось негромкое похрапывание Хана, он так вымотался, что даже не пошевелился, когда Брия поднялась с кровати и вышла, не проснулся, когда несколько часов спустя она вернулась.

А теперь девушка сражалась с флимси и стилусом, то и дело останавливаясь, чтобы вытереть слезы, туманившие ей глаза так, что писать становилось невозможно. Шесть-семь раз Брия очищала лист и все начинала сначала, но время утекало, а когда Хан проснется, ее тут быть не должно. Если он застанет ее, она ни за что не сумеет уйти.

Поэтому Брия вновь совершала трусливый поступок. В горле застрял комок, девушка прижала ладони к груди. Она чувствовала почти физическую боль. Интересно, может ли у нее остановиться сердце? Брия покачала головой и приказала себе не тратить времени. «Мне так жаль, — написала она. — Пожалуйста, извини меня...»

Сегодня ночью она впервые осознала, что, если они останутся вместе, Хану придется распроститься с мечтой. Брия тащила его на дно вместе с собой, но не хотела этого признавать. Но вчера она видела боль в его глазах, слышала, как прерывается его голос, и сдалась.

Поэтому и выскользнула из ночлежки, отыскала бар, хозяин которого разрешил ей воспользоваться кабиной связи, и позвонила отцу. Куча денег на полу душевой появилась именно в результате их разговора. Ренн Тарен был человеком, который знает, как делаются подобные дела, и не тратит времени впустую. Деньги передал деловой партнер Тарена, который вручил Брии кредиты, отмахнулся от благодарности и удалился в ночь, донельзя довольный, что может поскорее убраться из открытой всю ночь грязной таверны.

Во время короткого разговора отец предупредил Брию, чтобы та не вздумала возвращаться домой. Еще он сказал, что вскоре после их побега в особняк Таренов заявились следователи из КорБеза и начали расспрашивать о девушке.

— Я ничего им не сказал. Твой брат и твоя мать не разговаривают со мной, потому что я на месяц лишил их денег на расходы, хотя они поклялись, что не звонили в КорБез. Будь осторожна, моя дорогая.

— Буду, папа, — пообещала девушка. — Я люблю тебя. Спасибо...

«И ему я сделала больно. Почему я всегда причиняю боль и страдания тем, кого больше всех люблю?»

Ее переполняло отчаяние, но Брия запретила себе впадать и уныние. Она должна бросить Хана — если любит его. Больше она

ничего не может для него сделать. Будь сильной. Крепче сжав в пальцах стилус, Брия опять вытерла слезы и заставила себя дописать самое трудное письмо в своей жизни.

Еще не открыв глаза, Хан понял, что случилось что-то непоправимое. В комнате было тихо, абсолютно тихо.

— Брия? — окликнул он.

Где же она? Соскользнув с кровати, пилот натянул комбинезон.

— Брия, солнышко!

Ответа он не получил.

Хан перевел дыхание и скомандовал бешено колотящемуся сердцу утихомириться. Наверное, вышла за завтраком... Л что, вполне разумное предположение в сложившихся обстоятельствах. Но что-то подсказывало, что он ошибается. Хан поддернул застежку комбинезона, потянулся за курткой и только тогда заметил, что исчез вещмешок Брии.

И что из кармана его кожанки выглядывает уголок чего-то белого. Хан дернул за него и вытянул конверт, туго набитый купюрами высокого достоинства. Плюс записка.

Записка на измятом, но сложенном в несколько раз клочке флимси. Кореллианин закрыл глаза, стиснув листок в кулаке. Прошла, наверное, целая минута, прежде чем Хан заставил себя открыть глаза и прочитать:

«Мой милый Хан, ты не заслуживаешь такого обращения, п все, что я могу сказать: прости меня. Я люблю тебя, но не могу остаться...»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ИЗ ОГНЯ ДА В...

Первая мысль была такая: «Она вернется». Вторая: «Я ее никогда не увижу». Хан озирался по сторонам, потому что, если бы остался стоять столбом, его разорвало бы в клочья.

С проклятием он швырнул в стенку куртку, следом отправил сдернутые с кровати подушки. Мало... Интересно, может, это он так сходит с ума?

В голове не умещалось ни единой мысли, и очень хотелось выть от боли и злости — громко, в голос, как вуки. Он и взвыл. Схватил колченогий табурет, потому что кровать поднять не сумел, и изо всех сил метнул в дверь. Из-за стены послышалось громкое пожелание соседу засунуть голову ранкору в зад. Целехонький табурет валялся на полу, двери — тоже хоть бы хны.

Хан бросился на кровать и некоторое время бездумно лежал, закрыв голову руками. Боль приходила и отступала, точно волна плескалась о берег. В груди ныло так, что само дыхание причиняло боль. Облегчение пришло, когда все тело словно онемело.

И почему-то так ему было хуже всего...

Потом — спустя очень длительное время — Хан сообразил, что не дочитал письма. Кроме целой кучи денег, от Брии ничего больше не осталось, разве что этот клочок флимси, по~ этому пилот заставил себя подняться и при тусклом свете разобрать корявые строчки.

Мой милый Хан, ты не заслуживаешь такого обращения, и все, что я могу сказать: прости меня. Я люблю тебя, но не могу остаться.

Каждый день я спрашиваю себя, не хочу ли я бросить все и первым же кораблем улететь на Илизию. Боюсь, что мне не хватит сил сопротивляться... но я должна. Должна признать, что подсела на Возрадование и надо бороться с зависимостью. А для этого мне потребуются все силы — если я хочу победить. Ты был моей опорой, я черпала у тебя силы, но так плохо для нас обоих. Чтобы -сдать экзамены и поступить в академию, тебе тоже нужны силы.

Прошу, не отказывайся от своей мечты, Хан. Воспользуйся деньгами, которые лежат в конверте. Отец отдал их нам, потому что ты ему правишься и потому что он благодарен тебе. Он, как и я, знает, что ты спас мне жизнь. Прими его дар, пожалуйста. Мы

с ним желаем тебе удачи на экзаменах.

Я многому научилась у тебя. Любви, верности и отваге. А еще я научилась, как разыскать тех, кто поможет мне подделать документы, так что не трудись, не ищи меня. Я ухожу и намерена победить свой порок. Даже если победа будет стоить мне последних сил.

Ты всю жизнь был свободен, Хан. И ты очень сильный. Я завидую тебе. Когда-нибудь я тоже обрету свободу. И силу.

И тогда, возможно, мы встретимся вновь.

Пожалуйста, не питай ко мне слишком много ненависти. Хотя не стану тебя винить, если ты не захочешь меня больше видеть. Прошу тебя, не забывай, что отныне и навеки я всегда буду любить тебя...

Твоя Брия

Хан дочитал письмо до последней строчки, каждое слово выжигалось в голове, словно его записывали там лазерным резаком. Потом он начал читать сначала, стараясь оттянуть мгновение, когда опять нужно будет думать и чувствовать. Пока он разбирает почерк Брии, она как будто здесь, рядом, и исчезнет, как только Хан перестанет читать. Но в третий раз, сколько он ни прищуривался, не разобрал ни слова. Они почему-то расплывались.

— Солнышко... — прошептал кореллианин, горло сжималось, так что он с трудом выталкивал слова. — Не надо было тебе... мы же были в одной связке, помнишь?

Он задрожал, как больной лихорадкой, сообразив, что сказал «были». Хан встал и принялся расхаживать из угла в угол... из угла в угол... из угла... Движение вроде бы помогло, по приступы злости и раздражения сменялись приступами такого глубокого горя, что Хан предпочел бы сойти с ума.

«Она соврала. Никогда она меня не любила. Богатая девочка, высокомерная зазнайка, просто развлекалась со скуки... Воспользовалась мной, чтобы спастись, и бросила, когда надоел. Ненавижу ее... — Хан взвыл. — Нет, это я вру. Я ее люблю. Ну как она могла? Говорила, что любит меня. Лгунья! Лгунья?.. Нет, она говорила всерьез. Ей было больно... Да, ей было больно. — Хан вспомнил, как ночами слышал ее плач, как обнимал, старался утешить. — Но... почему, солнышко? Я же старался помочь. Тебе нельзя быть одной, тебе надо было остаться. У нас бы все получилось...»

А потом пришел страх. А вдруг она не выдержала и вернулась на Илизию? Хан не питал иллюзий, он абсолютно точно знал, как в таком случае поступит Тероенза. Т'ланда-тиль не способны на

жалость и сострадание. Верховный жрец прикажет убить Брию на месте. Хан озирался по сторонам и ничего не видел. Эту ночь они с Брией провели здесь, в жалкой нищенской комнатке, лежали в обнимку. Брия жадно прижималась к нему; теперь ясно, с чего вдруг такая ненасытная страсть... Брия знала, что обнимает его в последний раз.

Хан замотал головой. Как могло все перемениться за какие-то пару часов?

«Поверни время вспять, — подсказал детский внутренний голос. — Пусть будет тогда, не сейчас. Сейчас мне не нравится. Хочу, чтобы было тогда...»

Глупо, да? Хан перевел дыхание, звук был хриплый, горло саднило. Кореллианин всхлипнул.

Все, он больше не в силах оставаться здесь, разглядывать плесневелые стены. Запихав нехитрое имущество в небольшой вещмешок, а пачки кредитов предусмотрительно распределив по внутренним карманам, Хан надел старую, видавшую виды кожанку и сунул за пазуху бластер.

А затем прошел по коридору, где через одну не работали лампы, мимо неряшливой женщины за конторкой. И не остановился...

Он ходил целый день, бродил, затерявшись в толпе, по этому сомнительному району, где располагался квартал красных фонарей, а за поворотом начинался очередной анклав инородцев. Есть не хотелось, сама мысль о еде вызывала тошноту. Бластер оттягивал карман. Хан даже надеялся, что кто-нибудь из местных сорвиголов попытается ограбить его и тогда появится веская причина для хорошей драки. Кореллианину хотелось изувечить, убить, уничтожить что-нибудь. Или кого-нибудь.

Но никому не было до него дела. А может, от него исходило невидимое излучение, язык его тела предупреждал окружающих: «Руки прочь! Не суйтесь ко мне!»

Разум продолжал быть не в ладу с сердцем, то перетягивая канат, то отпуская. Хан прокручивал в голове все, что они делали и говорили. Где он ошибся? Что сделал не так? Кто же Брия — прекрасная, попавшая в беду, но достойная девушка, которая сражается с пагубным пристрастием, или испорченная, бессердечная, черствая богатенькая любительница жестоких игр? Любила ли она его хоть немного?

В минуту просветления Соло обнаружил, что стоит на углу между двумя высоченными кучами битого камня, сжимает в кулаке листок флимси и в мигающем свете вывески дешевого борделя пытается разобрать, что написано в записке. Хан моргнул. Дождь, что ли?.. Лицо почему-то было мокрым.

Он запрокинул голову к небу, но, разумеется, не было там никакого неба, только очередная платформа между крышами. Хан поднял к глазам ладонь. Никакого дождя, ни капли.

Сложив листок, он спрятал записку в карман, чтобы не поддаться искушению и не разорвать ее на клочки. Что-то подсказывало, что потом он будет раскаиваться.

«Где бы она ни была, мы не вместе. — Хан расправил плечи. — Она ушла и не вернется, поэтому соберись. Завтра первым же делом — к Ниси-спецу в бар „Жаркий паук“...»

Тут он сообразил, что на дворе глубокая ночь, а по улицам он шатается то ли двенадцать, то ли пятнадцать часов. К счастью, в этом районе нашлись заведения, открытые круглосуточно. Надо было поесть и немного поспать, а то с голода и усталости голова шла кругом. Соло захромал туда, откуда пришел. Он как будто ступал по раскаленному песку, подошвы стерлись и покрылись волдырями.

Хорошо, что болят ноги, можно отвлечься.

Отныне и навсегда он сам по себе, размышлял кореллианин, останавливаясь и разглядывая сквозь воздуховодную шахту далекий кусочек неба. На черном фоне подмигивала единственная звезда, хотя возможно, то была космическая станция. Мысль приобрела силу клятвы. «Больше никто. Больше никто меня не волнует. И никого к себе не подпущу. Плевать мне, симпатичная девочка или уродина, умница или нет... Ни подруга, ни возлюбленная — никто не стоит боли. Отныне и навсегда — только я. Соло». Сумрачная, горьковатая ирония собственного имени заставила Хана усмехнуться. С нынешнего мгновения имя соответствовало его сути. Он теперь такой, как его называют.

Соло. Отныне и навсегда. Галактика и все остальные могут отправляться в тартарары. Он — Соло отныне и вовеки.

Следы детской мягкости стерлись с его лица, во взгляде появилась непривычная жестокость, новообретенный холодок. Хан шагал сквозь ночную тьму, печатая шаг по пермакриту, прочному, как оболочка, за которую спряталось его сердце.

Неделей позже Хан Соло так же уверенно вошел в зал приема документов имперской космической академии. Здание было высоким, расположено на верхнем уровне, массивное, солидное и тихое.

Даже от неяркого солнца Хан помаргивал и щурился. Он давно не видел дневного света, а все еще чувствительные глаза легко раздражались. Он только что успешно доказал, что можно изменить отпечаток сетчатки, но приятным переживанием эту

операцию не назовешь. Пришлось пройти через лазерную хирургию и клеточное восстановление, затем целый день провести в бакта-камере и еще три дня носить бакта-визор, лежа в небольшой комнатке позади «клиники» Ниси.

Вынужденное бездействие Хан обратил себе на пользу, прослушав курс истории и литературы для подготовки к экзаменам. Соло не питал ни малейших иллюзий по поводу собственных, в лучшем случае обрывочных, знаний.

Ниси-спец честно заработал каждый кредит из запредельного гонорара. В базе данных существовал некий Хан Соло, отпечаток его сетчатки и прочие идентификационные признаки. Большую часть шрамов кореллианин приобрел недавно, их умело нанесли ему медицинские дроиды Ниси. А старые Хан попросил убрать.

И этот новый Хан Соло имел на руках документы, неотличимые от тех, которыми владели все законопослушные граждане. Впервые за долгое время он был «чист». Никто не разыскивал его ни за какие прегрешения. Больше не надо было воровато озираться или пытаться отрастить глаза на затылке. Не надо было постоянно высматривать металлический блеск оружия. При громких неожиданных звуках кореллианин все еще вздрагивал, но лишь по привычке.

Хан Соло был теперь обычным гражданином, а не беглым преступником.

Документы Викка Драйго и Дженоса Иданиана остались лежать в бумажнике, дожидаясь удобного случая, когда от них избавятся. Физиономия Хана не появлялась в базах данных и на объявлениях с припиской «разыскивается», и промашка вышла только с отпечатком сетчатки. А сейчас и о ней все сведения были стерты.

Поднимаясь по каменным ступеням, Хан не испытывал сомнений. Он подошел к офицеру-вербовщику и вежливо улыбнулся:

— Здрасте... Меня зовут Хан Соло, и я хотел бы подать документы в академию. Всегда хотел служить во флоте.

Клерк в ответ не улыбнулся, но был учтив.

— Могу ли я взглянуть на них, мистер Соло?

— А как же!

Хан положил ИД на стол перед вербовщиком.

— Мне потребуется некоторое время. Попрошу вас сесть.

Кореллианин послушно отыскал стул; поджилки у него тряслись, хотя Соло и понимал, что бояться нечего. Кредиты Ренна Тарена свое дело знали... Через несколько минут офицер вернул ему документы и даже выжал из себя подобие улыбки.

— Все в порядке, Соло. Можете сегодня же заполнить анкету

и приступить к первоначальному тестированию. Вам известно, что отсеивается более половины кандидатов? А еще половина из принятых в академию не заканчивают обучения?

— Так точно, сэр, известно. Но я рискну. Я хороший пилот.

— Императору нужны хорошие пилоты. — На этот раз офицер улыбнулся вполне искренне. — Ну что ж, тогда начнем...

Следующая неделя превратилась в сплошной кошмар. Первый этап представлял собой медосмотр — гораздо более тщательный, чем Хану приходилось проходить раньше. Медицинские дроиды тыкали и ударяли его в такие места, что кореллианин с трудом подавлял желание пнуть их в ответ. Но Хан стоически перенес осмотры.

Во время проверки зрения он трясся от страха, но дроид-хирург Ниси оказался на высоте. Военные медики не обнаружили ничего необычного. Медосмотр Хан прошел под победную барабанную дробь. Реакция и рефлексы у него оказались на зависть многим.

А потом началось самое трудное.

День заднем понемногу уменьшающуюся группу кандидатов поодиночке загоняли в экзаменационные комнаты, в которых специальный дроид задавал вопросы, записывал ответы, вносил баллы в постоянно обновляемую ведомость успеваемости. Каждый вечер Хан возвращался в дешевую каморку в очередной ночлежке и валился без сил на кровать, но и во сне видел экзамены.

«Кадет-кандидат Соло, сейчас вам продемонстрируют четыре различных боевых доспеха. Который из них использовался в мандалорской армии в последнее столетие?»

Или: «Кадет-кандидат Соло, в каком году наш великий Император возглавил Сенат? Какие исторические события предшествовали его избранию?»

Или: «Кадет-кандидат Соло, если звездный разрушитель типа „Победа" уйдет от Центра Империи в такое-то время, неся указанные на экране такое-то вооружение, груз и войска, какой курс и вектор входа в систему Дейдалон обеспечат оптимальный расход топлива? Какой курс и вектор сближения обеспечат наивысшую скорость? Подтвердите ответы вычислениями».

Или: «Кадет-кандидат Соло, какая битва Нулианского кризиса повлекла за собой освобождение Ботанского сектора? Когда она состоялась?»

Хуже всего давались корреллианину вопросы по культуре. Из каждого кадета собирались сделать офицера, «белую кость», и

поэтому от них требовались некоторые познания в области искусства.

Хан обливался потом при вопросах вроде следующего: «Кадет-кандидат Соло, я поставлю вам три музыкальных фрагмента — все с разных планет. Назовите эти планеты».

По иронии судьбы Хан как рыба в воде плавал в вопросах живописи, но не в заданиях по музыке. Юные годы, посвященные грабежу и воровству, подковали кореллианина по истории искусства. Современное искусство тоже не было обойдено стороной. Когда после трех дней нескончаемых экзаменов Соло отыскал свое имя в списке на видеотабло в приемном зале, то не знал, изумляться тому или дико радоваться. Потом он сдался и испытал оба чувства.

Последние два дня были посвящены полетам. Вот тут Хан дал себе волю. Кандидатов вывезли с планеты и рассовали по ближайшим военным базам, хотя самые сложные тесты проводили на самом Корусанте. Каждый день кандидаты практиковались в различных ситуациях. Хан прошел все задания играючи; правда, без скандала не обошлось. Кто-то из приемной комиссии (на этой стадии кадетов гоняли инструктора из плоти и крови, а не дроиды) в беседе с коллегами кисло потребовал, чтобы «этому сумасшедшему не засчитали самое короткое время, потраченное на маршрут», так как никакими правилами не указано, чтобы кадет-кандидат проводил челнок сквозь Триумфальную арку, вместо того чтобы пролететь над ней.

— Он перепугал гражданских! Мы уже получили сотни жалоб!

Старший инструктор остановил на подчиненном скучающий взгляд:

— Кто-нибудь пострадал?

— Никак нет, сэр.

— Значит, результат засчитан. А штафирок не грех пугать время от времени. Неплохо разгоняет жирок, — постановил старший инструктор.

Хан благоразумно не поделился ни с кем, что подслушал этот разговор.

Да, за полеты он не волновался, но вот по остальным предметам Хан едва тянул.

Несколько раз против его имени появлялся минус, что означало: если он все-таки сдаст экзамены и поступит в академию, ему придется заниматься дополнительно по этим предметам. Соло не слишком удивился, обнаружив в этом перечне музыку, древнюю дореспубликанскую историю, квантовую физику и нелинейную гиперпространственную

геометрию. Каждый вечер он засиживался за учебниками далеко за полночь и засыпал под звуки очередного урока. Но вообще-то, Хан ничего не имел против снов об экзаменах.

Потому что иначе он видел сны о Брии.

И в один прекрасный день Хан остановился перед табло и стал разыскивать свое имя в списке отчисленных кандидатов. И не нашел. Не смея надеяться, с колотящимся сердцем кореллианин просмотрел второй список — на противоположной стене, с заголовком «Зачисленные кандидаты».

Хан Соло.

Вот оно, его имя, начертано светящимися буквами. Кореллианин разглядывал их, не способный ни думать, ни поверить собственным глазам. Но имя значилось в списке. Хан битый час слонялся по залу, сделал еще три подхода к табло, и всякий раз оно оказывалось на месте. И в конце концов Соло позволил себе радостно прошептать: «Есть!» — и триумфально сжать кулак.

Хан спустился по лестнице и вышел на площадь; ледяной-вечерний ветерок показался ему прохладной освежающей водой.

Это дело нужно обмыть, постановил кореллианин.

Он позволил себе плотный обед в дорогом ресторане верхнего уровня неподалеку от приемного зала. Хан заказал медальоны из нерфа в пикантном редоровом соусе с жареными клубнями и салатом из разных овощей. Запивал еду алдераанским элем и прихлебывал его не торопясь, с наслаждением. Обедая, Хан разглядывал дорогой интерьер, изящные скульптуры из металла и живого льда, слушал негромкое джизз-трио, наблюдал за официантами-людьми. За соседним столиком расположились привлекательные женщины в красивых вечерних платьях и в сопровождении высокопоставленных офицеров. Хан поднял бокал, чокнулся с воздухом и прошептал:

— У меня получилось, Брия. Как жаль, что тебя здесь нет, солнышко. Без тебя праздник не в радость...

Без колебаний и сожалений расплатившись по счету, Хан вышел из ресторана и пересек широкую площадь. Защитный купол высоко над головой сдерживал ветер, так что новоиспеченному курсанту было даже тепло — если не останавливаться. Но Хан все равно поплотнее запахнул куртку. Вокруг поднимались шпили и крыши зданий: площадь располагалась чуть-чуть ниже самого верхнего уровня этой части Корусанта. Длинные винтовые дорожки вели еще на один этаж, туда же можно было добраться и на лифте.

Спрятавшись от яркого моря огней, Хан прислонился к

перилам и постарался разглядеть звезды. Одну-две — самые яркие — увидеть удалось, но не более. Красные и зеленые сполохи мерцали по всему горизонту, словно намалеванные на черном фоне безумным художником-великаном. Захватывающее получилось зрелище.

«У меня получилось!»

Хан улыбнулся...

И застыл на месте, когда нечто твердое, небольшое и, похоже, круглое ткнулось в спину. Дуло бластера. Голос, который Хан узнал сразу же, хотя прошло почти что пять месяцев с тех пор, как он слышал его в последний раз, игриво произнес:

— Эй, парень, рад тебя видеть. Должен признать, не так-то легко тебя разыскать.

Этого не может быть. Не сейчас! Это нечестно! За спиной добродушно хмыкнули.

— Почему бы тебе не повернуться, малой, только очень медленно, без рывков. Поговорим лицом к лицу.

Что было делать? Хан так и поступил. Владелец «Удачи Торговца» сменил прежний нелепый мундир с побрякушками па потертый кожаный жилет, штаны и узкую рубаху из шерсти алдераанских нерфов, но в остальном Гаррис Шрайк выглядел точь-в-точь как в ту ночь, когда Хан оставил его лежать на палубе.

Нет... что-то все-таки изменилось. Он не сразу сообразил, что разглядывает Шрайка сверху вниз. «Это не он, это я изменился. Я теперь выше ростом...»

Шрайк придирчиво осмотрел беглого подчиненного.

— Какой милый мальчик, — хмыкнул он. — Жаль, что ты не можешь вернуться со мной на «Удачу» и наши девочки тебя не увидят. Ты стал бы у них настоящим любимчиком.

К Хану наконец-то вернулся дар речи.

— Что тебе нужно, Гаррис?

— Вот как? Теперь я уже Гаррис, да? Решил, что ты мне ровня, сосунок?

Шрайк влепил Хану звонкую оплеуху, а стоило тому попытаться дать сдачи, как ему под ребра угрожающе ткнули бластером. Соло молча вытер кровь с разбитой губы.

— Ты не ровня мне, не забывай. Ты сейчас для меня — большая куча звонкой монеты, которую хатты обещают отвалить тому, кто привезет к ним Викка Драйго.

— Хатты ищут меня? — полюбопытствовал Хан, оттягивая время.

— Они ищут Драйго, а еще они хотят видеть Дженоса Иданиана, малой. Но ты же у нас теперь Хан Соло, да? А я единственный во всей Галактике знаю, что Хан Соло еще и

Драйго, и все остальные ребята. Поэтому когда я увидел сообщение о розыске, то сразу подумал, что пора поискать тебя. Слишком много денег на кону.

— Ясно.

Шрайк отвесил ему еще одну затрещину.

— Ничего тебе не ясно, сынок. Тебе не ясно, что дела на «Удаче» в последнее время шли худо. Тебе не ясно, что Ларрад так и не оправился после того, как эта твоя вуки отделала его. Нам пригодились бы деньги от хаттов, весьма пригодились бы.

— Да ну? — переспросил Хан. — А еще мне не ясно, как моя поимка переменит твою удачу. Ну поймал ты меня, что дальше? Шел бы ты лучше на Гаморр навоз разгребать. И я боюсь, Гаррис, что не смогу поучаствовать в твоей затее...

Он все понижал и понижал голос, Шрайк бессознательно наклонился к нему...

...и тут Хан с диким воплем бросился на противника. Рукой — заблокировать встречный удар, коленом — двинуть в пах, а когда враг с хрюканьем согнулся пополам — крепко двинуть в челюсть. Капитан лег.

Шрайк даже бластер выронил и сейчас шарил ладонью в поисках оружия. Хан ногой отбросил бластер в черную угловатую тень, а затем, перепрыгнув через Шрайка, устремился к мосткам на соседнюю крышу, где можно было спрятаться, а если повезет, прыгнуть в турболифт или горизонтальный путепровод.

Он не верил, что действительно сумел уложить Шрайка в бою. Он рос в страхе перед раздражительным капитаном и его увесистыми кулаками.

До мостков Хан добрался, он бежал так, что обогнал бы корабль на полном ходу. Наверху кореллианин нерешительно оглянулся. Две небольшие луны Корусанта превращали крышу в нереальный мир, раскидав повсюду двойные тени. Цветов было всего три: ослепительно-белый, призрачно-серый и непроницаемый, глухой черный.

Хан решил в пользу турболифта и уже мчался к нему, когда призрачный трехцветный мир посетила четвертая краска: ярко-голубая. Концентрированные кольца парализующего излучения. Стреляли от дверей лифта. Бластер стоял на оглушении, удивился Хан, меняя прямой курс на зигзаг. Шрайк? Когда это он успел?

Еще один выстрел.

Хан бежал по крыше как врельт, ему в жизни не приходилось так усердно работать ногами. Он отыскал другую кабинку турболифта, дверь была открыта... а внутри стоял Шрайк — черный плоский силуэт с бластером в руке.

Хан затормозил и опять сменил направление.

Не по-онял! А кто же тогда стрелял раньше?

Но он был слишком занят, чтобы размышлять над этой загадкой; насущнее было как можно быстрее пересечь крышу. Бластер в руках Шрайка плюнул ярко-голубыми огнями. Самый верхний уровень предназначался разве что для любезничающих парочек, яркое освещение тут не предусматривалось. Лишь две небольшие луны разгоняли мрак.

Дыхание срывалось с губ струйками пара, Хан рысью мчался по крыше, бодро перемахивая через низкие перегородки и люки воздуховодов. Из пермакрита то тут, то там поднимались шпили, как гротескные вечнозеленые растения. Хан обогнул один из них, поскользнувшись на инее. Наверху, за пределами купола, было холодно, даже здесь старая кожанка не спасала.

— Стой или подпалю тебе задницу! — заорал позади Гаррис Шрайк, вновь разгоняя ночную тьму выстрелом.

Хан поднажал, чувствуя себя загнанным, отчаявшимся спастись животным. Осмелившись бросить короткий взгляд через плечо, он увидел силуэт преследователя. И еще один парализующий луч.

Соло увеличил скорость... лишь для того, чтобы проборoздить каблуками по крыше и остановиться, балансируя на краю обрыва.

Замахав руками, точно ветряная мельница, Хан откинулся назад, на спину. Он мельком увидел ярко освещенную площадь десятью этажами ниже и ресторан, в котором только что пообедал. Сквозь мерцание защитного поля можно было разглядеть изящные скульптуры, экзотические цветы и клумбы...

Обед случился, наверное, целую жизнь тому назад. Хан свернул направо и побежал — ноги скользнули по инею дальше, увернувшись от очередного выстрела. Он хватал широко раскрытым ртом морозный воздух, в груди пекло.

Кореллианин обогнул еще один шпиль, зацепив его штаниной, и нырнул, хромая, в густую тень.

А та неожиданно расступилась под ногами, превратившись в воздушную шахту.

Хан слишком разогнался, чтобы так сразу остановиться. Заорав от ужаса, кореллианин оттолкнулся изо всех сил...

...и ухитрился перелететь через дыру. Он приземлился на другой стороне, упал, перекатился, хватая ртом воздух, попытался встать хотя бы на четвереньки. Руки и ноги разъехались на обледеневшем пермакрите, как раз когда парализующий заряд ударил справа от него.

Весь правый бок мгновенно онемел. Кореллианин с сиплым стоном ударился о пермакрит. Обмякнув, он стал ждать (другого

все рано не оставалось) и надеяться, что ощущения восстановятся вовремя. Все зависит от силы заряда, может пройти минуты две… а могут все десять.

Дыхание давалось с трудом, но, не обращая внимания на боль, он втягивал в себя большими порциями воздух. Ему нужно было восстановить дыхание на тот случай, если онемение пройдет. Слева от него раздались шаги; Шрайк обходил по краю отверстие воздуховода. Хан лежал неподвижно, только белая струйка замерзающего дыхания выдавала, что он еще жми. Шаги смолкли, раздались вновь. Сквозь опущенные ресницы Хан смутно видел фигуру капитана. Затем его больно пнули по ноге. Соло всхлипнул от боли.

— Подонок! — Шрайк сплюнул. — Да за то, что ты сделал, я бы сбросил тебя вниз, дай мне лишь два кредита, мразь! Жаль, стоишь дороже.

Хан лежал и радовался ноющей от удара ноге. Хорошо, значит, паралич начинает проходить. Но сообщать этот радостный факт противнику он не собирался, потому тряпичной куклой проехался по крыше, скользя и ударяясь о неровности пермакрита, пока Шрайк, ухватив кореллианина за шиворот, волок добычу к ближайшему турболифту.

Капитан без передыху сыпал проклятиями и заметно хромал, к величайшему наслаждению Хана. Кореллианин расслабился еще больше, чтобы Шрайку было труднее нести его, хотя прочувствовал спиной каждый выступ. Правую руку покалывало, и это тоже было хорошо. У турболифта Шрайк выпустил Соло. Трудно было не напрячься, падая на холодную крышу, но Хан ухитрился вполне правдоподобно свалиться, не слишком ощутимо ударившись затылком. В поле зрения замаячила физиономия капитана: глаза блестят, на распухшей челюсти наливается чернотой кровоподтек.

— А теперь мы спустимся на этом вот лифте, и ты будешь паинькой, мой маленький врельт. Мы с тобой будем настоящими обаяшками, ты и я. Я скажу, что ты слишком много выпил.

Хан слышал, как приближается кабина. Он напряг мускулы, и они отозвались, хотя и без энтузиазма. Времени не хватило…

Скажи мне, Хан, ты поступил в академию? — поинтересовался Шрайк, как будто ждал ответа. — Это поэтому ты гак набрался сегодня, а?

Капитан рассмеялся.

— Импам, наверное, тяжело приходится, раз принимают на флот неудачников. — Шрайк плюнул Хану в лицо.

Тот вовремя спохватился и не отреагировал. Турболифт был совсем близко. Когда дверь кабины откроется, Шрайк отвлечется

на несколько секунд, вот тогда Хан и сделает свой ход.

Кореллианин незаметно сжал правую руку в кулак, пальцы отозвались на мысленный приказ. Шрайк продолжал разглагольствовать:

— Ох уж эти имперцы!.. Стрелять не умеют, летать не умеют, драться и то не умеют. И плевка на них жалко. Удивительно, как старик Палпатин из кровати встает по утрам! Недоумки...

Двери турболифта открылись. Шрайк заглянул в кабину, и в эту же секунду Хан оторвал себя от пермакрита. Неожиданность сработала, ему удалось выбить у капитана бластер, но потом удача от него отвернулась. Крепкие, как дюрасталь, руки стиснули горло. Но Хан сдаваться не собирался; одна хорошая подножка — и Шрайк опрокинулся на спину. Вот только пальцев, к сожалению, не разжал, волей-неволей пришлось лететь следом.

Соло от души впечатал кулак Шрайку под дых и услышал, как противник хрюкнул от боли. Хватка на горле ослабла — на миг. Второй рукой капитан попытался лишить Хана глаза. Причем выбрал почему-то правый. Большой палец скользнул по слюне самого же Шрайка, Хан улучил момент и по-звериному вцепился в руку бывшего хозяина. Зубы вонзились в мякоть ладони, Шрайк заорал. Хан ощутил во рту вкус чужой крови и, не дожидаясь, когда противник опомнится, угостил его коленом под дых. Выбитый из легких воздух на морозе превратился в иней.

Юный кореллианин оттолкнул врага, Шрайк, разжав пальцы, опять растянулся на крыше. Следом за ним Хан рухнул на четвереньки, шаря в потемках в поисках бластера. Капитан успел подняться на ноги и с вполне определенными намерениями шел вперед, когда пальцы молодого человека наткнулись на ребристую холодную рукоять. Привстав на колено, Хан выставил оружие перед собой, переведя его на полную мощность.

— Твоя очередь стоять смирно, Шрайк.

Кашель больно ободрал горло, но противника Соло из вида не выпустил. Капитан рассмеялся, темп сбавил, но не остановился. Сейчас между ними было метров шесть.

— Что ты, малыш? — ласково ворковал Шрайк. — Старый капитан чуть-чуть разыграл тебя, вот и все, не больше. И вовсе не собирался я отдавать тебя хаттам, да ни за что. А ты в курсе, что ты убил одного из них, малой? Хаттам такое не нравится, ох не нравится... Они всю Галактику перероют, но отыщут старину Драйго, знаешь?

— Стой, где стоишь, — буркнул в ответ Соло.

Он услышал, как дрожит голос, и перепугался. Он еще ни разу не совершал хладнокровного убийства. Хан понятия не имел, что делать дальше. И получится ли? Шрайк ухмыльнулся, будто

читал мысли.

— Ну-ну, сам знаешь, что не станешь в меня стрелять. Не сумеешь. Я же тебе вместо отца...

Хан ответил столь тяжеловесным ругательством на хаттском, что Шрайк восхищенно приподнял бровь:

— Ух ты! А ведь, пока ты бегал без поводка, ты стал таким сквернословом, нехороший мальчик!

Он все еще не остановился, их разделяло метра четыре. Хан покрепче стиснул в потных ладонях рукоять бластера; дуло плясало как одержимое.

— Давай-ка спустимся пониже и все обсудим. — От вкрадчивого голоса капитана тянуло в сон. — Даю слово, я ничего тебе не сделаю.

— Слово, э? — Хан рассмеялся; смех перешел в кашель. — ну ты даешь... Твое слово и плевка не стоит.

— Даю слово, честно! — повторил Шрайк. — Кроме того, если ты меня сейчас застрелишь, то уже никогда не узнаешь о родителях. Кто они такие и почему бросили тебя в порту, где я тебя потом отыскал.

— Тебе известно, кто они? Знаешь, почему меня бросили? — Хан сглотнул, колючий комок оцарапал горло. — Тогда начинай говорить — и, может быть, сохранишь жизнь.

Оставался метр, не больше, Шрайку было достаточно протянуть руку. Надо было стрелять, нельзя верить капитану... но Хан все равно медлил.

— Говори!

— Скажу, все расскажу, с подробностями, когда отдашь бластер. Даю слово.

«Пристрели его! — взвизгнул внутренний голос. — Не медли!»

Красный лазерный луч клюнул Шрайка в грудь. Капитан нелепо замахал руками, лицо Гарриса исказилось от боли и страха. Шрайк упал как подкошенный, он умер еще до того, как ударился о пермакрит. Хан недоверчиво уставился на собственные руки. Палец все так же лежал на спусковом крючке, им никто не шевелил, пилот мог ручаться... или нет?

Секундой позже кореллианин сообразил, что стреляли из другой точки, из-за его спины. Хан крутанулся, не поднимаясь с колен, и чуть ли не нос к носу столкнулся с другим человеком. Молодым, среднего роста, худощавым. Темные волосы в лунном свете казались заиндевевшими. В руке парень держал бластер, и на нем не оставалось места, где бы не стоял бы ярлык «охотник за головами».

— Финиш, парнишка, добегался, — произнес незнакомец,

снимая с пояса наручники. — Вставай, пойдешь со мной.

«Те первые выстрелы, — запоздало сообразил Хан. — Вот кто стрелял... Шел следом за нами, подождал, когда Шрайк проделает всю грязную работу, и получил меня на блюдечке».

Что-то не то, видимо, с его лицом; все читают мысли как хотят и не спрашивают разрешения.

— Я знал, что старина Гаррис разыщет тебя, — добавил охотник за головами. — У хаттов не оказалось твоего изображения, вот я и наблюдал за Шрайком, раз уж он воспитал тебя, а, Викк? Я знал, что рано или поздно он тебя найдет и сделает мне роскошный подарок.

Нет! Не может быть! Ну как одна и та же дрянь случается с одним и тем же парнем дважды? Тело еще не оправилось от паралича, да и драка со Шрайком давала о себе знать, ныл и болел каждый мускул. Охотник за головами указал бластером на Хана.

— Бросай оружие, парень, или я вправлю тебе мозги. Знаешь, что бывает, когда заряд парализатора попадает в голову?

Хатты желают видеть тебя живым, а вменяемым или с омлетом вместо мозгов, они ничего не говорили. Бросай.

Хан разжал трясущиеся пальцы. Сипя от усилия, он попытался встать, правая нога подогнулась.

— Колено... — нехотя промямлил кореллианин. — Веса не держит, меня Шрайк ударил...

— Я видел. Не слишком профессионально, но старина Шрайк никогда не славился отходчивостью и терпением, — заметил охотник за головами. — Ладно, помогу тебе. Не пытайся...

С ревом, сделавшим бы честь любому вуки, Хан ударил наклонившегося к нему охотника головой в живот. Новый противник был моложе Гарриса Шрайка, быстрее и сильнее. Но Хан дрался как сумасшедший, откуда только силы взялись? Терять кореллианину было нечего. Вскрикнув от удивления, охотник за головами упал навзничь. Хан навалился сверху и тут же получил по голове бластером. Противник быстро пришел в себя.

Кровь залила Соло левый глаз, но не остановила. Хан вскарабкался по охотнику, словно тот был лианой, и головой расквасил сопернику нос. Охотник вновь заорал.

И, видимо от обиды, поменялся с Ханом местами, уселся верхом, попутно заехав кореллианину по почкам. Соло перехватил его руку и бил ею по пермакритовому покрытию крыши, пока охотник не выпустил оружия. Не заботясь, что может еще больше рассадить кожу на лбу, Хан опять боднул противника в лицо. Пилот так раздухарился, что не прекратил своего занятия,

пока сам не получил по физиономии.

Кореллианин стукнулся затылком о пермакрит, сделал попытку ловко перекатиться и врезался в надстройку, внутри которой располагалась шахта турболифта. Из распухшего носа и разбитых губ противника ручьем текла кровь. Охотника за головами шагнул вперед, и в его глазах Хан прочитал смертный приговор. Кореллианин ждал до последней секунды, а затем рванулся и, навалившись всем весом, дернул его за плечо.

Громкий короткий хруст, раздавшийся, когда голова охотника повстречалась с каменной стенкой, казалось, разнесся эхом в морозной ночи. Охотник дернулся разок, обмяк, соскользнул по стене и без движения улегся на пермакрит. Закусив губу, Хан, пошатываясь, побрел к поверженному врагу. Два пальца, прижатые к шее охотника, убедили кореллианина, что тот не живее Гарриса Шрайка, который лежал в нескольких метрах в стороне, пустыми невидящими глазами уставившись на две небольшие луны.

Хан поддался искушению и сполз на пермакрит; голова кружилась, от усталости дрожали ноги, к горлу подкатывала тошнота. Через некоторое время его принялась бить крупная дрожь. Трясло Хана с минуту.

«Соберись... ты должен что-то придумать. Так думай».

Цепляясь за стену, кореллианин встал и снова осмотрел мертвого охотника. Они с ним были примерно одного роста, примерно одного возраста и сложения, одинаково темноволосые. Ну, может, волосы охотника были чуть темнее, но кто заметит?.. Дыхание висело над головой искристым плотным облачком, пока Хан сдергивал с мертвеца сапоги и раздевал труп.

Минут через пять кореллианин нетвердо стоял на ногах, одетый в позаимствованную у мертвого одежду. Теперь предстояло самое трудное — напялить на охотника серый изношенный комбинезон, потертую кожанку, ботинки. Бластер охотника Хан сунул к себе в кобуру, достал горсть мелких кредитов, все свои фальшивые ИД-карты, распихал все это добро по карманам своей прежней одежды. И заботливо застегнул на трупе куртку.

Потом он отправился на поиски оброненного Шрайком бластера и в конце концов нашел его, после чего вернулся к охотнику. Морщась, установил оружие на максимум, прицелился и, отвернувшись, выстрелил мертвецу в лицо. Не сразу, но он все-таки заставил себя взглянуть на охотника, у которого больше не было лица и уже точно — глаз.

А следовательно, и их сетчатки.

Хан успел отойти на несколько шагов, прежде чем

основательно и мучительно опустошил желудок. При воспоминании о стоимости обеда стало только хуже. Собравшись с духом, Соло подхватил мертвеца под мышки и поволок по заиндевевшему, скользкому пермакриту точно так же, как недавно Шрайк тащил его самого. Он пятился — медленно и осторожно, — пока вновь не очутился у воздуховода, через который прыгал.

Глянул вниз, тут же отвернулся, сражаясь с головокружением. Земля лежала далеко-далеко внизу. Хан подкатил тело к краю и хорошим толчком отправил мертвого охотника в полет. Он не осмелился проводить труп взглядом. Неверными шагами, спотыкаясь на каждом шагу, кореллианин вернулся к Шрайку и вложил ему в руку бластер. А потом вызвал турболифт.

Дверь открылась, Хан ввалился в освещенную кабину.

Лифт шел вниз, пилот стоял, упираясь обеими руками в стену, рискуя в противном случае упасть. Последние силы уходили на борьбу с обмороком.

Вечер затянулся...

ЭПИЛОГ
ВОЗРОЖДЕНИЕ

Хан Соло особняком стоял в толпе перевозбужденных кадетов на обширной посадочной площадке на крыше. Тугой воротничок новенькой униформы натирал шею, но кореллианин воздерживался от желания сунуть под него пальцы и подергать. Тогда воротничок помялся бы, а Хан желал выглядеть как можно лучше.

Вокруг обнимался и целовался народ, кадеты прощались с семьями. Лишь немногие, подобно Хану, держались в стороне. В нескольких шагах от Соло топтался темнокожий парень, которого никто не провожал. А на другом краю площадки скучала девушка с короткими, на военный лад подстриженными волосами. Но у большинства имелись отцы, матери, братья и сестры, дяди и тети, дедушки, бабушки, кузины и кузены, и все они явились поддержать счастливчиков в час их триумфа. Еще ни разу в жизни Хан не чувствовал себя таким одиноким. Он был старше других кадетов, и это тоже не способствовало слиянию с толпой.

«Эй, да что с тобой такое?.. Ты здесь. Ты победил».

На летном поле курсантов ждал транспортник с гордым названием «Император». Скоро они все погрузятся на него и полетят на Кариду в военные тренировочные центры. Хан улыбался, разглядывая очертания корабля, скользя взглядом по обводам стабилизатора. Кореллианский корвет, как мило...

Он в который раз оглядел толпу в поисках... Хан вдруг сообразил, что надеется отыскать среди прочих золотисто-рыжую головку. Дурак ты, Соло. Просто дурак. С чего ты взял, что Брия заявится сюда? Да ее след простыл на Корусанте! Хан подумал и решил, что вовсе он не думал увидеть Брию... просто... если честно... надеялся, что она придет. Кореллианин вздохнул. Дьюланна обожала цитировать принятую у ее народа поговорку, которая в грубом переводе на общегалактический звучала так: «Подозрительна радость, что не перемешана с грустью». Дьюланна...

Видела бы она его сейчас! Хан живо вообразил долговязую кудлатую повариху, кнопку ее черного носа, маленькие сияющие глазки, прячущиеся за прядями седеющих бурых волос. Сегодня Дьюланна раздувалась бы от гордости. Воображение сыграло с Ханом злую шутку: он услышал, как Дьюланна поскуливает и взрыкивает, радуясь успехам своего воспитанника. А еще повариха взъерошила бы ему волосы, чтобы Хан выглядел

привлекательно — всклокоченным и неряшливым.

Хан улыбнулся воспоминанию. «У меня все получилось, Дьюланна, — сказал он ей. — Посмотри на меня. Ты — моя родня, моя единственная семья, и другой мне не надо. И это здорово, что сегодня ты здесь, пусть и в моем воображении...»

А еще Брия.

«Признай, Соло, тебе не все равно. Ты все еще высматриваешь ее в толпе, прислушиваешься, не раздастся ли звук ее шагов, ее голоса. Знаешь, парень, тебе действительно надо лечиться».

Хан мотнул головой, словно мог прогнать образ Брии с той же легкостью, с какой вызвал Дьюланну. Но он заберет Брию с собой на борт «Императора», как будто девушка пойдет рядом с ним. Сколько ни старайся, ничего не забывается.

Память подсунула очередное высказывание Дьюланны, старую поговорку вуки: «Хорошая память — благословение и проклятие одновременно...»

Ты права, Дьюланна. Как же ты права!

Кореллианин переступил с ноги на ногу, и боль, которая прошила правое бедро, напомнила о позавчерашней драке. Хан вздохнул. «Он умер, Дьюланна. Тот, кто убил тебя, мертв. Можешь спать гораздо спокойнее...»

Сквозь толпу шел имперский офицер, возле Соло лейтенант задержался и окинул кореллианина пристальным взглядом.

— Ваше имя, кадет?

Хан образцово вытянулся в струнку.

— Курсант Хан Соло, сэр!

— Забыли, как отдается салют, курсант Соло?

— Никак нет, сэр!

Он подтвердил слова делом, не придерешься. Офицер придирчиво разглядывал физиономию кореллианина.

— Что произошло с вашим лицом, курсант Соло?

Хан чуть было не брякнул, будто с дверью повстречался раз шесть подряд, но затем решил, что в данном случае лучшим ответом будет правдивый.

— Я подрался, сэр.

— Да ну? А по виду — играли в песочек, — хмыкнул лейтенант. — И по какой причине вы подрались, курсант Соло?

— Мой противник оскорбил имперский флот, сэр.

В конце концов, разве не так и было?

Лейтенант приподнял бровь.

— Да ну? — повторил он. Голос на градус потеплел. — Как... неблагоразумно с его стороны. И вы хорошенько отделали его за неучтивость, я надеюсь, курсант Соло?

Хан вовремя вспомнил, что в ответ на вопрос офицера не

кивают.

— Так точно, сэр. Могу заверить господина лейтенанта, что мой противник больше и слова оскорбления не скажет в адрес Империи, сэр.

— Похвально, курсант Соло, весьма похвально.

Лейтенант едва заметно улыбнулся и пошел дальше. Хан перевел дух. Пронесло... на этот раз.

Над посадочной площадкой разнесся усиленный динамиками голос. К лейтенанту, раздавая приказы, подошел сержант.

— Стр-ройсь!

Возникла секундная сумятица, затем курсанты все-таки разобрались по шеренгам и колоннам.

— Посадка на транспорт по колоннам! Языки на привязь, ногами не шаркать.

Воцарилась тишина. Хан стоял в четвертой колонне, по сторонам не смотрел, пялился в затылок впереди стоящего курсанта и с замирающим сердцем ждал приказа. Где-то заиграли военный марш.

— Первая шеренга! Шагом марш!

— Вторая шеренга! Шагом марш!

— Третья шеренга! Шагом марш!

Напряжение росло, кровь запела в жилах. Вот оно...

— Четвертая шеренга! — рявкнул сержант. — Шагом... арш!

Хан шагал к «Императору» и улыбался.

«Сегодня все начинается, — думал кореллианин. — Моя настоящая жизнь начинается сегодня».

Он вспомнил еще раз Дьюланну, а еще — Брию. Они тоже улыбались.

Его сапоги загрохотали по трапу. Хан набрал полные легкие воздуха, словно новорожденный, который собирается первым криком оповестить Галактику: «Я здесь! Слушайте меня, я живой!»

Он чувствовал себя так, будто только что появился на свет. Смутное прошлое ненужным грузом оставлено позади, впереди лежало лишь светлое будущее.

И Хан Соло шел к нему, не оглядываясь назад.

КНИГА 2
ГАМБИТ ХАТТОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
НОВЫЕ ДРУЗЬЯ, ПРЕЖНИЕ ВРАГИ

Хан Соло, в недавнем прошлом флотский офицер, пребывал в унынии за столом, липким от многочисленных пролитых бокалов спиртного. Стол находился в кабаке, кабак — на Девароне, а потому даже алдераанский эль просто по определению не мог быть хорошего качества. Но Хан все равно его пил и больше всего на свете жаждал остаться в гордом одиночестве. Нет, он ничего не имел против иных посетителей заведения — рогатых деваронских мужчин, волосатых деваронских женщин и небольшой добавки к ним в виде обитателей иных миров. К инородцам Соло давно привык, он вырос среди них на борту «Удачи Торговца», вместительного корыта, которое бороздило просторы Галактики, повинуясь прихотям шкипера. Хану не стукнуло и десяти стандартных лет, а он понимал и мог говорить на десятке чужих языков.

Нет, дело было вовсе не в инородцах вокруг него. Дело было в одном-единственном нечеловеке рядом. Хан глотнул кислого эля, сморщился от отвращения и бросил косой взгляд на причину всех своих неприятностей.

Причина была большая, волосатая, она разглядывала Хана ясными голубыми глазами и негромко урчала. «И что тебе не идти домой, а?» — тяжко вздохнул Хан. Но вуки — Чу-чего-то-там — наотрез отказывался возвращаться на Кашиик, несмотря на настойчивые увещевания. Мотивировалось решение тем, что инородец имел нечто под названием «долг жизни» к бывшему имперскому лейтенанту Хану Соло.

«Долг жизни, э?.. То, что требовалось для счастья, — горько подумал Хан. — Волосатая нянька-переросток, вечно таскающаяся по пятам, пристающая с советами, кудахтающая надо мной, если я упьюсь в стельку, и талдычащая, что позаботится обо мне. Здорово. Просто здорово».

Хан оскалился на кружку с элем, и блеклый разбавленный напиток отразил его физиономию, настолько исказив черты, что кореллианин сам себе показался таким же чужим, как и вуки, который сидел напротив. Кстати, а как там его звали? Чу-как-там-бишь-его-дальше. Не-человек назвал свое имя, но у Хана были нелады с произношением, хоть он и прекрасно понимал язык.

И вообще... очень ему нужно знать имя этого вуки! Если он запомнит, как его зовут, то до конца своей жизни не избавится от него.

Хан устало растер ладонью щеки, покрытые многодневной щетиной. С тех пор как Соло вышвырнули со службы, кореллианин постоянно забывал про бритье. Кадетом, затем младшим лейтенантом, затем лейтенантом он выскабливал щеки с упорством, достойным лучшего применения. Офицер и джентльмен обязан быть опрятен, а если ты никто — то кому какое дело?

Кружка дрожала в не слишком твердой руке, Хан отважно сделал большой глоток. А когда поставил опустевшую кружку на стол, то принялся озираться в поисках официанта. «Нужно выпить. Еще одна порция эля, и я буду чувствовать себя намного лучше. Всего одна порция...»

— Гхкрррouф!

Оскал стал шире.

— Держи свое мнение при себе, комок шерсти! — рыкнул Соло. — Сам знаю, к'да остановиться. И ваще ты мне — не указ.

Вуки (Чубакка, во как!) негромко заурчал. Добрые глаза его потемнели от беспокойства. Хан оттопырил губу.

— Меньше всего я хочу, чтоб со мной нянчились, не забывай, понял? Ну не дал я подпалить твой мохнатый зад, что с того? Ничего это не значит и ничего ты мне не должен, я ж тебе г'ворил... Это у меня перед вуки был должок... давно еще... Жизнью ей обязан, и не раз, понял? Вот и спас тебя, потому как ее не сумел...

Чубакка заскулил. Хан решительно замотал головой:

— Нет, это не значит, что ты мне хоть вот на столько обязан, когда же до тебя дойдет, а? Я должен был ей, а отплатить не сумел. Вот я и помог тебе, так что мы вроде как квиты... счет закрыт. Ну пожалуйста, очень тебя прошу, возьми деньги и возвращайся на свой Кашиик, а? Слушай, ты, свитер драный, болтаясь здесь, ты мне радости не доставляешь. Ты мне нужен как ожог на пятой точке!

Оскорбленный вуки, басовито клокоча, воздвигся над кореллианином во весь свой гигантский рост.

— Сам знаю, что пустил карьеру и безбедную жизнь на Корусанте ранкору в пасть, когда не позволил коммандеру Никласу пристрелить тебя... Понимаешь, терпеть не могу работорговцев, а когда Никлас хватается за силовой кнут, вообще наизнанку выворачивает. Я в детстве дружил с одной вуки. Знаю я вас. Ты бы кинулся на Никласа, я это еще до тебя понял. А коммандер взялся бы уже за бластер, а не за кнут. Не мог я стоять и смотреть, как он тебе мозги вышибает. Только, Чуи, прекрати делать из меня героя. Не герой я, и напарник мне не нужен, и дружить я ни с кем не хочу! Мое имя говорит само за себя,

приятель. — Он саданул большим пальцем себя в грудь. — Соло. У людей это означает, что я одиночка. Понял? Так оно вышло, и так мне нравится жить. Поэтому не обижайся, Чуи, но катись отсюда! Уйди. Оставь меня в покое. Навсегда.

Вуки долго разглядывал пьяного, затем презрительно фыркнул, повернулся и зашагал к выходу.

Хан без особой активности полюбопытствовал, сумел ли он убедить обволошенного рослого недоумка отвязаться от него. Коли так, есть причина для небольшого праздника. Еще одна кружечка совсем не помешает...

Окинув мутным взором зал, кореллианин отметил, что вокруг стола в уголке собрались несколько выпивох, составляя партию в сабакк, и заинтересовался. Не рискнуть ли? Хан мысленно прикинул содержимое кошелька и вынес решение, что один-два кона не станут лишними. Обычно ему везло в игре, а в дни, когда каждый кредит на счету...

Те дни...

Хан тяжко вздохнул. Сколько же времени прошло с того проклятого всеми богами дня, когда его откомандировали в помощь Никласу, который никак не мог разобраться, почему рабы-вуки недостаточно споро возводят новое крыло Зала героев? Хан добросовестно подсчитал, поморщился, выяснив, что потерял несколько дней, вероятно проведенных в темном пьяном угаре и горьких размышлениях. Через два дня стукнет два месяца.

Хан запустил трясущиеся пальцы в спутанную шевелюру и стиснул зубы. Все последние пять лет его волосы были аккуратно подстрижены на предписанный уставом манер, а теперь Соло оброс точно вуки. Он вдруг представил себя прежнего — ухоженного, холеного, сапоги надраены до блеска, знаки различия горят огнем...

М-да, какой разительный контраст! Кто сказал бы, что заляпанная грязно-серая рубаха некогда сияла белизной? А куртку из неокожи он вообще купил на распродаже. О прежней жизни напоминали лишь темно-синие брюки военного образца с лампасами, знаком «Кореллианских кровавых полос», и сапоги. Да, обувка осталась с прежних времен. Сапоги подгонялись каждому кадету под размер, так что Империи они больше не были нужны. Когда Хан окончил академию, немногим более восьми месяцев назад, в Галактике не было младшего лейтенанта, который больше его гордился своими погонами и начищенными до зеркального блеска сапогами.

Ныне эти же сапоги изношены и стерты до дыр. Хан разглядывал их, кривя губы. Жизнь ободрала с его обувки полировку... все, чем он был в те дни.

В приливе внезапной болезненной честности кореллианин признался самому себе, что, даже если бы не кинулся спасать Чубакку, все равно не продержался бы на флоте. Он начал строить карьеру, лелея надежды на лучшее, но быстро лишился иллюзий. Ему было трудно смириться с предубеждением против негуманоидов, но он держал язык за зубами и не высказывался. Добили его бесконечные бюрократические уложения, глупость офицеров... Хан не раз задавался вопросом, сколько времени он бы протянул.

Вот только позорной отставки, потери законной пенсии, жалованья и (что хуже всего) зачисления в черные списки пилотов Хан никак не ожидал. Лицензию у него, правда, не отобрали, и на том спасибо, но довольно быстро выяснилось, что законным образом работу ему получить никак невозможно. Он неделями топтал пермакрит Корусанта, слоняясь по кабакам и разыскивая хоть какую-нибудь работу. Двери захлопывались перед самым его носом, точно по волшебству.

А затем в одну прекрасную ночь, когда кореллианин совершал очередной тур по барам и тавернам, не выбираясь за границы района, который на городе-планете отвели в качестве гетто для инородцев, из черных теней переулка вывалилась еще одна тень, гигантская и волосатая. И загородила дорогу.

Затуманенным мозгам потребовалось много времени, чтобы опознать спасенного вуки. Вообще-то, Хан сообразил, кто перед ним, лишь когда Чубакка разразился благодарственной речью. Вуки был прямолинеен и, как все его соплеменники, не тратил слов попусту. Он, Чубакка, связан с Ханом Соло долгом жизни. Куда Хан, туда и он, отныне и навсегда.

И ведь не обманул!

Когда Соло все-таки покинул Корусант и полетел на Тралус с грузом контрабанды (трюм был опечатан, а у Хана не было ни сил, ни средств, чтобы взломать замки и удовлетворить любопытство), то вуки улетел вместе с ним.

От нечего делать кореллианин взялся обучать Чубакку пилотажу. Впереди у них была целая неделя, а космические перелеты — скука смертная. По крайней мере, появился шанс отвлечься от бесплодных размышлений о загубленном будущем...

На Тралусе Хан передал корабль и груз владельцу и стал искать новый приработок. Ноги сами принесли его на «Стойбище подержанных космических кораблей Правдивого Тори ля», где Соло поинтересовался у хозяина-дуроса, нет ли чего-нибудь и для него. Ториль давно знал кореллианина и помнил, что Хан — надежный и опытный пилот.

Империя все время сжимала хватку, отбирая права у планет и

их обитателей. Кораблестроительная промышленность у дуросов могла сравняться с кореллианской, но недавно Империя выпустила директиву, запрещающую дуросам вооружать свои корабли. Оставшийся безызвестным груз вполне мог оказаться компонентами, необходимыми для оснащения кораблей лазерными орудиями.

Ко времени прилета на Дуро Чуи превратился во вполне сносного пилота и стрелка. Хан понадеялся, что, если вуки освоит эти две полезные профессии, от него легче будет избавиться. Как только он будет уверен, что кто-то не прочь нанять вуки, Хан немедленно скинет этот балласт в ближайшем порту... по крайней мере, так он себя уверял.

В ожидании следующего контракта Хан пропил часть выручки, зато его терпение и усидчивость были вознаграждены, когда к нему подошел салластанин и предложил хорошие деньги за перелет с Дуро на ботанскую колонию Котлис — треть Галактики лёту и желательно без захода в имперские порты.

Разумеется, быстроходная щегольская машина оказалась «горячей», ее лишь недавно угнали у состоятельного недотепы. Хан все время твердил себе, что он больше не поддерживает закон и порядок, он их нарушает.

Поэтому он стиснул зубы покрепче и увел краденый корабль в его новый дом на Котлисе, где нашел очередное занятие — на первый взгляд абсолютно легальное. Его наняли отвезти большой наларгон с Котлиса на Деварон.

Раньше ему в жизни не приходилось слышать ни о каких наларгонах, что, впрочем, неудивительно, так как познания Хана в музыке были весьма ограниченны. Инструмент оказался большим и тяжелым, с клавиатурой, ножными педалями, лесом разноразмерных труб и набором субгармонических резонансных генераторов. Он умел издавать звуки на разных частотах и был незаменим на джизз-концертах.

И этот вот ящик привезли, установили в трюме, закрепили болтами и оставили в запечатанном отсеке.

Стоило кораблю оказаться в гиперпространстве, как Хан вместе с Чуи явился в трюм с инспекцией. Он стучал по корпусу, пинал, толкал и пихал наларгон, даже понажимал клавиши и педали, но не получил ничего, кроме пронзительных и не слишком музыкальных звуков.

Зато тщательное простукивание показало, что внутри что то есть. Хан уселся перед наларгоном на корточки и принялся сверлить корпус взглядом. Эта штука — подделка, оболочка, скрывающая... что?

С флотской службы Соло вынес твердое убеждение, что на

Девароне не все спокойно. Не так давно группа заговорщиков подняла мятеж против тамошнего губернатора и потребовала выхода из Империи. Хан сплюнул. Наивные дураки возомнили, будто у них есть шанс. Через несколько месяцев имперские войска заняли древний священный город Монтелиан-Серат, захватили в плен сотен семь повстанцев, которых там же и казнили без суда и следствия. Убили без жалости. Где-то в холмах еще прятались горе-мятежники, бедолаги еще трепыхались, пытались держаться, но Хан был уверен: всего лишь вопрос времени, когда их раздавит пята Палпатина. Их планету уже зажало в тиски Империи, как и многие другие.

Хан пялился на наларгон и прикидывал размеры его внутреннего пространства. Вычисления основывались на предположении, что внутри ничего нет. Пусто. А значит, там как раз можно разместить скромную лазерную пушечку, которая легко устанавливается на кузове лендскиммера, чтобы разносить на очень мелкие кусочки небольшие цели. Имперские истребители, например, здания...

А еще там могли оказаться винтовки. Десять-пятнадцать, если по-умному разместить.

Что бы ни лежало внутри, оно кореллианину не нравилось. И вообще, лучше всего приземлиться, убраться подальше от корабля и никогда больше не возвращаться. Сфабрикованные ботанами посадочные коды у Хана имелись. Вот он ими воспользуется и быстро-быстро убежит...

Приземлился он вчера, и, насколько ему было известно, корабль по-прежнему стоял на летном поле с наларгоном в трюме. Хотя интуиция подсказывала, что деваронские повстанцы не станут тратить время зря.

Хан мотнул головой, смутно подумав, что последняя кружка эля, пожалуй, была выпита напрасно. Во рту сохранился кислый привкус, в голове шумело. Кореллианин еще раз огляделся — на пробу. Помещение стояло на месте, не раскачивалось. Хорошо. Значит, он не настолько пьян, чтобы лишить себя удовольствия от двух-трех партий в сабакк. И от победы в них. «Ну-ка возьмись за дело, Соло. Тебе нужны деньги...»

Хан сполз со стула и почти без крена прошагал к столу.

— Приветствую вас, господа! — возвестил кореллианин на общегалактическом. — Не помешаю?

Банкомет-деваронец повернул голову с напомаженными, отполированными рогами и смерил Хана оценивающим взглядом. Должно быть, посчитал, что новый игрок выглядит в общем прилично, так как пожал плечами и указал на пустой стул.

— Добро пожаловать, пилот. Никто не будет против, пока в

твоем кармане звенят кредиты. — Нечеловек ухмыльнулся, продемонстрировав хищный оскал.

Хан уселся.

Сабакк он освоил лет в четырнадцать.

Кореллианин сделал начальную ставку, взял две карты и сделал вид, что уставился на них, исподтишка изучая остальных игроков. А когда очередь дошла до него, бросил необходимое количество монет в «котел».

Ему достались шестерка шестов и королева воздуха и тьмы, но в любую секунду крупье мог нажать кнопку, и тогда все карты поменяют значение. Хан еще раз обвел взглядом противников: низкорослого салластанина, волосатую деваронку, деваронца-крупье и рослую барабелку. Разумную рептилию с Бараба-1 он впервые видел так близко, и зрелище его, надо сказать, потрясло. Ростом барабелка была метра два, вся покрыта прочной черной чешуей, которая могла отразить даже лазерный разряд. Еще эта видная дамочка обладала напоминающим булаву, незаменимым в драке хвостом и пастью, утыканной кинжалами вместо зубов. Хотя выглядела барабелка (она сообщила, что ее зовут Шалламар) миролюбиво. Особенно когда сданные карты интересовали ее больше, чем вся остальная Галактика.

Цель сабакка — набрать плюс или минус двадцать три очка. Не больше. Если счет оказывается равным, то положительный результат побивает отрицательный.

Хан тоже уставился в свои карты. На данный момент у него получалось плюс четыре очка: королева воздуха и тьмы давала минус два. Можно было сбросить карту в поле помех, чтобы «заморозить» их значение, и надеяться на получение идиота и любую карту в три очка. Расклад идиота бьет что угодно, даже чистый сабакк — так называются карты, чье достоинство в сумме дает ровно плюс или минус двадцать три.

Пока Хан в нерешительности страдал над королевой, карты замерцали и сменили значение. Королева стала повелителем мечей, а шестерка превратилась в восьмерку фляг. Двадцать два. Хан подождал, пока остальные игроки не изучат получившиеся расклады. Барабелка, деваронка и крупье отказались от дальнейшей борьбы, бросив карты на стол. У всех был перебор, их «разбомбило».

Зато салластанин поднял ставку. Хан поддержал и в свою очередь тоже поднял.

— У меня, — возвестил низкорослый инородец, выкладывая карты рядком, — двадцать очков.

Соло широко ухмыльнулся.

— Двадцать два, — как бы между прочим сообщил он. —

Боюсь, что кон за мной, приятель.

Кореллианин сгреб кредиты под недовольное ворчание остальных игроков. Барабелка зашипела, бросила на счастливчика взгляд, который расплавил бы и титан, но воздержалась от комментариев.

Салластанин продолжил игру, крупье тоже не встал из-за стола, Хан смерил критическим оком подросшую горку кредитов и решил рискнуть.

Они сыграли еще несколько конов. Хан опять выиграл, но «общий котел» никому не давался. Кореллианин сбросил тройку монет и идиота в поле помех, и удача ободрила его поступок ослепительной улыбкой. Следующая же сдача подарила ему двойку фляг.

— Расклад идиота... — с трудом сдерживая распирающий восторг, Хан выложил двойку к остальным картам в поле помех. — «Котел» обрел хозяина, дамы и господа.

Он потянулся за выигрышем. Барабелка возмущенно взревела:

— Шулер! У него «оборотни»! Никому не может так везти!

От бешенства Хан потерял дар речи. Ну да, он не невинный младенец, не раз жульничал, и «оборотнями» — картами, меняющими значение, если легонько постучать по краю, — пользовался, и другими способами. Но сейчас он выиграл честно!

— Эй, язык попридержи! — заорал оскорбленный в лучших чувствах кореллианин. — Возьми свое обвинение и засунь себе в ухо!

Природа не выделила барабелам ушных раковин, но Шал ламар почему-то обиделась. Так что Хан не раздумывая расстегнул кобуру и добавил:

— Я не жульничал! Тебя просто обыграли, сестричка!

Второй рукой Соло сгреб деньги и рассовал по карманам.

Никто не шелохнулся, не проронил ни слова, поэтому Хан потянулся за следующей порцией кредитов. И тут — лишь красноватый мех промелькнул — деваронка схватила его за запястье и прижала руку к столу.

— Может, Шалламар права, — заявила волосатая красотка. — Обыщем его, чтоб знать наверняка!

— Убери лапы! — негромко и зло потребовал кореллианин. — Или серьезно пожалеешь.

Что-то в его взгляде или интонации произвело на деваронку впечатление, потому что она послушалась и даже отступила на шаг.

— Трусиха! — рявкнула на нее Шалламар. — Испугалась хилого человеческого заморыша!

Деваронка снова попятилась, качая головой, чтобы продемонстрировать, что больше не желает участвовать в скандале.

С наглой ухмылкой Хан опять протянул руку к деньгам. Барабелка взревела и бронированной когтистой лапой так хватила по столу, что развалила его на половинки, разметав карты, деньги и обломки. С рычанием Шалламар двинулась на кореллианина.

— Я тебе голову откушу, шулер! Посмотрим, насколько тогда ты будешь хорош!

Соло хватило одного взгляда на разинутую пасть, чтобы не усомниться: голова там поместится. Барабелка вполне была способна выполнить угрозу. Рука автоматически метнулась к кобуре, где в ладонь улеглась, лаская ее, шероховатая рукоять бластера. С той же скоростью Хан начал вытаскивать оружие...

И застрял.

В прямом смысле. За долю секунды кореллианин сообразил, что пенек ствола зацепился за нижний край кобуры. Он дернул сильнее, стараясь высвободить оружие.

Барабелка прыгнула на него. Хан шарахнулся в сторону, но недостаточно прытко и далеко. Острые, внушительные когти Шалламар располосовали грубую кожу куртки, словно нежную ткань. Кореллианина, все еще дергающего бластер, поволокли к распахнутой пасти с такой скоростью, что у Хана потемнело в глазах. В лицо дохнуло горячим воздухом.

Краем глаза Соло заметил бурое пятно, а в следующую секунду оглох. Длинная волосатая лапа обвила шею барабелки; Шалламар оторвали от Хана.

— Чуи! — завопил кореллианин; еще ни разу в жизни он не был так рад видеть кого-то.

Барабелка выпустила свою жертву и развернулась к новому противнику.

— Подержи-ка ее секундочку, Чуи!

Он все-таки выудил бластер из кобуры и прицелился в рептилию, но на него не обратили внимания. Шалламар схватилась с Чубаккой врукопашную.

То была битва титанов, два огромных существа с шипением и рычанием катались по помещению, сшибая столы и кресла. Игроки и посетители благоразумно разбегались, выкрикивая советы и проклятия на многих языках.

Малыш-салластанин потянулся за бластером, но увидел, что Хан теперь вооружен, и предпочел укрыться за стойкой.

Шалламар и Чубакка поднялись и теперь раскачивались в зловещей пародии на любовные объятия, пробуя силу и мощь

противника и пытаясь сбить друг друга с ног.

— Чуи, прекращай балаган! — надрывался кореллианин. — Пошли отсюда!

Вместо ответа поединщики закружились в замысловатом танце — бурый мех и черная блестящая чешуя, — а затем барабелка вдруг изловчилась и впилась зубами вуки в лапу, вырвав изрядный шмат. Чубакка взревел от боли, подхватил противника, опрокинул, взял за хвост и раскрутил над головой.

С триумфальным воем Чубакка разжал когти, и крупная рептилия отправилась в полет; посетители кабака разбегались, давая ей дорогу. Шалламар приземлилась на спину посреди обломков сломанных кресел, столов и рассыпанных карт.

«Парализатор на нее, пожалуй, не подействует, убивать не хочу...» — неуклюже прыгала в голове мысль. Хан перевел регулятор стрельбы, прицелился и угостил оглушенную бара белку половинным зарядом как раз пониже могучего колена. Шалламар зашипела от боли и обмякла, чешуйки на лапе сморщились.

— Пошли отсюда, Чуи.

Хан выстрелил парализующим зарядом в игрока, которому вздумалось целиться в вуки из бластера. Деваронец беззвучно сполз на пол. Истекающий кровью Чубакка следом за кореллианином поспешил к выходу, разбрасывая уцелевшую мебель.

Рослая аборигенка — хозяйка заведения — загородила выход, выкрикивая проклятия и угрозы. Хан, не останавливаясь, ударил ее рукоятью бластера и с разгону врезался в дверь. Его отбросило. Заперто!

Выругавшись на шести языках, из которых ни один не принадлежал людям, Соло перевел регулятор стрельбы на полную мощность и выстрелил. Хозяйка протестующе взвыла, но беглецы уже вырвались на свободу.

Они нырнули в ближайший переулок, который вывел их на улицу с сельскими на вид зданиями, выстроенными из синего местного дерева и оштукатуренного пермакрита. Кореллианин задрожал от холода. На южном полярном континенте стояла ранняя весна.

Хан торопливо спрятал бластер в кобуру и, как ни хотелось ему помчаться вскачь, сменил аллюр на быстрый деловитый шаг.

— Как лапа, приятель?

В ответ выразительно заскулили. Соло на ходу осмотрел поврежденную конечность.

— Никто тебя не заставлял возвращаться, — хмыкнул он. — Не то чтобы я особенно раскаивался по этому поводу, ты не

думай. Я... я вот сказать хочу... ты это... спасибо, что спас мои дюзы.

Вуки с интересом вуфкнул, Хан пожал плечами.

— Ну да, наверное... — промямлил он. — Раньше я не работал с напарником, но... да ну, почему бы и нет? Когда в полете не с кем поговорить, жить становится невмоготу.

Несмотря на боль, Чубакка удовлетворенно заурчал.

— Не перегибай палку, — строго предупредил его Хан. — Лучше пошли подлечим твою лапу. Вон на той стороне я вижу клинику. Идем.

Часом позже парочка вновь оказалась на улице. После обработки бактой раненая конечность покоилась в защитной повязке, но медицинский дроид заверил, что на вуки все заживает... ну, как на вуки.

Чубакка как раз по четвертому разу заныл, что проголодался, когда Хана окликнули из темного дверного проема:

— Пилот Соло...

Кореллианин остановился как вкопанный и оглянулся; ему приветственно махал рукой мужчина-дурос. На всякий случай Хан осмотрелся по сторонам, но деваронская улица выглядела тихо и мирно. Здешний квартал предназначался лишь для пеших прогулок.

— Чего? — не повышая голоса, полюбопытствовал Хан.

Синекожий гуманоид продолжал манить за собой в ближайший переулок. Кореллианин неторопливо подошел, завернул следом за дуросом за угол и остановился спиной к стене. Ладонь при этом он как бы между прочим положил на рукоять бластера.

— Ну все, я дальше не пойду, пока не скажешь, что тебе понадобилось.

И без того кислое выражение на синем лице стало и вовсе унылым.

— Ты не из доверчивых существ, пилот Соло. О тебе мне рассказал наш общий друг, Правдивый Ториль. Он утверждал, что ты великолепный летчик.

Напряжение чуть-чуть ослабло, но руку с оружия Хан не убрал.

— Да, кое-что умею, — признал кореллианин. — Докажи, что тебя действительно прислал Ториль.

Дурос разглядывал собеседника безмятежными глазами лунного цвета.

— Он просил передать, что «Талисмана», который ты ему продал, больше нет.

Хан опустил руку:

— Лады, убедил. Что у тебя за дело?

— Мне нужно доставить груз на Нар-Хекку, — пояснил дурос. — Я хорошо заплачу... но, пилот Соло, ты не должен допускать на борт имперцев, даже если вдруг наткнешься на патруль.

Соло призадумался. Час от часу интереснее. Но предложение дуроса пришлось как нельзя кстати. Хан все равно планировал со временем добраться до Нар-Шаддаа, Луны контрабандистов, которая бегала по орбите вокруг Нал-Хатты. Почему бы не сейчас? От Нар-Хекки до Нал-Хатты или той же Нар-Шаддаа — рукой подать.

— Расскажи больше.

— Только если сумеешь поднять корабль в течение двух часов, — предупредил дурос. — Если нет, скажи сразу, и я найду другого пилота.

Хан почесал в затылке:

— Два часа?.. Ну-у, может, я и сумею изменить свои планы. За хорошую цену, конечно.

Дурос назвал сумму.

— И еще столько же после доставки, — добавил он.

Кореллианин расхохотался ему в лицо, мысленно изумившись стартовой цене.

— Пошли отсюда, Чуи! Сколько мы мест еще не проведали, сколько народа оставили без знакомств...

Дурос поспешно исправил сумму.

«А парня здорово припекло», — подумал Хан, делая вид, что колеблется.

— Ну, не знаю... Если импы интересуются твоим грузом, я даже на сантиметр от поверхности не оторвусь за такие деньги. Что за фрахт?

Выражение на лице дуроса не изменилось.

— Этого я сказать не вправе. Но сообщу тебе вот что. Если доставишь груз в целости и сохранности Тагте, он будет доволен, а когда хатт доволен, его настроение хорошо отражается на кошельке. Тагта — доверенный помощник Джилиака, можно сказать — его представитель на Нар-Хекке.

Кореллианин навострил уши. Джилиак — влиятельный и небедный хатт. Может, этот Тагта порекомендует некоего пилота своему боссу...

— Хм-м... — Соло выдержал паузу, тоже назвал сумму и добавил: — Деньги вперед.

Бледно-голубая кожа нечеловека приобрела сероватый оттенок, тем не менее дурос кивнул:

— Я согласен с размером вознаграждения, но в задаток дам лишь половину. Остальное получишь у Тагты, пилот Соло.

Хан обдумал его слова и тоже кивнул:

— Договорились. Эй, Чуи. — Он повернул голову к вуки, который маячил неподалеку, прислушиваясь к каждому слову. — Возвращайся в хранилище и забери оттуда наши пожитки, а я пока обговорю с нашим другом детали.

Вуки негромко заворчал в знак согласия.

— Хороший мальчик. Встретимся на северной стороне городской площади через час, лады?

Чубакка рыкнул и зашагал прочь.

— Ну что ж, приятель, — обратился Хан к дуросу, — пилота ты заполучил. Выкладывай остальные подробности. Где мне искать этого Тагту?

Через несколько минут кореллианина посвятили в детали, вручили пачку денег и коды к системе безопасности корабля и объяснили, где находится сам корабль. Затем синекожий гуманоид растворился в сумерках.

Чтобы убить время, Хан наскоро перекусил в ближайшем кафе, хотя и предварительно выдержал бурный спор с местной шеф-поварихой. Соло желал, чтобы мясо приготовили, а деваронка не понимала зачем. Но ругань того стоила. Горячая еда сняла наведенный элем дурман, и уже с ясной головой и воспрянувши духом Хан отправился на городскую площадь.

По дороге он заскочил в лавку, где торговали поношенной одеждой для космолетчиков всех видовых и расовых принадлежностей. Там Хан подыскал себе куртку из кожи черной ящерицы вместо испорченной в драке с барабелкой и, вновь прилично одетый, пошел на рандеву с Чубаккой.

Он понял, что Что-то не в порядке, задолго до того, как туда добрался. Сложно перепутать с чем-нибудь гомон огромной толпы, особенно если куча народа монотонно гудит хором. А когда Хан распознал отдельные слова, то почувствовал себя так, что расти у него на загривке шерсть, она немедленно встала бы дыбом. Пели не на общегалактическом, но эти простенькие, повторяющиеся фразы Соло запомнил на всю жизнь.

«Что-то у меня дурное предчувствие...» Кореллианин завернул за угол и увидел толпу. Та завывала. А еще — раскачивалась и содрогалась в религиозном угаре. По большей части в ней присутствовали деваронцы, но хватало и людей, и прочих народностей. Хан растерянно озирался. Впереди были установлены подмостки, на которых, дирижируя многонациональным хором, возвышался призрак недавнего прошлого.

«Только тебя мне не хватало... Это же илизианское „возрождение" и его проповедник Вератиль! Если он меня заметит

— крышка».

Пять лет назад Хан почти шесть стандартных месяцев оттрубил на влажной, зараженной кровожадным грибком Илизии, захотелось, видите ли, попрактиковаться в летном деле перед экзаменами в академию. Илизия была планетой на краю космоса хаттов, на которой представители расы т'ланда-тиль — дальние родственники хаттов — давали «паломникам» религиозное убежище.

А еще они рассылали миссионеров, чтобы нести на другие планеты учение о Едином и Всех. Хан слышал о секте и раньше, но вблизи узнал лишь на Илизии. До этого ему везло.

Первым (и глупым) желанием было вытащить бластер, пристрелить Вератиля, а потенциальным паломникам как следует прочистить мозги. Хотелось заорать: «Идите домой! Тут вам врут! Им нужны рабы, и вы ими станете, бестолочи! Убирайтесь отсюда!»

Но ему не поверят. Большинство обитателей Галактики считают Илизию священным прибежищем для приверженцев веры и всех тех, кто бежит от себя самого.

Чем на самом деле была эта планета, знали немногие счастливчики, кто, подобно Хану, сумел оттуда сбежать. У Верати ля, вне всяких сомнений, наготове транспорт для бедолаг, которые даже не подозревают, что впереди их ждет рабский труд на фабриках по переработке спайса, а в перспективе — смерть на шахтах Кесселя.

Изнанка золотой мечты — рабство и непосильный труд.

Прежде чем поспешно удалиться из илизианской колонии, Хан ограбил тамошнего верховного жреца и непосредственного начальника Вератиля, стащил самые редкие и ценные предметы из коллекции. Самого Тероензу Хан оставил раненым, но живым.

А улетел он с Илизии на том самом «Талисмане», о котором ему только что передали известие, личной яхте все того же злосчастного Тероензы. Вскоре после побега Хан выяснил, что за голову Викка Драйго (так его тогда звали) назначена жирная награда. Чтобы избежать неприятных объяснений с бывшим работодателем и хаттами, пришлось даже менять отпечаток сетчатки.

Кореллианин инстинктивно пригнулся, мечтая о плаще с капюшоном. Если сакредот увидит его и опознает, пиши пропало.

Пение стало громче. Хан обливался потом, несмотря на то что не так давно мерз. Он-то как раз знал, что сейчас должно произойти.

А на краю площади уже маячила долговязая волосатая фигура; вуки с любопытством наблюдал за толпой.

«Чуи! Затянет его, потом не вытащишь... Вот-вот эти остолопы начнут возрадоваться...»

Нагнув голову, Хан врезался в толпу и заработал изо всех сил локтями, как будто барахтался в высокой приливной волне. На финише он запыхался, а локти и ребра саднило.

— Пошли отсюда! — Соло дернул вуки за длинную лапу. — Сейчас тут начнется страшное!

Напарник вопросительно тяфкнул.

— Не важно, откуда я знаю! Знаю, и все! Поверь мне!

Чубакка с достоинством кивнул, развернулся и, без труда раздвигая толпу, затопал прочь. Хан последовал за вуки, когда зацепился взглядом за золотисто-рыжий отблеск выбившегося из-под капюшона локона.

Он видел девушку лишь мельком, а ощущений — на миллион. Как будто с разбегу врезался головой в толстую каменную стену.

«Брия?.. Брия!»

Как мало надо, чтобы потерять голову. Достаточно увидеть бледный безупречный профиль и золотистые кудри. В толпе, кутаясь в черный плащ, стояла Брия.

Нахлынувшие воспоминания напугали и ошеломили кореллианина.

Брия, немощный призрак с фабрики глиттерстима на Илизии. Брия, трясущаяся от страха, но полная решимости, запихивает сокровища Тероензы в приготовленную заранее сумку. Брия, которая сидит рядом на морском берегу на Тогории, мягкие яркие губы просто умоляют о поцелуе. Брия, которая лежит с ним в обнимку поздно ночью...

Брия, которая бросила его, сообщив лишь, что намерена самостоятельно сражаться с пристрастием к Возрадованию.

Пять лет подряд Хан убеждал себя, что забыл ее напрочь. Учеба в военной академии и служба призваны были выбить из его мыслей рыжеволосый образ. Но стоило увидеть Брию на одну короткую секунду, и Соло понял, что обманывал себя все это время.

Кореллианин протолкался к женщине в черном плаще. Он преодолел, наверное, половину дороги, когда толпу поразило Возрадование, и кандидаты в паломники — и рабы по совместительству — попадали на булыжную мостовую, словно кто то открыл по толпе огонь из парализатора.

Хан забыл силу Возрадования. Волны немыслимого удовольствия прокатывались по телу, доводя до истеричного блаженства. Неудивительно, что илизианские паломники считали, будто их жрецы наделены божественными дарами.

Даже Соло, который знал, что ощущение вызвано телепатической наводкой вкупе с низкочастотной вибрацией, приходилось держаться из последних сил.

Ему не надо было смотреть, чтобы знать, что кожистый мешок на шее Вератиля сейчас раздувается, а сам сакредот «гудит», становясь источником той самой вибрации, и думает о чем-то приятном. На неподготовленное существо подобная обработка действовала почище наркотика. Вызывать Возрадование были способны все мужские особи т'ланда-тиль. В естественной среде обитания эта биологическая особенность позволяла им привлекать самок для спаривания.

Все вокруг корчились в сладостных муках, стонали, закатывали глаза. Хана чуть не стошнило от подобного зрелища. Сосредоточившись, чтобы не наступить на кого-нибудь, Кореллианин вновь устремился за женщиной в черном плаще. Лица или выдающих ее рыжих локонов больше не было видно.

Пальцы вспомнили мягкий шелк ее волос... Хан когда-то любил перебирать кудри Брии, любуясь, как играют в них огненно-красные искры...

Когда толпу скосило Возрадование, женщина в черном плаще с капюшоном скрылась за каменной скамьей. Хан с трудом сглотнул колючий комок в горле. Из-за пристрастия к Возрадованию Брия бросила его. Так вот как она провела пять последних лет? Добровольная рабыня на Илизии, преданная своим хозяевам т'ланда-тиль, потому что не может жить без ежедневной дозы наслаждения? Было бы смешно, если бы не было грустно... А Он-то считал Брию сильнее.

Хан добрался до каменной скамьи и в недоумении огляделся. Женщины в черном нигде не было. «Да куда же она подевалась? Брия!» Но вокруг лишь стонали и всхлипывали паломники.

Он вскочил на скамью, всматриваясь до рези в глазах, пытаясь заметить хотя бы краешек черного плаща. И только когда сообразил, что смотрит поверх голов прямо в глаза Вера тилю, понял, какого грандиозного свалял дурака.

Четырехногий толстяк с крошечными ручками и массивной, украшенной рогом головой выпучил от изумления красноватые глазки.

Вопрос, узнал ли он Викка Драйго, человека, который взорвал фабрику по обработке спайса, обокрал верховного жреца и стал причиной гибели хатта Заввала, настоящего хозяина Илизии, отпал сам собой.

Страстные стоны перешли в недоуменные крики: Вера тиль отвлекся, Возрадование дало сбой.

Кто-то из паствы громко завыл, все поголовно корчились в

судорогах. Но коекто поднялся на ноги. Хан спрыгнул вниз, вознамерившись затеряться в поредевшей толпе, и заметил впереди краешек черного плаща.

Брия!

Позабыв о Вератиле, об опасности, Соло вновь заработал локтями.

— Брия! — заорал он. — Подожди!

Набрав скорость, кореллианин выбрался из взбудораженной толпы. Девушка тоже бежала, но Хан догнал ее в два счета.

Ухватив черную ткань, он дернул изо всех сил, не придумав, как иначе остановить беглянку, а потом, взяв девушку за локоть, развернул ее к себе лицом... и выяснил, что они незнакомы. Как он вообще ухитрился обознаться? Некрасивой эта девушка не была, и, если не обращать внимания на некоторую потрепанность, ее даже можно было назвать вполне привлекательной... Но Брия... Брия была красивейшей из всех женщин, каких видел Хан. Кроме того, волосы этой девушки были светло-русые, ни одной золотистой пряди с красноватым отливом.

К тому же Брия была выше ростом, эта же — совсем коротышка.

Разозленная донельзя коротышка.

— Ты что это вытворяешь, а? — вскричала на общегалактическом девушка в черном плаще. — Оставь меня в покое, или я вызову полицию!

— Я... ты это, извини... — промямлил Хан, отступая и делая успокаивающие жесты. — Принял тебя за другую.

— Ну так мне ее искренне жаль! — кипятилась девица. — Бедняжке приходится общаться с дурно воспитанным неряхой!

— Послушай... — продолжил Соло. — Я же извинился, сестренка! И ухожу.

— И иди подобру-поздорову, — многозначительно сказала незнакомка. — По-моему, жрец вызвал охрану.

Без лишних слов Хан зашагал прочь. Он увидел ожидающего его Чубакку и махнул вуки рукой.

Быстрый взгляд через плечо убедил его, что охрана потеряла нарушителя спокойствия.

«С выпивкой получился небольшой перебор, — решил Хан, переходя на рысцу. — Пора с ней завязывать. Легкая жизнь кончилась, отныне придется быть осторожнее... гораздо осторожнее...»

Лана Мэло появилась в дверях, держа в руках черный плащ Брии Тарен.

— Ну как, удалось Хану сбежать? — спросила Брия, едва заметив вошедшую.

Они сняли эту комнату на то недолгое время, которое намеревались провести на Девароне. Брия расположилась в единственном в дешевой комнатушке кресле, предназначенном для людей.

— Кажется, да, — ответила Лана, бросив плащ Брии. Освободив руки, она взяла дорожную сумку и поставила на кровать. — Последнее, что я видела, как они с вуки вскочили в рейсовый скиммер. Учитывая, что охранники были пешедралом, думаю, Хан улизнул.

— Наверное, его уже нет на планете, — тихо и как-то мечтательно проговорила Брия.

Девушка встала, подошла к окну. Она глядела в красноватое небо Деварона, и в зелено-голубых глазах ее заблестели слезы.

«Я и подумать не могла, что еще раз увижу его, что это будет так больно...»

Брии следовало бы торжествовать: сегодня она столкнулась с Возрадованием и смогла не поддаться ему. Годами она боролась с наркотической зависимостью и вот теперь узнала, что наконец свободна от нее. Как она мечтала об этом дне... Но теперь радость отравлена горечью. Снова увидеть Хана и знать, что они никогда не будут вместе, невыносимо.

— Ты что, не могла поговорить с ним? — словно прочитав мысли Брии, бросила вторая девушка; вопрошающий взгляд ее был жестким. — Не съел бы он тебя.

Брия отвернулась от окна и посмотрела на свою подругу и сестру по оружию. Лана натянула потертую куртку цвета хаки, затем быстрыми резкими движениями закинула остальные вещи в небольшую дорожную сумку.

Брия поежилась и поплотнее запахнула на себе плащ. Солнце висело уже над самым горизонтом, и становилось холодно.

— Нет, — тихо ответила Брия. — Я не могла поговорить с ним.

— И почему? Не доверяешь?

Методично, тщательно, словно дроид, Брия проверила заряд бластера, который носила пристегнутым на бедре — низко, как научил ее Хан пять лет назад, когда они были партнерами, друзьями... любовниками.

— Я доверяю ему, — сказала Брия, мгновение помедлив. — Я доверяю ему во всем, что касается меня. Но то, чего мы стараемся достичь сейчас, связано не только со мной. Это затрагивает всех нас. Предательство сейчас может означать конец всего нашего движения. Я не могу так рисковать.

Лана кивнула:

Да уж, появление Соло порядком спутало нам планы. Еще вопрос, когда появится новая возможность пристрелить Вератиля. Думается мне, он кинется обратно на Илизию — рассказать Тероензе, что видел твоего бывшего дружка.

Брия устало провела ладонью по волосам. «Хан любил так делать, — внезапно вспомнила она. Воспоминание было таким сильным, таким ярким, жгучим. Будто током ударило. — О, Хан...»

Лана Мало смерила ее оценивающим взглядом, в котором слились симпатия и цинизм.

Можешь изойти слезами попозже, Брия. А сейчас надо попасть обратно на Кореллию. Мы должны представить коммандеру полный отчет. Ну не удалось нам убить Вератиля, зато мы установили контакт с деваронской группировкой... так что не совсем напрасно мы сюда прогулялись.

— Я не собираюсь исходить слезами, — парировала Брия без выражения. Она вложила бластер в кобуру не глядя, как учил ее Хан. — Я давно уже перестала думать о нем.

— Ну да, конечно, — беззлобно согласилась Лана; женщины подняли сумки и направились к выходу. — Разумеется.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ДОРОГОЙ КОНТРАБАНДИСТА

Шаркая, Хан добрался до крошечной рубки дуросского корабля, нежно обхватив ладонями кружку с горячим стим-чаем. Он посмотрел в иллюминатор, за которым крутилась белесая хмарь гиперпространства, затем, помаргивая, перевел мутный взор на здоровяка-вуки, который каким-то чудом втиснулся в кресло второго пилота.

— Я слишком долго спал, — с обвинением в голосе возвестил кореллианин. — Ты не разбудил меня.

— Хрумф, — согласился Чубакка.

Ну да, да, мне надо было отоспаться, — признал Хан. — Кто ж спорит? Но ранили тебя, а не меня. Как лапа?

Вуки заверил, что выздоровление идет полным ходом. Кореллианин осмотрел рану и, удовлетворенный, утонул в кресле за пультом.

— Твоя взяла, но вот что я скажу тебе, приятель: вчера мне сильно повезло, что ты оказался рядом. Этим бара белам под руку лучше не попадаться. Дела могли обернуться худо.

Чубакка отметил, что дела и без того пошли хуже некуда. Хан пожал плечами:

— Ты прав. И кое о чем напомнил мне.

Он встал, порылся в ящике для инструментов, стандартном для всех кораблей, и вернулся на место, вооруженный напильником и лазерным резаком. Вынув бластер, Хан аккуратно срезал со ствола пенек прицела и взялся зачищать шероховатость.

Чубакка громогласно полюбопытствовал, чем занят его новый друг.

— Исправляю огрехи, — просветил вуки Соло. — Чтобы оружие не застревало в кобуре в самый ответственный момент. Там, в таверне, я не успел вовремя достать бластер и устроил нам кучу неприятностей. Я хорошо стреляю, обойдусь и без прицела.

Чуи пристально следил за его трудами. Хан пыхтел еще несколько минут, потом заговорил вновь:

— Уже плохо, что я не сумел выхватить бластер. Случись там перестрелка вместо легкой перебранки, сдается мне, мы бы сейчас не разговаривали. А могло быть и хуже. На площади мы могли влипнуть по самые уши. Если бы мальчики Вератиля нас повязали... поверь мне, дружище, эти т'ланда-тиль не станут ковырять в носу. Друг мой, поймай они нас, и мы — в навозе хумбабы.

— Гркхаф?

— М-да… похоже, надо объясниться. — Кореллианин обреченно вздохнул. — Лет пять назад мне потребовался опыт вождения больших кораблей, без него в академию не берут, сам понимаешь. Вот я и подвизался на одну работенку для т'ландатиль на Илизии. Не слышал о таких?

Чубакка заскулил.

— Вот-вот, колония религиозных фанатиков. Только все это чушь, парень. Афера, надувательство, ловушка для дураков. На Илизии заправляют хатты. Паломники толпами валят в рай, думают, что Вот-вот присоединятся к космическим Всем или Что-то вроде, а попадают в рабство. Работают на очистке спайса, многие не выдерживают, бедолаги. Когда я там жил, колоний у них было три штуки, но я слышал, ребята расширяют дело. То ли пять, то ли шесть уже.

Чубакка пригорюнился.

Хан провел пальцем по стволу, недовольно скривился:

— Кому-то надо было прикрыть ту лавочку, Чуи. Я — вор, контрабандист, аферист, игрок, у меня найдется еще куча занятий, гордиться которыми я не стал бы, но рабство… Вот чего я на дух не переношу. И работорговцев. Отбросы Вселенной. Я бы их перестрелял за два кредита…

Естественно, вуки присоединился к мнению напарника. Поглаживая большим пальцем сточенный прицел, Хан криво усмехнулся и, удовлетворенный результатом, сунул бластер в кобуру.

— М-да, забыл, с кем разговариваю. Ладно, все равно это долгая история. А финал такой: я решил убраться с Илизии, покуда цел, вот и обокрал тамошнего начальника. У них верховный жрец собирал всякие штучки, дорогое оружие, статуэтки, картины, украшения, всякое такое. Все бы ничего, да только в самый неподходящий момент заявился Тероенза вместе с хаттом Заввалом… Началась пальба, Заввал испустил дух.

Чубакка вопросительно тяфкнул. Хан опять вздохнул:

— Нет, не я. Но в общем, нельзя отрицать, что я тоже немного виноват…

Вуки высказался в том смысле, что чем хаттов меньше, тем вольнее дышится.

— Вот-вот. Но поскольку мы, может статься, будем на них работать, держи свое мнение при себе.

Кореллианин подкрепил силы глотком стим-чая, погружаясь в воспоминания, стал разглядывать длинные нити звездного света.

— Ну вот, я сбежал. Жаль только, Вератиль меня вчера

заметил. Что-то у меня дурные предчувствия, знаешь ли: т'ландатиль — не те, с кем охота общаться каждый день.

Чубакка спросил напрямик. Хан уткнулся взглядом в пол. Откашливался он долго.

— Почему я вернулся и так глупо полез на рожон, да? Понимаешь... ну, в общем... была там одна девчонка...

Фырчание в переводе на общегалактический означало: «Почему я не удивлен?»

— Нет, ты не понял, она... особенная, — ощетинился Хан. — Брия Тарен. Я подумал...

Взгляд его затуманился.

— Вчера в этой толпе я подумал, будто увидел ее. Клянусь, это была она! Пять лет назад мы... того... дружили, в общем. Очень близкими были друзьями.

Чубакка кивнул. Он провел с Ханом Соло всего лишь месяц, но уже усвоил, что человеческие самочки чуть ли не наперегонки бросались к ногам кореллианина.

А тот все упражнялся в пожимании плечами.

— Но глаза меня обманули. Я догнал ее, а это была совсем не она, не Брия, какая-то другая. Вот ведь му... — Кореллианин застенчиво прочистил горло. — То есть я был разочарован. Я ведь правда надеялся, что нашел ее.

Он сделал еще один глоток остывшего стим-чая.

— Вчера я видел ее во сне, — сказал он больше себе, чем мохнатому собеседнику. — Я все еще носил форму, а Брия мне улыбалась...

Чубакка сочувственно заскулил.

— Да ладно, дело прошлое. Не хочу об этом думать, давай лучше о тебе поговорим? У тебя есть подружка?

Вуки застеснялся, Хан понятливо ухмыльнулся:

— Кто-то особенный? Или кто-то, кого бы ты хотел сделать особенным?

Чубакка побарабанил по кнопке контроля стабилизаторов.

— Эй-эй, поосторожнее! Не нажми! Если не хочешь, можешь, конечно, не делиться... но я вот рассказал. Если мы хотим стать напарниками, разве мы не должны верить друг другу?

Его волосатый спутник погрузился в размышления, в конце концов сдался и заговорил, поначалу неохотно, но все увлеченнее и увереннее. Из повествования следовало, что он, Чубакка, находил весьма привлекательной одну юную вуки из соседней деревни. Звали девушку Маллатобак, и время от времени она приходила к ним помогать старикам по хозяйству. Как-то раз ухаживала за отцом Чубакки, пожилым и в высшей степени раздражительным вуки по имени Аттичиткак.

— Короче, она тебе нравится, — подытожил Хан. — А ты ей?

В этом Чубакка уже не был столь уверен. Им не довелось провести много времени наедине, но при воспоминании о Маллатобак голубые глаза мохнатого напарника увлажнились...

— Так сколько же ты ее не видел?

Чуи на миг задумался.

— Рхоф!

— Пятьдесят лет! — не поверил своим ушам кореллианин.

Он знал, что вуки живут очень долго — в принципе, — но, согласитесь, полвека все-таки перебор. Хан еще раз приложился к кружке с бодрящим напитком.

— Ну знаешь, друг, не хочется портить тебе настроение, но твоя милашка, возможно, уже чья-то верная жена и счастливая мамаша шести маленьких вуки. Нельзя заставлять девчонку ждать так долго.

Чубакка согласился, что, пожалуй, стоит вернуться на Кашиик, как только представится шанс, и возобновить знакомство.

— Вот что я тебе скажу, — воодушевился Соло. — Вот обзаведемся собственным кораблем, купим его и оплатим, так первым же делом двинем на Кашиик, что скажешь?

Голосистый вуки обрадованно взревел.

Кореллианин посмотрел на него и подумал, что, несмотря ни на что, все же здорово иметь под рукой собеседника в долгом космическом путешествии. Стоит очутиться в гиперпространстве, перелет — вещь довольно унылая и тоскливая.

— Что за мешок ты приволок на борт? — Хан сменил тему разговора. — Я видел. Купил что-нибудь?

Чубакка молча сходил за приобретением. Соло недоуменно разглядывал выложенные перед ним деревяшки и металлические штуковины разной длины и формы. Единственное, что удалось опознать, — это рукоять вроде как у бластера, к которой был присоединен явно спусковой механизм.

— Это еще что за зверь?

Вуки разродился длинной тирадой.

— Самострел, — повторил за ним кореллианин. — Ну, удачи. Его свинчивать и свинчивать. И тетива слишком тугая, ее ни одному человеку не натянуть.

Чубакка согласился и, вооружившись инструментами, с энтузиазмом принялся за работу.

— Ты стрелять-то умеешь? — поинтересовался Хан, наблюдая за ловкими действиями напарника.

Чубакка без лишней скромности заявил, что считается у своего народа отменным стрелком и охотником.

— Ты меня порадовал. Мы направляемся к Нар-Шаддаа, а там нужно прикрывать напарнику спину. Это спутник Нал Хатты, слышал когда-нибудь о такой?

Чуи не слышал.

— Да и мне там бывать не приходилось, но говорят, там небезопасно. Даже Империя предпочитает не связываться с Нар-Шаддаа. Если у тебя зуд в пальцах или тебе хочется заняться делами, на которые власти смотрят косо, тебе прямая дорога на Нар-Шаддаа. Такое вот это местечко.

Соло начал проверять показания приборов, чтобы удостовериться, что на корабле все в порядке. Скоро они вынырнут в обычное пространство неподалеку от Нар-Хекки. Чубакка наблюдал за напарником блестящими голубыми глазами. Потом вопросительно вуфкнул.

Хан оторвался от работы.

— Я искал ее, — признался он после долгого молчания. — Честное слово, искал. Сначала разозлился, обиделся, что бросила меня, но... ей здорово досталось от жизни. Пару лет назад в увольнительной я связался с ее отцом Ренном Тареном, так тот сообщил, что уже год ничего не слышал о дочери. Он понятия не имел, где Брия. — Кореллианин вздохнул. — Остальная ее семейка — занозы в седалище, но Ренн мне нравится. Он помог мне, когда припекло. После выпуска я месяцев шесть все свои деньги ему отсылал, хотел долг погасить. Он...

Коротко взревела корабельная сирена.

— Выходим из гиперпространства, — возвестил Хан; руки его летали над пультом управления. — Следующая остановка — Нар-Хекка. На поиски господина Тагты, дружище!

Посадив грузовик в космопорту, указанном заранее, напарники собрали немудреные пожитки и ушли, не питая ни малейших иллюзий, что когда-либо вернутся на борт корабля. Его здесь уже не будет. Вагон подземки доставил их в город, где обитал хатт Тагта.

Хану довелось побывать на Нал-Хатте, и он находил ее пренеприятнейшим местом... склизким, влажным и вонючим — под стать тамошним обитателям. От Нар-Хекки он ожидал того лее — и был приятно удивлен. Планета отличалась прохладным климатом и бегала по орбите вокруг тусклой красной звезды на границе системы И'Тоуб. Деньги хаттов и небольшой колонии разномастных переселенцев превратили ее в технологическое чудо.

Небеса за колоссальными куполами отливали синевой с

легкой примесью фиолета. На бедной собственной растительностью планете хорошо прижились растения с других миров; здесь их бережно выращивали и культивировали. Повсюду были разбиты парки, ботанические сады и питомники.

Хан и здоровяк-вуки немного прогулялись по городу. Искусственные конвекционные потоки, словно теплый ветер, овевали им лица. Соло высказался в том смысле, что после духоты тесного корабля просто здорово размять ноги, и Чубакка гортанным урчанием подтвердил согласие с этой мыслью.

Довольно скоро напарники подошли к внушительному зданию из белого камня, где, как им объяснили, жил и занимался делами Тагта. Может, Тагта и работал на Джилиака, но и сам с полным на то правом мог считаться влиятельным и весьма богатым.

Они поднялись по низкому пологому пандусу (по вполне понятной причине хатты не пользуются лестницами) и вошли в двери, настолько широкие, что там без помех проходили антигравитационные сани с упитанным хозяином дома. Встретила напарников крохотная салластанка. Хан назвал ей свое имя и попросил аудиенции.

Причмокивая и раскачивая брылями, салластанка ушла — вероятно, проверить честные намерения гостей. Отсутствовала она каких-то несколько минут.

— Господин Тагта встретится с вами. Он попросил узнать у вас, не голодны ли вы? Хозяин сейчас полдничает.

Хан был голоден и подозревал, что Чубакка не откажется перекусить, но мысль о том, что придется усесться за один стол с хаттом, отшибала аппетит начисто. Одного запаха, исходящего от слизня, хватало, чтобы вывернуть нежный человеческий желудок наизнанку.

— Мы только что поели, — убедительно соврал Хан. — Но от всего сердца благодарим господина Тагту за его великодушное приглашение и заботу.

Еще несколько минут — и напарники в сопровождении трех охранников-гаморреанцев входили в личный обеденный зал хозяина дома. Высокий сводчатый потолок напомнил Хану о виденных им соборах. В большое, от пола до потолка, окно лился красноватый солнечный свет, придавая белым стенам розоватый оттенок. Тагта развалился перед столом, уставленным разнообразными блюдами. Как и все его родичи, он не мог в прямом смысле сидеть.

Хан всего раз глянул на попискивающие, извивающиеся закуски и отвернулся. Но к столу подошел с каменным лицом.

На Илизии кореллианин выучил язык хаттов и довольно

хорошо его понимал. Хотя произнести мог всего несколько слов, так как многие значения зависели от обертонов, издавать которые человеческая гортань не была приспособлена. Поэтому сейчас кореллианина крайне интересовало, не завалялся ли где поблизости дроид-переводчик. Он огляделся по сторонам, но ни одного не увидел.

Тагта уютно покачивался на антигравитационной платформе, но у Хана создалось впечатление, что хатт способен передвигаться самостоятельно. Некоторые слизни так жиреют, что не могут даже ползать без посторонней помощи, но Тагта не был настолько стар или толст.

Наблюдая, как хозяин дома выуживает из стеклянного аквариума, наполненного ядовитого цвета жидкостью, очередную личинку, Хан подумал, что Тагта быстро наберет недостающие килограммы. Из уголков безгубого рта капала зеленоватая слюна, Тагта перекатывал на языке закуску, прежде чем ее проглотить.

Соло заставил себя не отводить взгляд.

Хатту потребовалось несколько минут на лакомство, после чего он посмотрел на гостей и произнес на родном языке:

— Кто-либо из вас понимает устную речь единственных истинно цивилизованных существ Галактики?

Кореллианин поспешно кивнул, хотя и ответил на общегалактическом:

— Да, повелитель Тагта, я понимаю. Хотя говорить, к сожалению, на нем не могу.

От удивления хатт моргнул выпуклыми плошками глаз и даже всплеснул маленькими ручками:

— Что ж... это делает тебе честь, капитан Соло. Я понимаю твой примитивный язык, так что переводчик нам без надобности. — Он указал на вуки. — А твой спутник?

— Мой друг и первый помощник не говорит на языке твоего высокоученого и просветленного народа, повелитель Тагта.

Хан терпеть не мог льстить в каждом предложении, но ему требовалось не испортить хозяину настроение! Когда имеешь дело с хаттами, об этом лучше не забывать; к тому же Соло хотел, чтобы этот конкретный хатт оказал ему услугу.

— Замечательно, капитан Соло, — обронил Тагта вместе с крошками еды. — Привел ли ты корабль, для чего, собственно, тебя и наняли?

— Да, привел, ваше великолепие, — ответил кореллианин. — Он стоит в ангаре номер тридцать восемь, космопорт Кью-семь.

Нар-Хекка славилась огромнейшим портовым комплексом, поскольку являлась основным перекрестком торговых путей в космосе хаттов.

— Замечательно, капитан, — повторил Тагта. — Ты хорошо поработал. — Он махнул лапкой, указывая на дверь. — Можешь идти.

Хан не сдвинулся с места.

— Повелитель Тагта, мне полагается вторая половина обещанных денег.

Хатт даже приподнялся от такой наглости:

— И ты полагаешь, что эти деньги тебе отдам я?

Соло набрал полную грудь воздуха. Какая-то часть его души требовала удариться в бега. Не стоит дразнить могущественного и злопамятного хатта. Но кореллианин заставил себя сохранить хладнокровие. Он не мог отделаться от ощущения, что это проверка.

— Так точно, ваше великолепие, мне пообещали вторую половину оплаты после того, как я благополучно доставлю корабль на Нар-Хекку, избежав встреч с любым имперским патрулем, который заинтересовался бы грузовозом... или содержимым его трюма. Мне сказали, что вторую половину я получу от вас при личной встрече.

Тагта презрительно фыркнул:

— Как тебе пришло в голову, что я заключу столь смехотворную, глупую сделку, человек? Оставь меня в покое!

Вот теперь Хан рассердился. Скрестив на груди руки, он упрямо покачал головой. А ноги пошире расставил для уверенности.

— Не пойдет. Мне было обещано. Раскошеливайтесь, ваше великолепие.

— Как ты смеешь требовать у меня деньги?!

— Когда речь идет о кредитах, я много чего посмею, — непреклонно заявил Хан Соло.

— Хрррмф!

Тагту раздуло от негодования.

— Твой последний шанс, кореллианин! — предупредил взбешенный хатт. — Уходи, или я позову охрану!

— Тоже мне охрана! Кучка гаморреанцев! Чуи на один зуб...

Тагта зыркнул на упрямого посетителя, но гаморреанцев звать не стал.

— Слушайте, ваше великолепие, вы чего добиваетесь? Чтобы я каждому встречному и поперечному говорил, будто Тагта увиливает от долгов? — Хан решительно выпятил нижнюю губу. — Вам светят интересные времена. Когда я закончу рассказывать, вы с трудом найдете себе работников.

В груди хозяина дома клокотало так, что у Хана пересохло во рту. Не перебор, нет?

Тикали секунды, кореллианин ждал, с трудом удерживая ноги на месте, а язык на привязи.

И вдруг Тагта хихикнул. Громогласно, на басах, но вполне узнаваемо.

— А ты воистину храбрец, капитан Соло! Меня восхищает отвага!

Хатт пошарил среди тарелок, кубков и чаш и перебросил Хану найденный там кошель.

— Можешь не пересчитывать.

«Жирный скупердяй! Деньги были готовы с самого начала! Он меня просто испытывал...»

Выигранный словесный поединок принес уверенность в собственных силах. Хан отвесил поклон:

— Примите нашу бескрайнюю благодарность, повелитель Тагта. И нельзя ли попросить об услуге?

— Услуге? — возмутился хатт, быстро помаргивая круглыми глазами. — Воистину, ты отважное и дерзкое существо! И что же это за услуга?

— Я понимаю так, что вы знакомы с повелителем Джилиаком, господин?

Огромные глаза с узкими зрачками вновь моргнули.

— Да, мы ведем совместные дела. И принадлежим к одному клану. А что такое?

— Ну, я слышал, что на Нар-Шаддаа можно найти работу для хороших пилотов. И что повелитель Джилиак многим, если не всем, там владеет. Я хороший пилот, это правда, не похвальба. Если бы вы могли порекомендовать меня повелителю Джилиаку... нам с Чуи хочется поработать на него.

— А-а-а... — прогудело в широкой груди. — Ясно. Так что же мне сказать главе нашего клана? Что ты жадный и бесцеремонный наглец, капитан Соло?

Хан вдруг широко ухмыльнулся. Он уже получил некоторые понятия о чувстве юмора у хаттов, извращенном, но несомненном.

— Если считаете, что такая слава поможет, повелитель Тагта, то именно так.

Слизень весело хохотнул:

— Позволь сказать тебе, капитан Соло, что не много найдется людей, которые посчитают эти качества за добродетель! Зато мой народ ценит их и уважает.

— Как скажете, господин, — пролепетал кореллианин, не слишком уверенный в том, каким должен быть правильный ответ.

— Писец! — взревел хатт, и из-за драпировок выглянул двуногий дроид:

— Слушаю, ваша неотразимость.

Тагта взмахнул рукой и протараторил распоряжение такой скороговоркой, что Хан практически ничего не разобрал. Уловил лишь, что речь идет о «печатях» и «посланиях».

Через несколько минут дроид вернулся с голокубом с кулак величиной, вручил его хозяину и застыл в почтительной позе. Тагта внимательно перечитал содержащееся внутри куба послание и удовлетворенно хрюкнул. Затем облизал одну из граней, оставив на ней зеленое пятно.

Подержав куб на весу, Тагта активировал его грань, и пятно запечаталось чистой пленкой.

— Возьми, капитан Соло. — Хатт протянул кубик Хану. — Повелитель Джилиак узнает, кто тебя прислал. Ему действительно нужны хорошие пилоты. Усердно потрудись на него, и будешь вознагражден. Мы, хатты, известны щедростью и благосклонностью к низшим формам разумной жизни, если те служат нам верой и правдой.

Хан взял кубик — не без опаски, но тот уже высох. Кореллианин посмотрел на зеленое пятно. Очевидно, Джилиак сделает анализ слюны и удостоверится, что подарочек действительно прислан родственником. «Умно. Но тошнотворно», — подумал Хан.

Соло еще раз поклонился, пригнул Чубакку, что оказалось нелегким делом: вуки кланяться отказывался.

— Благодарю вас, ваше великолепие!

Спускаясь по внешнему пандусу особняка, напарники ожесточенно спорили, надо или нет поделить прибыль.

— На всякий случай, а вдруг нас ограбят? — настаивал Хан, пытаясь заглушить протесты Чубакки. — А так хоть у одного из нас останутся деньги.

Оказавшись на улице, Соло немедленно предложил где нибудь закусить перед тем, как возвращаться в космопорт. Справившись у хозяина цветочной лавки, тощего, словно веретено, гуманоида с длинной проволокой усов и клочковатыми ушами, нет ли поблизости хорошего ресторанчика, напарники получили адрес забегаловки в нескольких кварталах отсюда. Называлось заведение пышно — «Звездная обитель».

Вот только узнать, соответствует ли название сущности, им не удалось. Они почти добрались до ресторанчика, когда Хан, сам не зная почему, оглянулся, оборвав высказывание на половине. Краем глаза он заметил безволосого бледнокожего гуманоида с длинными головными хвостами; тви’лек вышел из дверей дома за спинами приятелей. И в когтистой руке он держал бластер. Хан еще поворачивал голову, а тви’лек уже кричал, пусть с акцентом,

но вполне разборчиво:

— Стоять, оба, или я вас на месте пристрелю!

Хан нутром чуял, что, даже выполнив приказ, он не сохранит себе жизнь, а поскольку с таким исходом кореллианин не был согласен, то не стал медлить ни секунды. С диким воплем он бросился на землю, откатился в сторону и поднялся на одно колено с оружием в руках.

Бластер тви'лека плюнул зеленовато-голубыми кольцами парализующей энергии. Хан метнулся в сторону, прицелился, выстрелил, и красный лазерный луч ударил противника в грудь; тви'лек упал, то ли мертвый, то ли обездвиженный. Радостно озираться на напарника Хан все равно не спешил, для начала удостоверился, что противник в скором времени не поднимется. Вуки, привалившись к припаркованному на обочине спидеру, оглушенно мотал головой. Ясно, кому достался парализующий заряд. Кореллианин подбежал к нему:

— Тебя сильно зацепило, дружище?

Он старался не обращать внимания на то, как колотится от прилива адреналина сердце. Приглушенным ворчанием Чубакка заверил напарника, что с ним полный порядок. Хан не поверил и всмотрелся в волосатую рыжевато-бурую морду. Кажется, действительно порядок. Смышленые голубые глаза смотрят ясно, зрачки вроде бы одного размера. Хан вздохнул с облегчением. Если бы с Чуи Что-то стряслось... что бы он делал без этого блохастого оболтуса?

Кореллианин вернулся к поверженному тви'леку и опустился рядом на одно колено. Грудь гуманоида разворотило будь здоров, края раны почернели, обуглившись. Труп, никаких сомнений. Хан сглотнул. Убивать ему приходилось и раньше, но не нравилось ему это дело, и все тут.

Стиснув зубы, он заставил себя обыскать мертвеца и сделался счастливым обладателем двух виброклинков (из ножен на руке и на щиколотке). На второй руке обнаружилось закрепленное на запястье устройство — выстреливающие в жизненно важные органы противника небольшие, но смертоносные лезвия.

Дальше — больше. На поясе под рубахой нашелся стимулятор сна — оружие ближнего боя, но притом весьма эффективное. Тви'лек запросто мог зайти Хану за спину, ткнуть стимулятором между лопаток и, нажав на кнопку, отправить кореллианина в страну грез.

Соло разглядывал коллекцию вооружения, во рту было сухо. «Охотник за головами. Здорово... Почему я не удивляюсь?

Наверняка Тероенза расстарался. Выяснил, что я жив, и возжелал лицезреть...»

Да, если бы не инстинкты и отточенные рефлексы, быть бы ему сейчас упакованным по всем правилам и лететь на Илизию навстречу малоприятному возмездию.

Ворчливо залаял Чубакка, намекая, что неплохо бы оглядеться по сторонам. Хан так и поступил… и выяснил, что вокруг начинают собираться зеваки.

Бросив охотника лежать, кореллианин поднялся, не убирая бластера. Толпа попятилась. Ни на мгновение не поворачиваясь спиной к зрителям, с грацией профессионального танцора Соло начал двигаться в сторону, пока не оказался рядом с Чубаккой. Без сомнения, кто-то уже нашептал на ухо властям. Но тви'лек — охотник за головами, местным законам он практически не подчиняется. Считается, что охотники за головами способны постоять за себя. А если добыча вздумала кусаться… что ж, не повезло.

Неторопливо, шаг за шагом, напарники отступили в ближайший проулок, а вот уж там, не сговариваясь, как по команде, развернулись и помчались со всех ног.

Их никто не преследовал.

Тероенза, верховный жрец и неофициальный хозяин Илизии, мира, где в широком масштабе производились наркотики и рабы, покоился в гамаке, а его дворецкий-зисианец Ганар Тос массировал ему широкие плечи. Несмотря на неизгладимое впечатление, которое т'ланда-тиль — грузные, массивные создания, напоминающие своих дальних родственников, хат тов, если бы не четыре ноги и огромный рог, — производили на окружающих, сами себя они считали наикрасивейшими существами в Галактике. Многие не согласились бы с подобным определением.

Тероенза приподнял крошечную руку и пальчиками нанес на себя успокаивающее масло. Затем аккуратно помассировал веки. Какое счастье, что солнце на Илизии постоянно спрятано за облаками, и все равно ему достанет сил иссушить кожу, если о той не позаботиться. Весьма способствуют грязевые ванны, как и вот эти дорогостоящие препараты. Тероенза принялся втирать масло в рог, вспоминая, когда же он в последний раз навещал дом на Нал-Хатте. Там они с его привлекательной подругой Тиленной часами могли умащать друг друга…

Верховный жрец испустил тяжкий вздох. Долг перед хаттами, чьему клану прислуживала его семья, и собственными родственниками требовал жертв, и среди них — обеспечивать Возрадование, и поэтому на Илизию допущены лишь мужские

особи т'ланда-тиль. Женщинам здесь делать нечего. Ни подруг, ни потенциальных подруг...

— Сильнее, Ганар Тос, — пробормотал Тероенза на родном языке. — Я хорошо потрудился за эти два дня, столько забот, столько хлопот. Мне нужно побольше отдыхать...

Он страдальчески посмотрел на двери, которые вели в его личную сокровищницу. Верховный жрец отличался страстью коллекционировать все редкое, необычное и прекрасное. Он покупал и «приобретал» раритеты со всех уголков Галактики, и коллекция была единственным его утешением на этой захолустной душной планете, населенной рабами и отщепенцами.

Почти четыре года потребовалось на то, чтобы восстановить коллекцию после того, как этот отброс, ничтожный представитель разумных Викк Драйго разорил ее и украл самые ценные и дорогие предметы. Несколько дней назад Тероенза узнал, что так называемый Викк Драйго еще жив. Проверка в записях деваронского портового управления показала, что настоящее имя этого пройдохи — Хан Соло.

При воспоминании о той жуткой ночи, когда кореллианин покусился на его драгоценную коллекцию, Тероенза сжал крохотные кулачки и опустил голову в желании пронзить святотатца рогом. Пальцы Ганара Тоса вцепились в неожиданно вздувшиеся мышцы, заставив т'ланда-тиль поморщиться и отпустить несколько проклятий на родном языке. Если бы только грабеж! Этот Соло устроил в сокровищнице перестрелку, и многое погибло безвозвратно. Фонтан из белого камня восстанавливал лучший скульптор Галактики, но он никогда не будет прежним...

Дверь открылась, прогоняя мрачные мысли, и пропустила внутрь Киббика. Молодой хатт был далек от того, чтобы набрать нужный вес и размеры, которыми отличаются старики, и антигравитационные салазки были ему не нужны. Поэтому он передвигался за счет собственных мускульных усилий.

Тероенза сознавал, что следует подняться из гамака и приветствовать хозяина с почтением, но не двинулся с места. Киббик едва достиг совершеннолетия по меркам своего рода, и Илизия ему не нравилась. Покойному Заввалу, прежнему хозяину Тероензы, как и его брату Аруку, могущественному главе клана, он приходился племянником.

Хотя вежливо склонить голову и поднять руку верховный жрец не забыл; он совершенно не собирался конфликтовать с Киббиком.

— Приветствую, ваше великолепие! Как здоровье?

Молодой хатт подполз ближе. На его спине еще не проступили зеленоватые пятна, кожа была цвета песка и еще не

морщинилась толстыми складками, а, наоборот, была туго натянута, отчего на мир Киббик смотрел наивно выкаченными глазами. У Тероензы имелись весомые причины не доверять этому детскому взгляду.

— Ты пообещал мне нала-квакш, — заговорил Киббик на родном языке; голос его звучал басовито, но ему не хватало взрослой глубины. — Груз еще не прибыл, Тероенза! А я хотел закусить ими сегодня вечером. — Он испустил нарочито трагический вздох. — Так мало удовольствий на этой проклятой планете! Сможешь сделать что-нибудь, Тероенза?

Верховный жрец успокаивающе помахал крохотными руками:

— Разумеется, ваша светлость. Не бойтесь, получите вы своих нала-квакш. Мне они не по вкусу, но я знаю, как Заввал любил их. Я вышлю охранников, они вам наловят...

Киббик заметно расслабился.

— Вот так-то лучше, — заметил он. — Ах да, Тероенза, мне еще нужна новая банщица. Прежняя потянула спину, вытаскивая из масла мой хвост, так что я приказал вернуть ее на фабрику. Ее нытье действовало мне на нервы... а у меня такие деликатные нервы, сам знаешь.

— Да, мне известно, — кивнул т'ланда-тиль, скрипя зубными пластинами. «Мне следует не забывать, что Киббик хотя и ноет постоянно и по любому поводу, но предоставил жрецам полную свободу действий. Уж если выбирать себе в хозяева хатта, так лучше и не найти». — Сейчас же займусь.

Вообще-то, для управления колониями и торговыми операциями никакой хаттский надсмотрщик ему не требовался. Спустя год после безвременной кончины Заввала от рук Хана Соло верховному жрецу это стало очевидно. Но каджидик Бесадии, управляемый властным старым хаттом по имени Арук, цеплялся за традиции. Если Бесадии имеют какуюто собственность, за нею присматривает их родич.

Посему Тероензу обременили Киббиком.

Верховный жрец подавил вздох. Было бы неумно сделать свое недовольство всеобщим достоянием.

— Что-нибудь еще, ваше великолепие? — спросил он, почти силой заставляя себя вести чуть ли не подобострастно.

Киббик глубоко задумался.

— Ах да, чуть не забыл. Этим утром я говорил с дядей Аруком, он проверял смету за последнюю неделю. Он желает знать про награду в пять тысяч кредитов за голову того человека, Хана Соло.

Тероенза потер ладони:

— Известите господина Арука, что несколько дней назад я

узнал, что вновь объявился Викк Драйго, убийца Заввала, человек, которого мы пять стандартных лет считали мертвым! Его настоящее имя Хан Соло, и два месяца назад его с позором вышвырнули из имперского флота. — Выпученные глаза Тероензы увлажнились. — Я предложил за его голову столь высокую награду с пометкой, что добыча должна быть доставлена целой и живой, чтобы гарантировать пребывание убийцы хаттов на Илизии, где он заплатит за свои преступления.

— Ясно, — сказал Киббик. — Я объясню все Аруку, но не думаю, что он согласится заплатить свыше оговоренной суммы за то, чтобы добыча была доставлена невредимой. Да и к чему столько хлопот? Будет достаточно любого доказательства, например генетического материала.

Тероенза порывисто вывалился из гамака и принялся расхаживать по просторному жилищу, раздраженно молотя хвостом воздух.

— Вы не осознаете природы его преступления, ваша светлость! Если бы вы были здесь, если бы увидали, как Соло поступил с вашим дядюшкой! Его предсмертная агония была ужасна! Эти стоны! Эти судороги! А причиной всему маленький жалкий человечишка!

Верховный жрец набрал побольше воздуха, сообразив, что его самого трясет от неподдельного гнева.

— Следует устроить показательное наказание, такое, которое будут помнить веками! Чтобы все поняли, что не стоит поднимать на хаттов руку и любую другую конечность! Соло должен умереть, умереть в агонии, умереть, умоляя о пощаде!

Запыхавшийся от ярости Тероенза сделал паузу в центре комнаты, сжал крохотные кулачки.

— Спросите Ганара Тоса о дерзости Соло, о его беззастенчивости! Кореллианин заслужил смерти, не правда ли? — Он балансировал на грани истерики.

Старый зисианец-дворецкий отвесил робкий поклон, но его влажные глаза пылали яростью.

— Хозяин, вы говорите правду. Хан Соло заслуживает только смерти, самой долгой и болезненной, какую вы только придумаете для него. Многие разумные существа пострадали из-за него, даже я. Он украл мою подругу, мою невесту, мою прекрасную Брию! Жду не дождусь того дня, когда охотник за головами приволочет кореллианина к вам, живого, чтобы вы могли порадоваться! Я буду танцевать от радости под его крики!

Киббик попятился, оживление собеседников ввело его в некоторый ужас.

— Я... понимаю... — в конце концов произнес он. — Я...

сделаю все, что в моих силах, дабы убедить дядю Арука.

Тероенза кивнул, он еще не остыл.

— Уговорите его, прошу вас, — сипло проговорил он. — Вот уже десять стандартных лет я в поте лица тружусь для клана Бесадии и их каджидика. Вы не хуже меня знаете о превратностях этой планеты, ваше великолепие. Мои запросы малы... но Хан Соло — я должен получить Хана Соло. Он будет долго, очень долго умирать в моих руках.

Киббик кое-как склонил массивную голову.

— Я объясню все Аруку, — повторил он обещание. — Ты получишь кореллианина, жрец.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
НАР-ШАДДАА

Прежде чем встать в очередь за билетами на Нар-Шаддаа, напарники, заметая следы, погуляли по окраине космопорта Нар-Хекки. Два-три разумных вопроса в двух-трех второсортных тавернах дали им имя лучшего специалиста по фальшивым документам.

Специалист оказался цикленкой с Цика, округлым лысым созданием с туго натянутой белесой кожей. Своей профессии она подходила идеально, круглые глаза обеспечивали исключительное зрение, а семь пальчиков на каждой конечности своей гибкостью напоминали щупальца. Благодаря двум противопоставленным пальцам на каждой руке цикленка умудрялась орудовать двумя голостилусами одновременно. Хан наслаждался, наблюдая за созданием ИД-карты для него и Чубакки. Теперь приятелей звали Гаррисом Киллом и Арри-кабакком соответственно. Хан понятия не имел, знает ли Тероенза о Чуи, но рисковать не собирался.

С поддельными документами и значительно облегченными кошельками парочка новоиспеченных авантюристов поднялась на борт «Звездной Принцессы», что совершала регулярные рейсы до Нар-Шаддаа.

Путешествие оказалось неинтересным и скучным, кореллианин все равно не переставал волноваться и вздрагивать по поводу и без повода. За ним снова охотились... не самое удачное начало для новой карьеры. Нар-Хекка находилась на границе системы И'Тоуб, но полет затянулся дольше стандартных суток, так как корабль ковылял на досветовой. Антикварный навигационный компьютер престарелой «Принцессы» не умел рассчитывать гиперпространственные прыжки вблизи гравитационного колодца звездной системы с шестью планетами. Всякий пилот знает — это та еще задачка.

Ворочаясь на узкой койке, Хан видел во сне, будто он все еще кадет и все еще учится в академии на Кариде. И будто он встал в строй на плацу, предварительно наведя глянец на сапоги. Китель сидит безупречно, волосы не топорщатся, обувка сияет так, что глазам больно.

Он стоял на плацу с другими кадетами, совсем как в жизни, и смотрел в ночное небо, откуда ему весело подмигивала небольшая луна, талисман академии. Хан разглядывал ее, как не раз поступал в действительности, и вдруг она взорвалась,

разбрызгав по темному небосводу желтые искры. Кадеты вскрикнули от неожиданности. Оцепеневший Хан не мог отвести взгляд от желто-белого шара с расширяющимся кольцом раскаленного газа. Словно взрыв миниатюрной звезды…

Он смотрел и смотрел и вдруг — по непредсказуемости сновидения — очутился совсем в другом месте, на трибунале. Один из старших офицеров, адмирал Оззель, заунывно бубнил статьи приговора, а младший лейтенант под тот монотонный аккомпанемент один за другим срывал с парадной формы кореллианина шевроны и нашивки, в результате чего китель все больше становился похожим на лохмотья. С лишенным выражения лицом юный лейтенант вынул из ножен на поясе Хана церемониальный клинок и сломал о колено. Предварительно подпиленное лезвие сломалось без труда.

Затем парнишка, чем дальше, тем больше похожий на дроида (Тедрис Бжалин, он окончил учебу годом раньше, они с Ханом быстро сдружились), отвесил Соло пощечину, что должно было выражать презрение и насмешку. И, чтобы окончательно подчеркнуть моральное падение своего недавнего соратника, плюнул. Хан смотрел на начищенные до зеркального блеска сапоги, смотрел, как, пачкая идеальную поверхность, по носку ползет бледно-серебристая ниточка слюны.

В реальной жизни Хан про себя поблагодарил Тедриса за то, что не плюнул в лицо, а ведь мог бы. Имел полное право. Тогда Хан выдержал унижение, придушил эмоции, но во сне с протестующим криком бросился с кулаками на приятеля…

…и проснулся, мокрый от пота и дрожащий, на узкой койке.

Он с трудом сел, вцепился слабыми пальцами в волосы, убеждая, что это был всего лишь сон, что публичных порок больше не будет, все кончено, больше ему не придется терпеть унижение.

Никогда.

Он вздохнул. Столько сил положить, чтобы попасть в академию, удержаться там… Ему не хватало знаний и воспитания, но он не щадя муштровал себя, лишь бы стать лучшим из лучших. И ему повезло. Он окончил академию с отличием, и день выпуска стал самым прекрасным из дней.

Хан мотнул головой. «Какой смысл жить прошлым, Соло?» В его жизни больше нет всех этих людей, командиров и сослуживцев, — Тедриса, капитана Мейса, адмирала Оззеля (ну и остолоп, между прочим!). Для них Хан Соло умер. Умер и погребен. Даже с Тедрисом они больше не виделись…

Кореллианин сглотнул комок, царапающий горло. Поступая в академию, он спал и видел в мечтах светлое и ясное будущее.

Хотел расстаться с прежней жизнью, стать уважаемым, гражданином. Хан с детства вынашивал мечту о карьере флотского офицера. Безупречного и порядочного. Он знал, что не обделен мозгами, и здорово потрудился, восполняя пробелы в образовании. Он видел себя в адмиральском мундире, командовал в мечтах флотом... а еще лучше стать генералом, это если перевестись в летный дивизион, с СИДами он всегда ладил.

«Генерал Соло... звучит!» Кореллианин вздохнул. Помечтал? А теперь просыпайся и взгляни в лицо действительности. Шанс на честную жизнь безвозвратно утерян, спасибо тебе, Чубакка. Хотя будем честны, он об этом не жалел.

Жестокость офицеров и их подчиненных росла не по дням, а по часам. Излюбленной мишенью становились негуманоиды, хотя в последнее время зверства стали затрагивать и людей. Создавалось впечатление, что Император семимильными шагами направляется с отметки «относительно сносный диктатор» к отметке «безжалостный тиран». Он определенно вознамерился раздавить все миры, до которых мог дотронуться.

Хан сомневался, что долго протянет на флоте. В один какой-нибудь не очень прекрасный день какой-нибудь старший офицер прикажет участвовать в одной из «демонстраций», а Хан скажет, куда бы тому пойти. Едва ли он сумел бы принять участие хотя бы в одной такой бойне. Как на том же Девароне, где безо всякого сожаления и милосердия перебили почти семьсот аборигенов.

Он умел убивать, с холодной и ясной головой стрелял, когда сталкивался с вооруженным противником. Но расстреливать беззащитных пленных? Увольте. Нет. Ни за что. Уж лучше прозябать на гражданке, лучше быть контрабандистом и вором.

Хан принялся натягивать темно-синие брюки военного образца с лампасами «Кореллианских кровавых полос». Он ждал, что его лишат и этой награды, но ее почему-то оставили; наверное, потому, что ее давало кореллианское правительство гражданам Кореллии, и Империя тут была ни при чем. Хотя среди военных «полосы» ценились довольно высоко, как знак признания необычайного героизма.

Ну да, легко тогда не было, это точно. Хан задумчиво водил большим пальцем по красным квадратикам лампаса; их легко снять и приладить на новую пару брюк, хотя процесс трудоемкий. А многие посторонние даже понятия не имеют, что же это такое, думают — украшение.

Ну и пусть. Хан носил «Кровавые полосы» как единственное напоминание о военной службе, но никогда и ни с кем не обсуждал, как он их заработал.

Не все воспоминания стоит будить.

Рубашку и темно-серый жилет Хан надел второпях, корабль уже должен был подходить к Нар-Шаддаа.

Закинув на плечо дорожную сумку, Соло вышел в коридор и отправился на прогулочную палубу. Трудно ожидать от грузопассажирского транспорта шикарных удобств и развлечений, но иллюминаторы были большие, любуйся — не хочу. Хан не знал никого, кто не хотел бы любоваться на звезды.

На палубе обнаружился Чубакка, который предавался именно этому занятию. Хан встал рядом с вуки у иллюминатора.

Планета, к которой они приближались, превосходила размерами Кореллию, ее поверхность была покрыта коричневыми пятнами пустошей, черно-синими лоскутами океанов и чахлыми прожилками зелени. Хан ее сразу узнал — он был здесь пять лет назад.

— Нал-Хатта. — Он толкнул напарника локтем. — На языке хаттов означает «сверкающая драгоценность», но поверь мне, дружище, название не соответствует сути. Болото на болоте, а воняет почище сточной ямы.

Он наморщил нос при воспоминании. «Звездная Принцесса» обогнула планету, пользуясь ее гравитацией, чтобы погасить скорость.

— Урроуврр?

— Нет, на Нар-Шаддаа я не бывал. Когда я был здесь пять лет назад, то даже не обратил на нее внимания.

Из-за диска планеты быстро вылезал горб луны. Чубакка опять заскулил.

— Точно, синхронизированные орбиты. Планета и спутник всегда обращены друг к другу одними и теми же полушариями.

Хан обратил внимание, что пространство вокруг замусорено обломками, вернее, как вскоре обнаружилось, брошенными кораблями всех размеров и видов. Академическое образование позволило определить многие из них, но там были такие, которых кореллианину видеть не приходилось.

Луна контрабандистов оказалась довольно крупной, пожалуй одна из самых больших, встречавшихся Хану, и была окружена точно таким же кольцом брошенных и разбитых кораблей. Металлолома на орбите было столько, что «Принцесса» то и дело меняла курс, избегая столкновения. У многих кораблей была пробита обшивка или оплавлен корпус.

Разглядывая шрамы на их бортах, Хан размышлял о том, что большинство этих реликтов болталось в пространстве десятилетия, а может, даже века. Интересно, почему их так много? И тут кореллианин заметил, как на поверхности призрачной сферы, окружающей луну, заиграл блик, а в

следующую секунду в защитном поле сгорел кусок космического мусора.

— Я все понял, Чуи! Видишь вон то мерцание? Нар-Шаддаа закрыта полем. Если не получишь разрешения на посадку, щиты не снимают, а тебя угощают из ионной пушки. Похоже, местные в сговоре с пиратами и мародерами, э?

Чубакка басовито пророкотал ответ, который звучал как «хрррррнннн» и означал «верно».

Полупрозрачная дымка поля мешала разглядеть детали, но и так становилось ясно, что застроена вся поверхность луны, а из нагромождения зданий поднимаются шпили антенн. «Как поношенная версия Корусанта...» Хан вспомнил планету, превращенную в один гигантский город, планету, слой за слоем укрытую строениями, так что природными красотами любоваться можно лишь на полюсах.

А еще он вспомнил свой недавний сон, в котором разглядывал другую луну, находящуюся далеко отсюда. Хан нахмурился. Забавно... а ведь приснились ему реальные события. Он действительно когда-то стоял на плацу с другими кадетами и наблюдал, как в ночном небе Кариды взрывается спутник.

Наверное, подсознание прислало ему весточку, напоминая, что он забыл Что-то важное. Хан поправил на плече лямку дорожной сумки.

— Мако, — прошептал он.

Чубакка вопросительно покосился на приятеля. Соло пожал плечами:

— Да вот... вдруг подумал, что, может, нам нужно разыскать Мако.

Вуки склонил голову набок:

— Мхрррррнннн?

— Мако Спинс. Мы познакомились, когда он учился на последнем курсе, и здорово поладили.

Мако Спинс был старым другом, а последнее, что о нем слышал Хан, так это то, что видели Мако именно на Нар Шаддаа. Поговаривали даже, что он тут живет, не постоянно, но время от времени. Не мешает возобновить давнее знакомство, вдруг Мако не откажется помочь своему приятелю?

Мако был старше лет на десять, и трудно было отыскать большие противоположности, чем он и Хан Соло. Хана воспитала улица и Гаррис Шрайк. Мако родился в семье влиятельного сенатора, у него было все, что ни пожелаешь в жизни, не хватало лишь решительности и целеустремленности Соло. В академии его интересовали только развлечения.

Мако учился двумя курсами старше. Несмотря на разницу в

возрасте и происхождении, молодые люди быстро подружились, вместе гоняли на свупах и ходили на негласные вечеринки, вместе разыгрывали скучных инструкторов. Инициатором похождений всегда был Мако, осторожный Хан никогда не забывал, что может на счет раз-два вылететь из учебного заведения. Кореллианин старался не попадаться, а Мако, уверенный, что деньги и связи отца уберегут его от последствий, не боялся никого и ничего, даже возмездия за самые сумасшедшие эскапады.

Величайшей из которых можно назвать взрыв луны-талисмана. Величайшей и последней.

Хан знал, что готовится нечто грандиозное. Намереваясь тайком забраться в химическую лабораторию, Мако звал его с собой, но Хан готовился к экзамену и отказался. Иначе наверняка постарался бы отговорить.

Той ночью, пока Соло высчитывал орбиты и работал над докладом «Экономические аспекты переброски войск через гиперпространство», его друг влез в лабораторию профессора Кал-Мег и выкрал грамм антиматерии. Затем прогулялся в ангар, где позаимствовал небольшой одноместный челнок и скафандр. Приземлившись на крохотном планетоиде, ближайшем к Кариде из трех ее спутников, Мако поместил капсулу с антиматерией в центр Печати академии, которую много лет назад выжгли лазером, а затем с безопасного расстояния запустил реакцию, вознамерившись стереть Печать с лица маленькой луны.

Только заряд не рассчитал. Луну эффектно разнесло в пыль на глазах у кадетов, а Мако оказался главным подозреваемым.

К тому времени Спинс натворил столько дел, что его начали проверять едва ли не до того, как часть обломков сгорела в атмосфере, а часть, рассеявшись в пространстве, сформировала кольцо вокруг Кариды. Хан тоже попал под подозрение, но, к счастью, к нему зашел приятель — позаниматься астрофизикой. Алиби было прочное.

У Мако такового не отыскалось.

На слушании дела Спинса объявили террористом, который злонамеренно проник в учебное заведение. Хан добровольно вызвался дать показания под сывороткой правды, рассказал, что Мако хотел всего лишь неумно пошутить. Хан старался снять с друга хотя бы это обвинение, и трибуналу пришлось поверить ему на слово. В результате Спинса попросту выставили вон.

Отец Мако тоже присутствовал, дал сыну денег на собственное дело. Меньше всего сенатор ожидал, что единственный его отпрыск потратит деньги на корабль и контрабандный груз. Мако надолго исчез, но Хан не терял

уверенности, что Мако Спинс не того поля ягода, чтобы тихомирно удалиться со сцены. Там, где весело и много денег, там и Мако Спинс.

Хан мог ручаться, что кто-нибудь на Нар-Шаддаа обязательно укажет, где искать его друга.

«Принцесса» валко ковыляла к большой луне, которая легко могла бы сойти за скромную планету, так как размерами была почти в треть Нал-Хатты. За пеленой защитного поля полыхали зарницы.

Сектор полупрозрачного щита рассеялся, пропуская лайнер, и тот благополучно миновал заслон и вскоре вошел в атмосферу. Теперь источник вспышек стал ясно виден — огромные рекламные вывески. Хан прочитал на одной: «Разумные твари — сюда! Все дозволено! Есть кредиты — мы дадим вам, кого — или чего — вы хотите!»

М-да, классное местечко... Хан и раньше видел рекламу увеселительных заведений, но настолько откровенные встретил, пожалуй, впервые.

Грузно переваливаясь с боку на бок, «Принцесса» направлялась к большой груде пермакрита, вознамерившись совершить посадку именно туда. Хан принялся поспешно искать кресло с ремнями безопасности, но увидел лишь беззаботных пассажиров, которые всего-навсего ухватились за поручни. Переглянувшись с напарником, кореллианин последовал их примеру. Чубакка тоже не стал изображать из себя героя. Выяснилось, что переживать сложную посадку в качестве пассажира гораздо увлекательнее и страшнее, чем из кабины пилота. За штурвалом ты слишком занят, чтобы задумываться об опасностях.

Им наподдало под днище, все, сели.

Поток пассажиров вынес напарников к шлюзу, где сразу же обнаружилась очередь. Тут же бросилась в глаза внешность народа — крепкие, отмеченные космосом мужчины и женщины, которые порой казались еще крепче, чем мужчины. Представители самых разных народов, но нет ни стариков, ни семейных пар, ни детей.

«Барабелка пришлась бы здесь ко двору в самый раз...» — подумал Соло, ощущая успокаивающий вес бластера в кобуре. Шлюз открылся, пассажиры начали спускаться по трапу на площадку. Хан глубоко вдохнул местного воздуха и поморщился. Рядом негромко скулил Чубакка.

— Знаю-знаю, — краешком губ произнес кореллианин. — Воняет. Привыкай, дружище. Мы собираемся жить здесь... какое-то время.

Ответный вздох Чубакки был красноречив и не требовал перевода.

Хану совершенно не хотелось, чтобы в нем с первого же взгляда признали новичка, и он старался не вертеть головой по сторонам. С местностью пришлось знакомиться кое-как. Нар-Шаддаа действительно напоминала Корусант: нигде ни клочка свободной земли, только здания, башни, шпили, двигающиеся дорожки и посадочные площадки для челноков — своеобразный пермакритовый лес, расцвеченный рекламными голограммами.

Прошло некоторое время, прежде чем Хан сообразил, что Луна контрабандистов все-таки отличается от Центра Империи, как ныне официально именовался Корусант. Там верхние уровни были чистые, ухоженные, со вкусом построенные и освещенные. Нужно было спуститься достаточно глубоко, на сотни уровней города-планеты, чтобы столица превратилась в мусорную кучу. Верхние этажи Нар-Шаддаа были не чище нижних этажей Корусанта. «Если таков верх, — рассуждал кореллианин, изучая искусственный каньон между двумя кособокими зданиями, разрисованными местными юными талантами, — я даже думать не хочу, что же внизу...»

Как-то раз ему довелось побывать на самом нижнем уровне столицы. Один-единственный раз, и с него хватило, чтобы не желать повторения. Тайком поглядывая по сторонам, Хан сделал мысленную пометку: НИКОГДА не появляться на нижних этажах Луны контрабандистов.

Небо над головой было странного цвета, как будто напарники смотрели на обычную голубизну сквозь грязный коричневый фильтр. Большую часть занимала Нал-Хатта, располневшая и жирная, как те слизни, которые называют ее своим домом. Хан подумал, что здесь, должно быть, две ночи. Одна — самая обычная, длинная, когда одно из полушарий луны обращено от местного светила. И вторая — относительно короткая, которая случается, когда солнце затмевает огромный каравай Нал-Хатты. Соло подсчитал, вышло — пара часов, не больше.

Заливисто залаял Чубакка.

— Ты прав, дружище, — поддержал друга Хан. — На Корусанте хоть деревья сажают, кусты всякие, цветочки. Только, По-моему, на этой помойке ничего не вырастет. Тут сдохнет даже лубеллианская плесень.

Они направились к винтовому и плохо освещенному спуску с площадки. Садились они при дневном свете, но высокие строения и шпили, которые окружали относительно низкое здание с плоской крышей, приспособленной под посадочную площадку, заслонили солнце. В закрытом коридоре спуска было и вовсе

темно. Остальные путешественники давным-давно разошлись, между высокими стенами гуляло гулкое эхо. Тусклые лампы разгоняли сумрак как могли, а могли они очень немного. Хан шагал, чуть ли не прилипнув к стене; в голове кружилась неприятная мысль о том, что лучше места для засады не сыскать.

Его ладонь улеглась на рукоять бластера...

...в ту же секунду, когда словно ниоткуда выплеснулся зеленовато-голубой парализующий разряд!

На реакцию Соло никогда не жаловался, а жизнь в бегах отточила рефлексы до остроты. При этом заряд растекся по стене, кореллианин бросился животом на пермакрит, откатился в сторону и вниз под уклон. Когда же приподнялся, то в руке держал готовый к стрельбе бластер. Нападавшего он видел — коренастый нечеловек, морда волосатая, глаза жадно горят. Ботан, наверное. Охотник за головами наверняка. Кореллианин выстрелил, но не попал, лишь дырку прожег в стене. Хан сидел на корточках у противоположной стены и ждал, когда противник снова высунется из-за угла.

Завыл Чубакка. Хан оглянулся на приятеля, который тоже опустился на четвереньки, и сделал жест, призванный означать «сиди тихо!». Чубакка в ответ сверкнул глазами и выразительно потряс в воздухе самострелом. Ну и что он этим хочет сказать? Чуи взревел; для того, кто не понимал ширивук, изданный звук показался бы боевым рыком. Но Хан язык знал. Он кивнул и помчался вниз по спуску, стреляя во все, что придется. Дважды пришлось в стену, полетела пермакритовая крошка.

Дождавшись нового парализующего выстрела, Хан глубоко вздохнул, истошно заорал и согнулся пополам, выронив бластер. Затем очень натурально и талантливо грохнулся на пермакрит и замер, как будто его в самом деле оглушило. «Надеюсь, сработает...»

Он услышал приближающиеся шаги, быстрые и решительные. Звонко чпокнула тетива самострела. Последовал громкий свист, чмоканье и приглушенный вскрик. Хан вскочил на ноги и увидел, как его неудавшийся убийца валится на колени с изумлением на волосатой морде. Ботан, вне всяких сомнений. Лапы были прижаты к дымящейся дыре в груди.

Охотник за головами... Эту породу Хан чуял за световой год, хотя лично этого ботана он не знал. Тем временем инородец с хрипом растянулся ничком, дернулся в последний раз и затих. Хан опять оглянулся на напарника:

— Метко стреляешь, Чуи. Спасибо.

Он подошел к мертвому ботану, подцепил носком ботинка и перевернул на спину. Изучил рану.

Что-то не слишком похоже на лазерный ожог. Знаешь, приятель, поскольку вуки на Нар-Шаддаа маловато, придется представить смерть этого бедолаги как-то иначе.

Он отвернулся, выставил бластер на полную мощность и разрядил в грудь мертвецу. Когда он рискнул вновь взглянуть на ботана, о какой-то грудной клетке говорить вообще не приходилось. Как и о каких-либо следах деятельности Чуи. Хан обыскал труп, нашел несколько кредитов и объявление о награде с описанием некоего Хана Соло и пометкой, что объект, скорее всего, направляется на Нар-Шаддаа. Голову бедового кореллианина оценили в семь с половиной тысяч кредитов. Добычу следовало привезти живой.

Хан сунул листок в карман.

— Жизнь становится все интереснее, — заметил он. — Лучше нам не зевать.

— Хрррррнннн...

Интересно, что делать с ботаном? Может, уничтожить труп? Или оставить как есть в качестве предупреждения? Или спрятать куда-нибудь, где его не сразу найдут? После некоторого размышления кореллианин решил не потеть зря. Если, глядя на труп коллеги, другой охотник за головами передумает выслеживать добычу, тем лучше. Спускаясь по пандусу рядом с Чубаккой, Хан ждал, когда на них набросится партнер ботана, но их никто не побеспокоил.

А через несколько минут напарники затерялись на улицах Нар-Шаддаа, запрыгнув на скользящую дорожку и позволив ей унести их прочь. Нар-Шаддаа напоминала трехмерный лабиринт-загадку, сконструированную безумцем. Паутина дорожек опутывала высотные здания; архитектурные стили и отделка с различных планет соседствовали друг с другом. Купола, шпили, арки, громоздкие кубы, спирали... от многообразия форм кружилась голова. Дюрасталь, пермакрит, глассин и другие строительные материалы, которых Хан даже не мог опознать, были покрыты слоями грязи и надписей. Порой рисунки занимали несколько этажей.

Здания побольше, очевидно, были выстроены много десятилетий назад, когда Нар-Шаддаа была еще респектабельным космопортом, луной, куда богатые существа прилетали спустить деньги на развлечения. Великолепные строения, некогда бывшие дорогими отелями, сейчас превратились в низкопробные многоэтажные ночлежки. Улицы и переулки подверглись бомбардировке ядовитыми и вонючими отходами с верхних этажей. Воздух был такой же, как на болотах Нал-Хатты, если не хуже.

Ароматы еды перемешивались с вонью протекающей канализации с легкой ноткой спайса и прочих наркотиков. Невозможно было отделаться от выхлопов, машины всех мастей с жутким ревом проносились над головой, совершали посадки, взлетали в бесконечном и жутковатом балете. Впрочем, кое-какие отели и казино еще действовали — те, владельцами которых, вероятнее всего, были хатты. На улицах толкались обитатели различных планет, избегающие смотреть друг другу прямо в глаза. Всегда настороженные, всегда готовые сыграть на чужой ошибке или слабости. Почти все носили оружие, за исключением разве что дроидов.

Хан был голоден, но опасался пробовать то, что предлагали в уличных палатках.

— Говорят, Где-то есть кореллианский сектор, — сообщил он напарнику. — Наверное, туда нам и следует отправиться.

Он не хотел признаваться, что заблудился, из боязни привлечь воров или кого похуже, но через несколько минут увидел вывеску, свисающую с козырька. Тут почти все лавки были оборудованы козырьками или навесами для защиты от помоев, которые в любую секунду могли выплеснуть на голову. Вывеска на шести языках помимо общегалактического сообщала: ПРОДАЮ ИНФОРМАЦИЮ.

Хан сошел с движущейся дорожки и направился в лавочку, Чубакка топал сзади. Продавцом информации оказалась дряхлая тви'лека, такая древняя, что сморщенные, узловатые головные хвосты ее напоминали веревки. Женщина пристально вглядывалась в посетителя.

— Что желаешь знать, пилот? — произнесла она на своем языке.

Хан положил на конторку монету в полкредита, благоразумно придержав ее указательным пальцем.

— Две вещи, — сказал он, предположив, что торговка обязана понимать общегалактический. — Как безопасно и быстро добраться отсюда до кореллианского сектора...

Он замолчал, пока тви'лека вводила запрос в древний инфопланшет, а когда торговка вновь подняла голову, продолжил:

— ...И где мне отыскать контрабандиста Мако Спинса?

Старуха ухмыльнулась, продемонстрировав пожелтевшие обломки зубов.

— Вот, держи.

Она сунула Хану клочок флимсипласта, на котором, прищурившись, кореллианин разобрал сектор карты. Мигающая красная точка означала «вы здесь», а линия — маршрут до

кореллианского сектора. Соло кивнул:

— Лады. А как быть с Мако?

Женщина окинула его веселым взглядом:

— Иди в кореллианский сектор, пилот. Спрашивай в барах, борделях, игорных домах. Ты не найдешь Мако, нет. Зато он разыщет тебя, пилот.

Хан неуверенно хмыкнул:

— Да, очень похоже на Мако. Лады, думаю, ты заслужила деньги.

Он снял палец с монетки, и полкредита исчезли как по волшебству. Тви'лека не отводила от кореллианина крохотных красно-оранжевых глазок в паутине морщин.

— Пилот симпатичный. — Старуха изобразила наилучшее приближение к игривой улыбке; эффект, учитывая гнилые зубы, получился сногсшибательный. — Удоннаа стара, но полна жизни. Пилот интересуется?

Она поманила молодого человека кончиком лекку.

У Хана глаза полезли на лоб. «Приспешники Зендора, да бабка флиртует со мной!» Головной хвост старухи продолжал делать приглашающие жесты. Соло резво попятился, мотая головой; щеки его пылали.

— Э-э-э... нет, благодарю вас, госпожа, — строго заявил кореллианин. — То есть большая для меня честь и все такое, но я... это... принял... а, обет! Воздержания. Точно, вот этот самый обет.

Тви'лека помахала ему на прощание. Кажется, отказ не рассердил ее, скорее позабавил. Хан совершил разворот налево кругом и удалился, чеканя шаг. Чубакка шел сзади и восторженно улюлюкал.

— Пасть заткни! — скомандовал напарнику Соло. — Я в последний раз подставляю шею вместо тебя.

Вуки расхохотался.

Через два часа парочка добралась до желанного сектора; карта старой тви'леки не подвела, пояснения не обманули, вот только на улицах частенько отсутствовали таблички с названиями. А порой какие-то шутники их меняли местами. Сектор Хан узнал скорее по архитектуре и почувствовал себя почти как дома. Запахи из небольших кафе звали за собой, знакомые и успокаивающие.

— Есть хочу, — заявил Соло и потащил Чубакку в заведение, которое показалось ему чище остальных.

Под одним из вездесущих навесов — на этот раз красно-зеленым — были расставлены столы и стулья некогда белого цвета. Хан заказал гуляш из траладона и порадовался, выяснив,

что по вкусу он почти не отличается от домашнего. Пилот с энтузиазмом работал вилкой, пока Чубакка уминал салат из тазика и вгрызался в сырые траладоньи ребрышки. Утолив голод, Соло откинулся на спинку стула и присосался к кружке местного эля, пытаясь выяснить, нравится ли ему вкус напитка. У дроида-официанта, который принес ему счет, Хан поинтересовался, не заходит ли сюда Мако Спинс.

— Среднего роста, широкоплечий, короткие темные волосы, седина на висках, — пояснил он.

Голова дроида качнулась из стороны в сторону.

— Нет, господин, я не видел описываемого вами человека.

— Передай своему хозяину, что я спрашивал о Мако, ладно? — попросил Хан.

Он допил эль, и напарники направились дальше по улице к самому ярко освещенному из баров. И'Тоуб зашла за Нал Хатту, начиналась «короткая» ночь. До настоящей было еще очень далеко, и длиться она будет больше сорока стандартных часов. Когда включили искусственное освещение, Хан спросил себя, сумеет ли он когда-нибудь привыкнуть к таким долгим ночам. Хотя, наверное, это не имело значения, так как луна, по сути, была городом, который никогда не спал.

В «Приюте контрабандиста» Хан опять спросил о Мако, и, естественно, никто о таком даже не слышал. В «Счастливой звезде», жалких остатках того, что когда-то было элегантным казино, история повторилась. Как и еще в двух барах. Хан начал привыкать к слову «нет». Со вздохом он отправился дальше.

«Убежище контрабандиста».

«Кореллианское кафе».

«Золотая сфера».

«Экзотическая выставка». «Живые танцоры! Живое шоу!».

Казино «Комета».

«Пьяный барабанщик».

Ноги гудели от долгих хождений по улицам и переходам. Кое-куда здесь можно было добраться, лишь имея крылья или ракетный ранец. Можно было взглянуть с балкона на желанное место — в десяти метрах, рукой подать! — а потом шагать туда минут пятнадцать вверх и вниз по мостикам. Между некоторыми домами были натянуты веревки или провода, но Хан был не настолько безрассуден и не находился в столь отчаянном положении, чтобы лезть по ним через пропасть в двадцать, сорок, а то и сто этажей. Переходы между зданиями порой никто не ремонтировал, и после внимательного осмотра Хан часто предпочитал длинный окружной путь. Может, какие-нибудь и выдержали бы его самого, но вот Чубакку — едва ли.

Кореллианин уже подумывал, где можно будет прикорнуть в безопасности несколько часиков. Он только сейчас сообразил, что с тех пор, как он проснулся на «Принцессе», минуло почти двенадцать часов. Он как раз повернул голову, чтобы изложить свои мысли Чубакке, когда из темноты проулка вытянулась рука и взяла его за горло. А спустя полсекунды Хана крепко прижали к вполне человеческому телу, а к виску приставили дуло бластера.

— Один шаг, — предупредил, обращаясь к Чубакке, низкий мужской голос, — и я поджарю твоему дружку мозги, так, что они полезут у него из ушей.

Вуки замер на месте, он рычал, скалил зубы, но в атаку не шел. Хан знал этот голос. Он сделал попытку набрать в легкие воздух, но чужая рука дюрастальной хваткой сжимала ему глотку.

— Ма... — вот и все, что ему удалось сипло пискнуть.

— Только не зови при мне маму, малыш, — произнес голос. — А теперь поведай, кто ты, во имя Зендора, такой и почему спрашиваешь обо мне на каждом углу?

Кореллианин хватал ртом воздух, задыхался, но говорить не удавалось. Чубакка зарычал, указал на барахтающегося в чужих объятиях напарника.

— Х-х-а-а-н-н-н. — Вуки с большим трудом заставил свою пасть выговорить человеческое имя. — Х-а-а-ан-н-н...

— Что? — растерянно переспросил голос. — Хан?

Соло вдруг отпустили, затем развернули. Он все еще разевал беспомощно рот, тер руками шею, а его уже обнимали с таким энтузиазмом, что могли лишить дыхания еще раз.

— Хан! Малой, как я рад тебя видеть! Как поживаешь, ты, старый гандарков сын?

Увесистый кулак врезался кореллианину между лопаток. Соло вновь поперхнулся, но его заботливо похлопали по спине, что, впрочем, не исправило дела.

— Мако... — в конце концов выдавил он. — Давненько не виделись. Ты изменился.

— Как и ты, — отозвался его друг.

Они разглядывали друг друга. Отросшие волосы Мако рассыпались по плечам, а среди темных прядей было гораздо больше седины. К тому же он отрастил пышные длинные усы, да и набрал лишний вес и раздался в плечах. Подбородок перечеркивал узкий шрам. Хан порадовался, что Мако на его стороне, — Спинс выглядел как человек, которого не хотелось бы иметь своим врагом. Одет он был в летный комбинезон из кожи, тонкой, эластичной и все-таки прочной; поговаривали, что такой костюм сохраняет внутреннее давление и в вакууме.

Друзья обнялись и засыпали друг друга вопросами.

Замолчали, расхохотались.

— По очереди! — предложил Мако.

— Договорились, — согласился Хан. — Ты первый.

Спустя короткое время они сидели в таверне, пили, разговаривали и продолжали задавать вопросы. Хан рассказал Мако историю своей жизни и обнаружил, что его друг не удивился, узнав, что он бросил службу.

— Я знал, что рабство не придется тебе по нутру, Хан, — заявил Мако. — Я помню, как ты скрипел зубами при малейшем упоминании о рабах. Ты просто с катушек слетал, парень. Я знал, что твоя блестящая карьера оборвется, как только тебя приставят присматривать за рабами.

Хан скрыл смущение за большой кружкой алдераанского эля.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — признал кореллианин. — Но что мне было делать, Мако? Никлас собирался убить Чуи!

Льдисто-голубые глаза Мако неожиданно потеплели.

— Малой, ты все правильно сделал.

— А ты чем занимаешься? — быстро сменил тему Хан.

— Тем и этим, дружище, тем и этим! Имперские запреты делают нас всех богаче, возить контрабанду ныне выгодно. Спайс, о да, это высший класс! Но мы занимаемся и оружием, боеприпасами, а еще всяким парфюмом и аскажианскими тканями. Тоже прибыльное дело. Скажу тебе, парень, что старик Палпатин не спал бы ночами, если бы знал, насколько недовольны его правлением кое-какие планеты.

— Так работа найдется? — Ничего больше кореллианина не интересовало. — Для пилота? Ты же знаешь, Мако, я хороший пилот.

Спинс сделал знак дроиду-официанту принести новые порции эля.

— Малой, ты один из лучших, я всем так и скажу. — Мако похлопал друга по плечу. — Бадур назвал тебя Ловкач, а он просто так прозвищами не разбрасывается. Скажу тебе вот что, приятель. Хочешь поработать на меня? Мне нужен второй пилот, а я тем временем покажу тебе лучшие кормушки. И познакомлю с другими игроками. Некоторые не откажутся от помощи.

Хан помедлил:

— А как же Чуи?

Мако равнодушно пожал плечами и хлебнул эля.

— Стрелять он умеет? Хороший стрелок всегда в цене.

— А как же! — Соло допил свой эль с большей уверенностью, чем чувствовал.

С самострелом вуки действительно управлялся неплохо, но к

пушке подошел лишь месяц назад.

— Стрелять он умеет.

— Ну что ж, значит, договорились, — сказал Мако. — Слушай, малец, ты уже нашел местечко для посадки?

На сленге контрабандистов так называли жилье.

Хан качнул головой и почувствовал, как кренится помещение.

— Надеялся, ты посоветуешь что-нибудь подходящее, — сказал он. — Только подешевле.

— Разумеется, посоветую! — воскликнул Мако не слишком внятно. — Но почему бы вам обоим не пожить денек-другой у меня, пока не подыщем что-нибудь?

— Ну... — Хан оглянулся на Чубакку, — ну да, мы бы с радостью, что скажешь, приятель?

— Хрррррнннн!

Мако настоял, что сам заплатит за выпивку, затем они втроем отправились в его логово. Ноги заплетались от выпитого, но Спинс заверил, что идти недалеко. Они спустились на несколько уровней, где здания были обшарпаннее и грязнее.

— Внешность обманчива, — объявил Мако, широким жестом обводя вокруг. — У меня полно места, квартира приличная. Но когда живешь здесь, воры и грабители обращают на тебя меньше внимания.

Хан огляделся по сторонам и пришел к выводу, что в дни воровской юности поставил бы на этом районе жирный крест. Без особых колебаний. Вдоль улиц шатались пьяные, движущиеся дорожки на этом уровне были окончательно и бесповоротно сломаны. Нищие и карманники давным-давно заприметили подвыпившую троицу, но подойти никто не решился, видимо потому, что Чубакка дарил налево и направо пламенные взгляды: «Только сунься, руки пообрываю!»

Но внезапно зашевелилось то, что Хан принимал за груду старых, засаленных лохмотьев. Из них высунулась костлявая рука, принадлежащая несомненно человеческому скелету. Кореллианин мельком заметил почти беззубое увядшее лицо с крючковатым носом. Дряхлая карга, чьи глаза блестят от... чего? Наркотиков? Безумия?

«О нет! Опять? Да что стряслось со всеми бабульками на Нар-Шаддаа? Так и липнут к молодым пилотам!»

Хан попятился, но выпивка плохо действует на рефлексы, и он не успел. Из груды отрепьев стремительно выскользнула похожая на птичью лапу вторая рука и вцепилась ему в запястье.

— Хотите знать будущее, добрые господа? Хотите знать будущее? — пронзительно заверещала старушенция с неописуемым акцентом. — Потомок Вимы Санрайдер предвидит

судьбу, добрые господа! За кредит она расскажет, что ждет впереди.

— Отпустите!

Хан сделал попытку вырвать ладонь из грязной клешни, но у почтенной бабули хватка была почище, чем у гандарка. Кореллианин порылся в карманах в поисках монетки, лишь бы избавиться от назойливой гадалки. Можно было оглушить бабулю, но прибегать к крайним мерам не хотелось. В таком возрасте даже парализующий заряд может убить.

— Вот! Держи свой кредит и оставь меня в покое! — Хан сунул монету ей в ладонь.

— Вима не нищая! — с достоинством возразила старуха. — Она свои деньги зарабатывает! Будущее предвидит, судьбу говорит она! Вима знает, да, знает...

Хан закатил глаза. Ладно хоть не пристает с любовью.

— Валяй.

— Ах, мой юный капитан!.. — заворковала бабка, разжимая ему кулак; сначала она с любопытством подслеповато щурилась Хану на ладонь, потом взглянула в лицо. — Такой юный... столько лет впереди. Долгая дорога, сначала дорога контрабандиста, затем путь воина. Слава ожидает тебя, о да! Но сначала — опасность увидишь, большую опасность, да. Предательство, да, предательство тех, кому ты веришь. Предательство.

На секунду ее взгляд остановился на Мако. Молодые люди тоже переглянулись.

— Так, значит, меня предадут, — нетерпеливо сказал Хан. — А я разбогатею? Вот что самое главное.

Бабка визгливо захихикала:

— О да, мой юный капитан! Благополучие придет к тебе, но лишь после того, как перестанет так тебя интересовать!

Кореллианин хохотнул:

— Ну ты даешь! Я же раньше состарюсь. Кроме богатства, я ни о чем и думать не могу.

— О да-да, верно-верно, много сделаешь за деньги. Но еще больше — ради любви.

— Не смеши! — Терпение лопнуло, Хан предпринял еще одну попытку вырваться. — Хватит грузить мне вакуум! Я сказал: хватит! — Он выдернул свою руку из сухих цепких пальцев. — Ну спасибо, сумасшедшая старая ведьма! И не лезь ко мне.

Неуверенно держась на ногах, кореллианин побрел прочь; вуки и Мако Спинс шли следом. Хан услышал сдавленное ржание Мако и хихиканье Чубакки и оскалился. Эта древняя развалина выставила его полным идиотом! Пермакрит под ногами куда-то поплыл. Как хорошо было бы сейчас растянуться на кушетке (хотя

пол тоже сойдет) и немного поспать!

Позади все так же кудахтала старая ведьма, бормоча очередную вселенскую чушь. Хан едва помнил, как добрался до жилища Мако, а вот как свалился на диван, не помнил вообще. Заснул он мгновенно и на этот раз не видел снов.

А на следующее утро напрочь забыл и о старухе, и о ее пророчестве.

Арук был занят делом, которое он любил больше всего на свете: подсчитывал свои прибыли. Могущественный хатт, глава клана Бесадии и его каджидика, склонился над инфопланшетом. Толстые пальцы заставляли машинку считать процент прибыли, которую можно получить через три года, основываясь на двадцатипроцентном годовом приросте продукта.

Увидев получившийся график и цифры, хатт расхохотался, громогласно, раскатисто. Смех гулким эхом пролетел по обширному кабинету. Кроме Арука, в комнате не было ни единого живого существа. В углу металлически поблескивал его любимый дроид-секретарь, ожидающий знака хозяина.

Арук снова взглянул на график, моргая большими выпуклыми глазами. Он был стар, почти тысяча лет от роду, и тело его приобрело уже тучность, которая у большинства хаттов наступает по достижении среднего возраста. Передвигаться самому стало так трудно, что он почти перестал это делать. Даже постоянные предупреждения личного врача, что ему грозят проблемы с кровообращением, не могли заставить Арука двигаться. Вместо этого он полагался на антигравитационные репульсорные салазки, с помощью которых он мог попасть куда угодно. Сани у Арука высшего качества, лучшие, какие можно купить за деньги. В конце-то концов, почему глава каджидика Бесадии должен в чем-то себе отказывать?

В то же время Арук не сибарит, не занимается постоянным услаждением своей плоти. Да, он почитатель вкусной, изысканной пищи и зачастую даже обжора, но он, в отличие от некоторых хаттов, не держит целые дворцы прислужников, исполняющих его малейшее — или самое извращенное — желание.

До Арука доходили слухи, что племянник Джилиака, Джабба, постоянно держит около себя на привязи несколько танцовщиц-гуманоидов. Гуманоидов! Арук считал такие вольности безвкусными и экстравагантными. Клан Десилиджик всегда отличался склонностью к плотским удовольствиям. Джилиак, надо признать, обладал большим вкусом, чем Джабба, но и он

любил неумеренность в плотских удовольствиях ничуть не меньше своего племянника.

«Именно поэтому мы и превзойдем их, — подумал Арук. — Клан Бесадии вполне способен вынести некоторое воздержание, если это потребуется, чтобы добиться своего».

Но Арук также понимал, что разделаться с конкурентами будет совсем не легко. Джилиак и Джабба умны и безжалостны, а их клан ничуть не беднее его собственного. Годами два самых богатых и влиятельных хаттских клана соперничали между собой, стараясь урвать лакомый кусок. Оба клана не гнушались убийствами, похищениями и терроризмом для достижения своих целей. Арук знал, что Джабба и Джилиак сделают практически что угодно, чтобы обеспечить падение клана Бесадии. Деньги — вот способ получить наибольшее могущество, и Арук был доволен тем, какую прибыль ежегодно приносит илизианский проект.

«Скоро у нас будет столько денег, что мы сможем стереть их с лица Нал-Хатты, уничтожить их, как садоводы уничтожают вредителей, как уничтожают болезнь. Скоро Бесадии будут править Нал-Хаттой, не встречая сопротивления».

Он и его покойный брат Заввал придумали устроить на Илизии колонии и использовать религиозных паломников в качестве рабов, чтобы из сырого спайса производить конечный продукт. Бояться нужно было только восстания рабов. И чтобы обезопасить себя, именно Арук придумал Единого, Всех и Возрадование.

Большинство хаттов знали о способности народа т'ланда-тиль транслировать теплые, приятные эмоции и ощущения в мозг большинства гуманоидных рас. Но только ум и смекалка Арука позволили ему разродиться идеей о Возрадовании как некой награде за тяжелый дневной труд на спайсовой фабрике. Побочным эффектом такой «награды» было отупляющее воздействие на мозг.

Когда Арук понял, как можно использовать эту способность т'ланда-тиль, ему оставалось только сочинить доктрину, написать несколько гимнов, молитв и литаний, и вот уже появилась новая «религия», предназначенная для доверчивых дураков, принадлежащих к низшим расам.

С тех пор фабрики работали превосходно. Лишь однажды, пять лет назад, илизианский проект не принес чистой прибыли. В тот год негодяй-кореллианин, Хан Соло, разрушил фабрику глиттерстима. А еще он убил Заввала, хотя, откровенно говоря, Арук больше сожалел о финансовых потерях. И он не считал себя слишком жестоким или бесчувственным оттого, что не переживает о смерти брата. Нет, он реагировал как истинный

хатт.

Арук тщательно прочитал один из пунктов бюджета, отпущенного на проект илизианских колоний. Вознаграждение в семь с половиной тысяч кредитов было обещано за поимку Соло. Основным требованием было не убивать. «Схватить и доставить живым».

Семь с половиной тысяч кредитов. На две с половиной тысячи больше, чем первоначально обещанная награда. Видимо, Соло оказался слишком изворотливым. Что ж, такая награда достаточно большая, чтобы привлечь множество охотников за головами, хотя Аруку доводилось видеть награды и побольше. Но для такого молодого человека и эта награда велика.

Так ли уж необходимо платить дополнительно за доставку живьем?

Арук много раз проводил пытки — спокойно и эффективно, — но, в отличие от большинства хаттов, ему не доставляло никакого удовольствия мучить кого-то, чтобы получить нужное. Если кореллианина Соло доставят сюда, к нему, Арук и не подумает пытать его — прикажет убить, и все дела.

А вот Тероенза совсем другое дело. Т'ланда-тиль показали себя народом мстительным, и Арук прекрасно знал, что верховный жрец Илизии не сможет спать спокойно, пока лично не увидит медленную, мучительную смерть Хана Соло. Мгновение за мгновением, крик за криком, стон за стоном, Соло будет умирать в жуткой агонии, а Тероенза будет этим наслаждаться.

Но хочется ли Аруку платить лишние деньги за удовлетворение жажды мести Тероензы?

Хатт рассмотрел этот вопрос со всех сторон, взвесил все за и против. Над круглыми глазами со зрачками-щелками проступили морщины, сопровождающие у него тяжкие размышления. Придя к решению, Арук резко выдохнул.

Хорошо, он одобрит выплату награды. Пускай Тероенза жаждет свершения возмездия. Предвкушение сделает верховного жреца счастливым, а счастливый подчиненный — это подчиненный, приносящий прибыль.

И все же Тероенза беспокоил Арука. Верховный жрец слишком демонстративно возглавлял илизианское предприятие, несмотря на то что и он, и этот идиот Киббик всячески старались скрыть это. Арук нахмурился. Илизия принадлежит хаттам. И никто, кроме хаттов, не имеет права распоряжаться там. Тем не менее... Киббик был единственным хаттом клана Бесадии с достаточно высоким рангом, кто был сейчас свободен и мог занять главенствующую позицию на Илизии.

А Киббик, как ни крути, дурак дураком.

«Если бы только я мог послать Дургу, — подумал Арук. — У него есть воля и мозги, чтобы как следует управлять Илизией и напомнить Тероензе, кто его хозяева».

Дурга был единственным отпрыском Арука. Он еще был очень юным хаттом, едва достигшим возраста официального совершеннолетия и настоящего осознания себя, — всего ста лет от роду. Но он был в сотни раз умнее Киббика.

Когда Дурга родился, все хатты советовали Аруку задавить беззащитного новорожденного. А все из-за темного родимого пятна, которое, словно вонючая жижа, покрывало его лоб, одно веко и щеку. Хатты говорили, что такое испорченное лицо сделает малыша неприемлемым для общества, асоциальным, что он будет тупоумным всю свою жизнь.

В древних сказаниях такие родимые пятна были признаками роковой судьбы, и старшие хатты предрекали всевозможные ужасы, если оставить Дургу в живых. Но Арук посмотрел на отпрыска и понял, что этот ребенок вырастет и станет полноценным хаттом: умным, хитрым и безжалостным, если это будет необходимо. Тогда он взял маленького Дургу на руки и торжественно объявил его своим отпрыском и наследником. Злопыхателям пришлось умолкнуть. Арук проследил за тем, чтобы Дурга получил хорошее образование и у него всегда было все, что может потребоваться растущему хатту. Дурга, в свою очередь, испытывал к родителю теплые сыновние чувства.

И сейчас, рассматривая графики движения финансовых потоков на Илизии, Арук подумал о том, что надо будет сегодня обсудить свои идеи с Дургой. Старший хатт готовил своего отпрыска занять место главы клана после смерти самого Арука.

«Цифры впечатляют. Возможно, нам стоит вложить часть прибыли в основание еще одной колонии на Илизии. Семь колоний будут производить гораздо больше переработанного спайса, чем шесть. Наймем еще мужчин т’ланда-тиль, пустим их заманивать к нам „паломников"».

Заветной мечтой Арука было расширить операцию по производству спайса и обращению в рабство, перенести предприятия и на вторую планету илизианской системы. Сам он, скорее всего, не доживет до того дня, когда на обеих планетах производство будет идти в полную силу, но Дурга наверняка его застанет.

И единственным препятствием на этом пути был Десилиджик. Арук знал, что Джилиак и Джабба следят за каждым его шагом, как и за действиями любого высокопоставленного члена его клана, и готовы использовать малейшее проявление слабости. Хатты из клана Десилиджик беспощадны и к тому же

завидуют клану Бесадии и его успеху на Илизии. Арук прекрасно знал, что Джабба и Джилиак отдадут что угодно, лишь бы уничтожить соперников и прибрать к рукам фабрики на Илизии. Но в то же время такая зависть была и признаком невероятного успеха, которого добился клан Бесадии. Жизнь хаттов состоит из действий и противодействий, и, по правде говоря, Арук обожал интриги, опасность. Он не стал бы ничего менять, даже если бы ему представилась такая возможность.

С довольным вздохом хатт Арук выключил планшет и, потянувшись, потер усталые глаза. Хорошо поработал, теперь можно и пообедать, а заодно и провести некоторое время с отпрыском. Приятно будет поделиться хорошими новостями.

Направляя репульсорные сани легкими прикосновениями толстенных пальцев, Арук выплыл из комнаты навстречу еде и дружеской беседе...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПОДНИМАЕМ СТАВКУ

Пережив пять стандартных месяцев и шесть встреч с охотниками за головами, Хан и Чубакка освоились на Нар-Шаддаа. Хан приискал скромную квартирку в кореллианском секторе примерно в мегаквартале от жилища Мако и всего лишь одним уровнем ниже. В их новом доме имелись две карликовые спальни со складными кроватями, миниатюрная кухонька, она же гостиная, и освежитель. Но напарники все равно не собирались становиться домоседами. Как только Мако познакомил Хана со своими подельниками, юный кореллианин по самые уши погрузился в работу. Хорошие пилоты высоко ценятся на Нар-Шаддаа.

Первый месяц Хан работал сменщиком на челноке, курсирующем между Нар-Шаддаа и Нал-Хаттой, возил хаттов и их подручных то с луны на планету, то обратно. Соло надеялся повстречаться с Джаббой или Джилиаком, но предводители клана Десилиджик предпочитали летать на собственных кораблях и не нуждались в общественном транспорте. Хан рассчитывал на рекомендации Тагты, но решил немного подучиться, прежде чем браться за работу на хаттов. Слизней нелегко ублажить.

Временное трудоустройство подходило к концу, юный кореллианин уже несколько раз уходил в рейс вместе с Мако, возил спайс с родины тви'леков Рилота на Рун. Там его познакомили с давним приятелем Мако, стареющим, покрытым шрамами и морщинами контрабандистом Зином Эфитом. Зин собирался на Ход контрабандиста с грузом продовольствия и упомянул, что не прочь взять попутчиков. Хан и Чубакка предложили свою помощь.

Ход контрабандиста был убежищем для существ, живущих вне рамок закона, ребят, которые были «горячее» обитателей Нар-Шаддаа. Вернее, набором убежищ — искусственных пещер, выточенных в крупных астероидах. Основной базой считалась вонючая дыра, вырытая в планетоиде, известном как Скачок-1. Зин Эфит показал кореллианину дорогу внутрь Хода через предательское, постоянно изменяющееся астероидное поле, хотя за штурвал «Короны», валкого старого грузовичка, не пустил.

— В следующий раз, сосунок, — добродушно пообещал он, надсадно сипя и хрипя, пока его пальцы умело порхали над пультом. — Даю слово. А пока наблюдай за старшим дядюшкой Зином и наслаждайся видами.

Хан сглотнул, когда «Корона» чудом разминулась с обломком, который едва не разнес их вместе с кораблем на молекулы.

— Если доживу до следующего раза, — пискнул Кореллианин, бессознательно пригибаясь, когда другая глыба чуть было не разнесла им лобовой иллюминатор. — Чтоб тебя, Зин, сбавь прыть! Ты что, сдурел?

— Единственный способ уцелеть в астероидной каше, малек, — это быстро летать, как будто у тебя штаны горят. — Зин не отрывал напряженного взгляда от приборов. — Рискнешь прокрасться на цыпочках — не успеешь даже нос свой сопливый утереть. Я всегда лечу напрямую, не жмурясь, и все еще жив.

Очутившись на легендарном Ходе контрабандиста, Хан с Чубаккой не без опаски высадились следом за Эфитом на Скачке-1, чтобы познакомиться с «бандой», как Зин называл своих приятелей. Соло был представлен болезненного вида тощему человеку с иссеченным шрамами лицом и лысеющему мужчине постарше. Первого звали Джаррил, второй отзывался на нелепое и совершенно не вязавшееся с ним имя Малыш ДиЗо'лн.

Скачок-1 оказался скоплением комнат, обеденных залов, игровых притонов, борделей и лавок, где можно было разжиться наркотиками. Хан откровенно напрягся, сообразив, что по сравнению с этим местом Нар-Шаддаа — сосредоточие закона. Если точно, тут вообще не было никаких правил. Он может погибнуть, и никому, кроме Чуи (если предположить, что вуки к тому времени будет жив, что весьма маловероятно), не будет до того дела. Но внешне Хан держался спокойно. Он вырос среди народа, не знающего закона, ему не было и десяти, а он навидался всякого. Просто раньше он не встречал столько кровожадных, отчаявшихся существ в одном месте.

Когда они с Зином шли в бар, Хан обратил внимание на ручейки желтовато-зеленой слизи, которая собиралась в специально прорезанных канавках. Чубакка втянул носом воздух и протестующе рявкнул.

— Это уж точно, воняет гадостно, — подтвердил кореллианин; ноздри его трепетали. — Зин, что это за гадость? И на стенах вон тоже...

— Да просто слизь, к которой мы все привыкли, малек, — пояснил контрабандист. — Воняет, да? То и дело нас осеняет, что было бы неплохо выяснить, откуда она берется, и запломбировать. Говорят, это какая-то протоорганика вперемешку с серой.

Хан шел и морщил нос. Слизь имела аромат заветрившегося мяса с гарниром из сгнивших овощей, густо приправленных

серой. Кореллианину доводилось нюхать и худшее, но не в последнее время. Когда они, направляясь к бару, переходили по мостику через поток слизи, Хан обратил внимание на красивую женщину с длинными черными волосами, которую обступила толпа головорезов. Короткая юбка не скрывала потрясающих ног, а два лоскутка, по недоразумению ставшие блузкой, — груди и живота. Хан уставился на это чудо, думая о том, что в жизни не видел таких привлекательных женщин. А потом сообразил, что она тоже смотрит на него, и выдал одну из самых чарующих своих улыбок.

Женщина направлялась к ним. У Хана участился пульс, но красотка разглядывала его с примечательным отсутствием энтузиазма, словно он был куском траладоньего мяса, который уже позеленел по краям. Улыбка так и осталась приклеена к губам. «Похоже, влечение не обоюдное...»

— Вот, Хан, познакомься с моим другом, — сказал Зин, указывая на женщину. — Синюшка Ана Синь, одна из лучших в нашем деле. А за сабакк с ней лучше не садись. Синь, это вот Хан Соло, новичок, я решил его немного поднатаскать. И его приятель Чуи.

Кореллианин дружелюбно кивнул:

— Рад знакомству...

Заметив его нерешительность, женщина улыбнулась, продемонстрировав сверкающий зуб из синего кристалла.

— Зови меня Синь, — посоветовала она бархатистым, вкрадчивым голосом. — Хан Соло, говоришь? — Она повернулась к вуки. — И Чуи?

— Чубакка, — поправил ее кореллианин.

— Рада познакомиться с тобой, Чубакка, — сказала женщина. — Уже виделся с Винни?

Склонив голову к плечу, вуки негромко и вопросительно заскулил.

Синюшка Ана Синь ослепительно улыбнулась.

— Сразу поймешь с первого взгляда, — загадочно пообещала она.

— Ну так? — напомнил о себе Хан. — Можно угостить тебя... Синь?

Женщина покосилась на него, Что-то обдумала, затем с вялой улыбкой покачала головой.

Нет, не думаю, — сказала Синюшка. — Ты славный, но не моего типа, Соло. Мне нравятся чуть-чуть... позакаленнее.

Зин хохотнул.

— Она исключительная, наша Синь, — сказал он, заметив разочарование юного кореллианина. — Вы, молодежь, для нее

недостаточно... забавные. Ее соблазняет азарт, особенно если он сопутствует краже того, что тебе не принадлежит.

Синюшка Ана Синь смерила Зина с ног до головы неторопливым, ленивым взглядом.

— Когда-то и ты любил жить опасно, нет? — протяжно произнесла она и повернулась к Хану. — Играешь в сабакк, Соло?

Хан кивнул.

— Пробую, — настороженно ответил он.

Женщина подарила ему завлекательную улыбку:

— Тогда зайди как-нибудь. Я люблю свежую кровь.

Кивнув напоследок Чубакке, Синюшка повернулась и зашагала прочь.

Хан смотрел ей вслед.

— Приспешники Зендора... вот это да!

— Чистый сабакк, — согласился Эфит. — Высший класс.

— А она гоняется лишь за женатыми?

— Давай скажем так, она предпочитает охотничий азарт, — ответил Зин. — Такие, кто слишком доступен и чересчур хочет попасть к ней в силки, интересной добычей не являются.

— Не женщина, а деваронский мохнатый паук какой-то! — Хан смотрел ей вслед, пока весьма примечательные тылы Синюшки не затерялись среди пьяных, веселящихся контрабандистов.

— Близкое попадание, малек, — подмигнул ему Зин. — Наша Синь — единственная в своем роде. Она...

Завершение фразы утонуло в реве, от которого дрогнули даже каменные стены бара. Все повернулись к дверям, в которых стояла вуки. Она была крупновата для самки, ростом и сложением не уступала Чубакке, от которого не отводила взгляда синих глаз. Сородич же смотрел куда угодно, но только не на нового посетителя.

— Кто это? — шепотом поинтересовался Хан у Эфита.

Пожилой контрабандист опять подмигнул:

— Винни.

Косматая дамочка направилась прямиком к ним, прорычала утробное приветствие, обращаясь к Чубакке, не обращая ни малейшего внимания на его друга. Не удовольствовавшись словами, она погладила соотечественника по лапе.

— По-моему, он ей понравился, — заметил Хан на общегалактическом.

— Похоже на то, — согласился Эфит. — Твой приятель, в отличие от тебя, пользуется заслуженной популярностью, только Что-то он не слишком этому рад.

Действительно, Чубакка с несчастным видом озирался по

сторонам, собираясь, кажется, спрятаться под ближайший стол. Винни настаивала. Улучив момент, Чуи заискивающе заглянул Хану в глаза и едва заметно, но со значением покачал головой. Ну как тут не пожалеть бедолагу!

— Эй, Чуи! — громко заявил Соло. — Нам пора.

Винни рыкнула на него; ей не слишком понравилось, что какая-то мелюзга лезет в ее ухаживания.

— Прости, — стоял на своем кореллианин. — Но нам назначена встреча в другом месте.

Винни ему не поверила, в горле вуки заклокотало. Тут Хан сообразил, что собрал небольшую толпу зрителей. Вперед вышел Малыш ДиЗо'лн.

Не слишком-то вежливо без доказательств обвинять во лжи, Винни, — заявил он. — Парень говорит истинную правду. Я подписал его вместе с его дружком-вуки к себе на «Звездное Пламя» в качестве второго пилота и стрелка. Мы идем на Кессель. Эй, Соло, нам действительно пора, дроиды уже закончили погрузку.

Хан обаятельно улыбнулся Винни и с видом «ну что уж тут поделаешь?» пожал плечами, а Чубакка, тот и вовсе не скрывал, как рад сбежать подальше от хищной дамочки. По дороге в ангар Хан благодарно улыбнулся Малышу:

— Спасибо, я уж не знал, как еще вытащить Чуи из объятий так, чтобы барышня не пришла в ярость.

ДиЗо'лн ухмыльнулся в ответ:

— Да уж, перечить влюбленной вуки — последнее дело. Ну так чем же ты намерен теперь заняться? Неужто и впрямь намылился со мной на Кессель?

— А как же. Всегда хотел туда смотаться. А по Дуге ты пойдешь?

— Не знаю еще, — отозвался Малыш. — Может быть, если фрахт подвернется. Если нет, придется тебе искать другой корабль.

Хан слышал о Дуге Кесселя — тест на опытность, который никто не рискнет отрицать. Путь по Дуге позволяет значительно срезать путь через необитаемый сектор, на облет которого понадобится два, а то и больше стандартных дней. Но идти приходится мимо скопления Утроба, многочисленных черных дыр, искажающих время и пространство. Не один корабль остался в Утробе, несмотря на усилия и мастерство пилотов.

В рубке Малыш указал на пульт управления:

— Слышал, что ты неплохо летаешь, Соло. Не хочешь прогнать нашу птичку через поле?

Во рту неожиданно пересохло. Припомнив совет Зина,

кореллианин заставил себя уверенно войти в астероидное поле. Он слышал рассказы пилотов, которые останавливались на борту «Удачи Торговца». В астероидном поле летают только те, у кого крепкие нервы и быстрые рефлексы. Затаивший дыхание кореллианин, не сбрасывая скорости, послал их потрепанный маленький грузовичок быстрым замысловатым зигзагом.

Малыш тоже уселся за пульт, но ничего не трогал, только смотрел. Вмешался он всего один раз, чуть-чуть убрал скорость, чтобы избежать столкновения с небольшим булыжником, который мотался по орбите вокруг астероида покрупнее. «Звездное Пламя» разминулось с ним едва-едва, защитное поле смягчило удар, но корабль все равно содрогнулся в протесте. Но обошлось без самого худшего.

Хан прикусил губу, когда камешек размером в половину грузовика остался позади.

— Прости, Малыш, не заметил.

— И не мог, Соло, — откликнулся ДиЗо'лн. — Я много лет здесь летал, прежде чем запомнил все эти булыжники. Я просто знал, что за тем валуном пряталась та малышка, потому что видел ее раньше.

Когда они наконец-то выбрались в чистое пространство, Хан вымотался так, будто просидел за штурвалом стандартный день, а не каких-то полчаса. Ему хотелось развалиться в кресле и отдохнуть, но он покосился на начальство и передумал. Малыш, свесив голову на грудь, сидел с закрытыми глазами и, кажется, спал.

Соло перевел взгляд на Чубакку:

— Порули чуток, приятель, пока я считаю курс до Кесселя.

Спустя несколько минут кореллианин получил конечные координаты из навигационного компьютера и закончил прокладывать курс. Хан оглянулся на Малыша ДиЗо'лна. Тот приоткрыл водянисто-голубой глаз.

— Так вводи их, Соло, — сипло посоветовал контрабандист.

Хан ухмыльнулся:

— Так точно.

Еще через пару минут звездная россыпь обычного пространства вытянулась в нити, в переплетение которых с разбегу нырнуло «Звездное Пламя». Хан сообразил, что расплылся в улыбке, как малое дитя. Давненько ему не приходилось работать по-настоящему. На флоте ему доводилось стоять вахту в качестве рулевого на больших кораблях, но гораздо больше ему нравилось летать на истребителях СИД. Маленькие, верткие и смертоносные, они требовали постоянного контроля, но не были оборудованы щитами, а потому были предельно уязвимыми. Не

многим пилотам удавалось дожить до старости.

Когда «Звездное Пламя» вышло в обычное пространство, Хан впервые увидел Утробу, и у кореллианина перехватило дыхание. Проснувшийся Малыш ДиЗо'лн потянулся и зевнул.

— Что, нравится, Соло?

— А то ж...

Перед ними лежала коллекция черных дыр, высасывающих жизнь из ближайших звезд. Чудовищные водовороты газа и пыли далеко разбросали гигантские, слабо светящиеся щупальца. Сами дыры, разумеется, видны не были, а черными назывались потому, что гравитационное поле этих звезд было слишком велико, даже свет не мог от них убежать. Лишь газ и пыль отмечали их присутствие. Насколько Хан знал, Утроба была уникальна.

— Кессель правее, Соло, — подсказал Малыш. — Сейчас выведу координаты на экран.

Кореллианин изучил данные на небольшую невзрачную планету, которая бегала по орбите вокруг ослепительной бело-голубой звезды в компании одного спутника.

— Она даже не сфероид, — возмутился он. — И массы не хватает, чтобы удержать атмосферу.

— Ага, знаю. Там нужно носить дыхательную маску, но местные ребята не останавливают заводы по производству воздуха, так что скафандры не понадобятся.

— А я и не знал, что у Кесселя есть спутник.

— Ходили слухи, что импы там что-то строят. Совсем с ума сошли, если спросишь меня.

Слова Малыша не на шутку встревожили Хана. Чубакка по-прежнему числился среди бывших рабов. Импы будут в экстазе, если поймают его.

— Значит, там есть их корабли?

— Ну да, я познакомился с парнем, который работает в их системе безопасности, и он рассказал, что импы намерены втихаря построить какую-то станцию прямо в центре Утробы, — задумчиво произнес Малыш.

Хан еще раз посмотрел на газовые вихри и недоверчиво покачал головой:

— Базу? Там? Они сдурели, честное слово!

Малыш пожал плечами:

— Там, среди дыр, хватает пространства. Некоторые контрабандисты поговаривают, что можно здорово подсократить расстояние, если пройти по краешку Утробы.

Хан все еще хмуро разглядывал данные на экране.

— То есть пройти Дугу за меньшее время? — уточнил он.

Малыш сипло расхохотался:

— Ну и это тоже говорят, там все так перемешано, что ты не просто летишь быстрее, так короче.

— А какой рекорд? — полюбопытствовал кореллианин.

— Не в курсе. Кажется, в наше время чуть меньше десяти часов, но я не настолько сумасшедший, чтобы самому пробовать. Послушай лучше совета, Соло, не шути с Утробой.

Хан был склонен последовать совету Малыша. Кататься по краю скопления мог только идиот со склонностью к самоубийству. Кореллианин посадил «Звездное Пламя» на Кессель, все три контрабандиста нацепили дыхательные маски и вышли наружу. В небольшой кантине можно было отдохнуть, выпить и перекусить в ожидании, когда дроиды-грузчики заполнят трюмы.

Малыш ДиЗо'лн остался присмотреть за погрузкой, отпустив Хана с Чубаккой чем-нибудь подкрепиться. Десять минут спустя Соло прожевал больше половины порции и выхлебал полбокала поланианского эля, а про себя думал, чем заняться дальше. Малыш ДиЗо'лн ясно дал понять, что больше в его услугах не нуждается, но намекнул, что уверен: Хан легко отыщет, с кем вернуться на Ход контрабандиста или на Нар-Шаддаа, и если повезет, даже через Дугу Кесселя.

Планета не баловала гостей ночными заведениями. Хан в тоске озирался по сторонам, когда дверь кантины распахнулась, и у кореллианина округлились глаза.

— Роа! — Соло помахал рукой человеку, который только что вошел и снял дыхательную маску. — Эй, Роа! Иди сюда, куплю тебе выпивку.

Если у этого крупного, крепко сбитого мужчины с седеющими висками и чарующей улыбкой и было другое имя, Хан его никогда не слышал. Синие глаза Роа злодейски поблескивали, а чувство юмора привлекало друзей. Казалось, что на Нар-Шаддаа все знали Роа, а он знал всех. Хан с ним подружился с тех пор, как их познакомил Мако. Роа возил контрабанду более двадцати лет и считался в их деле номером первым. Время от времени он любил поиграть в наставника для начинающего бандита и щедро делился знаниями, накопленными за долгую карьеру.

В отличие от многих контрабандистов, которые были ничем не лучше пиратов, Роа жил по лично разработанному кодексу и обучал тому же самому молодое поколение в старом, тщательно вылизанном и скоростном грузовичке по имени «Путник». Роа научил Хана никогда не игнорировать крик о помощи, никогда не брать у тех, кто беднее тебя, никогда не садиться играть, если не готов к проигрышу, всегда быть готовым сорваться с места и удрать, никогда не водить корабль в пьяном виде.

Правила Роа, вот как их называли. При взгляде на молодого товарища дружелюбная открытая физиономия Роа расплылась в широкой ухмылке.

— А ты что здесь позабыл, дружище?

Хан указал на стул рядом с собой:

— Долго рассказывать. В основном все дело в одной любвеобильной вуки, которая чересчур запала на Чуи.

Роа прыснул и закинул ноги на стул.

— Чубакка, неужели ты таки встретился с Винни?

Чубакка страдальчески завыл, выразительно закатив голубые глаза. Роа заулюлюкал:

— Да ладно тебе! Трудно, что ли, ублажить влюбленную девочку?

Мохнатый гигант фыркнул и пустился в пространные объяснения о том, какими подчас рискованными бывают романтические отношения у его народа и сколько на них уходит сил и времени. Хан понял каждое слово, Роа с трудом улавливал суть. Брови его ползли все выше и выше, а когда Чубакка прекратил скулить, гавкать и рычать, Роа покачал головой: Выходит, ты правильно сделал, что быстренько смылся, Чубакка! Напомните мне, ребята, чтобы я даже не пробовал заигрывать с Винни.

Хан ухмыльнулся.

— И мне тоже, — поддакнул он и стал серьезным. — Беда в том, что мы тут прочно застряли. Сюда нас привез Малыш ДиЗо'лн, но он умчался по какому-то личному делу, в котором ему экипаж не понадобился. Вот я ищу, кто бы подкинул нас до Нар-Шаддаа. На тебя можно рассчитывать?

Роа улыбнулся:

— Можно, конечно. Только я не прямиком туда, нужно заскочить на Миркр с грузом спайса. Как тебе идея по дороге домой пробежаться по Дуге Кесселя?

У Хана загорелись глаза.

— Было бы здорово! Мне же не получить срочных заказов, пока не запишу на свой счет пробег, а лучше — два. Роа, дашь подержаться за штурвал, поучишь, а?

Старший коллега похлопал его по загривку:

— Все зависит...

— От чего?

— От количества выпивки, которую ты мне сейчас поставишь.

Кореллианин взмахом сообщил бармену-дроиду, что им требуется пополнение запаса.

— Расскажи мне о Дуге, — попросил он. — По-моему, я готов.

Из повествования следовало, что по дуге Кесселя можно

пролететь лишь в обычном пространстве, мимо скопления Утроба, а затем через сложный необитаемый район, более известный как Бездна. Эта самая Бездна была не столь трудна для навигации, как та же Утроба, но в нее кануло гораздо больше кораблей. Успешно проскочив скопление черных дыр, пилоты, как правило, уставали. Их реакция притуплялась. И именно тогда, когда им больше всего на свете требовался отдых, несчастных поджидала Бездна.

Собственно, она была тривиальным астероидным нолем, даже не слишком густым, как тот же Ход контрабандиста. Трудность заключалась в рукаве туманности, в котором располагалась Бездна. Пыль и газ оказывали на корабельные датчики пагубное воздействие, да и видимость там серьезно подкачала. Нырять и выныривать из паутины щупалец туманности — еще то занятие, и существовал неплохой шанс на то, что, уклоняясь от одного астероида, напорешься на другой.

Роа втолковал всю эту науку юному слушателю, затем отвел Хана на «Путник» и продемонстрировал полный план полета на навигационном компьютере. Хан все внимательно изучил и кивнул:

— Лады. Думаю, что управлюсь.

Шкипер «Путника» окинул его долгим оценивающим взглядом:

— Хорошо, сынок. Вперед. Выводи нас отсюда.

Хан опять кивнул, уже не столь уверенно, а затем его мир съежился до пределов лобового иллюминатора, координат, приборов, рук и глаз. Чувствовал себя кореллианин био-дроидом, подключившим нервную систему к электронике корабля. Он как будто сам стал кораблем — они были единым существом.

Пролетая мимо центра Утробы, Хан очень боялся, что какая-нибудь глупая маленькая ошибка с его стороны закончится гибелью «Путника». На лбу его выступили капли пота, пока кореллианин боролся с управлением, избегая гравитационных аномалий. Рядом с ним в напряжении сидел Роа, не издававший тем не менее ни единого звука. За его спиной негромко скулил Чубакка, и только звук его голоса нарушал тишину в кабине.

Теперь Утроба окружала их со всех сторон. Можно было совершить пробег по Дуге, обогнув скопление, но какой ценой? Топливо, время и дополнительное расстояние. Экономия стоила риска. Почти.

Пока Хан вел «Путник» по хитроумному извилистому курсу мимо всех ловушек Утробы, Роа молчал. Должно быть, это означало, что он все делает правильно. Кореллианин сделал попытку глубоко вздохнуть, когда впереди забурлило голубоватое

светящееся месиво пыли и газа, но его грудь как будто обвили дюрастальной лентой.

Когда же Роа все-таки подал голос, в тишине рубки он прозвучал словно гром среди ясного неба.

— Полдела сделано. Хорошо у тебя получается, парень. Берегись вон того, что сверху. Заковыристый камешек.

Хан кивнул, чувствуя на лбу грязные жирные дорожки пота. Он накренил корабль, проводя мимо водоворота космической пыли, которая некогда была звездой.

Почти час спустя, когда Хан чувствовал себя так, будто за весь полет ни разу не вздохнул, они выскочили из Утробы и погрузились в Бездну.

Мимо проносились астероиды. Хан чуть-чуть сбросил скорость, пытаясь смотреть во все стороны одновременно и мечтая о глазах на затылке, как у молоскианцев.

— Возьми влево, — хрипло каркнул Роа.

Хан и не заметил, как к ним подкрался астероид размером с гору. Его потная рука сама отыскала рычаг управления по приказу Роа — вовремя!

Соло начал паниковать. Влажные пальцы соскальзывали с рычагов, корабль чуть было не оказался на пути другого астероида.

Взвыл Чубакка, выругался Роа. Хан с трудом увернулся от третьего булыжника.

— Прости, — виновато пробормотал кореллианин. — Промашка вышла.

Не говоря ни слова, Роа порылся в бардачке и Что-то оттуда выудил.

— Держи. Подарок за то, что прошел Утробу. Я возьму управление, пока ты их надеваешь.

Хан взял специальные летные перчатки с накладками, чтобы пальцы не скользили, натянул и застегнул. Согнул и разогнул на пробу пальцы.

— Спасибо, Роа.

— Не за что, — отозвался старший товарищ. — Я всегда их ношу и тебе советую.

— Буду, — пообещал Хан.

Еще через несколько часов, когда Соло завершил первый в жизни пробег по Дуге Кесселя и экипаж сумел расслабиться в относительно безопасном гиперпространстве, Роа, откинувшись на спинку кресла главного пилота, сделал признание:

— Должен сказать, что не видел никого, кто с первой же попытки так гладко прошел Дугу. Ты прирожденный пилот.

Хан вяло приподнял уголки губ в ухмылке:

— У меня хороший учитель.

Чубакка кисло заметил, что не возражал бы, если бы Хан еще чуть-чуть поучился у Роа, потому что кореллианин так его перепугал, что вуки едва не облысел.

Соло оглянулся и вперил в волосатого приятеля гневный взгляд:

— Эй, держи пасть на замке, а не то я при первой же встрече скажу Винни наш адрес.

Чуи подавленно замолчал, обиженно сверкая глазами.

— Ну так чем же ты теперь займешься, Хан? — полюбопытствовал Роа. — Не каждому контрабандисту дано похвалиться, что он пролетел по Дуге Кесселя, а ты прошел ее за великолепное время. Каков следующий ход?

Хан уже все придумал.

— Хочу, чтобы у нас с Чуи был собственный корабль. Сначала, конечно, придется взять в аренду, но, может, когда-нибудь в один прекрасный день я сумею купить нам подходящую таратайку. Только нужно много денег, целую кучу. Поэтому, Роа, вернувшись на Нар-Шаддаа, я отправлюсь туда, где их не сосчитать.

Старый контрабандист удивился.

— Хатты, — обронил он.

Хан проверил, как поживали стабилизаторы.

— Ага, хатты.

Роа, хмурясь, покачал головой:

— Опасно работать на хаттов, мальчик. Они — рискованные работодатели. Стоит их рассердить, и обнаружишь, что плаваешь в вакууме без скафандра.

— Ага, — без выражения повторил кореллианин. — Я уже как-то работал на них. Но чтобы загрести кучу денег, приходится рисковать.

Пережив еще две недели и одного охотника за головами, Хан и Чубакка шагали к самому большому зданию в секторе хаттов на Нар-Шаддаа. Некогда роскошный отель «Самоцвет», ныне — штаб-квартира каджидика Десилиджик.

В бытность «Самоцвета» гостиницей ее руководство гордилось, что может предоставить номера по крайней мере половине разумных рас Галактики. Существа, живущие в воде, существа, дышащие метаном, существа, чувствующие себя хорошо лишь при пониженной гравитации... «Самоцвет» принимал всех.

Приближаясь к старому зданию, Хан заметил, что бывший отель здорово перестроили по вкусу новых жильцов. Гигантский

холл теперь обустроили рампами, ведущими на верхние этажи. Ковры убрали, а каменный пол отполировали до зеркального блеска, чтобы хаттам было легче передвигаться.

Хан в четвертый раз проверил, что куб с посланием Тагты надежно спрятан в карман. Оглянулся на Чубакку:

— Тебе идти не обязательно, приятель. Я и сам справлюсь.

Единственным ответом было твердое «нет». Хан пожал плечами:

— Как знаешь, но говорить буду я.

Дворецким Джилиака на Нар-Шаддаа оказалась женщина-человек, рыжеволосая и ослепительно красивая, хотя и не первой молодости. Она была одета в зеленое платье без всяких изысков. Хана восхитило достоинство, с которым она держалась.

— Я — Дайло, помощник господина Джилиака. Вы сказали, что у вас есть рекомендательное письмо, не так ли?

Хан кивнул, чувствуя себя по сравнению с ней грязнулей и неряхой, хотя и принарядился в самые лучшие штаны, рубаху и куртку. Больше всего ему хотелось уйти в глухую защиту, но Хан давным-давно научился никогда не демонстрировать нервозность и страх. А посему солнечная улыбка не сходила с его лица, а маска обычной бравады не сдвинулась и на волосок.

— Так точно.

— Могу я его видеть?

— Разумеется, если не попытаетесь уйти вместе с ним. — Хан достал голокуб и протянул женщине.

Рыжеволосая мельком глянула на зеленоватую коросту высохшей слизи, просмотрела послание, кивнула.

— Прекрасно, — сказала она, возвращая кубик владельцу. — Прошу вас, подождите здесь. Я вскоре позову вас.

Она вернулась через сорок пять минут и проводила визитеров в зал для аудиенций.

Хан слегка нервничал, его страшно интересовало, узнает ли Джилиак в нем одного из гонцов, которые пять лет назад доставили ему на Нал-Хатту посылку. Илизианский правитель Заввал угрожал Джилиаку неприятными последствиями. Услышав предупреждение, Джилиак в ярости разгромил почти весь зал.

Соло надеялся, что останется неузнанным. Имени своего он не называл. Кроме того, ему тогда было не больше девятнадцати... да и выглядел он тогда по-другому. Сейчас он был старше, набрал в весе и мускулатуре (благодаря тренировкам в академии), лицо, наоборот, потеряло детскую округлость. Не говоря уже о том, что для хаттов практически все люди на одно лицо.

И все-таки во рту пересохло, когда Соло переступил порог

зала.

Хан удивился, увидев не одного, а сразу двух хаттов. Первый был почти вдвое больше сородича, и кореллианин разумно предположил, что он — старше. Хатты растут всю свою жизнь и порой достигают воистину гигантских размеров. Средний хатт переживает несколько периодов роста после того, как становится взрослым. Хан слышал, что за несколько лет они могут вымахать чуть ли не вдвое.

Так. Можно спорить, что Джилиак — тот, что крупнее.

Зал был просторный и богато украшенный; похоже, раньше тут находился главный бальный зал отеля. Стены были увешаны зеркалами, и Хан видел собственное отражение со всех сторон.

Кореллианин отвесил глубокий поклон обоим хаттам. Дайло указала на посетителей и произнесла на довольно сносном хаттском:

— Господин Джилиак, вот кореллианский пилот, которого ваш двоюродный брат Тагта рекомендовал вам. Его имя Хан Соло. Вуки зовется Чубаккой.

Хан опять поклонился.

— Господин Джилиак, — сказал он на общегалактическом, — большая честь встретить вас, ваше великолепие. Ваш двоюродный брат господин Тагта говорит, что вам всегда необходимы хорошие пилоты.

— Пилот Соло... — Джилиак с легким брезгливым интересом обратил на визитера взгляд утопающих в жировых складках выпученных глаз, — ты понимаешь и говоришь на нашем языке?

— Я понимаю его, ваше великолепие. Но не говорю на нем в той мере, чтобы передать красоту языка, а следовательно, было бы неприлично и пытаться произнести на нем хотя бы слово, — искренне отозвался Соло.

К счастью, к хаттам легко было подольститься.

— Ох, человек, который ценит красоту нашего языка! — воскликнул Джилиак, поворачиваясь к меньшему собрату. — Воистину прозорливый и вдумчивый представитель своего народа.

— Это еще мало что значит, — басовито хмыкнул второй слизень. — Интересно, капитан Соло водит корабль так же хорошо, как треплет языком?

Хан решил, что присмотреться к младшему хатту не такая плохая идея. В глазах с узкими зрачками светился незаурядный ум. Ростом хатт был примерно с кореллианина и всего лишь четыре-пять метров длиной. Джилиак заметил внезапный интерес к собрату.

— Капитан Соло, это мой племянник Джабба. В управлении

каджидиком Десилиджик ему нет цены.

Младший хатт удостоился не менее почтительного и глубокого поклона.

— Приветствую, ваше великолепие.

— Приветствую, капитан Соло, — отозвался Джабба, делая вполне грациозный жест небольшой лапкой. — Твоя репутация опережает тебя.

— Достаточно любезностей! — Джилиак нетерпеливо протянул руку. — Голографический куб, капитан.

— Разумеется, ваше великолепие. — Хан вручил требуемый предмет хатту.

Тот несколько минут придирчиво изучал кубик, провел над зеленоватым пятном портативным сканером и, удовлетворенный, взглянул на кореллианина:

— У тебя прекрасные рекомендации, капитан. А мы всегда можем найти применение опытному пилоту.

— Я хотел бы работать на вас и вашего племянника, ваше великолепие.

— Что ж, тогда считай, что тебя наняли, капитан. Но как быть с твоим спутником? — Джилиак указал на Чубакку.

— Мы напарники, ваше великолепие. Чуи — мой второй пилот.

— Неужели? — хмыкнул Джабба. — А мне он кажется больше похожим на телохранителя.

Чубакка напрягся, и Хан скорее ощутил, чем услышал, негромкое клокотание в груди вуки.

— Чуи хороший пилот, — с нажимом произнес кореллианин.

— Для честных предпринимателей сейчас опасные времена, — заметил Джилиак. — Кто-нибудь из вас двоих обучен обращению с оружейными системами?

— Я умею, ваше великолепие, — ответил Соло. — Чуи неплохо стреляет, чего скрывать, но я лучше.

— Ах! — восторженно воскликнул Джабба. — Наконец-то нам попался человек, который не утомляет нас своим глупым понятием о скромности.

— Счастлив порадовать вас, — сухо отрезал Хан.

— Кессель, — задумчиво произнес Джилиак. — Наши источники утверждают, что ты побывал на Кесселе.

— Да, ваше великолепие, — кивнул Хан. — А еще я совершил пробег по Дуге почти за рекордное время. Для первого раза вышло недурно.

— Великолепно! — громыхнул Джабба; басовитым голосом племянник не уступал дяде; хатт издал низкое утробное «хо-хо-хо». — Значит, ты не против пройтись с грузом для нас?

— Зависит от груза, ваше великолепие.

Пока что у нас нет способа это выяснить, — вставил Джилиак. — Очевидно, с Кесселя ты повезешь спайс, вероятнее всего глиттерстим. Что, как не его, везти оттуда? Что же касается рейса туда, то здесь — масса возможностей. Провиант, предметы роскоши, рабов или...

— Рабов не повезу, — отрезал Соло.

Этот вопрос следовало прояснить с самого начала. Если на него собираются взвалить эту работу, то он лучше останется безработным.

— Все остальное — пожалуйста, ваше великолепие. Но никаких рабов.

Хатты временно онемели от такой наглости. В конце концов Джабба сумел поинтересоваться:

— А почему?

По личным причинам. Я видел рабство вблизи, и мне оно не понравилось.

— Ого! — вновь хмыкнул Джабба. — А у нашего отважного капитана имеются зачатки морали!

На приманку Соло не купился, но и не отступил.

Джилиак взмахом руки дал понять, что Хан должен остаться на месте, и вместе с племянником отполз в сторону. Наблюдая за хаттами, кореллианин никак не мог решить, кого они напоминают больше, змей или слизняков. Они перемещались вперед благодаря сокращениям мышц.

Дядя с племянником жарко посовещались несколько минут и вернулись.

— Хорошо, капитан Соло, — пробасил Джилиак. — Ты не будешь перевозить рабов.

— Благодарю вас, ваше великолепие, — с облегчением вздохнул кореллианин.

— Мы не часто занимаемся рабами, — издевательски добавил Джабба. — Их мы оставляем каджидику Бесадии с Илизии.

— Слышал когда-нибудь об Илизии, капитан Соло? — поинтересовался Джилиак.

Хану удалось скрыть дрожь.

— Да, я о ней слышал, ваше великолепие.

— В последнее время основной наш груз — рилл, капитан, — продолжал Джабба. — Не так давно мы отыскали новый источник. Был ты когда-нибудь на родине тви'леков, Рилоте?

— Да, ваше великолепие, был. Я хорошо знаком с торговыми маршрутами в том секторе.

— Прекрасно. — Джабба, не мигая, разглядывал кореллианина. — Скажи, капитан, доводилось ли тебе водить

звездную яхту?

Нагловатая ухмылочка словно приклеилась к губам. Причина, по которой Ханом интересовались охотники за головами, заключалась еще и в том, что Соло не только снял сливки с коллекции Тероензы, но и угнал его личную яхту.

— Да, ваше великолепие, — сказал Хан. — Приходилось.

Джабба задумчиво мигнул:

— Я запомню.

Джилиак сделал ручкой:

— Будем держать связь, капитан. А пока можешь идти.

Хан еще раз поклонился, ухитрившись пихнуть Чубакку кулаком в бок. Вуки негромко заворчал, но все-таки перегнулся пополам.

Кореллианин шел к выходу, а кожу между лопаток неприятно щекотали струйки пота. Задержанный в легких воздух выходил медленно и неохотно.

«Хорошо бы игра стоила свеч...»

Следующие три месяца Хан работал на Роа, не забывая летать и по заданиям хаттов. За ним закрепилась репутация человека, способного выжать безумную скорость даже из рассыпающихся на лету лоханок и сделать все, что угодно, лишь бы доставить груз на место назначения.

Он потерял счет пробегам по Дуге Кесселя.

Случалось, хатты забывали о нем на несколько дней, а то и недель, тогда Соло брал заказы у Мако, Роа и других нанимателей. Но по большей части распоряжения и деньги поступали все-таки от Джилиака и Джаббы.

Хатты владели личными яхтами, и, как выяснилось, не только ими, но и обширной собственностью на Нал-Хатте и других планетах. Например, Джилиак не скрывал, что практически является правителем Дилбаны, а Джабба заправлял преимущественно на захолустном Татуине.

Как-то раз приятелей вызвали пилотировать яхту Джаббы, «Звездную Драгоценность», как раз туда. Племянник Джилиака оказался капризным и привык все делать по-своему. Хан искренне радовался, что хатт прихватил с собой несколько слуг, которые ублажали его, так что кореллианину оставалось лишь спокойно вести корабль.

Среди свиты выделялся тви'лек по имени Лобб Геридо. Джабба ни во что его не ставил, обращался хуже некуда, гонял по дурацким поручениям, орал на него, оскорблял. Хан был крайне доволен, что избавлен от подобного удовольствия. Еще в число

пассажиров входило несколько гуманоидных девчонок-танцовщиц, музыкант по прозвищу Свисти-Стучи вместе со своим наларгоном, личный повар Джаббы из резиденции Десилиджиков на Нар-Шаддаа — иши-тиб по имени Тотоплат. Вояж предприняли, чтобы доставить во дворец на Татуине «зверушку». Тварь словно явилась из ночного кошмара: сплошные когти, огромная пасть и ненасытный аппетит. Хан выяснил, что зовется этот милый зверь осканским кровососом. Кореллианина тошнило всякий раз, когда ему приходилось наблюдать кормежку. Трюм яхты провонял этой тварью. Едоком ходячий кошмар был неряшливым, его миазмы заставили бы рыгать кореллианского трупоеда.

Яхта убриккианской постройки была достаточно просторная. И быстрая — спасибо парочке убриккианских ионных двигателей H2 и трем дополнительным двигателям T-c40 поменьше от Куата. К тому же она была вооружена шестью турболазерами. На летной палубе стояли шесть истребителей «Охотник за головами» Z-95 и два посадочных челнока.

Как случалось и раньше, в этом полете на «Звездной Драгоценности» не хватало двух «Охотников» и их пилотов. Небольшие Z-95 представляли грозную силу, но не были оборудованы гиперприводом, а Джабба был широко известен привычкой выставлять их в качестве арьергарда во время гиперпространственного прыжка. О дальнейшей судьбе пилотов хатт не задумывался.

Татуин оказался потрясающей дырой, да еще в такой глухой провинции, что потребовалось несколько прыжков, чтобы добраться туда. Предпоследний скачок выводил яхту на малопопулярную космическую линию, но она была самым коротким маршрутом до Татуина.

Здесь-то и поджидали пираты. Четыре каплеобразные дрелльские машины, гладкие, сверкающие, небольшие, но смертоносные. Хану доводилось видеть подобные корабли раньше, и сейчас в голове мгновенно включилась аварийная сирена: «Пираты?! Очень может быть! Лучше перестараться, чем потом пожалеть...»

— Чуи, щиты на максимум! — гаркнул кореллианин, посылая яхту в сложный маневр, чтобы старпом успел выставить щиты на полную мощность. Свободной рукой Хан нашарил кнопку внутренней связи. — Внимание! Артиллеристам подготовиться! Нас может ждать небольшая заварушка. — Он переключил частоту. — Пилотам «Охотников»: по машинам! И это не учебная тревога!

Он еще не договорил, а идущий впереди корабль принялся

поливать их из лазерной счетверенки. «Я был прав!» Хан мысленно поздравил себя за предусмотрительность, благодаря которой огонь дрелльского корабля не попал в цель.

Машины противника были втрое меньше крупной космической яхты, но их счетверенные лазерные пушки могли наделать бед. Да и в скорости пиратам не откажешь. Тем более что стрелять в ответ было все равно что палить из пушки по вомп-крысам. Разворачивая «Драгоценность», Хан заорал:

— Артиллерия... огонь!

Когда шесть тяжелых турболазерных батарей начали серьезный разговор, Хан перекинул внутреннюю связь на новую частоту.

— Внимание пассажирам и экипажу, нас атакуют! Приготовьтесь к маневрам уклонения. Активируйте системы безопасности.

Рядом с ним трудился Чубакка, взвалив пилотирование на Хана, а сам следил за мощностью и состоянием щитов и наблюдал за системами яхты, хотя больше всего его занимало, сколько еще энергии можно вкачать в оружие. Турболазеры здесь были установлены хитро, практически они составляли единую систему с корабельными реакторами, что давало им куда большую разрушительную силу, чем ожидали противники.

Хан вильнул в сторону, увидел, как залп турболазеров едва не смел вражеский корабль, но пират сумел увернуться. «Проклятие, эти малыши слишком быстрые!»

Захрипел динамик:

— Докладывают «Охотники». Готовы к взлету.

Чубакка открыл грузовой люк и убрал один из щитов, позволяя стартовать двум истребителям.

— Взлет по моей команде. Три... два... один... ПОШЕЛ!

По другому каналу вопил Джабба, требуя объяснений.

Еще были слышны ругань и вопли танцовщиц и тви'лека. Тотоплат причитал, что обед хозяина полностью уничтожен!

Прорычав проклятие, Соло выключил канал связи с пассажирскими отсеками. Взглянув на приборы, Хан побледнел.

— Атака по центру, Чуи! — заорал он, зная, что на этот раз он не сумеет достаточно быстро отреагировать.

«Звездная Драгоценность» лихорадочно затряслась, затем еще раз. Хан сообразил, что первый истребитель, должно быть, зашел сзади и теперь обстреливает им корму! Кореллианин выругался. Кормовой щит истощился и был готов рухнуть.

— Смена курса, Чуи! Компенсируй тот щит! — Хан активировал интерком. — Смена курса! Крен налево! Ребята, снимите пиратов с моего хвоста!

Сражаясь с издыхающим щитом, Чубакка рычал и плевался. Хан послал яхту в крутой левый вираж, а секундой позже ощутил легкие толчки, когда батареи открыли огонь.

Новый промах!

Чувствуя, что такими темпами он исчерпает запас проклятий раньше времени, Хан врезал кулаком по интеркому.

— Слушайте, вы там! Не умеете стрелять, мазилы, так послушайте дядю! Первая левая батарея, навестись на следующие координаты и стрелять по моей команде!

Глянув на датчики, Хан определил положение того пирата, который первым их атаковал; грабитель как раз совершил разворот и возвращался для следующего захода. Хан отметил его на сетке координат и сделал быстрый расчет, после чего скороговоркой выпалил результаты.

— Координаты введены! — доложил командир расчета.

— Вторая батарея, прицел на следующие координаты, залп через пять секунд после первой! Усекли?

Соло выдал очередную цепочку цифр.

— Так точно, капитан!

— Третья батарея...

Приказ повторился, только координаты были другие.

— Есть, капитан! Мы готовы!

— Лады... первая батарея — то-о-овьсь!

То, что он собирался исполнить, у военных называлось ограниченным заградительным огнем. Задача состояла в том, чтобы заставить противника, уклоняясь от первого выстрела, попасть под второй. Фокус не из легких, но если они правильно подгадают время...

Хан мысленно считал секунды, кокетливо разворачиваясь кормой к противнику. Ничего привлекательнее он придумать не сумел. «Три... две... одна...»

— Первая левая батарея — огонь!

Как и рассчитывал кореллианин, проворный дрелльский кораблик счастливо избежал первого залпа.

«Четыре... три... две... одна...» Хан смотрел в левый иллюминатор.

— Есть! — крикнул Соло, когда пират вломился прямиком в поток энергии, огонь второй батареи.

В темноте расцвело ослепительно-белое пламя.

— Вы его сделали!

Из динамиков донеслись радостные вопли. «Охотники» занимались другим пиратом, на фоне звездного неба были видны красноватые вспышки их пушек.

Жаль, нельзя было полюбоваться, как истребители ведут бой.

Хан развернул «Драгоценность» к оставшимся двум истребителям.

— Батареи правого борта, приготовиться к беглому огню по моей команде. Даю координаты...

Он смотрел, как пираты меняют курс для очередной атаки, как они, набирая скорость, начинают заход.

— Правый борт, огонь на полную мощность... залп!

Три мощных турболазера прожарили пустое пространство. «Парни сейчас решат, что я сошел с ума», — подумал Хан, считая залпы и подстраиваясь под их басовитый пульс. То, что он задумал, требовало идеального расчета времени.

Когда пираты подобрались на расстояние выстрела, Соло вывернул штурвал, заваливая свой тяжелый корабль на левый борт.

Сообразив, что шкипер яхты, кажется, не сумасшедший, пираты бросились врассыпную, спасаясь от турболазерного огня, который теперь был направлен прямо на них.

Одному повезло, зато второй угодил прямо в центр заградительного огня. Вторая батарея не промахнулась.

Правда, и «Звездная Драгоценность» пострадала. Она находилась слишком близко к взрыву, и щит правого борта смело волной обломков. Индикаторы на пульте подпрыгнули, когда яхта миновала зону разрушения.

В левом иллюминаторе был виден один из дрелльских кораблей, который медленно вращался, демонстрируя огромную дыру в обшивке, и всего лишь один «Охотник». Четвертый пират, самый везучий из всех, удирал во все лопатки.

Хан обдумал возможность погони, но пират с места развил хорошую скорость, поэтому Соло плюнул и отправился подбирать уцелевшего пилота.

К тому времени как он вспомнил об интеркоме и включил его, Джабба устал сыпать угрозами и проклятиями. Хан откашлялся:

— Все в порядке, ваше великолепие. Надеюсь, не сильно я вас растряс?

— Мой драгоценный груз расстроен! — с новой силой взревел хатт. — Теперь придется жертвовать танцовщицей, чтобы вернуть ему аппетит. Кровососы — чувствительные создания, Соло!

— А... ну да. Мне жаль, но пришлось вступить в бой. Как то не хотелось, чтобы нас взорвали, эти пираты не собирались нас грабить. Они знали, что мы прибываем. Ждали в самой нужной точке, чтобы перехватить корабль на последнем прыжке к Татуину.

— Да ну? — Из голоса Джаббы выдуло все следы обиды; хатт

занялся делом. — Чего же они добивались, капитан?

— Обездвижить или уничтожить нас, ваше великолепие. — Хан открыл грузовой люк, чтобы впустить «Охотника». — По мне, так за вами идет охота, хозяин.

— Очередное покушение... — задумчиво протянул Джабба, чей изощренный разум, как было известно Хану, работал со скоростью света.

— Похоже на то.

— Занятно, — хрюкнул Джабба. — Капитан, могу я полюбопытствовать, где ты обучился тем... неортодоксальным маневрам?

— В имперской академии, ваше великолепие.

— Ясно. Должен признать, весьма полезное умение. Тебе заплатят вдвойне за то, что сорвал трусливую попытку убить меня, капитан Соло. Напомни, когда вернемся на Нар-Шаддаа.

— Всенепременно, — пообещал Хан.

— Соло Что-то знает, — сообщил Джабба Хатт своему дядюшке Джилиаку две недели спустя за легкой трапезой.

Хатты расположились в небольшой гостиной, примыкавшей к приемной Джилиака на Нар-Шаддаа. Джилиак сунул пальцы в устройство, представляющее собой элегантное и оригинальное сочетание закускариума и водяного кальяна, — подарок давным-давно мертвого Заввала — и вытащил оттуда извивающееся лакомство. Держа его в воздухе, хатт посмотрел на несчастное существо безразличным, отсутствующим взглядом.

— Неужели? — сказал он после небольшой паузы. — И что же он знает?

Джабба подполз ближе к закускариуму и, дождавшись разрешающего жеста от главы клана, сунул руку внутрь за отборной едой. Зеленая слизь скопилась в уголках его рта от предвкушения того, как вкуснейшее теплое земноводное скользнет в зоб. Но, даже отвлекшись, практичный Джабба не забыл подумать и о вопросе родственника.

— Я не знаю. И боюсь, единственный способ узнать — спросить его самого.

— Что ты собрался у него спрашивать? — потребовал ответа Джилиак.

Прежде чем ответить, Джабба шумно проглотил деликатес и довольно чавкнул.

— Например, почему он так быстро среагировал на те дрелльские корабли. Судовой журнал показал, что он готовил орудия и начал маневрировать еще до того, как они открыли

огонь. Откуда он знал, что корабли дреллов сулят неприятности?

— В прошлом мы и сами нанимали дрелльских пиратов, — напомнил Джилиак, положив маленькие ручки на складки своего объемного живота. — Другой вопрос: исходила ли эта атака изнутри нашего клана или откуда-то извне? Не обманывай себя, племянник: в Десилиджике есть такие, кто сделает что угодно, лишь бы отнять у меня власть над каджидиком...

— Да, — согласился Джабба, — но не думаю, что это было нападение изнутри каджидика. Мои информаторы заверяют меня, что весь клан был доволен нашей прибылью в прошлом квартале.

— Тогда кто, по-твоему, стоит за этим нападением?

— Бесадии, — спокойно ответил Джабба.

Джилиак выругался:

— Конечно! Только у них есть достаточно средств, чтобы нанять дрелльских пиратов. Будь они неладны! — Громадный хвост разозленного хатта метался по полированному полу. — Племянник, Арук начинает превосходить самого себя. Илизия дает Бесадии такое богатство, что они уже становятся не просто экономической угрозой, но и опасными персонально для нас. Нужно действовать, и быстро. Нельзя позволить безнаказанно угрожать Десилиджикам.

— Согласен, дядя, — сказал Джабба, проглотив еще одну серендинскую личинку. — Но что именно мы станем делать?

— Нам нужно больше информации, — решил Джилиак. — Тогда мы сможем спланировать возмездие. — Включив коммуникатор, он рыкнул: — Дайло!

— Я здесь, ваше великолепие, — немедленно пришел ответ. — Что вам будет угодно?

— Приведи к нам Соло. Мы хотим поговорить с ним, — приказал Джилиак.

— Сию минуту повелитель Джилиак, — откликнулась Дайло.

Прошло несколько часов, прежде чем появился Соло, и к этому времени вынужденное ожидание разозлило обоих слизней. Наконец кореллианин вошел в приемную вместе со своим высоким, покрытым шерстью другом. Оба хатта несколько минут молча разглядывали Соло. Тот заерзал, и Джабба понял, что ему не по себе, хотя он хорошо скрывал волнение — для человека.

— Приветствую тебя, Соло, — наконец произнес Джилиак самым низким и пугающим голосом, на какой был способен.

Кореллианин поклонился:

— Приветствую, ваше превосходительство. Чем могу служить?

— Нам нужна правда, — заявил Джабба, не дав Джилиаку начать издалека, как тот обычно делал. Джаббе нравилась

прямота, и он обожал ставить других в неловкое положение. — Ты нам расскажешь правду.

У Джаббы было очень хорошее зрение, к тому же хатты могли видеть и в инфракрасном диапазоне, поэтому он увидел, как кровь отхлынула от лица Соло. Выражение его тем не менее не изменилось. Вуки переступил с ноги на ногу и издал тихий вой.

— Ваше благолепие... — Соло нервно облизнул губы. — Боюсь, я не совсем понимаю. Правду о чем?

Джабба не стал ходить вокруг да около:

— Я просмотрел судовой журнал «Звездной Драгоценности». Капитан, откуда ты знал, что дрелльские пираты собираются атаковать нас?

Мгновение Соло молчал, потом, сделав глубокий вздох, ответил:

— Мне уже приходилось попадать в их ловушку. И я знаю, что у вас обоих есть враги, которым по карману нанять убийц.

Джилиак уставился на молодого кореллианина и медленно спросил:

— Когда тебе довелось попасть в подобную ловушку, капитан?

— Пять лет назад, ваше превосходительство.

Джабба подался вперед:

— И на кого же ты тогда работал, а, Соло?

Кореллианин минуту колебался, затем тихо сказал:

— Я работал на Заввала, господин. На Илизии.

— Да... — произнес Джилиак. — Припоминаю. Это ты привез мне закускариум? Я помню салластанина, но вы, люди, все на одно лицо...

— Да, господин, это был я, — ответил Хан, и Джабба понял, что тому пришлось сделать над собой усилие для признания.

— Почему ты не сказал нам об этом раньше? — холодным, как ледник на Хоте, голосом осведомился Джилиак. — Что ты скрываешь, капитан?

— Ничего! — воскликнул Соло, замахав руками и сверкая карими глазами. — Слушайте, это правда, ваше превосходительство! Я хотел работать на вас. Но подумал, что вы не возьмете меня, зная о моей работе на клан Бесадии... даже если я всего лишь водил грузовики со спайсом. Так что я не стал упоминать об этом, вот и все! На самом деле я работал на Тероензу. Заввала я вообще почти не знал. Прошу простить меня, если я ввел вас в заблуждение, ваше великолепие.

Джилиак посмотрел на кореллианина с высоты своего помоста:

— Ты прав, Соло. Я не стал бы нанимать тебя, зная об этом.

Соло пожал плечами и ничего не сказал. Ему нечего было ответить. Джилиак немного подумал, потом спросил:

— Ты все еще работаешь на них?

— Нет, ваше превосходительство. Я готов подтвердить это под сывороткой правды. Или можете проверить меня с помощью глиттерстима. Я смылся с Илизии пять лет назад, и что то мне не хочется возвращаться.

Джабба повернулся к своему дяде:

— Дядя, мне кажется, Соло говорит правду. Если бы он до сих пор работал на Бесадии, он бы не стал так отчаянно стараться спасти «Звездную Драгоценность» и меня. Вместо этого наш бравый капитан позволил бы захватить корабль и взять его на абордаж... а меня убить. — Младший хатт снова посмотрел на кореллианина. — Так что наш капитан говорит правду, если, конечно, Бесадии не оказались умнее и хитрее, чем я думал.

Соло кивнул:

— Я говорю правду, ваше сиятельство! Вообще-то, я бесполезен для Илизии и ее хозяев. Вы знаете, что я думаю о работорговцах и торговле рабами... А Бесадии — главные работорговцы в Галактике.

— Верно. Капитан Соло, мой дядя узнал тебя как одного из посланников Заввала, и я тоже начинаю кое-что припоминать. Вскоре после того, как мы получили от Заввала ту угрозу, нам стали докладывать, что на Илизии произошло восстание. Была уничтожена фабрика глиттерстима, Заввал был убит в вооруженной стычке, а несколько рабов освобождены. Исчезли два корабля.

Джабба тщательно следил за выражением лица Соло, но так ничего и не увидел.

— Капитан, — сказал Джилиак, — нам доложили, что ответственным за этот конфликт на Илизии был человек... некий Викк Драйго. Нам также сообщили, что Викк Драйго был убит охотниками за головами. Что ты знаешь обо всем этом?

Соло снова заерзал, и теперь, как четко увидел Джабба, он пытался принять решение. Наконец он решился и кивнул:

— Я много чего знаю об этом. Я — Викк Драйго.

Джабба и Джилиак обменялись долгими взглядами.

— Это ты убил Заввала? — спросил Джабба низким, пугающим голосом.

— Вообще-то нет... — Соло нервно покусывал губы. — Я только... Это была случайность, типа того. Послушайте... я не виноват!

Оба хатта снова переглянулись и одновременно раскатисто захохотали.

— Хо-хо-хо! — смеялся Джабба. — Соло, для человека ты удивительное существо!

Кореллианин смотрел на них во все глаза, ничего не понимая.

— Вы что, не злитесь, что из-за меня погиб хатт?

— Заввал угрожал мне, — напомнил кореллианину Джилиак. — И он, и его клан причинили Десилиджику много неприятностей, а некоторым из нас стоили жизни. Хатты предпочитают избавляться от врагов, отбирая у них их богатство, капитан, но мы не брезгуем и убийством, если это помогает нам отделаться от проблемы.

Соло почувствовал себя намного лучше.

— А, ну ясно. Вообще-то, люди тоже так делают иногда.

— Правда? — Джилиак казался удивленным. — Тогда, возможно, для вашей расы еще не все потеряно, капитан Соло.

Кореллианин криво ухмыльнулся. Джабба узнал это выражение: ему часто приходилось сталкиваться с людьми.

— Тем не менее, — предупредил Джабба, — не стоит делать широко известным тот факт, что человек убил хатта и ему никто не отомстил, капитан. Если вздумаешь кому-нибудь еще рассказать правду... нам придется заставить тебя замолчать. Насовсем. Мы друг друга поняли?

Соло молча кивнул. Очевидно, угроза Джаббы подействовала на него.

— Итак... — Джилиак вернулся к делу. — Ты работал на Бесадии, капитан Соло. Что ты можешь нам о них поведать?

— Ну, я был у них лет пять назад, — начал Соло. — Но вряд ли я когда забуду житье на Илизии.

— Кто отдавал тебе приказы, Соло? — спросил Джабба.

— Тероенза. Он-то и заправляет там всем, он же верховный жрец и все такое.

— Тероенза? Тогда расскажи нам о нем, — потребовал Джабба.

— В общем, он из расы т'ланда-тиль. Вы ведь знаете, кто они такие?

Оба хатта показали, что знают.

— Ну вот, Тероенза докладывает своему начальнику-хатту, в то время когда я там обитал, им был Заввал. Но именно Тероенза принимает решения и наблюдает за текущим состоянием дел в колониях. Тероенза довольно умный тип и хороший администратор. Насколько я понимаю, у них там неплохие прибыли, хотя, уверен, у них был не слишком прибыльный год, когда я поджег фабрику глиттерстима.

При мысли об уничтожении такой ценности оба хатта

вздрогнули. Соло снова пожал плечами:

— Ну да, мне тоже это не слишком понравилось. Но нужно же мне было как-то отвлечь от себя внимание.

— Как на самом деле умер Заввал?

— На него свалился потолок. Мы грабили сокровищницу Тероензы, ну и оказались в ловушке и...

Глаза Джаббы сузились.

— Сокровищница? Какие еще сокровища?

— Ну, мы ее так называли, — пояснил Соло. — Тероенза повернут на коллекционировании редких штук: произведений искусства там, антиквариата, оружия, музыкальных инструментов, мебели, драгоценностей. Даже не знаю, чего у него нет. Он оборудовал громадную комнату под хранилище для своей коллекции прямо посреди административного строения на Илизии. Эта коллекция — смысл его жизни, потому что больше на Илизии нечем особо заняться. Там только и есть что джунгли.

— Понятно, — задумчиво промолвил Джилиак и бросил искоса взгляд на Джаббу.

Младший хатт понял, что его дядя занят продумыванием плана, основанного на информации, только что выданной Соло.

Джилиак продолжил задавать Соло вопросы о спайсовых фабриках на Илизии, о том, как было организовано дело, какая там охрана, и тому подобном. Джабба с интересом слушал. Его дядя недаром был главой каджидика: он обладал громадным опытом и умел строить хитроумные планы. Что он теперь замышляет?

В конце концов Джилиак отпустил кореллианина, и Соло вместе с вуки покинули приемную.

— Итак, дядя, — начал Джабба, — что ты думаешь?

Джилиак неторопливо вытащил свой кальян и принялся раскуривать его. Джабба почуял сладковатый запах марканских трав — слабого наркотика, приводящего в состояние эйфории. Глава каджидика заговорил только через несколько минут.

— Джабба, племянник мой, я думаю, что вражда между кланом Бесадии и Десилиджиком должна прекратиться. Рано или поздно одна из их попыток избавиться от нас увенчается успехом. Это будет настоящая трагедия.

— Согласен, — сказал Джабба. — Но что мы можем сделать?

Он представил, как его касается виброклинок наемного убийцы, и по коже побежали мурашки. Хотя, может быть, его просто выкинут в вакуум без скафандра... При этой мысли его пробрала дрожь.

— Я считаю, что нам нужно предложить созвать межклановую встречу и провести ее на нейтральной территории. И там мы

должны предложить Бесадии заключить пакт о непричинении насилия, — неспешно отвечал Джилиак, продолжая.

— Но согласятся ли они? — Джабба не мог понять, чего ради им это делать.

— Племянник, Арук не дурак, он, по крайней мере, притворится, что согласен.

— Но зачем нужно предлагать этот пакт?

Джабба знал, что за этим крылось нечто большее. Он считал себя умным хаттом, но иногда Джилиак ставил его в тупик.

— На этой встрече я собираюсь предложить обеим сторонам раскрыть прибыль, полученную к данному моменту, и оценку доходов сторон.

— Бесадии никогда не пойдут на это!

— Я знаю. Но такой пакт — вполне подходящая причина, чтобы потребовать раскрытия прибыли, и Бесадии это поймут.

— И ты думаешь, они поделятся с нами информацией?

— Думаю, да, племянник. Арук обязательно воспользуется случаем похвастаться своими доходами перед Десилиджиком.

— Да, ты прав, они так и поступят, — кивнул Джабба.

— Уверен, Арук не преминет захватить с собой начальство Илизии, которое могло бы подтвердить цифры, чтобы Арук мог вволю похваляться прибыльностью проекта.

— Кто сейчас там главный?

— Киббик заправляет операцией на Илизии.

— Но Киббик же идиот, — заметил Джабба, которому доводилось встречать этого молодого хатта на совещании каджидиков.

— Это так. Но думаю, что настоящий управляющий Илизии тоже представит отчет.

Джабба удивился, потом засмеялся:

— Я начинаю понимать, куда ты клонишь, дядя.

Джилиак продолжал безмятежно покуривать кальян, уголки его большого безгубого рта растянулись в ухмылке.

Тероенза отдыхал в гамаке, когда к нему на встречу прибыл самый знаменитый охотник за головами в Империи. Ганар Тос влетел в личный кабинет своего хозяина, истерически заламывая бородавчатые зеленые конечности.

— Ваше превосходительство! Боба Фетт здесь и говорит, что вы заплатили ему за личную встречу. Это правда, господин?

— Да-а-а... — протянул верховный жрец Илизии, с некоторым трудом вставая из гамака на все четыре подобные колоннам ноги; предвкушение пульсировало в двух его сердцах и трех желудках.

Вошедший был облачен в потертый зеленоватый мандалорский доспех. Два скальпа вуки с заплетенными в косички волосами — один белый, другой черный — висели у него на правом плече. Шлем полностью скрывал лицо гостя. Тероензе показалось, что он разглядел блеск глаз в смотровой щели.

— Приветствую вас, мастер Фетт! — прогудел Тероенза, раздумывая, следует ли протянуть руку для пожатия; ему показалось, что, если он это сделает, Фетт проигнорирует жест, и т'ланда-тиль не стал. — Позвольте поблагодарить вас за то, что так быстро откликнулись! Надеюсь, у вас не возникло проблем с предательскими воздушными потоками и атмосферными штормами при приближении к Илизии.

— Не теряй времени, — посоветовал Боба Фетт; его голос, искаженный динамиком шлема, звучал плоско, непохоже на человеческий. — Мандалорские наручи с дротиками из твоей коллекции в качестве оплаты за то, что я выслушаю тебя. Хочу увидеть их. Сейчас.

— Конечно, конечно, мастер Фетт, — воскликнул Тероенза.

На него неожиданно снизошло леденящее осознание того, что, если бы Фетту почему-либо захотелось убить его, Тероенза почти ничего не смог бы поделать, чтобы предотвратить это. Несмотря на большие размеры — а Тероенза был как минимум в пять раз больше человека, — он чувствовал себя голым и беззащитным перед известным охотником за головами.

Он быстро провел гостя в сокровищницу:

— Они вот здесь.

Ему приходилось прилагать немало усилий, чтобы не торопиться и не бормотать. Фетт шел рядом с Тероензой, его походка была так же тиха и угрожающа, как полет отравленного дротика. Открыв ящик, верховный жрец Илизии вытащил наручи. На каждом был закреплен пружинный механизм, который при определенном движении пальцев владельца выпускал целый рой миниатюрных смертоносных дротиков.

— Это набор. Меня заверили, что они в прекрасном состоянии.

— Это я определю сам. — Голос Фетта звучал, как всегда, ровно, без выражения.

Защелкнув наручи у себя на запястьях, Фетт одним быстрым, ловким движением развернулся и выстрелил в толстый ковер, украшавший стену. Тероенза издал приглушенный писк протеста, но не решился возразить. Фетт вытащил дротики из ковра и повернулся к верховному жрецу:

— Хорошо. Мое время дорого стоит, жрец. Чего ты хочешь?

Тероенза собрался с духом. Все-таки Фетт станет его

подчиненным... В определенном смысле. Стараясь не обращать внимания на бешено бьющиеся сердца, он призвал все свое достоинство и выпрямился.

— Есть один контрабандист по имени Хан Соло. Может быть, вы видели его на листовках с сообщениями о разыскиваемых.

Охотник кивнул.

— Соло, говорят, теперь летает вместе с вуки. Слышал, его видели на Нар-Шаддаа. Ходят слухи, что девять или десять охотников за головами пытались захватить его, но он слишком шустрый для них.

Фетт снова кивнул. Тероензу нервировало молчание собеседника, но он все же продолжил:

— Он мне нужен. Живым и относительно здоровым. Никакой дезинтеграции.

— Это усложняет задачу, — наконец заговорил Фетт. — За семь с половиной тысяч кредитов я не стану тратить свое время.

Тероенза боялся именно этого. Внутренне он весь сжался, представляя, что скажет на это Арук. Хатт называл себя «экономным»; Тероенза про себя называл его старым скупердяем. Но он должен получить Соло! Может быть, самому повысить награду? А так не хотелось продавать часть своей коллекции...

— Илизия увеличит награду за Соло до двадцати тысяч кредитов, — твердо заявил Тероенза.

Он решил, что ему удастся уговорить хозяев на повышение. Да, ему удастся... как-нибудь. В конце концов, это ответственность Арука как главы Бесадии. Все это время Фетт стоял абсолютно неподвижно. Потом, когда Тероенза уже подумал, что тот откажется, охотник кивнул:

— Подходит.

Верховному жрецу пришлось подавить в себе желание елейным тоном пробормотать благодарность охотнику за головами.

— Как вы думаете, когда вам удастся его поймать? — жадно спросил он вместо этого.

— Награда слишком мала, чтобы я бросил остальные дела, — холодно ответил Фетт. — Ты получишь его, когда у меня дойдут до него руки, жрец.

— Но... — протянул Тероенза разочарованно.

— За сто тысяч поставлю его на первое место в списке.

«Сто тысяч кредитов!» Тероенза в шоке уставился на охотника. Да вся его коллекция стоила едва ли больше этого! Если он пообещает такую награду, Арук собственноручно утопит его в илизианском океане. Он отрицательно затряс головой:

— Нет, не надо. Просто имейте его в виду. Мы подождем.

— Ты получишь Соло, — пообещал охотник.

Боба Фетт развернулся и направился прочь, оставив Тероензу стоять и смотреть ему вслед. Т'ланда-тиль, обладавший великолепным слухом, прислушался, но ничего не услышал. Фетт беззвучно растворился за дверью. Верховный жрец знал, что не увидит его до того самого дня, когда охотник доставит Хана Соло обратно на Илизию, где тот встретит свою ужасную судьбу.

«Ну погоди, Соло, — думал Тероенза. — Ты уже труп. Просто ты еще не знаешь об этом».

ГЛАВА ПЯТАЯ
ТРИНАДЦАТЫЙ ОХОТНИК

Два месяца и три охотника за головами спустя Хан и Чубакка скопили уже немаленькую долю от той суммы, которую предполагалось потратить на взнос за собственный корабль.

Джабба и Джилиак требовали строгого соблюдения расписания, но они и платили хорошо, если их приказы выполнялись точно.

Нападений на яхты хаттов больше не было, но Хан чуял, что между Десилиджиком и Бесадии назревает столкновение. Он знал, что посланники Джилиака сделали какое-то предложение представителям Арука. Арук ответил предложением встретиться лицом к лицу. Насколько было известно Хану, такие встречи совершенно не практиковались среди хаттов. Он оставался настороже и размышлял, прикажут ли ему везти Джаббу и Джилиака на встречу.

Хан и Чуи работали по многу часов, но иногда выпадали дни отдыха между заданиями. В такие дни или часы они развлекались вместе с другими контрабандистами в кореллианском секторе, играя в сабакк и другие азартные игры.

Хан всегда был готов развлекаться, и его притягивала новизна. Поэтому однажды его внимание привлекла громадная голографическая вывеска на одном из древних, но все еще работающих казино-отелей. Гвоздем программы «Замка удачи» была популярная фокусница, которая считалась одной из лучших иллюзионисток в Галактике. Ее звали Заверри. Убедившись, что они могут себе позволить входные билеты в это заведение, Хан предложил Чубакке посмотреть магическое представление этим вечером.

Хан верил в магию не больше, чем он верил в религию.

Но у него был некоторый опыт занятия карманничеством и карточными трюками, и ему всегда было интересно проникнуть в тайну того или иного трюка.

Чубакка, как ни странно, воспротивился идее такого похода. Он ныл и тряс головой, убеждая Хана, что им лучше сегодня пойти куда-нибудь с Мако или к Роа — ведь он купил маленький одноместный истребитель, который откуда-то притащили пираты и над которым он теперь трудился. Хан и Чубакка несколько раз помогали Роа чинить кораблик. Хан настаивал, что они могут помочь Роа когда угодно, в то время как Заверри выступала всего неделю. Чуи безмолвно покачал головой, на его физиономии не

было радости. Хан уставился на вуки, пытаясь понять, какой ранкор его укусил.

— Эй, приятель, да в чем дело? Давай повеселимся!

Чуи только рыкнул и покачал головой, ничего не говоря. Внезапно Хана озарило: все-таки вуки были еще примитивным народом. Они приняли и адаптировали под свое общество передовые технологии, но это были чужие технологии. Вуки были очень умной расой, они научились летать на космических кораблях через гиперпространство, но они никогда не строили своих кораблей. Вуки, которые покидали Кашиик — хотя теперь, когда Империя объявила Кашиик планетой рабского труда, это происходило очень редко, — покидали планету на кораблях, построенных другими расами. В обществе вуки были приняты традиции и обряды, которые большинство жителей Империи назвали бы примитивными. У Чуи были собственные верования, часть из которых Хан считал чистой воды суевериями.

В легендах вуки присутствовали устрашающие повествования о сверхъестественных существах, которые разгуливали под покровом ночи, утоляя голод и жажду, а также истории о злых магах и колдунах, которые могли навязать другим свою волю, преследуя черные цели.

Хан в упор посмотрел на своего покрытого шерстью партнера:

— Слушай, Чуи, ты знаешь не хуже меня, что эта их «магия», которую показывает Заверри, — всего лишь несколько простых трюков, верно?

Чубакка рыкнул не слишком уверенно. Хан протянул руку и потрепал вуки по голове — Дьюланна часто так делала. У вуки это было равносильно утешительному похлопыванию по плечу.

— Поверь мне, Чуи, эти фокусники не занимаются настоящей магией. Нет у них магии, про которую говорится в легендах вуки. Магия Заверри — это и не магия вовсе, а ловкость рук, ну вот как я иногда делаю с картами. Или они там пользуются голографическими проекциями, зеркалами и банта их знает чем еще. Никакой настоящей магии. Ничего сверхъестественного.

Чуи издал протяжный вой, но Хану показалось, что слова начали убеждать вуки.

— Спорю, если ты пойдешь сегодня со мной, я смогу рассказать тебе, как Заверри делает все свои трюки. Ну, приятель? Договорились?

Вуки тут же спросил, на что Хан собирается спорить. Кореллианин задумался на мгновение.

— Я буду готовить завтрак и убираться целый месяц, если не пойму, как она их делает, — пообещал он. — А если я смогу вывести ее на чистую воду, ты мне возвращаешь деньги за билет,

идет?

Чубакка решил, что так будет честно.

Двое контрабандистов попали на представление достаточно рано, чтобы успеть занять места поближе к сцене. Они ожидали начала с нетерпением. Наконец раздался вой фанфар, и голографический занавес исчез, открыв взгляду сцену и единственное живое существо на ней.

Заверри оказалась роскошной, привлекательной женщиной старше Хана на несколько лет. Свои длинные тяжелые черные волосы она заплела в хитрую прическу. Она носила линзы, усиливающие цвет радужки, и ее глаза сверкали серебром. На ней был костюм из фиолетового шелка, с тщательно продуманными разрезами в таких местах, чтобы иногда можно было урывками разглядеть золотистую кожу под одеждой. Она выглядела экзотично, восхищала. Хан задался вопросом, с какой она планеты. Ему прежде не доводилось видеть таких, как она.

Как только ее представили зрителям, Заверри начала представление. Почти без слов она исполняла все более сложные трюки.

Хан и Чубакка зачарованно наблюдали за ее иллюзиями.

Несколько раз Хану казалось, что он знает, как был поставлен тот или иной трюк, но ему так и не удалось найти хоть один прокол в ее безупречном исполнении. Он понял, что проиграл спор.

Заверри показывала все обычные фокусы, а потом улучшала их. С помощью лазера она разрезала добровольца из публики на две части, потом проделала то же самое с собой. Она «телепортировала» не только себя, но и стайку родианских мышептиц из одной стеклянной клетки в другую, которая находилась на противоположном конце сцены, во время единственной вспышки дыма и пламени. Ее иллюзии были исполнены со вкусом и воображением. Заверри творила их с таким мастерством, что казалось, будто она и правда обладала сверхъестественными возможностями.

Когда она, как всем показалось, выпустила стаю кайвенских свистунов и они напали на зрителей, даже Хан вздрогнул, а Чубакку пришлось держать, чтобы он не пытался атаковать иллюзорных летунов, — такими реальными они казались.

В завершение своего представления Заверри заставила исчезнуть все стены зала, и на их месте возникла усыпанная звездами чернота. Публика заохала в восторженном удивлении. Неожиданно в пустоте космоса появилось пугающее видение: карликовая звезда со страшной скоростью неслась прямо на зрителей. Даже Хан вскрикнул и пригнулся, когда огромная

иллюзия накрыла комнату. Чуи взвыл со страху и попытался заползти под кресло; Хану едва удалось вытащить его оттуда, когда видение неожиданно исчезло и на его месте появилось громадное изображение Заверри. Она раскланивалась и улыбалась.

Хан хлопал так сильно, что у него заболели ладони, он свистел и кричал. Какое представление!

После того как аплодисменты стихли, Хан дал себе зарок пробраться за кулисы. Ему хотелось познакомиться с очаровательной иллюзионисткой, хотелось сказать ей, что она невероятно талантлива. Заверри была первой за очень долгое время женщиной, которая по-настоящему привлекала его. По правде говоря, она была первой с того времени, как ушла Брия.

После долгого ожидания среди толпы народа, ошивающегося за кулисами, Хан увидел, как Заверри выходит из своей гримерной. Серебряные усилители радужки она сняла, и теперь ее глаза были натурального темно-карего цвета. На ней был стильный уличный костюм вместо шелкового, который она носила на сцене. Тепло улыбаясь, она раздавала автографы и записки своим поклонникам на маленьких голокубах на память. Она была вежлива и учтива.

Хан намеренно держался в стороне, пока толпа не рассосалась и около Заверри не остался лишь один мрачный родианец — ее ассистент. Тогда Хан выступил вперед, улыбаясь своей самой лучшей, самой очаровательной улыбкой.

— Здравствуйте, — сказал он, глядя ей в глаза. Девушка была высокой, а с высокими каблуками на изысканно разукрашенных сапогах они с Ханом оказались одного роста.

— Я Хан Соло, госпожа Заверри. А это мой напарник, Чубакка. Я хотел сказать вам, что это было самое оригинальное и великолепное магическое представление, какое я когда-либо видел.

Заверри оценивающе оглядела его и Чубакку с ног до головы, потом улыбнулась — совсем по-другому, холодно и цинично.

— Приветствую, Соло. Дайте-ка я угадаю... Вы Что-то продаете?

Хан покачал головой.

«Наблюдательна. Но я уже давным-давно не аферист. Теперь я пилот, и только».

— Вовсе нет, госпожа. Я всего лишь поклонник, который восхищается театральной магией. К тому же я хотел дать Чуи возможность увидеть вас и почувствовать ваш запах, чтобы он убедился, что вы такой же человек, как и я. Боюсь, вы произвели на него слишком сильное впечатление. Когда вы выпустили в

воздух тех кайвенских свистунов, они как будто вылетели из легенд вуки о ночных летунах. Он не знал, зарыться ли ему в пол или драться, защищая свою жизнь.

Девушка взглянула на долговязого мохнатого спутника кореллианина, и медленно-медленно ее циничная улыбка растаяла, уступив место настоящей.

— Рада встрече, Чубакка. Прости, если я тебя испугала, — сказала она, протягивая руку.

Чуи схватил ее руку двумя волосатыми лапами и затараторил на родном языке. По-видимому, она прекрасно его поняла. Он сказал ей, что представление удивило и ужаснуло его, но потом, когда все закончилось, он понял, что ему невероятно понравилось.

— Спасибо! Это именно те слова, которых так ждет маг!

Хан почувствовал укол зависти при виде того, как она и вуки быстро пришли к взаимопониманию. На восхищение Чуи Заверри ответила искренней теплотой. Пользуясь моментом, Хан пригласил иллюзионистку сходить с ними куда-нибудь перекусить. Она посмотрела на него с прежним недоверием. Хан рассматривал ее и вдруг понял, что перед ним человек, который пережил большую потерю. Потому-то она так осторожна. Он разочарованно подумал, что она откажется. Но, к его удивлению, немного подумав, Заверри согласилась.

Хан повел ее в маленькое бистро в кореллианском секторе, где еда и питье были дешевыми и в то же время качественными, а женщина с флютней играла и пела. Через некоторое время Заверри перестала вести себя настороженно и даже начала улыбаться и Чуи, и Хану. После ужина они проводили ее в отель. Когда они подошли к зданию, она взяла руку Хана и открыто посмотрела ему в глаза:

— Соло... Спасибо. Я очень рада, что встретила тебя и Чубакку. — Она взглянула на вуки, который ответил ей довольным рыком. — Мне жаль, что приходится сказать «прощай». А мне давно уже не было жаль так говорить.

Хан улыбнулся:

— Тогда не говори «прощай», Заверри. Скажи «увидимся», потому что так и будет.

— Не уверена, что это хорошая идея, Соло, — вздохнула она.

— Зато я уверен. Уж поверь.

Следующим вечером Хан снова оказался около двери ее гримерной. И на следующий вечер. Они с Заверри постепенно сходились, лучше узнавали друг друга. Она не желала рассказывать о своем прошлом даже больше, чем Хан — о своем. Внимательно слушая и задавая наводящие вопросы, Хану удалось

узнать о ней некоторые вещи: она ненавидела Империю и имперских чиновников с такой упорной яростью, что Хану это казалось странным, она гордилась своим искусством иллюзиониста и не могла устоять перед вызовом, а еще... еще она была одинока.

Тяжело все время скакать с планеты на планету, представать перед восторженной публикой, а потом оставаться одной в номере отеля. Хану показалось, что Заверри давно уже не была с мужчиной, может быть годы. У нее было много возможностей, но ее природная сдержанность и подозрительность заставили ее избегать близких контактов.

Первый раз в жизни Хан столкнулся с тем, что ему придется открыться, чтобы пробиться через эмоциональные барьеры, по сравнению с которыми его собственные казались просто жалкими. Это трудно — не один раз ему хотелось сдаться и оставить всякие попытки пробиться к ней, потому что это казалось невозможным. Но Заверри интриговала и восхищала его. Ему хотелось узнать ее поближе, хотелось, чтобы она доверяла ему... хотя бы чуть-чуть.

На третий вечер, который они провели вместе, Заверри подарила ему быстрый поцелуй, прежде чем исчезнуть за дверью своего номера. Хан возвращался домой с широченной улыбкой.

На следующий вечер, когда он уже собирался уходить, Чубакка решил сопровождать его. Хан знаком остановил вуки:

— Чуи, приятель, тебе вовсе не обязательно идти со мной сегодня.

Чубакка презрительно фыркнул. Без него Хан обязательно вляпается в какую-нибудь историю.

Хан медленно улыбнулся неотразимой улыбкой:

— Ага. Именно на это я и надеюсь, дружище. Так что я иду один. Увидимся. Не скоро, надеюсь...

Улыбаясь и насвистывая начальные ноты первого выступления Заверри, Хан вышел из дому и направился к «Замку удачи».

Он подождал у двери Заверри, и она вышла, одетая в простой черный с красным комбинезон, который выгодно оттенял ее волосы и кожу. Она явно была рада видеть его, но огляделась, очевидно ища Чубакку.

— А где Чуи?

Хан взял ее под руку:

— Сегодня он остался дома. Так что этот вечер только для нас с тобой, детка. Как ты на это смотришь?

Она взглянула на него, пытаясь выглядеть строго, потом вдруг понимающе улыбнулась:

— Соло, ты негодяй, ты знаешь об этом?

Он улыбнулся в ответ:

— Рад, что ты заметила. Это значит, что я как раз парень для тебя, а?

— Кто знает, — покачала головой она.

Они пошли в одно из казино, принадлежащих хаттам, и благодаря привилегированному положению Хана, как пилота Джаббы и Джилиака, они получили особое обслуживание — бесплатные напитки, допуск к специальным играм с высокими ставками и хорошие места на представлениях.

Ушли они не скоро. Настоящая ночь укрывала этот сектор Нар-Шаддаа. Хан проводил Заверри до ее отеля. Она спросила, как Чуи стал его напарником, и он рассказал ей о том, как был офицером имперского флота.

— И вот, когда они вытурили меня, — закончил он, — я понял, что не смогу найти честной работы пилота. Я попал в черный список и не знал, когда мне удастся поесть в следующий раз. Но даже когда я злился и говорил Чуи, чтобы он убирался прочь, он оставался со мной. Говорил, что долг жизни — это самое серьезное обязательство, какое может быть у вуки.

Он даже важнее семьи. — Хан глянул на Заверри. — Тебя не отталкивает то, что я был имперским офицером? Я же знаю, как ты ненавидишь Империю.

Она помотала головой:

— Нисколько. Ты не пробыл там достаточно, чтобы их испорченность коснулась тебя. И за это ты должен возносить хвалу всем богам, в которых веришь.

Хан беззаботно пожал плечами:

— Боюсь, этот список чересчур короткий. Ни одного пункта. А у тебя?

Она кинула на него быстрый взгляд, в ее глазах застыло затравленное выражение.

— Моя религия — месть, Соло. Я мщу Империи за то, что она сделала со мной... и тем, что принадлежало мне.

Хан взял ее руку и крепко сжал:

— Расскажи мне... если можешь.

— Я не могу. Я никогда никому не рассказывала. И не собираюсь. Если я расскажу... я боюсь, это убьет меня.

— Империя... — Хан принялся размышлять вслух. — Они убили твою семью?

Она судорожно вздохнула, кивнула и выговорила сквозь плотно сжатые губы:

— Мужа. Детей. Да, они их убили.

— Сочувствую. Я не знал своей семьи. Я даже не уверен, что она у меня когда-нибудь была. И иногда, как, например, сейчас, я

думаю, что это не так уж плохо.

— Не знаю. Может быть, ты и прав, Соло. Я только знаю, что не упущу возможности как следует насолить Империи. Я много езжу по работе, и, поверь мне, это первое место за долгий срок, где я не провожу все время, пытаясь придумать, как ей получше напакостить.

Хан криво улыбнулся:

— Ну, это потому, что тут нет имперцев.

Это было не совсем правдой, но почти. На Луне контрабандистов было отделение имперской таможни. В нем числился всего один человек — старик по имени Дедро Нидальб, который работал на хаттов. При этом он именовался имперским таможенным инспектором. Он передавал сведения о кораблях и грузах моффу сектора Сарну Шильду, когда считал нужным. Никто не проверял достоверность поставляемой им информации.

Хатты заключили с Сарном Шильдом свое соглашение. Они делали ему «политические подношения» и «личные подарки» в качестве «благодарности» за то, что он был таким хорошим представителем Империи. В свою очередь Шильд закрывал глаза на деятельность хаттов.

От такого союзничества все стороны выигрывали. «Прямо как в симбиозе», — думал Хан.

— Вот именно, — сказала Заверри. — Ни к чему трогать старого Дедро Нидальба. Тронешь его — заденешь хаттов и народ на Нар-Шаддаа, и Империя может получить от этого пользу. А уж польза для Империи — последнее, чего я хочу.

— И как же ты стараешься насолить? — спросил Хан, раздумывая, не могла ли она быть убийцей. Она была прекрасной гимнасткой и акробаткой, а в некоторых трюках она использовала оружие: кинжалы, сабли и виброклинки. Но ему не удалось представить ее в роли убийцы. Заверри умна, очень умна. Хану пришлось признаться себе, что, возможно, она умнее его. Так что в своей мести Империи она скорее стала бы применять мозги, а не оружие.

На ее лице появилась загадочная улыбка.

— Я ведь сказала, что не собираюсь этим делиться.

Хан пожал плечами:

— Слушай, я сам не испытываю большой и чистой любви к Империи. Они к тому же рабовладельцы, а я ненавижу рабство. Может, я могу иногда чем-то тебе помогать? Я неплохой боец.

Заверри задумчиво смотрела на него:

— Я подумаю. Придется кем-то заменить старого Гларрета: он стал слишком медлительным, чтобы как следует помогать на сцене. К тому же пилот из него никакой. А мне трудно все время

летать самой.

— Скажу вам по секрету, леди, я первоклассный пилот, — заявил Хан, ухмыляясь. — Я вообще много чего умею.

— Да и сама скромность, как я посмотрю.

Они подошли к двери номера Заверри. Долгую секунду иллюзионистка смотрела на Хана.

— Уже поздно, Соло.

— Ага. — Он не сдвинулся с места.

Она нажала на дверной замок, и дверь беззвучно открылась. Поколебавшись, Заверри вошла в комнату.

Оставив дверь открытой.

Хан ухмыльнулся и последовал за ней внутрь.

Хан проснулся через несколько часов и решил не трогать спящую Заверри. Он тихо оделся, оставил ей сообщение на комлинке о том, что они увидятся сегодня попозже, и вышел из номера.

Солнце на Нар-Шаддаа только взошло, хотя деловая жизнь на Луне контрабандистов не зависела от смены дня и ночи, которые здесь были неестественно длинными (для большинства разумных существ). Город никогда не спал, всегда находился в движении. Хан шел домой по запруженным народом улицам. Уличные продавцы во весь голос рекламировали свои товары. Хан принялся насвистывать несколько куплетов старой кореллианской народной песенки. Он чувствовал себя великолепно.

Он и подумать не мог, что так скучал по женскому обществу. Давно уже не встречал он женщину, которая на самом деле волновала бы его. И Заверри, очевидно, находила его столь же привлекательным, сколь он находил ее. Память о ее поцелуях все еще преследовала его.

Весь день Хан считал часы до того момента, когда сможет снова ее увидеть, и втихую смеялся сам над собой.

«Давай же, Соло, возьми себя в руки. Ты уже не сопливый подросток, ты...»

Неожиданно Что-то вонзилось ему в правую ягодицу. Поначалу Хан подумал, что покачнулся и стукнулся задом об острый кусок глассина, торчащий из полуразрушенного здания рядом с ним. Потом тело объяло странное пульсирующее тепло. Он запнулся, перед глазами все расплылось, потом снова собралось в четкую картинку.

«Да что такое творится?»

Руку сжали стальные пальцы, и его потащили в переулок. С

ужасом Хан понял, что не может сопротивляться. Руки не слушались.

«Накачали чем-то? Этого еще не хватало!»

Из-за правого плеча Хана раздался лишенный эмоций нечеловеческий голос:

— Стой спокойно, Соло.

Хан понял, что не может сделать ничего, кроме как стоять спокойно. В душе он бушевал, переполненный обжигающим, как звездная плазма, гневом, но снаружи его тело было абсолютно послушно этому искусственно усиленному голосу.

«Кто до меня добрался? Что ему надо?»

Хан сосредоточил все свое существо на том, чтобы пошевелить руками или ногами. Лоб покрыла испарина, пот потек в глаза, но ему не удалось шевельнуть и пальцем.

Державшая его рука разжала захват и переместилась вниз, чтобы отстегнуть кожаный ремень, на котором висела кобура с бластером. Хан почувствовал исчезновение веса бластера. В ярости он снова попытался двинуться, но с таким же успехом он мог попытаться запустить корабль в гиперпространство, толкая его.

Он тщился заговорить, спросить: «Кто ты?» Но и это оказалось выше его возможностей. Ему оставалось только дышать, моргать и подчиняться.

Если бы Хан был вуки, он бы стал выть — долго и громко.

Освободив Хана от бластера, похититель обошел вокруг и встал перед ним. Хан наконец смог увидеть противника. Охотник за головами!

Потертые серо-зеленые мандалорские доспехи, вооружен до зубов, на голове шлем, полностью скрывающий лицо. С его правого плеча даже свисали белый и черный скальпы с заплетенными косичками. Хану стало интересно, как его зовут. Должно быть, он принадлежит к элите — охотникам за головами, которые брались только за «крутые» дела. Наверное, Хан должен был быть польщен, но это слишком сомнительная честь.

Охотник принялся обыскивать Хана в поисках оружия. Нашел в кармане многоцелевой инструмент и конфисковал его. Кореллианин снова попытался двинуться, но мог только вдыхать и выдыхать. Собственное дыхание звучало громко и хрипло. Фигура в мандалорских доспехах кинула на него взгляд:

— Напрасно стараешься, Соло. Тебе досталось вещество, которое удачно изобрели на Рилоте. Дорогое, но за те деньги, которые платят за тебя, можно себе это позволить. Ты не сможешь двигаться, кроме как по команде, еще несколько часов. К тому времени, когда ты восстановишь контроль над собой, мы будем

на пути к Илизии.

Хан уставился на охотника, неожиданно вспомнив, что уже видел эти мандалорские доспехи. Давным-давно. Вот только где? Он напрягся, пытаясь вспомнить, но воспоминание ускользало.

Охотник закончил обыск и выпрямился.

— Отлично. Развернись.

Против своей воли Хан развернулся.

— Теперь иди. Поверни направо в конце переулка.

Кореллианин беспомощно заходился гневом, а его тело исправно выполняло каждую команду.

Левой-правой, левой-правой. Он шел, и охотник шел за ним. Хану иногда удавалось глянуть на него уголком глаза. Они шли по улицам Нар-Шаддаа, и Хан надеялся, что они встретят кого-нибудь из его друзей. Может быть, даже Чуи. Кто-то же должен заметить, что с ним происходит!

Но хотя многие жители Нар-Шаддаа провожали взглядами охотника за головами и его добычу, никто даже не заговорил с ними. И Хан не мог винить их.

Этот охотник за головами, кто бы он ни был, совсем не такой, с какими Хану приходилось сталкиваться до этого. Этот — умелый, умный и очень опасный. Любой, рискнувший с ним связаться, без сомнения, наживет себе большие неприятности.

Левой-правой, левой-правой, левой-правой.

Охотник свернул направо, к транспортной трубе. Хан понял, куда они, скорее всего, направлялись, — к ближайшей общественной посадочной платформе. Наверное, у охотника там корабль.

Послушный командам, Хан ступил внутрь транспортной трубы. Он опять попытался пошевелиться самостоятельно. Ну пусть хоть один палец шевельнется! Но все без толку.

Общественная транспортная система состояла из небольших капсул, в которые помещалось четыре-пять душ. Капсулы перемещались по одной линии, как бусины в ожерелье. Охотник приказал Хану сесть, а сам остался стоять. Кореллианин сидел, внутренне кипя, и воображал, что бы он сделал с этим охотником за головами, если бы смог двигаться.

Охотник молчал. Хан не мог говорить. Короткая поездка прошла в тишине.

Когда они вышли из капсулы, Хан увидел, что они находятся на одной из посадочных площадок на крыше здания. Как он и предполагал. Площадка была огромной. Тут и там на ней зияли воздухопроводы, которые давали свет зданиям под платформой. На воздухопроводах не было никаких решеток, не было даже перил, чтобы предотвратить падение по неосторожности.

Неосмотрительного поджидала неминуемая гибель: вниз простирались сотни, тысячи этажей.

Хан вдруг живо вспомнил ту ночь, когда удирал от Гарриса Шрайка по верхним платформам Корусанта. Тогда он еле унес ноги. В этот раз предчувствие подсказывало, что ему вряд ли так повезет.

Интересно, что ждало его на Илизии... Во всем огромном теле Тероензы не было и молекулы доброты или милости. Уж Он-то добьется того, чтобы его пленник умер медленной и мучительной смертью.

На какое-то мгновение Хану захотелось вновь получить тело в свое распоряжение лишь для того, чтобы нырнуть в один из этих воздухопроводов. Но, как бы он ни старался, он не мог сделать ничего, кроме как повиноваться приказам.

Хан и его похититель проходили мимо стоящих кораблей.

Левой-правой, левой-правой, левой-правой...

Охотник вытянул руку так, чтобы Хан мог ее видеть, показывая направление.

— Иди к тому кораблю. Модифицированный тип «Огневержец».

Хан посмотрел на корабль. Охотник за головами не шутил, когда сказал «модифицированный». Корабль, предназначенный для патрулирования и нападения, был очень необычным, — видимо, над ним сильно поработали. В отличие от других кораблей, этот стоял так, что его двигатели F-31 от «Инженерных систем Куата» смотрели в пермакритовое покрытие платформы. По форме корабль напоминал половинку яйца. Когда мощные двигатели включались, корабль, вероятно, поднимался вертикально, а потом взлетал. Хан никогда не видел ничего подобного, но этот корабль напоминал его владельца — такой же мощный и смертоносный.

На мгновение Хан забыл, где он и что происходит. Его так заинтересовал корабль, что он поймал себя на желании посмотреть на него изнутри. Но тут же опомнился. Вот уж точно посмотрит на интерьер... А куда он денется? Придется провести несколько дней на борту модифицированного «Огневержца», пока он везет Хана навстречу пыткам и смерти.

Они шли между двумя громадными грузовиками, построенными дуросами. Еще несколько шагов, и они окажутся у корабля охотника за головами. И все, конец. Хан не тешил себя бесплодными фантазиями о том, что ему удастся как-то победить этого типа, захватить «Огневержец» и спастись. Горло стало сухим до боли.

Левой-правой, левой-правой, левой-правой...

«Вот и все, — подумал Хан. — Все, конец...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗЛЕТА

Послушно шагая вперед, краешком глаза Хан заметил какое-то движение: кто-то ступил на открытое пространство из-за массивного стабилизатора. Раздался голос, низкий и довольно приятный, не лишенный авторитетности. Хан никогда прежде не слыхал этого голоса.

— Стой, охотник. Пошевелишься — и тебе крышка.

Рука, лежавшая до этого на плече Хана, убралась. Кореллианин, разумеется, не смог остановиться и продолжал шагать вперед строевым шагом по освещенному солнцем пространству между собой и модифицированным кораблем. Похититель и неизвестный доброжелатель остались позади в тени корабля.

Хан воспрянул духом: теперь он спасен. Но его тут же объял ужас. После резкого выхода из тени на свет глаза кореллианина не сразу приспособились, но теперь он увидел, что между ним и кораблем, к которому он направлялся, лежал открытый выход воздуховода. Лишенный возможности остановиться по собственному почину, он так и пойдет прямиком в зияющую пропасть!

Тут позади него раздался голос:

— Эй, ты! Соло! Стой!

Хан резко затормозил и вздохнул с облегчением. Какая радость, что его тело слушается любых приказов, а не только отданных охотником за головами.

— Повернись и иди сюда.

Хан с радостью повиновался. Подходя к бывшему своему похитителю и своему спасителю, он напряженно вглядывался в полутень, но ему удалось разглядеть только, что кто-то стоит позади охотника за головами, держа дуло бластера там, где кончался мандалорский шлем, так что бластер упирается в шею охотника.

Зайдя в тень стабилизатора грузовика, Хан наконец смог разглядеть своего спасителя. Мужчина, человек примерно одного с Ханом возраста, может чуть старше. Кожа цвета кофеинового вина, чуть разбавленного траладоньим молоком. Ростом чуть ниже Хана, стройный и подтянутый, чисто выбритый. На голове курчавятся черные волосы, темные глаза смотрят внимательно. Одет по последнему писку моды: бледно-золотая рубашка с разрезом спереди и черной вышивкой по широкому горлу и на

обшлагах рукавов; облегающие черные брюки безупречно выглажены; широкий затейливый пояс подчеркивает тонкую талию и плоский живот. Обут он был в мягкие ботинки, что объясняло, как ему удалось так беззвучно подкрасться к охотнику за головами. С плеч незнакомца свисал короткий черный плащ.

Неизвестный приветствовал подошедшего Хана невероятно обворожительной улыбкой, которая к тому же продемонстрировала великолепные белые зубы.

— Уже можно остановиться, Соло.

Хан оказался вне досягаемости своего бывшего похитителя. Он видел, как палец нежданного спасителя дрогнул на спусковом крючке бластера, когда тот немного поправил руку. Почувствовав слабину, охотник за головами начал поворачиваться, одновременно поднимая руки. На запястьях его блеснули мандалорские наручи, которые наверняка были под завязку заряжены малюсенькими смертоносными дротиками. Хан попытался выкрикнуть предостережение — безрезультатно, разумеется, — но это и не понадобилось. Незнакомец уже выстрелил.

С такого маленького расстояния даже мандалорский доспех охотника не мог защитить его от действия обездвиживающего заряда. Охотник мешком свалился на пермакрит, загрохотав доспехами по твердому покрытию.

Спаситель вложил маленький, но мощный бластер в скрытую кобуру, висящую на поясе, потом кивнул Хану:

— Помоги поднять его.

Нетрудно догадаться, что Хан так и сделал. Вместе они отнесли охотника к его кораблю. По дороге Хан принялся думать, что они будут дальше делать с охотником. Он же скоро очнется.

— Интересно, когда эта штука перестанет на тебя действовать... — задумчиво проговорил спаситель. — Ты разговаривать-то можешь?

Хан почувствовал, как его губы зашевелились.

— Да, — сказал он. Попытался сказать еще что-нибудь, но так и не смог.

— Понятно. Ты только можешь реагировать на приказы, и все, так?

— Вероятно.

— Ну и дрянь он тебе вколол. Я про такое слышал, но никогда не видел в действии. Надо будет разнюхать, как эту штуку приобрести. Может пригодиться.

Дойдя до трапа, ведущего к шлюзу корабля, они положили охотника за головами на пермакрит. Незнакомец принялся обыскивать карманы и другие потайные места на доспехах.

— А ну-ка, что у нас тут?! — воскликнул он, вытащив из мешочка, подвешенного к ремню охотника, несколько пробирок. Посмотрев каждую из них на свет и прочитав этикетки, спаситель Хана расплылся в плутоватой улыбке. — Тебе везет, Соло. Вот здесь — то, что тебе вкололи. — Он поднял синюю пробирку. — А вот тут — противоядие. — Он поднял зеленую.

Хан с нетерпением ждал, пока незнакомец наполнял шприц веществом из пробирки.

— Приходится отмерять дозу наугад. Дам тебе минимальную, а там посмотрим. Если не поможет, тогда попробуем чуть добавить.

Он приложил шприц к коже Хана и нажал на кнопку. Как только вещество из инъектора влилось в него, Хан почувствовал, как легкое жжение разливается по всему телу. Несколько секунд спустя он снова мог двигаться и говорить.

— Приятель, я твой должник, — сказал он, протягивая руку незнакомцу. — Если бы не ты... — Он поежился. — Так кто ты есть и почему меня спас? Я тебя первый раз вижу.

Молодой человек ухмыльнулся:

— Лэндо Калриссиан. А вот почему я тебя спас, так это долгая история. Давай сначала разберемся с Бобой Феттом, а потом и потолкуем. Эй, Соло, ты чего?

Хан почувствовал, что его внутренности переворачиваются и начинают проситься наружу. Он присел рядом с неподвижным телом охотника за головами и потряс головой.

— Боба... Боба Фетт? Это Боба Фетт?

Самого знаменитого охотника за головами в Галактике наняли, чтобы поймать его? Хана затрясло от одной мысли.

— Ну дела... Лэндо... А я и не знал...

— Теперь-то ты в безопасности, — весело заявил Калриссиан. — Можешь трястись от страха сколько влезет, Соло, но попозже. А сейчас стоило бы подумать, что делать с господином Феттом.

Он задумался на минуту, а потом его лицо расплылось в неприятной улыбке, не сулившей ничего хорошего.

— Придумал!

— Что?

Калриссиан снова заправлял шприц, на этот раз из синей пробирки. Он потряс охотника, тот шевельнулся и застонал.

— Он просыпается, сейчас пойдет потеха...

Хан, который уже забрал свой бластер, держал охотника за головами на прицеле, а Калриссиан тем временем приподнял переднюю часть шлема Фетта, открыв горло. Охотник вдруг начал бороться.

— Тихо, — скомандовал Хан, уперев дуло бластера в шлем.

— У меня боевой режим, — рявкнул он. — После того, что ты чуть со мной не сделал, я с радостью дезинтегрировал бы тебя.

Боба Фетт замер и лежал неподвижно, пока Калриссиан вводил ему вещество из шприца.

— Лежи смирно, — приказал Калриссиан.

Охотник за головами подчинился. Хан и Лэндо обменялись довольными ухмылками.

— Так... Сядь, — скомандовал Калриссиан.

Боба Фетт сел.

— Если бы мы знали, сколько эта штука действует, мы бы могли притащить его в один из местных баров на пару часиков и собрать деньги с народа, который заплатит сколько угодно, лишь бы поиздеваться над этим парнем. Он добыл немало наград, наверняка у него уйма врагов.

— Он говорил, что это продлится несколько часов, но никогда нельзя сказать заранее, сколько именно, — объяснил Хан. Сам-то он только и мечтал о том, чтобы убраться как можно дальше от Фетта и «Раба-1». Минуту он боролся с искушением приказать Фетту спрыгнуть в воздуховод. Но хотя это и было бы разумно, он не смог бы этого сделать. Все-таки убить кого-то в перестрелке — это одно, а хладнокровно приказать разумному существу убить себя — даже если это охотник за головами — совсем другое.

— Ну ладно, думаю, моя первая идея лучше всего. — Калриссиан встал и скомандовал: — Боба Фетт, встань. Разоружайся. Немедленно.

Несколько минут спустя Хан и Лэндо с открытыми ртами рассматривали кучу разнообразнейшего оружия, которая высилась перед ними на залитом солнцем пермакрите.

— Приспешники Зендора... — удивленно покачал головой Хан. — Да этот тип мог бы открыть оружейную лавку, реши он продать все это. Глянь на те мандалорские браслеты. Сто против одного, что они тоже отравлены.

— Ну, это легко узнать. Боба Фетт, отвечай: эти дротики отравлены?

— Некоторые.

— Которые?

— На левом наруче.

— А на правой что?

— Транквилизатор.

— Очень мило, — пробормотал Хан, осторожно поддев наручи пальцем. — Это ж, наверное, мечта коллекционера. Ну и... Что мы будем с ним делать?

— Придумал. Давай поставим его корабль на автопилот и

запрограммируем проложить курс в какую-нибудь систему подальше. А Бобе прикажем не вмешиваться. Если это вещество действует несколько часов, то к тому времени, когда оно действовать перестанет, он окажется за много секторов отсюда. — Калриссиан на мгновение замолк. — Он убил столько народу, что у меня руки так и чешутся пристрелить его. Но я никогда не убивал вот так, хладнокровно. — На его лице проскользнуло нечто похожее на стыд. — И надо признать, не рвусь начинать такую практику сейчас.

— Я тоже, — согласился Хан. — Мне нравится твой план. Давай его грузить.

Послушный приказам, Боба Фетт открыл люк корабля, и все трое зашли в «Раб-1». Хан с Лэндо усадили Фетта в одно из пассажирских кресел и пристегнули его ремнями безопасности.

— Летать умеешь? — спросил Хан.

— Нет, — признался Калриссиан. — Собственно, поэтому я тебя и разыскивал. Мне нужно нанять пилота.

— Ну, тогда он у тебя есть. Мои умения в твоем распоряжении. Я ж сказал, я тебе обязан, приятель.

— Поговорим об этом позже. Давай сначала избавимся от нашего друга.

Хан быстро настроил автопилот, чтобы тот поднял корабль в воздух, и записал все необходимые ответы, которые потребуются от «Раба-1», чтобы пройти контроль движения Нар-Шаддаа. Потом Хан запрограммировал курс, который проведет «Раба-1» через несколько сбивающих со следа гиперпространственных прыжков прямо сквозь имперское пространство. Если повезет, Боба Фетт не сможет ничего сделать, пока не окажется за десятки тысяч парсеков отсюда.

— Готово, — наконец сказал Хан. — Взлетит через три минуты.

— Прекрасно.

Лэндо повернулся к беспомощному охотнику за головами:

— Фетт, слушай меня и сделай в точности, как я скажу. Ты должен сидеть в этом кресле, не отстегивая ремни, и не приближаться к панели управления корабля до тех пор, пока не окажешься там, куда Соло тебя отправил, или пока не перестанет действовать препарат, — смотря что наступит раньше. Понял?

— Да, — отозвался Фетт.

— Отлично.

Калриссиан весело помахал на прощание и пошел к выходу. Хан тяжелым взглядом посмотрел на Бобу Фетта:

— Приятного тебе путешествия, охотник. Надеюсь, мы больше не увидимся. И можешь передать от меня Тероензе, что,

если я когда окажусь на Илизии, там станет на одного мертвого т'ланда-тиль больше. Слышишь?

— Да.

— Пока, Фетт.

Раздался вой двигателей, и трап задрожал под ногами Хана. Нажав кнопку закрытия трапа, Хан со всех ног помчался вниз. Ему пришлось спрыгнуть — трап уже начал подниматься. Лэндо к этому времени подобрал оружие Фетта, и молодые люди рысцой отбежали на безопасное расстояние. Повернувшись, они увидели, как «Раб-1» поднимается и взлетает. Только когда он растворился вдали, Хан медленно, глубоко вздохнул:

— Уф. Еще бы чуть-чуть...

— Да уж. Повезло, что я тебя заметил, Соло.

Хан кивнул и протянул руку для пожатия:

— Зови меня Хан. Я твой должник, Калриссиан.

— Зови меня Лэндо, — ухмыльнулся другой. — И... не волнуйся, я позабочусь о том, чтобы ты выплатил свой долг.

— Как угодно, приятель. Ты даже представить не можешь, что бы со мной случилось, если бы ты не остановил Бобу Фетта. — Кореллианин поежился даже под теплым солнышком. — Поверь, лучше этого не знать.

— Догадываюсь. Боба Фетт не работает задешево. Если ты Кому-то настолько понадобился, скорее всего, это не потому, что ты не заплатил какой-нибудь долг, или еще из-за какой ерунды.

Хан ухмыльнулся:

— А ты много замечаешь, приятель.

Они пошли к выходу с посадочной платформы.

— Завтракать хочешь? Я вот жутко проголодался. Со мной всегда так, когда чуть не встречаюсь с судьбой, которая хуже смерти.

— Еще бы, — сказал Лэндо. — Ты платишь?

— Конечно.

К тому времени как они расположились в небольшом, знакомом кореллианину кафе, Хану стало казаться, что он знал Лэндо долгие годы, а не всего лишь час.

— А скажи мне, — начал Соло, прожевав последний кусочек хлебца, — как ты меня нашел? И вообще, почему ты меня искал?

— Ну, я тебя пару раз видел, — признался Лэндо. — Мне на тебя указали в нескольких ночных заведениях как на неплохого игрока в сабакк, хорошего контрабандиста и отличного пилота.

Хан постарался выглядеть поскромнее, но ему это плохо удалось.

— Не припомню, чтобы я тебя видел, Лэндо, но мне и незачем было тебя запоминать. Так что все понятно, ты знал, как я выгляжу. Что случилось этим утром?

— Ну, вчера вечером я зашел к тебе, чтобы поговорить, и твой друг сказал, что ты вряд ли собираешься вернуться этой ночью. — Лэндо улыбнулся Хану с понимающим видом. — Но он сказал, что ты, вероятно, останешься ночевать у... друга... в «Замке удачи». Когда я закончил всю работу, которую планировал на ночь, я зашел туда по дороге домой.

— Работаешь по ночам? А кем?

— Игрок. По большей части. Хотя я не пренебрегаю возможностью заработать и как-то иначе.

— Понятно. Получается, тебе не удалось поспать, но ты зашел в «Замок» по пути.

— Не слишком большой крюк. Большинство казино в том секторе Нар-Шаддаа находятся в нескольких минутах ходьбы друг от друга. Добрался я туда и увидел тебя впереди. Пошел за тобой, чтобы догнать и представиться...

— И увидел, как Боба Фетт свалился на мою голову.

— Вот именно. Я недолюбливаю охотников за головами, так что я пошел за вами. Поняв, куда он направляется, я по краю посадочной платформы обогнал вас. Вы шли-то не быстро. Я узнал «Раб-1» и спрятался между вами и звездолетом, чтобы напасть, когда Фетт будет проходить мимо.

— И я очень рад, что ты это сделал, приятель, — кивнул Хан. — Слушай, не говори обо всем этом Чуи, ладно? Он считает, что обязан мне жизнью. Мне едва удалось вчера отговорить его идти со мной. Он был в полной уверенности, что я во что-нибудь вляпаюсь...

— Что ты и сделал, — хмыкнул Лэндо.

— Да я знаю. Но если об этом узнает Чуи, он с меня больше глаз не спустит. А бывает так, что человеку не нужны лишние глаза и уши, ну ты же понимаешь...

— Ну, это ясное дело. Ладно, Хан, не выдам я твой секрет. — Лэндо налил себе еще чашечку стим-чая. — А она симпатичная?

Хан кивнул:

— Думаю, ты поймешь, если я скажу, что она почти стоит того, что мне пришлось пережить этим утром.

Лэндо был впечатлен.

— Может, познакомишь нас, старина?

— Ну уж нет... старина. Вижу я, что ты у нас сердцеед. А ну как ты ее попытаешься очаровать и увести?

Лэндо пожал плечами и откинулся на спинку стула, самодовольно ухмыляясь:

— Кто знает...

— Главное слово тут — «попытаешься», Лэндо, — хмыкнул Хан. — Так зачем ты меня искал? Ты говорил, тебе пилот нужен.

— Именно так. Недельку-две назад играл я в сабакк на Беспине, и один из игроков поставил на кон свой звездолет. Ставки-то у нас немаленькие были.

— И ты его выиграл, — выдал предположение Хан.

— В точку. Но я никогда не управлял кораблем, так мне надо научиться — особенно теперь. Боба Фетт вполне может явиться по мою душу. Я собирался осваивать новые сабакковые «пастбища», и было бы здорово добираться до них на собственном звездолете. Пришлось нанять пилота, чтобы меня довезли сюда, и это мне немало стоило. Так что я хочу, чтобы ты меня научил управлять моим кораблем.

— Никаких проблем. Когда начнем?

Лэндо пожал плечами:

— После стычки с Феттом у меня в крови еще полно адреналина — спать совсем не хочется. Может, начнем сейчас?

— Давай, — кивнул Хан.

По другому транспортному трубопроводу они направились к иной посадочной площадке. Вместе Хан и Лэндо шли по чисто выметенной ветром поверхности платформы сквозь ряды разнообразнейших припаркованных средств передвижения. Потом Лэндо остановился и указал вперед:

— Вот он. «Сокол Тысячелетия».

Хан уставился на модифицированный легкий грузовик кореллианского производства. Модель YT-1300, определил он. Хан не раз видел такие и всегда любил их — кореллиане были не только хорошими нилотами, но еще и хорошими судостроителями. А рассматривая этот звездолет, Хан почувствовал нечто необыкновенное. Безо всякого предупреждения, необратимо, непоправимо Хан влюбился. Этот корабль звал его, пел ему завораживающую песнь о скорости, маневренности, о приключениях и удачных перевозках контрабанды.

«Этот корабль будет моим, — подумал Хан. — Моим. „Сокол" будет моим...»

Неожиданно, словно вывалившись обратно в реальность, кореллианин понял, что он совершенно неприличным образом таращится, раскрыв рот. Лэндо наблюдал за ним, подозрительно сощурив глаза. Хан поспешно закрыл рот и постарался выкинуть из мыслей эту внезапную жажду. Надо оставаться хладнокровным. Если до Лэндо дойдет, насколько сильно Хан хочет заполучить этот корабль, он поднимет цену до небес.

— Ну, что скажешь? — поинтересовался Лэндо.

— Что за куча металлолома! — эмоционально воскликнул Хан, мысленно моля «Сокол» простить его. — В той игре явно были далеко не такие высокие ставки, как ты тут расписываешь, старина.

— Ну, знаешь ли... Пилот, который вел его сюда, сказал, что это очень быстрый корабль, — встал на защиту «Сокола» его хозяин.

— Да ну. — Хан с сомнением пожал плечами. — Конечно, сложно Что-то сказать, пока не попробуешь. Прокатимся?

— Конечно.

Несколько минут спустя Хан сидел за контрольной панелью нового приобретения Лэндо, смакуя послушность «Сокола», когда звездолет поднялся на репульсорах. Потом Хан активировал досветовые двигатели. Ему до сих пор казалось невероятным то, что он увидел в машинном отделении: на этом корабле был установлен гиперпривод военного образца!

«Дорогой ты мой кораблик!»

Досветовые скорости у него тоже были вполне хороши. Хан круто направил звездолет вверх, его мощь привела пилота в восторг, но он постарался не показать этого.

— Неплохо, — безразлично констатировал Хан. — Но я видел лучше. Посмотрим теперь, как у него с маневренностью.

Он вывел «Сокол» из атмосферы Нар-Шаддаа, потом через открытый проход в защитном поле планеты, не забывая давать необходимые ответы транспортному контролю. Выйдя из зоны действия планетарной гравитации, прочь от скопления брошенных звездолетов, Хан кинул «Сокол» в водоворот головокружительных спиралей и кувырков.

— Эй! — запротестовал Лэндо, громко сглатывая. — У тебя есть пассажир, если ты забыл! Хочешь, чтобы я расстался с завтраком?

Хан в ответ только ухмыльнулся. Его так и подмывало спросить у Лэндо, сколько тот хочет за корабль, но он знал, что в жизни не найдет такой суммы. В голове скакали безумные планы о том, как заставить хаттов купить «Сокол», чтобы он мог на нем иногда летать, а потом, может быть, даже украсть его. Но нет, не хотелось ему, чтобы «Соколом» владели Джабба или Джилиак. Они никогда не смогут оценить эту красоту, это произведение искусства.

Дальше Хан проверил вооружение.

«М-да, бегает он быстро, но вот силушки ему явно не хватает... Всего-то одна лазерная пушка в верхней турели. Почти ничего».

Лэндо, будто читая его мысли, произнес:

— Пилот, который вез меня сюда, сказал, что понадобится побольше оружия, чтобы «Соколу» стать настоящим кораблем для контрабанды. Что скажешь?

— Если бы это был мой корабль, я бы поставил еще одну турель, счетверенные лазеры и автобластер на днище, чтобы отстреливаться при поспешном бегстве. Может, еще ударные ракеты...

— Н-да, придется об этом подумать. Но это быстрый корабль, ведь так?

Хан неохотно кивнул:

— Да, у него нехилый движок.

Он втихаря погладил приборную панель.

«Золотце...»

Через несколько минут Лэндо громко прочистил горло:

— Я думал, мы взлетели для того, чтобы ты начал учить меня летать.

— Э-э-э... Ну да. Я только... проверял. Мне же надо знать, что он умеет, чтобы лучше тебя научить.

— Ты так говоришь, будто он живой, — заметил Лэндо.

— С пилотами такое бывает: они начинают думать о своем корабле как о друге, — признал Хан. — Вот увидишь.

— Не забудь: «Сокол» мой корабль, — напомнил Лэндо, и в его голосе проскользнуло напряжение.

— Ну конечно, — отвечал Хан, старательно делая вид, что ему все равно. — Так, теперь слушай. Начнем с досветовых скоростей. Тут гораздо шире возможности для маневрирования. Видишь рычаг? Потяни за него, и мы умчимся в гиперпространство, чего не стоит делать, если у тебя не проложен курс. Поэтому... не трогай этот рычаг. Ясно?

— Ясно... — Лэндо с интересом наклонился вперед.

За тысячи световых лет отсюда Тероенза, верховный жрец Илизии, стоял в центре третьей колонии, оглядывая разрушения, причиненные атакой террористов на рассвете. Вокруг в различных позах раскинулись тела — около десятка. Большинство из них были его собственными охранниками. На стенах фабрики ожогами темнели следы бластерных выстрелов. Дверь в столовую покосилась. В здании управления до сих пор тушили пожар. Запах гари смешивался с пряным ароматом влажных джунглей.

Верховный жрец нервно фыркнул: и все это ради освобождения каких-то рабов.

Нападавшие были в основном людьми. Тероенза видел их изображение на мониторах в своей штаб-квартире в первой колонии. Два звездолета спускались в предательских воздушных потоках Илизии, но приземлиться удалось только одному. Второй поймала турбуленция, и его разорвало на части.

«И это справедливо, — сварливо думал Тероенза, разглядывая ущерб, причиненный оставшимся кораблем. — Вот же суют нос не в свое дело!» Корабль приземлился, из него выскочила группа одетых в зеленое и хаки вооруженных людей и атаковала илизианских охранников. Началась перестрелка, в которой полег десяток охранников. Атакующие ворвались в столовую, где мирно завтракали паломники, и стали умолять последних пойти с ними, обещая освободить их из рабства.

Тероенза издал тихий свистящий звук, который у его расы означал смешок. Какие эти налетчики дурни! Глупо думать, будто паломники откажутся от Возрадования ради свободы. Из двухсот паломников в столовой всего лишь двое присоединились к вторгшимся.

А потом — Тероенза помрачнел, — потом вперед вышла она и обратилась к собравшимся. Верховный жрец был уверен, что она давным-давно мертва. Он прекрасно ее помнил. Паломница 921, имя, данное при рождении, — Брия Тарен. Кореллианка… и предательница. Брия рассказала паломникам правду о Возрадовании. Она сказала им, что однажды они поблагодарят ее, а потом отдала приказ расстрелять толпу парализующими зарядами. Паломники попадали кто где стоял.

Шайка кореллиан ушла, прихватив с собой почти сотню первоклассных рабов. Тероенза тихо выругался. Брия Тарен! Он не знал, кого из кореллиан ненавидеть больше: Брию или проклятого Хана Соло. Тероензу все больше волновал налет. За этой группой стояли деньги. Звездолеты и оружие стоят денег. Отряд хорошо организован, действует слаженно и эффективно, как военная группировка. Кто же они такие?

Тероенза слышал о различных группах повстанцев, поднимающихся против Империи. Могли ли солдаты, атаковавшие сегодня третью колонию, быть частью такой группы?

Но была в ситуации и приятная сторона. Верховный жрец представил, что будет с горе-спасателями, когда очнутся паломники. Т’ланда-тиль прекрасно знал, насколько сильно гуманоиды привыкают к Возрадованию. Паломники наверняка уже испытывают большой дискомфорт из-за отсутствия ежедневной дозы. Еще немного, и они будут кричать, и выть, и угрожать, и умолять вернуть их на Илизию. Может быть, они даже захватят корабль и прилетят сюда как верные подданные. Сегодня

у кореллианских повстанцев будет полно забот.

При этой мысли Тероенза радостно заулыбался.

Спустя несколько дней после встречи с Бобой Феттом Хан отправился к Джаббе и Джилиаку сообщить, что он решил некоторое время провести подальше от Нар-Шаддаа. Он хотел принять предложение Заверри и стать ее ассистентом на следующих гастролях. У него появилось ощущение, что Бобу Фетта так просто со следа не собьешь. Фетт — парень решительный, и не повредит на несколько месяцев убраться с Нар-Шаддаа.

Но слова умерли на его губах так и не произнесенными. Джабба приветствовал кореллианина нетерпеливыми криками, приказывая готовить яхту для немедленного путешествия на Нал-Хатту. Каджидики Десилиджик и Бесадии прислали гонцов с известием о назначенной на завтра встрече. Очевидно, Бесадии затягивали переговоры, но, внезапно приняв какие-то важные решения, решили быстро организовать встречу.

— Сегодня? — пролепетал Хан, думая о том, что придется отменять сегодняшний учебный полет с Лэндо. — Как-то уж очень слишком поспешно, нет?

— Совершенно верно, — согласился Джилиак. — Нам неизвестны причины, но Что-то явно должно произойти.

— Лады, я отвезу вас на поверхность, — сказал Хан. — Дайте мне час на подготовку и расчет курса.

— И, капитан Соло, приготовьтесь к мягкой посадке. Никакой тряски, — предупредил Джабба. — Никакой турбулентности. Моя тетя находится в деликатном положении, ей вредны толчки.

— Ваша тетя? Прошу прощения, господин Джабба, значит, вас на яхте будет трое?

— Нет, человек! — потеряв терпение, заорал Джабба. — Джилиак и я, как всегда! Ты что, ослеп? Не видишь состояния ее кожи? Тут даже дураку ясно!

Соло еще раз глянул на Джилиака и вдруг сообразил, что хатт действительно выглядит иначе. На бурой коже проступили зеленые и пурпурные пятна, на лице высыпали бородавки. Джилиак определенно обрюзг и был сонлив. «Ну замечательно, я не нанимался в сиделки к больному хатту! Здорово!»

— Э-э-э, господин Джилиак, как вы себя чувствуете... — начал было кореллианин, но Джабба обрушился на него с новой силой:

— Идиот! Глупый человек! Ты что, не видишь, что господин Джилиак теперь госпожа? Она ждет ребенка! В ее деликатном состоянии она не должна волноваться, но для Десилиджиков долг

и обязанности — превыше всего!

«Она? Беременна?» Хан разинул рот, Чуи удивленно забубнил. Первым из напарников опомнился Соло, поклонившийся будущей мамаше.

— Мои извинения, госпожа Джилиак. Я незнаком с... э-э-э... привычным воспроизводством вашего народа. Я никого не хотел обидеть.

Хатт сонно моргал.

— Никто не обиделся, — добродушно прокряхтела Джилиак. — Мой народ размножается, когда захочет, и я решила, что настало и мое время. Мое дитя появится на свет через несколько месяцев. Я без помех совершу перелет, мой племянник волнуется сверх меры. Но я бы посоветовала вам не трясти корабль.

— Не извольте беспокоиться. — Хан все бил поклоны. — Я все понял. До Нал-Хатты никакой тряски. Вылетаем днем. Я уже бегу к яхте.

— Отлично, капитан, можешь идти. Мы хотели вылететь как можно скорее.

Хан еще раз поклонился и вышел, Чубакка топал следом. Кореллианин замотал головой, как только очутился вне поля зрения хозяев: «Ну хатты, во дают! Уже столько с ними знаком, все никак не привыкну...»

Извивающаяся река хаттов текла к громадному залу Верховного совета на Нал-Хатте. Джабба с Джилиаком продвигались вперед, сопровождаемые охраной клана Десилиджик. Большинство хаттов предпочитали передвигаться самостоятельно, пока еще были способны на это, вместо того чтобы позволить грависаням тащить их неповоротливые телеса. Простительно выказать слабость перед людьми или другими низшими существами, но между собой хатты предпочитали выглядеть сильными и собранными.

Все члены семьи Десилиджик передвигались сами, как и члены клана Бесадии. Лишь Арук был слишком стар и толст, чтобы обходиться без салазок.

По дороге к залу совещаний хатты, как и их охрана, проходили проверку многочисленных сканирующих охранных устройств. Охране запрещено было иметь при себе оружие, а каждого посетителя сканировали снаружи и даже внутри, чтобы убедиться в отсутствии у них опасных веществ. Хатты никогда не отличались доверием, особенно к себе подобным, — и не без причины. Как-то раз вся верхушка общества на Нал Хатте была уничтожена единственным хитрым и изворотливым убийцей.

Хатты не хотели повторения такого.

Зал Верховного совета был достаточно просторным, чтобы в нем с комфортом могло разместиться около пятидесяти хаттов. В данный момент присутствовало двадцать семь — представители всех главных кланов и каджидиков, а также «нейтральных» партий хаттского правительства, которые должны были наблюдать за конференцией и осуществлять функции администрации.

Родная планета хаттов управлялась Верховным советом — олигархией, в которую входило по одному представителю каждого из главных кланов. В реальности же преступные синдикаты — каджидики — обладали гораздо большей властью, чем Верховный совет.

Джабба и Джилиак позвали присутствовать еще двух членов своего клана.

От семьи Бесадии, кроме Арука, присутствовали его отпрыск Дурга и племянник Киббик. Джабба с удовольствием отметил, что за Киббиком по пятам следовал т'ланда-тиль. Бесадии все-таки прихватили с собой и Тероензу. Джилиак все правильно рассчитала.

Как только прибывшие хатты расселись вокруг платформы для выступлений, исполнительный секретарь Верховного совета, хатт по имени Мардок, призвал собрание к порядку. После официального заявления кланами своего присутствия и оглашения состава представителей Мардок снова взял слово:

— Товарищи по могуществу, братья по богатству, я собрал вас сегодня, чтобы обсудить некоторые очень серьезные обстоятельства на принадлежащей клану Бесадии планете Илизия. Я предоставляю слово повелителю Аруку.

Арук подплыл на санях поближе к платформе и помахал ручонками остальным хаттам.

— Коллеги! Два дня назад третья колония на Илизии была атакована хорошо вооруженными террористами. Киббик и наш смотритель, Тероенза, едва уцелели. Нападавшие нанесли большой урон и скрылись, забрав с собой приблизительно сотню ценных рабов.

По залу пронесся шепоток испуга. Джабба поймал взгляд Арука, нацеленный на него и Джилиак. «Оценивает реакцию».

Буквально мгновение Джабба раздумывал, а не решила ли Джилиак сыграть в сверхсекретность, не организовала ли нападение, ничего не сказав племяннику. Но нет, решил он, не могло такого быть. Его тетя была настолько занята своей недавней беременностью, что у нее практически не оставалось энергии на то, чтобы строить козни — особенно организовывать

налеты. К тому же Джилиак обычно сторонилась прямых нападений, предпочитая работать более тонко.

— Братья-хатты, клан Бесадии требует, чтобы Джилиак как глава клана Десилиджик персонально подтвердила, что этот ужасный налет, эта кража ценной собственности Бесадии организованы не кланом Десилиджик! В противном случае это означает войну между нашими каджидиками!

В зале раздался шокированный вздох. Вызов Арука висел в воздухе, как дым кальянов, которые курили некоторые из хаттов. Джилиак медленно поднялась. Ее новая материнская стать делала ее почти величественной.

— Коллеги, хатты, — начала она, — Десилиджик не запятнан агрессией в данном случае. В качестве гарантии этого Десилиджик клянется, что, если будет обнаружена хоть малейшая связь между напавшими и Десилиджиком, клан Десилиджик передаст клану Бесадии сумму в один миллион кредитов.

На мгновение повисла тишина, потом Арук склонил голову в хаттском эквиваленте поклона.

— Прекрасно. Никто не сможет сказать, что Десилиджики отказываются подкрепить свою честность деньгами. Мы просим Верховный совет провести расследование и сообщить нам о результатах через месяц.

Мардок согласился, но ему пришлось уступить место Джилиак, которая дала знать, что ей есть что сказать в дополнение.

— Но хотелось бы мне иметь возможность сказать то же самое о Бесадии. Всего несколько месяцев назад мой племянник, — она указала на Джаббу, — пережил жестокое нападение наемников. Только то, что мы не можем с достоверностью сказать, кто нанял их, удерживает нас от обвинения наших соперников! В отличие от Бесадии, мы не обвиняем никого, пока у нас нет доказательств!

Зал вновь наполнился голосами. Арук вытянулся вверх, насколько смог, и слезящимися старческими глазами посмотрел вокруг:

— Бесадии не сделали ничего плохого!

— Вы отрицаете, что послали дрелльских пиратов убить моего племянника?

— Да! — прогремел Арук.

С обеих сторон посыпались оскорбления и угрозы, так что Мардоку пришлось объявить перерыв. Джабба наблюдал за разбившимися на маленькие группки сородичами, бурно обсуждающими произошедшее, и задавался вопросом, кто напал на Илизию. Если это не Десилиджик, то кто?

Неужто у Илизии появился новый соперник в торговле рабами?

Дурга вытянулся рядом со своим родителем на репульсорных санях. Он волновался за Арука. Конференция шла уже несколько часов, и Арук все время находился в центре обсуждения. Дурга-то знал, что его родитель недостаточно силен для такого стресса. Арук очень стар, ему почти тысяча лет от роду.

Юный слизень тщательно прислушивался к разговорам, зная, что родитель будет спрашивать его обо всех деталях конференции. Рядом с Дургой медленно помаргивал Киббик, очевидно борясь с сонливостью. Дурга презрительно глянул на своего кузена — тот был полным идиотом. Как он не понимает, что такие встречи, все эти ложные удары и контрудары, выпады и их парирование, уколы составляют суть хаттского общества? Как он не понимает, что власть и доход — как пища, вода и воздух для их народа.

Это было первое совещание за короткую жизнь Дурги, и он был рад, что родитель разрешил ему присутствовать. Дурга знал, что из-за родимого пятна некоторые члены каджиди ка будут сомневаться в его способности возглавить Бесадии, когда умрет Арук. А еще он знал, что у него есть все необходимые качества, чтобы возглавить Бесадии. Он умен, хитер, жесток и не гнушается плести интриги и строить козни — весьма уважаемые хаттами качества. Но ему следовало продемонстрировать эти качества членам клана Бесадии раньше, чем умрет Арук, иначе Дурге вряд ли удастся занять место своего родителя.

«Вот бы мне встать во главе Илизии вместо Киббика!» — подумал Дурга.

Он знал, что вчера его отец большую часть вечера ругал Киббика за то, что тот позволил Тероензе управлять Илизией. Арук также посоветовал т’ланда-тиль знать свое место, чтобы не лишиться поста верховного жреца. Тероенза, конечно, не стал перечить старому повелителю, но Дурге показалось, что в его глазах мелькнула злость. Так что Дурга порешил следить за Тероензой.

Киббик же попросту ныл, что жизнь на Илизии очень неприятна, что ему приходится много работать. Арук отпустил его со строгим предупреждением. Про себя Дурга подумал, что Аруку следовало бы снять его с поста. Между делом он подумал о том, не убить ли ему кузена...

Но у него было предчувствие, что Аруку это не понравится. Так что этого нельзя было делать, пока жив родитель.

Нет, Дурга не желал смерти Аруку. Он искренне любил своего родителя, так же как Арук любил его. Дурга прекрасно понимал, что обязан Аруку жизнью во всех смыслах. Большинство родителей-хаттов не позволили бы жить ребенку с родимым пятном.

А еще Дурге очень хотелось, чтобы Арук гордился им, — это желание было даже сильнее, чем жажда добиться власти и богатства. Но другие хатты никогда не поймут такого, для них это будет кощунством. И потому Дурга никогда об этом не заикался.

Вперед, чтобы взять слово, выполз Джабба.

По слухам, второй хатт в клане Десилиджик был примерным во многих отношениях, но большинство хаттов находили его любовь к гуманоидным женщинам извращенной и непостижимой. Но следовало отдать Джаббе должное: он был проницателен и сообразителен.

— Благородные господа, выслушайте меня! Бесадии заявляют, что их недавнее расширение на Илизии — не более чем прибыльное дело, но можем ли мы позволить прибыльному делу одного каджидика подрывать финансовую основу всего нашего общества? Бесадии отхватили такую большую часть торговли спайсом и рабами, что необходимо их образумить! Что они выиграют, набивая свои сундуки, если их действия приведут наш мир к катастрофе?

— Катастрофе? — прогремел голос Арука — низкий и полный авторитетности настолько, что Дурга встрепенулся и исполнился гордости. Его родитель был лучшим лидером хаттов, когда-либо рожденным в Галактике! — Катастрофе, друзья мои? В прошлом году мы получили сто восемьдесят семь процентов прибыли! Как можно считать это чем-то, кроме как достойным похвалы и уважения? Я спрашиваю тебя, Джабба! Как это возможно?

— Потому что часть вашей прибыли попала к вам из сундуков других хаттов. Все прекрасно, если вы отнимаете у других: людей, родианцев, салластан и прочих существ. В конце концов, они созданы для того, чтобы хатты могли получать с них доход. Но опасно забирать слишком много с Нал-Хатты, посягая на барыши других хаттов.

— Да ну? — саркастически удивился Арук. — И что же это за опасность, повелитель Джабба?

— Слишком большой открытый доход бросается в глаза и может привлечь к нам внимание Императора или его ставленников. Нал-Хатта вдалеке от Центра Империи. Здесь, на территориях Внешнего Кольца, мы в некоторой мере защищены расстоянием и в большей степени — моффом Сарном Шильдом,

которого мы щедро поддерживаем, к чему он не привык. Но если один из кланов открыто накопит громадное богатство, это может привлечь внимание Императора ко всем нам, а такого внимания нам, друзья, не нужно.

Хатты принялись переговариваться шепотом, а Дурга подумал, что в словах Джаббы был смысл. Если Империя проявляла повышенный интерес к какой-либо планете, это всегда кончалось печально для нее. Дурге стало интересно, как Джабба и Джилиак узнали, что за атакой дрелльских пиратов стоял клан Бесадии. Жаль, что они упустили такой шанс избавить Нал-Хатту от Джаббы. Без него легче было бы убрать с дороги и Джилиак. Джабба был хитроумным хаттом и к тому же очень заботился о своей тетушке. Его охранники были даже лучше, чем у Джилиак.

Хатты так и не смогли прийти ни к какому решению по поводу слишком больших доходов Бесадии. Обсуждение вылилось в личные оскорбления, а потом и вовсе закончилось ничем.

Арук снова взял слово. Его все еще волновало недавно совершившееся насилие. Джилиак дала понять, что ее это тоже заботит. Удивительно, как они смогли хоть в чем-то согласиться. В результате Бесадии и Десилиджик объединились, чтобы выдвинуть небывалое предложение.

— Я предлагаю, — сказал Арук, — Верховному совету провозгласить мораторий на насилие между каджидиками как минимум на следующие три месяца! Кто поддержит меня в этом?

Джилиак и Джабба с энтузиазмом поддержали предложение. Вслед за ними и остальные кланы высказались за. Мардок объявил предложение Арука принятым.

Дурга взглянул на своего родителя и снова почувствовал прилив гордости. «Арук — гигант среди хаттов!»

Позже тем же вечером, когда Джилиак и Джабба готовились ко сну в особняке Джилиак, который располагался на острове — в этой зоне Нал-Хатты царил приятный умеренный климат, — Джилиак сказала Джаббе:

— Арук опасен. Теперь я убеждена в этом как никогда.

— Да, то, как он сумел сплотить кланы, впечатляет, — согласился Джабба. — У него есть... харизма. Он может быть очень убедительным.

— Какая ирония, что именно Арук в результате выдвинул мою идею моратория. По ходу встречи я поняла, что ради убеждения других в мудрости такого моратория эта идея должна быть высказана Аруком.

— Он прекрасный оратор, тетя, — кивнул Джабба.

— Оратор, которого надо лишить голоса, а то Десилиджики еще больше пострадают. Трехмесячный мораторий на

межкаджидиковое насилие позволит нам вплотную заняться проблемой Арука, не отвлекаясь на посторонние вещи.

Джилиак устроилась на своем месте для отдыха.

— О чем ты думаешь, тетя? — спросил Джабба, глядя на нее большими выпуклыми глазами.

Джилиак помолчала минуту, потом произнесла:

— Я думаю, что это наш шанс задеть слабое место Арука.

— Слабое место?

— Да, племянник. У Арука есть слабое место, и у него даже есть имя...

— Тероенза, — сказал Джабба.

— Правильно, племянник.

Тероенза пребывал в очень дурном настроении, когда взошел на борт космической яхты Киббика, которая должна была доставить их обратно на Илизию. Арук не позволил им хоть немного отдохнуть на Нал-Хатте, подчеркнув, что они обязаны вернуться на Илизию и вплотную заняться восстановлением после нападения. Тероенза был этим очень разочарован — Он-то надеялся встретиться со своей подругой, Тиленной, пока был дома. Но Арук отказал в таких резких выражениях, что Тероенза не решился попросить еще раз.

И вот он здесь вместе с этим придурком Киббиком. А ведь мог бы резвиться со своей милой в восхитительной, пробуждающей чувства грязевой ванне!

С отвращением Тероенза протопал в свою просторную, хорошо оборудованную комнату и опустился в гамак. Комету Аруку на голову! К старости этот хатт теряет разум и становится злым. Даже злее, чем бывал раньше.

Верховный жрец все еще кипел после «финансового обзора», через который ему пришлось пройти. Арук подвергал сомнению каждый расход, придирался к каждому кредиту. Он очень долго распространялся по поводу того, как опрометчиво было давать такую награду за Соло.

— Пускай Боба Фетт разнес бы его на атомы! — кричал Арук. — Дезинтеграция намного дешевле! А ты пошел на поводу у собственной прихоти, разрешив себе личную месть!

С угрюмым выражением Тероенза включил коммуникатор. Слова на хаттском появились на экране даже раньше, чем он успел ввести персональный код. Округлившимися глазами Тероенза прочел послание: «Это сообщение исчезнет через шестьдесят секунд. Попытка сохранить его уничтожит ваш коммуникатор. Запомните номер и ответьте на него».

Последовал сложный номер.

Заинтригованный Тероенза запомнил код. Как и было обещано, через шестьдесят секунд код исчез и на его месте появились слова: «Что ты больше всего хочешь? Нам хотелось бы знать. Возможно, мы сможем помочь друг другу».

Сообщение, разумеется, было не подписано, но Тероенза почти не сомневался в том, кто его отправил. Сообщение исчезло, на его месте возникло стандартное приветствие коммуникатора и просьба ввести идентификационный код. Тероенза понял, что все это значит.

Ответит он на сообщение?

Он предатель?

Чего он больше всего хочет?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ЗАКУЛИСНЫЕ ИГРЫ

После большого сборища у хаттов Хан отвез Джаббу обратно на Нар-Шаддаа (Джилиак решила остаться на планете на время беременности) и немедленно разыскал заждавшегося Калриссиана. На время его отсутствия инструктором сделался Чубакка, и Хана порадовали успехи темнокожего игрока.

— Схватываешь на лету, старик, — заметил кореллианин, наблюдая, как вспотевший от натуги Лэндо, крепко стиснув зубы, выполнял идеальную посадку. «Сокол Тысячелетия» опустился на свое стояночное место совершенно без тряски. — Еще неделя, и будешь готов летать самостоятельно.

Калриссиан быстро глянул на Хана, черные глаза его смотрели очень серьезно.

— По-моему, я уже готов. Все равно у меня нет выбора. Завтра отчаливаю. Я слышал, что в системе Осеон можно весело провести время и сыграть по-крупному. А может, рвану в Корпоративный сектор.

— Туда же лететь и лететь! Ты не сумеешь, да еще без второго пилота! Это слишком далеко.

— Хочешь со мной? — предложил Калриссиан.

Искушение было велико, Хан чуть было не согласился. Но он уже дал слово Заверри... Соло покачал головой:

Не могу, подписался на одну работу. Я пообещал, Заверри рассчитывает на меня.

— Не говоря о том, что платит она много лучше меня, — сухо добавил Лэндо.

Кореллианин расплылся в ухмылке;

— Ну... не без этого. — Он перестал улыбаться. — Обожди пару дней, я серьезно. Поверь мне, дружище, ты пока не готов летать без второго пилота.

Если честно, беспокоился он вовсе не из-за Калриссиана. «Я могу потерять „Сокол"... а что, если мы больше не увидимся?»

— Чубакка — хороший учитель, — настаивал игрок. — В последний раз ему почти не приходилось перехватывать управление. Ну разве что раза Два-три.

— Но...

— Никаких «но», — отрезал Калриссиан. — Здесь мне жжет пятки. Да и тебе, парень, советую жить с оглядкой. Боба Фетт не тот человек, который Что-то прощает или забывает. Я исчезаю как минимум на полгода. Когда Заверри собирается в путь?

— На следующей неделе, — буркнул раздосадованный Хан. — У нее продлен контракт. По требованию благодарной публики.

— А Джаббу ты предупредил?

— Ага. И он не прыгал от счастья.

Чубакка ехидно гавкнул.

Эй, я не виноват, что Джабба таким родился! — ощетинился кореллианин. — В жизни не встречал более капризного хатта. А уж я их повидал!

— А ты объяснил ему, почему уезжаешь?

— В деталях описал. Красочно. Он сразу же утихомирился. По-моему, даже у Джаббы сдадут нервы, если за ним начнет охоту Боба Фетт.

— Что, зацепил тебя этот парень? На твоем месте я бы смотался отсюда при первой же возможности, — подтвердил худшее опасение кореллианина Лэндо. — А пока ты еще здесь, не забывай посматривать по сторонам, парень. Договорились?

Изменить решение Лэндо так и не удалось, что бы Хан ни говорил. С тяжелым сердцем кореллианин стоял на летном поле на следующее утро и смотрел вслед «Соколу». Грузовичок, скособочившись и вихляя, исчез за облаками.

Хан горько вздохнул.

— Стабилизаторы! — заорал он. — О стабилизаторах вспомни!

«Он не готов, — уныло повторил Хан про себя. — Угробит кораблик, и я больше никогда не увижу его... и Лэндо».

Брия Тарен сидела за столом на самой большой имперской военной базе на Кореллии. На экране инфопланшета светился список провианта, необходимого для войск, расквартированных в Кореллианской системе. Брия занималась его правкой.

За последние пять лет ее красновато-золотистые волосы отросли в длинную вьющуюся гриву, которую она теперь завязала в тугой узел на затылке. Она была облачена в униформу гражданского работника — черный пиджак и юбку, черные же сапоги. Монотонная чернота одежды подчеркивала бледную кожу и изящную фигуру.

Зелено-голубые глаза недовольно сощурились, изучая данные на экране. Вне всяких сомнений, Империя укрепляет свои позиции в этом секторе. Означает ли это, что имперское командование ждет вспышки восстания в Кореллианской системе?

Сколько времени сможет ее группа сражаться с империями, если те начнут массированную атаку? Два дня? Неделю? А потом

их всех перебьют. Их группка повстанцев разрасталась с каждым месяцем: все больше становилось народа, недовольного тяжелым прессом правления Палпатина. Но они ни в коем случае не были готовы сразиться с имперскими силами.

В общем-то, они достигли немалых успехов за прошедшие три года, учитывая, какое скромное было начало. Движение, начинавшееся как сборище горстки недовольных диссидентов, устраивавших тайные встречи в подвалах, росло скачками, и теперь у него были отделения во всех главных городах планеты. Брии не было известно, сколько на Кореллии повстанцев, но их должно было быть не меньше нескольких тысяч. Она не знала точного их числа, потому что ей не обязательно было это знать. Хотя она и занимала достаточно высокий пост в иерархии повстанцев, но не входила в личный состав.

Информация о повстанцах на планете выдавалась крайне скупо. Лишь один или двое командиров видели полную картину. Остальные члены движения информировались по мере необходимости. Чем меньше они знали, тем меньше они могли выдать под пыткой.

В данный момент Брия работала в разведке. Ей не слишком нравилось шпионить, но оказалось, что у нее это хорошо получается. Она бы предпочла заниматься своим старым делом — налаживать контакты с повстанческими группировками на других планетах. Она понимала, что, если повстанцы хотят Что-то противопоставить Империи, им необходимо объединиться.

Но пока что они едва начали контактировать с другими группами. Все сообщения просматривались и прослушивались, возможность путешествовать была сильно ограничена. Все это создавало громадные трудности с поддержанием связи между группами на разных планетах. А как только их повстанческая группа придумывала коды, Империя моментально их взламывала.

В прошлом месяце на одно из отделений повстанцев напали во время встречи на восточном континенте. Все члены отделения бесследно исчезли, будто их проглотил крайт-дракон. Брия подумала, что она предпочла бы оказаться в пасти монстра, чем попасть в руки имперцев...

Лана, ее подруга, была в числе исчезнувших, и Брия знала, что никогда уже не увидит ее.

Неужто вся ее родная планета превратится в полицейское государство, подконтрольное Империи? Кореллия всегда была независимой планетой, гордым миром, над которым не властны были другие государства. Пока что Император не назначил имперского губернатора на Кореллию, но это не значило, что такого не будет и впредь. Империя не дозволяла ни

независимости, ни гордости в мирах, которые принадлежали ей.

Одна из причин, по которой Палпатин не сверг публично кореллианское правительство, в том, что Кореллия так густо заселена людьми. Империя не скрывала того, что существа, не принадлежащие к человеческому роду, являются для нее низшими, неспособными управлять собой. Вместе с людьми в Кореллианской системе живут селониане и драллы. Если бы только они населяли Кореллию, она, скорее всего, подверглась бы репрессиям, а то и вовсе была бы объявлена планетой рабов.

Достаточно вспомнить Кашиик. Гордые вуки, закованные в кандалы...

Брия вцепилась в край стола. Она ненавидела Империю, но еще больше она ненавидела рабство. Побывав рабыней на Илизии (хотя в то время она называла себя «паломницей»), Брия твердо намеревалась сделать все, что было в ее силах, чтобы уничтожить Империю, которая дозволяла рабство, которая использовала и владела разумными существами. Добившись этого, она посвятит всю оставшуюся жизнь освобождению каждого раба в Галактике.

Уголки ее рта опустились, едва она подумала о нападении на Илизию, которое они устроили шесть месяцев назад. Им с друзьями удалось освободить девяносто семь рабов, большинство из которых были кореллианами. Бывших рабов отправили на родные планеты к семьям. А в течение следующего месяца пятьдесят три из них сбежали обратно на Илизию. В общем-то, Брия не могла их винить. Жить без Возрадования было очень трудно. У нее самой ушли годы на то, чтобы преодолеть жажду пьянящей эйфории, которую проецировали жрецы т'ланда-тиль.

«Но сорок четыре освобожденных раба все еще на свободе, — жестко напомнила себе Брия. — Вчера Рион рассказал, что одна из женщин прислала ему сообщение, благодаря его за возвращение ее к мужу и детям...»

Теперь, когда Брия заняла эту новую должность в имперской штаб-квартире, с повстанческим командованием молодая женщина связывалась через Риона. Она передавала ему каждый малюсенький кусочек информации, который ей удавалось наскрести. Он получал информацию, которую Брии удавалось собрать или вычислить, и перенаправлял ее лидерам кореллианской подпольной повстанческой группировки.

Брия надеялась, что у нее скоро будет больше списков поставок продовольствия, которые она могла бы передать своей группе. С того самого момента, когда она получила эту работу в прошлом месяце, она старалась делать прически и макияж, чтобы выглядеть как можно лучше. Вдруг ее внешность привлечет внимание кого-нибудь из высокопоставленных имперских

офицеров...

И эти ее усилия тоже приносили плоды. Вон, например, вчера адмирал Трефарен остановился около ее стола и пригласил сопровождать его на прием, устраиваемый кореллианским правительством для высокопоставленных имперских офицеров. На приеме даже предполагалось присутствие моффов нескольких секторов. По убеждению адмирала, это должен был быть грандиозный вечер.

В ответ на приглашение Брия лукаво взмахнула ресницами, чуть покраснела и выдохнула прерывистое девическое «да».

Адмирал просиял, и морщины, вертикально прорезавшие его впалые щеки, приобрели сходство с глубокими каньонами пустынь. Он сказал, что заедет за ней на своем спидере с шофером. Трефарен протянул руку и подцепил один из ее локонов, обернув его вокруг пальца.

— И, дорогая моя, — добавил он, — надень что-нибудь, что подчеркнет твою красоту. Хочу, чтобы другие офицеры завидовали сокровищу, которое досталось мне.

Брии не пришлось стараться, чтобы ее ответ прозвучал совершенно неразборчиво — что только больше его очаровало! — она была слишком зла, чтобы говорить четко.

«Старый хрыч!»

Не забыть бы пристегнуть миниатюрный набедренный виброклинок... на всякий случай.

Правда, обычно мужчины его возраста больше говорили, чем действовали. Адмирал даже не особо скрывал, чего ему на самом деле хотелось: чтобы другие мужчины восхищались и завидовали его возможности завлекать привлекательных молодых женщин богатством и властью.

«Адмирал Трефарен может стать ключом к получению информации об этом новом имперском оружии и о новых звездолетах. О них ходит множество слухов».

Так что, когда пришло время идти на прием, она надела прелестное элегантное платье (она росла дочерью богатого человека и знала, как одеться красиво), сделала прическу, тщательно наложила макияж и провела вечер, тепло улыбаясь адмиралу Трефарену. Она танцевала с ним, кидала на него восхищенные взгляды и прислушивалась ко всем разговорам, ловя обрывки информации.

А еще, на случай если ей придется избегать его приставаний, у Брии была заготовлена миниатюрная пилюля, которую она носила под одним из ногтей. Ей нужно было всего лишь дотронуться краешком ногтя до питья в его бокале в конце вечера, и старый ловелас очень быстро станет приятно уставшим,

сонным и пьяным. С таким ей будет очень легко справиться.

Конечно, Брия могла бы воспользоваться и виброклинком, и хорошо воспользоваться, но она не собиралась этого делать. Виброклинки для любителей. А она была экспертом в улаживании дел без оружия.

На мгновение она поняла, что скучает по боевой усталости, по весу бластера, пристегнутого к бедру. Она бы предпочла возглавлять еще одно вооруженное нападение на илизианских хаттов или имперских работорговцев (которые были еще хуже хаттов), а не играть весь вечер в табагу и врельта с адмиралом Трефареном и его имперскими друзьями.

Она отдала свой бластер Риону, когда приступила к этому заданию. Не так уж невероятно, что адмирал Трефарен приказал бы своим подручным обыскать ее апартаменты, чтобы убедиться в «безопасности» выхода с ней в свет. Брия всегда держала виброклинок при себе и не боялась, что его найдут.

По крайней мере, она была уверена, что ее документы выдержат большинство проверок. Шесть лет назад она узнала от эксперта в этом вопросе все о том, как создавать личности для прикрытия. Хан Соло научил ее гораздо большему, нежели стрельбе из бластера.

На ее лице расцвела мягкая улыбка, когда она позволила себе на мгновение окунуться в ностальгию по тем дням. Они с Ханом вместе скрывались, ходили по краю, никогда не зная, что будет дальше. Она теперь понимала: то были самые счастливые дни ее жизни. Они стоили каждого напряженного момента, каждого приступа страха, каждой безумной погони, каждого побега, каждого выстрела, от которого ей приходилось уворачиваться, чтобы быть с ним... чтобы свободно любить его.

И она все еще любила его.

Когда год назад она увидела его на Девароне, на нее нахлынули мучительно яркие воспоминания. После нескольких лет отрицания Брии пришлось наконец признаться самой себе: Хан Соло тот человек, которого она любила и будет любить всегда.

Но им никогда не быть вместе. Ей придется смириться с этим. Хан прощелыга, отщепенец, он живет сам по себе, вне закона. Брия знала, что он сильно любил ее, — он даже просил ее руки, — но Хан не тот человек, который бросил бы все ради философских идеалов. За те месяцы, что они провели вместе, Брия почувствовала, что однажды он сможет весь отдаться единому делу, единой цели. Но это должно быть дело, которое он сам выберет, когда придет время.

Нельзя ожидать, что он проникнется целью, которую даст ему

она.

Интересно, что он делает сейчас. Счастлив ли? Есть ли у него кто-нибудь? Есть ли у него друзья? Когда она видела его на Девароне, на нем был типичный потрепанный наряд космического путешественника — не имперская форма. Но она слышала, что он с отличием окончил академию. Что же могло случиться, чтобы его карьера пошла под откос?

С одной стороны, Брии было жаль, что мечта, которую он так рьяно старался воплотить, не сбылась, но, с другой стороны, ей приятно было узнать, что Хан больше не имперский офицер. Раньше ее мучила мысль о том, что однажды они могут встретиться лицом к лицу в сражении или, что еще хуже, она может отдать приказ расстрелять имперский звездолет и таким образом стать причиной его смерти, не зная об этом. Ну теперь, по крайней мере, ей не нужно больше об этом беспокоиться.

«Увижу ли я его когда-нибудь?.. Может быть... Может быть, когда все это кончится, когда Империи больше не будет...»

Брия мысленно одернула себя, надо было думать о деле. Империя крепко пустила корни. Потребуется много лет и громадные жертвы, чтобы ее уничтожить. Она не могла позволить себе думать о том, что может случиться в далеком, туманном будущем. Надо сконцентрироваться на настоящем.

Она решительно включила планшет и вернулась к работе.

В ту минуту, когда Брия Тарен размышляла о бывшем возлюбленном, Хан Соло даже не вспоминал о ней.

Ему вновь нанесла рану женщина, которая ему нравилась, и боль оказалась сильнее, чем в тот раз, когда его бросила ради великих идей Брия. Кореллианин сидел на краю гостиничной койки на Велге, роскошной луне, куда богатеи стекались развлечься и испытать судьбу за игровым столом. Хану было не до веселья. Оставленное на персональном инфопланшете письмо гласило:

Дорогой Соло,

ненавижу расставания, а потому не стала устраивать еще одно. Гастроли окончены, и, прежде чем вновь пуститься в путь, хочу немного отдохнуть. Думала позвать тебя с собой, но потом решила, что лучше будет разорвать наши отношения сейчас.

Последние шесть месяцев были великолепны, лучших я даже вспомнить не могу. Ты мне очень понравился, дорогой мой. Слишком понравился. Ты же меня знаешь... Я не могу позволить себе близкие отношения. Это опасно для нас обоих. Когда тебе

кто-то нравится, становишься мягким и уязвимым. А в моем деле мягкотелость непозволительна.

Гостиницу для тебя и Чубакки я оплатила. Лучше вас у меня не было спутников и помощников. Передай своему другу, мне жаль, что я не смогла попрощаться. В местном банке вас ждет премия, счет 651374, код — скан твоей радужки.

Буду скучать по тебе больше, чем хочу. Если когда-нибудь понадобится связаться со мной, попробуй через агентство «Галактика звезд». Может, когда-нибудь повторим наше турне, когда я верну себе ясность мысли.

Позаботься о себе, Хан. И присмотри за своим вуки. Подобная верность — редкая штука.

С любовью,

Заверри.

Хан еще не разобрался в своих чувствах. То ли злость, то ли разочарование… смесь того и другого, наверное. Почему с ним вечно случается одно и то же? Он вспомнил бешенство, которое владело им, когда ушла Брия, тоже оставив напоследок лишь прощальную записку. А потом заставил себя не думать об этом. Давно это было. Он больше не мальчишка…

А значит, нужно встать, одеться и разжиться билетами на коммерческий рейс до Нар-Шаддаа. В свете премии — невелика трата, Заверри платила щедро, хотя и спрашивала по высокой шкале.

Эти шесть месяцев они прожили скорее как деловые партнеры, чем как работник и наниматель. Всякий раз, когда им удавалась афера с очередным чванливым имперским чиновником или мелким самодовольным бюрократом, Заверри делила добычу на троих. Губы Хана скривились в усмешке. А ведь и правда было весело. А Он-то самонадеянно думал, что всему научился в «семейке» Гарриса Шрайка. Но первый же месяц жизни с Заверри убедил его, что по сравнению с черноволосой красавицей Шрайк — размазня и жалкий дилетант.

Заверри работала по широкому спектру — от простых и элегантных схем до жестоко запутанных. Повторяться она считана ниже своего достоинства. Нет, каждое дело она кроила по индивидуальной мерке, частенько прибегая к искусству творить иллюзии. Самым крупным их достижением был обман личного секретаря моффа сектора Д’Елгот. Они не только раздели его практически до нитки, они еще и навлекли на его голову подозрение в измене. Хан опять улыбнулся. Секретарь был продажен и без них, рано или поздно он все равно предал бы Империю.

Далеко не всегда им везло. Дважды они потерпели неудачу, один раз афера вышла обманщикам таким боком, что Хану и Заверри пришлось без оглядки улепетывать от планетарных властей, а Чубакке — разыскивать их и спасать. В жизни не забыть тот побег: дроиды-ищейки и местная версия каноидов гнала их по холмам. Сбить преследователей со следа удалось, лишь просидев целую ночь по шею в болоте.

Хану нравилось помогать Заверри и на сцене. Создавать иллюзии, кланяться восторженной публике ночь за ночью и узнавать секреты фокусов было весело. Даже Чубакка привык ко всеобщему вниманию. Заверри разработала специально для него парочку номеров, в которых вуки мог продемонстрировать свою невиданную силу.

Самым трудным оказалось привыкнуть к нелепому, украшенному блестками трико в облипку, в котором Хан чувствовал себя неловко и стеснялся. Только свист и радостные крики женской аудитории примирили его со сценическим костюмом.

Заверри постоянно поддразнивала кореллианина, особенно после того, как какая-то особо ретивая девчонка выскочила на эстраду и влепила Хану сочный поцелуй, заставивший Соло побагроветь до ушей. Хан спасался ответными шутками в адрес еще более откровенных костюмов самой волшебницы.

«Если бы знать заранее... — Соло вздохнул. — Я бы поговорил с ней...» Ему уже не хватало Заверри, он скучал по ней, по ее улыбке, ее красоте. А еще — теплу и поцелуям. Заверри была необычайной женщиной, Хан любил ее. Изменилось бы что-нибудь, скажи он об этом? Едва ли. Иллюзионистка ясно дала понять, что она не из тех, кто хочет любви. Она не желала ни любить, ни быть любимой. Не хотела становиться уязвимой.

— Любовь заставляет ценить жизнь, — как-то раз призналась она. — А как только жизнь становится тебе дорога, вот тут-то и подстерегает настоящая опасность. Цепляешься за нее, а это затуманивает мозги.

— За что цепляться? — уточнил Соло. — За любовь или за жизнь?

— За то и за другое, — ответила иллюзионистка. — Любовь — самая рискованная штука во вселенной.

Заверри обожала рисковать и с наслаждением предавалась любимому делу — во всем, кроме любви. Ее можно было бы назвать безрассудной, если бы не ее хладнокровие. Опасность для волшебницы ничего не значила, потому что она не тревожилась о смерти. Хан не раз видел, как Заверри смотрела смерти прямо в лицо, не отворачиваясь.

Как-то раз он восхитился ее отвагой. Заверри отрицательно покачала головой.

— Нет, Соло, — сказала девушка. — Я не смелая. Это ты смелый. В тебе есть отвага и огонь. А мне все равно. Это разные вещи.

Кореллианин поднялся с гостиничной койки. Заверри больше нет. Ее «Фантазм» давно улетел с Велги.

«Ну что ж. — Соло потянулся за одеждой. — Представление окончено, занавес, всем спасибо. Пора возвращаться в реальность».

По крайней мере, у них с Чуи имеется куча денег, теперь можно арендовать корабль. Впервые за долгое время Хану стало интересно, как идут дела на Нар-Шаддаа.

Вернувшись на Луну контрабандистов, Соло удивился: он как будто очутился дома. Для начала они с Чубаккой отправились проведать Мако и отыскали его вместе с Роа за дружной попойкой в таверне. Кореллианин окрикнул их.

Оба оглянулись, заухмылялись.

— Хан! Чубакка!

— Привет! Как дела?

— Неплохо, малыш, неплохо, — отозвался Мако. — Джабба соскучился без тебя.

— Это уж без сомнения, — хмыкнул Соло. — Как там Джилиак, уже нянчится с малюткой-хаттом?

— Не знаю, — сказал Роа, — ее давненько не было видно. Так что, может, все еще впереди. Ты-то как, малыш? Тебя так давно не было, мы уже решили, что Боба Фетт до тебя добрался.

Хан продемонстрировал всем присутствующим самую беззаботную из своих улыбок.

— Пока еще нет. Что, Фетт по-прежнему здесь околачивается?

Мако автоматически огляделся по сторонам:

— Ходили слухи, что несколько месяцев назад его видели на Нар-Шаддаа. Говорят, искал тебя. Но в последнее время он не появлялся.

— Рад слышать. Держи меня в курсе. А это... Калриссиан не объявился? — Хан изо всех сил пытался состроить незаинтересованный вид. — Эта его таратайка, «Сокол Тысячелетия», все еще при нем?

— О да, при нем, не волнуйся ты так! — засмеялся Роа. — Хан, ты не поверишь, что вытворил этот Калриссиан! Взял в системе Осеон груз жизнекристаллов и продал их втридорога. Угадай, чем он сейчас занят?

Хан высказал непристойное предположение. Оба собеседника разразились хохотом.

— Он купил ангар с подержанными кораблями! — возвестил Мако. — Забрал целиком и полностью у дуроса, который решил вернуться на родную планету и заняться семейной фермой.

— А я как раз подыскиваю корабль, — обрадовался Хан. — Пожалуй, нанесу-ка я Лэндо дружеский визит и взгляну, что у него имеется.

— Лучше сначала загляни к Джаббе, — посоветовал Мако. — Он всем дал понять, что жаждет видеть тебя, как только ты вернешься.

Соло кивнул:

Как скажешь. А где мне найти Калриссиана?

Ему дали координаты.

Махнув рукой на прощание, Хан вышел из таверны. Дома было хорошо. Передышка с Заверри оказалась приятной и весьма прибыльной, но его призванием, истинным призванием была контрабанда, и Хану не терпелось взяться за дело.

Джабба тоже обрадовался — настолько, что сполз с помоста навстречу кореллианину.

— Хан, мальчик мой! Ты вернулся!

Соло решил обойтись без поклона, хватит и кивка. Хатт и правда скучал без него.

— Привет, Джабба... ваше великолепие. Как дела?

Слизень театрально вздохнул:

— Шли бы лучше, если бы Бесадии усекли, что они не единоличные хозяева всех кредитов в Галактике. Хан, должен признаться, мне тебя не хватало. Мы потеряли в Утробе корабль, наш клан влетел на большие деньги. Ты нужен нам, Хан.

— Без проблем, но теперь платить мне будете не прежние гроши, — решительно заявил кореллианин. — Мы с Чуи собрались обзавестись собственным грузовичком. Так будет лучше для всех. Ты не рискуешь своими кораблями, а мне не придется летать задешево на чужих звездолетах.

— Хорошо-хорошо, — согласился Джабба. — Хорошо.

— Но должен сразу предупредить. За мою голову все еще назначена награда. Тероенза уговорил Бесадии раскошелиться на крупную сумму. С охотниками я в основном могу справиться. Но если мне хотя бы намекнут, что Боба Фетт взял мой след, я отчаливаю. Выхожу из дела. Улечу на Ход контрабандиста. Даже Фетт не настолько сдвинут на деле, чтобы соваться туда.

— Хан, мальчик мой! — Джабба скривился как от боли. — Ты нужен нам! Ты нужен Десилиджикам! Ты же один из лучших!

Соло понравилось находиться на равных с могущественным хаттом.

— Ошибаешься, Джабба, я — лучший! И я тебе это докажу.

Чубакка громогласно взревел. У Хана заложило уши, хатт взмахнул короткопалой рукой:

— Что он сказал?

— Он говорит: «Мы — лучшие», — перевел Соло. — И он прав. Скоро все об этом узнают.

Следующей остановкой, как и было намечено, стал ангар подержанных кораблей Лэндо Калриссиана. Напарники прошли прямиком в контору, где обнаружили небольшого дроида с многочисленными манипуляторами и единственным кроваво-красным фоторецептором.

— Где Лэндо? — возжелал знать Хан.

— На данный момент хозяина здесь нет, добрые господа, — известил его дроид. — Могу ли я вам помочь? Меня зовут Вуффи Раа, я помощник хозяина Калриссиана.

Хан посмотрел на Чубакку, вуки закатил глаза.

— Я хочу говорить с Лэндо. Где он?

— Во дворе, — отозвался дроид. — Но... господин! Подождите! Входить во двор можно лишь с разрешения хозяина Калриссиана! Господин! Вернитесь, господин!

Хан даже не сбавил шага. А вот Чубакка остановился. Стоило коротышке-дроиду устремиться к ним, размахивая манипуляторами, вуки испустил рычание, быстро перерастающее в полновесный рев. Вуффи Раа так резко остановился, что едва не перевернулся вверх ногами. Затем маленький дроид поспешил прочь с истошным воплем:

— Хозяин! Хозяин!

Они нашли Калриссиана возле «Сокола». Хан не знал, кого он рад видеть больше. Особенно было приятно, что грузовик был абсолютно цел.

А вот игрок удивил. Щегольской наряд Калриссиан сменил на засаленный комбинезон, а в перепачканных руках сжимал гидроключ.

— Лэндо!

Темное красивое лицо Калриссиана засветилось от радости.

— Хан, старый пират! Когда ты прилетел?

— Только что. — Соло с удовольствием пожал испачканную в смазке ладонь.

Но Лэндо рукопожатием не ограничился, поэтому некоторое время приятели с энтузиазмом похлопали друг друга по спине.

— Рад видеть тебя, старик!

— А я тебя!

Еще не окончился день, а Хан с Чуи приобрели у Калриссиана свой новый корабль. Небольшой грузовичок типа «Вспышка» постройки «СороСууб», сильно модифицированный, размером в

две трети «Сокола», обладал закрученным тупым носом, толстыми кургузыми стабилизаторами и плоской кормой. Обтекаемостью отличиться не мог и вообще, как позже сказал Хану один знакомый куаррен, напоминал «то, что мы выращиваем для закуски». Каждая плоскость завершалась сдвоенной лазерной пушкой; к тому же в распоряжении пилота находился целый набор лазеров на носу.

Хан окрестил свое новое приобретение «Брией».

— Повелитель Арук желает видеть вас, ваше превосходительство. Он ждет в вашем кабинете, — доложил Ганар Тос, дворецкий Тероензы.

«Опять выслушивать его критику! Я этого не вынесу!» — подумал верховный жрец, нехотя поднимаясь из своего гамака.

Повелитель Арук и его отпрыск Дурга прилетели два дня назад, чтобы провести инспекцию илизианских дел. Тероенза с гордостью показал начальству, каких успехов они добились: новые фабрики, хорошо работающих паломников, неуклонно растущий запас спайса, который они позже вывезут с планеты. Он даже смог показать им место, расчищенное для новой, восьмой колонии.

Но чем больше Тероенза показывал гостям, тем больше Арук придирался. В душу верховного жреца начало закрадываться отчаяние. И теперь, когда он шел по коридору здания правления в первой колонии, Тероенза придумывал ответы на все обвинения, которые Арук мог бы кинуть ему в лицо. Производительность росла; рабочие трудились эффективно; проводились исследования новых сегментов рынка — например, те нала-квакши... Киббик настаивал, что его дядя непременно должен их попробовать. Аруку они очень понравились. Дурга тоже попробовал и заявил, что вкус его не впечатляет, но Арук полюбил есть этих уродливых амфибий и приказал Тероензе проследить, чтобы на каждом корабле, идущем с Илизии на Нал-Хатту, был груз этих земноводных.

Тероенза вошел в собственный кабинет, изо всех сил стараясь скрыть нервозность.

— Я здесь, ваше великолепие, — сказал он Аруку.

В кабинете присутствовали только Арук и Дурга. Арук бросил хмурый взгляд на Тероензу.

— Нам нужно поговорить, жрец, — сказал он.

«Плохо дело, все еще хуже, чем я думал», — решил Тероенза.

— Да, ваше великолепие?

— Я отменяю твой отпуск, жрец. Я хочу, чтобы ты остался

здесь и ввел Киббика в курс дела. Он абсолютно ничего не знает об операциях, проводимых на Илизии! И это твоя вина! Тероенза, ты забыл, кто настоящие правители Илизии. Ты стал надменным и мнишь себя главой. Это недопустимо. Тебя нужно научить знать свое место, жрец. Когда ты научишься служить, играть подчиненную роль в управлении этой планетой, ты будешь награжден. Только тогда ты сможешь вернуться на Нал-Хатту.

Пока Арук говорил, Тероенза не произнес ни слова. Когда хатт наконец завершил свою тираду, т'ланда-тиль вдруг понял, что ему хочется просто бросить всю эту нелепую затею. Киббик идиот, и как ты ни старайся, идиотом он и останется! А Тероенза не видел Тиленну уже целый год. Что, если она решит связать свою жизнь с кем-то другим только потому, что его так долго нет? Как он может требовать от нее верности в такой ситуации? Ненависть бурлила в нем, но огромным усилием воли он сумел не показать этого.

— Все будет сделано, как пожелаете, ваше великолепие, — пробормотал Тероенза. — Я сделаю все как можно лучше.

— Уж сделай, — грозно прорычал Арук. — Свободен.

Ярость распирала Тероензу, когда он шел в свои апартаменты, но, придя туда, он уже был спокоен. Странное ледяное умиротворение овладело им. Он опустился в гамак и отпустил дворецкого.

Если бы можно было выразить его мысли одним словом, это было бы слово «довольно».

После нескольких минут раздумий верховный жрец потянулся за комлинком. Пальцы сами отбарабанили код, который он помнил все эти месяцы. Затем он набрал сообщение: «Я готов разговаривать. Что вы можете предложить?»

Победным сильным тычком он нажал кнопку отсылки сообщения.

Тероенза откинулся в своем гамаке, и впервые за шесть месяцев он был в мире со Вселенной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ТЕНЬ ИМПЕРИИ

В темный, напоминающий пещеру зал дворца Джаббы Хат та на Татуине вошел человек в мандалорском доспехе. Когда то, много лет назад, он был наемным защитником. Еще до того, как он убил другого человека и заплатил дорогую цену за свое преступление.

За последние десять лет он стал самым известным охотником за головами в Империи, которого боялись больше остальных. Он не числил себя среди имперских охотников, хотя время от времени работал на Империю. Он не входил в Гильдию, хотя не гнушался брать заказы и там. Нет, Боба Фетт ни от кого не зависел. Он сам назначал себе рабочее время, сам решал, за какие дела браться, а за какие нет, и жил по своим собственным правилам.

На середине лестницы, ведущей в тронный зал, охотник остановился, чтобы оглядеться по сторонам. Огромное, похожее на пещеру помещение тонуло в полутьме и было наполнено грохочущей музыкой. Повсюду раскачивались в танце или валялись тела. Взгляд охотника проследил за движениями тви'лек-танцовщиц, пару секунд Боба позволил себе полюбоваться на их гибкие точеные тела. Впрочем, охотник в мандалорском доспехе был не из тех, кто тешит себя плотскими радостями. Он был слишком дисциплинирован для этого. Единственную радость, ради которой он жил, приносила охота. Ну а деньги были дополнением, необходимым бонусом, средством завершить начатое. Лишь охота воспитывала и выкармливала его, поддерживала в нем силы, уверенность и сосредоточенность.

Как только Фетт спустился по лестнице, управляющий Джаббы, тви'лек Лобб Геридо, протолкался сквозь толпу к охотнику за головами, кланяясь, елейно улыбаясь и бормоча приветствия на испорченном общегалактическом. Боба Фетт не стал тратить на него время.

Расставаться с оружием не хотелось, но, поскольку его ни за что не подпустили бы к хатту с винтовкой в руках, Фетт аккуратно положил бластеховский карабин ЕЕ-3 на нижнюю ступень. Охотник по-прежнему был достаточно опасно вооружен, чтобы убить Джаббу и сровнять с землей весь тронный зал, и Джабба об этом знал. Впрочем, еще он знал репутацию Бобы Фетта как абсолютно честного человека. Джабба заплатил, чтобы охотник пришел к нему и выслушал предложение. Если бы за

голову Джаббы была назначена весомая награда, Фетт в жизни не согласился бы на встречу.

Оставив оружие на ступенях, Фетт прошагал через толпу к помосту, на котором возлежал хозяин дворца, возвышаясь над собравшимися. Воздушные фильтры шлема не спасали от вони, исходившей от Джаббы. Так могла бы благоухать вековая заплесневелая помойка...

Хатт жестом велел музыкантам умолкнуть. Боба Фетт остановился перед помостом и едва заметно склонил защищенную шлемом голову.

— Посылал?

— Я ждал тебя. — Джабба, как всегда, говорил на родном языке. — Ты понимаешь меня, охотник за головами?

Фетт опять кивнул: да.

— Хорошо. Геридо, выстави всех из помещения и исчезни сам.

— Слушаюсь, хозяин, — пробормотал тви'лек.

Некоторое время он метался по залу, только головные хвосты извивались за спиной, пока наконец не выгнал всех лизоблюдов и дармоедов. В итоге, отвесив последний, особо глубокий поклон, управляющий удалился сам. Джабба огляделся по сторонам, присосался к кальяну и, убедившись, что они с собеседником остались наедине, доверительно наклонился к Фетту.

— Я благодарю тебя, охотник, за то, что пришел навестить меня. Пять тысяч кредитов будут переведены на твой счет до того, как ты выйдешь из зала.

Фетт молча кивнул.

— Я уже переговорил с представителем Гильдии в этом секторе и организовал щедрое пожертвование, — продолжал Джабба. — А он мне сообщил, что ты не подчиняешься Гильдии, хотя не всегда отказываешься от их заказов.

— Верно, — подтвердил Фетт.

Ему становилось любопытно. Если Джаббе понадобилась чья-то голова, к чему такие сложности? Куда клонит Жирнотелый?

Джабба задумчиво попыхивал водяным кальяном около минуты, мелко помаргивая выпуклыми глазами с вертикальными узкими зрачками.

— Ты знаешь, зачем я вызвал тебя сюда, охотник за головами?

— Очевидно, затем, чтобы назвать имя того, кого надо выследить и убить, — ответил Фетт. — Обычно меня зовут для этого.

— Нет, — сказал Джабба. Он отодвинул кальян и уставился на охотника. — Я заплачу тебе, чтобы ты кое-кого не убивал.

В мандалорский доспех был встроен визор с макробиноклем, который обеспечивал охотнику инфракрасное зрение; также шлем был оборудован датчиками на движение и звук. Поэтому Боба Фетт буквально видел напряжение Джаббы по тому, как изменился цвет. Охотник удивился: «Для него это важно?» Хатты феноменально эгоистичны, Боба еще не слышал, чтобы кто-то из слизней захотел кого-то спасти.

— Поясни, — произнес Фетт.

— За голову чрезвычайно полезного мне человека назначена награда в двадцать тысяч кредитов. Я заплачу двадцать пять, если проигнорируешь этот контракт до особого извещения.

У Фетта нашлось всего одно слово:

— Имя?

— Хан Соло. Он хороший пилот, наилучший. Он возит наш спайс и еще ни разу не попался имперцам. Десилиджики высоко ценят его. Я заплачу, если бросишь охотиться на него.

Боба Фетт стоял молча и думал изо всех сил.

Впервые за многие годы он очутился в трудном положении, его разрывало между долгом, нуждой в деньгах и личными желаниями. Предложение Джаббы во многих отношениях искушало. «Раб-1» недавно повредило в астероидном поле, и, чтобы вернуть орудийные системы в надлежащий вид, требовалась не одна сотня кредитов.

Но с другой стороны, он уже очень долго предвкушал, как изловит Соло. С тех самых пор, как этот его дружок Калриссиан обставил, накачал наркотиками и обчистил охотника за головами. Боба Фетт не может позволить двум космическим голодранцам провернуть подобное и остаться в живых.

С третьей — на прошлой неделе хатт Арук из клана Бесадии связался с Бобой по межзвездному голокоммуникатору и заявил, что больше не хочет раскошеливаться из-за Соло. Ему теперь потребовалась кореллианка по имени Брия Тарен, а поскольку доставить ее нужно было обязательно живьем, то цена за ее голову поднялась до пятидесяти тысяч. А за Соло Арук не заплатит больше десяти — и стреляй сколько влезет.

Как выяснил охотник, Тероенза не был поставлен в известность об изменениях.

Пятьдесят тысяч — самая крупная на данный момент работа Фетта из имеющихся. Боба немедленно отправился на розыски этой Тарен, о которой Арук сообщил, что она является лидером в кореллианском повстанческом движении. Глава Бесадии сказал, что она предприняла набег на Илизию, дабы освободить рабов, и подозревается в нескольких нападениях на транспортники, перевозящие рабов с Илизии на шахты Кесселя.

Фетт отследил добычу до Кореллии, затем до одного из секторов Внешнего Кольца, но там след обрывался. Существовала слабая ниточка, ведущая к частной яхте, улетевшей на Корусант, но то были всего лишь неподтвержденные слухи.

Но... было бы неплохо доставить Соло на Илизию и отдать Тероензе. Там кореллианина, несомненно, ждали пытки и мучительная смерть. Фетт и сам при необходимости применял пытки, если требовалось выбить информацию. Но удовольствия при этом как-то не испытывал — как и от смерти добычи, когда контракт заключался на убийство.

Но для Хана Соло он, пожалуй, сделал бы исключение.

— Ну так что? — громыхнул низкий басок Джаббы, вытряхнувший Фетта из размышлений. — Что скажешь, охотник за головами?

Боба быстро все прикинул еще раз и наконец принял решение, которое в нынешних обстоятельствах показалось ему наилучшим. Решение, которое позволит сохранить честное имя охотника за головами и одновременно остаться в прибыли.

— Ладно, — сказал Боба Фетт. — Я возьму двадцать пять тысяч.

«Все равно Арук хочет, чтобы Тарен стояла на первом месте, — произнес он про себя. — Так что желание клиента будет исполнено. Пятьдесят тысяч за голову Тарен. Когда я изловлю ее, то вышлю Джаббе назад его двадцать пять, выслежу и пристрелю Соло. Честь останется незапятнанной, я выполню заказ и получу шанс полюбоваться смертью кореллианина».

Хороший компромисс, решил Боба. И все довольны, если не считать Тероензу, но официально он не работает на верховного жреца, он работает на Арука. Это хатт назначил цену за голову Соло, а глава Бесадии ясно дал понять, что его интересует лишь смерть кореллианина.

Просто и прибыльно. Фетт был удовлетворен.

— Вот и славно! — воскликнул Джабба, тоже донельзя довольный, и сделал пометку в личном планшете. — На твой счет только что перевели в общей сложности тридцать тысяч кредитов.

Боба Фетт склонил голову в обычном для него почти поклоне.

— Я знаю, где выход, — сказал он.

— Нет-нет! — торопливо возразил Джабба. — Лобб откроет для тебя защитную дверь.

Хатт нажал клавишу на планшете, и через секунду появился тви’лек. Кажется, он так и не переставал кланяться.

— Прощай, Фетт, — сказал Джабба. — Я буду иметь тебя в виду, если Десилиджикам понадобится чья-нибудь голова.

Охотник в мандалорском доспехе не ответил, вместо этого он

повернулся и вышел следом за дворецким, задержавшись лишь для того, чтобы подобрать винтовку. После сумрака тронного зала ослепительно-белые пески Татуина показались вдвое ярче, но шлем автоматически отфильтровывал вредные лучи, позволяя владельцу не щуриться.

«Раб-1» едва не срезал верхушки барханов, пока Боба не торопясь просчитывал вектор взлета. Фетт разглядывал безликие пустоши, которые морщинились дюнами, словно океан волнами. Охотник редко заглядывал на Татуин и не мог представить, что вернется сюда снова. Что за дыра. Предположительно, жизнь встречается даже в пустыне, но здесь не было ничего. Только ничем не примечательный белый песок.

Минуточку... а это еще что такое?

Фетт придвинулся к иллюминатору; «Раб-1» как раз прошел над огромной дырой, распахнутой, словно жадная пасть, на дне низины. Охотнику показалось, будто внутри ямы что то шевелилось... какие-то длинные крючья и вроде бы щупальца.

«Интересно, что это за зверь? — подумал Боба, поднимая „Раб-1“ за границу атмосферы. — Похоже, даже в этой пустыне кто-то живет».

Скоро этот пустынный мир остался далеко позади, так далеко, что даже не задержался в памяти...

Через неделю после приобретения «Брии» Хан Соло проклинал маленький грузовичок, себя, Лэндо Калриссиана и вообще всю Вселенную.

— Чуи, дружище, — сказал он в приливе бескомпромиссной честности, — я идиот, коли согласился взять это корыто. Это не корабль, а заноза в заднице.

— Хрррррррнннн, — пророкотал вуки, полностью согласный с приятелем.

«Брии» требовался серьезный ремонт, как выяснилось чуть ли не с самого начала. Тестовый полет грузовик провел идеально, но, как только был заключен контракт, посыпались проблемы. Нет, они фонтанировали, как гейзеры на метановых лунах Термона. В первом же «рабочем» рейсе первые десять минут корабль вел себя хорошо... затем закоротило кормовой стабилизатор, и горе-контрабандистам пришлось возвращаться на Нар-Шаддаа не без помощи луча захвата. Они починили двигатель с помощью маленького многорукого дроида Вуффи Раа (который, похоже, теперь стал главным пилотом «Сокола») и предприняли еще одну попытку взлететь.

На этот раз взорвался носовой стабилизатор.

Приятели починили и его, потея и переругиваясь, и отправились в рейс. Потом еще раз. Иногда их соросуубская «Вспышка» работала как надо, иногда им везло, если удавалось дохромать до ангара для починки.

Навигационный компьютер «Брии» страдал амнезией, а системы гиперпривода периодически решали передохнуть. Когда с кораблем удавалось договориться, Хан, как опытный пилот, выжимал из двигателей приличную скорость, но гораздо чаще обнаруживалась какая-нибудь новая проблема.

Хан пожаловался Калриссиану, тот указал, что в контракте указано «как есть» и что лично он, Лэндо, никаких гарантий не давал. И добавил, что сдал «Вспышку» в аренду за весьма разумную цену (что соответствовало истине).

С этим спорить было невозможно, но никакие доводы не помогали, когда «Брия» глохла на ходу, а она занималась этим каждый второй полет.

Хан излил душу Мако, тот сжалился и познакомил Кореллианина еще с одним из своих друзей.

— Старший корабельный механик, пилот и ремонтник Шуг Нинкс, разреши тебе представить Хана Соло и его напарника Чубакку. У них есть корабль с закидонами.

Шуг Нинкс был гуманоидом, но, хотя выглядел почти человеком, Хан с ходу распознал его инородное происхождение. Шуг был долговязым парнем с бледно-голубыми глазами и торчащими во все стороны темно-русыми волосами. Кожа на нижней челюсти была усыпана белесыми точками, на каждой руке имелось лишь по три пальца, зато в противопоставленном на один сустав было больше, что значительно повышало цепкость и гибкость, необходимые для механика.

По настороженному взгляду, которым их встретил Шуг Нинкс, Хан понял, что из-за смешанной крови этого парня редко принимают хорошо. Особенно доставалось ему от чиновников, которые ставили полукровок еще ниже, чем инородцев.

Соло с улыбкой протянул Шугу ладонь.

— Рад познакомиться, Нинкс, — сообщил он. — Как думаешь, сумеешь свинтить эту кучу гаек в нечто разумное?

— Можно попробовать. — Полукровка определенно повеселел. — Приводи свою тачку в мой космогараж сегодня, мы ее осмотрим.

Чтобы добраться до места, пришлось спустить «Брию» в узкую щель между двумя высокими башнями уродливых жилых комплексов. Когда Хан и Чуи добрались до космогаража, гигантского космического дока и ангара Шуга, расположенного глубоко в чреве Нар-Шаддаа, они были крайне потрясены.

— Ух ты! — заявил кореллианин, озираясь по сторонам. — Да никакой имперский ангар из тех, что я видел, и рядом не стоял с этим комплексом. Да тут есть почти все, что душе угодно!

Оборудование и запчасти были выставлены вдоль стен, но нередко валялись кучами по углам. На первый взгляд казалось, что в помещении царит полнейший хаос, но вскоре Хан обнаружил, что Шуг Нинкс способен определить местонахождение нужной детали практически немедленно.

— Ага, — гордо отозвался владелец, явно польщенный искренним восхищением Хана. — Я долго копил деньги на все это дело.

После знакомства с «Брией» полукровка заметно огорчился.

— Хан, половина проблем у этого корабля из-за того, что модифицировали его, используя не заводские детали. Все же знают, что «СороСууб» этого не переносят!

— Поможешь поставить ее на крыло? — спросил Хан.

Шуг кивнул:

— Трудно будет, но мы рискнем.

Несколько следующих недель Хан и Чуи помогали Шугу Нинксу чинить их новый корабль. Они работали каждый день, пока не валились с ног от усталости, узнавая все новые хитрости от главного механика.

Хан так изматывался, что почти не выходил из дома, но однажды вечером, словно по наитию, отправился выпить в местную таверну, которую периодически навещал в кореллианском секторе. В «Синем свете» подавали только напитки, и забегаловку подешевле еще требовалось как следует поискать, но Соло нравилось это полутемное местечко с голоплакатами кореллианских городов и красот природы на стенах. В темноте их было непросто рассмотреть — особенно после стаканчика-другого, — но Хану это место подходило больше, чем сверкающие всеми огнями заведения. Он сидел спокойно у бара, прихлебывая алдерааанский эль, когда завязалась небольшая заварушка. При звуке проклятия, произнесенного низким женским голосом, а затем пьяного мужского ворчания Хан вскочил на ноги:

— Эй, крошка, так дамы не разговаривают!

— Это кто здесь дама? — сердито поинтересовалась женщина.

Присмотревшись, Хан разобрал в полутьме две борющиеся фигуры, услышал звуки драки, пощечину.

— Ну ты, бродяга! — воскликнул мужчина.

Женщина выругалась, затем раздался смачный шлепок удара. Мужчина взвыл от боли и бросился в атаку. И вдруг его ноги

оторвались от пола. Женщина с легкостью перебросила обидчика через плечо. Послышался звонкий щелчок выбитого сустава. Мужчина вскрикнул, обрушился на пол и остался лежать, всхлипывая.

Обогнув стойку, Хан обнаружил, что знает пострадавшего. Низкорослый тощий контрабандист и наемник по прозвищу Прыжок со стонами корчился у ног высокой женщины. Друг Прыжка (который благоразумно не вступил в драку) помог наемнику сесть; рука бедолаги располагалась под странным углом. Женщина не убирала ладонь с рукояти бластера, глаза прищурены, сама даже не запыхалась.

— А тебе что понадобилось, парниша?

Хан сделал шаг назад до того, как злость вновь заполыхала в ее взгляде. Женщина не уступала ему ростом, цветом кожи напоминала Калриссиана, а кудряшки стояли дыбом, как грива брелета. На вид она была крепче нейтрония и определенно пребывала в бешенстве.

Кореллианин торопливо поднял обе ладони в миролюбивом жесте:

— Эй, я не собираюсь вмешиваться. По мне, ситуация под контролем.

— Я умею позаботиться о себе, — рыкнула женщина и прошагала мимо Хана к выходу на улицу.

Каблуки звонко цокали по полу. Женщина была одета в длинную коричневую юбку, коричневую шелковую блузку и черную кирасу с металлическими шипами. По потертой рукояти бластера Хан определил, что хозяйка оружия великолепно знала, как с ним обращаться. Заинтригованный кореллианин устремился следом, стараясь не очутиться между женщиной и входной дверью, и указал на пару пустых стульев у стойки бара:

— Э-э-э... вы правда торопитесь? Можно угостить вас?

Женщина, остывая, долго и придирчиво разглядывала кореллианина. Стенания Прыжка затихли вдали, как только друзья увели пострадавшего.

— Может быть, — сказала женщина и протянула Хану затянутую в перчатку руку. — Салла Зенд.

— Хан Соло.

Они обменялись рукопожатиями и вернулись к стойке.

— Что будете пить?

— «Безумный мрельф», неразбавленный.

— Как скажете, — сказал Хан, из осторожности не демонстрируя реакцию на название крепкого напитка.

Лично он не стал бы пить «Безумный мрельф» даже под дулом бластера: среди космолетчиков ходили рассказы о парнях,

которые поддавались разнузданному веселью «Мрельфа» и оказывались в исправительных лагерях Империи... или в еще более неприятных местах.

Они разговорились, и выяснилось, что Салла тоже живет контрабандой и лишь недавно прибыла на Нар-Шаддаа.

— У меня есть корабль, — рассказывала женщина. — «Отчаянный Беглец». Но к нему еще надо приложить руки. Мне хотелось бы кое-что в нем переделать.

— Эй, а я знаю подходящее местечко! Мой корабль в ремонте. Парень, который над ним трудится, настоящий волшебник. Зовут его Шуг Нинкс.

— Я сама неплохой механик, — откликнулась Салла. — Мне хотелось бы познакомиться с твоим другом.

— Завтра утром я опять буду работать над «Брией». Если хочешь, давай встретимся и вместе пойдем в космогараж к Шугу.

Женщина вновь смерила его оценивающим взглядом, улыбнулась — неторопливо и весело.

— У меня есть идея получше. Ты пойдешь ко мне домой. Готовить умеешь?

У кореллианина чуть глаза не вылезли из орбит. «Вот это прыть! И кто это здесь прямолинейный?»

Он подарил Салле свою лучшую кривоватую ухмылку и сразу заметил, что новая знакомая перед ней не устояла... хотя, возможно, все дело в выпивке?

— А как же! — сказал Хан. — У меня лучший друг был поваром.

Салла расхохоталась:

— Эй, Соло, дай девушке передохнуть! Выключи очарование. Хочешь разбить мне сердце?

— Нет. — Хан протянул руку и одним пальцем коснулся тыльной стороны ладони женщины. — Хочу приготовить тебе обед. Любишь стейк из траладона?

— Конечно, — с готовностью согласилась Салла. — Не прожаренный. С кровью.

— Я запомню, — пообещал кореллианин.

Разобравшись с напитками, они вышли на грязную улицу Нар-Шаддаа. Салла немедленно подхватила спутника под руку:

— Я так рада, что отыскала тебя! Я могу даже воду поджечь, поэтому и не пытаюсь готовить еду. Меня привлекает перспектива съесть домашний ужин.

Несмотря на обещание, Хан вложил в улыбку все имеющиеся у него запасы очарования.

— Ужин, да? А что скажешь о завтраке?

Салла с хохотом замотала головой:

— Ты прохвост, нет?

— Стараюсь, — скромно потупился Хан.

— Не испытывай судьбу, детка, — предупредила женщина, улыбкой давая понять, что не собиралась никого обижать. — Я умею постоять за себя.

При воспоминании, как Салла приструнила Прыжка, Хан вынужденно согласился. Он кивнул и решил сдать назад… на секунду.

Следующие несколько недель они продолжали встречаться, а отношения крепли день ото дня. Через месяц Хану доверили готовить еще и завтрак, и все в округе считали их парочкой.

У них было много общего, и Хан наслаждался каждой минутой, которую проводил рядом с Саллой, восхитительной, страстной женщиной, умной, чувственной и прямолинейной. А узнав ее получше, кореллианин выяснил, что она умеет быть нежной, только не часто демонстрирует эту свою сторону.

Хан познакомил Саллу и Шуга, и они мгновенно сошлись, хотя и не в романтическом смысле. Салла действительно оказалась редкостным механиком и творила чудеса с помощью лазерной горелки. Она рассказала, что перед тем, как заполучить «Отчаянного Беглеца», работала механиком на корпоративном транспортнике. Время от времени Салла не гнушалась провозить спайс, но больше всего обожала торговать оружием. А уж как она управлялась с пушками! Вскоре Салла сделалась завсегдатаем космогаража, где, латая корабли, околачивались контрабандисты, обменивались байками и хвастались друг перед другом новыми подвигами. Хан пришел к выводу, что рано или поздно большинство людей и многие представители других рас их профессии оказывались у Шуга. Сюда заглядывали многие из приятелей Соло по Ходу контрабандиста и даже — при весьма примечательных обстоятельствах — Винни.

Зин и Малыш, контрабандист и вор Рик Дуэль, Синюшка Ана Синь, Роа и Мако — все они весело проводили время в космогараже Шуга. Нинкс требовал, чтобы его гости следовали всего трем правилам: никаких наркотиков, платить за инструменты и услуги механиков, убирать за собой.

Со временем пришлось познакомить Саллу с Калриссианом, и эта парочка тоже быстро спелась. Они явно понравились друг другу, но Салла ясно дала понять, что предпочитает Хана… пока что.

Однажды, когда Хан, забравшись на броню «Брии», копался в генераторе щита, Чубакка громким ревом призвал напарника слезть, так как его хотят видеть. Соло спустился по приставной лесенке, чтобы обнаружить внизу симпатичного парнишку с

карими глазами и темно-русыми волосами. Пацан напомнил Хану его самого в этом возрасте.

Мальчишка протянул руку:

— Хан Соло? Большая честь познакомиться с тобой. Меня зовут Джерик. Джерик Соло.

Кореллианин с округлившимися глазами пожал предложенную ладонь.

— Соло? — тупо переспросил он.

— Ага, — радостно подтвердил сопляк. — Соло. По-моему, мы родственники. Я тоже с Кореллии.

Поскольку Хан знал только двух человек, на родство с которыми он мог бы претендовать (а он решил вообще забыть о существовании ненормальной тетушки Тийон и ее сына садиста Тракана Сал-Соло... если кто-то из них еще жив), он не был уверен, какой дать ответ.

— Да ну? — в конце концов неоригинально выдал он. — Как интересно. Из какой ветви?

— Э-э-э... По-моему, мой дядя Ренн был троюродным братом твоего отца, — путаясь, сообщил мальчишка.

Ренн — весьма распространенное кореллианское имя. Соло усмехнулся.

— Что ж, — сказал он, — пойдем потолкуем.

Он отвел юношу в захламленный кабинет Шуга и налил обоим по чашке стим-чая. Следом явился Чубакка, и Хан познакомил его с Джериком. Вуки хрррррррнннкнул, из чего Соло сделал вывод, что парнишка Чуи понравился.

— Так зачем я тебе понадобился?

— Ну, я хотел бы научиться летать, — отозвался пацан. — А я слышал, что ты лучше всех. Если ты научишь меня, я отработаю. Обещаю, я буду хорошо работать!

— Ну... — Хан оглянулся на вуки, — лишние руки «Брии» не помешают. Умеешь обращаться с гидроключом?

— Так точно! — возликовал Джерик. — Уж будь уверен.

— Посмотрим, — дипломатично сказал Хан.

Для начала он пригласил мальчишку просто держаться рядом, так как не хотел спускать с него глаз. Хан не поверил в россказни про Кореллию. Пацан выглядел не так, вот и все. Соло полюбопытствовал у Роа, не знает ли тот что-нибудь о молодом человеке по имени Джерик. Потребовался месяц, но Роа сумел раскопать, что Джерик родился и вырос на улицах Нар-Шаддаа. Мальчишка сражался за каждый кусок хлеба, за каждый кредит. Его родителей никто не знал, даже он сам. Пацан всю жизнь провел на Нар-Шаддаа, все время болтаясь в кореллианском секторе. Возможно, кто-то из родителей все же был

кореллианином.

Удостоверившись, что Джерик врет, Хан собрался отправить его восвояси, но к тому времени успел привыкнуть к нему. Мальчишка ловил каждое слово, хватался за любое дело и брался выполнять любое поручение Хана. Такое почитание льстило. А еще... как будто Хан сам ни разу не соврал, чтобы его впустили погреться...

Джерик оказался способным учеником. Хан научил его обращаться с левой батареей корабля, и мальчишка доказал, что обладает быстрой реакцией и твердой рукой. В пространстве хаттов опять активизировались пираты, и Соло в конце концов взял Джерика в рейс. После дискуссии с Чубаккой Хан решил не говорить мальчишке, что его маленькая ложь про то, что он Соло, раскрыта. Именно Чуи указал, что для Джерика, очевидно, очень важно наконец обзавестись фамилией. Вуки вообще придавали семье огромное значение, и Чуи жалел парнишку.

Вскоре после знакомства Хана и Саллы «Брию» можно было выпускать в полет. Манипуляции Шуга добавили ей прыти, а с виду она оставалась приличным, добропорядочным корабликом, хотя Джерик вечно обзывал ее «норовистой дамочкой». В одном рейсе она вела себя идеально, в другом — дурила так, что экипаж рыдал навзрыд. Хан значительно расширил и пополнил запас бранных слов на ширивуке, потея вместе с Чубаккой над ремонтом их упрямой телеги.

Как-то раз досветовой мотиватор сгорел именно в ту минуту, когда они облетали скопление Утроба. Получилось занимательно. Какое-то время Соло не верил, что они вообще вернутся на Нар-Шаддаа. Если бы не скоростной ремонт, проведенный Чубаккой, и летное мастерство кореллианина, грузовик засосало бы в ближайшую черную дыру.

Соло подыскал им новое жилище — попросторнее и в районе получше. Хотя его самого там видели редко, по большей части он пропадал у Саллы и поэтому разрешал Джерику ночевать у них, чтобы Чуи не было скучно.

Когда кореллианин находил время предаваться праздным размышлениям (что бывало нечасто), он думал, что жизнь налаживается. Охотники за головами не встречались ему почти два месяца, Боба Фетт внезапно утратил интерес к его голове. Они с Чубаккой прилично зарабатывали, вели достойную жизнь и владели собственным кораблем. Хан обзавелся друзьями, кое-кем особенным, и этот кто-то к тому же понимал язык контрабандистов. Хан был уверен в себе как никогда...

Далеко в открытом космосе, в отдалении от всех систем, встретились два хаттских звездолета. Координаты встречи держались в строжайшем секрете. Оба корабля принадлежали членам каджидика Десилиджик, хотя ни одним кораблем не управлял Хан Соло. Первый корабль был яхтой Джаббы, «Звездная Драгоценность», а второй — яхтой Джилиак, «Драконья Жемчужина».

Медленно, повинуясь своим пилотам, корабли приближались друг к другу, пока не оказались на расстоянии стыковки. Переходной рукав протянулся из шлюза «Звездной Драгоценности» и присосался к шлюзу «Драконьей Жемчужины». Хаттские яхты висели в космосе, соединенные трубкой.

Джабба и Джилиак находились на борту «Драгоценности». Удобно устроившись в роскошном салоне яхты, Джилиак качала на руках младенца. Когда системы корабля показали, что соединение прошло успешно, Джилиак положила сверток с ребенком рядом со своей «сумкой», и крохотное создание заползло внутрь. Хаттеныши большую часть первого года своей жизни проводили в «сумках» у матерей.

В коридоре раздались звуки нескольких пар шагающих ног, открылась дверь, и вошел Тероенза, верховный жрец Илизии. Большое рогатое существо казалось почти маленьким рядом с громадными, похожими на слизней хаттами, но Тероенза не выглядел особо смущенным. Джилиак указала на гамак, который специально установили здесь для т'ланда-тиль.

— Добро пожаловать, Тероенза. Чувствуй себя как дома. Надеюсь, тебе удалось скрыть свое отсутствие на планете?

— Мое время сильно ограниченно, — отвечал Тероенза. — Я выехал этим утром на лендскиммере с пилотом-гаморреанцем, как будто собрался инспектировать ход постройки восьмой колонии. На полдороге, в густых джунглях, я вырубил охранника и сделал так, что скиммер врезался в гигантское дерево. Во всю эту свалку я бросил термальный детонатор, а когда убедился, что все прекрасно разгорелось, бросил туда же охранника. Ваш корабль ждал как раз там, где вы сказали. Завтра он отвезет меня обратно. Я приведу себя в побитый и грязный вид и, спотыкаясь, выйду из джунглей навстречу одной из поисковых групп. Арук ничего не заподозрит.

— Превосходно, — похвалила Джилиак. — Но, как вы заметили, время ограниченно. Давайте сразу приступим к делу. Арук стал... помехой. Помехой, от которой нам бы хотелось избавиться.

Тероенза фыркнул:

— Он недоволен, сколько бы продукции мы ни производили.

Я не видел свою подругу больше года. Он не разрешил мне побывать дома даже на короткое время. И он снизил награду за Хана Соло, изменив ее условие на «убить на месте»! Он запретил мне поднять ее, даже если я буду платить из собственных денег. Сказал, что я зациклился на Соло! После такого я не могу больше поддерживать его. Моим единственным удовольствием в последние месяцы было представлять медленную смерть этого кореллианского бродяги. Как вспомню, что он...

И верховный жрец принялся нудно жаловаться на Соло.

Джабба и Джилиак переглянулись. Джилиак была в курсе, что Джабба заключил соглашение с Бобой Феттом, чтобы Соло продолжал работать на них, не боясь охотника за головами. Но Тероензе вовсе незачем было об этом знать.

Через несколько секунд жрец выдохся.

— Прошу прощения, ваши превосходительства. — Он поклонился. — Как вы сказали... к делу.

— Прежде всего нужно определить цену вашей... помощи, Тероенза, — заметил Джабба.

Т'ланда-тиль назвал сумму.

Джабба и Джилиак снова переглянулись. Оба молчали.

Через пару минут Тероенза назвал другую сумму, намного меньше. Эта, хотя и осталась высокой, не была заоблачной. Джилиак взяла с подноса небольшое ракообразное и несколько секунд задумчиво его разглядывала.

— Идет, — сказала она и отправила пищу в рот. — Я хочу, чтобы никто не заподозрил убийства. Все должно быть проделано как можно незаметней.

— Незаметно... — пробормотал Тероенза, неосознанно поглаживая свой рог, хотя тот и так уже выглядел до блеска отполированным. — Тогда вооруженное нападение не подходит.

— Совсем не подходит. Охрана Бесадии уступает только нашей. Нашим войскам придется с боем врываться к ним, и вся Нал-Хатта будет знать, что происходит. Никаких вооруженных нападений.

— Может быть, несчастный случай? — предположил Джабба. — На речной яхте, например. Насколько я знаю,

Арук обожает дневные прогулки и часто проводит время на реке.

— Возможно. Но такой несчастный случай трудно контролировать. Дурга тоже может погибнуть, а он мне нужен живым.

— Зачем, тетя? Дурга не глуп, он для нас — потенциальная угроза.

Тероенза ответил прежде, чем Джилиак успела открыть рот.

Откинувшись в гамаке, верховный жрец взял с блюда маринованного гребенчатого таракана и откусил кусочек.

— Потому что Дурге будет сложно управлять Бесадии. Многие в каджидике считают, что он не подходит для роли главы клана из-за родимого пятна. Они говорят, что на нем метка, а следовательно, у него плохая судьба. Избавьтесь от Дурги, и каджидик только сплотится под руководством нового лидера.

Джилиак кивнула Тероензе:

— Ты рассуждаешь как хатт, жрец.

— Спасибо, ваше превосходительство, — ответил польщенный Тероенза.

— Не нападение, не несчастный случай, — пробормотал Джабба. — А что тогда?

— У меня есть идея, — заявила Джилиак. — Использовать вещество, которое Арук может проглотить. У него есть преимущество — его практически невозможно распознать в тканях. Оно затормаживает мыслительный процесс, так что жертве становится трудно принимать решения. Нам только на руку, если Арук станет принимать плохие решения.

— Должен с тобой согласиться, тетя. Но... яд? Мы, хатты, почти невосприимчивы к ядам. Чтобы убить кого-то из нас, даже такого старого, как Арук, понадобится столько яда, что его непременно заметят.

Джилиак покачала головой — привычка, которую она подцепила у людей.

— У меня другая задумка, племянник. Оказавшись в организме, это вещество постепенно отравляет жертву. Оно воздействует на клетки мозга существ, стоящих на высшей ступени развития. Через некоторое время жертва буквально попадает в зависимость от яда. И в конечном итоге неожиданное отлучение от этого вещества вызывает такую ломку, что она ведет либо к смерти, либо к обширному повреждению мозга. В любом случае Арук станет совершенно безвреден.

— И вы можете достать это вещество? — заволновался Тероенза.

— Оно очень дорогое, редкое. Но... да. Я могу достать нужное количество.

— И как нам заставить Арука принять его? — поинтересовался Джабба.

— Ваши превосходительства, можно, я сделаю это? — Тероенза буквально подскакивал в своем гамаке, как ребенок. — Нала-квакши! Можно дать ему яд вместе с ними!

— Объясни, жрец, — потребовала Джилиак.

Тероенза принялся рассказывать про увлечение главы клана

Бесадии нала-квакшами.

— С того момента, когда он отправился домой, две недели назад, он требует, чтобы с каждым грузом переработанного спайса на Нал-Хатту посылали аквариум живых нала квакш! — Т'ланда-тиль восторженно потирал ручки.

— И каким образом их применить?

— Они далеко не существа высшего порядка, у них и мозга-то почти нет. Сомневаюсь, что ваш яд может их убить.

— Исходя из того, что я знаю об этом веществе, вы правильно рассуждаете, — подтвердила Джилиак. — Продолжайте, пожалуйста.

— Я могу начать разводить нала-квакш в воде с добавлением вашего яда. Они будут плавать в такой воде с самого детства, и со временем их ткани пропитаются ядом. А потом Арук с удовольствием их съест. Я буду постепенно увеличивать концентрацию яда в воде, Арук станет потреблять все больше яда и в конце концов привыкнет к нему. А когда он станет зависим от яда... — Тероенза резким ударом рубанул воздух. — Он не получит яда! Чистые лягушки!

— И умрет в мучениях или станет слабоумным, — продолжила Джилиак. — И то и другое нам на пользу.

Джабба подался вперед:

— Думаю, стоит сделать так. План Джилиак подходит нам по всем пунктам.

— Я переведу первый платеж. Скажите, куда выслать деньги? — спросила Джилиак.

Выпуклые глаза Тероензы жадно заблестели.

— Я бы предпочел не деньги, а вещицы для моей коллекции. Таким образом я смогу скрыть получение вознаграждения. Если мне понадобятся деньги, я всегда смогу продать что-нибудь.

— Хорошо. В таком случае представьте список приемлемых предметов. Если мы не сможем их найти, тогда вышлем деньги. Но мы постараемся достать нужное.

— Превосходно, — обрадовался Тероенза. — Договорились.

Тост! — воскликнул Джабба. — За наш союз и за кончину Арука.

— Тост! — повторил Тероенза, поднимая затейливо украшенный бокал. — Первым делом, получив новые вещички, я назначу за голову Хана Соло такую награду, что искать его будет каждый охотник за головами в Галактике!

— За смерть Арука! — провозгласила Джилиак, поднимая свой бокал.

— За смерть Арука! — эхом повторил Джабба.

После секундного колебания Тероенза сказал твердо:

— За смерть Арука... и Соло.

Они выпили.

Тероенза ушел, и «Драконья Жемчужина» увезла его обратно на Илизию, а Джабба и Джилиак принялись обсуждать стратегию дальнейших действий. Когда не станет Арука, они постепенно приберут к рукам все дела на Илизии.

Одного за другим они уничтожат главных членов Бесадии, пока разоренный клан не погрузится в пучину бедности и безвестности. Эта мысль очень их порадовала.

Но их веселье прервал Лобб Геридо, влетевший в комнату, ломая руки:

— Ваши сиятельства! Один из оперативников на Реголит-прайм только что прислал нам видеозапись. Ужасные новости из Центра Империи! Пилот сделал запись. Если ваши великолепия изволят включить голопроектор...

Озабоченно нахмурившись, Джилиак нажала кнопку включения. Перед хаттами появилась трехмерная сцена, и они узнали своего местного моффа, Сарна Шильда. Его бледное лицо под шапкой темных, напоминающих воск волос было угрюмым. По всей видимости, запись была сделана на официальной пресс-конференции. Позади Шильда проглядывал знакомый пейзаж Центра Империи — планеты, ранее известной под названием Корусант.

— Жители Внешнего и Внутреннего Кольца! — начал обращение Шильд. — Наш благородный и мудрый Император был вынужден подавить еще одно восстание. Жестокие повстанцы, используя оружие, след которого ведет до нашего сектора, атаковали расположение имперских войск на Рампе-2, ранив и убив имперских солдат.

Возмездие Императора последовало незамедлительно: повстанцев выследили и схватили. Эти убийцы открыли огонь по невинным мирным жителям. Было потеряно столько жизней. Так больше не может продолжаться!

Наш Император призвал верные сектора помочь ему остановить перемещение нелегального оружия. С гордостью сообщаю вам, что я ответил на призыв Императора прямо и непритворно. Все мы знаем, что большая часть незаконной перевозки оружия и наркотиков ведется из космоса хаттов. И теперь я призываю всех жителей нашего сектора поддержать меня в уничтожении этой хаттской напасти! Я намерен остановить контрабандную торговлю и поставить хаттских криминальных авторитетов на колени! — Шильд запнулся, как будто неожиданно вспомнил, что у хаттов нет коленей. — Э-э-э... в переносном смысле, разумеется.

Он прочистил горло:

— Для достижения этой цели я уполномочен прибегнуть к крайним мерам. Хатты узнают, что им не позволено безнаказанно нарушать имперские законы. Закон и порядок снова будут царить на наших территориях!

На последних звенящих словах Шильда голограмма померкла. Долгую секунду два хатта смотрели друг на друга.

— Нехорошо это, тетя, — наконец произнес Джабба.

— Совсем нехорошо, племянник, — согласилась Джилиак и тихо выругалась. — И как только Шильд нашел в себе смелость выступить против нас?

— Очевидно, он теперь больше боится Палпатина, чем нас.

— Придется показать ему, что он ошибается. Мы не можем позволить Императору и его жалким приспешникам править Нал-Хаттой.

— Разумеется, не можем.

Джилиак мгновение помедлила, размышляя.

— Однако в качестве компромисса...

— Да, тетя?

— Возможно, нам удастся договориться с Шильдом. Перекупить его. Отдать ему Нар-Шаддаа и контрабандистов — мыто всегда можем найти себе еще...

Джабба облизался, как будто съел нечто невероятно вкусное.

— Тетя, мне нравится ход твоих мыслей.

— Надо послать Шильду сообщение, — решила Джилиак. — И подарки... дорогие подарки, чтобы он обратил внимание. Ты же знаешь, как он жаден. Наверняка он... образумится.

— Наверняка. Но кто передаст сообщение?

Джилиак задумалась, потом расплылась в улыбке:

— Я знаю кое-кого...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ИГРУШКИ ДЛЯ МОФФА

Хан Соло стоял перед помостом, на котором возлежала Джилиак, и глупо хлопал глазами. Челюсть кореллианина отвисла, довершая картину.

— Чего-чего вы хотите, чтобы я сделал?!

— Осторожнее, капитан Соло, — предупредил Джабба. — К госпоже Джилиак следует обращаться с почтением.

Его слова были оставлены без внимания.

— Но... но... — кипятился пилот. — Вы с ума сошли! Вы же просите меня приставить бластер к виску и нажать на крючок! Шильд контрабандистов на дух не переносит, вы же слышали. А если вы еще не заметили, ваша женственность, я, вообще-то, контрабандист. — Хан ткнул себя в грудь большим пальцем. — И если я заявлюсь к Сарну Шильду с вашими подарками и посланием, это будет последняя прогулка, которую я совершу по доброй воле! Да ни за что я туда не сунусь.

Он изумился собственному безрассудству, но требования хаттов распалили его. Да за кого эти слизни себя принимают, а?

— Капитан Соло, — Джилиак не обидели ни слова Кореллианина, ни его тон, — успокойся. Мы обеспечим тебя новой одеждой, лучшими фальшивыми документами и одним из наших курьерских кораблей. Никто не узнает Хана Соло, контрабандиста. Все, что будет известно, что ты дипломатический посланник с Нал-Хатты, должным образом облаченный правами и обязанный доставить наше послание и наши дары.

Хан громко перевел дыхание. «Ну, коли так... может быть...»

— Что будет вам стоить эта поездка? — в конце концов спросил он.

— Десять тысяч кредитов, — не моргнув глазом, ответила Джилиак.

Хан опять хватанул ртом воздух. «Так много! За какой-то полет на Корусант и обратно!» Он перевел взгляд с хаттов на Чубакку:

— Что скажешь, приятель?

Чуи был прямолинеен, как всегда. Рослый вуки ворчал, скулил и лаял, завершив триаду комментарием, что с такой суммой денег можно позволить себе и корабль купить. Но шкурой рисковать будет Хан, честно добавил он. Следовательно, Хану и решать.

Кореллианин еще раз взвесил все за и против.

— Ладно, — сказал он. — Десять тысяч. Деньги вперед.

Джабба начал было протестовать, но Джилиак жестом велела племяннику замолчать.

— Хорошо, капитан, мы согласны. Десять тысяч вперед. Когда сможешь вылететь?

— Если сегодня у меня будет корабль и документы, — мрачно отозвался Соло, — то завтра утром.

— Это легко организовать, — подытожила Джилиак.

Глава клана сдержала слово. К утру Хану доставили великолепные, без единого изъяна фальшивые документы на имя Джобекка Джонна, официального представителя хаттов, и костюм, лучше которого Соло даже не видел — не говоря уже о том, чтобы прикасаться, — а также сюртук и брюки из шерсти томуона, сшитого по последнему крику моды. Ему выделили небольшой скоростной курьерский корабль кореллианской постройки под названием «Ртуть». По предложению Чубакки за время полета Хан отрастил аккуратную щегольскую бородку, а перед тем как сойти с трапа на Корусанте, старательно зачесал волосы назад со лба и изумился собственному внешнему виду. Ни единого следа былого, контрабандист исчез, появился чиновник.

— Без бластера я чувствую себя голым, — ворчал Хан. — Но в столице запрещают носить оружие. И наверное... дипломатам ведь бластер не положен?

Чубакка горестно возвестил, что его друг выглядит неприлично опрятным и отполированным, точно лазурный камень. А вот раньше, когда он ходил косматым, точно вуки, любо-дорого было взглянуть...

— Поверь мне, дружище, я жду не дождусь, когда вновь стану собой, — вздохнул кореллианин.

Забрав подарки и голокуб с посланием от Джилиак и Верховного совета Нал-Хатты, Хан оставил «Ртуть» и на челноке спустился на Центр Империи. Возвращение в столицу пробудило множество воспоминаний, по большей части неприятных. На Корусанте его бросила Брия. Здесь по крышам небоскребов за ним гнался Гаррис Шрайк. В штаб-квартире имперского флота происходил трибунал...

Хан загодя разжился адресом моффа. Шильд владел различными особняками на нескольких планетах, но на данный момент он проживал на Центре Империи, поскольку обязан был присутствовать на юридических конференциях. Резиденцией моффу служил роскошный пентхаус одного из самых элегантных

зданий города. Преодолев многочисленные заслоны служб безопасности, Хан вручил свои верительные грамоты управляющему, пожилому мужчине, и уселся в гостиной. Только невероятное усилие воли сдерживало порыв ерзать на месте и нервно озираться по сторонам.

Пришлось ждать почти сорок пять минут, прежде чем вернулся управляющий.

— Мой господин может уделить вам несколько минут, — сообщил тот. — Вечером он убывает на Велгу-прайм.

«Мило», — подумал Хан. Велга-прайм была самым богатым планетоидом-казино, известным на всю Галактику. Управляющий провел его по анфиладе устланных коврами комнат. Хан автоматически запоминал дорогу — на всякий случай, вдруг придется очень быстро бежать отсюда. В конце концов управляющий впустил кореллианина в кабинет размером больше всей квартиры Соло на Нар-Шаддаа.

— Мастер Джобекк Джонн с Нал-Хатты, ваша светлость, — провозгласил старик.

Мофф Сарн Шильд был высок ростом, бледен, с черными прилизанными волосами и тонкой ниточкой усов. Худой до истощения. Ладони его с длинными красивыми пальцами даже с виду казались холодными. Украшений он не носил, если не считать черной жемчужины крайт-дракона в ухе. Костюм моффа был такого же отливающего благородным блеском черного цвета, что и камень.

Мофф без церемоний указал на кресло:

— Боюсь, я должен быть краток, Джонн. Я сознаю, что хатты были… благосклонны к моему правлению в прошлом, но Император ясно высказал свои пожелания. Мои руки связаны.

— Не будем торопиться, ваша светлость. — Хан тщательно следил за произношением; к счастью, он неосознанно заговорил как раньше, в бытность имперским офицером. — Я считаю, вы найдете предложения хаттов и послание, доставленное мной, как минимум интересным. Вы позволите?

Шильд сдержанно кивнул. Хан бережно поставил сверток на стол:

— Откройте, прошу вас.

— Ну что ж…

Мофф осторожно развернул подарок, и по тому, как загорелись глаза Шильда, Хан догадался, что хатты прекрасно знали его вкусы. Небольшая серебряная трубка, инкрустированная полудрагоценными камнями. Миниатюрный голографический проектор, который мог поместиться в человеческой ладони. Ожерелье из золота и платины с

оправленными в золото камнями коруска.

— Для вашей дамы, — вкрадчиво мурлыкнул Хан.

— Да, ей понравится... — пробормотал мофф.

Он просматривал запись на голокубе, инициировав ее отпечатком радужки; между бровями Шильда пролегла небольшая складочка.

— Послушайте, Джонн, — сказал он, закончив чтение. — Мне бы хотелось предоставить Нал-Хатте больше гарантий, но, как я уже говорил, у меня нет выбора. Император призвал все подчиненные ему планеты ужесточить меры против контрабандистов, торговцев оружием и прочих преступников. В мой сектор входит космос хаттов, и, к моему горькому сожалению, репутация хаттов как бесчестных существ настолько широко известна, что я не могу прикрывать их деятельность. Тем не менее в случае сотрудничества я обещаю не применять вооруженных мер к Нал-Хатте.

— Сотрудничества какого рода?

— Постараться изо всех сил стать добропорядочными, законопослушными гражданами Империи.

«Еще тот денек будет!»

— А как быть с Нар-Шаддаа? — не сдержался Хан; от страха за друзей у него пересохло во рту.

— Из Нар-Шаддаа мне придется сделать пример для других, — объявил Шильд. — К тому времени как я закончу, Луна контрабандистов перестанет быть оплотом контрабандистов. Ее обитателям несказанно повезет, если Луна сможет поддерживать разумную жизнь.

Хан постарался скрыть шок. «Что же нам делать?»

Шильд покачал головой:

— А теперь, боюсь, я вынужден откланяться. Сожалею, что вам пришлось проделать долгий путь для столь короткой беседы, но я предупреждал ваших хозяев, что в этом вопросе я буду... — он подыскал слово, — несгибаем.

Мофф встал, Хан машинально тоже поднялся.

— Сарн? — раздался голос из-за двери, ведущей в соседнюю комнату.

Кореллианин застыл на месте. «Не может быть!..»

— Я здесь, моя дорогая, — откликнулся Шильд. — Я только провожу посла с Нал-Хатты.

Дверь открылась, на пороге стояла улыбающаяся женщина.

— Сарн, милый, мы должны торопиться. Челнок уже ждет. Ты надолго?

Хан повернул голову — и впервые за шесть лет встретился взглядом с Брией Тарен.

На этот раз ошибиться было невозможно. Перед ним стояла Брия, одетая в струящееся шелковое платье с низким вырезом, в котором она казалась украшением дома Шильда, как и прочие безделушки. Платье было цвета ее глаз. Брия выглядела ошеломительно прекрасно. Она побледнела, но не перестала улыбаться. «А она хороша», — вынес решение Хан, который не сумел скрыть потрясения, но, к счастью, мофф не смотрел на него. Соло кое-как взял себя в руки, надев на лицо маску нейтральной вежливости.

Шильд представил Брию:

— Господин Джобекк Джонн с Нал-Хатты — моя... племянница Брия.

Спасли Хана годы игры в сабакк, и когда Брия протянула руку, гортанно произнеся: «Большое удовольствие познакомиться с вами, господин Джонн», кореллианин сумел склониться перед ней в вежливом поклоне.

— Это вы доставили мне несказанную радость, — сказал Хан. — Шильд, вам невероятно повезло со столь милой... племянницей.

Он заметил, как румянец залил щеки девушки.

— Вы кажетесь мне знакомым, господин, — прошептала Брия. — Мы не встречались раньше? Где я могла вас видеть?

— Разве что на плакатах о розыске, — негромко пробормотал Хан, так тихо, что Шильд не услышал.

Еще один ледяной поклон, и Соло отпустил руку Брии, хотя больше всего на свете кореллианину хотелось сгрести девушку в охапку и утащить с собой, а затем отвесил официальный поклон моффу:

— Благодарю, что уделили мне время, ваша светлость.

И решительным шагом вышел из комнаты.

Этим же вечером, но гораздо позже, Брия Тарен лежала на маленькой койке на борту яхты моффа, пытаясь подушкой заглушить рыдания. Каждый раз, когда она вспоминала взгляд Хана, хотелось выть в голос. Разумеется, он подумал о худшем — что она любовница Шильда. Рыдания сотрясали все ее тело. Ну да, конечно, он именно так и подумал. То, что все по замыслу Сарна Шильда и должны были думать.

На самом же деле сексуальные предпочтения моффа не включали в себя человеческих женщин.

Брия ездила с ним как приятный для глаз объект, который не стыдно показать имперцам, как трофей. Она следила за его домом, слушала Шильда, когда он хотел с кем-то поговорить,

управляла домашней прислугой и подчиненными и вообще облегчала жизнь моффа Сарна Шильда. Но она никогда не делила с ним постель, и это была единственная вещь, делавшая это задание выносимым.

И вот теперь... теперь Хан увидел ее и подумал худшее. Даже сознание того, что Брия передала столько информации повстанцам на Кореллии, не могло смягчить стыд и горе, переполнявшие ее.

Подушка уже вся промокла. Брия перевернула ее. Девушка лежала, уставившись в темноту на яхте моффа, которая неслась сквозь гиперпространство.

— Хан... — прерывающимся от избытка чувств голосом прошептала она. — Хан...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
АДМИРАЛЬСКИЕ ПРИКАЗЫ

По дороге на Нар-Шаддаа Чубакка с мастерством бывалого пилота вел курьерский корабль, хотя голова вуки была забита совсем другими вопросами. Чуи посмотрел на человека, которому поклялся в долге жизни, и наморщил от беспокойства нос. Хан вяло сутулился в кресле второго пилота, пустыми глазами уставившись в расчерченную пустоту гиперпространства. И пребывал он в таком состоянии уже несколько дней, с тех самых пор, как вернулся на борт «Ртути» из резиденции моффа Шильда. Соло и двух слов не сказал, а если и открывал рот, то лишь затем, чтобы отпустить саркастическое замечание, огрызнуться или пожаловаться.

Ныл кореллианин по любому поводу. Ему не нравились: еда, скорость движения, манера Чуи вести корабль, скука космического перелета, жадность хаттов... О чем бы ни заговаривал Чубакка, о том Хан имел крайне негативное мнение. Впервые с тех пор, как он познакомился с кореллианином, Чубакка всерьез спросил себя, при каких обстоятельствах можно сохранить честь и отказаться от долга жизни. То есть чтобы это было более честным, чем, скажем, убийство того, кому ты в том долге поклялся...

— Эта телега тащится, как тысячелетний хатт, — ворчал Хан. — С такими двигателями можно было и пошустрее бегать... как думаешь, сможешь выжать из нее больше скорости, если я выйду и подтолкну?

Чубакка выдержал паузу и терпеливо объяснил, что до Нар-Шаддаа лапой подать.

— Во-во, а по мне, хоть вообще ее не видеть, — горько сказал Хан.

Он встал и принялся нервно расхаживать по тесной рубке. Резко повернувшись, кореллианин стукнулся головой о дополнительный верхний пульт и разразился проклятиями. А когда сообразил, что начал повторяться, зарычал и уселся обратно.

— Вернем это ведро гаек хаттам и валим на Ход контрабандиста. Если, конечно, «Бри...» — Он поперхнулся и долго откашливался. — Если этот наш недоношенный корабль справится с астероидным полем.

Чубакка поинтересовался, чего ради им лететь на Ход контрабандиста, особо уточнив, что там наверняка обитает

Винни, а ее он хочет видеть в последнюю очередь. Вуки не был уверен, что сумеет вырваться из ее загребущих когтей.

— Слушай, друг... — голос Хана сочился ядом, — на тот случай, если тебе еще не ясно, с Нар-Шаддаа покончено. Мофф Шильд, наверное, уже приказал собрать флот возле Тета. И нам лучше отряхнуть с ног прах этой жалкой луны.

Чубакка пожелал знать, что за флот.

— У каждого имперского моффа имеется собственный «миротворческий» отряд, — пояснил Соло, не глядя водружая ноги на пульт.

Чуи с облегчением увидел, что кореллианин промахнулся по рычагу управления скоростью. Сбрасывать скорость во время гиперпространственного прыжка — не лучшая из идей.

— Значит, и у Шильда найдется один такой, — продолжал кореллианин. — Его флот, может, и не высшего класса, но для подобного сгодится.

Чубакка запутался. Почему это флот у моффа плохой?

— Потому что так делаются дела в армии. Раз пространство хаттов далеко от центра и цивилизации, в данном случае столицы, могу спорить, что Шильду сунули дряхлые корабли и старое вооружение, а игрушки поновее отправили на Рампу-1 или Рампу-2.

Рампа-1? Чуи очень удивился. Он-то думал, что волнения сейчас только на Рампе-2.

— Угу, но когда на Рампе-1 услышали, что происходит, там тоже стало весело, — буркнул Хан. — Со всеми вытекающими.

Чубакка заявил, что ненавидит Империю за то, что она сделала его рабом, и хотел бы увидеть ее крах. Соло фыркнул:

— Ага, разбежался. У Палпатина кораблей и пушек больше, чем он сам знает. Любое восстание против Империи обречено.

Вуки не поверил напарнику, о чем и сказал. Лично он считал, что в один прекрасный день имперские планеты устанут от железного кулака Палпатина, объединятся и восстанут.

— Да никогда этого не случится, Чуи, — горько вздохнул Соло. — А если у кого-то и хватит на это фантазии, тот обречен. Как Нар-Шаддаа.

Чуи ответил, что вуки от драки не бегают. Неужели его друг не хочет отплатить имперскому флоту? Чубакка уверен, что контрабандисты — пилоты куда лучше и уж стреляют всяко точнее, чем имперцы. Они бы смогли отразить атаку.

Хан смеялся до колик.

Чубакка раздраженно рыкнул, обнажая клыки.

Соло торопливо заткнулся, даже ноги с пульта снял. Чуи редко выходил из себя, а кореллианину вовсе не улыбалось

испытывать на собственной шкуре гнев вуки.

— Да не забивай ты себе голову! Что я могу поделать, если у Нар-Шаддаа нет ни шанса? Ято в чем виноват?

Вуки продолжал грозно рокотать.

— Ладно-ладно, — успокоил его Хан. — Конечно, я их предупрежу, чтобы успели унести ноги. Переговорю с Мако, как только доложимся Джилиак. Доволен?

Чуи угомонился и вернулся к управлению кораблем. Но думать не перестал и вскоре прошелся в адрес дурного настроения Хана.

— Что значит — со мной трудно жить? — вознегодовал кореллианин. — Ничего подобного!

Комментарий Чубакки был крайне меткий. Соло покраснел.

— Что значит — тут замешана женщина? — возмущенно переспросил он. — С чего ты взял?

Чуи перечислил длинный список причин, а затем выдал догадку, из-за которой именно женщины Хан пребывает в растрепанных чувствах. Соло выругался и обмяк в кресле, закрыв руками лицо. Потер лоб.

— Ты прав, Чуи, — промямлил кореллианин. — Там была Брия. С Сарном Шильдом, представляешь? Поверить не могу... как она могла?

Чубакка глубокомысленно заметил, что внешность обманчива. Хан замотал головой.

— Не сейчас, — жалко выдавил он. — Она назвала его «Сарн, милый...».

Вуки спросил, не могла ли Брия выйти замуж за моффа? Кореллианин вздохнул:

— Не-а... там были... неофициальные... отношения. Чуи, я не могу поверить! Это так... дешево!

Чубакка попытался придумать утешение и напомнил, что порой разумным существам приходится делать то, что они в общем-то делать не хотят, но сделать которые необходимо. Может быть, и с Брией так?

Хан постарался улыбнуться:

— Спасибо, дружище. Хотел бы я сказать, будто думаю, что ты прав. Но...

Он опять покачал головой и погрузился в унылое молчание.

Это был очень тихий полет до посадочной площадки Нар Шаддаа.

Не откладывая в долгий ящик, напарники отрапортовали хозяевам о поездке, как только совершили посадку на Нар

Шаддаа. Хаттам новости не понравились.

— Надо бы расследовать, что у него за флот и почему Шильд вообще решил отказаться от взяток, — заявила Джилиак. — Возвращайся через два часа, капитан Соло.

Хан не стал возражать. Свои десять тысяч кредитов он получил; счет в банке кореллианин проверил еще до отлета. Так что можно было еще чуть-чуть поугождать хаттам. Кроме того, за два часа он успеет отыскать Мако и все ему рассказать. На Мако новости подействовали еще более угнетающе, чем на Джилиак и Джаббу. Контрабандист искренне расстроился.

— Убавь громкость, Хан, — тихо попросил он, разглядывая мостики и переходы Нар-Шаддаа; оба контрабандиста стояли на небольшом балкончике ветхого дома, где располагалась квартира Мако. — Если горожане пронюхают, начнется дикая паника. А по сравнению с ней флот импов — просто тьфу, плюнуть и растереть.

— Но если их предупредить, они смогут эвакуироваться... — начал Соло, но Мако быстро покачал головой:

— Ни малейшего шанса, сынок. Многим из них просто некуда податься. Возьми того же малыша, которого вы с Чуи пригрели. Он же крысеныш с задворок, он родился и вырос здесь, на Нар-Шаддаа. И таких миллионы, Хан. И если явятся импы, чтобы преподать Нар-Шаддаа урок, погибнет куча народу.

Разговор с Мако отрезвил кореллианина, раньше он не смотрел на проблему с такой точки зрения. Им с Чубаккой невероятно повезло, они могут сесть на корабль и убраться подальше от опасности. Хан решил, что Джерика они заберут с собой, если дойдет до побега. Мальчишка начинал ему нравиться... Но что делать всем остальным, кто не сумеет выбраться? У Нар-Шаддаа имеются щиты, но долгой бомбардировки они не выдержат. Хан вдруг очень живо представил, как рушатся эти и без того шаткие башни под ударами турболазеров. Как на улицы из объятых пламенем домов с криками выбегают жители, прижимают к себе детей, прикрывают головы руками и лапами. Родианцы, салластане, тви'леки, вуки, гаморреанцы, ботаны, чадрафэны и многие-многие другие. Не считая людей. Их тут немало в том же кореллианском секторе...

Хан вернулся к Джилиак в смятении. Глава хаттов устремила на молодого пилота строгий взгляд:

— Ты сказал нам правду. Мы связались с нашим информатором на Тете, мофф действительно распорядился собрать там флот. Ему потребуется неделя или две, так как некоторые корабли находятся в патруле. Плюс еще несколько

дней, чтобы приготовиться к налету на Нар-Шаддаа. Мы примем меры, чтобы обеспечить безопасность Нал-Хатты.

«Эй, а как же Нар-Шаддаа?» Хан был готов держать пари на что угодно, что эгоистичные хатты и не подумали о Луне контрабандистов, когда речь зашла об их собственной жизни и безопасности их планеты.

— Флотом Шильда командует адмирал Винстел Гриланкс, — продолжала хаттша. — Ты когда-то был имперским офицером, Соло. Ты знаешь этого адмирала?

— Нет, — сказал Хан. — Никогда о нем не слышал. На флоте много народа.

— Верно, — сказала Джилиак. — Наши информаторы заверили нас, что адмирал Гриланкс компетентный офицер, но в прошлом не забывал и о своем кармане. Некогда он командовал эскадрами, совершавшими таможенные рейды, и нас убедили, что в нужных обстоятельствах его можно подкупить.

Хан кивнул, он не слишком удивился, а еще меньше возмутился. Довольствие у имперских офицеров смехотворное. Кореллианин слышал не об одном флотском или армейском, кто брал деньги.

— И, поразмыслив, мы хотим, чтобы ты встретился с Гриланксом, капитан, — продолжала Джилиак. — Мы хотим, чтобы ты переговорил с ним от нашего имени.

— Я?! Но...

Хана как-то не привлекала милая перспектива парадным маршем отправиться в самую гущу имперского флота. Взятка имперскому офицеру каралась смертью.

— Кроме тебя, некому, капитан Соло.

— Но...

— Никаких «но», Хан, мальчик мой, — подал голос Джабба; говорил хатт добродушно, он недавно приобрел эту подозрительную привычку. — Ты справишься лучше других. Ты служил на флоте. Мы дадим тебе форму, поддельные приказы и военные документы. Ты сумеешь пробраться к Гриланксу и передать ему небольшой подарок от нас. Ты говоришь на его языке, Хан. Ты знаешь слова, которые адмирал понимает.

— Кредиты он понимает, — буркнул Соло. — Много кредитов.

— Нас обязали действовать от имени всей Нал-Хатты, — вставила Джилиак. — Деньги не станут проблемой в вопросе... сотрудничества адмирала.

— Но... — Хан пораскинул мозгами. — Нельзя ждать, что он откажется от рейда. Мофф заметит, если адмирал не выполнит приказы. Адмирал пойдет под трибунал. А сюда пришлют флот

раза в три больше и сотрут нас в порошок!

— И преемник адмирала может оказаться невосприимчивым к нашим... доводам, — согласно кивнула массивной головой Джилиак. — Вот почему мы хотим, чтобы Гриланкс остался у руля. Но должен быть способ гарантировать поражение имперцев.

Соло нахмурился. В академии Хана, как и всех курсантов, учили гарантировать победу Империи.

— Я не знаю... — неуверенно пробормотал он.

— Нельзя ли заплатить адмиралу, чтобы он расставил корабли не на те позиции, чтобы стрелял неприцельно, еще что-нибудь? — поинтересовалась Джилиак. — Мы, хатты, ничего не понимаем в военном деле, капитан. Что может привести к желаемому результату? Чтобы имперцы не победили, но никто не догадался бы, что Гриланксу заплатили.

— Ну... — Соло еще немного хорошенько подумал. — Может, он передаст нам план сражения? С ним мы сумели бы вывести все наши корабли на нужные места и, может быть, разбить имперский флот. Может быть. Особенно если убедить Гриланкса сбежать, как только он сможет отдать приказ об отступлении.

— А при каких обстоятельствах мы не должны и пытаться нападать на имперский флот? — уточнила Джилиак.

— Если у Шильда имеется звездный разрушитель типа «Победа» или, что еще хуже, «Император», даже и не мечтайте, ваша возвышенность. Но на Внешнее Кольцо любят посылать старые корабли. Так что шанс есть.

Джаббу явно потрясли познания кореллианина.

— Еще одна причина, почему годишься именно ты, Хан, мальчик мой. Ты сумеешь оценить флот моффа, как никто другой.

Хан оглянулся на Чубакку. Можно и не спрашивать: вуки рвался в бой, он готов помочь как угодно, лишь бы спасти их обреченный дом. Хан вспомнил про космогараж Шуга и о том, как они веселились с друзьями. Да, конечно, он мечтал о добропорядочной жизни, но мечты в прошлом. Ныне он контрабандист и, вероятно, контрабандистом останется. Ему нравится им быть! Мысли о горящих башнях Нар-Шаддаа, об убитых ни за что ни про что решили за него.

— Хорошо. Я поговорю с Гриланксом.

— И напирай на то, что ни одно разумное существо в здравом уме и твердой памяти не отказывается от такого предложения, — сказала Джилиак. — Мы хорошо заплатим.

— Постараюсь, чтобы он все понял, — пообещал Соло.

— Когда сможешь вылететь? — захотел узнать Джабба. — Время дорого.

— Достаньте униформу и документы, и я улечу сегодня же вечером, — сказал Хан. — Только мне к парикмахеру нужно...

Странно было вновь надеть форму. К такому решению пришел Хан Соло, прогуливаясь три дня спустя по пермакриту имперской базы на Тете и стараясь не слишком часто теребить тугой воротник серого кителя с красно-синими лейтенантскими лычками. Кепи давило на голову. И отчаянно не хватало прежних сапог. Новые еще не были разношены должным образом и жали в носках.

Часовой у ворот просканировал ИД-карту, не слишком придирчиво изучил приказ, отсалютовал и махнул рукой, чтобы Хан проходил.

Соло разыскивал вполне определенную группу молодых офицеров. Тут должны быть челноки, направляющиеся к флагману адмирала, дредноуту «Судьба Империи», набитые младшими офицерами, сержантами и капралами, которые возвращались после увольнительной на берег. Всю следующую неделю они будут готовить свой корабль для рейда. Насколько Хан понял из наблюдений за эскадрой, она состояла из трех дредноутов («Судьба Империи», «Гордость Сената», «Миротворец»), четырех тяжелых крейсеров и множества таможенных и патрульных кораблей и парочки легких крейсеров типа «Каррака». Ну и разумеется, истребители СИД, сейчас мирно стоящие в ангарах и на летных палубах.

Конечно, не так плохо, как могло бы быть, но сил адмиралу хватит, чтобы разнести Нар-Шаддаа в пыль. Звездных разрушителей не видать; был бы хоть один, он и был бы флагманом Гриланкса.

Хан навернул очередной круг и заметил возле одного из челноков веселых молодых ребят. «Нам сюда», — подумал он и деловито пристроился сзади. Да, странное дело, но стоило надеть униформу, как плечи сами расправлялись, шаг стал чеканным, а взгляд устремился вперед.

Офицеры поднялись по трапу в салон, расселись, застегивая ремни безопасности. Сосед приветливо кивнул Хану, кореллианин улыбнулся в ответ. Экипаж дредноута — шестнадцать тысяч двести четыре человека, пройдет еще очень много времени, прежде чем кто-нибудь сообразит, что лейтенант Стью Маноск в их число не входит.

Перелет до дредноута прошел спокойно, без приключений. Сосед Хана заснул. Соло ухмыльнулся. Кажется, парень немного переусердствовал в увольнительной.

На летной палубе «Судьбы» Хан, как и все, спустился по трапу и отправился на поиски ближайшего свободного инфо планшета. Корабль довольно большой, едва ли кто-то впадет в ступор от изумления, увидев, как он изучает схему каждой палубы.

«Вот оно... палуба четыре, третий отсек».

Соло быстро направился к ближайшему турболифту. Он загрузился в кабинку, а на следующей палубе в нее ввалилась целая толпа, оттеснив кореллианина к задней стенке. Хан внезапно с ужасом понял, что знает молодого офицера, стоящего возле дверей! Тедрис Бжалин, юный лейтенантик, который скрупулезно срывал знаки различия и нашивки с кителя Хана во время трибунала.

Хан забился в самый дальний угол, прячась за спиной долговязого здоровяка, и скрестил пальцы на удачу. Лишь бы Тедрис не оглянулся... Бжалин смотрел прямо перед собой, а на следующей палубе вышел. Хан вздохнул с облегчением. «Во совпадение! Из всех людей мне должен был попасться именно тот парень, который может меня опознать!» Хотя, если вдуматься, какое тут совпадение? Тедрис родом с Внешнего Кольца. Разве удивительно, что его направили служить туда, где он знает каждую выбоину и кочку? «Надо только не попадаться ему на глаза, и порядок...»

На четвертой палубе Хан выскочил из лифта и стал искать коридор, который привел бы его в третий отсек. Нашел, свернул и прошагал до самого конца. Старшие офицеры всегда получали кабинеты с иллюминаторами. Одна из привилегий высокого звания. Хан отыскал нужную дверь, потоптался перед ней, собрался с духом, расправил плечи и нашарил в кармане футляр с подарком хаттов — красивым (и довольно ценным) мужским кольцом из платины с крупным ботанским драгоценным камнем без единого изъяна.

В приемной стоял серебристый дроид и вводил в планшет данные. Услышав шаги, секретарь поднял голову:

— Чем могу помочь, лейтенант?

— Мне нужно видеть адмирала Гриланкса, — сказал Хан.

— Вам назначено, лейтенант?

— Нет, не совсем... Но знаю, что он хочет меня видеть. У меня есть кое-что... информация... для него. Ты понимаешь, что хочу сказать?

Он многозначно подмигнул с ухмылкой, в надежде перегрузить логические цепи дроида.

Зеленые фоторецепторы дроида легонько вспыхнули, пока тот старался интерпретировать сказанное. В конце концов секретарь наклонил голову набок:

— Прошу меня извинить, лейтенант, может быть, вы лучше переговорите с адъютантом адмирала?

— Без проблем.

Дроид заторопился в соседнюю комнату, и Хан расслышал, как он с кем-то там советуется. Наконец секретарь вернулся; на серебристые пятки ему наступал до предела разгневанный старший лейтенант. Хан застыл в стойке смирно и отдал честь.

— Что здесь происходит? — рявкнул адъютант.

— Разрешите доложить, сэр, лейтенант Стью Маноск, мне нужно видеть адмирала, сэр!

— Какое у вас к нему дело, лейтенант? — пожелал знать адъютант, которого, если верить планке с именем, звали Керн Фэллон.

— Мне нужно передать адмиралу послание, сэр. Личное... э-э-э... письмо, сэр.

Хан оправданно рискнул предположить, что Гриланкс, как многие высокопоставленные офицеры, морально, как говорится, неустойчив. Если человек берет взятки, значит существует большой шанс, что в делах, касающихся женщин, он далеко не аскет.

Фэллон приподнял бровь:

— Прошу прощения, лейтенант?

Его проверяли, поэтому Хан упрямо стоял на своем:

— Она сказала, чтобы я передал письмо лично в руки адмирала, сэр.

— Она? — Адъютант резко сбавил громкость до шепота: — Малесса?

Хан удивленно захлопал ресницами и пошел ва-банк.

— Сэр, это письмо от госпожи Гриланкс! — потрясенно заявил он. — А кто такая Малесса?

«Если так зовут жену адмирала, все, приехали», — промелькнула мысль.

Но удача продолжала ему улыбаться. Старший лейтенант поперхнулся.

— От госпожи Гриланкс, ну конечно же! Я о ней и говорил, просто... оговорился. Малесса — это моя жена... оговорился, да... думал как раз о ней, вот и ошибся... подождите минуточку.

Адъютант испарился. Хан позволил себе ухмылку: «Чистый сабакк». Можно было ставить все, что угодно, что добрый старый адмирал завел себе на стороне любовницу, а то и двух. Через несколько минут Хана проводили в личный кабинет адмирала, где было просторно, уютно, а в иллюминатор можно полюбоваться на эскадру, находящуюся на орбите.

Гриланкс оказался коренастым человеком среднего роста с

редеющими седыми волосами и аккуратной щеточкой усов. Когда Хан вошел, адмирал встал из-за стола, взгляд его выдавал беспокойство.

— Вы привезли письмо от моей жены, лейтенант?

Соло набрал полную грудь воздуха:

— Сэр, я могу передать вам послание лишь наедине, сэр!

Гриланкс некоторое время разглядывал его, затем жестом велел подойти поближе и нажал кнопку под столешницей.

— Защитный блокирующий экран активирован, все волны глушатся, — сказал он. — А теперь объясните, что все это значит.

Кореллианин достал из кармана футляр с кольцом:

— Я привез вам подарок от хаттов с Нал-Хатты, адмирал. Они хотят заключить с вами сделку.

При виде кольца глаза адмирала загорелись, но он даже не прикоснулся к подарку.

— Ясно, — сказал Гриланкс. — Не могу сказать, будто удивлен. Слизни не желают, чтобы потревожили их уютное преступное гнездо, э?

Хан кивнул:

— Именно так, адмирал. И они готовы хорошо заплатить за спокойствие. Мы сейчас говорим обо всех повелителях Нал-Хатты. Они будут щедры.

Гриланкс наконец-то осмелился взять в руки кольцо, осмотреть его и надеть для пробы на палец. Кольцо оказалось точно впору.

— Вам очень идет, сэр, — подольстился Соло.

— Да, верно, — согласился адмирал, задумчиво играя с кольцом, то надевая, то снимая его. — Должен признать, что нахожу предложение хаттов... соблазнительным. Тем более что я собирался выйти в отставку на будущий год. Прибавка к пенсии... пришлась бы как нельзя кстати.

— Совершенно с вами согласен, сэр.

— Но я получил четкие, недвусмысленные приказы и не могу их игнорировать. — Гриланкс снял кольцо и протянул его Хану. — Боюсь, сделка не состоится, молодой человек.

Хана словно мешком по голове огрели, но кореллианин сохранил спокойствие. Адмирал колебался, это же ясно.

— Сэр, а что в приказах? — спросил Хан. — Может, мы сумеем придумать что-нибудь к обоюдной выгоде и отвести от вас подозрения.

Гриланкс горько и коротко рассмеялся:

— Едва ли, молодой человек. Мне приказали войти в систему хаттов, применить к Луне контрабандистов, Нар-Шаддаа, приказ «База-дельта-ноль» и затем установить блокаду Нал-Хатты и Нар-

Хекки до тех пор, пока хатты не согласятся на таможенные службы и наше военное присутствие на их планетах. Мофф не хочет чересчур уж щипать хаттов за бока, но намерен превратить Нар-Шаддаа в груду камней.

У Хана во рту пересохло. Приказ «База-дельта-ноль» означал полное опустошение планеты: любая жизнь, любые корабли, любые механизмы, даже дроиды, будут уничтожены или захвачены. Сбывался его худший кошмар.

— Адмирал... вы уже составили боевой план? — сипло выдавил кореллианин.

— Персонал еще работает над ним, — сказал Гриланкс. — Я как раз его проверял. А что?

— Хатты не отказались бы на него взглянуть. Назовите цену.

Адмирала его слова заинтриговали.

— Купить боевой план? — удивленно спросил он. — А что это даст?

— Возможно, шанс сражаться, сэр, — ответил Соло. — Потому что мы будем воевать.

— Мы? — переспросил Гриланкс. — Так вы один из них? Контрабандист?

— Так точно, сэр.

Адмирал пожал плечами.

— Я удивлен, — признался он. — Форма на вас отлично сидит.

— Благодарю вас, сэр, — искренне сказал Хан.

Гриланкс неторопливо прошелся по кабинету, совершенно очевидно размышляя, подбрасывая по ходу дела на ладони кольцо и снова ловя его. В конце концов имперец опять остановился возле посетителя.

— Говорите, ваши хозяева заплатят за этот план все, что я захочу? — уточнил он.

— Так точно, сэр. За него и за разумное, стратегически оправданное отступление вашей эскадры при первой же возможности. Остальное — наша забота.

Гриланкс хмыкнул, еще немного подумал и наконец, как будто приняв решение, надел кольцо обратно на палец.

— Ну что ж, молодой человек, сделка есть сделка. Плату я желаю получить в драгоценных камнях... небольших, которые легко продать и сложно отследить. Я составлю вам список, укажу вес и тип.

— Годится, сэр. Валяйте.

— Тогда посидите вон там. — Адмирал указал на диван в углу. — Я закончу просматривать боевой план, и вы сможете забрать его.

Хан кивнул и сел где велено. Легкость его немного удивила. Интересно, может, пора начинать мучиться подозрениями? Но адмиралом определенно двигала жадность. И Что-то еще... но Хан никак не мог понять что. Трудился Гриланкс часа два, затем встал и опять поманил Хана в защитное поле.

— Ну вот, — сказал он. — Ничего гениального, стандартная имперская тактика, но весьма рабочая. Боюсь, мы порвем любых контрабандистов в клочья.

— Это наша забота, — повторил Соло. — А ваша — придерживаться его, адмирал, а когда сумеете обоснованно отвести эскадру, так и поступите. Я вернусь с вашей платой.

— Вы пилот, не так ли?

— Уж будьте уверены, сэр. — Хан ухмыльнулся. — Вы еще пожалеете, что я не на вашей стороне.

Адмирал усмехнулся:

— Дерзкий молодой человек, да? Но лучшие пилоты всегда таковы. Что ж, хорошо, я оставлю для вас челнок вот по этим координатам. — Гриланкс приписал на листке флимси строчку. — Наденьте форму. Все необходимые коды для посадки будут в навигационном компьютере. Жду вас ровно через неделю с часа атаки. Все ясно?

— Так точно, сэр. Я все понял. И я вернусь, можете рассчитывать. Хатты перепуганы до смерти. Они заплатят и не пикнут.

«По крайней мере, ты этого не услышишь», — беззвучно добавил он.

— Замечательно. Тогда по рукам. И все же, молодой человек, По-моему, вы чересчур оптимистично оцениваете свои шансы выстоять против моей эскадры.

— Я запомню ваши слова, адмирал, — кивнул Хан. — Но нам нужен лишь шанс встретиться с противником. Большего мы не просим.

— Большего вы и не получите, — сказал Гриланкс. — Но готовьтесь защищаться изо всех сил. Я буду атаковать по-настоящему.

Хан взял под козырек:

— Так точно, сэр!

Затем он идеально развернулся кругом и чеканным шагом вышел из кабинета.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
БОЕВЫЕ ПОЗИЦИИ

Уголки широкого безгубого рта Арука уныло опустились при взгляде на отчет о доставке, высветившийся на инфопланшете. Обычно ему нравилось изучать все эти факты и цифры: квартальные, полугодовые и годовые отчеты, отчеты о прибыли на Илизии, брошюры для новых компаний, отчет о прибыльности его сети и множество других отчетов о финансовых предприятиях каджидика Бесадии... но в последнее время все труднее становилось на них сосредоточиться.

Не отдавая себе в этом отчета, Арук потянулся за следующей нала-квакшей, которых Тероенза поставлял ему с Илизии. Т'ланда-тиль оказался верен своему обещанию присылать хозяину только самых больших, самых вкусных, самых свежих жаб.

Не глядя, Арук схватил жабу. Насмерть перепуганное существо стало бешено извиваться. Открыв рот, Арук закинул туда жабу и немного покатал ее на языке, смакуя отчаянные рывки земноводного в попытке продлить свою жизнь хоть на минутку. Затем он проглотил жабу целиком.

«Вкуснятина...» — со вздохом удовлетворения подумал хатт.

Арук опять посмотрел на экран. Ну нет, эти отчеты могут подождать. Лучше вздремнуть, хотя, Вообще-то, не стоило бы этого делать. И врач, и меддроиды убеждали его чаще делать физические упражнения. Если он за день не слез со своих саней и не пополз самостоятельно, они принимались читать нудные нравоучения. Всякий раз, когда он ел жирную пищу или курил кальян, они взволнованно крутились вокруг него, канюча, что это вредно для сердечнососудистой системы. Арук прекрасно знал, что они правы, что его кровообращение уже никуда не годится: зеленоватые пятна на шкуре потемнели.

Но он же старик! В его возрасте можно уже делать что пожелаешь — курить, есть, что захочется, не делать упражнений. А еще — не читать эти дурацкие, путающие мозги отчеты.

В результате Арук решил передать финансовый отчет Дурге. Пора уже юнцу взять на себя часть обязанностей.

Стареющий хатт сожрал еще одну жабу и со вздохом закрыл глаза, погрузившись в благостную полуденную дремоту...

— Спокойствие! Слушайте меня! — проревел Мако Спинс.

Его голос, усиленный микрофоном, эхом раскатился по

громадному залу в «Замке удачи», где Хан впервые увидел представление Заверри. Отель-казино великодушно предоставил место для проведения встречи, назначенной Мако. Тот созвал представителей всех коммун — гуманоидных и не очень — на Нар-Шаддаа.

— Я сказал — спокойствие!

Потихоньку гул толпы стих. Мако подождал, пока все внимание не стало обращено на него, потом сказал:

— Так вот. Я не политик, так что понятия не имею, как произносить все эти речи. Могу только рассказать факты, которые нам известны. Согласны?

Толпа выразила согласие приглушенными аплодисментами. В одном из первых рядов готал прокричал:

— Давай, Мако!

— Хорошо. — Спинс поднял руку и стал загибать пальцы один за другим. — Первое. Жители Нар-Шаддаа, мы в беде. Не больше чем через неделю сюда прилетит эскадрилья имперских военных звездолетов, посланная с Тета нашим любимым моффом Сарном Шильдом. Этой эскадрилье приказано уничтожить нас. Не потрепать нас, не уничтожить несколько наших кораблей. Они собираются сделать так, чтобы на Нар Шаддаа больше не было контрабандных перевозок. Никогда. Они превратят планету в дымящиеся руины.

По залу прокатился испуганный ропот, пока собравшиеся контрабандисты пытались осмыслить сказанное Мако.

— Второе, — продолжил Мако. — В этот раз мы сами по себе, ребята. Хатты только что потратили кучу кредитов на установку новых планетарных щитов, за которыми они могут спрятаться на Нал-Хатте, пока имперцы палят в нас из всех орудий. Насколько я знаю, хатты наняли небольшой флот наемников, чтобы оборонять их. Но в первую очередь они рассчитывают, что имперцы удовлетворятся расстрелом Нар Шаддаа.

Поднявшийся ураган свиста, шипения и гневных воплей заглушил слова Мако. Контрабандисты громко выражали ярость, выкрикивали угрозы в адрес хаттов. Спинсу удалось снова заставить слушать себя лишь минут через пять.

— Да, да, да! Меня это тоже бесит, но что вы можете сделать? Это же хатты, чего еще от них ждать? Но тут главное вот что: что бы мы ни сделали, все в наших руках, ребята. Слизняки нам не помощники.

Ропот в толпе стал стихать.

— Так вот, третье. Мы не совсем беспомощны, ребята. Надежные источники говорят, что в эскадрилье не будет тяжелого вооружения. Никаких звездных разрушителей. Это нам на руку,

это значит, что мы еще можем показать свои когти!

Поднялось взволнованное бормотание и слилось с воинственными криками:

— Да! Сразимся с ними! Побьем их! Мы хотим драться! Эти имперцы стрелять-то не умеют! Чтобы мы бежали от горстки имперцев?! Они еще пожалеют, что напали на нас!

Мако ухмыльнулся:

— Точно, ребята. Именно так я и думал. Я собираюсь дать отпор этому флоту, и даже если я буду один против них, пусть так. Никто не сможет уничтожить меня без боя! Никто!

Крики толпы стали оглушающими.

— Да! Мако! Веди нас, Мако! Мы им покажем!

Спинс жестом попросил тишины:

— Так, все, кто хочет драться, поднимите руки, лапы, щупальца или что там у вас есть. Кто не хочет драться — я предлагаю вам собрать вещички, взять с собой семьи и уходить немедленно. Тут очень скоро станет жарко.

Хан, наблюдавший из-за кулис, с удивлением увидел, что большинство собравшихся остались. Встали и ушли всего пара десятков представителей. Мако дождался, пока они все выйдут, потом продолжил:

— Так, ребята. Во-первых, пусть те, у кого есть хоть какой-то боевой опыт, выйдут сюда, вперед. Я говорю не про бегство от пирата, который подошел слишком близко, а про опыт в настоящем сражении в космосе, особенно против имперцев. Давайте все сюда.

За несколько минут вперед вышли около сорока существ, большинство из них гуманоиды.

Отлично. Первое, что нам нужно, — это выбрать командующего. Добровольцы есть?

Один из гуманоидов, ботан, указал на старшего контрабандиста и прокричал:

— Ты, Мако! Будь нашим командующим!

Толпа на такое предложение отреагировала с энтузиазмом и принялась скандировать: «Ма-ко! Ма-ко! Ма-ко! МА-КО!»

Крики становились все громче, Хана потянуло зажать уши. Мако замахал руками, и толпа притихла.

— Все, все! — сказал он, и его зубы блеснули в широкой улыбке. — Я очень польщен, ребята. И я клянусь, что выложусь по полной ради вас. Клянусь!

Тишина снова взорвалась громогласными криками.

— Так, еще одно, и я вас пока что отпущу. Хочу познакомить вас, ребята, с моей правой рукой. Многие из вас знают его как контрабандиста с капризным звездолетом и большим мохнатым

помощником. Хан Соло, иди сюда!

Хан вышел. Они с Мако, по существу, решили, что старшего контрабандиста выберут руководить силами Нар-Шаддаа. Все шло именно так, как предполагалось.

Снова раздались громогласные выкрики и скандирование: «Мако! Хан! Мако! Хан!»

Хан помахал толпе, чувствуя, как на щеках появился румянец. Никогда раньше многотысячная толпа не приветствовала его. Будучи ассистентом Заверри, он выходил на сцену, но это было другое. Слушать аплодисменты всех этих существ было странным, но приятным ощущением.

— Так, ребята, — крикнул Мако, снова жестами призывая к тишине, — я хочу попросить моих боевых ветеранов, — он указал на небольшую кучку существ перед ним, — оставаться на связи и приходить в «Замок удачи» каждое утро. Мы будем вывешивать объявления о встречах и тренировках на дверях этого зала, согласны? Теперь давайте поаплодируем нашим храбрым добровольцам!

Снова раздались приветствия. Было ясно, что толпа почувствовала себя гораздо лучше, зная, что можно Что-то делать, а не просто сидеть и покорно ждать, когда их уничтожат.

Когда основная толпа рассосалась, Мако обратился к боевым ветеранам:

— Мы с Ханом покумекаем над планом, как нам защищаться. Через денек-другой он должен быть готов, и мы посвятим вас, а потом начнем боевые тренировки. К тому времени, когда имперцы сюда сунутся, все уже будут знать, что делать, обещаю. Если у вас, ребята, есть знакомые с боевым опытом, тащите их сюда. Все понятно?

Ветераны показали, что все поняли.

— Отлично, — сказал Мако. — В следующие пару дней приведите корабли в идеальное боевое состояние. Щиты и лазеры полностью заряжены, броня усилена... ну вы и сами все знаете. Нам нужны корабли в полной готовности. Так что давайте начнем.

— Начнем! — зашумели все.

После того как Мако отпустил ветеранов, они с Ханом направились в одну из комнат для встреч в задней части казино, где к ним присоединилось остальное контрабандистское «высшее командование», как Мако и Хан в шутку назвали свою группу. Чубакка, Роа, Шуг Нинкс, Салла Зенд, Лэндо Калриссиан, Рик Дуэль и Синюшка Ана Синь — элитарная группа опытных контрабандистов.

Мако и Хан не собирались говорить никому, кроме своего

«высшего командования», что у них имеется план имперской атаки. Прознай контрабандисты про этот план, они станут чересчур самоуверенными. А это грозит катастрофой. К тому же были среди контрабандистов и такие, кто продал бы свою бабушку за деньги, а группа не могла позволить себе утечку информации.

Хан уселся радом с Мако, и тот вывел на своем планшете голографическую схему, которую спроецировал на пространство над столом. Все присутствующие подались вперед, чтобы изучить план.

— Смотрите. — Мако указал на голографическое изображение кораблей лазерной указкой. — Имперские линейные корабли выйдут из гиперпространства вот здесь и направятся к Нар-Шаддаа. А еще шестнадцать канонерок, легкие таможенные крейсеры типа «Страж». Они выйдут из гиперпространства разомкнутым строем, чтобы окружить Нар-Шаддаа. Еще у них есть два разведывательных корабля, ими будут эти крейсеры типа «Каррака», по одному с каждой стороны — здесь и здесь. Все поняли?

— Понятно, — сказал Рик Дуэль.

— А вот здесь клином идут три дредноута и четыре тяжелых крейсера... это уже штуки пострашнее. Помните, что эти дредноуты несут по двенадцать истребителей каждый, а «Кар раки» — по четыре разведывательных СИДа. Так что против нас будет как минимум сорок четыре СИДа.

Члены «высшего командования» озабоченно переглянулись.

— Ход контрабандиста кажется мне все более привлекательным, — сказала Синюшка Ана Синь. — Имперцы не настолько сумасшедшие, чтобы послать флот в астероидное поле.

Хан решил поддержать их дух:

— Эй, мы справимся с этими СИДами. У них же нет щитов, забыли? Да, они вертлявые поганцы, но стоит их всего лишь задеть турболазерным огнем, и... — он картинно развел руками, — бум!

Мако кивнул:

— Хану доводилось летать на СИДах в боевых ситуациях, а я тренировался на них, когда был в академии. И мы еще живы только потому, что больше на них не летаем. Пилоты СИДов очень-очень хороши... по большинству из них это не мешает становиться очень-очень мертвыми.

— Ну ладно, — вступил Калриссиан. — Теперь мы знаем, с какими силами к нам пойдут имперцы и как они собираются до нас добираться. Ну и как мы будем с ними драться, если у нас только грузовики и несколько одноместных истребителей типа

того, который строит Роа?

Все повернулись, чтобы посмотреть на старшего контрабандиста.

— Ага, я уже почти закончил с ним. Классный будет кораблик, — похвастался Роа.

— Как назовешь? — спросила Синь с озорной улыбкой.

Роа ухмыльнулся в ответ:

— «Льюилл», конечно.

Роа и его любовь, Льюилл, то расходились, то снова сходились на Нар-Шаддаа уже более десяти лет. Все знали Льюилл. Прелестная блондинка была одной из немногих обитателей Луны контрабандистов, кто жил в ладах с законом, зарабатывая честные деньги на честной дневной работе. Роа годами упрашивал ее, чтобы она жила с ним, но Льюилл никогда не сделает этого. Она встречалась с ним, но она встречалась и с другими мужчинами, и Роа это очень задевало.

И все же он никак не мог себя заставить сделать последний шаг и попросить ее руки. Хан и другие контрабандисты дразнили Роа за его нерешительность. Все его друзья знали, что Льюилл — лучшее, что было у Роа.

— Ты собираешься лететь против СИДов на «Льюилл»? — спросил Мако. — А что скажет на это настоящая Льюилл?

Роа вздохнул и выдал друзьям жалкое подобие улыбки.

— Поверьте, она много чего нашла сказать. Вы не поверите... но прошлым вечером я наконец решился и попросил Льюилл выйти за меня замуж.

Вокруг стола пробежал шепоток изумления.

— Не мучай нас, что она сказала?! — воскликнула Синь.

— Она отказала, — сказал Роа; на широком открытом лице старшего контрабандиста появилось понурое выражение. — Она сказала, что не хочет остаться вдовой.

— Я бы не стал ее винить за это, — сказал Лэндо.

Никто из контрабандистов, собравшихся в комнате, не был женат, и это было не случайно. Они жили на грани, а при этом невозможно поддерживать Что-то, хотя бы приблизительно напоминающее нормальную семейную жизнь. Чубакка повернулся к Хану и заговорил с прямотой. Кореллианин переводил для тех, кто не понимал ширивук:

— Роа, Чуи говорит, что, если бы ты был вуки, тебе пора было бы остепениться. Он думает, что Льюилл слишком хороша, чтобы ее терять. Она ему нравится.

Роа улыбнулся:

— Он прав. Она слишком хороша, чтобы ее терять. Вот поэтому эта битва и будет моим последним действием в качестве

контрабандиста, ребята. Если я в ней выживу, я собираюсь завязать с такой жизнью и заделаться честным тружеником.

Его выслушали с громадным удивлением: было странно слышать такие слова из уст старшего контрабандиста. Все знали, как Роа любит такую жизнь, — жизнь, которую он сам выбрал для себя.

— Ага, именно так я и сделаю, — настаивал Роа. — И Льюилл говорит, что если так, то она будет моей женой.

— Ну тогда... поздравляю! — сказал Лэндо. — Отличные новости. Тебе досталась прекрасная женщина, Роа.

Контрабандисты эхом повторили поздравления молодого игрока.

— Я знаю, что мне повезло, — согласился Роа. — Так что... все, что мне надо сделать, — это выжить в бою.

— Кстати, о бое. Давайте все же вернемся к обсуждению, — сказал Мако. — И придумаем, как нам побить имперцев.

— У нас есть немалое преимущество — элемент внезапности, — заявил Роа.

Мако уставился на него:

— Мы знаем, когда они придут сюда. Но... они нападают на нас. Как, по-твоему, мы их удивим?

Роа тепло улыбнулся и махнул рукой в сторону потолка:

— Думайте, друзья, пораскиньте мозгами! Что у нас там сверху?

— Щит, который давным-давно требует хорошего ремонта, — хмуро отозвался Мако.

— А над ним?

— Транспортные указатели, — добавил Хан.

— Еще дальше.

Хан задумался, потом его лицо медленно расплылось в улыбке. Салла засмеялась:

— Поняла! Космический мусор! Десятки... сотни... разбитых звездолетов и их кусков.

Роа кивнул высокой контрабандистке:

— Точно. В этом мусорном поясе вокруг Нар-Шаддаа столько космического хлама, что там могут спрятаться корабли, — за ним, под ним или в его тени, где угодно. А потом они выскочат и застанут имперский флот врасплох.

Чуи громко, раскатисто рыкнул.

Теперь уже Мако оживленно кивал:

— Думаю, в этом Что-то есть. Может, и сработает. Особенно если мы выпустим парочку кораблей, судорожно пытающихся скрыться, — это будут грузовики — и имперцы, приняв их за гражданских, погонятся за ними, пока не окажутся там, где нам

надо, а потом, — он ударил кулаком по воздуху, — бац! Мы выскакиваем и задаем им взбучку!

Старший контрабандист с нетерпением набил в планшет описанную Роа операцию. «Верховное командование» смотрело, как в поле зрения выплыло кольцо мусора вокруг Нар Шаддаа. Имперские канонерки приблизились в погоне за двумя маленькими грузовозами, сходясь на правом полушарии (если глядеть прямо на Нал-Хатту). Внезапно множество разнообразнейших грузовиков и других кораблей буквально выпрыгнули из своих укрытий и бросились на имперские суда.

— Так, это должно помочь нам избавиться от некоторых из канонерок, — протянул Хан. — А вот что мы будем делать с разведчиками и этим вот клином линейных кораблей, дредноутами и тяжелыми крейсерами?

Воцарилась мрачная тишина. Наконец Мако заговорил:

— Я знаю, что хатты обратились к наемникам — может быть, пиратам, — чтобы защищать Нал-Хатту. Слизнякам нет никакого дела до Нар-Шаддаа, их заботят собственные драгоценные шкуры. Но если у командира наемников есть хоть немного мозгов, он поймет, что мы можем неплохо усилить его огневую мощь. Может, у нас получится подбить его, кто бы он ни был, принять участие в нашей драке. По крайней мере, стоит попытаться.

Лэндо угрюмо смотрел на ползущие на голограмме дредноуты и тяжелые крейсеры, приближающиеся к Нар-Шаддаа.

— У пиратов, наверное, мощное вооружение...

Мако кивнул:

— Именно так. У них, вероятно, есть захваченные имперские корабли, которые они вполне могли модифицировать. У них даже может быть тяжелое вооружение, типа протонных торпед. Но это вооружение явно будет сильно ограниченно. Не пойдешь в магазин и не купишь протонные торпеды, чтобы вооружить имперские суда, переделанные под пиратов. Имперцы, знаете ли, почему-то не любят, когда против них используют их собственные корабли. — Он сказал это так сухо, что за столом раздались смешки.

Хан разглядывал клин линейных кораблей.

— У всех этих судов главные орудия стреляют вперед. Плохо, что мы не можем организовать атаку с флангов. У нас не хватит на это кораблей, если большая часть нашего флота сцепится с канонерками и СИДами.

— Вот на это мы и можем попробовать уговорить наемников, — задумчиво проговорил Мако. — Если они атакуют имперские фланги, у них будет приличный шанс повредить один из этих больших кораблей, а потом они смогут его забрать себе. Ручаюсь,

им это понравится.

— В общем, да. Это если мы сумеем организовать какую-нибудь диверсию, чтобы пираты могли зайти с флангов, — заметил Хан.

Рик Дуэль погладил свою короткую элегантную бородку:

— Нам бы еще один флот, чтобы пошел на них прямо в лоб.

— Нет у нас столько кораблей, чтобы так разделять наши силы, — возразил Роа. — Если мы их разделим, скорее всего, потеряем все.

— А если нет, то, скорее всего, потеряем Нар-Шаддаа, — высказался Лэндо. — Я не бывший имперский офицер, как Хан, но кажется мне, что надо сделать все возможное, чтобы эти большие корабли не стали палить по защитным экранам нашей луны. Экраны-то старые, им не так уж много и надо. А потом нас попросту распылят.

— Лэндо прав, — поддержал его Шуг Нинкс. — Нужно как-то отвлекать большие корабли, чтобы наемники — или кто там еще — могли напасть с флангов. Может, у нас получится... не знаю... как-то завладеть их вниманием?

— Ну, строй кораблей, идущих прямо на них, явно должен завладеть их вниманием, — сказала Салла. — Только где мы их возьмем? Корабли понадобятся нам здесь, — она показала участок на голографическом дисплее, — чтобы драться с канонерками и СИДами.

Хан сидел, уставившись на голограмму, думая о том, каким реальным казался миниатюрный имперский флот, вплоть до малюсеньких СИДов.

«Жаль, что нельзя показать имперцам голограмму, чтобы они думали, будто на них нападают...»

Внезапно его осенило.

— Точно! — завопил он. — Это может сработать!

Разговоры вокруг стола стихли, и все дружно уставились на кореллианина. Хан весело ухмыльнулся:

— Кажется, я знаю, кто нам даст силы для лобовой атаки. Правда, их можно будет использовать как диверсию, только чтобы отвлечь эти тяжелые крейсеры!

Чубакка понял, куда клонит Хан, ударил кулаком по столу и одобрительно зарычал. Однако остальная группа смотрела на Хана в полнейшем недоумении.

— Ты о чем? — спросил Лэндо.

Хан не ответил, вскочил на ноги и махнул Мако:

— Мне надо позвонить — есть коммуникатор? Управляющий «Замка удачи» с радостью позволил Хану воспользоваться его коммуникатором. Все большие казино знали, что готовящаяся

атака имперских войск не обернется для их бизнеса ничем хорошим.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
СНЫ И КОШМАРЫ

Брия Тарен стояла рядом с Сарном Шильдом на обзорной платформе космической станции, расположенной на орбите планеты Тет. Обзорная платформа была по большей части покрыта силовым полем, так что между ней и вакуумом визуально ничего не было. Можно было смотреть вперед, налево, направо, вверх и не увидеть ничего, кроме черноты космоса или медленно поворачивающейся громадины планеты. Молодая женщина поежилась, подумав о той холодной безвоздушной пустоте, что простиралась в каких-то метрах от нее.

Но, несмотря на неуютное чувство, которое она испытывала, с лица ее не сходила улыбка восхищения. Когда Брии дали это задание, она уже была неплохой актрисой, способной не задумываясь скрывать свои истинные чувства.

«Теперь я так напрактиковалась, что уже заслуживаю актерской премии. Жаль, что не существует премии „Подпольный агент года"...»

Эта мысль показалась ей настолько забавной, что на коротенькую секунду ее улыбка превратилась в искреннюю.

Мофф Шильд обнял ее одной рукой и сжал ее плечи, другой рукой указывая вперед:

— Смотри, дорогая! Вот они!

Горстка привилегированных на обзорной платформе начала аплодировать, когда в поле зрения вплыл имперский флот. Брия усердно улыбалась и хлопала, глядя, как канонерки, разведывательные суда, тяжелые крейсеры и дредноуты медленно скользят по направлению к платформе. Истребители вились вокруг больших судов, как насекомые-кровопийцы, кружащие около стада скота.

Шильд восхищенно улыбался, разглядывая свою эскадру. Он снова сжал плечи Брии, и она смогла сдержаться и не отпрянуть только усилием воли.

— Сегодняшний день станет началом новой эры закона и порядка во Внешнем Кольце, дорогая! — сказал он голосом заправского политика и добавил, понизив голос до заговорщицкого шепота: — И началом новой жизни для нас, Брия!

Брия метнула на моффа вопрошающий взгляд:

— Правда, Сарн? Почему же?

Он говорил тихо, но его голос все равно звучал напряженно:

— Когда мой флот уничтожит Нар-Шаддаа и поставит хаттов на... ну, в общем, подчинит их, никто не станет сомневаться в моей власти в этом секторе. А когда я залезу в хранилища хаттов — по крайней мере, в хранилища небольших кланов и Десилиджика, — я смогу увеличивать свои военные силы до тех пор, пока не сумею потягаться с врагом посерьезней, чем кучка воришек и контрабандистов.

«И почему он всегда говорит, как будто на заседании?» — подумала Брия, а вслух спросила:

— Десилиджик? Может, заодно и Бесадии?

— В частном официальном сообщении Император дал ясно понять, что Бесадии нельзя трогать. Они ему полезны — поставляют Империи тренированных рабов. Бесадии должны продолжать процветать.

Брия сделала мысленную зарубку: передать эту информацию Риону как можно скорее. «Получается, Палпатин запустил свои руки даже во внутренние дела хаттов. Интересно, есть хоть что-нибудь, что он не пытается обернуть на пользу себе?»

— Ну, в этом есть смысл, — проговорила она.

— Да уж, Император — хитрый человек, — продолжал Сарн полушепотом. — Но... возможно... недостаточно хитрый.

— Что ты имеешь в виду, Сарн? — удивилась Брия.

Он улыбнулся своей «официальной» улыбкой, но Что-то в его глазах не давало Брии покоя.

— Боюсь, что с усилением повстанческих движений на внутренних мирах и внутренними политическими междоусобицами в высших эшелонах наш дорогой Император пытается откусить кусок, который ему не по зубам. Он теряет контроль над Внешним Кольцом. Имперские силы настолько распылены в этом секторе, что умелый лидер с военной мощью за спиной может запросто... отделиться... от Империи.

Глаза Брии округлились. Он же говорит о восстании! Он что, не понимает, что несет?

Шильд принял ее вид за удивленное восхищение и просиял.

— О, не думай, что я об этом не раздумывал, дорогая. Почему бы Внешнему Кольцу не стать еще одним Корпоративным сектором, никак не связанным с Империей? Если у меня будет достаточно военной мощи, я смогу привести Внешнее Кольцо к независимости и процветанию — это будет великолепно!

У Брии отвисла челюсть. «Во имя Зендора, что на него нашло? Сарн всегда высоко задирал нос, но сейчас он как будто совсем сошел с ума!» А может быть, на него как-то... воздействовали? Есть же всевозможные расы, обладающие телепатическими способностями. Но она никогда не слышала,

чтобы кто-то из них мог сотворить нечто подобное. Может, Шильд просто двинулся мозгами? Вот такое вполне возможно.

Но огонь в темных глазах Шильда был не похож на огонь в глазах безумца, скорее он говорил о человеке, который четко видит перед собой цель.

— А приведя Внешнее Кольцо к славе, дорогая моя, — он снова сжал ее плечи, — возможно, мне стоит обратить внимание на... скажем так, на более заселенные части Галактики. Здесь, в Империи, есть планеты, которые недовольны, которые ищут нового правителя. Я мог бы стать этим правителем.

«Поверить не могу! Он хочет бросить вызов Императору!»

Было страшно даже просто стоять здесь и слушать Шильда. У Палпатина везде были уши. Без всякого сомнения, Император узнает о чрезмерных амбициях Шильда и уничтожит его так же легко, как убивают надоедливое насекомое.

Имперский флот величественно плыл мимо них. Шильд отпустил Брию и шагнул вперед, встав на самом краю платформы. В форме моффа он выглядел стройным и элегантным. Он салютовал пролетающим мимо войскам.

Брия стояла позади, около выхода, и холод, страх на грани паники росли в ней до тех пор, пока она едва могла сдержаться, чтобы не убежать, не оставить Шильда самому расхлебывать последствия своего эгоизма.

«Узнаю, что конкретно он задумал, и уйду», — пообещала она себе.

Брия посмотрела на Шильда и поняла, что теперь воспринимает его как человека, подхватившего ужасную неизлечимую болезнь. Ходячий мертвец. Ей было даже жаль, что он подхватил эту «болезнь», эту жажду власти. Мофф всегда обращался с ней хорошо, и ее задание могло бы быть куда как хуже. В какой-то безумный момент она хотела даже отговорить Шильда, но тут же отринула эту мысль. Мофф знал, что она умна, и ценил это, но в нем было достаточно мужского шовинизма, чтобы никогда не слушать женщину, которая была для него ширмой, скрывающей его сексуальные отклонения.

Флот уже почти ушел из зоны видимости. Через несколько минут они выйдут из гравитационного колодца Тета. Тогда они совершат прыжок в гиперпространство, на первый отрезок длинного пути до системы И'Тоуб. Во Внешнем Кольце системы были раскиданы дальше, нежели в более плотно заселенных центральных частях Галактики.

Брия снова поймала себя на том, что думает о Хане. Она частенько это делала. Разумеется, его уже нет на Нар-Шаддаа. Он улетел к своим хозяевам-хаттам, привез им предупреждение

Шильда и убрался оттуда. У него хорошо развит инстинкт самосохранения. Он же не сделает какую-нибудь глупость, вроде попытки сразиться с имперской эскадрой? Не станет он такое делать.

«Ведь не станет же?»

Брия облизала сухие губы. В поисках стим-чая она медленно прошла мимо массивных дверей в зал, где проходил великолепный прием. Мелкими глоточками попивая стим-чай, Брия снова и снова пыталась убедить себя, что Хан давно покинул Нар-Шаддаа и адмирал Гриланкс с его войсками не достанут его.

Но в глубине души она в это не верила. Неожиданно Брия вспомнила, как их корабль собирались захватить работорговцы, как Хан вытащил бластер и сжал зубы… вспомнила, как он поклялся: «Без боя они меня не получат!»

Шансов у них тогда было примерно сорок против трех…

Руки тряслись так сильно, что Брия была вынуждена поставить чашку на стол. Она прикрыла глаза, пытаясь восстановить душевное равновесие.

«Что, если он и сейчас станет драться? Что, если его убьют? А я, скорее всего, никогда не узнаю».

И эта мысль была самой жуткой…

Капитан Сунтир Фел стоял на мостике дредноута «Гордость Сената», готовящегося вслед за командирским кораблем уйти в гиперпространство. Облаченный в строгую серую униформу, на которой цветными пятнами выделялись знаки различия, Фел представлял собой внушительное зрелище, вселявшее уверенность в подчиненных.

Фел — высокий, мускулистый, широкоплечий мужчина, невероятно сильный — был одним из самых молодых офицеров, получивших звание капитана в имперском флоте. Черные волосы, темные глаза, жесткие, почти красивые черты лица, — казалось, он сошел с вербовочного голоплаката имперского военного флота. Фел был хорошим, добросовестным офицером, и подчиненные любили его. С пилотами СИДов у него сложились особенно дружеские отношения. Сунтир Фел когда-то и сам был пилотом СИДа, и о его подвигах и достижениях ходили легенды.

В какой-то мере ему хотелось бы снова оказаться сейчас в пилотской кают-компании, расслабиться, шутить и попивать стим-чай с другими. Фелу не нравилась его нынешняя должность. Тому было много причин. Например, то, что этот дредноут был не чем иным, как раздолбанным старым корытом, особенно по сравнению с новыми имперскими звездными разрушителями. Фел

много отдал бы, чтобы командовать одним из таких звездолетов!

Но в то же время он поставил перед собой задачу сделать как можно больше и на «Гордости»; он только надеялся, что ему дадут такую возможность. Фел изучил план сражения адмирала Гриланкса и не впечатлился. Конечно, план был разработан на основе точной информации, но, по мнению Фела, он был слишком негибким, слишком зависел от нескольких допущений, которые Фел считал зыбкими, а то и вовсе ошибочными.

Во-первых, Гриланкс был уверен, что контрабандисты представляют собой абсолютно неорганизованное сборище, которое ни в коем случае не смогло бы провести организованную атаку. Сунтир Фел побывал командиром таможенных патрулей (как и Гриланкс) и знал, что многие из контрабандистов ничем не уступают выпускникам имперской академии. Они обладают молниеносными рефлексами и отчаянной храбростью, они превосходные стрелки — все это делает их опасными в бою. Они сильны и независимы, а если они еще и найдут себе мудрого командира, вполне могут оказать сопротивление, с которым придется считаться.

Во-вторых, Гриланкс был уверен, что контрабандисты никак не смогут противостоять его силам, а следовательно, нет смысла пользоваться эффектом неожиданности. По плану адмирала их эскадра должна была выйти из гиперпространства в зоне действия датчиков Нар-Шаддаа. Фел считал, что это допущение приводит к чрезмерной самоуверенности. А это частенько приводило к катастрофам во время боя.

Самой большой проблемой Фел считал выполнение приказа «База-дельта-ноль» на Нар-Шаддаа. Он знал, что этот приказ исходит не от Гриланкса, он был отдан моффом сектора. Но на месте адмирала Фел, по крайней мере, попробовал бы убедить Сарна Шильда изменить эту инструкцию. Директива Императора требовала пресечь контрабандистские операции на Нар-Шаддаа и на других базах, принадлежащих им. Особенно это касалось торговли оружием. В директиве ничего не было сказано о том, чтобы уничтожить целую луну. У Фела был большой боевой опыт, и он прекрасно понимал, что большинство рас будут, как загнанный в угол кореллианский врельт, до последнего биться за свои дома и семьи. На Нар Шаддаа жили миллионы разумных существ, многие из которых почти не имели отношения к контрабанде. А старики, а дети... Сунтир Фел нахмурился.

Это будет его первое массовое убийство по приказу Империи. Ему повезло, что удавалось избегать этого так долго.

Разумеется, Фел выполнит приказ, но радоваться по этому поводу он не станет. Он-то знал, что каждый раз, как он станет

отдавать приказ стрелять, его будут преследовать образы горящих зданий. А потом... им придется послать вниз десантные челноки и пехоту для зачистки, и ему, Фелу, как добросовестному командующему, придется проследить за этим.

Картинки с дымящимся каменным крошевом, усыпанным почерневшими трупами, заполнили мысли, теснясь в голове. Он глубоко вздохнул. Строго приказал себе прекратить думать об этом.

«Ты ничего не сможешь поделать. Незачем себя мучить...»

На глазах Фела «Судьба Империи» резко ускорилась и пропала из виду, уйдя в гиперпространство. За ней последовал «Миротворец». Фел с облегчением подумал, что теперь-то ему есть чем заняться, что отвлечет от подобных мыслей. Он кинул взгляд на навигатора:

— Курс проложен, коммандер?

— Так точно, капитан.

— Отлично. Коммандер Роск, приготовьтесь к прыжку на скорость света по моей команде.

— Есть, сэр.

Фел следил за координатами, мелькающими на навигационных панелях.

— Включить гиперпривод.

— Есть, сэр.

Звезды превратились в длинные полоски, и впервые на большом корабле стала ощущаться жуткая скорость.

Выполнение задания по уничтожению Нар-Шаддаа началось.

Адмирал Винстел Гриланкс стоял на мостике собственного дредноута, разглядывая линии, в которые превратились звезды в гиперпространстве. У адмирала были сомнения по поводу этого задания, сомнения, вовсе не похожие на те, что испытывали его капитаны Рельдо Довлис и Сунтир Фел.

Гриланкс знал, что Фел невысоко оценил выработанную адмиралом стратегию. Довлис — офицер постарше, с гораздо менее развитым воображением, ему достаточно просто следовать приказам, не обсуждая. Так что с его стороны Гриланкс проблем не ожидал. А вот Фел... Здесь могут возникнуть трудности.

Гриланкс вздохнул. Если бы это задание было таким же коротким и простым, каким оно кажется на первый взгляд! Прилететь к Нар-Шаддаа, уничтожить зарвавшихся контрабандистов, потом блокировать систему И'Тоуб. Но на деле-то все гораздо сложнее.

Мофф Шильд позвал его к себе в офис на Тете, чтобы отдать

Гриланксу приказ. А меньше чем через день после этого адмирал получил сообщение, закодированное самым секретным имперским кодом, с пометкой «Совершенно секретно», присланное со всеми возможными мерами предосторожности на личный комлинк Гриланкса. На послании стоял настолько секретный код, что адмирал не решился дать кому-либо из своего персонала расшифровать сообщение. Даже своему ближайшему помощнику или дроиду-секретарю. Нет, он взял ключ к коду и усердно расшифровал все послание сам, написав расшифровку вручную на листке флимси. Как было предписано, адмирал не делал никаких копий послания — уничтожил листок сразу по прочтении.

Адмирал проверил и перепроверил коды, думая, что туда закралась ошибка. Но все было в порядке. Это сообщение пришло из высших эшелонов имперской разведки. Внешсвязь — та ветка аппарата имперской безопасности, которая отвечает лишь лично перед Императором или перед его правой рукой — Дартом Вейдером.

Гриланксу никогда за всю его карьеру не приходили подобные сообщения — а он прослужил в военном флоте больше тридцати лет.

Он запомнил сообщение, и это не составило никакого труда, потому что оно было коротким.

Послание гласило:

«Адмиралу Винстелу Гриланксу, совершенно секретно, уничтожить по прочтении. Касательно задания на Нар-Шаддаа/ Нал-Хатте.

Вам предписывается ради вашей Империи вступить в бой с врагом и потерпеть стратегическое поражение. Минимизируйте имперские потери и организованно отступите.

Повтор: вы должны ПРОИГРАТЬ, адмирал. Не пытайтесь удостовериться в подлинности этого приказа. Не обсуждайте его ни с кем. Извинения в случае неудачи не принимаются.

Исполняйте».

Гриланкс тщетно пытался понять, что все это означает. Кто то, находящийся очень высоко, хочет, чтобы выступление Сар на Шильда против хаттов провалилось. Кто? И зачем?

Гриланкс не являлся счастливым обладателем сильного воображения или ума, но у него хватило сообразительности смекнуть, что, расскажи он Сарну Шильду об этом приказе, его примут за сумасшедшего. У него не было доказательств получения приказа. Закодированное сообщение было невозможно скопировать, разве что вручную, и оно должно было исчезнуть в течение нескольких минут после загрузки.

А потом пришла взятка от хаттов. Вот это ирония! Какой шанс увеличить накопления на старость в тысячи раз, а то и больше! Даже если бы ему не пришел этот секретный приказ, Гриланксу было бы трудно отказаться от хаттского предложения.

Могут эти два случая быть как-то связаны между собой? Или это было всего лишь невероятное совпадение?

Гриланкс никак не мог понять и поэтому очень нервничал по поводу всего этого. В его голове проносились десятки планов, но он тут же их отметал как слишком рискованные. Может быть, стоит связаться с высшим командованием? Рассказать моффу? Увести «Судьбу Империи» куда-нибудь подальше и сбежать на челноке? Последний вариант казался наиболее приемлемым — он мог обеспечить то, что адмирал останется в живых. Можно улететь, например, в Корпоративный сектор. Куда-нибудь очень-очень далеко.

Но если он так сделает, быстро понял Гриланкс, за его побег заплатит его семья. Его сын, дочь и жена. Возможно, даже две его любовницы. Гриланкс не слишком любил жену, но и вреда он ей не желал. И он очень любил своих детей, которые уже выросли и обзавелись собственными семьями. Вот-вот должен был родиться его внук.

Нет, решил адмирал, он не может рисковать ими. Если бы он сохранил листок с расшифровкой и показал его моффу, он тем самым подписал бы смертные приговоры им обоим. Служба имперской безопасности действовала быстро и жестоко. Гриланкс с семьей мог сбежать хоть на край Вселенной, все равно штурмовики их найдут. Ему оставалось только повиноваться и надеяться на лучшее.

Стоя на мостике своего корабля, адмирал Винстел Гриланкс думал о молодом контрабандисте, который привез ему предложение хаттов. То самое предложение, от которого он не смог отказаться. Не понял ли этот молодой человек, что Гриланкс Что-то недоговаривает? Он явно умен. И Гриланкс поклялся бы, что ему и раньше доводилось носить имперскую форму. Почему он ушел из армии и очутился вне закона? Адмиралу было неприятно думать, что этот молодой контрабандист может оказаться одним из разумных существ, которых ему придется убить, чтобы атака на Нар-Шаддаа выглядела правдоподобно.

Гриланкс разглядывал вытянутые следы звезд, раздумывая... и волнуясь. Как его угораздило впутаться в это? И как, во имя всего святого, ему теперь выпутываться?

Дурга работал в своем кабинете, когда туда поспешно

вкатился дроид-служитель.

— Хозяин! Хозяин! Господин Арук заболел! Пожалуйста, идите за мной!

Юный хатт бросил планшет и быстро пополз за дроидом по бесконечным коридорам громадной резиденции клана Бесадии. Он нашел своего родителя лежащим поперек репульсорных саней с закатившимися глазами. Личный врач Арука, хатт по имени Гродо, занимался потерявшим сознание главой Бесадии; ему помогали два медицинских дроида.

— Что случилось? — едва переводя дух, потребовал ответа Дурга. Он буквально подлетел к ним, отталкиваясь от пола хвостом и передвигаясь длинными, быстрыми, скользящими движениями. — Он поправится?

— Мы еще не знаем, господин, — коротко ответил врач.

Он старательно работал над лежащим хаттом, делая ему уколы и вводя кислород. К животу Арука был прикреплен аппарат, посылающий несильные разряды в это массивное тело, чтобы поддерживать у Арука стабильное сердцебиение. Покрытый зеленой слизью язык Арука безжизненно свисал изо рта. Это зрелище перепугало Дургу. Юный хатт заставил себя остановиться в нескольких метрах, чтобы не мешать.

— Он разговаривал со своим секретарем, давая указания по работе, когда неожиданно, по словам дроида, просто свалился.

— Что, по-вашему, послужило причиной? — спросил Дурга. — Вызвать охрану, приказать оцепить дворец?

— Нет, господин, — ответил ему Гродо. — Причиной стал какой-то припадок, связанный с мозгом, подозреваю, что это из-за плохого кровообращения. Вы знаете, я предупреждал вашего родителя о...

— Да, да, я помню, — перебил Дурга. В волнении он схватил край низкого столика и понял, что сжимает его, только когда твердое дерево раскрошилось у него в руках.

Несколько минут спустя Арук вдруг моргнул, пошевелился и медленно поднялся с удивленным видом.

— Что?.. — с трудом проговорил он. — Что случилось?

— Вы упали, господин, — пояснил Гродо. — Что-то с мозгом. Причиной может быть недостаток кислорода в мозгу.

— И вызвано это, конечно же, плохим кровообращением, — фыркнул Арук. — Ну... Теперь все в порядке. Кроме того, что у меня голова раскалывается.

— Я могу дать вам какое-нибудь не слишком сильное болеутоляющее, — предложил врач и взялся за шприц.

Через мгновение Арук вздохнул с облегчением:

— Намного лучше.

— Господин Арук, — строго сказал врач, — вы должны пообещать мне, что будете больше заботиться о себе. Пусть это послужит вам предупреждением.

Арук зарычал:

— В мои годы я могу...

— Пожалуйста, отец! — взмолился Дурга. — Послушай Гродо! Ты должен подумать о себе!

Глава Бесадии снова фыркнул, потом вздохнул:

— Хорошо. Я обещаю заниматься как минимум полчаса каждый день. И я не буду больше курить кальян.

— И жирная пища! — победно воскликнул врач, пользуясь моментом.

— Хорошо, — прорычал Арук. — Все, кроме моих любимых нала-квакш. От них я не откажусь.

— Думаю, мы можем позволить вашему великолепию одно блюдо, — уступил Гродо, щедрый в свете своей победы. — Если вы откажетесь от любой другой жирной пищи, можете ежедневно есть разумное количество нала-квакш.

Дурга был так рад видеть Арука выздоравливающим, что подполз прямо к родителю и положил маленькую руку на его массивную шею.

— Ты должен заботиться о себе, отец. Я буду заниматься с тобой. Тогда тебе будет интереснее.

— Ладно, дитя мое, обещаю лучше заботиться о себе, — улыбнулся Арук.

— Ты нужен Бесадии. Ты величайший глава клана, отец!

Арук заворчал себе под нос, но Дурга понял, что на самом деле ему приятна забота отпрыска.

Молодой хатт оставил родителя в руках врача и медицинских дроидов-подручных и, потрясенный, вернулся к себе в кабинет. На какой-то миг ему показалось, что Арук умирает, что ему, Дурге, придется в одиночку вести дела Бесадии. Дурга со страхом понял, что не готов к этому.

«Особенно во время такого кризиса, — подумал он. — К Нар-Шаддаа может уже лететь имперский флот...»

Арук велел своему отпрыску не волноваться, сказал, что имперцы не тронут Бесадии или Илизию.

— Мы поставляем им рабов, а Империи рабы нужны. А значит, Империи нужны Бесадии.

Дурга всем сердцем надеялся, что это так...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ТВОРЯ КОЛДОВСТВО

Хан, Чубакка и Салла Зенд стояли на продуваемой холодным ветром посадочной площадке и наблюдали, как опускается трап на «Фантазме». Вскоре в проеме шлюза появилась женщина с длинными волосами. Увидев Соло, женщина помахала ему рукой.

— Это она, порядок!

Вуки, не слушая напарника, уже топал к кораблю, дружески и приветственно рыча.

— Соло! — крикнула новоприбывшая. — Чубакка!

— Заверри! — прокричал Хан в ответ, припустив трусцой за другом; кореллианин даже не ожидал, что так обрадуется встрече.

Взять себя за плечи фокусница не дала, стряхнула руки Хана и крепко обняла кореллианина. Соло не стал изображать недотрогу и обнял Заверри в ответ, хотя поцеловал все же не в губы. Следующих объятий удостоился Чубакка. Вуки взъерошил Заверри волосы на макушке.

— Хочу познакомить тебя с Саллой Зенд, — сказал Хан, пока обе женщины придирчиво разглядывали друг друга. — Заверри, это Салла, контрабандист и опытный механик.

— Привет, рада встрече! — Салла протянула иллюзионистке руку.

— Я тоже рада. — Заверри ответила на рукопожатие. — Любой друг Соло — мой друг.

Кореллианин чувствовал себя неуютно. Раньше ему не приходилось присутствовать при встрече его близких подружек. Хана интересовало, захочет ли Заверри продолжать с того места, на котором они остановились несколько месяцев тому назад. Насколько ему было известно, Салла смотрела на подобные вещи скептически.

«Эй, я не ее собственность! — подумал Хан. — Мы не женаты, Вообще-то...»

И все же, забрав сумку Заверри, Хан из осторожности зашагал рядом с Саллой. Позже за лепешками и траладоно-сырной закуской в излюбленной Ханом кореллианской столовой Соло изложил Заверри свой план. Когда он замолчал, волшебница задумчиво посмотрела на него, как будто Что-то хотела отыскать в его взгляде.

— Давай скажу прямо. Ты хочешь, чтобы я создала трехмерную иллюзию вашего флота, который атакует имперскую

эскадру. Ты хочешь, чтобы иллюзия была достаточно реальной и продлилась достаточно долго, чтобы одураченные им перцы взялись обстреливать поддельные корабли. Я все правильно излагаю?

— Ага, — согласился кореллианин.

Только сейчас, когда иллюзионистка взялась за детали, он осознал размер своей просьбы. До сегодняшнего дня Заверри не приходилось создавать иллюзий такого масштаба. Наверное, никому не приходилось. Заверри покачала головой, длинные черные волосы рассыпались по ее плечам.

— А у тебя губа не дура, Соло!

— Эй. — Хан постарался выжать бесшабашную ухмылку. — Ты только подумай, какой вызов! Величайший фокус на свете!

— Для любой голографической иллюзии требуется проектор, — сказала Заверри. — Что мы используем вместо них?

— Я думал о трехмерных проекторах из казино, — признался Хан. — Знаешь, которыми там проецируют шоу на большие экраны в игорных залах, чтобы люди могли смотреть представления, спуская последнюю рубашку.

Заверри нахмурилась:

— Возможно. Допустим, создадим видимость флота, а как быть с датчиками? Любой радар раскроет наш трюк.

— А если заглушить им датчики? — предложила Салла. — Все равно будем глушить переговоры, так какая разница?

Волшебница смотрела на контрабандистов расширившимися глазами.

— Знаете что... — проговорила она, — кажется, у меня есть идея...

Хан жадно наклонился вперед:

— Какая?

Заверри тянула паузу, прихлебывая напиток.

— Я подумала, что можно воспользоваться орбитальными транспортными указателями, чтобы послать импам ложные сведения. Тогда они увидят корабли, а приборы сообщат, что они видят настоящий флот.

Салла пришла в дикий восторг:

— Здорово! Должно получиться!

Заверри улыбнулась, польщенная:

— Но мне понадобится любая помощь. Хакеры, чтобы перепрограммировать указатели, техники для проекторов. Вам такие известны?

Салла ухмыльнулась и порывисто протянула руку. Женщины обменялись крепким рукопожатием.

— Можешь держать пари, знаю, — сказала высокая

контрабандистка. — Мы с Шугом поможем.

Чубакка огласил помещение громогласным ревом, от которого дроид-официант уронил поднос с едой и умчался на кухню.

— Чуи говорит, что тоже будет помогать, — с ухмылкой перевел Соло. — Заверри... я знаю, тебе, вероятно, пришлось отказаться от выгодных предложений, чтобы прилететь сюда. Я хочу, чтобы ты знала, что я... что мы все благодарны тебе.

— Брось, Соло, это ж какая возможность наподдать им перцам! — рассмеялась фокусница. — Разве я могла устоять?

Явившись на большую сходку пилотов, Хан и Чуи обнаружили, что в «Замке удачи» набились все контрабандисты и члены их экипажей. На сцене уже царствовал Мако, обменивался шутками и колкостями с аудиторией. Заметив друзей, старший контрабандист постучал костяшками по трибуне, привлекая внимание собравшихся.

— Ладно, слушайте все! — заорал он.

Кое-как воцарилась относительная тишина.

— Слушайте во все уши, вы, космические обормоты! — С гордостью и радостью Мако разглядывал свои импровизированные войска. — Потому как на кону стоят ваши жизни и жизни ребят, с которыми вы летаете.

Мако сделал паузу, окинул еще раз взглядом собравшихся и понял, что все внимание приковано к нему.

— Сейчас я вам все расскажу. Мы не знаем точно, когда импы нанесут удар, зато мы точно знаем, как они это сделают. Флот на каждый случай имеет стандартный боевой план, их учат следовать ему, невзирая ни на что. Старина Хан, вон он стоит, так вот он был когда-то флотским офицером, он меня поддержит. Верно, Хан?

Соло тоже забрался на сцену.

— Мако прав! — прокричал он, так как микрофон был у Мако, а не у него.

Старший контрабандист жестом предложил ему залезть на кафедру и встать рядом. Хан не заставил себя упрашивать.

— Для подобной операции стандартный план требует собраться в точке рандеву достаточно далеко отсюда. Если нам повезет, мы увидим их на радарах. Если нет, к кораблям придется пробиваться с боем. Все готовы к такому повороту?

Все контрабандисты криками подтвердили, что готовы.

— Хорошо, — сказал кореллианин. — Итак, они выйдут из гиперпространства и сделают небольшую остановку, чтобы

решить проблемы, которые могут возникнуть в последнюю минуту. Затем эскадра совершит микропрыжок, чтобы подойти как можно ближе к Нар-Шаддаа, вне зоны досягаемости орудий. К этому времени мы должны сидеть в кораблях и стартовать. Каждый корабль должен спрятаться в условленном месте среди обломков или затеряться в общем движении. Парочка небольших истребителей, вроде «Льюилл» Роа, отправится на разведку. Корабли побольше полетят с фальшивыми позывными, а истребители или погрузят в трюм, или прикрепят к внешней обшивке. Остальные притворяются невинными путешественниками и должным образом паникуют при виде имперского флота. Верно говорю?

Да! Верно! — заорало в ответ собрание, вдохновившись идеей взять за дюзы обнаглевший имперский флот.

Слово опять взял Мако:

— Ладно, на этом этапе вышлют пикеты, чтобы по-быстрому оглядеться.

Один из капитанов в первом ряду взмахнул когтистой лапой:

— Что еще за пикеты, Мако?

Хан и Мако переглянулись и вздохнули дуэтом.

— Прошу прощения, — сказал Мако. — Пикеты — это большие разведывательные корабли и сопровождающие их СИДы. Мы ожидаем, что будет два таких больших корабля, возможно легкие крейсеры типа «Каррака». Каждый несет по четыре истребителя СИД. Взятые вместе, они называются пикетами. Лады?

— Лады, — согласился жадный до знаний контрабандист.

Мако зловеще ухмыльнулся:

— Импы не ждут от нас сопротивления, а мы вовсе не жаждем их разочаровывать, так? А, ребята?

— Нет! — дружно гаркнули ребята.

— Вот и славно. Мы хотим, чтобы импы были там, где нам нужно, так?

— Так!

— Отлично. А для этого они должны видеть именно то, что они ожидают увидеть. Тогда мы возьмем их врасплох и сумеем предсказать их действия, потому что они ни на шаг не отступят от своих разлюбезных инструкций. Когда имперский адмирал вышлет разведчиков, а через несколько минут — канонерки, он станет ждать, что мы возомним, будто грядет большая атака. Адмирал будет сидеть с большими кораблями в миленьком таком боевом строю и ждать, что на драку, вооружившись всем, что сумели наскрести, вылезет орава неорганизованных субчиков, которым мозгов не хватает приберечь резерв. Адмирал думает,

что мы посчитаем разведывательные пикеты и канонерки, то есть «Карраки» и таможенные корветы, за полномасштабную атаку.

— Покажем ему, что мы не идиоты! — выкрикнул кто-то с задних рядов.

— Вот именно, покажем им. Но вид должны сделать такой, будто швыряем в бой все, что у нас есть. Все смотрите на экран, мы вам сейчас покажем.

Мако кивком подбодрил младшего товарища, и Хан занял место рассказчика, пока предыдущий оратор, вооружившись указкой, иллюстрировал на трехмерном экране расположение войск.

— Как вы сами видите из диаграммы, — говорил Хан, — мы делим наш флот на две группы, первый ударный отряд и основной ударный отряд. В первый войдут небольшие корабли без тяжелого вооружения и пара наемников с модифицированными патрульными кораблями. Теперь слушайте внимательно, я перечислю названия кораблей и имена шкиперов первого ударного отряда, а Мако выведет их на экран.

Хан зачитал список.

— Ну вот... Прежде чем все сунемся головой в самое пекло, вам, ребята, следует знать, куда вам придется идти и что делать. Так сказать, роль, которую вы сыграете в большом шоу.

Мако вручил Хану указку и стал держать речь:

— Поговорим теперь об основном отряде. Это будут все наши корабли плюс грузовики с тяжелыми пушками и эскадрилья. Мы наскребем шесть Y-бомбардировщиков, еще у нас есть несколько истребителей типа «Плащ» и различные модификации «Охотников за головами». Список прилагается.

Пока Мако знакомил собравшихся с названиями, Хан выводил на экран соответствующий корабль.

Вскоре обширный экран украсился экзотическим узором из разноцветных линий и трехмерных изображений машин.

— Ну вот, ребята, теперь вам известны ваши места. Кто еще не понял?

Поднялось несколько рук, лап и щупальцев; новоприбывших быстренько рассовали по отрядам, и Мако продолжил:

— Первый отряд атакует, понятное дело, первым. И пожалуйста, держитесь рядом с теми, кого вам дали в напарники! Двое могут прикрывать друг друга, и пара в два раза эффективнее, чем два одиночных корабля.

Хан подошел ближе к микрофону:

— И еще опасайтесь турболазеров на имперских крейсерах. Они снесут вас одним выстрелом. Окажетесь поблизости от импов, маневрируйте как сумасшедшие. Всем ясно?

— Ага! — заорали пилоты.

— И помните, друзья мои, — вновь перехватил инициативу Мако, — что там будет еще не меньше десятка СИДов, а это пташки быстрые, на самом деле быстрые. И лазеры у ребят имеются, зато они хрупкие. Один хороший выстрел, и они разлетятся в куски. Для захвата в прицел они скоростные, так что стрелять придется на глаз. Экономьте время и силы. У вас тоже есть оружие, так что не стесняйтесь, отгоняйте их, пока стреляете по пикетам. Ну, кто со мной?

— Мы! — взревела толпа. — Перебьем СИДы!

— Вот и ладно, значит, так и начнем драку. Расстреливаем разведчиков, выставляем против них все, что, по их мнению, у нас есть. Если повезет, выведем пару имперских пикетов из игры, взорвем несколько СИДов, может, даже обездвижим одну из «Каррак», хотя даже Калриссиан не поставит на нашу победу.

Мако переждал громовой хохот.

— Эй, Лэндо! — заорал кто-то в толпе. — Ставки принимаешь?

— Где-то здесь, — заговорил Соло, — имперское начальство вызовет свои легкие канонерки и прикажет им увеличить скорость атаки и силу огня, потому что будет думать, что увидел все, что у нас есть, и ныне будет нас убивать. До сих пор он будет придерживать тяжелые крейсеры, беречь их, они ему нужны, чтобы раздолбать Нар-Шаддаа. Когда сначала пикеты, а затем канонерки завяжут с вами бой, критически важно, чтобы все оставались на своих местах! Тогда у вас будет шанс перегрузить их щиты с одного борта. Затем достанется вам или напарнику, поэтому вы оба уходите! У кого есть торпеды или ракеты, могут неплохо потрепать патрульные корветы.

Хан осмотрел свое разношерстное войско долгим серьезным взглядом:

— Парни, там будет невообразимая свалка. Гражданские корабли, которые хотят убраться отсюда подальше, наши легкие машины, не считая истребителей, вперемешку с импами. Не теряйте голову! Оставайтесь на позиции! Оставайтесь начеку! Позаботьтесь о том, чтобы кто-нибудь на вашем корабле слушал комлинк на тот случай, если нам понадобится перевести вас на другое место. Поняли?

— Поняли! — донеслось несколько неуверенных голосов.

Хан состроил изумленное лицо и приставил к уху ладонь.

— Эй, я состарился и оглох или что? Я спросил вас, ребята, вы поняли?

— Да! Всем ясно! — грянуло с новой силой.

— Так-то лучше, — заметил Мако. — Ну что ж, тогда вперед.

Честно говоря, друзья мои, мы ждем, что вы ощиплете перышки имперским пикетам и канонеркам; нас больше, и это наш дом, наша земля. Мы надеемся, что вы взорвете по меньшей мере половину, чтобы до смерти изумить господина адмирала. Но когда он преодолеет шок и расстройство, то начнет чуть больше уважать нас...

Мако сделал драматическую паузу, и зал взорвался криками «о да!» и «мы научим их уважать нас».

— Это уж точно! — присоединился к общему ору Хан.

— Ладно, как мне ни противно это говорить, но этот имперский адмирал не будет долго стоять с отвисшей челюстью, — предположил Мако. — Нет, он подумает: «Да как они посмели?» — и пошлет в бой тяжелые корабли. Можно ждать как минимум Два-три тяжелых крейсера, возможно даже один, а то и два дредноута. У этих толстячков и щиты помощнее, и броня понадежнее, и пушки будь здоров. Если честно, друзья мои, всего парочка наших кораблей сможет с ними потягаться и нанести какой-то ущерб.

В аудитории повисло тяжелое молчание разом протрезвевшего народа. Хан даже испугался, что здесь они растеряют добровольцев, но никто не встал и не вышел из зала.

— Но, — сказал Мако, — вот в чем фокус. Если мы действительно повредим одного или двух крепышей, импы почти наверняка отступят, поскольку задания им не выполнить, а стандартная доктрина требует в случае потерь бежать, если не можешь победить.

— А как мы их повредим, Мако? — поинтересовался контрабандист человек.

— Хороший вопрос. Мы выработали стратегию и надеемся, что она нам поможет. Слушайте внимательно, ребята. Когда толстяки навалятся на нас, мы притворимся, будто проиграли. Я передам по комлинку сигнал к отступлению. Но во имя узды Доуллин, не разворачивайтесь разом и не бегите сразу же, как появятся крейсеры. Нет, нам нужно обмануть импов, не дать им повод для подозрений!

— Так что же нам делать-то? — заорал какой-то ботан. — Пригласить выпить стаканчик-другой?

Мако грозно взглянул на балабола:

— Будь серьезнее, клоун. Делать то, что сказано, отходить, но так, будто вы сами решили убежать, а не по приказу. Разворачивайтесь и бегите, как перепуганная толпа, и порядок. Мы хотим, чтобы вас преследовали. Ясно?

— Ага! — взвыла толпа.

— Эй! — крикнул ботан. — Притворимся мы отменно, если

учесть, что действительно напуганы!

Народ захохотал.

— Ну хорошо, — сказал Мако, — а вот здесь... — он указал точку в пространстве вблизи Нар-Шаддаа, на прямой линии между луной и планетой, — здесь мы оставили наши крупные корабли. И здесь же мы приготовили нашим имперским друзьям небольшой сюрприз. — Он протянул руку к кулисам. — Заверри, прошу тебя, выйди к нам.

Черноволосая красавица появилась на сцене, одетая в пилотский комбинезон. Грива ее была стянута в хвост на затылке, грим Заверри практически не наносила. Хан предлагал ей надеть сценический костюм, но иллюзионистка отказалась.

— Нет, — сказала она. — Мы же хотим, чтобы мне доверяли, а значит, я должна быть похожа на них.

— Господа пилоты и члены команд... — провозгласил Мако. — Хочу представить вам Заверри. Она — тот человек, кто выиграет для нас сражение. Некоторые из вас уже ее видели. А тем из вас, кто томится в неведении, я скажу, что в своем деле она лучшая в Галактике. А дело ее — иллюзии. Заверри?

Элегантным взмахом руки женщина заставила огни в зале мигнуть, а затем воздух наполнился кайвенскими свистунами. Фокус оговаривали, но даже Хан, который был в курсе дела, чуть не пригнулся, когда ядовитая тварь пролетела над головой.

Контрабандисты заорали, прикрываясь, а когда Заверри вторым взмахом уничтожила свистунов, неожиданно разразились аплодисментами.

Мако позволил толпе хлопать, свистеть и топать ногами. Заверри улыбалась, но кланяться не стала.

— Она талантлива, ребята, — в конце концов возвестил Мако. — А для нас она создаст настоящий шедевр. Когда мы выведем большие имперские корабли туда, куда нам надо, — он вновь указал на точку в пространстве, — Заверри создаст иллюзию огромного флота, который идет со стороны Нал Хатты. А когда импы развернут пушки к фантомам, мы ударим по ним с флангов и с тыла из всего, что у нас есть!

Толпа восторженно завопила.

Хан дождался, когда шум стихнет, и шагнул вперед:

— Да, чтоб вы знали, капитан Рентал вместе со своими кораблями будет ждать с Мако и основным ударным отрядом. Капитан Рентал... — кореллианин протянул руку туда, где в первом ряду сидела крупная могучая женщина с коротко остриженными рыжими волосами с отдельными золотистыми прядками, — встаньте, пожалуйста.

Контрабандисты и ее встретили аплодисментами, что

несколько удивило, так как не один из них пострадал от «Кулака Рентал» или других кораблей флота, который возглавляла эта пиратская капитанша.

— Капитан Рентал, вашим кораблям придется расчистить дорогу для бомбардировщиков, истребителей и прочей мелюзги. Ваша мишень — любой из имперских не слишком крупных крейсеров между нами и флангом больших кораблей. Ваши турболазеры и протонные торпеды собьют с них спесь. Нам не добраться до тяжелых крейсеров, если придется то и дело уворачиваться от огня, да еще во всех направлениях, — сказал Мако для всех остальных, так как с самой Рентал они много раз оговаривали все части плана.

Дрея Рентал кивнула.

— Свою часть я выполню, — чистым сильным низким голосом произнесла рыжая пиратка. — Меня наняли, чтобы я не подпускала импов к Нал-Хатте. Увидев ваш план сражения, я согласилась, что так я лучше сделаю дело. — Она развернулась к контрабандистам лицом. — Так что можете рассчитывать на меня и мой флот! Мы будем с вами до конца!

Очередной взрыв восторга. Рентал подняла над головой сжатый кулак, и толпа сошла с ума.

— Ладно, — продолжал Хан, когда шум вновь стих. — Истребители без ракет и торпед будут служить сопровождением. Вам, ребята, нужно отгонять от нас СИДы, пока мы совершаем налет. — Кореллианин обвел широким жестом еще не пристроенных к делу контрабандистов. — Вы полетите и возьмете на прицел один или два крейсера. Когда наступит пора, Мако передаст вам приказы. Нам придется как можно ближе подобраться к импам сзади и всадить несколько залпов по двигателям. Не стесняйтесь, выдайте им по первое число!

Опять раздались веселые крики. Осознание, что им помогут Заверри и хорошо вооруженные пираты, подняло народу настроение.

— Ну вот, друзья мои, — подал голос Мако, — и еще одна вещь. Если у нас все получится, бегите со всех ног! Эти крейсеры взрываются так, что мало не покажется. Вы же не хотите оказаться рядом, чтобы вас зацепило, верно?

— Верно! — напоследок взревела толпа.

— И еще... если ничего не получится... — Мако пожал плечами. — Ну попытаться все-таки стоит. Нельзя нам просто так сдаться и уйти.

Толпа разглядывала его, встревоженная, но и отрезвленная последними словами.

— Ну вот, — подытожил Хан. — Такой вот план. Разберем его

по деталям, пока не зазубрите его наизусть. Вопросы есть?

К изумлению Хана, за несколько дней Заверри и Салла заделались закадычными подругами. Соло вместе с Мако был занят круглые сутки, они натаскивали пилотов сил обороны Нар-Шаддаа и устраивали учения за учением, так что в космогараж к Шугу заглядывали не часто, но когда бы Хан ни выкраивал минутку для визита туда, он натыкался там на Саллу и Заверри. Девушки трудились над «шедевром».

— Продержатся две или три минуты, Соло, не больше, — предупредила Заверри. — Импы увидят корабли, увидят соответствующие данные на них, но я хочу, чтобы наши фальшивки подошли очень близко, так чтобы они и думать не могли ни о чем другом, только о том, как бы побыстрее развернуть орудия и ввести пушки в игру. И станут уязвимы для атаки с флангов.

Заверри отхлебнула из кружки стим-чай, который Хан заварил для Шуга, Саллы, Чуи, Джерика и других техников добровольцев, которые работали над иллюзиями Заверри.

— Корабли будут представлять угрозу, только если подойдут очень близко. Как только импы сообразят, что их выстрелы не причиняют противнику ни малейшего вреда, сразу раскусят обман.

Хан не унывал:

— Минута или три, больше мы не просим, Заверри. Мы и так благодарны тебе и за такую иллюзию. Хатты наняли пиратку Дрею Рентал, мы с ней тоже договорились. Ее флагман спрячется за Нар-Шаддаа вместе с остальным флотом. Когда импы обогнут луну и развернутся к твоему фантому, они с Мако крепко им вмажут.

Джерик устало размазал по лицу грязь еще более чумазой ладонью:

— Хан, а эти наемники, они сильные? Они нам помогут?

Соло кивнул:

— Да, Джерик. «Кулак Рентал» — кореллианский корвет. Вооруженный до зубов, модифицированный. Там даже имеются носовые торпедные установки. Проблема лишь в том, что торпед негусто. Рентал не может позволить себе промах.

— У нее много кораблей? — захотела узнать Заверри.

— Имеется еще тяжелый крейсер, «Сладкие мечты», переделан так, чтобы нести истребители. Средний транспортник от «СороСууб». Большая дура. Щитов, жаль, на ней мало. Думаю, оттуда запустят «Охотников за головами» и отойдут, чтобы не

мешать флагману вести атаку. Еще есть «Уже слишком поздно» и «Минестра». Первый — отбитый у импов патрульный корабль, Рентал заменила один турболазер на ионное орудие, так что, надеюсь, ей удастся подбить один из крейсеров. «Минестра» — легкий корвет от «Звездолетов Рендили». Симпатичный кораблик, лазерные пушки дополнены ударными ракетами и опять-таки ионным оружием.

— По мне, внушительная сила, — одобрила Заверри. — Хотя я с трудом отличу ионную пушку от ударной ракеты.

— Когда я начинала возить контрабанду, я тоже их не различала, — рассмеялась Салла. — Но когда патрули палят в тебя из одной или из другой, быстро приобретаешь необходимые знания.

Женщины обменялись улыбками. Хан до сих пор не опомнился от скорости, с которой они подружились. Сказать по правде, он истово ревновал. Во многих смыслах Салла и Заверри казались более близкими друг к другу, чем любая из них — к Хану. Интересно, обсуждали ли они его? Может, сравнивали опыт?

Хан покраснел при этой мысли, но тут Джерик обеспечил его желанным прикрытием.

— Хан, эй, Хан... можно с тобой поговорить?

Кореллианин влил в себя остатки стим-чая и встал.

— Разумеется. Хочешь, пойдем в кабинет Шуга, чтобы не путаться у народа под ногами?

— Ага, — сказал пацаненок. — Здесь обязательно кто-нибудь наедет на нас с антигравитационным подъемником или еще чем-нибудь.

Космогараж гудел от активности. Повсюду одни контрабандисты латали свои корабли, другие — переделывали в надежде выжать из двигателей чуть больше скорости или навесить побольше лазеров или ракетных установок.

Хан вместе с Джериком прошли мимо «Отчаянного Беглеца» Саллы, помахали Шугу, который поднял прозрачный щиток, чтобы вытереть вспотевшее лицо. Хан сложил ладони рупором.

— Классно получается, Шуг! — прокричал он. — Вы с Саллой здорово удивите импов!

В свободные от иллюзий часы Салла и полукровка Нинкс — не без помощи Рика Дуэля — перестраивали «Беглеца», прилаживая на корму две ракетные установки и тщательно маскируя нововведения. Легкий грузовичок типа «Джимснор-4» от «КореллиКосмос» и без того, как любая контрабандная шаланда, переделывался и модифицировался бесчисленное количество раз. Сейчас же он напоминал воздушного змея или — если вы хотели

оскорбить хозяйку и заработать по носу — майнока. «Отчаянный Беглец» был проворным маневренным корабликом, а Салла Зенд — опытным пилотом. Хан серьезно рассчитывал на ее таланты в предстоящем сражении.

Кореллианин отдавал себе отчет, что Салла может причинить гораздо больше вреда импам, чем, например, он. По скорости «Брия» и равняться не смела с «Соколом Тысячелетия» или с тем же «Беглецом». Да и вооружение на ней тоже было слишком легкое.

В кабинете Шуга Хан с Джериком для начала сгрузили с кресел на пол малоприятные и довольно грязные агрегаты и узлы и лишь потом сумели усесться. Устроившись поудобнее, Соло вздохнул:

— Я рад, что ты захотел перекинуться парочкой слов, малой. За весь день я ни разу не присел, во как! Из-за этого сражения мы с Мако носимся как угорелые.

— Знаю, я тоже, — признался мальчишка. — Я помогал то госпоже Заверри, то Чуи с «Брией», то Шугу с «Беглецом».

— Шуг говорит, что когда-нибудь ты сделаешься классным механиком, Джерик. А пилот ты уже неплохой, да и стрелок тоже. Знаешь, я обрадовался, когда узнал, что ты летишь со мной. Чуи неплохо стреляет, но двое лучше одного.

— Вот... Хан, вот об этом... я и хотел с тобой поговорить. — Симпатичная мордашка Джерика помрачнела. — Я раньше... я никогда не был в бою. — Пацан громко сглотнул. — Вчера ночью я счищал нагар с обивки «Брии» и уснул... и увидел сон. Настоящий кошмар.

— Да ну? О чем?

— Мне снилось, будто мы деремся с импами и... — Кадык на его шее опять судорожно дернулся. — И... и, Хан, нас взорвали. Я держал на прицеле СИД, и... и я... застыл на месте. Я не выстрелил. А потом увидел зеленый свет, лазерный выстрел, прямо мне в лицо, и я ничего не мог поделать. Мне снилось, будто я умер.

У него перекосилось лицо. Мальчишку било крупной дрожью.

— Хан... я испугался. Я не знаю, сумею ли я. Что, если я напортачу и нас всех убьют, как во сне?..

— Джерик, — строго оборвал его лепет Хан, — если бы ты не испугался, вот тогда я бы заволновался, честно тебе говорю. Когда я впервые попал в настоящее сражение, я был летчиком, летал на тех самых СИДах, так вот, в первый раз я чуть шлем не обгадил. К счастью, я уже стартовал, находился в невесомости. Так что я знал: дам себе волю — захлебнусь и умру. Поэтому я сумел удержаться. А потом меня обстреляли, все мысли из головы

выдуло, и вдруг получается, что я стреляю в ответ. Просто... тренировка взяла свое.

— Правда? — Джерик выглядел так, словно еще не решил, успокоил его рассказ или нет. — Но, Хан... все говорят, что ты смелый. Как только слышат о тебе, так сразу говорят: «Храбрости ему не занимать!» Обо мне так никто не говорит. Что, если я трус? Тебе нельзя так рисковать.

Хан окинул мальчишку долгим оценивающим взглядом:

— Джерик, ты столкнулся с тем, с чем всем нам приходится встречаться. Здесь, на Нар-Шаддаа, нет законопослушных граждан. Мы живем вне закона, а это по определению опасно для жизни. Трусы на Нар-Шаддаа не выживают. Их съедают заживо.

— Ну да, с виброклинком или в рукопашной драке я могу за себя постоять, — согласился парнишка. — Но совсем другое дело, когда тебя хотят распылить на атомы. Бум — и ты уже история.

— Малыш, я наблюдал за тобой и скажу тебе вот что. По моему, ты выдержишь и все сделаешь как надо. Да, в бою и правда может вот так парализовать. Вот поэтому мы с Мако и гоняем ребят как проклятых. Тренировка. — Соло пожал плечами. — У импов было то же самое. Тебя гоняют и гоняют, а все потому, что кто угодно может замереть на месте, оказавшись в настоящем бою. Даже ветераны не застрахованы. Но если ты наизусть все вызубрил, есть шанс, что даже если мозги тебе откажут, то руки и глаза не подведут. Тело сработает на автопилоте, будет делать то, чему его научили, даже если голова не будет несколько секунд отдавать приказы. И если ты хорошо упражнялся и знаешь свое дело назубок — а ты, малой, знаешь свое дело, я наблюдал за тобой, — тогда мозги опять включатся. Страх никуда не денется, но ты сумеешь действовать в обход его. Он тебя не затормозит. Просто делай, что обязан. И все с тобой будет хорошо.

Джерик облизал пересохшие губы:

— Но... что, если не получится? Хан, может, все-таки ты найдешь себе другого стрелка, а? Лучше умру, чем из-за меня тебя собьют.

— Если хочешь, найду другого, малой, — сказал кореллианин. — Но предпочел бы тебя. Тебя я знаю, мы сработались. Мы вместе тренировались. Но решать тебе. Просто дай мне знать, лады?

Мальчишка кивнул:

— Спасибо. Я... подумаю.

Хан поднялся и похлопал мальчишку по плечу:

— Лучше выспись, малой. Мы все чуть-чуть измотались.

Джерик подарил кореллианину блеклую улыбку:

— Ладно, Хан.

Лэндо Калриссиан ненавидел пачкаться, но уже начинал привыкать к неизбежному. Во время подготовки «Сокола» к серьезной битве невозможно было не перепачкаться, но кто то же должен был этим заняться. На прошлой неделе Шуг помог ему найти и установить «новую» пушечную турель позади кабины аккурат над трапом. Еще много чего нужно было сделать. Хан, Чуи и Салла помогли бы ему, он это знал, но они были заняты. Кто помогал Заверри готовиться к ее голографическому шоу, кто починял собственные корабли.

Лэндо понял, что между Заверри и Ханом все уже прошло. Завинчивая гидроключом винты на новой установке счетверенных лазеров, молодой игрок принялся думать о Заверри. Она очень славная женщина, умная, привлекательная, умеет со вкусом одеваться, с хорошим чувством юмора — она обладает всеми теми качествами, которые Лэндо считает неотразимыми. Интересно, захочет ли она продолжить с ним то, что закончилось у нее с кореллианином. Ей явно нравятся разбойники и негодяи, а то бы она никогда не стала встречаться с кореллианином.

«Может, отрастить усы? Могут придать мне... стильный вид».

На его лице появилась улыбка. Может быть, Заверри захочет куда-нибудь поехать с ним, когда все это будет позади.

Лэндо думал о том, чтобы вернуться в систему Осеон. У него было несколько планов, как заработать денег, и он хотел их опробовать. И надо было заняться оттачиванием умения играть в сабакк, в котором он и так неплох. В Облачном городе на Беспине должен пройти большой турнир по сабакку с высокими ставками Где-то через полгода. Лэндо очень хотелось играть на этом турнире. Но придется сделать большую ставку, чтобы попасть туда, а проще всего для этого отправиться на Осеон. Там это гораздо легче...

И будет очень приятно, решил Лэндо, иметь компаньоном милую девушку.

Единственная проблема... А вдруг Заверри все еще любит Хана? И как Хан отнесется к тому, что его бывшая девушка станет встречаться с его лучшим другом? Ну, поправил себя Лэндо, лучшим другом-человеком. Несомненно, вообще лучшим другом Хана был Чубакка...

Погруженный в фантазии о том, как они с Заверри выходят в свет на лучших курортах системы Осеон, Лэндо случайно попал гидроключом по костяшкам пальцев второй руки. Выругавшись, он хотел было взять ударенные пальцы в рот, но рука была настолько грязной, что он удержался.

— Хозяин? — Вуффи Раа вынырнул из-под брюха «Сокола». Маленький дроид держал различные инструменты в каждой из своих щупальцеподобных рук с пятью пальцами. Единственный красный глаз уставился на Лэндо. — Хозяин, что случилось?

Подавляя желание пососать травмированные пальцы, Лэндо завопил:

— Вуффи Раа, сколько раз я тебе говорил не называть меня «хозяин»!

— Пятьсот шестьдесят два раза, хозяин, — немедленно выдал маленький дроид.

Лэндо зарычал:

— Я всего лишь ударил руку, и все, ты, кучка металлолома. Я в норме. Возвращаемся к работе. «Сокол» должен быть готов сегодня к вечеру. Мако проводит очередную тренировку.

— Будет сделано, — ответил дроид.

— Эй, Вуффи Раа, — позвал Лэндо.

— Да, хозяин? — Маленький дроид затормозил на полпути обратно под днище корабля.

— Уверен, что сможешь управлять «Соколом» во время сражения? — Лэндо не стал ничего говорить но поводу обращения.

— Это будет неприятно для моих схем, хозяин, потому что, как вы знаете, я запрограммирован не причинять вреда живым — особенно разумным — существам. Тем не менее, раз вы сами будете стрелять, я думаю, что смогу управлять. Только не приказывайте мне идти на таран другого корабля. Такой приказ я не смогу выполнить.

— Уж надеюсь! — воскликнул Лэндо. — Все, маленький пылесос, за работу.

— Слушаюсь, хозяин.

Ни Хан, ни Мако почти никому не сказали точного времени планируемой атаки Гриланкса. Кое-кто из «командования» был в курсе, что Хан и Мако знают больше остальных, но приняли решение двух бывших импов, что остальным лучше и не знать. Лэндо, Шуг, Салла, Рик Дуэль, Синюшка и Джерик... все они подозревали, что в один прекрасный момент учебная тревога перестанет быть учебной и превратится в настоящую. Остальные контрабандисты этого не знали.

Приходилось быть осторожным с тренировками. Хан и Мако не хотели, чтобы их подопечные заскучали и распустились, а так случается, если слишком много тренируешься. С другой стороны, этих контрабандистов еще натаскивать и натаскивать. Разбить

имперскую эскадру можно, если все будут придерживаться разработанного плана.

Контрабандисты Нар-Шаддаа — закоренелые индивидуалисты, они не привыкли Что-то делать сообща, организованной группой.

— Я как будто пытаюсь пасти вро-кошек, — устало сказал Хан, обращаясь к Заверри. — Они вбили себе в башку, что все знают лучше, оспаривают каждое проклятое решение, какое мы принимаем. Чисто заноза в заднице!

— Да, но на последних учениях, — заметила фокусница, стараясь приободрить кореллианина, — они вышли на позицию и проделали все за треть того времени, что им потребовалось в первый раз.

— Ага, — без энтузиазма согласился Хан и вздохнул. — Но я поседел с ними, солнышко.

Заверри усмехнулась и притворилась, будто исследует его шевелюру, которая еще не отросла после визита к адмиралу Гриланксу.

— Ни единого, — возвестила она. — Не вижу ни одного.

Соло с трудом ухмыльнулся в ответ:

— Значит, седые волосы растут у меня внутри.

Девушка погладила его по руке:

— Не тревожься, Соло. Все образуется.

— Надеюсь. Заверри, солнышко...

— Да?

— Хочу сказать тебе спасибо за то, что пришла нам на помощь. Без тебя у нас не было бы и шанса.

На губах иллюзионистки заиграла хитрая улыбка.

— Ни за что не пропустила бы такого веселья! Одна встреча с Саллой того стоила.

— Да, я заметил, вы спелись, — осторожно сказал Хан. — А... о чем вы разговариваете вдвоем?

Заверри хмыкнула:

— Ты эгоистичный космический шалопай, Соло! Решил, будто мы тебя обсуждаем, а?

Хан замотал головой:

— Меня? С чего бы это?!

— Решил-решил! — Ее развеселило смущение кореллианина. — Признавайся, Соло!

Но Хан наотрез отказался и упрямо стоял на своем. Хотя про себя спрашивал, получится ли возобновить отношения с Саллой, когда все будет окончено? От него не ускользнуло, с какой жадностью Калриссиан пожирает глазами обеих девушек. Лэндо не постесняется начать собственную игру, если решит, будто

Салла оглядывается по сторонам в поисках новизны.

Интересно, что чувствует Салла? Есть в ней хоть капля тех чувств, которые испытывали к Хану Заверри и Брия? Он не знал. О таких вещах они никогда не говорили. Просто весело проводили время, им было хорошо вместе. А вопрос о чувствах или совместном будущем не вставал, как подозревал Хан, по взаимному молчаливому согласию.

А что он чувствовал к Салле?

Хан не был уверен в себе. По большей части он был слишком занят, чтобы хоть чуть-чуть поразмыслить на эту тему. Наверняка знал лишь то, что не готов пойти по стопам Роа...

Соло все еще сидел в ангаре у Шуга, когда туда, озабоченно рыча, ворвался Чубакка. Кореллианин поднял голову:

Чего тебе? Совещание? Совсем забыл про время!

Они с вуки заторопились обратно в «Замок удачи». Вновь настало время вдолбить в упрямые головы коллег-контрабандистов понимание его или ее роли в общем спектакле. Два часа спустя, когда народ расходился после инструктажа, Хана догнал Шуг Нинкс. Полукровка рука об руку шагал с Саллой Зенд, которая, поравнявшись с кореллианином, поцеловала его в щеку.

— Ты был великолепен, — заявила темнокожая красотка. — Впрочем, ты всегда великолепен, Хан. Будь я проклята, если ты не прирожденный руководитель.

— Кто? — изумился Соло. — Я?

Они пошли дальше.

— Когда следующее учение? — спросил Шуг.

— Не знаю, — соврал Хан. — Мако решает. «Отчаянный Беглец» готов? Проекторы установили? Указатели подготовили?

— Не трясись, все готово, — успокоил его Нинкс. — Честно тебе говорю, Хан, когда завершится вся эта заварушка, если не сдохну, буду отсыпаться целую неделю.

Салла ущипнула приятеля за руку:

— Нельзя так говорить! К неудаче!

— Нашла себе кормового стрелка? — поинтересовался Соло.

— Рик вызвался добровольцем, — сказала Салла. — Утверждает, что справится с ракетной установкой. Говорит, что неплохо стреляет.

— И не врет, — подтвердил кореллианин. — Но... Не оставляй его на корабле одного, не одалживай денег и не говори кодов доступа ко всему ценному, и все будет в порядке.

— Да, меня предупреждали, — усмехнулась Салла. — Ворует далее у своих, да?

— Это еще мягко сказано. Я упоминал, что есть кое-какие

хорошие новости?

— Нет, какие?

— Мако планировал вести командование с «Кулака Рентал», но пару дней назад мы поняли, как нам повезло. Угадайте, кто так свихнулся на материнстве, что забыл прислать пилота, чтобы отвести свою личную яхту на Нал-Хатту? И угадайте, кто не смог дозвониться до своих любимых пилотов, потому что в эти дни связь с Нар-Шаддаа перегружена?

Салла расплылась в улыбке:

— Хочешь сказать, что «Драконья Жемчужина» все еще здесь?

— Ага. И в отличие от племянника Джилиак позаботилась, чтобы яхту поддерживали в боевой готовности. На ней шесть «Охотников за головами», мы их уже проверили. Все машины в великолепном состоянии. И пилоты для них отыскались. Плюс артиллеристы, а Синюшку уговорили сесть за штурвал. Ее собственная скорлупка чересчур тихоходна, проку с нее мало, но жаль оставаться без хорошего пилота. Так что Мако со спокойной душой может сосредоточиться на тактических экранах и не отвлекаться по мелочам.

Шуг негромко присвистнул:

— Яхта — это хорошо. Броня на ней слабовата, но пушки отличные, щиты тоже вполне.

— Но если ее поцарапают, Джилиак украсит стену чьей-нибудь шкурой... — вслух размышляла Салла. — Хотя рискнуть, думаю, стоит. Лишние пушки совсем не помешают.

— Ну, мы не будем трубить на каждом углу, кто сидит на борту «Драконьей Жемчужины», — поделился идеей Хан. — А если Мако и придется надолго засесть на Ходе контрабандиста, пока Джилиак не угомонится, так он говорит, что готов. — Кореллианин хмыкнул. — Синюшка пообещала ему... интересное проживание.

Шуг лишь головой покачал, Салла фыркнула:

— Могу спорить!

Одетый в летный противоперегрузочный костюм, Роа стоял на пермакрите посадочной платформы и смотрел на красивую светловолосую женщину перед ним. В ее глазах блестели слезы.

— Не волнуйся так, Льюилл, — сказал он. — Все будет хорошо. Я буду осторожен.

— Пожалуйста... — попросила она, схватив руками его руки. — Пожалуйста, вернись ко мне, Роа. Без тебя мне жизнь будет немила.

— Обещаю вернуться, — поклялся контрабандист. —

«Льюилл» — хороший корабль. Она обо мне позаботится так же, как позаботилась бы ты. Именно поэтому я так ее назвал. — Он склонился к ней и поцеловал. — К тому же это всего лишь еще одна тренировка, дорогая. Ты приходила сюда и прощалась со мной уже восемь раз, и я всегда возвращался через полчаса или около того. И сейчас все будет точно так же.

Она кивнула, но по щеке скатилась слеза.

— Я люблю тебя, Роа.

— Я тоже люблю тебя, Льюилл. Я обязательно вернусь, солнышко. Я остепенюсь. Мы поженимся. Вот увидишь. Все будет прекрасно.

Она снова кивнула:

— Да. Все будет хорошо. Тебе уже пора.

— Точно. Не стоит опаздывать на тренировку!

Широко улыбаясь, Роа залез в кабину «Льюилл» — модифицированного разведывательного корабля типа «Красный шип», быстрого и маневренного, но вооруженного лишь строенными носовыми лазерами. Кораблик был похож на остроконечный цилиндр с коротким треугольным крылом. Почти такой же быстрый, как СИД, «Льюилл» обладал громадным преимуществом в схватке — у него были щиты.

Роа посмотрел вниз на свою будущую жену, стоящую на платформе и махающую ему на прощание. Он улыбнулся ей и поднял вверх большой палец. Проверил приборы, пристегнулся и нахлобучил шлем. Чтобы добиться максимальной скорости и мощности оружия, систему жизнеобеспечения он отключил.

Он перевел штурвал вперед, активировал двигатели на днище, и кораблик рванулся вверх, все выше и выше. Глянув вниз, он попытался различить светлую головку Льюилл, но расстояние было уже слишком велико.

Роа направился к назначенным ему координатам. Он был одним из немногих пилотов, летавших без партнера. Его заданием было, пользуясь скоростью «Льюилл», разведывать передвижения имперского флота. У него был особый канал для связи с Мако.

Воздуха вокруг кораблика становилось все меньше, небо перелилось от серо-голубого через темно-синее в непроглядную черноту, усеянную звездами. Роа откинулся в кресле. Он всегда любил летать, а управлять «Льюилл» — быстрой и послушной — одно удовольствие.

Роа направился к назначенным координатам мимо диска Нар-Шаддаа и добрался до места через несколько минут. Приближаясь к позиции, он ожидал услышать, как в наушниках зазвучит голос Мако: «Всем кораблям вернуться на базу. Это была

тренировка. Всем кораблям вернуться на базу по завершении тренировки...»

И мгновение спустя стареющий контрабандист, как и ждал, услышал голос Мако: «Внимание. Внимание. Слушайте сюда. Случилось. Имперцы появились на наших радарах. Это не тренировка. Повторяю, не тренировка. Все взаправду, ребятки. Приготовьтесь к схватке».

У Роа округлились глаза. «Как? Уже?»

Голос Мако затих, и Роа, сжавшись от страха, увидел, как имперские корабли выходят из гиперпространства.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
СРАЖЕНИЕ ПРИ НАР-ШАДДАА

Первое, что увидел адмирал Винстел Гриланкс, когда «Судьба Империи» вышла из гиперпространственного микропрыжка, был маленький разведывательный кораблик, улепетывающий изо всех сил. Адмирал сухо улыбнулся.

«Думаю, я еще не раз увижу такое сегодня...»

Эта мысль его не порадовала: будет трудно проиграть этому неорганизованному сброду. Ну и как прикажете это сделать?

— Сэр, эскадра вышла из гиперпространства, — доложил его заместитель, коммандер Джелон.

Повинуясь силе привычки, Гриланкс автоматически начал отдавать приказы:

— Занять боевые позиции.

Гриланкс не стал смотреть — он и так знал, что происходит. Семь главных кораблей выстроились в оговоренный Гриланк сом боевой клин так, что «Судьба» оказалась на острие. Дальше шли два тяжелых крейсера, «Заграждающий» и «Ликвидатор», за которыми следовали «Миротворец» и «Гордость Сената». Замыкали клин еще два тяжелых крейсера, «Принудитель» и «Неумолимый».

Дредноуты выпустили истребители, и они окружили клин. Две разведывательные «Карраки», «Бдительный» и «Аванпост», выдвинулись перед эскадрой и выпустили разведывательные СИДы. Шестнадцать канонерок, легких таможенных корветов типа «Страж», разошлись разомкнутым строем, готовые предотвратить любую попытку сбежать с Луны контрабандистов. Все произошло быстро и гладко, без заминок. Гриланкс постарался, чтобы его командующие прекрасно знали каждый пункт его военного плана.

— Адмирал, сэр, по вашему приказу эскадра развернута, — сообщил Джелон через несколько коротких минут.

— Прекрасно. Прикажите им продолжать действовать по плану.

— Да, адмирал.

Эскадра двинулась вперед на заданных скоростях: дозорные шли на Нар-Шаддаа полным ходом, как и основные корабли, канонерки шли на крейсерской скорости. Гриланкс поглядел в обзорный экран на мостике, потом проверил сканеры дальнего действия, увидев, что луна Нар-Шаддаа окружена сотнями, тысячами обломков. Ему не удастся провести крупные корабли через этот мусорный пояс, особенно если контрабандисты

вздумают оказать сопротивление. Когда его эскадра подберется поближе к луне, надо будет приказать им обогнуть дрейфующий мусор.

Гриланкс стоял, заложив руки за спину, наблюдая за небольшой точкой, которая обозначала на радаре тот маленький запаниковавший кораблик, который он увидел по выходе из гиперпространства. Когда маленький корабль-разведчик достиг плавающего в космосе мусора, к нему в его стремительном бегстве присоединились еще два небольших корабля, по виду грузовики. Адмирал вздохнул. По его плану все сражение должно было занять меньше пятнадцати минут. Пора было приступать к раздумьям о том, как же ему проиграть...

Вид имперской эскадры, выныривающий из гиперпространства, сильно потряс Роа. С минуту он еле сдерживался, чтобы не запаниковать и не уйти немедленно в гиперпрыжок. Он знал, конечно, что имперская эскадра состоит из десятков кораблей, что некоторые из них больше всех кораблей, на которых ему доводилось летать. Но это не подготовило его к тому, что он чуть не влетел прямо в середину их строя.

Почти не соображая, что делает, Роа развернул свой кораблик и дал деру обратно к Нар-Шаддаа. Заставил себя сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, борясь со страхом. Тренировки всплыли в памяти. «Сообщить. Надо сообщить об эскадре. Я же на разведывательном корабле».

Он включил коммуникатор и перевел его на специальную шифрованную частоту, которую они подготовили.

— Центральная оборонительная, это «Льюилл». Слышите меня, Центральная?

— Слышим тебя, «Льюилл». Засек их? — раздался в наушниках шлема голос Мако.

— Центральная, подтверждаю. — Роа проверил датчики и кормовой тактический экран. — Они развернули наступление.

— Хорошо. Это то, что нам надо, помнишь? Продолжай вести их к нам. Немного сбавь скорость, Роа, только постарайся, чтобы они ничего не заподозрили. Посылаю «Изящную Шутку» и «Звездного Странника» помочь тебе привести хотя бы один из пикетов в нужное место.

— Понял, Центральная.

Роа чуть сбавил скорость, тщательно следя, чтобы она снижалась постепенно. «Карраки» стремительно приближались. Быстрые корабли! Роа порадовался, что Мако послал ему в

поддержку двух помощников. Оба они были быстрыми, и Данит Джелей с Ренной Стрего были опытными капитанами.

Роа сделал глубокий вдох. Страх все еще был в нем, притаился Где-то глубоко в сердце, но, по крайней мере, он больше не мешал думать. Устроившись поудобнее в кресле, пилот сосредоточился на деле.

На мостике «Драконьей Жемчужины» Мако Спинс наблюдал за датчиками и показаниями радаров, боясь моргнуть. «Жемчужина» была слишком велика, чтобы спрятать ее среди дрейфующего мусора. Но он приказал Синюшке расположить корабль так, чтобы «Карраки» не заметили его до тех нор, пока имперцы не окажутся в нужном месте.

Мако увидел, что одна из «Каррак», «Аванпост», изменила курс, чтобы подойти к Нар-Шаддаа с другой стороны, тогда как «Бдительный» продолжил идти прямо в ловушку. Это был умный ход: Гриланкс не мог знать, где контрабандисты нападут. А когда их атака начнется, «Аванпост», скорее всего, просто подождет в сторонке, вместо того чтобы вступать в схватку. Будет докладывать о происходящем и поджидать те корабли контрабандистов, которые попытаются улизнуть. Вторая «Каррака», которая идентифицировалась как «Бдительный», продолжала двигаться к своей позиции.

«Почти на месте, — думал Мако, вытирая потные ладони о штаны. — Почти...»

Фалан Инайро был кореллианином, и друзья ему часто говорили, что он горяч и импульсивен. В ответ Инайро говорил, что обычно его поспешность в действиях приносила пользу, часто позволяла ему урвать самую выгодную сделку, наилучший груз и лучшую партию в сабакк.

Теперь он сидел на борту своего легкого модифицированного грузовика YT-1210, звавшегося «Получи-ка!», и кипел от вынужденного ожидания. Что вообще происходит? Его угнетала необходимость сидеть здесь, спрятавшись за покореженным грузовиком, прилепившись к его борту магнитным захватом.

«Проклятие, — мысленно негодовал он. — Да что творится-то?»

Инайро снова оглядел приборы, и на этот раз кое-что привлекло его внимание: приближалось Что-то очень большое. И оно было близко. «Должно быть, один из них», — решил Фалан. На мгновение он пожалел, что не установил новые датчики, более

современные, с лучшим идентификатором. Вслух же он сказал своему канониру-родианцу:

— Эй, Гадаф, у меня Что-то на радаре. Приготовься стрелять.

— Заметано, капитан. Готов.

Некоторые из контрабандистов говорили, что, по их мнению, «Получи-ка!» был слишком легко вооружен, чтобы идти против имперцев, но Фалан Инайро был уверен, что его мастерство пилота — которое было на высоте — с лихвой компенсирует тот факт, что у него есть всего лишь один-единственный лазер, установленный наверху корабля.

— Хотелось бы только... — раздался мечтательный голос родианца.

— Чего?

— Чтобы у нас было время настроить прицел этого лазера, босс. Он упорно стреляет вправо, и мне приходится все время компенсировать вручную.

Инайро проблемой не проникся.

— Ничего сложного в том, чтобы корректировать огонь, Гадаф. Я всегда с легкостью попадаю в цель этим лазером.

— Да я знаю, босс. Я тоже не так уж много промахиваюсь.

Инайро раздраженно заерзал.

«Когда нам уже наконец отдадут долбаный приказ?!»

Большая штуковина — что бы это ни было — на экранах уже почти прошла мимо «Получи-ка!».

«Ну же! Ну! Чего же ты...»

Инайро резко выпрямился, услышав в наушниках голос Мако Спинса — искаженный расстоянием и помехами от космического мусора, но узнаваемый.

— Первый ударный отряд, говорит Центральная. Приготовьтесь...

Инайро шумно вздохнул и вдруг понял, что не расслышал последнее слово. Было сказано «атаковать»? Наверное. Он был почти уверен в этом. Подумал было вызвать Центральную и попросить повторить, но не стал этого делать. Над ним будут смеяться, к тому же он отстанет при атаке.

— Вперед! — крикнул он и отключил магнитный захват. Вылетев из-за куска космического мусора, Инайро увидел, что за ним последовали два корабля. Всего два? А где, во имя приспешников Зендора, все остальные?!

Больше времени удивляться не было — на него напал какой-то СИД. В передний щит угодил разряд. Инайро скомпенсировал энергию, и тут же корабль задрожал — это Гадаф выстрелил в истребитель. И сильно промахнулся — слишком далеко влево.

«Переборщил, дурила!!!»

Инайро развернул корабль и завопил:

— Стреляй, Гадаф!

Красный разряд вылетел и едва не задел бешено кружащийся истребитель. Инайро выругался и погнался за СИДом. Гоняться за истребителем на этой свалке космического мусора было не слишком легко. Постоянно приходилось совершать боковой крен или еще более резкие маневры, чтобы не врезаться во что-нибудь.

— Сейчас он будет... в зоне прямого поражения! — крикнул Инайро. — Будь... готов!

В следующий миг СИД и «Получи-ка!» оказались на одной линии, и между ними ничего не было. Сквозь вакуум пронесся еще один малиновый заряд, и на этот раз он поразил разведывательный СИД прямо в центр. Полыхнул взрыв, сначала желтый, потом белый, стал расширяться, разрастаться... СИД исчез, оставив после себя только пылающие обломки и пепел...

Но не успел Инайро порадоваться победе, как его взгляд упал на экран радара. Та самая громадина приближалась к нему! И через секунду она будет прямо над ним!

Капитан Инайро бешено завертелся в кресле, нажимая кнопки и рычаги, отчаянно пытаясь уйти. Краем глаза он заметил эту махину.

«Приспешники Зендора, это ж...»

Больше Фалан Инайро ничего не успел подумать. Тяжелые турболазеры «Карраки» выпустили волну зеленого огня, охватившего маленький грузовик и уничтожившего его в мгновение ока. Через десять секунд на месте «Получи-ка!» не осталось даже космической пыли.

Ниев Джауб последовал за «Получи-ка!» из укрытия и очень быстро понял, что сделал ужасную ошибку. Салластанин летел на маленьком легком грузовике (модифицированном, разумеется) под названием «Бнеф Нлле» и, когда он увидел, как «Получи-ка!» вылетает из укрытия, подумал, что пропустил приказ Мако, и последовал за Инайро. Очутившись на «открытом пространстве», Джауб подметил, что с ними был еще только один корабль. Значит, они выскочили слишком рано — атака еще не началась.

Джауб хотел уже попытаться развернуться и снова спрятаться, но было поздно. Зеленый выстрел СИДа чуть не ожег корпус. Джауб кинул вправо свой грузовичок (который сильно напоминал одну из рептилий с раковиной, живущих на его родной планете), и тот заскользил, совершая маневр уклонения.

В отличие от большинства защитников Нар-Шаддаа, Джауб был честным торговцем, который по чистой случайности оказался

по делам на Луне контрабандистов, доставляя экзотическую пищу когда-то изысканным отелям-казино. На Нар-Шаддаа была довольно большая салластанская община, и у Джауба имелись там родные и друзья. Так что, когда распространился призыв Мако, Джауб посчитал своей обязанностью ответить на него. Он не мог позволить семье и друзьям пострадать. Не мог не попытаться помочь им!

«Ну и что теперь? — подумал он, стреляя в СИД. — Не мне соревноваться с этими пилотами! Я ведь никогда даже не стрелял из этих орудий — только на тренировках!»

Но бежать уже было некуда: «Каррака» вступила в бой. И без того большие глаза Джауба расширились еще больше, когда он увидел, как «Получи-ка!» исчезает в зеленом пламени турболазеров.

Если бы Джауб считал, что может потягаться в скорости с этими кораблями, он попытался бы удрать. Но он прекрасно знал, что не стоит. Ничего не оставалось делать, только попытаться уцелеть и, может статься, получить возможность сделать удачный выстрел. С минуты на минуту Мако должен был объявить о реальной атаке!

Джауб метнулся в сторону, когда мимо него пронесся СИД, появившийся словно из ниоткуда. Этот маневр привел его в зону поражения турболазеров «Карраки». Пилот-салластанин взвизгнул в ужасе, когда рядом с его кораблем промелькнула зеленая вспышка, едва не задев грузовик.

«Все хорошо, он не попал, он не попал, он не... о боги... он попал в меня...»

Индикаторы показывали резкое снижение мощности. Этот выстрел едва задел его, но, вероятно, уничтожил щиты и вывел из строя двигатели. «Бнеф Нлле» еще двигался вперед по инерции, но двигатели уже умерли. Джауб попробовал маневровые двигатели и понял, что они все еще функционируют. Он не сможет затормозить или набрать скорость, но повернуть — пожалуйста.

Джауб осмотрелся и увидел, что сзади к нему приближаются два СИДа. Они моментально догонят и распылят его на атомы.

«Каррака», по всей видимости, решила не тратить заряд турболазеров на такой вот маленький подбитый грузовик. Имперская громадина величественно плыла параллельным с Джаубом курсом.

«Секунды... У меня есть всего лишь секунды. Но и за такое время можно кое-что сделать».

Он не считал себя особенно храбрым, но салластане были известны как практичная раса. Джауб повел свой корабль по

спирали, запустив маневровые двигатели, намеренно позволив «Бнеф Нлле» бесконтрольно вращаться. В иллюминаторе закружились звезды и космический мусор, отчего тошнота подкатила к горлу.

— Бнеф нлле всем! — завопил он перед тем, как врезаться в бок «Карраки».

По-салластански «бнеф нлле» означало «удачи».

Сначала Джаубу показалось, что у него не получится, что «Каррака» идет слишком быстро, но потом, в последнюю секунду, он понял, что да, он врежется в щиты левого борта большого корабля. Радость переполнила его, а потом был только огонь...

— Идиоты, придурки! Почему они не подождали моего приказа? — разорался Мако, глядя на дисплей радара.

«Почему они вылезли из засады?» Может, они не поняли его? Мако тогда сказал: «Приготовьтесь уклоняться». И как только он закончил говорить, те три грузовика кинулись вон из-под прикрытия. Мако смотрел на экран, непрерывно ругаясь на множестве языков, видя, как два из трех непослушных кораблей взрываются.

По крайней мере, этот второй парень, кто бы он ни был, смог извлечь хоть какую-то пользу из своего безрассудства. И даже тот дурак, который все начал, подстрелил разведывательный СИД. Третий корабль несся по направлению к Мако, а за ним гнался истребитель СИД.

— Вот здорово! — воскликнул Мако. — Давай, еще приведи его прямиком к нашему укрытию! Если ты выживешь, я лично разыщу тебя и удавлю!

— Мако, он получит по полной, если мы что-нибудь не сделаем, — напряженно сказала Синь.

— Я должен предоставить этому дурню право заплатить за свою ошибку, — зарычал Мако, но еще один взгляд на экран дал понять, что «Каррака» достаточно далеко зашла в скопища мусора, чтобы утратить возможность быстро развернуться и ускользнуть.

— Ладно, — сказал он Синюшке и артиллеристам. — Спасем его жалкую шкуру!

Включив коммуникатор, Мако сказал:

— Начинаем атаку! Первый отряд, в атаку, мальчики и девочки! Займитесь теми СИДами, а я пойду на «Карраку». Будьте готовы прикрыть меня! Покажем этому сосунку!

Синь выводила «Драконью Жемчужину» из укрытия. Пытающийся спастись грузовик увидел их и повернул к ним, как

ребенок, старающийся спрятаться за маминой юбкой. Синь отдала приказ артиллеристам, и шесть мощных турболазеров хаттской яхты послали в СИД зеленые смертоносные лучи. Истребитель зрелищно взорвался.

— Пустая трата мощности, — буркнул Мако. — У этих дурацких кораблей даже щитов нет.

«Жемчужина» двинулась дальше на «Карраку», которая только теперь сообразила, что ей бросают вызов.

— Синь, запускай «Охотников»! — крикнул Мако.

— Уже сделала две минуты назад! — закричала в ответ она. — И прекращай указывать мне, что делать!

«Бдительный» развернулся к яхте, и два корабля вступили в схватку. У «Карраки», разумеется, было преимущество в бою. У нее более мощная броня, щиты лучше, чем у яхты, и больше орудий. К тому же она была быстрее, хотя и ненамного.

Но и у команды Мако было два больших преимущества. Синь много раз водила корабли через мусорную свалку Нар Шаддаа, тогда как пилот «Карраки» делал это впервые. И хаттская яхта была намного меньше, а значит, маневренней. Синь старалась использовать это преимущество как можно больше. Яхта быстро подлетала, делала выстрел, а потом как можно скорее отходила, дабы избежать ответного огня.

Упав на пол, когда из-за попадания на мгновение искусственная гравитация дала сбой, Мако решил не рисковать и пристегнулся к креслу. За обзорным экраном полыхали цветные вспышки от лазерных и турболазерных выстрелов, отраженных щитами, но «Бдительного» из командного центра видно не было. Мако боялся, что «Бдительный» окажется одной из новых, переделанных моделей, оснащенных лучами захвата, но, по-видимому, это было не так. Хаттская яхта постоянно сотрясалась от стрельбы.

— Теряем щиты правого борта! — напряженно сказала Синь. — Еще одно попадание туда, и...

Бабах! «Жемчужина» страшно покачнулась, как раненое животное, когда хищник вонзает в него клыки. Синь выругалась:

— Стреляйте! Вмажьте им!

Яхта Джилиак задрожала, когда турболазеры выстрелили раз и еще раз.

Мако еле сдерживал желание встать и посмотреть своими глазами, что там творится, но корабль так бешено сотрясался, что это было бы рискованно. Ему сейчас не хватало только руку сломать — или шею.

Бах-бах!

— Тьфу ты! — воскликнула Синь. — Мы потеряли три

турболазерные установки.

Бах!

— Теперь четыре.

— Синь, во имя звезд, что происходит?! — крикнул Мако при следующем ударе. — Мы в них вообще попадаем?

— Ага, — пробурчала она. — Попадаем. Огонь, ребятки! Еще раз!

Не в силах дольше оставаться в неведении, Мако расстегнул ремни безопасности и, стараясь удерживать равновесие на то вздымающейся, то опадающей палубе, пробрался к Синюшке, чтобы увидеть происходящее самому.

— Щиты у него по левому борту слабеют, — пояснила Синь. — А наши на правом на нуле.

Она повернула хаттскую яхту так, чтобы к «Бдительному» были обращены сравнительно целые носовые щиты.

— Двигатели плохо работают, — сказал Мако, почувствовав, с какой натугой движется корабль.

— Это ты мне рассказываешь? — рявкнула Синь.

«Жемчужина» снова дала залп, потом еще один, а потом... Мако издал радостный вопль, увидев, что вместо вспышки турболазерного огня на щитах на бронированной шкуре «Кар раки» появилось большое обугленное пятно.

— Вот и нет его левых щитов!

— Ага, как и наших правых, — отрезала Синь.

— Но он теперь у нас в руках, детка! Выходим из боя!

Мако кинулся обратно к коммуникатору.

— Так, слушайте меня! «Уже слишком поздно»! «Минестра»! Говорит Центральная оборонительная. Прием!

Мако обращался к двум кораблям наемников, которые должны были по плану находиться в этом месте. «Уже слишком поздно» был захваченным и переделанным имперским патрульным кораблем, а «Минестра» — захваченный легкий имперский корвет. Оба корабля были помечены «пламенеющим когтем» — эмблемой, указывающей на принадлежность к пиратской братии.

— «Минестра», слышим тебя, Мако, — отозвался голос. — «Уже слишком поздно» тоже тут.

— Слушайте, ребята, хорошие новости! Мы только что вывели из строя щиты по левому борту «Бдительного»!

— Мы уже идем, чтобы прикончить его, — сказал голос капитана «Минестры». — Мако, мы видели, что вам сильно досталось. Лучше убирайтесь отсюда, пока не появились еще имперцы.

— Да мы с радостью, — откликнулась Синь, и очень

медленно «Драконья Жемчужина» поковыляла прочь.

Мако кинул взгляд на мониторы состояния корабля и выругался: «Полностью уничтожены щиты по правому борту, повреждены досветовые двигатели, повреждение корпуса, да еще и небольшая утечка воздуха. Джилиак будет в ярости...»

К этому времени подтянулись пиратские корабли, и они вместе с грузовиками наседали на поврежденный «Бдительный», слетаясь к нему, как стервятники к раненой жертве. Мако видел, что «Каррака» получает удар за ударом, пока броня больше не могла сдерживать их, и в боку корабля около ангара образовалась громадная дыра. Контрабандисты нацелились на двигатели, потом на мостик, и через несколько минут «Каррака» уже беспомощно дрейфовала. Из нее стали вылетать спасательные капсулы — часть команды покидала корабль.

Мако ухмыльнулся:

— Отлично, ребята! Так, мой корабль выходит из игры, по крайней мере, пока мы не устраним кое-какие повреждения, так что я направляюсь к Миражу не по расписанию. Вы, ребята, держите ухо востро. Вот-вот появятся канонерки!

Адмирал Гриланкс непонимающе уставился на коммандера Джелона, сбитый с толку докладом последнего.

— Вы говорите, что «Бдительный» вышел из боя? Капитан Элдон мертв?

— Вынужден с прискорбием доложить, сэр, это так.

— Что с его СИДами?

— Все уничтожены, сэр.

Гриланкс был слишком дисциплинирован, чтобы выругаться вслух, но он мог позволить себе сделать это мысленно.

— Прикажите канонеркам идти туда на полной скорости. Пусть две эскадрильи СИДов сопровождают их. Скажите им — вступать в схватку по готовности.

— Есть, сэр!

Гриланкс подумал было ввести в бой и вторую «Карраку», «Аванпост», но не стал. «Аванпост» может понадобиться позже, для зачистки. Ему не хотелось рисковать единственным оставшимся разведывательным кораблем.

«Мы еще покажем этим жалким преступникам», — гневно подумал Гриланкс, начисто позабыв, что должен проиграть это сражение.

Капитан Сунтир Фел смотрел на голограмму адмирала

Гриланкса, стоящую, как казалось, на коммуникационной панели «Гордости Сената». Он чувствовал себя так, будто его ударили в живот.

— Элдон мертв?

Гриланкс коротко кивнул:

— К несчастью, да.

— Ясно, сэр. Разрешите сказать, адмирал?

— Говорите. — В голосе Гриланкса не было слышно доброжелательности.

— Может быть, нам стоит воспринимать этих контрабандистов несколько более... серьезно... сэр? Похоже, они способны устроить координированную атаку, а не только стрелять вразнобой.

— Ваши слова приняты к сведению, Фел. Конец связи.

Голограмма исчезла.

Секунду Сунтир Фел стоял, склонив голову. Капитан Дарв Элдон был его однокашником в академии. Они были близкими друзьями почти десять лет. Его смерть была подобна ране в душе.

Фел сглотнул и выпрямился. У него еще будет время погоревать. Сейчас его обязанность — уничтожить как можно больше контрабандистов.

Поначалу Хану Соло было непривычно стрелять в СИДы, вместо того чтобы на них летать. Как только Мако приказал первой ударной группе начинать атаку, Хан на «Брии», с Чуи и Джериком, сидящими в установленных на крыльях турелях, полетел за несколькими СИДами и схватился с ними. Они уже взорвали двоих и теперь летали в скоплениях мусора в поисках новых противников.

У «Брии» был ослаблен один из кормовых щитов, что могло представлять опасность для двигателей, если в том месте случится еще один большой удар, но в остальном корабль не был поврежден, во многом благодаря искусному пилотированию Хана.

Хан был одним из немногих контрабандистов, которые летели без партнера. Мако хотел, чтобы он мог следить за флотом и без задержек устремиться туда, где потребуется его помощь. Хан понял, что решение Мако свидетельствовало о признании его способностей пилота, и был польщен.

Хан кинул быстрый взгляд на левую турель на крыле «Брии» и увидел Джерика во вращающемся кресле, с наушниками и микрофоном на голове. Пока что у парня не очень-то получалось. Он слишком старался, нервничал и умудрялся промахнуться, даже стреляя в упор. Хан начал думать, что не надо было брать

его с собой.

У Чубакки дела были намного лучше. Он попал в один из СИДов, и тот, крутясь, полетел прочь. Мгновение спустя он врезался в большой обломок и взорвался.

Хан достал второй сдвоенными носовыми лазерами.

В наушниках зазвучал голос Мако:

— Слушайте! Канонерки прибывают и вступают в бой по готовности! Будьте бдительны!

Хан только решил поохотиться на одну из канонерок, как неожиданно на него налетел СИД, палящий что есть мочи.

— Чуи, Джерик! — крикнул Хан. — Сосредоточьтесь!

Действуя по привычке, он увернулся от выстрелов и нажал на спусковую кнопку носовых орудий. Промазал! Хан выругался.

К ним мчался еще один истребитель, желая подставить «Брию» под перекрестный огонь. Хан наугад выстрелил в него, развернул корабль прочь — и увидел, что СИД покачнулся. Попал!

Другой СИД снова заходил, и в этот раз Чубакка был на высоте. Он стрелял, стрелял... В наушниках Хана вдруг раздался рев ярости и бессилия, который издал вуки.

«Его ранило!» — было первой мыслью Хана, и внезапно ему стало трудно дышать. Тем не менее, поглядев вправо, он увидел, что Чуи скачет вверх-вниз в кресле, рычит, ругается, размахивает длинными волосатыми руками, злой, но здоровый.

«Что это с ним?»

Хан посмотрел внимательнее и понял, в чем дело. Ручка управления орудием «Брии» с болтающимися проводами была зажата в руке Чуи. Стараясь подстрелить СИД, вуки слишком увлекся и забыл соразмерять свою силу; он попросту выдрал ручку с корнем. Теперь уже Хан выругался:

— Чуи, увалень волосатый! Посмотри, что ты наделал!

Чубакка прорычал у Хана в наушниках, что сам прекрасно знает, что наделал. Хан никогда раньше не слышал, чтобы его друг так выражался.

Шмяк! Выстрел СИДа попал в центральный щит «Брии».

«Ну же, Соло, сосредоточься на полете, а то будет тебе крышка!» Хан покачал головой, поняв, что отныне ему придется рассматривать правый борт как поврежденный и изо всех защищать его.

Он заговорил в микрофон:

— Джерик, слушай сюда, парень! Чуи только что сломал пушку! Теперь тебе придется взять на себя эти СИДы!

Голос Джерика дрожал и звучал подозрительно слабо:

— Э-э-э... я?

— Да, ты! Приготовься! Он заходит!

Джерик скорчился в кресле в левой турели и замер от ужаса.

«Вот сейчас исполнится мой худший ночной кошмар! Мы все погибнем из-за меня!»

Он заставил себя выпрямиться и крутанул кресло, ища СИД. Сетка прицела висела перед ним. Получится у него прицелиться? Он не знал. Пока что получалось только позорно проваливаться.

«Где же он? Где?»

Внезапно он увидел истребитель. Он шел по кривой сверху, так чтобы повернуть и избегнуть выстрела с носа «Брии».

«Я не могу... что, если я не смогу?»

Мысли Джерика беспорядочно скакали, но каким-то образом его руки двигались сами. Была сетка прицела, и был СИД, и вдруг — две картинки стали одной. Без сознательного побуждения Джерик нажал на спуск. Красный луч вылетел и попал в самый центр истребителя. В торжественной тишине истребитель взорвался. Джерик в шоке уставился на взрыв.

«Это я сделал?»

В наушниках раздался голос Хана:

— Отлично, малыш! Давай еще раз!

«Это я сделал? Я сделал! Получилось! Я могу!»

Джерик Соло широко улыбнулся, почувствовав окатившую его волну удовлетворения и гордости.

— Хорошо, Хан!

Джерик проверил заряд орудия, затем принялся осматривать окрестности в поисках новых целей. «Брия» полетела дальше.

На борту «Отчаянного Беглеца» Салла Зенд проверила свою позицию, потом быстренько взглянула в иллюминатор, чтобы убедиться, что ее партнер там, где ему и положено было быть. Так как «Беглец» по скорости был равен «Соколу», ее поставили в пару с Лэндо и его странным маленьким дроидом-пилотом.

Салла никогда не слышала о дроиде, который мог сам управлять кораблем, но поняла, что Вуффи Раа — необычный дроид, откуда-то из другой части Галактики. Явно не типичный астромеханик. С момента вылета Вуффи Раа не только держался в нужном построении, он летал еще и лучше ее!

Она проговорила в микрофон:

— Есть у тебя на радарах канонерки, Вуффи?

— Пока ничего, госпожа Салла, — ответил маленький дроид. — И пожалуйста, меня зовут Вуффи Раа.

— Нет проблем, Вуффи Раа, — откликнулась она. — И что же твое имя значит, а?

— На языке тех, кто меня программировал, это номер, госпожа Салла.

— А...

Салла проводила визуальное исследование, пролетая мимо обломков. Пока не было видно никаких канонерок, но датчики показывали большую группу кораблей, движущихся сквозь «облако» космического мусора вокруг Нар-Шаддаа. Все зависело от времени.

— Лэндо, будь настороже, готовь орудия. Имперские слизняки повсюду.

— Понял, Салла.

— Рик, Шуг! В любой момент на нас могут напасть. Готовы, парни?

— Готовы, — отозвался Шуг.

— Готовы, красотка, — сказал Рик Дуэль.

Он всегда выражался в такой манере, считая ее обворожительной. Салла состроила мину и закатила глаза.

— Завязывай с этим, Рик. Смотри в оба. Сейчас не время любезничать.

— Ну, Салла, что я могу поделать, если у меня есть глаза? — парировал Рик, придав голосу мнимо обиженное звучание. — Этот дурак, Соло, совсем не ценит тебя. Ты заслуживаешь большего, чем кореллианский недомерок. Ты прекрасная женщина, а он...

— Закрой варежку, Рик, — рявкнула Салла, устав от болтовни. — И усмири свои гормоны. Ты повторяешься.

— Но, Салла... — попытался он протестовать очень обиженным голосом, — я влюбился в тебя, как только...

— Госпожа Салла! — вклинился в разговор Вуффи Раа. — Летят!

Женщина проверила сенсоры и идентификационные коды корабля. Имперский легкий таможенный крейсер типа «Страж», «Хранитель Лианны»! Салла изменила курс, чтобы встретиться с приближающимся кораблем нос к носу, и ее впечатлило, как быстро Вуффи Раа последовал за ней.

«Хранитель Лианны» устремился к ним, стреляя из лазерных пушек. Салла получила легкое попадание, но щиты отразили выстрел. Имперский корабль оказался быстрым и столь же маневренным, как и грузовики, — это был таможенный патрульный корабль, разработанный, чтобы ловить контрабандистов. Шуг выстрелил из счетверенных лазеров и начисто промахнулся, потому что имперский пилот провел

маневр уклонения.

Салла наблюдала и думала: «Он хорош! Но мы все равно его достанем. У нас численный перевес».

Она была так занята «Хранителем Лианны», что не заметила три точки на экране радара, приближающиеся с невероятной скоростью.

Вуффи Раа пискнул:

— Леди Салла! СИДы!

Последовал выстрел в носовую часть корабля Саллы, но щиты выдержали. Шуг теперь стрелял постоянно, как и Лэндо. Подбили один истребитель, и тот мгновенно взорвался. Невозможно было сказать, кто именно из двоих попал.

«Уклониться!» Салла резко накренила «Беглеца», но все равно выстрел достиг цели. Большая часть удара пришлась на щиты, но при этом весь грузовик неистово затрясся.

— Уберите кто-нибудь эти СИДы! — крикнула Салла.

— Стараюсь! — одновременно отозвались Л эндо и Шуг.

Салла мрачно ругнулась. А где «Хранитель Лианны»?

Она потеряла таможенный корабль в свалке. «Беглец» снова затрясся. Пытаясь удерживать брыкающийся корабль на нужном курсе, Салла едва не врезалась в громадный обломок. Им попали в корму, и щиты там стали слабее. Судя по силе выстрела, это был патрульный корабль, а не СИД.

— Вот та-а-ак! — завопил в наушниках Лэндо, и Салла увидела, как еще один СИД взрывается.

Двое на двоих. Этак будет честнее! И все же где «Хранитель Лианны»? У Лэндо на хвосте? Да нет же! Прямо позади «Беглеца», вот где!

— Салла, маневрируй! — взволнованно сказал Лэндо.

— Да ни за что на свете! — заорала она. — Я только этого и ждала! Рик, чтоб тебя ранкор сожрал, достань его!

Капитан Лодрел, стоявший на мостике имперского корабля «Хранитель Лианны», мрачно оскалился, когда его корабль устремился к корме похожего на майнока грузовика.

«Попался!» — самодовольно подумал он и открыл рот, чтобы отдать приказ уничтожить беспомощный корабль. Но, не успев ничего сказать, Лодрел заметил нечто странное в задней части корабля от «КорелліКосмос». На корме грузовика вдруг открылись два закамуфлированных орудия! Вместо того чтобы кричать «огонь!», Лодрел завопил: «Маневрируйте!»

Но было поздно: две ударные ракеты уже мчались к нему.

«Как же это? Так нечестно!» — негодующе подумал Лодрел.

Это была его последняя мысль...

— Ура-а-а! — закричала Салла, увидев на экране, как патрульный корабль разлетается на атомы. — Достали его! Отличный выстрел, Рик!

— Подаришь мне поцелуй, когда вернемся на базу? — потребовал он в микрофон.

— Ни за что, — весело отозвалась Салла. — Но я буду доброй и куплю тебе выпивку!

— Мои поздравления, госпожа Салла, — сказал Вуффи Раа своим чересчур культурным голосом.

— Молодец, Салла! — фыркнул Лэндо. — Во всей этой суматохе я полностью забыл про эти ракеты. Шуг, ты лучше всех!

— Да, Шуг, мы все тебе обязаны, — согласилась Салла.

— Это было весело, — засмеялся Шуг. — Хотите еще раз?

— Конечно! — хором воскликнули Салла и Лэндо.

Мако Спинс вздохнул с облегчением, когда поврежденная «Драконья Жемчужина» дотянула до Миража в относительной безопасности, которую предоставили ей корабли побольше из флота наемников Дреи Рентал. Мако проверил датчики, слушая доклады с кораблей.

Контрабандисты хорошо справлялись с имперскими канонерками. Но и у них были потери — корабли, которые они не могли позволить себе потерять. Мако хмуро сдвинул брови, проверяя корабль за кораблем. Сегодня он потеряет много друзей. Слишком много хороших кораблей и славных товарищей уже не вернутся...

Он запустил программу проверки статуса. Почти двадцать пять процентов контрабандистских кораблей... уничтожены. Даже если они выиграют это сражение, контрабандные операции на Нар-Шаддаа еще долго будут ощущать на себе сегодняшние последствия.

Но и имперцы, вероятно, потеряли половину своих истребителей и около пятидесяти процентов канонерок.

«Вопрос дня: когда Гриланкс соберется ввести в игру крупные корабли?» — подумал Мако.

Большие корабли неумолимо приближались, но все еще были далеко. Мако взволнованно глянул на экран радара и увидел две канонерки, преследующие контрабандистский корабль. «О нет!» В наушники Мако ворвался голос, полный паники:

— Центральная! Можете выслать помощь? Я поврежден и...

Голос взлетел до мучительного крика, потом резко оборвался. На глазах Мако точка на радаре погасла. Ему оставалось только беспомощно выругаться.

— Коммандер Джелон, — сказал адмирал Гриланкс, — прикажите оставшимся истребителям вылетать и вступать в схватку по готовности.

— Есть, сэр.

Большие имперские корабли находились уже в пятистах километрах от мусорного «панциря» Нар-Шаддаа. Гриланкс отхлебнул стим-чай и снова посмотрел на радары — там оставшиеся двенадцать СИДов мчались к месту битвы.

— Коммандер, передайте главному клину указание выйти на внешнюю орбиту. Мы обогнем эти обломки.

— Есть, сэр.

— И прикажите клину разогнаться до полной скорости. Начинаем атаку.

— Есть, сэр!

Гриланкс снова проверил статус эскадры, упорство контрабандистов произвело на него впечатление. Он-то думал, что к этому времени они сломаются и побегут, а они все еще дерутся, более того, причиняют его канонеркам немалый ущерб.

И все равно нелегко будет проиграть. Да, контрабандисты храбро сражаются, но их маленькие грузовики не могут сравниться с линейными кораблями. Гриланкс вздохнул. Возможно, ему придется приказать одному из своих кораблей сделать нечто, что гарантированно приведет к его уничтожению. Адмирал еще отхлебнул стим-чай и с трудом проглотил горячую жидкость. Казалось, вокруг его горла сжимается рука. Ему доводилось посылать войска на верную смерть — и не раз, — но он никогда не делал этого специально. И он не был уверен, что сможет...

Но разве у него есть выбор?

«Вот они и сделали свой ход! Ускоряются для атаки!»

Мако переключил коммуникатор на особую частоту.

— Хан, это Мако. Слышишь меня?

— Да, Мако, — отвечал голос его друга, искаженный, но разбираемый. — Слышу тебя. Что происходит?

— Гриланкс делает ход основными кораблями. Я приказываю отступление. Сделаешь мне кой-какое одолжение, приятель?

— Говори.

— Вы с Чуи охраняйте тылы при отступлении. Задержитесь немного и побудьте пастухами для нашего стада космических лодырей, ладно? Следи за ними, Хан. Не давай им лететь слишком медленно, но и смотри, чтобы не летели слишком быстро. Надо, чтобы имперцы почти нагоняли их.

— Сделаем. Как у нас дела?

— В общем и целом неплохо. Но мы потеряли несколько друзей.

— Знаю, видел месиво, — сказал Хан поникшим голосом.

— Конец связи.

Мако переключился на другую специальную частоту.

— Капитан Рентал?

— Рентал слушает.

— Я собираюсь сейчас объявить отступление. Будьте готовы.

— Мы готовы. Я сообщу «Минестре». Как насчет «Уже слишком поздно»?

— Их больше нет.

— А...

— Рентал, конец связи.

Теперь Мако переключился на общую частоту.

— Мальчики и девочки, это Центральная оборонительная. Вы хорошо поработали, друзья-бездельники. Теперь пришло время уйти с вечеринки. Всем кораблям уходить по оговоренному курсу. Вспомните тренировки. Повторяю: уходите по оговоренному курсу. Начинайте. Центральная, отбой.

Заверри стояла в отгороженной секции космогаража Шуга Нинкса, сосредоточившись на экране радара, где двигалось изображение, передаваемое «Драконьей Жемчужиной». Она наблюдала, как контрабандисты развернулись и помчались прочь от приближающихся крупных имперских кораблей и оставшихся канонерок. Ее друзья бежали, как показалось бы стороннему наблюдателю, беспорядочной толпой, но на самом деле это было тщательно скоординированное и подготовленное отступление.

Мако с Ханом очень долго учили их, на каком расстоянии следует держаться впереди имперских кораблей — в зоне действия имперских орудий; им придется уклоняться, дабы не быть подстреленными удачным залпом.

Иллюзионистка в нетерпении кусала губы. Это самый большой шанс в ее жизни — шанс уничтожить за один раз больше имперцев, чем она наверняка едва ли когда еще сможет.

«Так, идите сюда».

Имперский клин подходил все ближе к месту, отведенному

для Миража.

«Вот так, идите сюда, гонитесь за ними, да, следуйте за ними прямиком в ловушку...»

Похожая на охотящегося тогорианина, Заверри напряженно всматривалась в дисплей, пока жжение в глазах не заставило ее заморгать. Проморгавшись, она увидела их. Весь основной клин находился в координатах «М»! Заверри улыбнулась, и улыбка ее была хищной, неприятной. Иллюзионистка включила коммуникатор на специальной частоте.

— Мако, это Заверри.

— Это Мако. Слышу тебя, Заверри.

— Включаю Мираж... сейчас, — сказала она и оборвала связь.

Медленно она нажала красную кнопку на панели управления. Под кнопкой была надпись: «Не трогать, если ты не Заверри».

— А теперь умрите, — прошептала она.

«Судьба Империи» обогнула Нар-Шаддаа по широкой дуге, как было приказано, чтобы обойти дрейфующий на орбите Луны контрабандистов космический мусор. Адмирал Гриланкс наконец увидел Нал-Хатту, громадную даже на расстоянии ста двадцати трех тысяч километров. Его флагман шел во главе клина кораблей, двигавшихся идеальным строем. Оставшиеся истребители и канонерки замыкали клин. Вся масса кораблей следовала за бегущими контрабандистами.

Гриланкс стоял на мостике, наблюдая, как имперская эскадра нагоняет свои жертвы. Красные и зеленые полосы разрядов имперских лазеров и турболазеров расчертили пространство, вонзились в пеструю гурьбу грузовиков. И снова Гриланкс пытался придумать, как же ему удастся инсценировать реалистичное поражение и отступление.

Контрабандисты яростно боролись, надо было отдать им должное, но вид его больших кораблей явно устрашил их, напугал настолько, что они растеряли весь боевой дух. Теперь они бежали, как кореллианские врельты от стаи каноидов.

— Адмирал Гриланкс, сэр! — не терпящим отлагательства тоном затараторил оператор средств обнаружения. — Сэр, у меня Что-то, но откуда... К нам Что-то приближается, сэр!

Гриланкс бросил мимолетный взгляд на датчики, потом повернулся посмотреть на обзорный экран. Его глаза округлились. От Нал-Хатты прямо на них шли сотни контрабандистских кораблей самых разных размеров — включая несколько кореллианских корветов!

«Наемники! У контрабандистов нет таких больших

кораблей!»

— Откуда они взялись? — потребовал Джелон у оператора. — Почему вы за ними не следили?

— Сэр, они, должно быть, только что взлетели с Нал-Хатты! Сэр, я концентрировался на контрабандистском флоте, как мне было приказано, коммандер!

Гриланкс нахмурился. Инстинкты, отточенные десятилетиями службы во флоте, заставляли его сомневаться, не трюк ли это.

— Полное сканирование! — рявкнул он.

— Есть, сэр!

Спустя мгновение оператор вывел на экран результат проверки. Гриланкс тщательно изучил его. «Наверное, хатты держали этих наемников в резерве, а в отчаянии потом выпустили их», — решил адмирал. Он прочистил горло:

— Коммандер Джелон, прикажите клину и истребителям выполнить поворот на сто десять градусов по оси игрек и вступить в схватку с неприятелем. Завершив маневр, пусть стреляют по готовности.

Мако Спинс издал вопль радости, увидев, как появляется флот-мираж, а имперские корабли начинают разворачиваться.

— Ага! Они купились! — Он включил коммуникатор. — Капитан Рентал!

— Вижу, — сказала она напряженно. — До сих пор я не верила, что это сработает, но должна признать... Атакую, полная скорость!

— Задай им жару!

Как просил Мако, Хан Соло держался позади остальных контрабандистов, когда они вылетали из космического мусора, отступали. Пролетев диск Нар-Шаддаа, Хан приказал им пойти по широкой дуге и выйти из полосы обломков. Тогда Гриланкс будет четко видеть бегущих контрабандистов и продолжит преследование — прямо до ловушки.

Выйдя наконец из полосы мусора, Хан неожиданно оказался позади имперского флота. Он видел корабли впереди и подумал было попытаться обогнуть их на максимальной скорости, чтобы принять участие в атаке в точке «М». Прямо перед собой он увидел на радаре пару кораблей и с удивлением обнаружил, проверив их данные, что отбившаяся парочка не кто иные, как Салла и Лэндо на «Беглеце» и «Соколе». Может, кто-то из них сильно пострадал и нуждается в помощи? Он активировал переговорное устройство и сказал:

— Центральная, это Хан. Мако, прием.

Вне полосы мусора помех было гораздо меньше, и голос Мако звучал значительно четче:

— Мако на связи, Хан. Имперцы уже почти в точке «М».

— У меня на радаре Салла и Лэндо, и мы все позади им перцев, Мако.

— Да, я попросил их побыть там, думая, что тебе может понадобиться помощь, если ты вдруг наткнешься на какую-нибудь канонерку, — сказал Мако.

— Они в порядке?

— Насколько я знаю, да.

— Переведешь меня на них?

— Конечно.

Чтобы не засорять частоты, все коммуникации осуществлялись через Мако, кроме пар вроде Лэндо и Саллы. Через мгновение Хан услышал голос Лэндо:

— Хан, приятель!

— Лэндо, я позади тебя. Думаю тут, как бы прокрасться мимо имперского флота, чтобы вернуться туда, где по-жарче.

— Мы с Саллой как раз об этом думали. Не хочу упустить шанс получить на свой счет еще несколько подбитых имперских канонерок. У нас с Саллой их довольно много, — гордо сказал Лэндо.

— Три легких крейсера типа «Страж», — вставила Салла.

— Эй, поздравляю!

— Хозяин, — четкий выговор Вуффи Раа невозможно было не узнать, — хотите, чтобы я развернул нас, чтобы мы вместе с капитаном Соло могли полететь обратно туда, где происходит битва?

— Да, Вуффи Раа, почему бы тебе это не сделать? Да... и не зови меня хозяином.

— Хорошо, хозяин.

Хан уже находился достаточно близко, чтобы увидеть, как его друзья разворачиваются и летят к нему. Хан тихо хихикнул:

— Лэндо, ты где раздобыл такого дроида?

— Долгая история.

Вскоре три корабля летели тесной кучкой. Хан был несказанно рад узнать, что с его друзьями ничего не случилось. Приятно, что они летят вот так, вместе, объединившись против имперцев.

Хан снова включил коммуникатор:

— Эй, народ, как мы все же будем добираться до места? Как-то надо облететь этот флот.

Чуи, который оставил бесполезную теперь турель и сидел в

кабине в качестве второго пилота и оператора носовых орудий «Брии», вдруг тревожно зарычал и показал на датчики. Хан взглянул туда и увидел, как громадный клин кораблей замедляет ход и начинает медленно разворачиваться, оставаясь все время в идеальном построении.

— Молодец, Заверри! — завопил Хан и включил связь. — Эй, Лэндо, Салла! Проверьте носовые датчики!

Имперские корабли уже были вне зоны видимости. Хан вдруг пожалел, что не может догнать их и побомбить еще.

— Они видят Мираж! — сказал Лэндо. — А мы почему не видим?

— Потому что мы позади него, — ответил Хан. — Все дело в угле падения лучей света. Это сложно, так что поверь мне на слово. Имперцы видят, что прямо на них прет громадный флот!

Имперский флот продолжал выполнять поворот.

«Вот же невезуха: застрять здесь, когда все веселье там!» — подумал Хан.

И вдруг ему в голову пришла идея.

— Лэндо, Салла! Я тут подумал: мы достаточно близко к имперцам, чтобы сделать двухсекундный микропрыжок в гиперпространство и вынырнуть прямо посреди иллюзии. Если мы немножко поменяем направление движения перед прыжком, мы окажемся на том же курсе, по которому идут «призраки»! Так давайте дадим флоту Заверри реальные зубки!

— Хан! — тут же запротестовала Салла. — Если ты не заметил, мы посреди гравитационного колодца!

— Зато мы близко к точке, где планета и луна уравновешивают друг друга, — продолжал настаивать Хан. — Да ладно вам, ребята! Мы можем это сделать! Давайте! За мной!

Он чуть изменил вектор полета и с удовольствием отметил, что «Отчаянный Беглец» и «Сокол» последовали его примеру.

— Так, готовы! Приготовиться к микропрыжку!

— Хан, эта иллюзия продержится еще от силы пару минут! — забеспокоился Лэндо. — Компьютеры не успеют рассчитать курс!

— Я уже об этом подумал, — отозвался Хан. — Ты скажи этому твоему дроиду, чтобы рассчитал нам микропрыжок и вывел нас троих прямо перед этим флотом. Он может загрузить цифры в наши навикомпьютеры через коммуникатор. Ты же можешь, а, Вуффи Раа?

— Я дроид второго класса, конечно, я могу сделать такие элементарные вычисления, — сказал Вуффи Раа, обидевшись на то, что его способности подвергли сомнению. — Однако, капитан Соло, я вынужден отметить, что ваше предложение влечет за собой значительный риск.

По голосу дроида Хан живо вообразил себе, как тот размахивает щупальцами, выказывая неодобрение.

— Лэндо, ну прикажи ему!

Вздох Лэндо был слышен даже через коммуникатор.

— Ну будь по-твоему, чокнутый кореллианин. Вуффи Раа, гений ты механический, делай, что говорит Хан!

Через несколько мгновений Вуффи Раа сказал подавленным голосом:

— Курс проложен.

— Загружай! — завопил Хан, сопроводив слова действием.

На короткий миг звезды превратились в яркие полоски, а потом Хан увидел, что несется прямо на имперский флот! Посмотрел по сторонам, увидел, что Лэндо и Салла летят рядом, а позади и со всех сторон простирается иллюзия, созданная Заверри. Теперь Мираж был виден, и хотя Хан был готов к чему-то масштабному, он был потрясен.

— Класс! — воскликнул Хан. — Спасибо, Вуффи Раа!

Когда призрачный флот подошел ближе к имперскому клину, большие корабли начали отстреливаться. Хан понял, что быть частью иллюзии не так уж и плохо: когда противник видит столько кораблей, по которым можно стрелять, для настоящих кораблей шансы быть подбитыми резко снижаются. Тем не менее Хан приготовился маневрировать в случае чего.

— Джерик, готов?

— Готов!

— Чуи, ты готов там со своими сдвоенными лазерами?

— Гррррмнннннн!

Хан выбрал цель — самый левый дредноут, который был ближе всего к нему.

— Иду за дредноутом прямо по курсу, — сказал он в микрофон, кинул взгляд на экран с идентификацией корабля, — «Миротворцем».

— Мы с тобой, — сказал Лэндо. — Прикроем друг друга.

— Отлично! — Для Хана наступил звездный час. — Весело, а, ребята?!

— Хан, что ты намерен делать? — с некоторой долей нерешительности спросила Салла.

— Да ничего такого. Я просто подумал, что можно пролететь мимо мостика «Миротворца» и помахать капитану, — весело ответил Хан. — Нанесу ему дружеский визит...

— Хан! Мне, знаешь ли, хотелось бы выбраться отсюда живой.

— Чокнутый кореллианин... — пробормотал Лэндо.

— Эй, да чего вы волнуетесь? Это же я!

Капитан Рельдо Довлис, командующий имперским дредноутом «Миротворец», с отвращением потряс головой.

— Прекратить огонь! — рявкнул он. — Их флот ненастоящий. Такого не может быть: наши выстрелы не сбили ни одного их корабля. И ни один из их выстрелов не причинил нам ни малейшего вреда. Мы попросту теряем время и заряды.

Оператор средств обнаружения поднял голову:

— Сэр, датчики по-прежнему показывают, что эта флотилия настоящая.

— Тогда они лгут, — раздраженно парировал Довлис. Он внимательно посмотрел на экраны радаров и увидел, что несколько кораблей быстро приближаются к корме «Миротворца». — С кормы приближаются корабли. Разверните корабль и приготовьте к стрельбе переднюю батарею турболазеров. Прицелиться. Приготовиться открыть огонь по моей команде.

Большой корабль медленно начал разворачиваться. Довлис неотрывно смотрел на приближающиеся корабли и с облегчением понял, что у него будет время дать по ним несколько залпов. Судя по их размерам, этого...

Пилот издал приглушенный крик, и «Миротворец» качнулся. Брызги красного лазерного огня разошлись по носовым щитам «Миротворца». А через мгновение мимо пронесся корабль — так близко к обзорному экрану мостика, что даже Довлис вскрикнул и пригнулся. Нападающий корабль, маленький, потрепанный грузовик «СороСууб», сделал четкую петлю и пошел на второй заход.

«Не все они миражи!» — понял Довлис.

— Поворачивайте обратно! — завопил он. — Стреляйте в тот корабль!

«Миротворец» начал разворачиваться обратно. Довлису снова стал виден флот контрабандистов, и он с ужасом увидел, что они уже очень близко. Еще два побитых грузовика направились к «Миротворцу».

— Цельтесь в те корабли! — приказал капитан. — Огонь!

Команда Мако Спинса сумела в аварийном порядке починить некоторые поломки «Драконьей Жемчужины», и теперь у хаттской яхты частично функционировали щиты по правому борту, а утечки в корпусе были ликвидированы. Досветовые двигатели все еще плохо работали, но Мако решил рискнуть и ввести яхту обратно в бой. Капитан Рентал приказала бомбардировщику сопровождать Мако, и быстрый мощный истребитель летел теперь

рядом с ним, готовый защищать поврежденную правую часть яхты.

Посмотрев на приборы, Мако увидел, что находится на расстоянии выстрела от своей цели — тяжелого крейсера «Ликвидатор». Корабль все еще был повернут кормой к приближающимся контрабандистам и пиратам, а значит, открыт для атаки.

— Мако, мы уже на расстоянии выстрела, — сказала Синь.

Мако кивнул прекрасной контрабандистке:

— Отлично! Пусть бомбардировщик стреляет первым, а потом вступим мы. Скажи стрелкам, чтобы целились в левый кормовой щит, прямо над двигателем. Надо попасть туда же, куда и бомбардировщик.

— Ага, — пробормотала Синь и передала приказ.

Мако был рад, что есть этот бомбардировщик, который прикрывает его правый борт. Быстрый, современный маленький истребитель был оборудован не только лазерами, но и протонными торпедами, которые могли очень сильно пригодиться. Мако включил коммуникатор и обратился к артиллеристу на борту бомбардировщика:

— Это Мако. Вы готовы?

— Готовы!

— Тогда начинайте!

Спинс следил за истребителем на радаре. Тот сделал заход и всадил четыре протонные торпеды в назначенную цель, потом отлетел прочь.

— Все, Мако, — сказал пилот, подлетая к яхте, — щитов либо уже нет, либо они держатся на соплях. Твоя очередь!

— С превеликим удовольствием!

Мако повернулся к Синюшке и кивнул. Она увеличила скорость до максимальной (которая все равно была не слишком большой) и направилась к «Ликвидатору», стреляя из турболазеров. После первого же выстрела Мако понял, что щиты тяжелого крейсера уже уничтожены. Артиллеристы «Жемчужины» стали бомбить цель из оставшихся двух турболазеров, прежде чем неуклюжий имперский корабль мог развернуться и начать обстрел из тяжелых орудий. Через мгновение правый бок корабля вместе с двигателем превратились в груду искореженного металла. «Ликвидатор» медленно и беспомощно вращался на месте. Воздух вытекал из него.

Капитан Дрея Рентал, сидевшая в своем командирском кресле, взволнованно подалась вперед.

«Наконец-то! Хоть какая-то работа и для меня!»

Конечно, командовать кораблями во время сражения было непростой задачей, но совершенно не такой, как та, что стояла перед ней сейчас. Она летела на собственном корабле и собиралась стрелять на поражение. Целью она выбрала другой тяжелый крейсер, «Заграждающий».

Эти корабли были неуклюжи, давно устарели, да и щитов у них было явно недостаточно. По сравнению с «Заграждающим» «Кулак Рентал» был тяжеловооруженным, сверкающим орудием уничтожения. В дополнение к двум сдвоенным турболазерам на верхней и нижней турелях ее кореллианский корвет был оснащен четырьмя сдвоенными лазерами по бокам, чтобы отстреливаться от истребителей, а также парой орудий, стреляющих протонными торпедами, впереди, прямо под мостиком.

Конечно, количество торпед было ограниченно, как Хан и предполагал. У Рентал было всего лишь четыре — их невероятно трудно найти. И, приближаясь к «Заграждающему», Рентал была намерена сделать так, чтобы каждая из них нанесла как можно больше вреда врагу.

— Готовьтесь выпустить торпеды номер один и два, — сказала она своим артиллеристам. — Цельтесь в корму. Будет здорово устроить им перегрузку реактора!

— Есть, сэр!

Рентал улыбнулась. Ей всегда нравилось, когда к ней обращались «сэр».

«Кулак Рентал» устремился к цели, как гончая за дичью, и его капитан крикнула:

— Огонь!

Корабль качнулся, раз, другой, когда протонные торпеды вылетели в вихре голубого пламени.

Первая торпеда снесла щиты крейсера; вторая влепилась в корпус и причинила значительные повреждения.

— Стреляйте из турболазеров! — приказала Рентал, идя на второй заход.

От ударов «Заграждающий» начал сотрясаться. Турболазеры еще глубже впились в жизненно важные системы корабля, ища путь к сердцу — реактору, который давал энергию двигателям.

Нельзя с точностью сказать, что насторожило Рентал. Возможно, инстинкт, развившийся за двадцать лет участия в сражениях. Женщина-капитан резко повернула корабль и увела его прочь.

Позади нее «Заграждающий» неожиданно взорвался, словно какой-то беззащитный СИД. Рентал победоносно улыбнулась.

«Вот это повеселились!»

Мако с радостью наблюдал, как пять бомбардировщиков Рентал мчатся к корме дредноута «Миротворец», целясь в плохо защищенную область двигателей, поливая ее протонными торпедами. Дредноуты были гораздо более сложными целями, нежели неповоротливые тяжелые крейсеры, но, по мнению Мако, у них был шанс расправиться с этим.

Хан, Салла и Лэндо явно выкинули какой-то безумный фокус, чтобы отвлечь внимание «Миротворца» на себя, покуда подоспеют бомбардировщики. На радаре мигали обозначающие их точки, следующие за бомбардировщиками. Они ждали, пока протонные торпеды уничтожат щиты, чтобы не палить попусту в большой корабль.

Мако принялся делать в уме некоторые вычисления, глядя, как бомбардировщики нападают на имперский дредноут: «Два залпа по две торпеды от пяти истребителей... двадцать ударов торпедами!» На первый взгляд это много, но Мако проходил практику на имперском дредноуте и знал, насколько эти старички крепки.

«Первый залп пошел... десять торпед... десять попаданий...»

Мако сделал грубые подсчеты и понял, что кормовые щиты «Миротворца» должны уже держаться на честном слове. Когда бомбардировщики пошли на второй заход, по правому борту дредноута, как раз там, где двигатели, стали появляться почерневшие дыры. Теперь, когда щитов больше не существовало, остальные контрабандисты лихо атаковали корму дредноута. Имперский капитан пытался было повернуть корабль так, чтобы можно было выстрелить по нападающим, но корабль уже не слушался.

А потом вдруг на правом борту сверкнула яркая вспышка, и свет от двигателей «Миротворца» погас. Мако тихо присвистнул.

«Вот это ребята попали...»

— Сэр, реактор правого борта перегружен! Системы безопасности отключили его! — доложил первый помощник Рельдо Довлиса. — У нас не осталось мощности в двигателях, сэр!

Довлис в отчаянии оглянулся. Теперь, когда двигатели не работают, уже не спастись. У контрабандистов корабли слишком малы, чтобы быстро причинить ему существенный ущерб, но со временем они попросту разорвут его на кусочки, начав с незащищенной задней части правого борта, пробираясь постепенно к мостику, уничтожая корабль часть за частью,

впиваясь своими маленькими лазерами...

— Нужно снова завести двигатели, или мы покойники, — сказал Довлис, зная, что говорит правду. — Отключите систему защиты. Нам нужна энергия!

— Но, капитан... — Лицо молодого человека от страха стало белым. И Довлис не винил его. С реакторами не стоило шутить. Но что ему еще было делать? Все остальные имперские корабли вовлечены в битву — вряд ли помощь придет достаточно быстро, обратись он к Гриланксу. Довлис рассчитывал на то, что система безопасности отключит реактор задолго до того, как появится реальная угроза взрыва.

Он направил на подчиненного суровый взгляд:

— Я отдал вам приказ, коммандер.

— Есть, сэр!

«Только бы нам удалось завести двигатели и протянуть до того, как мы доберемся до других кораблей!» — подумал Довлис. На дрейфующий без двигателей «Миротворец» рано или поздно начнет действовать гравитация Нар-Шаддаа. Довлис услышал, как натужно заводятся двигатели, и его сердце сжалось от того, что ему приходится делать с кораблем. Но сейчас на кону были их жизни.

«Миротворец» дернулся и медленно пополз вперед — а потом задрожал в агонии, когда взорвался правый двигатель. Левый двигатель все еще работал, и дредноут завертелся волчком.

— Выключить двигатели! — крикнул Довлис, но коммандер предвидел этот приказ и уже выполнил его.

«Миротворец» медленно вращался в тишине.

Искусственная гравитация еще работала за счет аварийных источников питания. Но их энергии было недостаточно, чтобы запустить маневровые двигатели. Не было способа прекратить это вращение. Если снова включить левые двигатели, корабль станет вращаться лишь сильнее и быстрее.

В ужасе Рельдо Довлис смотрел на кружащие за иллюминатором звезды, потом появилась поверхность Нар-Шаддаа, размытая из-за планетарных щитов, потом снова звезды и опять луна...

«Ну сделай же что-нибудь! — вопил его внутренний голос. — Нас же притягивает гравитация луны! Еще минута, и мы врежемся в энергетический щит Нар-Шаддаа! Взорвемся!»

Вот это будет взрыв!

Звезды... луна... звезды... луна...

Тошнотворное кружение, верчение, вращение, никакой возможности остановиться...

Звезды... луна... звезды... луна... звезды... луна уже близко...

Довлис пытался сохранить достоинство. В конце концов, он имперский офицер.

— Кто-нибудь может придумать что-нибудь, что может нам помочь? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно.

Команда на мостике молча смотрела на него. Закон гравитации в этом случае был так же жесток и неумолим, как любой из тех, что устанавливает Император.

Звезды... луна... звезды... луна уже так близко... звезды... луна...

А потом осталась только луна, вцепившаяся в них, тащившая их к своему щиту.

А потом не стало ничего...

Одним из контрабандистов, которые стреляли в умирающего «Миротворца», был Роа, который вдруг стал очень самонадеянным. Еще недавно он все думал, не стареет ли он, теряя хватку, но сегодня он два раза сцепился с СИДами — и оба раза вышел победителем из схваток.

«Эй, я все еще хоть куда!» — подумал он, кидая «Льюиилл» вслед кружащемуся дредноуту. Ради острых ощущений он пролетел прямо под падающим «Миротворцем», потом резко пошел вверх. Сила инерции вдавила его в кресло — а потом «Миротворец» врезался в щит Нар-Шаддаа.

Взрывная волна кинула Роа вперед. Он ударился о ручку управления. Панель инструментов частично разбилась, осколки глассина вонзились в его руки и грудь, как маленькие кинжалы.

Взрыв большого корабля уничтожил секцию планетарного щита, и горящие обломки были затянуты внутрь, в верхнюю часть атмосферы.

И туда же затянуло Роа.

Взрывная волна оглушила его, и он с трудом соображал, пытаясь прийти в себя. Это было нелегко. Забытье накатывало на сознание, как волны ночного моря. Но Роа был борцом. Он не сдавался: открыл глаза, моргнул, поднял голову.

Мгновение спустя он пришел в себя и понял, где он и что делает. Он падал камнем вниз, все ниже и ниже через загрязненную атмосферу Нар-Шаддаа.

Роа заморгал. Что это такое в глазах? Кровь? Скорее всего. Он потряс головой, и под черепом взорвалась боль. Попытка двинуться принесла еще больше боли.

Панель инструментов пребывала в разрухе, но некоторые части все еще светились и действовали. Костюм перестал быть

герметичным; впрочем, вакуума снаружи больше не было...

Усилием воли Роа заставил себя двигаться, схватил рычаги управления и начал пытаться вести маленький разведчик вниз сквозь атмосферу, используя все свое мастерство, чтобы обеспечить мягкую посадку. Или даже жесткую посадку. Вообще хоть какую-нибудь посадку!

«Льюилл» мужественно пыталась исполнять команды. Вот уже Роа удалось поднять нос кораблика, крылья подхватил воздушный поток. Сумасшедшее падение замедлилось. Роа принялся проверять системы торможения и маневрирования, и они нехотя, плохо, но отвечали. Он все еще падал, но теперь это было относительно контролируемое падение.

Внизу была платформа. С помощью маневровых двигателей Роа смог подтолкнуть «Льюилл» поближе к ней, пока не появилась уверенность, что он приземлится на платформу, а не свалится с края в зияющую пропасть между зданиями...

Пермакрит быстро приближался...

Слишком быстро!

Роа сражался с гравитацией, как сражался бы с человеком, пользуясь каждой унцией мастерства, какой обладал. Пермакрит был уже близко, и Роа приготовился...

Столкновения он не запомнил.

Сколько времени прошло, когда он вернулся в сознание, заморгал? Секунды? Минуты? Часы?

Роа не знал, и ему было наплевать. У него болело все, но в полное сознание его вернул самый дикий, глубинный страх, какой он когда-либо знал. Запах гари. «Льюилл» горела. В любой момент кораблик может взорваться, и тогда все его усилия, чтобы приземлиться, пойдут прахом...

Не обращая внимания на куски глассина, торчащие из его тела, Роа протянул руку и стукнул по кнопке, которая откроет кабину. Он неловко отстегнул ремни безопасности. Сумел встать и почти выпал из кабины. Дрыгнул ногами, пытаясь собрать силы, чтобы подтянуть ноги. Чьи-то руки вдруг схватили его, подняли. Голоса раздались в ушах странными булькающими звуками, приглушенные шлемом. Его подняли, понесли. Шаги по пермакриту. Бегущие, торопящиеся. Его стали трясти. Почти так же сильно, как во время взрыва.

Роа слегка поднял голову, посмотрел назад, на «Льюилл» — как раз вовремя, чтобы увидеть, как его любимый маленький кораблик взрывается.

«Но я-то живой, как сквозь туман подумалось ему. — Я живой, и у меня есть настоящая Льюилл...»

И с этой мыслью он потерял сознание.

Для человека, желание которого исполнилось, адмирал Гриланкс был удивительно безрадостен. Он смотрел на дисплеи радаров, сенсоров, видел ущерб, который понесла его эскадра, и пребывал в абсолютной, беспросветной ярости.

Да как эти контрабандисты посмели?!

Один дредноут полностью уничтожен. «Карраку» остается только сдать в утиль. Один тяжелый крейсер превратился в беспомощного калеку, второй и вовсе теперь плавает вокруг Нар-Шаддаа в виде космической пыли и обломков...

Гриланксу пришлось бороться с порывом собрать войска и продолжить сражение. У него все еще оставались довольно могучие силы, особенно в сравнении с этими контрабандистами. Был еще довольно приличный шанс, может быть даже больше, чем пятьдесят на пятьдесят, что он сможет добиться победы и выполнить свои обязанности.

Но он не мог. Он искал возможность оправдать уход, и вот теперь эту возможность ему преподносят на блюде.

Гриланкс повернулся к коммандеру Джелону:

— Прикажите нашим кораблям организованно отступить. Когда они выйдут из сражения, прикажите им прыгать в гиперпространство, к нашей точке сбора.

Джелон уставился на старшего офицера, не скрывая удивления:

— Отступать, сэр?

— Да, отступать, — резко ответил Гриланкс. — Мы не можем выполнить директиву здесь, в системе И'Тоуб. Проверенная тактическая мудрость говорит нам, что мы должны организованно отступить, пока у нас еще есть какой-то контроль над ситуацией.

Обычно Гриланкс так же не стал бы оправдывать свои приказы перед подчиненным, как не стал бы выходить в открытый космос без скафандра, но сейчас он мысленно составлял официальный отчет и пробовал фразы.

Джелон отсалютовал, как на параде:

— Есть, сэр!

«Отступить? — подумал капитан Сунтир Фел в немом изумлении. — Как это отступить? Мы же еще можем выиграть!»

Это нелегко, конечно, но вполне возможно.

Фел не мог поверить, что у Гриланкса вдруг затряслись поджилки.

— Организованно отступайте, — повторил коммандер Джелон. — Это приказ адмирала.

Фел по званию был выше Джелона, и это давало ему возможность говорить более открыто, чем если бы он говорил с адмиралом.

— Но там ведь еще неотозванные СИДы. Мы же не можем просто бросить их!

— Адмирал ожидает, что эскадра совершит прыжок в гиперпространство, к месту сбора, в назначенное им время, — сухо отозвался Джелон.

Фел поджал губы.

— Конец связи, — коротко сказал он, и миниатюрное голографическое изображение Джелона исчезло.

Сунтир Фел повернулся к своему старшему офицеру:

— Передайте экстренное требование всем СИДам прибыть к «Гордости». Я возьму столько, сколько смогу, пока ангары и отсеки для челноков не наполнятся. В тот же миг мы выйдем из сражения и отступим, коммандер Тонив.

— Какая скорость, сэр?

— Одна четвертная, коммандер.

— Четверть скорости, сэр?

— Вы слышали меня.

— Есть, сэр!

Фел приказал идти на такой до смешного низкой скорости, чтобы дать возможность как можно большему количеству истребителей оказаться внутри его корабля. Технически он не ослушался приказа — Гриланкс не подумал указать скорость, — но по сути он его нарушал. Честно говоря, в данный момент Фелу было абсолютно наплевать на приказы. Он не собирался бросать пилотов истребителей!

Пять минут спустя ангары были заполнены двенадцатью истребителями и еще три расположились в отсеке для челноков. Радары показывали, что поблизости больше нет истребителей, которые можно было бы подобрать, так что Фел приказал перевести «Гордость» на полную скорость, чтобы догнать остальную эскадру.

Через минуту над панелью коммуникатора материализовалась маленькая голограмма адмирала Гриланкса.

— Капитан Фел!

Фелу не пришлось прилагать усилий, чтобы оставаться внешне спокойным. Он все еще был слишком зол, чтобы волноваться.

— Да, адмирал?

— Вы намеренно ослушались моего приказа!

— Я подобрал наши истребители, адмирал. И их пилотов. Я посчитал это… важным.

Гриланкс рассвирепел:

— Капитан, это решение могло стоить вам команды. Я не премину отразить это в своем докладе.

Фел сглотнул, но взгляд не отвел.

— А я, разумеется, сделаю свой доклад, — сказал он. — И я намереваюсь изложить все факты, имевшие место в этом сражении, как я их видел.

Гриланкс пригвоздил Фела тяжелым взглядом. Ни один из них не отвел глаз.

В конце концов адмирал кивнул:

— Как пожелаете, капитан.

Крошечное изображение исчезло. Сунтир Фел упал в кресло, борясь с желанием обхватить голову руками. Стоили ли жизни этих пилотов истребителей его карьеры?

Вполне возможно, что он Вот-вот это узнает. Фел вздохнул. Какая же порой сложная штука жизнь. Потом ему в голову пришла мысль, которая подняла его дух: «По крайней мере, мне не пришлось выполнять приказ „База-дельта-ноль“… А это тоже кое-чего стоит».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ОТЛЕТ

Через двадцать четыре часа после того, как «Брия» почти благополучно совершила посадку на Нар-Шаддаа (если не считать правой пушки и кормового щита, повреждений не было), на посадочной платформе возле опущенного трапа «Фантазия» встретились Хан и Заверри. Чубакка и Салла Зенд тоже присутствовали, но отошли в сторону, чтобы дать друзьям попрощаться без помех.

Хан смотрел на иллюзионистку, которая вновь нарядилась в прежние цветастые одеяния, и качал головой.

Ненавижу прощаться, — жалко выдавил он. — Никогда не мог придумать нужных слов, а сейчас... вообще полный мрак. Как мне отблагодарить тебя, Заверри? Твоя иллюзия спасла нас. Без тебя ничего бы не вышло.

Волшебница улыбалась, ее темные глаза были полны веселья.

— Эй, Соло, сколько раз повторять, что за все кредиты Галактики не пропустила бы такого спектакля. Жаль только, что нельзя было оказаться на мостике у кого-нибудь из им перцев, — люблю знать реакцию зрителей.

Кореллианин хохотнул:

— Они удивились, это уж наверняка!

Хан безо всякой мысли взял Заверри за руку, а через секунду неистово обнимал женщину.

— Я буду скучать, — пробормотал он, уткнувшись носом в пышные волосы Заверри. — Только-только решил, что научился жить без тебя, и вот опять все сначала. Так нечестно.

Когда Соло сумел отодвинуться, то немедленно заработал крепкий поцелуй.

— Не дергайся. — Заверри улыбнулась. — Салла не будет возражать. Она классная девочка.

— Точно, — согласился кореллианин. — У нас с ней мозги одинаковые.

Иллюзионистка кивнула:

— Надеюсь, вы оба будете счастливы, Соло. Берегите друг друга, хорошо?

Хан тоже кивнул:

— Ты тоже не нарывайся.

— Не буду, Соло. Не забывай меня.

— Тебя забудешь, как же... — У Хана сдавило горло. — Я не сумею.

Он разжал руки. Заверри взбежала по трапу и ни разу не оглянулась.

Через три дня после битвы при Нар-Шаддаа, как вскоре ее начали называть, Хан, Чубакка, Салла и Лэндо Калриссиан получили приглашение на свадьбу Роа. Благодаря длительному купанию в бакта-камере жених тоже сумел на ней присутствовать, а невеста так просто светилась в новом платье. Слух о том, кто именно сыграл немаловажную роль в обороне Нар-Шаддаа, облетел всю Луну, и Хан с друзьями оказались на вечеринке почетными гостями. Они пили вволю, пробовали закуски, пожимали руки всем желающим, принимали поздравления и так далее.

Лэндо протолкался к смущенному, как положено жениху, Роа и обнял его за плечи:

— Я так понимаю, что одним из условий свадьбы был отход от дел, не так ли?

— Верно.

— Что ж, значит, тебе понадобится честный заработок. Хочешь поработать на меня?

— А что делать-то?

Калриссиан сверкнул белоснежными зубами:

— Какой ты подозрительный, право слово! А я-то всего лишь предлагаю управлять моим магазином подержанных кораблей. Я намерен снова предпринять длительную поездку в Централитет, и мне требуется надежный помощник, который в мое отсутствие будет присматривать за делами.

Роа всерьез призадумался.

— Коли так... да, конечно. Думаю, мне даже понравится. Спасибо, Лэндо. А что стряслось? Почему улетаешь? Задумал что-нибудь?

— Мы с Вуффи Раа возвращаемся туда, потому что мне намекнули, что там можно быстро настругать финансов на перевозках. Ну и... — Лэндо провел кончиком пальца по начинающим пробиваться усикам. — Если не соврали, то из системы Осеон казино никуда не исчезли. Самое время вспомнить былые навыки. Когда долго не берешь в руки карты, обрастаешь ржавчиной. Здесь, на Нар-Шаддаа, в сабакк играют по полкредита. А я соскучился по настоящим ставкам, серьезной игре.

Хан, который как раз проходил мимо, остановился как вкопанный.

— Сабакк? Где это серьезная игра? Это кому же надо

вспомнить былые навыки?

Лэндо расхохотался:

— Мне. Если смогу поддержать ставки, то смогу участвовать в большой игре, которая будет на Беспине через шесть месяцев. Взнос десять тысяч кредитов.

— Десять тысяч! — Соло присвистнул. — Вот уж действительно игра по-крупному.

Калриссиан очаровательно заулыбался:

— Слушай, приятель, ты и сам достойный игрок. Подумай об участии.

Хан отрицательно мотнул головой:

— Никак.

— Почему?

— Слишком крупная сумма для меня! Будь у меня десять тысяч кредитов, я бы потратил их на собственный корабль.

— Да, но можно выиграть и купить его, — указал Лэндо.

— Я не такой везучий.

— Ой, кому ты врешь, Соло? — настаивал Калриссиан. — Ты же можешь раздобыть деньги. — Он оглянулся на Чубакку. — Вот Чуи тебе одолжит, верно, Чуи? Он же твой лучший друг, не так ли?

Вуки выдал красноречивый рев и многозначно затряс башкой.

— Не настолько, чтобы рискнуть десятью тысячами кредитов! — с хохотом перевел Соло.

Охваченный горем Дурга скорчился около репульсорных саней своего родителя, наблюдая, как меддроиды и Гродо, хатт-врач, отчаянно стараются спасти Арука. Но даже ему было понятно, что все усилия впустую.

Несколько минут назад Арук вдруг упал, задыхаясь от боли, стеная. Его вывернуло наизнанку. Потом его грузное тело забилось в конвульсиях. Никогда еще Дурга не чувствовал себя таким беспомощным. Он мог только смотреть, как его родитель борется за жизнь.

Арук всегда был сильным, сильным и упрямым. Ему потребовалось четыре часа, чтобы умереть, четыре наполненных болью часа. Дурга сидел, скорчившись, около него все это время, в надежде, что родитель придет в сознание, но этого так и не случилось.

И когда измученное сердце главы Бесадии наконец сдалось и прекратило борьбу, это стало для всех облегчением. Но хотя Дурга был рад, что его родитель больше не испытывает этой ужасной боли, он чувствовал себя опустошенным. Он потерял не

только родителя, но и лучшего друга. Молодой хатт сжал безжизненно висящую руку Арука, увидел потоки зеленой слюны, бегущие из мертвого рта, и, сам не зная как, понял, что это убийство.

Но кто сделал это?

Кому, кроме членов клана Десилиджик, была выгодна смерть Арука?

В течение нескольких дней Дурга был слишком подавлен, чтобы нормально функционировать. Он едва ел и бродил по дому, как потерянное привидение. Он запретил хоронить своего родителя. И хотя все тесты, которые провел врач над содержимым желудка Арука, показывали отсутствие яда, убеждали, что хатт умер естественной смертью, Дурга был уверен, что здесь Что-то нечисто. Он приказал заморозить тело Арука и решил выписать из Центра Империи группу судебных экспертов, чтобы они провели аутопсию и тщательное расследование, когда все немножко успокоится.

Каджидик Бесадии пребывал в волнении. Выделились две фракции: одна болела за Дургу, другая против него. Сам Дурга делал некоторые шаги для того, чтобы укрепить свои силы. Он установил контакт с печально известным криминальным синдикатом «Черное солнце», которым владел и управлял могущественный принц Ксизор, и объяснил принцу, каким образом их организации могут быть полезны друг другу...

В течение следующих трех недель три могущественных повелителя Бесадии отправились в мир иной — двое погибли при падении челноков, а третий утонул, когда его речная баржа напоролась на не указанную на картах скалу и затонула.

После этого фракция, выступавшая против Дурги, притихла.

В ожидании прибытия судебно-медицинских экспертов из Центра Империи Дурга составил список возможных подозреваемых. Наверняка найдется какое-то указание на то, кто сделал это и как.

Дурга решил начать свое расследование с изучения финансовых записей. Будучи хаттом, он прекрасно разбирался в финансах и прибыли. Он проверит финансовое состояние каждого члена семьи Десилиджик, потом перейдет к Бесадии, потом к другим кланам. Он будет искать схему. В финансах всегда видны схемы, если знать, куда смотреть...

День проходил за днем, и медленно юный хатт нашел в себе силы продолжать жить без своего родителя.

«Кто-то за это заплатит, — клялся он каждое утро, смотря на голографический снимок Арука на стене своей спальни. — И заплатит очень дорого...»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
РАСПЛАТА

В этот раз надменный административный помощник проводил Хана в рабочий кабинет адмирала Гриланкса безо всяких вопросов. Хана явно ждали с нетерпением. Кореллианин мрачно улыбнулся и вошел. Наверное, он тоже был бы рад видеть того, кто отдаст ему целое состояние...

Адмирал стоял у окна, угрюмо уставившись наружу. Когда Хан вошел, Гриланкс повернулся, кивнул, но не улыбнулся.

— Принесли их? — спросил он.

— Да, они здесь, как заказывали, — ответил Хан.

Рукой кореллианин осторожно сгреб в сторону валявшиеся на столе Гриланкса предметы, очистив середину, и вытряхнул туда содержимое маленького мешочка, который принес с собой. Гриланкс впился взглядом в богатство, лежащее перед ним в виде разных драгоценных камней, происхождение которых нельзя было отследить, и в его глазах зажегся огонек.

— Хатты верны своему слову, — проговорил он. — Вы позволите?.. — Он махнул увеличителем в сторону камней.

— Конечно.

Следующие несколько минут адмирал рассматривал некоторые из самых крупных, самых красивых камней — галлинорские радужные самоцветы, камни коруска и жемчужины крайт-драконов различных размеров и цветов.

— Полагаю, вы нашли ваш челнок в назначенном месте, — заговорил адмирал, — раз уж вы оказались здесь точно в срок.

— Да, все было так, как вы говорили, адмирал.

Гриланкс взглянул на Хана, все еще держа увеличитель

у лица. Через линзы его глаз казался огромным.

— Как вы планируете уйти с моего корабля? — спросил он делано равнодушным тоном.

Контрабандист пожал плечами:

— Меня заберет мой напарник.

— Очень хорошо. Молодой человек, эти камни именно такие, как я просил. Пожалуйста, скажите вашим хозяевам, что я доволен.

Хан кивнул, но не преминул уточнить:

— Они мне не хозяева. Я всего лишь работаю на них.

— Как угодно, — ответил Гриланкс. Он помедлил, потом все же сказал: — Не думал, что вы сможете. Даже имея план сражения.

— Знаю. Но нам оставалось только выстоять или умереть. Мы сражались за наши жизни. А вы сражались за деньги. Это очень большая разница.

— Тот голографический трюк был прекрасным маневром.

Хан улыбнулся и слегка поклонился:

— Спасибо.

Гриланкс был ошарашен.

— Это вы сделали его?

— Нет, у меня был специалист. Но идея моя.

— Ах вот как. — Казалось, адмирал Что-то обдумывает. Потом он проговорил с ноткой тоски в голосе: — Вы презираете меня, не так ли, молодой человек?

Хан удивленно уставился на него:

— Вовсе нет. Я тоже делаю много неприятного за деньги.

— Но есть вещи, которые вы не стали бы делать.

Хан задумался.

— Это да.

— Ну, я... — Гриланкс замолчал, когда дверь внезапно отворилась. На пороге стоял его помощник, в глазах его застыл страх.

— Адмирал! Сэр!

— В чем дело? — раздраженно спросил Гриланкс.

— Сэр, меня только что известили из ангара... он только что прибыл. Должно быть, незапланированная инспекция. Он идет сюда, чтобы поговорить с вами!

Гриланкс издал долгий вздох и махнул помощнику, выпроваживая его.

— Этого можно было ожидать, учитывая обстоятельства, — пробормотал он, кинувшись к стене. Позади грамоты о заслугах находился стенной сейф.

Мгновение Гриланкс стоял смирно, чтобы сканер проверил сетчатку его глаз. Дверь открылась. Двумя горстями адмирал зачерпнул драгоценности, ринулся к сейфу и закинул их внутрь, потом вернулся, собрал остальные и поместил их туда же.

Пока все это происходило, Хан стоял столбом, полностью ошеломленный действиями адмирала.

— Что творится-то? — спросил он.

— Времени нет, — кинул ему Гриланкс, захлопнув сейф. — Так, подождите здесь. Нельзя, чтобы он вас увидел. Если увидит...

Адмирал прикусил губу, рванул на себя другую дверь, ведущую в кабинет секретаря. Комната была пуста, погружена в темноту.

— Сюда. Ни звука. Ни единого звука, понял?

— Нет, — озадаченно ответил Хан, — не понял.

Гриланкс даже не потрудился ответить. Он попросту схватил Хана за руку и втолкнул его в кабинет, захлопнув за ним дверь. Кореллианин очутился в темноте, совершенно не понимая, что вообще происходит.

Что еще за «он»? По реакции Гриланкса можно подумать, что он ждет какого-то монстра, выпрыгнувшего из детского голофильма!

Одолеваемый желанием ворваться обратно к Гриланксу и сказать: «Что за метод избавляться от гостей?», Хан на цыпочках подошел к двери. Дверь закрылась неплотно, и Хану было слышно, как Гриланкс ходит по кабинету. Раздалось постукивание, какое-то шуршание.

«Прибирает стол», — догадался Хан.

Скрипнуло кресло, обитое роскошной кожей ящерицы, когда Гриланкс опустился в него. Хан мысленно представил, как тот сидит, изо всех сил стараясь выглядеть так, будто ничего не происходит.

Раздалось шипение открываемой двери, тяжелая, размеренная поступь и шуршание чего-то похожего на ткань. Во что это он одет? Какая-то длинная одежда? Плащ?

Потом раздался другой звук, который кореллианин узнал, — громкое дыхание, стимулируемое искусственно, потому что это существо не могло дышать само. Дыхательная маска... этот посетитель носил дыхательную маску. Почему-то эти звуки громкого, свистящего дыхания казались зловещими. Хан сглотнул ком в горле и не издал ни звука.

Гриланкс заговорил намеренно веселым, радостным голосом, который должен был бы звучать буднично, но вместо этого в нем проскальзывал ужас.

— Повелитель, какое неожиданное удовольствие! Внешнее Кольцо почтено вашим присутствием. Полагаю, вы прилетели, чтобы провести инспекцию. Вы должны понять, что мы недавно были в бою, так что...

— Гриланкс, — перебил его низкий, механический голос, от которого у Хана поползли по телу мурашки, — ты настолько же туп, насколько жаден. Неужели ты думал, что высшее командование не узнает о твоем предательстве?

Теперь Гриланкс оставил даже попытки спрятать страх.

— Повелитель, пожалуйста! Вы не понимаете, мне было прика... — Вместо слов из его горла вдруг вылетел придушенный крик.

Глаза Хана стали квадратными. Сейчас он не открыл бы эту дверь даже за все жемчуга Галактики.

Тишина, прерываемая только громким, резким дыханием.

Тишина, долгая. Потом... глухой стук, как будто Что-то упало на ковер.

— Что вы, адмирал, я все прекрасно понимаю, — сказал голос.

Снова раздались тяжелые шаги, прошли мимо двери, за которой прятался Хан, не останавливаясь. Вновь открылась дверь.

Тишина.

Хан выждал добрых пять минут, прежде чем решиться приоткрыть дверь и выглянуть наружу. Он не слишком удивился, увидев Гриланкса распростертым на ковре. Подошел к нему, проверил пульс — его не было. Что, в общем-то, тоже было неудивительно.

Что удивляло, так это отсутствие на теле каких-либо повреждений. Хан не слышал выстрела из бластера, так что он предположил, что пришелец воспользовался виброклинком. Опытный убийца мог убить им так, чтобы было мало крови и никакой борьбы.

Но на Гриланксе не было вообще никаких следов...

Хан стоял, глядя на мертвое лицо адмирала, которое исказил смертный ужас. Кореллианин поежился. «Кто был этот тип?»

Соло подошел к стене и бегло осмотрел сейф, но, как он и ожидал, там был хороший замок, оснащенный сканером сетчатки глаза. И даже если бы удалось выковырять глаз Гриланкса — ну да, занятие малоприятное, — адмирал все равно уже был мертв слишком много времени. Не сработает.

«Надо бы мне убираться отсюда...» — решил Хан. Он пошел обратно, переступил через вытянутую руку Гриланкса, потом остановился, когда его ботинок задел Что-то маленькое на ковре. Наклонился и с ликованием подобрал этот предмет. Жемчужина крайт-дракона! Маленькая, но безупречная, по крайней мере невооруженным глазом изъянов не видно. Переливчатая, черная. Ценный цвет.

Сунув жемчужину во внутренний карман, Соло заторопился прочь. Через десять минут все было готово для побега. Хан стоял у входа на палубу, где располагались спасательные капсулы, поспешно скручивая провода в коробке пульта запуска. Затем он нажал кнопку, и крышка люка с шипением отодвинулась.

От дальнейших действий его удержали шаги за спиной и знакомый голос:

— Остановись, Соло. И медленно повернись.

Хан не стал упрямиться и, как и ожидал, увидел старого друга Тедриса Бжалина.

И бластер в его руках.

— Что ты здесь делаешь? Я видел тебя в коридоре, видел, как

ты входил к адмиралу. О чем ты с ним говорил? Что вообще происходит?

«Теперь все решат, будто это я придушил Гриланкса, — сообразил Хан. — Да меня сначала расстреляют и лишь после начнут задавать вопросы!»

— Не горячись, Тедрис, — попросил он, криво ухмыляясь и делая пробный шаг вперед. — Ты же не станешь стрелять в приятеля.

— Стой на месте, Соло, — предупредил Бжалин, но рука его не слишком уверенно сжимала рукоять бластера; в конце концов, они с Ханом и правда были хорошими и близкими друзьями. — Почему на тебе эта форма? Кто ты...

— Эй, приятель, сколько вопросов! Давай пойдем куда-нибудь, побеседуем. Я отвечу как...

Оборвав себя на полуслове, Хан прыгнул вперед, попутно вспомнив очень грязный кореллианский прием уличной драки. Бывший сослуживец оказался на палубе и лежал там скрючившись; говорить он не мог, только придушенно сипел и возмущенно сверкал глазами. Хан наклонился за бластером.

Проверил заряд и опустился на колено возле старого друга.

— Послушай меня, Тедрис, — негромко попросил он. — Умереть ты не умрешь, хотя временное неудобство тебе гарантировано. Я хочу, чтобы ты кое-что понял. Я никого не убивал. Ясно? Просто запомни на будущее. И вот еще что, Тедрис. Ты слишком хороший парень, чтобы тратить время и жизнь на запаршивевший флот, где у всех так и чешутся пальцы нажать на гашетку и устроить резню. Послушай доброго совета и беги отсюда, пока еще не слишком поздно.

Хан оглушил Бжалина и поспешно уволок потерявшего сознание парня в одну из спасательных капсул; люк закрывать не стал, чтобы не сработал ненароком механизм запуска.

А затем нырнул в соседнюю капсулу, ту, которую предусмотрительно перепрограммировал, и через пару минут уже кувыркался в невесомости. Со стороны должно было казаться случайным стартом, что в сложившихся обстоятельствах едва ли кого-нибудь удивит. В конце концов, «Судьба» только что побывала в бою.

Больше всего Хана волновало, что импы решат подобрать капсулу, но они не стали. Должно быть, импы гораздо активнее интересовались убийством Гриланкса.

Часом позже его отыскал Чубакка; Хан мирно дрейфовал себе в космосе и от нечего делать ломал голову над таинственным происшествием с адмиралом. Чуи втянул угнанную капсулу в грузовой трюм «Брии», скулежом, повизгиванием и завываниями

давая понять, что если они немедленно не уберутся отсюда (желательно очень быстро), то придется иметь дело с разведывательными СИДами, рыщущими поблизости.

Хан впервые не стал возражать и следом за Чубаккой бегом отправился в рубку. Они еще находились в пути, когда услышали: БУМ! А через секунду бумкнуло вторично, на этот раз так сильно, что напарников сбило с ног.

— По нам стреляют! — возмутился Соло. — Чуи, брысь к пушке!

Сам он соскользнул в пилотское кресло, увидел два СИДа — разведчики, которые разворачивались для следующего захода. А еще он увидел мигающий красный огонек индикатора на пульте.

— Чуи! Перегрузка реактора! Нам врезали в ослабленный щит! Валим отсюда!

Вскочив на ноги, кореллианин добежал до орудийной башни, выдернул оттуда напарника и поволок в трюм. Чубакка упирался и спорил.

— Шевели лапами, дубина! Корабль Вот-вот взорвется!

В грузовом трюме опять возникла загвоздка. Вуки не хотел лезть в имперскую спасательную капсулу.

— У тебя что, с головой плохо, Чуи? «Брии» конец! Других шансов нет. А теперь немедленно сворачивайся клубком и не забудь про дыхательную маску.

Чубакка наконец-то оказался в капсуле. Хан напялил скафандр и разгерметизировал трюм.

БУМ! БУМ-БУМ!

«Вам делать больше нечего, да? — Кореллианин подсоединил к капсуле антигравитационный модуль и стал толкать ее к распахнутому настежь грузовому люку. — Мы же все равно обречены...» Постучав в иллюминатор капсулы, Хан жестами объяснил напарнику свой план. Чубакка в дыхательной маске понятливо кивнул.

Они действовали слаженно. Хан толкнул капсулу в проем, а Чуи, приоткрыв люк, втянул кореллианина внутрь. Упражнение заняло, наверное, секунд шесть — недостаточно, чтобы вуки с его крепкой толстой шкурой пострадал от декомпрессии. А потом люк был захлопнут и завинчен, а в капсулу накачан воздух.

«Брия» взорвалась, едва спасательная капсула покинула трюм. Ударная волна наподдала им так, что они закувыркались. Хан ждал, что СИДы теперь накинутся на беглецов, но, как он и надеялся, вспышка замаскировала их отлет. Импы ничего не заметили.

Внутри было тесно, очень тесно, Хан с трудом сумел снять с головы шлем, а потом они с Чубаккой просто сидели чуть ли не в

обнимку и смотрели сначала друг на друга, затем — на догорающие обломки, которые некогда были их кораблем.

— Лэндо огорчится, — с несчастным видом произнес Хан.

«Брия» была норовиста, темпераментна и своенравна, но кореллианин привык к ней. Чубакка негромко ворчал на родном языке. Хан покосился на напарника и пожал плечами:

— Что делать будем? Ты знаешь не хуже меня, дружище. Система обитаемая, так что спасательная капсула автоматически совершит где-нибудь мягкую посадку, а там отыщем транспорт.

Вуки заскулил.

— А, ты спрашиваешь о корабле! — Хан вздохнул. — А вот это хороший вопрос, дружище...

«Мертв? — не веря своим ушам, подумал Тероенза, глядя на послание с Нал-Хатты. — Сработало. Не могу поверить, что Арук мертв!»

На какое-то мгновение он почувствовал легкий укор совести, но его тут же вытеснила радость. Теперь, когда Арук не стоит у него на пути, а деньги от Десилиджика текут рекой, ничто не помешает ему захватить полный контроль над всей операцией на Илизии. Дурга на Нал-Хатте, пытается управлять Бесадии. Киббик, как всем известно, идиот.

Тероенза мысленно представил свою коллекцию, а потом вообразил, какой она будет очень скоро. Он построит для нее отдельное здание!

И он привезет сюда свою любимую. Не будет больше одиноких дней и ночей. Они будут вместе плескаться в грязевых бассейнах, обладая богатством, о котором не смели и мечтать...

Тероензе потребовалось несколько минут, чтобы придать своему лицу достаточно скорбное выражение, после чего т'ландатиль отправился к Киббику, чтобы сообщить ему о смерти его дяди...

Мофф Сарн Шильд сидел в одиночестве в своем роскошном доме на Тете, гадая, что же пошло не так. Очевидно, атаковать Нал-Хатту было большой ошибкой. Гриланкс... Гриланкс провалил все, да еще и умер при подозрительных обстоятельствах.

Шильд был один в доме, если не считать дроидов. Все живые слуги исчезли неведомо куда. Брия... она тоже ушла, пропала несколько дней назад.

Даже не попрощалась.

Вчера Император призвал Шильда в Центр Империи, чтобы тот предстал перед комитетом по расследованию неудачной атаки на систему И'Тоуб. Сообщение Палпатина давало понять, что Император крайне недоволен.

Шильд сидел в одиночестве, пытаясь понять случившееся. Несколько дней назад он был одним из властелинов Галактики. Теперь же он даже не может вспомнить, почему сделал все так, как сделал. Как будто в него вселился кто-то посторонний.

Шильд уставился на богато украшенный стол. Перед ним лежал бластер, а рядом — пузырек с ядом. Шильд глубоко вздохнул. У него больше не осталось иллюзий. Поездка в Центр Империи только отсрочит неизбежное. Все лучше, чем испытать на себе гнев Палпатина. Но что применить: бластер или яд?

Какое-то время Шильд размышлял, но никак не мог прийти к решению. Наконец, отчаявшись, он мыслями вернулся в детство. Двигая пальцем от одного средства умереть (и спастись) к другому, он стал считать: «Вонга, винга, синги ве... что же, что же выбрать мне?»

ЭПИЛОГ

Шесть месяцев спустя Хан размышлял о том, что довольно странно после стольких лет вновь очутиться на Кореллии. Улицы были знакомы и незнакомы одновременно, они успокаивали и грозили. На родной планете с Ханом приключилось много дурного, чересчур много... Но может быть — просто может быть, — его удача переменится. Шагая по улице, Хан машинально похлопывал себя по карману, в котором лежала небольшая драконья жемчужина и миниатюрная золотая статуэтка с рубиновыми глазами. Паладор, вымерший кореллианский зверь. Много лет назад Хан спрятал в тайнике эту статуэтку, украденную из сокровищницы Тероензы.

Теперь он планировал продать ее вместе с жемчужиной. Хан уже прикинул их общую стоимость — примерно десять тысяч кредитов. А через десять стандартных дней на Беспине начнется большая игра...

Обнаружив лавку Галидона Оканора на прежнем месте, Соло вздохнул с облегчением. Оканор не скупился, хотя и любил поторговаться, как, впрочем, любой скупщик краденого. «Десять тысяч кредитов, — рассуждал кореллианин. — Вот уж не ожидал, что окажусь в столь бедственном положении, чтобы рисковать такой суммой на кону... особенно если учесть, что играть придется против Лэндо, а ему палец в рот не клади».

Но ему необходим собственный корабль. А другого способа разжиться деньгами на покупку Хан не придумал.

Соло остановился на пороге лавки и перевел дух. Все или ничего...

И, сжав в потном кулаке мечты и надежды, кореллианин толкнул дверь...

КНИГА 3
ЗАРЯ ВОССТАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПОБЕДИТЕЛИ И ПРОИГРАВШИЕ

Сидя в пилотском кресле, Хан Соло склонился над приборной панелью «Проказницы».

— Входим в атмосферу, капитан, — объявил он.

Бледный диск большого солнца окрасился красноватым свечением, окружавшим планету, и скрылся за ее телом. В поле зрения возникла темная ночная сторона Беспина, закрыв звезды. Хан проверил датчики.

— Говорят, в атмосфере Беспина водятся летучие, вернее будет сказать, парящие создания, так что держите передние щиты на максимальной мощности.

Работая одной рукой, второй пилот внесла необходимые поправки.

— Расчетное время подлета, Хан? — спросила она с ноткой напряжения в голосе.

— Уже недолго, — ободряюще ответил тот, когда «Проказница» пронзила верхние слои атмосферы, пронесясь над темным полюсом планеты. Далеко туман мерцал приглушенным светом от молний. — Расчетное время подлета — двадцать шесть минут. Окажемся в Облачном городе как раз к позднему ужину.

— Чем скорее, тем лучше, — ответила она, морщась и поправляя руку на перевязи. — Зверски чешется.

— Держись, Джадонна, — сказал Хан. — Мы отвезем тебя прямо в медцентр.

Она кивнула.

— Да я и не жалуюсь, Хан. Ты прекрасно поработал. Но просто не терпится окунуть ее в бакту.

Хан покачал головой.

— Разрыв хрящей и связок... больно, должно быть, — сказал он. — Но в Облачном городе наверняка найдутся квалифицированные медики.

Она кивнула еще раз.

— Конечно. Неплохое это место, Хан. Сам увидишь.

Темнокожую и коренастую Джадонну Велоз Хан встретил два дня назад, когда увидел в сети объявление о поиске пилота, который мог бы отвести ее корабль с Алдераана на Беспин. Руку Велоз повредило ударом сломавшегося антигравитационного погрузчика, но, стремясь успеть в строгие сроки, она отложила лечение до того, как доставит груз.

Добравшись на скоростном челноке с Кореллии на Алдераан

и получив оплату за перелет, Соло занял место пилота и доставил их на Беспин точно по расписанию.

«Проказница» шла сквозь легкую, похожую на дымку экзосферу и, погружаясь глубже, скользила сквозь синее небо вечерних сумерек. Хан изменил курс, следуя на юго-запад, к заходящему солнцу. Стремительно проносящиеся под ними верхушки пышных облачных громад начали окрашиваться в багряный, коралловый, а затем золотисто-оранжевый цвет.

У Хана Соло были свои причины посетить Беспин. Если бы не объявление Джадонны, ему пришлось бы покопаться в своих неумолимо истощавшихся запасах кредитов, чтобы самому купить билет на коммерческий лайнер.

«Велоз подвернулась как нельзя кстати», — решил Хан. На обещанные ему деньги он позволит себе дешевый номер и регулярное питание во время большого турнира по сабакку. Один только первоначальный взнос составлял без малого десять тысяч кредитов. Хану с трудом удалось наскрести нужную сумму, для чего пришлось продать золотую статуэтку паладора, украденную у илизианского верховного жреца Тероензы, и драконью жемчужину, обнаруженную в кабинете адмирала Гриланкса.

На секунду кореллианин пожалел, что с ним нет Чубакки, но тому пришлось остаться в их маленькой квартирке на Нар-Шаддаа, потому что Соло не мог позволить себе второй билет.

Теперь они шли сквозь толщу атмосферы, и Хан видел солнце Беспина, зрительно приплюснутый оранжевый шар, просвечивающий сквозь массивные гряды облаков. «Проказницу» окружали сияющие облачные горы — золотые, как мечты Хана о богатстве.

Он ставил все на эту игру... и ему всегда везло в сабакк. Но хватит ли одного везения, чтобы выиграть? Против него будут играть профессионалы, такие как Лэндо.

Кореллианин сглотнул и решительно сосредоточился на управлении кораблем. Некогда было давать волю нервам. Хан еще немного подкорректировал курс «Проказницы», думая о том, что в любой момент может оказаться в зоне транспортного контроля Облачного города.

Словно в ответ на его мысли, из переговорного устройства раздался голос:

— Прибывающее судно, пожалуйста, назовите себя.

Джадонна Велоз включила передатчик.

— Транспортный контроль Облачного города, это «Проказница» с Алдераана. Наш вектор... — Она бросила взгляд на приборы и продиктовала набор цифр.

— «Проказница», вектор подтвержден. Пункт назначения —

Облачный город?

— Так точно, транспортный контроль, — подтвердила Джадонна.

Хан ухмыльнулся. Насколько он слышал, Облачный город и составлял практически весь Беспин. Там, конечно, были колонии по добыче и очистке газа, склады для хранения и перевозки, но более половины всех прибывающих кораблей в первую очередь доставляли пассажиров в роскошные отели. За последние несколько лет жаждущие развлечений туристы сделали Облачный город одним из любимых мест посещения.

— Транспортный контроль, — продолжила Джадонна, — у нас важный груз для кухонь отеля «Ярит-Беспин». Замороженное филе нерфов. Просим посадки.

— Даю разрешение, «Проказница», — послышался голос инспектора. Затем он добавил менее официальным тоном: — Филе нерфов, да? Нужно будет вывести свою жену на ужин на этой неделе. Ей хочется чего-нибудь особенного, а такое удовольствие — вещь нечастая.

— Это первосортное мясо, — заверила его Велоз. — Надеюсь, шеф-повар в «Ярит-Беспине» его оценит.

— Да, он в этом мастер, — облизнулся инспектор, но затем вернулся к официальному тону. — «Проказница», разрешаю посадку на уровне 65, посадочный причал 7А. Повторяю. Уровень 65, 7А. Вы меня слышите?

— Вас слышим, инспектор.

— Посадочный вектор... — Голос помедлил, затем сообщил им координаты.

Хан ввел их в навикомпьютер, и они продолжили полет. Он вдруг понял, что ему действительно хочется увидеть легендарный Облачный город. Сам Веснин успел прославиться и до постройки курорта. Здесь добывали газ тибанна, который применялся в двигателях кораблей и зарядах бластеров. Хан не вникал в тонкости добычи газа, но знал, что тибанна очень ценен, так что добытчики, должно быть, живут безбедно. До того как газ обнаружили в атмосфере Беспина, его находили в звездных хромосферах и туманностях и добыча его считалась по меньшей мере опасной. Потом кто-то узнал, что его полно в атмосфере Беспина.

Заметив неожиданную электронную активность на датчиках, Хан поспешно выправил курс.

— Эй, а это еще что? — Он ткнул в иллюминатор.

Справа от них висело смутное нечто чудовищных размеров, парящее среди многоцветья облаков. По сравнению с этой громадиной многие кореллианские города могли показаться

деревнями.

Джадонна наклонилась.

— Это белдон! — воскликнула она. — Они очень редки. За все годы, что я бывала здесь, никогда их не видела.

Хан покосился на гигантское создание, когда «Проказница» пронеслась мимо него. Белдон напоминал океанических студенистых существ, которых он видел на некоторых планетах. Из-под огромного купола создания свисали вниз многочисленные хватательные щупальца.

Хан сверился с вектором посадки.

— В самую точку, капитан, — сказал он.

Громадина исчезла за ними. Перед собой Хан увидел еще одну, уже меньшего размера форму и понял, что это и есть Облачный город. Он висел в облаках, словно экзотический бокал, увенчанный короной округлых башен, куполообразных зданий, коммуникационных антенн и хранилищ очищенного газа. В последних отблесках заката он сиял, как камень коруска.

Придерживаясь вектора, Хан провел «Проказницу» над куполами зданий и мастерски посадил на предназначенное ей место. Получив оплату и распрощавшись с капитаном Велоз, пилот отправился на поиски роботакси, чтобы добраться до роскошного отеля «Ярит-Беспин», где проводили турнир по сабакку.

Кореллианин ввел координаты, и маленький робомобиль понесся по улицам, петляя между уровнями и «перепрыгивая» через низкие строения. Стоило машине набрать высоту — и пассажиру открывался превосходный вид на облака и зияющие бездны под ними. На планету спустилась ночь. Город сиял, как открытая шкатулка с драгоценностями богатой леди.

Через несколько минут роботакси остановилось перед «Ярит-Беспином». Хан отмахнулся от услуг дроида-носильщика и вошел в массивные двери. Он бывал в роскошных отелях и прежде, путешествуя со своей подругой Заверри, так что пышная обстановка и паутинная сеть самодвижущихся дорожек, охватившая весь этаж, его не удивляли. Заметив вывеску «Регистрация на турнир» по меньшей мере на двадцати языках, он проследовал в направлении стрелки по бегущей дорожке к мезонину.

Сойдя с дорожки, он уверенно подошел к большим столам. Зал кишел игроками разнообразных биологических видов, всех цветов и размеров. Хан зарегистрировался, отдал на проверку свой бластер (все оружие также требовало регистрации), получил идентификатор и чек, который можно было обналичить при необходимости сделать ставку. Первая игра должна была

начаться в середине следующего дня.

Он направился к выходу из зала, надежно спрятав чек во внутренний карман рубашки поближе к телу. И тут услышал знакомый голос:

— Хан! Эй, Хан! Иди сюда!

Лэндо Калриссиан махал ему с другого конца мезонина. Соло помахал в ответ, перескочил с одной дорожки на другую, а его друг прыгнул на встречную и теперь приближался к кореллианину.

Когда он последний раз видел Лэндо, картежник направлялся куда-то в систему Осеон. Но он месяцами талдычил об этом турнире, так что Хан вполне ожидал его здесь увидеть.

— Привет, Хан! — Темнокожее лицо Лэндо расплылось в широкой улыбке, когда дорожки привели их друг к другу. — Давно не виделись, старый пройдоха!

Соло проворно перепрыгнул к Лэндо. Не успел он приземлиться, как Калриссиан сгреб его в объятия, достойные самого Чубакки.

— Рад тебя видеть, Лэндо! — выдохнул Хан после очередного хлопка по спине.

Друзья спустились обратно в зал регистрации и остановились, чтобы получше рассмотреть друг друга. Лэндо имел вид весьма цветущий — игральные столы Осеона, должно быть, ломились от легкой наживы. Игрок был одет в дорогой наряд из аскажианской ткани, лучшей в Галактике. За спиной развевался новый черно-серебристый плащ, отделанный по последней моде.

Хан улыбнулся. В последний раз, когда он видел Лэндо, тот едва начал отращивать усы. Теперь его лицевое украшение приобрело более зрелый, но при этом аккуратный вид и придавало его внешности налет пиратской удали. Что Хан не преминул отметить:

— Вижу, ты решил сохранить свою растительность.

Лэндо с гордостью погладил усы.

— Все женщины, кого я встречал, были от них в полном восторге, — заявил он. — И где я только раньше был?

— Увы, некоторым приходится прибегать к дополнительным усилиям, — заметил Хан. — Я-то и без того не жалуюсь.

Лэндо насмешливо фыркнул. Кореллианин огляделся по сторонам:

— А где же твой красноглазый приятель? Не говори, что ты проиграл Вуффи Раа в сабакк.

Картежник покачал головой:

— Хан, это долгая история. Чтобы все подробно рассказать,

мне нужен большой стакан чего-нибудь освежающего.

— Давай тогда вкратце, — предложил Соло. — Только не надо о том, что коротышка устал называть тебя хозяином и решил, что его услуги пригодятся в другом месте.

Калриссиан снова покачал головой, неожиданно посерьезнев.

— Хан, ты в это не поверишь, но Вуффи Раа решил вернуться к своему народу и вырасти. Исполнить свое предназначение.

Хан поморщился:

— Что? Он дроид. О каком предназначении может идти речь?

— Вуффи Раа... корабль-ребенок. Я знаю, звучит безумно, но это правда. Он родом из... уникальной расы. Гигантские корабли-дроиды, блуждающие среди звезд. Разумные, но небиологические формы жизни.

Хан уставился на друга.

— Лэндо, ты рилла нанюхался? Можно подумать, ты весь день провел в баре.

Калриссиан поднял ладонь.

— Это правда, Хан. Видишь ли, тот злобный шаман, по имени Рокур Гепта, оказался кроком, и все эти дышащие вакуумом... И потом была битва в Звездной пещере, и...

— Мошенник! — неожиданно выкрикнул глубокий хрипловатый голос. — Держите его! Не дайте ему играть! Это Хан Соло, он шулер!

Развернувшись, кореллианин увидел несущуюся на него разъяренную барабелку. Та слегка прихрамывала из-за плохо гнущегося колена, но все больше сокращала расстояние, обнажив в оскале крупные зубы. Барабелов можно было встретить не часто. Хану попадались лишь несколько представителей этого вида. И только одна женщина.

Фактически именно эта женщина.

Хан сглотнул и потянулся за бластером, но только бессильно хлопнул себя по бедру. Проклятье! Он начал пятиться, примиряющее подняв руки.

— Послушай, Шалламар... — начал он.

Лэндо, всегда скорый на решительные действия, тут же постарался оказаться подальше от траектории движения барабелки.

— Охрана! — выкрикнул он. — Кто-нибудь, вызовите охрану!

Барабелка плевалась и шипела от ярости.

— У него «оборотни»! Мошенник! Арестуйте его!

Хан продолжал отступать, пока не наткнулся на один из регистрационных столов. Опершись одной рукой, кореллианин перемахнул через него. Барабелка сверкнула зубами.

— Трус! Выходи оттуда! Арестуйте его!

— Послушай, Шалламар, — выпалил Хан, — я обыграл тебя честно. Злиться — это неспортивно...

Она с рычанием бросилась на него... но замерла и тяжело рухнула на пол, когда ее ноги охватило парализующее поле. Шалламар металась, била по ковру хвостом, рычала и сыпала проклятиями.

Кореллианин бросил взгляд на гостиничных охранников и с облегчением выдохнул.

Десять минут спустя Хан, Лэндо и все еще стреноженная Шалламар сидели в кабинете службы безопасности перед лицом начальника охраны. Начальник просканировал Хана с головы до пят, но, к большому неудовольствию Шалламар, у кореллианина не нашлось никаких запрещенных устройств.

Теперь барабелка нервно сидела на полу, ее ноги все еще сдерживало поле, и шеф охраны предупредил ее, что дальнейшие подобные выходки приведут к тому, что ее придется исключить из соревнований.

— ...И я думаю, вам следует извиниться перед господином Соло, — закончил он.

Шалламар тихо зарычала:

— Я не буду более досаждать ему. Даю слово чести.

— Но... — начал шеф безопасности.

Хан сделал жест рукой.

— Не нужно, сэр. Если Шалламар оставит меня в покое, мне этого достаточно. Я рад, что смог доказать свою честность.

Начальник пожал плечами.

— Как скажете, Соло. Вы оба свободны и можете идти. — Он посмотрел на Хана и Лэндо. — Я отключу поле и выпушу ее через пару минут.

Он повернулся к барабелке:

— А вы, дамочка, будете находиться под наблюдением. Прошу учесть это. У нас соревнование, а не уличные бои. Вам это ясно?

— Ясно, — прохрипела она.

Хан и Лэндо покинули кабинет. Хан не проронил ни слова, но он слишком хорошо знал Лэндо, чтобы вообразить, будто тот оставит произошедшее без комментариев. Разумеется, как только они ступили на дорожку, ведущую к кафе, Лэндо улыбнулся во весь рот:

— Хан, Хан... все никак не угомонишься, а? Ты все-таки прав... тебе везет с женщинами!

Кореллианин обнажил зубы в оскале не менее жутком, чем у Шалламар.

— Заткнись, Лэндо. Просто заткнись.

Хотя Калриссиан и без того уже не мог говорить — слишком уж сильно смеялся.

Двум друзьям понадобилось несколько часов, чтобы поделиться всеми новостями. Хан выслушал подробный рассказ о приключениях Лэндо в системе Осеон. Выяснилось, что с их последней встречи Калриссиан успел выиграть и потерять немало богатств, в том числе груз драгоценных камней.

— Ты бы их видел, Хан, — горестно проронил Лэндо. — Они были великолепны. Занимали половину грузового отсека «Сокола». Ах, если бы я поберег их, а не грохнул почти всё на покупку половины этой несчастной берубианской шахты...

Хан посмотрел на друга со смесью сочувствия и неодобрения:

— Соляная, да? Не имеет ни малейшей ценности.

— Верно. Откуда ты знаешь?

— Я знал одного парня, который провернул такую аферу. Только это был астероид из дюрасплава.

Хан не стал упоминать, что однажды потерял урановую шахту на полмиллиона кредитов, которую до этого выиграл в сабакк. Шахта была настоящей, но документы оказались подделкой, так что он едва избежал судебных разбирательств, когда акционеры начали расследование.

Но все это было в прошлом, а Хан Соло взял за правило никогда не сожалеть о неудачах.

— К слову о «Соколе», — поинтересовался Хан, — где ты его припарковал?

— О, его здесь нет, — улыбнулся Лэндо. — Я оставил его на Нар-Шаддаа. Половина успеха за игровым столом — это суметь напугать своих противников, заставить их думать, что ты можешь позволить себе много играть, много выигрывать и много терять. Это дает блефу большую эффективность...

— Я помню, — кивнул Хан, принимая совет на заметку. — Так как же ты сюда добрался?

— На одном из этих шикарных лайнеров, «Королеве Империи». Стильный корабль. Не говоря уже о том, что его казино — одно из прекраснейших, что я видел. «Королеву» я буду долго вспоминать.

Хан лукаво улыбнулся:

— Я столкнулся с Синюшкой несколько недель назад, и она сказала, что ты раскатываешь на новом корабле Дреи Рентал. «Бдительность Рентал», дозорный крейсер, ее трофей с битвы при Нар-Шаддаа.

Лэндо прочистил горло.

— Дрея — потрясающая женщина. Для пирата она удивительно... утонченная.

Кореллианин хмыкнул:

— Ну ты даешь, Лэндо! А не старовата она для тебя? Ей же не меньше сорока! Тебе нравится быть фаворитом пиратской королевы?

Картежник ощетинился:

— Я не... Ей...

Хан рассмеялся:

— ...столько лет, что сгодится тебе в матери, а?

Лэндо сверкнул зубами:

— Едва ли. И, Хан... моя мать ни капли не была похожа на Дрею. Поверь мне.

— Так почему же вы расстались? — осведомился контрабандист.

— Жизнь на пиратском корабле... интересна, — протянул Лэндо. — Но немного... грубовата, на мой вкус.

Оглядев щегольской наряд друга, Соло кивнул:

— Еще бы.

Калриссиан успокоился.

— Но, знаешь... мы с Дреей расстались друзьями, — добавил он. — За последние месяцы мне нужно было... Я... — Он пожал плечами с явной неловкостью. — Дрея появилась очень кстати. Я был... В общем, компания мне тогда не помешала.

Хан взглянул на друга.

— Хочешь сказать, ты скучал по Вуффи Раа?

— Ну... как можно скучать по дроиду? Нет... Знаешь, Хан, он действительно был моим напарником. Иногда я даже не думал о нем как о машине. Я привык, что он крутится поблизости, знаешь? И когда этот пылесос ушел к своей родне, действительно оказалось, что мне... его не хватает.

Хан подумал о том, каково ему было бы потерять Чуи, и лишь молча кивнул.

Оба притихли, потягивая напитки и радуясь встрече. Наконец Хан подавил зевок и встал.

— Нужно немного поспать, — объявил он. — Завтра большой день.

— Увидимся за игрой, — ответил Лэндо, и на этом они расстались.

Сабакк — это древняя игра, существующая с ранних дней Республики. Из всех азартных игр сабакк наиболее сложен и непредсказуем — и может доставить игроку наибольшее

огорчение. Для игры в сабакк требуется колода из семидесяти шести карт. Номинал любой карты может меняться по ходу игры через случайные интервалы с помощью электронных импульсов, передаваемых генератором случайных чисел. В одно мгновение выигрышная рука может привести к разорению.

В колоде четыре масти: мечи, шесты, фляги и монеты. Нумерованные карты имеют диапазон от одного до одиннадцати. Кроме них, есть четыре ранговые карты: командующий, госпожа, повелитель и туз со стоимостью от двенадцати до пятнадцати.

Дополняют колоду шестнадцать фигурных карт с нулевой или отрицательной стоимостью. Они носят следующие названия: идиот, королева воздуха и тьмы, выносливость, равновесие, кончина, умеренность, злоба и звезда.

Выиграть можно как кон, так и банк. Деньги на кону достаются победителю каждой партии. Чтобы выиграть кон, игрок должен собрать карты с наибольшим суммарным номиналом. При этом сумма должна быть меньше или равна двадцати трем — в отрицательном или положительном значении. В случае ничьей положительная сумма бьет отрицательную.

Банк можно сорвать двумя способами: либо собрав комбинацию «чистый сабакк», то есть двадцать три очка в сумме, либо расклад идиота, состоящий из одной карты идиота, а также двойки и тройки любой масти — то есть двадцати трех буквально.

В центре стола находится поле помех. По ходу раунда игроки могут «заморозить» значение карты, поместив ее в это поле.

Турнир по сабакку в Облачном городе привлек свыше сотни крупных игроков со всей Галактики. Родианцы, тви’леки, салластане, ботаны, деваронцы, люди… за игровыми столами можно было встретить всех их и многих других. Игроков ждали четыре интенсивных турнирных дня. Каждый день будет отсеиваться примерно половина игроков, и число столов будет сокращаться, пока не останется только один, за которым лучшие из лучших будут соревноваться до последнего кона.

Ставки были высоки. У победителей имелся хороший шанс в два-три раза — а то и больше — превзойти в выигрыше свой десятитысячный вступительный взнос.

Сабакк традиционно не был зрелищным спортом, как маг-бол или поло в невесомости, но, так как в зал допускались только игроки, отель оборудовал голографическим проектором отдельный большой зал для тех, кто хотел следить за игрой. Друзья и приятели игроков, выбывшие участники и прочие

заинтересованные лица временами заходили в зал, чтобы поглядеть на игру и поболеть за своего фаворита.

Проектор выводил рейтинг игроков и показывал результаты игры. На второй день соревнования вокруг десяти столов собралось около полусотни игроков. Рейтинг показывал, что Хан Соло прошел первый тур на чистом везении. Ему не достался банк, но он выиграл достаточно конов, чтобы остаться в игре.

Хан не знал, что один из зрителей в зале сейчас желал ему победы, и вообще не представлял, что он — а вернее, она — может быть где-то поблизости от Беспина. Да и если бы Брия Тарен заговорила с ним, он бы ее даже не узнал. За годы ее работы с кореллианским сопротивлением Брия стала экспертом в вопросах маскировки. Ее длинные рыже-золотистые волосы были спрятаны под коротким черным париком, сине- зеленые глаза скрывали темные биолинзы. Подкладки, тщательно размещенные под элегантным деловым костюмом, делали ее стройную и гибкую фигуру плотной и мускулистой. Единственным, что она не могла скрыть, был рост, но высокие женщины человеческой расы не были здесь редкостью.

Она стояла в глубине зала, пристально глядя на изображение и надеясь, что Хана еще раз покажут ближе. Втайне она радовалась, что ему удалось пройти так далеко. Хоть бы он выиграл, мысленно просила она. Хан заслуживает хорошего отдыха. Если бы у него было много денег, ему не пришлось бы рисковать жизнью и возить контрабанду...

На секунду проектор показал стол Хана крупным планом... Его сегодняшними противниками были салластанка, тви'лек, ботан и два человека — мужчина и женщина. Женщина была, очевидно, с планеты с большой гравитацией — судя по коренастой фигуре и плотным бугристым мускулам на шее.

Брия мало разбиралась в сабакке, но превосходно знала Хана Соло — даже после семи лет разлуки. Она знала каждую черточку его лица, знала, как он щурит глаза, улыбаясь, или сужает их, когда злится или выражает подозрение. Она помнила его неизменно взъерошенную шевелюру. Помнила его руки и тонкие волоски на тыльной стороне ладоней...

Брия знала Хана Соло настолько, что до сих пор могла угадать, когда он блефует... что он и делал в данную минуту.

С уверенной улыбкой кореллианин наклонился через стол и подтолкнул несколько фишек к центру. Увидев размер его ставки, салластанка помедлила и все-таки сбросила карты. Оба человека также последовали их примеру, но ботан оказался более стойким. Он поддержал ставку Хана и демонстративно увеличил ее на приличную сумму.

Лицо Брии осталось неподвижным, но руки сжались в кулаки. Отступит он или доиграет партию, надеясь, что блеф сработает?

Тви'лек положил еще одну карту в поле помех и увеличил ставку.

Все взгляды обратились к Хану.

Кореллианин улыбался самым беззаботным образом. Брия видела, как его губы шевельнулись, что-то произнеся, затем он толкнул вперед еще одну стопку фишек... Брия закусила губу, увидев ставку. Если он проиграет эту партию, то вылетит. Ему ни за что не покрыть такую ставку!

Ботан посмотрел по сторонам, впервые выказав неуверенность. Вот и он сбросил карты.

Головные щупальца тви'лека нервно скручивались от напряжения. Наконец инородец медленно положил свои карты. Хан улыбнулся еще шире и протянул руку, забирая еще один выигрыш. «У него действительно была выигрышная рука, — подумала Брия, — или я была права? Он все это время блефовал?»

Салластанка, задвигав длинными челюстями, внезапно схватила карты Хана, но тут затараторил крупье, явно сделав ей замечание, и она остановилась. К тому же крупье уже мог дать сигнал о смене номинала карт.

Брия сопереживающе закивала.

«Молодец! Держись, Хан! Покажи им! Выиграй!»

Рядом с ней кто-то заворчал и произнес с хрипом и шипением:

— Все проклятия барабелов на голову этого негодяя! Он снова выигрывает! Он же жулик!

Брия скосила глаза на огромную барабелку, явно пребывавшую в ярости. Хан так легко со всеми ладит... чем он мог так ее разозлить?

С другой стороны от Брии послышался шорох, и, повернувшись, она увидела подошедшего помощника, кореллианина по имени Джейс Паол. Человек понизил голос до едва различимого шепота:

— Коммандер Тарен, прибыли делегаты с Алдераана. Идут к месту встречи.

Брия кивнула:

— Сейчас иду, Джейс.

Когда ее помощник покинул зал, Брия сверилась с планшетом, который на самом деле был муляжом, — она взяла за правило как можно меньше информации хранить в читабельной форме. Потом неопределенно улыбнулась барабелке и вышла из зала. Пора приступать к миссии.

Узнав о крупном соревновании по сабакку в Облачном городе, Брия сочла это место идеальным для сверхсекретной встречи между представителями нескольких повстанческих группировок. Отряды сопротивления росли как грибы после дождя на многих имперских планетах, и было жизненно необходимо наладить между ними связи. Но такие встречи должны были храниться в строжайшей тайне. Имперские шпионы рыскали повсюду

Любой агент разведки знал, что спрятаться легче всего в толпе. Облачный город был далеко от Центра Империи, так что имперцы не обращали на него внимания. Крупный турнир обеспечивал идеальное прикрытие. Самые разные корабли прилетали и улетали в таком количестве, что встреча нескольких человек, салластанина и дуроса в конференц-зале отеля Облачного города не вызвала бы большого интереса.

Брия не призналась бы даже самой себе, что отчасти выбрала Облачный город ради того, чтобы хоть мельком увидеть

Хана Соло. Она не могла гарантировать, что он будет там, но, зная Хана, догадывалась, что он не упустит случая знатно разбогатеть.

Направляясь к ближайшему турболифту, Брия представила, как снимет свою маскировку и придет в номер Хана поздно вечером. Должно быть, он до сих пор помнит их последнюю встречу, когда она притворялась любовницей моффа Сарна Шильда. Но он поверит ей, если она все объяснит: она выполняла поручение от кореллианского сопротивления и между ней и Шильдом ровным счетом ничего не было.

Она расскажет ему правду об их последней встрече, они обо всем поговорят. Может быть, выпьют немного вина. Потом возьмутся за руки. А потом...

Разведчица закрыла глаза, и турболифт понес ее вверх сквозь прозрачно-пластиковое великолепие пятидесятиэтажного небоскреба «Ярит-Беспин». Может быть, когда она все ему объяснит, Хан захочет присоединиться к восстанию, поможет своим землякам-кореллианам освободить родину от тирании Императора, душащего планеты смертельной хваткой.

Может быть... Брия представила, как они сражаются плечом к плечу на земле и в космосе, прикрывают друг друга в бою, громя имперские войска... А после обнимают друг друга, празднуя победу...

Что могло быть лучше?

Почувствовав, как турболифт замедлился, она вздохнула и открыла глаза. Мечты — это хорошо... иногда только они и придавали ей сил. Но нельзя допустить, чтобы они помешали

миссии. Когда двери турболифта раскрылись, она была в полной готовности. Уверенным шагом она вышла из лифта и направилась по коридору, устланному ковром.

Придя в зал собраний, она сообщила свой кодовый сигнал, и ее пропустили. Девушка взглянула на Джейса и получила в ответ утвердительный кивок — помещение проверено, следящих устройств не обнаружено. Только тогда Брия повернулась, чтобы поприветствовать других участников конференции.

Первым вперед шагнул Дженнсар СоБиллес, синекожий дурос с характерно скорбным выражением лица. Он пришел один, как и Сиан Тевв с Салласта. Брия тепло поприветствовала обоих, поблагодарив их самих и их организации за то, что отважились совершить столь опасное путешествие, — а оно и впрямь было опасным. Только в прошлом месяце один из высокопоставленных вожаков повстанцев с Тибрина был схвачен по пути на подобную конференцию. Иши-тиб был вынужден покончить с собой, чтобы избежать общения с имперскими пыточными зондами.

Алдераан прислал троих представителей — двоих людей и одного каамаси. Возглавлял делегацию мужчина средних лет с седеющими волосами и бородой, некто Хрик Делни, заместитель министра безопасности и доверенный член кабинета наместника Бейла Органы. Его сопровождала юная девушка, почти подросток, с длинными кристально-белыми волосами. Делни представил ее как Винтер и сообщил, что в качестве прикрытия они выдавали себя за отца и дочь. Третьим делегатом был каамаси. Брию он заинтриговал, так как она никогда не встречала их раньше. Их раса теперь была редкостью в Галактике.

Каамас был полностью уничтожен после Войны клонов усилиями правой руки Императора, Дарта Вейдера, но немногие знали, что уцелевшим каамаси удалось бежать на Алдераан и поселиться там, большей частью в уединении.

Каамаси звали Илеником Ит’клой, и он представился советником наместника Алдераана. Ростом каамаси был даже выше Брии, и единственным его одеянием было нечто вроде килта, дополненного украшениями. Гуманоида покрывал золотистый пух с лиловыми полосками на лице. В огромных темных глазах таилась спокойная грусть, тронувшая Брию, которая знала, какие страдания он перенес.

Иленик был немногословен, но что-то в нем произвело на Брию впечатление. Она решила выяснить его точку зрения по предстоящему вопросу, если он сам не выскажется. В каамаси крылась какая-то тихая сила, уверенность, говорившая, что с ним следует считаться.

После нескольких минут бессодержательного разговора Брия

села за длинный стол и официально призвала собрание к порядку.

— Дорогие соратники, — произнесла она с тихой уверенностью человека, который уже делал это много раз. — Благодарю вас за то, что вы с риском для жизни откликнулись на призыв. Мы, кореллианские повстанцы, стремимся наладить связи с другими подпольными организациями. И хотим призвать различные группы повстанцев к объединению. Только при сильной, сплоченной организации мы сможем противостоять Империи, терзающей наши миры и убивающей дух наших народов.

Брия сделала глубокий вдох.

— Поверьте, я знаю, насколько опасно такое предложение и каким пугающим оно может показаться. Но только если мы объединимся, создадим союз, повстанцы могут надеяться на победу. Пока мы разделены на планеты, мы обречены на поражение. — Она сделала паузу. — Кореллиане долго обдумывали это предложение. Мы полностью осознаем, к каким радикальным переменам оно ведет и как сложен будет такой союз. Пока мы порознь, Империя не может смести нас одним ударом. Если мы объединимся, они получат возможность уничтожить нас в одной битве. Мы также знаем, как непросто может быть разным народам работать вместе. Различные этические и моральные системы, идеологии, религии — не говоря уже о различиях в оружии и оснащении — все это может осложнить наше дело. — Брия уверенно оглядела слушателей. — Но, друзья мои, объединиться мы должны. Так или иначе, нужно найти способ преодолеть различия. Несомненно, мы сможем это сделать... В этом и есть цель нашей конференции.

Представитель Дуро постучал пальцами по столу.

— Ваши слова тревожат меня, офицер. Душой я с ними согласен. Но взгляните в лицо фактам. Предлагая иным расам объединиться с вами, вы просите нас подвергнуть себя гораздо большему риску. Все знают неприязнь Императора к представителям нечеловеческих рас. Если повстанцы бросят вызов Палпатину и проиграют, ярость Императора обрушится в первую очередь на нечеловеческие миры. Он с легкостью уничтожит нас в назидание мятежникам-людям.

Брия кивнула.

— Ваша точка зрения понятна, Дженнсар. — Она оглядела собравшихся. — Министр Делни, что вы думаете?

— Мы, алдеранцы, поддерживали повстанцев с самого начала, — произнес человек. — Мы содействовали разведке, предоставляли финансирование и техническое оснащение. Но

разговор о битвах — это наше проклятие. Культура Алдераана построена на неприятии оружия и насилия. Мы мирная планета, и путь войны нам претит. Вы можете рассчитывать на нашу поддержку — но я не могу представить, чтобы мы когда- либо присоединились к вам как боевые соратники.

Брия хмуро поглядела на Делни.

— Возможно, министр, — сказала она, — у Алдераана будет возможность остаться в стороне от насилия. — Она повернулась к низкорослому салластанину. — Сиан Тевв, какие у вас мысли на этот счет?

— Офицер, мой народ раздавлен сапогом Империи, и едва ли многие имеют средства и возможности участвовать в каком бы то ни было восстании. — Челюсти маленького делегата дрогнули, темные, будто жидкие, глаза были полны печали. — Хотя многие тайно жалуются на имперские войска, только горстка жителей осмелилась восстать открыто. Мы живем в постоянном страхе. Корпорация «СороСууб» полностью контролирует мой мир, и их крупнейшим клиентом является Империя. Если мы вступим в союз, это приведет к гражданской войне!

Брия вздохнула. Похоже, переговоры затянутся, безрадостно подумала она.

— Я понимаю, что у всех вас есть справедливые опасения, — произнесла она, сохраняя голос ровным и спокойным. — Но вас ни к чему не обяжет и ничем не навредит, если мы просто обсудим этот вопрос, так ведь?

В конце концов делегаты трех миров согласились поговорить. Сделав глубокий вздох, Брия начала...

«Даже не верится, что я зашел так далеко», — устало подумал Хан, опустившись на стул за единственным оставшимся столом для сабакка. То был вечер четвертого дня турнира, и остались только финалисты. «Только бы моя удача продержалась еще немного...»

Он медленно потянулся, разминая затекшую спину. Очень хотелось лечь и поспать часов двадцать. Прошедшие несколько дней изнурили его до предела... Часы бесконечной игры с короткими перерывами на еду и сон.

Остальные финалисты также заняли свои места за столом. Миниатюрный чадра-фэн, ботан и родианка. Был чадра-фэн мужчиной или женщиной, Хан установить не смог — представители обоих полов носили одинаково длинные одежды.

Пока Хан разглядывал противников, на единственный свободный стул, как раз напротив него, опустился последний

участник финала. Хан мысленно застонал. Он так и знал, что это случится. «Какие шансы у меня против такого профессионала, как Лэндо?»

Хан прекрасно сознавал тот факт, что он, возможно, единственный «любитель» за этим столом. Несомненно, другие, как и Лэндо, сделали игру в сабакк своей профессией и средством заработка.

На миг у него возникло желание просто все бросить и уйти. Но проиграть сейчас, после стольких дней игры...

Лэндо сдержанно кивнул другу. Хан ответил тем же.

Приблизился крупье. В большинстве игр в сабакк крупье сам участвовал в партии, но в нынешних соревнованиях он только сдавал карты и следил за игрой. Играть ему было запрещено.

Крупье оказался из расы битов. Крупные пятипалые руки с противостоящими большим пальцем и мизинцем давали ему большую ловкость при раздаче. От его крупного гладкого черепа отсвечивали огни гигантской люстры зала.

Крупье демонстративно открыл новую колоду, перетасовал ее, несколько раз переключил генератор случайных чисел, показывая таким образом, что никто не сможет предсказать расположение карт при раздаче. После этого генератор сам должен был менять значения карт через случайные промежутки времени.

Хан взглянул на Лэндо и с радостью уловил на его лице признаки напряжения. Аккуратный костюм был помят, под глазами темнели круги, а волосы, казалось, весь день не видели расчески.

Кореллианин понимал, что и сам выглядит не лучше. Он устало потер лицо ладонью и только тогда понял, что забыл побриться. Пальцы уколола щетина.

Заставив себя распрямиться, Хан взял в руку первые карты...

Спустя три с половиной часа ботан и родианка выбыли из игры. Ушли, не оборачиваясь. Ботан вылетел, поставив на кон все свои фишки. Когда Лэндо забрал его ставку себе, инородец ушел не попрощавшись. Родианка просто бросила игру. Вероятно, решила остановиться, пока еще была в плюсе. Ставки зашкаливали. Один только банк составлял около двадцати тысяч кредитов.

Удача благоволила Хану. У него было достаточно фишек, чтобы покрыть любую из сегодняшних ставок. Он мысленно прикинул сумму. Если уйти сейчас, он покинет Беспин с двадцатью тысячами кредитов плюс-минус пара сотен. В глазах начинало мутнеть, и сложенные в стопку фишки считать было все тяжелее.

Кореллианин размышлял. Двадцать тысяч — большая сумма денег. Почти хватит на собственный корабль. Бросить игру? Или остаться?

Чадра-фэн поднял ставку еще на пять тысяч. Хан поддержал ее. Лэндо тоже, но на это ушли почти все его фишки.

Хан посмотрел на свои карты. У него была выносливость номиналом минус восемь. Сойдет, подумал он. Выносливость — вот что нужно в этом бою. Еще у него был туз шестов номиналом плюс пятнадцать. И шестерка фляг. Итого плюс тринадцать. Ему нужно было взять еще карту и надеяться, что она окажется не ранговой, иначе он вылетит из игры.

— Я возьму одну, — постановил Хан.

Крупье бросил карту через стол. Хан взял ее, с упавшим сердцем увидев, что это кончина, минус тринадцать. Вот уж точно кончина... Хуже не придумаешь!

И тут карты покрылись зыбью и на его глазах сменились...

Теперь у Хана была королева воздуха и тьмы номиналом минус два плюс пятерка монет, шестерка шестов и повелитель монет номиналом четырнадцать. В сумме... двадцать три. Сердце подскочило. Чистый сабакк!

С такими картами он мог взять и кон, и банк... и победить в турнире.

Побить его карты мог только расклад идиота.

С решительным вдохом Хан подтолкнул все карты к центру стола, кроме одной. В какой-то миг он хотел положить в поле помех сразу все, но соперники догадались бы, что он не блефует. А нужно было, чтобы они поддержали его ставку, если он собирался сорвать большой куш.

«Только не меняйтесь, держитесь», — мысленно умолял он карты, а вернее, генератор случайных чисел, чтобы тот не поменял их значения. «Честные» генераторы действительно работали по случайному принципу. Иногда они меняли значения карт по нескольку раз за игру. Иногда только раз или два. Хан прикинул шансы. При данном времени раунда и количестве игроков вероятность смены значений составляла где-то пятьдесят на пятьдесят.

Хан принял сдержанное выражение лица и с почти болезненным усилием воли расслабился. Они должны поверить, что он блефует!

Огромные уши маленького чадра-фэна взволнованно задергались, а потом он — это все-таки был он — еле слышно что-то пропищал. После этого медленно и аккуратно сложил свои карты на стол, поднялся и вышел.

Хан не сводил глаз с карт. Держитесь... Держитесь! Пульс

колотился отбойным молотком, и он надеялся, что Лэндо этого не заметит.

Темнокожий игрок помедлил секунду, затем сам попросил карту. У Хана кровь зашумела в ушах. Калриссиан медленно и спокойно протянул руку и положил карту в поле помех.

Хан обмер. Ему удалось мельком разглядеть цвет карты, отразившийся в слабой ионизации поля. Фиолетовый. Если его глаза не решили сыграть с ним злую шутку, карта была идиотом. Самая важная карта в раскладе идиота.

Хан попытался сглотнуть, но в горле совсем пересохло. «Лэндо — эксперт, — подумал он. — Он мог специально подложить карту так, чтобы я заметил ее цвет. Но зачем? Ради блефа? Запугать меня, чтобы я сдался? Или мне уже мерещится?»

Хан посмотрел на соперника. В руке Лэндо держал две карты. Игрок улыбнулся другу, потом выудил из кармана инфокарту, быстро вывел на ней особый знак и подтолкнул ее вместе с несколькими оставшимися фишками к Хану.

— Моя ставка, — глубоким и вкрадчивым голосом сказал он, — любой из моих кораблей. Выбор за тобой.

Бит повернулся к кореллианину:

— Вы согласны на это, Хан?

В горле уже пересохло так, что он не мог говорить, а потому контрабандист просто кивнул.

Бит повернулся обратно к Лэндо:

— Ваша ставка принимается.

У Калриссиана было две карты и идиот, надежно лежащий в поле помех. Хан поборол желание протереть глаза. Видит ли Лэндо, что он вспотел? «Без паники, думай, — приказал себе Хан. — У него расклад идиота... или... он блефует?»

Был только один способ выяснить.

«Держитесь, держитесь», — снова приказал он картам, а затем медленно и решительно толкнул вперед последние фишки.

— Открываем карты, — объявил он севшим от напряжения голосом.

Бесконечно долгое мгновение Лэндо не сводил с него глаз. Затем едва заметно улыбнулся.

— Очень хорошо. — Он протянул руку и перевернул карту в поле помех.

На Хана глядел идиот.

Лэндо неторопливо взял свою следующую карту, положил ее рядом с идиотом. Двойка шестов.

Хан уже не мог дышать. «Мне конец... Я все потерял...»

Лэндо перевернул последнюю из своих карт.

Семерка фляг.

Хан в недоверии уставился на проигрышную руку соперника, затем медленно поднял взгляд на друга. Лэндо криво улыбнулся и пожал плечами.

— Такие дела, приятель, — признал игрок. — Я подумал, что смогу провести тебя блефом.

Лэндо блефовал! У кореллианина закружилась голова от понимания сути. «Я выиграл. Поверить не могу, я выиграл».

Он уверенно выложил карты на стол.

— Чистый сабакк, — объявил он.

Бит кивнул.

— Капитан Соло — победитель нашего турнира, господа, — проговорил он в крошечный микрофон на воротнике. — Поздравляю, капитан Соло!

Борясь с головокружением, Хан кивнул крупье. Лэндо наклонился через стол, протягивая ему руку, и кореллианин возбужденно обменялся с ним рукопожатием.

— Даже не верится, — выдохнул он. — Вот это игра!

— Ты играешь лучше, чем я от тебя ожидал, старина, — радостно произнес Лэндо.

Хан поразился, как другу удается так держать себя в руках после проигрыша, но потом решил, что тому не привыкать.

Кореллианин подобрал инфокарту с отметкой Калриссиана и рассмотрел ее.

— Так какой корабль выберешь? — осведомился Лэндо. — У меня есть почти новый YT-2400, легкий грузовик от «Кореллианских систем», лучше не придумаешь. Подожди, пока ты...

— Я беру «Сокол», — быстро оборвал его Хан.

Лэндо вскинул брови.

— «Сокол Тысячелетия», — протянул он с явным ужасом. — О нет! Хан, это мой личный корабль. Он не входит в сделку.

— Ты сказал — любой корабль из твоих, — спокойно напомнил ему Хан. Их взгляды встретились. — Ты сказал — любой на выбор. «Сокол» — твой корабль. Я выбираю его.

— Но... — Лэндо сжал губы, сверкнув глазами.

— Ну так что, приятель? — чуть резче сказал Хан. — Твоя ставка в силе или как?

Лэндо медленно кивнул.

— Никто не посмеет сказать, что я не отвечаю за слова. — Он сделал глубокий вдох и зло процедил: — Что ж, хорошо... «Сокол Тысячелетия» твой.

С улыбкой Хан вскинул руки и, опьянев от радости, пустился в импровизированный танец.

«Я скажу Чуи! „Сокол“ мой! Наконец-то! Наш собственный

корабль!»

ГЛАВА ВТОРАЯ
ОБЕЩАНИЯ

Одна в опустевшей ложе Брия Тарен наблюдала за тем, как Хан радуется своей победе. Ей хотелось быть с ним, обнять его, поцеловать, разделить с ним эту радость. «Это чудесно! — восторгалась она. — Хан, ты заслужил победу... Ты играл лучше всех!»

Ее разбирало любопытство, что же именно темнокожий игрок передал кореллианину. Очевидно, что-то ценное. Хан сжимал инфокарту так, словно это было величайшее сокровище во вселенной. Был поздний вечер четвертого дня, и встреча кореллианского офицера с дуросом, салластанином и алдераанцами должна была продолжиться следующим утром. Они добились прогресса в некоторых вопросах и очень многое узнали о культуре друг друга, но значительных решений принято не было. Ни одна из трех групп повстанцев не пожелала принять предложенный Кореллией союз. Брия вздохнула. Она делала все, что могла, но предстояло сделать еще больше. Она понимала, что не должна винить другие группировки за подозрительность, но ничего не могла с собой поделать. Положение дел в Империи развивалось в худшую сторону, и только полный слепец этого не видел.

Брия обернулась на звук шагов и увидела подошедшую алдераанку — очаровательную юную девушку с волосами цвета хрусталя и бледно-зелеными глазами. Ее простое, со скромным вырезом зеленое платье облегало стройную царственную фигуру. Она была высокой, хотя и не такой, как Брия.

Девушка приветственно кивнула, и несколько минут они обе наблюдали за происходящим в зале, где закончилось соревнование. Сейчас Хан был среди других игроков, общался и получал поздравления. По залу разносили еду и напитки, официальные лица, крупье и штат отеля смешались с остальными. Воцарилась атмосфера праздника.

— Похоже, им веселее, чем нам на собраниях, — сухо заметила Брия. — Завидую им. Ничто в мире их не заботит.

— О, я уверена, у них есть заботы, — вставила Винтер. — Но сейчас они отбросили их в сторону, чтобы пребывать только в настоящем.

Брия кивнула:

— Да вы, я смотрю, философ?

Девушка негромко рассмеялась — приятно и мелодично.

— У нас, алдерааанцев, есть давняя традиция философии, этики и морали споров. На Алдерааане есть кафе, где жители сидят и рассуждают о философии с утра до вечера.

Брия усмехнулась:

— А кореллиане заработали репутацию людей, которые рубят с плеча, — целеустремленных, но рисковых.

— Возможно, два наших мира нужны друг другу для баланса, — поразмыслила Винтер.

Брия задумчиво посмотрела на нее:

— Винтер, не хотели бы вы выпить чашечку кофе с ликером в баре?

— С радостью, — кивнула девушка.

С каждым движением по ее плечам разливались хрустальные волны. Брия слышала, что взрослые алдерааанцы не стригут волос. Волосы Винтер спадали по ее спине ледяным каскадом.

Удобно устроившись за столиком с чашкой дымящегося ароматного напитка, Брия предусмотрительно нажала кнопку на золотом браслете и нацелила осыпавшие его камни в комнату. Затем повернула запястье к себе. Когда камни перестали мигать, она расслабилась. Следящих устройств нет. Не то чтобы она ожидала их найти, но лучше удостовериться, чем сожалеть потом.

— Итак, Винтер, расскажите о себе, — начала разговор кореллианка. — Как вы оказались в этой миссии?

— Наместник для меня как отец, — тихо заговорила девушка. — Он вырастил меня наравне с собственной дочерью, Леей. Мы с принцессой были вместе с раннего детства. — Она едва заметно улыбнулась, и Брию снова поразило ее не по годам уравновешенное и зрелое поведение. — Были случаи, когда меня принимали за нее. Но я рада, что во мне нет королевской крови. Тяжело все время быть на виду у публики, как наместник и Лея. Постоянное давление, окружение прессы... твоя жизнь не принадлежит тебе.

Брия кивнула.

— Я подозреваю, что принадлежать к королевской фамилии еще хуже, чем быть звездой экрана. — Она сделала глоток кофе. — Итак, Бейл Органа воспитал вас... но при этом позволил отправиться сюда, зная, насколько это может быть опасно, если нас раскроют? — Брия вскинула брови. — Я удивлена. Вам не так много лет, чтобы подвергать вас такому риску.

Винтер улыбнулась.

— Я на год и несколько месяцев старше принцессы. Мне недавно исполнилось семнадцать. На Алдерааане это совершеннолетие.

— Так же как и на Кореллии, — подтвердила Брия. —

Слишком рано. Когда мне было семнадцать, у меня в голове не было ни капли ума. — Она с сожалением улыбнулась. — Так давно... словно миллион лет назад, а не девять.

— Вы кажетесь старше, чем есть, — заметила Винтер, — хотя и не выглядите на столько. В двадцать шесть лет — коммандер? Вы, должно быть, рано начали.

Она подмешала траладоньего молока в свой кофе.

— Это так. И если я кажусь старше своего возраста, то... год рабства на Илизии и не на такое способен. Эти фабрики спайса могут лишить чего угодно.

— Вы были в рабстве? — удивилась Винтер.

— Да. Меня спас с Илизии мой... друг. Но улететь с планеты — это еще полдела, — призналась Брия. — Долгое время, после того как мое тело было свободно, мой дух и разум оставались в плену. Мне пришлось учиться бороться с собой, и сложнее испытания в моей жизни еще не было.

Винтер сочувственно кивнула. Брия поражалась самой себе, что так открылась перед малознакомой девчонкой, но с юной алдераанкой было удивительно легко говорить. Она не просто поддерживала беседу — ей действительно было важно то, что говорила Брия. Кореллианка пожала плечами:

— Пришлось отказаться от всего, что было для меня важным. Любовь, семья... безопасность. Но я снова стала собой, так что игра стоила свеч. И моя жизнь вновь обрела цель.

— Борьба с Империей.

Кореллианка кивнула.

— Борьба с Империей, которая поддерживает и поощряет рабство. Самое грязное и отвратительное явление, которое могли породить якобы цивилизованные существа.

— Я слышала об Илизии, — протянула беловолосая алдераанка. — Несколько лет назад наместник велел разузнать побольше о тамошних делах, когда появилось несколько неприятных слухов. С тех пор он вел публичную кампанию, чтобы алдераанцы знали правду об этом месте — о фабриках спайса, о принудительном труде.

— Это самое худшее, — горько сказала Брия. — Они не принуждают тебя. Люди сами работают до потери пульса, и делают это с охотой. Это ужасно. Если бы у меня были солдаты и оружие, я бы завтра же отправилась на Илизию. Мы бы заткнули эту вонючую дыру навеки.

— Для этого потребуется много войск.

— Да, много. Сейчас у них там восемь или девять колоний. Тысячи рабов. — Брия осторожно сделала глоток горячего напитка. — Итак... что вы ждете от завтрашнего собрания? У вас

добрые предчувствия?

Винтер вздохнула:

— Не очень.

— Я не виню вас, — поморщилась Брия. — Должно быть, порядком утомительно слушать, как мы дни напролет пререкаемся, есть ли будущее у союза повстанцев. Вы можете пропустить завтрашнее собрание и пойти поразвлечься. Облачный город предлагает немало экскурсий: можно полюбоваться на стаи белдонов, съездить на воздушные родео, где наездники на трантах выполняют различные трюки. Я слышала, это удивительное зрелище.

— Я должна присутствовать на завтрашней конференции, — отрезала Винтер. — Я нужна министру Делни.

— Зачем? — удивилась Брия. — Для моральной поддержки?

Девушка едва заметно улыбнулась.

— Нет. Я его протоколист. Я нужна, чтобы помочь ему в подготовке доклада наместнику.

— Протоколист?

— Да. Я запоминаю все, что вижу, слышу и чувствую, — пояснила Винтер. — И не могу забыть даже то, что хочу.

Ее миловидное лицо погрустнело, словно она вспомнила о чем-то неприятном из прошлого.

— Правда? — Брия подумала, как полезно было бы иметь в штате человека с такими способностями. Она сама брала уроки и проходила гипноподготовку, чтобы улучшить свою память, потому что слишком немногое могла доверить инфочипам и записям. — Вы правы: вы для него бесценны.

— Дело не в том, что я не хочу идти на завтрашнюю сессию, потому что мне скучно, коммандер, — произнесла Винтер, склонившись к столу. — Мне тяжко слушать, как Хрик Делни упрямо настаивает на том, что этика Алдераана важнее борьбы с Империей.

Брия склонила голову набок.

— О... а вот это уже интересно. Почему вы так говорите?

— Дважды, когда я сопровождала наместника в дипломатических миссиях на Корусант... — Она замолчала, но потом улыбнулась с сожалением. — Я имею в виду, в Центр Империи... Я видела Императора. Один раз Император остановился и заговорил со мной. Это было просто формальное приветствие, но... — Она помедлила, покусывая губу, и впервые Брия увидела, как взрослость покинула ее и в юных чертах проявился напуганный ребенок. — Брия, я заглянула в его глаза. Я не могу забыть их, как ни пытаюсь. Император Палпатин... В нем зло. Неестественное, странное... — Девушка поежилась,

несмотря на уютное тепло бара. — Он напугал меня. Он был... таким зловещим.

— О нем разное рассказывают, — согласилась Брия. — Хотя я никогда его не встречала. Только видела на расстоянии, но не больше.

— Вряд ли вы захотели бы с ним встретиться, — бросила Винтер. — Эти его глаза... их взгляд вонзается в тебя, и чувствуешь, как они выпивают душу, всю твою сущность.

Брия вздохнула.

— Поэтому мы должны противостоять ему. Он жаждет поглотить нас всех... планеты, жителей... все. Палпатин хочет стать абсолютнейшим деспотом в истории. Мы должны бороться с ним, или мы все обратимся в пыль.

— Я согласна, — кивнула Винтер. — И вот почему я собираюсь вернуться на Алдераан и передать наместнику, что алдерааанцы должны вооружиться и научиться воевать.

Брия обескураженно моргнула.

— Правда? Но ведь министр Делни думает совсем не так.

— Знаю, — согласилась девушка. — Как знаю и то, что наместник против вооружения. Но все, что вы наговорили за прошедшие несколько дней, убедило меня, что, если Алдераан не вступит в сражение, нас уничтожат. Мы не познаем настоящего мира, пока правит Император.

— Вы думаете, Бейл Органа послушает вас? — удивилась Брия, ощутив искорку надежды.

«По крайней мере, я смогла достучаться хотя бы до одного из делегатов... Значит, это было не напрасно...»

— Я не знаю, — призналась Винтер. — Может быть. Он хороший человек и уважает тех, кто может четко изложить свою точку зрения, даже если они молоды. Он действительно верит в то, что Империи можно сопротивляться. Он уже организовал для меня и своей дочери специальное обучение у лучших специалистов по разведке. Он понимает, что две юные, невинные девушки способны на то, что не под силу опытным дипломатам.

Брия кивнула.

— Я и сама к этому пришла, — ухмыльнулась она. — Грустно сознавать, что красивая мордашка и милая улыбка могут обеспечить пропуск в те глубины имперской бюрократии и высшего командования... где другие усилия будут обречены на провал.

Кореллианка криво улыбнулась, наливая себе еще чашку.

— Как вы, несомненно, заметили, в Империи преобладают мужчины человеческой расы. И если ты женщина, то мужчинами можно... манипулировать... иногда даже слишком легко. Мне это

не нравится, это неправильно, но в конечном счете важен результат. Долгие годы подарили мне бесценный опыт.

— Даже если наместник не послушает меня, — заявила Винтер, — уверена, что ее высочество выслушает. Она настояла на том, чтобы в нашу подготовку в службе разведки были включены уроки по обращению с оружием. Мы обе научились достаточно метко стрелять. Наместнику вначале не понравилась эта идея, но потом он все обдумал и согласился. Даже выбрал для Леи особого специалиста. Он умный человек и мог предвидеть, что нам понадобится умение защитить себя.

— Какая польза в том, что вы убедите принцессу? — спросила Брия. — Конечно, отец в ней души не чает, но она всего лишь юная девушка.

— Наместник думает назначить ее представителем Алдераана в имперском Сенате на следующий год, — сообщила Винтер. — Не стоит недооценивать целеустремленность Леи и ее влияние.

— Не буду, — пообещала Брия с улыбкой. — Я так рада, что мы поговорили. Я совсем было упала духом, но вы подняли мне настроение. Я очень вам благодарна.

— А я вам, коммандер, — кивнула алдераанка. — За то, что сказали мне правду. Кореллианское сопротивление действует верно. Вся наша надежда на скорое объединение. Могу лишь мечтать, что это однажды случится...

Когда вечеринка после турнира начала стихать, Хан обнаружил Лэндо и помахал рукой.

— Давай сюда, я угощаю.

Темнокожий игрок криво ухмыльнулся:

— Еще бы ты не угостил, приятель. У тебя все мои деньги.

Кореллианин осклабился:

— Эй, Лэндо, тебе нужно взаймы? Хочешь забронировать обратный билет? Лайнер на Нар-Шаддаа уходит завтра.

Лэндо помедлил.

— Да... и нет. Я бы хотел занять тысячу, и я, пожалуй, так и сделаю. Но я решил некоторое время побыть здесь, на Беспине. Некоторые из тех, кто не попал в финал, разбредутся по казино Облачного города, дабы попытаться вернуть что-нибудь из проигранного. Я не пропаду.

Хан кивнул и, отсчитав кредитов на полторы тысячи, передал их Лэндо.

— Пользуйся, приятель. Не торопись уж.

Лэндо улыбнулся и проследовал за другом к бару.

— Спасибо, Хан.

— Да что там... Если вспомнить мой последний куш, да в придачу все мои прочие выигрыши... Могу себе позволить.

Кореллианин чувствовал себя физически вымотанным, но был слишком возбужден и знал, что не сможет заснуть, — уж точно не сейчас. Он наслаждался победой и тем, что «Сокол Тысячелетия» теперь принадлежит ему. И он хотел продлить это наслаждение еще хоть немного.

— Что ж, а я завтра обратно. Нет причин здесь торчать, да и Чуи будет меня искать.

Калриссиан посмотрел через бар и приподнял бровь:

— О, я вижу по меньшей мере две причины поторчать здесь еще некоторое время.

Хан проследил за взглядом друга и увидел двух женщин, покидающих бар через выход в вестибюль. Одна была высокой, с пышными формами и короткой черной стрижкой, другая — почти ребенок, стройная, с длинными белыми волосами. Кореллианин покачал головой.

— Лэндо, ты неисправим. Эта высокая уложит тебя на обе лопатки, она же как борец с ринга. А если примешься за вторую, загремишь в тюрьму за совращение малолетних.

Картежник пожал плечами.

— Ну, если не эти две, то в Облачном городе хватает и других барышень. К тому же я хочу прощупать местные деловые круги. Чем-то мне приглянулось это место.

Хан хитро улыбнулся:

— Располагайся. Что до меня, то мне не терпится попасть домой и прокатиться на моем новом корабле. — Он подал знак дроиду-бармену. — Чего изволишь, друг мой?

Лэндо закатил глаза:

— Мне поланианское красное и добрую порцию яда для тебя.

Соло рассмеялся.

— Итак... Куда ж ты собираешься махнуть на своем новом корабле? — осведомился Калриссиан.

— Сдержу обещание, которое я дал Чуи почти три года назад, и свожу его повидаться с семьей на Кашиике, — ответил Хан. — На «Соколе» я без проблем проскользну мимо имперского патруля.

— Сколько времени прошло с тех пор, как он был на Кашиике?

— Почти пятьдесят три года, — подсчитал Хан. — Многое могло случиться за это время. Он оставил отца, нескольких кузенов и милую молодую вуки. Пора бы ему вернуться и повидаться с ними.

— Пятьдесят? — покачал головой Лэндо. — Не могу представить себе женщину, которая ждала бы меня пятьдесят лет...

— Знаю, — кивнул Хан. — К тому же у Чуи никогда и не было взаимопонимания с Маллатобак. Я предупредил его: пусть готовится к тому, что она уже замужем и стала бабушкой.

Когда принесли напитки, Лэндо поднял бокал. Хан отсалютовал кружкой алдераанского эля.

— За «Сокол Тысячелетия», — провозгласил Калриссиан, — самую быструю посудину в Галактике. Ты уж береги его.

— За «Сокол», — отозвался Хан. — За мой корабль. Пусть скользит легко и свободно, обгоняя все имперские телеги.

Они торжественно сдвинули бокалы и вместе выпили.

На Нал-Хатте стоял жаркий день, хотя такими здесь были почти все дни: жаркими, дождливыми, влажными и грязными... в этом вся Нал-Хатта. Однако хаттам это нравилось: они любили планету, ставшую для них родной. По-хаттски она означала «сверкающую драгоценность».

Но один хатт был слишком занят голографическим транслятором, чтобы обращать внимание на погоду. Дурга, новый господин клана Бесадии с момента безвременной кончины его родителя Арука, случившейся полгода назад, был всецело сосредоточен на полноразмерном голографическом изображении, которое проецировалось в его кабинете.

Через два месяца после смерти Арука Дурга нанял команду лучших судебных экспертов в Империи, чтобы те провели тщательное вскрытие огромного трупа. Он заморозил Арука и поместил его в стазис-поле, так как был убежден, что его родитель умер не по естественной причине. Прибывшие эксперты несколько недель собирали образцы всех видов тканей, имевшихся в массивном теле предводителя хаттов, и проводили над ними эксперименты. Их первые результаты не принесли ничего, но Дурга настоял на том, чтобы продолжить расследование. А так как он платил, судебные специалисты делали, как было велено.

Сейчас Дурга смотрел на размытую голограмму руководителя экспертной группы Мика Бидлора, светлокожего, субтильного мужчины с белесыми волосами. Поверх мятой одежды на нем был лабораторный халат. Увидев возникший перед ним образ Дурги, Бидлор слегка поклонился правителю хаттов.

— Ваше превосходительство, мы получили результаты последнего цикла тестов над образцами тканей, которые мы

доставили на Корусант... То есть в Центр Империи.

Дурга нетерпеливо махнул на Бидлора маленькой ручкой и обратился к нему на общегалактическом:

— Вы опоздали. Я ожидал ваш доклад два дня назад. Что вы узнали?

— Я сожалею, ваше превосходительство, что результаты тестов немного задержались, — извинился Бидлор. — Но в этот раз, в отличие от предыдущих циклов, мы обнаружили кое-что интересное, неожиданное и непредсказуемое. Нам пришлось связаться со специалистами на Виверале, и они в данный момент пытаются обнаружить, где было произведено это вещество. Трудно было проверить фактор патологии, так как у нас нет чистых образцов, но мы упорно продолжаем работу, и когда мы протестировали число...

Дурга обрушил конечность на стол, разломав его в щепки.

— Ближе к делу, Бидлор! Мой родитель был убит?

Ученый набрал в грудь воздуха.

— Не могу утверждать наверняка, ваше превосходительство. Но мы обнаружили очень редкое вещество, сконцентрированное в тканях мозга господина Арука. Субстанция неестественного происхождения. Никто из моей группы не встречал ее раньше. Мы продолжаем тесты, чтобы выяснить ее свойства.

Уродливое от природы лицо хатта стало еще страшнее.

— Я так и знал, — провозгласил он.

Мик Бидлор предупреждающе поднял руку.

— Повелитель Дурга, прошу вас... позвольте нам завершить тесты. Мы продолжим работу и сообщим вам, как только появятся результаты.

Дурга жестом отпустил эксперта.

— Очень хорошо. Доложите немедленно, когда обнаружите, с чем мы имеем дело.

Человек поклонился.

— Смею вас заверить, повелитель Дурга.

Выругавшись вполголоса, хатт прервал соединение.

Дурга был не единственным на Нал-Хатте, у кого не складывались дела. Джабба Десилиджик Тиуре, заместитель главы могущественного клана Десилиджик, был подавлен и раздражен.

Джабба провел все утро со своей теткой Джилиак, главой Десилиджиков, пытаясь закончить последний доклад о потерях клана. Империя немало попортила им крови, пытаясь уничтожить Нар-Шаддаа и поработить Нал-Хатту. Атака Империи

провалилась в основном благодаря тому, что Джабба и Джилиак успешно подкупили имперского адмирала, но пройдет долгое время, прежде чем дела на Нар-Шаддаа снова войдут в колею.

Нар-Шаддаа была довольно крупным спутником Нал-Хатты. Иначе ее называли Луной контрабандистов, и это всецело соответствовало действительности, так как большинство здешних жителей были связаны с незаконной торговлей, потоки которой шли через Нар-Шаддаа каждый день. Контрабанда спайса, перевозка оружия, скупка краденых сокровищ и древностей... На Нар-Шаддаа творилось все это и многое другое.

— Поставки снизились на сорок три процента, тетушка, — простонал Джабба, ткнув в планшет сравнительно маленькими пальцами. — Мы потеряли столько кораблей, столько капитанов и экипажей, когда этот треклятый Сарн Шильд пошел в атаку. Наши клиенты жалуются, что мы не можем продвигать наш продукт, как раньше. Даже Хан Соло потерял свой корабль, а он наш лучший пилот.

Джилиак покосилась на племянника.

— И теперь летает исключительно на наших кораблях.

— Я знаю, но большинство наших кораблей — это старые модели, тетушка. Медленные. А в нашем бизнесе время — деньги. — Джабба подсчитал что-то в уме и раздраженно заворчал: — Тетя, наши прибыли в этом году будут самыми низкими за десять лет.

Джилиак ответила мощной отрыжкой. Джабба поднял глаза и обнаружил, что она снова ест. Хаттша смазывала какой- то высокопитательной гадостью болотных личинок, перед тем как запихнуть их в свой безразмерный рот. Забеременев в прошлом году, Джилиак переживала один из характерных скачков роста, которые у хаттов происходили несколько раз за взрослую жизнь.

За год Джилиак увеличилась в размерах почти на треть по сравнению с тем, какой была до беременности.

— Тебе следует быть осторожнее, — предупредил Джабба. — От этих личинок в прошлый раз у тебя было ужасное несварение. Помнишь?

Джилиак снова рыгнула.

— Ты прав. Мне надобно остановиться... но ребенку нужно питание.

Джабба вздохнул. Ребенок Джилиак по-прежнему проводил большую часть времени в сумке матери. Детеныши хаттов полностью зависели от матерей в первый год жизни.

— Передача от Эфанта Мона, — оповестил Джабба, заметив на комлинке мигающий индикатор входящего сообщения, и быстро проглядел послание. — Он говорит, я должен вернуться

на Татуин. Он поддерживает мои деловые интересы всеми силами, но госпожа Валериан не преминет воспользоваться моей затянувшейся отлучкой, чтобы влезть на мою территорию.

Джилиак повернула выпуклые глаза на племянника.

— Если ты должен лететь, племянник, лети. Но поскорее возвращайся. Мне нужно, чтобы через десять дней ты провел конференцию с представителями Десилиджиков с Центральных миров.

— Но, тетя, тебе не помешало бы провести ее самой. Ты давно не общалась с ними, — заметил Джабба.

Джилиак ответила новой отрыжкой и зевнула.

— Я планирую присутствовать, племянник. Но малыш так требователен... Мне нужно, чтобы ты был здесь и управлялся с делами, когда мне понадобится отдых.

Джабба начал возражать, но проглотил слова. Какой смысл? Джилиак больше не интересовали аферы Десилиджиков, как было до ее материнства. Возможно, это гормональное...

Уже не один месяц Джабба работал над тем, чтобы восстановить потери, понесенные каджидиком Десилиджик в битве при Нар-Шаддаа. Он уже устал от груза на своих плечах — фигурально, конечно, ведь у хаттов нет плеч, — от груза руководства Десилиджиком.

— А вот сообщение, которое должно заинтересовать тебя, тетя, — объявил Джабба, изучая другое послание. — Ремонт твоей яхты завершен. «Драконья Жемчужина» полностью восстановлена.

В прежние дни первым вопросом Джилиак было бы: «Сколько?» — но она не задала его. Практический интерес больше не был для нее первостепенным...

Яхта Джилиак была угнана кем-то из защитников Нар-Шаддаа и заметно пострадала в битве. Долгое время Джабба и его тетя думали, что потеряли корабль навсегда, но потом какой-то хаттский контрабандист заметил судно, дрейфующее среди брошенных кораблей, разбросанных по орбите Луны контрабандистов.

Джабба приказал отбуксировать «Жемчужину» в космодок и потратил хорошую сумму на взятки, но так и не смог выяснить, кто из контрабандистов угнал судно и участвовал на нем в битве.

В прежние дни, грустно размышлял Джабба, новости о ее драгоценном корабле были бы главной заботой тетки. Но «Драконья Жемчужина» пострадала из-за того, что Джилиак забыла увести корабль перед битвой на Нал-Хатту. Материнство важнее, как она объяснила.

Что ж, материнство стоило Десилиджикам более пятидесяти

тысяч кредитов, потраченных на ремонт. Всего лишь из- за наплевательства Джилиак.

Джабба вздохнул и машинально потянулся за личинкой из закускариума тетки. Он услышал фырканье, а за ним раскатистый грохот. Повернувшись, он увидел, что тяжелые веки Джилиак сомкнуты и она храпит, приоткрыв рот.

Джабба снова вздохнул и вернулся к работе...

Тем же вечером Дурга ужинал со своим кузеном Зиром. Дурга недолюбливал Зира и знал, что тот его главный соперник в борьбе за трон Бесадии, но терпел его, потому что Зир был слишком умен, чтобы противостоять Дурге открыто. Помня совет Арука держать своих друзей близко, а врагов еще ближе, Дурга неофициально сделал Зира своим заместителем, доверив ему дела, относящиеся к администрированию обширных предприятий Бесадии.

Тем не менее Дурга держал Зира на очень коротком поводке и ничуть не доверял ему. Двое хаттов перекидывались словами за едой, и каждый глядел на другого, как охотник на жертву.

В тот момент, когда Дурга подносил ко рту особо сочный кусок, в помещении возник его дворецкий, бледный подобострастный гуманоид-чевин.

— Вам послание, господин. Через несколько минут вас ожидает важная передача с Корусанта. Хотите принять ее здесь?

Дурга мельком взглянул на Зира.

— Нет, приму у себя в кабинете.

И он пополз вслед за чевином Османом. Едва они добрались до кабинета, замигал огонек соединения. «Мик Бидлор с новостями о веществе, найденном в мозговых тканях моего родителя?» — предположил хатт. Человек вполне ясно дал понять, что потребуется немало времени, возможно несколько месяцев, прежде чем они завершат расследование.

Жестом велев чевину убираться из комнаты, Дурга активировал замки безопасности, включил поле экранирования канала и только потом принял соединение. Перед ним почти в натуральный рост внезапно материализовалась женщина, блондинка человеческой расы. Дурга был не слишком знаком с человеческими стандартами привлекательности, но определил, что она стройная и гибкая.

— Господин Дурга, — поприветствовала она. — Я Гури, советник принца Ксизора. Принц хотел бы переговорить с вами лично.

«О нет!» Будь Дурга человеком, его бы прошиб холодный пот.

Но хатты не потеют, хотя их поры выделяют маслянистое вещество, чтобы кожа оставалась влажной и скользкой.

Арук успел кое-чему его научить, и Дурга не выказал никакого волнения. Вместо этого он наклонил голову вперед, что для хатта было ближайшим аналогом человеческого поклона.

— Для меня это честь.

Гури шагнула с передающей платформы, и почти сразу же ее сменила высокая внушительная фигура фаллиинского принца Ксизора, предводителя огромной криминальной империи, известной как «Черное солнце».

Народ Ксизора, фаллиины, развились из рептилоидных видов, хотя принц имел весьма человеческий облик. Его кожа носила заметный зеленоватый оттенок, а глаза были бледны и невыразительны. Гибкое тело бугрилось мускулами… На вид ему можно было дать немногим больше тридцати лет, хотя Дурга знал, что принцу почти сотня. Череп Ксизора был гол, если не считать узла длинных черных волос на макушке, который ложился на плечи. Поверх сплошного костюма, напоминающего пилотский комбинезон, ниспадал дорогой плащ.

Глава «Черного солнца» едва заметно склонил голову.

— Приветствую, господин Дурга. Я уже несколько месяцев не получал от вас вестей и решил сам удостовериться в вашем здравии и благополучии. Как обстоят дела у клана Бесадии после безвременной кончины вашего почтенного родителя?

— Дела Бесадии в порядке, ваше высочество, — поспешно заверил его Дурга. — Ваша помощь неоценима, уверяю вас.

Когда Дурга только стал во главе клана, он встретил сильный отпор других старейшин. В основном виной тому было несчастливое родимое пятно на лице, которое, по верованиям хаттов, считалось чрезвычайно дурным знаком. Тогда он вынужден был просить помощи у принца Ксизора. Всего неделю спустя три главных противника и очернителя Дурги издохли, словно по волшебству, и их смерти были будто бы не связаны друг с другом. После этого оппозиция заметно притихла…

Дурга заплатил Ксизору за помощь, но требования принца, вопреки ожиданиям новоиспеченного повелителя хаттов, были настолько скромны, что наследник Арука быстро уяснил: с «Черным солнцем» еще не покончено.

— Для меня сущая радость предоставить вам любую посильную помощь, господин Дурга, — развел руки Ксизор, демонстрируя искренность. И Дурга без усилий в эту искренность поверил. «Черное солнце» только и ждало того, чтобы надежно закрепиться в космосе хаттов. — И я тешу себя скромной надеждой, что однажды мы снова поработаем вместе.

— Возможно, ваше высочество, — допустил Дурга. — Сейчас я трачу все свое время на управление делами клана и не могу уделить внимание чему-либо за пределами Нал-Хатты.

— Ах, но, несомненно, у вас найдется время для илизианских дел Бесадии, — протянул Ксизор, словно бы просто размышляя вслух. — Такая грандиозная операция, такая эффективность, и все это достигнуто за столь короткий срок. Очень впечатляет.

Ужину в желудке Дурги стало немного неуютно. Так вот чего хочет Ксизор, догадался он. Илизия. Ему нужна доля от прибыли.

— Разумеется, ваше высочество, — признал Дурга. — Илизия имеет важнейшее значение для деловых интересов Бесадии. Я с высочайшей серьезностью отношусь к своим обязанностям на нашем илизианском предприятии.

— Это меня ничуть не удивляет, господин Дурга. Я и не ожидал меньшего. Ваш народ сродни моему в том, что касается эффективного ведения дел. Честное слово, вы превосходите многие другие биологические виды, которые гордятся своей деловой хваткой... Людей, например. Все их поступки окрашены эмоциями. Они не действуют рационально и аналитически.

— Безусловно, ваше высочество, вы абсолютно правы, — согласился Дурга.

— Тем не менее оба наших народа проявляют заботу о семейных узах, — нарушил Ксизор затянувшуюся паузу.

«К чему, во имя Галактики, он клонит?» — удивился хатт. Он ничего не понимал, и это его порядком злило.

— Да, это тоже верно, ваше высочество, — нейтральным голосом ответил Дурга.

— Мои источники выяснили, что вам может понадобиться некоторая помощь в выяснении обстоятельств смерти вашего родителя, господин Дурга, — проронил Ксизор. — Несомненно, вы столкнулись с некоторыми... странностями.

«Как он узнал о докладе экспертов так быстро?» — снова удивился Дурга, но мысленно одернул себя. Он говорил с «Черным солнцем», крупнейшей преступной организацией во всей Галактике. Возможно, у самого Императора нет таких надежных шпионских сетей, как у них.

— Мои подчиненные проводят расследование, — ровно произнес Дурга. — Я извещу вас, если мне потребуется помощь, ваше высочество. Но я благодарен вам за желание поддержать меня в трудный момент.

Ксизор уважительно склонил голову.

— Честью семьи нельзя пренебречь. Долги требуют уплаты, и, когда необходимо, месть должна быть скорой, господин Дурга. Я

уверен, мои источники могут значительно посодействовать вам. — Он заглянул хатту в глаза. — Господин Дурга, позвольте мне быть откровенным. Интересы «Черного солнца» во Внешнем Кольце не соблюдаются должным образом. Мне кажется, нам было бы весьма кстати объединиться с хозяевами этого региона космоса — хаттами. И мне в полной мере очевидно, что вы, господин Дурга, — восходящая звезда Нал-Хатты.

Слова Ксизора ни польстили Дурге, ни успокоили его. Он припомнил разговор со своим родителем. Принц Ксизор контактировал с Аруком не раз за последние пару десятилетий и делал главе Бесадии похожие предложения. И Ару к всегда предельно вежливо отказывал. Вождь клана Бесадии хорошо знал, что Ксизора не стоит злить, но отнюдь не жаждал стать одним из вассалов фаллиинского принца, или, как Ксизор называл их, виго.

«Мощь „Черного солнца" соблазнительна, сын мой, — говорил Арук. — Но берегись ее, потому что, покуда принц Ксизор жив, назад дороги не будет. Иногда легче отказать самому Императору. Уступи „Черному солнцу" километр — и они захватят парсек. Запомни это, Дурга».

«Я помню», — мысленно сказал себе Дурга и поднял взгляд на собеседника.

— Я подумаю над вашими словами, принц Ксизор, — молвил хатт. — Но сейчас хаттский обычай требует, чтобы я проводил расследование и осуществлял месть как священное... и единоличное... таинство.

Ксизор снова склонил голову.

— Я всецело понимаю вас, господин Дурга. Буду ждать от вас вестей, когда вы обдумаете мое предложение.

— Благодарю, ваше высочество. Ваша забота — для меня честь, и ваша дружба дорогого стоит.

Впервые уста Ксизора тронула улыбка. Затем он протянул руку и оборвал соединение.

Лишь после того, как изображение принца исчезло, Дурга позволил себе расслабиться. Он чувствовал себя истощенным этим словесным поединком, но поздравил себя с тем, что держался достойно.

«Илизия. Ему нужна доля в Илизии, — подумал он. — Что ж, Ксизор может желать все, что душе угодно, но желать не значит получить, и очень скоро каждое мыслящее существо в Галактике это поймет. Если бы Ксизору было ведомо, что я организовал еще одну колонию на Илизии и отправил наблюдательные группы на Нирвону, чтобы подобрать подходящее место для нового лагеря пилигримов, он жаждал бы получить в два раза больше. Хорошо, что я крайне мало распространялся о своих амбициях насчет

расширения бизнеса Бесадии».

Перед мысленным взором Дурги внезапно предстала картина целой россыпи Илизий, планет, где довольные и счастливые паломники превращают чистый спайс в чистую прибыль. «Возможно, я бы даже добрался до Центральных миров, — подумал он. — Палпатин не станет мне мешать, он ценит рабов, которых я продаю его подданным...»

Хатт улыбнулся и с разгоревшимся заново аппетитом заскользил обратно к своему прерванному ужину.

Далеко в Центре Империи принц Ксизор отвернулся от передатчика.

— Хатт не просто хитер, но и красноречив, — прокомментировал он, обращаясь к Гури, своему человекоподобному дроиду-убийце. — С Дургой будет сложнее, чем я ожидал.

Дроид-репликант, имевший внешность ослепительно красивой женщины человеческой расы, сделал едва заметное движение рукой. В жесте безошибочно угадывалась угроза.

— Почему бы тогда не убрать его, мой принц? Это несложно...

Ксизор кивнул.

— Знаю, для тебя, Гури, даже толстая шкура хатта не составит проблем. Но убить потенциального противника — это далеко не так эффективно и эффектно, как сделать его верным вассалом.

— По всем сведениям, власть молодого главы Бесадии над кланом по-прежнему невелика, мой принц, — молвила Гури. — Возможно, Джабба Хатт будет более подходящим кандидатом?

Принц покачал головой.

— Джабба был полезен мне в прошлом, — признал он. — Мы обменивались информацией — практически все я знал и так, — и я оказал ему кое-какие услуги. Пусть лучше он будет мне обязан, чтобы, когда я захочу вернуть долг, он сделал бы это с... энтузиазмом. Джабба уважает «Черное солнце». И боится его, хотя никогда этого не признает.

Гури кивнула. Большинство обитателей Галактики, обладавших здравым смыслом и знавших хоть что-то о «Черном солнце», боялись этой организации. Хотя большинство как раз не знали.

— К тому же Джабба слишком... независим, слишком привык делать все по-своему, — задумчиво продолжил Ксизор. — С другой стороны, Дурга не менее умен и, в отличие от Джаббы, достаточно молод. Из него можно слепить то, что нужно мне. Он

будет ценным прибавлением для «Черного солнца». Хатты беспощадны и корыстны. Одним словом, идеальны.

— Понимаю, мой принц, — сдержанно ответила Гури, которая, надо сказать, всегда была сдержанна. Она, в конце концов, являла собой искусственное творение — хотя настолько же превосходила большинство лязгающих неуклюжих механизмов, которых принято было называть дроидами, насколько принц Ксизор превосходил тех ползающих существ, что были его дальними родственниками, отставшими в развитии на несколько ступеней эволюции.

Принц с ленцой опустился в кресло. Пока оно услужливо подстраивалось под каждое его движение, он в задумчивости водил острым пальцем по щеке, слегка касаясь когтем зеленоватой кожи.

— «Черному солнцу» нужно закрепиться в космосе хаттов, и Дурга — мой самый надежный проводник в этом деле. К тому же Бесадии контролируют Илизию, и их тамошняя операция, хоть и невеликая по масштабу в сравнении с большинством предприятий «Черного солнца», меня впечатляет. Арук был хитрейшим старым хаттом. Он никогда бы не стал работать на меня... но его сын может оказаться не таков.

— Каков ваш план, мой принц? — спросила дроидесса.

— Я дам Дурге время осознать, как сильно он нуждается в «Черном солнце». Гури, пусть за расследованием Дурги тщательно наблюдают. Я хочу, чтобы наши разведчики узнавали раньше Дурги о том, что обнаружила группа экспертов. Я хочу выяснить, как умер Арук, до того, как это узнает глава Бесадии.

Она кивнула:

— Будет исполнено, мой принц.

— И если эксперты Дурги обнаружат причастность к убийству Арука кого-либо из влиятельных персон — скорее всего, Джилиак или Джаббы, — я хочу, чтобы эта связь была уничтожена самым тончайшим образом. Дурга не должен догадаться, что ему намеренно мешают искать убийцу отца... Это ясно?

— Да, мой принц. Все будет сделано, как вы пожелаете.

— Превосходно. — Ксизор казался довольным. — Пусть Дурга пару месяцев поиграет в детектива, раз уж так хочет... Пусть даже год. Пусть погоняется за собственным скользким хвостом. Он взбесится до предела и в конечном счете будет только рад прибегнуть к услугам «Черного солнца» — за хороший процент от Илизии, разумеется.

Вернувшись в ранний утренний час в свою захудалую

квартирку на Нар-Шаддаа, Хан Соло обнаружил, что разношерстные обитатели дома еще вовсю дрыхнут. Впрочем, долго это не продлилось.

— Эй, все! — крикнул кореллианин. — Чуи! Джерик! Подъем! Я выиграл! Гляньте на это!

Хан пробежал по комнатам, вопя и размахивая необъятно толстой пачкой кредитов.

Они с Чуи делили это нехитрое жилище с их юным другом Джериком и древним дроидом по имени ЗиЗи, которого Хан выиграл у Мако Спинса в недавней дружеской игре в сабакк. Проведя месяц-другой в компании ЗиЗи, Хан был почти уверен, что Мако, заядлый картежник, подтасовал колоду, чтобы заведомо проиграть.

В качестве домашнего дроида ЗиЗи не столько помогал, сколько служил источником раздражения, вечно чирикая и заикаясь. Хана настолько доконали старания дроида навести порядок повсюду, куда дотягивались его конечности, что он несколько раз подумывал сдать надоедливую железяку в металлолом. Однако до дела так и не дошло. Пока Хан ограничивался раздраженным приказом: «Оставить все как есть!»

Джерик Соло был уличным мальчишкой со дна Нар-Шаддаа. Около года назад он представился Хану как дальний родственник. Нагловатый симпатичный паренек практически боготворил Хана, который был известен по всей округе как один из первоклассснейших пилотов, и напоминал кореллианину его самого в юности. Соло проверил заявление Джерика и достоверно выяснил, что Джерик имел прав на имя Соло не больше, чем, к примеру, Чуи. Но к тому времени, когда Хан точно установил, что они не родственники и Джерик беззастенчиво врет, он в некотором роде привязался к мальчишке и поэтому позволил ему остаться и летать с ними. Со временем Джерик даже стал довольно неплохим стрелком.

Несмотря на юность, он показал себя в битве при Нар-Шаддаа, сбив несколько истребителей СИД и позволив Хану, Лэндо и Салле Зенд изменить ход битвы. Поэтому Хан так и не сказал мальчишке, что выяснил правду. Для Джерика было важно чувство родства, пусть даже мнимого. И Хан охотно позволил ему «позаимствовать» свою фамилию.

Он продолжал носиться по квартире и прыгать по стенам от восторга, пока его сонные друзья собирались вокруг.

— Ну же, просыпайтесь! — кричал он. — Я выиграл, парни! Я выиграл «Сокол» у Лэндо!

От радостного рева Чубакки, возгласов Джерика и иных проявлений восторга бедняга ЗиЗи пришел в такое

замешательство, что старого дроида замкнуло и пришлось включать заново. Обменявшись хлопками по спине и поздравлениями, Хан, Чубакка и Джерик немедленно отправились за кораблем Лэндо, имея на руках карточку с его маркером.

После того как все формальности по смене владельца были соблюдены, Хан просто застыл у входа на причал и уставился на «Сокол Тысячелетия».

— Мой... — повторял он, улыбаясь так сильно, что мышцы лица начало сводить.

В голове кореллианина роились планы по ремонту и модернизации. Он многое хотел сделать, чтобы превратить «Сокол» в корабль мечты. И благодаря турниру по сабакку, у него была на это наличность!

Для начала он собирался позвать Шуга и Саллу, чтобы они помогли ему снять боевую броню с брошенного имперского крейсера «Ликвидатор», подбитого в битве при Нар-Шаддаа. Его разгерметизированный корпус дрейфовал среди космического мусора на орбите Луны контрабандистов. Установку надежной брони Хан поставил в приоритет. Он не хотел, чтобы «Сокол» постигла участь «Брии».

Затем ему требовалась выдвижная лазерная пушка под днищем. Контрабанда — дело рискованное, и иногда приходится поспешно отступать. Желательно, имея огневое прикрытие...

Также он собирался провести капитальный ремонт гиперпривода и установить легкую пушку на носу корабля. И конечно же, торпедные установки. Еще переставить счетверенные турели, чтобы они располагались друг напротив друга, а не наверху и справа. А может быть, и щиты заодно усилить?

Хан в мыслях рассуждал о том, как превратить YT-1300 в идеальный корабль. В контрабандистский корабль высшего класса.

— Потайные отсеки, — пробормотал он.

— Что? — повернулся к нему Джерик. — Что ты сказал, Хан?

— Я сказал, что обустрою несколько потайных отсеков под палубой, приятель. — Хан положил руку на плечо юноши и улыбнулся Чубакке. — И догадайся, кто мне в этом поможет?

Джерик улыбнулся в ответ:

— Здорово! И что будет твоим первым грузом?

Хан задумался на секунду.

— Для начала мы наведаемся на Кашиик. Думаю, хорошая партия стрел с разрывными наконечниками для самострелов сгодится, а, Чуи?

Чубакка выражал согласие довольно долго и громко. Теперь, когда он знал, что предстоит путь домой, вуки преисполнился

такого волнения, какого Хан за ним никогда не замечал.

Два дня спустя, до отказа набив трюм контрабандой, Хан Соло вывел корабль из ангара и поднял его ввысь, радуясь быстрому разгону. Чуи сидел в кресле второго пилота, а место стрелка занимал Джерик. Хан надеялся избежать имперских патрулей, но хотел быть готовым к бою, если они все-таки появятся.

Кашиик находился «под протекторатом» (а попросту — в рабстве) Империи. Имперцам удалось усмирить население, и теперь они сводили к минимуму свои набеги на города и жилища вуки. Однако если имперцы являлись, то всегда в немалом количестве и вооруженные до зубов. Вуки славились горячим норовом и склонностью действовать импульсивно.

Хану удалось избежать имперских патрулей и не попасть в зону действия сенсорных спутников, и теперь он приближался к зеленеющему шару Кашиика. Родину вуки по большей части покрывали леса гигантских деревьев врошир. Четыре континента разделяли ленты океана, а архипелаги островов усыпали искрящиеся моря, как изумруды голубой шелк. Пустынных регионов было немного, в основном на засушливой стороне экваториальных гор.

Когда они вошли в пределы дальности системы связи, Чубакка настроил передатчик на закодированную частоту и разразился ворчанием и рыком. Звуки, которые он издавал, для нетренированного человеческого уха ничем не отличались от его обычной речи — но это было далеко не так.

Хан нахмурился, заметив, что он практически ничего не понимает из речи друга, хотя многие слова и звучали знакомо. Когда Чуи замолк, в ответ послышался похожий набор звуков — скорее всего, указаний.

Соло, бдительно следивший за датчиками, быстро поправил курс. Из-за края планеты вылетал имперский корабль.

— Джерик, смотри в оба, — велел он, включив интерком. — Не думаю, что нас заметили, но лучше быть наготове.

Несколько напряженных секунд спустя Хан облегченно выдохнул. Приборы показали, что имперец спокойно следует своим курсом, не замечая их.

Хан снова повернулся к Чуи, и тот выдал поток указаний и координат, которыми снабдил его связной. Хан должен был лететь низко над кронами и быть готовым мгновенно изменить курс, как только Чубакка его попросит.

— Хорошо, приятель, — согласился кореллианин. — Это твоя

планета, и ты здесь главный. Но... что за язык, на котором ты разговаривал? Какой-нибудь шифр?

Чубакка посмеялся и объяснил, что имперцы оказались настолько тупы, что большинство из них даже не поняло, что не все вуки одинаковы. Существовало несколько родственных, но в чем-то различных рас вуки. Хан уже знал, что Чубакка — рвук и отличается буро-рыжим мехом, типичным для этого народа. А язык, который Соло научился понимать, назывался ширивук, что в вольном переводе означало «язык древесного народа».

Что касается языка, который Хан только что слышал, — ксачика, — то это было традиционное племенное наречие, на котором изъяснялись вуки с острова Вартаки и некоторых близлежащих прибрежных регионов. Так что, когда имперцы захватили Кашиик, подпольные группы сделали ксачик своим «кодовым» языком. Они давали на нем указания или передавали информацию, не предназначавшуюся для имперских ушей.

Хан кивнул.

— Ладно, приятель. Просто скажи, куда лететь, и я отвезу нас, куда велят твои подпольщики.

Низко, почти касаясь верхних ветвей вроширов, «Сокол» шел по предписанному курсу, набрав указанную скорость. Примерно каждую минуту Чуи сверялся со своим связным.

Когда они наконец приблизились к Рвукрорро — родному городу Чуи длиной около километра, выстроенному на переплетенных ветвях вроширов, — второй пилот бросил штурвал вниз, и полминуты корабль буквально падал между ветвями. Сердце Хана забилось где-то вблизи горла, когда «Сокол», словно оправдывая свое имя, нырнул сквозь зеленый лес. Но координаты Чуи оказались точны.

Хотя сквозь иллюминаторы чудилось, что их вот-вот занесет и расплющит вдребезги, корабль остался невредим. Чуи пролаял приказ, и Хан крикнул: «Жесткая посадка... держитесь!»

Совершив немыслимый поворот влево, кореллианин увидел перед собой нечто, что сначала принял за огромную пещеру. Впереди зияла черная дыра, готовая поглотить их.

Но, приблизившись, Хан осознал, что это гигантская ветвь врошира, торчащая среди таких же исполинов. То ли случайно, то ли намеренно она была отломана от дерева и выпустошена, образовав «дупло» размером с небольшой имперский ангар.

— Ты хочешь, чтобы я сел там? — прокричал Хан. — А что, если мы не поместимся?

Чуи в ответ рявкнул так, что не оставалось сомнений: поместятся точно.

Хан включил тормозные двигатели на всю мощь, подводя

корабль ко входу в дупло. Они проникли внутрь, и внезапно приглушенный солнечный свет исчез. Пространство перед ними освещали лишь инфракрасные датчики «Сокола» и лучи посадочных огней.

Хан погасил скорость и на репульсорах опустил корабль на место посадки.

Через несколько секунд в дверях рубки возник Джерик. Волосы на голове мальчишки стояли дыбом.

— Хан, ты еще безумнее, чем я думал! Вот это посадка!

— Помолчи, приятель, — попросил Хан.

Чуи настойчиво рычал, требуя, чтобы Хан немедленно обесточил на «Соколе» все, кроме батарей поддержки шлюзов.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал кореллианин, подчиняясь. — Побереги свой мех...

Он быстро отключил все питание, оставив лишь батареи. Внутренности корабля теперь освещал только слабый красноватый свет аварийных огней.

— Может, все-таки объяснишь мне, что происходит? — проворчал Соло. — Лети сюда, поверни там, выключи питание... Хорошо, что я покладистый парень и научился слушаться приказов, пока был на флоте. Так в чем дело?

Чубакка нетерпеливо велел спутникам следовать за ним. От возбуждения вуки чуть из шкуры не выпрыгивал. Он ревел от удовольствия и жажды вдохнуть ароматы родного мира.

Снаружи что-то стукнуло по обновленной броне «Сокола».

— Эй! — завопил Хан, подпрыгнув и оттолкнув мохнатого друга локтем. — Осторожнее, это моя обшивка!

Опустив трап, контрабандист кинулся вниз и остановился в изумлении. Когда он влетел в пещеру, ему казалось, что они едва поместятся там, но теперь пространство вокруг было так велико, что в нем звучало эхо.

У входа взвыл гидравлический подъемник, открывая огромный «занавес» камуфляжной сети над входом. Несколько вуки деловито укрывали «Сокол» дополнительными сетями.

Чуи подошел из-за спины и негромко прорычал извинение, что не предупредил друга о том, что сейчас будет.

— Попробую догадаться, — пробормотал Хан, изучая сети. — Либо в этих штуках подавляющие узлы, либо они отсылают сигналы на какой-то маскирующей частоте, чтобы им- перцы не могли нас засечь.

Чубакка подтвердил догадку Хана. Аборигены использовали эту пещеру для доставки контрабандных товаров, и они знали в этом толк.

— Офигеть! — процедил Джерик. Как только зажегся свет,

юноша, раскрыв рот, воззрился на обстановку дупла. Оно представляло собой хорошо оснащенный и полностью функциональный ангар и ремонтный комплекс. — Это что-то с чем-то!

Хан все еще не мог поверить, что они стоят внутри дерева. Нет, не дерева, а даже ветки дерева. Если такой огромной была одна ветвь врошира, то каким был весь исполин, даже в голове не укладывалось. Он покачал головой.

— Должен признать, Чуи, твои ребята тут хорошо устроились.

Заперев «Сокол», Хан и Джерик последовали за Чубаккой к выходу из дупла, где тот представил их толпе вуки. Хану непросто было уследить за разговором — не привык он слышать быструю речь одновременно семерых вуки. Чубакку поприветствовали урчанием, обняли, похлопали по спине, потрясли за плечи, снова похлопали и осыпали радостными возгласами.

Чуи представил Хана как своего брата чести, которому он по гроб жизни обязан за освобождение из рабства. Над Ханом, в свою очередь, нависла смертельная опасность, что его точно так же захлопают по спине, затрясут и прочее, и прочее, но, к счастью, Чубакка вмешался и продолжил представлять гостей и аборигенов. Не все вуки понимали общегалактический, так что потребовалось много перевода.

Трое мохнатых туземцев оказались родственниками Чуи: вуки с завитками золотисто-каштановой шерсти была его сестрой Каллабоу; Джоуддрл, женщина пониже, со шкурой каштанового оттенка (Хан с удивлением отметил, что замечает семейное сходство!), оказалась его кузиной, а Драйанта, темно-коричневого окраса самец, — кузеном. Остальные четверо состояли в подпольном сопротивлении и явились на встречу специально, чтобы познакомиться с Ханом и обсудить его груз.

Мотамба, старший из вуки, был экспертом по военному снаряжению, и его голубые глаза загорелись, стоило Хану сообщить, сколько ящиков с разрывными наконечниками в его трюмах. Молодая вуки Катарра, насколько мог судить Хан, возглавляла их ячейку. Слушали ее с большим уважением. Она регулярно советовалась со своим отцом, крупным самцом по имени Таркацца, — тот был первым вуки с черным мехом, которого когда-либо встречал Хан. Вдоль его спины шла полоска серебристой шерсти — вероятно, семейная черта, так как у Катарры была точно такая же, хотя ее мех был желтовато-коричневым.

Через несколько минут шума и гама Чубакка что-то прорычал своим друзьям. Хан понял почти все. Получалось нечто вроде

«принесите куулаары».

«Что такое куулаары?» — мысленно пожелал знать контрабандист.

В неведении он пребывал недолго. Им предоставили два длинных, похожих на мешки куска ткани — или это была связанная шерсть? Чубакка повернулся к кореллианину, указав сначала на него, а потом на куулаар. Хан смерил вуки недоверчивым взглядом и покачал головой:

— Залезать внутрь? Чтобы ты понес нас по деревьям? Ни за что, приятель! Я и сам лазаю не хуже тебя.

Чубакка взрыкнул и, схватив кореллианина за руку, потащил его ко входу в пещеру. Там, приподняв камуфляжный навес, он жестом попросил Хана шагнуть наружу, на выступ пещеры.

Джерик последовал за ними вместе с другими вуки. Мальчишка был в замешательстве, так как не понимал почти ничего из сказанного.

— Хан? Что они хотят?

— Хотят, чтобы мы залезли в эти мешки, и они потащат нас по стволам до лифта на Рвукрорро. Я только что сказал Чуи, что этому не бывать и я полезу сам.

Джерик подошел к краю, осторожно наклонился и вгляделся вниз. Потом опять подошел к Хану и некоторое время изучал его молчаливым взглядом. И наконец, не говоря ни слова, начал забираться в куулаар.

Заинтригованный, контрабандист подошел и тоже посмотрел вниз.

Умом он, конечно, все это знал, но знать умом и чуять нутром — вещи совершенно разного толка. Он стоял на многокилометровой высоте. Под ним лес тянулся... тянулся... и тянулся...

Ветви деревьев спускались все ниже, и вот уже острое зрение Хана не может отличить одну от другой. Несмотря на богатый опыт за штурвалом и превосходное чувство равновесия, от этого вида у Хана на секунду повело голову. Он вернулся к Чубакке, который уже услужливо подавал ему куулаар. Когда кореллианин засомневался, вуки согнул в локтях мощные руки и продемонстрировал острейшие когти — превосходный инструмент, способный глубоко вонзаться в кору деревьев.

«Я еще об этом пожалею...» — пробормотал Хан, забираясь в мешок.

Чубакка хотел понести Хана, но родственники убедили его, что он слишком давно не лазал по стволам и будет лучше, если его заботой останется лишь собственный вес.

Итак, Мотамба понес Джерика, а Таркацца — Хана.

Контрабандист хотел выглянуть наружу, но непреклонный Таркацца запихнул его голову обратно в мешок, предупредив, чтобы руки тоже не высовывал и вообще лежал спокойно, чтобы не нарушать равновесия.

Внутри куулаара Хан ощущал, как мотается мешок в такт движениям Таркацци. Вуки подбрел к краю платформы, затем с ревом и мощным рывком оттолкнулся от земли. А потом они падали, падали!..

Хану едва удалось сдержать вопль. Он услышал, как сдавленно вскрикнул Джерик.

Несколько секунд спустя Таркацца приземлился на твердую поверхность, уцепился за ветви и быстро полез вверх. По куулаару зашелестели листья. Хан только хотел расслабиться, как вдруг они снова прыгнули.

В последующие несколько минут Хан только и мог, что не шевелиться и сосредоточиться на том, чтобы его не замутило. Мешок мотался, дергался, крутился и шлепался о ветки, несмотря на все старания Таркацци.

Рывок, прыжок, полет...

Раскачаться, подтянуться, залезть...

Хан закрыл глаза — все равно видно было не слишком много — и попытался держать себя в руках. Казалось, что это кошмарное путешествие продолжается бесконечно, но, посмотрев впоследствии на часы, Хан обнаружил, что оно заняло не более пятнадцати минут.

Наконец с последним скачком и взрыком движение прекратилось, и Хан обнаружил, что лежит на твердой поверхности, все еще внутри куулаара. Когда мир вокруг него перестал кружиться — на что потребовалось некоторое время, — кореллианин начал выбираться на свет.

Теперь он стоял, широко расставив ноги для равновесия, на необъятной платформе, на которой лежал огромный, почти полностью обнесенный изгородью город Рвукрорро. По форме он напоминал громадное сплющенное яйцо, утыканное домами, которые были разбросаны по всей платформе. Ветви тянулись вдоль улиц, прорастая сквозь образующий их материал, и добавляли к окружению мазки зелени.

Мир вокруг Хана успокоился, и он сделал глубокий вдох. Город перед ним пленял своей красотой. Даже не окрашенный в пастельные тона Облачного города, Рвукрорро имел ту же открытость и воздушность. Может быть, оттого, что он находился так же высоко.

Некоторые из зданий были в несколько этажей, но каким-то образом гармонировали с верхушками деревьев. Всюду ветер

раскачивал живые зеленые ветви вроширов. Небо над головой было синим, с легким оттенком зеленого. По нему проплывали полосы плотных, сияющих белизной облаков.

Хан услышал сдавленное бульканье и, оглянувшись, увидел Джерика, который склонился над платформой и держался за живот, очевидно от боли. Кореллианин подошел и потрогал юношу за плечо.

— Эй, парень, все в порядке?

Джерик покачал головой и, судя по взгляду, тут же об этом пожалел.

— Все нормально, — пробормотал он. — Стараюсь, чтоб не вырвало.

— Для этого есть маленькая хитрость, — бросил Хан насмешливо-серьезно. — Просто не думай о жарком из траладона.

Джерик глянул на Хана, как на предателя, и, зажимая рот рукой, кинулся к краю платформы. Кореллианин пожал плечами, развернулся и тут увидел Чубакку.

— Бедняга. Слушай, Чуи, что это за способ путешествовать? Хорошо, что твои ребята взяли эти мешки с собой. Что вы обычно носите в них? Багаж?

Чубакка с усмешкой выдал краткий и несколько странный перевод слова «куулаар».

Хан разозлился:

— Сумка для детей? Вы таскаете в них своих детенышей?

Чубакка начал смеяться, и чем больше свирепел Хан, тем громче хохотал его друг. Кореллианина спас рев нескольких вуки, идущих по дороге из города. Их было не меньше десяти, от мала до велика. Хан заметил невысокого, седеющего, немного сутулого вуки, и в этот момент Чубакка сорвался с места, с ревом радости бросившись к пришедшим.

Глядя, как Чуи хлопает по спине и обнимает старого вуки, Хан повернулся к Каллабоу, которая, к счастью, понимала общегалактический.

— Аттичиткак? — догадался он, назвав имя отца Чубакки.

Сестра Чубакки подтвердила, что это действительно их отец, который только и говорил что о своем сыне, с тех пор как узнал, что тот скоро прибудет домой.

— Чуи очень хотел увидеть еще кое-кого, — заметил Хан. — Маллатобак. Она все еще живет здесь, в Рвукрорро?

Мощные зубы Каллабоу сверкнули в вукийской улыбке, и она по-человечески кивнула.

— Она замужем? — уточнил Хан, опасаясь ответа. Он догадывался, как много этот вопрос значит для его друга.

Улыбка Каллабоу стала шире, и она отрицательно покачала головой — медленно и уверенно.

Хан так же широко улыбнулся в ответ.

— Ура! Думаю, нам есть что отпраздновать!

Контрабандист почувствовал прикосновение к плечу и, повернувшись, увидел Катарру, стоявшую рядом с еще одним вуки мужского пола. К полному изумлению Хана, высокий вуки раскрыл рот и поразительно членораздельно произнес по-вукийски:

— Приветствую вас, капитан Соло. Я Ралррахин. Можете звать меня Ралрра. Для нас честь, Хан Соло, что вы посетили Кашиик.

Хан уронил челюсть. Ему потребовались годы, чтобы научиться понимать речь вуки, но воспроизвести ее он не мог даже после значительных усилий. А этот вуки разговаривал так, что Хан мог понять его очень легко и, может быть, даже повторить за ним.

— Здравствуй! — выпалил Хан. — Как ты это делаешь?

— Дефект речи, — ответил вуки. — Очень неудобен при общении с моим народом, но невероятно полезен, когда Кашиик посещают люди.

— Еще бы!.. — пробормотал Хан, все еще пребывая в шоке.

С помощью Ралрры Хан и Катарра наконец смогли начать переговоры о грузе разрывных наконечников.

— Мы крайне в них нуждаемся, — поведал Ралрра. — Но мы не просим милости. У нас есть что дать взамен, капитан.

— И что же это? — осведомился кореллианин.

— Броня имперских штурмовиков, — ответил Ралрра. — Мой народ собирал ее с тех солдат, которым она больше не понадобится, — сначала как трофеи, но потом мы узнали, что она имеет цену. У нас много доспехов и шлемов.

Хан призадумался. Броня штурмовиков действительно была сделана из ценных материалов и могла быть использована для других видов нательной брони. Также ее можно было химически расплавить и переработать.

— Хотелось бы взглянуть на нее, — протянул он, — но мы можем поторговаться. Ношеная броня, она ведь... не так уж много стоит...

Он покривил душой. Комплект брони штурмовика в хорошем состоянии стоил больше двух тысяч кредитов в зависимости от рынка. «Но, — подумал Хан, — им она все равно ни к чему, а я могу на этой поездке малость подзаработать... Я ж не благотворительностью занимаюсь...»

Катарра громко зарычала и заговорила с переводчиком,

тараторя так быстро, что Хан едва ее понимал. Что-то о человеке с волосами солнца?

Ралрра повернулся к Хану.

— Катарре известно, что броня стоит много. Так ей сказала женщина с твоей планеты Кореллии, с волосами цвета рассвета.

Вукийка полностью завладела вниманием кореллианина.

— С Кореллии? — резко спросил он. — Кореллианка? Светловолосая?

Ралрра кратко переговорил с Катаррой.

— Да. Она явилась сюда вскоре после Дня жизни — примерно стандартный год назад, капитан, — и она встречалась с вожаками сопротивления, дала нам советы по организации, шифрам, тактике и многому другому. Она — участник движения повстанцев на твоей родине.

Хан уставился на Катарру:

— Имя. Как ее имя?

Ралрра посмотрел на женщину, быстро переговорил, потом развернулся обратно.

— Катарра говорит, что не знает ее имени. Это обычное дело, на случай допроса. Мы называли ее Куаррр-теллерра, что значит «златовласая воительница».

Хан набрал в грудь воздуха.

— Как она выглядела? — спросил он. — Я могу знать эту кореллианку. Она может быть... — Он помедлил. — Она может быть моей... моим другом. Мы расстались давно, по вине Империи.

Строго говоря, он не соврал. Брия ушла, когда Хан готовился поступить в имперскую академию, сказав, что не хочет его удерживать. Он до сих пор хранил записку, которую она ему написала. Глупо было ее беречь, и каждый раз, когда он на нее натыкался, Хан порывался выбросить ее, но почему-то так этого и не сделал...

Настороженность Катарры заметно пошла на убыль, когда она это услышала. Она протянула лапу и положила ее на руку Хана, выражая сочувствие. Империя — беда, разлучившая многие семьи...

Ралрра провел в воздухе линию на уровне носа Хана.

— Вот такого роста, — сказал вуки. — Длинные волосы цвета рассвета... золотисто-рыжие. Глаза цвета нашего неба. Стройная. — Его руки обрисовали точеную фигуру. — Она стояла во главе своей команды, была личностью высокого ранга. Сказала, ее попросили прилететь на Кашиик, потому что она как никто понимала, что значит жить в рабстве. Она поведала нам, что была рабыней на планете Илизия и отдаст жизнь за то, чтобы

освободить Кашиик и любые другие планеты, порабощенные Империей. Она говорила с большой страстью.

Голос Ралрры изменился, став более доверительным:

— Я тоже был рабом Империи, пока мои друзья не освободили меня. Куаррр-теллерра говорила правду о своем рабстве. Я это видел. Она знала, что это. Мы много делились тем, как сильно ненавидим Империю.

Во рту у Хана пересохло. Ему стоило усилий кивнуть и пробормотать:

— Спасибо, что рассказали...

«Брия, — ошеломленно подумал он. — Брия в кореллианском сопротивлении? Как, во имя Галактики, такое произошло?»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
МАЛЛАТОБАК

Радостно было вернуться на родную планету. Чубакка ходил из дома в дом, и его отец Аттичиткак с гордостью представлял всем своего сына — искателя приключений, спасшегося из рабства, и его друзей. К Хану и Джерику все вуки прониклись большим уважением.

Разумеется, Кашиик был оккупирован имперскими войсками, и стоило позаботиться о том, чтобы скрыть реальную цель появления Хана. Кореллианин облачился в более приличествующий его положению наряд — одежду одного из людей-торговцев, живущих в Рвукрорро. Они с Джериком изображали братьев, которые явились покупать у вуки безделушки и предметы быта. Правдоподобность усиливалась тем, что у обоих были темно-русые волосы и карие глаза, да и по росту Джерик был лишь немногим ниже Хана.

Имперское присутствие на Кашиике в основном ограничивалось разбросанными по планете аванпостами. При необходимости пехоту высылали целыми отрядами, так как отдельные солдаты имели пугающую склонность исчезать без следа.

Хан и Джерик сохраняли бдительность, избегая любых контактов с имперскими патрулями, которые периодически прочесывали Рвукрорро. «Сокол» был укрыт в специальном контрабандном ангаре, защищенном камуфляжными сетками и постановщиками помех, и, таким образом, их ничего не связывало с нелегальной деятельностью.

Хан дни напролет пропадал в ангаре, вместе с механиками-вуки приводя в порядок свое новое сокровище. Некоторые вуки были опытными техниками, и теперь они часами проверяли системы и тщательно осматривали каждый прибор. «Сокол» был кораблем далеко не новым, но благодаря техникам находился теперь в лучшей форме, чем когда-либо за долгое время.

Чубакка и не представлял, как сильно он соскучился по дому и семье. Снова увидев родных, он захотел вернуться домой насовсем — но это было невозможно. Чуи связан долгом жизни, и его место было рядом с Ханом Соло.

И все же он наслаждался временем, которое проводил на Кашиике. Он погостил у всех своих кузенов, у сестры и ее семьи. За то время, пока Чуи не было дома, Каллабоу вышла замуж за замечательного вуки по имени Махраккор.

Чуи любил играть со своим племянником. Малыш был смышленым и забавным и проявлял неуемное любопытство.

Он часами обсуждал со своим дядей его путешествия по просторам космоса.

Повидал Чубакка и старых друзей: Фрейрра, своего троюродного брата и лучшего охотника в семье, Крийстака и Шорана. К большому сожалению, здесь не оказалось Салпорина, его лучшего друга среди вуки. Он попал в рабство к Империи, и о его судьбе не было никаких вестей. Никто даже не знал, жив он или нет. Чубакка грустил по другу, не зная, увидит ли его когда-нибудь снова.

Но долго горевать времени не было. Жизнь на Кашиике была слишком насыщенной. Вдобавок ко всем его друзьям и семье здесь была... Маллатобак.

Она стала еще милее, чем запомнил Чубакка, и смущенный взгляд ее голубых глаз очаровывал еще больше. Он увидел ее в первый же вечер, с радостью узнав, что она вернулась из соседней деревни, где работала учителем и медсестрой в Детском круге. У Маллы было много друзей в Рвукрорро, и Чуи не составило труда уговорить ее остаться здесь подольше.

Долгими часами они бродили по широким ветвям, глядя в ночное небо и слушая тихие звуки лесных обитателей. Разговаривали они мало, но тишина была полна невысказанных слов...

На третий день Чубакка решил, что пора отправиться на охоту. Хан был занят торговыми спорами с Катаррой, Киччиром и Мотамбой о грузе разрывных наконечников, и дел у него хватило бы на много часов. У кореллианина возник неожиданный интерес к здешнему движению повстанцев — Чуи, если бы это заметил, счел бы такой интерес загадочным и даже немного пугающим. Обычно Хан с насмешкой относился к тем, кто рисковал своей шеей и прочими частями тела по причинам иным, нежели собственное благополучие.

Но Чуи был слишком занят, чтобы заметить странности в поведении друга. Он загорелся желанием добыть иглокрыса. Скрытные мелкие иглокрысы в длину достигали около полуметра. Отыскать их было непросто из-за их коричнево-зеленого пятнистого окраса и способности сливаться с окружением.

Среди прочей фауны иглокрыса выделяли длинные острые иглы, защищавшие практически все тело. Поймать и убить его было делом нелегким, так как зверьки стреляли в охотника иглами. Самцам вуки — а охота на иглокрысов была исключительно мужским делом — приходилось подступать к

зверю с неким подобием щита, чтобы принимать на него все иглы, пока «боезапас» иглокрыса не иссякнет.

Вукийский обычай, еще больше усложнявший дело, предписывал ловить и убивать иглокрыса голыми руками, а не стрелами или другим метательным оружием.

Чубакка никому не сказал о своем решении. Он просто ждал допоздна, пока на нижних уровнях не начала сгущаться тьма, а потом покинул Рвукрорро и начал долгий спуск.

Даже вуки никогда не спускаются до самой поверхности. Ходили слухи, что обитающие там ночные хищники питаются кровью и душами своих жертв. Поговаривали, что души тех, кто не выполнил своего долга, попадали на поверхность планеты и скитались там, готовые заманить в ловушку и прикончить любого, кому хватит безрассудства к ним приблизиться.

Лес имел семь уровней обитания, и седьмым считались верхние ветви деревьев. Обычно даже самые смелые вуки никогда не спускались ниже четвертого уровня, и даже легенды молчали о том, что таится за ним. Глубочайшие уровни Кашиика были загадкой и, скорее всего, ею и останутся.

Чтобы добыть иглокрыса, Чуи предстояло спуститься ниже пятого уровня. Жизнь здесь была другой, так как даже днем лес покрывала мгла. Животные на этом уровне имели большие глаза, чтобы приспособиться к жизни при малом освещении. Здесь водились опасные хищники: ккеккрг фро, или хранители тени, которые ради охоты могли подняться на целый уровень, а также катарны. Чубакка зорко смотрел по сторонам, до предела обострив чувства.

Пробираясь по лесным тропам, слыша глухой и резкий скрип вроширов под ногами, он ощущал, как к нему возвращаются прежние рефлексы. Лесные паразиты, листья-обманки и надорванные лианы-кшии — ничто не ускользало от его взгляда.

Здесь, внизу, не хватало зелени: все было исключительно бледным. Солнечный свет почти не проникал в эти места.

Глаза вуки непрерывно двигались, выискивая следы иглокрыса. Ноздри подрагивали, опознавая запахи, которых он не ощущал уже столько лет.

Что-то привлекло взгляд вуки: крошечная царапина на коре вроширa и небольшой разрез на узоре растения рядом. Высота отметин подсказывала, что здесь наследили иглы иглокрыса, и — Чуи опустился на одно колено, изучая след, — сделана была царапина не так давно.

Животное ушло по более тонкому боковому отростку. Чубайса осторожно прошел пару метров по краю ветки. По другую сторону открывалась зеленая, коричневая, серая бездна леса.

Его чувства были на пределе, глаза пристально изучали окружение, уши прислушивались к малейшему шороху, ноздри трепетали. Иглокрысы имели хорошо различимый и привлекательный для вуки запах.

Щит, сплетенный из полос коры, натянутых на связанную раму, Чубакка держал наготове в левой руке.

Охотник замедлил шаги... потом полностью остановился. Каждый его мускул был готов к прыжку.

Там! Среди листьев!

Иглокрыс замер, почуяв опасность. Выставив щит, Чуи прыгнул.

Внезапно воздух наполнили тысячи игл. Почти все они вонзились в щит, но некоторые все же попали вуки в плечи. Чубакка выбросил вперед правую лапу, хватая зверя за игольчатый хвост. Лапа изогнулась так, чтобы иглы легли плашмя под ладонью.

Животное издало отчаянный вопль, извернулось, чтобы укусить охотника, но было уже поздно. Чуи поднял иглокрыса и с силой ударил о ветвь под ногами. Оглушенный зверь обмяк, и еще один быстрый взмах лишил его жизни.

Только после этого Чубакка выдернул иглы из груди и плеч и смазал раны мазью. Правой руке тоже досталось несколько уколов.

Уложив иглокрыса в захваченный с собой вязаный мешок, вуки начал триумфальный путь обратно в Рвукрорро.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы найти Маллатобак. Он не хотел ни у кого спрашивать о ней, так как друзья и родственники учуяли бы запах иглокрыса в мешке. А Чуи был не в настроении выслушивать советы и шуточки.

Но наконец он нашел ее на полузаброшенной тропе. К этому времени две из трех небольших лун Кашиика уже взошли, и мех Маллы серебрился в лунном свете. Она шла, не замечая, что к ней кто-то приближается.

Она собирала цветки колвиша и сплетала их стебли. На глазах у Чуи его избранница надела венок, увенчав голову белоснежно-хрупкими цветами.

Чубакка остановился на тропе и застыл, растерянный от восхищения ее красотой. Его неподвижность привлекла внимание. Маллатобак замерла и, оглянувшись, увидела его.

— Чубакка, — тихо молвила она на языке народа вуки. — Я тебя не заметила...

— Малла, — произнес Чуи, — я принес тебе кое-что. Надеюсь, ты примешь подарок...

Он подошел к ней с мешком в лапе. Она застыла, и глаза

расширились от испуга или надежды. «Пусть это будет надежда, — отчаянно думал Чуи. — Во имя чести, пусть это будет надежда...»

Он остановился перед ней, одним движением медленно опустился на колени и вытащил иглокрыса из мешка. Не касаясь иголок, он положил зверя на ладони и протянул его Мал-латобак. Его сердце гулко стучало, словно он прошел весь путь от земли до крон.

— Маллатобак... — Чуи попытался продолжить, но голос подвел его. Его переполнил страх, неведомый ему в битве. Что, если она ему откажет? Что, если она возьмет его дар и швырнет прочь, отправив в бездну и иглокрыса, и его надежду на счастье?

Малла пристально посмотрела на него:

— Чубакка... ты был вдали от своего народа. Ты помнишь наши обычаи? Ты знаешь, что значит этот дар?

На Чуи нахлынуло облегчение. Ее тон был радостным и даже игривым.

— Я знаю, — ответил он. — У меня хорошая память. За все годы отсутствия я ни на секунду не забывал твоего лица, твоих глаз, твоей силы, Маллатобак. Я мечтал о том дне, когда мы сможем пожениться. Ты выйдешь за меня? Позволишь мне стать твоим мужем?

Следуя традиции, она осторожно приняла иглокрыса и вонзила зубы в его мягкое подбрюшие.

Сердце Чуи наполнилось радостью. «Она согласна! Мы обручены!» Поднявшись с колен, он последовал за Маллой под полог листьев. Они сели рядом и разделили иглокрыса. Вуки осторожно обгрызали его кости и угощали друг друга отборными кусочками этого величайшего из деликатесов.

— Знаешь, мне уже делали предложение, — сообщила Маллатобак. — Другие вуки говорили мне, что глупо так долго ждать. Твердили, что ты мертв, что никогда не вернешься на Кашиик. Но я почему-то знала... Знала, что это не так. Я ждала, и теперь моя радость наполняет весь мир.

Чубакка нежно стер кровь с ее лица, и она ответила ему тем же. Ее мех был шелковистым на ощупь.

— Малла... ты знаешь о долге жизни, которым я обязан Хану? — спросил Чуи, когда они насытились и сели, обняв друг друга.

Голос Маллы едва заметно дрогнул:

— Знаю. Я дорожу твоей честью, как своей собственной, мой будущий муж. Но давай поженимся поскорее, чтобы мы пробыли вместе как можно дольше, пока тебе и капитану Соло не пришлось снова улетать.

— Я сам только рад буду поскорее совершить обряд, —

ответил Чуи. — Сколько времени нужно, чтобы приготовить твою свадебную вуаль?

В полумраке она рассмеялась густым глубоким смехом.

— Она готова вот уже полсотни лет, Чубакка. Готова и ждет своего часа.

Сердце Чубакки было переполнено любовью и счастьем.

— Значит, завтра, Малла?

— Завтра, Чубакка...

Развалившись в гамаке, верховный жрец Илизии Тероенза наблюдал, как Киббик, представитель хаттов на планете, пытается разобраться с отчетами за последний месяц и придать им осмысленность. Огромный четырехногий т'ланда-тиль внутренне застонал. Его давно перестало забавлять неумение тупицы Киббика вести даже простейшие записи. Для Тероензы было сущим наказанием находиться под его началом.

«Как будто Бесадии не понимают, что развейся у Киббика достаточные навыки для управления фабриками спайса, я бы остался не у дел, — с отвращением подумал верховный жрец. — Но шансы на это ничтожно малы...»

Когда Тероенза в союзе с главой Десилиджиков Джилиак планировал убийство Арука, он надеялся, что единственный отпрыск стареющего хатта, Дурга, никогда не станет во главе клана Бесадии. В конце концов, Дурга был отмечен ужасным родимым пятном, и это по справедливости должно было лишить его шанса занять высокий пост.

Но Дурга показал себя более сильным и способным, чем думал Тероенза. Ему поразительно быстро удалось — ходили слухи, что не без помощи «Черного солнца», — устранить своих наиболее ярых противников. Вокруг него все еще ходили нелестные разговоры, но теперь это больше походило на осторожный ропот, чем на протестующие вопли.

Тероенза возлагал надежды на хатта Зира, ожидая, что старший Бесадии проявит достаточно силы и ума, чтобы перехитрить Дургу и захватить как клан Бесадии, так и каджидик — его криминальную ветвь.

Но нет — Дурга одержал пусть и шаткую, но победу и тут же объявил, что Тероенза обязан и далее придерживаться всех указаний Арука. Включая обучение Киббика, этого кузена-недоумка, управлению сложным и прибыльным предприятием. Здесь, на Илизии, трудились религиозные «паломники», завербованные миссионерами т'ланда-тиль во время своих представлений. Многие обиженные жизнью пали жертвой

завлекающего Возрадования и последовали за илизианскими миссионерами к влажной, покрытой джунглями планете. Им промыли мозги, их волю подчинили. Истощенные паломники стали добровольными рабами на фабриках спайса, работая на своих хозяев от рассвета до заката.

Народ Тероензы состоял в родстве с хаттами, хотя и был подвижнее и намного меньше по размерам. Огромные тела т'ланда-тиль качались на стволоподобных ногах, а широкие лица во многом напоминали морды хаттов, если не считать вытянутого рога прямо над ноздрями. Длинные, похожие на плети хвосты они носили свернутыми за спиной. По сравнению с остальным телом их руки и кисти были крошечными и слабыми.

Однако наиболее примечательная особенность мужских особей т'ланда-тиль заключалась вовсе не в физическом облике. Они могли эмпатически распространять на большинство гуманоидов эмоции «хорошего настроения». Эти воздействия, а также гипнотическая вибрация горловых мешочков действовали на паломников, как инъекция мощного наркотика. Паломники быстро становились зависимы от ежедневной «дозы» и верили в то, что жрецы — посланцы небес.

Знали бы они, как далеко это от истины. Способность т'ланда-тиль была не более чем адаптацией мужского брачного поведения, развившегося в ходе эволюции для привлечения самок своей расы.

— Тероенза, — раздраженно проворчал Киббик, — я не понимаю. Здесь сказано, что мы потратили тысячи кредитов на ингибитор плодовитости, который добавляют в пищу рабов. Почему нельзя просто уничтожать их потомство? Почему бы просто не позволить им размножаться? Это сэкономит наши деньги, разве нет?

Тероенза закатил выпуклые глаза, но Киббик, к счастью, этого не заметил.

— Ваше превосходительство, — с расстановкой произнес верховный жрец, — если позволить паломникам размножаться, они будут меньше энергии вкладывать в работу. Их работоспособность снизится. А значит, уменьшится производство и выпуск спайса.

— Возможно, — признал Киббик. — Но, Тероенза, должен же быть способ управлять ими и без дорогих наркотиков. Можно позволить им плодиться, а потом использовать личинки и яйца в их же пищу.

— Ваше превосходительство, — отчеканил Тероенза, чье терпение едва держалось на тонком волоске. — Большинство гуманоидов не откладывают яйца и не производят личинок. Они

живородящие. К тому же они обладают огромным отвращением к поеданию собственного потомства.

В действительности раньше бывало, что кто-то из рабов освобождался от дурмана, вызванного Возрадованием, до такой степени, что начинал проявлять чувства к другим. И очень редко на Илизии рождались человеческие дети. Тероенза сперва хотел просто избавиться от них, но потом решил, что при минимальном уходе из них можно вырастить охранников и административных работников. А потому приказал, чтобы за ними присматривали в дормитории рабов. Теперь же в пищу, которую давали рабам, автоматически добавлялся ингибитор плодовитости. Со времени появления последнего случайного ребенка прошло уже почти пять лет.

— А-а! — протянул Киббик. — Живородящие. Понятно.

Состроив гримасу, он вернулся к своим записям.

«Идиот, — подумал Тероенза. — Дурак, тупица, недоумок... сколько лет ты пробыл здесь и даже не потрудился узнать самые примитивные факты о паломниках...»

— Тероенза, — некоторое время спустя нарушил молчание Киббик, — я нашел еще кое-что непонятное.

Тероенза сделал глубокий вдох и сосчитал до двадцати.

— Да, ваше превосходительство?

— Почему мы должны нести дополнительные расходы на вооружение и щиты этих кораблей? В конце концов, они только доставляют рабов в спайсовые шахты и дворцы наслаждений, после того как мы выжмем из них все соки. Кого волнует, если их захватят?

Киббик имел в виду нападение, случившееся месяц назад. Тогда группа повстанцев вторглась на корабль с рабами, который готовился покинуть илизианскую систему. Это был не первый подобный случай. Тероенза не знал, кто за этим стоит, но его не покидала мысль, что в дело замешана Брия Тарен, жалкая предательница и перебежчица.

Бесадии назначили внушительную награду за ее голову, но до сих пор изловить ее не удавалось. Может быть, пора поговорить с Дургой об увеличении награды, прикинул Тероенза.

Вслух он произнес с преувеличенным великодушием:

— Ваше превосходительство, нас действительно не волнуют рабы, летящие прочь с планеты. Но они приносят доход. А корабли дорого стоят. Если в них будут дыры, они придут в негодность, а их ремонт обойдется недешево.

— О! — выдал Киббик, поднимая бровь. — Да, полагаю, это верно. Очень хорошо.

«Идиот!»

— И раз уж мы заговорили об этом, ваше превосходительство, — продолжил Тероенза, — надеюсь, вы передадите мои слова кузену. Нужно усилить оборону Илизии. Следующий налет — это только вопрос времени. Космические рейды порядком досаждают, но, если повстанцы нападут на одну из наших колоний, мы с вами подвергнемся серьезной опасности.

Киббик чрезмерно встревожился таким предположением.

— Думаете, они осмелятся? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Они уже осмелились, ваше превосходительство, — напомнил ему Тероенза. — Брия Тарен, эта бывшая рабыня, привела их. Помните?

— О да, еще как! — согласился Киббик. — Но это было больше года назад. Несомненно, теперь они осознали тщетность любых попыток атаковать планету. Они потеряли корабль в нашей атмосфере.

Бурная грозовая атмосфера Илизии была одним из ее лучших средств обороны.

— Верно, — признал Тероенза. — Но лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, ваше превосходительство.

— Перестраховаться, чем сожалеть... — повторил Киббик, словно Тероенза изрек величайшую мудрость. — Что ж... возможно, вы правы. У нас должна быть защита. Я поговорю об этом с кузеном сегодня же. Перестраховаться, чем сожалеть... Да, нам действительно стоит перестраховаться...

Продолжая бормотать, Киббик вернулся к своим записям. Тероенза снова откинулся в гамак и позволил себе еще раз закатить глаза в потолок.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
СЕМЕЙНЫЕ РАДОСТИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

День свадьбы Чубакки и Маллатобак обещал быть ярким и полным надежд. Хан, узнавший о торжестве только этим утром, радовался счастью друга, но грустил из-за предстоящей разлуки. Они неплохо провели пару последних лет, и он смел надеяться, что через некоторое время, вкусив радостей семейной жизни, Чуи захочет изредка возвращаться к нему и участвовать в совместных контрабандных рейсах. Быть счастливым и женатым, конечно, хорошо... с другой стороны, если ты женился, это ведь еще не значит, что ты умер?

У него почти не было времени поговорить с Чуи до того, как вихрь свадебных планов закружил и увлек его друга. По всей видимости, у вуки не было традиции свидетелей, как у людей, но Чуи из уважения к Хану попросил кореллианина встать рядом с ним. Соло улыбнулся:

— Что ж, значит, быть мне нынче «другом» жениха, да?

Чубакка удивился, но сказал Хану, что такое название вполне ему подходит.

Сидя в доме Аттичиткака подальше от всех и стараясь не путаться под ногами, Хан думал о том единственном разе, когда он просил женщину выйти за него замуж. Брию. Ему тогда было девятнадцать, а ей на год меньше, он был по уши влюблен и слишком глуп, чтобы придумать что-то получше. Все же хорошо, что Брия его оставила...

Хан открыл внутренний карман жилетки и вынул сложенный в несколько раз старый клочок бумаги. Развернув его, он прочитал первую строчку:

«Мой милый Хан, ты не заслуживаешь такого обращения, а все, что я могу сказать: прости меня. Я люблю тебя, но не могу остаться...»

Хан поморщился, потом снова сложил записку и запихнул обратно в карман. До прошлого года он думал, что Брия, скорее всего, вернулась к илизианцам, не в силах побороть зависимость от Возрадования.

А потом он встретил ее в роскошном наряде, с великолепной прической в резиденции моффа Сарна Шильда на Корусанте. Она называла Шильда «милый», и у них на лбу было написано, что они любовники. С тех пор Хан презирал ее, как только мог. Мысль о том, что Брия действительно любила моффа, даже в голову ему не приходила... Он знал, кого она по-прежнему любит. Увидев его

тогда, Брия побледнела, и, как бы она ни пыталась скрыть это, в ее глазах читалось все...

Мофф Шильд покончил с собой вскоре после битвы при Нар-Шаддаа. Об этом трезвонили все каналы. Впрочем, на его похоронах — а Хан тщательно следил за трансляцией — Брии замечено не было.

«А теперь... выходит, она какой-то агент кореллианских повстанцев...» — размышлял Хан. Чем больше он об этом думал, тем больше смысла видел в том, что Брия оказалась в доме моффа Шильда. Неужели она шпионила за моффом, а через него и за Империей?

Это меняло дело. Хан по-прежнему был не в восторге, но то, что Брия использовала моффа, чтобы добыть информацию, вызывало у него больше уважения, чем если бы она была той, кем тогда показалась, — распущенной накрашенной девицей. Что же она поделывает теперь, когда мофф мертв? Очевидно, мотается по планетам и помогает создавать подпольные ячейки. А еще... Хан слышал, что год или около того назад отряд повстанцев добрался до Илизии, напал на третью колонию и освободил около сотни рабов. Уж не Брия ли тут постаралась?

Если верить словам Катарры и других вуки, она была чуть ли не святой воительницей, рискующей жизнью, чтобы доставить им вооружение от кореллианских повстанцев. Ведь Кашиик находился под пятой Империи.

Хан помнил, какой обманутой она себя чувствовала, когда осознала, что илизианская религия — не более чем фальшивый культ. Ее переполняли гнев и горечь. Ей ненавистна была сама мысль, что за секунду она превратилась из паломника в раба... Годы спустя она перековала свой гнев в решительность и направила всю энергию против илизианских и имперских рабовладельцев.

После Брии Хан Соло во всех смыслах не испытывал недостатка в женском обществе. На Нар-Шаддаа у него была Салла Зенд, и их отношения длились почти два года. Салла была энергичной, яркой женщиной, опытным пилотом и контрабандистом, прекрасно разбиралась в технике и механике. У них с Ханом было очень много общего, а главное — они оба были заинтересованы лишь в том, чтобы приятно проводить время, пока оно у них было.

Отношения Хана с Саллой были надежны и доверительны, но при этом не мешали делу. Они никогда не давали друг другу никаких обещаний, и это их обоих устраивало.

Хан часто задумывался, любил ли он Саллу по-настоящему — или она его. Он знал, что она ему дорога и близка и он сделает

для нее почти все, что угодно, — но вот любить? Можно было сказать, что он никогда не испытывал к ней — да и к любой другой женщине — тех чувств, которые испытывал к Брии.

«Но тогда я был мальчишкой, — напомнил он себе. — Безголовым пацаном, который только и мог, что взорваться, как тонна нейтронита. Теперь я гораздо умнее...»

Так он и сидел, погрузившись в размышления, пока Каллабоу, сестра Чубакки, сновавшая туда-сюда с подносами для предстоящего свадебного пира, не остановилась вдруг и не уставилась на него, уперев руки в бока. Затем с возмущенным восклицанием вуки махнула ему лапой.

Соло поднялся.

— О чем речь? Разумеется, я не прячусь, — отозвался он. — Я просто старался не мешать. Все уже готово?

Каллабоу энергично подтвердила, что Хану пора идти, да побыстрее.

Кореллианин последовал за сестрой Чуи на улицу, где сквозь шелестящие верхушки деревьев пробивался солнечный свет. По дороге их догнал Джерик. Парень старался держаться поближе к Хану, так как языка вуки не знал и без старшего товарища мог говорить только с Ралррой.

— Итак, вот мы и дожили? — обратился он к Хану.

— Это точно — дожили, — откликнулся Соло. — Мгновения свободы для Чубакки сочтены.

Каллабоу, услышав слова кореллианина, наградила мужчин испепеляющим взором и возмущенным рыком, который в переводе не нуждался.

Хан усмехнулся.

— Нам следует поостеречься, приятель. Она разорвет нас надвое и не вспотеет.

Вуки повела их по одной из ветвей-дорог, по ширине не уступавших улицам некоторых планет. Они вышли из города и направились к вершинам деревьев, где многие вуки выстроили свои дома. Дом Маллы, как понял Хан, тоже располагался там, чтобы было ближе добираться до места работы.

Они ушли с главной тропы на боковую, потом еще на одну.

— Куда мы все-таки идем? — беспокойно спросил Джерик. — Я запутался. Если она оставит нас здесь, я не представляю, как вернуться в Рвукрорро. А ты?

Хан кивнул.

— Напомни мне освежить твои навигаторские навыки, — фыркнул он. — Но если Каллабоу заведет нас еще дальше, у меня не останется сил для вечеринки.

Компания свернула на еще более узкую тропу, и перед

взглядом Хана и Джерика предстало многочисленное скопление вуки. Путники прошли еще немного, потом тропа резко оборвалась.

Ветвь вроширa, на которой они теперь стояли, была особым образом подрезана и крутым спуском уходила на нижележащие ветви. От тяжести кроны деревьев клонились вниз, из-за чего создавался эффект просторной зеленой долины, от которой захватывало дух.

С запада мягкими волнами поднимались пологие холмы. Их освещало желтое солнце, яркое, как маяк, а в воздухе повсюду кружили птицы.

— Красиво тут... — поделился Хан с Каллабоу. Она кивнула, затем объяснила, что для вуки это место — священное. Глядя на этот пейзаж, они могли искренне восхищаться великолепием своего мира.

Все было готово к началу церемонии. Никакого священника, который руководил бы церемонией, предусмотрено не было, пары женились сами. Хан подошел и встал рядом с Чубаккой, ободряюще улыбнувшись своему не в меру взволнованному другу. Потом протянул руку и потрепал вуки по лохматой голове.

— Будь проще, расслабься, — сказал он. — Тебе достается сногсшибательная девушка.

Чубайса ответил, что и так хорошо все это знает... просто надеется не забыть свои строки!

Они стояли на краю ветви перед толпой вуки, отделявшей их от тропы, ведущей обратно в Рвукрорро. Вдруг толпа расступилась — и между ними появилась Маллатобак.

С головы до пят ее окутывала серебристо-серая вуаль. Покров был таким легким и прозрачным, что казалось, женщина окружена мерцающей аурой. Но когда она подошла, Хан разглядел, что вуаль сделана из какой-то прозрачной тканой материи. Сквозь свадебную фату он ясно видел голубые глаза Маллы.

Кореллианин внимательно слушал, как Чуи и Малла обмениваются клятвами. Да, они любят друг друга сильнее всех в Галактике. Да, честь супруга дорога им как своя собственная. Да, они обещают хранить друг другу верность. Да, смерть может разлучить их, но не разрушит их любовь.

Сила жизни — с ними. Сила жизни скрепит их союз, и они станут едины... Сила жизни пребудет с ними всегда.

Хан ощутил, как его охватывает ощущение непривычной торжественности. Он почти завидовал Чубакке: видя, как сияют любовью глаза Маллатобак, он ощущал укол боли. Никто никогда не любил его так сильно. Кроме, может быть, Дьюланны, подумал

он, вспоминая вдову вуки, которая его вырастила.

Брия... когда-то он думал, что она любит его так же. Но у нее была странная манера выражать свои чувства...

Чуи поднял фату Маллы и привлек ее к себе. Они нежно потерлись щеками. Потом с громким торжествующим возгласом Чуи поднял ее и закружил, словно она была ребенком, а не взрослой вуки, лишь немногим уступающей ему по росту.

Гости разразились хором криков, рева и возгласов радости.

— Что ж, — шепнул Хан Джерику, — вот и свершилось.

Но свадебное торжество было далеко от завершения. Пару проводили к столам, расставленным среди древесных вершин. Столы ломились от всех видов вукийских деликатесов. Хан и Джерик пробовали яства с осторожностью, ведь чаще всего вуки подавали мясо сырым. Некоторые блюда все же были сварены или потушены, но и здесь следовало держать ухо востро. Вуки любили сильные приправы: некоторые были настолько острыми, что могли навредить человеческому пищеводу.

Хан оглядел столы и указал Джерику на некоторые «безопасные» деликатесы: суп из зачибика с травами и специями; вортрик — слоеное блюдо, сочетавшее несколько видов мяса, переложенного листьями врошира и выдержанного несколько недель в крепком маринаде из граккина; пирог из мяса фактрина, замороженный горрнар, кольца чинтука и жареный клакк. А еще там были салаты и хлебцы, торты с лесным медом и охлажденные фруктовые сладости.

Хан посоветовал Джерику воздержаться от алкогольных напитков, которые передавали по кругу. Кореллианин по собственному горькому опыту знал, каким крепким бывает у вуки ликер. Выбор был широк: аккаррагм, кортиг, гаррмол, грак- кин, тиккианский бренди и многое другое.

— Послушай моего совета, друг, — сказал Хан. — Вуки знают, как изготовить напиток, который за минуту свалит человека с ног. Я ограничусь горимнским вином и соком гралини.

— Но сок гралини пьют только дети, — возразил Джерик. — А то, второе...

— Джаар, — перебил Хан. — Подслащенное молоко алкоари с экстрактом винной ягоды. Для меня слишком сладко, но тебе может понравиться.

Мальчишка тоскливо посмотрел на огромную флягу тиккианского бренди. Хан предупреждающе покачал головой.

— Не вздумай. Я возиться с тобой не буду, когда тебя будет выворачивать наизнанку, как отравленного щенка мулака.

Скорчив гримасу, юнец поднял кубок горимнского вина.

— Хорошо. Полагаю, ты знаешь, о чем говоришь.

Хан улыбнулся, и они сдвинули стаканы.

— Уж поверь мне.

Через некоторое время, когда Хан стоял сам по себе, держа тарелку поджаренных ребрышек траккрррн и острого салата, приправленного семенами рилрррррнна, к нему подошел темно-коричневый вуки, который показался ему смутно знакомым, хотя кореллианин был уверен, что никогда не встречал его раньше. Вуки постоял, изучая Хана, потом представился.

Хан чуть не уронил тарелку.

— Ты сын Дьюланны? — воскликнул он. — Надо же!

Быстро отложив в сторону тарелку и бокал, он восторженно сгреб вуки в объятия.

— Я так рад тебя видеть! Как тебя зовут?

Вуки обнял Хана в ответ, сообщив, что его имя Утчаккалок. Хан отстранился и почувствовал, что у него защипало глаза.

Чакк, как он просил себя называть, казалось, был тронут не меньше Хана и сказал ему, что надеялся встретить кореллианина отчасти потому, что хотел услышать о последних минутах жизни его матери. Хан сглотнул.

— Чакк, твоя мама погибла геройски, — поведал он. — Я не был бы сейчас жив, если бы не она. Очень храбрая вуки. Она погибла как воин. Ее застрелил парень по имени Гаррис Шрайк, но... он тоже мертв.

Чакк пожелал знать, не Хан ли убил Шрайка, чтобы отомстить за смерть его матери.

— Не совсем, — признался контрабандист. — Кто-то добрался до него первым. Но до этого я его хорошенько взгрел.

Чакк ответил одобряющим рыком. Он сообщил Хану, что считает его сводным братом, так как у них одна мать. Когда она выходила на связь с борта «Удачи Торговца», то без умолку рассказывала о маленьком человеческом детеныше, который любил ее вастриловый хлеб и очень хотел стать пилотом.

— Что ж, Чакк, — кивнул Хан, — Дьюланна не дожила до этого момента, но сейчас я пилот. И мой лучший друг во всей Вселенной — вуки...

Посмеявшись, Чакк сообщил Соло, что они с Чубаккой — дальние родственники со стороны его троюродного брата, который переехал в Рвукрорро и женился на внучатой племяннице тети Чубакки.

Хан моргнул.

— Действительно... дальние. Это просто здорово. Мы все — одна большая счастливая семья.

Хан отвел Чакка к молодожену и представил его Чуи, объяснив, что к чему. Чубакка поприветствовал «сводного брата»

Хана и шумно похлопал Чакка по спине.

Праздник продолжался до глубокой ночи. Вуки танцевали, пели и играли на деревянных инструментах, которые семьи передавали из поколения в поколение. Хан и Джерик гуляли вместе с ними, пока от усталости и выпивки не прилегли отдохнуть под одним из огромных столов. Проснувшись утром, Хан обнаружил, что торжество закончилось, а Чуи и Малла, как ему сказали, ушли в леса для уединения, что для вуки было эквивалентом медового месяца. Хан расстроился. Через пару дней его переговоры с Катаррой будут завершены, «Сокол Тысячелетия» загрузят новым товаром и он покинет Кашиик. Ему так и не удастся попрощаться с Чубаккой.

Но не ожидать же, что кто-то вспомнит о лучшем друге в свадебную ночь, поразмыслил Хан с тенью сожаления. Кроме того, он все равно собирался еще наведаться на Кашиик, так что с Чуи они прощались не навсегда...

Уединившись в своем тщательно охраняемом кабинете на Нал-Хатте, хатт Дурга дождался, когда обретет четкость изображение Мика Бидлора, и подполз ближе. Выпуклые, с вертикальными зрачками глаза хатта от нетерпения выпучились еще сильнее.

— Есть новости о результатах вскрытия? Вы определили вещество?

— Ваше превосходительство, вещество настолько редкое, что мы не могли быть уверены наверняка. — Старший эксперт выглядел уставшим и измотанным, словно и вправду работал день и ночь, как утверждал. — Но наши исследования позволили кое-что выяснить. Да, это вещество — яд. Мы проследили его происхождение до планеты Малкит.

— Малкитские отравители! — возопил Дурга. — Ну конечно! Тайные убийцы, мастера экзотических ядов, которые практически невозможно выявить... Кто же еще мог найти вещество, смертельное для хатта? Мой народ очень трудно отравить...

— Мне это известно, ваше превосходительство, — подтвердил Мик Бидлор. — И из-за редкости вещества мы так и не смогли выяснить его название. Мы называем его Зеш-1, за неимением лучшего.

— И Зеш-1 не встречается в природе где-то на Нал-Хатте? — уточнил Дурга, желая удостовериться до конца. — Это не могло быть случайностью?

— Нет, ваше превосходительство. Зеш-1 был намеренно подложен господину Аруку.

— Каким образом?

— Мы не можем быть уверены, но, вероятно, он проник в организм в процессе дыхания.

— Кто-то подсунул моему родителю смертельную дозу яда, — резюмировал Дурга. В его голосе зазвучала холодная и беспощадная ярость. — Кому-то придется за это заплатить... и он заплатит... заплатит.

— Э... не совсем так, ваше превосходительство. — Специалист нервно облизал губы. — Схема далеко не так... очевидна. Это было проделано... более изобретательно.

Если все настолько продуманно, тут, несомненно, постарался хатт, решил Дурга и уставился на ученого.

— Что же тогда?

— Вещество смертельно в больших дозах, господин Дурга. Но в малых оно не убивает. Оно концентрируется в мозговых тканях, вызывая у жертвы прогрессирующее ухудшение мыслительного процесса. Также это вещество вызывает сильное привыкание. Как только жертва привыкнет поглощать его в достаточно высоких дозах, резкое прекращение приема вещества вызывает описанные ранее симптомы: острую боль, судороги и смерть. — Он перевел дыхание. — Вот от чего, господин Дурга, умер ваш родитель. Не от наличия Зеш-1 в его организме... а из-за резкого прекращения его приема.

— Сколько времени, — спросил Дурга, цедя слова сквозь зубы, — мой родитель должен был поглощать это вещество, чтобы к нему привыкнуть?

— Я бы предположил — несколько месяцев, господин Дурга, но не могу сказать точно. Минимум несколько недель. Нужно было время, чтобы накопить дозу, после которой прекращение приема привело бы к быстрой смерти. — Специалист помедлил. — Господин Дурга, мы также выявили, что Зеш-1 очень дорогостоящ. Он производится из тычинок растения, которое есть только на одной планете в Галактике, и расположение этой планеты — священный секрет малкитских отравителей. Поэтому только тот, кто обладает большим благосостоянием, мог бы приобрести его в количестве, достаточном для убийства.

— Понятно, — молвил Дурга через секунду. — Продолжайте исследования, Бидлор. Пролейте свет на эту тайну. И пришлите мне все ваши данные. Я намерен выяснить, откуда взялся Зеш-1.

Бидлор склонился в нервозном поклоне.

— Разумеется, ваше превосходительство. Но... господин, эти расследования весьма затратны.

— Цена значения не имеет! — рявкнул хатт. — Я заплачу, сколько требуется, чтобы выяснить правду! Я найду источник

этого Зеша-1 и прослежу его путь до мерзавца, который дал его моему родителю! Средства Бесадии — мои средства! Вам ясно, Бидлор?

Ученый склонился еще ниже.

— Да, ваше превосходительство. Мы продолжим расследование.

— Уж будьте любезны.

Дурга прервал связь и в раздражении начал ползать по кабинету взад и вперед.

«Арук был убит! Я всегда это знал! Зеш-1 мог купить лишь богатей. Кто-то из Десилиджиков — Джилиак... или, возможно, Джабба. Я найду того, кто за это в ответе, и убью его или ее собственными руками! Клянусь своим покойным родителем — я отомщу...»

За следующие десять дней Дурга беспощадно допросил всех слуг во дворце — особенно поваров. Хотя несколько из них во время допроса скончались, он не нашел ни единой улики, указывающей на то, что они что-то подмешали в еду Арука.

Молодой хатт отказался от прочих своих обязанностей н присутствовал на каждом допросе. Его соперник Зир пришел навестить его ближе к концу дознания — как раз тогда, когда дроиды уносили обмякший труп женщины т'ланда-тиль, служившей младшим клерком в администрации Бесадии.

Старший хатт бросил презрительный взгляд на массивную четвероногую тушу, которую тащили дроиды.

— Ну и сколько уже? — спросил он с заметной долей сарказма.

Дурга уставился на Зира. Ему бы хотелось связать соперника-Бесадии со смертью Арука, но Зир в последние несколько месяцев находился на Нар-Хекке, блюдя интересы клана, и был вызван домой сразу после смерти Арука. Когда он впервые появился, Дурга тщательно разведал о нем все, что мог, но не нашел ни малейшего намека на связь между ним и убийством родителя.

Кроме того, Зир, хоть и был богат, даже близко не обладал необходимыми финансами, чтобы приобрести Зеш-1 в достаточном количестве. И с его счетов не исчезало необычно крупных сумм.

— Четверо, — отозвался молодой хатт. — В них нет нашей силы, кузен. Неудивительно, что низшие расы нам подчиняются... Мы значительно превосходим их как физически, так и умственно.

Зир вздохнул.

— Должен сказать, мне будет не хватать твоего повара-тви'лека, — бросил он. — Он великолепно готовил филе личинок мулблатта в соусе из крови фрегона.

Он снова вздохнул.

Дурга скривил огромный рот.

— Повара можно и заменить, — отрезал он.

— А тебе не приходило в голову, дорогой кузен, что нанятый тобой эксперт может ошибаться в выводах?

— Он и его группа — лучшие, — заявил Дурга. — Отзывы о них превосходны. Они проводили расследования для высшего военного руководства Империи... даже для губернатора Таркина.

Зир кивнул.

— Хорошая рекомендация, — признал он. — Насколько я слышал, губернатор не тот человек, кого можно разочаровать и остаться после этого в живых.

— Так говорят.

— И все же, кузен... возможно, они нашли доказательство убийства лишь потому, что ты приказал им? А истинно оно или нет — уже другой вопрос?

Дурга призадумался.

— Я в это не верю, — выпалил он. — Доказательство есть. Я видел лабораторные отчеты.

— Лабораторные отчеты можно подделать, кузен. Кроме того... из-за своей одержимости ты потратил огромные суммы. Эти ученые получают от Бесадии баснословные барыши. Возможно, они не хотят, чтобы поток денег иссяк.

Дурга заглянул в глаза кузену.

— Я уверен, что эксперты сообщают достоверные сведения. Что же касается стоимости... Арук был главой всех Бесадии. Разве не должны мы выяснить, что произошло? Или пусть другие думают, что нас можно убивать безнаказанно?

Зир медленно обвел острым языком нижнюю губу.

— Возможно, ты прав, кузен. Однако... я бы предложил — дабы не сочли тебя безрассудным транжирой, — чтобы ты начал оплачивать расследование из личных средств, а не из оперативного капитала Бесадии. Если ты согласишься, тебе не будет сказано ни слова упрека. Если нет... что ж, приближается собрание клана. Как ответственный председатель клана, я обязан отчитаться о нашем финансовом положении.

Дурга сверкнул глазами на кузена.

Зир ответил тем же.

— И... кузен... если со мной что-то случится, тебе будет только хуже. Я храню копии отчетов там, где ты не сможешь их обнаружить. Если я умру, о них узнают — и не важно, насколько естественной будет казаться причина моей смерти.

Молодой хатт подавил желание отдать охране приказ пристрелить Зира. Хаттов было крайне сложно убить, и еще одна

смерть привела бы к тому, что на него ополчились бы все Бесадии.

Дурга сделал глубокий вдох.

— Возможно, ты прав, кузен, — наконец процедил он. — С этого дня я буду лично финансировать расследование.

— Хорошо, — сказал Зир. — И... Дурга, в связи с утратой твоего родителя, думаю, я должен поделиться с тобой опытом.

Будь у Дурги зубы, он бы скрежетал ими от ярости.

— Слушаю, — смирился он.

— «Черное солнце», Дурга. Ни для кого не секрет, что ты использовал их средства, чтобы укрепить свою власть. Я предупреждаю, чтобы ты так больше не делал. Никому не дано нанять «Черное солнце» и ничего не дать взамен. Их услуги... дорого стоят.

— Их услуги были полностью оплачены, — напряженно ответил Дурга. — Я не такой дурак, как ты думаешь, Зир.

— Что ж, — бросил его собеседник, — рад слышать. А я уж беспокоился за тебя, дорогой кузен. Знаешь ли, любой хатт, который избавляется от такого шеф-повара по одной лишь прихоти, вызывает сомнения...

Кипя от злости, Дурга уполз в поисках другого подчиненного для допроса.

Джабба и его тетя Джилиак возлежали на ложе в роскошном зале аудиенций во дворце на Нал-Хатте и наблюдали, как отпрыск Джилиак ползает по комнате. Малыш достаточно подрос и уже мог проводить вне материнской сумки почти час. На этом жизненном этапе маленькое создание больше напоминало огромного толстого червя или личинку насекомого, чем хатта. Его ручки были в сущности рудиментарными отростками. Развиваться и отращивать пальцы они начнут не раньше, чем детеныш насовсем покинет сумку. Выпуклые глаза с вертикальными зрачками — вот и все, чем он напоминал взрослых особей своей расы.

Дети у хаттов рождались фактически неразумными и лишь к ста годам достигали совершеннолетия. До того момента им нужны были лишь хороший уход и питание — и ничего больше.

Глядя, как хаттенок ползает по полированному каменному полу, Джабба жалел, что он сейчас не на Нар-Шаддаа, где было больше простора для деятельности. С Нал-Хатты править контрабандной империей Десилиджиков удавалось с трудом. Джабба не раз предлагал тетке вернуться на Нар-Шаддаа, но Джилиак непреклонно отказывалась. Дескать, загрязненная

атмосфера планеты будет вредна для малыша.

Таким образом, Джабба почти все время курсировал между Нал-Хаттой и ее спутником. Он слишком давно не наведывался в свои владения на Татуине. Дела там вел чевин Эфант Мон, и вел старательно, но личного присутствия хатта там очень не хватало.

В прошлом Джабба побывал вместе с Моном в самых разных переделках, и уродливый выходец с Винсота был единственным существом во Вселенной, которому Джабба действительно доверял. По какой-то причине, неизвестной в полной мере даже хатту, Эфант Мон до сих пор оставался ему предан. Джабба знал, что чевину не раз сулили большие деньги за то, чтобы он пошел на измену, но Эфант Мон отвергал любые посулы, сколько бы ему ни предлагали.

Джабба ценил преданность своего друга и лишь минимально контролировал его дела. После стольких лет верности он не ждал от Мона предательства... но это не мешало ему быть готовым ко всему.

— Тетя, — подал голос Джабба, — я прочитал последний доклад от нашего источника в бухгалтерии Бесадии. Их прибыль просто поражает. Даже распри из-за прихода Дурги к власти не помешали им. Каждый месяц Илизия производит все более качественный спайс. Корабли, полные паломников, прибывают чуть ли не каждую неделю. Это удручает.

Джилиак тяжело повернула голову к племяннику:

— Дурга работает лучше, чем можно было от него ожидать, Джабба. Я не думала, что он удержит первенство. Теперь я предвижу, что Бесадии будут готовы дать нам отпор, — хоть властью Дурги там недовольны, его главные хулители мертвы и никто не намерен их заменить.

Джабба, моргнув, поднял взгляд на тетку, и в его душе загорелась искра надежды. Она говорила почти как прежняя Джилиак, какой была до материнства!

— Ты знаешь, почему они мертвы, тетя?

— Потому что Дурга оказался достаточно глуп, чтобы связаться с «Черным солнцем», — пояснила Джилиак. — Его противников устранили слишком примитивным для хатта способом. Только у «Черного солнца» достаточно ресурсов. Только принц Ксизор мог быть настолько хладнокровен и дерзок, чтобы перебить их всех с разницей в несколько дней.

Джабба оживился.

«Неужто она выходит из материнского дурмана?»

— Принц Ксизор, несомненно, из тех, с кем следует считаться, — признал он. — Вот почему я время от времени оказывал ему услуги. Предпочитаю оставаться у него на хорошем

счету... просто на случай, если мне когда-нибудь понадобится услуга в ответ. Как это было однажды на Татуине. Он помог мне тогда и ничего не попросил взамен, потому что я оказывал ему услуги в прошлом.

Джилиак медленно покачала головой: эту манеру она переняла у людей.

— Джабба, ты знаешь мое мнение на этот счет. Я говорила тебе много раз. С принцем Ксизором заигрывать не стоит. Лучше держаться от него подальше и никоим образом не связываться с «Черным солнцем». Открой дверь для него однажды — и ты рискуешь стать его вассалом.

— Я осторожен, тетя, заверяю тебя. Я никогда не поступлю, как Дурга.

— Хорошо. Дурга скоро обнаружит, что открыл дверь, которую не так-то просто закрыть. Если он шагнет в нее... то больше не будет хозяином самому себе.

— И мы должны надеяться, что он так и поступит, тетя?

Джилиак прищурилась:

— Вряд ли, племянник. Ксизор не тот враг, с кем я хочу тягаться. Он, очевидно, имеет свои виды на Бесадии, но охотно приберет к рукам и Десилиджиков — уж в этом я не сомневаюсь.

Джабба молча согласился. Будь такая возможность, Ксизор захватил бы всю Нал-Хатту.

— К слову о Бесадии, тетя, — заговорил он. — Что насчет этих илизианских доходов, о которых мне сообщили? Что нам сделать, чтобы остановить Бесадии? У них на Илизии теперь девять колоний. И они готовятся создать новую на Нирвоне, еще одной обитаемой планете в этой же системе.

Джилиак призадумалась.

— Возможно, пора снова прибегнуть к услугам Тероензы, — предложила она. — Дурга, похоже, и не подозревает, что он причастен к смерти Арука.

— Прибегнуть? Но как?

— Пока не знаю... — протянула Джилиак. — Может быть, удастся подтолкнуть Тероензу к тому, чтобы объявить независимость от Дурги. Если они передерутся, прибыль Бесадии неизбежно пойдет под откос. А потом... мы подберем остатки.

— Замечательно, тетя! — Джабба был счастлив слышать прежнюю Джилиак, плетущую интриги, как раньше. — Теперь, если я смогу соорудить на основе этих цифр отчет, а ты поспособствуешь уменьшению наших затрат на...

— А-ах!

Джабба осекся, прерванный материнским воркованием Джилиак, и обнаружил, что детеныш-хатт подполз к своей матери

и теперь протягивал вверх крошечные недоразвитые ручонки, таращась на нее выпученными глазками. Отпрыск приоткрыл рот и что-то требовательно прочирикал.

— Смотри, племяш! № умилительно пропела Джилиак. — Малыш знает маму, правда, прелесть моя?

Джабба закатил глаза так, что они чуть не выпали из орбит. «Поглядите — так угасают величайшие криминальные умы тысячелетия», — с унынием подумал он.

Джилиак подобрала ребенка и посадила обратно в сумку. Джабба пронзил маленькое существо испепеляющим взором, в котором читалось что-то близкое к откровенной ненависти...

Следующую пару дней Хан решал последние детали сделки с подпольным движением вуки. Он открыл люки «Сокола» и вместе с Джериком выгрузил разрывные наконечники из потайных отсеков. Катарра, Кичиир и Мотамба столпились вокруг ящиков и возбужденно обсуждали свое новое приобретение.

Тем временем другие подпольщики загружали корабль броней штурмовиков. Туда поместилось около сорока полных доспехов и с десяток шлемов. Если качество брони соответствовало рыночным ценам, прибыль в два раза превысит затраты на путешествие. Сделка получилась и впрямь неплохая.

К тому времени как всю броню удалось разместить так, чтобы экипаж «Сокола» мог свободно перемещаться по кораблю, на Кашиик спустилась ночь. Хан решил дождаться рассвета и только потом поднимать корабль сквозь ветви деревьев. Они с Джериком попрощались с хозяевами и растянулись в пилотских креслах, чтобы немного поспать.

Но еще до восхода солнца Хана разбудил громкий — и знакомый! — рев вуки. Кореллианин открыл глаза и подскочил, чуть не сбив сонного мальчишку. Активировав трап, он сбежал вниз.

— Чуи!

Хан был так рад видеть мохнатого друга, что даже не возражал, когда вуки сгреб его в охапку и встрепал волосы. Все это время Чубакка не переставая изливал потоки жалоб. О чем Хан думал, собираясь его бросить? Как ему пришло такое в голову? Чего ж еще ожидать от человека?

Когда вуки наконец отпустил его, Хан воззрился на Чуи в полном недоумении.

— Что ты хочешь сказать? Я возвращаюсь на Нар-Шаддаа, приятель. Если ты еще не заметил, Чуи, ты теперь женат. Твое место здесь, на Кашиике, рядом с Маллой.

Чубакка с протестующим воем замотал головой.

— Долг жизни? Друг мой, я знаю, ты поклялся мне долгом жизни, но давай мыслить разумно! Теперь ты должен находиться дома с женой, а не удирать со мной от имперских крейсеров.

Вуки только собрался продолжить излияния, как вдруг за спиной у Хана раздался громкий рассерженный рев, и кореллианин чуть не подпрыгнул на месте. Большая лохматая лапа схватила его за плечо и развернула так, словно он был легче перышка. Над ним возвышалась Маллатобак. Жена Чуи была в гневе — обнаженные зубы сверкали, голубые глаза сузились и горели яростью. Хан поднял обе руки и прижался к волосатой груди своего друга.

— Ты что, Малла! Успокойся!

Маллатобак снова взревела и разразилась гневной тирадой. Люди! Как они могут так пренебрежительно относиться к чести и традиции вуки? Как посмел Хан предположить, что Чубакка откажется от долга жизни? Ничто не оскорбит вуки сильнее! Ее муж — хранитель великой чести! Он отважный воин, опытный охотник, и если дал слово, он его сдержит! Особенно когда речь идет о долге жизни!

Опешивший от благородной ярости Маллы, Хан поднял обе ладони и пожал плечами, но так и не смог вставить ни слова. Он умоляюще обернулся к своему другу. Чуи, пожалев кореллианского товарища, вмешался. Он встал между Маллой и Ханом и быстро заговорил, убеждая ее в том, что Хан, несомненно, не хотел нанести им оскорбление или обиду. Его слова были сказаны по неведению, а не по злому умыслу.

Наконец Малла успокоилась, и ее рык перешел в тихий рокот. Хан виновато улыбнулся.

— Послушай, Малла, не обижайся. Я знаю Чуи лучше многих. Он замечательный, храбрый, умный и так далее. Я просто не знал, что для вуки долг жизни — превыше всего. — Он повернулся к другу. — Хорошо. Значит, ты летишь с нами, и мы вместе еще помотаемся по космосу. Так что попрощайся с молодой женой.

Чубакка и Маллатобак ушли, оставив Хана и Джерика проводить предполетную проверку. Несколько минут спустя Хан услышал лязг поднимающегося трапа «Сокола». Еще через несколько секунд Чубакка устроился в кресле второго пилота.

— Не волнуйся, брат, — сказал ему Хан. — Клянусь, мы сюда вернемся... очень скоро. Я заключил хорошую сделку с Катаррой и ее подпольем. Твоему народу понадобится много боеприпасов, прежде чем они смогут хотя бы надеяться дать импам отпор и освободить планету. И я добуду для них вооружение.

Из передатчика донесся голос Джерика, сидевшего в кресле

стрелка:

— И без прибыли, конечно, не обойдется.

Хан рассмеялся.

— Да... конечно! Чуи, готовься! Вперед!

«Сокол» поднялся на репульсорах и неторопливо, с достоинством выплыл из ветви-пещеры. Экипаж вжало в сиденья, и корабль со свистом понесся вверх, сквозь лабиринты ветвей. А потом они мчались в небе, залитом красно-янтарным светом. И чем выше поднимался «Сокол», тем больше тонула планета в рассветном золоте.

«Куаррр-теллерррра, — размышлял Хан. — Златовласая воительница, женщина, которую я знал как Брию... Как она сейчас? Думает ли обо мне хоть иногда?»

Мгновения спустя зеленый шар Кашиика уменьшился в размерах, и корабль вонзился в непроглядную звездную тьму...

Боба Фетт забрался в самые трущобы Тета, планеты Внешнего Кольца, и слушал выступление Брии Тарен перед местными вожаками повстанцев. Известнейший в Галактике охотник за головами имел немало источников информации: его шпионской сети позавидовали бы даже отдельные планеты. Поскольку он выполнял в том числе и поручения имперцев, он часто имел доступ к таким данным и сведениям, за которые любое командование удавило бы насмерть.

Но несмотря на то что Брия Тарен служила офицером у повстанцев, награду за нее назначила не Империя. Нет, вознаграждение было гораздо выше имперских расценок и составляло полсотни тысяч кредитов за живую, невредимую жертву. Изначально награду выставил Арук, прежний предводитель клана Бесадии, но его наследник Дурга не стал ее снимать после смерти родителя, да еще и пообещал доплату за выполнение заказа в течение трех месяцев.

Боба Фетт искал Брию тут и там уже больше года. Женщина выполняла задания под глубоким прикрытием, из-за чего ее было крайне сложно выследить. Она порвала все связи с семьей — возможно, надеясь уберечь их от расправы на случай, если Империя ее схватит. Во время визита на родину — Кореллию — она жила на тайных базах мятежников, где ее надежно охраняли.

Повышенные меры безопасности были объяснимы... в конце концов, повстанцы жили в страхе перед полномасштабной атакой имперских войск. Расположение своих баз они держали в строжайшем секрете и постоянно их перемещали с места на место. У охотника за головами — при всех его навыках и умениях

— было немного шансов подобраться к добыче достаточно близко, чтобы захватить ее живьем.

Если бы Бесадии устроила смерть Брии, Фетт готов был биться об заклад, что легко выполнил бы заказ даже в самом сердце базы повстанцев. Но живая и невредимая добыча — это гораздо труднее...

Тем не менее несколько дней назад он узнал, что на Тете запланировано собрание мятежников. Приняв во внимание весь риск, он рассудил, что Брия явится туда, и за два дня до намеченной встречи прибыл на Тет. Риск оказался оправдан — прошлым вечером объявилась добыча.

Повстанцы обустроили штаб в старых канализационных туннелях под портовым городом. Через древние водостоки и вентиляционные шахты охотник беспрепятственно проник на базу, незамеченный камерами слежения и датчиками. Отловив нескольких дроидов-уборщиков, он разместил на них миниатюрные датчики и отправил свободно разгуливать по помещениям, где они собирали все, что определяли как «грязь». Оставалось лишь следить за показаниями. И вот сегодня его терпение наконец было вознаграждено.

Брия Тарен проводила встречу с двумя тетскими повстанцами высокого ранга. Крошечный уборщик, следуя запрограммированным инструкциям, шустро пробежал мимо них, когда они вошли в комнату, и неприметно затих в углу.

Боба Фетт не видел пользы в мятежных организациях любого толка. Идею бунта против законного правительства он считал преступной. Империя хранила порядок, а Боба Фетт порядок ценил. Тетское сопротивление не было исключением... кучка заблудших идеалистов, вознамерившихся сотворить анархию...

Глаза его презрительно сузились за визором шлема. Возглавляли движение коммандер Уинфрид Дагор и ее помощник, лейтенант Палоб Годальи. В данный момент Тарен спорила с ними о необходимости заключения союза между разрозненными мятежными группами. Есть сведения, говорила она, что идея союза получила поддержку в высоких кругах.

Известный сенатор Мон Мотма с Чандрилы недавно провела тайные переговоры с командованием Брии на подпольной базе кореллианских повстанцев. Сенатор согласилась, что кровавая резня, учиненная Империей на таких планетах, как Горман, Деварон, Рампа-1 и Рампа-2, показала, что Император либо патологически безумен, либо безмерно жесток и должен быть свергнут здравомыслящими людьми.

Тарен говорила увлеченно, ее чистый голос слегка подрагивал от едва сдерживаемых эмоций. Было очевидно, что ее

действительно заботят поднятые вопросы. Когда она замолчала, Уинфрид Дагор откашлялась. Ее голос был резок — причиной тому были и возраст, и напряжение.

— Коммандер Тарен, мы сопереживаем нашим братьям и сестрам на Кореллии, Алдераане и других планетах. Но здесь, во Внешнем Кольце, мы так далеки от Центра, что едва ли можем оказать вам действенную помощь, даже объединившись с вашими группами. Мы идем своим путем. Император обращает на нас мало внимания. Мы совершаем набеги на имперские корабли и по-своему противостоим Империи — но мы ценим нашу независимость. Мы вряд ли намерены вступить в более крупную организацию.

— Ваша политика изоляционистов только усугубит беспредел в Империи, — с тоской в голосе протянула Тарен. — Помяните мое слово, Палпатин не будет вечно закрывать на вас глаза.

— Может быть... а может, и нет. Я все же сомневаюсь, что нам по силам больше, чем мы делаем сейчас, офицер Тарен.

Боба Фетт услышал скрип стула и шорох ткани: кто-то пошевелился. Потом Тарен заговорила снова:

— У вас есть корабли. У вас есть войска. Оружие. Ваша планета — одна из ближайших к Корпоративному сектору. Мы понимаем, что наш путь долог. Но все же вы в состоянии оказать помощь. Помочь приобрести оружие в Корпоративном секторе и направить его сюда для отправки в другие организации. Далеко вы или нет, не думайте, что в вашей помощи не нуждаются.

— Коммандер Тарен, вооружение стоит денег, — вмешался лейтенант Годальи. — Откуда мы возьмем средства?

— Что ж, если тетанцы отыщут несколько миллионов кредитов, чтобы нам помочь, мы, несомненно, будем признательны, — сухо сказала Брия. Собравшиеся невесело усмехнулись. — Но мы стараемся. Финансирование восстания — вещь непростая, но среди граждан Империи хватает недовольных, которые если и не имеют смелости открыто выступить за повстанцев, то по крайней мере по секрету от всех передают нам свои деньги. Некоторые из хаттов также внесли свой вклад... тайно, конечно.

«Любопытно...»

Охотник подивился этой новости. Хотя, если подумать, хатты были известны тем, что подыгрывали обеим сторонам, при этом соблюдая собственные интересы в любом конфликте. Если где-то назревала выгода в деньгах или власти, хатты были тут как тут...

— Космос хаттов недалеко от нас, — задумчиво произнесла Дагор. — Возможно, мы сумеем наладить контакты с другими хаттами... Посмотрим, захотят ли они помочь.

— Помочь? — Брия прыснула со смеху. — Хатты? Они могут вложить деньги — и некоторые из них уже это сделали, — но они поступают так по собственным причинам, не имеющим, уж поверьте, ничего общего с нашим целями. Хатты далеки от нас... но иногда их и наши намерения совпадают. И вот тогда они снабжают нас кредитами. В половине случаев мы не можем даже предполагать, какую выгоду они извлекут из такого «пожертвования».

— Вероятно, лучше и не пытаться угадать, — фыркнул лейтенант Годальи. — И все же, коммандер Тарен, здесь есть и свои плюсы. Наш новый имперский мофф гораздо менее... бдителен, чем Сарн Шильд. Нам сходит с рук гораздо больше, чем при его предшественнике.

— Это совсем другое, — сказала Брия Тарен. — Мы изучали этого нового моффа, Айрифа Оргеджа. Большинство новых мер, которые он ввел во Внешнем Кольце, так нелепы, что мы гадаем, нет ли у него в родне гаморреанцев.

По комнате прокатился смех. Брия продолжила:

— Оргедж самонадеян и туп. Он утверждает, что не повторит ошибок Шильда и намерен держать под личным контролем военные силы. Благодаря такой политике здесь, во Внешнем Кольце, Империя уже не несет столь серьезной угрозы. Имперское командование вынуждено сверяться с Оргеджем в каждой мелочи. Он довел их до паралича, коммандер Дагор.

— Нам это известно, — согласилась Дагор. — Каких действий вы ждете от нас?

— Устраивайте набеги еще чаще. Перехватывайте корабли, которые везут военное снаряжение. Нам это оружие очень пригодится. Пока до Оргеджа достучатся, пока он отдаст приказы, вы и ваши солдаты уже будете далеко.

Дагор на миг задумалась.

— Думаю, это мы вам можем обещать, офицер Тарен. Что до остального... мы примем все, что было сказано, к рассмотрению.

— Обсудите все сегодня, — попросила Брия. — Завтра я улетаю.

Боба Фетт навострил уши, мысленно уговаривая ее раскрыть планы. Но больше не последовало ни звука — только скрип стульев, когда повстанцы встали и покинули комнату.

Он держал под пристальным наблюдением все близлежащие космопорты, но на следующий день не заметил ни малейшего следа Брии Тарен. Должно быть, она проскользнула на корабль тайно.

Охотник за головами был отчасти разочарован своей неудачей, но важнейшей чертой любого охотника — а Боба Фетт

этим жил — было терпение. Путешествие на Тет не оказалось напрасным. Фетт связался с Гильдией и обнаружил незанятый заказ: богатый делец, живущий в уединении в надежно охраняемом и «защищенном» поместье в горах Тета.

Защищенном — это от обычных охотников, но Боба Фетт был единственным в своем роде. Распорядок жертвы была столь предсказуем, что составить план оказалось до смешного просто. Делец был человеком привычки. Фетту не нужно было даже разбираться с телохранителями, так как этот заказ допускал гибель добычи.

Боба Фетт устроил засаду на дереве, с которого просматривалась вся округа. Он совершит убийство и ускользнет прежде, чем телохранители сообразят, откуда пришла угроза. Требовался лишь один точный выстрел.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЧЕРЕЗ ВСЮ ГАЛАКТИКУ

За последующие полгода контрабандистская удача вознесла Хана Соло и его первого помощника до небес. Каким- то чудом кореллианин сумел уберечь выигранные деньги от стремительной растраты и осуществить на «Соколе» большую часть запланированных модификаций.

Шуг Нинке, полугуманоидный мастер-техник и судовой механик, великодушно пустил «Сокол» в свой космогараж. Об ангаре Шуга в кореллианском секторе Нар-Шаддаа ходили легенды. В его многочисленных отсеках и нишах торговцы, пираты и контрабандисты трудились над кораблями, стремясь выжать из них максимум скорости и огневой мощи. В конце концов, чем быстрее контрабандист доставит груз, тем скорее он сможет взяться за новый. Для тех, кто избрал подобное ремесло, время означало деньги.

Значительную часть работы Хан, Джерик и Чубакка проделали сами, лишь изредка прибегая к помощи Саллы, которая была экспертом по технической части, и Шуга, признанного мастера на все руки.

Первым делом Соло поменял и улучшил броню — теперь им один самый удачливый имперец не подстрелит «Сокол», как это случилось с его предыдущим кораблем «Брией». Затем кореллианин принялся за двигатели и вооружение. Смонтировал под корабельным носом легкую лазерную пушку, переустановил счетверенные лазеры так, чтобы турели располагались как сверху, так и под днищем. Вместе с Саллой установил в носовую часть корабля две ракетные установки.

Пока он занимался вооружением и броней, Джерик, Шуг и Чуи работали над двигателями и другими корабельными системами. «Сокол» и без того мог похвастаться гиперприводом военного класса. Хан и Шуг вместе наладили гиперпривод и досветовые двигатели, значительно увеличив их мощь и скорость, — милое дело в контрабандных рейсах.

Следующими на очереди были новые датчики и постановщик помех. Однако с первой же проверки в боевых условиях дело как-то не заладилось. Когда Хан врубил постановщик, импульс оказался настолько силен, что заглушил собственную внутреннюю систему связи, нарушив все сигналы от рубки до бортовых систем. И произошло это так некстати — ровно в тот момент, когда «Сокол» нырнул в гравитационный колодец

планеты, пытаясь стряхнуть с хвоста имперский фрегат. Корабль практически бесконтрольно рухнул вниз, пронзив верхние слои атмосферы, и Хан с Чубаккой лишь в ужасе таращились на приборы. От сгорания в атмосфере их спасло только то, что из-за своей чрезмерной мощности постановщик помех выгорел почти моментально.

Наконец настал день, когда Хан обвел «Сокол» удовлетворенным взглядом и обнял Шуга Нинкса за плечи.

— Шуг, старина, ты просто лучший из механиков. Едва ли кто-то во всей Галактике разбирается в гиперприводах лучше тебя. Корабль теперь урчит, как тогорианский котенок, и мы увеличили его скорость еще на два процента.

Мастер-механик улыбнулся другу, но в ответ на его признания лишь покачал головой:

— Спасибо, Хан, но этот титул по праву не мой. Я слышал, в Корпоративном секторе есть парень по имени Док, так он со связанными руками заставит гиперпривод танцевать. Если хочешь, чтобы твоя птичка летала еще быстрее, обратись-ка лучше к нему.

Хан выслушал его с некоторым удивлением, но принял слова механика к сведению. Его всегда тянуло поглядеть на Корпоративный сектор, а теперь еще и дополнительная причина появилась.

— Спасибо, Шуг, — поблагодарил он. — Попробую разыскать его, если окажусь в тех краях.

— Судя по тому, что я знаю о Доке, ты его не разыщешь. Он сам тебя найдет, если решит, что дело стоящее. Спроси о нем Арли Брона. Он долго болтался в Корпоративном секторе и может знать, как связаться с Доком.

— Еще раз спасибо.

Арли Брона он знал, как знал и большинство контрабандистов, обретающихся в кореллианском квартале Нар-Шаддаа. Брон был коренастым мужчиной в возрасте, веселым таким острословом. Он обожал подшучивать над другими и был достаточно скор на оружие, чтобы оставаться после этого в живых. Его быстроте и меткости можно было позавидовать. Летал контрабандист на потрепанном стареньком грузовике «Отзвук Эха».

Заполучив в свои руки быстрый и сравнительно надежный «Сокол», Хан теперь мог браться за самые рискованные дела. Он по-прежнему много работал на хаттов — в основном на Джаббу, нынешнего фактического главу Десилиджиков, — но не отказывался и от других нанимателей. Кореллианин и его напарник-вуки стали на Нар-Шаддаа почти легендами. Они били

рекорды скорости на дуге Кесселя и ухитрялись ускользать прямо из-под носа у имперских патрулей.

Никогда в жизни Хан еще не был так счастлив. У него был быстрый корабль, верные друзья вроде Чуи, Джерика и Лэндо, привлекательная и остроумная подруга Салла и карманы, набитые деньгами. По правде говоря, кредиты текли у него сквозь пальцы, как он ни старался их удержать, но Соло не делал из этого трагедии. Подумаешь, любит он гульнуть в казино, пожить в свое удовольствие... Надо будет — заработает еще!

Но несмотря на то что в личной жизни Хана было все безоблачно, темные тучи уже клубились на горизонте. Император продолжал сжимать хватку, и даже на Внешнем Кольце становилось все более неспокойно. На Мантуине в секторе Атривис имперские войска устроили резню, и мятежников, которым удалось захватить имперскую базу, истребили до последнего.

Кровавые бойни, случавшиеся то и дело, позволяли властителю Империи преподать наглядный урок Центральным имперским мирам.

Поставщикам вооружения приходилось выбиваться из сил и проявлять чудеса скорости, чтобы доставлять свои грузы. Когда Хан только начинал полеты по дуге Кесселя, наткнуться на имперский корабль было сродни чуду. Теперь же сродни чуду было встретить только один. Для поддержки флота и армии Палпатин вздернул налоги так, что жители Империи стонали под финансовым гнетом. В эти дни среднему жителю Империи было нелегко наскрести средств даже на пропитание.

Хан и его друзья, естественно, налогов не платили. Никакие инспекции на Луне контрабандистов не проводились — сбор налогов с разношерстных обитателей Нар-Шаддаа настолько пугал потенциальных инспекторов, что спутник каждый раз предпочитали просто «не замечать».

Раньше Хан мало интересовался сообщениями новостных служб о стычках между имперцами и подпольными группировками повстанцев. Но теперь в рядах последних была Брия, и он обнаружил, что слушает новости с неподдельным вниманием.

Палпатин, должно быть, свихнулся, уже не впервые подумал Соло. С такими репрессиями недалеко и до массовых бунтов... Резня, убийства, жителей выгоняют из домов посреди ночи, и они исчезают без следа... Стоит увлечься этим чересчур сильно — и ты сам буквально напрашиваешься на мятеж...

Разногласия в Сенате росли и ширились. Мон Мотма, одна из наиболее видных сенаторов, не так давно была вынуждена

пуститься в бега, когда Император приказал арестовать ее за измену. Мон Мотма пользовалась в Сенате значительным авторитетом, и своеволие Императора вызвало ропот на ее родной Чандриле. Этот ропот закончился для жителей Империи еще одним жестоким кровопролитием.

Утрата гражданами финансового благополучия и личных свобод имела один побочный эффект, который Хана особенно тревожил. Все больше и больше подавленных, обнищавших жителей бросали прежнюю жизнь и отправлялись на Илизию, чтобы стать паломниками — а точнее, рабами, как было хорошо известно кореллианину.

Многие из новых паломников прилетали с Салласта, Ботавуи и Кореллии — планет, которые недавно пережили репрессии из-за гражданских беспорядков и демонстраций против сбора налогов. Однажды, прибыв домой с очередного контрабандного рейса, Хан обнаружил, что т'ланда-тиль впервые заявились и на Нар-Шаддаа, чтобы провести свою церемонию «возрождения». В результате многие обитатели кореллианского сектора Нар-Шаддаа собрали вещи и теперь ожидали посадки на корабль, летевший на Илизию.

Услышав об этом, Хан взял машину и помчался к очереди изможденных кореллиан, толкущихся в ожидании транспорта.

— О чем вы думаете? — выкрикнул он. — Илизия — это ловушка! Разве вы не слышали, что о ней говорят? Вас туда заманят и превратят в рабов! Вы помрете на рудниках Кесселя! Остановитесь!

Пожилая женщина ожгла его подозрительным взглядом.

— Помолчите, юноша, — бросила она. — Мы отправляемся в лучший мир. Жрецы Илизии позаботятся о нас, и мы заживем благословенной жизнью. Здесь я не могу больше сводить концы с концами. Проклятая Империя лишает нас возможности жить честно.

Он ринулся в другой конец очереди, взывая к будущим паломникам, но и там его осыпали руганью и презрением. Наконец кореллианин остановился, готовый зарычать от ярости, как вуки. Чубакка в отличие от него так и сделал.

— Чуи, у меня руки чешутся поставить бластер в режим парализации и перестрелять их всех — иначе их не остановишь, — горько заметил кореллианин.

Чуи выразил солидарность грустным ревом.

В последней отчаянной попытке Хан попробовал переговорить кое с кем из молодежи, дойдя даже до того, что предложил им работу. Никто его не слушал. От досады он скоро оставил эту затею. Так уже было с ним однажды, на Аэфао —

далекой планете на другой стороне Галактики. Туда тоже заявились илизианские миссионеры, и Хан пытался предупредить тех, кто рвался к ним на корабль, но так и не смог противостоять восторженным речам о Возрадовании. Его послушали л ишь единицы низкорослых оранжевокожих гуманоидов-аэфанцев. А более сотни взошли на борт корабля миссионеров...

Качая головой, Хан провожал взглядом кореллиан, до отказа набивавших ожидающий их транспорт.

— Некоторые люди слишком глупы, чтобы жить, Чуи, — констатировал он.

Или слишком отчаялись, как резонно заметил вуки, огласив округу своим рыком.

— Что ж, зато я получил еще одно наглядное напоминание: если высунул голову, не жалуйся, что ее отрубили, — с досадой бросил Хан, поворачиваясь спиной к обреченным кореллианам. — Когда я снова соберусь это сделать, ты уж меня огрей по-братски, чтобы я на землю грохнулся. Пора бы за эти годы научиться...

Чуи заверил его, что непременно так и поступит, и они вместе ушли.

Невзирая на то что его короткие ручки были полностью заняты делами клана Бесадии, Дурга не намерен был оставлять поиски убийцы своего родителя. Из его домашней прислуги уже шестеро скончались под жестокими допросами, но до сих пор не появилось ни малейшего свидетельства, что кто- то из них замешан в покушении.

Если прислуга невиновна, то как же отравили Арука? Дурга провел еще одну беседу с Миком Бидлором, и тот подтвердил, что следы Зеша-1 нашлись и в пищеварительном тракте почившего хатта. Значит, он действительно проглотил это смертоносное вещество.

Дурга отключил связь и долго ползал по залам дворца, размышляя над происшествием. Взгляд его был столь зловещим, что прислуга — и без того, по понятным причинам, находившаяся на взводе — разбегалась при его приближении, словно он был злым духом из Вечной тьмы.

Молодой господин Бесадии мысленно прокручивал последние месяцы жизни своего родителя, отсчитывая каждую минуту каждого дня. Все, что ел Арук, поступало с кухни от поваров — включая тех, кто теперь мертв. Он сделал себе мысленную пометку нанять двух новых поваров...

Дурга обследовал всю кухню и комнаты слуг, надеясь найти хоть какие-то следы Зеша-1. Ничего. След нашелся только на полу

в кабинете Арука, недалеко от того места, где обычно стояли его репульсорные салазки. Да и там были лишь крошечные частицы.

Дурга нахмурился. Его от природы уродливые черты лица превратились в подобие демонической маски. В мозгу шевелилось воспоминание. Шевелилось... извивалось... копошилось.

Шевелилось... извивалось... Нала-квакши!

Внезапно кусочки мозаики встали на места. Вот Арук тянется за очередной нала-квакшей... Дурга не мог даже в мыслях допустить, что яд попал в организм родителя через живое существо. В конце концов, разве не должно оно само умереть от яда задолго до того, как его с аппетитом схрумкают.

Но что, если нала-квакши невосприимчивы к действию Зеша-1? Что, если их ткани накапливали в себе Зеш-1 без вреда для их собственного организма?

Арук любил этих амфибий. Он ел их каждый день, иногда не меньше десятка за раз.

— Осман! — заорал Дурга. — Подай сюда сканер! В кабинет Арука!

Чевин появился лишь на миг, подтвердив, что услышал приказ, и исчез. Звук его грохочущих шагов растворился вдалеке. С предельной поспешностью Дурга отправился в кабинет родителя.

Он лишь на несколько секунд опередил запыхавшегося слугу, несущего сканирующее устройство. Дурга выхватил прибор у него из рук и ворвался в кабинет. «Где оно?» — мысленно спрашивал он себя, оглядываясь вокруг.

«Вот здесь!» — озарила его догадка, и он кинулся в угол. Там стоял забытый старый закускариум Арука. В нем живая еда всегда сохраняла свежесть, и в последние несколько месяцев жизни Арука таковой пищей были нала-квакши!

Опустив зонд сканера в закускариум, Дурга включил прибор. И несколько мгновений спустя получил то, что искал. Минеральные отложения на стеклянных стенках шара содержали заметное количество Зеша-1.

Дурга издал грохочущий вопль, от которого задрожала мебель, и в бешенстве разнес закускариум одним мощным ударом хвоста. Крупные осколки разлетелись во все стороны, круша мебель и сминая все на своем пути.

Наконец, тяжело переведя дух, хатт застыл посреди развалин кабинета Арука.

Тероенза. Лягушек прислал Тероенза.

Первым порывом Дурги было сломя голову лететь на Илизию и лично превратить т'ланда-тиль в кровавое месиво, но после секундного размышления хатт решил, что марать руки грязью

будет ниже его достоинства. К тому же он не мог просто так избавиться от верховного жреца. Тероенза хорошо исполнял свои обязанности, и заменить его будет непросто. Предводитель клана Бесадии с тревогой осознал, что, если устранить Тероензу, т'ланда-тиль могут отказаться играть роль священников на Илизии. Тероензу подчиненные ценили. И он был неплохим администратором, приносившим Бесадии стабильно растущий доход от фабрик спайса.

«Прежде чем покончить с ним, нужно будет найти ему достойную замену», — постановил Дурга.

Плюс ко всему улики против верховного жреца были не такими уж явными. Существовала небольшая вероятность, что Тероенза невиновен. Дурга пристально следил за расходами Тероензы, и большие суммы денег с его счетов не уходили. Если он и мог приобрести яд, то лишь каким-то сверхсекретным путем... А чтобы купить Зеш-1 в нужном количестве, денег у него не было и подавно.

«Если только он не продал свою несчастную коллекцию...» — подумал Дурга, но ему было прекрасно известно, что это не так. Он внимательно следил за всеми поставками, идущими с Илизии и на Илизию, и за последние девять месяцев Тероенза свою коллекцию ничуть не уменьшил, а, напротив, расширил.

Господин Бесадии решил заняться подготовкой нового т'ланда-тиль на этой же неделе. Он продолжит свое расследование и к тому времени, как будет готов новый верховный жрец, наймет охотника за головами, чтобы тот принес ему рог Тероензы на блюде. Дурга представил, как будет смотреться этот рог на стене его кабинета рядом с голографическим портретом Арука.

Возможно, на Илизии не один Тероенза заслуживает смерти. Кто-то должен был отловить нала-квакш, упаковать их и погрузить на корабль. Дурга решил расследовать ситуацию со всех сторон, а уже потом выставлять заказ.

Конечно, настоящим убийцей был тот, кто приобрел Зеш-1 и спланировал всю операцию. Больше других он подозревал Джилиак. У нее были и деньги, и мотив.

Дурга уже начал искать связь между Джилиак и малкитскими отравителями. Теперь у него появилась и новая ниточка — возможная связь между Десилиджиками и Тероензой...

Он обязательно что-нибудь найдет... какую-нибудь запись. Записи поставок, вклады и снятие денег со счетов, регистрация приобретений... где-то должна быть улика, связывающая и Тероензу, и Джилиак со смертью Арука.

Дурга знал, что поиск потребует как времени, так и средств.

Увы, его собственных личных средств. Хатт не отваживался рисковать своей — надо признать, ненадежной — позицией главы Бесадии, расходуя огромные суммы на то, что можно было счесть за личное возмездие.

Зир и прочие его очернители внимательно следили за ним, готовые в любой момент уличить в неразумных тратах.

Нет, ему придется раскошелиться самому... и это истощит его личные ресурсы.

На миг Дурга задумался о «Черном солнце». Одно слово принцу Ксизору — и в его распоряжении будут все неиссякаемые капиталы этой крупнейшей преступной организации. Но так он откроет «Черному солнцу» путь к захвату клана Бесадии и, возможно, всей Нал-Хатты.

Дурга покачал головой. Он не смел идти на такой риск. И не жаждал оказаться одним из вассалов Ксизора. Он был свободным и независимым хаттом и не станет слушаться приказов какого-то фаллиинского принца.

Дурга покинул разгромленный кабинет Арука и отправился в свой собственный, где его ждали горы работы. Он не мог поступить в ущерб своей деятельности в клане Бесадии, так что расследованиями в основном занимался ночью, пока остальные хатты спали.

С мрачным видом Дурга взял планшет и начал вводить запросы на информацию.

Он не сомневался, что нашел убийц своего родителя. Он знал мотив и способ. Теперь оставалось лишь найти доказательство, которое позволит ему бросить вызов Джилиак и потребовать личной уплаты кровавого долга.

Дурга высунул от сосредоточенности кончик зеленоватого языка, и его короткие пальцы забегали по клавиатуре...

Тероенза медленно шагал по коридорам административного центра на встречу с Киббиком. «Господин» потребовал его присутствия почти двадцать минут назад, но Тероенза был занят. В прежние дни он никогда бы не осмелился томить повелителя хаттов ожиданием, но дела на Илизии менялись — медленно, но верно.

Власть его, Тероензы, росла. Этот идиот Киббик был просто слишком глуп, чтобы это понять.

Каждый день т'ланда-тиль строил планы, нанимал с ведома Дурги дополнительную охрану и укреплял оборону планеты. Вместо того чтобы привлекать гаморреанских охранников, сильных, но еще более тупых, чем Киббик, — а это о чем-то

говорило! — Тероенза проводил тщательный отбор тренированных наемных бойцов. Они обойдутся дороже, но докажут свою полезность в битве.

А битва грядет, Тероенза не сомневался... Придет день, когда ему придется открыто объявить о разрыве с Нал-Хат- той. Бесадии ни за что не спустят с рук такую эскападу, но Тероенза намеревался тщательно подготовиться к этому акту. Он направит свои войска в бой — и победа будет за ним!

Верховный жрец уже делал приготовления, чтобы доставить на Илизию брачных партнерш для жрецов т'ланда-тиль. Его собственная партнерша Тиленна прибудет одной из первых. Киббик такой идиот, что, возможно, даже не сразу это заметит. Для самих т'ланда-тиль мужчины и женщины их расы были без труда различимы. Для большинства других биологических видов они казались практически одинаковыми, если не считать наличия у мужчин рога.

Тероенза планировал максимально укрепить оборону колоний, даже если для этого ему придется продать часть коллекции. Он разузнал цену наземного турболазера и ужаснулся, но, возможно, с деньгами ему подсобит Джилиак. В конце концов, он, Тероенза, был единственным, кто мог раскрыть всему миру ее причастность к убийству Арука. Ясное дело, что она захочет сохранить с ним хорошие отношения.

Добравшись до приемного зала Киббика, Тероенза помедлил перед входом, намеренно напуская на себя раболепный вид. Он не хотел, чтобы Киббик знал о его намерениях. Не сейчас.

Но уже скоро...

«Скоро, — успокоил себя Тероенза. — Играй свою роль. Слушай его болтовню. Соглашайся с ним. Льсти ему. Скоро тебе больше не придется этого делать. Еще несколько месяцев — и с его глупостью будет покончено. Скоро...»

Первое, что сделал Хан Соло, получив «Сокол», — вызвал свою подругу Саллу Зенд полетать наперегонки. С маленькой и не слишком мощной «Брией» он и надеяться не мог на то, чтобы обогнать ее «Отчаянного Беглеца»...

Всякий раз, когда у них был груз, предназначавшийся для провоза по дуге Кесселя, двое контрабандистов устраивали лихие гонки на этой крайне опасной космической трассе. Они часто доставляли спайс и другие товары в систему Стеннесс, и кратчайший путь как правило пролегал через дугу Кесселя.

Один забег Хану удалось выиграть, во втором победила Салла. Два корабля практически ни в чем не уступали друг другу.

Проигрывать никто из них не любил, и дружеские соревнования становились все более жаркими. Они начинали идти на риск... на серьезный риск. Особенно Салла. Будучи экспертом в пилотировании, она вела корабль в одиночку и гордилась своим умением выжимать из него все соки.

Однажды утром Хан и Салла, вместе покинув ее квартиру, пообещали друг другу встретиться на Камсуле — одной из семи обитаемых планет в системе Стеннесс.

Хан расплылся в улыбке.

— Проигравший платит за ужин?

Соперница улыбнулась в ответ.

— Я закажу самое дорогое блюдо только назло тебе, Хан.

Рассмеявшись, Хан помахал рукой, и они расстались, взяв курс на свои корабли.

Полет до Кесселя прошел без сучка без задоринки. Хану удалось обогнать Саллу почти на пятнадцать минут, но у одного из рабочих дроидов, приписанных к его кораблю, произошел сбой, и это замедлило процесс погрузки. «Отчаянный Беглец» Саллы совершил стремительную и безрассудную посадку, еще когда Хан загружался. Кореллианин опередил ее на взлете на каких-то жалких пять минут.

Вторым пилотом у него был Чуи, а Джерик устроился и верхней турели. Имперские патрули в районе Кесселя появлялись в эти дни все чаще и чаще.

Выходя на Дугу, Хан застучал по клавишам передатчика.

— Гляди в оба, — велел он Джерику. — Не хочу, чтобы патрули имперцев свалились нам на голову.

— Будет сделано, Хан. Только поглядывай за своими датчиками, а я уж этих ребят подстрелю — опомниться не успеют.

Первым препятствием на вылете с Кесселя была Утроба — опасный регион сферической формы, где то и дело попадались черные дыры. Было здесь и несколько нейтронных звезд, а также множество обычных. В ночном небе Кесселя Утроба виделась мягким, размытым, переливчатым сиянием, сильно напоминающим туманность. Но по мере приближения корабля сферические очертания Утробы становились яснее. Она сияла светом своих солнц, ионизированного газа и кометных хвостов, змеящихся цветными лентами. На Хана хищными глазами таращились аккреционные диски черных дыр.

На фоне более темных участков Утробы они казались почти белыми. Под меняющимся углом полета «Сокола» эти глаза щурились, сужались или распахивались. В центре каждого ока булавочной головкой чернел зрачок засасываемого дырами звездного вещества.

Почти как джунгли илизианской ночью, подумал Хан. Черная ночь с неотступным взглядом хищника...

Перемещаться по периметру Утробы на средних досветовых скоростях и без того было опасно, но гнать по нему на полной мощности было сродни самоубийству. Взглянув на датчики, Хан увидел, что Салла их нагоняет. Он стал наращивать скорость: никогда прежде он не летал по этому маршруту так быстро.

— Теперь ей нас не догнать, — крикнул он Чубакке. — Я удержу лидерство, пока не доберемся до Бездны, а там уж мы оторвемся и уйдем в гипер по меньшей мере на двадцать минут раньше, чем «Беглец».

Бездна представляла собой крупное астероидное поле, заключенное в тонкий газовый рукав близлежащей туманности. Вместе Утроба и Бездна создавали гремучую смесь, из-за которой дуга Кесселя стяжала славу опаснейшего маршрута. Услышав, как Хан расхвастался, Чуи издал далеко не радостный стон и предложил иной выход.

— Что значит «позволить ей победить»? — возмутился Хан. Его пальцы запорхали над переключателями, и корабль понесся через первый сектор черных дыр. Газ и пыль от ближних звезд тянулись к аккреционным дискам длинными бело-голубыми и розовыми шлейфами. — Ты с ума сошел? Чтоб я платил за ужин? Да я выиграю филе нерфа с жареным хвостом ладнека. Все по полной программе и абсолютно честно!

Чуи нервно посмотрел на индикатор скорости «Сокола» и озвучил новое предложение.

— Ты оплатишь всем ужин, если я снижу скорость? — Хан недоверчиво воззрился на второго пилота. — Эй, друг, после свадьбы ты стал слишком мягким. Я справлюсь! И «Сокол» справится. Мы выиграем!

На датчике отразился значок «Отчаянного Беглеца», безумно набирающего скорость. Хан уставился на приборную панель, вытаращив глаза от ужаса.

— О нет... — прошептал он. — Салла, ты что задумала? Не делай этого!

Через несколько мгновений корпус «Беглеца» вытянулся и вдруг исчез из обычного пространства.

Чубакка зарычал.

— Салла! — выкрикнул Хан, хотя его призыв не имел смысла. — Ты с ума сошла! Микропрыжок возле Утробы — это самоубийство!

Хан добавил мощности двигателям, лихорадочно пытаясь отыскать на датчиках «Отчаянного Беглеца». От этого Чуи разволновался еще больше.

— Куда ее понесло? Безумная женщина! Куда она делась?

Прошло десять минут, потом пятнадцать. «Сокол» мчал, огибая Утробу по периметру. Хан едва удерживался от того, чтобы самому не сделать микропрыжок, но он не представлял, каким курсом последовала Салла. Единственное, в чем он мог быть уверен, — она не стала бы прыгать с одной стороны Утробы на другую. Глубокие гравиколодцы черных дыр и нейтронных звезд выдернули бы ее из гиперпространства раньше времени, и она угодила бы прямо в горизонт событий черной дыры, в точку без возврата.

Нет, она должна была прыгнуть вдоль периметра — скорее всего, чтобы вынырнуть прямо у Бездны...

Чубакка взвыл и ткнул волосатым пальцем в датчики.

— Это она! — крикнул Хан, глядя на показатели «Отчаянного Беглеца». Салла продолжала перемещаться, но двигалась не к Бездне. Она...

— О нет... — прошептал Хан, чувствуя, как его охватывает ужас. — Чуи, что-то пошло не так. Она идет неправильно... — Он снова сверился с приборами. — Она вышла из гипера прямо в магнитном поле нейтронной звезды!

«Отчаянный Беглец» все еще двигался, но уже не по прямой. Корабль Саллы, находясь в тысяче километров от нейтронной звезды, заворачивал на высокую орбиту Датчики Хана показывали всплески смертоносной плазмы, вырывающиеся по обе стороны плоского аккреционного диска, отмечавшего расположение звезды.

— Должно быть, гравиколодец или магнитное поле повредили ее навикомпьютер и она вышла из микропрыжка не там, где надо... — Хан выдохнул, чувствуя, как грудь сжимает гигантской невидимой рукой. — Ох, Чуи... ей не выжить...

Через несколько минут корабль Саллы достигнет апоастра — самой высокой и медленной точки своей орбиты вокруг умирающей звезды. Потом орбита «Отчаянного Беглеца» завернет, и корабль Саллы пройдет через край плазменного выброса. Смертельная радиация сожжет ее за какие-то мгновения.

В голове Хана промелькнула сотня воспоминаний о Салле. Вот она улыбается ему спросонок... Вот Салла в сверкающем платье ведет его на вечер в казино... Вот она с перепачканным лицом чинит гиперпривод — с такой же легкостью и непринужденностью, с какой большинство людей готовят завтрак... Если не считать того, что Салла никогда не умела готовить...

— Чуи... — хрипло прошептал он, — мы должны спасти ее.

Чубакка указал мохнатым пальцем на датчики и зарычал.

— Знаю, знаю. «Беглец» кошмарно близок к этой плазме, — подтвердил Хан. — И если мы приблизимся, велик риск, что «Сокол» собьется с курса и последует за «Беглецом». Но, Чуи... мы должны попытаться.

В голубых глазах вуки отразилась целеустремленность и решительность, и он одобрительно зарычал. Салла была их другом. Они не могли ее бросить.

Хан открыл канал связи с «Беглецом», одновременно лихорадочно вбивая расчеты в навикомпьютер.

— Салла? Салла? Это Хан. Милая, ты там? Мы попробуем до тебя добраться... Но ты должна будешь делать то, что я скажу. Салла? Прием!

Пока навикомпьютер просчитывал вектор сближения, Соло еще два раза попытался установить связь. Он знал, что магнитные поля, ионизированный газ и выбросы плазмы могут навести помехи, но надеялся, что мощные передатчики «Сокола» сквозь них пробьются.

— Чуи, скажи Джерику, пусть наденет вакуумный скафандр и встанет возле шлюза с магнитным захватом и лебедкой. Я велю ей катапультироваться, мы пересечемся с ее траекторией и подберем ее.

Чуи воззрился на Хана со скепсисом.

— Не смотри на меня так! — отрезал капитан. — Я знаю, что это сложно! Навикомпьютер рассчитает вектор так, чтобы мы держались в стороне от магнитного поля. Так что не стой столбом и не рассказывай мне, что все может пойти не гак! Шевелись!

Чубакка поспешно вышел.

Хан снова обратился к коммуникатору.

— Салла... Салла, это «Сокол». Прием. — Он испугался, что Салла могла удариться о приборную панель при резком выходе из гипера. Она могла лежать там без сознания... или замертво.

— Детка, ответь мне. Прием, Салла...

Он продолжал вызывать ее, пока корабль приближался к координатам апоастра. Мощное магнитное поле нейтронной звезды, очевидно, нарушило работу всех активных систем «Беглеца» в тот момент, когда Салла вышла из гиперпространства. И почти наверняка вывело из строя единственную спасательную капсулу — систему, которая обычно включена на постоянной основе и готова к экстренному катапультированию.

Корабль Саллы все еще двигался с той же скоростью, на которой перешел в гиперпространство, но теперь она никак не могла затормозить или изменить направление. И ей не хватало мощности, чтобы вырваться из гравиколодца. Ее затягивало на

все более низкую орбиту: очень скоро ее корабль достигнет аккреционного диска, и... бабах.

Хотя, когда это произойдет, Салла уже будет мертва по меньшей мере пять минут, из-за того что пройдет через выброс плазмы...

«Можно подумать, я это допущу», — мрачно решил Хан.

— Салла? Салла? Ты меня слышишь? Прием, Салла!

Наконец раздались щелчки помех, сквозь которые прорезался едва различимый ответ:

— Хан... «Беглец»... двигатели отключились. Питания нет... батареи разряжаются... ничего не могу... все кончено, милый... не лети за мной...

Хан громко выругался.

— Нет! — крикнул он в коммуникатор. — Салла, слушай меня и делай, что говорю! Да, с «Беглецом» все кончено, но не с тобой, Салла! Ты покинешь корабль, и у тебя на это всего несколько минут! Твоя капсула работала во время удара?

— ...да, Хан... капсула вырубилась... не могу катапультироваться...

Так он и думал. От капсулы толку нет, электронные схемы перегорели. Он облизнул губы.

— Нет, ты можешь катапультироваться! Мы идем за тобой! Салла, пробирайся к шлюзу на корме и залезай в вакуумный скафандр! Возьми оба ускорителя, слышишь? Когда первый выгорит, включай второй. На всю мощь! Я пересекусь с твоей траекторией, но ты должна быть как можно дальше от «Беглеца» и плазмы!

— Не поможет... мне прыгать?

— Да, дери тебя за ногу, прыгать! — Хан подправил курс. — Я буду на месте через восемь минут. А ты мчи от «Беглеца» во весь опор по следующим координатам... — Он бросил взгляд на навикомпьютер и передал ей набор цифр. — Слышишь?

— Но «Беглец»... — послышался слабый ответ.

— К хатту «Беглеца»! — рявкнул Хан. — Это просто корабль, у тебя будет другой! Ну же, Салла! Хватит пререкаться, сложностей и так хватает! У тебя три минуты, чтобы надеть скафандр! Вперед!

Он связался по интеркому с Джериком:

— Джерик, магнитный захват и лебедка у тебя? Ты готов?

— Так точно, Хан, — отрапортовал мальчишка. — Только дай знать, когда она появится. В этом шлеме плохо видно.

— Непременно, приятель, — пообещал Соло. — Вот координаты для захвата. — Он повторил набор цифр. — На счету каждая секунда, так что не медли. Любой сбой — и мы зацепим

край магнитного поля и застрянем, как «Беглец». По сути, у нас только одна попытка долететь дотуда и выбраться живыми. Ясно?

— Ясно, Хан, — напряженно отозвался Джерик.

Приближая корабль к заданным координатам, Хан волновался, что ускорителям Саллы не хватит мощности, чтобы унести ее достаточно далеко от обреченного суденышка. Они могли врезаться в «Беглеца», и Хану эта перспектива совсем не улыбалась. Его грузовоз не был создан для искусного и тонкого маневрирования. По правде говоря, Хан мог свой корабль хоть на уши поставить, но подобрать крошечного человека в скафандре, при этом стараясь не попасть под магнитное излучение, — та еще задачка. И это если забыть о том, что в них в любой момент мог врезаться «Беглец».

Хан в который раз перепроверил курс. Он должен был проделать маневр идеально, с первой попытки. Добраться до Саллы прежде, чем она попадет под воздействие смертельной плазмы. Перед глазами предстала жуткая картина, как они поднимают на борт труп, сожженный радиацией, и он заставил себя сосредоточиться на управлении. Этот маневр был, возможно, самым сложным в его карьере пилота...

Несколько минут спустя Хан уже взмок от напряжения, вводя поправки в курс, чтобы пересечь траекторию Саллы. Он сбросил скорость... потом еще... и еще раз. Остановиться полностью он не решался, опасаясь, что его затянет в магнитное поле...

Пилот не отрывал глаз от панели датчиков. На экранах вырастал «Беглец», висевший на расстоянии не больше пятидесяти километров.

— Джерик, вижу «Беглеца». Будь на связи.

— Понял тебя, Хан. На связи.

Успела ли Салла катапультироваться? Хан попробовал ее вызвать. Ответа не последовало, но комлинк ее скафандра, скорее всего, просто был недостаточно мощным, чтобы пробиться сквозь помехи.

Силуэт обреченного грузовика вырастал в носовом иллюминаторе. Хан сбросил скорость еще раз, не смея даже моргнуть. Где она? Решилась ли прыгнуть?

Смелости Салле было не занимать. Но перспектива прыгнуть в бездонный вакуум лишала отваги и не таких смельчаков. Хан закусил губу, представляя, как она отталкивается от шлюза и запускает первый ускоритель. Ему случалось облачаться в космический скафандр, но он всегда недолюбливал идею болтаться в одиночестве в бесконечной пустоте. Кореллианин не был уверен, что у него хватило бы смелости сделать то, что он требует от Саллы...

До того как стать контрабандисткой, Салла Зенд работала техником на корпоративном транспорте. Он надеялся, что она не утратила навыков управления скафандром.

Хан посмотрел на схемы на навигационной панели. На них отображалась нейтронная звезда и спирально направленная вниз орбита «Беглеца». Маркер «Сокола» быстро приближался к ней. Тридцать километров...

Ядовито-зеленый язык смертельной плазмы окружал фиолетовый ореол магнитного поля...

Хан сглотнул. Так близко...

Расстояние сократилось до двадцати километров. Он поднял глаза и в иллюминаторе увидел плоский, напоминавший майнока, силуэт «Беглеца».

«Где она? — спрашивал он себя, в который раз сверяясь со схемой. — Где?..»

— Вижу! — неожиданно закричал Хан. — Джерик, я ее вижу! Пока только на приборах, но будь начеку!

Он внес несколько поправок в курс, чтобы точно совпасть с траекторией Саллы. Она набрала неплохую скорость: достаточную, чтобы удерживаться на прямой, но не настолько безумную, чтобы подвергнуться риску потерять контроль и сорваться в штопор. Хан восхитился ее умением обращаться со скафандром.

— Готово, Хан, — доложил юноша, затем пробормотал что-то вполголоса... Молитву? Хан был слишком занят, чтобы спрашивать.

Кореллианин включил интерком.

— Чуи, медпакет наготове?

Утвердительный рык.

Наблюдая за приближением Саллы на приборах, Хан продолжал поглядывать в иллюминатор, и вдруг...

— Вижу ее! Визуальный контакт! Джерик... магнитный захват по моей команде...

Капитан мысленно отсчитал секунды. Три... две... одна...

— Давай!

Миг напряжения...

— Поймал! Включаю лебедку!

— Чуи, ты ее слышишь?

Чубакка проревел: еще нет, но как только услышит — даст Хану знать.

— Джерик, Джерик, как она?

— Подтягиваю ее, Хан! — Мгновение спустя он добавил: — Есть, Хан, она внутри! Закрываем шлюз!

Передатчик разразился ревом Чубакки.

— Верно! — крикнул Хан. — Рвем отсюда когти!

Он изменил курс и увеличил скорость, выдергивая корабль из гравиколодца нейтронной звезды. Бросив взгляд на приборы, он увидел, что «Беглец» проходит сквозь сгусток плазмы и начинает ускоряться. Едва успели!

— Как она? — спросил Хан в интерком. — Скажите мне хоть что-нибудь!

Миг спустя он услышал голос Саллы, хриплый, но хорошо узнаваемый.

— Я цела, Хан. Только ссадина на голове. Чуи меня подлатает.

— Джерик, быстро сюда и бери управление, — велел Хан. — Я хочу увидеть Саллу. Чуи, не забудь проверить ее на радиацию...

Последовал сердитый рык: «Можно подумать, сам не догадаюсь».

— Отлично!

— Хан, — раздался голос Джерика, — она идет. Стой, где стоишь.

Секунду спустя все трое появились в рубке. Кореллианин выбрался из пилотского кресла, а Чуи и Джерик заняли места первого и второго пилотов. Салла, хмурясь, уселась в пассажирское кресло. На перевязанный лоб ниспадали пряди черных волос.

Хан склонился над ней.

— Как ты?..

Она отстранилась, и на секунду кореллианин подумал, что она замахнется на него. В ее глазах горела злость на всю Вселенную.

— Хан... эта точка. — Она указала пальцем. — Это «Беглец»?

Контрабандист взглянул на схему, потом в иллюминатор. «Беглец» все еще двигался через плазму, окруженный оранжевым сиянием.

— Да, — подтвердил он. — Он быстро набирает скорость...

В рубке воцарилась тишина. «Отчаянный Беглец» — гордость и радость Саллы — мчался сквозь плазму, ускоряясь все больше и больше. Гравитация нейтронной звезды затягивала его на все более низкую орбиту.

Еще несколько минут — и на краю аккреционного диска мимолетно расцвела крошечная вспышка.

— Ну вот и все, — безучастно проронила она. — Простите, ребята, мне нужно уйти.

Хан посторонился, пропуская Саллу. Он думал о том, как бы чувствовал себя, если бы на месте «Беглеца» оказался его собственный, только что приобретенный корабль. Нетрудно было

понять этот едва сдерживаемый гнев.

Через некоторое время из пассажирского салона корабля послышались приглушенные удары и крики. Хан покосился на друзей.

— Пойду ее проведаю.

В салоне он обнаружил Саллу. Встав спиной к столику для голоигр, она колотила кулаками по переборкам и безостановочно сыпала проклятиями.

— Салла... — окликнул он.

Она стремительно развернулась, сверкая янтарными глазами.

— Хан, почему ты не оставил меня умирать? — На секунду он подумал, что она ударит его, и приготовился увернуться. Но с видимым усилием она сдержалась. — Почему, Хан?

— Салла, ты же знаешь, я не мог этого допустить. — Он примиряюще поднял руки.

Она мерила салон яростными шагами, сама готовая взорваться, как звезда.

— Я не верю, что решилась на микропрыжок! Не верю, что «Беглеца» больше нет! Почему я такая дура?

— Мы и раньше устраивали гонки, Салла, — напомнил ей Соло. — В этот раз просто... не повезло.

Она ударила кулаком по переборке, снова выругалась и остановилась, сжимая ушибленную руку другой.

— Этот корабль был моей жизнью! Моим смыслом! А теперь его... нет! — Она щелкнула пальцами.

— Я знаю, — кивнул Хан. — Я знаю.

— Что мне теперь делать? Мне не на что жить. Я столько работала, чтобы заполучить этот корабль!

— Ты можешь летать со мной и Чуи, — предложил Хан. —

— Нам не помешает еще один член команды. Ты прекрасно водишь корабли, Салла, ты найдешь работу. Хорошие пилоты всегда в цене.

— Летать с тобой? — Она нахмурилась. — Мне не нужно милости ни от тебя, ни от кого-то другого, Хан.

— Эй! — обиделся он. — Я не записывался в общество милосердия. Салла, ты же меня знаешь! Просто... мне нужна твоя помощь.

Она уставилась на него.

— Тебе нужна... я?

Хан пожал плечами.

— Ну конечно. Мне без тебя не справиться. Я не рискую собой и своим кораблем ради кого попало, ты же знаешь.

— Верно, — пробормотала она, пристально глядя на кореллианина.

Хан задумался, что же творится сейчас у нее в голове, но посчитал, что сейчас не лучший момент спрашивать. Он осторожно подошел к ней, ожидая, что она снова его оттолкнет, но контрабандистка не стала этого делать.

Он обнял ее за тонкую талию, прижал к себе и поцеловал в щеку.

— Я знаю, каково тебе сейчас, Салла. Я тоже не так давно потерял корабль, помнишь?

— Помню, — прошептала она. — Хан... Я забыла сказать тебе спасибо.

— За что?

— Как за что? Ты спас мне жизнь.

Он усмехнулся.

— Ты вытаскивала меня из передряг и покруче, Салла, не забывай. Помнишь тот раз, когда несси пытались нас облапошить? Если бы ты не заприметила те поддельные инфокарты, я бы здорово влип.

Ее начало сильно трясти. Зубы выбивали дробь.

— Н-не б-будь с-со м-м-мной т-так м-мил, Х-х-хан, — выговорила она, дрожа. — Ч-что п-про-исходит?

Он пригладил ее волосы:

— Адреналин уходит, Салла. Так всегда бывает после битвы. Тебя трясет, ты чувствуешь себя по-дурацки, потому что тебе уже ничего не грозит.

Она через силу кивнула.

— Я т-т-такая г-глупая.

— Глупая, зато живая, — напомнил ей Хан. — Это главное.

Салла рассмеялась дрожащим смехом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПРОЩАНИЕ С НАР-ШАДДАА

Всю неделю Салла Зенд вела себя непривычно тихо — настолько тихо, что Хан даже начал волноваться. Он никогда прежде не видел ее такой. Она отказалась сопровождать Хана и Чубакку в некоторых рейсах, хотя Хану всерьез нужна была ее помощь. Джерик недавно нашел подружку в кореллианском секторе Нар-Шаддаа и проводил все свободное время с ней. К тому же парнишка подрядился работать на Шуга, который занялся обновлением гипердвигателей на контрабандистских посудинах Десилиджиков. Та еще работенка, и Шугу любая помощь была не лишней.

Салла тоже целыми днями пропадала в космогараже Шуга, трудясь вместе с ним над гиперприводами. Но когда Хан возвращался с рейсов, она всегда приветствовала его улыбкой и ласковым поцелуем. В общении с ним она стала вести себя по-другому, как будто все время... оценивала его. Кореллиа- нину было от этого не по себе.

Но больше всего удручало, что Салла просила научить ее готовить. Воспитанный Дьюланной, Хан был довольно-таки сносным поваром, хотя, когда речь заходила лишь о нем одном, кореллианин готовкой не заморачивался. Но так как они с Саллой проводили вместе почти каждый вечер, у Хана появилась привычка готовить для двоих.

И вот ни с того ни с сего Салла захотела, чтобы он ее научил. У кореллианина возникло какое-то недоброе предчувствие, хотя причину он и сам не мог толком объяснить. В конце концов, научиться готовить — что здесь такого? Но что-то было неладно.

Он начал с простых вещей: завтрак, жаркое, супы. Потом перешел к таким блюдам, как отварное филе траладона с гарниром из клубней, рубленые коренья имуш с горячим соусом и бисквитные лепешки с медовой глазурью по-вукийски.

Салла сосредоточенно внимала ему и относилась к готовке с той же серьезностью, с какой прежде разбирала и отлаживала забарахлившую матрицу мотиватора. Она проявляла такое усердие, что Хана это тревожило все больше и больше.

Он не раз порывался спросить ее, что, собственно, происходит, но не хотел проявлять лишнего любопытства. Салла недавно потеряла корабль. Это вполне могло объяснить такое несколько эксцентричное поведение.

Настал вечер, когда она впервые приготовила ужин сама. Хан

дожевал чуть подгоревшего ладнека и слегка резиновое суфле из кореньев и улыбнулся ей.

— Очень вкусно, Салла. Скоро ты станешь первоклассным поваром!

— Правда? — Похоже, ей было приятно.

— Конечно, — соврал он. По правде говоря, до таких высот ей было еще далеко.

— Хан... я хотела тебе кое-что сказать, — произнесла она. — Очень важное.

«Ну вот, приехали», — подумал он с какой-то обреченностью.

— В чем дело? — спросил кореллианин.

— В общем, я тут начала строить кое-какие планы. Это обойдется дороже, чем я думала, особенно зал, а у меня мало сбережений. Но у тебя кое-что осталось от турнира по сабак- ку, так что как-нибудь расплатимся. Я звонила в контору, организующую банкеты...

— Салла, о чем ты? — перебил Хан в полном недоумении.

— О нашей свадьбе, конечно. Я поразмыслила над твоими словами. Ты сказал, что я нужна тебе, и ты прав. Мы нужны друг другу. Пора сделать последний шаг и начать настоящую жизнь вместе, Хан. Как Роа и Льюилл. Помнишь, какая у них была чудесная свадьба? Мы можем устроить что-нибудь в таком же духе. Думаю, мы оба это заслужили. И все наши друзья придут.

Хан уставился на нее, не в силах произнести ни слова. Первым его порывом было заорать: «Ты что, с ума сошла?» — но он сосчитал до десяти. Может быть, Салле требовался медицинский уход? Она все-таки ударилась головой? Наконец он с тревогой произнес:

— Салла, не думаю, что это вписывается в наши планы.

Она усмехнулась.

— Я знала, что ты так скажешь, Хан. Мужчины! Они никогда не сознаются в своих чувствах. Разве ты не помнишь, как говорил мне, что немного завидуешь Роа и Чуи, что у них есть настоящая семья?

Хан говорил что-то в таком духе, но совершенно не предполагал, чем это для него обернется. Он покачал головой:

— Салла, дорогая, я думаю, нам лучше для начала все обсудить. Ты ведь никому не говорила об этом? И не строила конкретных планов?

— Ну... только нескольким. — Она призадумалась. — Шугу, Мако, Лэндо и Джерику. И еще внесла деньги за аренду зала.

«Мако!» Хан мысленно застонал. Его старый друг с академии охотно разнесет эту весть по всей Нар-Шаддаа. «Джерик, почему ты не предупредил меня?» — возопил он в душе, но быстро понял,

что парень так потерял голову от своей нынешней девчонки, что вряд ли вообще слушал Саллу.

— Салла, — произнес он, — это на тебя не похоже. Мы никогда не давали никаких обещаний и не делали признаний. То есть когда-нибудь, может быть... но...

Она снова улыбнулась ему — и от этой улыбки он почувствовал себя траладоном, которого ведут на бойню. Эта всезнающая улыбка, говорившая о том, что она его даже не слушает. Отчаявшись продолжить разговор и не желая ранить ее правдой, Хан взял ее за руку.

— Салла, дорогая... мы никогда не говорили о любви, даже слова этого не произносили. Ты хочешь сказать мне, что настолько меня любишь, что готова провести со мной остаток жизни?

Взгляд ее янтарных глаз едва заметно скользнул в сторону, и она кивнула.

— Я знаю, чего хочу, Хан. Чтобы мы были вместе и перестали рисковать жизнью из-за этого спайса. Мы будем как Роа и Льюилл, начнем новую жизнь. Может быть, даже заведем детей.

— Но ты меня любишь? — пожелал он знать, не отрывая от нее глаз.

— Конечно, — подтвердила она. — Конечно люблю, Хан. Ты это знаешь.

«А я вот не думаю, что знаю», — цинично подумал кореллианин. От него не ускользнуло то движение глаз. Он знал, что Салла ценит его, дорожит им, даже питает страсть к нему. Но любить?

— В любом случае ты скоро поймешь, что это решение верное, Хан. Мы будем счастливы, у нас будет лучшая свадьба на свете. А потом мы закатим потрясающую вечеринку.

Хан не упустил из виду тот факт, что она даже не спросила, любит ли он ее. «Она не хочет знать ответ», — понял он.

В какой-то миг у него на языке завертелись слова: «Салла, я не люблю тебя и не хочу жениться». Но почему-то сказать он не решился. Он не хотел расставаться с ней, а это непременно бы случилось.

Хан решил поговорить об этом с Чубаккой и, возможно, с Лэндо, раз уж Салла всем разболтала. Может, кто-нибудь из них поможет придумать, как отказать ей в свадьбе и при этом не ранить ее чувств.

Хан не хотел терять Саллу, но и жениться никак не собирался. Особенно сейчас, когда он был на вершине мира и у него был стремительный «Сокол»! Он мог идти куда пожелает, делать что хочет, возить грузы и наслаждаться прочими

радостями жизни, которых он тут же лишился бы, если бы женился. Спросить его, женитьба равноценна имперской каторге. Пожалуй, даже ссылка на рудники Кесселя привела бы его в меньший ужас.

На следующий день, придя в квартиру, он вызвал Чуи на разговор и, пока ЗиЗи дребезжал по дому, подбирая вещи и наводя порядок, пересказал ему всю историю. Его мохнатый друг покачал головой, сопроводив это действие рыками и стонами.

— Что значит — Салла ведет себя как Винни? — пожелал знать Хан. — Винни тебе проходу не дает и пытается соблазнить каждый раз, когда мы на нее натыкаемся. Салла не такая. Она просто хочет замуж.

Чубакка не сдавался. Салла ведет себя как Винни, эта гигантская вуки, запавшая на него не на шутку, потому что она не спрашивает мнения Хана, а решает сама, как будет лучше для него. В браке, заметил вуки, оба партнера должны иметь равный голос. Иногда один может подчиниться желаниям другого, но никто не должен считать, что сам прекрасно все знает и может принимать решения за двоих.

Хан нахмурился.

— Да, я понимаю, о чем ты, — пробормотал он. — Салла ни о чем не спрашивает, для нее наша женитьба — нечто само собой разумеющееся. — Он грустно покачал головой. — Сегодня она идет покупать платье. Говорит, раз я кореллианин, то это будет традиционная кореллианская свадьба. А значит, платье будет зеленым.

Чуи покачал головой и пустился в долгие рассуждения о женщинах всех видов и народов, считающих мужчину добычей, которую нужно изловить. Он напомнил Хану, что его сестра Каллабоу примерно таким же образом решила, что непременно выйдет за Махраккора. Тем не менее она поступила умнее, чем Салла. Каллабоу просто раз за разом всеми возможными методами давала Махраккору понять, что он ее любит, пока однажды он сам не сделал ей предложение. «Они очень счастливы», — заметил Чубакка.

— Ну, со мной-то, брат, такого не будет, — отрезал Хан. — Знаешь, Чуи, это начинает меня злить. Ей все равно, что хочу я, — она даже знать этого не желает. Вряд ли кому-то понравится такое обращение. И вряд ли оно вызовет желание на тебе жениться.

Чуи выразил согласие протяжным ревом.

Следующим вечером Хан встретился с Лэндо в баре одного из крупных казино Нар-Шаддаа и выложил все без утайки. Картежник лишь покачал головой.

— Хан, Хан... знаешь, она настроена более чем решительно. Когда она мне все рассказала, я начал смеяться — уж мне ли тебя не знать! — а Салла даже бровью не повела.

— Я знаю, что она настроена серьезно, — мрачно сказал Хан. — Проклятье, Лэндо, я не хочу на ней жениться! Я вообще жениться не хочу! Может быть, до конца дней своих! Мне нравится жить самому по себе. Нравится делать, что я хочу, когда хочу и с кем хочу!

— Потише, приятель, — предупредил его Лэндо. Только тогда Хан заметил, что разошелся настолько, что другие посетители заведения начали посматривать на него косо. Он поспешно сделал глоток алдераанского эля. — Ну а ты пытался пооткровенничать с ней о своих чувствах?

— Да, и не раз. Она просто отмахивается. Я говорю: «Салла, это не самая лучшая идея, и мне нужно время подумать». Или даже: «Салла, я не намерен сейчас жениться», — но все без толку.

— И что она отвечает?

— Рукой машет. Говорит что-нибудь вроде: «Не волнуйся, Хан, мужчины всегда так себя ведут. Это совершенно нормально — иметь предсвадебный мандраж».

Лэндо шумно выдохнул.

— Плохо дело, приятель. Похоже, она решила выйти за тебя, чтобы наладить свою жизнь. Она потеряла корабль, но собирается заполучить мужа.

— Она хочет, чтобы я покончил с ремеслом и покинул Нар-Шаддаа. Говорит, мы можем быть как Роа и Льюилл, начать новую жизнь и заняться чем-нибудь другим. Никакой больше контрабанды.

Лэндо поежился.

— Честная работа? Это ж ужас! — И с его стороны в этой шутке велика была доля правды.

Хан осушил кружку эля и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Лэндо, что мне делать? Я не собираюсь на ней жениться, это уж точно. Но я не могу повести себя по-свински и сказать ей об этом так, чтобы она это услышала.

Лэндо нахмурился.

— Это непросто. Кажется мне, Салла сама напрашивается, чтобы ей дали отпор. Но, Хан... ты не можешь ждать. Она сказала, что назначает свадьбу на следующую неделю.

Хан резко выпрямился.

— Следующую неделю! О нет... Лэндо, да ни в жизнь!

Картежник кивнул.

— Ты должен сказать ей, Хан.

— Но она не слушает!

— А что еще тебе делать?

Хан решительно нахмурился.

— Я могу уйти, вот что. Я собирался наведаться в Корпоративный сектор, поискать механика по имени Док. Кажется, сейчас подходящее время для этого путешествия.

— Корпоративный сектор довольно далеко.

— Да. А у Саллы нет корабля, чтобы кинуться за мной в погоню. Кроме того, мой уход объяснит все лучше любых слов. И я сделаю это не мешкая, Лэндо. Завтра же.

— Так быстро? — опешил Калриссиан. — Зачем так спешить?

— А зачем ждать? — резонно переспросил Хан. — Пойду с утра к Джаббе, скажу ему, что улетаю и не знаю, когда вернусь. Кроме того... — он вздохнул, — меня беспокоит Салла. Я не хочу, чтобы она потратила свои деньги на свадьбу, которая не состоится. Так что чем быстрее я испарюсь, тем больше она сбережет.

— Она будет в бешенстве, — заметил Лэндо.

— Знаю, — грустно согласился Хан. — И мне жаль, что приходится так делать. Ей бы следовало проявить ко мне уважение и не быть такой упертой. Я бы и рад поступить иначе, но ничего другого не могу придумать. Что бы я ни сказал и ни сделал, это причинит ей боль.

— Ты можешь уступить и жениться на ней, — напомнил Лэндо, насмешливо приподняв бровь.

Хан покачал головой.

— Лэндо, да я скорее поцелую Джаббу.

Темнокожий картежник едва не свалился со стула от хохота.

— Я не расстанусь со своей свободой, — мрачно постановил Соло. — Салла смирится с этим. Да, она будет вне себя. Да, она, вероятно, не захочет со мной больше разговаривать. Я очень сожалею об этом, но не настолько, чтобы остаться. Я скорее совершу микропрыжок в Утробу.

Пожав плечами, Лэндо протянул руку.

— Мне будет не хватать тебя, приятель.

— Давай со мной, — предложил Хан, отвечая на рукопожатие. — Нам с Чуи не помешает помощь.

— А как же Джерик?

Хан неопределенно махнул рукой.

— Парень с нами не летит, я почти уверен. Шуг платит ему больше, чем я могу себе позволить. К тому же он так прицепился к этой девчонке, что ничего вокруг не видит. Он ни за что не согласится улететь надолго.

— Верно, — сказал Лэндо. — Первая любовь... разве это не

чудо?

Хан закатил глаза, и оба расхохотались.

— Так ты едешь? — спросил Хан.

— Нет, — отрезал Лэндо. — Мне нужно уделять больше времени своим кораблям. С уходом Роа я меняю одного менеджера за другим, а последнего поймал на укрывательстве доходов.

— Не соскучишься. — Хан покачал головой. — Что ж, мне будет не хватать тебя, дружище. Береги себя.

— Ты тоже.

Хан провел последний вечер с Саллой, но она была так поглощена своими планами, что даже не заметила его угрюмой молчаливости.

Перед тем как они заснули, Хан задержал на ней взгляд и сказал:

— Салла... ты бы хоть спросила меня, прежде чем планировать. Я не из тех, кто жаждет жениться.

Она фыркнула:

— Все мужчины так думают, Хан... пока не женятся. Помнишь Роа? Он твердил, что никогда этого не сделает, а потом женился, и ты в жизни не видел никого счастливее. Все мужчины такие.

— Но только не я, — заявил Хан, но Салла лишь рассмеялась.

Следующим утром Хан пошел к себе и велел ЗиЗи упаковать в старый рюкзак его одежду. Это не заняло много времени, так как Хан никогда не отличался большим гардеробом. Потом они с Чуи вышли к посадочной площадке на крыше одного из высотных зданий Нар-Шаддаа, где стоял «Сокол».

Джерик пришел их проводить. О своем отлете Хан не сказал никому, кроме него и Лэндо. Джерик протянул руку и, когда Хан пожал ее, произнес:

— Я уже жалею, что не лечу с вами! Возвращайся богатым, Хан! Чуи, ты уж позаботься о нем, ладно?

Хан обнял мальчишку за плечи и легонько потряс. Чубакка с вукийской нежностью потрепал его по макушке, заставив юношу вскрикнуть.

— Береги себя, Джерик, — попрощался Хан. — Не дай ЗиЗи довести тебя до ручки. И... прими мой совет, парень. Радуйся жизни, но помни: если мне слишком рано жениться, то уж тебе и подавно!

Джерик рассмеялся.

— Я запомню, Хан!

— Пока, приятель. Счастливо!

Несколько минут спустя, когда Нар-Шаддаа осталась позади, Хан включил коммуникатор для передачи голосообщения. Он быстро ввел код и имя Саллы, потом дал команду центру передачи задержать отправку послания на два часа. К тому времени он уже будет далеко.

Получив сигнал о готовности к записи, Хан почти машинально откашлялся.

— Привет, Салла, — поздоровался он. — Мне жаль, что так вышло, но к тому времени, когда ты получишь эту запись, мы с Чуи уже будем далеко. Я пытался поговорить с тобой, но ты просто не хотела слушать. — Помедлив, он глубоко вздохнул. — Салла, ты замечательная женщина, но я просто не готов к женитьбе — ни на ком. Поэтому постарайся не принимать это на свой счет, хорошо? Думаю, нам нужно отдохнуть друг от друга. Я когда-нибудь вернусь. Постарайся не слишком злиться. Я просто делаю то, что должен. Береги себя, Сал-ла, и попрощайся за меня с Шугом и Мако.

Чубакка настойчиво заворчал, и Хан добавил:

— Чуи тоже говорит до свидания. Всего хорошего, Салла. Будь счастлива.

Протянув руку, он нажал кнопку отправки и откинулся на спинку кресла.

— Ух... Это сложнее дюжины полетов, друг мой.

Чубакка согласился — такие вещи всегда даются непросто.

Хан кивнул.

— Ладно... К слову о свадьбе. Прежде чем мы помчимся в Корпоративный сектор, вы с Маллатобак заслуживаете еще одного медового месяца. Так что курс на Кашиик.

Голубые глаза Чубакки загорелись, и Хан одарил его улыбкой.

— Кроме того, у меня есть новая партия разрывных наконечников для стрел, которые так понравились Катарре. А на тиккианском бренди, думаю, можно будет неплохо заработать в Корпоративном секторе. Ну как, устроит тебя такой маршрут?

Чубакка одобрил предложение Хана с таким энтузиазмом, что у Хана зазвенело в ушах.

Спустя несколько минут «Сокол» пронзил гиперпространство, направляясь к первому пункту назначения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ ХАТТОВ И ВОЗМЕЗДИЕ МЯТЕЖНИКОВ

— Тетя, — пророкотал Джабба, глядя на экран планшета, — при таком уровне расходов Десилиджики обанкротятся через сорок четыре года.

Джабба и Джилиак возлежали в кабинете последней в ее островном дворце на Нал-Хатте. Глава Десилиджиков развешивала перед своим малышом яркие ленты аскажианского шелка, чтобы тот замечал их и полз вперед. Конечно, дотянуться до колышущихся лент хаттенок не мог — его ручки еще полноценно не развились, хотя за последние три месяца отростки стали заметно длиннее. Теперь он мог проводить вне материнской сумки уже два-три часа — к большому неудовольствию Джаббы. Полным вниманием Джилиак удавалось завладеть, только когда ее чадо спало в сумке.

Услышав заявление Джаббы, глава Десилиджиков отвлеклась от игры с детенышем и с легким удивлением оглядела племянника.

— Правда? — переспросила она, наморщив широкий лоб. — Так скоро? Я не думала, что такое возможно. И все же... сорок четыре года, Джабба. За это время мы можем многое изменить. Какие отчеты ты читаешь?

— Все вместе, тетушка. Почти всю прошлую неделю я сводил дебет с кредитом.

— Куда же уходят деньги?

— Среди всего прочего у меня есть счет из космогаража Шуга Нинкса, — сообщил Джабба, открывая нужный документ. — Модернизация досветовых систем и гиперприводов обошлась нам в пятьдесят пять тысяч кредитов.

— Немного расточительно, — не преминула заметить Джилиак. — Так ли необходимо было улучшать все наши корабли?

Джабба выдохнул с таким раздражением, что забрызгал пол зеленой слюной.

Шуг Нинке — редкий мастер, тетя. Эти затраты оправданы. И если ты помнишь, за последние шесть месяцев мы потеряли три корабля с контрабандой из-за имперских патрулей и еще один из-за пиратов. Досветовые двигатели наших кораблей устарели и износились, из-за них у пилотов нет ни шанса уйти от преследования. А гиперприводы так медленны, что мы получаем

жалобы от клиентов за задержку поставок! Поэтому — да, модернизация совершенно необходима, если мы хотим в дальнейшем избежать потерь.

— Ах да, действительно припоминаю, — рассеянно сказала Джилиак. — Ну раз надо, значит надо. Я доверяю твоему мнению.

«Мое мнение состоит в том, что я должен руководить делами не только фактически, но и формально», — сердито подумал Джабба. Вслух же он произнес:

— По крайней мере, работа сделана. Наши корабли теперь смогут перевозить больше спайса и делать это быстрее, и мы окупим некоторые расходы. Вот бы только Бесадии чуть сбавили агрессию в ценовой политике на обработанный спайс. Они повышают цены в третий раз за три месяца.

Джилиак загоготала. Ее грохочущий смех эхом разнесся но почти пустому залу. С тех пор как у нее появился ребенок, глава Десилиджиков уволила большинство слуг и подчиненных, опасаясь, что кто-то из них решит похитить детеныша ради выкупа. В эти дни в роскошном тронном зале присутствовали только ее самые верные приспешники, хотя в годы ее бездетности все было по-другому. Джабба же в своих дворцах на Нал-Хатте и Татуине по-прежнему наслаждался обществом охрипшей толпы прихлебателей, музыкантов и танцовщиц.

Просмеявшись, Джилиак гаркнула:

— Да Бесадии даже не подумают чего-то там сбавить! Их глобальный план — уменьшить долю спайса на черном рынке и спровоцировать скачок цен. Простая экономика. И очень эффективная.

— Знаю, — мрачно согласился Джабба. — Но им бы двигаться плавно. Если они слишком увлекутся, у них возникнет конкуренция с имперским рынком спайса. А это может привлечь к ним нежелательное внимание Императора.

По указу Империи весь спайс, и в первую очередь особо ценный глиттерстим, принадлежал Империи. Но цены на легальный имперский спайс были настолько абсурдно высоки, что никто, кроме баснословных богатеев, не мог себе его позволить. И оттого получали простор для деятельности контрабандисты и их теневой бизнес на Кесселе и других планетах, производящих спайс.

— Нам только и остается, что модернизировать корабли, тетя, — добавил Джабба. — Наши клиенты начали угрожать, что начнут вести дело напрямую с Бесадии.

— У Бесадии нет контрабандного флота, который мог бы сравниться с нашим, — справедливо заметила Джилиак.

— Сейчас нет, — согласился Джабба. — Но мои источники

сообщают, что Дурга уже приобрел несколько кораблей и обговаривает сделки насчет следующих. Дескать, он намерен создать флот, превосходящий наш. Думаю, он хочет захватить весь рынок спайса. Нельзя этого допустить, тетя.

— Согласна. — Джилиак помахала голубой лентой. — И что нам с этим делать?

— Нужно удвоить наши усилия и найти больше пилотов для доставки спайса, тетя, — предложил Джабба. — Должны же отыскаться еще пилоты под стать Соло.

— Он ушел? — рассеянно осведомилась она, гладя ребенка по головке.

Закатив выпуклые глаза, Джабба потянулся к чашке за карновианским угрем и бросил извивающуюся, визжащую еду в рот. Хаттенок посмотрел на него, выпустив струйку зеленовато-коричневой слюны. Джабба поспешно отвернулся и шумно сглотнул.

— Соло нет уже несколько месяцев, тетя. По всем приметам, он отправился в Корпоративный сектор. Его потеря ощутима. — Он помахал планшетом. — Соло был лучшим. Можно сказать, я даже по нему скучаю.

Джилиак с удивлением воззрилась на племянника:

— Джабба, ты же говоришь о человеке. К тому же о мужчине. У тебя изменились пристрастия? Я думала, тебе нравятся эти твои нудные полуголые танцовщицы. Мне сложно представить, чтобы Соло вместе со своим огромным вуки плясал перед твоим троном в танцевальном бикини.

Джабба фыркнул, представив такую картину.

— Ха-ха! Нет, мои симпатии к Соло носят сугубо деловой характер. Он очень быстро делает для нас деньги. И никогда бы не допустил, чтобы его взяли на абордаж, а груз и корабль конфисковали за провоз контрабанды. Соло весьма умен и изобретателен... для человека.

— Империя все сильнее закручивает гайки, — напомнила Джилиак. — На той гуманоидной планете была настоящая резня...

— Мантуин в секторе Атривис, тетя, — подсказал Джабба. — С тех пор случилась еще одна. Две недели назад жители Тишапала устроили гражданский митинг против налогообложения Империи. Мофф сектора направил туда флотилию из ближайшего гарнизона. Имперские корабли зависли над толпой на репульсорах, и командир приказал демонстрантам разойтись. Когда они не сдвинулись с места, он дал сигнал кораблям, и те включили двигатели. Большую часть толпы испепелило на месте.

Джилиак покачала тяжелой головой.

— Войскам Палпатина не мешало бы поучиться утонченности у нашего народа, племянник. Такая трата ресурсов! Куда эффективнее было бы приземлиться, загнать их на корабли и продать в рабство. Тогда Империя разом избавилась бы от недовольных и получила солидную выгоду.

— Император должен пригласить тебя в столицу и назначить своим советником, тетушка, — полушутя заметил Джабба, но ему пришло в голову, что он успевал бы гораздо больше, если бы каждый день не тратил время на Джилиак — или на то, чтобы решать дела в обход ее.

Он злобно глянул на подползшего к нему хаттенка. Тот что-то пролепетал, рыгнул, и его стошнило.

«Мерзость!» — подумал Джабба, отползая от растекающейся лужи.

Джилиак вызвала дроида-уборщика и вытерла рот детенышу.

— Даже не предлагай такого, Джабба, — сказала она с легким ужасом. — Ты же знаешь, как Палпатин относится к нелюдям. Его отвращение к ним так велико, что он даже не признает хаттов высшей расой.

— Верно, — согласился Джабба. — И это с его стороны весьма недальновидно. Но он у власти, и мы должны с этим мириться. До сих пор нам удавалось откупиться от чрезмерного внимания Империи. Это недешево, но необходимо.

— Согласна, — сказала Джилиак. — Он оставил нас в покое после битвы при Нар-Шаддаа только потому, что Совет хаттов решил добровольно удвоить налоги, которые мы платим Империи. Нал-Хатта в пятьдесят раз богаче большинства планет, и богатство дает нам определенную защиту. Но да, приходится совать взятки этому новому моффу, а также некоторым имперским сенаторам и высшему командованию.

Дроид-уборщик закончил работу, и пол снова засиял. Хат- ты требовали, чтобы полы содержались в скрупулезной чистоте и были тщательно отполированы. Так по ним было удобнее ползать.

— Поговаривают, что сенатор-отступник Мон Мотма убедила объединиться три крупные группировки мятежников. Они подписали документ, который они зовут Кореллианским договором, — поделился Джабба. — Возможно, в ближайшем будущем движение повстанцев получит широкое распространение. И, тетя, — Джабба взмахнул планшетом, — в войне нужно уметь получать выгоду. Мы можем окупить свои потери.

— Эти так называемые повстанцы не имеют никаких шансов против Империи, — насмешливо фыркнула Джилиак. — Для нас

будет глупо принимать чью-то сторону.

— Я этого и не предлагал, тетя, — поспешно оговорился Джабба, возмущенный самой мыслью о том, что это возможно. — Но бывают времена, когда можно извлечь выгоду, помогая одной стороне против другой. Конечно, не на постоянной основе.

— Лучше вообще оставаться в стороне от галактической политики, помяни мое слово, Джабба. — Джилиак взяла ребенка на руки и принялась легонько его подбрасывать.

«Пусть его снова стошнит», — цинично подумал Джабба.

Конечно же, хаттенок не замедлил оправдать его ожидания. К счастью, дроид-уборщик не успел уйти далеко.

— Тетя... — помедлив, начал Джабба, — наступают сложные времена... Возможно, тебе стоит подумать о том, чтобы отдавать ребенка в ясли? Нам было бы проще сосредоточиться на делах. Он уже долгое время спокойно обходится без твоей сумки. К тому же в яслях всегда есть суррогатные кормилицы.

Изогнув хвост, Джилиак выпрямилась. На ее лице застыло выражение крайнего негодования.

— Племянник! Я удивлена, что ты вообще предложил такое! Возможно, через год я смогу рассмотреть подобную перспективу, но сейчас малыш нуждается во мне постоянно.

— Я просто предложил, — оговорился Джабба самым примиряющим тоном, на какой только был способен. — Чтобы поднять финансы Десилиджиков на тот уровень, где они были до разрушительного набега моффа Шильда на Нар-Шаддаа, понадобится гораздо больше времени и сил. Сейчас я трачу на это все свое время.

— Хо-хо! — прогремела Джилиак. — И только вчера ты провел полдня, любуясь плясками твоей новой рабыни под аккомпанемент заунывных джизз-музыкантов!

— Как ты... — начал Джабба, но, уязвленный, замолчал. Подумаешь, потратил несколько часов на собственное увеселение! Он встал на рассвете, работал с канцелярскими дроидами, приводил в порядок финансовую документацию, чтобы подготовить полный отчет о последствиях нового скачка цен, учиненного Бесадии.

— У меня свои методы, племянник, — заявила Джилиак. — но, разумеется, я не покушаюсь на твое свободное время. Постоянная работа без каких-либо развлечений — это, несомненно, тоска для хатта. Однако и мне нужно много времени проводить с малышом, и я хочу, чтобы ты уважал эту потребность.

— Да, тетя. Конечно же, — пробурчал Джабба, внутренне закипая. Он поспешно сменил тему: — Думаю, Бесадии должны поплатиться за вздутие цен на спайс. Возможно, мы восстановим

против них другие кланы.

— С какой целью?

— Например, чтобы выразить всеобщее порицание и наложить штраф. Другие кланы тоже ропщут. Полагаю, они страдают от повышения цен не меньше Десилиджиков. По крайней мере, попытаться стоит. Тетя, ты можешь потребовать, чтобы Верховный совет хаттов созвал глав каджидиков на собрание?

Джилиак кивнула, видимо тоже желая пойти на примирение.

— Твоя воля, Джабба. Я призову хаттов до конца недели.

Джилиак сдержала слово, и три дня спустя Джабба вместе с телохранителями направился в огромный зал Верховного совета. Представители и главы хаттских криминальных синдикатов, или так называемых каджидиков, должны были пройти через многочисленные сканеры и устройства защиты, прежде чем им и их телохранителям будет позволено попасть внутрь. Внутрь не разрешалось проносить ничего, что могло быть расценено как оружие. Хатты были крайне недоверчивы...

Джабба занял свое место в ложе, отведенной для Десилиджиков, и предупредил других представителей, чтобы ему позволили произнести речь. Как главный заместитель Джилиак, он имел такое право, и они с готовностью согласились. Джабба заметил, что даже его родитель, Зорба, прислал представителя. Они не были близки, но ему было приятно знать, что Десилиджики представлены достойно и все семейства клана серьезно восприняли призыв Джилиак.

Когда представители всех каджидиков собрались, исполнительный секретарь Верховного совета, недавно получивший назначение, — звали его Греджик — призвал собрание к порядку.

— Товарищи по власти и братья по прибыли! Я созвал вас сегодня, чтобы обсудить вопросы, поднятые кланом Десилиджик. Я прошу высказаться Джаббу, представителя Десилиджиков.

Джабба выполз вперед, занял место перед кафедрой Греджика и поднял руки, призывая к тишине. Видя, что хатты продолжают шептаться, он с размаху гулко ударил хвостом о каменный пол.

Воцарилась тишина.

— Собратья хатты, сегодня я хочу сделать несколько серьезных заявлений о нарушениях со стороны каджидика Бесадии. За прошлый год их действия становились все более и более предосудительными. Все началось с битвы при Нар-Шаддаа. Мы все пострадали от нападения — кроме Бесадии. Мы потеряли

корабли, пилотов, грузы, часть щита луны — не говоря уже о доходах! Последствия были разрушительны. Упавший на луну «Миротворец» похоронил под собой несколько кварталов зданий. Расчистка завалов продолжается до сих пор. И кто заплатил за это? Каждый клан потерял собственность и кредиты — кроме Бесадии. Они единственные, кто не понес потерь и мог легче всего позволить себе траты, — но они не заплатили ничего! Мы все пострадали и понесли убытки, кроме Бесадии!

Оратор сделал паузу, и зал наполнил ропот зашумевших хаттов. Джабба бросил взгляд на сектор, выделенный для Бесадии, и обнаружил, что Дурга не соизволил явиться. Своим представителем он прислал Зира и еще нескольких членов каджидика более низкого ранга.

— А что делали Бесадии, когда под угрозой была сама Нал-Хатта? Они продавали рабов той самой Империи, которая осадила их родную планету! Все кланы объединились, чтобы выплатить непомерную взятку адмиралу Гриланксу, — и только это спасло нас от сокрушительного эмбарго. Все кланы, кроме... Бесадии.

Хатты приглушенно забормотали, подтверждая сказанное. Джаббу переполняла гордость от того, как продвигалась его речь. По его мнению, он был близок к подлинным вершинам красноречия, и даже признанный оратор Джилиак не смогла бы его превзойти. Он был даже рад, что Джилиак слишком занята ребенком, чтобы присутствовать на собрании. Она не была столь искушенной в этих вопросах, как он, и не так интересовалась делами, как раньше...

— А через несколько месяцев после битвы, собратья хатты, что сделали Бесадии? Помогли нам восстановиться? Предложили другим кланам компенсировать их долю во взятке? Выслали хоть одну рабочую команду, чтобы помочь с восстановлением? — Джабба повысил голос, почти срываясь на крик. — Нет! В это самое неподходящее время они подняли цены на спайс — до уровня, ущемившего доходы всех каджидиков! Кто-то скажет, что это лишь бизнес, стремление к выгоде, но я скажу: «Нет!» Бесадии хотят завладеть всем! Отстранить нас от дел! Бесадии хотят, чтобы на всей Нал-Хатте не осталось ни одного клана хаттов — кроме Бесадии!

Голос Джаббы стал почти громоподобным. В такт словам он сильно ударял хвостом, словно акцентируя внимание. По сводчатому залу гулко разносилось эхо.

— Я требую решительно осудить действия Бесадии! Требую, чтобы Верховный совет немедленно проголосовал за их порицание и возложил на них штраф, поступления от которого

распределят между теми, кто пострадал от их действий! Я требую этого во имя всех хаттов!

В зале началось столпотворение. Стук хвостов, возмущенные крики. Некоторые хатты повернулись к представителям Бесадии и принялись угрожающе размахивать хвостами, выкрикивая оскорбления и ругательства.

Зир затравленно огляделся, но не нашел в зале поддержки. Он поднял руки и крикнул что-то в ответ, но его голос потонул в яростном гомоне остальных хаттов.

Наконец шум стал стихать. Греджик ударил хвостом, призывая к тишине, и с некоторым трудом добился успеха.

— Зир, как высокопоставленный член Бесадии, имеет право ответить обвинителю. Вы можете что-либо сказать на это, Зир?

Прочистив широкое горло, Зир сглотнул.

— Собратья хатты, как вы можете осуждать Бесадии? Извлечение выгоды — предмет одобрения, а не порицания! Джабба и Джилиак больше всех потеряли в средствах из-за нападения на Нар-Шаддаа и пытаются восстановить вас против Бесадии. Но Бесадии не сделали ничего плохого! Мы ничего...

— Вы не сделали ничего, верно! — перебил его глава каджидика Тринивии. — Десилиджики предложили стратегию, которая спасла нас всех. Бесадии урвали кусок за наш счет!

Зир встряхнул головой.

— Мы всего лишь...

— Мы — хатты! — крикнул другой главарь. — Мы гордимся тем, что подчиняем себе низшие расы и используем их в своих целях! Наша гордость — нажива! Но мы не стремимся уничтожить наш собственный род! Соперничать — да... уничтожать — нет!

Поднялся хаос. Воздух наполнился какофонией звуков: удары хвостов, крики, ругань и яростные обличения.

Греджику пришлось много раз бить хвостом о пол, чтобы восстановить порядок.

— Настало время для голосования, — объявил он. — Прошу все каджидики проголосовать за осуждение Бесадии и наложение на них штрафа или против.

Каждый глава каджидика прижал палец к панели для голосования перед собой.

Через несколько мгновений Греджик поднял ладонь.

— Голоса подсчитаны. За наказание сорок семь против одного.

Послышались радостные возгласы.

— Зир из Беса...

Стойте! — внезапно раздался голос. Джабба узнал его мгновенно: в помещение вползала Джилиак. — Стойте, я не

голосовала!

— Джабба проголосовал за ваш каджидик, госпожа Джилиак. Зачем вы нас прерываете? Вы хотите переголосовать? — Тон Греджика был полон уважения, но ему явно не терпелось продолжить заседание. — Провести голосование заново?

Взгляды Джаббы и его тетки встретились. Мгновение спустя она покачала головой.

— Мой племянник — законный представитель, господин Греджик. Прошу, продолжайте.

Джабба медленно выдохнул. На миг он подумал, что Джилиак поставит под сомнение его голос и полномочия на глазах у всех. Многие хатты поглядывали на него с любопытством, в мыслях вопрошая, почему на голосовании свой клан представлял Джабба, если Джилиак не поддерживает его позицию безоговорочно.

Джилиак подползла к племяннику, но Джабба обнаружил, что не жаждет ее соседства. Это было унизительно — то, что его слово подвергли сомнению перед его лее собственными сородичами. Он уже не в первый раз подумал о том, что руководить Десилиджиками должен он сам, без чужого вмешательства — да к тому же необдуманного.

— Зир из Бесадии, — провозгласил Греджик, продолжив с того места, на котором остановился, — волею Совета вы лишаетесь своего ранга, пока ваш клан не заплатит один миллион кредитов компенсации, который будет распределен в равной степени между остальными каджидиками. Позволю себе дать вам совет, чтобы впредь вы постарались не относиться к своему народу как к плебеям из иных рас, которых можно использовать к собственной выгоде.

Исполнительный секретарь дал знак начальнику охраны, стоявшей у входа.

— Охрана, проводите делегацию Бесадии прочь из зала.

Зир и прочие Бесадии потекли к выходу. Они пытались держаться уверенно и надменно, но им это ни капли не удавалось. Тихое бормотание остальных хаттов быстро переросло в шум, громкий смех, рев, оскорбления, насмешки и угрозы.

Джабба в мыслях улыбнулся. «Сегодня я неплохо потрудился, — самодовольно подумал он. — Весьма и весьма неплохо...»

Брия Тарен быстрым шагом шла по коридору флагмана, легкого крейсера «Возмездие». Она спешила на смотр своих войск перед запланированным налетом на рабовладельческое судно «Оковы Хелота». Внутри у девушки все сжималось и дрожало, но

черты ее лица были спокойны, а сине-зеленые глаза холодны как лед.

Мысленно она прокручивала в голове план битвы, анализируя его слабые места и проверяя, чтобы на случай любой неожиданности имелся запасной ход. От операции не ждали никаких сюрпризов, но «Оковы Хелота» все же были тяжеловооруженным кореллианским корветом — далеко не последним кораблем своего класса.

По размерам «Возмездие» почти не уступало «Оковам», и в бою они вполне могли потягаться. Корабль Брии, гладкий и обтекаемый корвет типа «Мародер» республиканской компании «Флотские проекты Синара», годился как для космического, так и атмосферного боя. «Мародеры» входили в число самых распространенных линейных кораблей в сторожевом флоте Корпоративного сектора. Кореллианские повстанцы приобрели подержанный крейсер у властей сектора и передали Брии в качестве флагмана.

На космической станции на орбите Илизии действовал кореллианский разведчик. Несколько дней назад он известил Брию, что илизианские жрецы запланировали вывезти около двух сотен одурманенных Возрадованием и истощенных рабов на рудники Кесселя.

На миг Брия пожалела, что не может поддаться порыву и пойти со своим отрядом на абордаж в первой волне наступления. Солдаты с борта первых трех челноков примут на себя основной бой и перестреляют больше всего врагов. А у Брии были личные счеты к этому кораблю. Почти десять лет назад «Оковы Хелота» едва не захватили Брию, Хана и их двух друзей-тогориан, Мууургха и Мрров, во время побега с Илизии.

Брия вздохнула. Во время первой волны наступления она должна будет находиться на борту флагмана и координировать атаку: выявлять точки, откуда ведется наиболее сильное сопротивление, и оптимальным образом распределить войска для второй волны.

Это был уже пятый вылет «Возмездия» по заданию кореллианского подполья, и Брия была только рада вернуться к активным действиям. За последние восемь лет работы в сопротивлении она выполняла все, что ей поручали, и справлялась на отлично. Но она ненавидела шпионскую работу под прикрытием... Да и должность «связного» недолюбливала. Тем радостнее было вернуться к настоящим сражениям.

Такая возможность появилась благодаря Мон Мотме. Сенатору-отступнице хватило влияния и красноречия, чтобы убедить разрозненные группы сопротивления в том, что союз

действительно необходим. В ходе своих путешествий с планеты на планету и встреч с вожаками подпольных организаций сенатор добилась большего успеха, чем Брия. И вот, всего месяц назад Брия и остальные члены сопротивления отмечали подписание Кореллианского договора.

Официально составление договора приписывалось Мон Мотме, и ее участие, несомненно, было значительным. Но до Брии доходили слухи, что одним из тайных и главных составителей был сам сенатор с Кореллии Гарм Бел Иблис. Помимо Кореллии, договор также подписали Алдераан и Чандрила — родная планета Мон Мотмы.

Перелетая из системы в систему, с планеты на планету, Мон Мотма налаживала контакты с отрядами сопротивления, если таковые существовали, и создавала новые там, где их не было. Репутация бывшего сенатора была в этом как подспорьем, так и препятствием; с одной стороны, она была допущена к высокопоставленным чинам и крупнейшим промышленникам, с другой — особенно на первых порах — многие страшились того, что она может оказаться имперским агентом, посланным Императором, чтобы проверить их лояльность.

Мятежный сенатор не раз была в шаге от гибели — от рук как имперских агентов, так и мнительных вожаков сопротивления. Брия встретилась с Мон Мотмой и переговорила с ней вскоре после того, как сенатор покинула столицу Галактики из-за обвинения в измене. Девушку впечатлило — почти до благоговения — тихое достоинство Мои Мотмы, ее непоколебимая решительность и выдающийся ум.

Брии на всю жизнь запомнилось, как Мон Мотма пожала ей руку и сказала, что именно она, Брия Тарен, во многом поспособствовала тому, что Бейл Органа изменил свое мнение о пацифизме Алдераана. Теперь наместник поддерживал идею вооруженного восстания против Империи. Хотя при этом он столкнулся с сильным сопротивлением со стороны правительства своей планеты, и на данный момент деятельность Алдераана по самовооружению была мала и чрезвычайно засекречена.

Кореллианский договор ознаменовал создание Альянса повстанцев, того самого союза, за который ратовали Брия и другие кореллиане. Отдельные организации сохраняли большую часть автономии, но стратегическое командование Альянсом, по крайней мере в теории, было возложено на Мон Мотму.

Новорожденный Альянс пока еще не был проверен в бою, Брия надеялась, что скоро это изменится.

Девушка завернула за угол коридора «Возмездия» и столкнулась с военным медиком. Дайно Хикс займется лечением

рабов, когда их освободят. Невысокий бородатый Хикс обладал необыкновенно яркими голубыми глазами и застенчивой улыбкой, которую многие считали неотразимой. Он был профессором одного из лучших университетов Алдераана. Там Дайно изучал медицину и психологию и стал видным специалистом в лечении от зависимостей. Примкнув к кореллианскому сопротивлению, он пустил в ход свои обширные знания и опыт, чтобы помочь илизианским паломникам.

Брия не сомневалась, что среди голодных и изможденных паломников найдется немало разочаровавшихся идеалистов. Спустя два года после ее первого налета на Илизию шестнадцать спасенных рабов превратились в лучших бойцов и разведчиков в кореллианском сопротивлении. Еще десять были награждены медалями за отвагу... посмертно.

Брия сообщила своему командованию на Кореллии, что Илизия с ее тысячами рабов могла бы стать для повстанцев золотой жилой — если только они найдут способ преодолеть эффект зависимости от Возрадования. Брия сама поборола зависимость и вступила в сопротивление, но ей потребовалось почти три года непрерывных усилий, чтобы исцелиться. Она испробовала медитацию, лекарства и нашла необходимую ей силу, лишь когда твердо решила посвятить себя уничтожению работорговли — и Империи, которая ей потворствует.

Но сейчас у них не было трех лет, чтобы лечить паломников. Нужно было найти лекарство, которое подействует за недели или месяцы, а не за годы.

И вот тогда появился Дайно Хикс. Тщательно проанализировав физические, ментальные и эмоциональные эффекты Возрадования — а однажды он побывал на Нал-Хатте, чтобы встретиться с несколькими т'ланда-тиль и выяснить, как они производят этот эффект, — Хикс счел, что нашел средство. Его метод был основан на сочетании умственного, психологического и физического лечения, которое варьировалось от приема лекарств, снимающих зависимость, до интерактивной и групповой терапии.

Сегодня, если все пойдет хорошо, Хикс опробует в деле свой новый метод.

Он смерил взглядом Брию.

— Нервничаете, коммандер?

Она чуть заметно улыбнулась.

— Это видно?

— Нет. Уверен, большинство людей ничего бы не заметили. Но я не большинство. Я достаточно хорошо узнал вас за время работы над методикой лечения. К тому же определение

психологического и эмоционального состояния пациентов — моя работа, не забывайте.

— Верно. Да, я немного нервничаю, — призналась Брия. — Это не захват патрульных кораблей и не налет на имперский аванпост. В этот раз мы идем против тех, кто владел моим телом и духом. Каждый раз, когда я сталкиваюсь с паломниками, я немного опасаюсь, что моя собственная воля опять пошатнется.

Хикс кивнул.

— Этот налет для вас не только боевая задача. Он несет эмоциональную окраску. Нет ничего удивительного в том, что вы чувствуете беспокойство.

Брия бросила на него быстрый взгляд.

— Это не помешает мне выполнить работу, Хикс.

— Знаю, — кивнул он. — Как я слышал, эскадрилья Красной руки способна на многое. Глядя на ваших бойцов, можно сказать: они за вами в черную дыру пойдут и с другой стороны выйдут.

Брия рассмеялась.

— Насчет этого не знаю. Если мне взбредет в голову лезть в черную дыру, надеюсь, у них хватит рассудка остаться в стороне. Но в одном я не усомнюсь: в императорский дворец Пал- патина они за мной пойдут железно и бесповоротно.

— Вы там долго не продержитесь, — сухо констатировал он.

Она одарила его улыбкой, но без теплоты в глазах.

— Ну, повеселиться мы успеем. Моя жизнь стоит даже одного выстрела в Палпатина.

— Когда стартует первая волна?

Она покосилась на тонкий хронобраслет на руке:

— Мы ждем сигнала от моего разведчика на станции, потом совершим микропрыжок на позицию. Он сообщит нам, когда «Оковы Хелота» выйдут из ангара. Нужно захватить рабов прежде, чем они покинут систему.

— Звучит разумно.

Брия повернула направо и вошла в турболифт.

— Я намерена провести финальный смотр войск, которые пойдут на абордажных челноках. Хотите со мной?

— Конечно.

Они спустились на лифте в ангар, из которого должны были стартовать челноки. В помещении суетились экипажи, выполнявшие последние проверки кораблей, оборудования и вооружения. Один из солдат, увидев Брию, сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

— Командир на палубе!

Брия подошла к своему заместителю, Джейсу Паолу, наблюдавшему за последними приготовлениями.

— Соберите войска.

Один быстрый приказ — и абордажные отряды выстроились в шеренги. По одному отряду на челнок, около десяти солдат в каждом. Две волны по три челнока: первая — чтобы проникнуть на борт «Оков Хелота» и подавить сопротивление работорговцев; вторая — чтобы все зачистить.

Брия медленно зашагала вдоль строя, оглядывая униформу, оружие, выражения лиц. Вдруг она остановилась перед молодым солдатом, чьи глаза блестели — но, похоже, не только от жажды боя. Посмотрев на его разгоревшиеся щеки и покрасневший нос, она нахмурилась.

— Капрал Буррид...

Он вытянулся по струнке:

— Так точно, коммандер!

Она потрогала его щеку, потом лоб.

— Выйдите из строя, Буррид. У вас жар.

Ск'кот Буррид отдал честь:

— Я чувствую себя превосходно, коммандер!

— Ну да, — кивнула Брия. — А я императорская наложница-вуки. Хикс?

Медик вынул из сумки на поясе зонд и приложил одним концом к лицу юноши.

— Лихорадка второй степени, командир. Количество белых клеток указывает на инфекцию, возможно заразную.

— Проследуйте к медицинскому дроиду, капрал, — приказала Брия.

Упав духом, молодой человек открыл было рот, чтобы возразить, но быстро передумал и повиновался. Его место в строю без единого слова занял солдат из резерва.

Закончив смотр, Брия выдержала паузу и обратилась к солдатам:

— Итак, бойцы, — мы ждем сигнала, чтобы совершить микропрыжок. Первыми пойдут Y-бомбардировщики и постараются уничтожить их щиты. Дальше дело за вами. Совершаете высадку в шлюзах, где они держат рабов, и пробиваетесь внутрь. Там, где шлюзов нет, мы их проделаем. На борту двух челноков будут находиться инженерные команды. Они прорежут обшивку в двигательных отсеках.

Она помедлила.

— Помните, на пути у вас будут рабы — растерянные, напуганные и, возможно, страдающие от ломки. Они могут попытаться на вас напасть. Не рискуйте собой, но предпримите все разумные усилия, чтобы не причинить им вреда. Применяйте против них парализующие заряды, ясно?

Послышался общий одобрительный гул.

— Есть вопросы?

Вопросов не последовало. Командиры отделений уже ввели солдат в курс дела, а действия были отработаны на многократных учениях.

Брия кивнула бойцам.

— Это самая амбициозная затея Красной руки на данный момент. Если справимся, не сомневайтесь, впереди нас ждут еще более великие свершения. Так что давайте покажем командованию сектора, на что мы способны... верно?

Согласие было единодушным.

Брия повернулась к командирам отделений, но тут запищал ее комлинк. Она включила связь.

— Да?

— Коммандер, только что поступил сигнал. «Оковы Хело- та» вышли из ангара станции.

Брия кивнула и обратилась к командиру отделения:

— Первая волна, погружайтесь в челноки. Вторая волна... приготовиться.

Палуба задрожала от топота бегущих ног: три десятка солдат погружались на корабли.

Брия включила личную частоту:

— Внимание, «Алая Ярость», лидер Красной руки на связи.

— Слышу вас, лидер.

— Подготовить корабли к микропрыжку через три минуты. «Возмездие» пойдет прямо за вами.

— Вас понял, лидер. Готовимся к прыжку.

Брия и Дайно Хикс быстрым шагом покинули стартовую площадку челноков и поспешили на мостик. Капитан корабля оглядел вошедших. Брия села в кресло за тактической схемой. Оттуда же были видны обзорные экраны.

— Капитан Бжалин, — заговорила она. — Мы прыгаем через десять секунд после того, как уйдет последний бомбардировщик.

— Хорошо, коммандер. — Тедрис Бжалин был высок, его волосы, несмотря на молодость, уже успели поредеть. Он присоединился к кореллианскому сопротивлению совсем недавно, после того как всю его семью убили во время имперской резни на Тишапале. До того времени он служил лейтенантом во флоте Империи. Его имперские тренировки сослужили ему хорошую службу и позволили быстро продвинуться по служебной лестнице в войсках повстанцев. Он был хороший офицер и порядочный человек. Как он доверительно сообщил Брии, он подумывал оставить имперский флот еще до гибели семьи. Это стало последней каплей.

Отсчитывая секунды, Брия напряженно смотрела, как шесть истребителей парами исчезают в гиперпространстве. Потом звезды растянулись в линии, и «Возмездие» прыгнуло следом.

Вернувшись в обычное пространство, «Возмездие» тут же распахнуло отсеки, выпуская первую волну абордажных челноков. На половинной скорости они взяли курс на «Оковы Хелота», держась позади бомбардировщиков, которые неслись во весь опор.

Брия с удовлетворением наблюдала, как первая пара бомбардировщиков приближается к вражескому корвету, направляя залпы протонных торпед в корму и среднюю ось корабля. Им не нужно было пробивать дыру в обшивке «Оков Хелота», только уничтожить щиты и постараться не нанести кораблю чрезмерного урона. Брия намеревалась захватить «Оковы» в целости и сохранности и присоединить к флоту повстанцев. На одном из челноков второй волны будет бригада компьютерных техников, инженеров и пилотов, которая займется ремонтом и диагностикой.

Сколь бы велико ни было желание застигнуть «Оковы» врасплох, Брия не слишком-то на это рассчитывала, и для нее не стало откровением, что корвет летел уже с поднятыми щитами. Корабль открыл огонь по пронесшимся мимо юрким бомбардировщикам, но те легко избегали попаданий. «Возмездие» предусмотрительно оставалось за пределами дистанции поражения.

На глазах у Брии выпущенные бомбардировщиками четыре протонные торпеды врезались в щиты и растеклись сине-белыми всплесками по корпусу. Первая пара атакующих кораблей совершила полубочку, разорвав строй, и по дуге пошла на новый заход на случай, если они понадобятся снова.

«Оковы Хелота» снова открыли огонь, и на этот раз выстрелом зацепило один из бомбардировщиков — повреждение было не критическим, но достаточно серьезным, чтобы вывести корабль из строя.

Брия рассчитывала, что четырех протонных торпед хватит, чтобы пробить щиты «Оков». Вторая пара бомбардировщиков приблизилась к цели и нанесла удар.

Сине-белый всплеск снова разлился по обшивке, прочертив видимый след. На бронированном боку корабля осталась черная полоса.

— Есть! — воскликнула Брия и, включив переговорное устройство, обратилась к лидеру отряда: — «Алая Ярость», так держать! Щиты сняты! Теперь добейте их ионными пушками. Не забывайте уклоняться! Потери нам не нужны.

— Вас понял, лидер Красной руки. Целимся в системы датчиков и солнечные плавники. Начинаем заход.

Зайдя на бреющем, пары бомбардировщиков обстреляли намеченные цели из ионных пушек. Не повреждая обшивки, взрывы выводили из строя электронные системы: двигатели, наводящие компьютеры и управляющие схемы мостика. Прежде чем «Оковы» восстановят функциональность, каждую электронную систему на борту придется перезапустить.

«Оковы Хелота» продолжали непрерывно обстреливать атакующих, но те были слишком быстры и вертки, чтобы попасть под залпы корвета.

С начала битвы прошло всего несколько минут, а «Оковы» уже беспомощно дрейфовали в космосе с обесточенными системами.

Когда первая волна абордажных челноков выдвинулась на позицию, Брия сверилась с хронометром. Самое время. Один из челноков подошел к большому центральному шлюзу, через который в «Оковы» загружали рабов. Оставшиеся два прицепились к корпусу по бокам, и десантники начали прорезать себе путь внутрь.

Брия слушала отчеты командиров.

— Лидер Красной руки, на связи первое отделение. Мы п грузовом шлюзе в переднем отсеке четвертой палубы. Прорвались внутрь, но встретили сильное сопротивление. Экипаж корвета уже начал выводить рабов, но некоторые еще там. Паломники укрылись за грузовыми стеллажами, как и мы. Продолжается перестрелка. Мы намерены оттеснить врага и проникнуть в шахту доступа к турболазерам.

— Лидер, на связи второе отделение. Мы пробили корпус перед двигателями на четвертой палубе и установили портативный шлюз. Отряд продвигается...

— Лидер, с броней по правому борту возникли проблемы... — И минуту спустя: — Лидер, получилось. Мы внутри!

Наблюдая за продвижением отрядов по кораблю, Брия просчитывала, когда вводить в бой вторую волну. Два отряда, прорезавшие путь сквозь обшивку, встретили минимальное сопротивление. Но группе, вошедшей через шлюз, на пути к турболифтам пришлось отбиваться от работорговцев — а те не собирались уступать ни пяди. Красная рука уже успела снискать репутацию грозной силы, и, несомненно, экипаж «Оков» узнал символ — кроваво-красную ладонь, — начерченный на носу атакующих кораблей.

Брия встала и обратилась к капитану корабля:

— Тедрис, вы командуете эскадрильей до моего возвращения

со второй волной. Будьте готовы выслать подкрепление, но не раньше, чем я с вами свяжусь. Бомбардировщики приступили к патрулированию?

— Да, коммандер. Если кто-то решит присоединиться к вечеринке, у нас будет пятнадцатиминутный запас, чтобы подготовиться… Если, конечно, работорговцам удалось отправить сигнал тревоги до того, как мы заглушили передачу.

— Хорошо постарались, капитан.

Бжалин кивнул, но отдавать честь не стал. Дисциплина в войсках повстанцев была не такой строгой, как в имперском флоте. У Брии ушло две недели, чтобы отучить его от привычки салютовать при каждом слове «сэр!».

— Удачи, коммандер, — пожелал он.

— Спасибо. Она мне пригодится. Мои бойцы вытеснили врага из носового трюма, но у работорговцев было полно времени, чтобы построить сильную оборону. Уверена, они окопались на мостике и в близлежащих коридорах и возятся с электроникой. Думаю, мне придется проявить… изобретательность.

Бжалин улыбнулся.

— У вас это хорошо получается, коммандер.

Десять минут спустя абордажный челнок Брии сел в импровизированном шлюзе, и ее солдаты проследовали за ней по коридору третьей палубы с бластерными винтовками наготове.

В бледном и тусклом свете аварийных батарей потрепанные боем «Оковы» казались безлюдными, но Брия понимала, что это иллюзия. До нее доносились приглушенные стоны рабов. Возможно, их согнали в отсек на палубе четыре и заперли там. Командир повстанцев отчаянно надеялась, что никому из работорговцев не придет в голову подставить рабов под вражеский огонь, чтобы задержать захватчиков, пока сами они будут рвать когти. Так однажды уже случилось, и Брию до сих пор мучили кошмарные образы: бледные испуганные лица безоружных рабов, визг бластерных разрядов, крики, падающие тела, месиво обожженной плоти…

Брия вела отряд вперед, к каюте рабовладельца на носу корабля, прямо под мостиком. Ключевому пункту ее плана.

Она включила комлинк:

— Техническая бригада… как идут дела?

— Коммандер, повреждения корпуса минимальны. Бомбардировщики хорошо целились. Наши ребята засели за ремонт.

— Что насчет электронных систем и компьютеров?

— С этим сложнее. Нельзя запускать системы, пока вы не захватите мостик. Мы не хотим, чтобы они получили контроль

над кораблем.

— Они, вероятно, пытаются запустить их сами. Вы можете их блокировать?

— Думаю, да, коммандер.

— Хорошо. Сосредоточьтесь на проверке систем и двигателей. И ждите моего сигнала для перезапуска.

— Так точно.

На пути к каюте Брия и ее отряд встретили лишь один очаг сопротивления. Около десяти работорговцев и несчастный раб, которого они вооружили и вынудили отбиваться, прятались за наспех сооруженной баррикадой на лестнице между палубами.

Брия сделала солдатам знак отступить за угол и шепотом заговорила:

— Слушайте сюда, народ. Мы начнем обстрел, и Ларенс… — она кивнула на низкорослого, худощавого и весьма расторопного солдата, — проползет под огнем и зашвырнет парализующую гранату прямо в их гнездо. Всем ясно?

— Так точно, коммандер. — Ларенс упал на палубу и зажал парализующую гранату в зубах, приготовившись ползти.

— Тогда на счет «три»… Один… два… три!

Отряд Брии выскочил на лестницу, открыв огонь по баррикаде и стараясь целиться достаточно высоко, чтобы не подстрелить Ларенса, торопливо ползущего вперед.

Коридор взорвался свистом бластерных разрядов. Брия краем глаза заметила руку с татуировкой в виде кинжала и прицелилась. Мгновение спустя обладатель конечности свалился за баррикаду. Она вспомнила, как впервые стреляла из бластера, и на краткий миг перед внутренним взором предстало усмехающееся лицо Хана. Этот образ она быстро подавила: нет времени для воспоминаний, только работа…

Через несколько секунд раздался громкий хлопок, и ответный огонь резко стих. Брия сделала знак отряду выдвигаться.

— Не забудьте, паломник одет в темное!

Она бросилась к телам работорговцев. Трое были мертвы, одному из них оторвало руку. Паломник был парализован и едва шевелился.

Глядя на тела под ногами, Брия чувствовала, как в ней поднимается ненависть. Шестеро работорговцев были еще живы… Ее палец задрожал на спусковом крючке винтовки.

— Коммандер, выставим охрану? — вопросительно посмотрел на нее Ларенс. Он был в эскадрилье новичком. Несколько ветеранов покосились на него с неодобрением.

— Они — простой сброд, Ларенс, — сказала Брия. — Мы просто убедимся, что они не создадут нам неприятностей в

будущем. Мехт, вы с Сианом, когда здесь закончите, оттащите паломника в каюту. Когда он очнется, будет некстати, если он попадет под огонь.

Мехт кивнул. Он был немолод, и ему самому довелось побывать рабом, пусть и имперским, а не илизианским.

— Мы не задержимся, коммандер.

Ларенс собрался что-то сказать, но передумал. Брия махнула солдатам рукой, и они продолжили путь.

Пять минут спустя отряд занял каюту главного рабовладельца. Брия старалась не смотреть на «игрушки», разложенные по комнате, — очевидно, для утех с рабами. Она вышла на середину помещения и указала наверх:

Мостик там. — Она посмотрела на одного из командиров отделений. — Первое отделение, устройте диверсию в коридоре, ведущем к мостику на второй палубе.

Командир кивнул.

— Начинайте по сигналу, — скомандовала Брия.

— Слушаюсь, коммандер. — Он вышел, и солдаты последовали за ним.

Брия обратилась к оставшимся:

— Отделения четыре и пять, вы атакуете мостик вместе со мной.

Двое молодых солдат переглянулись в явном недоумении. Как они намерены атаковать мостик отсюда?

— Где Джоаа'н? — спросила Брия.

Вперед шагнула коренастая женщина. Ее лицо было почти полностью скрыто шлемом.

— Здесь, коммандер.

Брия указала наверх.

— Покажи-ка нам что-то из своих зажигательных фокусов.

— Слушаюсь, коммандер.

Женщина вскарабкалась на услужливо пододвинутый комод и включила лазерную горелку. Новобранцы начали толкать друг друга локтями и посмеиваться, распознав план начальства.

Через три минуты взрывотехник посмотрела на Брию и подняла вверх большой палец:

— Коммандер, я заложила заряд, который пробьет нам аккуратную круглую дырку в палубе.

Брия улыбнулась:

— Отлично. — В комлинк она произнесла: — Второе отделение... вперед, на мостик!

До повстанцев донеслись звуки начавшейся перестрелки.

— Ренна, — Брия кивнула еще одной крепкой мускулистой женщине, — у тебя легкая рука. Останься здесь с гранатами. Как

только расчистим путь, зашвырни их наверх: оглушим всю эту шваль. — Она оглядела остальных. — Солдаты, как только Ренна бросит гранаты и огонь стихнет, мы поднимаемся. Не забудьте, что это мостик. Смотрите в оба, куда стреляете. Если все там разнесете, техники с нами месяц разговаривать не будут. Ясно?

Со стороны отряда послышались смешки.

— Все готово, — объявила Джоаа'н. — Отойдите и глаза прикройте. Тридцать секунд.

Солдаты Брии торопливо отступили к переборкам. Кое- кто нацепил защитные очки, другие просто отвернулись. Брия, Джоаа'н и Ренна встали за массивной декоративной ширмой. Через несколько секунд послышалось шипение и глухой удар. Что-то тяжело стукнулось о комод и соскользнуло на палубу. До ноздрей Брии донесся запах дыма. Она кивнула Джоаа'н.

— Так держать.

Взрывотехник и Ренна уже карабкались обратно на комод. Через отверстие Ренна запустила в разных направлениях три парализующие гранаты. Последовала серия хлопков; затем крики и удары подсказали командиру, что дело сделано.

Джоаа'н подсадила Ренну, и та скрылась в дыре. До них донеслись ее выстрелы. Брия забралась на комод следом и пролезла в дыру не без помощи не слишком уважительного, но эффективного толчка пониже спины.

Парализованную команду корабля разбросало по полу, но несколько работорговцев уже пытались подняться на ноги. Брия заприметила рослого родианца и наградила его метким выстрелом в голову. Другой работорговец, ботан, развернулся, чтобы выстрелить, но бластер осекся от нехватки заряда. Девушка перекатилась и, поддерживая локоть второй рукой, пальнула из бластера ему в лицо. Ботан стоял перед навикомпьютером, и она не хотела рисковать, стреляя в него из более мощной винтовки.

Мгновения спустя все было кончено. Воцарилась тишина, нарушаемая только стонами раненых. Брия быстро оценила положение... шестеро ее бойцов были ранены, один мог не выжить. Она тут же отрядила специальную команду, чтобы доставить пострадавших на «Возмездие».

Через несколько минут инженеры сообщили, что все системы готовы к перезапуску. Брия напряженно прислушивалась... И вот аварийное освещение на мостике сменилось полноценной иллюминацией, тактические экраны замерцали, с негромким писком ожил навикомпьютер.

Брия оставила солдат разбираться с отбросами и вышла к турболифту. Она включила комлинк:

— Хикс... вы там?

— Я на борту «Возмездия», коммандер, — доложил военный медик. — Раненые доставлены, их состояние в норме. Кроме Каронила... он не выжил. Мне жаль. Мы с врачом сделали все возможное...

Брия сглотнула.

— Знаю. Вы еще нужны там, Хикс?

Не очень. Меддроиды держат все под контролем. Я лечу на «Оковы».

— Хорошо. Вы мне скоро понадобитесь. Отправляйтесь в кормовой трюм. Там заперты рабы. Я встречу вас там.

Брия спустилась на турболифте на две палубы ниже и направилась к корме. У запертой двери она услышала шорох шагов и вихрем развернулась, вскидывая оружие. Позади, наставив на нее бластер, стояла одна из женщин-работорговцев, каким-то образом уцелевшая при захвате.

Глаза женщины блестели, зрачки были расширены, лицо обрамляли сальные волосы.

— Стой, где стоишь, не то стреляю! — гаркнула она, держа бластер трясущимися руками.

Брия остановилась. «Дрожит от страха? Может быть... Но не только в этом дело».

— Брось оружие! — выкрикнула женщина. — Или я убью тебя!

— Не думаю, — спокойно сказала Брия, опустив бластер дулом вниз, но не выпуская его из руки. — Если я умру, от меня не будет пользы как от заложника.

Женщина нахмурилась, очевидно пытаясь осмыслить ее слова. В конце концов она решила их просто проигнорировать.

Я требую челнок! — взвизгнула она. — Челнок и несколько рабов! А вам все остальное! Я просто хочу свою долю, вот и все!

— Вот уж нет, — со сталью в голосе отрезала Брия. — Я не работорговец. Я пришла освободить этих несчастных.

Женщина, похоже, была этим полностью обескуражена. Она наклонила голову набок.

— Ты не хочешь их продавать? — скептически спросила она.

— Нет, — сказала Брия. — Я здесь, чтобы их освободить. С тем же успехом Брия могла бы говорить на хаттском.

— Освободить? Но некоторые из них стоят по паре тысяч кредитов за штуку!

— Мне плевать.

Работорговка наморщила брови.

— Почему?

— Потому что работорговля — зло, — заявила Брия. — Ты тратишь мое время, мразь. Убей меня или отпусти, но от меня ты

ничего не получишь.

Женщина задумалась над словами Брии, придя в замешательство. Она явно находилась под действием какого-то мощного стимулятора. Возможно, карсунума. Женщину трясло. Мушка оружия выдавала в воздухе замысловатые пируэты. Брия прищурилась, глядя на дрожащее дуло... Прицел немного упал. Накачанная наркотиками женщина все силилась понять человека, не стремящегося к личной выгоде.

Рука Брии плавно, словно в замедленной съемке, поднялась и вскинула оружие, а сама девушка бросилась в сторону, уходя от возможного выстрела. Работорговка нажала на спусковой крючок, но ее так сильно трясло, что луч даже не зацепил Брию. Выстрел нее коммандера попал ей под ребра. С булькающим криком женщина упала.

Подойдя, Брия носком сапога выбила из слабых пальцев противницы бластер и взглянула на подстреленную. В ее животе зияла обуглившаяся дыра. Женщина прерывисто дышала. Брия нацелилась ей в лоб.

— Хочешь, чтобы я докончила дело?

Работорговка покачала головой.

— Н-нет... — прохрипела она в муках. — Я... я хочу... жить. Брия пожала плечами.

— Как хочешь. Полагаю, у тебя есть на это минут пять. Не выпуская из рук оружия, Брия перешагнула работорговку и двинулась дальше по отсеку.

Ей пришлось пустить в ход бластер, чтобы вскрыть замок. Изнутри она услышала панические крики. Дверь распахнулась.

Как только она шагнула через порог, в лицо ударил острый запах немытых тел. По воздуху растекалось зловоние — тяжелое, почти осязаемое.

Брия посмотрела на толпу жалких, кричащих, стонущих паломников, которые шарахались от нее и в то же время с мольбами тянули к ней тонкие, как ветки, руки:

— Приведите жреца! Нам нужны жрецы! Отведите нас домой!

Командир почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота, и ей понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

«Я могла бы быть такой же... По прошествии десяти лет я бы такой и стала... если бы не Хан...»

Позади нее послышались шаги. Брия стремительно развернулась с бластером на изготовку, но быстро расслабилась, узнав Дайно Хикса. Он поднял бровь.

— Слегка на взводе, коммандер?

Девушка виновато улыбнулась.

— Есть немного.

— Это как-то связано с мертвой женщиной там, в коридоре?

— Не совсем. — Брия убрала бластер в кобуру, с отвращением осознав, что ее только что трясло. — Скорее, это связано с ними. — Она ткнула рукой в сторону ополоумевших паломников. — Они все ваши, Хикс. Похоже, вам тут работы невпроворот.

Он кивнул, изучая их с легкой отстраненностью медицинского работника.

— Когда «Оковы» будут готовы принять транспорт?

Брия взглянула на хронометр.

— Я дала им тридцать пять минут на то, чтобы оживить корабль и снова научить его летать. Уже прошло тридцать девять. Жду сигнала.

Ее комлинк пискнул, и Брия с улыбкой ответила:

— Лидер Красной руки на связи.

— Коммандер, это Джейс Паол. Мы зачистили корабль и готовы к гиперпрыжку. Следовать по координатам точки сбора?

— Давайте, Джейс. Я сообщу «Возмездию». Передайте лейтенанту Хетару, чтобы забирали корвет. «Освобождение» ждет, когда мы передадим им паломников.

— Вас понял, коммандер.

Брия переключила канал.

— Капитан Бжалин, «Оковы Хелота» у нас, вместе с грузом. Готовьтесь встретить «Освобождение» но намеченным координатам.

— Вас понял, лидер Красной руки. Мы встретим вас там. И... коммандер?

— Да, Тедрис?

— Поздравляю с отличной операцией.

— Спасибо, Тедрис.

Месяц спустя, во время одного из редких визитов на Кореллию, Брия Тарен вошла в кабинет своего военного начальства. Пианат Торбул, темноволосый человек невысокого роста, поднял на нее взгляд проницательных глаз.

— Добро пожаловать домой, — приветствовал он. — Вы опоздали. Я ждал вас два дня назад.

— Простите, сэр, — кивнула она. — В последнюю минуту я получила вызов: «Гордости Внешнего Кольца» потребовалась помощь с имперскими патрулями. «Возмездие» схватило попадание, повредили досветовые двигатели, и пришлось провести день в ремонте.

— Я знаю. — Старший офицер сверкнул своей неотразимой

улыбкой. — Я получил доклад с «Гордости». Не надо так оправдываться, Тарен.

Она улыбнулась в ответ и, повинуясь его жесту, устало опустилась в кресло.

— Итак, мой доклад вы получили, сэр?

— Да, — подтвердил он. — Похоже, ваш друг Хикс делает успехи: паломники с «Оков Хелота» постепенно превращаются в обычных граждан. Поздравляю. Ваша вера в него и его методику лечения, похоже, оправданна.

Глаза Брии зажглись.

— Я очень хочу вернуть этих несчастных к нормальной жизни. Семьи с радостью примут их обратно... Они смогут жить с достоинством и комфортом...

— Если, конечно, не решат присоединиться к нам, — перебил ее Торбул. — О чем, похоже, некоторые из них говорят с того самого момента, как начали выздоравливать. А полное выздоровление может занять пару месяцев. Полагаю, их намеренно держали впроголодь, чтобы лучше мозги промывались.

Брия кивнула.

— Вспоминаю, как мои десны все время кровоточили. Мне потребовалось два месяца приличного питания, чтобы справиться с последствиями.

Командир снова взглянул на планшет.

— «Оковы Хелота» почти переоборудовали для новых сражений. Корвет действительно может нам пригодиться, Тарен, и спасибо, что привели его к нам. Учитывая ваш вклад... хотите дать кораблю новое имя?

Брия на секунду задумалась.

— Назовите его «Избавителем».

— Хорошее имя, — подтвердил Торбул. — Будет «Избавителем».

Офицер отключил планшет и подался вперед.

— Брия... — проговорил он. — Теперь, когда с официальными делами покончено, я должен сказать вам, что обеспокоен некоторыми деталями вашего доклада.

Ее глаза широко распахнулись от удивления.

— Но, сэр!..

— О, не поймите меня превратно, Тарен. Вы хороший боец и талантливый командир. Никто этого не отрицает. Но вспомните, каким прозвищем нарекли вас работорговцы и как охотно вы его приняли. Красная рука — знак беспощадности. Посмотрите на доклад о захвате «Оков Хелота». Пленных нет. Ни одного.

Брия напряглась.

— Сэр, это работорговцы. Им известно, как к ним относится

цивилизованный мир. Они оказали сопротивление, и никто из них не пожелал сдаться. Они бились до последнего.

— Понимаю...

Они обменялись долгими взглядами, и первым глаза отвел Торбул.

Повисла неловкая пауза, потом старший офицер прочистил горло.

— Ситуация на Внешнем Кольце накаляется, — сообщил он. — Мятежным силам не хватает бойцов. Мне нужно, чтобы Красная рука отправилась туда и оказала им посильную поддержку.

— Слушаюсь, сэр, — сказала Брия. — Сэр?..

— Да?

— Мне кажется, я знаю, где найти пополнение.

— И где же?

— Прежде при лечении илизианских паломников успех составлял не более пятидесяти процентов. Помните?

Он кивнул.

— Но теперь, с учетом новых методик, которые Дайно пробует на паломниках, отвезенных на базу Гренна, он рассчитывает, что уровень успешного лечения превысит девяносто процентов.

— Весьма обнадеживающе. Но как это связано с пополнением наших рядов?

Брия наклонилась вперед, и их взгляды встретились.

— На Илизии более восьми тысяч паломников.

Он откинулся на спинку стула.

— Что вы предлагаете, Тарен?

— Мне нужна лишь минимальная помощь... старый транспорт для войск, лишняя пара крейсеров, немного солдат — и я возьму эту планету. Прикроем илизианскую лавочку насовсем. Захватим колонии, освободим всех рабов. Если статистика верна, к нам примкнут сотни новобранцев.

— Это большое «если», — вставил Торбул.

— Знаю, сэр. Но я уверена: риск оправдан.

— У нас недостаточно войск. Всего кореллианского сопротивления не хватит, чтобы захватить целую планету, Тарен!

— Мы каждый день получаем пополнение с Алдераана, — справедливо заметила Брия. — И на Илизии много ботанских и салластанских паломников. Эти планеты могут поддержать нас войсками и кораблями. К ним стоит обратиться. А как насчет Чандрилы? Она входит в новый Альянс и поклялась помогать нам!

— Новобранцы... это, безусловно, стимул.

Она энергично закивала.

— Сэр, у нас все получится. Мы освободим рабов. А еще заберем спайс и будем продавать на открытом рынке. Нам всегда не хватает денег. Подумайте, сколько турболазеров и прогонных торпед можно купить на этот спайс! Мы опустошим их склады и фабрики, а после разбомбим. Илизия и ее грязная торговля канут в прошлое.

Брия поняла, что теряет самообладание, но в порыве эмоций ей это было уже не важно. Ее руки тряслись, и она схватилась за край стола, чтобы Торбул не заметил предательской дрожи.

— Не думаю, что Альянс одобрит идею продавать наркотики для финансирования войск, — указал командир.

— Тогда, при всем уважении, сэр, не говорите им, откуда у вас деньги! — Улыбка Брии стала немного сумасшедшей. — М ы с вами оба знаем, что они не станут смотреть в зубы дареному траладону. Возьмут кредиты, как миленькие, и пустят их в дело. Нам нужно оружие, медикаменты, обмундирование, боеприпасы... много чего!

— Верно, — согласился он. — Бороться с Империей — занятие недешевое.

— Хорошенько обдумайте мои слова, — настойчиво проговорила Брия. — Я не сомневаюсь, что Красная рука справится с захватом. Когда Илизия перестанет забирать у Кореллии молодежь, у нас будет больше новобранцев. Подумайте о тех, кто в эти дни уходит на Илизию. Молодые люди, разочарованные жизнью, неспособные платить непомерные налоги, жаждущие лучшей участи. Именно такие люди нам и нужны.

— Верно, — повторил он. — Но как насчет илизианской атмосферы? Два с половиной года назад при налете на третью колонию вы освободили сотню рабов, но в этой треклятой атмосфере мы потеряли корабль. Вот их главная защита.

Черты Брии исказились от мучительного воспоминания.

— Я предупреждала их, но... корабль попал в штормовые клещи...

— Тарен... вы не виноваты. Но этот фактор придется учитывать. Командование непременно поднимет этот вопрос.

Она кивнула.

— Я все думаю над этим, сэр... Должен быть способ справиться с атмосферой. Более опытные пилоты, например. Наши бойцы полны энтузиазма, сэр, но взгляните правде в глаза... У большинства наших ребят мало опыта. Обучающим программам нужна доработка...

— Согласен. Мы стараемся улучшить наши симуляторы и

расширить их возможности, прежде чем применять на практике.

Брия встала и наклонилась через стол.

— Сэр... просто пообещайте, что обдумаете мои слова. Мне эта задача по силам. Даже есть некоторые мысли, как профинансировать налет. По крайней мере, подумайте над этим, хорошо?

Он посмотрел на нее долгим задумчивым взглядом.

— Хорошо, Тарен. Я обещаю, что все обдумаю.

— Спасибо, сэр.

Интерлюдия 1
КОРПОРАТИВНЫЙ СЕКТОР

В одних только брюках, босой Хан Соло вышел из спальни Джессы. Ее крошечная квартира находилась на нелегальной технической базе ее отца Дока — мрачном и сугубо рабочем помещении. Однако личное жилище Дока и Джессы было на удивление уютно и хорошо обставлено.

Хан зевнул, почесал голову, взъерошив волосы еще сильнее, потом шумно плюхнулся на диван и включил широкий видеоэкран.

По нему передавали официальные новости Корпоративного сектора, и Хан смотрел их с циничной ухмылкой. Ситуация ухудшалась с каждым днем. Еще немного — и местные власти сравняются с тиранией Империи...

По крайней мере, «Сокол» был теперь в наилучшей форме за нее последнее время. До того как Дока схватили и посадили в тюрьму «Звездный тупик», он прокачал гиперпривод до класса 0.5. «Я теперь обгоню любую имперскую посудину, — думал довольный Хан. — И корабли Корпоративного сектора заодно».

А чтобы убедить Хана отправиться за ее отцом и вызволить его из «Звездного тупика», Джесса снабдила «Сокол» совершенно новой матрицей датчиков и антенн взамен тех, что были повреждены при встрече с истребителем Корпоративного сектора.

Позднее, когда Док оказался на свободе, Джесса в благодарность закончила ремонт «Сокола», установив на нем новую систему наведения и починив всю поврежденную броню. Хан даже подумывал покрасить корабль, чтобы тот выглядел совсем как новый, но после некоторых размышлений отказался от этой идеи. Потрепанный вид «Сокола» был одной из самых сильных уловок в его арсенале, позволявших застигнуть противника врасплох.

Кто же в трезвом уме подумает, что у этого обшарпанного старого грузовика гиперпривод военного образца, улучшенный и

налаженный техником галактического уровня, а также сложный набор датчиков, высочайшая система постановки помех и все прочие модификации, которыми Хан снабдил свое сокровище?

Джесса все еще спала в другой комнате. Хан откинулся назад и водрузил ноги на столик, размышляя о ней. Джесса, несомненно, его лучшая находка в Корпоративном секторе. Скучать им вдвоем не приходилось...

Вот буквально на днях они, с шиком принарядившись, отправились в одно из самых роскошных казино этого сектора и промотали там изрядную сумму. Джесса соорудила из своих локонов невероятную прическу с ярко-красными прядями и приобрела ошеломительное красное платье, которое подчеркивало все детали ее фигуры. Хан лопался от гордости, что его видят рядом с такой красавицей, и заверял ее, что она самая поразительная женщина в округе.

Репортаж из Корпоративного сектора сменился новостями из Империи. Войска Палпатина подавили еще одно восстание на очередной планете. Хан скривил губы. Все то же, все те же... Он поймал себя на том, что думает о Салле. Злится она на него или уже все позабыла? Он подозревал, что все далеко не радужно. И хорошо еще, что она не видит его здесь с Джессой. Салла весьма ревнива. У нее крутой нрав — такой же, как у Джессы. И Хана несказанно радовало, что эти две дамочки вряд ли когда-нибудь встретятся.

Вспомнив о Салле, он сразу же задумался, как там Лэндо, Джерик, Шуг и Мако. Даже о Джаббе Хан вспомнил с некоторой ностальгической симпатией. Он мог поклясться, что хат- ту было непросто найти ему замену. Если кореллианин решит когда-нибудь вернуться в Империю, Джабба наверняка примет его с распростертыми объятиями... как бы ни отвратительна была эта мысль.

Хан посмотрел еще один короткий новостной ролик. Империя объявляла, что войска повстанцев на Внешнем Кольце полностью разбиты. Ну да, подумал он, прямо взяли и разбили! Должно быть, повстанцы и впрямь засели у Империи занозой...

Уж не Брия ли создала имперцам столько проблем? Или она снова вернулась к шпионской работе?

Кореллианин вздохнул: ему не хватало Нар-Шаддаа. Корпоративный сектор — веселое место, где можно найти немало приключений и неплохо заработать. Но это не дом.

Он уже подумывал бросить все и вернуться в имперское пространство. По меньшей мере, было бы неплохо наконец выйти и поискать себе дело — а значит, и выгоду — здесь, в Корпоративном секторе. Да, он обещал Джессе помочь ей и Доку с

их затеей против местных властей. Но это малооправданный риск. И дело даже не в том, что он что-то должен Джессе. Он спас ее отца, разве нет? С большим риском для своей драгоценной шкуры. Крошечный уголок разума, который отвечал за честность, напомнил кореллианину, что он во многом влез в эту авантюру ради Чубакки. Не мог же он бросить своего друга гнить в государственной тюрьме?

И все же... Сейчас все складывалось довольно приятным образом, хотя он знал, что долго это не продлится. Дела с Джессой ладились, они вдвоем хорошо проводили время. Может, ему просто отложить отлет еще на месяц? Или два... или три...

— Хан? — послышался сонный голос из спальни.

— Я здесь, дорогая. Просто смотрю новости, — откликнулся он.

Погасив экран, Соло отправился в крошечную кухню. Он приготовил для Джессы чашку горячего стим-чая, который, как оказалось, девушке очень нравится, и понес его в спальню.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
«КОРОЛЕВА ИМПЕРИИ»

Боба Фетт стоял в очереди на посадку на роскошный лайнер «Королева Империи», совершавший круиз до Велги-прайм с несколькими остановками по пути. По размерам и фешенебельности лайнер не уступал своему двойнику «Звезде Империи», также принадлежавшей «Судоходным линиям Хадж».

Посадочная платформа, с которой Боба Фетт готовился взойти на борт, висела в орбитальном пространстве, и посадки ожидали около тысячи пассажиров: по нескольку сотен в каждой очереди. Охотник прикинул скорость продвижения очереди и счел, что пройдет по меньшей мере десять минут, прежде чем он сможет втащить в каюту свой внушительный дорожный чемодан.

Очередь продвинулась на несколько шагов, и охотник пихнул тяжелый чемодан вперед, шагнув вслед за остальными. На мгновение он позволил себе представить, что было бы, окажись он сейчас собой — Бобой Феттом в мандалорской броне, а не переодетым аномидом.

Но иногда казаться кем-то иным — дело необходимости. Замаскироваться под аномида можно было без труда, так как их обычная уличная одежда практически полностью скрывала тело. Гибкие, тонкие гуманоиды родом из системы Яблари обычно одевались в просторнейшие плащи, которые наряду с капюшоном покрывали их с головы и до шестипалых ног. Еще они носили перчатки и голосовые маски, и едва ли где- то проступал хотя бы малый участок их прозрачной белесой кожи. У аномидов были тонкие сероватые волосы, листовидные уши и большие серебристо-голубые глаза.

Боба Фетт, разумеется, носил под голосовой маской еще одну, на все лицо — тщательно подогнанную под его собственные черты и способную передавать естественную мимику. Благодаря ее особому строению охотник видел в ней почти так же хорошо, как и собственными глазами.

И все же без брони он ощущал себя словно голым. Несколько режимов обзора, улучшенные датчики звука и внутренний дисплей шлема, отображающий сенсорные данные, — от всего этого пришлось на время отказаться. В аномидском плаще с капюшоном, маске и перчатках он чувствовал себя уязвимым — даже слишком уязвимым.

Но так было необходимо. Явись Боба Фетт на «Королеву» в привычном облике, поднялась бы паника. Каждый пассажир на

борту и половина экипажа были бы убеждены, что охотник явился по их голову.

Фетт давным-давно обнаружил, что все обыватели в чем- то да виновны. Практически каждый разумный индивид в Галактике совершил в прошлом какой-то проступок, о котором впоследствии мог вспомнить и счесть причиной для «заказа». Охотник годами наблюдал за реакцией людей и инородцев, попадавшихся ему на охотничьей тропе. Он видел лицо молодой матери, прижимающей к груди дитя так, словно он, Боба Фетт, собирался выхватить ребенка у нее из рук и растерзать у нее на глазах. Сколько раз обыватели впадали в панику, лишь завидев его, и бросались на пол, каясь во всех смертных грехах (большей частью мнимых) и умоляя о пощаде... А потом поднимались, со смесью облегчения и растущего негодования осознавая, что добыча Фетта отнюдь не они, — зато как унизили себя, выболтав без причины все секреты!

Очередь снова сдвинулась. Боба Фетт изучал толпу вокруг себя, скорее машинально, чем на полном серьезе, ожидая встретить здесь свою добычу. Брия Тарен взошла на борт «Королевы» на предыдущей остановке — Кореллии. И вряд ли она покинет лайнер во время короткой стоянки на Джиндайне.

Охотник упустил шанс перехватить добычу, когда она только села на «Королеву»: Тарен взошла на борт по фальшивым документам лишь в последние минуты перед отлетом корабля. «Судоходные линии Хадж», внешне лояльные Империи, не гнушались оказывать услуги и Альянсу — когда их это устраивало. Тарен смогла купить билет в последнюю минуту — без сомнения, в результате происков кого-то из официальных лиц.

К тому же добыча взяла себе совсем новую подставную личность. Нынче она путешествовала как Брия Лаввал, мелкая певичка кабаре, летевшая выступать в «Замке удачи», одном из крупных казино на Нар-Шаддаа.

Боба Фетт имел доступ к огромному числу информационных источников по всей Галактике. А поскольку он время от времени выполнял заказы от Империи, ему были доступны и некоторые имперские базы данных среднего уровня секретности. Также он получал сведения из многих новостных каналов и баз данных Гильдии охотников.

По его запросу система реагировала на характерные имена н описания внешности, отлавливая их в официальных реестрах. Однажды утром в перечень пассажиров лайнера «Королева Империи» добавилось имя Брия Лаввал, и именно этим утром лайнер покинул Кореллию. Быстрая сверка ИД-карты и описания внешности подсказала Фетту, что с вероятностью, превышающей семьдесят процентов, это Брия Тарен, командир кореллианского

сопротивления.

Удостовериться в этом он мог только лично... и потому стоял сейчас в очереди на борт гигантского лайнера.

«Королева» в длину составляла полных два километра и вмещала пять тысяч пассажиров. На борту предлагались любые удовольствия, каких только могли пожелать пассажиры: бассейны, минеральные источники, казино, арены для борьбы в невесомости, спортзалы и дорогие бутики, в которых любой состоятельный житель Галактики мог потратить внушительную сумму денег.

Фетт, волоча чемодан, еще раз продвинулся вперед. В его потайных отделениях была спрятана мандалорская броня и кое-что из оружия. Стенки чемодана были усилены дюринием — сплавом, не пропускавшим лучи сканера. Во внешней оболочке чемодана скрывались миниатюрные проекционные устройства, которые генерировали фальшивые данные о содержимом, способные обмануть любое сканирующее устройство.

Наконец Фетт достиг начала очереди и предъявил ИД-карту, билет и кредитный чек. Служащий корабля, сверявший данные, предложил позвать дроида-носильщика, но Фетт вежливо отказался хриплым, вибрирующим в маске голосом.

Между собой аномиды изъяснялись не устной речью, а точным и очень изящным языком жестов. Они слыли чрезмерно общительными, и Боба Фетт понадеялся, что на борту не встретит настоящих аномидов. Иначе ему придется сказаться больным и постоянно прятаться в каюте, поскольку аномидский язык жестов был ему неведом.

Но никто из пассажиров в анкете не указал Яблари как место происхождения.

Достигнув безопасных переборок своей каюты, Фетт активировал защиту от воров и убрал чемодан на полку. Если кому-то придет в голову неудачная мысль вынести чемодан из каюты или попытаться его вскрыть, этот несчастный останется без пальцев — при большом везении.

«Королеве» предстояли остановки еще в нескольких портах. Путь пролегал по довольно опасным территориям, включая остановку в космосе хаттов на Нар-Хекке. Эту планету едва ли можно было назвать райским садом Галактики, но все же Нар-Хекка была на порядок приятнее Нал-Хатты или Нар- Шаддаа. Фетт подозревал, что Брия Тарен выбрала «Королеву» потому, что та была одним из самых крупных и, вероятно, безопасных лайнеров. В последнее время очень уж активизировались пираты.

Следующие три дня Фетт исследовал корабль, не выходя из аномидского образа. В первый же день он разыскал Брию Тарен и

последовал за ней, чтобы выяснить, где ее каюта. Оказалось, она занимала апартаменты в несколько смежных кают, которые она делила с тремя мужчинами. Двое из них были сильно старше, и в них угадывались офицеры кореллианского сопротивления. Третьему было чуть за тридцать, и, судя по выправке, это был ветеран сражений, сейчас исполнявший обязанности телохранителя офицеров-кореллиан.

Как и Брия Тарен, оба офицера и телохранитель были одеты в штатское. За пределы каюты Тарен редко выходила одна. Ее часто окружали поклонники, но, как заметил Фетт, в каюту она никого не водила — только одаривала улыбками и небрежно флиртовала. Временами она садилась играть в сабакк, никогда не ставя по-крупному. А еще прохаживалась по магазинам, но ни разу не сделала серьезной покупки.

Фетт держал ее под наблюдением, тщательно выстраивая планы...

Лэндо Калриссиан любил путешествовать на круизных лайнерах и, с тех пор как проиграл «Сокол» Хану Соло, делал это довольно часто. После того как Хан и Вуффи Раа обучили его кое-каким премудростям, он стал неплохим пилотом и мог сесть за штурвал любого из имевшихся у него кораблей. Но Лэндо не интересовал ни один из них: он ждал исключительного по своей сути корабля, единственного и неповторимого.

Его идеальный корабль должен быть более роскошным, чем практичный «Сокол», но при этом быстрым и обороноспособным. Лэндо искал хорошую яхту за хорошую цену. Пока что ничего подходящего не подворачивалось.

К тому же на частных кораблях не было казино. А Лэндо казино любил. За прошлый год он провел за игорными столами немало времени, восстанавливая свои столь недолговечные денежные запасы. Турнир по сабакку сильно пошатнул благосостояние игрока, но с тех пор ему удалось многократно приумножить занятые у Хана Соло полторы тысячи. Лэндо имел все возможности вернуть Хану долг еще за несколько месяцев до того, как его друг усвистал в Корпоративный сектор.

«Королева Империи» и ее сестра «Звезда Империи» были у Лэндо двумя излюбленными средствами передвижения по Галактике. Они были не так быстры, как некоторые из новейших кораблей, но «Судоходные линии Хадж», без сомнения, знали толк в том, как строить роскошные лайнеры. И «Королева», и «Звезда» были огромны — а в нынешние дни это было очень кстати, если принять во внимание участившиеся пиратские

набеги.

На этот раз для возвращения домой он выбрал «Королеву». С Нар-Хекки он легко мог добраться до Нар-Шаддаа на общественном челноке. В этот вечер Лэндо вырядился по последней моде: алая рубашка с черной отделкой, узкие черные брюки и черно-красный короткий плащ, элегантно-небрежно спадавший с плеч. Темные волосы и усы были безукоризненно подстрижены по результатам вчерашнего похода к корабельному парикмахеру. Мягкие черные ботинки сияли матовым блеском настоящей нуматрской змеиной кожи. Калриссиан выглядел превосходно, и от него не ускользали восхищенные взгляды отдельных посетительниц клуба.

А находился Лэндо в самом роскошном ночном клубе «Королевы» под названием «Пристань звездных ветров», где только что провел весьма успешную партию в сабакк. Его кошелек был тщательно спрятан в потайном кармане поближе к телу и радовал приятной тяжестью. В этом путешествии он заработал примерно в четыре раза больше, чем стоил ему весьма дорогой билет. Выгода, что и говорить, была солидная.

Пока Лэндо вел игру — а это дело серьезное! — он был весьма сдержан и редко принимал алкоголь. Но сейчас он позволил себе расслабиться и потягивал таркенианский коктейль «Ночной цветок», закусывая пригоршней сушеных подсоленных корешков джер. Музыканты в «Звездных ветрах» знали свое дело туго и играли все — от старых шлягеров до модных хитов. Многие посетители танцевали. Лэндо разглядывал одиноких дам в зале, размышляя, кого из них было бы неплохо пригласить на танец.

Его взгляд все время возвращался к одной и той же женщине, сидевшей за столиком с двумя спутниками. Человеческой расы и ошеломительной внешности. Длинные, чуть рыжеватые волосы, убранные сверкающими сапфировыми гребнями, очаровательное лицо и фигура, мимо которой пройти было просто невозможно. Лэндо не смог определить, состоит ли она в романтических отношениях с кем-то из своих спутников. Она сидела рядом с ними, улыбалась и наклонялась ближе, когда кто-то из них говорил ей что-то на ухо. Но чем больше Лэндо наблюдал за ней, тем больше убеждался, что ни один из них ей не кавалер. Ее улыбки были больше товарищескими, чем романтическими. Иногда их плечи кратко соприкасались, но в этом не было и намека на интимность.

Лэндо покончил с коктейлем и почти уже решился позвать очаровательную незнакомку на танец, когда превосходный ансамбль ругхджей — Умжинг Бааб и его «Трио виртуозов» —

закончил текущий сет. В коллективе было всего три участника, но, так как все ругхджи имели по пятнадцать гибких конечностей, каждый из них мог играть по меньшей мере на десяти инструментах одновременно, и вместе они звучали как настоящий оркестр. Фактически, глядя на Умжинга Бааба и двух его коллег, трудно было разглядеть хоть что-то, кроме рук с инструментами, хотя иногда сквозь это переплетение мелькали не менее многочисленные глаза музыкантов.

Группа была очень разносторонней и играла все, от свинг-бопа до современного джизза. Калриссиан вежливо похлопал, когда они завершили «Лунное настроение», и откинулся на спинку стула. Тем временем фронтмен группы Умжинг Бааб отложил рожок клоо, высвободился из наларгона и струящимся движением подполз к микрофону. Голос ругхджи имел механический оттенок — по понятным причинам, ведь он был искусственно сгенерирован. Естественное общение ругхджей гуманоиды не могли воспринимать на слух. Пока Умжинг Бааб говорил, свет прожектора отражался от его блестящих розово-лиловых верхних конечностей.

— Добрый вечер, господа. Сегодня среди нас почетная гостья, звезда, которая, я надеюсь, почтит нас своим выступлением! Поприветствуйте вместе со мной — госпожа Брия Лаввал!

Лэндо похлопал из вежливости, но его аплодисменты скоро стали вполне искренними, когда он обнаружил, что музыкант говорит о той самой прелестной незнакомке. Вспыхнув, она с улыбкой привстала со стула, чтобы поклониться, но потом, повинуясь аплодисментам и возгласам публики, подобрала юбку длинного облегающего платья, которое искрилось голубизной и ярко контрастировало с ее волосами, и поднялась по ступенькам на сцену, где стоял ансамбль.

Кратко переговорив с Умжингом Баабом, она шагнула к микрофону и начала отстукивать ритм носком сверкающей туфли. Группа заиграла медленную версию прошлогоднего хита «Мечта с запахом дыма».

Брия Лаввал запела. Лэндо слышал много певиц на своем веку, и ей было далеко до лучших. Дышала она неровно и из-за этого обрывала некоторые высокие ноты. Но голос был сильным и мелодичным, а контральто девушки обладало приятной хрипотцой. За фигуру, лицо и улыбку Лэндо готов был простить ей недостаток профессионализма. Через несколько секунд от начала песни все мужчины гуманоидных рас были у ее ног.

Она проникновенно пела о потерянной любви, о нежной грусти, о далеких воспоминаниях, гаснущих во времени…

Лэндо был совершенно очарован. Когда она закончила

выступление, он аплодировал наравне со всей публикой. Улыбнувшись и чуть покраснев, певица позволила Умжингу Баабу проводить ее до столика. Тот отвесил ей глубокий поклон, а затем вернулся к ансамблю.

Когда «Трио виртуозов» заиграло танцевальный мотив, Лэндо не мешкая вскочил на ноги и подошел к певице, едва опередив состоятельного алдераанского банкира, которого ранее этим вечером избавил от некоторой суммы лишних кредитов.

Дойдя до столика госпожи Лаввал, Лэндо поклонился и представился ей, сверкнув своей самой обворожительной улыбкой.

— Позволите? — спросил он, протягивая руку.

Она секунду помедлила, успев бросить взгляды на каждого из троих мужчин, сидевших с ней, но потом едва заметно пожала плечами.

— Благодарю, — произнесла она и встала.

Лэндо вывел ее на танцпол. Она огляделась по сторонам и с легким испугом нахмурилась.

— Ох! Боюсь, я не знаю, как это танцевать.

Игрок несказанно удивился. Маргенгаи-глайд был популярен по меньшей мере последние пять лет.

— Это просто, — пообещал он, кладя руку ей на плечо и переплетая свои пальцы с ее. — Я вам покажу.

Она пропустила несколько шагов и раз или два наступила ему на ногу, но через пару минут, под опытным руководством Лэндо, начала осваиваться. У нее была хорошая координация и чувство ритма. Как только девушка запомнила замысловатую последовательность шагов, танец тут же пришелся ей по сердцу, что не ускользнуло от Лэндо. Она была ростом почти с него, и, скользя по танцполу, они начали ловить восхищенные взгляды зрителей, сидевших за столиками.

— У вас отлично получается, — похвалил Лэндо. — Вы прирожденная танцовщица.

— Я не танцевала уже несколько лет, — призналась она, немного запыхавшись.

Мотив сменился, став значительно быстрее. Лэндо закружил ее в три-степе. Она немного отставала, но было очевидно, что этот более старый танец ей знаком.

— Вы чудесны, — заверил он ее. — Мне ужасно повезло, что я нашел такую партнершу, как вы.

Она ослепительно улыбнулась, и щеки ее зарделись от танца и комплимента.

— Вы — льстец.

Лэндо состроил притворно-обиженное лицо.

— Я? Я скован клятвой говорить только правду, госпожа Брия... Брия... какое чудесное имя. Вы кореллианка, не так ли?

— Да, — ответила она с неожиданной настороженностью во взгляде. — А что?

— Я просто подумал, что уже слышал это имя однажды. Оно распространено у вас на родине?

— Нет, — сообщила она. — Мой отец составил его из первых слогов имен моих бабушек: Брюселы и Ияфагены. Он не желал называть меня каким-то одним из них, но хотел уважить их обеих.

— Умно, — усмехнулся Лэндо. — Очевидно, он человек большой дипломатии и такта.

Девушка рассмеялась, но под налетом веселья скрывалась нотка грусти.

— Да, он такой, — согласилась она. — Лэндо, я удивлена, что вы встречали еще одну Брию. Я думала, что я единственная.

— Возможно, так и есть, — допустил Лэндо. — Другой известной мне Брией называли корабль. Мой друг Хан назвал так свою яхту от «СороСууб», которую арендовал у меня.

Она сбилась с ритма, но быстро поправилась.

— Хан? — переспросила она. — Я знавала кореллианина по имени Хан. Ваш друг — кореллианин?

Лэндо кивнул и закружил ее вокруг себя. Когда они снова взялись за руки, он сказал:

— Мы с Ханом Соло давние друзья. Не говорите мне, что вы его знаете.

Она задорно рассмеялась.

— Знаю. Должно быть, это один и тот же человек. Темно-русые волосы, карие глаза с оттенком зеленого, ростом чуть выше вас и с обаятельной ухмылкой?

— Вот оно как! — присвистнул Лэндо, подняв бровь. — Вы очень хорошо его знаете, не так ли? Этот парень умеет понравиться девушкам, да?

Ее лицо вспыхнуло от его многозначительного взгляда. Брия отвела глаза и на секунду сосредоточилась на сложных движениях танца. Когда она снова посмотрела на него, взгляд ее был спокоен и слегка задумчив.

— Он просто часть моего прошлого, как и многие другие, — проронила она. — У каждого в шкафу свои скелеты, ведь так?

Лэндо, поняв, что затронул больной вопрос, был рад оставить тему.

— Это точно, — кивнул он.

Они не расставались еще несколько танцев, и Лэндо получил невероятное удовольствие от ее общества. Бросив взгляд на столик, игрок заметил, что ее спутники покинули зал.

— Кто эти люди, что сидели за вашим столиком?

Она пожала плечами.

— Деловые партнеры. Фелдрон — мой агент, а Ренков — менеджер.

— Понятно, — сказал Лэндо, в душе возликовав. Значит, ни один из них не представляет для нее романтического интереса.

— Тогда... может быть, выпьем что-нибудь? В более... уединенном месте?

Она оглядела его оценивающе, потом кивнула и сделала шаг назад, отпуская руки.

— Хорошо. Я не откажусь. Мы можем поговорить о наших... общих знакомых.

Лэндо взял ее запястье и поднес к губам.

— Как вам будет угодно, — произнес он.

В моей каюте номер сто двенадцать, скажем, через тридцать минут, — предложила она. — Сойдет?

— Тридцать минут, — подтвердил Лэндо. — Я буду считать каждую из них.

Она улыбнулась — той улыбкой, в которой проглядывала и радость, и грустная задумчивость. Затем повернулась и оставила Лэндо стоять на краю танцпола. Он не без удовольствия проводил ее взглядом. Девушка дошла до двери, скользнула мимо шатавшегося без дела аномида и исчезла из виду.

Калриссиан лучился улыбкой. «Теперь найти лучшую бутылку вина и каких-нибудь цветов, — подумал он, быстро следуя в бар. — Двадцать девять минут, отсчет продолжается...»

Спеша по коридору к каюте, Брия велела себе успокоиться. Но она была взволнована тем, что наконец-то узнает новости о Хане! Лэндо Калриссиан, очевидно, не просто его случайный приятель. Брия почти бежала, чуть не расталкивая пассажиров. Наконец-то! Кто-то, близко знающий Хана, сможет рассказать ей, как он, что он поделывает, где обретается...

Добравшись до двери каюты, Брия внезапно подумала, что Хан может оказаться на Нар-Шаддаа — там, куда она летела. Уж не доведется ли ей увидеть его через двое суток? Мысль ее взволновала и вместе с тем наполнила дрожью. Каково это будет — снова оказаться рядом с ним спустя почти девять лет?

Трясущимися руками она открыла дверь каюты. Девушка была так поглощена воспоминаниями о Хане, что напрочь утратила бдительность. Дверь распахнулась, и в следующий миг ее втолкнули внутрь с такой силой, что ей даже не хватило дыхания вскрикнуть.

Туфли на высоких каблуках скользнули по полированному полу, и она покачнулась, пытаясь удержаться. Начиная падать, Брия почувствовала, как что-то острое вонзается ей в спину.

У нее была только секунда, чтобы осознать — это был выстрел усыпляющего наркотика. При падении ей из последних сил удалось повернуться, и в дверях за спиной она разглядела силуэт странного аномида. Она попыталась предупредить друзей, но с губ сорвался лишь тихий хриплый крик, а потом ее сознание стал заволакивать туман...

Туман...

И темнота.

Тарен осела на пол и замерла без движения. Боба Фетт быстро закрыл дверь в коридор и шагнул вперед — ровно в тот момент, когда старшие спутники женщины выбежали из спальной комнаты справа.

Охотник вытянул руку и согнул кисть. В горло старшего из двух офицеров вонзился дротик — смертельный, в отличие от снотворного, усыпившего Брию. Человеку хватило сил лишь на сдавленный вздох: он умер прежде, чем его тело коснулось палубы.

Второй не стал медлить и сразу ринулся в бой. Боба сбросил аномидский капюшон, готовый встретить противника, атаковавшего с беззвучным криком.

Офицер повстанцев был, вероятно, неплохим стратегом и командиром, но оказался беспомощен, когда дело дошло до рукопашной схватки. Боба Фетт одной рукой блокировал его атаку и тяжелым ударом переломил кореллианину гортань.

Охотник бесстрастно наблюдал за тем, как умирает офицер повстанцев. Это заняло не более минуты.

Он склонился над мертвыми, намереваясь оттащить тела в угол комнаты и укрыть простынями — не столько для сокрытия улик, сколько для того, чтобы приглушить запах.

Периферическое зрение Бобы Фетта сужала маска. Без мандалорского шлема и специальных датчиков охотник мог полагаться только на собственное чутье и рефлексы. Не изменили они ему и сегодня: Фетт увернулся за мгновение до того, как телохранитель повстанцев нанес удар. Он напал бесшумно, выказав мастерство, которого не хватало двум старшим офицерам.

Охотник сорвал с себя тяжелый аномидский плащ и бросил противнику в лицо. Тот стремительно высвободился и снова пошел в наступление. Человеку было слегка за тридцать, он был

гол по пояс, бос и в одних шортах. Очевидно, он спал в другой комнате, когда офицеры столь неудачно бросились помогать своей спутнице.

Фетт моментально понял, что перед ним тренированный боец, чье излюбленное оружие — собственные руки и ноги. И он умело обращался с вибромечом, который сейчас сжимал в руке. Боба Фетт улыбнулся за двумя масками, довольный, что наконец встретил достойного противника. У него в запасе остался еще один смертельный дротик, но охотник отказался от мысли пустить его в ход. Небольшая разминка не помешает. Он давно не дрался в рукопашной: слишком мало врагов стоили его времени.

Противник уже подступал к нему, в глазах читалось спокойствие, вибромеч был готов к смертоносному удару. Боба Фетт дал ему приблизиться и в последнюю секунду уклонился — гибко, как танцор, — а затем развернулся вокруг своей оси, вынес руку вперед и обрушил на солдата сокрушительный удар под правое ухо.

Тот исхитрился в последний момент убрать голову, и удар, который должен был лишить его сознания, только заставил его пошатнуться. Боец встряхнул головой и снова пошел в атаку.

Боба Фетт был этому только рад. Они кружили в точности как Лэндо Калриссиан и Брия Тарен в «Пристани звездных ветров» всего несколько минут назад.

Охранник снова сделал выпад, и опять Боба Фетт выжидал до последнего, прежде чем уклониться. От его ответного хода кореллианин охнул — ступня охотника врезалась ему под колено. Нога солдата подогнулась, и впервые Фетт различил в его глазах страх. Теперь противник понимал, что неминуемо проиграет, и все же поднялся, преодолевая боль и слабость. Человек, который знает свой долг и не бежит от него, достоин восхищения. Наградой за смелость ему будет быстрая и легкая смерть...

На этот раз Фетт первым пошел в атаку. Нога взметнулась и с огромной силой вонзилась человеку в запястье. Вибромеч отлетел в сторону. Еще удар под колено — и человек осел на пол, не чувствуя под собой ног. Но они уже и не требовались: Фетт держал его за шею, и хватка была крепка и беспощадна, как дюрасталь. Один быстрый рывок — и тело охранника безжизненно обмякло в его руках.

Боба Фетт отволок солдата в угол, потом подтащил туда же остальных. Сдернув покрывала с одной из кроватей, он набросил их на тела — и в этот момент заметил, что Тарен начала шевелиться.

Придя в сознание, Брия обнаружила, что связана — да так крепко, что поначалу даже не пыталась освободиться. Она была одна в гостиной, на пышном ковре, привязанная к одному из кресел. В голове стоял туман, рот пересох от жажды, но в остальном девушка была невредима.

Однако сознание сковывал страх. Брии случалось попадать в непростые ситуации, особенно в бою, но ее никогда не захватывали так, как сейчас. Она ощущала вселенскую беспомощность, сидя в одиночестве и гадая, кто с ней это сделал… и зачем?

Должно быть, постарался тот аномид, но Брия никогда не имела дел с его расой и не могла представить, почему кто-то из них мог желать ей зла. Возможно, аномид был охотником за головами. Это было единственное разумное объяснение…

Она облизнула губы, набрала в грудь воздуха и приготовилась закричать так, чтобы было слышно даже за закрытой дверью каюты. Но тут она заметила две вещи: тела своих спутников, накрытые покрывалами и убранные подальше от посторонних глаз, и звукопоглотитель. Маленькое устройство стояло рядом с ней, и мигающий огонек наглядно показывал, что оно включено. Устройство полностью заглушит любой ее выкрик.

Брия закрыла рот и глаза и прислонилась головой к креслу. Великолепно. Кем бы ни был этот аномид, он все предусмотрел.

Кто это мог быть? Вторженец расправился с Дарновом, Фелтраном и даже Триской (а Брия знала его опыт в рукопашном бою) за несколько минут. Бросив взгляд на настенные часы, она поняла, что пробыла без сознания всего минут десять.

Пока она сидела, пытаясь придумать, как ей выкрутиться, в каюту вошел аномид и со стуком опустил на пол огромный тяжелый чемодан. Увидев, что Брия очнулась, он направился в ванную и вскоре вернулся со стаканом воды. Присев перед ней, незнакомец отключил звукопоглотитель, чтобы она могла его слышать.

— Снотворное вызывает сильную жажду. Это — простая вода. Я не намерен причинять тебе вред. Награда обещана, только если я доставлю тебя в целости и сохранности.

Он протянул ей воду, и Брия помедлила, наклонившись к стакану. Она не решалась выпить. Что, если это имперский агент? Что, если в воду подмешана сыворотка правды? Несмотря на то что ее рот и горло сжигала жажда, она мотнула головой.

— Спасибо. Я не хочу пить.

— Хочешь, — настаивал аномид. — Мне нет дела до твоих дешевых секретов. — Он сдвинул в сторону голосовую маску и сделал большой глоток. — Вода безопасна, — заявил он, снова

протягивая стакан.

Брия, моргая, посмотрела на него, потом жажда взяла верх, и она стала жадно пить. Аномид вернул на место свою маску. От кинувшись обратно на кресло, Брия произнесла:

— Ты не аномид. Они не могут говорить без голосовой маски. Значит, ты замаскированный охотник за головами. Кто ты?

Аномид посмотрел на нее невыразительными серебристо-голубыми глазами.

— Ты наблюдательна, Брия Тарен. Мне твое поведение по нраву. Любая истерика утомительна и бесполезна. Меня зовут Боба Фетт.

«Боба Фетт?!»

Распахнув от ужаса глаза, Брия прислонилась к креслу. Страх вызывало даже случайное упоминание этого имени. Девушка поймала себя на том, что впервые за долгие годы молится богам.

Она облизнула губы.

— Боба Фетт... — выговорила кореллианка. — Это имя я знаю. Не думала, что ты озаботишься мелкими имперскими наградами. То, что имперцы предлагают за меня, не стоит твоего времени.

Охотник кивнул.

— Верно. Клан Бесадии назначил в сотню раз больше.

— Тероенза... — прошептала Брия. — Должно быть, он.

В последний раз награда составляла пятьдесят тысяч, а не сотню.

— После того как ты захватила «Оковы Хелота», Бесадии удвоили ставку.

Брия попыталась улыбнуться.

— Как приятно пользоваться популярностью, — процедила она. — «Оковы Хелота» — корабль работорговцев. Я должна была их остановить. Я об этом не жалею.

— Отлично, — ответил он. — Это должно сделать наше короткое сотрудничество максимально приятным. Хочешь еще воды?

Брия кивнула, и Фетт принес стакан. В этот раз ее не пришлось упрашивать. Брия пыталась вспомнить, чему ее учили. Как поступать при захвате в плен. Она была не в униформе, а значит, не имела под рукой средств оборвать свои страдания. Кроме того, до Нал-Хатты и Илизии было еще лететь и лететь... За это время случиться может всякое. Она решила потянуть время и поддерживать разговор с Феттом, если сможет. Чем больше охотник будет воспринимать ее как личность, тем легче ей будет переносить плен и тем выше шанс, что ее враг потеряет бдительность. По крайней мере, так твердили все учебники.

С другой стороны, чтобы Боба Фетт допустил промашку? Брия понимала, что ее шансы стремятся к нулю. И все же — ей больше ничего не остается, так ведь?

Она старалась не смотреть на тела в углу, укрытые покрывалами.

— Знаешь, — нарушила она тишину, — я о тебе многое слышала. Интересно, все ли, что о тебе говорят, правда.

— Например?

— Что у тебя собственный кодекс чести. Ты превосходный охотник, но не головорез. Ты не находишь удовольствия в причинении боли.

— Это так, — признал он.

— Что ты думаешь об Империи? — спросила она, глядя, как он роется в тяжелом чемодане, который приволок в комнату. Она мельком заметила его знаменитый шлем.

— Империя — морально разложившееся, но законное правительство.

— Морально разложившееся? — переспросила она, склонив голову набок. — В каком смысле?

— В разных.

— Назови хоть один.

На миг она подумала, что он велит ей заткнуться, но после секундной паузы охотник ответил:

— Рабство. Порочное явление, унизительное для всех сторон.

— Именно! — воскликнула Брия. — Значит, у нас есть что- то общее. Мне тоже не нравится рабство. Я была рабыней, и это было ужасно.

— Знаю.

— Ты обо мне многое знаешь, как я погляжу.

— Да.

Брия облизнула губы.

— Ты знаешь, что Тероенза и тот хатт, что сейчас возглавляет Бесадии, намерены убить меня каким-нибудь особенно изуверским способом, ага?

— Да.

Брия умоляющим взглядом посмотрела на охотника.

— Раз ты так много обо мне знаешь, стало быть, тебе известно, что у меня есть отец?

— Да.

— Тогда, может быть... Я знаю, это покажется необычным, но, учитывая обстоятельства... может, ты согласишься... — Брия остановилась, справляясь с дрогнувшим голосом. Суть происходящего наконец стала доходить до нее, и она понимала, что ей из этой переделки не выбраться.

— С чем?

Она глубоко вздохнула.

— Я не видела отца много лет. Мы всегда были близки. Мои мать и брат значат для меня немного, но отец... — Брия пожала плечами. — Ты понимаешь, когда я вступила в сопротивление, то отчетливо понимала, что видеться с ним будет слишком опасно — для нас обоих. Но я находила способы дать ему знать, что я жива. Пару раз в год он окольными путями получает от меня весточки. Просто «Брия в порядке». Вот так...

— Продолжай. — В голосе охотника не было ни малейших эмоций.

— В общем... Я не хочу, чтобы он продолжал ждать от меня известий. Не мог бы ты... сообщить ему, что я мертва? Он много для меня значит. Он хороший, порядочный человек. Он платит имперские налоги, честный гражданин и все в таком духе. Поэтому... если я дам тебе его имя и адрес, не мог бы ты просто передать послание? Брия мертва. Вот и все.

К удивлению Брии, Боба Фетт кивнул.

— Хорошо. Я все сделаю. Как мне его...

Охотник замолк при звуке дверного сигнала. Брия подпрыгнула, а Фетт вскочил на ноги стремительным движением хищника.

Сигнал раздался снова. Брия услышала из-за двери приглушенный голос:

— Брия? Привет, это я, Лэндо!

— Калриссиан, — тихо процедил Боба Фетт.

Охотник быстро включил звукопоглотитель на полную мощность. Спрятавшись за дверью, он нажал кнопку открытия.

— Лэндо, нет! — крикнула Брия. — Уходите!

Звукопоглотитель погасил все звуки.

Вместо того чтобы наполнить комнату, крик вышел не громче шепота. Сжимая в руках цветы и бутылку вина, Лэндо воодушевленно шагнул в каюту Брии Лаввал.

— Простите, я опоздал на несколько минут, — начал он. — Цветочный магазин был закрыт, и мне пришлось...

Калриссиан умолк, недоуменно глядя на Брию, сидящую па полу у кресла со связанными за спиной руками. Затем его взгляд упал на укрытую простынями кучу в углу. Он попятился, осознав, что сделал очень большую ошибку.

Дверь у него за спиной захлопнулась.

— Что происходит? — потребовал ответа Лэндо, но голос вышел тихим и приглушенным.

Проследив за взглядом Брии, картежник обернулся и обнаружил у себя за спиной аномида.

— Рад новой встрече, Калриссиан, — поздоровался инородец. — Тебе повезло, что я никогда не смешиваю работу и удовольствие.

— Что?.. — начал было Лэндо, но тут заметил в углу большой раскрытый чемодан. Темные глаза неудачливого ухажера округлились.

— Фетт... — выдохнул он.

— Да, — ответил охотник. — И пусть это будет последнее слово, которое я от тебя слышу, Калриссиан. Я здесь не за тобой. Посодействуешь — оставлю тебя в живых. Ты можешь пригодиться.

Лэндо не стал возражать. Он покорно опустил вино и цветы.

Всего через несколько секунд он уже сидел связанный подле Брии.

Боба Фетт не спускал глаз со своей пленницы.

— Завтра после приземления на платформу Нар-Хекки мы вдвоем покинем «Королеву». Я буду вооружен, но мое оружие не выявит ни одна проверка. Ты будешь все время держаться рядом, справа от меня, и помалкивать. Понятно?

Она кивнула.

— Да, но как насчет Лэндо? — спросила она с ноткой страха в голосе. Уловив ее, игрок посмотрел на девушку с благодарностью.

— Жизнь Калриссиана зависит от тебя, Брия Тарен. Если ты дашь слово, что не поднимешь тревоги, я посажу его здесь. Он будет связан, в рот получит кляп, но останется жив.

Брия вскинула брови.

— Ты поверишь моему слову?

— А почему нет? — насмешливо спросил охотник. — Ты ценишь жизни невинных больше, чем собственную. Я знаю таких, как ты. Но чтобы удостовериться... Прежде чем мы уйдем, я снабжу Калриссиана дистанционно управляемым детонатором. Если у нас возникнут неприятности, дроиды-уборщики соскребут его останки с переборок.

Лэндо мучительно сглотнул. Брия ободряюще улыбнулась темнокожему игроку.

— Ты не ошибаешься на мой счет. Я даю слово, что не создам проблем.

— Хорошо, — ответил Фетт. — А сейчас...

Слова охотника прервал разнесшийся по «Королеве Империи» оглушительный вой аварийной сирены. Лэндо резко выпрямился, его глаза округлились. А через пятнадцать секунд вся «Королева» подпрыгнула — иначе это было не назвать. Огромный корабль замотало, как щепку в штормящем море. У Лэндо скрутило

желудок, и он упал на бок. Игрок покосился на Брию, которой удавалось держаться прямо, — она сглотнула, борясь с тошнотой.

— Что происходит? — выдохнула она.

Калриссиан, помня приказ Бобы Фетта хранить молчание, попытался подняться.

— Мы вышли из гиперпространства, — определил Фетт. — Защитные системы, должно быть, обнаружили скачок гравитации и автоматически сработали.

Лэндо мысленно похлопал охотнику за сообразительность, пытаясь перекатиться и сесть. Учитывая связанные за спиной руки, это было нелегко.

— Отчего это могло произойти? — пожелала знать Брия. — Сбой в двигателях?

— Возможно, — допустил Фетт. — Но больше похоже на атаку.

— Но зачем имперцам нападать на круизный лайнер? — удивилась девушка.

Лэндо подумал о том же самом, но не смог придумать ответ. Брия нахмурилась, сосредоточившись на напряженной вибрации корабля.

— Похоже на правду, — признала она. — Мы попали в луч захвата.

Схватив чемодан, охотник потащил его за декоративную ширму, украшавшую одну из стен роскошной каюты. До Лэндо донесся слабый шорох скидываемой одежды.

Игроку удалось поймать взгляд Брии, и одними губами он проговорил:

— Верьте мне, госпожа Брия. Когда я найду выход, следуйте за мной.

Ему пришлось повторить это несколько раз, прежде чем она понимающе кивнула и ответила ему дрожащей улыбкой. А через пару минут появился охотник, снова облаченный в мандалорскую броню. Он держал в руках бластерную винтовку, и на первый взгляд другого оружия при нем не было, но Лэндо по опыту знал, что охотник представляет собой ходячий тайный арсенал. Подойдя к Брии, Фетт снял путы с ее лодыжек, затем проделал то же самое с Лэндо.

— Вы двое идите со мной, — повелел он. — И, Калриссиан... запомни: ты можешь пойти в расход. Тарен... если ты что- то предпримешь, Калриссиан умрет. Это ясно?

— Да, — сказала Брия.

Лэндо, несмотря на связанные руки, удалось встать на ноги без чужой помощи. Боба Фетт с гротескной учтивостью помог Брии подняться. Некоторое время она переступала с ноги на ногу

в своих туфлях на шпильках, разминая конечности и морщась от мурашек.

Фетт подобрал звукопоглотитель и, отключив его, запихнул в карман брюк. Теперь Лэндо мог слышать звуки выстрелов, крики и топот ног. Система оповещения прогрохотала:

— Всех пассажиров просим сохранять спокойствие и оставаться в каютах. На борт проникли захватчики, но экипаж уже работает над восстановлением порядка. Мы известим вас обо всех изменениях. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Всех пассажиров...

«Ну еще бы! — подумал Лэндо. — Восстановят они порядок...» Игрок бросил взгляд на девушку, но та лишь слегка пожала плечами.

Они дошли до двери, и Фетт сделал знак Лэндо:

— Открывай.

В коридоре царил хаос. Охотнику и его заложникам пришлось подождать в проходе, пока орущая толпа пассажиров, одетых по большей части в ночные пижамы и сорочки, не пронесется мимо. Фетт посмотрел на маленькое, размером с ладонь, устройство, которое держал в руке.

— Поверните направо, — велел он.

Лэндо и Брия подчинились. Игрок обнаружил, что со связанными за спиной руками идти удивительно трудно. Это мешало равновесию.

Несколько раз им приходилось отступать в проходы, пропуская очередную толпу бегущих с воплями пассажиров. Теперь, когда они приближались к транспортным палубам, звуки выстрелов становились все ближе.

Они оставили позади пассажирские каюты и проследовали по серии самодвижущихся дорожек на палубу выше. Судя по звукам пальбы, около посадочных площадок шла напряженная битва. Коридор, ведущий к ангару для челноков, заполняли распростертые тела. Большинство из них были в униформе экипажа лайнера, некоторые принадлежали пассажирам, но ни на одном не было формы имперцев. Пробираясь по коридору, Брия то и дело посматривала на Лэндо. Он был удивлен ее спокойствию при таком-то побоище — большинство людей от вида мертвых тел впадали в панику.

Темнокожий игрок напрягал зрение, стараясь разглядеть нападавших, но пока что им не попалось ни одного. Он облизнул сухие губы, отдавая себе отчет, что даже со связанными руками должен предпринять что-либо, прежде чем они трое окажутся на борту челнока. В челноке у них шансов не будет. Он искоса взглянул на коллегу по несчастью, оценивая ее способность к

действиям.

На какой-то миг он задумался, почему по душу этой очаровательной девушки — на вид ей было немногим больше двадцати пяти — явился сам Боба Фетт. Должно быть, она не та, за кого себя выдает, и пока что наблюдения это подтверждали. Большинство людей перед лицом самого устрашающего охотника в Галактике съежились бы до сгустка протоплазмы. Но Брия была явно не из таких...

Они завернули за угол коридора, ведущего к взлетной палубе, и нос к носу столкнулись с абордажной командой. Лэндо замер, Брия прикрылась его спиной. Перед ними возвышалась дюжина отталкивающего вида типов в кричащих, безвкусных, несочетаемых одеждах, смертельно оскорблявших безупречный вкус Лэндо. Незнакомцы были увешаны яркими драгоценностями.

Брия прошептала:

— Пираты!

Все вдруг встало на свои места, и Лэндо отчетливо понял, что произошло с «Королевой». Он видел этот трюк и раньше. Пираты выдернули «Королеву» из гиперпространства, поместив на пути следования лайнера крупный астероид. Гравитационная тень астероида заставила сработать противоаварийные системы гипердвигателей, резко вернув «Королеву» в обычное пространство. Дерзкий и хитроумный план — и для его осуществления требовались большие корабли. Большие корабли и отчаянный предводитель. Впервые Лэндо ощутил проблеск надежды. Иначе и быть не могло. Никто иной не осмелится напасть на корабль таких размеров...

— Другим путем! — крикнул Боба Фетт, и пленники послушно развернулись. Лэндо и Брия пытались передвигаться бегом, но если Лэндо думал, что идти со связанными руками тяжело, то он и представить не мог, насколько труднее будет бежать. Ему все время казалось, что еще секунда — и он рухнет на палубу, а Боба Фетт тут же пристрелит его за неуклюжесть.

Подгоняемые Бобой Феттом, двое пленников вприпрыжку спешили по коридору. Но когда они достигли следующего поворота, Лэндо заметил блик яркого цвета. Еще пираты!

— Стоять! — рявкнул Фетт. Механические динамики сделали его голос вдвойне резким.

Охотник быстро толкнул Брию в проход, затем подтащил Лэндо и поставил перед ней как щит.

— Не двигайся, Калриссиан, — прошипел охотник и вышел вперед, показавшись врагу полностью.

Топот бегущих ног приближался, и вскоре с противоположных сторон коридора почти одновременно хлынули

две группы пиратов. Проверявший свое вооружение Боба Фетт напрягся, готовый к бою.

«Сколько их там? — гадал Лэндо. — Двадцать шесть? Тридцать? Может быть, больше...»

Обе банды приблизились, неуверенно замедлив шаг. Лэндо их не винил. Даже при таком раскладе он не хотел бы оказаться на месте парня, который первым выстрелит в Бобу Фетта. Что бы ни случилось, охотник может многих забрать с собой на тот свет.

— В чем дело? — послышался знакомый альт позади одной из команд. Лэндо испустил вздох облегчения. — Боба Фетт, во имя всех преисподних Бараба, что ты здесь делаешь?

— Охочусь, — уклончиво ответил охотник. — Мне нечего с тобой делить, капитан Рентал. Я заберу свою жертву в челнок и уйду.

Лэндо набрал воздуха в легкие и крикнул:

— Дрея! Это я... Лэндо! Эй, рад тебя видеть!.. — Дыхание Лэндо со свистом вырвалось из груди, когда охотник молниеносно шагнул назад и приклад его винтовки врезался игроку в солнечное сплетение. Калриссиан с хрипом согнулся пополам.

Ряды пиратов медленно расступились, и появилась Дрея Рентал — их капитан и бывшая подружка Лэндо. Крупная коренастая женщина лет сорока пяти щеголяла модно выкрашенными серебряными и золотыми прядями волос. Ее кожа была светлой, а глаза — такого ледяного серого цвета, какого Лэндо не встречал ни у кого. Рентал была разодета в абсолютно дикий наряд: красные полосатые чулки, фиолетовую юбку, подоткнутую сбоку, розовую шелковую блузку и сверху — бронежилет. Короткие, торчащие во все стороны волосы были прикрыты невообразимым беретом, с которого свисало длинное оранжевое перо.

Лэндо мучительно попытался распрямиться. Он хотел помахать ей, но руки, разумеется, по-прежнему были связаны. Да и Боба Фетт, вероятно, мигом пристрелит его за такое безрассудство. Рентал оглядела их с головы до пят и фыркнула:

— Лэндо, ты никогда не говорил, что за тебя назначена награда.

Вообще-то, Лэндо знал о нескольких наградах за свою голову, но то в имперском пространстве.

— Нет никакой награды, Дрея, — проговорил он хрипло, сбившись с дыхания. — Я просто оказался... не в том месте и не в то время.

Рентал перевела взгляд на охотника.

— Фетт, это правда? За Калриссиана нет награды?

Помедлив, охотник кивнул:

— Правда. У меня с Калриссианом старые счеты, но это... личное.

На долгий миг пиратская капитанша задумалась.

— В таком случае, Фетт, ты не должен сильно возражать против того, чтобы отпустить его. Лэндо для меня... кое-что значит. Я буду плохо спать, если позволю тебе его забрать. Вот что я тебе скажу... отпусти его, а я позволю тебе взять челнок и спокойно уйти.

Боба Фетт кивнул.

— Ладно. — Не поворачивая головы, он произнес: — Калриссиан, иди. Мы еще встретимся... когда-нибудь.

Лэндо почувствовал, как Брия отодвигается, позволяя ему пройти. Игрок, больше всего на свете жаждавший оказаться в безопасности рядом с Дреей и ее шайкой, неожиданно для себя услышал собственный голос:

— Нет, Дрея. Я не пойду без госпожи Лаввал. Нельзя позволять Фетту ее забрать.

Бобу Фетта непросто было застать врасплох, но он слушал Лэндо Калриссиана, почти опешив. В его представлении Калриссиан всегда был щеголеватым трусом, и ничего более. Охотник оценивающе посмотрел на игрока и по решительному выражению на его лице понял: это не пустая болтовня и он взаправду не намерен уходить без Брии Тарен.

Взгляд мандалорского воина вернулся к Дрее Рентал. Что значит для нее Калриссиан? Очевидно, игрок был ее давним возлюбленным. Но Рентал — женщина практичная. Нельзя дорасти до вожака одного из крупнейших пиратских флотов, не будучи прагматичным и безжалостным. Может быть, Рентал просто прирежет Калриссиана за его глупую выходку — да еще и ради другой женщины!

Пиратская капитанша посмотрела в глаза Калриссиану и вздохнула.

— Лэндо, дорогой, ты красавчик и хороший танцор, но ты больно многого от меня хочешь. Почему я должна беспокоиться об этой девице? Она твоя новая подружка?

— Нет, — отрезал Калриссиан. — Между нами ничего нет, Дрея. Но Брия — подруга Хана Соло. Он рисковал жизнью в битве при Нар-Шаддаа, спасая твои истребители и «Кулак Рентал», чтобы их не разнес «Миротворец». Кажется, ты ему кое-чем обязана.

И снова Фетт был удивлен. Брия Тарен и Хан Соло? Вероятно,

то были дела давно минувших дней, так как Фетт следил за ней больше года и за это время она ни разу не контактировала с Соло.

Рентал заморгала.

— Брия? Ее зовут Брия? Как корабль Соло? Это та Брия?

Калриссиан кивнул.

— Да. Та самая Брия.

Капитанша скривила лицо и выругалась.

— Лэндо... ты просто обожаешь усложнять мне жизнь. Да я же из тебя всю душу вытрясу, приятель! Хорошо... ты прав: долг есть долг. — Сунув руку под жилет, она вытащила увесистый мешочек. — Драгоценности и кредитные чеки, Фетт. Здесь больше пятидесяти тысяч. Отпусти их обоих и можешь забирать челнок. Я не хочу драки... но я не позволю тебе уйти с добычей.

Боба Фетт оглядел плотные ряды пиратов, оценивая шансы на победу в битве. Тридцать два головореза — не слишком приятный расклад. Крепости брони, вероятно, хватит на то, чтобы уцелеть и сбежать, но Брия Тарен носила открытое вечернее платье. Ее непременно ранят, а то и убьют в перестрелке. А награда полагается только за живую и невредимую.

Боба Фетт перевел взгляд с вооруженных пиратов на Брию Тарен и ощутил, как в душе зарождается смутное чувство, в котором он с отвращением узнал облегчение. Ни сегодня, ни завтра Брия Тарен не умрет в муках. Мерзкий верховный жрец Илизии не будет потирать свои крохотные ладошки, хихикая от радости.

Фетт сделал глубокий вдох.

— За нее назначено сто тысяч, — объявил он.

— У-у! — Рентал посмотрела на Брию. — Дорогуша, что, во имя кашиикских демонов, ты натворила? Ну что ж, Фетт, кровопийца... — Повернувшись к своей банде, она раскрыла мешочек и протянула им. — Эй, ребята. Я хочу забрать свои пятьдесят процентов добычи прямо сейчас. Давайте сюда.

Лишь благодаря репутации Рентал возражений не последовало. Пираты начали рыться в карманах и кошельках, и вскоре мешок Рентал наполнился.

Она повернулась и бросила его охотнику. Фетт легко поймал мешочек, прикинул в руке вес и подчинился неизбежному. Выкуп за Брию Тарен был весомым.

Кивнув Лэндо, охотник произнес:

— В другой раз, Калриссиан.

Зубы картежника блеснули звериным оскалом.

— Буду ждать с нетерпением.

Брию мандалорский воин тоже удостоил кивка.

— До встречи, миледи.

Она выпрямилась, и охотник не мог не восхититься ее спокойствием.

— Надеюсь, что нет. Я буду осмотрительна.

Фетт повернулся к Рентал и сообщил:

— Взлетная палуба вон там.

— Верно, — кивнула капитан. — Мальчики, пропустите господина Фетта к взлетной палубе. Мы же не хотим иметь с ним проблемы, правда?

Подчинившись, пираты расступились, давая охотнику дорогу.

С мрачным достоинством Боба прошествовал мимо их рядов. Пираты на взлетной палубе также уступили ему дорогу. Выбрав корабль, Боба Фетт забрался внутрь, проверил приборы и дал сигнал на вылет, проследив, чтобы путь перед челноком был чист. Мгновение спустя охотник скрылся в черноте космоса.

Один.

У Брии голова шла кругом от неожиданного поворота событий. В один миг она считала себя трупом, а в другой — уже сидела в безопасности на челноке, везущем ее на флагман пиратов. «Бдительность Рентал» была огромна, в два раза больше корвета Брии. Легкий имперский крейсер типа «Каррака» достался Дрее Рентал как трофей в битве при Нар-Шаддаа. Вкупе с ее кореллианским корветом «Кулак Рентал» и эскадрильями бомбардировщиков флот пиратской королевы поистине впечатлял.

— Как только я опознал в захватчиках пиратов, я тут же понял, что это банда Дреи, — поделился с ней Лэндо, пока их челнок медленно плыл в космосе. Рентал между тем завершала свою абордажную операцию на «Королеве». — Мне уже доводилось видеть, как она проделывает этот трюк с гравитационной тенью астероида. Только у Дреи хватило бы духу и средств взяться за дело таких масштабов.

Брия посмотрела на спутника.

— Лэндо, я вам очень благодарна... Вы вступились за меня, хотя и не были обязаны. Это требует большой смелости.

Лэндо одарил ее самой обворожительной из своих улыбок.

— А что еще я мог сделать? Вы слишком очаровательны, чтобы оставлять вас Бобе Фетту.

Брия рассмеялась.

— Вообще-то, меня волновал не Боба Фетт. Скорее те, кому я нужна. Грязная компания. По сравнению с ними Боба Фетт — джентльмен и академик.

Помолчав, она ткнула большим пальцем в ту сторону, где, по

всем прикидкам, должна была находиться «Королева Империи».

— Что будет с пассажирами? Рентал... — она помешкала, — торгует рабами?

Лэндо покачал головой.

— Дрея? Нет. Ей нужны быстрые деньги. Работорговля — слишком хлопотно для нее. Она заберет ценности, обчистит корабль; может быть, возьмет несколько пленников ради выкупа. Как только выкуп заплатят, она вернет их целыми и невредимыми. Дрея — человек деловой. Она беспощадна, когда того требует ситуация, не поймите меня превратно, но она не работорговец.

Она смерила его взглядом. Лэндо протянул ладонь и взял девушку за руку.

— Поверьте мне, госпожа Брия. Я не стану вам лгать.

Брия кивнула и заметно расслабилась.

— Я вам верю, Лэндо, — сказала она. — Как же иначе, вы же защитили меня от Бобы Фетта. Я удивлена, что вы на такое решились.

Лэндо покачал головой, криво усмехаясь.

— Иногда я удивляю даже сам себя.

— Дрея Рентал отвезет нас на Нар-Шаддаа?

— О да, — кивнул Лэндо. — Вы же направляетесь в «Замок удачи», так?

Помедлив, она посмотрела на него искоса и промолвила:

— Ну... вообще-то, я здесь не за этим. С Нар-Шаддаа я возьму челнок до Нал-Хатты. Мне нужно попасть на очень важную встречу.

Лэндо вскинул брови.

— Какие дела вынуждают такую милую барышню, как вы, навещать столь дурно пахнущих бандитов, как хатты?

Она тоже криво улыбнулась.

— Ну-у...

Лэндо немного подождал, но больше она не проронила ни слова. Он тронул ее за руку.

— Брия... вы действительно можете мне доверять. Я хочу быть вашим другом.

Она глубоко вздохнула.

— Я должна поговорить с Джилиак. Я приложила немало усилий, чтобы уговорить ее на эту встречу, и она в конце концов согласилась. У меня к ней... деловое предложение.

Лэндо нахмурился.

— Тогда вам действительно придется взять челнок до Нал-Хатты. Джилиак в прошлом году стала матерью и с тех пор, полагаю, не выбиралась на Луну контрабандистов.

Брия кивнула.

— Я пойду, куда потребуется, и поговорю с тем, с кем будет нужно. — Она подняла взгляд на Лэндо. — Как я понимаю, Хан живет на Нар-Шаддаа? — Она не могла скрыть проблеска надежды в голосе.

Лэндо сочувствующе покачал головой.

— Боюсь, вы опоздали. Около года назад Хан махнул в Корпоративный сектор, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. Я не знаю, вернется ли он.

Брия закусила губу.

— Ох! — Она подняла глаза и кивнула. — Ну что ж, раз так... Я все равно не уверена, что он захочет меня видеть.

Лэндо снова улыбнулся.

— Я не могу представить мужчину, который не захочет вас видеть. С его стороны было глупо отпустить вас, если хотите знать.

Брия усмехнулась.

— Уверена, Хан бы с вами не согласился.

Их челнок приземлился в ангаре «Бдительности», и Брия, подобрав юбку, встала с кресла. Лэндо с серьезным видом подал ей руку, чтобы проводить по трапу.

— Кстати, — заговорил он, — каким образом вам удалось заслужить такую награду за вашу прелестную голову?

Она покачала головой.

— Лэндо, это очень-очень долгая история.

— Не сомневаюсь... но у Дреи уйдет еще пара часов, чтобы разобраться с «Королевой», так что у нас полно времени.

— Знаете, многое я просто не могу вам рассказать, — помешкала она.

Он улыбнулся.

— Почему я не удивлен? Знаете что... Я раздобуду вина, а вы мне расскажете то, что не секретно. Идет?

Девушка в ответ рассмеялась.

— Идет.

Интерлюдия 2
МЕЖДУ КОРПОРАТИВНЫМ СЕКТОРОМ И ГЕГЕМОНИЕЙ ТИОН

Медленно проснувшись, Хан Соло попытался продрать глаза, саднившие, словно от песка, и справиться с невыносимым натиском дневного света. Голова гудела, как сломанный двигатель, во рту было хуже, чем в кормушке у банты. Он застонал и перекатился на живот, заслоняя глаза от жуткого

солнца.

Через несколько минут ему удалось сесть, держась за голову, в которой пребывала лишь одна мысль: на кой хатт он закатил прошлой ночью вечеринку? Одну из многих в длинном ряду...

У него имелись смутные воспоминания, что вчера было весело — очень и очень весело. Полубессознательно он потянулся за рюкзаком, нашарил лекарство от головной боли и всухую проглотил его. Затем лег обратно на кровать и несколько минут лежал с закрытыми глазами не шевелясь, пока оно не подействовало и головная боль не отступила.

Полностью открыв глаза, он оглядел комнату, погруженную в полумрак. Следы разбросанной еды, бутылок и прочие признаки беспорядка наглядно показывали, что вечеринка удалась на славу. Как же звали ту девушку? Вспомнить ему не удалось.

Но время они провели, очевидно, весьма неплохо.

Уже несколько недель Хан жил на широкую ногу — за счет кредитов, которые получил от счетовода государственной службы Корпоративного сектора. Смутно он сознавал, что запасы кредитов стали заметно меньше, чем несколько недель назад, когда он распрощался с Фиоллой.

Вспомнив о ней, он пожалел, что ее сейчас нет рядом. Но когда он собирался лететь прочь из Корпоративного сектора, Фиолла купила билет домой, заявив, что должна вернуться к работе, — тем более что она рассчитывала получить повышение за то, что смогла разоблачить сеть работорговцев.

С тех пор Хан и Чуи побывали по меньшей мере на пяти планетах. Хан мутным взором глядел на солнечный свет, который пробивался из-под занавески гостиничного номера. На фоне белой ткани тот имел слегка оранжевый оттенок. Где же он все-таки находится? Вспомнить кореллианин не мог, как ни старался. Поднявшись с кровати, он отправился в ванную. Головную боль удалось взять под контроль, и теперь он начинал чувствовать голод. Соло встал под душ и с шумным выдохом прислонился к выложенной плиткой стене, позволив горячей воде стекать по телу...

Он обнаружил, что думает о доме. Может быть, пора вернуться на Нар-Шаддаа, пока у него еще остались деньги?

На него нахлынули воспоминания о друзьях. Джерик, Мако... и, конечно, Лэндо. Как этому щеголю живется в нынешнее время? Нашел ли он корабль на замену «Соколу»?

И как там Брия?

Хан вздохнул. Может быть, когда он вернется в Империю, все-таки попробует ее разыскать.

«Да, верно, — решил он. — Это будет совсем просто. Всего

лишь найти секретный штаб кореллианского сопротивления, ввалиться туда, потребовать встречи со старой подругой… и заработать выстрел между глаз. Именно так, Соло…»

Почувствовав себя немного лучше, Хан выключил воду и пошел одеваться. Он решил раздобыть что-нибудь съестное, а потом отправиться обратно за «Соколом Тысячелетия» и Чубаккой. Пора покинуть эту планету… как бы она ни называлась.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ОТКАЗЫ

Расположившись вместе с теткой в зале аудиенций на Нал-Хатте, Джабба слушал выступление Брии Тарен перед кланом Десилиджик. Он должен был признать, что женщина говорила хорошо… для человека.

— Всемогущая Джилиак, — Брия поклонилась ей, широко раскинув руки, — только подумайте, какие возможности откроются для вашего клана. Если Десилиджики всего-навсего обеспечат наши силы боеприпасами и топливом, кореллианское сопротивление гарантирует, что Илизия больше не помешает вашим делам. Разве вы не стремитесь низвергнуть Бесадии? За такую скромную цену! Мы предоставим войска, оружие, корабли…

— Но вы заберете спайс, хранящийся на складах, — указала Джилиак на хаттском. Их протокольный дроид, K8LR, мгновенно перевел слова предводительницы клана. Репульсорное кресло Джилиак слегка качнулось, когда она наклонилась вперед, чтобы пристально посмотреть на командира повстанцев. — Вы твердите лишь о наших вложениях… А нам нужна выгода.

Брия Тарен покачала головой.

— Поскольку весь риск принимаем мы, ваше превосходительство, спайс тоже по праву наш. На организацию восстания требуются большие расходы. Мы не можем просто так уничтожить ваших врагов и не получить ничего взамен.

Мысленно Джабба с ней согласился. Почему Джилиак так упряма?

Впервые за вечер Джабба заговорил — на общегалактическом, которым он владел, но редко использовал:

— Позвольте мне удостовериться, что я до конца понял суть вашей просьбы, коммандер.

Брия с легким поклоном повернулась к нему:

— Разумеется, ваше превосходительство.

— Первое. — Джабба начал загибать пальцы. — Десилиджики предоставят вам средства на приобретение боеприпасов и топлива для штурма Илизии. Второе: Десилиджики озаботятся тем, чтобы жрецы т’ланда-тиль были уничтожены до начала атаки… верно?

— Да, ваше превосходительство, — подтвердила Брия.

— Зачем для этого вам нужны мы? — свысока спросила Джилиак. — Если ваша группировка так эффективна, вам вполне

по силам справиться с кучкой жалких т'ланда-тиль.

— Потому что у нас будет куда больше шансов получить контроль над паломниками, если жрецы будут убиты, — пояснила Брия Тарен. — Вашему каджидику вполне по средствам это организовать. По данным нашей разведки, на всей планете жрецов не более тридцати. В среднем по три на каждую колонию. Кроме того... мы не хотим, чтобы нашим солдатам пришлось бороться с эмпатическим воздействием т'ланда-тиль. Нам нужно, чтобы бойцы были сконцентрированы на битве.

— Понимаю, — сказал Джабба. — Третье: ваши отряды высадятся на планете и взорвут фабрики Бесадии. Вы уничтожите их так основательно, что Бесадии будет попросту нечего восстанавливать.

— Все верно, ваше превосходительство, — подтвердила командир повстанцев. — Мы берем этот риск на себя. Конечно, мы также заберем паломников и спайс со складов.

— Логично, — вставил Джабба. — Ваше предложение заслуживает того, чтобы обдумать его, коммандер. Мы...

— Нет! — Джилиак недовольно фыркнула и махнула рукой. — Мы услышали достаточно. Спасибо, но...

— Тетя! — громко сказал Джабба. Когда Джилиак замолкла и с удивлением воззрилась на племянника, он понизил голос и продолжил по-хаттски: — Могу я поговорить с тобой наедине?

Джилиак негромко посопела, но все же кивнула.

— Хорошо, племянник.

Когда дроид проводил Тарен из зала и попросил подождать их решения, Джабба произнес:

— Тетя, предложение слишком хорошее, чтобы отказываться. Подряди мы наемников, чтобы уничтожить илизианские предприятия, нам пришлось бы потратить намного больше того, что мы должны заплатить этим повстанцам. Это вышло бы... — он быстро произвел мысленные подсчеты, — по меньшей мере в пять раз дороже. Мы должны согласиться.

Джилиак насмешливо посмотрела на племянника.

— Джабба, чему я тебя учила? Десилиджикам никогда не след поддерживать одну из сторон в войне. Ты хочешь, чтобы мы примкнули к сопротивлению? Эта стратегия ведет к катастрофе!

Джабба сделал глубокий вдох и мысленно перебрал весь хаттский алфавит, прежде чем ответить.

— Тетя, я ни в коем случае не предлагаю вступить в союз с этими повстанцами. Но мы можем и должны использовать их, чтобы поддержать собственные интересы! Эта женщина и ее сопротивление — подарок судьбы. Брия Тарен — идеальный командир для этого налета.

— Почему? — Джилиак моргнула и уставилась на племянника.

Джабба выдохнул резко и раздраженно.

— Вспомни, тетя, кто были те два человека, которые много лет назад убили Заввала и сбежали с Илизии? Помнишь, я расследовал этот вопрос, после того как Хан Соло поступил к нам на службу?

Джилиак нахмурилась.

— Не припоминаю...

— Так вот, я его расследовал. Хан Соло сбежал с Илизии на украденном корабле, доверху набитом сокровищами Тероензы, да в придачу с любимой рабыней верховного жреца. Ее звали Брия Тарен, тетя. Та самая! У нее давние счеты с Илизией! Она не остановится ни перед чем в своем стремлении покончить с рабовладельческой планетой Бесадии.

Джилиак продолжала хмуриться.

— И что с того, что ей нужно свести личные счеты? Какая нам от этого выгода?

— Ничто не удовлетворит потребности Десилиджиков лучше, чем крах этих треклятых спайсовых фабрик! Только представь! Бесадии, униженные и разоренные! Вот в чем выгода!

Джилиак покачалась взад-вперед, глядя выпуклыми глазами в пустое пространство, словно пытаясь мысленно представить, как сработает задумка.

— Нет, — наконец отрезала она. — Это плохой план.

— Это хороший план, тетя, — настаивал Джабба. — И с небольшими доработками все может получиться. — После паузы он добавил: — При всем уважении, Джилиак, я не думаю, что ты обдумала вопрос со всех сторон.

— Да ну? — Джилиак отклонилась назад и выпрямилась, нависнув над родственником. — Племянник, твое суждение ошибочно. Я была очень осторожна все эти годы, в отличие от тебя с твоим безалаберным родителем, который своими грандиозными планами чуть не обанкротил Десилиджиков. И которому потом хватило глупости угодить на грязную тюремную планету Кип. Однако...

Джабба не любил, когда ему напоминали о Зорбе и его расточительстве.

— Тетя, я — не мой родитель, и ты это знаешь! При всем уважении, я считаю, что твой характер стал мягче, а аналитические способности ослабели. Мы должны покончить с Бесадии быстро, или будем уничтожены сами. Каковы твои конкретные возражения?

Джилиак заворчала. В углу ее дряблого рта появилась капля

зеленой слизи.

— Слишком рискованно, слишком много неопределенностей. Люди недостаточно умны, чтобы точно предсказать их поведение. Они легко могут выдать нас Бесадии, после того как заберут наши кредиты.

— Эти повстанцы слишком преданы своему делу, — напомнил ей Джабба. — Ты права, заявляя, что ты не понимаешь людей, тетя. Эти солдаты и их командир достаточно решительны и глупы, чтобы рисковать своими шкурами ради этих жалких рабов. Таковы люди. Особенно эта конкретная женщина.

— А ты, значит, их понимаешь? — фыркнула Джилиак. — Откуда проистекают такие глубокие познания, племянник? От полуголых танцовщиц, скачущих по твоим залам и комнатам?

Джабба всерьез начинал злиться.

— Да, я их понимаю! И я понимаю, что такие предложения нельзя выбрасывать на помойку!

— Так ты хочешь, чтобы мы подстроили убийство тридцати т'ланда-тиль ради кореллианского сопротивления? — вскипела Джилиак. — Что, если это раскроется здесь, на Нал- Хатте? Т'ланда-тиль поднимут бунт! Они наши дальние родственники, племянник. А люди — ничто!

Об этом Джабба не подумал. Он помолчал, размышляя над аргументом.

— И все же это можно организовать, — прикинул он. — В конце концов, нам и раньше сходили с рук многочисленные убийства.

— Кроме того, — надувшись, заявила Джилиак, — я не хочу, чтобы илизианская компания рухнула. Что хорошего даст нам триумф над Бесадии, если фабрики спайса будут разрушены?

— Мы можем построить другие фабрики, — предложил Джабба. — Все лучше, чем если Бесадии продолжат хранить там спайс и будут вздымать цены выше и выше!

Джилиак покачала головой.

— Я глава клана, и мое решение — нет. Покончим с этим, племянник.

Джабба попытался продолжить спор, но она отмахнулась от него и громко позвала дроида и командира повстанцев. K8LR поспешно сопроводил гостью обратно в зал, неустанно делая учтивые комплименты ее отваге.

Джилиак метнула раздраженный взгляд на Джаббу и громко фыркнула.

— Итак, как я уже говорила ранее, до того как меня перебили... — она многозначительно посмотрела на племянника, — мы ценим ваше предложение, но наш ответ — нет.

Десилиджики не станут рисковать, союзничая с повстанцами в этом деле.

От Джаббы не ускользнуло разочарование, отразившееся на лице Брии Тарен. Девушка вздохнула, расправляя плечи.

— Что ж, ваше превосходительство. — Она сунула руку в карман униформы и что-то оттуда выудила. — Если вы когда-либо передумаете, можете связаться со мной...

Джилиак отмахнулась от предложенной визитки и недовольно покосилась на племянника, когда тот потянулся за ней. Взяв визитку, Джабба посмотрел на Брию.

— Я сохраню это, — пообещал он. — Прощайте, коммандер.

— Благодарю вас за аудиенцию, ваши превосходительства, — произнесла она с глубоким поклоном.

Джабба проводил ее взглядом и поймал себя на том, что думает, как восхитительно она смотрелась бы в наряде танцовщицы. Эти огненные волосы, рассыпающиеся по обнаженным плечам. Это тренированное, прекрасно сложенное тело. Женщина обладала высоким ростом, но была стройной, даже изящной. Ах, какая была бы танцовщица!

Джабба вздохнул.

— Джабба, — нарушила молчание его тетка, — мне не нравится, с каким неуважением ты отнесся к моему решению. Никогда не забывай, что мы, Десилиджики, всегда должны представать едиными и сплоченными, когда ведем дела с иными расами.

Джабба не ответил. Он все еще был очень зол на то, что тетя отказалась разглядеть такую прекрасную возможность.

«Будь я главой Десилиджиков, — думал он, — мне бы не пришлось считаться с ее параноидальным консерватизмом. Иногда нужно рисковать, чтобы достичь больших целей. Материнство сделало ее слабой и глупой...»

Только тогда Джаббе впервые пришло в голову, что, не будь Джилиак, он, Джабба Десилиджик Тиуре, стал бы следующим главой клана. Ему бы не пришлось отвечать ни перед кем.

Джабба лежал, задумчиво двигая хвостом и бросая косые взгляды на тетку. Вдруг живот ее раскрылся, и оттуда выполз детеныш.

— Мамочкина прелесть! — воскликнула она. — Джабба, посмотри! Растет не по дням, а по часам!

Она заворковала с малышом. Джабба поморщился, скривился и поспешно удалился из зала, не в силах хоть секундой дольше выносить это зрелище.

Брия Тарен подняла бокал вина и, медленно отпив из него, улыбнулась собеседнику.

— Это чудесно. Огромное спасибо, Лэндо. Вы не представляете, как давно я в последний раз могла позволить себе вот так расслабиться.

Лэндо Калриссиан кивнул. Брия этим утром вернулась с Нал-Хатты на Нар-Шаддаа после, как она выразилась, «неутешительной» беседы с главой Десилиджиков. Чтобы поднять ей настроение, игрок угощал ее ужином с филе нерфа в одном из лучших казино-отелей на Луне контрабандистов, «Замке удачи». Брия облачилась в бирюзовое платье под цвет глаз, ниспадавшее мягкими складками, а Лэндо — в черно- алый костюм, «дань старым временам».

— Насколько давно? — уточнил Лэндо, медленно крутя в руках собственный бокал. — Думаю, быть командиром повстанцев — хлопотное занятие. Почти такое же хлопотное, как и быть дамой моффа.

Она вскинула на него внезапно заледеневший взгляд и прищурилась.

— Как вы узнали? Я никогда вам не говорила, что...

— Нар-Шаддаа — преступное гнездо Галактики, — напомнил ей Лэндо. — Торговец информацией был мне кое-что должен, и я его порасспросил на ваш счет. Коммандер Брия Тарен, не так ли?

Она сжала губы и ответила коротким кивком.

— Послушайте, — сказал Лэндо, протягивая руку и осторожно касаясь ее ладони, — разве я не говорил, что вы можете мне доверять? Верьте мне. Я не питаю симпатий к Империи. Не будь я трусом до мозга костей, я бы и сам пошел в повстанцы. Я знаю много секретов и умею их хранить.

Она натянуто улыбнулась.

— Кем бы вы ни были, вы не трус, Лэндо. Никого, кто пошел против Бобы Фетта, нельзя назвать трусом. Вы хороший пилот, у вас ясный ум и голова на плечах. Вас бы очень скоро произвели в офицеры. — Помедлив, она добавила более серьезным тоном: — А что касается моффа Сарна Шильда... могу лишь сказать, что видимость обманчива. Я выполняла задание сопротивления, но, в сущности, была для него только ассистенткой и спутницей, державшей его под ручку на публике, хотя сам он, конечно, хотел, чтобы все думали иначе.

— Но вы еще и шпионили за ним.

— Лучше сказать, собирала разведданные.

Он усмехнулся.

— Так куда же вы направляетесь завтра, когда покинете Нар-Шаддаа?

— Вернусь к своей эскадрилье и примусь за новое задание — каким бы оно ни было. Я потеряла двух старших офицеров и превосходного солдата. — Ее лицо помрачнело. — Фетт убил их мимоходом, словно раздавил насекомое.

— Вот поэтому он и считается самым опасным охотником в Галактике, — заметил Лэндо.

— Да... — Она сделала еще глоток вина. — Это человек-армия. Как жаль, что он верен Империи. Он пригодился бы нам в бою!

Лэндо воззрился на нее.

— Для вас это значит больше, чем все прочее, не так ли? Победить Империю?

Она кивнула.

— Это моя жизнь, — просто сказала она. — Я отдам все, что у меня есть, чтобы осуществить эту мечту.

Лэндо взял ломтик плоского хлебца, намазал его кашиикским лесным медом и откусил.

— Но вы уже посвятили годы этой цели. Когда Брия Тарен получит возможность жить своей жизнью? Когда вы просто скажете «хватит»? Вы не хотите когда-нибудь обзавестись домом, семьей?

Она грустно улыбнулась.

— Последним, кто задал мне этот вопрос, был Хан.

— Правда? Когда вы оба были на Илизии? Это было давно?

— Да, — подтвердила она. — Я так рада, что у меня есть возможность поговорить с вами, выяснить, как у него дела. Знаете, Лэндо, через несколько месяцев стукнет ровно десять лет со дня нашей первой встречи. Мне с трудом в это верится... и куда ушло время?

— Куда и всегда, — ответил Лэндо. — В центре Галактики есть огромная черная дыра, которая его засасывает.

Она пожала плечами и усмехнулась.

— Хорошее объяснение. Надо будет запомнить.

Игрок налил еще вина.

— Так или иначе, вы не ответили на мой вопрос. Когда будет время пожить для Брии?

Их взгляды встретились, и она долго не отводила глаз.

— Когда Империя будет повержена, а Палпатин умрет, я подумаю о том, чтобы остепениться. Я бы хотела завести ребенка... когда-нибудь. — Она улыбнулась. — Думаю, я все еще помню, как готовить и вести домашнее хозяйство. Моя мать немало времени потратила на то, чтобы превратить меня в достойную будущую жену. Я получила достаточно наставлений о том, как исполнять женские «обязанности».

Лэндо широко улыбнулся.

— Полагаю, ей бы несильно понравился ваш нынешний облик. Одеты в военную форму и вооружены до зубов.

Девушка рассмеялась и закатила глаза.

— Бедная мама! Как хорошо, что она меня не видит. Она бы в обморок упала от ужаса!

Официант подал им горячее, и они оба занялись тарелками.

— Лэндо, это восхитительно, — произнесла Брия. — С армейской едой не идет ни в какое сравнение.

Темнокожий игрок улыбнулся.

— Вот еще причина, почему я не могу вступить в сопротивление, — сказал он с набитым ртом. — Я люблю изысканную пищу. Не думаю, что вынес бы строгую диету из армейских пайков.

Она кивнула.

— Но вы удивитесь, к сколь многому можно привыкнуть... при достаточной практике.

— Даже выяснять не хочу, — весело сказал Лэндо. — Как я могу все это бросить? — Он обвел рукой уютный ресторан и сверкающую суету игровых столов.

Собеседница снова кивнула.

— Должна признать, я с трудом представляю вас в униформе повстанца.

— По крайней мере, без основательной перекройки, — добавил Лэндо, и они оба рассмеялись.

— Вы когда-нибудь бывали в бою? — спросила она чуть более серьезным тоном.

— О, разумеется, — отозвался Лэндо. — Я неплохой стрелок, да и пилот не последний. Я побывал в переделках там и сям. И конечно, в битве при Нар-Шаддаа. Мы с Ханом и Саллой были в гуще событий.

— Расскажите, — попросила она. — Меня поражает, что контрабандисты — такие независимые и непрошибаемые, какими их все представляют, — смогли объединиться, чтобы дать отпор имперскому флоту.

Всегда готовый поведать о своих приключениях благодарной публике, Лэндо начал подробный рассказ о том, как контрабандисты объединили силы с пиратским флотом Дреи Рентал и уничтожили орду имперских истребителей и несколько крупных боевых кораблей. Брия слушала серьезно и внимательно, периодически задавая вопросы по тактике и стратегии и побуждая его продолжать рассказ.

Наконец Лэндо закончил. Они заказали десерт, и Брия откинулась на спинку стула, ожидая, когда официант унесет

тарелки.

— Потрясающая история! — выпалила она. — Меня всерьез поразили дерзость и мастерство контрабандистов. Они все превосходные пилоты, не так ли?

— Им приходится такими быть — по-другому от таможенных фрегатов Империи не уйти, — разъяснил Лэндо. — Контрабандисты могут справиться почти с чем угодно — они лихачат в астероидных полях, играют в жмурки с туманностями и космическими бурями, они могут посадить корабль едва ли не на любую поверхность. Хорошего контрабандиста ничто не напугает. Я видел, как они совершали посадку, борясь с переменной гравитацией астероидов едва ли крупнее их собственных кораблей. Смена гравитации, атмосферная турбулентность, песчаные бури, шторма, тайфуны — они знают, как со всем этим управиться.

Брия не сводила с него пристального взгляда.

— Разумеется. Вполне естественно, что контрабандисты — самые опытные в Галактике пилоты... Но они также и хорошие бойцы, не так ли?

Лэндо махнул рукой.

— О, как же иначе, когда имперцы лезут изо всех щелей и давай палить из главного калибра. Конечно, в битве при Нар-Шаддаа контрабандисты сражались за свои дома и собственность. В противном случае большинство из них потребовали бы плату за свои услуги.

Девушка моргнула, словно ей в голову только что пришла нежданная мысль.

— Вы хотите сказать... контрабандистов можно нанять для участия в военных действиях?

Лэндо пожал плечами.

— Почему нет? Большинство контрабандистов сродни каперам. Если они видят в чем-то выгоду, вполне могут рискнуть чем угодно.

Она задумчиво потрогала нижнюю губу аккуратно подстриженным ногтем. Лэндо вдруг задержал взгляд на ее руке.

— Подождите, — сказал он, наклоняясь вперед, чтобы взять ее руку в свои и осторожно рассмотреть. — Что произошло, Брия?

Она глубоко вздохнула.

— Эти старые шрамы? Сувенир с илизианских спайсовых фабрик. Обычно при выходе в свет я скрываю их косметикой, но все осталось на борту «Королевы», помните?

— Дрея пообещала мне вернуть все обратно, — напомнил Лэндо. — Я сказал ей номер вашей каюты. — Он выглядел смущенным. — Мне так неудобно, что я затронул эту тему.

Просто... вы мне небезразличны. И мне больно видеть эти шрамы и знать, что вам пришлось пережить на той планете.

Она погладила его руку.

— Понимаю. Очень мило с вашей стороны проявлять заботу, Лэндо. Но не обо мне вам следует беспокоиться. На Илизии каждый день гибнут невольники. Хорошие люди — и нелюди, конечно. Они заслуживают лучшей участи, чем прозябание в бесконечных муках, голоде и жестокости.

Игрок кивнул.

— Хан делился со мной этими мыслями однажды. Он чувствует то же, что и вы... Но мы едва ли можем как-то исправить ситуацию, ведь так?

Она метнула на него гневный взгляд.

— Мы можем, Лэндо. И пока я дышу, я не брошу этих паломников. Придет день, когда я покончу с этим адом раз и навсегда. — Неожиданно Брия расплылась в бесшабашной ухмылке и тем напомнила Лэндо его давно отсутствующего друга. — Как сказал бы Хан, «даже не сомневайтесь».

Калриссиан усмехнулся.

— Я только что подумал, что временами вы просто точная сто копия.

— Хан подал мне хороший пример, — кивнула девушка. — Он меня многому научил. Как быть сильной, смелой и независимой. Вы не поверите, каким я была бесхарактерным нытиком.

Лэндо покачал головой.

— Не поверю.

Она оглядела свои шрамы. Тонкими белыми линиями на смуглой коже они пересекали руки и предплечья, как паутина.

— Хану тоже было больно на них смотреть, — негромко проговорила она.

Лэндо некоторое время изучал ее лицо.

— Он ведь для вас один такой, не так ли? — наконец решился он. — Вы все еще его любите.

Она сделала глубокий вдох.

— Один такой, — уверенно и серьезно подтвердила она.

Зрачки Лэндо расширились чуть заметно.

— То есть... вообще? И никого другого?

Она кивнула.

— У меня была пара кандидатов. Но моя жизнь — в сопротивлении. И... — она пожала плечами, — честно говоря, после Хана другие мужчины кажутся... блеклыми.

Лэндо с сожалением рассмеялся, осознав, что, несмотря на все его усилия и устремления, сердце Брии принадлежит Хану —

и, скорее всего, навеки.

— Что ж, по крайней мере, когда он вернется из Корпоративного сектора, я не получу в глаз за то, что вас увел, — хмыкнул он. — Да, во всем есть позитивные моменты.

Девушка с улыбкой подняла бокал.

— Я предлагаю тост. За человека, которого я люблю. За Хана Соло.

Лэндо чокнулся с ней.

— За Хана, — согласился он. — За самого везучего парня в Галактике...

Посреди гостиной в доме Маллатобак на Кашиике Хан Соло любовался тем, как его лучший друг нежно баюкает малыша.

Они приземлились на родине Чуи всего около часа назад, по пути из Корпоративного сектора. «Сокол» был надежно укрыт в тайном ангаре в ветви врошира. В этот раз для удобства Хана вуки подготовили несколько связанных из лиан лестниц, чтобы кореллианин мог вскарабкаться на деревья. Уже зная, что такое куулаар, он наотрез отказывался залезать в него.

Когда они сели, Хан заметил что-то странное. Все вуки, которых они встречали по пути, бросали на Чубакку многозначительные взгляды и подталкивали друг друга под локоть. Чубакка, казалось, не обращал на них внимания, так как ему не терпелось повидать любимую. В конце-то концов, он не видел ее почти год...

А потом они вошли в дом Маллы и застали ее с маленьким свертком в руках. Чубакка застыл в дверях, и на его мохнатом лице расцвело выражение невероятной радости.

Хан почти с силой вуки хлопнул своего друга по спине.

— Эгей, поздравляю, Чуи! Ты же отец!

Малыша-вуки Хан счел удивительно милым, но решил не мешать новоиспеченным родителям и отправился на кухню, чтобы Чуи мог спокойно побыть с семьей. Кореллианин порылся в холодильнике и нашел кое-чего перекусить, довольный, что Малла разрешила ему чувствовать себя как дома.

Он сидел, слушая, как Чуи и Малла в соседней комнате обсуждают имя для сына, и мысли его возвращались к Корпоративному сектору, Гегемонии Тион и всем приключениям, которые он там пережил. Что ж, разбогатеть ему не удалось... но сложилось все, по его мнению, не так уж плохо.

Он повстречал немало запоминающихся личностей — иногда приятных, иногда не очень. И куда уж без очаровательных дам: Джесса, Фиолла... и Хасти.

Хан улыбнулся воспоминаниям.

Конечно, были и плохие парни. Те, которые пытались вытрясти из него деньги или, того хуже, прикончить его. Серьезная компания... Плуво Два-к-одному, Хиркен, Зларб, Мэгг, Спрей... и Галландро. Крепкий орешек этот Галландро. Было бы забавно выставить его на бой без правил против Бобы Фетта и оружие раздать одинаковое. Галландро, вероятно, уделал бы охотника... хотя броня Фетта дала бы тому дополнительную защиту...

Хан так и не смог решить, кто бы из них выиграл. Так или иначе, рассуждения были напрасны, так как Галландро превратился в кучку угольков на Деллалте, в «сокровищницах» Ксима.

А еще было здорово повстречать Роа и Бадура. Надо будет не забыть сказать Мако, что Бадур передавал ему привет...

Хан с удивлением понял, что ему действительно не хватает Боллукса и Синего Макса. Он никогда не думал, что дроиды могут обладать такой яркой личностью, и надеялся, что Скинкс хорошо обращается с ними обоими...

Кореллианин потрогал пальцем свежезалеченный ножевой порез на подбородке. У него не было времени как следует его обработать, и на месте пореза остался заметный шрам. С другой стороны, стоит ли вообще его удалять?

Не Лэндо ли всегда утверждал, что женщины не могут устоять перед негодяем? Именно поэтому игрок отрастил себе усики, утверждая, что они придают ему лихой пиратский вид. Хан решил пока шрам сохранить. В конце концов, чем не тема для разговора? Он представил, как сидит в излюбленном баре на Нар-Шаддаа и рассказывает захватывающую историю какой-нибудь хорошенькой восторженной девушке...

«Следующая станция — Нар-Шаддаа, — постановил он. — Интересно, Джабба по мне соскучился?»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ

— Пошел вон! — Дурга Бесадии Тай закатил глаза и велел низкорослому убезийцу, играющему на колокольчиках, убираться из тронного зала. — Хватит!

Хаотичные переливы высоких нот были приятны на слух, но не могли придать ему сил сделать то, что он давно должен был сделать.

Месяц за месяцем, час за часом текли бесцельно и приносили лишь разочарование. Ни один предпринятый шаг не приблизил его к ответу, кто организовал убийство его возлюбленного родителя. Дурга уткнулся взглядом в пустую стену одного из металлических заслонов, опустившихся с потолка, чтобы отгородить комнату от потенциальных подслушивателей. Включив связь, Дурга с мрачным видом активировал и защитное поле. Ему не хотелось, чтобы кто-то знал о том, что он собирается сделать. Ни Зир... ни Осман, его дворецкий... никто.

После всех своих трудов и поисков Дурга не смог установить даже слабую связь между смертью Арука и Тероензой с Десилиджиками. И ничто не указывало на заговор между ними.

Час настал. Дурга немного поерзал, чтобы снизить напряжение. Его хвост дергался и извивался — для хаттов это было аналогом нервного хождения по комнате. «Если я буду достаточно осторожен, возможно, мне удастся спасти свою голову от петли, — сказал он себе. — Даже так цена может оказаться чрезмерно высока. Но я не могу больше выносить неопределенность...»

Защитное поле встало, изолировав помещение. Дурга в последний раз запустил сканирование зала на прослушку, но не обнаружил ни единой лазейки для слежки или утечки информации. Активировав систему связи, хатт направил сигнал по защищенному каналу. «Может, Ксизора не будет на месте...» — подумал он почти с надеждой.

Но если бы все было так просто. Хатта перенаправляли от одного подчиненного к другому, и каждый был подобострастнее предыдущего. Когда у Дурги начало возникать подозрение, что он угодил в замкнутый круг, над передающей платформой высветилась прозрачная фигура фаллиинского принца. Матово-зеленое лицо Ксизора слегка посветлело, когда он узнал звонившего. Принц учтиво улыбнулся. «Нет ли в этой улыбке доли лукавства?» Дурга велел себе не быть параноиком...

Теперь, когда он ввязался в это, отступать было некуда. Он склонил голову перед главарем «Черного солнца» и произнес:

— Принц Ксизор... мое почтение.

Принц улыбнулся, и его глаза, еще более зловещие от проникавшего сквозь изображение света, обратились к хатту.

— О, господин Дурга, мой дорогой друг! Сколько лет сколько зим... Уже больше года от вас нет ни весточки. У вас все хорошо? Я уже начал снова беспокоиться. Чему обязан такой честью?

Дурга собрался с мыслями.

— Я в полном порядке, ваше высочество. Но у меня по-прежнему нет улик, указывающих наличность убийцы моего отца. Я поразмыслил над вашим предложением помощи и хотел бы теперь принять его. Я прошу вас использовать ваши информационные и разведывательные сети, чтобы подтвердить или опровергнуть мои подозрения.

— Вот как!.. — протянул Ксизор. — Это крайне неожиданно, господин Дурга. Я думал, семейные обычаи обязывают вас обнаружить убийцу самому?

— Я пытался, — заметно напрягшись, признал Дурга. Ему не нравилось, что Ксизор теперь с ним спорит. — Ваше высочество... однажды вы предложили помощь «Черного солнца».

Теперь я очень хотел бы принять ваше предложение... если цена будет приемлема, — добавил Дурга.

Ксизор кивнул и ободряюще улыбнулся.

— Господин Дурга... не беспокойтесь, я всегда к вашим услугам.

— Я должен знать, кто убил Арука. Я заплачу вашу цену... в разумных пределах.

Улыбка Ксизора исчезла, и он выпрямился.

— Господин Дурга, вы ошибаетесь на мой счет. Деньги мне не нужны — нужна только ваша дружба.

Хатт уставился на изображение, пытаясь понять, что же стоит за словесными играми принца.

— Простите меня, ваше высочество, но я предполагаю, что вам нужно нечто большее.

Ксизор вздохнул.

— Ах, друг мой, ничто не дается так просто, как мы бы того хотели, верно? Да, я тоже кое-что хотел бы у вас попросить. Простой жест дружбы. Как глава клана Бесадии, вы посвящены в информацию о планетарной обороне Нал-Хатты. Я хотел бы иметь краткую сводку по вооружению и щитам, с точной их силой и расположением.

Фаллиинский принц улыбнулся, и на этот раз усмешка была более чем явной.

Дурга вздрогнул, но заставил себя справиться с нахлынувшим страхом. Оборона Нал-Хатты? Для чего ему это? Не планирует же «Черное солнце» вторжение? Или планирует?

Может быть, это просто проверка. Маловероятно, что Ксизор замышляет что-то подобное... но нельзя знать наверняка. Дурга вспомнил широкие, изрезанные реками земли за пределами его дворца. При наихудшем раскладе у Бесадии нет такой уж большой нужды в Нал-Хатте; его клан мог обойтись без этой «сверкающей драгоценности», давным-давно ими завоеванной. В конце концов, у них была система Илизии...

А что до прочих кланов — что ж, они и без того слишком быстро становились ему врагами. Во многом из-за этого официального осуждения и миллионного штрафа...

Дурга посмотрел на уменьшенную копию портрета старого Арука, стоящую в маленькой нише его пьедестала, потом снова перевел взгляд на голограмму.

— Информация будет вашей, — пообещал он, — но я должен знать.

Ксизор склонил голову.

— Как только мы ее получим, тут же предпримем все усилия, чтобы помочь вам, господин Дурга. Прощайте...

Дурга снова поклонился со всей искренностью, на которую был способен, и отключил связь. Живот у него скручивало, и он ощущал весьма недоброе предчувствие относительно всей этой затеи...

Ксизор отвернулся от коммуникационной панели и обратился к Гури. Уголки его четко очерченных губ тронула искренняя улыбка.

— Это было намного проще, чем я думал. Клин вбит глубоко, и в скором времени Дурга и Бесадии отколются от хат- тов. Интересно, что же таится в скользком сердце Дурги, что заставляет его предать весь свой род ради вкуса возмездия.

Репликант смотрела на него, спокойная, как и всегда.

— Мой принц, ваше терпение наконец приносит плоды. Все каджидики единогласно осудили Бесадии — это было весьма неожиданно.

— О да. — Фаллиин сложил руки и сплел между собой длинные ногти. — Дурга не питает ни малейших симпатий к своим собратьям, если раньше таковые и были. Его скорбь и эмоциональная несдержанность дадут нам ключ к владениям хаттов. Это — да еще стремление Десилиджиков решать сложные проблемы простым путем. У тебя ведь есть доказательство,

которое необходимо Дурге, не так ли, Гури?

Лицо дроидессы не изменилось.

— Разумеется, мой принц. Гражданин Грин оказал нам большую услугу, найдя его и сбив экспертов со следа. Он весьма компетентен.

Ксизор сбросил с плеча хвост волос.

— Выжди восемь суток — этого хватит, чтобы создать видимость, будто мы проводили расследование. Потом доставь материал лично Дурге, — распорядился он. — Когда хатт увидит его, он захочет немедленно бросить вызов Десилиджикам. Отправляйся с ним, Гури. Если потребуется, окажи ему помощь в отмщении Джилиак. Но Джаббе не должно быть причинено никакого вреда. Джабба был полезен мне в прошлом, и я ожидаю от него пользы в будущем. Тероенза также играет свою роль в наших планах, поэтому он тоже должен остаться невредим. Ясно?

— Ясно, — подтвердила Гури. — Все будет исполнено, как вы велите, мой принц. — Изящной быстрой походкой она покинула комнату.

Ксизор с восхищением проводил ее взглядом. Она обошлась ему в девять миллионов — и стоила каждого потраченного кредита. С Гури Ксизор был готов бросить вызов всем хаттам.

Может быть, когда-нибудь он сможет бросить вызов даже самому Императору...

Когда Хан Соло вернулся домой из Корпоративного сектора, почти все приняли его с распростертыми объятиями — за парой исключений. Лэндо, как выяснилось, отправился в романтический полет с Дреей Рентал и будет отсутствовать еще несколько дней.

Ну а Салла... Хан не то чтобы ожидал, что их отношения продолжатся с той же точки, на которой прервались, но и не предполагал, что она будет его избегать от слова совсем. Пару раз он видел ее издалека в ангаре Шуга, но, как только Салла замечала его или Чубакку, она тут же разворачивалась и исчезала.

Когда он расспрашивал о Салле, все в один голос заверяли его, что у нее все прекрасно и она даже с кем-то встречалась, хотя ни разу не заводила серьезных отношений. Как оказалось, она даже успела поработать с Лэндо, но они были деловыми партнерами, и ничего более.

Джерик расстался со своей девушкой, и к нему вернулось здравомыслие. Он был счастлив возвращению друзей. Даже ЗиЗи, казалось, был доволен, что в квартире снова хозяйничает тот, кому положено.

Узнав о возвращении Лэндо, Хан отправился к нему домой. После того как они обменялись рукопожатиями, обнялись и похлопали друг друга по спине, Калриссиан отстранился и оглядел своего друга.

— Неплохо выглядишь, — резюмировал он. — Но тебе не мешает подстричься.

— Мне всегда не мешает подстричься, — сухо ответил кореллианин. — Это оттого, что я провожу время с вуки. Для них «всклокоченный» — это комплимент.

Лэндо рассмеялся.

— Узнаю тебя, старина. Пошли в «Золотую сферу». Я угощаю!

Через несколько минут они расселись за столиком, взяв по высокой кружке горячительного.

— Ну, давай рассказывай, — начал Калриссиан. — Где тебя носило и как ты заработал этот шрам, приятель?

Хан поведал ему краткую историю своих похождений в Корпоративном секторе. Краткая не краткая, но к концу рассказа они уже пошли по третьему кругу.

Лэндо покачал головой.

— Что-то похожее я пережил в Нейтралитете. Один негодяй за другим. Получил деньги — потерял деньги. Ну и как там мой корабль?

Хан сделал глоток алдераанского эля и вытер губы рукавом.

— Твой корабль? — Он рассмеялся, наслаждаясь давней игрой. — «Сокол» в ударе, друг мой. Гиперпривод просто огонь, ноль-пятого класса.

Лэндо уставился на него.

— Шутишь!

— Ничуть. Есть один старик в Корпоративном секторе, который гиперпривод плясать заставит и два децикреда сдачи даст. Док — мастер на все руки.

— Не забудь меня прокатить, — грустно попросил его Лэндо.

— Ну, теперь ты рассказывай о своих делах.

Калриссиан сделал затяжной глоток и только после этого произнес:

— Хан, я должен сказать тебе кое-что. Пару недель назад я встретил Брию.

Хан выпрямился.

— Брию? Брию Тарен? Как? Почему?

— Это долгая история, — протянул Лэндо, заговорщицки улыбаясь.

— Так потрудись рассказать ее, — резко бросил Хан, в один миг помрачнев.

— А все-таки приятно было подержать ее в объятиях, —

вздохнув, вымолвил Лэндо.

Одним быстрым движением Хан рванулся вперед и вцепился ему в вышитый воротник рубашки.

— Эй-эй! — выдохнул игрок. — Ничего не было! Мы просто танцевали — и все!

— Танцевали? — Хан отпустил его и виновато сел обратно. — Вот как?

— Спокойно, Хан, расслабься. Сколько лет ты не видел эту женщину?

— Прости, приятель, похоже, занесло меня немного, — буркнул кореллианин. — Она для меня очень много значила.

Лэндо снова улыбнулся, уже на порядок осторожнее.

— Ты тоже до сих пор для нее много значишь. Очень.

— Лэндо... расскажи, — попросил Хан, — как все было.

— Хорошо. — И Калриссиан начал описывать свои недавние приключения на борту «Королевы Империи». К тому времени как он дошел до стычки на взлетной палубе, Хан сидел, наклонившись вперед и ловя каждое слово.

Выслушав историю до конца, кореллианин откинулся назад и отпил из кружки, изумленно качая головой.

— Ну и дела! — выдал он. — Лэндо, ты второй раз встаешь у Фетта поперек дороги. На это нужен характер.

Темнокожий игрок пожал плечами, но на лице его была написана сама серьезность.

— Я не люблю охотников за головами, — признался он. — Никогда не любил. Я бы и злейшего врага им не выдал. Для меня они ничем не лучше работорговцев.

Хан кивнул, улыбаясь.

— Хорошо, что Дрея к тебе неравнодушна, приятель.

— Я напомнил ей о том, что она тебе обязана, — заметил Лэндо. — Только это нас спасло.

— Что ж, теперь это я ей обязан, — бросил контрабандист. — Я надеюсь, ты уделил ей достаточно времени в вашем последнем путешествии.

— Несомненно, — сверкнул зубами Лэндо. — Если я что- то и умею, так это хорошо провести время с женщиной.

— Итак... когда же Брия сказала тебе, что я ей небезразличен? Все время, что вы были с Феттом, вам было приказано молчать, — озадаченно произнес Хан, вспоминая историю Лэндо.

— О, я видел ее еще раз — здесь, на Нар-Шаддаа.

Соло недобро взглянул на друга.

— Да неужто?

— Неужто, — ответил Лэндо. — Да расслабься. Я просто пригласил ее на ужин. Джилиак и Джабба отказались

финансировать какой-то ее налет на Илизию, и ей нужно было приободриться. — Лэндо вздохнул. — Она все время говорила о тебе. Это очень удручало.

Хан ощутил, как по его лицу расползается улыбка.

— Правда? — Он старательно придал голосу небрежность. — Говорила?

Лэндо посмотрел на него насмешливо-сердито.

— Говорила. Зендор один знает почему, но говорила.

— Я подумывал с ней связаться... — Хан прикусил губу. — Но после того как увидел ее в тот раз с Сарном Шильдом... Ну теперь- то я знаю, что она была на задании повстанцев. Полагаю, хороший агент пойдет на все, чтобы добыть сведения...

— Я ее об этом расспрашивал, — сообщил ему Лэндо. — Она утверждала, что не была любовницей Шильда, хотя тот и хотел, чтобы все считали ее таковой. А судя по тому, что я слышал об этом типе, у него очень странные предпочтения... в любовных партнерах.

— Хм... — сказал Хан, размышляя над его словами. — Так ты утверждаешь — она все время говорила обо мне, ага? И я для нее еще что-то значу?

— Еще как значишь, — кивнул Лэндо. — Ты бы раздулся от гордости, если бы все это слышал. — Он усмехнулся и допил эль. — Говорю тебе, это было ужасно, приятель.

Контрабандист улыбнулся.

— Что ж... спасибо на добром слове. Я в долгу перед тобой, Лэндо, за то, что ты ее спас.

— Ты бы попробовал поискать ее. Если, конечно, придумаешь, как это сделать, — добавил Калриссиан.

— Может быть, — допустил Хан, но потом изменился в лице. — Лэндо, боюсь, я вчера получил плохие новости.

— Что такое?

— Мако Спинс. Кажется, в системе Оттега он нарвался на бандитов НаКойта. Его нашли едва живым и доставили сюда. Он в реабилитационной клинике в кореллианском секторе. Шуг сказал мне, что он искалечен. И больше не сможет ходить.

Лэндо побледнел лицом.

— Ох!.. Это ужасно. Думаю, я лучше бы умер, чем стал калекой.

Соло угрюмо кивнул.

— Я тоже. Может быть, навестим его завтра? Я должен пойти. Мы с Мако давние приятели. Но... знаешь, мне не хотелось бы идти одному. Может, вдвоем мы сумеем его немного приободрить?

Калриссиан пожал плечами.

— Непростое дело, учитывая обстоятельства. Но я пойду, само собой. Это меньшее, что мы можем сделать. Мако — наш парень.

— Спасибо.

На следующий день оба друга отправились в клинику. Хану редко доводилось бывать в таких местах, и он чувствовал себя не в своей тарелке. Они обратились к дроиду в приемной, и тот препроводил их к палате. На пороге друзья остановились.

— Лэндо... Я не уверен, что готов к этому, — шепотом признался Хан. — Мне легче со сворой имперцев на хвосте пролететь...

— То же самое, — согласился игрок. — Но мне будет еще хуже, если я уйду, не повидавшись с ним.

Соло кивнул.

— Мне тоже.

Собравшись с духом, он вошел в палату.

Мако Спинс лежал на специальной терапевтической койке. В воздухе витал запах бакты, и шрамы, пересекавшие резкие черты лица больного, уже почти зажили, но Хан видел, что его старому другу немало досталось. Бандиты НаКойта не отличались добродушием...

Его волосы длиной до плеч лежали на белой подушке. При последней встрече друзей-контрабандистов они были черными с проседью, но сейчас приобрели стальной оттенок, став тусклыми и безжизненными. Льдистые глаза Мако были закрыты, но Хан почему-то знал, что он не спит.

Кореллианин немного помялся, но потом пошел напролом.

— Привет, Мако! — весело позвал он. — Это я, Хан! Вернулся из Корпоративного сектора. Вот, Лэндо тоже здесь.

Глаза Мако распахнулись. Ничего не выражавший взгляд остановился на друзьях. Пациент молчал, хотя Хану было известно, что он может говорить. У Мако была повреждена правая рука и отказали ноги, но разум и голос были не тронуты.

— Привет, Мако, — поздоровался Лэндо. — Хорошо, что ты жив. Жаль, что все так нескладно пошло в системе Оттега, и...

Лэндо не нашел больше слов, и тогда снова заговорил Хан. Все, что угодно, только не эта гробовая тишина.

— Да, эти НаКойты просто подонки... сложное дело, конечно, но, слушай... ты ни о чем не волнуйся. Я и другие ребята — мы все-таки не бедствуем, знаешь ли. Нам хватит средств раздобыть тебе репульсорное кресло. Они, слыхал, какие быстрые? Летать будешь только так.

Хан наконец замолк и с вопросительным взором повернулся к Лэндо. Мако не пошевелился и не вымолвил ни слова.

— Ну да, — подтвердил Калриссиан, мужественно пытаясь выдавить из себя еще хоть словечко. — Слушай, Мако, может, тебе что-то нужно? Ты скажи, мы тут же все сделаем. Верно, Хан?

— Конечно, — кивнул Соло. Он попытался сказать что-то еще, но все слова вылетели из головы. — Мм... Мако? Эй, приятель...

Безжизненное лицо больного даже не дрогнуло. Наконец он медленно отвернулся от друзей, и невысказанный ответ был ясен. «Уходите».

Хан вздохнул и растерянно посмотрел на Лэндо.

Они молча вышли из палаты, оставив Мако наедине с тишиной.

Гораздо более теплый прием Хан получил от Джаббы Хатта. Он зашел повидаться с главой Десилиджиков в штаб каджидика на Нар-Шаддаа. Завидев его, управляющая, женщина человеческой расы, по имени Дайло, приветливо улыбнулась.

— Капитан Соло! С возвращением! Джабба велел пропустить тебя незамедлительно!

Учитывая, что Хан привык к ожиданию во время визитов к Джаббе, весть и вправду ободряла.

Когда кореллианин вошел в огромный пустой зал аудиенций, Джабба поджидал его в одиночестве. Хатт широко распростер короткие ручки, двинувшись к нему навстречу.

— Хан, мальчик мой! Как я рад тебя видеть! Тебя не было так долго!

На секунду Хан с ужасом подумал, что Джабба действительно вознамерился обнять его. Кореллианин поспешно отступил, стараясь не морщить нос. Ему придется заново привыкать к запаху хаттов...

— Джабба, ваше превосходительство, — поприветствовал он. — Приятно знать, что по мне скучали.

— Брось уже это «превосходительство», Хан! — прогрохотал Джабба на своем языке, зная, что гость его прекрасно понимает. — Мы старые друзья, зачем формальности!

Гангстер прямо-таки источал благодушие. Соло выдавил улыбку. Видно, что-то у него не ладится...

— Конечно, Джабба, — кивнул Хан. — Ну что, как твои дела?

— Дела... дела как-то... замедлились. Бесадии, чтоб им провалиться, вознамерились строить транспортный флот, чтобы помешать делам Десилиджиков. И имперцы последнее время

совсем распоясались. Там — имперская таможня, здесь — пираты, а бизнес страдает.

— Бесадии, как всегда, предмет твоих ночных кошмаров?

Джабба расхохотался, но даже для слуха кореллианина смех прозвучал несколько наигранно.

— Хан, с Бесадии пора покончить. Хотя я еще не знаю как.

Хан пристально посмотрел на хатта.

— Я слыхал, кореллианские повстанцы просили Десилиджиков посодействовать в налете на Илизию.

Джабба, казалось, не удивился тому, что у Хана есть свои источники информации. Он утвердительно качнул тяжелой головой.

— К нам приходила твоя знакомая... Брия Тарен.

— Я не видел ее десять лет. Как я понимаю, она теперь главарь повстанцев.

— Да, — подтвердил Джабба. — И ее предложение меня очень заинтересовало. Увы, тетушка отказала в помощи кореллианскому сопротивлению, и теперь я ищу другие способы насолить Бесадии. Мы должны что-то сделать. Они производят лучший спайс и придерживают его, чтобы взвинтить цены. Если верить нашим источникам, их склады забиты доверху и они строят новые, чтобы вместить излишки.

Хан покачал головой.

— Это нехорошо. А Джилиак? Как у нее дела? Как ребенок?

Джабба скривился.

— Моя тетя в порядке. Ребенок здоров.

— Чего ж тогда такая кислая физиономия?

— То, что она безраздельно посвящает себя материнству, достойно восхищения, — признал Джабба. — Но на меня ложится двойная нагрузка. Пришлось забросить дела на Татуине. Да и разобраться со всеми заботами Десилиджиков крайне сложно. — Хатт вздохнул. — Соло, я выбиваюсь из сил и практически ничего не успеваю.

— Да, я знаю, каково это, Джабба.

Хан нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Хатт, проявлявший непривычную для него заботливость, заметил беспокойство кореллианина.

— Что такое, старина?

Контрабандист пожал плечами.

— Все в порядке. Но знаешь, иногда мне не хватает в твоем зале кресла. Простого человеческого кресла. Непросто вести разговор, все время стоя на ногах. — Он помедлил. — Не возражаешь, если я приземлюсь на пол, пока мы болтаем?

— Хо-хо! — рассмеялся Джабба. — Мне не раз приходило в

голову, что ноги — вещь не слишком удобная. Не стоит на них полагаться. Хан, мальчик мой, я могу послужить тебе лучше пола. — Выказав необычайное проворство и гибкость,

Джабба развернул хвост и похлопал по нему приглашающим жестом. — Вот. Садись, друг мой.

Сознавая, что Джабба оказывает ему огромную честь, Хан мысленно приказал своему обонянию заткнуться и уселся на хвост хатта. Он нашел в себе силы улыбнуться, хотя в такой близи вонь была невыносимой.

— Мои ноги благодарны тебе, Джабба, — сказал он.

От раскатистого смеха у кореллианина задрожали барабанные перепонки.

— Хо-хо-хо! Хан, ты забавляешь меня почти так же, как мои танцовщицы.

— Спасибо, — выдавил контрабандист, размышляя, как бы ему поскорее встать и уйти, при этом не выйдя за рамки приличий. Джабба повернулся так, чтобы говорить с Ханом почти лицом к лицу.

— Итак, — начал Соло. — Что ты думаешь о коммандере Тарен?

— Для человека она довольно умна и компетентна, — признал Джабба. — Джилиак отклонила ее предложение, но я счел его интересным.

— Как я уже говорил, я не видел ее много лет. Как она выглядела?

Джабба усмехнулся, облизнув губы.

— Я непременно взял бы ее в танцовщицы, если бы мог, мой мальчик.

Хан поморщился, скрыв гримасу от Джаббы.

— Гм... даже не знаю, что бы она на это сказала. Командиром становятся не за красивые глазки.

Джабба посерьезнел.

— Она произвела на меня впечатление. Считаю, ее задумку реально осуществить.

— Что именно она предлагала?

Джабба вкратце пересказал ему план кореллианского сопротивления. Контрабандист пожал плечами.

— Им понадобятся хорошие пилоты, чтобы пробиться через атмосферу, — указал он. — Как Брия планирует это провернуть?

— Чего не знаю, того не знаю, — развел руками гангстер. — Скажи-ка мне, Хан, сколько охранников было в колониях, когда ты обретался там в последний раз?

— Одна-две сотни на каждую колонию — в зависимости от числа рабов, потеющих на фабриках, — припомнил Хан. — Стадо

гаморреанцев, Джабба. Я знаю, вы, хатты, их любите, потому что они сильные и хорошо подчиняются приказам, но сам посуди — по нынешним меркам, такие войска просто нелепы. Большинство их самцов так и норовят пристукнуть друг друга своими топорами. Их клановые раздоры только мешают работе. Женщины лучше — они умнее и более здравомыслящи, но не идут в наем.

— Стало быть, ты считаешь, что армии повстанцев не составит труда захватить эти колонии?

Хан покачал головой.

— Как нечего делать, Джабба.

Хатт моргнул выпуклыми глазами.

— Ну что ж... как и повелось, Хан, мой мальчик, ты оказался очень полезен. У меня есть груз спайса, готовый к отправке. А ты готов вернуться к работе?

Хан встал, осознав, что это сигнал к окончанию беседы. На его брюках расплывалось пятно от маслянистого вещества на коже Джаббы.

«Замечательно! С этой парой можно распрощаться, — подумал он. — Я в жизни их не отстираю...»

Вслух он произнес:

— Само собой. Мы с Чуи готовы. «Сокол» быстр, как никогда.

— Отлично, отлично, мой мальчик, — пророкотал Джабба. — Я велю кому-нибудь связаться с тобой вечером. Хан... я очень рад твоему возвращению.

Кореллианин улыбнулся.

— Я тоже рад своему возвращению, Джабба...

Киббик в ужасе уставился на голограмму своего кузена Дурги.

— Как это — т'ланда-тиль привезли сюда партнерш? — вопрошал он. — Меня никто об этом не уведомил.

Глава клана Бесадии сверкнул на него глазами.

— Киббик, ты бы не заметил, даже если бы их самка уселась тебе на хвост! Они умело замели следы. Я только через неделю обнаружил, что они исчезли! Ты понимаешь, что это значит?

Киббик старательно подумал.

— Это значит, что жрецы т'ланда-тиль будут более счастливы и довольны? — предположил он.

Дурга раздраженно всплеснул руками и застонал.

— Конечно, они будут счастливы! — заорал он. — Но что это значит для нас? Для Бесадии? Хоть раз в жизни подумай, Киббик!

Киббик опять задумался.

— Значит, нам придется поставлять им больше еды? —

уточнил он.

— Да нет же! Киббик, ты болван! — Дурга был в такой ярости, что брызгал зеленой слюной на голоприемник, отчего в трехмерном изображении появлялись «дырки». — Это значит, что мы потеряли наш главный рычаг воздействия на т'ланда- тиль, мой недалекий братец! Раз мы больше не удерживаем их партнерш на Нал-Хатте, Тероенза и его жрецы могут порвать всякие связи с Бесадии и Нал-Хаттой! Вот что это значит!

Киббик выпрямился.

— Дядя Арук никогда не говорил со мной таким тоном, — заявил он, глубоко обиженный. — Он всегда был вежлив. Ты, кузен, никогда не станешь таким предводителем, как он.

Дурга заставил себя успокоиться.

— Прости за резкость, кузен, — с заметным усилием процедил он. — Я немного... переутомился в последнее время. Я ожидаю некоторых важных известий, связанных с кончиной моего родителя.

— Вот как? — Киббик хотел как-то уколоть его по этому поводу, но, так как Дурга перестал кричать, передумал. — Что ж, кузен, я понимаю, как это тяжело. Что нам следует предпринять?

— Ты должен будешь собрать всех женщин т'ланда-тиль в первой колонии и отправить их домой на Нал-Хатту, — распорядился Дурга. — Ты лично проследишь за их погрузкой и отлетом и обо всем доложишь мне. Транспорт ты должен поручить самому лучшему и проверенному пилоту. И отправь с ними охрану, чтобы не возникло проблем в полете.

Киббик на секунду призадумался.

— Но... Тероензе это не понравится, — предположил он. — И другим тоже.

— Да знаю я, знаю, — поморщился Дурга. — Но т'ланда- тиль работают на нас, Киббик. Хозяева здесь мы.

— Это так, — признал Киббик. С того момента, как он достиг совершеннолетия по хаттским меркам, его учили, что хат- ты — высшая раса Галактики. Но идти к Тероензе и отдавать ему подобный приказ — такая перспектива его ничуть не привлекала. Тероенза был коварен и хитер. Это он всегда отдавал приказы. Когда Киббику требовалось что-то сделать, ему достаточно было сказать Тероензе, и верховный жрец всегда выполнял — быстро и эффективно.

Но что, если на этот раз он воспротивится? Не исключено, что он откажется вернуть свою партнершу на Нал-Хатту. И что тогда делать ему, Киббику?

— Но, кузен... что, если он откажется? — робко спросил Киббик.

— Тогда тебе придется вызвать охрану, чтобы они схватили его и заперли, пока я сам с ним не разберусь, — отчеканил Дурга. — Охранники тебе подчиняются, Киббик… не так ли?

— Конечно да, — надулся Киббик, хотя в мыслях не был столь уверен в их повиновении.

— Хорошо. Так гораздо лучше, — чуть расслабился Дурга. — Помни: ты — хатт. Прирожденный хозяин Вселенной. Правильно?

— Конечно, — произнес Киббик уже увереннее. И выпрямился. — Я такой же хатт, как и ты.

Дурга поморщился.

— Так держать, — подбодрил он. — Киббик, пора брать дела в свои руки. Если будешь тянуть резину, положение только ухудшится. Есть вероятность, что Тероенза планирует переворот против Бесадии. Тебе не приходила в голову такая мысль?

Естественно, такая мысль даже рядом не появлялась. Киббик моргнул.

— Переворот? Хочешь сказать… настоящий? С солдатами и стрельбой?

— Именно так, — подтвердил Дурга. — И кто будет во главе переворота?

— Главарь, — сказал Киббик, лихорадочно соображая.

— Вот. Очень хорошо. Теперь понимаешь, почему ты должен взять ситуацию под контроль прежде, чем Тероенза осуществит свои планы? Пока у тебя еще есть власть!

Теперь Киббик был напуган, и ему это не нравилось. Умом он понимал, что наилучшим для него выходом будет последовать совету Дурги и отобрать власть у верховного жреца.

— Я это сделаю, — решительно выпалил он. — Я отдам ему приказ и прослежу, чтобы он его выполнил. А если он откажется подчиниться, я вызову охрану.

— Так и надо! — одобрил Дурга. — Молодец! Сейчас ты говоришь, как настоящий Бесадии! Дай мне знать, как только женщин т’ланда-тиль отправят домой!

— Да, кузен! — ответил Киббик и выключил связь.

Киббик пообещал себе, что разберется с этим делом сию же секунду. Пока еще не утратил подкрепленного воодушевляющим разговором чувства хаттского превосходства. Властелин хаттов не обеспокоился репульсорным креслом, а незамедлительно направился по коридорам администрации первой колонии к кабинету Тероензы. Даже не подумав о дверном сигнале, он попросту ворвался внутрь.

Тероенза возлежал в своем рабочем гамаке, уткнувшись в планшет. Он удивленно поднял глаза на хатта.

— Киббик! — воскликнул он. — Что происходит?

— Для тебя — господин Киббик, верховный жрец! — прогремел хатт. — Нам нужно поговорить! Я только что разговаривал со своим кузеном Дургой, и он сообщил мне, что вы тайком провезли сюда женщин! Дурга крайне недоволен!

— Женщин? — заморгал Тероенза, словно не имел об этом ни малейшего понятия. — Почему он так решил, ваше превосходительство?

— Не пытайся отвертеться! — рявкнул Киббик. — Они здесь, и Дурге об этом известно. Он велел передать, что они должны как можно быстрее вернуться на Нал-Хатту. Собери их здесь, в первой колонии, для отправки с Илизии. Немедленно.

Тероенза с задумчивым видом откинулся в гамаке. Других действий он не предпринял.

— Ты слышал меня, жрец? — У Киббика чуть голова не кружилась от собственного праведного гнева. — Повинуйся, пли я вызову охрану!

Верховный жрец неторопливо выбрался из гамака. Киббик мысленно перевел дух. Но к передатчику Тероенза даже не притронулся.

— Пошевеливайся! — рявкнул хатт. — Или я вызову охрану, и они тебя арестуют, а с женщинами я разберусь сам!

— Нет, — тихо сказал Тероенза.

— Нет... что? — Киббик не мог поверить собственным ушам. Никто не смел ослушаться прямого приказа верховного правителя хаттов.

— Нет. Я этого не сделаю, — повторил т'ланда-тиль. — Я устал выслушивать приказы идиота. Прощайте, Киббик.

— Да как ты смеешь? Я прикажу тебя казнить! «Прощайте»? — Киббик был совершенно сбит с толку. — Хочешь сказать, ты увольняешься? Уходишь?

— Нет, я не ухожу, — произнес Тероенза все тем же тихим голосом. — Вы уходите.

Его сильная спина изогнулась, тонкий хвост плетью свистнул в воздухе. Т'ланда-тиль внезапно выгнул шею и бросился на Киббика с яростным ревом.

Хатт пребывал в таком замешательстве, что даже не подумал сдвинуться с места, и Тероенза врезался в его грудь. Рог его не отличался остротой, но благодаря силе верховного жреца пронзил кожу и проник внутрь почти на метр своей длины.

Боль была невероятной. Киббик взревел в отчаянном ужасе и стукнул т'ланда-тиль короткими ручками. Он попытался вывернуть хвост, чтобы нанести разящий удар, но в кабинете было слишком тесно.

Словно в тумане, Киббик почувствовал, как руки т'ланда-

тиль с силой отталкивают его от себя и рог Тероензы, покрытый кровью хатта, выходит наружу.

Выверенными шагами верховный жрец начал отходить назад.

Дрожа и задыхаясь, Киббик тоже попытался отступить, но уперся в стену. Он попробовал развернуться и убежать.

Тероенза с разбегу вновь обрушился на его грудь.

И еще раз...

И еще...

Кровь хлестала из многочисленных ран Киббика. Ни одна из них не была смертельной сама по себе: жизненно важные органы хаттов располагались слишком глубоко в теле, чтобы так легко их повредить... Отчасти поэтому издавна ходила легенда, что хатты неуязвимы против бластеров. Это было далеко от правды, но выстрел, который моментально сжег бы кого угодно, часто не мог затронуть в теле хатта ничего важного, и слизень просто успевал раздавить обидчика, прежде чем тот выстрелит повторно.

Киббик попытался позвать на помощь, но из груди вырвалось лишь бульканье. Один из ударов пробил дыхательный мешок. Приложив колоссальное усилие, он рванулся к передатчику.

Тероенза протаранил его снова, и Киббик, ослабев, беспомощно завалился на бок.

Зрение Киббика заволокло пеленой, но он еще мог разглядеть, как Тероенза вытаскивает из ящика стола бластер.

Хатт вновь попытался подняться, отбить удар, позвать на помощь, но слишком ослаб, а боль раздирала его на части. Тьма надвигалась, обволакивая разум. Киббик боролся с ней, но она нахлынула, как черная волна в безлунную полночь...

Тероенза прицелился, с холодным расчетом метя в и без того глубокие раны умирающего Киббика. Он жал на спусковой крючок снова и снова, пока огромное тело не превратилось в горелое месиво. Пока не стихли последние рывки и конвульсии.

Наконец он остановился, тяжело дыша.

— Идиот... — процедил он на собственном языке и вышел, чтобы отмыть рог.

Приводя себя в порядок, т'ланда-тиль размышлял над тем, как действовать дальше. Конечно же, он все представит нападением террористов. Скажет, что явилась та женщина Тарен и ее армия. Никто не осмелится возразить его слову. Дежурных охранников он казнит, объявив, что они подкуплены и причастны к убийству.

На следующий день он оформит сделку по приобретению турболазера. А происшествие с Киббиком послужит оправданием,

чтобы установить его во дворе.

Он знал, что потребуется больше охраны и вооружения. Может быть, ему стоит связаться с Джилиак?

Нет! Тероенза мотнул головой, и с рога сорвались капли воды. Хватит с него хаттов — с ними покончено! Теперь он, Тероенза, будет хозяином Илизии! И скоро... очень скоро... об этом узнают все. Нужно всего несколько недель, чтобы укрепить власть. Он перестанет платить дань Бесадии и потратит кредиты на закупку оружия.

Довольный своим планом, Тероенза, верховный жрец Илизии, покинул кабинет с распухающим на полу телом мертвого хатта и отправился на поиски охранников, которых предстояло казнить...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ВЫЗОВ БРОШЕН

Дурга воодушевленно смотрел на экран. Наконец-то! «Черное солнце» в лице Гури, личной помощницы Ксизора, только что предоставило ему окончательные и неоспоримые доказательства того, что Джилиак, при вероятном подстрекательстве своего племянника Джаббы, спланировала убийство Арука, а Тероенза его осуществил!

Улики «Черного солнца» заключались в документах на приобретение и оплату, которые доказывали связь Джилиак с малкитскими отравителями. Денежных сумм, потраченных главой Десилиджиков на покупку вещества Зеш-1, хватило бы на то, чтобы обанкротить средних размеров колонию. Вещество было доставлено прямо к Тероензе. В записях также значились предметы, приобретенные Джилиак для верховного жреца, — ценности, ставшие частью коллекции т'ланда-тиль.

«Чтобы я не узнал, что ему было заплачено, — понял Дурга, — Тероенза решил, что скроет оплату, приобретя предметы для своей коллекции». Большинство его приобретений были не только ценны, но и пользовались спросом. Если бы Тероенза захотел их когда-нибудь продать, он выручил бы за них на черном рынке антиквариата немалую сумму.

Дурга с интересом отметил, что именно так Тероенза и поступил, купив на вырученную прибыль подержанный турболазер. «Готовится к обороне Илизии, — решил хатт. — И в любой момент может объявить о своей независимости...»

Первым порывом Дурги было заковать Тероензу в кандалы и приволочь на Нал-Хатту, но подобный шаг сулил серьезные последствия. Сакредоты — младшие жрецы — придут в ярость и ополчатся на Бесадии. Тероенза популярен среди них... особенно теперь, когда ему удалось привезти на Илизию брачных партнерш.

Если Дурга арестует Тероензу, сакредоты могут отказаться проводить ритуал Возрадования для паломников. А паломники, не получив ежедневной дозы эйфории, откажутся работать — а то и бунт поднимут! Как ни крути, потеря жрецов обернется для производства спайса на фабриках катастрофой.

С сожалением Дурга осознал, что ему придется тщательно подготовиться, прежде чем осуществить свою месть. Найти нового хатта на должность управляющего илизианским предприятием и популярного харизматичного т'ланда-тиль на роль нового

верховного жреца, который посулит все блага присягнувшим ему т'ланда-тиль. И может быть, брачных партнерш будет лучше оставить на Илизии… по крайней мере, до поры до времени.

На все это уйдет не меньше недели. И покуда корабль с новым верховным жрецом не сядет на Илизии, Тероенза о своем смещении знать не должен. Нельзя допустить саму возможность бунта, пока войска Бесадии не окажутся на месте для наведения порядка.

Дурга решил действовать осторожно… и до последней секунды Тероензу избегать. А на тот случай, если Киббику пришлось арестовать верховного жреца, надо будет как-то объяснить отсутствие Тероензы. Возможно, списать на внезапную «болезнь».

Может быть, на роль исполнителя воли Бесадии и преемника Тероензы сгодится его супруга Тиленна? В обмен на ее собственную жизнь? И щедрую плату?

Дурга поразмыслил и счел это вполне возможным. Т'ланда-тиль — народ практичный…

Можно, конечно, попытаться контролировать самого Тероензу… но едва ли Киббик на это способен. Дурге, скорее всего, придется позаботиться обо всем самому. Или отправить туда Зира…

Дурге стало любопытно, как прошла вчерашняя беседа Киббика с Тероензой. Кузен не перезвонил ему, как они договаривались, но это еще ничего не значило. У Киббика была короткая память, и он часто забывал обещания.

Внимание Дурги привлек мигающий огонек системы связи — сигнал о входящем сообщении. Хатт принял вызов, и перед ним появилось изображение Тероензы — будто призванного его мыслями.

Верховный жрец отвесил господину низкий поклон, но от Дурги не ускользнул отблеск коварства в его взгляде.

— Ваше превосходительство, господин Дурга, — начал верховный жрец, — я вынужден сообщить вам дурные вести. У нас произошла беда, мой господин.

Дурга пристально посмотрел на голограмму.

— Да? — сказал он.

— Сегодня ранним утром, сразу после рассвета, мы подверглись атаке террористов, — проговорил Тероенза, в отчаянии заламывая руки. — Проклятая Брия Тарен и ее отряд кореллианского сопротивления. Эскадрилья Красной руки, как они себя кличут. Административное строение попало под шквал огня. С прискорбием должен сообщить вам, что ваш кузен, господин Киббик, угодил под обстрел и погиб.

— Киббик мертв? — Дурга застыл в замешательстве. Не то чтобы он ожидал, что его кузен лишит Тероензу власти, но и предположить не мог, что Киббик сгинет.

Или, вернее, будет убит.

Дурга ни на миг не поверил россказням Тероензы насчет Брии Тарен. По его данным, эскадрилья Красной руки находилась в другом секторе Внешнего Кольца и только вчера они совершили набег на имперский аванпост. Ни один корабль во Вселенной не долетел бы оттуда до Илизии к рассвету.

Значит, Тероенза лжет... Однако верховному жрецу невдомек, что Дурга раскусил его. Задумавшись о том, как обратить это себе на пользу, Дурга закрыл глаза рукой и склонил голову в поддельной скорби. Киббик был идиот, и ему не место во Вселенной.

«Но этим Тероенза подписал себе смертный приговор, — подумал Дурга. — Как только я доставлю на Илизию его преемника, верховному жрецу не жить...»

Упавшим голосом Дурга дал Тероензе указание доставить тело домой.

— Для меня очевидно, — заключил хатт, — что мы должны усилить оборону Илизии. Налеты повстанцев не должны оставаться безнаказанными.

Тероенза снова поклонился.

— Я согласен, ваше превосходительство. Благодарю вас за помощь.

— Это меньшее, что я могу сделать. — Дурга вовсю старался, чтобы в его тоне не проскользнул сарказм. — Вы сможете несколько дней обходиться без хаттского патронажа?

— Конечно, — заверил его Тероенза. — Я приложу все усилия, чтобы дела шли так же гладко, как и всегда.

— Спасибо, Тероенза, — поблагодарил Дурга и завершил соединение.

Несколько минут он потратил на то, чтобы выдать инструкции Зиру о поиске замены Тероензе. К счастью, Зир был хорошим администратором и умел выполнять приказы.

И только после этого Дурга обратился к фигуре, которая терпеливо ждала в его кабинете, пока он разберется с делами.

— Простите, госпожа Гури. — Дурга склонил голову перед очаровательной молодой женщиной. — Я чуть было не позабыл о вашем присутствии. Большинство людей не способны на терпеливое ожидание. Они всегда суетятся.

Гури слегка поклонилась в ответ.

— Я прошла специальное обучение, ваше превосходительство. Принц Ксизор не терпит в своих

подчиненных суетливости.

— Замечательно, — сказал Дурга. — Я ознакомился с информацией, которую вы предоставили, и она подтверждает мои подозрения. Как вы уже могли догадаться, для того чтобы покарать Тероензу, необходимо дождаться более... подходящего времени. Но я намерен немедленно нанести визит Джилиак и вызвать ее на бой по Старому закону.

— Старому закону?

— О нем редко вспоминают в наши дни, но это древний обычай хаттов, согласно которому при весомом основании один предводитель клана имеет законное право вызвать другого на смертельный поединок. Правда остается за победителем.

— Я все понимаю, ваше превосходительство. Принц Ксизор предупредил меня, что ваша реакция на известия, как и подобает честному хатту, будет именно такой. Он велел мне сопровождать вас и, насколько это в моих силах, посодействовать вам в восстановлении справедливости.

Дурга смерил ее взглядом, размышляя, как такое хрупкое существо сможет выстоять против хатта или оравы стражников.

— Вы будете моим телохранителем? Но...

Гури улыбнулась.

— Я телохранитель принца Ксизора, ваше превосходительство. Будьте уверены, я смогу защитить вас от охранников Джилиак.

Дурга собирался продолжить тираду, но что-то в поведении Гури его остановило. Он знал, что она личная помощница Ксизора. Разумно было предположить, что она еще и искусная убийца. И должна обладать способностями, которых в ней никак нельзя заподозрить. Так или иначе, вела она себя более чем уверенно.

— Очень хорошо, — решил Дурга. — Идемте.

Они поднялись на борт челнока и около часа провели в суборбитальном полете к анклаву Десилиджиков.

Корабль приземлился на острове, где был построен Зимний дворец Джилиак, он же — текущая резиденция клана Десилиджик. Дурга в сопровождении Гури, которая несла большую коробку, приблизился ко входу.

— Дурга Бесадии Тай прибыл с визитом к Джилиак Десилиджик Тирон. Я принес дар и прошу частной аудиенции.

Охранники просканировали обоих визитеров и убедились, что они не вооружены. После этого их пропустили во дворец. Дворецкий-родианец, по имени Дорзо, проводил их до огромного, почти пустого зала аудиенций, первым вошел внутрь и поклонился.

— Господин Дурга из клана Бесадии, — объявил он.

Через дверной проем Дурга мог видеть Джилиак, занятую планшетом. При виде злейшего врага сердце молодого хатта наполнила ярость. Он почувствовал, как его охватывает дрожь и жажда крови.

Джилиак томила их в ожидании минут десять. Дурга пытался следовать примеру Гури, которая хранила абсолютное спокойствие. Самый необычный человек, которого ему только доводилось видеть.

Наконец Джилиак кивнула Дорзо, и родианец поклонился визитерам:

— Ее высокопревосходительство Джилиак, глава клана Десилиджик и защитница праведных, готова вас принять.

Дурга двинулся вперед, Гури не отставала. Когда они приблизились к Джилиак, та не проронила ни слова. Так как по обычаю гость не мог заговорить первым, им снова пришлось ждать.

Вскоре огромная гора пошевелилась.

— Здравствуй, Бесадии, — прошуршала Джилиак. — Ты принес мне дар, прекрасно. Можешь приблизиться и преподнести его.

Дурга кивнул Гури. Женщина подошла к главе Десилиджиков, возвышавшейся на своем репульсорном кресле, и опустила перед ней коробку.

Молодой хатт указал на нее.

— Дар вашему превосходительству от Бесадии. Символ нашего уважения и надежд на ваше процветание, о Джилиак!

— Посмотрим... — проворчала Джилиак. Разорвав обертку, она вынула большой и очень ценный предмет: Маску смерти с островов далекого мира Лангуны. Его жители украшали резные маски полудрагоценными камнями, узорами из серебра, золота и платины и мерцающими раковинами теплых морей.

Джилиак вертела маску в коротких ручках, и Дурга уже было решил, что она не понимает значения этого дара. Глава Беса- дни бросил взгляд на Гури, и, как было условлено, женщина повернулась и направилась к выходу. Она будет ждать его там и проследит, чтобы ему никто не помешал. Дурга снова повернулся к Джилиак, уже собираясь просветить ее о смысле подарка, но тут увидел, что все ее огромное тело начинает трясти.

Она сверкнула глазами.

— Маска смерти с Лангуны! — взревела Джилиак. — И это ты называешь достойным даром?

Хаттша подбросила маску в воздух и мощным ударом хвоста запустила ее через весь зал. Ударившись о стену, драгоценный

подарок разлетелся на кусочки.

— Ты его полностью достойна, Джилиак. — Отступать Дурга был не намерен и произнес те слова, которые давно собирался: — Сегодня я, Дурга Бесадии Тай, узнал, что ты убила Арука, моего почтенного родителя. Я вызываю тебя на поединок по Старому закону. Готовься к смерти.

Джилиак взревела от ярости и скатилась с кресла.

— Умрешь здесь только ты, наглец! — прорычала она, взмахнув гибким хвостом.

Дурга увернулся, но недостаточно быстро. Удар пришелся по спине и чуть не вышиб из него весь дух. Молодой хатт бросился на Джилиак, со всей силы протаранив ее грудью.

По размерам Джилиак почти в два раза превосходила Дургу. Она была средних лет и приближалась к стадии тучности. Единственным преимуществом Дурги была молодость, а значит, и скорость. Но один ее полновесный удар — и битве конец.

С ревом, как два доисторических чудовища, два хатта наносили друг другу могучие удары. Чаще они промахивались, чем попадали в цель. Они сталкивались грудью, боролись руками и крушили все, что попадалось под хвост.

Дорзо давным-давно сорвался с места и скрылся без следа.

«Убить... убить... УБИТЬ! УБИТЬ!! УБИТЬ!!!» - кричал разум Дурги. Его охватила ярость. Джилиак ударила хвостом, чуть не опрокинув своего врага, и снова с рычанием бросилась на него. Дурга едва увернулся: еще чуть-чуть — и по нему, как катком, прошлись бы гигантским животом.

Молодой хатт нанес тяжелый боковой удар в голову, заставивший противницу покачнуться. Ответный выпад прошел мимо, и от шлепка хвостом о пол задрожали стены.

Сначала Джилиак сыпала проклятиями и угрозами, но очень быстро начала задыхаться и решила беречь силы для боя. Неподвижный образ жизни давал о себе знать.

«Если бы я только мог перетерпеть ее», — подумал Дурга, понимая, что это очень большое «если»...

Хан Соло разбирался с декларациями на груз с рудников Кесселя для Джаббы, когда из-за стены раздался грохот и рев, за которыми последовала серия ударов и приглушенных звуков бьющихся предметов. Услышали это все, включая Чубакку и самого Джаббу. Человек, вуки и хатт удивленно переглянулись.

— Что это было? — пожелал знать Соло.

— Опять моя тетка не в духе, — проворчал Джабба.

Лет десять назад Хану довелось быть свидетелем дурного

настроения Джилиак, так что он без труда поверил. Кореллианин уже собрался вернуться к работе, когда их слуха достигли два вопля — один за другим, в два разных голоса.

Джабба встревоженно выпрямился.

— Скорее!

Хан и Чуи вприпрыжку побежали за хаттом, спешащим на шум. Контрабандист не уставал поражаться тому, как быстры могут быть хатты, когда им это нужно.

У входа в зал аудиенций они наткнулись на молодую блондинку. Через ее плечо Хан разглядел Джилиак, сошедшуюся в смертельном бою с другим хаттом гораздо меньшего размера. По всему глазу и нижней части лица незнакомца расплывалось уродливое родимое пятно. Два гиганта ревели и вставали на дыбы, сшибаясь массивными телами.

Когда Хан, Чуи и Джабба приблизились, блондинка качнула головой и подняла руку.

— Нет, — сказала она. — Не вмешивайтесь. Дурга вызвал главу клана на бой по Старому закону.

К удивлению Хана, Джабба не смел женщину с пути и не устремился на помощь тетке. Вместо этого он склонил голову в хаттском подобии поклона.

— Должно быть, вы — Гури, — протянул он.

— Да, ваше превосходительство, — ответила женщина. В этот момент в коридор с топотом ввалились стражники с силовыми пиками наперевес. Джабба развернулся, чтобы остановить их. Гаморреанцы тупо заморгали.

— У моей тети приступ буйства, — объяснил хатт. — Вы здесь не нужны.

Начальник охраны посмотрел на него с сомнением, но что именно происходит за спиной Джаббы — видеть не мог. Гаморреанец потоптался на месте, его поросячий пятак задрожал от жажды боя.

— Я сказал — пошли прочь! — заорал Джабба, взмахнув руками. С ворчаньем и фырканьем они развернулись и неуклюжим бегом направились обратно в коридор.

Заглянув в зал аудиенций, Хан рассмотрел Джилиак, наносившую удары сокрушительной силы. Второй хатт едва успевал уворачиваться. Кореллианин перевел взгляд на Джаббу.

— Ты не хочешь это прекратить?

Чубакка вторил ему эхом. Джабба заморгал. Его взгляд был полон коварства.

— Дурга — главарь клана Бесадии, — пояснил он. — Кто бы из них ни одержал победу, победителем выйду я.

Но... — запнулся Хан. — Я... я думал, ты любишь свою тетю.

Джабба посмотрел на него, как на тугоумного гаморреанского детеныша.

— Я люблю ее, Хан, — мягко сказал он. — Но это бизнес.

Хан кивнул и оглянулся на Чуи. Тот пожал плечами.

— А, ну да. Бизнес.

— И, Хан...

— Да, Джабба?

Хатт сделал жест в сторону.

— Здесь не место человеку, друг мой. Подожди меня во дворце. Я присоединюсь к тебе позже.

«Не место человеку? — хотел переспросить Хан. — А как же она?»

Он повернулся к миловидной дамочке, и их глаза встретились. Хан вдруг осознал, что в этой женщине, которую Джабба назвал именем Гури, что-то не так. Все его инстинкты кричали о том, что надо держаться от нее подальше. Желания прикоснуться к ней у него было не больше, чем к ядовитой змее.

— Да, — смирился он. — Увидимся, Джабба. Пошли, Чуи.

Хан и вуки вышли торопливым шагом, не оглядываясь.

Дурга начинал впадать в отчаяние. Несмотря на все его попытки измотать Джилиак, выбить ее из сил, она продолжала драться с неослабевающим упорством. Хаттша была намного сильнее и тяжелее его, и Дурга понимал, что попади хоть один ее полновесный удар в цель — от него останется мокрое место, причем буквально.

В бессчетный раз они таранили друг друга, сталкиваясь грудью с такой силой, что Дурга вскрикивал. Каждый сантиметр его тела был покрыт синяками, он чувствовал себя, как кусок теста — взбитый и раскатанный в лепешку.

Долгий бой влек их по периметру огромного зала, о чем свидетельствовали разгромленная мебель и трещины в стенах. Дурга заметил, что они приблизились к репульсорному креслу Джилиак. Хаттша поспешно развернулась и с предельной скоростью бросилась к креслу, хрипя и тяжело дыша.

Дурга что есть мочи полз следом, нагоняя ее. Он не сомневался, что Джилиак решила влезть в кресло и использовать его как таран. Если ее затея выгорит — ему конец!

Он догнал Джилиак, но охнул и метнулся в сторону, когда глава Десилиджиков по широкой дуге взмахнула хвостом, целя ему в морду. Траектория хвоста проходила под самым креслом.

Дурга отреагировал почти неосознанно. Перекатившись на грудь и опершись на руки, он взметнул хвост над головой.

Тщательно прицелившись, он ударил концом хвоста по кнопке питания.

Репульсорное кресло камнем рухнуло на хвост Джилиак, намертво придавив его.

Хаттша взвыла от боли и попыталась освободиться, но Дурга, распрямившись, понял, что это ей не удастся. Он отполз назад, примериваясь, и со всей силы обрушил хвост на голову противницы. Она заорала.

Дурга нанес новый удар. И еще. Потребовалось пять мощных ударов, чтобы лишить Джилиак сознания. «Умри!» — приговаривал он мысленно, избивая рыхлую плоть.

— Умри! — прорычал он вслух. — Умри!

Он не мог сказать точно, когда именно она издохла. Просто и какой-то момент осознал, что бездумно месит кровавую гору плоти. Глаза Джилиак превратились в пустые дыры, изо рта свешивался скользкий язык.

Дурга заставил себя остановиться и оглянулся. У входа в зал стояла Гури, а рядом с ней — Джабба. Каким-то образом помощнице Ксизора удалось задержать у входа охранников и племянника Джилиак. В ней кроется намного больше, чем видно на первый взгляд, промелькнуло в помутневшем рассудке у Дурги.

Двигаясь с такой тяжестью, словно ему девять веков от роду, Дурга взгромоздился на кресло Джилиак. Он был слишком измотан, чтобы даже просто проползти по залу. Ему едва хватало сил и сознания на то, чтобы управлять креслом.

Оставив распростертое тело Джилиак на полу, он двинулся через зал аудиенций.

Добравшись до выхода, Дурга остановился напротив Джаббы. В лучшие времена, подумал Бесадии, он мог бы сразиться с Джаббой на равных. Сейчас же... об этом не могло быть и речи.

Шагнув вперед, Гури удостоила его легким уважительным кивком.

— Поздравляю с успешной битвой, ваше превосходительство.

Дурга повернулся к женщине всем телом:

— Гури. Вы служите у принца Ксизора убийцей?

Я содействую принцу всеми доступными мне средствами, — спокойно объяснила она.

— Вы можете убить хатта? — осведомился Дурга.

— Без сомнения, — кивнула она.

— Тогда... убейте Джаббу, — повелел главарь Бесадии.

Гури лишь покачала головой.

— Нет, ваше превосходительство. Мне было приказано помочь вам в отмщении Джилиак. Ваше дело выполнено. Теперь

мы уходим.

Невзирая на это, Дурга двинулся к Джаббе, но помощница Ксизора встала между ними. Ее намерения были понятны без слов.

— Мы уходим сейчас, — повторила она.

Джабба сдвинулся с места, пропуская их, и Гури ловко запрыгнула на репульсорное кресло Джилиак. Услышав новый топот, Дурга узрел бегущих к ним охранников. Однако Джабба остановил их взмахом руки.

— Я велел вам убираться! — рявкнул он.

Охрана поспешно ретировалась.

Джабба посмотрел на Гури.

— Я не намерен расходовать их попусту. Они неплохо защищают от незваных гостей — от большинства из них.

Гури кивнула и направила кресло вперед. Дурга гневно сверкнул глазами на Джаббу, но остатки сил покинули его. Он мог только лежать, развалившись в кресле, слишком измотанный далее для того, чтобы радоваться победе...

Джабба медленно приблизился к огромному телу своей тетки. Он с трудом мог поверить, что она мертва, и нутром чуял, что ему будет ее не хватать. Но, как он доверительно сообщил Хану Соло, бизнес есть бизнес. Ее смерть послужит на благо Десилиджиков — и на его собственное...

От вида размозженной головы у него выворачивало желудок. Теперь Джабба долго не захочет есть.

На секунду он задумался над тем, что ему следует предпринять первым делом — теперь, когда он стал бесспорным главой Десилиджиков. Скорее всего, его вызовут на Верховный совет хаттов, но, как только они узнают, что Джилиак пала в схватке предводителей кланов по Старому закону, у них едва ли найдутся возражения.

А если его спросят, Джабба заверит их, что Джилиак действительно была причастна к отравлению Арука...

Внезапно труп шевельнулся.

Джабба вскинулся в изумлении и шоке. «Она возвращается к жизни! Она будет в ярости! Нет! — Его сердца забились в диком ужасе. — Что могло произойти?» В том, что его тетка мертва, не было ни единого сомнения.

Огромный раздувшийся труп снова пошевелился, и из брюшной сумки выполз детеныш. Джабба перевел дух. Он укорил себя за то, что не догадался сразу, раздосадованный своим сиюминутным подозрением и страхом.

Маленькое, похожее на червя создание поползло вперед, размахивая маленькими отростками и издавая бессмысленные булькающие звуки.

Джабба злобно воззрился на него. Он знал, что станет неоспоримым главой Десилиджиков в любом случае, но зачем оставлять концы?

Медленно и хладнокровно он двинулся к беспомощному чаду...

На следующий день после триумфа над Джилиак главарь Бесадии чувствовал себя настолько разбитым, что едва мог пошевелиться. Ему с трудом удалось скрыть боль, когда на связь вышел Тероенза и сообщил, что тело Киббика отправлено домой, как и приказывал Дурга.

— Ваше превосходительство, — произнес верховный жрец. — Мне необходимо усилить охрану, и поэтому я взял на себя смелость нанять новые войска за собственный счет. Я рассчитываю, что Бесадии возместят мне расходы, но я должен получить дополнительную защиту. Эти налеты повстанцев нельзя оставлять без внимания.

— Понимаю, — вздохнул Дурга. — Я постараюсь найти дополнительную охрану.

— Благодарю вас, ваше превосходительство.

Отключив соединение, Дурга повернулся к Гури, как раз собиравшейся его оставить.

— Он готовится сделать решающий ход, — пояснил хатт. — Хочет порвать с Бесадии.

Дроидесса кивнула.

— Вы правы, господин Дурга.

— Так как илизианские войска, скорее всего, будут верны Тероензе, — продолжил Дурга, — мне нужен какой-то иной способ держать верховного жреца в подчинении до тех пор, пока я не найду ему замену. Поэтому у меня есть просьба к вашему господину, принцу Ксизору.

— Слушаю, господин Дурга.

— Передайте ему мою просьбу предоставить мне военную помощь. Если он пошлет войска на Илизию, это упростит задачу — и позволит мне избавиться от Тероензы без недовольства со стороны сакредотов и паломников. Мне известно, что принц владеет обширными ресурсами и под его командованием находятся несколько наемных подразделений. Если на планете будут присутствовать эффективные и современные боевые силы, стража Тероензы не поднимет вооруженный бунт. — Он задержал

на ней пристальный взгляд, несмотря на боль в избитом теле. — Вы передадите ему это, Гури? Объясните ситуацию?

— Да, — подтвердила смертоносная блондинка. — Однако его высочество редко выделяет войска, если это не совпадает с его собственными интересами.

— Это я знаю, — задумчиво сказал Дурга. Ему не нравилось то, что он собирался предложить, но лучше это, чем потерять все. — За его поддержку я предлагаю принцу долю своего дохода с Илизии за этот год.

Гури кивнула.

— Я передам ему ваше предложение, господин Дурга. С вами свяжутся его представители. — Она поклонилась. — А теперь я покидаю вас, ваше превосходительство.

Хатт кивнул, насколько позволяла ему ноющая одеревеневшая шея.

— Прощайте, Гури.

— Прощайте, господин Дурга.

Брия Тарен трудилась в своем кабинете на борту корвета «Возмездие», когда на голографическом трансляторе возник Джейс Паол.

— Коммандер, для вас входящее сообщение — на ваш личный номер, по секретному каналу.

— Штаб? — осведомилась она.

— Нет, коммандер. Это гражданская передача.

Она удивленно задрала брови.

— В самом деле? — Немногие из гражданских знали ее личный код. Разве что несколько работников разведки — Барид Мезориам и другие из его группы, — но они вряд ли бы связались с ней напрямую. — Что ж... переведите вызов сюда, если не затруднит.

Несколько секунд спустя над ее передатчиком засветился новый образ.

Брия опешила. Хатт? Единственным хаттом, который знал ее личный код, был Джабба; значит, это он... Хотя для нее все хатты были на одно лицо, тем более на размытом голоизображении. Она заговорила:

— Джабба? Это вы, ваше превосходительство?

— Да, это я, коммандер Тарен, — подтвердил хатт.

— Да... кхм... Чему обязана удовольствием видеть вас, ваше превосходительство?

Хатт с трудом склонил голову.

— Коммандер Тарен, я прошу вас незамедлительно прибыть

на Нал-Хатту. В связи с безвременной кончиной моей тетушки теперь я возглавляю Десилиджиков. Нам необходимо переговорить.

Брия затаила дыхание. Прошел только месяц со дня ее переговоров с Десилиджиками. И теперь Джилиак мертва?

Она решила, что подробностей лучше не знать. Уважительно кивнув, она произнесла:

— Я отправлюсь в путь немедленно, ваше превосходительство. Как я понимаю, вы хотите возобновить переговоры по илизианской кампании?

— Именно, — сказал Джабба. — Я отправил на Илизию нескольких разведчиков, чтобы уточнить данные о т’ланда-тиль. Я готов приступить к налету. Пора положить конец экономической тирании Бесадии.

— Я прибуду через два дня, — заверила его Брия.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ЛЕД…

Прошло пять дней после смерти Джилиак. Хан Соло и Чубакка навестили любимый бар Хана в кореллианском секторе Нар-Шаддаа «Синий свет» — в буквальном смысле забегаловку, где не подавали ничего, кроме напитков. Но Соло тут нравилось. Стены зала были увешаны голоплакатами с изображениями достопримечательностей Кореллии. К тому же здесь подавали излюбленную марку алдераанского эля.

Бармен заведения, пожилой кореллианин, Мич Фленн, зарабатывал себе на жизнь контрабандой, пока не счел, что накопленных денег хватит на то, чтобы приобрести питейное заведение. Хану нравилось слушать его байки о старых добрых деньках, хотя слова этого чудаковатого типа он едва ли принимал на веру. Да и поверишь тут россказням о существах со странными способностями, которые могут подпрыгнуть на десяток метров или извергнуть из пальцев синие молнии…

Хан и Чубакка проводили здесь почти каждый вечер. Вот и сейчас они пили заказанные напитки возле стойки и слушали очередную небылицу Мича. Краем глаза кореллианин смутно заметил, что кто-то подошел и остановился неподалеку от него, но не стал оборачиваться.

Байка Мича затянулась надолго и казалась еще более невероятной, чем когда-либо. Он что-то твердил о разумном дереве, которое раньше было могущественным колдуном, и о расе существ, отдававших свой мозг боевым дроидам, чтобы превратиться в совершенную боевую единицу.

Наконец рассказчик умолк, и Хан покачал головой.

— Мич, это уж совсем ни в какие ворота. Записать бы тебе все эти истории и продать каким-нибудь продюсерам. Они всегда ищут небылицы для своих шоу.

Чуи сочувствующе взрыкнул.

Принявшись деловито полировать стакан, Мич улыбнулся Хану и обратился к новому посетителю. Точнее — посетительнице:

— Чего изволите, красавица?

Хан машинально повернулся вправо, чтобы увидеть, к кому обращается Мич, — и остолбенел.

Брия!

В первую секунду он решил, что ему просто мерещится, что сходство совершенно случайно… Но потом услышал ее голос,

такой, каким его помнил, — низкий, с легкой хрипотцой.

— Просто вишайской воды, Мич.

Это она. Брия. Это и вправду она.

Девушка медленно повернула голову, и их взгляды встретились. Сердце Хана стучало как молот, однако лицо сохранило невозмутимость. Сабакк многому научил его в жизни.

Немного помедлив, она заговорила:

— Здравствуй, Хан.

Он облизнул губы.

— Привет, Брия. — Кореллианин не сводил с нее глаз. Потом Чуи неожиданно пошевелился и тем самым напомнил о себе. — А это Чубакка, мой напарник.

— Здравствуй, Чубакка, — тщательно выговаривая слова, произнесла она на почти чистом вукийском — видимо, училась у Ралррахина. — Польщена знакомством.

Вуки неуверенно поздоровался в ответ, похоже не совсем понимая, что происходит.

— Да, — пробормотал Хан, — сколько лет сколько зим.

При всей нелепости заявления, она со всей серьезностью кивнула.

— Я пришла повидаться с тобой, — сказала она. — Можем мы присесть где-нибудь и поговорить минуту?

Эмоции Хана были более чем противоречивы. Он хотел заключить ее в объятия и расцеловать до потери сознания и одновременно — вытрясти из нее душу, осыпая проклятиями. А еще — просто развернуться и уйти, доказать ей, что она ничего для него не значит — ничего!

Но он нашел в себе силы кивнуть.

— Конечно.

Кореллианин потянулся, чтобы забрать кружку. В этот момент Чуи положил ладонь ему на руку и что-то негромко прорычал.

Хан оглянулся на напарника, благодарный за понимание. Ему действительно будет лучше поговорить с Брией наедине.

— Хорошо, приятель. Дома увидимся.

Чуи кивнул Брии и покинул зал. Забрав кружку с элем, Хан проводил девушку к кабинке в дальнем углу слабоосвещенного и почти пустого бара.

Пока Брия усаживалась в соседнее кресло, он наконец-то смог ее разглядеть. На ней была темная форма военного покроя, не имевшая, впрочем, никаких знаков отличия или иных указателей воинского ранга. Ее волосы были собраны и гладко зачесаны

назад. Хан так и не понял, то ли они коротко подстрижены, то ли просто связаны в тугой узел.

Драгоценностей и украшений он на ней не заметил.

Зато заметил на правом бедре кобуру с бластером DL-18 (сам Хан предпочитал более тяжелую 44-ю модель), закрепленную низко — как он любил носить собственную. На поясе рядом с запасными энергообоймами висели ножны с виброкинжалом. По легкому выступу над ботинком Хан мог догадаться, что и там она прятала оружие...

Кореллианин все пытался найти слова, но мог лишь смотреть на нее, с трудом веря, что она действительно здесь, что это не какой-то сон или кошмар.

Брия тоже скользила взглядом по его лицу. Она попыталась заговорить, запнулась и глубоко вздохнула.

— Прости, — начала она, — я тебя напугала. Наверное, нужно было что-то сказать, но у меня все мысли повылетали из головы. Вряд ли я вообще могла что-то сказать.

— Ты пришла ко мне? — спросил Хан.

— Да. В прошлом месяце я видела твоего друга, и он намекнул, что это одно из твоих излюбленных мест. Я... подумала, что именно сегодня смогу тебя здесь встретить.

— У тебя дела на Нар-Шаддаа?

— Верно. Я заняла комнату наверху, над «Приютом контрабандиста». — Она хмыкнула. — Вполне под стать той дыре, где мы провели ночь на Корусанте.

Ошарашенный Хан медленно приходил в себя, и в нем начал расти гнев. Он помнил ту жутковатую маленькую столичную гостиницу. Это была их последняя ночь вместе. Он помнил, как заснул... и как проснулся один.

Он вдруг крепко схватил девушку за запястье, ощутив шок от прикосновения к ее телу. Ее тонкие кости казались такими хрупкими, словно он мог сломать их одним движением. И ему почти хватало злости, чтобы попытаться это сделать.

— Почему? — возжелал он знать. — Почему, Брия? Думаешь, ты можешь вот так запросто подойти ко мне спустя десять лет? Хватает же у тебя наглости!

Она подняла на него прищуренный взгляд:

— Хан, отпусти меня.

— Нет, — процедил он. — На этот раз я не дам тебе сбежать, пока не услышу ответы!

Что произошло в следующую секунду, кореллианин так и не разобрал. Вероятно, это был какой-то прием рукопашного боя. Внезапный поворот, удар — и вот она свободна, а он сидит, держась за собственную руку. Соло ошарашенно оглядел свою

кисть, потом поднял взгляд:

— Ты изменилась. Очень сильно изменилась.

И он не был уверен, комплимент это или оскорбление.

— Я должна была измениться, иначе бы погибла, — жестко ответила девушка. — Не беспокойся, я не вскочу с места и не убегу. Мне нужно поговорить с тобой, и именно это я намерена сделать. Если ты меня выслушаешь.

Он кивнул без всякого желания.

— Хорошо. Я слушаю.

— Прежде всего, я должна сказать... Мне очень жаль, что я тебя оставила. Я о многом сожалею в своей жизни, но об этом — больше всего на свете. Но иначе я поступить не могла. Иначе ты бы никогда не попал в академию.

— Ну да, мне это просто чудо как помогло, — горько бросил Хан. — Не прошло и года, как меня исключили. Исключили и внесли в черный список.

— За спасение раба-вуки, — напомнила она, и от ее улыбки у него сжалось сердце. — Я так гордилась, когда узнала, Хан.

Хан хотел улыбнуться в ответ, но им все еще владел гнев.

— Мне твоей гордости не нужно. Я ничем тебе не обязан, детка. Я все сделал сам.

Насмешка ее определенно ранила. Щеки девушки вспыхнули, глаза сверкнули, и на миг ему показалось, что она борется с подступившими слезами. Но вот ее лицо снова такое же, как прежде, — холодное и спокойное.

— Знаю, — прошептала она. — Но я все равно гордилась.

— Я слышал, ты и сама свернула горы ради вуки, — заметил Хан. Голос его, казалось, резал как бритва. — По словам Катарры и Ралрры.

— Ты был там? На Кашиике? — Она улыбнулась. — Я помогала создавать ячейку сопротивления.

— Да, я слышал, что ты вроде как офицер повстанцев на Кореллии.

— В чине коммандера, — негромко подтвердила она.

Хан посмотрел на нее искоса.

— Как здорово, правда? Для испуганной девчонки, которая и бластера в руках не держала, ты проделала большой путь, Брия.

— Я просто делала то, что должна. Быстрое продвижение по службе в сопротивлении — вещь обыденная. Тебе следует подумать о том, чтобы присоединиться к нам, Хан.

Сказано это было легко, но что-то в ее тоне говорило Хану, что она не шутит.

— Нет уж, спасибо, сестрица, — отмахнулся он. — Я видел имперцев вблизи и в лицо. У ваших повстанцев нет ни шанса.

Она пожала плечами.

— Мы должны попытаться. Иначе Император уничтожит нас всех. Он — само зло, Хан. Я думаю, он затеял эту битву при Нар-Шаддаа только для того, чтобы избавиться от Сарна Шильда.

— Ах да, — вспомнил Соло. — Тот самый Сарн Шильд. Милый Шильд, а? Вы были милейшей парой.

От его сарказма она поморщилась.

— Я уже объяснила Лэндо, что все было не так, как выглядело со стороны.

— Выглядело это мерзко, Брия, — фыркнул он. — Как думаешь, каково мне было? Видеть, как ты воркуешь с ним...

Она поджала губы.

— Такое уж мне дали задание. Мне отлично известно, как это выглядело, но я не интересовала Шильда в том смысле, о котором ты думаешь. К счастью. Мне не нравилось то, что я делаю... Но если это будет нужно сопротивлению, я с готовностью повторю. Чего бы мне это ни стоило.

Хан задумался над ее словами.

— Ты действительно считаешь, что весь этот рейд к хат- там задумал Император? Но это сделал Шильд! Как такое возможно?

— Я была там, Хан, и с ним творилось что-то странное, поверь мне. Шильд менялся. Это было страшно. От месяца к месяцу он становился другим человеком. Внезапно он начал планировать захват хаттских территорий и стал заговаривать о свержении Императора.

Хан покачал головой.

— Это безумие.

— Знаю. Я не могу объяснить это иначе как... — Она помедлила. — Если я скажу тебе, ты подумаешь, что у меня тоже не в порядке с головой.

— Что? Скажи мне.

Она сделала вдох.

— Говорят, у Императора есть... способности. Будто бы он может воздействовать на людей и принуждать их к чему-то. Своего рода ментальное вмешательство.

— Как чтение мыслей?

— Не знаю, — ответила девушка. — Может быть. Звучит невероятно, но это единственное объяснение, которое я могу найти и которое кажется разумным. Шильд пользовался популярностью, он был амбициозен и алчен и представлял угрозу для укрепления власти. Поэтому Император просто... поддержал амбиции Шильда, пока мофф сам не погубил себя этим штурмом Нал-Хатты.

Хан нахмурился.

— А Гриланкс? Как он вписывается в план? И кто его прикончил? Я все ждал, что они повесят убийство на меня, но они просто замяли историю. Я ни разу не слышал об этом в новостях. — Хан подавил дрожь, вспомнив, как стоял в запертой комнате рядом с кабинетом Гриланкса и слушал это громкое зловещее дыхание… и тяжелую жуткую поступь.

Брия наклонилась ближе, и Хан неосознанно сделал то же самое. Ее голос упал до едва различимого шепота:

— Говорят, это сделал… Вейдер.

Хан тоже зашептал:

— Вейдер? То есть… Дарт Вейдер?

Она кивнула.

— Дарт Вейдер. Правая рука Императора.

Хан выпрямился. Он слышал об этом человеке, но никогда не встречал его.

— Что ж, — проронил он, — я только рад, что они тогда не попытались добраться до вашего покорного слуги.

Брия кивнула.

— Позже разведка выяснила, что адмирал Гриланкс имел приказ Императора провалить атаку. Взятка хаттов — случайное стечение обстоятельств. Вероятно, все было подстроено с самого начала. Император собирался дискредитировать и уничтожить Шильда. А также нанести урон Десилиджикам и контрабандистам. Если ты заметил, Бесадии, которые поставляют Империи рабов, не пострадали.

Хан поразмыслил.

— Звучит все еще безумно, но об Императоре действительно ходят жутковатые слухи. Я всегда списывал это на истерию обывателей. — Он коротко рассмеялся и сделал глоток эля. — Страшно… если это правда.

Собеседница пожала плечами.

— Скорее всего, никто из нас так и не узнает, как все было. Но теперь это дело прошлое. Я совсем о другом поговорить с тобой хотела, Хан, я…

Брия замолкла, когда к столику напротив прошествовала пара контрабандистов. Хан огляделся.

— Становится людно, — констатировал он. — Может, выйдем отсюда?

Девушка кивнула. Они молча, быстрым шагом покинули заведение и перешли на более спокойную сторону улицы. Самодвижущаяся дорожка была сломана, прохожих почти не наблюдалось. Хан повернулся к спутнице:

— Так о чем ты говорила?

— Хан, мне нужна твоя помощь.

Он вспомнил о рассказе Джаббы.

— В штурме Илизии?

Она кивнула с улыбкой.

— Сообразителен, как всегда. Да, Джабба нас финансирует. Мы намерены взять всю планету, Хан.

Теперь настал черед Хана пожимать плечами.

— Не моя проблема, сестрица. Я тоже изменился. И благотворительностью не занимаюсь. Мне нужна выгода. Я не подставляю шею ради кого попало.

Она кивнула.

— Знаю. Я не прошу о благотворительности. Ты получишь за это больше денег, чем сможешь заработать за сотню контрабандных перевозок.

— И что тебе от меня нужно в таком случае?

Его злость снова начала расти, хотя кореллианин едва ли мог это объяснить. Он поймал себя на том, что обрадовался бы больше, попроси она помочь в память о прежних временах. Но это было совершенно нелепо.

— Альянс еще очень молод, Хан, — сказала девушка. — У наших бойцов достанет отваги и преданности, но большинству не хватает боевого опыта. Моя эскадрилья — стреляные парни и девчонки, но сами мы не справимся.

Хан взглянул на нее с удивлением и почти благоговейным страхом.

— Эскадрилья? Ты командуешь эскадрильей?

Брия кивнула.

— Они проверенные ребята. Мы многое с ними повидали.

— Я о ней слышал, — произнес Хан. — Говорят, вы не даете спуску работорговцам.

Она пожала плечами и оставила реплику без внимания.

— Так или иначе, сопротивлению нужна помощь, чтобы прорваться через атмосферу Илизии. Опытные пилоты, чтобы провести наши корабли. Может быть, еще и некоторая боевая поддержка, но ты знаешь, что за оборона на Илизии. Кучка гаморреанцев и им подобных олухов, спящих на постах. Не наземный штурм меня беспокоит, а эта злосчастная атмосфера. Кореллианское сопротивление уже потеряло там корабль.

Хан кивнул. Злость становилась сильнее, но он умело ее скрывал. Он хотел выслушать все до конца, прежде чем сказать веское слово.

— Верно, это штука опасная. Но любой контрабандист видал вещи и посерьезнее. Итак... тебе нужны пилоты, чтобы провести корабли и, возможно, обеспечить огневое прикрытие. А что взамен?

— Спайс, Хан. Ты же знаешь, что Бесадии копят его горами. Всех видов — андрис, рилл, карсунум и, конечно же, глиттерстим. Они вздымают цены, и их склады набиты доверху. Мы поделимся добычей с контрабандистами.

Хан кивнул.

— Продолжай...

— А нам с тобой останется сокровищница Тероензы. Представь, сколько он накопил за десять лет. Антикварные ценности на сотни тысяч кредитов. Там наберется даже на миллион... может быть, на два. Подумай об этом.

— Сколько у вас людей?

— Точно еще не знаю. Мне еще нужно доложить командованию о положении дел в этом секторе. Мы просим помощи у любой группы сопротивления, которая откликнется, в частности у ботанов и салластан — на Илизии много их собратьев. Возможно, они захотят принять участие в спасательной операции.

— И вы собираетесь освободить рабов.

— Мы заберем их вместе со своей долей спайса. А перед отлетом разнесем фабрики в пыль, как и все остальное. Мы покончим с этой адской дырой навеки.

Хан задумался.

— А как насчет жрецов? Этот их ритуал — оружие похлеще многих. Я видел, как они порабощают умы.

Брия понимающе качнула головой.

— О них позаботится Джабба. Их всех перебьют до того, как мы приземлимся.

Хан ощутил, как на него накатывает волна холодной ярости. Как она смеет? Вернулась и просит ввязаться в ее маленькую вендетту?

— Вам не мешало бы хорошенько рассчитать время.

— Да, — согласилась она. — Это будет крупнейшая военная операция, когда-либо предпринятая новым Альянсом. Мы надеемся пополнить свои силы рекрутами и заполучить спайс. Революция — занятие дорогостоящее.

— Сплошные амбиции, — сухо сказал Хан. — Почему бы просто не напасть на Корусант, если вас тянет на самоубийство?

— Это реально осуществить, — настаивала Брия. — Оборона Илизии не так уж крепка. Хан, ты же был там. Помнишь? Да, я уверена, что мы встретим отпор, но мои солдаты справятся. Твои друзья могут даже не вмешиваться в бой, пока мы берем дворец. Боевой опыт нашим парням не помешает. Если мы справимся, то станем примером для других планет и побудим их присоединиться к Альянсу. Мы сможем свергнуть Империю,

только если объединимся.

Хан воззрился на нее.

— И за этим ты пришла ко мне? Чтобы я упросил контрабандистов примкнуть к сопротивлению и помочь тебе в этом рейде?

— Лэндо сказал, что к тебе и Мако Спинсу они прислушаются. Спинса я не знаю. Зато знаю тебя.

Хан наконец позволил себе сбросить непроницаемую маску. Его глаза сверкнули.

— Значит, ты меня бросаешь, не замечаешь меня десять лет, а потом возвращаешься и мнишь, что я помогу тебе, подвергну опасности жизни друзей? Я тебе не верю, Брия. Да, я наслышан об эскадрилье Красной руки. Ты не та женщина, которую я знал, и мне это ясно как день.

— Я изменилась, — проговорила она, глядя ему в глаза. — Я признаю это. И ты изменился тоже.

— Лэндо сказал, что я тебе еще не безразличен, — холодно протянул Хан. — Думаю, ты врала ему, уже тогда планируя меня использовать. Тебе плевать на меня и на то, что у нас было. Тебя заботит только твоя революция, и тебе не важно, по чьим трупам ты пройдешь, чтобы достичь цели. — Он фыркнул. — И вся эта чушь о Сарне Шильде... ну еще бы! Значит, я должен поверить, что такой человек, как он, захочет держать тебя при себе, не будь ты такой... не будь ты такой... — Последнее произнесенное им слово было на родианском и означало уличную женщину.

Брия открыла рот и пальцами нащупала бластер. Хан напрягся, готовый выхватить свой, но ее глаза вдруг наполнились слезами... и тогда он понял, что оружия она не вытащит.

— Да как ты смеешь?

— Я много чего смею, сестрица, — бросил Хан. — Я говорю то, что думаю. И смею думать, что ты настоящая дрянь, если решила сюда явиться. Можешь не рассчитывать, что я снова поведусь на твою смазливую мордашку. Я изменился, да. Я поумнел — и достаточно, чтобы видеть тебя насквозь.

— Прекрасно, — заморгала она, справляясь со слезами. — Ты просто плюешь на меня и свою выгоду. Это не проявление ума, Хан. Это глупость. А то, что курьер наркодилеров изображает оскорбленную нравственность, само по себе смешно, не находишь?

— Я контрабандист! — взвился Хан. — У нас свой собственный кодекс!

— Да, возить наркоту для хаттов! — Она тоже закричала. — Ты и Джабба! Неразлейвода!

То, что она приравняла его к хаттам, стало последней каплей.

Хан развернулся и пошел прочь.

— Отлично! — крикнула она вслед. — Я пойду к Мако Спинсу, если хочешь знать. Может быть, он окажется посообразительнее тебя!

От ее слов Хан только ехидно рассмеялся.

— Прекрасно! — прорычал он, не поворачиваясь. — Хорошего тебе с ним разговора. Прощай, Брия.

Он зашагал прочь с поднятой головой, щелкая каблуками по пермакриту. Ему доставляло удовольствие знать, что она остается стоять там, где стоит, и глядит ему вослед.

Большое удовольствие.

Дурга таращился на изображение принца Ксизора на своем голопроекторе.

— Гури изложила мне вашу проблему, — сообщил принц. — Я выделил для Илизии два отряда наемников под командованием опытного Виллума Камарана. Подразделение «Сверхновая» поможет вам справиться с Тероензой и навести порядок. Но это нужно исполнить быстро, мой друг.

— Благодарю вас, ваше высочество, — ответил Дурга. - Как уже, должно быть, сообщила вам Гури, в благодарность за помощь я предоставлю долю от прибыли Илизии за этот год. Пятнадцать процентов.

Уголки губ фаллиина опустились, и он грустно покачал головой.

— Ах, Дурга, Дурга... Я думал, в вас есть хотя капля уважения. Тридцать процентов в течение последующих двух лет.

Дурга вытаращил и без того выпуклые глаза. Такого он и вообразить не мог! Хатт выпрямился.

— Ваше высочество, если я это сделаю, меня сместят с должности главы Бесадии.

— Но если у вас не будет моих войск, вы потеряете всю Илизию, — резонно заметил принц.

— Двадцать процентов, один год. — Дурга произносил эти слова почти с болью. — Они не пробудут там долго, не забудьте.

— Тридцать процентов, два года, — настаивал главарь «Черного солнца». — Я не торгуюсь.

Дурга глубоко вдохнул, чувствуя, как заново дают о себе знать все раны и ушибы, полученные в битве с Джилиак.

— Да будет так, — мрачно постановил хатт.

Ксизор самодовольно улыбнулся.

— Превосходно. Наемники прибудут на Илизию в ближайшее время. С вами приятно иметь дело, мой друг.

Дурге понадобилась вся сила воли, чтобы вымолвить:

— Хорошо, ваше высочество. Благодарю вас.

Он отключил связь и тяжело осел, в отчаянии представляя, что сказал бы обо всем этом Арук.

«Я в ловушке, — мысленно вздыхал он. — В ловушке. И мне остается лишь выжать максимум из положения, в которое я угодил...»

Этой ночью Хану не спалось. Мысли о Брии метались в его сознании, как кометы. «Можно ли ей верить?.. Хочу ли я увидеть ее снова?..»

Он задремал, и ему приснились горы глиттерстима, которые ни с того ни с сего превращались в пачки кредитов. Он нырял в них, катался по ним и кричал от радости, и вдруг рядом с ним оказывалась Брия. Он обнимал и целовал ее среди денежных гор... такого богатства прежде он не мог даже представить...

Хан со вскриком проснулся. Лег, заложив руки за голову, и стал глядеть в темноту.

«Или все-таки согласиться? — размышлял он. — Может, вот он, мой шанс? Я смогу забросить ремесло, собрать пожитки и уйти на покой. Найти себе уютное логово в Корпоративном секторе, и катись Империя колесом...»

Он лежал, ворочаясь и раздраженно взбивая подушку, пока не смог этого больше выносить. Спрыгнув с кровати, он направился в ванную и натянул чистую одежду. Заодно причесал волосы, мельком отметив, что прическа из разряда «не мешало бы постричься» превратилась в «хочешь выглядеть, как Чубакка?».

Затем, держа ботинки в руках, он на цыпочках прошел по темной квартире, не желая разбудить Чуи или спавшего на диване Джерика. Он был почти у двери, когда зацепился носком за что-то твердое и услышал жалобный электронный писк.

ЗиЗи! Хан уронил ботинки и выругался в адрес антикварной железки, дребезжавшей свои извинения.

— Заткнись! — прорычал кореллианин и вылетел вон, хлопнув дверью. Через секунду вернулся, подобрал ботинки и снова исчез.

«Приют контрабандиста» находился на границе кореллианского сектора. Хан пришел туда еще до открытия и был вынужден вызвать ночного портье. Кореллианину вдруг пришло в голову, что он не знает, под каким именем зарегистрировалась Брия, но едва он начал ее описывать, как скучная физиономия служащего просветлела.

— Ах, она! — Человек облизнул губы. — Она ждет тебя,

приятель?

— Скажем так, она будет рада меня видеть, — сказал Хан, бросая на стойку кредит.

— Да, разумеется. Номер 7А.

Хан поднялся на древнем турболифте и прошел по темному коридору с затхлым воздухом. Постучался в дверь. Через несколько секунд послышался голос — ясный, словно она и не спала.

— Кто там?

— Брия, это я, Хан, — назвался он.

Последовала долгая пауза, затем замок щелкнул, и дверь распахнулась в темноту.

— Проходи с поднятыми руками, — донеслись слова.

Соло подчинился, и только когда дверь за ним закрылась, зажегся свет. Кореллианин повернулся и увидел Брию в короткой ночной сорочке и с бластером в руке.

— Чего ты хочешь? — спросила она без тени дружелюбия.

Хан обнаружил, что ему очень трудно не смотреть на ее длинные ноги.

— Да я... просто хотел с тобой поговорить. Я тут... пересмотрел твое предложение.

— Да неужто? — Она все еще была неприветлива, но по крайней мере опустила оружие. — Хорошо, дай мне минуту.

Забрав одежду, она исчезла в ванной и через минуту вернулась уже при параде. Хан кивнул на ее правую ногу.

— Что в ботинке?

— Бластер, — пояснила она с короткой жесткой улыбкой. — Симпатичная маленькая женская модель.

— Понятно.

Он сел на край скомканной кровати, ощутив, что одеяло еще хранит ее тепло. Брия расположилась в единственном кресле в комнате.

— Ты искала Мако, после того как мы... расстались?

— Я навела кое-какие справки. — Девушка скривила губы. — Поняла, почему ты так смеялся, когда уходил.

— Да, Мако здорово досталось. Не знаю, что ему теперь делать. — Он прокашлялся. — Ладно, я пришел сюда говорить не о нем. Я подумал над твоим предложением. Может быть, я слишком поспешил тогда. Видишь ли... я был зол, что ты меня бросила. Наверное, мне просто нужно было выплеснуть из себя всю злобу.

Он замолчал. Брия не сводила с него глаз. Ее лицо обрамляли свисающие пряди волос, и Хан был рад видеть, что они не подстрижены. Похоже, до этого они были завязаны в тугой узел.

Девушка шевельнула рукой:

— Говори...

— Так что... вот. Может быть, я много чего наговорил тогда, — признал Хан. — Не впервые ведь.

Она распахнула глаза.

— Да ну! Быть того не может!

Хан решительно проигнорировал ее сарказм.

— Так или иначе... этого не повторится. В общем... я хочу взяться. Я передам парням твое предложение и обучу твоих пилотов справляться с илизианской атмосферой. Готов спорить, кое-кто из каперов тоже захочет поучаствовать. Я переговорю с ними и предложу им то, что ты пообещала мне. Пятьдесят процентов из сокровищницы Тероензы или спайс на семьдесят пять тысяч кредитов — смотря чего будет больше.

Она поразмыслила над его словами.

— И ты будешь вести себя прилично?

— Да, — пообещал Хан. — Я всегда веду себя прилично с деловыми партнерами. А мы и есть партнеры. Это просто... бизнес.

Брия кивнула.

— Отлично. — Она наклонилась вперед и протянула руку. — Просто бизнес.

Хан принял рукопожатие, отметив, что ее хватке позавидовали бы многие мужчины.

— Договорились.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
...И ПЛАМЯ

Дурга активировал систему связи и ввел коды, которые еще несколько лет назад дал ему родитель. Он сильно надеялся, что данные еще верны. Это был очень важный вызов...

На то, чтобы установить соединение, ушло несколько минут, и качество связи было далеко не лучшим. Абонент, должно быть, находился на большом расстоянии от Внешнего Кольца.

Наконец высветилась картинка. Голоизображение самого известного в Галактике охотника за головами мерцало и подрагивало нечеткими краями. Но Дурга ясно мог слышать механически отфильтрованный голос Фетта.

— Боба Фетт, это я, Дурга, предводитель Бесадии, — поздоровался хатт. — Приветствую тебя.

— Господин Дурга. — Ровный голос не выражал ни заинтересованности, ни удивления, ни любопытства. Ничего. — Что вам угодно?

— Я хочу, чтобы вы приняли приоритетный заказ, — сообщил ему Дурга. — Ситуация очень шаткая и в любой момент может измениться. Ошибки здесь недопустимы. Поэтому мне нужен лучший.

Боба Фетт склонил голову.

— За приоритет — дополнительная плата. Компенсация за отказ от других дел.

— Да-да, разумеется, — оговорился Дурга. — Заказ на верховного жреца Илизии Тероензу. Я плачу вам двести тысяч кредитов.

— Триста тысяч, — поправил Боба Фетт. — И я отправлюсь на Внешнее Кольцо немедленно.

Помедлив, Дурга кивнул.

— Решено. Дело не терпит отлагательств. Доставьте мне рог Тероензы как доказательство его смерти. Но прежде чем совершится убийство, выждите, пока я не покину Нал-Хатту и не окажусь в пяти часах лета от Илизии. Нужно ликвидировать Тероензу так, чтобы никто из прочих т'ланда-тиль не узнал о его смерти в течение нескольких последующих часов. Иначе жрецы могут поднять бунт. Понятно?

— Все ясно. Связаться с вами и согласовать время совершения убийства. Убедиться, чтобы другие т'ланда-тиль не узнали, что он мертв.

— Все верно.

Дурга сообщил идентификационные коды своего корабля и дождался от Фетта подтверждения.

— Повторяю условия приоритетного заказа, — произнес охотник. — Я не принимаю других заказов, пока не доставлю по назначению рог верховного жреца Тероензы. За триста тысяч.

— Именно, — подтвердил Дурга.

— Конец связи.

Мутное изображение закованного в броню охотника еще раз дрогнуло и погасло.

После этого Дурга перевел передатчик на внутренний канал и связался с Зиром. Заместитель заверил его, что сузил поиски преемника Тероензы до трех т'ланда-тиль. Дурга должен будет побеседовать с ними лично и выбрать нового верховного жреца Илизии.

Хатт подумал о том, как приятно будет держать в руках окровавленный рог верховного жреца. Может быть, он даже повесит его на стену...

За следующие два дня Брия Тарен и Хан Соло вместе облетели чуть ли не всю Нар-Шаддаа, нанимая контрабандистов и каперов в качестве пилотов, а случае с каперами — еще и потенциального подкрепления для ее илизианской кампании. Наиболее весомым и убедительным аргументом было то, что на Илизии их ждет легкая добыча и горы спайса, накопленного Бесадии.

Оба они старательно придерживались своего «чисто делового» соглашения, но Брия чувствовала напряжение, растущее в ее «деловом партнере», и знала, что оно отражает ее собственные чувства.

Он рассказал ей, что делал в последние десять лет, а она поделилась некоторыми деталями своего быта в сопротивлении. Она поведала о том, как скиталась от планеты к планете, непрерывно борясь с жаждой Возрадования.

— Два раза я покупала билет и стояла в очереди на корабль, чтобы вернуться на Илизию, — рассказала она. — И оба раза я просто не могла сделать последний шаг. Уходила, возвращалась домой и падала без сил.

Наконец на Кореллии она нашла группу людей, которые помогли ей справиться с зависимостью и понять, почему она чувствует себя такой опустошенной и несчастной.

— Мне потребовались месяцы глубокого самоанализа. Месяцы на то, чтобы понять, почему я желаю зла самой себе. До меня наконец дошло, что не стоит ненавидеть себя только за то,

что меня ненавидела и презирала собственная мать. Ведь я всего лишь не стала той, кем она хотела меня видеть. Не нужно было разрушать себя в какой-то нелепой попытке угодить ей.

Хан, вспомнив мать Брии, сочувствующе закивал.

— Я не мог узнать, кем были мои родители, и чувствовал себя обманутым. Но потом я познакомился с твоей матерью, Брия. Есть вещи похуже, чем быть сиротой.

Она нервно рассмеялась.

— Ты прав, Хан.

Многих контрабандистов и каперов предложение Брии крайне заинтересовало, и их ряды быстро пополнялись. К тому же затею поддерживал Джабба и привлекал к участию в операции своих пилотов. Многие, кто работал на него, соглашались стать проводниками для повстанческих кораблей.

Все это время Альянс собирал флотилию в космосе, а капитаны и наземные командиры готовились воплощать план.

После того как Брия и Хан наняли достаточно пилотов, чтобы на каждое звено приходилось хотя бы по одному контрабандисту, они взяли «Сокол» и направились по координатам точки сбора, удаленной от обычных маршрутов, но лежащей в пределах одного гиперпрыжка от Илизии.

Брия была в восторге от «Сокола» и поражалась его скорости и мощи. Хан только рад был показать ей своего летуна и те особенные модификации, которые он произвел. Готовясь к штурму, он наконец уговорил Шуга и Чуи помочь ему установить нижнюю пушку, о которой так давно мечтал. Поскольку штурм предстоял наземный, она с большой вероятностью могла пригодиться.

Когда «Сокол» подлетал к ангару «Возмездия», Брия улыбнулась:

— Ты показал мне корабль… Теперь моя очередь.

Хан засмеялся, и впервые с момента их встречи они оба почувствовали себя легко.

— Красивый, — восхищенно выдохнул он, глядя на четкие, плавные очертания корвета на фоне звездной россыпи.

Они совершили посадку, и их приветствовал капитан «Возмездия» Тедрис Бжалин. Хан уставился на него в изумлении.

— Тедрис! — воскликнул он, оглядев высокого лысеющего мужчину в униформе повстанцев. — Ты-то здесь какими судьбами?

Брия перевела взгляд с одного на другого.

— Вы знакомы?

— Еще бы! — хмыкнул Хан, пожимая руку Тедриса и хлопая товарища по спине. — Мы с Тедрисом учились на одном курсе в

академии.

— Это долгая история, — протянул Бжалин. — После того, что ты сказал мне в тот раз на борту «Судьбы», я все больше и больше задумывался, к чему приведет моя служба в Империи. А потом... — его резкие черты исказились, — Хан, я ведь с Тишапала, помнишь?

Хан забыл. Он посмотрел на старого друга, медленно осознавая, в чем дело.

— Тедрис... Мне так жаль. Твоя семья?.. — Кореллианин познакомился с семьей Тедриса во время обучения.

— Погибла во время резни, — подтвердил офицер. — После этого я не мог больше оставаться. Я знал, что должен сражаться против них.

Хан кивнул.

Брия устроила своему спутнику экскурсию по кораблю. Он увидел ее с новой стороны и, будучи сам знаком с военным делом, был впечатлен дисциплиной и подготовкой ее солдат. Пилоты эскадрильи Красной руки, несомненно, почитали своего командира. Хан выяснил, что многие из них раньше были рабами и теперь готовы были отдать жизнь ради освобождения тех, кто еще оставался в оковах.

Брия пригласила кореллианина на встречу с другими командирами повстанцев, и они побывали на нескольких предбоевых собраниях. Ботаны обязались обеспечить дополнительное прикрытие, а салластане прислали десять кораблей и около двух сотен солдат. За годы, прошедшие с тех пор, как Хан и Брия покинули Илизию, многие жители Салласта ушли в паломники.

Помимо многочисленных отрядов кореллианского сопротивления, присутствовал контингент с Алдераана — хотя большая их часть была медиками, пилотами транспортников и прочим гражданским персоналом — и Чандрилы.

— Было непросто убедить Альянс, что затея осуществима, — призналась Брия. — Но нашим солдатам нужен боевой опыт. Я смогла доказать штабу, что этот налет поможет бойцам обрести уверенность, необходимую для того, чтобы выступить против имперцев.

В рейде должны были участвовать все корабли повстанцев, находившиеся сейчас на Внешнем Кольце. Наблюдая за флотом, Хан пришел к выводу, что у них есть шанс. Он провел несколько брифингов с пилотами-повстанцами, которым предстояло вести штурмовые транспорты сквозь атмосферу Илизии.

Во время первого из брифингов Хан наткнулся на еще одного старого друга.

— Джейлус! — воскликнул он, когда в зале появился низкорослый салластанин с отвислой челюстью. — А ты что здесь делаешь?

Джейлус Небл кивнул на свою потрепанную повстанческую униформу.

— А сам как думаешь? — тонким голосом переспросил он. — «Илизианская Мечта» стала теперь «Мечтой о свободе» и уже несколько лет служит повстанцам.

Хан представил Брию салластанину. Она была рада наконец познакомиться с отважным пилотом, спасшим их с «Оков Хелота». Втроем они перемолвились о прошлом, вспомнив отчаянный побег с рабской планеты. И Джейлус, и Хан поразились, узнав, что отряд Брии захватил «Оковы Хелота» и переименовал корабль в «Избавителя».

В этой операции восстановленный «Избавитель» с новым капитаном тоже встанет в ряды сопротивления и понесет штурмовые транспорты и отряды подкрепления.

Глядя, как Хан общается с командирами повстанцев и другими участниками предстоящего налета, Брия вдруг обнаружила, что никогда прежде не ощущала себя такой счастливой. Казалось, Хан был рад вернуться к прежнему военному образу жизни: ел вместе с бойцами, шутил и разговаривал. Повстанцы весьма уважительно отнеслись к его опыту — не только пилота, но и кадрового имперского офицера, особенно после того, как Тедрис Бжалин припомнил некоторые наиболее безумные эпизоды из их жизни, проведенной в академии.

Брия ощутила проблеск надежды, что Хан проникнется их идеалами, поймет, что должен быть с повстанцами, с нею. Она радовалась каждому мигу, проведенному вместе, хотя тщательно соблюдала «деловую» дистанцию.

Все это время ей хотелось знать, что же Хан думает о ней...

К концу второго дня сборов Брия получила сообщение. Ей было нужно встретиться с группой потенциальных союзников сопротивления на Орд-Мантелле. Хан предложил отвезти ее на «Соколе», гордый, что сможет показать ей корабль на полном ходу. Впрочем, при первой же попытке уйти на сверхсветовую «Сокол» предательски взбунтовался, и кореллианину пришлось, сгорая от стыда, несколько минут провозиться с гидроключом, прежде чем все заработало.

Когда они оказались в гиперпространстве, Брия заняла место второго пилота и с восхищением глядела, как Хан управляется с рычагами.

— Замечательный корабль, Хан, — похвалила она. — Знаешь,

я видела, как ты его выиграл.

Хан обернулся в изумлении.

— Что? Ты была там?

Брия рассказала о своем путешествии на Беспин во время турнира по сабакку.

— Я болела за тебя, — отметила она. — Когда ты выиграл, мне так хотелось... — Она вдруг вспыхнула и замолкла.

— Хотелось что? — осведомился Хан, пристально глядя на спутницу.

— Э-э-м... мне хотелось снять маскировку и прийти тебя поздравить. Кстати, за что тебя так невзлюбила барабелка?

Секунду Хан недоумевающе смотрел на девушку. Потом его губы тронула улыбка, и он расхохотался.

— Ты встретила Шалламар?

— Не то чтобы встретила, — оговорилась Брия, — но я стояла рядом с ней во время одной из игр — когда сама она уже вылетела из турнира. Та еще ящерица, должна тебе сказать.

Хан усмехнулся, вспомнив о своей стычке с Шалламар на Девароне пятилетней давности.

— Она заявила, что откусит мне голову, — фыркнул Хан. — И она бы выполнила угрозу, если бы не Чуи.

— Деварон? Ах да, я помню... — сказала Брия, но при взгляде на Хана снова умолкла и закусила губу.

— Так это ты была в тот день на илизианской церемонии! — воскликнул контрабандист. — Я думал, мне мерещится. С того дня я на много месяцев зарекся пить.

Брия кивнула.

— Да, это была я, Хан. Но нарушать прикрытие было нельзя. Это я стояла в толпе. Я была на задании.

— И что же это было за задание?

Она посмотрела на него прямо.

— Убить жреца Вератиля. Хотя ты этому все же помешал. Насколько я знаю, Вератиль все еще жив. Впрочем, скоро мы это исправим.

Хан надолго задержал на ней взгляд.

— Ты действительно готова пойти на все ради сопротивления, верно?

Брии стало не по себе от его взгляда.

— Не смотри на меня так! — выпалила она. — Это твари! Они заслуживают смерти!

Он медленно кивнул.

— Да, я знаю. Но это... немного пугает, знаешь ли.

Девушка слабо улыбнулась.

— Иногда я сама себя пугаю.

На Орд-Мантелле Брия провела встречу с местными повстанцами, рассказав о предстоящей миссии и объяснив ее важность. К ее радости, местное сопротивление пообещало немедленно выделить три корабля и сотню солдат, а также снаряжение и группу медиков.

Пока Хан и Брия шли к трапу «Сокола», к девушке подошел один из младших офицеров и передал записку. Проглядев ее, она подняла взгляд и как-то натянуто улыбнулась Хану.

— Штаб получил сообщение с Тогории. К нам хочет присоединиться небольшой отряд тогориан, и они просят, чтобы мы подобрали их на обратном пути.

Губы Хана медленно растянулись в улыбке.

— Мууургх и Мрров? — догадался он.

— Тут не сказано. Но скорее всего, они тоже в отряде, — предположила Брия. — Сможем?

— Еще бы! — кивнул он, избегая ее взгляда. — Тогория — хорошая планета. Я не против побывать на ней снова.

Брия тоже отвела глаза. На тогорианском пляже они с Ханом впервые сблизились. Красивая планета, полная воспоминаний для них обоих.

В полете они почти не говорили. Брия обнаружила, что нервничает до колик в желудке. Ей хотелось знать, что чувствует сейчас Хан...

Соло опустил грузовик на посадочное поле, окружавшее Каросс — самый крупный город Тогории. Выполнив все послеполетные проверки и внеся записи в бортжурнал, они с Брией спустились по трапу. Им навстречу уже шествовала группа тогориан, и один из них показался до боли знакомым — огромного роста, с черным мехом, только грудь и бакенбарды белые. Рядом шла бело-рыжая самочка чуть пониже ростом.

Брия радостно улыбнулась.

— Мууургх и Мрров!

Они спрыгнули с трапа, тут же угодив в объятия могучих лап, оторвавших их от земли.

— Мууургх! — выкрикнул Хан, от радости колотя кулаками по груди своего старого друга и болтая ногами в воздухе. — Как ты, приятель?

— Хан... — Мууургх почти задыхался от чувств. Тогориа- не были очень эмоциональным народом, особенно самцы. — Хан С-соло... Мууургх р-радуется видеть Хана опять. Так долго этого не быть!

«У него давно не было практики в общегалактическом», — с

улыбкой подумал Хан. Общегал у Мууургха хромал всегда, но за прошедшее время стал еще хуже, чем прежде.

— Здравствуй, Мууургх! Мрров! Рад видеть вас обоих!

Покончив с приветствиями, Мрров объяснила, что у некоторых тогориан есть счеты с Илизией и они хотят принять участие в штурме.

— Шестеро наших были рабами, многие потеряли своих близких, Хан, — поделилась Мрров. — Мы хотим помочь, чтобы больше ни один тогорианин не попал в эту ужасную ловушку.

Хан кивнул.

— Что ж, мы можем отправляться в любое время.

Мууургх покачал головой.

— Не можем до с-савтра, Хан. Большой лифон напал на мос-сгота Сарры. С-сломать крыло. Сарра взял новый мос-сгот, отправил нам пос-слание, будет с-сдесь завтра. Сегодня Хан и Брия — наш-ши почетные гос-сти?

Хан покосился на Брию и пожал плечами.

— Да, конечно.

Она на него не взглянула.

— Разумеется...

Весь день они провели в разговорах о том, что произошло за минувшие десять лет. Мууургх и Мрров выглядели очень счастливой парой — хотя, по тогорианскому обычаю, проводили вместе только по месяцу в год. У них было двое детей — и обе девочки. Обеих представили Хану и Брии. Одна была еще совсем котенком и совершенно всех очаровала. Гости пару часов без перерыва играли с ними в саду.

Тем же вечером для них устроили роскошный пир с лучшими тогорианскими деликатесами и напитками. Местные рассказчики наградили Хана и Брию историями об их собственных приключениях десятилетней давности, когда они бежали с Илизии. Кореллианин едва узнавал самого себя — «величие» его подвигов, похоже, за годы возросло, и он превратился в настолько героическую фигуру, что сам едва сдерживался от смеха.

Хан с опаской пробовал крепкие тогорианские напитки, обратив внимание на то, что Брия пьет только воду.

— Я не могу пить алкоголь, — объяснила она, когда он спросил об этом. — Слишком боюсь привыкнуть. Мне нужно быть поосторожнее... после одной зависимости легко схлопотать другую.

Хан восхитился ее выдержкой.

Когда праздник закончился, Мууургх и Мрров проводили их в самую лучшую из гостевых комнат и пожелали спокойной ночи.

Хан и Брия застыли в неловком молчании. Хан посмотрел на

дверь, ведущую в спальню.

— Э-э... полагаю, Мууургх и Мрров думают, что мы все еще вместе, — пробормотал он.

— Похоже, да, — согласилась девушка, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Ну что ж, значит, матрас для меня, — постановил Хан.

— Ну уж нет, — возразила Брия, — я — солдат. Я спала и не в таких условиях, и даже без одеяла. Не нужно обращаться со мной как с госпожой, Хан. — Она улыбнулась и достала монетку децикреда. — Вот что... мы разыграем кровать.

Соло наградил ее обаятельной улыбкой.

— Прекрасно, милая. Я не возражаю.

Наконец их глаза встретились.

— Ох!.. — Голос Брии звучал так, словно она пробежала марафонскую дистанцию.

У контрабандиста тоже немного сбилось дыхание.

— Что — ох? — спросил он, делая шаг навстречу.

Его спутница слабо улыбнулась.

— В Галактике теперь небезопасно для женщин, — заметила она. — Ты знаешь, на что способна твоя улыбка, не так ли?

Вообще-то, Хан действительно имел об этом некоторое представление... Несколько его знакомых красавиц — тоже. Он сделал еще два шага к ней и усмехнулся. Ситуация и вправду выглядела забавной.

— Ну... — протянул он. — Иногда она работает лучше, чем бластер.

Брия была так напряжена, что он испугался: уж не бросится ли она прочь? Но когда он сделал еще шаг, она не сдвинулась с места. Опустив глаза, Хан увидел, что ее рука дрожит.

— Ты вроде собиралась бросить монетку? — негромко напомнил он.

Она сделала глубокий вдох. Рука ее немного успокоилась.

— Конечно. Загадывай.

— Ты уверена, что монетка без обмана? — спросил корелл-лианин, приблизившись еще на шаг.

Ты что! — возмутилась она. — Настоящий децикред!

С шутливой обидой Брия повертела металлический кружок у него перед носом, показывая, что это самая обычная монета. На аверсе — профиль Императора, на реверсе — эмблема Империи.

Хан был уже на расстоянии вытянутой руки от девушки.

— Ладно. Я выбираю... аверс, — произнес он.

Брия сглотнула и подбросила монетку, но не поймала из- за того, что вновь задрожали руки. Хан, однако, оказался проворнее. Он изловил монету и зажал ее в руке, не глядя.

— Палпатин — мы делим кровать... — тихо сказал он. — Эмблема — мы делим пол.

— Но... мы договаривались... — она сбивалась и дрожала уже всем телом, — только... бизнес...

Хан швырнул монетку через плечо и одним рывком заключил Брию в объятия. Он целовал ее со всей страстью, что скопилась за прошедшие дни... за все потерянные годы. Наконец он поднял голову и перевел дыхание.

— Знаешь что... а к хаттам этот бизнес... верно?

— Верно... — кивнула Брия и обвила руками его шею, тесно к нему прижимаясь.

А позади лежала забытая на плетеном ковре монетка, слабо мерцая в полутьме...

Проснувшись на следующее утро, Хан улыбался. Он вышел на маленький балкон с видом на прекрасный сад и глубоко вдохнул, слушая переливы крошечных летающих ящерок. Кореллианин вспомнил, как одна из них села Брии на руку в тот раз на пляже, много лет назад...

Он жалел, что сейчас у них нет времени вернуться на пляж...

«Ладно, — подумал он, — когда покончим с Илизией, у нас будет уйма времени... и уйма денег. Мы вернемся сюда. Потом, может быть, отправимся в Корпоративный сектор, займемся каким-нибудь делом. На „Соколе" мы можем улететь куда захотим и делать что пожелаем...»

Он задумался, сможет ли Брия бросить сопротивление ради него. После того, как прошла ночь, он не представлял, что может быть иначе. Им было хорошо вместе — хорошо как никогда раньше, и теперь они никогда не расстанутся...

Хан услышал шаги, но не обернулся. Просто стоял и смотрел на сад, вдыхая тонкий аромат местных цветов. Вокруг его пояса обвились руки, и он почувствовал прикосновение волос к своей спине.

— Привет... — тихо сказала девушка. — Доброе утро.

— Очень доброе, — так же тихо ответил он. — Лучшее за долгое время. Лет за десять, я думаю.

— Я уже говорила, что люблю тебя? — произнесла она, целуя его в шею. — Тебе нужно постричься...

— Несколько раз. Но можешь сказать еще, если хочешь.

— Я люблю тебя...

— Звучит хорошо, — хмыкнул он. — Но думаю, тебе не мешает потренироваться. Попробуй еще раз...

Она рассмеялась.

— Ты начинаешь воображать, Хан.

Соло с усмешкой развернулся, чтобы обнять ее.

— Знаешь, всю дорогу обратно «Сокол» будет под завязку набит огромными мохнатыми тогорианами, так что тебе придется сидеть у меня на коленях.

— Я справлюсь, — успокоила Брия.

Для тогорианина Сарра оказался очень невелик ростом — всего около двух метров. Но он был в прекрасной форме, и под лоснящимся черным мехом перекатывались его тугие мускулы.

Прежде чем вернуться на позиции флота в глубинах космоса, Хан слетал на Нар-Шаддаа, чтобы забрать Джерика и Чубакку. Ему стало любопытно, поладят ли Чуи и Мууургх. Когда он представил вуки и тогорианина друг другу, ему довелось увидеть редчайшее зрелище — Чуи смотрел на другое существо снизу вверх. Мууургх оценивающе оглядел вуки и сказал:

Я приветсствовать друг Хана С-соло. Он говорить мне, ты его большшой брат.

Чубакка проревел в ответ.

— Чубакка тоже приветствует Мууургха, — перевел Хан. — Он рад видеть еще одного брата из прошлого, охотника Мууургха.

Два гиганта с достоинством оглядели друг друга и повернулись к Хану. Насколько он мог судить, друг другом они остались довольны.

— У вас много общего, парни, — заметил он.

Конечно, указал Чуи, ведь у них есть Хан.

— Друг Хана С-с-соло — друг Мууургха, — заверил его тогорианин.

Внезапно протрезвонил дверной сигнал. Кореллианин пошел открыть и обнаружил стоящего на пороге Лэндо. На этот раз картежник был одет не по последней моде, а в грубую форму военного покроя. На ногах у него были тяжелые ботинки, а в руках — бластер и винтовка.

— Привет! — поздоровался Хан. — В чем дело? Собрался на войну?

— Я только что узнал, что ты намылился на Илизию, — с порога начал Лэндо. — Я тоже хочу. Прокатишь на «Соколе»?

Хан с удивлением оглядел товарища.

— Друг, это дельце не совсем по тебе, — намекнул он. — Вряд ли эти гаморреанцы окажут серьезное сопротивление, но там, знаешь ли, будут постреливать.

Калриссиан кивнул.

— Я тоже стреляю неплохо, — напомнил он. — Хан, я почти

накопил деньжат на новый корабль и уже заприметил один — маленькая такая яхта, просто прелесть. Думаю, доля спайса на складах стоит того, чтобы немного рискнуть драгоценной шкурой. Еще десять тысяч кредитов — и эта красотка моя.

Хан пожал плечами.

— Как пожелаешь, я не против, — уступил он. — Добро пожаловать в дружную команду.

Таким образом, «Сокол» оказался набит битком — но, к счастью, перелет оказался коротким.

Флот повстанцев собрался уже практически в полном составе; подтянулись и контрабандисты. Брия и другие командиры проводили последние брифинги, чтобы каждый контрабандист и каждый штурмовой отряд знал свою роль и задачу. На каждую эскадрилью приходилось по меньшей мере по три-четыре контрабандистских корабля, которые должны будут провести их через атмосферу. Штурмовых отрядов будет девять — по одному на каждую из девяти илизианских колоний. И каждый будет возглавлять опытный командир — такой, как Брия.

Для себя она выбрала самую сложную цель — первую колонию. Там размещались самые крупные склады, трудилось больше паломников и оборона была крепче всего. Но Брия не сомневалась, что эскадрилье Красной руки по зубам этот крепкий орешек. Особенно когда рядом Хан.

Он уже успел познакомиться с Джейсом Паолом, Дайно Хиксом и другими офицерами. Кореллианин прикинул, догадывается ли кто-то из них о том, что он встречается с их командиром не только для решения деловых вопросов.

Убийства жрецов на Илизии могли начаться в любой момент, и главный удар был назначен на утро следующего дня (по стандартному корабельному времени, не связанному с илизианскими сутками), когда паломники будут жаждать Возрадования и подчинятся приказам любого, кто его им пообещает...

Тем же вечером за ужином на камбузе «Возмездия» внимание Соло привлек обзорный экран с многочисленными скоплениями кораблей. На нем высветился знакомый силуэт, который кореллианин помнил с детства.

Прекратив жевать, он поспешно проглотил еду и ткнул пальцем в экран.

— Брия! Этот большой старый транспортник! Где вы его взяли?

Она проследила за его взглядом и улыбнулась.

Выглядит знакомо, а?

Готов поклясться, это «Удача Торговца»! Корабль, на котором я вырос!

Девушка кивнула.

— Это он. Я берегла его, чтобы сделать тебе сюрприз. Кореллианское сопротивление выкупило его пару лет назад практически за бесценок. Мы переоборудовали его в десантный транспорт и назвали «Освободителем».

Хан думал, что после смерти Гарриса Шрайка корабль затерялся где-то на просторах космоса. Глядя на старую посудину, он почувствовал, как сжимается горло. Радостно было знать, что «Освободитель» получил новую жизнь.

— Ты хочешь вывезти на нем паломников, да?

— Скольких смогу, — подтвердила она. — Твой старый дом отвезет их навстречу новой жизни, Хан.

Он закончил ужин, почти не сводя глаз с огромного старинного грузовика. Его переполняли воспоминания... воспоминания о Дьюланне.

Так как «Сокол» не мог похвастаться достаточным количеством спальных мест, Хан решил остаться в каюте Брии. Они крепко обняли друг друга, ясно осознавая, что завтра их ждет бой.

А в бою... люди частенько погибают.

— После завтрашнего дня, — прошептал Хан в темноте, — мы будем вместе навеки. Пообещай мне.

— Обещаю. Мы будем вместе.

Он вздохнул и расслабился.

— Да, — подтвердил он. — И... Брия?

— Да?

— Береги себя завтра, милая.

По ее голосу он почувствовал, что она улыбается.

— Хорошо. Ты тоже, ладно?

— Конечно.

Несколько часов спустя чуткий сон Брии прервал тихий звон ее каютного передатчика. Она вмиг проснулась и, набросив халат, вышла в соседнее помещение. Дежурный офицер связи передал, что ее ждет входящая передача.

— Перенаправьте сюда, — распорядилась она, отбросив волосы с лица.

Через несколько минут Брия замерла перед своим командиром Пианатом Торбулом, обратив на него все внимание.

— Сэр?

— Брия... я хотел пожелать вам завтра удачи, — произнес он. — И сообщить... — Он помедлил.

— Я слушаю. Сообщить о чем?

— Не могу говорить конкретно. Но наша разведка утверждает, что Империя задумала что-то очень крупное. Нечто, что может сокрушить весь Альянс в два счета.

Брия ошарашенно вперилась в него взглядом.

— Какой-то секретный флот? — уточнила она.

— Я не могу вам сказать, — напомнил он ей. — Но это больше чем флот.

Брия не имела ни малейшего понятия, о чем он говорит, но давно привыкла к подобной секретности.

— Хорошо, но какое отношение это имеет к завтрашнему рейду?

— Против новой угрозы нам потребуется все, что у нас есть. Все ресурсы, которые сможем собрать; каждый кредит, который сможем наскрести. Ваша задача была важна и до этого... теперь она критична. Заберите все, что сможете, Брия. Оружие, спайс... все, что есть.

— Сэр... в этом и есть моя цель, — напомнила девушка, и ее сердце застучало сильнее.

— Я знаю. Просто... я подумал, что вам следует знать. Мы отправим несколько разведывательных групп на Ралтиир и попытаемся выяснить больше. Им понадобятся деньги на взятки, средства наблюдения... вы и сами знаете.

— Конечно. Сэр, я вас не подведу.

— Я знаю. Может быть, мне не следовало говорить вам об этом... Ответственность на вас и так велика. Но я подумал, что вы должны знать.

— Благодарю, что сказали мне об этом, сэр. Спасибо.

Торбул быстрым жестом отдал честь и оборвал связь. Брия осталась сидеть в кабинете, раздумывая, вернуться ли ей в постель или просто начать день пораньше.

Из каюты послышался голос Хана, немного хриплый после сна.

— Брия? Все в порядке?

— В полном, Хан, — откликнулась она. — Я скоро буду.

Кореллианка поднялась и стала мерить комнату медленными шагами, обдумывая слова, сказанные им ранее. Они будут вместе... навеки. «Да, — подумала она. — Мы будем вместе. Мы будем стоять друг за друга, вместе сражаться, и мы сокрушим Империю. И если нам придется ради этого чем-то пожертвовать — мы сделаем это без сожаления».

Она не сомневалась, что Хан все поймет про сокровища и

деньги. Он притворялся таким меркантильным, но в душе он был совсем другим...

Мысли ее успокоились, решение было принято, и Брия вернулась в спальню...

Пятую колонию Илизии озарял закат. Красноватые лучи низкого солнца пробивались сквозь многочисленные разрывы в плотных облаках, бледными иглами пронзая небо. Одетые в робы паломники собирались на берегу Моря Надежды, чьи неспокойные волны, казалось, хотели смыть с песка их длинные тени.

Потарза, главный сакредот колонии, поднял угловатую голову и, медленно покачивая рогом, оглядел толпу. Его выпуклые глаза наливались кровью, выпирая из сероватой морщинистой кожи. Через мгновение он воздел короткие руки к небу, и церемония началась.

— Единый есть Все, — завел он рокочущим гортанным голосом на родном языке.

Пять сотен голосов вторили ему:

— Единый есть Все.

Тем временем в четвертой колонии на другой стороне планеты уже наступила полночь. Темные облака скользили по безлунному ночному небу, скрывая звезды и делая ночь еще чернее. По стене штаба жрецов с тихим хитиновым шуршанием беспорядочно сновали илизианские насекомые.

Ной Ваглла, сама похожая на насекомое, выбралась на гладкий пермакрит и, задержавшись на миг, чтобы прогрызть дыру в решетке, пролезла в окно. А потом сжалась, замерев на подоконнике.

Из глубины комнаты она расслышала сопение и храп спящих жрецов, по чью душу она явилась. Джабба хорошо заплатит за убийство — достаточно, чтобы она смогла когда-нибудь вернуться к своему народу. Гигантские тела висели в своих спальных гамаках, наполняя тесное помещение мускусным запахом. Крошечная хиаллпийка влезла на ближайший ремень гамака и замерла над огромной головой. Т'ланда-тиль пошевелился, заставив ее испуганно отпрянуть, но через миг снова захрапел. Ваглла подобралась ближе.

«Это будет несложно...» Большими жвалами Ваглла выхватила сосуд, привязанный к ее спине, и выдернула щупальцами затычку. Джабба сам проверял вещество. Стоит

уронить на нижнюю губу сакредота лишь каплю яда средж-птан, и он умрет мгновенно, тихо и легко. Втянув несколько задних ног, Ваглла подобралась ко рту жреца.

— Все есть Единый, — распевал Потарза.
— Все есть Единый.

Аякс Фва, вифид-убийца и охотник за головами, поджидал в коридоре, ведущем к подземным грязевым бассейнам седьмой колонии. Несколько утомительных недель он провел паломником, сливаясь с толпой, в то время как все его инстинкты кричали прекратить это безумие, прикончить этих мерзких муфрид — и поминай как звали. Но хатт назначил сроком сегодняшний день, а Фва желал получить все, что ему причиталось.

Из темноты внизу доносились голоса т'ланда-тиль, и Фва расслышал их характерную шаркающую походку. Убийца проверил два миниатюрных бластера, которые тайно пронес в здание. Заряд был полон.

Ему пришло в голову, что кредиты, которые скоро ему достанутся, были не столько платой за заказ, сколько подарком. Безопасность в седьмой колонии оставляла желать лучшего.

Фва уже видел, как они идут, и вжался в углубление неровной стены. Как он и предвидел, это оказались его мишени — мужчины-сакредоты. Его чувствительные ноздри чуяли их запах.

Они подходили все ближе и ближе...

Фва выпрыгнул с яростным криком, вскидывая бластеры. «Целься в глаза!» — велел он себе, паля в первую жертву.

— В служении Всем да возрадуется каждый Единый.
— Да возрадуется каждый Единый...

Туга СалПиво, кореллианский космический бродяга и мастер на все руки, задержался на миг на краю илизианских джунглей и оглянулся. В самых первых лучах рассвета восьмая колония виднелась лишь серым пятном. До восхода оставался еще час. СалПиво осклабился и вытер пот с лица, уловив запах кислотного порошка вомм на собственной руке. Ему не терпелось увидеть взрыв...

Было очень тихо. Не слышно было даже шорохов джунглей. Ветер молчал.

СалПиво ждал, убеждая себя не моргать. Когда из спального зала т'ланда-тиль выплеснулось ослепительное оранжевое пламя, звук достиг его не сразу, и кореллианин успел подумать: «Словно во сне...»

А затем на него обрушились шум и грохот, какофония криков и стонов, едва не сбившие его с ног. «Неплохо сработано, — похвалил он сам себя. — Я вернусь на Пойтту раньше, чем стихнет огонь...»

— Мы приносим жертву Всем. Мы служим Единому.

— Мы служим Единому...

Родианец Сникуукс задумчиво принюхался, задвигав зеленоватым рыльцем. Послеполуденное солнце скользнуло в широкий двор и, казалось, растеклось в горячем душном воздухе. С бесконечной осторожностью он протянул последнюю нить монофиламентного волокна через вход в здание фабрики. Его дела в девятой колонии еще не закончились, но главное здание и спальные сектора уже были подготовлены к началу операции. Здесь находилось около трехсот паломников, и большинство из них трудились в строительной бригаде. Сникуукс проник сюда с последней партией, и его опыт укладчика пермакрита как нельзя пригодился.

«А вот и они!»

Родианец отступил от невидимого провода, потом поднырнул под него, тщательно избегая соприкосновения со смертельной нитью. Оказавшись в коридоре, он выбрался на балкон первого этажа, выходящий во двор. Шесть т'ланда-тиль, трое мужчин и три женщины, возвращались с прогулки, направляясь в обеденный зал. Их окружал эскорт охранников-гаморреанцев, и лезвия их топоров поблескивали на солнце. Сникуукс вытащил из узкого кармана дистанционный пульт звукового проектора, взвесив его в руке и ощутив гладкость его контуров.

«Мне даже не нужно к ним приближаться, — в возбуждении подумал он. — Как же мне нравится это задание. Даже не нужно рисковать...»

Его уши навострились, он повернул регулятор в максимальную позицию и сдвинул рычажок.

С другой стороны двора начал наползать жуткий, пробирающий до дрожи вой: звук настолько высокий, что

Сникуукс содрогнулся. Это была древняя запись рева дикого хищника тоты — охотника на т'ланда-тиль на их давно утерянной планете Варл.

Т'ланда-тиль замерли на миг и завращали глазами во всех направлениях, силясь обнаружить источник вопля. Главный сакредот, по имени Таррз, поднялся на задних конечностях и развернулся, взывая к остальным, но безуспешно. Огромные создания бездумно заметались во всех направлениях, топча гаморреанцев. Наконец они рванулись к выходу со двора — туда, где Скинуукс заготовил ловушку. Не выдержав, запаниковал и Таррз и тоже кинулся к ближайшим воротам.

Родианец, жадный до чужой крови, удовлетворенно причмокнул вытянутыми губами, когда жрецов разрезало на части, — мононить управилась с этим легче любого клинка. Таррз уже наполовину прошел в ворота, когда верхняя часть его туловища отвалилась назад, обнажая темные внутренности и расплескивая потоки крови. Когда он упал, все уже были мертвы. Вокруг рассеченных трупов медленно растекались большие лужи винно-красной крови, и только несколько ошалевших гаморреанцев суетились, пытаясь понять, что произошло.

«Может быть, за это я получу повышение, — сказал себе Сникуукс. — С Джаббой, кажется, можно поладить... Нужно только держаться к нему поближе...»

— Приготовьтесь к благословенному Возрадованию! — Потарза шагнул вперед и краем глаза засек, как жрецы по обеим его сторонам сделали то же самое.

Паломники разбили строй, наваливаясь вперед. Они падали друг на друга и в предвкушении испускали тихие стоны. Потарза начал раздувать шейный мешок, оглядывая замершие в ожидании лица, и тут что-то привлекло его внимание. Сквозь толпу протискивался паломник гуманоидного вида, и в этом не было ничего противоестественного. Однако вместо обычной шапочки голова его была покрыта темным капюшоном.

Потарза смотрел на него как зачарованный. Капюшон был пуст. Незнакомец уже подошел довольно близко. Внезапно капюшон откинулся назад, и безглавое существо извлекло оружие из складок плаща. Т'ланда-тиль овладел бесконтрольный ужас; он сделал несколько шагов назад и наткнулся на одного из своих собратьев. Плащ незнакомца спал на землю, и сакредот уставился прямо в дуло бластера, который, казалось, парил в воздухе. Сознание жреца словно подернулось дымкой, но одна мысль пришла с кристальной ясностью: «Аар'аа. Это всего лишь

аар’аа...»

Из воздуха хлынул ослепительный свет...

В первой колонии, старейшем и крупнейшем из предприятий Илизии, близилась середина дня. Тероенза развалился в хлюпающей грязи, как выброшенный на берег китодон, прикрыв глаза и почти не шевелясь. События прошедшего дня его совершенно не воодушевляли.

Треклятый Дурга раскрыл его блеф. Тероенза оглядел унылое зрелище: посадочное поле позади него, Вератиля и Тиленны, мокнущих в грязи, заполонили обтекаемые корабли подразделения «Сверхновая». Вся колония теперь кишела тяжеловооруженными наемниками.

Как Дурга проведал о его замыслах? Похоже, молодой хатт был умнее, чем он предполагал. По свежему размышлению Тероенза понял, что, вероятно, не стоило убивать Киббика так открыто.

Но хуже всего то, что верховный жрец по-прежнему не представлял, что же именно известно Дурге. Может быть, войска наемников были ответом Дурги на коварную просьбу усилить защиту Илизии. Может быть, хатт и не увидел грязной игры за смертью Киббика.

Тероензе нравилось думать, что все произошло именно так. В этом случае т’ланда-тиль оставалось ждать и надеяться, что ситуация временная и спустя некоторый срок Бесадии надоест отстегивать деньги этим головорезам. «Ждать. Нужно подождать немного дольше. В любом случае ничего иного мне не остается...»

Командир подразделения «Сверхновая», человек по имени Виллум Камаран — приземистость выдавала в нем уроженца планеты с высокой гравитацией, — приближался к краю резервуара, шагая осмотрительно, чтобы не запачкать сверкающих черных ботинок. Бросив на Тероензу неприязненный взгляд, он сделал знак т’ланда-тиль, чтобы тот подошел к нему. Верховный жрец решил притвориться, что готов сотрудничать, пока не разузнает больше. Поднявшись на ноги, Тероенза направился навстречу человеку.

Внезапно прямо перед ним ударил сгусток энергии, забрызгав его грязью. Верховный жрец застыл в недоумении.

«Что?»

Обернувшись, Тероенза узрел троих существ в камуфляже, выбегающих из джунглей и палящих напропалую из бластерных винтовок. Гаморреанцы, охранявшие жрецов, уже были мертвы.

Звуки выстрелов окружали его со всех сторон. Тероенза

попытался развернуться и бежать, но поскользнулся в грязи и рухнул на колени.

«Подразделение „Сверхновая”? Дурга отдал им приказ уничтожить нас немедленно?» — лихорадочно соображал Тероенза. Его охватывала паника. Краем глаза он увидел, что Камаран гоже стреляет, но не в него — в атакующих. Позади него начали отстреливаться и другие бойцы «Сверхновой». «Во имя Варла, они пытаются нас защитить!»

Бежать было некуда, и Тероенза в ошеломлении застыл. Он заприметил Вератиля, лежащего без движения с дымящейся дырой на месте глаза. Тиленна зарылась глубже в грязь, но не могла взять себя в руки и металась взад-вперед в полном ужасе. Тероенза вдруг осознал, что смерть — это просто вопрос времени. Сделав глубокий вдох, чтобы подавить страх, разрывающий его сердце на части, он рухнул наземь и замер, притворившись мертвым.

Как только огонь смолк, Тероенза распахнул глаза. Получилось! Вторженцы лежали замертво. Верховный жрец решился подняться и оглядеть поле боя.

Тиленна!

Она наполовину скрылась под грязью и водой, опустив голову. Она не может дышать… Прежде чем Тероенза добрался до тела, он уже все понял. Он как мог обхватил большую голову слабыми руками, баюкая ее и пытаясь найти хоть искру жизни в своей второй половинке, но та была мертва.

Камаран получил ранение в руку, а его темная форма покрылась бурыми пятнами. Сквозь ряды солдат проталкивался Ганар Тос. Дворецкий верховного жреца притормозил на миг у края грязи, затем ринулся вперед.

— Тероенза, мой господин! — вскрикнул он надтреснутым старческим голосом. — Это ужасно! По всей планете убивают жрецов! Мы получили известия из второй, третьей, пятой и девятой колоний. Внешняя связь оборвана. О хозяин! Господин Вератиль… и Тиленна! Сэр, что же делать? — Он растерянно всплеснул руками. — Это конец. Больше не будет Возрадования. Как же нам быть?

Тероенза шумно выдохнул, пытаясь собраться с мыслями. Неужели это Дурга постарался? Нет, не может быть — предприятия Бесадии зависели от т’ланда-тиль. Но кто тогда в ответе за это? И что ему делать теперь?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
БИТВА ЗА ИЛИЗИЮ

Джейлус Небл с большой осторожностью подвел корабль к атмосфере Илизии, наблюдая за штормовыми вихрями и постоянно поддерживая связь с челноками повстанцев, которые следовали за ним. На нем лежала большая ответственность.

— Челнок-3, — скрипучим голосом произнес он по внешней связи, — внимательнее. Вы слишком сдали влево. К вам подступает штормовой фронт. Ионизация может спутать показания приборов. Увеличьте скорость и подтянитесь.

— «Звезда Свободы», это челнок-3, вас понял.

В плотных облаках «Звезду» сотрясали сильные порывы ветра. Их окружала тьма. Солнце было прямо по курсу, но его свет они смогут увидеть только после приземления. Салластанин сверился с приборами.

— Уплотнить строй, — приказал он. — Всем кораблям. Уплотнить строй.

На секунду рядом с ним мелькнули ходовые огни правого ведомого, но потом он скрылся в облаках. Их хлестал ветер, и облачность была настолько плотной, что Небл даже не смотрел по сторонам, ориентируясь по приборам. Дождь перемежался градом, и грозы рассекали электрическими вспышками чернильные облака. За продвижением своей группы Небл мог следить только по тактическим экранам.

Прошло десять лет с тех пор, как Неблу впервые довелось лететь сквозь атмосферу Илизии, но, к его собственному удивлению, навыки вернулись к нему моментально. Он направлял лишь половину отряда, взявшего курс на первую колонию; за вторую половину отвечал Хан Соло. Прошлым вечером Хан устроил своему салластанскому товарищу экскурсию по кораблю, и они долгое время предавались воспоминаниям о старых добрых временах.

Небл засек еще один вихрь и указал на него ведомым. Потом, следуя вектору, пошел на снижение. Посадку необходимо было совершить в центре первой колонии. У него на борту находился отряд, которому препоручили захватить фабрику андриса.

С «Освободителя» от командующего штурмом шли доклады о перемещении флота. Силы повстанцев захватили орбитальную станцию Илизии, встретив значительно более серьезное сопротивление, чем ожидалось, но теперь сообщали, что территория под контролем.

Небл продолжал вести группу на снижение, отслеживая шторма, чтобы этого не пришлось делать менее опытным пилотам. Следуя за Неблом, они могли, по крайней мере теоретически, сосредоточиться на пилотировании, а не на навигации.

Самый плотный слой облаков остался позади. Первую колонию еще скрывала мгла, хотя до рассвета оставалось не больше часа. Небл заметил, что правый ведомый начал отставать, и быстро связался с пилотом.

— Челнок-6, вы отстаете. В чем дело?

— Проблемы со стабилизатором, — доложил напряженный голос. — Второй пилот работает над этим.

— Звено, прошу сбросить скорость, — объявил Небл. — Мы не хотим терять шестого.

Они подчинились. В коммуникаторе Небла раздался голос Хана Соло:

— Небл, что случилось? Ты замедляешься.

Салластанин объяснил загвоздку.

— Хорошо. Не хочу тебя опережать, так что гоже сбавлю ход, — предложил контрабандист.

«Сокол» и его ведомые замедлились. Таким образом Небл остался во главе колонны, как и планировалось.

Сохраняя ровный строй, обе группы вышли из-под облачного покрова над ночными огнями первой колонии. Салластанин велел челноку-6 подлететь ближе, дабы при необходимости подстраховать пилота. Остальные корабли следовали на полкорпуса позади «Звезды» и шестого, приближаясь к назначенным координатам.

Небл почти не успел ничего заметить. Он шел по предписанному вектору, и все протекало как нельзя лучше, как вдруг на экранах датчиков зажглось предупреждение. Бросив быстрый взгляд вниз, Джейлус Небл обнаружил, что в него целится орудие — тяжелый турболазер!

«Что?! — растерялся он. — Откуда?..»

Сокрушительный взрыв не оставил ему времени понять, что случилось.

Хан Соло в оцепенении смотрел, как «Звезду Свободы» и челнок-6 буквально испепеляет двумя вспышками наземного турболазера. Тяжелое орудие ударило снова, и два других челнока, лихорадочно пытаясь увильнуть, попали в предательский вихрь. Их плоскости смялись, и корабли, вспыхнув, устремились к джунглям. Темноту озарили два алых

огня, отметив места падения.

На пол секунды Хан застыл в ужасе: «Турболазер! Откуда он там?» Сверив позиции всех кораблей, он сам начал уклоняющий маневр.

— Звенья один и два — уходите с курса! — крикнул он в микрофон. — Брия, прикажи кораблям изменить место посадки! Сменить курс! Внизу турболазер! Небл сбит!

Не дожидаясь ответа, Хан резко бросил «Сокол» набок и свернул с вектора — как раз вовремя.

Смертельная зеленая вспышка едва не чиркнула по днищу. Датчики повреждений предупреждающе замигали, извещая, что удар вывел из строя управление выдвижной пушкой. Кроме того, выстрелом сожгло датчики слежения за поверхностью. Кореллианин выругался, Чубакка взревел, а от Джерика послышались крики — мальчишка сидел в нижней турели и все произошедшее, должно быть, видел во всей ужасающей красе.

«Чуть не зацепило!»

Пилот заложил вираж, увеличивая скорость и уходя из зоны обстрела. К счастью, другие корабли оказались не тронуты.

Альтернативная точка приземления находилась на пляже, более чем в двух километрах от центра первой колонии. Хан опустил «Сокол» на утрамбованный песок недалеко от волнорезов. Тяжело переведя дух, он посидел немного, окутанный илизианской тьмой. Огни пилот оставил включенными, чтобы другие случайно не сели ему на голову.

Справа от кабины лежали песчаные дюны, за ними — затапливаемые приливами берега и первая колония. Слева простирался Зома Гаванга, что на хаттском означало «Западный океан». «Сокол Тысячелетия» выбрал пляж, на который уже садились другие корабли.

Предоставив Чуи закончить послеполетные проверки, Хан включил комлинк.

— Челнок-1, это «Сокол». Брия, это Хан. Челнок-1?

Послышался шум помех, затем — ее голос. Хан с облегчением выдохнул. Он потерял ее группу из виду и не был до конца уверен, что ей удалось уцелеть.

— Хан, я тебя слышу. Челнок-1 идет на посадку. Мы пойдем через дюны и прямо по джунглям двинемся к зданиям.

— Я иду с тобой, — настаивал Хан. — Подождите меня.

— «Сокол Тысячелетия», прием. — Она помедлила. — Хан, нам нужно захватить административное строение. Ты позаботишься о тогорианском отряде?

Она, конечно же, думала о сокровищнице. Согласно плану, Мууургх, который знал местность, должен был привести туда

отряд тогориан. Но теперь им придется сделать более дальний марш-бросок...

— Хорошо, — согласился он. — Я все сделаю.

Хан переместился в главный салон.

Тогориане облачались в снаряжение, проверяли заряд оружия и обменивались впечатлениями о тяжелом перелете. Им не терпелось узнать, для чего была нужна вся эта «душевытрясательная» акробатика. Хан объяснил им положение дел, а потом отправился к Мууургху, Мрров, Сарре и остальным — сообщить, что они сели гораздо дальше от цели, чем предполагалось.

— Будут сложности, — объяснил он. — Вам придется пройти около двух километров через джунгли.

Мууургх встал, постаравшись не удариться головой о низкий потолок.

— Не волновайс-ся, Хан, — сказал он. — Мууургх пройдет черес-с джунгли к администс-траций. Мууургх хорош-шо запоминает первую колонию.

Нацепив инфракрасные очки и легкий шлем, Хан взял оружие и вместе с Чубаккой спустился по трапу вслед за отрядом тогориан. Их ярко-желтые образы стремительными перебежками двигались по пляжу. Хан поднял очки и мгновенно потонул в кромешной темноте. Тогориане растворились, как тени. Кореллианин глубоко вдохнул ночной воздух, и запах илизианского океана омыл его волной воспоминаний.

— Чуи, — распорядился он, — будь начеку. Эта планета сулит одни неприятности. Хорошо, хоть дождя нет. — Он опустил очки обратно. — Тебе нужны эти штуки?

Чубакка покачал головой, сообщив, что ночное зрение вуки гораздо острее человеческого. Он прекрасно видел и без очков.

С трапа к ним уже спускались Лэндо и Джерик. Как и Хан, они имели при себе тяжелые винтовки и шлемы с инфракрасными очками. Друзья остановились рядом, глядя, как солдаты повстанцев выбираются из челноков. Большинство кораблей уже село.

— И куда это вы намылились, ребята? — пожелал знать Соло.

— Мы будем сражаться, — заявить Джерик. — Я такое веселье точно не пропущу!

Крепко сжимая в руках винтовку, юноша чуть не подпрыгивал от жажды поучаствовать в своем первом наземном штурме.

Хан рассчитывал оставить Джерика на корабле. Так было бы безопаснее.

— Погодите минуту, — поднял он руки. — Тогориане пойдут захватывать административное строение. Мы с Чуи идем с Брией.

Если вы рванете в бой, то кто будет охранять «Сокол»?

— Запри его и активируй системы безопасности, — предложил Джерик. — Никто не проникнет внутрь, если ты их не пустишь, Хан.

Лэндо указал рукой на пляж. Последние корабли повстанцев и контрабандистов заходили на посадку.

— Почему бы Брии не оставить кого-нибудь для охраны кораблей?

Хан недобро покосился на друга. Лэндо понял, что ляпнул глупость, и замолчал.

Из кораблей потоком потянулись контрабандисты. Некоторые капитаны явно пребывали в недовольстве. К Хану, уже приготовившемуся дать отпор, подскочили Кадж Недмак и Арли Брон в сопровождении еще нескольких незнакомых ему контрабандистов и каперов.

— Соло, ты чем думал, когда повел нас прямо на турболазер? — возмутился Брон. — Я чуть без двигателей не остался!

Кореллиании развел руками.

— Эй, это не моя вина! Я не знал! Меня самого чуть не спалили!

К ним подошли Брия и ее помощник Джейс Паол.

— Хан не виноват, — осадила она толпу недовольных. — Но я поговорю об этом с ботанами. Они проводили разведку и должны были заметить турболазер раньше — если, конечно, его не установили за день до штурма.

Ропот со стороны капитанов продолжился. Брия подняла руку, призывая к тишине.

— Не волнуйтесь, вы получите все, что вам причитается, — заверила она твердым командирским тоном. — Можете оставаться здесь, пока мы не зачистим комплекс. Но если кто- то готов к бою, добро пожаловать с нами.

Большинство контрабандистов и каперов покачали головой и ушли, но один или двое решили пойти с повстанцами — вероятно, чтобы первыми заполучить лучший спайс. Хан поднял взгляд на Брию.

— Мы с Чуи идем с тобой, — сказал он.

В разговор вмешался Джейс Паол:

— Коммандер, прошу разрешения ликвидировать турболазер. Позже нам понадобится подкрепление, но мы не посадим челноки, если он будет расстреливать их на подлете.

Брия кивнула.

— Разрешаю, лейтенант. Возьмите с собой команду подрывников. Разберитесь с орудием и, если его нельзя использовать, уничтожьте.

— Слушаюсь, командир.

— Я — Джерик Соло. Я хотел бы пойти с вами, — обратился к Паолу юноша. — Этот лазер чуть не подпалил мне зад. Хочу тоже поучаствовать в захвате.

Паол кивнул.

— Будем рады.

Хан поймал взгляд Лэндо и качнул головой в сторону Джерика. Картежник вздохнул и тоже шагнул вперед.

— Считайте и меня в деле, лейтенант. Я — Лэндо Калриссиан.

— Приятно слышать.

Хан помахал вслед друзьям, засеменившим по пляжу с отрядом Паола. Брия раздавала последние указания солдатам, остающимся охранять корабли на пляже.

Затем они с Чубаккой поспешили вслед за Брией и ее бойцами. У девушки пискнул комлинк, и она включила связь, параллельно усиливая громкость. Хан услышал голос командующего штурмом Бревона, который находился на борту «Освободителя».

— Радуга-1 — всем подразделениям. У нас множественные рапорты о серьезном сопротивлении. Будьте начеку.

Брия посмотрела на Хана, потом сверилась с часами.

— Все группы приземлились. Следуем за ними.

Она приглушила комлинк, из которого продолжали доноситься отчеты других командиров, и ускорила бег. Хан и остальные солдаты старались не отставать.

К инфракрасным очкам нужно было привыкнуть. Хан чуть не споткнулся о песчаный нанос, а один раз запутался в кусте колючего растения и сильно поцарапался. Чубакка услужливо вытащил его из растительного плена. Досадуя на раздраженную кожу, Хан предупредил о препятствии всех остальных, кто следовал позади.

«Давно это было», — подумал он, карабкаясь вслед за Брией на дюну с тяжелой винтовкой A280 в руках. Песок вокруг него осыпался и проваливался, ступать было опасно. У него еще с прошлого раза остались не слишком приятные воспоминания об этом месте...

Брия первой добралась до вершины. Девушка припала к земле, сделав предупреждающий знак остальным. Хан не ожидал огня — в конце концов, комплекс зданий был еще даже не виден, — но бдительность в бою никогда не бывала лишней. Он лег на живот и подполз к ней. За открытый воротник сыпался песок, вызывая зуд, но вытряхнуть его было некогда.

Вместе преодолев последние полметра, Хан, Брия и вуки

пересекли вершину дюны — и чуть не лишились головы. Шквальный огонь мгновенно расплавил песок в стекло и осыпал их жгучими каплями.

Чубакка зарычал. Упав плашмя, они укрывались за склоном, пока огонь не стих. Командир повстанцев изучила данные датчиков и подняла взгляд на Хана. На размыто-зеленом фоне нечетким пятном светилось желтоватое лицо с белыми губами. Кореллианин мог видеть, как она хмурится под очками.

— Хан... Я засекла двадцать точек. И это явно не кучка гаморреанцев.

Хан посмотрел на нее.

— Сначала турболазер, теперь еще и это...

— Угу. — Она включила комлинк. — Радуга-1, это Красный-1. При посадке мы попали под обстрел турболазера и вынужденно изменили место приземления. Потери средние. Сбиты четыре корабля — три челнока, один друг. — (Хан знал, что «другом» условно обозначался корабль контрабандистов или каперов.) — Мы встретили серьезное сопротивление, но продолжаем штурм.

Послышался голос командующего:

— Слышу вас, Красный-1. Вызвать Белого-1?

Это значило: нужно ли Брии подкрепление с «Освободителя»?

Она снова включила связь.

— Нет, Радуга-1. Подкрепление не сядет, пока действует турболазер. Мы справимся. Конец связи.

— Конец связи, — подтвердил Бревон и оборвал передачу.

Брия переключилась на внутренний канал.

— Джейс, это Брия. Вы уже видели, что за дюнами?

— Да, — голос Паола был мрачен. — Кто это вообще такие?

— Не знаю, — бросила девушка. — Но явно профессионалы. Идите в обход через джунгли и спускайтесь по берегу с севера. Я подойду через джунгли с юга. Накроем их перекрестным огнем.

— Понятно, — сказал Паол. — Так и знал, что придется лезть в грязь.

Брия рассмеялась и отключила связь.

Отряду Брии и Хана потребовалось около десяти минут, чтобы отступить под защиту джунглей. Хан шел следом за Чубаккой, хлюпая ногами по гниющей растительности. Он морщил нос от вони, Чубакка протестующе скулил. Обоняние вуки было еще более чувствительным, чем у людей. Поскальзываясь на липкой почве, Хан жалел, что не обулся во что-ни-будь с более ребристой подошвой.

Наконец они достигли чистой земли. Датчики Брии подтвердили, что их мишени прямо по курсу. Отряд затаился в джунглях. Комлинк Брии тихо пискнул, и она включила связь.

—...оказали серьезное сопротивление. Зеленый-1 докладывает о захвате в плен наемников, называющих себя подразделением «Сверхновая». Конец связи.

— Подразделение «Сверхновая»? Наемники? — Хан покосился на Брию. — Этого не хватало! Откуда они здесь?

Она пожала плечами. Соло нахмурился.

— А я сказал контрабандистам, что дело будет плевым!

Брия снова связалась с Джейсом Паолом. Пока все шло по плану...

Пульс Хана участился. Он сглотнул, ощутив во рту металлический привкус.

— Ну как, готов? — шепотом спросил он напарника, проверявшего заряд самострела.

Чуи утвердительно рыкнул.

Хан тоже проверил винтовку, хотя и так знал, что заряд полон.

Наконец Брия кивнула, и отряд выбрался из джунглей, продравшись сквозь плети растений и перемазавшись в грязи, которая осталась после недавнего дождя. Ну конечно... это же Илизия. Пальцы Хана наткнулись на пермакрит. Посадочное поле или дорога. Десять лет назад ее здесь не было.

Одновременно с Паолом Брия отсчитала секунды, и...

— Огонь!

Хан вскочил с колен и, заметив смутный силуэт в незнакомом шлеме, подсвеченный желтым тепловым светом, выстрелил.

Тающая ночь взорвалась бластерным огнем, боевыми криками и предсмертными стонами. Не переставая стрелять, Хан и Чубакка продвигались вперед вместе с отрядом Брии. Слева от него как подкошенный рухнул солдат. Хан бросил на него быстрый взгляд, отвернулся от дымящейся обугленной раны и двинулся дальше.

Через несколько минут вражеский огонь начал затихать и наконец смолк. Брия велела прекратить стрельбу. Отряд приблизился к раскиданным по земле телам, и девушка толкнула одно из них носком. Подошел Джейс Паол, перемазанный грязью, как т'ланда-тиль после купания.

— Посмотрите на эту эмблему на рукаве, — сообщила всем Брия. — Вспышка сверхновой. И взгляните на их броню и снаряжение. Это профессионалы, без сомнения. — Она пересчитала тела. — Двадцать. Вероятно, у турболазера есть еще.

Они с Ханом посмотрели вдаль. В предрассветной мгле можно было разглядеть башню, на которой высилось орудие.

— Хорошо, что они не могут развернуть его к земле, — проронил Хан. — От нас бы уже мокрого места не осталось.

Джерик и Лэндо тоже подошли к ним, но держались в стороне, пока Брия отдавала приказы доставить раненых на корабли и подобрать у противника оружие.

— Помните, — распорядилась она. — Мы должны забрать все. Если что-то еще можно использовать, уносите с собой.

Хан оглянулся на друзей, покрытых грязью, и покачал головой.

— Лэндо, видела бы тебя сейчас Дрея Рентал...

Чуи расхохотался.

— Да помолчал бы уж, Хан. Ты тоже, Чубакка. — Игрок брезгливо оглядел перемазанную одежду. К счастью для него, наряд он подобрал под стать их ночной вылазке. — Не желаю ничего слышать. Я не был в такой грязи с тех пор, как... В общем, долгая это история.

Хан усмехнулся и перевел взгляд на Джерика:

— Ну... а как твои дела?

Тот кивнул.

— Неплохо, Хан. Я подстрелил не меньше двух.

Хан хлопнул юнца по плечу.

— Так держать. Мы еще сделаем из тебя вояку.

Черное от грязи лицо Джерика сверкнуло улыбкой.

Как только раненых забрали, Брия включила комлинк и приказала войскам, засевшим в засаде, переходить в наступление.

— Все к строению! Наступаем волнами! Подрывники, ждите указаний!

Она увеличила громкость динамика в комлинке, и все вокруг услышали:

— Радуга-1, это Зеленый-2. Жду приказов. Зеленый-1 убит.

— Слышу вас, Зеленый-2. Как обстановка?

— Почти чисто. Еще пять минут — и будет порядок.

Брия обратилась к бойцам:

— Идем следом. — Она снова включила связь. — Радуга-1, это Красный-1. Сопротивление на передней линии снято. Собираем войска и движемся к комплексу.

— Красный-1, что с турболазером?

— Радуга-1, на его захват направлены два отряда. Конец связи.

— Конец связи.

Отряд Паола двинулся через джунгли, чтобы подойти к турболазеру с востока. Брия же вместе с соратниками поспешила к территории комплекса. Кое-где им попадались небольшие группы илизианских охранников, не создававшие серьезных затруднений — как и ожидалось изначально. Тишины больше не было, даже когда замолкали выстрелы. Воздух наполняли стоны и

мольбы раненых, запросы о подкреплении, выкрики на чужих языках...

На комлинк Брии продолжали поступать отчеты:

— Лидер Красной руки, на связи отделение-3. Фабрика андриса захвачена. Команды подрывников заходят внутрь.

— Лидер Красной руки, на связи отделение-6. Приемный центр свободен. Подрывников вызвали.

— Лидер Красной руки, это отделение-7, мы идем к дормиторию. Там наемники... но их не более шести. Проблем не предвидится...

— Лидер Красной руки, это отделение-2. Подходим к турболазеру. Расчетное время до штурма... пять минут.

Хан и Чубакка оставались рядом с Брией, втроем прикрывая друг друга. По комплексу разносились звуки бластерной пальбы, смешанные с криками, визгом и ревом гаморреанцев и стонами других существ.

По представлениям Хана, там наемников было от тридцати до сорока — и все как один настоящие профессионалы. Они стойко держались и, лишь когда становилось ясно, что поражение неминуемо, сдавались в плен. Они дрались за деньги, а не за идею, и им важнее было уцелеть.

Из тени выскочил какой-то обезумевший паломник с бластером, едва не подстрелив Брию. Хан прикончил его одним метким выстрелом — на то, чтобы переключиться на парализующий режим, не оставалось времени. Брия в ужасе посмотрела на паломника, и на миг Хану почудились в ее глазах слезы.

— Милая... — попытался он утешить напарницу. — Я не мог сделать ничего другого.

— Знаю. — Она слабо улыбнулась. — Так тяжело смотреть, как в тебя стреляют те, кого ты пришел спасти.

Хан сочувственно погладил ее по плечу. Девушка достала комлинк, услышав сигнал от штурмовой команды и позывной: «Радуга-1».

Прошла минута ожидания. Брия велела отряду выстроиться за ней. Канал снова ожил, и послышался голос, внешне спокойный, но таивший внутреннее напряжение:

— Радуга-1, это Синий-1. Мне нужна помощь.

Тон командующего штурмом оставался ровным:

— Синий-1, доложите обстановку.

— Тридцать процентов потерь. У них автобластеры, их по меньшей мере двое. Один на складе, другой в дормитории. Мне нужен Белый-1.

— Синий-1, это Белый-1. Могу выделить два взвода через три

минуты. Куда их направить?

— Пусть займутся складом. Высадите один на севере, с южной стороны холма 3-1. Другой пусть идет через джунгли к востоку и атакует сбоку. Я возьму на себя дормиторий.

— Отлично, Синий-1. Конец связи.

Брия оглянулась в направлении турболазера. Небо высветлилось первыми проблесками рассвета.

— Джейс может появиться в любую секунду...

Словно исполняя ее пророчество, пространство вокруг турболазера взорвалось шквалом огня, криками и вспышками гранат. Загремели взрывы.

Брия выждала несколько напряженных секунд и включила комлинк:

— Отделение-2, докладывайте! Вы внутри? Прорвались?

Ответа не было. Хан и Чуи, укрывшись за фабрикой глиттерстима, обменялись тревожными взглядами. Из-за дальнего угла выбежал один из бойцов Брии.

— Все чисто, командир. Я вызвал взрывотехников.

Она рассеянно кивнула.

— Так держать, Ск'кот. Отделение-2, это лидер Красной руки. Ответьте. Что происходит?

Десять бесконечных ударов сердца в тишине — и наконец щелчок комлинка.

— Лидер Красной руки, это отделение-2, — послышался голос Джейса Паола. Солдаты заулыбались и обменялись негромкими радостными возгласами. — Цель захвачена, но у нас потери. Вышлите медиков.

Брия быстро вызвала подкрепление и приказала челноку санитаров лететь к комплексу.

— Отделение-8, как ваши дела? — спросила она в комлинк.

У отвечавшей был сильный акцент, но говорила она четко:

— Мрров на связи. Здание почти захватили, Брия. Но мы поищем в джунглях снайперов. Кое-кому из охраны удалось уйти. Здесь на приколе несколько кораблей: в основном малые челноки, но есть один крупный. Они у нас под контролем. Возможно, кто-то еще из местных попытается бежать.

— Отлично. Думаю, вы этим гаморреанцам неплохо надавали.

Мрров ответила раскатистым смехом. Переключив каналы, Брия услышала:

— Красный-1, это Радуга-1. Доложите обстановку.

Брия уже собралась ответить, когда из центра комплекса на них обрушился новый шквал. Участники штурма рыбкой бросились на землю, под прикрытие стены. Хан сплюнул грязь.

Хотелось потянуться за фляжкой и прополоскать рот, но шевелиться было рискованно.

— Прикройте меня! — через плечо крикнула Брия и ползком двинулась вперед. Хан и Чубакка поползли за ней. Над головами тут же засвистели пули.

Заметив его, она обернулась.

— Оставайся там! — приказала она. — Я справлюсь.

— Знаю! — крикнул Хан. — Я просто хочу посмотреть.

Впервые в жизни он услышал, как она выругалась. Брия отвернулась, тщательно прицеливаясь, и, стоило мишени высунуться из-за корабля, выпустила в нее короткую очередь. Охранник упал и замер без движения.

— Вот это меткость! — одобрил Хан. Вместе они завернули за угол. Брия подобрала оброненный комлинк.

— Красный-1, это Радуга-1, как обстановка? — Голос Бревона был по-прежнему невозмутим.

Не считая чуть сбившегося дыхания, Брия тоже сохраняла спокойствие.

— Это Красный-1. Турболазер уничтожен, мы захватили большинство фабрик. Сейчас атакуем склад и дормиторий. Минут через десять все будет закончено.

— Вас понял, Красный-1. Вам нужен Белый-1?

— Не думаю. Мы справимся.

— Принято.

Они замерли, напряженно прислушиваясь.

— Радуга-1, это Золотой-1. Цель захвачена.

— Принято.

Минутой позже:

— Радуга-1, это Оранжевый-1. Цель взяли.

Один за другим следовали отчеты командиров со всех колоний, кроме третьей. Брия тем временем тоже связалась со своими.

— Радуга-1, — сообщила она. — Это Красный-1. Цель захвачена.

— Красный-1, принято.

— Третья колония до сих пор молчит, — обеспокоенно произнесла Брия. — Они запрашивали подкрепление. Надеюсь, все в порядке...

Словно в ответ на ее мысли, заговорил другой голос:

— Радуга-1, это Белый-1, докладываю из третьей колонии. Цель захвачена.

— Вас понял, Белый-1, — ответил Бревон. — Где Синий-1?

Тон говорившего упал:

— Он мертв.

Брия подняла глаза.

— Ну что ж. Илизия наша, дамы и господа. Осталось немного. Пора вызывать корабли.

Хан тем временем оттащил вуки в сторону:

— Чуи, нам с тобой нужно кое-что сделать.

— Аррхх?

— Здесь у нас все схвачено, но, возможно, Мрров и Мууургху понадобится помощь в административном строении. Там сокровищница. Я хочу, чтобы ты пошел туда и убедился, что у них все нормально, и помог им, если нужно. Твое ночное зрение не хуже, чем у тогориан, и, если они пошли преследовать охранников в джунглях, ты можешь знатно им подсобить.

— Хрррнххх? — Чубакка, как водится, совершенно не хотел разлучаться с товарищем.

— Ну же! — подстегнул его Хан. — Я беспокоюсь, что кто- то из охраны прорвется внутрь и растащит коллекцию Теро- ензы! Это наше, помнишь?

Чуи снова заворчал, но уже не так настойчиво.

— Слушай, мохнатый, — резко сказал Хан, — у меня нет времени на споры. Я доверяю Мууургху и Мрров, но не знаю других тогориан. Туда может проникнуть кто угодно. Так что будь добр помочь Мууургху и Мрров зачистить территорию, а заодно убедиться, что сокровищница по-прежнему заперта, — и можешь возвращаться. Тебе хватит и получаса. Ты помнишь расположение сокровищницы на плане, который я набросал?

Чуи ответил утвердительным рыком.

— Прекрасно. Вот и действуй.

Вуки был недоволен, но ушел без дальнейших возражений.

В этот момент с алеющего неба хлынул металлический дождь кораблей, приземлявшихся на центральной площади комплекса.

Хан глотнул воды из фляги, и тут в поле зрения появился темный силуэт. Кореллианин поднял очки, прищурился в бледном предутреннем свете и только тогда узнал Лэндо. Не успев разобрать выражение его лица, Хан все равно в мгновение ока понял, что что-то неладно. Он поспешил навстречу.

— Хан... Джерик. В него попали... Похоже, ему не жить. Он зовет тебя.

— Проклятье!

Они оба сорвались с места.

Лэндо привел его в импровизированный госпиталь и указал на носилки. Соло сразу опознал взъерошенные волосы Джерика — но почти ничего больше. Обожженное красное лицо юноши внушало ужас. Хан уже было решил, что он мертв, но потом заметил, что Джерик еще дышит. Он с надеждой посмотрел на

подвернувшегося врача. Алдераанка мрачно покачала головой и одними губами произнесла:

— Простите.

— Эй... Джерик... слышишь меня? — Хан крепко сжал его перепачканную руку. — Это я, Хан.

У парнишки почти не осталось век, и, скорее всего, он ослеп. Но все же он смог повернуть голову, и губы его шевельнулись:

— Хан...

— Не разговаривай... все будет в порядке. Тебя положат в ванну с бактой, и ты еще побегаешь за девчонками... Да и за имперцами, чего уж там.

С губ сорвался еле слышный выдох. Его смех.

— Я врал тебе... Хан... я должен... сказать... тебе.

Хан сглотнул.

— Я слушаю...

— Меня... меня зовут... не... Соло. Я врал.

Хан откашлялся.

— Я знаю. Все нормально. Я дарю тебе это имя. По-моему, ты давно его заслужил.

— Ты... знал?

— Конечно. Я знал с самого начала, Джерик.

Пальцы сжались еще раз — и ослабли. Наклонившись, Хан проверил пульс, потом осторожно отпустил руку и встал. В глазах щипало, и ему потребовалось некоторое время, чтобы взять себя в руки. Мимо прошла медсестра. Хан взял ее за рукав.

— Он умер. Где его идентификатор?

Ему протянули инфочип. Хан взял его и в поле имени погибшего ввел: «Джерик Соло».

Фельдшер вызвал дроидов. Со скрежетом и лязгом они тщательно завернули умершего в простыни и унесли, аккуратно уложив в ряд с другими телами.

Не успел кореллианин отвернуться, как они уже клали на носилки другого солдата.

— Воды... — прохрипела женщина.

Хан протянул флягу.

— Все будет хорошо, — попытался он успокоить, помогая ей пить, — не волнуйтесь.

Женщина с жадностью глотала воду.

— Спасибо... — Она упала обратно на носилки.

— Не стоит, — сказал Хан. — Как вас зовут?

— Линдела Дженвальд... — проговорила она, морщась. — Рука болит...

— Мы позовем вам кого-нибудь, — пообещал Хан и ушел на поиски врача.

Убедившись, что Дженвальд получила необходимый уход, он покинул лазарет. Лэндо встретил его тоскливым взглядом.

— Хан, прости меня. Я старался за ним приглядывать, но они бросили гранату, и мне пришлось завалиться в грязь, а потом... — Игрок замолчал, покачав головой.

Хан кивнул.

— Я знаю, каково это. Ты ничего не мог поделать, дружище. Не кори себя. — Хан глубоко вздохнул. — Он был хорошим парнем.

— Да... — Лэндо замолк, услышав знакомый рев. Хан поспешно попрощался с другом и побежал навстречу Чубакке.

Вуки, радуясь, что Хан по-прежнему невредим, потряс его за плечи и взъерошил ему волосы. Кореллианин вздохнул.

— Чуи, — сообщил он, — у меня дурные вести. Джерик погиб.

Вуки запрокинул голову и взревел от гнева и боли. Хану хотелось сделать то же самое.

А Чубакка снова начал жестикулировать и возбужденно рычать.

— Мрров? — переспросил Хан. — Ранена? Она выживет?

Чуи не был уверен, но полагал, что да.

— Нужно найти Мууургха, — решительно произнес Соло. — Чуи, вернись на «Сокол» и посади его на площадку у административного строения, чтобы мы были готовы к погрузке.

Вуки кивнул и убежал. Его высокий силуэт вмиг затерялся среди солдат, торопливо снующих между приземлившимися челноками и грузовиками.

Хан огляделся в поисках Лэндо, но тот уже ушел. Тогда он вернулся к госпиталю и спросил, где лечат тогориан. Врач не знал. С третьей попытки Соло наконец удалось получить информацию.

Его направили к вспомогательному блоку, куда доставляли большинство раненых инородцев. Контрабандист разглядел огромную черную фигуру Мууургха, склонившуюся над койкой, и поспешил к нему.

— Привет, Мууургх!

Тогорианин обернулся на голос, подскочил и сгреб Хана в крепкие объятия.

— Мууургх рад видеть Хана С-соло. Они забирать нас-с сейчас-с, и Мууургх не хотеть уходить бес-с прощайс-ся.

Хан посмотрел на Мрров. Повязка скрывала половину ее головы.

— Что произошло?

— Мууургх и Мрров охранить пос-садочный поле, и три

гаморреанец напас-сть на нас-с. Она получай два удар с-силовым копьем, а потом Мууургх вырвать горло врагу.

— Мне очень жаль... — произнес Хан. — С ней ведь все будет в порядке?

— Она потерять глас-с, — сказал Мууургх. — И врач говорить — ей может прийтис-сь отрезать рука. Он не знать. Но она будет жить. И она будет гордитьс-ся, что рабы ос-сводить, а жрецы умирать.

Хан кивнул, не представляя, как еще его утешить. Подошли фельдшеры с репульсорными носилками и положили на них раненую тогорианку. Хан проводил Мууургха до медчелнока, посмотрел, как погрузили Мрров, и молча обнял друга на прощание.

Когда челнок улетел, Хан вернулся к большому складу спайса, ожидая, что найдет там Брию. Завидев спешащего навстречу Джейса Паола, Хан осведомился у лейтенанта, где она. Паол ткнул пальцем за спину, на дормиторий паломников. Хан устремился туда, но остановился на полпути между складом и дормиторием.

Солдаты-повстанцы выгоняли паломников из дормитория, и одурманенные, перепуганные рабы явно пребывали на грани паники. Перед ними с громкоговорителем в руке стояла Брия.

— Послушайте меня! — призывала она. — Жрецы мертвы! Вы теперь свободны, мы пришли вам помочь!

— Они убили жрецов! — простонал один старик и разрыдался.

Воздух наполнился стонами и воем.

— Забирайтесь в челноки! — приказала Брия. — У нас есть врачи и лекарства, которые вам помогут. Мы вас вылечим!

Толпа становилась все беспокойнее. «Еще одно движение — и начнется свалка», — в тревоге подумал Хан. Было видно, что слов Брии они совершенно не воспринимают.

— Дайте нам Возрадование! — прокричал один, и все разом принялись голосить и махать в воздухе кулаками. — Дайте нам Возрадование!

Брия указала на челноки.

— Забирайтесь внутрь! Мы вам поможем!

Толпа рванулась вперед, и Брия, поморщившись, дала сигнал солдатам. Те открыли парализующий огонь, и паломники начали валиться как подкошенные.

Хану не однажды доводилось ощутить все прелести парализующего луча, и у него заныло все тело. Кореллианина несколько шокировала безжалостность, с которой Брия приказала расстрелять рабов.

Но едва ли стоит заострять на этом внимание, решил он. Пока он стоял на месте, наблюдая за тем, как рабочие дроиды грузят бесчувственных паломников в челноки, Брия повернулась и наконец разглядела его в толпе.

Хан помахал рукой, и девушка подбежала к нему. Он крепко обнял ее и с облегчением прижал к себе, не веря, что они оба остались живы.

— Джерик? — спросила она.

Хан покачал головой.

— Погиб.

— Хан... мне так жаль.

Они стояли посреди вселенского хаоса, обнимая друг друга.

Наконец она отстранилась и протянула:

— Пора отправляться в администрацию. Сокровищница ждет.

Хан кивнул.

— Чуи скоро приведет туда «Сокол», чтобы мы могли все погрузить, — поделился он, оглядываясь. Солнце уже взошло и освещало царивший кругом беспорядок. Брия потянула его за руку, но Хан не поддался.

— Где Лэндо? — спросил он. — Он был здесь несколько минут назад. Он пошел за своей долей спайса?

— Идем! — поторопила она.

Хан окинул взглядом склад, подумав, что Лэндо, вероятно, уже там и дожидается своего спайса. Наконец он его заметил и сделал шаг навстречу, но Брия одернула кореллианина.

— Нет! Ну же, нам надо идти!

Соло прищурился.

— Там что-то происходит.

Он увидел, как Лэндо, Арли Брон, Кадж Недмак и еще шестеро контрабандистов остановились у открытых ворот склада. Просто стояли. Без движения. Хан посмотрел на Лэндо, тот заметил его, но не сдвинулся с места.

— Идем же!

Хан сделал шаг в сторону склада и замер в изумлении и испуге. Теперь он разглядел, что же именно преграждало контрабандистам путь. Тренога тяжелого автобластера, за которым возвышался повстанец. На равном расстоянии друг от друга стояли еще три охранника — и их оружие было нацелено на контрабандистов.

— Что здесь творится? — Хан развернулся к Брии. — Вы что задумали?

Она закусила губу.

— Я надеялась, что ты не узнаешь, — промямлила она. — Так было бы проще, Хан. Прошлой ночью я получила приказ.

Затевается что-то очень крупное, и нам нужны все деньги, которые мы можем собрать. Всем придется пойти на жертвы. Контрабандистов пока подержат в заложниках. Их экипажам разрешили забрать необработанный спайс... но первосортный достанется нам. Он нужен нам, Хан. Прости, но у меня нет выбора.

Придя в себя, Соло оглянулся через плечо и встретил злые взгляды контрабандистов. «Ну конечно! — подумал он. — Они думают, что я замешан в этом с самого начала!»

И что ему делать? Отдать собственную долю сокровищ, чтобы поддержать контрабандистов? Большинство из них пальцем бы не шевельнули, окажись они на его месте. Кроме того... он был едва с ними знаком.

Со всеми, кроме Лэндо...

Хан покачал головой и перевел взгляд на Брию.

— Почему ты не сказала мне о своих планах?

— Потому что ты бы ни за что не согласился, — отрезала она.

— Но Лэндо — мой друг. — Хан пожал плечами. — Остальных я едва знаю. Но Лэндо...

— Пойдем, — настаивала она. — Твоя доля сокровищ — в твоем распоряжении. Если хочешь, поделись потом с Калриссианом.

Хан обдумал ее слова и вздохнул. «Я восстановлю справедливость, Лэндо», — мысленно пообещал он.

Кореллианин пожал плечами и пошел за Брией. «Не нравится мне это... Но что я могу поделать? Хорошо еще, что удалось услать Чубакку. Слишком он горяч...»

Когда Хан с Брией добрались до административного строения, Чуи и «Сокол Тысячелетия» уже ждали их на площадке. Вуки захотел знать, где Лэндо, и Хан замялся.

— Пошел с Арли, — сказал он уклончиво.

К счастью, Чуи был слишком поглощен сокровищницей, чтобы обратить внимание на замешательство друга.

Благодаря термодетонатору, позаимствованному Ханом из арсенала повстанцев, взорвать дверь оказалось делом одной секунды.

Кореллианин шагнул внутрь и в ошеломлении остановился. Почти все полки пустовали.

— Что?..

— Тероенза собрался бежать! — воскликнула Брия, указывая в сторону. — Смотри, все упаковано.

Задняя грузовая дверь сокровищницы была приоткрыта, словно некоторые вещи хозяин уже успел погрузить, но корабля там Хан не увидел. Он решил, что Тероенза вызвал транспорт, но

пал жертвой вчерашних убийц.

— Замечательно! — крикнул он, закружив Брию в объятиях. — Спасибо тебе, Тероенза!

Наградив ее коротким, но жарким поцелуем, он отпустил девушку и повернулся к ящикам с трофеями.

— Тут понадобится репульсорная тележка, — постановил он. — У нас есть одна на «Соколе». Чуи, ты...

— Не двигайся, Соло, — произнес голос из прошлого.

Хан застыл, и из-за белого высохшего фонтана возник Тероенза. Верховный жрец сжимал в передних конечностях бластерную винтовку, и безумный блеск в его глазах отчетливо сообщил Хану, что договориться с ним не удастся.

— Руки вверх, — скомандовал жрец.

Хан, Чуи и Брия подчинились. Хан оглянулся, лихорадочно соображая, как выкрутиться. Но Тероенза не спускал с них глаз...

— Какое прекрасное зрелище — Брия Тарен и Хан Соло, — пророкотал жрец. — Я вызвал пилота, и он заберет меня от четвертой колонии. Я распрощаюсь с этой жалкой планетой... и со мной будут все сокровища. Мне будет не хватать моей супруги, но в целом все обернулось не так уж плохо. Может быть, Десилиджикам пригодятся мои услуги...

— Эй, — крикнул Хан, — Джабба — мой друг. Если ты убьешь меня, ему это не придется по нутру.

Тероенза хрипло рассмеялся.

— У хаттов не бывает друзей. Прощай, Соло.

Он навел бластер на кореллианина, и короткий бугристый палец нажал на спусковой крючок.

Хан закрыл глаза. Услышал протяжный звук выстрела...

...и ничего не почувствовал. Ни боли. Ни обжигающего жара.

Через долгий миг послышался глухой стук падающего тела.

«Он выстрелил в Брию вместо меня!» — всполошился Соло, распахивая глаза.

Но тело, лежавшее на полу, принадлежало Тероензе. На месте его левого глаза зияла дыра.

Хан огляделся, соображая, не тронулся ли он умом и не пригрезилось ли ему все это. Что происходит?

Брия ахнула.

Соло увидел, как из темного угла выходит Боба Фетт с винтовкой в руках.

«Здорово! Просто здорово! — подумал он. — Только тебя нам и не хватало!»

Держа их всех на прицеле, охотник приблизился к массивной туше Тероензы и опустился на одно колено. Продолжая целиться в них из винтовки, он взял в свободную руку вибропилу.

Миниатюрный инструмент зажужжал, легко прорезая плоть и кость. Фетт аккуратно отпилил рог т'ланда-тиль.

У Хана звенело в голове.

Наконец охотник поднялся на ноги и медленно начал отступать, зажав под мышкой жуткий трофей.

Хан не мог удержаться от оклика.

— Ты уходишь? — выпалил он.

Возможно, ему лишь показалось, но в механическом голосе Бобы Фетта промелькнуло скрытое удивление. Определить наверняка было сложно.

— Ухожу, — сообщил охотник. — Жрец — мой приоритетный заказ. Я здесь не за вами.

Дойдя до проема в стене, Боба Фетт шагнул внутрь и исчез так же внезапно, как и появился.

Хан еще с трудом соображал, но голова уже кружилась от облегчения.

— Брия! — закричал он и снова заключил ее в объятия.

Опустевшая сокровищница наполнилась радостными криками всех троих.

Хан притащил с «Сокола» репульсорную тележку, и за несколько минут они рассортировали коробки для более эффективной погрузки.

Внезапно рядом с «Соколом» на пермакрит опустился штурмовой челнок повстанцев. К удивлению Хана, из него высадился Джейс Паол с отрядом.

— Брия... — позвал Хан. — Что происходит? Это наши сокровища. Мы забираем их и улетаем на «Соколе Тысячелетия»... разве нет? Вместе, правда же?

Их взгляды встретились. Девушка закусила губу и не ответила. У Хана все внутри похолодело.

— Брия... милая... помнишь, мы пообещали друг другу? Мы будем вместе, ведь так? Всегда... — Он сглотнул. — Брия...

Чубакка негодующе взревел, и внезапно они оба оказались под прицелом бластера в ее руке.

— Хан, — тихо сказала Брия, — нам нужно поговорить.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ДО КЕССЕЛЯ

Соло, не смея верить глазам, смотрел па обращенный на него бластер.

— Брия, что ты делаешь?

— Мне нужно все это, Хан, — сказала она. — Не для себя, для сопротивления.

Она сделала знак повстанцам. Те подошли и, взяв репульсорную тележку Хана, начали грузить па нее коробки.

Хан, еще не пришедший в себя, проводил взглядом первую партию сокровищ.

— Брия... — хрипло проговорил он, — ты не можешь. Так нельзя. Ты... ты хочешь разыграть меня, да?

— Прости, Хан. Я должна забрать все. Все, что мои люди смогут унести с этой несчастной планеты. Весь обработанный спайс, все оружие, все сокровища. Я знаю, это нечестно, но я не могу поступить иначе.

— Другие командиры тоже так сделали, Брия?

— Нет, насколько я знаю, — ответила она. — Но именно я получила сообщение прошлой ночью, Хан. Разведка обнаружила, что у Империи в производстве какой-то масштабный проект. Действительно масштабный. Настолько большой, что от этого может зависеть судьба целых миров. Мы должны выяснить, что они задумали, и для этого потребуются деньги... много денег. Взятки, наблюдение, войска... и не только. Я лишь надеюсь, что собранного с Илизии будет достаточно.

Хан облизнул губы.

— Я думал, ты любишь меня. Ты говорила, что любишь.

Следующая партия груза скрылась за дверью. Хан проводил ее взглядом, борясь с желанием застонать. Чуи с этим желанием бороться не стал.

Брия вздохнула и покачала головой.

— Да, я люблю тебя, — тихо промолвила она. — Я хочу, чтобы мы всегда были вместе. Пойдем со мной, Хан. Ты не сможешь сейчас вернуться на Нар-Шаддаа. Пойдем со мной, и мы будем вместе сражаться против Империи. Ты, я и Чуи. Мы будем отличной командой. Всем приходится идти на жертвы, и мы внесли свою лепту, пожертвовав сокровищем. Ты лее не думаешь, что я оставлю что-то из этого для себя?

Хан мотнул головой. Голос его был полон горечи.

— Не думаю, Брия. Ни на миг. - Он прерывисто вздохнул. —

Брия... Я любил тебя.

Ее лицо исказилось в муках от последних слов. «Любил».

— Хан, я люблю тебя! Люблю! Но не могу допустить, чтобы из-за тебя подвергся опасности Альянс! Этот налет был проверкой, и мы ее прошли! Другие ячейки сопротивления увидят, на что мы способны! Хан... мы захватили целую планету. Этот рейд войдет в историю восстания, я просто уверена!

— Да. Как рейд, в котором Брия Тарен обманула тех, кто ей доверился. Включая человека, которого, по ее словам, она любила.

Слезы наполнили ее глаза и покатились по щекам. Она отступила в сторону, пропуская солдат с очередной партией сокровищ.

— Хан... пожалуйста, прошу тебя... пойдем со мной. Ты прирожденный лидер. Тебе не нужно будет жить как преступнику. В Альянсе ты сможешь стать офицером. Нам платят деньги! Не много, но все-таки на жизнь хватит! Прошу тебя, Хан!

Он смерил ее холодным взглядом. Она вздрагивала от рыданий, и Джейс Паол подошел и забрал бластер из ее руки.

— Мы загружаем последнюю партию груза, коммандер.

Она кивнула и вытерла глаза рукавом, попытавшись взять себя в руки.

— Пожалуйста, Хан. Я понимаю, ты сейчас зол. Просто... пошли мне сообщение. Джабба знает, как со мной связаться. Прошу тебя, Хан.

— Ты получишь сообщение, — пообещал Хан. — Помнишь все, что я сказал тебе тем вечером в «Синем свете»? Так все это правда, а я, болван, поверил тебе снова. — Он залез во внутренний карман и вынул сложенный клочок бумаги. — Узнаешь?

Она сосредоточила взгляд на предмете в его руке, подошла ближе и, кивнув, отступила. Ее застывшее лицо было бледным.

— Да...

— Так вот, я, идиот, таскал это с собой все эти годы, — прорычал Хан. — По сегодня меня уже не проведешь, сестрица. Ни одной женщине больше не удастся меня окрутить. Никогда.

Медленными решительными движениями он порвал бумажку на мелкие кусочки и просыпал на пол сквозь пальцы.

— Залезай в корабль и убирайся отсюда, пока можешь, Брия. Если ты еще хоть раз мне попадешься, я пристрелю тебя при первой же возможности.

Она смотрела на него в остолбенении, пока Джейс не тронул ее за руку:

— Коммандер, мы закончили погрузку.

— Ясно, — сказала она тихим дрожащим голосом. — Хан... Прости меня. Я всегда буду любить тебя. Всегда. У меня никогда не было никого, кроме тебя, и никогда не будет. Прости...

Паол положил ей руку на плечо и сказал Хану:

— Я оставляю тебе одну коробку и твою тележку, Соло. Советую не тратить время попусту. Заряды сработают через тридцать минут.

Паол медленно вышел за дверь, держа Хана и Чубакку на прицеле. Повстанцы возле челнока тоже продолжали целиться в кореллианина и вуки.

Хан стоял неподвижно, наблюдая за тем, как взлетает челнок.

Потом он глубоко и прерывисто вздохнул. Ему было горько и больно. Еще один вздох — ничего не изменилось. Глаза щипало, и он закусил губу, чтобы боль помогла ему вернуть контроль над разумом.

— Чуи, — окликнул он, — отличный был денек, не находишь?

Вуки тоскливо и сочувствующе проскулил.

— Ну что ж, будем пошевеливаться, — решил Хан. — Знаешь что, пробегись-ка по комплексу. Может быть, они уронили какие-то коробки с глиттерстимом или еще что. Только за временем следить не забывай. А я проверю комнаты Тероензы. Думаю, у него там найдется что-нибудь ценное. Встретимся здесь через семнадцать минут.

Вуки утвердительно зарычал и сорвался с места.

Обшарив сокровищницу и покои Тероензы, Хан обнаружил кое-какие остатки спайса и, кроме них, — всхлипывающего Ганара Тоса. Хан холодно посмотрел на старого гуманоида.

— Тебе повезло, что ты на ней не женился, — бросил он. — Мотай отсюда, Тос. Здание взлетит на воздух через пятнадцать минут.

Напоминая насекомое, дряхлый зисианец поспешно заковылял из комнаты. Хан презрительно фыркнул и продолжил обыск.

Вынося к «Соколу Тысячелетия» мешок мелких трофеев, Соло поискал глазами Чубакку. «Поторапливайся, коврик», — мысленно попросил он.

Кореллианин забрался на корабль, чтобы разогреть двигатели, и только тогда услышал рев Чуи, требующего, чтобы напарник вышел и посмотрел его находку!

У Хана подскочило сердце.

Неужто ящик глиттерстима?

Он выпрыгнул из корабля... и застыл в недоумении. Чубакка стоял, окруженный горсткой большеглазых детей, оборванных, тощих и напуганных. Младшего он держал в лапах. Остальным восьмерым было от четырех до двенадцати лет.

Хан уставился на них:

— Что? Откуда они здесь?

Чубакка объяснил, что услышал всхлипы в глубине дормитория, когда обыскивал брошенные здания. Вероятно, это дети паломников, брошенные своими полоумными родителями после налета.

Все дети были человеческой расы, и Хан догадался, что они кореллиане. Он застонал в голос.

— Чуи! Я же велел найти какие-нибудь ценности!

Чубакка возмущенно заявил, что дети и есть ценность.

— Только если мы продадим эту мелочь в рабство, — пробухтел Хан.

Чуи обнажил зубы и зарычал в ответ. Кореллианин поднял руки.

— Да пошутил я, пошутил! Ты же знаешь, я рабами не занимаюсь! Но что мы будем с ними делать?

Чубакка заметил, что до взрыва зданий осталось меньше пяти минут и это не лучшее время для обсуждения планов.

Хан нахмурился.

— Ладно, народ. Давайте на борт. Ну же, бегом. Думаю, у нас найдется что-то съестное...

Через две минуты «Сокол Тысячелетия» взмыл в воздух, и Хан сделал круг над колонией. Одно за другим здания расцветали огненными шарами. Несколько часов спустя от них не останется ничего, кроме обгорелых останков, да и те вскоре поглотят джунгли...

Дурга, господин Бесадии, не веря своим глазам, взирал на ночную сторону Илизии сквозь иллюминатор яхты. Ослепительные вспышки света были различимы даже из космоса. Вокруг бывших колоний полыхали обширные лесные пожары, разносимые постоянными ветрами.

Там были выжившие, Дурга не сомневался. Сдавшиеся солдаты подразделения «Сверхновая»... старик Ганар Тос. Они связались с Дургой через портативные коммуникаторы, которые им удалось раздобыть. К тому моменту, когда яхта достигла орбиты, эфир уже оглашался их воплями о помощи. Но фабрики и склады... от них не осталось ничего, кроме пылающих руин.

Исчезло все... Дурга не мог в это поверить. За одну ночь, за

каких-то несколько часов...

Все исчезло.

Дурга медленно вздохнул, думая о звонке от принца Ксизора, полученном лишь несколько минут назад. Приятный, ободряющий звонок, напомнивший Дурге, что он в любом случае обязан заплатить «Черному солнцу», но в свете происшествия принц будет рад обсудить новые условия оплаты. Глава «Черного солнца» дал понять, что с удовольствием помог бы Бесадии восстановить илизианские предприятия.

«Нет, — решил Дурга. — Только не снова...»

Во-первых, повстанцы забрали тысячи паломников, и разведка Ксизора сообщала, что им, по всей вероятности, удалось найти «лекарство» для лечения зависимости от Возрадования. Если столько паломников расскажут об Илизии правду, новые желающие повторить их путь едва ли сыщутся.

Ну а т'ланда-тиль, которого Зир нанял на должность верховного жреца, хватило одного перепуганного взгляда на планету, чтобы наотрез отказаться принимать участие в этом предприятии.

«Нет, — подумал Дурга. — В следующий раз я пойду другим путем».

И этот следующий раз, безусловно, настанет. Он найдет новый способ обогатить Бесадии. И если ему, Дурге, придется пойти в услужение к принцу Ксизору — что ж, тогда он поднимется на самую вершину «Черного солнца»!

Сначала он станет виго. А потом... может быть, бросит вызов самому фаллиину. Или даже Императору. Дурга не сомневался в своих способностях и счел, что управлять имперским космосом может не хуже прочих...

Хатт бросил взгляд на сувенир этого кошмарного дня. Длинный окровавленный рог. Наконец-то Арук отомщен, подумал он. Да упокоится он с миром...

Властелин хаттов включил внутреннюю связь, и пилот немедленно откликнулся на его вызов.

— Забрать войска наемников, — приказал Дурга. — Курс на Нал-Хатту. Здесь делать больше нечего. Отправляемся домой.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — ответил пилот.

Дурга откинулся на спинку сиденья и вздохнул. Взяв в руки рог Тероензы, он задумчиво погладил его и начал строить планы на будущее...

Хан Соло и Чубакка продолжали спорить о дальнейшей судьбе кореллианских сирот, когда спустя шесть часов при выходе

из гиперпространства система связи оповестила их о вызове.

Чуи настаивал, что они должны везти детей на Кореллию, где о них смогут позаботиться семьи. Хан возражал, что это будет тратой топлива и времени.

— Высадим их в космопорту любого цивилизованного мира, и кто-нибудь за ними присмотрит, — предложил он.

Чубакка ответил, что, сам будучи отцом, считает единственно правильным доставить детей на родину.

Капитан сверкнул глазами на вуки и включил связь, чтобы принять сообщение. Над приборной панелью возникло изображение Джаббы Хатта.

— Хан, мой мальчик!

— Здорово, Джабба, — буркнул Хан. — Чего тебе?

Джабба слегка нахмурился от неприветливости кореллианина, но тут же забыл об этом.

— Хан, я тебя поздравляю! Рейд прошел блестяще! Я очень рад!

— Потрясающе, — мрачно сказал Хан. — Ты ради этого делал межзвездный вызов?

— Да нет же, Хан, — рассмеялся Джабба. — У меня есть груз спайса, и я хочу, чтобы ты забрал его у Морута Дула на Кесселе. Доставь его на Татуин немедленно, хорошо? Сделка заключена, спайс оплачен.

— Ладно, Джабба, — согласился контрабандист. — Моя обычная доля?

— Конечно, конечно, — прогрохотал Джабба. — И возможно, хорошая надбавка, если управишься быстро.

— Уже лечу, Джабба.

— Чудесно, мой мальчик. — Гангстер задумчиво оглядел кореллианина. — И, Хан... отдохни немного после этого. Ты выглядишь довольно потрепанным.

— Верно, Джабба. Так и сделаю.

Он завершил соединение и нахмурился.

— Дожили. Кучка ноющих детей, и я должен тащить их с собой на Дугу. Уж не пора ли мне задуматься о том, чтобы покончить с контрабандным ремеслом, а, Чуи?

Единственным комментарием Чубакки было заявление, что, пока они будут на Кесселе, нужно будет найти молоко траладона и хлеб для бутербродов.

Хан ответил громким стоном...

Двенадцать часов спустя, с грузом спайса, тщательно упрятанным в потайных подпалубных отсеках, «Сокол

Тысячелетия» снялся с поверхности Кесселя. Предоставив Чуи раздавать детям еду, Хан направил корабль к Утробе, постоянно сверяясь с курсом. Внезапно на панели управления замигал сигнал, предупредивший, что прямо по курсу таможенный корабль Империи.

— Чуи! Быстро сюда! — крикнул капитан, прибавляя скорость.

Через секунду вуки был в кабине.

— Пристегни этих клятых детей! — рявкнул Хан. — И двигай сюда! У нас два имперца на хвосте, гонка предстоит веселая!

Хан помчал быстрее, чем в тот день, когда они летали наперегонки с Саллой. Когда Чубакка вернулся в кресло второго пилота, Хан вдруг услышал позади какой-то сдавленный писк и, обернувшись, обнаружил мальчика, огромными глазами таращившегося на Утробу.

— Что ты здесь забыл? — бросил капитан.

Только сопливого мальца ему не хватало!

— Смотрю, — объяснил мальчишка.

— И тебе не страшно? — проворчал Соло, бросая «Сокол» в сторону, чтобы избежать выброса ионизированного газа от одного из скоплений черных дыр. Имперский корабль выстрелил, но порядочно промахнулся.

«Всю жизнь мечтал! Сейчас подстрелят вместе с этой ребятней!»

— Нет, мистер! — пропищал малыш. — Это здорово! А вы можете лететь еще быстрее?

— Рад, что тебе нравится, — пробормотал Хан. — Уж я-то постараюсь...

Он прибавил ходу, пронесшись мимо первого из скоплений черных дыр. От скорости все вокруг растягивалось и размывалось, словно они прорвались в гиперпространство. Хан еще ни разу так не разгонял «Сокол».

— Держись! — крикнул он, когда их едва не затянуло в гравиколодец черной дыры.

— Держусь! — эхом отозвался мальчишка.

Хан разразился маниакальным хохотом.

— Нравится, а? Смотри, как я уделаю это имперское корыто!

— Вперед! — крикнул мальчик. — Быстрее, капитан Соло!

— Как тебя звать-то, парень? — спросил пилот, облетев последний изгиб жутких колодцев Утробы по такой плотной дуге, что двигатели протестующе взвыли.

— Крисс П’теска, мистер.

— И тебе нравится быстро летать, ага?

— Еще как!

— Хорошо...

Хан молнией понесся в Бездну, чудом избегая встречных астероидов.

От имперцев он наконец оторвался. Таможенные корабли были теперь едва различимы...

Если бы уйти еще немного дальше...

Пот градом катился со лба вниз и щипал глаза, но Хан не сбавлял хода. Корабль таможни был уже далеко позади. Хан маневрировал среди астероидов, приближаясь к краю Бездны.

— Отлично, — пробормотал он. — Теперь только свалить отсюда и уйти на световую...

Чуи неожиданно взвыл и начал возбужденно тыкать в панель. Хан бросил взгляд на приборы и громко застонал.

— Вот зараза! Три имперца по периметру Бездны! Как специально дожидаются! Там еще и крейсер!

Мысли Хана лихорадочно заметались.

— Чуи, нам от них не удрать, — сообщил пилот. — И оружия у них больше. Но мы оторвались от того парня на хвосте, по крайней мере временно. Думаю, если мы пролетим еще немного вглубь Бездны, то можем сбросить груз — как ты проделал в тот раз с полковником Квиртом. После того как они обыщут «Сокол» и успокоятся, мы вернемся и заберем его. Что скажешь?

Чубакка был всецело согласен.

— Хорошо, принимай управление. Нужно проделать все очень быстро, — распорядился Хан. — Вот координаты.

Предоставив вуки следовать выбранным курсом, Хан поспешил в коридор к потайным отсекам. Крисс бежал по пятам.

— Дети, а ну-ка помогите, — попросил контрабандист, вытаскивая мотки проводов. Ребятня собралась в кружок и глядела на него во все глаза.

— Как вас зовут? — спросил Хан.

— Кати, мистер, — сообщила девочка лет двенадцати-тринадцати с длинной светлой косой. — Я помогу.

— Я Тим, — добавил ребенок помладше.

— Я Аэрон, — вставил темноволосый мальчик. — Я тоже помогу!

— Хорошо, — проворчал Хан, поднимая палубный настил. — Давайте отнесем эти бочки в правый шлюз и свяжем вместе.

Через две минуты спайс был готов к сбросу. Хан выгнал детей из шлюза и плотно закрыл его за собой. Пренебрегая стандартными процедурами разгерметизации и используя ручное управление, он распахнул внешние ворота и вышвырнул бочки со спайсом в пустоту.

— Чуи! — крикнул он. — Готово! Зафиксируй эти

координаты!

Если повезет, Хан сможет отследить перемещение спайса и найти его снова после непродолжительного поиска. Сами бочки были изготовлены из сплава, который на достаточно близком расстоянии могли засечь датчики.

Вот и все, что он мог сделать в такой ситуации.

Соло вернулся в кабину и избрал такой курс, чтобы вырваться из Бездны примерно в том же месте, где его и ожидали встретить. На выходе из астероидного поля имперский сторожевик начал преследование. Хан покосился на Чубакку.

— Уфф, пронесло.

Прозвучал вызов, и Хан включил связь.

— Неопознанное судно, готовьтесь к досмотру, — произнес резкий голос, и в тот же миг Хан почувствовал рывок луча захвата. — Вызывает имперский легкий крейсер «Эксперт». Не оказывайте сопротивления — и мы не причиним вам вреда.

Вокруг Хана столпились дети.

— Ребята, я разберусь с ними, — пообещал он.

Через мгновение после стыковки имперцы уже были в шлюзе «Сокола Тысячелетия» и требовали впустить их внутрь. Хан вздохнул и вместе с вереницей детей направился к ним.

Во главе вооруженной до зубов команды проверяющих стоял сам имперский капитан.

— Капитан Тайберт Капукот, — представился лысеющий человек и с надменным видом взглянул на Хана Соло как на что-то нелицеприятное, — Капитан Соло, вы подозреваетесь в провозе контрабандного спайса с Кесселя. Я уполномочен обыскать ваш корабль.

Хан махнул рукой внутрь корабля.

— Ищите, — бросил он. — Мне нечего прятать.

Капукот хмыкнул и исхитрился посмотреть на Соло сверху вниз — притом что был на несколько сантиметров ниже кореллианина. Он отдал приказ проверяющим пройти на корабль.

— Обыщите каждый миллиметр, — приказал имперец. — Мне нужен этот спайс.

Хан пожал плечами и отошел в сторону.

Имперцы искали... потом еще искали... и искали снова. Хан и Чубайса морщились, слыша грохот то из главного салона, то с кормы.

— Эй! — протестовал пилот. — Я простой честный торговец! Я имперский подданный, и незачем устраивать погром на моем корабле!

— Честный торговец!.. — усмехнулся Капукот. — Если ты не вез спайс, то что же ты тогда делал?

Хан быстро поразмыслил.

— Я... э-э... вез этих детей на Кореллию. Видите ли, на планете работорговцев была спасательная операция, и... гхм... детей бросили на произвол судьбы. Вот я и забрал их с собой.

Капитан злобно уставился на Хана.

— Кореллия — там, — ледяным тоном объявил он, указывая назад.

Хан пожал плечами.

— Нужно было сделать остановку и купить еды. Правда, дети?

— Да! — пропищал малыш Тим. — Мы были голодные! Капитан Соло нас спас!

— Капитан Соло рисковал ради нас своей жизнью, — добавила Кати, отбросив назад длинную косу. — Он — герой.

— Он спас нас, — вставил Аэрон. — Мы чуть не взорвались.

Маленький Крисс подошел и, взяв Хана за руку, запрокинул голову на имперского капитана.

— Капитан Соло — лучший пилот во всей Галактике. Он уделает любое имперское коры...

Хану удаюсь вовремя закрыть парнишке рот ладонью.

— Кхм, — усмехнулся он. — Ох уж эти дети! Говорят, что в голову взбредет. Вы ведь семейный человек, капитан?

Капукот даже не подумал улыбнуться. Наконец досмотрщики вернулись, весьма раздосадованные.

— Сэр, мы ничего не нашли, — доложил один из них. -- Мы провели тщательный поиск, капитан.

Тайберт Капукот покраснел. Он постоял, подбирая слова, йотом наткнулся на пристальный взгляд Хана.

— Прекрасно, — объявил он. — Наш отважный герой капитан Соло утверждает, что вез этих детей на Кореллию. Такой благородный поступок заслуживает имперского конвоя. Следуйте на Кореллию, капитан. Мы сопроводим вас туда.

Хан открыл было рот, но передумал говорить и с усилием кивнул.

— Конечно. Идемте.

Путь до родины отнял у него большую часть дня. Хан бесился из-за того, что не может забрать спайс. Он знал, что, если с ним что-то случится, Джабба с пего три шкуры спустит. Бизнес есть бизнес, и милосердие хаттам неведомо...

Добравшись до Кореллии, он выяснил, что имперцы уже растрезвонили о его прибытии и их поджидала толпа репортеров. Хана и Чубакку осыпали поздравлениями, прославляя как героев, и только то обстоятельство, что Хан уже однажды получил «Кореллианские кровавые полосы», удержало благодарное

правительство от награждения его еще одними.

Хан был в панике, ему хотелось вернуться в Бездну к выброшенному грузу. Наконец ему удалось распрощаться с детьми, которые, как он вынужден был признать, оказались весьма милыми, и он отправился восвояси свободным гражданином.

Кореллианин, выжимая максимум скорости, понесся к Бездне — и тем координатам, по которым он сбросил груз чистого глиттерстима. Последующие четыре часа он провел в поисках, прочесывая внешний край астероидного поля и все больше и больше выходя из себя.

— Он должен быть здесь! — стонал он, обращаясь к Чуи.

Но груза не было.

Хан поискал еще два часа, подключив дополнительные системы датчиков в помощь тем, что были на кабине. Внезапно донесся рев Чубакки.

— Иду! — крикнул капитан, бросаясь в рубку. Напарник указывал на экраны датчиков, на которых светились две точки, быстро идущие на сближение. Хан сверил идентификаторы кораблей и крепко выругался, хлопнув рукой по лбу.

— Твою налево! Еще имперцы! Ну почему все мне?

Он плюхнулся в кресло пилота и развернул корабль, направляя его обратно в Бездну. Чубакка вопросительно заревел, желая знать, почему они удирают, если у них все равно пет запрещенного груза.

— Ты что, не понимаешь? — зарычал Хан, увеличивая скорость, пока астероиды вокруг них не начали расплываться. — Они нашли наш спайс и знают, что ищем мы! Ты ж сам видел, что Капукот нам не поверил... Его рук дело! Эти каракатицы арестуют нас по подозрению в контрабанде и конфискуют «Сокол Тысячелетия»! И мы никогда не сможем его вернуть!

Он сделал лихой вираж, уклоняясь о г астероида размером с имперский разрушитель.

— Кроме того, — добавил он, — я не хочу, чтобы они снова потрошили корабль при обыске. Мы только что прибрали бедлам, который учинили Капукот и его ребята.

Хан и Чуи помчали через Утробу обратно к Бездне. Позади шли два имперских таможенных крейсера, преследуя их с непреклонной решимостью.

Капитан в безумном темпе колдовал над управлением, лавируя в астероидном коле. В полном ужасе от действий напарника Чуи рассерженно зарычал.

— Заткнись, мохнатый! — рявкнул на него Хан. — Мне нужно сосредоточиться!

Вопли Чуи перешли в стоны... или уже молитвы? Хан был слишком занят, чтобы прислушиваться.

Они приближались к краю Бездны, направляясь прямо в Утробу.

— Чуи, мне придется побрить «Соколу» днище и надеяться, что эти имперцы не захотят иметь дело с черными дырами, — напряженно процедил Хан. — Эти жестянки не сдаются!

Чубакка отчаянно взвыл.

— Мне ничего не остается! «Сокола» им не получить!

Два имперца следовали за контрабандистом словно приклеенные. Руки пилотов «Сокола» лихорадочно метались над приборной панелью, отлаживая курс, скорость, мощность щитов...

В отчаянии Хан подвел свой грузовоз к черной дыре ближе, чем когда-либо отважится любое разумное существо. Только бешеная скорость корабля могла их снасти.

«Сокол Тысячелетия» проскочил так близко к черным дырам Утробы, что только его ужасающая быстрота не позволила им засосать корабль внутрь. Аккреционные диски дыр расширялись и сужались, словно зрачки, следящие за стремительным полетом грузовика, облетающего опасные гравиколодцы. Имперские корабли преследовали его на предельной скорости.

Хан заложил немыслимый вираж, выводя посудину к внешним пределам Утробы. Приборы утверждали, что меньший из двух преследователей не смог повторить маневр: с короткой, едва заметной вспышкой корабль исчез в глубинах черной дыры.

— Вот вам! — яростно выпалил контрабандист. — Вы меня не возьмете! Ни сегодня, ни потом!

Последний имперский корабль уже отставал... и «Сокол» был практически за границами Утробы.

— Так-то, Чуи! У нас получилось!

Вуки торжествующе взревел.

Хан промчался мимо Кесселя, и внезапно источников притяжения не стало. Пилот склонился над навикомпьютером и спустя секунду крикнул:

— Курс проложен! Чуи, запускай!

Еще миг — и они снова исчезли в гиперпространстве. Капитан откинулся на спинку кресла.

— Насилу живыми выбрались, — хрипло пробормотал он.

Чубакка согласился.

И только тут Хан заметил невероятное.

— Эй, Чуи. Глянь! — Он ткнул пальцем в панель. — Мы поставили рекорд!

Чуи грустно проворчал, что их рекорд стоил ему больших нервов. Хан прищурился.

— Слушай, забавно как, — сообщил он. — Приборы показывают, что мы сократили не только время, но и расстояние. Меньше двенадцати парсеков!

Чуи скептически рыкнул и постучал по счетчику мохнатыми костяшками, заявив, что скорее уж прибор замкнуло от безумной манеры пилотирования.

Хан начал возражать, но замолк, когда Чубакка не выдержал и рявкнул на него.

— Хорошо, хорошо, я слишком устал, чтобы спорить, — сказал он, поднимая руки.

«Но я действительно сократил Дугу, пройдя ее меньше чем за двенадцать парсеков», — упрямо подумал он.

Однако сейчас перед ним стояли более серьезные вопросы, нежели рекорды скорости и расстояния. Как он теперь оправдается перед Джаббой?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ТОПРАВА И МОС-ЭЙСЛИ

На Хана смотрело мутное изображение дворецкого Джаббы Хатта — иссеченного шрамами кореллианина Бидло Квервa. За Квервом виднелись песочного цвета стены татуинской резиденции хатта.

— Слушай, Кверв, — выпалил Хан, — дай мне поболтать с твоим боссом.

У бандита-кореллианина были угольно-черные волосы с белой прядью и подвижные зеленые глаза. Он состроил гнусную улыбочку:

— Надо же, сам Соло! А Джабба как раз тебя ждал. Где тебя носило, Соло?

— Где надо, там и носило, — отрезал Хан. Он не любил подобных игр. — Возникли неприятности с имперцами.

— Как нехорошо, — процокал Кверв. — Посмотрим, смогу ли я уболтать Джаббу побеседовать с тобой. Когда я видел его в последний раз, он был весьма не в духе из-за твоей задержки. У него кое-какие виды на этот спайс.

Хан наградил изображение собеседника каменным взором.

— Давай пропускай меня, Кверв, и хватит твоих шуток.

— Ха-ха, а кто сказал, что я шучу, Соло?

Голоизображение дворецкого потонуло в помехах, и Хан на секунду решил, что тот отключился. Он протянул руку, чтобы отсоединиться самому, но помехи внезапно исчезли, а на их месте возникло обрюзгшее тело хатта.

— Джабба! — со страхом и облегчением выдохнул Хан. — Послушай... у меня тут неувязочка.

Джабба выглядел недовольным. Он курил кальян с каким- то коричневым веществом, и его зрачки были расширены от наркотика.

Вот угораздило, подумал Хан, явиться к толстобрюхому, когда тот под спайсом...

— Здравствуй, Джабба, — с расстановкой произнес он. — Это я, Хан.

Джабба несколько раз моргнул, и ему наконец-то удалось сфокусировать зрение.

— Хан! — пророкотал глава Десилиджиков. — Где ты пропадал? Я ждал тебя на прошлой неделе!

— Собственно, об этом я и хотел поговорить, Джабба. Слушай... это не моя вина...

Джабба непонимающе моргнул.

— Хан, мальчик мой... о чем ты говоришь? Где мой груз глиттерстима?

Кореллианин сглотнул.

— Ах да, груз... Джабба, знаешь... они, похоже, устроили западню! Имперцы подкараулили меня и...

— Мой спайс у таможенников? — проревел Джабба так громко и внезапно, что Хан непроизвольно отшатнулся. — Как ты мог, Соло?

— Нет! Нет-нет, Джабба! — крикнул Хан. — Он им не достался! Честное слово, у них ничего на тебя нет, ничего! Но... чтобы таможенникам ничего не досталось, мне пришлось сбросить груз. Я записал координаты, но сразу они от меня не отвязались. А когда я вернулся за спайсом... он пропал, Джабба.

— Мой спайс пропал, — печально возвестил Джабба зловеще тихим голосом.

— Да, но... Послушай, Джабба, не волнуйся. Я заглажу вину, обещаю. Мы с Чуи все отработаем, мы выплатим тебе его стоимость, не волнуйся. Ты же знаешь, мы все сделаем. Сказать по правде, Джабба, у меня такое чувство, что все это кто- то подстроил, понимаешь? Кто еще, кроме тебя и Морута Дула, знает, что я был на Кесселе?

Джабба оставил вопрос без внимания. Часто моргая, он несколько раз затянулся из кальяна. Потом протянул руку, выхватил червяка из наполненной жидкостью сферы и отправил извивающееся существо в рот.

— Хан... Хан, мой мальчик, ты знаешь, я люблю тебя, как сына, — проговорил он медленно и недобро. — Но бизнес есть бизнес, и ты нарушил мое главное правило. Я не могу сделать для тебя исключение только потому, что хорошо к тебе отношусь. Этот груз обошелся мне в двенадцать тысяч четыреста кредитов. Верни мне спайс или деньги до истечения десяти дней — или последствий тебе не миновать.

Хан облизнул губы.

— Десять дней... но, Джабба...

Соединение резко прервалось, и Хан изможденно упал в пилотское кресло.

«Ну и что мне делать?»

Шесть дней спустя, безуспешно попытавшись вытрясти деньги из своих должников, Хан вернулся на Нар-Шаддаа. Теперь ему придется занять денег у друзей, хотя он и терпеть не мог прибегать к этому последнему средству.

Оказалось, что кто-то уже разболтал о его памятном забеге по Дуге — вероятно, какой-то имперский офицер или солдат, участвовавший в погоне. Его собратья-контрабандисты смотрели на Соло со смесью восхищения и сочувствия.

Восхищения — потому что он установил новый рекорд на Дуге Кесселя, а сочувствия — оттого что печальные новости были всем известны: Джабба крайне недоволен своим бывшим любимцем.

Шуга где-то носило, и Хану оставалось только выругаться от беспомощности. Будь он сейчас на луне, Шуг смог бы ему помочь, хотя это и нанесло бы серьезный урон его финансам.

Хан пытался наскрести хотя бы пару тысяч кредитов по старой дружбе. Но новости о произошедшем на Илизии уже растеклись повсюду, и некоторые при виде Соло просто отворачивались.

Наконец Хан отправился к Лэндо. Не хотелось ему этого делать, но другого выхода не оставалось.

Он постучал, и из-за двери донесся сонный голос:

— Кто это?

— Лэндо, это я, — назвался он, — Хан.

Послышались шаги, дверь резко распахнулась, и, прежде чем гость смог вымолвить хоть слово, с его челюстью поздоровался молниеносный кулак. Пролетев по коридору, кореллианин ударился о стену и сполз вниз.

Он потирал челюсть, пытаясь прогнать пляшущие перед глазами пятна, когда над ним навис Лэндо.

— Ты, должно быть, величайший наглец во всей Галактике, если пришел сюда после того, что устроил на Илизии! — заорал он. — Тебе повезло, что я сразу же не пристрелил тебя, подонок и лицемер!

— Лэндо... — выдавил Хан. — Клянусь, я не знал о том, что она планировала. Клянусь...

Еще бы! — усмехнулся Лэндо. — Разумеется, ты не знал!

— Пришел бы я сюда, будь я в этом виноват? — пробормотал Хан. Челюсть плохо его слушалась и, кажется, начала отекать. — Лэндо... она и меня оставила с носом. Я ничего не получил. Ничего!

— Я тебе не верю, — холодно заявил игрок. — А если бы и поверил, то только порадовался бы! Вы друг друга стоите!

— Лэндо, — произнес Хан, — я потерял груз спайса, который вез для Джаббы. Я в отчаянии. Мне нужно занять...

— Что? — Лэндо схватил Хана за грудки, вздернул на ноги и впечатал в стену, приблизив его лицо почти вплотную к своему. — Ты пришел просить меня дать в долг?

Хан с трудом кивнул.

— Я все верну... честно...

— Вколоти в свою башку, Соло, — прорычал Лэндо. — Мы были друзьями в прошлом, поэтому я не сделаю того, что ты полностью заслуживаешь, и не оторву тебе голову. Но не смей еще хоть раз приблизиться ко мне!

Повторно швырнув гостя в стену, Калриссиан отпустил его. Хан снова сполз на пол, а игрок стремительными шагами скрылся в квартире. Дверь с грохотом закрылась, и кореллиа- нин услышал щелчок замка.

Медленно и мучительно Хан поднялся на ноги. Челюсть дрожала, и он чувствовал привкус крови.

«Значит, вот оно как, — подумал он, таращась на закрытую дверь. — И что теперь?»

— Мы ведь уже не выберемся?

Брия Тарен не стала отвечать на едва слышный вопрос. Укрывшись за грудой камней, она вынула из бластера израсходованную энергообойму. Вернее, попыталась это сделать. Обойму заклинило. Осмотрев оружие, она обнаружила, что из-за непрерывной стрельбы крепление расплавилось и вынуть пустую ячейку уже невозможно.

Она вполголоса выругалась и подползла к телу, лежавшему неподалеку. Черты Джейса Паола застыли в злом, сосредоточенном напряжении. Смерть настигла его в бою, как он и мечтал. Она начала вытаскивать его оружие из-под тела, но быстро поняла, что оно тоже оплавлено и, следовательно, бесполезно.

Оглядев жалкие остатки эскадрильи Красной руки, Брия крикнула:

— Кто-нибудь, прикройте меня. Я поищу себе оружие.

Джоаа'н подняла вверх большой палец:

— Слушаюсь, коммандер. Здесь пока тихо.

— Отлично.

Отбросив ненужный бластер, командир повстанцев осторожно высунулась из-за гряды и незаметно скользнула в сторону. Она не рискнула подняться на ноги, не зная, выдержит ли ее раненое бедро. Вместо этого она на четвереньках проползла в пробитую дыру в стене полуразрушенного имперского центра связи, где они держали последнюю линию обороны.

В нескольких метрах от нее лежал имперский солдат. В нагрудной пластине его брони еще дымилась дыра.

Брия подползла и сняла с него оружие и запасные обоймы,

мельком заметив, что солдат успел израсходовать все гранаты, прежде чем погибнуть. «Жаль... Пара гранат мне бы не повредила...»

У Брии возникла мысль забрать его нательную броню, но зачем? Ведь солдата эти доспехи не спасли...

Здесь, за разрушенными стенами имперского центра связи, на закрытой планете Топрава, слышно было лучше. И дышалось легче. Гарь битвы уносил прохладный ночной бриз. Укрывшись за упавшим блоком пермакрита, Брия рискнула на секунду снять шлем и вытереть измазанное лицо. Она с удовольствием вдохнула легкий ветер, овевавший влажные волосы. Девушка не чувствовала такого ветра с тех пор, как была на Тогории...

«Где ты, Хан? — в который раз подумала она. — Что сейчас поделываешь?»

Узнает ли он когда-нибудь, что с ней станет? Важно ли это для него? Может быть, он до сих пор ее ненавидит. Она надеялась, что нет, но не могла знать наверняка...

Брия вспомнила тот день на Илизии. Если бы все сложилось иначе... Но будь у нее возможность все повторить, поступила бы она по-другому? Она с грустью улыбнулась. Вероятно, нет... Собранные деньги пошли впрок и напрямую привели к тому, что ей доверили это задание. Торбул и другие вожаки повстанцев выслали разведотряд на Ралтиир и обнаружили, что Империя передает важнейшие планы своего нового секретного оружия в инфоцентр на Топраве.

Торбул был откровенен с ней, обсуждая это задание, и дал понять, что возвращения им никто не гарантирует.

Брия знала, на что идет, но вызвалась добровольно. Для этой работы нужны были лучшие, и она не сомневалась, что ее отряд справится.

И они справились...

Это был крупнейший рейд сопротивления против Империи за все время его существования. Тщательно скоординированное нападение, направленное на перехват планов новейшего стратегического оружия. Брия не знала всех подробностей, но ей было поручено захватить имперский центр связи на Топраве и удерживать его, пока техники-связисты будут передавать украденные планы на курьерский корабль повстанцев — кореллианский корвет, который «случайно» окажется в этой закрытой звездной системе.

Когда Торбул сообщил Брии, что Альянсу требуются добровольцы, чтобы сопроводить разведчиков на Топраву и сдерживать имперцев, пока связисты будут выполнять свою работу, Брия согласилась без раздумий.

— Красная рука возьмется за это, — заявила она. — Мы все сделаем.

Она окинула взглядом место побоища, неясно освещенное уличными огнями. Тела, перевернутые машины, сломанные спидеры... Здесь повсюду царил беспорядок.

Брия вспомнила об Илизии. Тот хаос был еще более грандиозным... И она гордилась, что приложила к нему руку. Поглядев в небо, она подумала о «Возмездии». Они потеряли с ним контакт, и Брия опасалась худшего.

«Пора возвращаться к работе», — решила она и поползла обратно к разрушенному центру связи.

Позади послышался глубокий гул тяжелых репульсорных машин. Брия выглянула из-за стены. Над пермакритом разгромленной площадки парил массивный четырехугольный объект, тускло отсвечивающий броней. Имперский тяжелый броненосец типа «Летающая Крепость» сел за останками коммуникационно-сенсорной башни, готовясь к очередной атаке на эскадрилью Красной руки... или то, что от нее осталось.

Брия быстро переползла обратно, чтобы сообщить об этом своим солдатам.

— Слушайте, бойцы, — объявила она единицам выживших, укрывшимся за баррикадой. Она начала раздавать энергообоймы, распределяя их поровну. — Враг наступает. Мы должны глядеть в оба и сдерживать их как можно дольше.

Не говоря ни слова, они кивнули и приготовились обороняться. Брия гордилась ими. Профессионалы. Преданные делу профессионалы.

На этот раз все кончится быстро, подумала она, выбирая позицию за баррикадой.

— Отряд... — вслух спросила она, — у всех есть «снотворное»?

Послышались приглушенные подтверждения. Брия проверила свое собственное: крошечная пилюля была прикреплена к воротнику формы. Нужно было просто повернуть голову и достать ее языком. Никогда не знаешь, будут ли у тебя действовать руки.

«Давайте же, — мысленно позвала она имперцев. — Невежливо томить нас в ожидании».

Имперцам было неведомо, что они опоздали. Красной руке удалось сдержать напор их войск на внешнем периметре, пока связисты передавали планы на курьерское судно. Они едва успели — имперцы разрезали передающую башню надвое через несколько секунд после окончания сеанса связи, но Брия собственными глазами видела подтверждение с «Тантива-4»: «Передача завершена».

Прежде чем датчики были отрезаны, Брия успела заметить изображение имперского звездного разрушителя, который нагонял блокадопрорыватель повстанцев. Успел ли курьер уйти? Узнать ей было не дано...

Брия задумалась о том, что именно содержалось в передаче, но и это останется для нее тайной за семью печатями. Она и ее люди и так знали слишком много, поэтому просто не могли сдаться живыми.

«Едва ли имперцы будут брать сегодня пленных», — подумалось ей.

Девушка наклонилась проверить повязку на бедре, и солдат рядом с ней повторил тот же тихий вопрос, на который она отказалась ответить раньше:

— Мы отсюда уже не выберемся... да?

Брия всмотрелась в его бледное лицо под побитым шлемом, округленные глаза. Ск'кот был хорошим солдатом, преданным ей, преданным делу. Но он был так молод...

И все же он заслуживал прямого ответа.

— Нет, мы не выберемся, Ск'кот, — ответила Брия. — И ты это знаешь. Имперцы сбили наши корабли. Возврата нет. Даже не будь у нас приказа удерживать центр до последнего, нам некуда отсюда деться. Даже если мы прорвемся — у нас нет транспорта. — Она криво улыбнулась и кивнула на раненую ногу. — Я бы выглядела очень глупо, если бы поскакала отсюда на одной ноге, не правда ли?

Он кивнул, и его лицо мучительно исказилось.

Она пристально посмотрела на юнца.

— Ск'кот... нам нельзя сдаваться в плен. Ты ведь это понимаешь?

Он снова кивнул, потом достал свое «снотворное» и прикрепил к воротнику, как это сделала Брия.

— Да, командир. Я понимаю.

Голос его дрожал, но руки держали карабин уверенно.

Он наклонился к ней, не желая, чтобы услышали другие.

— Коммандер, я... Я не хочу умирать.

Признание, казалось, лишило его сил, и он затрясся.

— Помоги мне с повязкой, Ск'кот, — попросила она. — Затяни покрепче. — Пока солдат затягивал на ране повязку, его движениям вернулась уверенность.

— Еще крепче! — велела она, и он со всей силы натянул бинты. Вспышка боли пронзила девушку, несмотря на принятое обезболивающее, которое позволяло ей переносить ранение.

— Вот теперь порядок.

Юноша опустился рядом с ней. Брия обняла его за плечи, как

младшего брата, и наклонилась к нему:

— Я тоже не хочу умирать, Ск'кот. Но я не могу допустить, чтобы Империя победила. Я не хочу, чтобы хороших людей убивали, или забирали в рабство, или душили налогами, не давая возможности прокормить семью и вести достойную жизнь. Не хочу, чтобы над ними издевался какой-нибудь имперский мофф, вставший утром не с той ноги.

Последней фразе Ск'кот улыбнулся.

— Не беда, что мы не выберемся отсюда, верно, Ск'кот? Мы погибнем, выполняя нашу работу, потому что они... — она качнула головой в сторону погибших товарищей, — выполнили свою. Мы не можем их подвести, верно?

— Верно, командир, — подтвердил солдат.

Брия крепко обняла его, грустно улыбаясь, и он ответил тем же. Его перестало трясти.

В этот момент Джоаа'н, ведущая наблюдение, крикнула:

— Идут!

Брия сдвинулась в сторону, подталкивая Ск'кота к его позиции. Быстро заглянув в просвет между камней, она отдала необходимые приказы.

— Джоаа'н, сиди тихо и держи ракетницу наготове. Когда они нас засекут, попробуй высунуться и подбить эту «Летающую Крепость». Ясно?

— Слушаюсь, коммандер!

После того как начнется пальба, не забывайте перемещаться, иначе они вас вычислят. Все готовы?

Хор утвердительных возгласов. Брия взяла позаимствованный карабин и проверила заряд. Вставив обойму, подумала: «Прощай, Хан...»

В проеме стены что-то мелькнуло. Брия сделала глубокий вдох.

— Огонь!

«Ну и дыра этот Татуин! — подумал Соло, пробираясь вместе с Чуи по темным ночным переулкам. — Джейлус Небл был прав...»

Контрабандисты заявились сюда всего несколько часов назад. Хан решил, что единственный способ уговорить Джаббу продлить выплату долга — поболтать с ним лично. Но положение его было не слишком многообещающим. Пока что ему не удалось связаться с Джаббой и попросить аудиенции. На посадочном причале номер 94, где он посадил «Сокол», ему повстречался родианец Гридо. Этот оболтус пытался вытрясти с Хана деньги, заявив, что Джабба

назначил за кореллианина награду.

Словно в ответ на мысли напарника, Чубакка негромко заметил, что на улицах ходят слухи, будто этот Гридо водится с бывшим охотником за головами, неким Свиномордом Гоа.

Соло фыркнул.

— Чуи, ты знаешь не хуже меня, что, наняв этого болвана, Джабба просто дает нам ненавязчивый намек. Если бы он действительно желал моей смерти, то нашел бы кого-то более пригодного для этой работы. Гридо свои уши сам не отыщет.

Чубакка фыркнул. Он также был невысокого мнения о родианце.

У Хана осталось немного денег, и он решил попробовать себя в местных азартных играх. Может быть, ему удастся выиграть достаточно, чтобы заплатить часть долга и на время успокоить Джаббу, а потом как-нибудь наскрести остальное...

Они вошли в «Логово крайт-дракона» и остановились, оглядываясь по сторонам. В углу, по всей вероятности, вовсю шла партия в сабакк.

Подойдя ближе, кореллианин внимательнее пригляделся к одному из игроков, худощавому рыжеволосому человеку с правильными чертами лица.

— Здорово! — воскликнул Хан. — Мир тесен! Как жизнь, Дэш?

Дэш Рендар поднял глаза и настороженно улыбнулся кореллианину.

— Привет, Соло! Здравствуй, Чубакка! Давно не виделись. Что там приключилось с вами, прохвостами, на Илизии?

Хан застонал в голос. Дэш Рендар кивнул на пустые стулья, и контрабандисты сели.

— Я в игре, господа, — объявил Соло, выгребая горсть кредитов. — Чуи, будешь играть?

Вуки покачал головой и направился к бару за напитками. Хан воззрился на Рендара.

— Дэш, как ты узнал о рейде на Илизию?

После такого обращения, какое он встретил на Нар-Шаддаа, приятно было найти хоть кого-то, кто не чурался с ним разговаривать.

— Неделю назад я пересекся с Зином Эфитом и Катей М'Беле, и они мне рассказали, — поведал Рендар, раздавая карты. — Говорят, те повстанцы, что были при них, обошлись с ними честно, но те, что с тобой, всех надули. Это правда?

Хан кивнул.

— Сущая. Они надули и меня тоже, а мне никто не верит. — Он поморщился. — Но я не лгу. Джабба готов объявить заказ на

мою голову из-за того, что я не могу выплатить долг.

Рендар пожал плечами.

— Да, не повезло, — хмыкнул он. — Что до меня, то я дал зарок никогда не впутываться в дела этих повстанцев.

— Я все время следовал этому принципу, — пробурчал Хан. — Но предложение казалось таким заманчивым...

— Да, Катя и Эфит были весьма довольны. Они теперь швыряются деньгами, как сеном для банты, — поделился Рендар.

Игра длилась всего несколько минут, а Хан уже проигрывал. Тут он почувствовал, как кто-то дергает его за рукав. Кореллианин опустил голову и увидел стоящую рядом маленькую чадра-фэнку.

— Что?

Она что-то пропищала ему, и Хан нахмурился. Он не был силен в ее языке.

— Кабе говорит — кто-то снаружи хочет тебя видеть, — перевел Рендар.

«Джабба! Джабба наконец-то получил мою весточку, — обрадовался контрабандист. — Он прислал кого-то за мной. Мне нужно покумекать с ним и все уладить...»

Хан бросил карты и встал, сделав знак Чуи оставить напитки.

— Ладно, играйте без меня. Может, я позже вернусь.

Положив руку на рукоять бластера, Хан вместе с вуки вышел за проводницей через боковую дверь в переулок. Они постояли там секунду, оглядываясь по сторонам, но никого не увидели.

Внезапно Чубакка развернулся и издал громкий рык.

«Это ловушка!» — в тот же миг понял капитан.

Он схватился за бластер, но, прежде чем смог его вытащить, услышал хорошо знакомый голос:

— Тихо, Соло. Брось оружие. И скажи своему другу: если шевельнется, вы оба покойники. Мне не помешает лишний скальп вуки в коллекции.

— Чуи! — резко произнес Хан. — Не двигайся! — Он медленно вынул бластер и бросил в пыль.

— Повернитесь оба. Медленно.

Кореллианин и вуки подчинились.

В тускло освещенном переулке стоял Боба Фетт. Хан не сомневался, что ему не жить. Джабба наконец-то решил нанять настоящего охотника, дабы удостовериться, что работа не будет сделана через пень-колоду. Контрабандист напрягся, но выстрела не последовало. Вместо этого до его слуха донесся искусственно отфильтрованный голос:

— Расслабься, Соло. Я не на работе.

Хан расслабляться не стал, но с изумлением углядел, что

Фетт бросает Кабе кредит. Коротышка прыгнула вперед, схватила его и с радостным щебетом скрылась в темноте.

— Ты не на работе? — повторил Хан. Чубакка был удивлен не меньше напарника.

— Джабба сказал Гридо, что на тебя есть заказ, — передал ему Фетт. — Использует этого дурачка, чтобы не давать тебе спокойной жизни. Как напоминание, что он ждет денег. Если бы Джабба хотел твоей смерти, сам знаешь, кого бы он нанял.

— Да, — кивнул Хан. — Ты прав. — Он помедлил. — Так зачем ты здесь?

— Дал кое-кому обещание, а я всегда держу слово.

Хан нахмурился.

— О чем ты?

— Она мертва, — пояснил Боба Фетт. — Обещал ей, что, если она умрет, сообщу об этом ее отцу, чтобы он не провел всю жизнь в ожидании. Но она так и не назвала мне его имя. И я решил сказать тебе, чтобы ты передал весть Тарену.

— Мертва? — прошептал Хан онемевшими губами. — Брия?

— Да.

Хан чувствовал себя так, словно его ударили под дых. Чубакка сочувственно взвыл и положил лохматую лапу на плечо друга. Несколько долгих секунд Хан стоял, борясь с раздирающими его эмоциями. Скорбь была сильнее. Скорбь и раскаяние...

— Мертва, — глухо повторил он. — Как ты узнал?

— У меня есть доступ к имперским инфосетям. Брия Тарен умерла полтора дня назад. Имперцы подтвердили ее личность. Ее отряд держал оборону во время какой-то операции разведки.

Хан сглотнул.

«Не говори мне, что она погибла напрасно!»

— Они достигли своей цели?

— Не знаю, — ответил безучастный голос. — Кто-то должен сказать ее отцу, Соло. Я дал ей слово... и я всегда держу его.

Хан сумрачно кивнул.

— Я все сделаю, — пообещал он. — Ренн Тарен меня знает. Это будет для него большим ударом... Он снова сглотнул, и это отозвалось в груди болью. Чуи негромко завыл.

— Хорошо, — кивнул Фетт, отступая в тень.

Мгновение спустя Хан и Чубакка остались одни. Кореллианин медленно нагнулся и подобрал бластер. На него нахлынули воспоминания о Брии...

«Думала ли ты обо мне, милая? — размышлял он. — Надеюсь, это случилось быстро и безболезненно...»

Медленно повернувшись, Хан вместе с Чубаккой вышли на

улицу. Ему нужно было найти кого-то, кто одолжит ему передатчик… Ему предстояло отправить очень важное сообщение.

ЭПИЛОГ

Следующим днем Хан шел по жарким улицам космопорта Мос-Эйсли, думая о том, что здесь не помешала бы рубашка с коротким рукавом — вместо той грязно-белой, что скрывалась под его видавшей виды черной пилотской жилеткой. За десять минут к нему успели подойти трое — каждый с предупреждением, что его ищет Гридо.

Хан кивал, в благодарность награждая децикредом каждого информатора. Хорошие связи никогда не повредят...

Ослепительный полдень был нестерпим для человеческих глаз, и Соло постоянно щурился. «Многовато здесь имперских штурмовиков», — подумал он, глядя на шагающие мимо отряды. К чему бы это?

Вид бластерных винтовок в их руках заставил его вспомнить о Фетте и прошлом вечере.

Расставшись с охотником, Хан отыскал владельца бара, который за пару кредитов разрешил кореллианину воспользоваться его передатчиком.

Тщательно подбирая слова, он записал послание для Ренна Тарена. Нелегко было это сделать.

«Сэр, это Хан Соло. Я знаю, вы меня помните. У меня для вас плохие новости. Брия мертва. Но она погибла как герой. Вы можете ею гордиться. Она не хотела, чтобы вы остались в неведении о ее судьбе, и попросила, чтобы кто-нибудь сообщил вам. Сэр, мне жаль... Я знаю, она вас любила. Хан Соло».

Хан глубоко вздохнул и мысленно сам попрощался с Брией Тарен. «Покойся с миром, Брия. Прощай, милая...»

Сегодня ему во что бы то ни стало нужно увидеться с Джаббой. И найти работу. Хоть какую...

Чуи сейчас, скорее всего, сидел в кантине Чалмуна. Чалмун приходился ему каким-то дальним родственником, как и половина Кашиика...

Хан ускорил шаг в направлении кантины. Даже в полуденный час там было шумно. Звуки джизз-ансамбля Хан услышал, едва только приблизился ко входу.

Внутри царили полумрак и относительная прохлада. Вдохнув, Хан ощутил смесь запахов алкогольных напитков с десятка разных планет. Он спустился по ступенькам, кивнул Вухеру, мрачному и страшному на лицо бармену. Вухер мотнул головой вправо, и Хан машинально посмотрел туда. Навстречу ему решительно шагал Чубакка.

Вуки был явно чем-то доволен и возбужден. Он остановил

капитана у входа и, понизив голос, заговорил с ним.

Хан изогнул шею и посмотрел мимо вуки на двоих людей.

— Чартерный рейс? — переспросил он. — Что ж, это лучше, чем ничего. Молодец, Чуи! Это они? Старик в лохмотьях джавы и парень в наряде фермера?

Чуи кивнул, отметив, что, несмотря на внешнюю безобидность, старик только что дал отпор доктору Эвазяну и Понде Бабе и применил для этого весьма необычное оружие.

Хан нахмурился, впечатленный рассказом.

— Вытащил световой меч, говоришь? Гм. Я и не знал, что они у кого-то остались. Хорошо, я с ними переговорю. Отведи их в пустую кабинку, а я присоединюсь к вам через секунду.

Пока вуки провожал потенциальных клиентов к угловому столику, Хан остановился и оглядел кантину. Ладно. Гридо пока не видно...

И он направился через шумный зал к столику, за которым его ожидали Чубакка, старик и юноша.

НАЧАЛО...